ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТ

Василий Головачев

представляет:

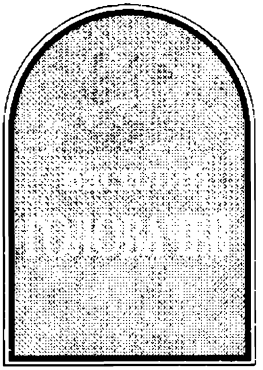
А. Азимов, Р. Брэдбери, А. Кларк, Р. Хайнлайн, Р. Шекли и др

Золотое время

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ
представляет:

Золотой Век фантастики



Роберт И. Говард
Пол Андерсон
Ли Брэкетт
Артур Порджесс
Генри Каттнер
Эрик Френк Рассел
Клиффорд Саймак
Роберт Шекли
Джон Гордон
Уильям Моррисон
Гарри Гаррисон
Джеймс Шмиц
Роберт Янг
Айзек Азимов
Ларри Нивен
Альфред Ван Вогт

Москва
«ЭКСМО»
2005

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

представляет:

Золотой Век
фантастики

Москва
«ЭКСМО»
2005

УДК 82-312.9 (082)
ББК 84 (0)-445я43
Г 61

Составитель *В. Головачев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Говард Р.И. и др.

Г61 Золотой Век фантастики: Фантастические произведения / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 864 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-10321-X

Можно без преувеличения сказать, что Роберт Шекли и Айзек Азимов, Гарри Гаррисон и Пол Андерсон, Роберт Говард и Клиффорд Саймак и еще десять великих мастеров, работы которых вошли в этот сборник, заложили фундамент современной научной фантастики. Василий Головачев, мэтр российской фантастики, который искренне считает их своими учителями, представляет лучшие произведения англо-американских авторов, созданные в прекрасную эпоху, вполне официально называемую Золотым Веком фантастики!

УДК 82-312.9(082)
ББК 84(0)-445я43

© **Перевод. И. Рошаль, Э. Гюннер, Е. Хаецкая, А. Вейцкин, Д. Горфинкель, Н. Евдокимова, И. Почигалин, О. Битов, Н. Рахманова, Г. Темкин, А. Иорданский, Ю. Виноградов, Т. Озерская, З. Бобырь, С. Бережков, И. Можейко, А. Иорданский, Н. Науменко, Р. Нудельман, Ф. Мендельсон, 2005**

ISBN 5-699-10321-X

© **Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005**

ЗОЛОТОЙ ВЕК ФАНТАСТИКИ

Это не предисловие в стандартной его форме. Это плач по Большой Фантастической Литературе. Это ностальгия по тем временам, когда люди верили, что фантасты приближают будущее. Это глас вопиющего в пустыне, внезапно осознавшего, что время и з м е н и л о с ь! Ушли классики, держатели языка, хранители культуры, их место постепенно заполняют торопыги, пишущие неряшливо, зло, агрессивно, грубо, маргинально. Из фантастики ушла присущая ей д о б р о т а и сбалансированность устремлений человека с духовностью Природы. Вот почему я и решился на этот неблагодарный труд — составить два сборника произведений тех писателей, которые когда-то поразили меня — даже не масштабом вымысла — но широтой взглядов на Мир и безудержным романтизмом!

Уже очевидно, что фантастика потеряла свое прежнее научно-популярное и прогностическое влияние. Процессы, происходящие в глобальном масштабе в нашем обществе, настолько сложны, многообразны и непредсказуемы, что любые прогнозы, в том числе научные, то ли не сбываются в силу ряда причин, то ли вообще противоречат законам социума. Из литературы научного моделирования и предвидения невиданных открытий — чем отличалась фантастическая проза середины двадцатого века — фантастика в конце двадцатого столетия превратилась в литературу предупреждения грядущих бед, катаклизмов, способных зачеркнуть завтрашний день мира, в истинно х у д о ж е с т в е н н о е явление, не уступающее по влиянию на души людей так называемой «серьезной» и классической прозе. Никакого кризиса жанра не было, прекрасные творения писателей-фантастов — романы, повести и рассказы как были штучным товаром, так и остались, отражая суть изменений общества и психологию его носителя — хомо сапиенса, человека разумного, поступающего в большинстве случаев абсолютно неразумно.

И вдруг все изменилось! Наступил двадцать первый век, и мы увидели, что писатели-фантасты перестали быть исследователями внутренних человеческих миров. Фантастика стала излишне боевой, драчливой, жестокой, меркантильной, сексуальной, призывающей не думать, а — убивать, пить кровь, издеваться над жертвами! Не потому ли столь ярко расцвел в наше время терроризм?

Еще хуже то обстоятельство, что многие произведения «маргинального склада», к примеру — «Ночной дозор» Сергея Лукьяненко или «Ночной смотрящий» Олега Дивова — написаны талантливо! Что только усугубляет ситуацию. Писатели перестали искать свежие идеи, они используют старые, либо становятся на плечи гигантов и пишут продолжения их произведений, что в наших условиях безудержного пиара и рекламы намного увеличивает тираж их произведений. Но Бог с ними. Я не об этом. Я о том, что когда за дело брался Настоящий Романтик, а их было немало в XX веке, то и получались такие блестящие вещи как «Стебелек и два листка» (В. Михайлов) или «Прелесть» (К. Саймак). А исключения, как известно, лишь о т м е н я ю т правила, вопреки расхожему «подтверждают», что лишний раз подчеркивает значение Мастеров в те времена Золотого Века, которые я хотел бы воскресить.

Произведения Мастеров-романтиков всегда очень сильно воздействовали на читателя, изменяли его мировоззрение и заставляли искать смысл жизни. Помню, меня в юности потряс рассказ Ван-Вогта «Чудовище», опубликованный в журнале «Искатель». Вся идея рассказа сводилась к мысли о том, что человечество — бессмертно. Но какими же простыми и вместе с тем впечатляющими средствами был достигнут результат: человек будет жить вечно, даже тогда, когда погибнет все человечество! Потом, конечно, были и другие рассказы, повести и романы («Эдем» С. Лема, «Хроники Амбера» Желязны), которые я смело могу порекомендовать читателям и которые достойны войти в Золотой Фонд фантастики. Однако прекрасных произведений оказалось так много, что в двухтомник не уместились ни новеллы Александра Грина, ни

многие рассказы Владимира Михайлова, Роберта Шекли, Владимира Григорьева, Айзека Азимова, Сергея Абрамова, Эрика Френка Рассела, Станислава Лема, Ильи Варшавского, Бориса Штерна, Андрея Дмитрука, Михаила Пухова... но — стоп! Перечислять можно долго, речь о другом. Та литература не умерла! Она жива и ждет читателя. Прочитайте собранные в двухтомнике произведения, и вы поймете, что я имел в виду под словом «плач».

В двадцатом веке к счастью НЕ писали все, кому не лень, и пробивались в Большую Литературу лишь те, кто впоследствии стал «живым классиком» (Иван Ефремов, братья Стругацкие, Север Гансовский, Владимир Михайлов, Евгений Войскунский и Исай Лукодьянов). О западных писателях не говорю, там ситуация была иной. Это воистину был «золотой век» фантастической литературы, особенно проявившийся с начала шестидесятых и по конец девяностых. Писали о всемогуществе науки, воспевали бодрящую силу мечты, ставили во главу угла борьбу за свободу и счастье, шутили и смеялись. Но все вместе прежде всего рассуждали о мире, о взаимоотношении человека и природы, о нас самих — таких агрессивных и таких ранимых. Я и до сих пор смотрю в будущее глазами тех писателей, которые поразили меня, встряхнули, перевернули душу, заставили мечтать, думать о будущем — и о прошлом! — и указали Путь. Уверен: фантастика подчиняет себе пространство и время прежде всего ради размышлений о в н у т р е н н е м мире человека, ради его духовного возрождения!

Чему же она учит сейчас? К чему зовет? «Напейся крови, парень, вот тебе графинчик, и все будет хорошо». Это — Добро?!

Уверен, произведения в сборниках, предлагаемых на суд современного читателя, никого не оставят равнодушным. Даже тех, кто не считает себя романтиком. Умной и доброй прозы, дорогой читатель!

Василий Головачев

Роберт И. Говард

КРЫЛЬЯ В НОЧИ

1

Ее жителей погубил не голод — поблизости буйно зеленели заброшенные рисовые чеки. До этих краев, хвала Создателю, еще не добрались работорговцы-мавры. Судя по всему, причиной гибели этого племени не была и вспышка какой-либо болезни. Многие хижины уже обвалились, на заросших травой проходах между ними в изобилии белели человеческие кости, большинство которых были погрызены дикими зверями — тут явно было чем поживиться шакалам и гиенам. Разглядывая расколотые кости и таращившиеся в небо пустыми глазницами пробитые черепа, Кейн уверился, что некоторое время назад тут кипела кровавая бойня. Должно быть, местные жители стали жертвами одной из жестоких африканских племенных войн.

Но пуританину не давал покоя вопрос: почему нападавшие пренебрегли добычей? Там и сям на земле валялись попорченные непогодой кожаные щиты, поломанные копья, с которых никто не потрудился снять железные наконечники, являвшие собой немалую ценность. На шее одного скелета с раздавленной грудной клеткой поблескивало ожерелье из стеклянных и каменных бус — ценный трофей для любого чернокожего дикаря.

Что-то не так было и с хижинами. Англичанин присмотрелся повнимательнее: так и есть, вязанные из пучков соломы крыши большинства из строений были раздерганы и разворошены. Может быть, это гигантские стервятники пытались добраться до мертвецов внутри?

И тут он увидел то, что заставило его замереть от удивления. Сразу за поваленными остатками изгороди с восточной стороны деревушки возвышался исполинский баобаб. До высоты шестидесяти футов его толстый ствол был абсолютно

Robert E. Howard. Wings in the Night. 1932
Перевод И.В. Рошаля.

гладким — вскарабкаться по нему было невозможно. И тем не менее на обломанном суку издевательски красовался скелет, кем-то явно специально помещенный туда. Мурашки пробежали по спине Кейна, почувствовавшего студеное прикосновение тайны. Каким образом эти бренные останки оказались на такой высоте? С какой целью кто-то потратил столько усилий, чтобы их туда закинуть?

Кейн недоуменно покачал головой, а его правая рука невольно легла на пояс, поближе к рукояткам черных длинноствольных пистолетов, эфесу тяжелой рапиры и кинжалу. Пуританин не ощущал того страха, который обязательно бы охватил обычного человека, столкнувшегося лицом к лицу с Безымянным Неизвестным. Годы странствий по удивительным странам, столкновения с необычными существами закалили его тело, разум и душу, придав им крепость и гибкость оружейной стали.

Высокий, поджарый, словно леопард, — и такой же опасный — мужчина был одет в темное платье пуританина. Широкие плечи, длинные и крепкие руки виртуоза-фехтовальщика, нервы-канаты, железные мускулы и бездонные прозрачные глаза — портрет не прирожденного убийцы, но фанатичного борца с малейшими проявлениями зла и несправедливости.

Лесные заросли с их острыми шипами и цепкими лианами обошлись с путешественником безжалостно. Одежда и мягкая фетровая шляпа без пера были изодраны в клочья. Сапоги из толстой кожи стоптались и прохудились. Свирепое африканское солнце опалило до черноты его грудь и плечи, но худое лицо аскета, удивлявшее неестественной бледностью, казалось, было нечувствительно к жарким лучам.

За спиной англичанина остались непролазные заросли зеленого ада, откуда он бежал, точно загнанный волк. А по его следам, отставая лишь на несколько часов пути, спешили черные людоеды, подпиливающие зубы, чтобы сподручнее было терзать человеческую плоть. До сих пор порывы ветра доносили до ушей пуританина отголоски переклички тамтамов, чей низкий рокот разносился над джунглями и саванной, опережая белого путника. В их жутковатом перестуке явственно слышались ненависть, жажда крови и неутоленный голод.

В памяти Кейна еще свежи были воспоминания о бегстве из краев крадущейся погибели. Слишком поздно он разобрался наконец, что нелегкая завела его в земли каннибалов. Вот уже третий день он бежал, не разбирая дороги, сквозь густые

джунгли, насыщенные миазмами гниения. Где ползком, где по деревьям, он пробирался вперед, путая следы, чуя на своем затылке дыхание смерти.

Накануне англичанин далеко оторвался от кровожадных дикарей, под покровом ночи далеко углубившись в саванну, и даже смог себе устроить небольшой привал. И хотя с самого рассвета пуританин не видел и не слышал своих преследователей, он не верил, что негры отказались от погони.

Еще раз настороженно оглядевшись, Соломон Кейн поудобнее перехватил посох вуду и двинулся дальше. В паре сотен футов за баобабом начиналось редколесье, затем опять плавно переходящее в саванну. Волнующееся на ветру море травы простиралось до тянувшейся с севера на юг гряды невысоких холмов, причем густая растительность порой превышала человеческий рост. Холмы постепенно переходили в предгорья, сменяемые, в свою очередь, горной цепью, охватывающей полукольцом восточный горизонт. Безжизненные голые скалы впивались острыми пиками в синее небо, и их изломанные очертания живо напомнили Кейну черные отроги Негари. Налево и направо, насколько хватал глаз, уходила зеленая лесистая равнина. Судя по всему, он вышел на колоссальное плато, с востока замкнутое горами, а с запада — саванной.

Путешественник, казалось, не ведал усталости, волчьей рысью покрывая милю за милей. Невидимые, но оттого не менее опасные каннибалы преследовали его по пятам. Кейну вовсе не улыбалось встречаться с черными дьяволами на открытой местности. Не стоило надеяться, что выстрел из пистолета отпугнет дикарей и заставит их отказаться от жестокой охоты на двуногую дичь: их примитивные мозги не воспримут выстрел как нечто опасное. Что до рукопашной, то даже такой боец, как Соломон Кейн, которого сам сэр Фрэнсис Дрейк называл «девонширским королем клинка», не смог бы в одиночку выстоять против целого племени. И тут уж ему никоим образом не помог бы волшебный посох, потому что его противниками являлись обыкновенные человеческие существа.

Солнце неутомимо совершало свой дневной путь, осталась далеко за спиной деревня с ее неразгаданной тайной смертей. На плато царила мертвая тишина. Зловещее безмолвие даже не нарушали птичьи трели, Кейну лишь раз довелось увидеть мелькнувшего в кронах безголосого ару. Единственными звуками, пожалуй, были шорох листвы на ветру да далекий перестук тамтамов. Надо сказать, сам Кейн двигался

совершенно бесшумно, ступая подобно гигантской хищной кошке.

И вдруг взгляд англичанина выхватил среди деревьев нечто, заставившее сердце колотиться чаще.

На его пути встал Ужас. Короткая перебежка, и пуританину открылось омерзительное зрелище, вынудившее даже этого видавшего виды человека содрогнуться от ужаса. Посредине большой поляны торчал столб, к которому было безжалостно прикручено то, в чем с большим трудом можно было опознать человеческое существо.

В какие только переделки не попадал Кейн за свою нелегкую жизнь. Ему довелось влачить полуголодное существование будучи прикованным к тяжелому веслу турецкой галеры, надрываться на тростниковых плантациях в арабских колониях, драться с краснокожими дьяволами Нового Света, узнать крепость бича из воловьих жил в застенках испанской инквизиции. Так что он по собственному печальному опыту знал, какими злобными демонами могут оказаться люди. Но теперь и он замер в ужасе, едва сдерживая тошноту.

Самым страшным были даже не раны сами по себе, а тот факт, что эти человеческие останки еще жили. При его приближении поднялась упавшая на истерзанную грудь изуродованная голова и из лишенного губ рта вырвался надрывный всхлип. Заслышав шаги англичанина, изуродованный негр забился в судорогах ужаса, надсадно засипел и, казалось, что-то попытался отыскать в небе пустыми глазницами. Постепенно он затих, неестественно напряженный, словно в ожидании новых мук.

— Не надо меня бояться, — обратился к несчастному на диалекте речных племен Кейн. — Я не причиню тебе зла. Я — друг!

Честно говоря, пуританин не надеялся, что его слова дойдут до изувеченного человека, однако они нашли отклик в угасающем, полубезумном рассудке негра. Тот разразился нечленораздельным безумным бормотанием, слова перемежались всхлипами и проклятиями. Он говорил на наречии, родственном языку речных племен, поэтому пуританин смог его понять. Из слов обреченного англичанин уяснил, что тот уже много лун томится у дьявольского столба, который он называл Столбом Скорби. Видимо, рассудок чернокожего не перенес ужасающих мук, выпавших на его долю, и тот сошел с ума, потому что все время твердил про каких-то злых тварей, сходящих с неба, чтобы удовлетворить свои бесчеловечные при-

хоти. Наверное, таким способом в его поврежденном мозгу запечатлелись образы племени неведомых мучителей. Их названия - - акаана --- Кейн раньше никогда не слышал.

Однако вовсе не загадочные акаана привязали бедолагу к Столбу Скорби. Израненный страдалец бессвязно бормотал про жреца Гору, затянувшего веревки, чтобы они врезались в тело (Кейн подивился, что воспоминание об этом негр пронес через все пытки). Потом, к ужасу пуританина, несчастный поведал о своем брате, помогавшем его привязывать. И вдруг негр судорожно задергался -- англичанин было решил, что это агония, — однако тот навзрыд зарыдал. Из пустых глазниц по лишенному кожи лицу текли кровавые слезы, а из изувеченного рта сыпались бессвязные слова.

Англичанин как мог осторожнее перерезал веревки, впившиеся в тело жертвы, однако изувеченный человек выл и скулил, словно подыхающая собака. Кейн отметил, что все раны были нанесены не стальными или каменными лезвиями, а, скорее, когтями или зубами. Неужели и в этом краю хозяйничали каннибалы? Наконец нелегкий труд был завершен, и пуританин уложил пленника мерзкого столба на мягкую траву, прикрыв его лицо от солнца и насекомых своей шляпой. Негр мучительно втягивал в себя воздух, из жутких ран на груди и на горле выходили кровавые пузыри. Кейн отстегнул фляжу и влил в изуродованный рот последние капли воды.

— Расскажи мне об этих дьяволах, — сказал он, присаживаясь на корточки рядом с истерзанным телом. — Клянусь Господом нашим, я покараю их за учиненное над тобой злодеяние, и им не поможет даже их хозяин - - Сатана.

Вряд ли умирающий понимал его слова. А затем случилось нечто: длиннохвостый ара, со свойственным всему попугайскому племени любопытством, вылетел из кроны ближайшего дерева и закружил над головой пуританина, громко хлопая крыльями. Трудно сказать, что услышал в этих звуках негр, но он забился на траве и страшно закричал. Этого леденящего кровь вопля пуританину уж не забыть до конца своих дней.

— Крылья! Крылья! Они летят! Не хочу!!! Оставьте меня! Крылья!

У несчастного хлынула кровь горлом, и он умер.

Кейн встал и отер со лба холодный пот. Ни одна ветка, ни один листок не шелохнулись в полуденной жаре. Словно колдов-

ское заклятье, на мир обрушилась тишина. Англичанин задумчиво смотрел на черную враждебную стену далеких гор, преграждающих путь саванне. Он не мог сказать, почему так думает, но твердо был уверен, что некогда на эти горы было наложено страшное проклятие, — он это чувствовал всей душой.

Пуританин поднял бездыханное тело, некогда исполненное силы и радости и от которого сейчас остались кожа да кости, и перенес его к ближайшим деревьям. Складывая окоченевшие руки на груди, Кейн еще раз подивился ужасным ранам. Помолившись за упокой этой некрещеной души, он завалил мертвеца крупными камнями, чтобы хотя бы после смерти несчастного не потревожили алчные шакалы.

Едва он закончил свою работу, какой-то посторонний звук перебил ход его мрачных мыслей и заставил вспомнить о собственном положении. То ли едва уловимый звук, то ли сверхъестественное чутье заставили белого человека обернуться. И в высокой траве на противоположном конце поляны Кейн углядел мерзкую черную харю — изрытая оспинами грубая кожа; человеческая кость, пронизывающая плоский нос; вывернутые толстые губы; оскаленные заостренные зубы-клыки, хорошо различимые даже на таком расстоянии; тупые злобные глаза-бусинки; низкий скошенный лоб, над которым топорщилась жесткая щетка кучерявых волос. Не успел негр раствориться в траве, Кейн стремительным прыжком уже оказался под защитой деревьев и помчался, как гончая, лавируя между стволами. Кожа на его спине напряглась в ожидании торжествующего вопля каннибалов, которые, размахивая копьями, вот-вот устремятся за ним.

Однако ничего подобного не произошло. Кейн пришел к неутешительному выводу, что людоеды, подобно некоторым хищникам, преследуют его не спеша, но неустанно, давая жертве время почувствовать весь ужас ее положения. Его лицо исказила кривая улыбка - проклятые дикари явно просчитались. Он - Соломон Кейн — никогда не побежит в панике. Когда он поймет, что не сможет спастись, то встретит чертовых людоедов лицом к лицу и постарается отправиться на тот свет с достойной свитой. Его англосаксонская доблестная натура и так протестовала при мысли о необходимости бегства от полуголых варваров, пускай и стократ превосходящих его числом.

Через некоторое время пуританин перешел на шаг. Его чуткие уши не уловили звуков погони, но обострившееся чутье подсказывало: враг кружит поблизости, выжидая удобной

минуты, чтобы напасть без всякого риска для собственной шкуры. Англичанин безрадостно хмыкнул: по крайней мере, его рапира научила каннибалов избегать прямой атаки. Если же они решат взять его измором, то убедятся, насколько уступают их мышцы железным мускулам белого человека. Пусть только придет ночь, а там, если будет угодно Господу, удастся улизнуть.

Солнце клонилось к западу, и Кейна терзал голод. Последний раз ему удалось сжевать кусочек сушеного мяса на утреннем привале, и с тех пор у него маковой росинки во рту не было. Счастье еще, что на равнине в изобилии попадались родники и его не мучила жажда. Один раз пуританину показалось, что между деревьями виднеется крыша большой хижины, но он постарался как можно дальше уйти оттуда. Трудно было поверить, что здешние места обитаемы, но англичанину вовсе не улыбалось наткнуться на кровожадных монстров акаана. Судя по несчастной жертве Столба Скорби, это племя ничем не отличалось от его преследователей.

Местность становилась все более и более пересеченной. Кейну приходилось то обходить глубокие овраги, то карабкаться по крутым склонам. Пуританин приближался к отрогам безмолвных гор.

С тех пор как он покинул поляну, он ни разу больше не увидел преследователей. Оглядываясь, он замечал лишь неясное движение, смутную тень, шевеление листвы, колыхание травы да изредка слышал треск ветки или хруст камня. Кейн недоумевал: почему людоеды так осторожны? Почему дикари так упорно скрываются, вместо того чтобы броситься на одинокую жертву и закончить дело в честном бою?

Короткие сумерки сменились ночью, на черном африканском небе высыпали мириады ярких звезд. Кейн наконец достиг предгорий и начал подниматься по склону одного из отрогов невидимых гор, глыбой мрака заслонявших звездное небо.

Первоначально именно эти горы были его целью. Англичанин не только надеялся там скрыться от преследователей, но и найти проход сквозь каменные громады, чтобы не терять времени на обход протяженного горного массива. Однако теперь он начал сомневаться, что его выбор был мудрым. Соломон всей кожей ощущал дыхание древнего зла, его наполняло необъяснимое отвращение к этим столь мирным на вид местам. Казалось, сама атмосфера предгорий пропитана присутствием некоего отвратительного бесовства.

Луны еще не было, и Кейн пробирался по каменистому склону, освещенному лишь подмигивающими звездами. Плотное марево тяжелых испарений экваториальных тропиков придавало им неприятный алый отсвет. По какой-то причине внимание Кейна привлекла необычайно густая рощица, попавшаяся на его пути. Он остановился, вслушиваясь в непонятный тихий звук, вовсе не похожий на шум ночного ветра. К тому же пуританин обратил внимание, что ни одна ветка не шевельнулась.

Соломон, напряженно вглядывающийся в темноту, краем глаза уловил метнувшуюся к нему тень. Предупрежденный бликами звезд на клинке, он вовремя успел уклониться от удара. Чья-то сильная жилистая рука вцепилась ему в горло, а в плечо впились острые зубы.

Пытаясь одной рукой разжать хватку по-звериному рычащего людоеда, второй рукой Кейн буквально чудом отбил щербатый клинок, распоровший ему рубашку на груди.

За то мгновение, пока проклятый каннибал собирался для новой атаки, пуританин успел выхватить кинжал. Его спина напряглась в ожидании удара копьем, но негры-преследователи отчего-то медлили. Сцепившись, мужчины кружили по траве, напрягая все силы, стараясь всадить нож друг в друга. Однако теперь время работало на англичанина, значительно превосходившего силой и ростом людоеда.

Ожесточенно борясь, они оказались на середине освещенной блеском звезд поляны, и Кейн смог рассмотреть своего противника: пронзенный костью плоский нос, заостренные зубы. Завывая, как злобный демон, негр норовил вцепиться зубами в горло пуританина. Содрогнувшись от омерзения, Соломон единым мощным рывком стряхнул с себя липкие руки чернокожего и отточенным движением вонзил свой кинжал прямо в грудь людоеду. Тот, испустив ужасающий вопль, забился в агонии. В воздухе разнесся резкий запах крови.

И в эту же секунду удар огромных крыльев, обрушившихся с неба, оглушил Кейна, сбив его с ног. Еще миг, и его противник исчез, завывая от боли и смертельного ужаса. Кейн вскочил на ноги и огляделся — на поляне он был один. Крик смертельно раненного каннибала затихал где-то над головой.

Пуританин до рези в глазах вглядывался в ночное небо. Ему показалось, что он различает отвратительное страшное Нечто — человеческие конечности, громадные крылья, смутный силуэт. Тварь, однако, исчезла так быстро, что он заду-

мался, не было ли это видение плодом его разыгравшегося воображения.

Однако его горло еще саднило от хватки сильных пальцев, а на плече кровоточил глубокий укус. Подобрав оброненный в самом начале схватки посох Н'Лонги, пуританин нашарил им в потоптанной траве зазубренный нож каннибала. Но окончательно убедил его в реальности происходящего окровавленный кинжал в собственных руках.

Крылья! Крылья ночи! И вдруг все произошедшее с ним за последний день выстроилось в голове пуританина в единую картину. Скелет на баобабе; развороченные соломенные крыши; изуродованный негр, раны которого были оставлены не ножом и не копьем, кричащий о крыльях! Похоже, сам того не ведая, он забрел в охотничьи угодья гигантских птиц, избравших своей добычей людей! Но если это птицы, почему они сразу не склевали того несчастного, привязанного к Столбу Скорби? Может быть, страшные акаана приручили этих крылатых бестий и заставили служить их себе, как сторожевых собак? Но в глубине души Кейн не верил, что какая бы то ни было птица может походить на ужасающую тень, заслонившую звезды.

«Что же, во имя Господа нашего, здесь происходит? — в замешательстве подумал пуританин. — И куда, в конце концов, подевались каннибалы, так долго гнавшиеся за мной? Неужели их обратила в бегство смерть одного-единственного соплеменника?» Пожав плечами, Кейн проверил свои пистолеты и тронулся дальше. Вряд ли в ночной тьме жители равнин рискнут подниматься за ним в горы.

Соломону Кейну нужно было отдохнуть и выспаться, пусть даже за ним по пятам гонятся все демоны Старого Света. Донесшийся с запада далекий рык предупредил его, что ночные хищники вышли на охоту. Сочтя, что он уже достаточно удалился от того места, где его подкараулил людоед, Кейн выбрал для ночного пристанища рощу погуще. Там он взобрался на высокое дерево с развилкой, в которой мог уместиться. Ни одному хищнику до него теперь было не допрыгнуть, а пышная крона из переплетенных ветвей надежно защищала его от любого крылатого создания. Что до змей и леопардов, с ними он встречался тысячу раз и знал, как обходиться с этими созданиями. Кроме того, Кейн всегда спал вполглаза.

Соломон Кейн заснул, но сон его был тяжелым. Пуританина терзали невразумительные кошмары, наполненные животным ужасом перед невеломыми чудовищами, пришедшими

из доисторических эпох, когда еще не было человека. Наконец бесформенные видения обрели столь ясные образы, будто все происходящее не снилось Кейну, а происходило с ним наяву.

Англичанину грезилось, что он просыпается, хватаясь за пистолет, — он так долго вел жизнь одинокого волка, что хвататься за оружие стало его естественной реакцией на внезапное пробуждение. И будто на толстой ветке перед ним материализовалось странное, едва различимое существо плоть от плоти черных теней. Существо было тощее, костистое, высокое и удивительно бесформенное. Оно настолько сливалось с темнотой, что выдавало себя лишь длинными, раскосыми, наполненными дьявольским огнем глазами. Монстр уставился на человека тяжелым и жадным, что ли? — взглядом. Его вертикальные зрачки впились в глаза пуританина, пытаясь подчинить его душу. Кейн с легкостью стряхнул бесовское наваждение, и демон отступил. Глаза его наполнились некоторой неуверенностью, и он ушел по ветке, шагая словно человек. Затем тварь распахнула гигантские кожистые серые крылья и прыгнула во тьму.

С бьющимся сердцем Соломон вскочил на ноги морок медленно рассеивался.

Окруженному густыми ветвями человеку показалось, что он находится в настоящем готическом склепе. Кейн огляделся — он был совершенно один. Конечно, это всего лишь сон... Но образ отвратительного создания оказался столь выразителен и мерзостен, что, казалось, обрел самостоятельное существование.

И вдруг Кейн учуял в ночном воздухе едва уловимую вонь, отдаленно напоминавшую тяжелый запах, присущий стервятникам. Он прислушался: дыхание ветра, шелест листьев, скрип ветвей — ничего более. Человек снова задремал, а высоко над ним в звездном небе черная тень кружила и кружила, словно кондор, терпеливо ожидающий добычи.

2

Кейн проснулся, когда солнце уже розовым светом осияло горную гряду на востоке. Спускаясь с дерева, он еще раз подивился необычайной четкости ночного кошмара. Пуританин быстро вымылся и утолил жажду у родника, а горсть лесных ягод помогла на время забыть о голоде.

Глянув в сторону гор, он зловеще прищурился. Решимость во что бы то ни стало до них добраться еще более в нем окрепла. И дело было не только в том, что они лежали на его пути, но и в том, что он всегда принимал брошенный ему вызов зла, в какой бы форме оно ни встречалось на его пути. А именно в той стороне, сомнений не оставалось, свил себе гнездо — в прямом смысле этого слова — враг рода человеческого. Пуританин расценивал само существование неведомого зла как оскорбление, нанесенное Господу, и был полон решимости на него ответить.

Недолгого сна англичанину вполне хватило, чтобы восстановить силы. Шаг его стал вновь широк и упруг. Оставив за спиной лесок, где на него снизошло откровение Божие — а в этом он не сомневался, — Кейн бодро двинулся вперед. Постепенно на его пути деревьев становилось все меньше и меньше, и вот пуританин уже достиг подножия гор.

Достаточно высоко поднявшись по каменистому склону, Соломон на мгновение остановился, чтобы обозреть оставленную за спиной равнину. С такой высоты его ястребиные глаза с легкостью смогли различить вымершую деревню — пригоршню кубиков, брошенных рукой титана на крошечную полянку, и воткнутую рядом с ними щепку гигантского баобаба.

И вдруг в небе прямо над ним мелькнул какой-то силуэт, и на Кейна, хлопая огромными крыльями, начала пикировать совершенно немыслимая тварь! Словно бы из середины ослепительного солнечного диска на него низвергалось черное, напоминающее уродливого нетопыря страшилище.

Кейн успел разглядеть развернутые огромные крылья и меж ними костистое тело с мерзкой харей — жуткой пародией на человеческий лик. Пуританин был ошеломлен таким ужасающим подтверждением истинности его ночных кошмаров: он совершенно не ожидал нападения средь бела дня охотящегося по ночам крылатого чудовища.

Однако это отнюдь не помешало ему выхватить из-за пояса тяжелый черный пистолет и твердой рукой послать меткую пулю навстречу демону. Чудище бешено забило крыльями, перекувырнулось в воздухе и бесформенной кучей рухнуло прямо к ногам Соломона.

Пуританин, сжимая дымящийся пистолет, с омерзением разглядывал труп. Дьявольское создание словно прямиком вышло из черных пучин ада, однако добрый свинец послал его обратно. Кейн изумленно покачал головой. В какие только

ужасающие места его не заносила судьба, какие только невероятные создания ему не встречались, но такую пакость он видел впервые.

Существо это сложением напоминало человека, но было не по-человечески худым и высоким, не меньше шести с половиной — семи футов. Несомненно, тварь обладала легким костяком, подобно птичьему, чтобы летать.

Удлиненная, узкая, лысая голова лишь отдаленно походила на человеческую: маленькие, заостренные, плотно прилегающие к черепу уши; раскосые желтые глаза, подернутые пеленой смерти; узкий крючковатый, как клюв ястреба, нос. Рот же более напоминал глубокую рану — искривленные в посмертной гримасе губы обнажали покрытые кровавой пеной волчьи клыки.

И все же у нагой твари было много общего с человеком. Широкие сильные плечи, жилистая шея, длинные мускулистые руки с противопоставленными большими пальцами. Однако вместо ногтей летающий демон обладал острыми кривыми когтями. Но особенно отвратительно выглядел торс летающего человека — с килеобразной грудью и тонкими гибкими ребрами. Длинные паучьи ноги заканчивались большими, цепкими, похожими на обезьяньи ступнями.

Кейн с интересом изучил спину необычного существа. Прямо из его плеч вырастали два огромных крыла. Они вовсе не походили на крылья бабочки или птицы, а казались точной копией крыльев летучей мыши — складчатая кожа с проступающими кровеносными сосудами была натянута на костный скелет. Нижний их конец крепился к узким бедрам. Их размах, как прикинул пуританин, был не меньше полутора дюжин футов.

Англичанин брезгливо поднял чудовище, подержал на весу, невольно вздрагивая от прикосновения омерзительно гладкой кожистой перепонки крыльев. Как он и ожидал, весило крылатое создание чуть меньше половины того, что весил бы человек такого роста. Отбросив подальше сраженное пулей чудовище, Кейн покачал головой. Выходит-таки, его сон был явью и это или подобное ему создание сидело рядом с ним на ветке...

Его размышления самым неожиданным образом были прерваны. Не успел пуританин ничего понять, как на его плечи обрушилась страшная тяжесть и тонкие сильные пальцы вцепились ему в горло. Соломон Кейн, умудренный опытом бродяга джунглей, совершил непростительную ошибку —

поддавшись досужему удивлению и любопытству, он потерял бдительность!

Новый монстр, обрушившийся на него с неба, терзал его спину. Кейн невероятным усилием разомкнул стальную хватку и, развернувшись, оказался к нападающему лицом к лицу. Он увидел отвратительную злобную харю, торжествующе скалившуюся меж трепещущих крыльев. Времени выхватить второй пистолет уже не было. К нему метнулись сильные руки, и пуританин ощутил, как дьявольские когти впиваются ему в грудь. Чудище забило крыльями, ноги Кейна потеряли опору, и под пуританином разверзлась пустота.

Крылатое порождение ада обвило ноги человека своими, а руками раздирало ему грудь. Истекающие слюной острые клыки клацали у самого горла пуританина, пытаясь впиться в яремную жилу. Англичанин, стиснув жилистую шею демона правой рукой, удерживал мерзкую пасть на расстоянии, отчаянно нашаривая кинжал второй рукой.

Тварь, тяжело взмахивая крыльями, медленно поднималась вверх. На мгновение глянув вниз, Соломон увидел, что они уже высоко вознеслись над кронами деревьев. Он больше не надеялся выйти из схватки в небесах живым. Даже если он убьет своего противника, то неминуемо расшибется в лепешку при падении. Однако сжигавшая его огненная ярость заставляла его — пускай и ценой собственной жизни — уничтожить врага.

Изо всех сил сжимая худую шею крылатой бестии, Кейн изловчился выхватить кинжал и вогнал его по самую рукоять в бок чудовища. Человек-нетопырь забился в конвульсиях, из его горла, стиснутого железной рукой пуританина, вырвался хриплый писк. Тварь бешено извивалась, отчаянно колотила крыльями, мотала и дергала головой, тщетно пытаясь освободиться. Раз за разом не желающий сдохнуть демон вонзал ужасные клыки в человеческую плоть, терзал мощными когтями грудь и лицо Соломона. Но израненный, обливающийся кровью Кейн, стиснув от жуткой боли зубы, с исступленным упорством истинного британца все сильнее сжимал ненавистное горло и методично погружал кинжал в тело чудовища.

И ни один из них не ведал, что далеко-далеко под ними испуганные глаза наблюдали за развернувшейся в небесах схваткой.

Тем временем воздушные потоки увлекли сцепившихся в смертельном объятии противников в сторону плоскогорья. Слабеющие крылья чудовища уже не могли выдерживать тя-

жесть двух тел, и окровавленный ком стремительно несся к земле. Но никто из них не обращал на это внимания: глаза крылатого человека застила надвигающаяся смерть, а лицо Кейна было залито кровью, клок кожи свисал со лба. Для свирепо истерзанного англичанина сейчас весь мир сжался до ослепительного багрового пятна, в которое требовалось всаживать кинжал. Снова и снова! Снова и снова!

Судорожные удары крыльев гибнущей бестии еще какое-то время удерживали их над кронами вековечных деревьев. Соломон Кейн почувствовал, что хватка когтей и оплетающих его ног ослабевает, а удары врага становятся все тише. Но и его силы тоже были на исходе. Последним усилием пуританин вонзил кинжал прямо в килеобразную грудь чудовища и со свирепой радостью ощутил, как отточенное лезвие вошло точно в черное сердце крылатого человека.

Тот забился в агонии, а затем его крылья, будто лишенные ветра паруса, бессильно обвисли. Победитель и побежденный камнем рухнули вниз. Неистовый ветер на мгновение сдул кровь с глаз пуританина, и сквозь багровый туман Кейн успел разглядеть несущиеся ему навстречу ветки. Соломон успел почувствовать, как бешено хлещут упругие прутья по его телу, раздирая в клочья одежду, и растопырить руки, чтобы хоть как-то замедлить падение. Затем ужасающий удар головой о что-то твердое – и тьма...

3

Не меньше тысячи лет Кейн мчался по огненно-черным безмолвным коридорам ночи. В непроницаемой тьме над ним демоны с дьявольским смехом вспарывали воздух огромными крыльями. Под покровом мглы он бился с армией Сатаны, как бьется загнанная в угол крыса с нетопырями-вампирами. Бесплотные рты нашептывали ему в уши чудовищные богохульства и непотребные тайны, а под его ищущими опоры ногами хрустели человеческие кости.

Пробуждение от жутких видений оказалось внезапным. Тошнотворные кривляющиеся хари перед его глазами вдруг сменились круглым симпатичным чернокожим лицом.

Оглядевшись, пуританин понял, что лежит в чистой уютной хижине. От бурлящего над очагом котелка исходили дразнящие ароматы, и Кейн понял, что ужасно проголодался. Также

он понял, что вряд ли сможет поесть без посторонней помощи. Никогда еще англичанин не чувствовал себя таким болезненным и слабым — поднятая к перевязанной голове рука тряслась, а некогда загорелая кожа на ней была серого цвета.

Над ним, разглядывая белого человека, стояли двое мужчин. Один из них был толст и улыбчив, второй высокий воин с угрюмым лицом.

— Он пришел в себя, Куроба, — сказал толстяк. Его душа вернулась в тело.

Худой кивнул и что-то крикнул, обращаясь к кому-то на улице.

— Где я нахожусь?— спросил Кейн, пытаясь приподняться. — Сколько времени я был без сознания?

Толстый негр заставил его лечь, положив ему на лоб мягкую, как у женщины, ладонь.

— В последней деревне народа богонда, — грустно сказал он. — Мы нашли тебя под деревьями на плато. Ты был жутко изранен, и никто не верил, что ты выживешь. Много дней ты пролежал без памяти, в горячке. Но теперь худшее позади... Тебе нужно поесть.

Толстяк наполнил глиняную миску из кипевшего над огнем котелка, и Соломон жадно набросился на еду.

— Смотри, Куроба, он ест, как голодный леопард, — подивился толстяк, как понял пуританин, бывший здесь кем-то вроде доктора. — И один на тысячу не выжил бы после таких ран.

— Но и один на тысячу не смог бы убить в воздухе так изранившего его акаана, — ответил хмурый воин. — Так-то, Гору.

Словно молния вспыхнула в голове у пуританина. Сперва он подумал: акаана... Конечно же, так назывались крылатые твари, а вовсе не какое-то дикое племя, как он сперва подумал! А потом...

— Гору?! — выкрикнул англичанин. — Жрец, что обрекает людей на жуткую смерть у Столба Скорби?

Кейн хотел вскочить, прикончить толстого негра, но накатившая слабость заставила его рухнуть обратно на циновки. Хижина закружилась перед его глазами, и вскоре, бессильно сжимая кулаки, он уснул.

Когда Соломон проснулся, то обнаружил сидящую рядом с ним на корточках юную чернокожую девушку. Как выяснилось, звали ее Напела и Гору поручил ей ухаживать за белым человеком. Несмотря на то что Кейн отказывался от ее помощи, девушка покормила его с ложки.

Так повторялось несколько раз. Когда же к Кейну начали возвращаться силы, он засыпал девушку расспросами. Найела, явно благоговевшая перед англичанином, отвечала робко, но на удивление рассудительно.

Была она родом из племени богонда, которым правили вождь Куроба и жрец Гору. Ни один человек из их народа до сих пор не то что не видел людей с белой кожей, но даже и не слыхал об их существовании. Суеверные дикари до сих пор его побаивались, так как считали, что обычный человек не выжил бы после таких ран.

Англичанин поразился, когда узнал, сколько дней пролежал в беспамятстве. Однако ему невероятно повезло, что он не переломал себе все кости — жуткий удар смягчили ветки, сквозь которые он пролетел, и мертвое тело акаана. Когда же Кейн спросил о Гору, Найела тут же за ним сбегала.

Толстый жрец вошел в хижину, неся все оружие пуританина.

— Кое-что мы нашли рядом с твоим телом, — заметив направление его взгляда, сказал негр. — Кое-что у тела акаана, которого ты поразил огнем и дымом из громового жезла. Я бы мог решить, что ты бог, но боги не истекают кровью и не бьются в лихорадке. Так кто же ты, белый человек?

— Ты прав, жрец, — я не бог, — ответил Кейн. — Я такой же человек, как и ты, и мы отличаемся лишь цветом кожи. Я пришел из самой лучшей и самой могучей страны, что лежит далеко-далеко за соленой водой. Зовут меня Соломон Кейн, и я безземельный скиталец. Теперь ты объясни мне, жрец, вот что. От умирающего у страшного столба человека я слышал твое имя. Но у тебя доброе лицо, и ты не похож на злодея. Так что, во имя Господа нашего, здесь происходит?

Тень набежала на лицо чернокожего.

— Отдыхай и набирайся сил, странник. Кем бы ты ни был — человеком ли, духом ли, — они тебе понадобятся. Когда я сочту, что ты достаточно окреп, поверь, ты все узнаешь о страшном проклятии, довлеющем над этим древним краем.

Еще целую неделю после этого разговора Кейн набирал вес и силы с обычной для него скоростью, безмерно удивляя богондцев. Гору и Куроба долгие часы просиживали у его ложа, неторопливо посвящая пуританина в удивительные и страшные тайны.

Племя богондцев пришло в эти горы из других мест. Шесть поколений назад их предки поселились на этом плоско-

горье и дали ему имя своей далекой родины. Там, в Старой Богонде далеко на юге, их племя жило на берегу великой реки и было достаточно сильным. Но бесконечные войны с соседями подорвали могущество племени. Когда однажды те объединились и совершили опустошительный набег на Старую Богонду, от их племени почти ничего и не осталось.

Гору поведал Соломону легенду о великом исходе. Тысячи и тысячи лиг джунглей, саванн, болот и пустынь прошли богондцы, неустанно отбивая нападения врагов, и нигде не было им пристанища. В конце концов, с тяжелыми боями пробившись через земли каннибалов, они пришли сюда, где обрели долгожданный покой. В этом пустынном месте им не угрожали набеги врагов. По крайней мере, так им тогда показалось. Но вышло так, что богондцы стали узниками этих мест, откуда ни им, ни их потомками не вырваться вовек. Злая судьба привела их в ужасную страну Акаана. Их предки слишком поздно сообразили, отчего так издевательски хохотали людоеды, не ставшие их преследовать на плато.

Племя богонда оказалось в плодородных землях, богатых водой. Тут в изобилии паслись тучные стада коз и диких свиней. Сначала люди вволю охотились на свиней, но потом, по весьма серьезным причинам, о которых Кейн узнает чуть позже, пришлось их оберегать. Зеленая саванна меж плоскогорьем и джунглями давала приют множеству буйволов и антилоп. Из хищников же здесь водились только львы, которые крайне редко забредали на плоскогорье — им вполне хватало пищи и на равнине. Однако недаром слово «богонда» переводится как «убийца львов», и через несколько лун большие кошки научились вообще избегать гор. Но вскоре, увы, предкам Гору пришлось узнать, что бояться следовало не львов...

Когда выяснилось, что воинственные каннибалы оставили их в покое и не собираются пересекать саванну, измученные долгими странствиями и многими лишениями люди выстроили две деревни — Верхнюю и Нижнюю Богонды. Так вот, Соломон Кейн находился сейчас в Верхней Богонде, а виденные им руины — все, что осталось от Нижней.

Но стоило несчастным чернокожим вздохнуть с облегчением, выяснилось, что они угодили в центр охотничьих угодий адского племени крылатых чудовищ, чьи клыки и когти были остры и безжалостны.

Поначалу люди слышали лишь шум огромных крыльев по ночам и видели диковинные силуэты, заслонявшие звезды или

пересекавшие лик луны. Затем стали пропадать дети, и, наконец, один молодой охотник не вернулся с ночной охоты в горах. А наутро безжалостно изувеченное тело упало с неба прямо в центр деревни, и от прогремевшего с небес сатанинского хохота кровь застыла в жилах перепуганных негров. И скоро богондцы полностью осознали весь ужас положения, в котором оказались.

Если поначалу крылатый народ боялся людей, отсиживался днем в пещерах и лишь по ночам выбирался на охоту, со временем проклятые твари набрались наглости.

В один ужасный день молодой воин подстрелил из лука одно такое чудовище, из поднебесья извергающее нечистоты на деревню. Но акаана уже выяснили, что плоть человеческая слаба, а главное — сладка. Предсмертный вопль твари призвал целую стаю его поганых сородичей. Они налетели на смелого стрелка и разорвали его в клочья прямо на глазах односельчан.

Испуганные люди решили покинуть львовольские края. Сотня воинов отправилась в горы, чтобы найти проход, — еще раз биться со свирепыми каннибалами племя себе позволить не могло. Но все их усилия оказались тщетны. Пути наружу не было, со всех сторон плоскогорье окружали лишь крутые скалы. Все, что удалось отыскать богондцам, так это усеянные пещерами обрывы, где гнездились отвратительные акаана.

Разразившаяся тогда битва между людьми и крылатыми демонами завершилась сокрушительным поражением чернокожих. Луки и копья негров оказались бессильны против ужасающих клыков и когтей чудовищ. Из отряда смельчаков, отправившихся на разведку, не уцелел ни один. Акаана преследовали убегающих и растерзали последнего на расстоянии полета стрелы от деревни.

Выяснив таким ужасным образом, что путь через горы им заказан, люди решили пробиваться той дорогой, по которой пришли сюда. Но на равнине им преградили путь каннибалы, и после страшной, длившейся весь день битвы жалкие остатки богондцев были вынуждены вернуться назад. Гору рассказал: пока шла кровавая бойня, в небе роились ужасные монстры. Казалось, сами небеса заливаются адским смехом – так веселились акаана, глядя, как одни человеческие существа истребляют других.

В этом сражении мощь племени была безнадежно подорвана, богондцы понесли ужасающие потери. Оставшиеся в

живых после двух сражений залечили раны и с природным фатализмом черного человека приняли неизбежное. От некогда многочисленного и могучего племени осталось не более полутора тысяч человек — и это считая женщин, стариков и детей! Несчастные создания построили хижины, стали возделывать рис и овощи, приспосабливаясь к жизни в тени смерти.

В те далекие времена народ крылатых акаана был гораздо крупнее и многочисленнее, и при желании мерзкие твари могли бы извести племя богондцев под корень. Ни один воин не смог бы выстоять в поединке один на один против акаана. С дьявольской скоростью акаана обрушивались на людей с неба, а случись им промахнуться, мощные крылья уносили их прочь от любой опасности.

Тут Кейн прервал жреца, поинтересовавшись, почему негры не убивали проклятых тварей из луков. Гору пояснил, что нужны твердая рука и меткость, чтобы в воздухе поразить летящих с огромной скоростью акаана. Кроме того, хитрые бестии держатся так высоко и обладают такой прочной кожей, что стрела, выпущенная с земли, как правило, не наносит им ни царапины.

Пуританин, вспомнив, что практически все негры были никудышными стрелками, не стал ничего возражать. Вдобавок не знавшие стали дикари изготавливали наконечники для своих стрел из острых каменных сколов и костей или, в лучшем случае, мягкого кованого железа. Он с тоской подумал о достижениях лучников и мушкетеров в битвах при Пуатье и Азенкуре. Дорого бы он дал, чтобы иметь здесь сотню английских лучников или отряд королевских мушкетеров.

Гору продолжил свой печальный рассказ, и перед пуританином начала вырисовываться отвратительная, зловещая картина. Акаана вовсе не собирались полностью уничтожать народ богонда. Основной их пищей все же были свиньи и козы, которыми изобиловали окрестности плоскогорья. Иногда они охотились на антилоп саванны, но вообще-то избегали открытых пространств и боялись львов. Не залетали, впрочем, они и в джунгли, где им было не размахнуться. Народ крылатых созданий держался отрогов и плоскогорья. Что за края лежали за горным хребтом, в Богонде никто не знал, но, судя по всему, для проклятых акаана они не представляли интереса.

Так вот, акаана позволили людям обосноваться из тех соображений, по каким люди запускают мальков в пруды и позволяют плодиться диким животным, — для собственной на-

добности. Но кроме того, что акаана были людоедами, они еще обладали патологической злобой и извращенным чувством юмора. Жуткие твари получали удовольствие, мучая и истязая людей. И потому в горах по сей день раздаются отчаянные вопли, заставляющие людей втягивать головы и обливаться холодным потом.

Уже сменилось не одно поколение, как люди научились не дразнить своих пастухов. Да и акаана довольствовались тем, что время от времени похищали ребенка-другого или нападали на застигнутых ночью за пределами деревенской изгороди людей. В хижины они не врывались, и вообще кружили высоко над деревней, не спускаясь на улицы. Богонда жила более-менее беспечно — вплоть до недавнего времени.

Толстый негр пояснил англичанину, что народ акаана вырождается и вымирает, причем довольно быстро. Он надеялся, что остатки народа богонда переживут крылатых бестий. Но, добавил Гору с обычным для чернокожих фатализмом, только для того, чтобы уцелевшие угодили в котлы нагрянувших на плоскогорье людоедов. По его подсчетам, крылатых тварей сейчас осталось никак не более полутора сотен. На недоуменный же вопрос пуританина, отчего в этом случае воинам не устроить великую охоту и не истребить крылатых дьяволов до последнего, жрец горько усмехнулся и повторил уже слышанное Кейном об их ужасающей силе и ловкости. К тому же сейчас в Верхней Богонде обитает не более четырехсот душ, и акаана для них единственная защита от кровожадных людоедов западных земель.

За последние тридцать лет племя потеряло больше народу, чем когда-либо. По мере того как число акаана уменьшалось, росла их злоба. Похищения людей становились все более частыми и наглыми, а высоко в горах, в мрачных пещерах акаана, беспрестанно шла оргия убийств и каннибализма. Гору поведал о нападениях и на охотников, и на работавших в поле женщин. Рассказал он и о том, что дующий с гор ночной ветер доносит до их ушей ужасающие крики жертв и замораживающий в жилах кровь хохот. Крылатые людоеды устраивали под звездами неописуемо омерзительные пиршества, а с мрачных небес на головы несчастных негров падали обглоданные руки и ноги и оторванные головы.

Потом грянула Великая засуха, а за ней — Великий голод. Высохли даже самые обильные ключи, погибли на корню посевы маиса и риса, маниоки и батата. Антилопы, олени и буйволы — главный источник мяса для богондцев — ушли вглубь

джунглей на поиски воды, а на плоскогорье пришли львы — голод поборол их страх перед людьми. Множество людей умерли от голода и болезней, а оставшимся в живых пришлось начать охотиться на свиней – традиционную пищу акаана. Чудовища от этого впали в форменное неистовство, потому что засуха и львы и так изрядно уменьшили поголовье хрюшек.

Наконец засуха миновала, но непоправимое уже случилось. Жалкие остатки некогда огромных стад бродили по плоскогорью, животные сделались пугливыми, и подобраться к ним стало практически невозможно. Негры съели свиней, акаана принялись поедать негров. С этих самых пор сравнительно спокойная жизнь чернокожих стала адом.

Не выдержав подобного душегубства, жители нижней деревни взбунтовались. Полторы сотни богондцев, полуобезумевших от притеснений, поднялись против своих жестоких владык. Парочка акаана, решивших поживиться оставленным без присмотра ребенком, была засыпана градом стрел из луков.

Одна из крылатых тварей была убита наповал, второй, раненной, удалось убраться восвояси. Затем люди Нижней Богонды вооружились кто чем мог и, забаррикадировавшись в хижинах, стали ожидать своей участи.

Беда обрушилась на несчастных чернокожих ночью. Поборов свой страх перед строениями, акаана налетели на деревню всей стаей. Верхнюю Богонду разбудили вопли, означавшие конец Нижней. Всю ночь охваченные ужасом люди племени Гору и Куробы протрялись в своих жалких укрытиях, вынужденные слушать леденящие кровь завывания и вопли, становившиеся все более редкими и хриплыми. Наконец стихли и они.

Голос жреца прервался. Гору замолчал, стараясь унять дрожь от бередящих душу воспоминаний и изгнать из своего сознания отголоски дьявольского пиршества.

А на рассвете жители Верхней Богонды увидели направлявшуюся в их сторону дьявольскую стаю. Акаана летели медленно, тяжко взмахивая крыльями, словно насытившиеся грифы. На фоне предрассветного неба они, словно черные демоны ада, неумолимо приближались к деревне.

— Мы уже попрощались друг с другом, – сказал Гору, – но проклятые твари только высыпали на деревню невообразимо изуродованные головы наших соплеменников.

Кейн лишь сочувственно сжал его плечо. Глубокие глаза пуританина светились ледяной решимостью сильнее, чем когда-либо прежде.

Много дней и ночей люди тряслись от страха, ожидая бесславной кончины. Наконец непрерывное ожидание смерти побудило их к жестокому решению. Богондцы стали тянуть жребий, и того, кому выпала горестная доля, привязывали к находящемуся на полпути между деревнями столбу, получившему название Столба Скорби. Запуганные негры решили, что подобную покорность акаана сочтут подобающей и жители Верхней Богонды избегнут страшной участи соплеменников.

Интересно, что этот обычай народ Гору перенял у каннибалов, некогда почитавших летающих бестий за богов и каждую луну приносивших им человеческую жертву. Однако, обнаружив случайно, что акаана можно убить, каннибалы перестали считать людей-нетопырей богами.

Тут Гору сделал паузу в своем повествовании и прочитал Кейну целую лекцию, почему ни одно смертное существо недостойно божественных почестей, как бы ни было оно злобно и могущественно. Надо сказать, что пуританин и раньше не мог взять в толк дикарских суеверий. Не уловил он особой разницы и в этот раз.

Предки Гору время от времени приносили крылатому народу жертву, чтобы задобрить его, но постоянным ритуалом это все же не стало. Лишь в последнее время, не видя другого выхода, народ богонда возвел ужасающее жертвоприношение в обычай. Акаана привыкли получать свою жертву, и каждое новолуние все молодые богондцы тянули жребий, и вытянувшие его юноша или девушка оказывались у столба.

Кейн, за свою жизнь научившийся безошибочно разбираться в людях, внимательно следил за лицом жреца. И когда Гору заговорил о вынужденных жертвах, пуританин увидел, что его боль и горе непритворны. Но сама мысль о том, что создания Божьи по доброй воле медленно, но неотвратимо исчезали в утробах адских тварей, привела его в ужас.

Выслушав историю Гору, пуританин поведал о несчастном, которого нашел, минован мертвую деревню. Жрец кивнул, и на глаза у него навернулись слезы. Не один день и не одну ночь жертва претерпевала неописуемые мучения у страшного столба, пока акаана утоляли свою демоническую жажду крови.

До сей поры ежемесячные жертвоприношения отводили гибель от верхней деревни. На плоскогорье осталось еще небольшое количество свиней, да время от времени зазевавшийся ребенок исчезал в пещерах редеющего мерзкого племени.

— Неужели каннибалы никогда не поднимаются на плоскогорье? — поинтересовался Кейн.

— Чувствуя себя хозяевами джунглей, в саванну они никогда не заходят. К тому же кровожадным дикарям до сих пор неведомы истинная сила и численность крылатых тварей, — утвердительно кивнул Гору.

— Но за мной они гнались до самого подножия гор! — удивился пуританин.

— Людоед был один-одинешенек, — покачал головой толстый негр. — Наши воины прошли по его следам почти до самых джунглей. Должно быть, этот безумный смельчак превозмог в охотничьем азарте страх перед ужасным плоскогорьем.

Избегавший божбы пуританин лишь скрипнул зубами. Невыносимым стыдом обожгла его мысль, что он — Соломон Кейн — сломя голову убегал от одного-единственного преследователя! Неудивительно, что тот крался так осторожно и напал лишь с наступлением темноты, да и то из засады.

— Почему же акаана схватили тогда не меня, а людоеда? И почему на меня не напали ночью, когда я спал в развилке? — вслух подумал Кейн.

— Людоед был ранен, а эти твари, подобно гиенам, со всех сторон собираются на запах крови. Однако они очень осторожны. Досле им не встречалось ни одно человеческое существо, не побежавшее от них в ужасе. Видимо, акаана решили понаблюдать за тобой и застать врасплох на открытом месте, где ветки деревьев не смогут помешать их крыльям.

— Жрец, что же это за твари и откуда, во имя Господа нашего, они взялись? — спросил Кейн.

Гору пожал плечами. Его предки застали акаана здесь и до того ничего о них не слышали. Если же знали людоеды, то, по вполне понятным причинам, делиться этими сведениями с богондцами они не стали. Все, что его люди выяснили к настоящему времени, это то, что акаана жили в пещерах, нагие, как звери, не знали огня и ремесел, ели сырое мясо. Однако крылатые твари обладали чем-то вроде языка и признавали власть какого-то своего вождя.

— По счастью, — добавил он, — большая часть злобных демонов погибла во времена Великого голода — тогда у них сильный пожирал слабейшего. Однако уцелевшие стали быстро вымирать — уже несколько лет мы не замечали среди людей-нетопырей ни самок, ни молодых особей. Очевидно, что люди-нетопыри скоро исчезнут, впрочем, народ Богонды

переживет их не надолго... — печально закончил толстый жрец.

Пуританин вдруг поразился одному давнему воспоминанию. Много лет тому назад, когда он только познакомился с Н'Лонгой, тот как-то рассказал ему легенду, которую Кейн счел очевидным вымыслом. Так вот, старый колдун тогда говорил, что в незапамятные времена над их страной пронеслась целая туча крылатых демонов. Они летели не один час, и от множества их крыльев великая тьма пала на землю. Ужасные существа пришли откуда-то с севера и исчезли на юге. И лишь воля неназываемого Черного бога не дала им опуститься.

Жрецам вуду было известно, что на заре рода человеческого великое множество подобных тварей обитало на берегу бескрайнего соленого озера, лежащего далеко к северу от Западного Побережья. Н'Лонга говорил Кейну, что это было еще в те времена, когда Черным Континентом правили звероподобные боги.

Так вот, некий великий вождь прогневался на чудовищ и повел свое могучее племя на них войной. Его подданные перебили из луков и пращей великое множество злобных бестий, вынудив оставшихся сорваться с насиженных мест и бежать от гнева вождя — Н'Ясунна было его имя — на юг. Кроме того, этот величайший из воителей древности приплыл на огромном каноэ, в котором одновременно гребла веслами сотня воинов, отчего этот челн мчался по водам быстрее стрелы.

Кейн вздрогнул от ледяного прикосновения Истины, перед которой оказывались бессильны само Время и Пространство и которой не было ни малейшего дела до человеческих веры или безверия. Пуританин понял, что еще одна старая зловещая легенда оказалась доподлинной. Чем могло быть это большое соленое озеро, как не Средиземным морем, и кем был великий воитель Н'Ясунна, как не предводителем аргонавтов Ясоном, одолевшим гарпий и прогнавшим их не только к архипелагу Строфады, но и в Африку?

Старое языческое предание самым невероятным образом подтвердилось, думал пуританин. Его разум был смущен нахлынувшими догадками. Если миф о гарпиях оказался чистой правдой, то не могли ли оказаться такой же правдой и многие другие истории? Например, легенды о Гидре, кентаврах, Химере, Медузе, Пане и сатирах? Может быть, правдивы все старинные легенды, повествующие о кошмарных злых существах с клыками, когтями, рогами и крыльями? Неужели прав был Н'Лонга, убеждавший пуританина в существовании древних

звериных богов? О, Африка, Африка, Черный Континент, край теней и страхов, последнее прибежище порождений мрака, изгнанных с севера великими героями древности!

Кейн очнулся от размышлений. Толстый Гору робко и осторожно потрогал его за рукав.

— Ты великий воин, Соломон, - сказал негр. Избавь нас от акаана! Если ты и не бог, то силой равен богу! Мои люди принесли твой посох. Я не смею ступать на темные пути вуду, но моих знаний вполне достаточно, чтобы увидеть мощь этого талисмана, служившего скипетром великих императоров и жезлом могущественнейших жрецов.

Белый воин, ты повелеваешь волшебными громовыми посохами, что посылают смерть с дымом и огнем. Найела видела, как ты убил двух акаана, причем одного из них в воздухе. Ты станешь нашим повелителем... богом... кем только пожелаешь! Уже миновал месяц, как ты в Богонде. Пришло время жертвы, но у проклятого столба никого нет. Акаана остерегаются летать над деревней. Мы сбросили ярмо скотской покорности, понадеявшись на твою защиту!

Пуританин, до глубины души пораженный невероятной просьбой, прижал руки к груди.

— Жрец, ты сам не понимаешь, чего требуешь! - воскликнул он. — Видит Бог, сердце мое полно решимости избавить от древнего зла эти края, но я не всемогущ. Я могу из пистолетов, которые ты называешь волшебными жезлами, убить нескольких чудовищ, но пороху у меня почти не осталось. Будь у меня приличное количество пороха и мушкет, охота удалась бы на славу, но мушкет я утратил, сражаясь с ходячими мертвецами-мангрудами в Городе Безмолвия. И даже если нам удастся избавиться от летающих людоедов, что мы будем делать с двуногими?

— Мы верим, ты сможешь нам помочь! Эти твари тебя боятся! — крикнул незаметно подошедший к собеседникам Куроба.

Вместе с ним появились красавица Найела и ее возлюбленный юноша Лога, которому на этот раз выпал страшный жребий. Они умоляюще смотрели на Соломона. В устремленных на него взглядах людей было столько веры и надежды, что ни один истинный британец не смог бы ответить отказом этим несчастным. Помочь попавшим в беду людям для пуританина было делом чести. Кейн оперся волевым подбородком на кулак и тяжело вздохнул:

— Хорошо. Если вы считаете, что я могу послужить живым щитом, охраняющим ваш народ, я до конца дней моих останусь в Богонде.

Неделя проходила за неделей, но Кейн так и не смог приспособиться к жизни в убогой африканской деревушке. И дело было вовсе не в людях: богондцы оказались на удивление добрым и душевным народом. Их природное жизнелюбие было подавлено долгой жизнью под сенью страха, но теперь, с приходом великого воина (которым они полагали Соломона), они зажили новыми надеждами.

Сердце англичанина щемило от того непритворного почтения и уважения, которые к нему проявляли местные жители. Негры распевали песни о его подвигах, работая в поле, с его именем танцевали вокруг костров, провожали его взглядами, полными восхищения и обожания. Пуританина же мучило острое чувство собственной бесполезности и беспомощности. Он прекрасно понимал, что окажется плохой защитой, когда — и это был лишь вопрос времени — крылатые монстры обрушатся на селение с небес.

И тем не менее пока он не мог ничего изменить. Во сне англичанин видел белых чаек, кружащих в синем-синем небе, высоко над склонами такого далекого Девоншира. Когда же он просыпался, зов джунглей разрывал ему сердце — с такой силой его манили неизведанные земли. Но он оставался в Богонде, не переставая ломать голову, нащупывая надежный план истребления людей-нетопырей. Часами он просиживал, опершись на посох вуду, надеясь, что, быть может, черная магия придет на помощь бессильному разуму белого человека. Но и бесценный дар Н'Лонги ничем ему не помог.

Лишь однажды Кейну удалось вызвать старого колдуна, находящегося сейчас за многие сотни лиг от него. Но Н'Лонга объяснил, что посох может помочь пуританину только в том случае, когда его противниками окажутся сверхъестественные силы. А гарпии-акаана отнюдь такими не являлись.

Пуританин перебирал в уме все известные ему охотничьи премудрости, но как, скажите на милость, можно было поймать в ловушку дьявольски хитрых крылатых существ?

Рык львов служил своеобразным аккомпанементом его мрачным мыслям. На плоскогорье осталось так мало людей, что здесь стремительно возрастало поголовье хищников, не бо-

явшихся ничего, кроме копий охотников. Кейн криво ухмыльнулся. Причиной его неприятностей были вовсе не львы — их-то можно было выследить и истребить поодиночке...

На некотором отдалении от остальных построек возвышалась большая хижина Гору, в которой некогда собирался совет племени. Кейн подумывал даже об использовании колдовских фетишей, но жрец, безрадостно махнув рукой, объяснил, что, хотя мощь сосредоточенного в них волшебства и велика, они могут успешно противостоять лишь злым духам. Против крылатых, равно как и двуногих, тварей из плоти и крови фетиши были бессильны.

4

Ужасные вопли вырвали Кейна из изматывающего сна, наполненного гнетущими сновидениями. Сперва он не мог понять, сон это или явь, но ни один сон не может оказаться страшнее, чем жизнь. Прямо за дверями его хижины страшной смертью гибли люди. Пуританин всегда спал с оружием под подушкой, поэтому он не терял времени на сборы. Натянув сапоги и накинув камзол, он в одно мгновение оказался на улице.

Тут же кто-то припал к его ногам, обхватил их и забормотал. В неверном свете звезд пуританин с трудом распознал в чернокожем молодого Логу — лицо юноши было обезображено до неузнаваемости. Не успел Кейн ничего сказать, как тело несчастного обмякло и Лога испустил дух.

Ночь была наполнена какофонией звуков, со всех сторон доносились пронзительные крики боли, вопли ужаса и бесчеловечный сатанинский хохот монстров акаана. Англичанин высвободился из хватки мертвых рук и побежал на свет меркнущего костра на центральной площади деревни. Было новолуние, и под покровом ночи он мог различить лишь мельтешащие в воздухе гигантские тени; перепончатые крылья людей-нетопырей заслоняли звезды.

Кейн выхватил из костра горящую головню и закинул ее на крышу ближайшей хижины. Сухая солома моментально занялась, и взметнувшийся столб пламени высветил разразившийся на улицах Богонды ад. От такого кошмарного зрелища пуританин застыл в ужасе: крылатые душегубы носились над улицами, десятками пикируя на головы ничего не соображаю-

щих от страха людей, разметывали крыши, чтобы добраться до тех, кто тщился найти спасение в хлипких строениях.

Разразившись потоком черной брани, англичанин согнал с себя оцепенение и выхватил пистолет. Он навел длинный ствол на метнувшуюся к нему с оскаленной пастью и горящими адским пламенем глазами гарпию и нажал на курок. Голова образины, точно перезрелый гранат, взорвалась облаком кровавых брызг. Мертвый акаана рухнул прямо в костер, и воздух наполнился запахом паленой плоти.

Испустив дикий вопль, пуританин ринулся в бой. В его крови вспыхнул огонь всепожирающей ярости предков — язычников-саксов. Внитавшие с молоком матери безропотность и покорность негры, привыкшие к столетиям унижения и страха, уже были неспособны к организованному отпору. Они десятками, словно овцы на бойне, гибли от ужасающих клыков и когтей, и лишь немногие, обезумевшие от ненависти, пытались сопротивляться. Но луки ночью оказались бесполезны, а дьявольское проворство чудовищ помогало им уворачиваться от копий и топоров. Взлетая вверх, акаана избегали удара, а потом пикировали, валили жертву на землю и вспарывали ей живот длинными острыми когтями.

В пылу сражения Соломон не сразу увидел Куробу — вождь, прижавшись спиной к стене хижины, отбивался он наседающих на него чудовищ. Под ногами его уже лежал труп акаана, оказавшегося недостаточно проворным. Здоровенным двуручным топором высокий негр отмахивался не менее чем от полудюжины гарпий. Англичанин метнулся ему на помощь, но его заставил остановиться тихий жалобный стон.

Буквально в дюжине футов от пуританина, на траве, под тушей здоровенного акаана, извивалась окровавленная Найела. Гаснущий молящий взгляд девушки встретился со взглядом Соломона Кейна. Выругавшись, англичанин, выпалил из второго пистолета. Судорожно забив в пыли крыльями, мерзкое создание откатилось от девушки.

Одним прыжком Кейн подскочил к Найеле и присел на корточки рядом с ней, но было уже слишком поздно... Бедняжка поцеловала руку, поддерживающую ее голову, и глаза ее закрылись навсегда.

Пуританин бережно уложил тело на землю и поискал взглядом Куробу, но увидел лишь кровавое месиво под ногами гнусных бестий. Свет померк в глазах пуританина. Издав ужасающий вопль, на мгновение перекрывший шум резни, он,

сжимая одной рукой рапиру, а другой кинжал, ринулся в бой. Невероятно быстрым движением он вспорол кинжалом жесткое брюхо ближайшего к нему акаана, а горло другого пронзил рапирой. Оставив за спиной извивающихся и вопящих чудовищ, обезумевший человек устремился на поиски новых врагов.

Повсюду вокруг Соломона в муках умирали жители Богонды. Завывающие и улюлюкающие демоны, словно ястребы за куропатками, гонялись за мечущимися в панике чернокожими. Многие богондцы пытались найти убежище в хижинах, но монстры срывали крыши или выламывали двери. К счастью, Кейну не довелось увидеть происходившее внутри.

Низвергнутый в пучины отчаяния, англичанин был уверен, что именно он стал виновником трагедии. Поверив в сопричастность белого человека к их божествам, богондцы перестали ублажать своих палачей ежемесячными жертвами и теперь несли за это кару. Именно он, Соломон Кейн, виноват в том, что не смог их уберечь. Самым страшным испытанием для пуританина были полные муки глаза негров. В глазах этих не было злобы или гнева, только боль и немой укор — он был их пастырем, но не сумел защитить свою паству.

Не разбирая пути, словно ангел смерти, несся англичанин по улицам, раздавая гибельные удары направо и налево. Монстры, завидев белокожего убийцу, бросали свои покорные жертвы и пытались ускользнуть. Но обожравшимся человеческой плоти демонам скрыться от ярости пуританина было нелегко.

Сквозь застилавшую его глаза багровую пелену (и ее причиной был не пожар, охвативший деревню) Кейн разглядел, как гарпия, схватив обнаженную женщину, повалила ее на землю, впившись в горло волчьими клыками. Англичанин сделал выпад, и раненая тварь, бросив захлебывающуюся кровью негритянку, взмыла вверх. Но не тут-то было! Пуританин, завывая как дьявол, отбросил рапиру, совершил безумный прыжок, обхватил руками и ногами тело акаана и впился зубами ему в глотку.

Кейн снова сражался в воздухе, но на сей раз он был хозяином положения. Суеверный страх сковал недалекий умишко гарпии. Дьявольское создание даже не пыталось использовать свои клыки и когти, а лишь отчаянно силилось вырваться из стальной хватки врага, рвавшего ей зубами глотку. Оно дико верещало и взбивало воздух крыльями до тех пор, пока Кейн не опомнился настолько, чтобы использовать вместо зубов кинжал. Стальное острие нашло гнусное сердце, и гарпия рухнула вниз.

По счастью, они угодили на соломенную крышу, смягчившую падение. Соломон и мертвое чудище пробили ее и упали на извивающиеся тела. Отблески пожара попадали в хижину через выломанную дверь, и в их красноватом свете англичанин увидел окровавленные клыки в разверстой пасти акаана, пожиравшего еще не успевшего умереть негра. Пуританин вынырнул из мутно-багрового омута безумия, его стальные пальцы сомкнулись на горле монстра, и их хватку не смогли разомкнуть ни когти, ни удары крыльев. Соломон разжал сведенные судорогой руки, только когда ощутил, что акаана отдал дьяволу свою черную душу.

Снаружи доносились звуки резни. Кейн устремился прочь из наполненной мертвецами хижины.

На бегу он подхватил какое-то оружие — это оказался топор — и выбежал на улицу. Гарпия попыталась взлететь из-под самых ног Соломона, но он, даже не замедляя бег, рубанул сплеча проклятую бестию. Пуританин, завывая в бешенстве, несся с окровавленным топором дальше, а за его спиной билось в агонии обезглавленное тело акаана. Однако больше противников ему не нашлось. Крылатые твари улетали. У акаана пропала всякая охота драться с белокожим безумцем, еще более диким в своей ярости, чем они.

Но адские твари взмывали в ночное небо не одни. В когтях акаана сжимали еще трепетавшие человеческие тела. Ночное небо оглашалось криками боли и тщетными мольбами. Кейн, потрясая окровавленным топором, метался во все стороны, пока наконец не остался один-одинешенек в заваленной трупами деревне. Запрокинув голову к равнодушным звездам, он посылал вслед монстрам страшные проклятия, а на лицо ему падали теплые соленые капли.

В поднебесье затихали последние отголоски кровавого пиршества демонов, смолкли предсмертные вопли людей и дьявольский хохот акаана, закончился кровавый дождь. Соломона покинули последние проблески рассудка. Он бормотал что-то бессвязное, время от времени дико вопил и раз за разом обрушивал топор на поверженных гарпий.

Чем выглядел сейчас в глазах Богов попирающий мертвые тела человек, залитый кровью с ног до головы, грозящий своим жалким топором самим небесам и выкрикивающий ужасные проклятия крылатым демонам ночи? Можно сказать, что он олицетворял собой все человечество.

5

Пришел рассвет, вершины гор озарились бледно-розовым светом, и солнечные лучи пали на то, что некогда было последним приютом народа богонда. Уцелело большинство хижин, лишь незначительная их часть превратилась в груду тлеющих углей — в том числе и хижина Соломона Кейна, но крыши всех без исключения строений были сорваны. Улицы были завалены трупами и залиты кровью. Пуританин, опираясь на окровавленный топор, наполненными безумием глазами равнодушно взирал на сию обитель смерти. Хотя грудь, лицо и руки англичанина покрывала кровь из многочисленных ран, он не чувствовал боли.

Кейн машинально подсчитал количество убитых акаана — их оказалось ровно две дюжины: десяток уничтожил лично он, остальных — негры. Но народ Богонды был истреблен полностью. Ни один из нескольких сотен несчастных чернокожих не дожил до утра, а насытившиеся гарпии улетели в свои пещеры.

Не соображая, что и зачем он делает, Кейн отправился собирать свое оружие. Собрав пистолеты, кинжал, рапиру и посох Н'Лонги, он вышел из деревни и направился к хижине Гору. Но и там его поджидало омерзительное зрелище. Теша свой палаческий нрав, гарпии не отказали себе в кровавом удовольствии. На колу перед входом в дом духов была насажена изуродованная голова толстого жреца. Щеки, губы и язык Гору были вырваны, и лишь не потерявшие еще живого блеска глаза взирали на Кейна взглядом обиженного ребенка. Они показались пуританину средоточием вселенской скорби и тоски.

Кейн оглянулся на уничтоженную Богонду, потом вновь посмотрел в мертвые глаза ее вождя и погрозил небу кулаком. Глаза его бешено вращались, на губах выступила пена. Соломон предавал проклятию небо и землю, все высшие и низшие сферы. Человек проклинал холодные звезды и жаркое солнце, равнодушную луну и насмешливый ветер; человек проклинал плетущие нити судьбы руки и высшую предопределенность; человек проклинал все, что любил, и все, что ненавидел. Умолкшие города, залитые водами океанов века назад, и каждое мгновение минувших эпох — все проклинал Соломон Кейн. Этот сумасшедший взрыв проклятий адресовался не только богам и демонам, для которых человечество служит разменной монетой в их древнем, как сама Вечность, противо-

стоящий, но и человеку, что живет слепцом и добровольно подставляет свою шею под стальные челюсти выдуманных им же божков.

Наконец пуританин бессильно рухнул на землю.

Из оцепенения его вывел львиный рык. Глаза Соломона хитро блеснули, у него созрел отменный план. Обильные всходы ненависти и безумия в его мозгу дали отличный урожай. Кейн отрекся про себя от только что произнесенных проклятий. Пусть лукавые боги и сделали человека ставкой своих игрищ, они же и отпустили ему хитроумия и жестокости больше, чем любому другому живому существу.

— Ты оставайся здесь, — сказал голове Гору Соломон. — Тебя высушит солнце, продубит холодная утренняя роса, я буду отгонять от тебя стервятников и гиен, и ты своими глазами увидишь смерть губителей твоего народа. Да, я оказался не в состоянии спасти племя богонда. Но, клянусь Богом живым, отомстить за вас мне по силам. Может, человек действительно только игрушка в руках созданий Тьмы, что раскинула свои громадные крылья над миром, но и повелителей Зла может постичь неудача. Вскоре тебе, мой друг Гору, предстоит самому в этом убедиться.

В течение следующих недель Кейн, как сомнамбула, трудился не покладая рук. Пуританин принимался за работу с первыми лучами солнца, а после заката, к моменту восхода луны, просто падал от усталости и засыпал. Неоднократно он ранил себя, но совершенно не замечал своих ран, которые заживали сами по себе, как на диком звере.

Англичанин спускался в низины и рубил там бамбук, таскал наверх огромные охапки длинных толстых стеблей. Он валил толстые деревья, нарезал гибкие лианы, служившие ему вместо веревок. Из всего этого Кейн возводил прочную просторную клеть прямо внутри хижины Гору, причем толщина бревен, которые шли на ее крышу, ничем не уступала толщине бревен, из которых возводились стены. Зато когда он закончил свой титанический труд, воздвигнутые им стены смогли бы удержать даже бешеного слона.

Тем временем на плоскогорье устремились целые прайды львов, у которых, кроме богондцев, не было естественных врагов. В результате через несколько месяцев и так не очень большие стада свиней сократились еще больше. А тех хрюшек, которым хватило везения или ума скрыться от гривастых хищников, методично истреблял Кейн, скармливая туши шакалам.

Несмотря на свое сумеречное состояние, англичанин оставался человеком незлым, и эта жестокая резня ему глубоко претила. Пуританин осознавал, что несчастные звери все равно стали бы добычей львов, но, что бы он ни чувствовал, без этой бойни было не обойтись, она была неотъемлемой частью его плана. В этой войне не было невиновных, и Кейн приказал своему сердцу стать тверже гранита.

Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Кейн методично воплощал свой невероятный план в жизнь. В редкие минуты отдыха англичанин разговаривал со сморщенной, мумифицированной головой Гору. Невероятно, но глаза жреца ничуть не изменились. И при солнечном свете, и при лунном они все время смотрели на англичанина как живые. Уже много-много позже, когда сама память об этих месяцах сумасшествия подернулась пеленой забвения и возвращалась лишь в ночных кошмарах, Кейн не раз задумывался, действительно ли они с мертвой головой вели разговоры о необычайных и таинственных вещах.

И постоянно в небе над его головой кружили акаана. Но ненавистные создания ни разу не побеспокоили пуританина, даже когда он с пистолетами под рукой укладывался спать в хижине Гору. Монстры опасались его умения посылать смерть с огнем и дымом.

Пуританин обратил внимание, что сперва гарпии летали неспешно и вяло, отягощенные пожранной плотью несчастных чернокожих, унесенных в пещеры той страшной ночью. Но время шло, и акаана худели. Им приходилось все дальше залетать в поисках пищи.

Каждый раз, глядя на них, Кейн разражался безумным лающим смехом. Отвратительные создания своими бесчеловечными поступками сами уготовили себе страшную ловушку. Раньше ему не удалось бы привести в исполнение задуманное, но теперь не было ни людей, ни свиней, которых можно было бы сожрать. На всем плоскогорье не осталось ныне ни одного живого существа, которое могло бы стать добычей людей-нетопырей. Причин, по которым они даже не пробовали перелетать через горы, англичанин даже не пытался доискиваться. Может, там были густые джунгли, а может, и безжизненные лавовые поля — сейчас Кейна это совершенно не интересовало.

Крылатый народ пробовал было охотиться в саванне на антилоп, но львы живо охладили их пыл, разорвав на мелкие

части неудачливых охотников. Гигантские кошки отнюдь не походили на беззащитных чернокожих или свиней, и у акаана не имелось ни малейших шансов с ними справиться.

Наконец голод переселил страх, и акаана с каждой ночью стали подлетать все ближе и ближе. Кейн с великой ненавистью следил за сверкающими в темноте жадными глазами. И выжидал... Когда он понял, что гарпии вот-вот отважатся на самоубийственную атаку, он решил, что настал его час.

Изредка семейства огромных лесных буйволов, нападать на которых опасались даже львы, не говоря уж о крылатой нечисти, забредали на плоскогорье, чтобы вволю попастись на заброшенных рисовых полях.

С невероятным трудом и риском для жизни Кейну удалось отбить от стада молодого бычка и с помощью камней и горящих пучков травы погнать его в сторону хижины Гору. Но даже один-единственный буйвол оказался чрезвычайно опасным созданием, и несколько раз англичанину едва удалось ускользнуть от рогов разъяренного животного. Наконец Соломон застрелил строптивого буйвола практически у самых дверей хижины.

Дул сильный западный ветер. Кейн слил кровь из освежеванного зверя на землю у дверей, чтобы гарпии почувствовали ее запах у себя в пещерах. Затем он разрубил тушу на части и свалил куски кровоточащей плоти кучей в углу хижины Гору, а сам спрятался в подготовленном укрытии поблизости и стал ждать.

Ждать ему пришлось недолго. Утреннюю тишину потревожил шум крыльев, и вскоре огромная стая мерзких акаана уже кружила над деревней. Судя по количеству крылатых бестий, решил Кейн, запах крови привлек все племя оголодавших чудовищ. Гарпии расселись вокруг хижины. Соломон с болезненным интересом разглядывал этих удивительных существ, непохожих как на человека, так и на библейских демонов.

Окутанные огромными, перепончатыми, кожистыми крыльями, акаана столпились у входа в хижину и о чем-то переговаривались пронзительными скрипучими голосами, так непохожими на голоса людей. На их гротескных лицах лежала печать древнего Зла, и Кейн понял, что на самом деле ничего человеческого в этих уродливых существах не было.

Крылатая раса являлась непотребным вывертом природы, ужасающим порождением некого юного разума, смело экспериментирующего с живыми формами. А может быть, если

Кейн правильно понял полные скрытого смысла намеки старого колдуна с Невольничьего Берега, гарпии являлись продуктом богомерзкого грешного брака людей со зверями? Или просто тупиковой ветвью неразумной эволюции, о которой в последнее время столько спорили натурфилософы?

Сам же пуританин склонялся к мысли, что правы были те древние философы, которые утверждали, что человек — суть высшая форма развития животного. И коли природа сподобилась породить такое множество видов разнообразнейших живых существ, логично предположить, что и человек был отнюдь не уникальным творением. Наверняка Homo Sapiens, к виду которого относился и Соломон Кейн, не являлся первым хозяином Земли, быть может, и не последним.

Несмотря на то что гарпии чувствовали свежую убоину, они колебались. Этих полуразумных созданий останавливало врожденное недоверие к строениям. Несколько бестий опустились на крышу и попытались растащить ее, но Кейн строил на совесть, и они вскоре оставили свои попытки.

Наконец один из акаана, не в силах больше противостоять дурманящему запаху свежей крови, с пронзительным визгом бросился внутрь хижины и впился острыми клыками в буйволиное мясо. В этот же момент, словно по команде, за ним ринулись остальные акаана, отпихивая друг друга от вожделенных кусков. Подождав, пока последняя тварь скроется в хижине, Соломон протянул руку и изо всех сил рванул длинную лиану. Дверь, связанная из прочных бамбуковых стеблей, с грохотом захлопнулась, а тяжелое дубовое бревно рухнуло в выдолбленный в утоптанной почве паз и намертво ее заклинило.

Пуританин вылез из замаскированной ветками ямы и посмотрел на небо. В пронзительной синеве не было видно ни одной темной точки, и, если учесть, что сейчас в хижине находилось не менее полутора сотен гарпий, в ловушку было поймано все племя крылатых созданий. Соломон вытащил из поясного кошеля кремень и кресало и высек искру на пучки высушенной травы и просмоленного сушняка, которыми снаружи были заботливо обложены стены дома духов. При этом руки пуританина были тверды, а лицо — совершенно спокойным.

По периметру хижины Гору взметнулось свирепое пламя. Изнутри донесся беспокойный гомон — твари сообразили, что попались. Еще миг — и все строение было охвачено огнем. Сухие бамбуковые стволы горели, как порох. На пуританина обрушились волны жара.

Почуявшие дым твари завизжали. Кейн молча стоял, вглядываясь слезящимися от дыма глазами в багровое пульсирующее пламя, и слушал, как акаана бьются о стены, пытаясь их проломить. И тут, впервые за все это время, он улыбнулся — жестоко и безрадостно.

Сильный ветер раздувал пламя, внутри хижины было сущее пекло. Стены дрожали от ударов, но толстые бревна выстояли. Мечущиеся внутри пылающей хижины акаана почувствовали приближение смерти. Их душераздирающие отчаянные крики казались пуританину сладкой музыкой. Потрясая кулаками, он захохотал, и смех его был ужасен. Пронзительные крики гарпий заглушили даже рев огня и треск дерева, а потом, когда жадные языки пламени прорвались внутрь, вой сменился жалобными стонами и криками боли. Огонь жарко пылал, валила жирная копоть, окрест разносилась омерзительная вонь горелого мяса.

Первой прогорела крыша, и Кейн сквозь пелену дыма временами видел, как, судорожно взмахивая опаленными крыльями, какой-нибудь монстр пытался взлететь. Тогда он равнодушно прицеливался и стрелял. Когда огонь разгорелся в полную силу, Соломону показалось, что исчезающая в пламени голова Гору оскалилась, и ужасающий человеческий смех слился с завывающим пламенем — но всем известно, что огонь и дым порой порождают удивительные иллюзии...

Постепенно буйство огненной стихии затихло. С дымящимся пистолетом в руке и посохом вуду в другой, пуританин замер над тлеющими головнями, навсегда избавившими род людской от легендарных чудовищ.

Как некогда герой древнего эпоса, изгнавший гарпий из Старого Света, теперь Кейн-триумфатор попирал ногами прах омерзительных созданий. Словно крупинки песка в песочных часах, исчезают в прошлом великие империи, гибнут целые племена чернокожих, гибнут даже демоны прошлого, и надо всем возвышается белый потомок героев древности. Неотделимо одно звено цепи защитников рода людского от другого, и неважно, ходит ли паладин человечества в воловьей шкуре и рогатом шлеме или же одет он в сапоги и камзол, двуручный ли топор держит в руке или тяжелую рапиру, дориец он, сакс или англичанин, зовут его Ясон, Хенгист или же Соломон Кейн.

Неподвижный, словно изваяние, стоял пуританин, а клубы дыма возносились к утреннему небу. На плоскогорье перерыкивались львы. Медленно, словно солнечный свет, проби-

вающийся сквозь туман и мглу, к человеку возвращался рассудок.

— Не существует такого уголка, куда бы не дошел свет Божьих лампад, — угрюмо произнес Кейн. — Немало еще мрачных, забытых всеми мест, где царит Зло, но оно не бессмертно. Ночь неизбежно сменяется днем, и говорим мы: «Да сгинет мгла!» Воистину неисповедимы твои пути, Господь мой, но кто я такой, чтобы усомниться в высшей мудрости? Мои ноги несли меня в страну Зла, но твоя простертая длань уберегла меня от смерти и сделала меня бичом своим, карающим Зло. Над людскими душами еще распростерты широкие крылья страшных чудовищ, и сильные ко Злу искушают человеческие сердца. Но грянет день, и свершится воля твоя, тени растают, и Князь Тьмы навечно будет низвергнут в самые глубины ада. А пока этого не произошло, люди лишь в собственном сердце должны видеть опору в борьбе с химерами, и тогда, с Господней помощью, смогут они противостоять проискам Повелителя Мух.

С этими словами Соломон Кейн повернулся спиной к изведавшей столько горя долине и устремил свой взор в сторону молчаливых гор. Сердце пуританина вновь наполнил беззвучный зов странствий, летящий из-за них. Он разместил поудобнее за поясом свои пистолеты, поправил рапиру и, опираясь на волшебный посох, направился на восток. Скоро его черный силуэт затерялся на фоне восходящего солнца.

Пол Андерсон

ТРИ СЕРДЦА И ТРИ ЛЬВА

ПРОЛОГ

Теперь, через много лет, я имею право предать огласке эту историю. С Хольгером я познакомился лет двадцать назад, и тогда все было иным — и времена, и люди. Жизнерадостные парни, которым я читаю сегодня лекции, — отличные, разумеется, ребята, но мы с ними давно говорим на разных языках, и нет никакого смысла делать вид, будто мы можем понять друг друга. Поэтому я совсем не уверен, что эта история придется им по вкусу. Они гораздо рациональнее, чем были когда-то мы с Хольгером, и этим, на мой взгляд, сильно обедняют себя. Правда, им не привыкать к чудесам. Откройте любой научный журнал, любую газету, откройте собственное окно и спросите себя: обычна ли наша обыденность и не полна ли чудес повседневность?

Мне рассказ Хольгера кажется правдоподобным, хотя я и не настаиваю на его абсолютной истинности, так как не имею никаких тому доказательств. Но, публикуя его, я далек от мысли о скандальной славе. Просто мне кажется, что если он правдив, то из него можно извлечь кое-какие уроки, и может быть, они кому-нибудь пригодятся. Если же — что вероятнее — он только сон или откровенная мистификация, то и в этом случае заслуживает огласки — хотя бы из-за его оригинальной увлекательности.

Безусловно достоверно то, что осенью далекого 1938 года в конструкторском бюро, где я служил, появился Хольгер Карлсен, и в течение последующих нескольких месяцев я имел возможность узнать его довольно хорошо.

Был он датчанином и, как большинство молодых скандинавов, нес по всему миру великое любопытство. В юности он исколесил пол-Европы, на велосипеде и пешком, позднее, исполненный традиционного для жителя его страны восхищения

Poul Anderson. Three Hearts and Three Lions. 1961
Перевод Э. Гюнтер.

перед Соединенными Штатами, добился стипендии в одном из наших восточных университетов и стал осваивать профессию инженера. В летнее время он скитался по Северной Америке (в основном — «автостопом») и брался за любую подвернувшуюся работу. Он так полюбил нашу страну, что после получения диплома устроился на неплохое место и стал подумывать о натурализации.

Хольгер легко сходился с людьми и быстро превращал их в своих друзей. Симпатичный, спокойный, со здоровым чувством юмора и скромными запросами, он не был ханжой и довольно часто позволял себе отпускать поводья в датском ресторанчике. Он не слишком блистал как инженер, но вполне соответствовал занимаемой должности: его мозги были приспособлены больше к решению практических задач, чем к глубоким аналитическим рассуждениям. Короче говоря, его умственные способности я бы не назвал выдающимися. Чего нельзя было сказать о его внешних данных. Он был высок — больше двух метров ростом — и в то же время так широк в плечах, что никто не называл его долговязым. Разумеется, он играл в футбол и, если бы не отдавал столько сил наукам, стал бы звездой университетской команды. Грубая лепка его лица — с широкими скулами и выдающимся подбородком — была неправильной, но выразительной. Добавьте сюда очень светлые волосы и широко расставленные голубые глаза — и вы получите его точный портрет.

Ему бы побольше наглости, и он мог бы стать настоящим донжуаном. Однако какая-то робость удерживала его от желания умножать приключения такого рода.

Итак, Хольгер был славным, но, в общем-то, довольно заурядным парнем того типа, который многие определяют как «свой в доску».

Он поделился со мной некоторыми подробностями своей биографии.

— Хочешь верь, хочешь нет, — сообщил он мне, усмехнувшись, — но я настоящий подкидыш. Да-да, ребенок, буквально подброшенный на крыльцо. Такие случаи в Дании очень редки. Полиция изо всех сил пыталась что-либо разнюхать, но у нее так ничего и не вышло. Мне было, наверное, всего несколько дней, когда меня нашли в одном из дворов в Хельсингере. Это очень красивый городок, вы называете его Эльсинором, родиной Гамлета. Меня усыновила семья Карлсенов. И больше в моей жизни не было ничего примечательного.

Так казалось ему тогда.

Помню, как однажды я уговорил его пойти со мной на лекцию иностранного физика, одного из тех великолепных талантов, какие рождаются только в великой Британии — ученого, философа, острослова, поэта, эссеиста, — короче, человека Возрождения, хотя и лишенного, может быть, печати гения.

Он излагал новую космогоническую теорию. Лекция завершилась несколькими смелыми гипотезами о характере будущих научных открытий. В частности, лектор говорил, что если теория относительности и квантовая механика доказывают, что не бывает наблюдения без участия, если логический позитивизм утверждает, что многие из известных сущностей всего лишь абстракции или результат общественного договора, если ученые твердят, что о многих способностях разума мы даже не подозреваем, то, может быть, в основе многих старинных мифов и волшебных сказок лежат не суеверия, а что-то иное. Когда-то откровенно смеялись над шарлатанами, занимающимися гипнозом и телепатией. Кто скажет, сколько великих загадок было осмеяно без осмысления? Фактами магии и волшебства пестрит история любого народа, любой фольклор. Может быть, эти факты когда-нибудь будут поняты с точки зрения науки. В нашем мире великое множество загадок. А в других вселенных? Принципы волновой механики уже сейчас позволяют допустить существование самостоятельной, параллельной нашему миру вселенной. Докладчик именно так и выразился: «Совсем нетрудно вывести математическую формулу существования бесконечного количества параллельных миров. В каждом из них фундаментальные законы природы будут немного другими. Следовательно, где-то в бесконечно удаленной вселенной должно существовать абсолютно все, что только можно и даже нельзя вообразить!»

Хольгер откровенно зевал на лекции, а когда после нее мы зашли пропустить по маленькой, иронично заметил:

— Эти математики так парят свои мозги, что в осадок у них, конечно, выпадает в конце концов метафизика.

— Ты употребил, хоть и сам не понял, именно то слово, что нужно, — не без ехидства заметил я.

— Это какое же?

— Метафизика. Дословно — до и после физики. Иными словами, там, где заканчивается физика, с которой ты привык иметь дело и которую ты меряешь логарифмической линей-

кой, или там, где она еще не начиналась. Именно о метафизике и шла речь в лекции.

— Ха! — он прикончил виски и заказал еще. — Вижу, тебя эта тема волнует?

— Пожалуй, да. Что такое единицы физических мер? Это сущности или условные знаки, которыми мы пользуемся, чтобы соотнести одно явление с другим? Что такое ты, Хольгер? Кто ты есть? Или, точнее, кто ты, где ты, когда ты есть?

— Я — это я, я сижу здесь и в настоящий момент потребляю не совсем неприятную жидкость.

— Ты пребываешь в равновесии с данным континуумом, точнее, с рядом частных его проявлений. Я тоже — с тем же самым. Он для нас общий. Он представляет собой материальное воплощение определенных математических формул, связывающих воедино пространство, время, энергию. Некоторые из этих формул мы называем «законами природы». И потому строим на них целые науки — физику, астрономию, химию...

— Хей-хо! — он поднял стакан. — Кончим умничать и начнем пить с умом!

Я махнул рукой. Хольгер больше не возвращался к этой теме, однако, думаю, наш разговор позднее сослужил ему неплохую службу. По крайней мере, льщу себя такой надеждой.

За океаном разразилась война, и поведение Хольгера изменилось. День ото дня он становился все более взвинченным. Твердые политические убеждения никогда не были его амплуа, но теперь он на каждом углу с горячностью, удивлявшей нас, стал твердить, что всей душой ненавидит фашизм. Когда же немцы вступили на территорию его страны, он несколько дней беспробудно пил.

Оккупация Дании протекала довольно спокойно. Правительство проглотило пилюлю и осталось на своем месте — единственное из всех европейских правительств. Просто объявило о своем нейтралитете под немецким протекторатом. Думаю, что этот выбор потребовал определенного мужества: благодаря сознательному унижению небольшой кучки политиков на протяжении нескольких лет удавалось удерживать оккупантов от жестоких, как во всех европейских странах, репрессий, особенно в отношении еврейского населения.

Хольгер, однако, буквально ошалел от радости, когда датский посол в США обратился к Белому дому с призывом вторгнуться в Гренландию. К тому времени большинству из нас было очевидно, что Америка рано или поздно будет втя-

пута в эту войну. Самым простым выходом для Хольгера было дождаться этого дня и немедленно встать в ряды ополченцев. Впрочем, он мог поступить еще проще — вступить в британскую армию или примкнуть к «Свободным норвежцам». В доверительных беседах со мной он часто повторял, что сам не поймет, почему не делает этого.

В 1942 году начали, однако, поступать известия, из которых можно было понять, что терпение Дании лопнуло. Дело еще не дошло до взрыва (который в конце концов прогремел в виде всеобщей забастовки, после чего немцы немедленно низложили короля и превратили страну в еще одну порабощенную провинцию), но уже пошли в ход карабины и динамитные шашки.

Вопрос о возвращении домой стал для Хольгера своеобразной *idee fix*. Он обсуждал его и так и этак, но никак не решался поставить точку. На принятие окончательного решения у него ушло много вечеров и пива. Наконец последовала капитуляция. После седьмой и последней, как говорят в Дании, Хольгер перестал быть американцем и решил исполнить свой гражданский долг. Он уволился, мы устроили ему прощальную вечеринку, и на следующий день он уже всходил на борт судна, идущего в Швецию. Из Хельсингборга он добрался домой на пароме.

Некоторое время он старался держаться в тени, не без основания побаиваясь, что поначалу немцы будут держать его под особым контролем. Он получил место на заводе «Бурмейстер и Вайн», специализирующемся на производстве корабельных двигателей. В середине 1942 года он решил, что оккупанты уже вполне уверились в его лояльности, и присоединился к Движению сопротивления. И тут оказалось, что его служба — настоящая золотая жила для диверсий и саботажа.

Не стану утомлять вас длинным перечнем его подвигов. Довольно сказать, что он работал на совесть. Их небольшая организация в сотрудничестве с английской разведкой действовала не менее успешно, чем эскадрилья бомбардировщиков. Во второй половине 1943 года они совершили самую дерзкую из своих акций.

Необходимо было вывезти из Дании некоего Х. Союзникам был нужен его талант. Немцы, прекрасно осведомленные о способностях Х., держали его под строжайшим надзором. Подпольщикам удалось, однако, вывести Х. из дома и доставить в Зунд, где уже ждала лодка, приготовленная для отправки в Швецию. Оттуда он должен был попасть в Великобританию.

Наверно, навсегда останется тайной, пронюхало ли гестапо об этой засекреченной операции, или ночной патруль наткнулся на пляже на группу подпольщиков совершенно случайно. Кто-то вскрикнул, кто-то спустил курок — завязался бой. Пляж был каменистым, плоским. Звезды и огни со шведского берега лили на него тусклый, но ровный свет. Лодка уже отчалила, и подпольщики решили вызвать огонь на себя, чтобы дать ей без помех добраться до цели. Откровенно говоря, на это было мало надежды. Лодка была неуклюжей и тихоходной. Тот факт, что ее так отчаянно прикрывали, говорил о ценности груза. Через несколько минут, в течение которых датчанам удастся в лучшем случае убить десяток солдат, немцы вломятся в ближайший дом и по телефону свяжутся со штабом оккупационных войск в Эльсиноре. И мощный патрульный катер перехватит беглецов прежде, чем они достигнут нейтральной территории. Но подпольщики сделали свой выбор. Пути к отступлению не было.

Хольгер Карлсен понял, что сегодня умрет. Перед его внутренним взором пронеслись картины безмятежного прошлого, в котором было так много солнца, где кричали над головой чайки, а на крыльце дома, полного дорогих ему мелочей, стояли его приемные мать и отец... И почему-то он вспомнил старинный замок Кронборг, красную черепицу, и высокие башни, и покрытые патиной перила моста над зеркальной водой...

С пистолетом в руке он укрылся за камнем и палил в темные расплывчатые силуэты. Вокруг свистели пули. Рядом раздался чей-то стон. Хольгер в очередной раз прицелился и выстрелил...

Мир вокруг взорвался ослепительной вспышкой, и упала тьма.

Глава 1

Когда он пришел в себя, все его ощущения сводились только к одному — адской головной боли. Потом стало медленно возвращаться зрение. Вскоре он смог различить, что странный предмет, маячивший в тумане перед его глазами, корявый древесный корень. Он шевельнулся — под ним зашелестели сухие листья. Ноздри щекотали запахи земли, мха, влаги.

— Где я нахожусь? — пробормотал он. — Что за черт?

Он сел. Потрогал голову и нащупал запекшуюся на волосах кровь. Должно быть, пуля только скользнула по черепу. Сантиметра бы на два ниже — и...

Ладно, но что же случилось потом? Сейчас ясный день, он в диком лесу, и вокруг никого. По-видимому, его товарищам удалось покинуть побережье, и они вынесли его на плечах. А потом спрятали в этой чаще. Но почему они раздели его догола и бросили одного?

Он заставил себя подняться на ноги. Мышцы ломило, во рту было сухо и гадко. Подташнивало от голода. Голова разламывалась от боли. По бьющим сквозь кроны деревьев лучам он определил, что солнце уже в зените: утренний свет не имеет такого золотистого отблеска. Ого! Он провалялся без памяти часов двенадцать!

Рядом по пятнистому ковру из листьев и мха бежал ручей. Он наклонился и стал жадно пить. Потом умылся. Холодная вода несколько взбодрила его. Пытаясь понять, где же он находится, он внимательно осмотрелся по сторонам. Грибский лес?

Нет, конечно, нет! Здесь настоящая чаща: огромные буки и ясени, наросты лишайника на стволах, буйные заросли боярышника, черный бурелом... В Дании со средневековья не было таких лесов.

Красной искрой взлетела на дерево белка. Пронеслась пара скворцов. Сквозь разрыв в листве он увидел ястреба, парящего в небе. Разве в его стране еще остались ястребы?

Он вдруг сообразил, что совершенно наг. Что делать? Предположим, его товарищи имели самые веские причины раздеть его и оставить здесь. Но тогда они не могли бросить его надолго... С другой стороны, не стряслось ли чего-нибудь с ними самими?

— Не дай Бог, тебе придется провести здесь еще ночь в таком виде, друг мой, — сказал он сам себе. — И еще очень хотелось бы знать, куда тебя занесло.

До его слуха донесся непонятный звук. Он прислушался. Звук повторился, и Хольгер узнал в нем лошадиное ржание. Он воспрянул духом. Значит, где-то поблизости ферма. Он уверенно двинулся вперед, в ту сторону, откуда донеслось ржание, продрался сквозь заросли кустарника и остановился в изумлении.

Таких лошадей он никогда не видел. На поляне стоял жеребец громадного роста — настоящий першерон, но изящного и благородного сложения. Черный и блестящий, как дождливая ночь. Уздечка украшена серебром. Поводья с бахромою. Седло

тонкой кожи, с высокой лукой. Белая шелковая попона с вытканными на ней черными орлами. Притороченный к седлу вьюк...

Хольгер протер глаза и подошел ближе.

— Все нормально, — произнес он, — кто-то питает слабость к костюмированным прогулкам верхом. Эй! Есть здесь кто-нибудь?

Конь потянулся к нему, встряхнул длинной гривой и радостно заржал. Потом подвинулся к Хольгеру и фыркнул ему в щеку. Хольгер потрепал его по шее. Славный коняга. Что это у тебя на уздечке? На серебряной пластинке было выгравировано архаичным шрифтом: «Папиллон».

— Папиллон, — позвал Хольгер. Конь снова заржал, откликаясь на свое имя, переступая с ноги на ногу, и ударил копытом.

— Значит, тебя зовут Папиллон? — Хольгер взлохматил коню гриву. — По-французски это бабочка, не правда ли? Удачная шутка — назвать бабочкой такого зверюгу.

Его заинтересовал вьюк за седлом, он пощупал его и отогнул край ткани. Что за дьявол? Кольчуга!

— Эй! — крикнул он снова. — Есть тут кто? Выходи!

Тишина. Только прострекотала, словно издеваясь, сорока.

Оглянувшись вокруг, Хольгер заметил еще кое-что: к стволу дуба был прислонен длинный шест со стальным наконечником и защитой, как на шпаге, чашкой посередине. Копье? Ей-богу, настоящее турнирное копье!

Тот образ жизни, который вел Хольгер Карлсен во время войны, превратил его в человека, не робеющего перед буквой закона, как большинство его соотечественников. И потому он, не медля более, снял с седла вьюк и развязал его. Он обнаружил там длинную, до колен, кольчугу, конический шлем с пурпурным оперением, стилет, кожаный пояс и толстый кафтан. Кроме того, несколько комплектов одежды: штаны до колен, рубахи с длинными рукавами, короткие туники и другие предметы старинного туалета. Часть одежды была из грубого крашеного полотна, другая — из обшитого мехом шелка. Он уже не удивился, когда, обойдя коня, обнаружил висящие на седле щит и меч. Щит был прямоугольный, фута четыре длиной, в новеньком полотняном чехле. Он снял чехол: стальная пластина на деревянной основе была с лазурным покрытием, и на ней — три красных сердца и три золотых льва.

Герб. Чей? Показалось, что где-то его уже видел... Странно. Кто здесь собрался на карнавал? Он вытянул меч из но-

жен — длинный, двуручный, обоюдоострый, с эфесом в форме креста. Низкоуглеродистая сталь, профессионально определил он. М-да, так старательно не мастерят реквизит даже в кино. Странно. Он вспомнил мечи, которые видел в музеях. Средневековые предки не могли похвастаться высоким ростом. Этот же меч как будто был сделан специально для него, а ведь его считали вершилой в двадцатом веке.

Папиллон заржал и попятился. Хольгер резко обернулся. И увидел медведя.

Здоровенный бурый медведь, по-видимому, был просто привлечен шумом. Он уставился на Хольгера маленькими глазками, постоял с минуту и, удовлетворив любопытство, развернулся и убрался обратно в чащу.

Хольгер перевел дух. Сердце прыгало, как мячик.

— Не исключено, что где-то сохранился заповедный участок леса, — услышал он свой рассудительный голос. — Не исключено, что в нем и сохранилось несколько ястребов. Но в Дании нет — это абсолютно исключено! — медведей!

Может быть, медведь сбежал из зоопарка? Бред... Скорее всего, он сам свихнулся и у него начались галлюцинации. Или он видит сон... Нет, непохоже. Все слишком отчетливо и подробно: и пляска пылинок в луче, и запах лошадиного пота и мха, и собственного тела. К черту! Как бы там ни было, во сне или в бреду, все равно надо что-то предпринимать. В любой ситуации прежде всего нужно искать информацию и пищу, подумал он. Именно в такой последовательности — информацию и пищу.

Жеребец казался настроенным дружелюбно. Грех покушаться на чужую собственность, однако его нужда, безусловно, острее, чем у того, кто так беспечно бросил здесь свое имущество. Прежде всего Хольгер оделся. Облачение в непривычный туалет требовало некоторой смекалки, однако все предметы, включая сапоги, странным образом оказались ему впору. Лишнюю одежду и оружие он снова упаковал и приторочил вьюк на прежнее место. Вставил ногу в стремя, уселся верхом. Конь фыркнул, сделал несколько шагов и вдруг остановился возле копья.

— Не думал, что лошади так умны, — вслух удивился Хольгер. — Ладно, намек понял.

Он поднял копье и поставил его концом на петлю, свисавшую с седла рядом со стременем. Потом взял поводья левой рукой и чмокнул. Папиллон пошел.

Только проехав уже не меньше мили, Хольгер обратил внимание на то, что на удивление уверенно сидит в седле. Его опыт в верховой езде до сих пор исчерпывался несколькими неуклюжими попытками в прокатных пунктах. Он вспомнил даже свою шутку о том, что если лошадь — это приспособление для сокращения расстояния, то проще сократить приспособление. Но откуда, скажите на милость, его внезапная симпатия к этой черной зверюге? Может быть, в его роду были ковбои?

Он предпринял попытку осмыслить технику езды и сразу почувствовал себя неуклюжей деревенщиной. Папиллон фыркнул. Хольгер мог бы поклясться, что насмешливо. К черту! Подумаем о маршруте. Они продвигались по тропе, но лес вокруг был так густ, что езда верхом, да еще с копьем наперевес, была сильно затруднена.

Тропа шла на запад. Солнце клонилось к закату. На фоне багрового неба стволы деревьев казались обугленными. Нет, это невозможно: в маленькой Дании нет таких обширных заповедников! Или, пока он был без сознания, его переправили в Норвегию? В Лапландию? В Россию? К черту на кулички?.. Что ж, черепная травма могла лишить его сознания и на день, и на неделю, и на месяц... Нет, нет, рана на голове слишком свежая. Он в сердцах плюнул.

Но все черные мысли вмиг испарились, стоило ему вспомнить о еде. Сейчас бы две... нет, три крупные копченые трески и кружку холодного пива... Или по-американски — отбивную с косточкой в жареном луке...

Хольгер чуть не вылетел из седла: Папиллон резко встал на дыбы. Из-за темных стволов выступил лев. Хольгер остолбенел. Лев остановился и яростно захлестал хвостом по бокам. Раздался рев. Папиллон нервно загарцевал и стал рыть землю копытом. Хольгер обнаружил, что рука сама подняла копье и направила его острием в свирепую морду.

Из глубины леса донесся протяжный волчий вой. Лев не торопился атаковать, а у Хольгера не было никакой охоты вести с ним дискуссию о правилах движения по лесным тропам. Зато Папиллон был настроен воинственно. Но Хольгер сильно натянул поводья и заставил сопротивляющегося жеребца обойти зверя слева. Когда лев остался позади, Хольгер вытер рукой мокрый лоб.

Они продолжали свой путь, и вскоре настала ночь. В голове у Хольгера как будто вертелась дикая карусель. Медведи, волки, львы... В каких же странах эти звери живут бок о бок?

В какой-нибудь глухой провинции Индии?.. Но в Индии, кажется, нет европейской растительности... Он попытался вспомнить что-нибудь из Киплинга, но ничего, кроме общих мест — «Запад есть запад, восток есть восток», — не приходило в голову. Тут невидимая в темноте ветка хлестнула его по щеке, и мысли о Киплинге закончились чертыханьем.

— Кажется, эту ночь мы проведем с тобой под открытым небом, — сообщил он коню. — Давно об этом мечтал. А ты?

Папиллон — черная масса среди царства тьмы — уверенно шел вперед. До слуха Хольгера доносилось то уханье филина, то хриплый визг вдалеке, то жуткий вой... Что это?! Мерзкий хохот откуда-то прямо из-под копыт!

— Кто тут?! Кто это?!

Топот убегающих ног. Улетающий смех. Озноб по спине. Ладно, едем дальше. Ночи здесь довольно прохладные.

Внезапно небо над его головой взорвалось звездами. Хольгер не сразу сообразил, что они выехали из чащи на открытое место. Впереди мерцал огонек. Неужели жилье? Он пришпорил коня.

Вскоре Хольгер разглядел ветхое, убогое строение, стены которого были сплетены из ивовых прутьев и обмазаны глиной, а крыша покрыта дерном. Внутри горел огонь, светилось крохотное окошко без стекол. Хольгер остановил коня и облизал пересохшие губы. Сердце отчаянно колотилось, словно он снова встретился со львом.

Самое разумное сейчас — остаться в седле. Он ударил в дверь древком копья. Дверь заскрипела и распахнулась. В дверном проеме на фоне тусклого света показалась черная сгорбленная фигура и каркнула скрипучим старушечьим голосом:

— Кто здесь? Кто это пожаловал в гости к Матери Герде?

— Я, кажется, сбился с пути, — произнес Хольгер. — Не пустишь ли меня на ночлег?

— О, это рыцарь! Молодой и прекрасный рыцарь! Хоть Мать Герда совсем ослепла от старости, но хорошо видит, кто ночью стучит в ее дверь, хорошо видит! Слезай, слезай с коня, славный рыцарь, и располагай всем, что есть у бедной старухи, которая тебе искренне рада. Я так стара, что уже не боюсь греха, хоть и знала другие времена, знала, знала... Но те времена кончились, увы, еще до того, как ты появился на свет, а теперь я стара, одинока и рада любой вести из большого мира, стучащейся ко мне в дверь. Входи, отринь опасенья, входи, прошу тебя. Здесь, на краю света, ты не найдешь другого убежища.

Хольгер протиснулся в дверь. В хижине больше никого не было. Кажется, здесь он мог чувствовать себя в безопасности.

Глава 2

Он сел на табурет возле колченогого тесаного стола. Глаза ел дым, который поднимался к потолку и медленно улетучивался через дыру в крыше. Еще одна дверь вела из комнаты в кухню, где в стойле уже стоял Папиллон. Земляной пол. В грубом каменном очаге пылает огонь. Когда глаза притерпелись к дыму, Хольгер заметил еще пару табуретов, соломенный тюфяк в углу, хозяйственную утварь, а также большого черного кота, сидящего на Бог весть откуда взявшемся здесь красивом и дорогом сундуке. Его немигающие желтые глазищи неотступно следили за Хольгером. Старуха — Мать Герда — мешала какое-то варево в железном котле, висящем над очагом. Седые грязные патлы свисали вдоль морщинистых впалых щек, нос торчал крючком, рот беспрестанно кривился в бессмысленной ухмылке — она была горбатой, худой и дряхлой, ветхое платье висело на ней, как мешок. Но глаза, ее темные глаза хитро поблескивали.

— Не след, конечно, — заговорила она, — мне, бедной полоумной старухе, доверять тайны или просто-напросто то, о чем лучше бы не болтать первому встречному. Много тут бродит по краю света разного тайного люда — почем я знаю, может быть, ты рыцарь из Фейери, превратившийся в человека, чтобы проверить и наказать меня за болтливый язык? Однако, славный рыцарь, никак не может старуха удержаться, чтобы не спросить, как тебя величать. Нет-нет, не нужно настоящего имени — зачем открывать его старой никчемной нищенке, которая только и может, что молоть языком? Но хоть какое-то имя, чтобы я могла обращаться к тебе согласно приличиям и с надлежащим почтением.

— Хольгер Карлсен.

Она буквально подпрыгнула, едва не опрокинув котел.

— Как? Как ты сказал, славный рыцарь?

В чем дело? Может, его разыскивают? Может, это какая-нибудь дикая окраина Германии? Он нащупал рукоятку стилета, который на всякий случай сунул за пояс.

— Хольгер Карлсен! Что тебя удивляет?

— Ох!.. Н-н-ничего, милостивый господин. — Мать Герда отвела глаза и тут же вновь выстрелила в гостя зорким снайперским взглядом. — Только то, что и Хольгер, и Карл — надо сказать, очень громкие имена, как ты и сам знаешь, однако, если говорить напрямик, я никогда не слыхивала, чтобы один из них был сыном другого, ибо их отцами, как известно, были Пепин Годфред и... или, точнее, я хотела сказать совсем другое... Конечно, в некотором смысле, король — всегда отец своего вассала и...

— Я не имею отношения к этим джентльменам, — оборвал ее Хольгер. — Это случайное совпадение.

Она как будто успокоилась, выловила из котла кус вареного мяса и предложила гостю. Он не заставил себя упрашивать и налег на еду, не мороча голову мыслями о заразе или отраве. Старуха выложила на стол хлеб и сыр, и он нарезал их стилетом. Увенчала меню кружка исключительно хорошего пива. Расправившись со всем этим, он сказал:

— Благодарю. Ты спасла меня от голодной смерти.

— Что ты, что ты, рыцарь, мне стыдно, что я подала тебе такую простую еду, тебе, который, конечно, не раз и не два делил трапезу с королями и герцогами под музыку и песни менестрелей, и хотя я совсем стара и не очень искусна, но в твою честь, если пожелаешь, тоже смогла бы спеть и...

— У тебя отменное пиво, Мать Герда, — поспешно прервал ее Хольгер. — Я никогда не пивал пива этого сорта. Кажется...

Он хотел сказать: «Кажется, местный пивной завод чудом миновала громкая слава». Но старуха, хихикнув, перебила его:

— Ох, благородный сэр Хольгер, ты не простой рыцарь, и если ты даже и не из высшей знати, то человек опытный и проницательный. Мигом раскусил маленький фокус бедной старухи. И хотя добрые христиане вроде тебя чураются всякой магии и зовут ее измышлениями дьявола, но, по правде сказать, моя ворожба почти то же самое, что и чудотворные деяния святых угодников, которые творят чудеса как для язычников, так и для христиан. Ты, конечно, должен понять, что здесь, на краю света, ну никак не обойтись без капельки магии — больше для защиты от сил Срединного Мира, чем ради барыша — и в милости своей не станешь требовать сжечь бедную, но добронравную старуху за то, что она чуточку поворожила над кружечкой пива, дабы оно лучше грело ее старые кости в холодные зимние ночи, в то время как столько могущественных

волшебников, ничуть не опасаясь справедливой кары, у всех на виду прямо-таки торгуют черной магией...

«Так она, выходит, ведьма? — подумал Хольгер. — А мне и в голову не пришло... Но что это она заговаривает мне зубы? И зачем без конца кривляется?» Он перестал слушать ее болтовню. Новая мысль поразила его. Он с удивлением прислушался к собственной речи. Он разговаривал со старухой на странном языке, твердом и звучном, похожем на старофранцузский с примесью немецкого. Вероятно, он сумел бы прочитать на нем какой-нибудь текст, с большим трудом, разумеется, однако никогда раньше не сумел бы говорить на нем так легко, как сейчас. Странно. Значит, способ, с помощью которого он совершил путешествие в... неизвестно куда, вооружил его знанием местного диалекта.

Он никогда не увлекался чтением научной фантастики, однако цепь всех этих странных событий все больше наводила его на мысль, что в результате какого-то невероятного воздействия он оказался в прошлом. И эта убогая хижина, и старуха, которая восприняла его рыцарскую экипировку как нечто само собой разумеющееся, и этот язык, и огромный заповедный лес... Ну хорошо, предположим. Но что это за страна? В Скандинавии так не говорили. Германия? Франция? Англия?.. Но если он оказался в средневековой Европе, то что здесь делает лев? И что означают слова старухи о стране Фейери?

Нет, эти вопросы нужно задавать не себе, а просто спросить напрямик.

— Мать Герда... — начал он.

— Да, благородный рыцарь? Каждое твое желание, которое я смогу выполнить, сделает моему дому честь, а потому только прикажи, а уж я расстараюсь. Все, на что способна по мере моих слабых сил, лишь бы ты остался доволен. Она погладила кота, который все так же пристально пялился на Хольгера.

— Можешь ты мне сказать, какой сейчас год?

— Ох и дивные вопросы задаешь ты мне, славный рыцарь. Хотя виной тому, может быть, рана на твоей голове, которую получил ты, конечно, в ужасной битве с каким-нибудь великаном или чудовищем-троллем. Она, наверно, и замутила немного память моего благодетеля. Но, по правде сказать, хоть это и постыдно, признаюсь тебе, что счет годам я уже давно не веду, тем более что это и невозможно здесь, на краю света, где...

— Ну, ладно. А что это за страна? Чье это королевство?

— Воистину, славный рыцарь, ты задаешь вопросы, над которыми бились многие мудрецы, а уж сколько ратников из-за них перебили друг друга! Хе-хе! Уж не знаю, с каких времен спорят об этих границах цари человеческие и властелины Срединного Мира, сколько здесь бушевало войн и творилось всякой чертовщины. Могу только сказать, что и Фейери, и империи претендуют на эти земли, но никто им не господин, хотя и прав на них, конечно же, больше у людей: ведь только наш род здесь укоренился. Право на эти земли отстаивают и сарацины: ведь их Махоунд был родом из местных злых духов, как говорят. Что, Грималькин? — Она погладила по спине поднявшегося кота.

— Значит... — терпение Хольгера лопалось. — Где же я могу найти людей... м-м-м... христиан... которые смогут помочь мне? Где тут ближайший король, герцог или кто-нибудь в этом роде?

— Есть тут город, и не так уж до него далеко, всего несколько миль, — сказала старуха. — Однако я должна предостеречь тебя, рыцарь, что пространство здесь, как и время, причудливо искривлено чернокнижниками, и часто бывает, что место, к которому ты направляешься, находится совсем рядом, но вдруг оно или провалится, или посыплются на тебя всякие напасти, так что ты запутаешься и не будешь знать, какую тебе выбрать дорогу и откуда ты шел...

Хольгер сдался. Либо перед ним сумасшедшая, либо его дурачат. В любом случае рассчитывать на полезную информацию не приходится.

— Однако если ты не побрезгуешь добрым советом, — внезапно произнесла Герда, — разумеется, не моим, потому что от такой рухляди уже никакого толку, и не Грималькина, который хоть и ужасно ловок, но от рождения нем, то можно попробовать такой добрый совет испросить, а вместе с тем разведать и способ, который выгнал бы из тебя порчу и вернул здоровье и память. Только не гневайся, ибо я хочу предложить тебе чуточку магии. Она у меня совсем белая... Или серая на худой конец. Ты ведь сам видишь, что я не могущественная волшебница — а то разве ходила бы я в этих лохмотьях и жила бы в такой развалюхе? Нет, дворец из чистого золота приличествовал бы мне, а тебе прислуживала бы сейчас челядь. Поэтому если я сейчас, по твоему повелению, вызову духа — маленького, совсем крошечного духа, — то он поведает тебе обо всем, что тебя волнует и о чем напрасно пытать меня.

Хольгер поднял брови. Кажется, все ясно. Чокнутая. Лучше поддакивать, если он намерен провести ночь с нею под одной крышей.

— Как пожелаешь, Мать Герда.

— Ты и впрямь, рыцарь, из неведомых стран, если даже не перекрестился. Только иные рыцари, хоть и сотворят крест, да зато уж потребуют, чтобы подали им самого Князя Тьмы, да с таким нетерпением, будто не жаль им своих горемычных душ, которым гореть за это вечно в адском огне. Конечно, они не такие уж праведники, однако для Империи и они сгодятся, коли других не сыщешь в этих Богом забытых краях. Ты не из таких, сэр Хольгер, так что как не задать тут вопрос: а не из Фейери ли ты в самом деле? Но молчу, молчу — попытаем счастья у духов, хотя должна тебя предостеречь, что они на редкость капризны и могут вообще ничего не ответить или ответить так, что понять будет непросто.

Герда взялась за крышку сундука, и кот спрыгнул на пол. Она достала треногу, повесила на нее котелок и всыпала в него какой-то порошок из склянки. В ее руке появилась короткая палочка, выточенная, похоже, из черного дерева и слоновой кости. Бормоча и бурно жестикулируя, она начертала палочкой на полу окружность, внутри ее — еще одну и вместе с котом встала между ними.

— Этот внутренний круг, — объяснила она, — для того, чтобы удержать духа, а внешний — чтобы не дать ему вырваться, потому что он может разбушеваться сверх меры, особенно если вызов окажется для него нежелательным. И я должна просить тебя, рыцарь, не молиться и не творить крестное знамение, ибо в этом случае демон без промедления сгинет, причем в страшном гневе.

— Ладно, начинай, — сказал Хольгер.

Она затянула заунывный напев и стала приплясывать, не выходя из очерченного круга, и Хольгеру показалось, что он уже где-то слышал это странное пение. «Amen, amen...» — пела она. Слова тоже были знакомы. «A malo nos libera sed...»

Мурашки побежали по спине Хольгера. Латинские слова скоро сменились каким-то кудахтаньем, в котором нельзя было разобрать ни единого слова. Потом она коснулась палочкой котла, и из него повалил густой белый дым. Клуб дыма рос и рос, но — фантастика! — не выходил за пределы внутреннего круга.

---

* Освободи нас от зла... *(лат.)*

— О Велиал, Ваал Зебуб, Абуддон, Асмодей! — заклинала старуха. — Самиэль, Самиэль, Самиэль!

Дым стал густеть и окрасился в красный цвет, почти целиком скрыв от Хольгера сгорбленную фигуру старухи. Он привстал с табуретки. Ему показалось, что над котлом нависло нечто змееобразное, полупрозрачное... О небо! Он увидел, как вспыхнули пурпурные глаза и это нечто оформилось в человеческую фигуру!

Он не верил себе: существо из дыма заговорило свистящим шепотом, старуха отвечала ему на непонятном языке. Чревовещание? Галлюцинация, порожденная его утомленным мозгом? Конечно, галлюцинация, и ничего больше! Папиллон за стеной тревожно заржал и стал бить копытом. Хольгер случайно прикоснулся к стилету — лезвие было горячим. Значит, магия, рассудил он, возбуждает в металле циркуляционные токи.

Существо шелестело, ухало, корчилось. Хольгеру показалось, что их разговор со старухой длится уже целую вечность.

Наконец старуха подняла палочку и снова запела. Существо стало таять. Дым начал втягиваться обратно в котел. Хольгер сипло выругался и потянулся за пивом.

Когда дым полностью исчез в котле, старуха покинула круг. Ее лицо казалось бесстрастным, глаза были полуприкрыты. Однако от взгляда Хольгера не укрылось, что она вся дрожит. Кот поднял хвост, выгнул спину и зашипел.

— Престранный ответ, — пробормотала старуха. — Престранный ответ дал мне демон...

— Что он сказал? — с трудом выдавил из себя Хольгер.

— Он поведал... Самиэль поведал, что ты прибыл издалека, из такой дали, что человек мог бы идти и идти бесконечно, хоть до Судного Дня, но никогда не достиг бы твоего дома. Так ли это?

— Так, — ответил Хольгер. — Да, я думаю, это так.

— И еще он поведал, что из переплета, в который ты угодил, выбраться сможешь только тогда, когда попадешь в Фейери. А значит, туда лежит твой путь, сэр Хольгер. В Фейери.

Хольгеру это ничего не говорило.

— Не так страшна Фейери, как ее малюют, — хохотнула старуха. — И если уж вовсе начистоту, то сама я не из злейших врагов герцога Альфрика, самого сиятельного из всех рыцарей Фейери. Он немного чванлив, как и весь его род, но тебе он поможет, коли ты попросишь у него милости — так

поведал мне демон. А я сегодня похлопочу о проводнике, чтобы ты мог туда добраться без проволочек.

— Сколько это будет?.. — Хольгер запнулся. – Дело в том, что я не могу заплатить много.

— Совсем ничего, — старуха махнула рукой. — Может, зачтется при случае мне добрый поступок, когда покину я этот мир для мира иного. К тому же, что может быть приятнее для бедной старухи, чем угодить такому красавцу? Эх, было время, да сплыло... Ну и ладно. Дай-ка мне поглядеть твою рану, а после ступай в постель.

Хольгер, стиснув зубы, терпел, пока она промывала рану и накладывала компресс из трав, бормоча при этом заклинания. Он был так измучен, что готов был вытерпеть что угодно. Однако у него хватило благоразумия отказаться от предложения занять ее тюфяк: он предпочел охапку сена в конюшне, рядом с бдительным Папиллоном. Нельзя бесконечно искушать судьбу. И так его занесло в края, по меньшей мере, диковинные.

Глава 3

Хольгер проснулся и какое-то время лежал с закрытыми глазами, припоминая, что с ним произошло накануне. Потом вскочил на ноги и осмотрелся.

Итак, он провел ночь в конюшне. Допотопное сумрачное строение, пропитанное запахом навоза и сена. Черный конь, тянущий губы к его ладони... Он стряхнул с одежды приставшие травинки. Отворилась дверь, и полумрак прорезал луч солнца.

— Добрый день тебе, славный рыцарь, — пропела Мать Герда. — Вот уж кто спал сегодня сном праведника, как говорится. Я за свою жизнь видала не один десяток честных людей, которых по ночам терзала бессонница, и людей подлых, от храпа которых ходила ходуном крыша. У меня рука не поднималась будить тебя. Иди взгляни, что тебя поджидает.

Оказалось, его поджидала миска овсянки с хлебом, сыр, пиво и кусок недоваренной свинины. Хольгера не нужно было долго упрашивать, и, расправившись с завтраком, он с тоской подумал о сигарете и кофе. К счастью, тяготы военного времени научили его довольствоваться малым. Он энергично умылся в корыте на улице и почувствовал себя совсем неплохо.

Когда он вернулся в хижину, оказалось, гостей в ней прибавилось. Правда, Хольгер обнаружил это только тогда, когда кто-то дернул его за штанину и прогудел низким басом:

— А вот и я!

Хольгер опустил глаза и увидел коренастого человечка с темным, землистым лицом, ушами, похожими на ручки пивной кружки, носом-туфлей и белой бородой. Человечек был одет в коричневую куртку, такие же штаны, но при этом бос. Роста в нем не было и трех футов.

— Это Хуги, — сказала Мать Герда. — Он будет твоим проводником.

— Э-э-э... очень приятно, — отозвался Хольгер. Он взял карлика за руку и потряс ее, отчего тот просто остолбенел.

— Пора в путь! — весело воскликнула старуха. — Солнце высоко, а вам предстоит долгая дорога, полная напастей. Но не страшись их, сэр Хольгер. Лесной народ — а Хуги из их рода-племени — знает, как избегать нежелательных встреч. — Она протянула ему холщовый мешок. — Я собрала немного мяса и хлеба, и еще кое-чего: уж я-то знаю, как вы о себе заботитесь, благородные паладины, странствующие по белу свету и прославляющие имена своих дам. Разве помыслите вы о том, чтобы припасти что-нибудь на обед? Ах, будь я молодой, я бы и сама об этом не думала, ибо когда мир цветет, то живот не в счет. Теперь, в мои годы, о чем другом еще и помнить бедной старухе?

— Спасибо, Мать Герда, — смущенно поблагодарил Хольгер.

Он шагнул к выходу, но Хуги неожиданно вцепился в его штанину.

— Ты что? — пробасил он. — Замыслил в лес ехать в одной рубашонке? В чащобе найдется немало лихих людей, которые будут рады-радешеньки проткнуть ножичком богатого путника.

Мать Герда ухмыльнулась и заковыляла к двери. Хольгер распаковал свой тюк, и Хуги помог ему облачиться.

Толстый кафтан, кожаные наколенники. Потом кольчуга — звонкая и тяжелая. Ремни... Этот, кажется, на пояс, за него можно заткнуть стилет. Этот — через плечо, на нем висит меч. Пикейная шапочка, сверху шлем. Золоченые шпоры. Пурпурный плащ... Хольгер никак не мог решить: франтом или идиотом он сейчас выглядит.

— Доброго пути, сэр Хольгер, — напутствовала его Мать Герда, когда он вышел во двор.

Знать бы, как в этих краях принято выражать благодарность!

— Я... помяну тебя в своих молитвах, — промямлил он.

— Помяни, сэр Хольгер, помяни, — старуха хихикнула и скрылась в хижине.

Хуги подтянул штаны.

— Идем, что ли? — буркнул он. — А то слов много, а дела мало. И если кому надо в Фейери, то ему давно пора быть в седле.

Хольгер вскарабкался на Папиллона и усадил карлика впереди.

— Едем туда, — указал тот рукой на восток. — Не будем мешкать — так денька за два-три доберемся до замка Альфрика.

Они тронулись с места и вскоре вновь вступили в лес. Хижина старухи скрылась за деревьями. Тропа, возможно, звериная, была довольно широкой и достаточно прямой. Шелестела листва, распевали птицы, копыта стучали о землю, скрипели подпруги, и позванивало железо. Воздух был чист и прозрачен.

Хольгер вспомнил о своей ране: голова не болела, старухины снадобья в самом деле оказались волшебными. М-да... Вся эта история, в которую его угораздило... Сосредоточимся. И порассуждаем. Итак, каким-то неведомым образом он перенесен в другое время, если не в другое пространство. Если это, конечно, не сон. Он находится в мире, в котором имеется по крайней мере одна настоящая ведьма, один натуральный гном и некто по имени Самиэль — дух или демон, или что-то подобное. Не исключено, что в окружающем его мире это рядовые явления. Что из этого следует?

Рассуждать логично было совсем не просто. Нелепая ситуация, в которой он оказался, навязчивые мысли о доме и легкая паника (не останется ли он здесь навсегда?) — все это заставляло его мысли крутиться в какой-то дьявольской карусели. Перед его взором вставали, как наяву, изящные шпили Копенгагена, заросли вереска на берегу Ютландии, небоскребы Нью-Йорка, золотая дымка над Сан-Франциско, вереница милых подружек и миллион мелочей, которые окружали его в повседневной жизни. Ему хотелось кричать, звать на помощь, бежать со всех ног туда, где мирно стоит его дом... Нет, об этом лучше не думать. Не думать об этом! Будем думать о том, как приспособиться к изменившимся обстоятельствам. И если герцог из Фейери — будь это место хоть самой преисподней! — способен ему помочь, едем к герцогу! Хоть какая-то, но надежда. А пока остается благодарить судьбу хотя бы за

то, что весь этот кошмарный бред каким-то чудом еще не помутил его разума.

Хольгер оглядел своего проводника.

— Я очень тебе благодарен, — сказал он. — Как я с тобой рассчитаюсь?

— О чем речь, — отвечал Хуги. — Я ведь стараюсь ради ведьмы. Не то, чтобы я был ее слугой — мы, лесные, только подсобляем ей время от времени: дровишек подкинуть, воды там наносить или еще что по хозяйству. Не задаром, конечно. Слов нет, не шибко я ее, сову старую, жалую, однако пиво у нее хоть куда.

— Мне она показалась... весьма любезной...

— Да уж, язык-то у нее без костей, и стелет она мягче некуда, когда пожелает, — ухмыльнулся Хуги. — Вот так же охмурила она и младого сэра Магнуса, когда его сюда нелегкая занесла. Да ведь она якшается с черным искусством! Ловка она в этом, ловка, хоть и не больно сильна. Вызвать пару демонов средней руки, да и те то соврут, то напутают — вот и все, на что она способна. Помню, — вновь усмехнулся он, — как-то раз один крестьянин из Вестердейла залил ей сала за воротник, так она поклялась, что напустит на его хлеб спорынью. Да то ли он хлеб святой водой окропил, то ли ее ворожба была хилой, только кончилось все тем, что она тужилась-тужилась, кряхтела-кряхтела, да так ничего и не выворожила, разве что хлеба малость помяло градом. Вот она и спешит угождать господам из Срединного Мира, все чает, что ей от них хоть какая милость перепадет, да только до сих пор что-то не видать никакой корысти.

— Что же случилось с сэром Магнусом? — спросил Хольгер.

— Да много чего. А в конце концов его сожрал крокодил.

Они долго ехали молча. Хольгер прервал молчание первым и спросил, что представляет собой лесной народ и чем он занимается. Хуги охотно отвечал, что народ его живет в лесах, а леса тут бескрайние, что кормится грибами, да орехами, да разной лесной всячиной и дружит с малым лесным зверьем — кроликами и белками. Что нет у них способностей к магии, как у жителей Фейери, но зато нет и страха перед крестом и железом.

— А до всяких там войн и сражений, что не редкость в наших краях, нам и дела нет, — говорил Хуги. — У нас свои правила, а на небесах и в аду, в Империи и Фейери — свои,

как кому больше нравится. И пусть все эти господа друг друга в конце концов хоть перебьют, хоть перетопят, а у нас все как есть, так и останется. Чтоб их приподняло да треснуло!

Очевидно, подумал Хольгер, их раса за что-то сильно обижена и на людей, и на жителей Срединного Мира.

— Что-то я не понимаю, — пробормотал он. — Если на Мать Герду положиться нельзя, то зачем мы по ее совету едем в Фейери?

— Вот именно, — Хуги пожал плечами. — Правда, я не сказал, что творит она только зло. Если нет у нее на тебя обиды, то отчего ж не помочь советом? Глядишь — и облагодетельствует тебя герцог Альфрик, коли развлечется загадкой, какую, сдается мне, ты ему загадаешь. Они там сами про себя наперед ничего сказать не могут. Живут в мерзости и потому в войне на стороне Темного Хаоса стоят.

Эти новые сведения ничего для Хольгера не прояснили. Пока что Фейери была для него единственной надеждой на возвращение, но в равной степени могло оказаться, что его увлекают в ловушку. Хотя зачем кому-то морочить себе голову и вредить неведомому чужестранцу, тем более что у него ни гроша за душой?

— Хуги, ты будешь рад, если я попаду в переделку? — спросил он.

— Зачем? Ты мне не враг. К тому же, я вижу, что ты человек хороший. Не то, что некоторые, с которыми мне приходилось иметь дело, — он сплюнул. — Что там у Герды на уме, мне до одного места. Говорю, что знаю, вот и все, мое дело маленькое. Тебе надо в Фейери — пожалуйста, я провожу.

— И чем это все для меня кончится, тебе безразлично, да?

— Ага. Меня научили не совать нос в чужие дела. — Карлик явно имел в виду какую-то старую обиду.

«Сделать из него союзника, — подумал Хольгер, — будет не так уж сложно».

— По-моему, — сказал он, — в узелке что-то булькает. А у меня сильно пересохло в горле. Давай остановимся.

Хуги облизнулся. Они развязали подаренный мешок и обнаружили несколько глиняных фляг. Хольгер открыл одну из них и протянул карлику. Хуги опешил. Однако чувство субординации оказалось слабее любви к пиву, и он, махнув рукой, взял флягу и приложился к ней от всего сердца. Опорожнив сосуд наполовину, он с трудом оторвался, отрыгнул и протянул пиво Хольгеру.

Пустая фляга кубарем полетела в траву. Они двинулись дальше.

— Диковинные у тебя манеры, сэр Хольгер, — после долгого молчания произнес Хуги. — Ты, пожалуй, не из императорских рыцарей, но вроде бы и не сарацин.

— Да, — кивнул Хольгер. — Я из очень далекой страны. У меня на родине считается, что между людьми нет особой разницы.

Глазки гнома удивленно сверкнули.

— Ужасные вещи ты говоришь. Кто же правит страной, где все равны — и господин, и простолюдин?

— Каждый имеет право голоса, когда нужно что-то решить.

— Быть того не может! Из этого выйдет одна болтовня и ни капли толку.

— У нас в этом деле порядочный опыт. Видишь ли, потомственные монархи слишком часто оказывались или глупцами, или садистами, или рохлями. В конце концов, мы решили, что хуже без них не будет. В моей стране есть король, но он ничего не решает, а только как бы хранит традицию. А другие страны вообще избавились от королей.

— Хм! Престранные вещи... И, по правде говоря... Сдается мне... Уж не из сил ли ты Хаоса?

— Кстати, — сказал Хольгер, — что такое Хаос? Мне почти ничего неизвестно о ваших странах. Ты не мог бы мне рассказать?

Гнома не пришлось долго упрашивать, но из щедрого потока красноречия Хольгер выудил весьма скудные сведения: Хуги не блистал умом и вдобавок был закоренелым провинциалом. Главное, что определяло законы этого мира, была бесконечная война между изначальными силами Хаоса и Порядка. Но что это были за силы? Какова их природа? Во всяком случае, Хольгер понял, что на стороне Порядка в основном выступали люди. Правда, не все; некоторые из них (одни по недомыслию, другие — ведьмы и чернокнижники) из корысти продались Хаосу. И наоборот, кое-кто из нелюдей поддерживал Порядок. Лагерь Хаоса составлял весь Срединный Мир, в который, как понял Хольгер, входили страны Фейери, Тролльхейм, а также страна великанов. Мир Порядка зиждился на принципах гармонии, любви и свободы, которые были ненавистны обитателям Срединного Мира. И потому они изо всех сил стремились разрушить Мир Порядка и подмять его

под себя. Хаос не брезговал ничем, и особенно на руку ему были войны, которые люди вели между собой. Примером тому — война сарацин и империи.

Все это было для Хольгера мистикой и абракадаброй, но когда он пытался вытащить из Хуги более конкретные сведения, тот отвечал еще более туманно. Хольгер узнал лишь то, что земли людей, где правил Порядок, лежат на западе. Они разделены на Святую империю христиан, страну сарацин и отдельные королевства. Ближайшая страна Срединного Мира — Фейери — лежит к востоку, а район, где они находятся сейчас, — ничейный и спорный.

— В стародавние времена, — рассказывал Хуги, — сразу после Упадка, почти везде царил Хаос. Ну, стали его теснить — шаг за шагом. Дальше всего оттеснили, когда пришел Избавитель, однако же до конца с ним совладать не смогли. А нынче ходят такие слухи, что Хаос опять силу набрал и большую войну готовит.

...Что тут вздор, а что истина, выяснить удастся не скоро. Во всяком случае, любопытно то, что у этого мира, кажется, много общего с миром Хольгера, так что они не могут не иметь каких-то связей. Очевидно, время от времени они как-то пересекаются, кто-то проваливается в параллельный мир, а потом возвращается с рассказами, которые затем превращаются в легенды и мифы. Выходит, здесь родина чудовищ из мифов? М-да... Вообразив себе некоторых из них, Хольгер от всего сердца пожелал себе, чтобы эта догадка не подтвердилась.

Встреча с огнедышащим драконом или с великаном о трех головах — как бы они ни были интересны с точки зрения зоологии — вовсе его не устраивала.

— Ну и вот еще что, — сказал Хуги. — Крест свой нательный, если ты его носишь, и оружие железное придется тебе оставить за воротами. И молитв в замке нельзя читать. Господа из Фейери, конечно, против них бессильны, однако, коли ты к ним прибегнешь, они отомстят и способ отыщут, чтобы на тебя злые чары наслать.

Атеистам, кажется, здесь делать нечего. Хольгер был крещен в лютеранской церкви, но уже много лет не переступал порог храма.

Хуги продолжал болтать без умолку. Хольгер из вежливости поддакивал. В конце концов их беседа вылилась в обмен анекдотами, и Хольгер выложил все плоские остроты, какие смог припомнить. Хуги рычал от смеха.

На берегу живописного ручья они остановились пообедать. Хольгер сел на камень. Хуги неожиданно положил ему на плечо руку и сказал:

— Сэр рыцарь! Я хотел бы, если ты не против, кое-что тебе посоветовать.

Итак, тактика Хольгера увенчалась успехом.

— С удовольствием воспользуюсь твоим советом, — ответил он.

— Я все думаю, как тебе быть. Может, ехать в Фейери, как насоветовала ведьма, а может, побыстрее повернуть в обратную сторону? И ничего путного придумать не могу. Только одно: знаю я в здешнем лесу кое-кого, кто поумнее меня и кому все слухи-новости ведомы...

— Ты хочешь устроить мне с ним встречу?

— С ней, а не с ним. Первого встречного я бы, понятно, к ней не повел, в головах у них одна только похоть, а ей это не по душе. Ты — другое дело... Да! Проведу тебя к ней!

— Спасибо, друг. Может, и я когда-нибудь смогу тебе услужить.

— Пустяки, — буркнул Хуги. — Ты вот что... При ней будь поделикатнее, что ли...

Глава 4

Они повернули на север. Хуги разоткровенничался и теперь угощал Хольгера бесконечными воспоминаниями о своих амурах с женщинами своего народа. Хольгер слушал вполуха, изображая восхищение, которого подвиги Хуги, несомненно, заслуживали бы, будь они правдой хотя бы наполовину.

Дорога пошла вверх, лес поредел. По сторонам открывались поляны, залитые солнцем, напоенные ароматом полевых цветов, между деревьями дыбились серые валуны, порой лес расступался, и открывался вид на синеющие вдали горы. Тропу то и дело пересекали ручейки, со звоном бегущие в долину, украшенные миниатюрными радугами на перепадах. С ветвей, как изумрудные молнии, срывались зимородки, высоко в небе парили ястребы и орлы, гомон диких гусей доносился из озерного камыша. Мелькнул заяц, тропу пересек олень, в кустарнике фыркала медвежья парочка. Светлые тени белых облаков бежали, как волны, по цветущим лугам, ветерок освежал лицо. Путешествовать по этому краю было подлинным наслаждени-

ем. Даже тяжеловесная рыцарская экипировка уже не казалась Хольгеру обременительной и дурацкой.

А из глубин его подсознания всплывали туманные воспоминания о том, что в этих местах он когда-то уже бывал. Может, это напомнило ему Альпы? Пожалуй, нет. Высокогорные луга в Норвегии? Тоже нет. И дело, кажется, не во внешнем сходстве. Он бывал именно здесь! Но эта мысль была настолько дикой, что он постарался отбросить ее.

И все-таки если переход в этот мир вооружил его знанием неизвестного языка, то не исключено, что его мозг может выкинуть и другие штуки. А может, в его теле просто оказалось чужое сознание? Он внимательно осмотрел свои ладони, крепкие длинные пальцы, ощупал нос, горбинку на котором оставил ему на память тот великий день, когда они разнесли команду Политеха (счет 38:24). Нет, он это он. И, кстати, весьма нуждается в бритве.

Солнце уже клонилось к закату, когда они выехали на пологий берег обширного озера. Из камышей поднялась в воздух стая диких уток.

— Туточки, — сказал Хуги. — Уф! Мой бедный-бедный зад. — Он спрыгнул с коня и потер ягодицы.

Хольгер спешился. Стреноживать верного, как пес, Папиллона не было надобности, он только перебросил поводья на луку седла. Жеребец потянулся к сочной траве.

— Надо ее подождать, — пробурчал Хуги. — У нее здесь гнездо. А коли ждать, быстрее получится, если промочить горло.

Хольгер извлек из мешка еще одну флягу.

— Ты мне так и не рассказал, кто она?

— Алианора-то? Дева она, лебедь, — ответил гном и сделал огромный глоток. — Летает себе по лесам и собирает наши слухи да новости — кто шепнет, кто крикнет. Мы тут все ее любим. Уф! Может, ведьма из старой Герды и никакая, но пиво у нее — как ни у кого другого.

Папиллон заржал. Хольгер резко обернулся и увидел гибкое пятнистое тело, быстро скользящее к озеру. Леопард!

Мгновение — и он, уже готовый к сражению, сжимал в руке меч.

— Не надо! Не надо! — Хуги попытался схватить его за руку. — Он мирный. Он не нападет, если его не трогать.

Леопард застыл и устремил на них холодный желтый взгляд. Хольгер вернул меч в ножны. Над головой зашумели большие крылья.

— Она, она! — радостно закричал Хуги и принялся прыгать и размахивать руками. — Э-ге-гей! Давай сюда, к нам!

С неба упал лебедь. Такой огромной птицы Хольгер еще никогда не видел. Лучи солнца золотили красивое оперение.

Хольгер неуверенно шагнул вперед, чтобы представиться, как принято в подобных случаях. Птица взмахнула крыльями и отлетела в сторону.

— Не бойся, Алианора, не бойся! — Хуги выбежал вперед. — Это страсть какой благородный рыцарь, он хочет только кое-что у тебя спросить.

Лебедь встрепенулся, вытянул шею, раскинул крылья и поднялся во весь рост. И — Боже! — тело прямо на глазах стало удлиняться, шея — укорачиваться, крылья — утончаться... Хольгер перекрестился.

И вот вместо лебедя перед ним стоит женщина!

Нет — девушка! Не старше восемнадцати лет: стройная и высокая, загорелая, с каштановыми волосами, свободно падающими на плечи, большими серыми глазами, нежным ртом и россыпью редких веснушек на вздернутом носике — загляденье! Хольгер понял, что нужно делать: он расстегнул шлем, снял его, сдернул шапочку и поклонился.

Она робко шагнула ему навстречу. Ее длинные ресницы дрогнули. Весь ее наряд состоял из короткой туники, сшитой, казалось, из невесомых перьев и плотно облегающей тело. Босые ступни тонули в траве.

— Стало быть, это ты, Хуги, — произнесла она. В ее низком контральто звучали те же, что и у Хуги, гортанные нотки. — Привет тебе. И тебе привет, сэр рыцарь, друг моего друга.

Леопард подошел к ней, сел и подозрительно воззрился на Хольгера. Алианора улыбнулась и потрепала его по шее. Он потерся мордой о ее колено и заурчал, как дизельный двигатель.

— Этого длинного молодца звать сэром Хольгером, — объявил Хуги важно. — А ты, сэр рыцарь, понятное дело, видишь перед собой деву-лебедь. А потому пора подкрепиться. — И гном вновь приложился к фляге.

— Гм! — Хольгер не знал, что говорить. — Для меня счастье познакомиться с тобой, благородная госпожа.

Девушка явно продолжала его опасаться, и Хольгер решил, что следует вести себя как можно более учтиво и осторожно.

— О нет, — улыбнулась она. — Это для меня счастье. Не часто я встречаюсь с людьми, а тем более с такими мужественными воинами.

Она не кокетничала — только соревновалась с ним в галантности.

— Так будем мы ужинать или нет? — подал голос Хуги. — У меня кишка к кишке прилипает.

Они расположились на траве. Алианора грызла черный хлеб с таким же, как и гном, удовольствием. Ели молча. Солнце уже падало за лес, и тени стали такими длинными, словно старались дотянуться до противоположного горизонта. Когда все было съедено, Алианора обратилась к Хольгеру:

— Один человек ищет тебя, сэр рыцарь. Сарацин. Он твой друг?

— Что?.. Сарацин? — растерялся Хольгер. — Пожалуй... Я прибыл издалека и никого здесь не знаю... Ты, верно, ошиблась...

— Может быть, — улыбнулась Алианора. — А что привело тебя ко мне?

Хольгер кратко рассказал об истории с ведьмой и своих затруднениях. Девушка нахмурилась.

— Ты полагаешь, что мне лучше не встречаться с герцогом Альфриком?

— Этого я не сказала. В Фейери я никого не знаю. Кое с кем из Срединного Мира я знакома, но с теми, кто попроще, — с домовыми, кобольдами и несколькими русалками.

Хольгер почесал затылок. Опять двадцать пять! Едва только он сумел убедить себя, что он в своем уме, что ситуация, в которой он тут очутился, хоть и выглядит фантастической, но все же может быть научно объяснена, как они опять за свое: плетут о сверхъестественном с таким видом, словно говорят о соседе по лестничной площадке.

Хотя... Может быть, оно и впрямь по соседству с этой поляной! Ладно! Разве он не видел собственными глазами, как полчаса назад лебедь стал человеком?

Его смятение осталось незамеченным, но от этого он почему-то почувствовал себя чудовищно одиноким. Нет, не нужно проклятий. Или рыданий. Благоразумие — прежде всего. Он помедлил и спросил:

— Не могла бы ты подробнее рассказать мне о сарацине?

— Ах, о нем... — Девушка, не отрываясь, наблюдала за полыхающей на закате гладью озера. В воздухе носились лас-

точки. — Сама я не видела его, но лес полон разговоров о нем. Кроты бормочут в своих норах, шепчутся барсуки, зимородки и вороны кричат об этом повсюду. Вот я и узнала, что уже не одну неделю кочует по здешним местам одинокий рыцарь, судя по оружию и внешности — сарацин. И всех спрашивает о христианском рыцаре. Никто не знает, зачем он ищет его, только тот в его описаниях похож на тебя: гигант со светлыми волосами, верхом на черном коне, и герб у него... — Она взглянула на Папиллона. — Твой щит в чехле. Герб, о котором он говорит, — это три сердца и три льва.

Хольгер вздрогнул.

— Но я не знаю никакого сарацина! — воскликнул он. — Вообще никого здесь не знаю. Я попал сюда из таких дальних мест, о которых вы не имеете и представления...

— Может, это враг, ищущий твоей смерти? — с интересом полюбопытствовал Хуги.

— Я сказал, что не знаю его! — с раздражением воскликнул Хольгер и спохватился: — Извините... Я не в своей тарелке...

Алианора тихо рассмеялась:

— Не в своей тарелке? Как смешно!

Хольгер отметил про себя, что банальности его мира могут сходить здесь за острословие.

Однако вернемся к сарацину. Кто он такой, черт побери?! Единственным мусульманином, с которым Карлсен был знаком, был когда-то его сокурсник — робкий, маленький сириец в больших очках. Этот «сарацин» не пустится на его поиски, тем более напялив на голову консервную банку.

Важно, что его, Хольгера, путают с кем-то, у кого такой же конь и похожая внешность. И это может грозить неприятностями. Так что лучше держаться от сарацина подальше.

— Решено. Я еду в Фейери, — заявил он.

— Решено? — глухо переспросила Алианора. — А на чьей ты стороне — Хаоса или Порядка?

Хольгер пожал плечами.

— Ответь, — настаивала она. — Я не умею предавать.

— Порядка, я полагаю, — подумав, ответил он. — Хотя что он здесь означает?

— Я почувствовала, — сказала Алианора. — Я ведь тоже из человеческого рода. И хотя сторонники Порядка порой и пьяницы, и невежи, но их дело все равно ближе мне, чем дело Хаоса. Я тоже решила — я еду с тобой, сэр рыцарь. Возможно, я принесу тебе пользу.

Хольгер собрался возразить, но она решительно подняла тонкую руку:

— Нет, нет, решено. Это не так уж опасно для меня: я умею летать.

Спускалась ночь, звездная и росистая. Хольгер снял с Папиллона попону и расстелил на земле. Алианора заявила, что будет спать на дереве, и удалилась. Хольгер лег. Звезды мерцали над головой. Он узнал знакомые созвездия: над ним было летнее небо Северной Европы. Однако сколько отсюда миль до его дома? И разве это расстояние можно измерить в милях?

Тут он вспомнил, как перекрестился, когда увидел перевоплощение Алианоры. Почему он сделал это — впервые в жизни? Поддался наваждению средневековья? Или это еще один из подарков неведомой силы, научившей его неизвестному языку и умению ездить верхом?.. Непостижимый мир, непостижимый путь...

Здесь не было комаров. Спасибо и на том. Хотя, как напоминание о доме, их можно было бы и потерпеть... Он повернулся и заснул.

Глава 5

Рано утром они пустились в путь уже втроем: Хольгер и Хуги верхом на Папиллоне, а над ними — превратившаяся в лебедя Алианора. Она то летела над их головами, то взмывала высоко вверх и кружила в небе, то исчезала далеко впереди за кронами деревьев, чтобы через минуту вновь показаться в небе над ними. Поднималось солнце, поднималось настроение у Хольгера. По крайней мере, теперь у него были цель и неплохая компания.

Продвигаясь все дальше к востоку, к полудню они достигли самой высшей точки. Это была дикая, продуваемая всеми ветрами местность, усеянная острыми скалами, между которыми шумели водопады. Трава здесь была жесткой и редкой, а деревья — корявыми и низкорослыми. Хольгер осмотрел горизонт, и ему показалось, что на востоке разлита в воздухе какая-то странная темнота.

Тут Хуги затянул хриплым голосом песенку, изобилующую непристойностями. Не желая остаться в долгу, Хольгер в ответ спел «Шотландского старьевщика» и «Бастард — король Англии», на ходу переводя их с легкостью, изумившей его

самого. Карлик рычал от смеха. Когда Хольгер, войдя во вкус, начал петь «Трех ювелиров», на них упала тень. Он поднял голову и увидел, что лебедь, с интересом прислушиваясь, парит над ними. Слова песенки, предназначенной отнюдь не для девичьих ушей, застряли у него в горле.

— Эй, давай дальше! — пнул его Хуги. — Песенка что надо! Ха!

— Я... забыл, что дальше, — промямлил Хольгер. Он ужаснулся, представив, как посмотрит в глаза Алианоре, когда они остановятся на привал. Вскоре они действительно расположились на круглой полянке под скалой, в основании которой темнел заросший кустарником вход в пещеру. И девушка, вновь в человеческом облике, подошла к нему летящей походкой...

— Дорога с тобой, сэр Хольгер, полна музыки, — улыбнулась она.

— Э-э-э... благодарю... — буркнул он.

— Как бы мне хотелось, чтобы ты вспомнил, что же приключилось дальше с этими золотых дел мастерами, — сказала она. — С твоей стороны просто жестоко оставить их на крыше.

Он искоса взглянул на нее и не увидел насмешки — только живой интерес. Понятно, в каком деликатном окружении она здесь росла... Но смелости допеть песенку до конца у него, конечно, не хватит.

— Я постараюсь вспомнить, — соврал он. Вдруг кусты затрещали, и из пещеры вывалилось странное существо. С первого взгляда Хольгер решил, что перед ним какой-то безобразный мутант, но, присмотревшись, понял, что видит вполне нормального представителя еще одной здешней гуманоидной расы. Существо было несколько выше Хуги и значительно шире. Мощные руки свисали до колен. Голова была большой и круглой, с плоским носом, острыми ушами и словно прорезанным бритвой ртом. На серой коже не росло ни единого волоска.

— Ах, это Унрих! — воскликнула Алианора. — Я и не знала, что ты забираешься так высоко в горы.

— Ха! Труды наши ведут нас, — отвечал Унрих, оглядывая Хольгера пристальным взглядом круглых глаз. Из одежды на нем был только кожаный фартук. В руке он держал молоток. — Мы новую штольню бьем. Золото тут лежит, в оной горе.

— Унрих — гном, — объяснила Алианора. — Нас когда-то познакомили барсуки.

Вновь прибывший жаждал, конечно, услышать новости. Хольгеру пришлось рассказать свою историю с самого начала.

Выслушав его, гном сердито сплюнул.

— К замку тому, куда вы спешите, мало кто приязнь питает, — сказал он. — А ныне особенно, когда Срединный Мир орды свои сзывает.

— Что верно, то верно, — поддакнул Хуги. — Хлеба-соли в Альфриковом замке не жди.

— Слышал я, что эльфы и тролли временный союз заключили. А когда кланы оные воедино сбиваются, тут жди чего-то великого.

Алианора нахмурилась.

— Мне это не нравится, — сказала она. — Я тоже слышала, что черные маги без всякой опаски нарушают границы Империи и ведут себя так, будто бастион Порядка уже рухнул и препон для Хаоса нет.

— Бастион наш — святое заклятие, на Кортану наложенное, — подхватил гном. — Только ныне меч оный погребенный покоится в месте тайном и недоступном. А ежели его и отыскать, то кто же тогда его поднять на врага сможет?

Откуда Хольгеру знакомо это имя — Кортана? Унрих полез в карман фартука и, к изумлению датчанина, достал грубо вырезанную трубку и мешочек с чем-то очень похожим на табак. Ударив несколько раз куском кремня о железо, он высек огонь и глубоко затянулся. Хольгер проглотил слюну.

— Опять эти твои фокусы с глотанием дыма, — пробурчал Хуги.

— А мне нравится, — степенно ответил необычный гном.

— И правильно, — не выдержал Хольгер и процитировал: — «Женщина — всего только женщина, а хорошая сигара — это ритуал».

— Никогда не видела, чтобы люди подражали демонам в этом, — подняла брови Алианора.

— Одолжи мне трубку, — попросил Хольгер гнома. — И я покажу.

Тот скрылся в пещере и через минуту вернулся с большой вересковой трубкой. Хольгер набил ее, высек огонь и с наслаждением затянулся. Зелье было до чертиков крепким, но не хуже того, что курили в Дании во время войны. Хуги и Унрих захохотали. Алианора прыснула.

— Сколько ты хочешь за это? — спросил Хольгер. — Есть у меня епанча, так я готов поменять ее на эту трубку с кресалом и кисет табака.

— Идет, — поспешно кивнул Унрих. Хольгер понял, что продешевил.

— По справедливости, ты мог бы добавить немного сыры, — вмешалась Алианора.

— Ежели просишь об этом ты... — Унрих снова исчез в пещере.

— Вы, люди, непрактичная раса, — вздохнула Алианора.

И вот они снова в пути, разбогатевшие на несколько караваев хлеба, голову сыра и кусок ветчины.

Местность становилась все более дикой и мрачной. Странная темнота на востоке приближалась.

К вечеру они достигли соснового бора и остановились. Алианора рьяно взялась за сооружение шалаша. Хуги занялся ужином. Хольгер оказался не у дел. Впрочем, наблюдать за хлопотами девушки тоже было занятием, и не самым неприятным.

— Утром, — сказала она, когда опустились сумерки и путешественники уселись вокруг костра, — мы войдем в Фейери. И положимся на судьбу.

— А почему там, на востоке, такая темень? — спросил наконец Хольгер.

Алианора взглянула на него с удивлением.

— Воистину прибыл ты издалека, или кто-то наложил на твою память заклятие, — сказала она. — Всем известно, что фарисеи не выносят дневного света и потому царит у них вечный сумрак. — Ее лицо в свете костра сияло молодостью и красотой. — И если когда-нибудь победит Хаос, то этот сумрак на весь мир разойдется, и тогда никому не видать ни солнца, ни зеленой листвы, ни даже маленького цветка. Вижу, что ты и впрямь на стороне Порядка. — Она задумалась. — Но и в Фейери предивные красоты имеются.

Хольгер смотрел на нее сквозь языки пламени. Огонь искрами вспыхивал в ее глазах, сиял на волосах матовым блеском и рисовал тенями мягкие линии ее фигуры.

— Не хочу совать свой нос в чужие дела, — произнес он, — но мне все же непонятно, почему такая красивая девушка живет в дикой глуши среди... среди чужих ей племен.

— О, в этом нет тайны, — отвечала она, глядя в огонь. — Гномы нашли меня в лесу еще младенцем. Наверно, я была дочерью какого-нибудь переселенца, и меня украли разбойники. В этих краях это обычное дело. Видимо, они хотели вырастить из меня служанку, только раздумали и бросили в ча-

ще. Тогда гномы и лесные звери взялись за мое воспитание. Они были добрыми и мудрыми учителями и многому меня научили. А когда я выросла, они подарили мне этот наряд лебедя, который когда-то принадлежал валькирии. Благодаря его свойствам я, хоть и рождена человеком, могу превращаться в птицу, а потому чувствую себя в безопасности. Меня не прельщают дымные человеческие селения. Здесь у меня друзья и чистое небо. Вот и все.

Хольгер кивнул.

— А теперь ты расскажи о себе, — продолжала Алианора. — Где находится твой дом, как ты попал сюда, миновав и Срединный Мир, и земли людей. Это странно...

— Я сам хотел бы это знать, — отвечал Хольгер. В какой-то миг ему захотелось рассказать ей о себе все, но осторожность взяла верх. Скорее всего, она ничего не поймет. — Думаю, кто-то навел на меня чары. Я жил так далеко, что и слыхом не слыхивал о ваших землях. И вдруг в одно мгновение что-то перенесло меня к вам.

— Как называется твоя страна?

— Дания.

К его удивлению, она воскликнула:

— Я слышала о твоем королевстве! Хотя оно лежит далеко, но идет о нем добрая слава. Христианская это страна, и лежит она на севере Империи, так?

— Э-э-э... Вряд ли это та самая Дания... Моя Дания находится... Находится... — ему не хотелось врать ей в глаза.

— Кажется мне, что ты что-то скрываешь, — покачала она головой. — Что ж, воля твоя. Тут, в пограничье, не очень-то любопытничают, — она зевнула. — Будем спать?

Ночь была свежей, и, заснув, она прижалась к Хольгерду, пытаясь согреться. Юноша почти не спал, стуча зубами от холода и прислушиваясь к ее ровному дыханию. Невинный ребенок! Если случится так, что он не найдет дороги обратно...

Глава 6

Утром они двинулись дальше. Теперь дорога пошла под уклон, и Папиллон прибавил шагу. Хуги охал, когда копыта коня сбивали в бездну, над которой они мчались, шаткие валуны. Алианора кружила высоко в небе. Она нашла себе забаву, от которой у Хольгера кровь стыла в жилах: зависнув в

воздухе, она меняла облик на человеческий, а потом, в стремительном падении вниз, в последний момент вновь превращалась в лебедя. Правда, теперь у Хольгера была трубка, а значит, было чем успокоить нервы.

Дорога шла по сосновому бору, когда вдруг стало темно. С каждым шагом полумрак становился все гуще и плотнее, и путешественникам приходилось преодолевать странное сопротивление, как будто они двигались под водой. У Хольгера мурашки побежали по коже при мысли о том, что если так пойдет дальше, то вскоре они очутятся в полной тьме посреди мира, кишащего оборотнями, троллями и еще бог весть какой нечистью. Его опасения рассеялись, когда, спустившись ниже, они выехали из леса и оказались в просторной долине. Здесь тоже не было солнца, но воздух был прозрачным и теплым. Повсюду ароматом цветов. Высокие травы колыхались под ветром. Хуги кашлянул и сказал:

— Вот мы и в Фейери.

Хольгер внимательно осмотрелся. Отсутствие солнца или иного видимого источника света на небе густого вечернего синего цвета создавало ощущение, что они попали в подводное царство. Среди высокой бледно-зеленой с серебристым отливом травы сверкали, как звезды, большие белые цветы. «Асфоделии», — подумал Хольгер, в который раз удивляясь своим неожиданным познаниям. Тут и там цвели кусты белых роз. То группами, то поодиночке по долине были рассеяны деревья — стройные и высокие, с молочно-белыми стволами и такими же, как травы, бледно-зелеными листьями. Листья тихо звенели под порывами ветерка. Неподалеку струился ручей — не журчал, как обычный ручей, а в подлинном смысле слова вызванивал какую-то затейливую мелодию. Над водой стояла дымка, в которой играли цветные сполохи — белые, зеленые и голубые.

Папиллон фыркнул и заржал. Ему здесь не нравилось.

«Я уже видел это, — подумал Хольгер. — Именно эту холодную, спокойную синеву над бледными деревьями и плавной линией холмов. Но где и когда? В каком краю еще так звенят листья и поет ручей? Может быть, однажды белой ночью в Дании, еще до войны? Не знаю. Не помню...»

Они медленно продвигались вперед. В этом вечернем мире, лишенном теней, застыло, казалось, и само время: ландшафт менялся, но оставался неизменным; они ехали вперед, но оставались на месте... Вдруг лебедь камнем упал вниз, забил крыльями и превратился в Алианору.

— Я видела рыцаря, он скачет нам навстречу! — испуганно выдохнула она.

У Хольгера сжалось сердце. Но он постарался сказать как можно более небрежно:

— Отлично. Посмотрим.

Незнакомец выехал из-за холма. Под ним танцевал снежно-белый конь с длинной гривой и круто выгнутой шеей. Хольгеру он показался каким-то странным: слишком длинные ноги, слишком маленькая голова. Всадник был закован в черные латы. Забрало шлема опущено, оперение из белых перьев развевалось на ветру. Щит тоже черный, без герба. Незнакомец остановился, поджидая Хольгера.

Когда датчанин приблизился, всадник опустил копье и произнес:

— Стой и отвечай.

Голос его звучал, как из бочки. Хольгер натянул поводья.

— Я еду от ведьмы, которую зовут Мать Герда, с известиями для герцога Альфрика.

— Прежде всего я хочу видеть твой герб, — произнес всадник. — Никто не въезжает сюда тайно.

Хольгер пожал плечами, снял с седла щит и взял его в левую руку. Хуги стащил чехол. Увидев герб, рыцарь пришпорил коня и ринулся на Хольгера.

— Защищайся! — завизжал Хуги.

Папиллон отпрыгнул, всадник пронесся мимо. Остановив коня, он развернулся для новой атаки. Хольгер, подчиняясь неведомой силе, поднял, как во сне, копье, закрылся щитом и уперся ногами в стремена. Черный всадник помчался прямо на него. Наконечник его копья был нацелен в грудь Хольгеру.

Они столкнулись с лязгом и грохотом. Эхо прокатилось по холмам. Нижним краем щит больно въехал Хольгеру в живот, но зато его копье каким-то чудом угодило противнику в голову. Незнакомец вылетел из седла.

Однако он тут же вскочил с ловкостью, невероятной для человека в тяжелых латах. Свистнул меч, вынутый из ножен. На размышления времени не было, и Хольгер предоставил своему телу свободу. А оно, казалось, соскучилось по таким поединкам. Хольгер выхватил меч, ловко отразил удар и обрушил клинок на пернатый шлем. Противник пошатнулся, но устоял.

Меч создан для пешего боя, и потому Хольгер спрыгнул с коня, но, зацепившись шпорой за стремя, упал и опрокинулся

на спину. Черный рыцарь бросился к нему. Хольгер ударил его обеими ногами — тот отлетел. Оба вскочили на ноги одновременно. Зазвенели мечи. Хольгер пытался попасть клинком в щель в доспехах. Его противник метил в незащищенные ноги. Предупредив низкий секущий удар, Хольгер выбил меч из руки врага. Тот мгновенно выхватил кинжал и снова бросился в атаку.

Широким мечом неудобно наносить колющие удары, но Хольгер изловчился и вонзил острие в узкую щель между шлемом и железным воротником. Брызнули искры. Металлическая фигура пошатнулась, медленно опустилась на колени и с лязгом рухнула на траву.

Хольгер ошалело потряс гудящей, как колокол, головой. Белый конь галопом мчался на восток. «С докладом к герцогу», — подумал он. Хуги с ликующими криками заплясал вокруг лежащего врага, а Алианора повисла на шее у Хольгера. Она смеялась, и плакала, и восклицала, какой он могучий рыцарь и как он велик в бою.

«Это я-то? — подумал он. — Нет, это не я. Я ни черта не смыслю в поединке на копьях. Но кто же тогда провел за меня этот бой?»

Алианора склонилась над поверженным рыцарем.

— Крови не видно, — сказала она испуганно. — Но он наверняка мертв, потому что для фарисеев рана, нанесенная железом, смертельна.

Тем временем Хольгер пытался проанализировать бой. Во-первых, спешиваться было нельзя. Коня можно было использовать с большей для себя выгодой. Кстати, почему жителей Фейери зовут фарисеями?

Какое отношение они имеют к библейским фарисеям? Во-вторых, что они здесь используют вместо стали? Алюминиевые сплавы? Можно ли с помощью магии добывать из бокситов алюминий? Или они предпочитают сплавы бериллия, магния, меди, никеля, хрома?.. Мысль о чернокнижнике-эльфе, сидящем за спектроскопом, заставила его рассмеяться и окончательно прийти в себя.

— Ну что ж! — весело воскликнул он. — Посмотрим, кто ты такой!

Он опустился на колени и откинул забрало шлема. Внутри ничего не было. Черная пустота.

Фейери казалась необитаемой: вокруг только леса и луга, не знавшие плуга. Хольгер спросил, чем занимаются здешние жители, и Хуги с готовностью ответил, что в основном они маги и ратники и пропитание себе частью выколдовывают, а частью берут данью из других стран Срединного Мира. Кроме того, любят они охоту на диких зверей. А обслуга у них кобольды, гоблины и другие второсортные расы. Болезни и старость им неведомы, однако нет у них и души.

Хольгер вспомнил о пустых доспехах, лежащих в траве среди асфоделии, и содрогнулся. Нет, если он не хочет сойти здесь с ума, надо попробовать вникнуть в природные законы этого мира.

Здесь такие же звезды на небе, значит, перенос обошелся без космических путешествий. Законы физики и химии здесь, кажется, те же, однако они как-то сосуществуют с силами магии. Магия — что это такое? Допустим, это способность управлять материей с помощью энергии мысли. На Земле такие вещи известны: телепатия, телекинез и тому подобное. Но в этом мире ментальные силы, кажется, главенствуют над природными... Что же из этого следует? Неизвестно.

Все-таки главное для него сейчас — понять, где он. Может быть, он оказался в прошлом Земли? Или это другая Земля, расположенная в той же точке пространства и времени. Но два объекта, одновременно занимающие один и тот же объем?.. Может, это не только другая Земля, но и другая галактика? Вполне возможно и это. Но раз он сюда попал, между ними есть какая-то связь... Какая?

Нет, главное для него — выжить, тем более что кто-то определенно хочет смерти человека, носящего герб с тремя львами и тремя сердцами.

Вскоре они увидели замок. Белые стены поднимались на головокружительную высоту, остроконечные крыши венчали изящные маковки. Замок был точно из хрусталя: таким хрупким казался резной ажурный камень. Однако, приблизившись, Хольгер увидел, что при всей своей красоте это надежная крепость: стены массивны, а вокруг холма, на котором она стоит, вырыт глубокий ров. И — удивительно! — по рву несся стремительный прозрачный поток, не имевший видимых источников.

В отдалении виднелся еще один высокий холм, поросший розовыми кустами. Над его вершиной висела шапка тумана.

— Холм эльфов, — кивнул на него Хуги. — В его нутре эльфы свои нечестивые хороводы кружат, а при полной луне, бывает, безобразничают и снаружи.

Поодаль, за холмами, темнела стена густого леса.

— А там, в мрачной пуще, фарисеи охотятся на грифов да на мантикор.

Со стен замка звонко пропели трубы. «Увидели нас», — подумал Хольгер и положил руку на рукоять меча. Алианора спикировала вниз и приняла человеческий облик.

— Ты, Алианора, и ты, Хуги... — сказал Хольгер. — Вы меня проводили, и я вам благодарен. Однако теперь вам лучше вернуться...

— Нет, — решительно возразила Алианора. — Нет. Может быть, мы тебе еще пригодимся.

— Кто я вам? — попробовал убедить ее Хольгер. — Вы мне ничего не должны, а я и так уже ваш вечный должник.

— У меня предчувствие, — тихо сказала она. — Я уверена, что тебе выпал особенный жребий, и потому я должна остаться с тобой.

— Я тоже, — буркнул Хуги без особого восторга. — Спросите кого хотите, и вам скажут, что Хуги никогда не праздновал труса.

Больше Хольгер не настаивал. Свой долг он исполнил: они могли отступить, но не сделали этого. И, честное слово, он очень рад, что не сделали.

Ворота замка открылись. Опустился мост. Снова пропели трубы. Показался отряд всадников: штандарты и флаги, гербы и оперение на шлемах, щетина копий, поднятых в небо. Всадники Фейери. Хольгер сжал копье.

В сумрачном свете яркие краски нарядов, казалось, светились: тлело золото, мерцал пурпур, фосфоресцировала изумрудом зелень. Часть рыцарей была облачена в кольчуги с причудливой гравировкой, другие красовались в пышных нарядах и коронах. Всех без исключения отличали высокий рост и странная плавная грация. Печать надменности лежала на лицах с высокими скулами. Белая кожа, длинные голубоватые волосы, у большинства — бородка и усы. Когда они подъехали, Хольгер решил, что это племя слепых: в их глазах цвета лазури не было зрачков. Но вскоре он убедился, что зрение у них не хуже, чем у него.

Предводитель отряда остановил коня и легко поклонился.

— Привет тебе, рыцарь, — произнес он. Его речь звучала как пение. — Мое имя Альфрик. Я герцог Альфарланда в королевстве Фейери. К нам редко жалуют смертные гости.

— Привет тебе, герцог Альфрик, — отвечал Хольгер. — Меня послала к тебе ведьма по имени Мать Герда, верная, как я понял, служанка твоей милости. Только твоя мудрость, сказала она, сможет ответить на мучающие меня вопросы. Вот я и прибыл сюда, чтобы просить тебя о благосклонности и помощи.

— Я все понял и рад тебе, — пропел герцог. — Ты и слуги твои — мои гости. Располагайтесь и живите, сколько вам будет угодно. А я приложу все старания, чтобы в силу своих скромных возможностей помочь славному рыцарю в его затруднениях.

Хольгер не сомневался, что существо, атаковавшее его на границе Фейери, состояло на службе у герцога. Его три сердца и три льва не пользовались здесь любовью. Оставался вопрос: догадывается ли Альфрик, что перед ним не тот, кого ему нужно убить?

— Благодарю тебя, твоя милость, — отвечал он.

— С болью в сердце должен просить тебя, — учтиво продолжал Альфрик, — чтобы оставил ты за стенами замка железо и крест — о прискорбная слабость моей расы! Но не опасайся: взамен тебе выдадут иное оружие.

— В твоем замке, о герцог, гостю нечего опасаться, — продолжал упражняться в учтивости Хольгер.

— Я позабочусь о твоем оружии, Хольгер, — вступила в разговор Алианора. — Я останусь снаружи.

Красивые лица повернулись к ней.

— О, это та дева-лебедь, о которой мы столько слышали, — воскликнул герцог. — Нет-нет, прекрасная дева, плохим я буду хозяином, если не окажу тебе достойного гостеприимства.

Она покачала головой. Альфрик поднял брови:

— Ты отказываешься от приглашения?

— Отказываюсь, — отрезала Алианора.

— Я тоже останусь, — поспешно вставил Хуги.

— Нет, — возразила она. — Ты пойдешь с сэром Хольгером.

Хуги удрученно вздохнул, но промолчал. Альфрик пожал плечами.

— Что ж, не смею настаивать, — он вновь повернулся к Хольгеру. — Итак, сэр рыцарь?

Хольгер сошел с коня и снял меч. Папиллон, кося глазом на чужих лошадей, заржал. Алианора взвалила на жеребца амуницию Хольгера и взяла поводья.

— Я буду ждать в лесу, — сухо сказала она.

Хольгер проводил ее долгим взглядом.

Кортеж въехал в замок. Просторный двор украшали деревья, растущие в вазах, слух ласкали звон фонтанов и льющаяся откуда-то музыка, воздух был напоен ароматом роз. Живописной группой стояли у парадных дверей женщины Фейери. У него перехватило дыхание. О! Ради минутного взгляда на них стоило пересечь галактику. Он поклонился, ошеломленный.

Альфрик подозвал маленького зеленого человечка.

— Он проводит тебя в покои, — сказал он Хольгеру. — А потом мы ждем тебя, рыцарь, к обеду.

Хольгер и семенящий за ним Хуги двинулись по лабиринту коридоров. Свет сочился прямо из стен. Проходя мимо распахнутых дверей в залы, Хольгер видел безумную роскошь убранства: все здесь было просто усыпано драгоценными камнями. «Выколдовывают», — вспомнил он. Они поднялись по широкой винтовой лестнице, миновали просторный зал и оказались в апартаментах для гостей, состоящих из нескольких комнат. Каждая из них, без сомнения, поразила бы воображение даже автора «Тысячи и одной ночи». Гоблин поклонился им в пояс и ушел.

Хольгер стоял посреди немыслимого великолепия. Переливались, как перламутр, ковры. Стены были облицованы малахитом и яшмой и украшены золототканными гобеленами. За окном цвел сад. Неподвижным светом горели светильники на потолке. Хуги застыл перед одним из гобеленов: изображения на нем менялись, как в замедленной съемке, развертывая причудливый и весьма фривольный сюжет.

— Сильная вещь, — оценил Хуги. — И обстановочка не из бедных. Только весь этот замок я, не задумываясь, отдал бы за свой старый дуб. Нечисто здесь, а?

— Без сомнения, — кивнул Хольгер.

Он прошел в ванную комнату и обнаружил атрибуты цивилизации: проточную воду, мыло, ножницы, бритву и большое зеркало. И хотя все эти предметы имели вид не совсем привычный, он покинул ванную заметно посвежевшим. На широкой кровати в спальне его уже ждало приготовленное кем-то платье: шелковая рубашка с длинными рукавами, пурпурный атласный камзол, карминные панталоны, короткая голубая пелерина, черные бархатные туфли — все прошитое

золотой нитью, украшенное драгоценными камнями и отороченное мехом. Наряд сидел на нем как влитой. В углу спальни он обнаружил рыцарское снаряжение, в том числе и меч с круглым эфесом. Альфрик сдержал слово.

— Достойно и пышно предстанешь ты перед дамами, сэр Хольгер, — объявил Хуги. — И, глядишь, кого-то из них покоришь. Они, говорят, против тут не бывают.

— Хотел бы я знать, с какой стати они так любезны, — сказал Хольгер.

— Чего не знаю, того не знаю. Может, они расставляют силки. А может, Альфрику просто приятно тебе угодить. Не поймешь, что тут, в Фейери, у них на уме. Да они, пожалуй, и сами не знают толком, чего хотят.

Появился гоблин и почтительно известил, что обед подан. Хольгер последовал за ним. Вновь лабиринт коридоров, потом какой-то дымчато-голубой зал и, наконец — столовая. Назвать это помещение залом значило бы оскорбить его. Больше всего оно походило на стадион. В центре стоял невероятных размеров стол, рыцари и дамы окружали его, как радуга. Вокруг хлопотали слуги, откуда-то лилась музыка, смех и веселые возгласы витали в воздухе.

Хольгера усадили по левую руку Альфрика, между герцогом и женщиной по имени Меривен. Впечатление, которое произвели на него ее лицо и фигура, было таким сильным, что он едва разобрал ее имя. Однако, усевшись, он предпринял мужественную попытку завязать с ней салонную беседу.

Она довольно охотно отвечала на его более чем неуклюжие реплики. Прислушиваясь к разговорам вокруг, Хольгер отметил для себя, что искусство беседы было здесь на высоте: ум, поэтичность, остроумие, цинизм — виртуозное фехтование велось по правилам, которые были для него слишком сложны. Что ж, бессмертным, у которых нет иных забот, кроме охоты, магии и сражений, свойственно увлекаться софистикой. Каждому свое. Если бы еще у него так не кружилась голова от присутствия Меривен...

— В самом деле, — говорила она, обратив к нему лицо фантастической красоты, — ты отважный человек, рыцарь, коль дерзнул явиться сюда. А какой прекрасный и беспощадный удар нанес ты черному латнику — о, просто чудо!

— Ты видела? — изумился он.

— Да, я наблюдала — в Черном Колодце. Только не спрашивай меня, что это было, шутка или покушение. Моло-

дым мужчинам, сэр Хольгер, не всегда полезно знать слишком много. Капелька сомнения избавляет от лишнего веса, — мелодично рассмеялась она. — Но скажи мне, зачем ты здесь?

— А разве дамам не вредит лишний вес?

— Насмешник! Но я рада, что ты здесь. Ничего, что я так говорю? Не слишком откровенно? Просто мне кажется, что между нами проскочила какая-то искорка...

— Скорее всего, пробежала кошка, — усмехнулся Хольгер.

Она улыбнулась. Хольгер почувствовал себя персонажем шекспировской драмы — с той разницей, что он должен был сочинять остроты сам, а обед, в отличие от запасов его остроумия, грозил никогда не кончиться.

Но в конце концов это произошло, все поднялись из-за стола и перешли в другой зал, который предназначался для танцев и был еще огромнее. К счастью, танцевать его не заставили.

Как только зазвучала музыка, герцог отозвал его в сторону.

— Не угодно ли пройти со мной, сэр рыцарь? — сказал он. — Нам лучше поговорить в спокойной обстановке и с глазу на глаз. Боюсь, что потом мне будет непросто украсть вас хоть на минутку у наших дам.

Они покинули зал и вышли в сад. В фонтане журчала вода, в кустах распевал соловей. Они неторопливо двинулись по тенистой аллее.

— Итак, в чем твои затруднения, сэр Ольгер? — нарушил молчание герцог.

Хольгер рассказал ему все без утайки. Альфрик внимательно слушал, время от времени переспрашивая и не выказывая ни малейшего удивления. Когда Хольгер умолк, герцог вынул из-за пояса стилет и в задумчивости стал крутить его в руках. Хольгер заметил выгравированную на белом надпись: «Пламенное лезвие».

— Диковинная история, — произнес герцог. — Самая диковинная из всех, какие я когда-либо слышал.

— Но... ты сможешь мне помочь, благородный герцог?

— Не знаю, сэр Ольгер. Не знаю. Да, в пространстве много миров. Волшебники и астрологи давно это знают. Есть упоминания об этом и в некоторых старинных манускриптах... Твой рассказ подтверждает также некоторые мои мысли... Я часто думал о другой Земле, такой, какую описал ты. Возможно, это и есть источник наших легенд и мифов, таких, как сказание о Барбароссе или эпосы о Цезаре, Наполеоне и других героях... —

Альфрик задумчиво прочитал какие-то латинские стихи. Потом помолчал и продолжил: — Что я могу сделать для тебя, сэр Ольгер, так это вызвать духов, способных дать тебе хороший совет. На это, правда, потребуется известное время, но зато может выйти толк. А пока мы сделаем все, что в наших силах, чтобы ты не мог упрекнуть нас в негостеприимстве.

— Я доставляю тебе так много хлопот, благородный герцог...

— Ничуть, — герцог махнул рукой. — Вы, смертные, не можете даже представить себе, какой скучной может быть жизнь, не имеющая конца, и с какой радостью приветствуем мы все, что обещает разнообразие. Но, мне кажется, тебя заждались на танцах. Приятного отдыха.

Он поклонился и ушел. Хольгер остался один. Черт возьми, как он ошибался, опасаясь козней Срединного Мира! Нет, фарисеи — образец человеколюбия! И разве можно отвечать на это чем-то другим?

Он вернулся в танцевальный зал. Меривен порхнула из толпы навстречу и взяла его за руку.

— Сама не знаю, что со мной, сэр рыцарь, — проворковала она, — но, когда ты ушел, не сказав ни слова, мне стало так одиноко...

Волны музыки подхватили Хольгера. Увы, он не умел танцевать изящные церемонные танцы, какие танцевали вокруг, но Меривен мгновенно освоила па фокстрота, и вскоре Хольгер вынужден был признать, что у него никогда не было лучшей партнерши. Время потеряло для него смысл. Бал длился и длился... А потом они убежали в сад и пили вино из сказочного фонтана, и остаток несравненной ночи был блаженством, блаженством, блаженством...

Глава 8

В этой стране утро наступало тогда, когда тебе казалось, что ему пора наступить.

Хольгер спал долго и проснулся в прекрасном настроении. В спальне он находился один. Вошел гоблин, неся поднос с завтраком. Хозяева прибегли, разумеется, к колдовству, чтобы угодить его вкусам: на подносе не было никакой континентальной ерунды, только добрый американский завтрак: яичница с ветчиной, тосты, гречишное печенье, кофе и апельсиновый сок.

Хуги появился тогда, когда он уже одевался. Выражение лица карлика не предвещало ничего хорошего.

— Где ты был? — спросил Хольгер.

— О, я ночевал там, в саду. Я подумал, что так будет лучше, ибо ты... хм... был занят, — карлик уселся на стул — бурое пятно на золотом и пурпурном фоне. Он погладил бороду и сообщил: — Знай, что тебя хотят надуть. И мне это не по душе.

— Чепуха, — отмахнулся Хольгер. — Ты пристрастен.

Он вспомнил, что условился сегодня ехать с Меривен на соколиную охоту.

— Они умеют преподнести себя в лучшем виде и заморочить кому хочешь голову вином да прелестными девами, гораздыми в услаждении, — пробурчал Хуги. — Только вот приязни между людьми и фарисеями никогда не бывало, а ныне, когда Хаос войной грозит, тем более. И уж если я что говорю, то знаю. Я, покуда в саду лежал, много чего увидел. Ночью на самой высокой башне огонь пыхнул, и демон в дыму умчался. От него такой смрад чернокнижный пошел, что у меня кровь в жилах застыла. А потом другой демон с востока примчался с воем, да в той же башне исчез. Сдается мне, герцог на подмогу ужасное чудовище вызвал.

— Вот и отлично, — улыбнулся Хольгер. — Он мне вчера обещал, что сделает это.

— Хаханьки, — бурчал Хуги. — В пасти льва, между прочим, хаханьки. А вот бросят твой труп воронам на поживу, так люди и скажут, что Хуги не предостерег.

Хольгер оставил ворчуна-карлика, вышел из покоев и стал спускаться по лестнице. Возможно, Хуги в чем-то прав. Все это действительно может оказаться красивой ловушкой. Может быть, они хотят усыпить его бдительность и продержать здесь до тех пор, пока не станет поздно... «Поздно для чего?» — удивился он собственным мыслям. Нет, вздор. Если бы они пожелали, то давно могли бы проткнуть его стилетом или отравить. Вся его доблесть пока только в том, что он сумел одержать верх над одним из них. Но разве он справится с дюжиной?

Они не условились с Меривен насчет часа свидания — здесь никто, кажется, не считал времени. Хольгер вышел во двор и стал бесцельно слоняться, пока ему не пришла в голову мысль разыскать герцога и расспросить о продвижении своего дела. От раба-кобольда он узнал, что покои хозяина замка находятся на втором этаже северного крыла. Весело насвистывая, он взбежал, перепрыгивая через ступени, по высокой лестнице.

Но не успел он одолеть лестницу до конца, как дверь наверху распахнулась и появился герцог в сопровождении какой-то дамы. Хольгер видел ее только мгновение: дверь тотчас же захлопнулась, но этого было довольно, чтобы буквально ошеломить его. Он увидел живую богиню... или просто женщину, немного полнее и выше, чем остальные женщины Фейери... В ее длинных и темных как ночь волосах мерцала золотая диадема... Белое атласное платье ниспадало до пола... Лицо казалось выточенным из слоновой кости... Нос с царственной горбинкой... Надменность в уголках рта... О, герцогу повезло.

Герцог заметил Хольгера. В его глазах вспыхнул гнев, но его тотчас же сменила любезная улыбка.

— Добрый день, сэр Ольгер! Как самочувствие?

— Великолепное, благородный герцог, — Хольгер поклонился. — Надеюсь, и ты в добром здравии?

— Благодарю, да.

— А ты не слишком учтив, рыцарь, — послышалось за спиной Хольгера. — Где ты прятался от меня?

Меривен. Откуда она взялась? Она схватила Хольгера за руку и бесцеремонно потащила за собой.

— Пора на охоту, кони давно готовы! На охоту, рыцарь!

Они чудесно повеселились, пуская соколов, сбивая журавлей, диких павлинов и прочую птичью мелочь. Меривен без умолку болтала, и Хольгер весело хохотал в ответ на остроумные шутки. Но из головы у него не выходила эта женщина — подруга герцога. Он не мог отделаться от ощущения, что знал ее раньше!

Откуда ему известно, что у нее низкий голос и деспотичный нрав? Что порой она нежна, а порой жестока? Что все ее капризы и настроения — только круги на поверхности глубокой и темной воды? Откуда ему это известно?..

— Ты чем-то опечален, мой рыцарь? — Меривен положила руку на плечо Хольгера.

— О нет, только задумался.

— Фи! Как глупо! Всякая мысль — дитя заботы и мать печали. Сейчас мы прогоним ее прочь.

Она сорвала с дерева зеленую ветку, согнула ее в дугу и прошептала несколько слов. Ветка стала арфой. Меривен тронула струны и запела о любви.

Они уже выезжали из леса, когда Меривен схватила его за локоть.

— Смотри! — прошептала она. — Вон там! Видишь? Единорог! О, они редко забредают сюда...

Хольгер увидел, как за стволами деревьев мелькает удивительное и прекрасное животное. У него была белоснежная шерсть, а его рог обвивал побег плюща. Но что это?.. Как будто бы кто-то шествует рядом с ним? Меривен подобралась, как дикая кошка перед прыжком.

— Если нам удастся подкрасться поближе...

Она осторожно пустила коня по ковру из мха.

Единорог повернул голову и увидел их. На миг он застыл, но уже в следующее мгновение исчез — только светлая молния мелькнула вдали. Красавица виртуозно выругалась. Хольгер молчал и переваривал увиденное. Померещилось это ему или нет? Рядом с единорогом он увидел Алианору...

— Не повезло, — махнула рукой Меривен. — О, ты огорчился, мой рыцарь? Не стоит. Я соберу друзей, и мы устроим облаву на эту тварь.

Видение Алианоры смутило Хольгера. Она появилась как будто нарочно для того, чтобы напомнить ему об осторожности. И он хотел бы теперь поговорить с Хуги.

— Прости меня, благородная дама, — сказал Хольгер. — Я хотел бы принять ванну перед обедом.

— О, моя ванна достаточно велика для нас обоих. И удобна для кое-каких упражнений.

У Хольгера вспыхнули уши.

— Но я хотел бы еще и вздремнуть немного, — стал отбиваться он. — Я должен быть в хорошей форме к вечеру...

Он удрал прежде, чем она смогла настоять на своем. Хуги был дома и спал, свернувшись калачиком. Хольгер потряс его за плечо.

— Сегодня утром я видел женщину, — нетерпеливо сообщил Хольгер, как только Хуги открыл глаза. — Кто она? — И он подробно описал встречу.

— Хм?.. — Хуги поскреб в затылке. — Сдается мне, что ты выследил саму королеву фей Моргану. Стало быть, это ее вызвал сегодня ночью Альфрик с Авалона. Чую, готовится тут сатанинский шабаш.

Фея Моргана! Конечно, это она! Но откуда у него такая уверенность? Хуги упомянул об Авалоне... Откуда известно Хольгеру, что Авалон — остров, на котором поют птицы и цветут розы, сверкают радуги и властвует волшебство?..

— Расскажи мне о ней, — попросил он.

— Ого, уж не решил ли ты за ней приударить? Моргана — не для таких, как ты, и не для таких, как Альфрик. Не задирай голову высоко, а то солнце глаза сожжет или луна разум высосет.

— Я просто хочу понять, зачем она здесь.

— Я о ней сам не слишком-то много знаю. Авалон, например, остров. Он далеко в западном океане лежит, а про запад я знаю лишь то, что в старых легендах сказывается. Говорят, она сестра короля Артура, а тот был у бриттов последним великим королем. Только в ней, мол, и осталась ихняя кровь. Сказывают, что она самая великая ведьма и во всем христианском мире, и среди язычников, и даже в Срединном Мире равных ей нет. Смерти она не боится; капризна и гневлива до крайности. Чью она сторону держит — Хаоса или Порядка, — неведомо. А может, она как есть сама по себе. Говорят еще, что Артура она унесла, когда он лежал раненный до смерти, спрятала, выходила, да еще не настал срок ему в мир возвращаться. Может, все так, а может, и нет. Только для меня в этом радости никакой — оказаться с ней под одной крышей.

«Дело ясное, что дело темное», — подумал Хольгер.

В спальню вошел гоблин.

— Его сиятельство герцог пир для слуг и челяди объявил, — сообщил он. — И ты, лесной гном, тоже туда приглашен.

— Ха! — Хуги поскреб живот. — Благодарен я премного, однако... Нет у меня сегодня здоровья...

Гоблин удивленно поднял брови:

— Вовсе негоже тебе отказываться. Не любит этого герцог.

Хуги и Хольгер обменялись взглядами. Похоже на маневр: Хуги хотят на время устранить. Но отказываться в самом деле нельзя.

— Иди, Хуги, — сказал Хольгер. — Развлекись.

— Да? Ну что ж... ладно... Ты тут, без меня, это самое...

Хуги и гоблин ушли. Хольгер раскурил трубку и улегся в ванну. Кажется, вокруг него уже сплели паутину. Только без паники. Все равно предпринять ничего не удастся. Пока можно только ждать и делать вид, что ни о чем не подозреваешь. Может, обойдется?

На кровати его опять ждал новый наряд. Он оделся. Пуговицы и пряжки застегивались сами. Едва он посмотрел на себя в зеркале, как круглая дверная ручка превратилась в металлический рог и произнесла:

— Его сиятельство герцог просит у вас позволения войти.

— О! — попятился Хольгер. — П-прошу... п-пожалуйста.

Рабы, однако, входят без спроса. Своеобразный этикет. Фарисей вошел, на его бледном тонком лице играла улыбка.

— Я с доброй вестью, — сказал он. — Я держал совет со многими. Похоже, у тебя есть шанс на возвращение домой.

— Не знаю, как благодарить тебя, милостивый герцог, — отвечал Хольгер.

— Какое-то время уйдет на сбор ингредиентов, необходимых для магического акта, — продолжал Альфрик. — Так что придется чуть-чуть подождать. Я приглашаю тебя сегодня принять участие в особом развлечении. Состоится пир в Холме эльфов.

— О да, я видел этот холм...

Альфрик взял его за локоть.

— Тогда идем? Эти несколько часов будут упоительными. Эльфы знают, как сделать человека счастливым.

Хольгер не чувствовал ни малейшего желания участвовать в оргии, но ответить отказом, конечно, не мог. Они спустились вниз. Во дворе шумел пестрый водоворот: обитатели замка готовились к походу в Холм. Альфрик подвел Хольгера к Меривен. Она взяла его под руку и заявила:

— Теперь ты от меня не сбежишь. Идем?

— А остальные?

— Вслед за нами. Мы будем первыми.

Хольгер насторожился. Однако если это ловушка, то Меривен тоже попадет в нее. Выбора нет. Посмотрим.

Процессия потянулась в ворота, через мост и дальше, по лугу, к холму, поросшему розовыми кустами. Хольгер шел впереди. Сзади гарцевали всадники, развевались знамена, музыканты дули в трубы, звенели струны лютен. Рыцари и дамы веселились, пешие танцевали. Вдруг вступила другая музыка. Она лилась со стороны холма, ее томные, сладкие звуки заполнили все существо Хольгера. Он взглянул на Меривен и почувствовал неодолимое влечение к ней. Она улыбнулась и прижалась к нему всем телом.

Ветер бросил ему в лицо ее душистые светлые волосы, их запах пьянил, как вино. Холм разверзся. Хольгер увидел волшебно мерцающий свет внутри. Музыка звала.

Вдруг раздался дробный стук копыт. Заржал конь, громко и гневно. Хольгер оглянулся. Со стороны леса мчалась верхом на Папиллоне Алианора, лицо ее было искажено ужасом.

— Нет! — кричала она. — Не ходи туда, Хольгер! Не-е-ет!

За спиной Хольгера разразился проклятиями Альфрик. Свистнула стрела. К счастью, мимо. Хольгер в растерянности остановился.

— В холм! Тащите его в холм! — зарычал герцог.

Меривен вцепилась Хольгеру в руку и потянула к холму. Еще трое фарисеев бросились ей на подмогу. Гнев и ярость захлестнули Хольгера. Он отшвырнул Меривен и шагнул им навстречу. Первого он встретил прямым левым, после которого тот рухнул, как сноп. Правый боковой мгновенно уложил второго. Третий был верхом, и Хольгер попятился. Меривен вцепилась в его плащ. Вне себя от ярости Хольгер схватил ее, поднял над головой и швырнул во всадника. Оба полетели на землю.

Тем временем три конных рыцаря окружили Алианору. Папиллон встал на дыбы, пронзительно заржал и ударом передних копыт свалил одного из врагов на землю. Развернувшись, он укусил коня под другим рыцарем. Бедное животное с ржанием унеслось в степь. Третий попытался ударить Алианору мечом, но она уклонилась и соскользнула на землю.

И попала прямо в объятья фарисея в бархатном камзоле! Он крепко схватил ее и радостно рассмеялся.

Но миг — и вместо слабой девушки в его руках бился лебедь.

— О! — вскрикнул он, когда лебедь ударил его клювом в лоб. — Ой! — удар крылом чуть не сломал ему скулу. — Ох-хо-хо! — завопил он, когда клюв защемил его пальцы. Бросив птицу, он обратился в бегство.

Рыцари окружили Хольгера. Удары сыпались на него со всех сторон. Он угостил ближайшего противника ударом кулака, схватил его меч и заработал им, как встряная мельница. Меч был легче железного, но острый как бритва. Кто-то попытался ударить его боевым топором. Свободной левой рукой Хольгер перехватил рукоять и вырвал оружие. Теперь он дрался обеими руками.

Папиллон атаковал толпу фарисеев с тыла. Лягаясь, кусаясь и сшибая врагов грудью, он прорвался к хозяину. Нога Хольгера нашла стремя. Он вскочил в седло. Жеребец понес его прочь.

Оглянувшись, Хольгер обнаружил погоню. Скакуны Фейери были резвее Папиллона, так что шансов уйти от погони практически не было. Хольгер отбросил добытое в бою оружие и снял с луки седла собственные щит и меч. К сожалению,

на то, чтобы облачиться в доспехи, упакованные во вьюк, времени не было.

Лебедь летел рядом. Внезапно белая птица сделала крутой вираж. С неба камнем упал орел. Хольгер взглянул вверх и ужаснулся: над ним кружила черная стая. Бог мой, фарисеи превращались в орлов! Что будет с Алианорой?.. Лебедь, отчаянно отбиваясь от пикирующих стервятников, устремился к лесу. Там она, превратившись в человека, сможет укрыться от орнитоморфов в густых зарослях. Но там ее настигнет земная погоня!..

Первый из преследователей уже нагонял Папиллона. Альфрик! На его суровом лице, красиво обрамленном летящими по ветру серебристыми волосами, застыла злая усмешка.

— Мы убедились, что ты действительно непобедим, сэр Ольгер Датский! — крикнул он.

— Рад за вас, — буркнул Хольгер.

Его меч встретился с изогнутым мечом герцога. Мгновенно, не теряя ни секунды, Хольгер поддел острием своего меча меч герцога, сильно рванул и вырвал у врага оружие. Альфрик вскипел и пришпорил коня. Его левая рука быстро, как змея, сделала выпад вперед, и сильные пальцы сомкнулись на кисти Хольгера, сжимающей меч. Этот маневр понадобился для того, чтобы, задержав противника, успеть выхватить из-за пояса стилет.

Хольгер поднял щит и резко ударил железным ободом по руке, держащей стилет. Герцог вскрикнул. Его кожа задымилась. Хольгер почувствовал смрад горелой плоти. Белый конь диким галопом рванулся вперед. Святое небо, это правда! Тела фарисеев не выносят прикосновения железа!

Он повернулся к преследователям и поднял меч.

— Идите, идите сюда, красавцы! — заорал он. — У меня найдется для каждого поцелуй!

Всадники резко осадили коней и разъехались в обе стороны. Хольгер увидел бегущих к нему лучников. Дело дрянь! Издали они легко нашпигуют его стрелами. Придется брать на испуг.

— Йе-о-о-о! — завопил он, бросая Папиллона в атаку и размахивая мечом.

Лучники не дрогнули, и вокруг него зазвенели стрелы.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!.. — вырвалось у него.

И вдруг фарисеи взвыли! Они бросились врассыпную, теряя оружие, как будто их разметал взрыв. Значит, и это

правда! Они не выносят молитв! Почему он не вспомнил об этом раньше?

Он расхохотался и крикнул:

— Хей-хо! Эй, вы! Серебро!

По слухам, серебра они тоже не любят. Слава Богу, он от них отделался. Хольгер повернул коня к лесу.

Что-то блеснуло в траве. Он ловко нагнулся и поднял стилет, потерянный герцогом. Стилет был самым обыкновенным, только очень легким. По лезвию бежала надпись: «Пламенное лезвие». Поразмыслив, он решил, что стилет сгодится как сувенир, и сунул его за пояс.

Теперь надо найти Алианору. Он медленно проехал вдоль опушки леса, выкрикивая ее имя. Тщетно. Радостное возбуждение сменилось тревогой. Если она убита... Ах, мерзкие твари! Что-то щиплет глаза... Он как-нибудь выкарабкается и один, но она была великолепной девчонкой и к тому же спасла ему жизнь. И чем он с ней расплатился? Пил, танцевал и валялся в постели, в то время как она спала в холодной росе...

— Алианора!!!

Нет ответа. Ветер утих, опускался туман. Вокруг ни движения, ни звука. Он с тревогой подумал, что долго ему здесь оставаться нельзя. Замок совсем рядом, а фарисеи, конечно, не станут сидеть сложа руки. Они найдут кого-нибудь, кто не боится ни молитв, ни железа. Фею Моргану, например. Поэтому если он хочет удрать, то надо торопиться.

Он ехал вдоль опушки леса на запад, то и дело останавливаясь и окликая Алианору. Туман становился все гуще и гуще. Скоро он стал таким плотным, что заглушал стук копыт и затруднял дыхание. Капли влаги блестели на оружии и гриве коня. В радиусе двух метров ничего не было видно.

«Это фокусы фарисеев», — пришло ему в голову. Пеленают его туманом, как младенца. Он пустил Папиллона в галоп.

Впереди, среди серых клубов тумана, мелькнуло что-то белесое.

— Эй! — крикнул он. — Кто там? Стой на месте, или будет плохо!

В ответ — смех! Но — боже! — не лживый смешок фарисеев, а прозрачный девичий смех.

— Это я, Хольгер. Я никак не могла найти своего скакуна. Путь слишком долог, а у нас на троих всего один конь. Мои крылья, увы, устают.

Она показалась из тумана — стройная и прекрасная, в тунике из белых перьев. Под ней был белый единорог, несомненно, тот самый, которого встретили они с Меривен. Животное испуганно взглянуло на Хольгера умными сердоликовыми глазами. Из-за спины девушки выглянула физиономия карлика.

— Сначала я отыскала этого молодца, — объяснила Алианора, — а потом мы с ним вместе разыскивали скакуна. Пусть Хуги пересядет к тебе: мне стоило большого труда уговорить единорога нести на спине кого-нибудь, кроме меня.

Хольгеру стало стыдно. Он совершенно забыл о Хуги. Разгневанный Альфрик, несомненно, жестоко расправился бы с ним.

Он подхватил лесовика и усадил перед собой.

— Какие у вас планы? — спросил он.

— Какие еще планы, кроме как ударить в галоп и скорее из поганых этих мест удалиться, — заворчал Хуги. — Чем будем ближе мы к правильным землям, тем будем живее и, глядишь, еще и другим расскажем, из какого переплета выбрались.

— Пожалуй. Но не собьемся ли мы в таком тумане с пути?

— Я буду иногда подниматься и определять направление, — предложила Алианора.

Они поскакали сквозь влажную, ватную мглу. Хольгер ехал и думал о том, сколь многим обязан он своим бескорыстным спутникам и как эгоистично ведет себя сам, то и дело вовлекая их в смертельно опасные приключения.

— Хуги, а почему это так опасно — войти в Холм эльфов? — спросил он.

— А ты не знаешь? Так вот почему они меня от тебя утащили. Чтоб я предостеречь не успел... Ну так вот, время в Холме этом эльфовом прескверные повадки имеет. Провел бы ты там одну только ночь в утехах, а вышел — здесь уже сто лет прошло. А они эти сто лет творили бы, что пожелают, и как раз то, в чем ты для них поперек дороги стоишь.

Ого! Но из этого можно сделать вывод, что его персона в этом мире что-то значит. Вряд ли Альфрик и фея Моргана могли так долго заблуждаться на его счет и путать с героем, под чьим гербом он невольно выступает. Похоже, что именно он, Хольгер Карлсен, сирота и полуэмигрант, стал почему-то крупной фигурой в здешней колдовской игре. Возможно, скачок в этот мир произвел в нем кардинальные изменения. Но какие?.. Ясно одно: силы Хаоса стремятся или привлечь его на свою сторону, или нейтрализовать. Сногсшибательное госте-

приимство (Меривен, конечно, была включена в счет) было, вероятно, попыткой приручить его. Ему втирали очки, а тем временем Альфрик и Моргана держали совет. Скорее всего, они решили не рисковать и, пользуясь его неведением, засадить от греха подальше в Холм эльфов лет на сто или двести.

Но почему ему просто не всадили нож в спину? Это было бы проще всего. Может быть, нападение «пустого» рыцаря и было такой попыткой? Кстати, откуда вообще герцогу о нем известно? От Матери Герды, конечно. Демон, которого она вызвала, должно быть, рассказал ей о Хольгере нечто такое, после чего ведьма решила немедленно послать его к своим могучим друзьям в Фейери. С помощью магии она предупредила Альфрика. Но что именно мог рассказать ей демон? И еще: как теперь, когда коварство герцога не принесло плодов, а прямое нападение сорвалось, Срединный Мир попытается расправиться с ним?

Так или иначе, но возвращение домой пока откладывается. Правда, в этом мире есть не только черная, но и белая магия. Может быть, удастся договориться с кем-нибудь из белых волшебников?..

Из тумана грянул грохот — хриплый и оглушительный. Хольгер вздрогнул. Хуги закрыл уши ладонями. Захлопали огромные крылья. Кто это? Сквозь серую муть ничего не видно.

— Это, пожалуй, впереди, — прошептал Хольгер. — Повернем?

— Нет, — Алианора побледнела, но ее голос звучал твердо. — Это уловка: нас хотят сбить с дороги. Сейчас опаснее всего заблудиться.

— Ладно, — буркнул Хольгер. — Я поеду впереди.

Он пришпорил коня и обогнал единорога. Туман шипел, чавкал, стонал, хохотал и выл, серые тени бросались врассыпную из-под копыт, из серых клубов высовывались и кривлялись жуткие рожи. Хольгер решительно скакал вперед. Хуги, закрыв глаза и зажав уши, повторял, как заклинание:

— Я был обычным лесовиком... Я был примерным лесовиком. Я был обычным лесовиком...

Казалось, прошла вечность, прежде чем туман стал редеть. Папиллон и единорог почуяли солнце, пустились галопом и с радостным ржанием вырвались на солнечный свет. Страна полумрака осталась позади.

Близился вечер. Длинные тени скал и высоких сосен легли на холмы, поросшие колючим кустарником. Свежий вете-

рок трепал конскую гриву. Неподалеку шумел водопад. Обычный прекрасный мир.

— После захода солнца фарисеи могут напасть опять, — сказала Алианора. — Но здесь их чары будут слабее, чем в Фейери.

Ее голос срывался от усталости. Хольгер чувствовал, что тоже вымотан до предела.

Не останавливаясь, они пустились дальше, чтобы до заката солнца отъехать от границы Фейери как можно дальше. Потом разбили лагерь между сосен, на склоне холма. Хольгер срубил мечом две прямые ветки, сделал из них крест и воткнул в землю возле костра. Карлик принял свои, варварские, меры предосторожности: выложил вокруг лагеря круг из камней и железных предметов, бормоча при этом какие-то заклинания.

— Теперь попробуем, — сказала Алианора, — продержаться ночь, — она улыбнулась. — Я еще не успела сказать тебе, рыцарь, как прекрасен был твой бой с фарисеями. Ты был могуч и красив.

— Хм... м-да... благодарю, — промямлил Хольгер. Он ничего не имел против комплиментов из уст очаровательной девушки, но... Чтобы скрыть смущение, он уселся и стал вертеть в руках трофейный стилет. Костяная ручка была снабжена большим, пожалуй, чересчур большим эфесом. Металл клинка был похож на магний. Но магний слишком мягок для клинка и легко воспламеняется. Почему Альфрик выбрал себе такой стилет?

Из тех скудных запасов, которые оставались у них, Алианора приготовила немудреный ужин.

Опустилась ночь. Хольгер, которому выпало дежурить в третью смену, растянулся на мягкой подстилке из трав. От костра шел жар и лился мерцающий свет. Он мог позволить себе немного расслабиться. И хотя он запретил себе спать, веки сомкнулись сами собой...

Он проснулся и рывком сел. Алианора держала его за руку и, глядя в темноту, испуганно шептала:

— Ты слышишь? Слышишь? Там кто-то есть!

Он схватил меч и вскочил. Вокруг лагеря блуждали огоньки — множество чьих-то глаз. Над самым ухом раздался вой. Он вслепую махнул мечом. Ответом был мерзкий хохот.

— Во имя Отца, и Сына... — воскликнул он и был снова осмеян. Эти гости, кажется, обладали иммунитетом к молитве. Его глаза привыкли к темноте, и он различил блуждающие по

границе лагеря тени. Таких мерзких чудовищ он никогда не видел.

Хуги скорчился возле костра и выбивал зубами барабанную дробь. Алианора, дрожа, прижималась к Хольгеру.

— Спокойствие, — сказал он.

— Это посланцы Фейери, — прошептала она. — Жители ночи. Они со всех сторон, Хольгер! Я не могу выдержать этого кошмара! — Она уткнулась лицом ему в грудь.

— Да, на конкурс красоты это мало похоже, — подтвердил он.

Странно, но он совершенно не чувствовал страха. Эти монстры уродливы сверх всякой меры, но кто заставляет любоваться ими?

— Они не могут к нам приблизиться, милая, — сказал он. — А если бы могли, то давно бы уже это сделали.

Алианора подняла на него глаза.

— Я видел плотины на реках. Если бы вода их прорвала, она смела бы все. Но никто не падал от этой мысли в обморок. Все знали, что плотины выдержат.

Про себя он подсчитывал, каков примерный коэффициент их безопасности. Несомненно, местные чародеи располагали чем-то вроде таблиц сопротивления материалов и могли бы дать точный ответ. Ему приходится полагаться на интуицию. И какое-то глубоко спрятанное в нем знание подсказывало, что лагерь под надежной защитой.

— Все будет хорошо, — произнес он. — Все будет хорошо. Они ничего нам не сделают, разве что помешают своими воплями выспаться.

Он осторожно поцеловал обращенное к нему лицо. Она неумело вернула поцелуй...

Глава 10

В конце концов враг отступил. По словам Хуги, эти твари поспешили забиться в свои норы до рассвета.

Значит, сделал вывод Хольгер, они боятся солнечного излучения. Скорее всего ультрафиолетовых волн...

Стоп, стоп! Но ведь это объясняет загадку магниевого стилета! В случае крайней опасности, окажись герцог прижатым к стенке своими соперниками из Срединного Мира, он мог поджечь клинок. Широкая рукоятка защитила бы от огня

руку, а другой рукой можно было бы закрыть лицо полой плаща... Враг, конечно, бежит. Ну что ж, это оружие может пригодиться.

Когда чудовища исчезли, друзья заснули как убитые. Через два или три часа Хольгер проснулся от холода и ужаснулся: он был совершенно голым! Полученное в Фейери платье исчезло! Довольно мелочно со стороны Альфрика.

К счастью, Алианора еще спала. Он поспешно натянул свои простые одежды. Поразмыслив, напялил сверху кольчугу.

После скромного завтрака они снова тронулись в путь.

— Куда мы теперь? — спросил Хольгер.

— Я знаю одного белого мага, — сообщила Алианора. — Он живет в городе Тарнберге. У него доброе сердце и обширные знания. Может быть, он сможет тебе помочь. Только, Хольгер, — она с нежностью произнесла его имя, — нам надо держаться ближе к человеческому жилью. Фейери так тебя не отпустит... Там, где люди, там церкви, а существа без души опасаются приближаться к ним.

— Конечно, — согласился Хольгер. — Но скажи, этот твой маг сможет тягаться с такими мастерами, как Альфрик или фея Моргана?

— Если нет, то нам придется пробираться в Империю. Она далеко на западе, путь туда труден и небезопасен, но там тебя встретят с почестями. Со времен Карла не было у христиан равного тебе рыцаря.

— О каком Карле вы все говорите? — спросил Хольгер.

— О том, конечно, кто основал Святую империю, — король Карл! Кто воздвиг твердыню христианства и вытеснил полчища сарацин обратно в Испанию. Не может быть, чтобы ты о нем ничего не знал!

— Э-э-э... — промямлил Хольгер. — Может быть, и знал... Ты имеешь в виду Карла Великого?

— Ну да, — обрадовалась Алианора. — Многие зовут его так. Значит, ты его знаешь! О, говорят, его окружало много героев, но я знаю только историю Роланда. Этот рыцарь пал в Ронсельванском ущелье.

У Хольгера голова шла кругом. Значит, он все-таки в прошлом? Нет, это невозможно! Но, как ни крути, Карл Великий — реальная историческая фигура!

Стоп! Если вспомнить то, что он знал из старофранцузского эпоса, то все сходится: волшебные страны и сарацины, девушка-лебедь и единорог, чернокнижье и Холм эльфов, Ро-

ланд... Легенды средних веков. Неужели он самым немыслимым образом очутился в книге?

Нет-нет, это ни в какие ворота не лезет. Все-таки лучше считать, что это — иная вселенная с особым пространственно-временным порядком и с собственными законами, отличными от земных. В конце концов, математическая вероятность существования такой вселенной, пусть даже по модели средневековой мифологии, вполне допустима.

Однако и тут не все ясно. Если здесь так много земных подобий, то, следовательно, он был перемещен не как попало, в какое-то чужое пространство. Между этим и его миром, несомненно, есть какая-то связь. Ведь сходство между ними не ограничивается только астрономией и географией, но касается и истории.

Здешний Карл мог и не быть двойником земного, но, очевидно, в истории обоих миров они сыграли одинаковые роли. Может быть, сознание бардов, поэтов и пророков было тогда каким-то трансцендентальным образом настроено на волну восприятия этого мира?.. Может быть. Но для него из этих рассуждений не следует ничего. Лучше попытаться выудить из мифологии какие-нибудь полезные сведения.

Например, Хуги говорил о Моргане как о сестре короля Артура. Того самого, конечно, Артура, который стоял во главе рыцарей Круглого Стола... Какая досада, что эти старинные легенды он читал только в детстве!

Они прошли уже немалый путь по выбранной Алианорой дороге. Она вела на северо-запад по гребню возвышенности, откуда во все стороны открывался прекрасный вид. Сзади стояло темное марево Фейери, впереди синели горы, через которые им предстояло пройти. В оврагах пенились и шумели ручьи. По бледному небу летели рваные облака.

Они выбрали удобную поляну и остановились пообедать. Хольгер, едва не поломав зубы о твердый как камень хлеб, сокрушенно вздохнул:

— Дорого бы я сейчас дал за хороший датский бутерброд. Знаете, как он делается? На слегка поджаренный хлеб намазывается масло, потом кладут тонкий ломтик сыра, несколько очищенных креветок и половинку яйца... О!..

— В придачу ко всем своим достоинствам ты умеешь стряпать? — восхитилась Алианора.

— Ну, не так чтобы очень...

Она села рядом и положила голову ему на плечо.

— Как только представится случай, я найду тебе все это, — с нежностью сказала она. — И мы закатим пир — пир только для нас двоих.

— Хе! — буркнул Хуги. — Пойду посмотрю, что это там за скалой.

— Куда ты? — смущенно воскликнул Хольгер, но карлик уже исчез.

— Хуги — деликатный и добрый лесовик, — улыбнулась Алианора и обвила руками шею Хольгера. — Он знает, что бывают моменты, когда девушке хочется нежности.

— Но... — Хольгер стушевался. — Конечно... Ты изумительная девушка, но... Здесь?.. Впрочем, к черту! — И он решительно обнял ее.

— Аи! — взвизгнула Алианора.

Хуги свалился на нее неизвестно откуда.

— Дракон! — заорал он. — Дракон! Он летит сюда!

Хольгер вскочил как ужаленный:

— Что? Где? Откуда?

— Дракон, дракон! — причитал Хуги. — Огнедышащий! Это Альфрик наслал его на нас! — Он обнял Хольгера, точнее, его ноги. — Спаси, спаси нас, великий рыцарь! Я знаю, рыцари всегда убивают драконов! Я знаю!

Папиллон заржал. Единорог подбежал к Алианоре, она вскочила на него, и в мгновение ока они скрылись из виду. Хольгер схватил Хуги в охапку, прыгнул на Папиллона и помчался вслед за Алианорой.

Вырвавшись на открытое место, они увидели дракона. Чудовище приближалось с юга и было уже на расстоянии около полумили. От грохота крыльев заложило уши. «Фюзеляж длиной футов пятьдесят», — оценил Хольгер, стараясь унять нервную дрожь. Пятьдесят футов панцирной чешуи, гигантская змеиная голова, пасть, способная в два приема проглотить всадника вместе с конем, перепончатые крылья, железные когти на мощных лапах... Папиллон, обезумев от ужаса, мчался, не уступая в скорости единорогу. Но дракон летел быстрее.

— Ой-ой-ой! — голосил Хуги. — Быть нам поджаренными! Быть нам печеными!

Дракон повис в небе высоко над ними и вошел в пике. Дым и пламя вырывались из открытой зубастой пасти. У них оставались считанные секунды. Хольгер лихорадочно пытался найти выход. Каков метаболизм этой твари? Почему она во-

обще летает вопреки всем законам аэродинамики? В нос ударил запах горящей серы.

— Смотри! — донесся до него крик Алианоры. — Сюда! Здесь можно укрыться!

Она показала на узкий черный лаз в скале.

— Нет! — закричал Хольгер. — Только не туда! Это верная смерть!

Она недоуменно дернула плечами, но послушно повернула единорога. Первая волна жара окатила Хольгера. О Господи! Если бы они влезли в эту дыру, дракон сжег бы их одним вздохом.

— Вода! Нам нужна вода! — заорал Хольгер.

Копыта коня стучали по каменному плато. Хольгер вытащил меч. На что он рассчитывает? Дракон превратит его в пепел вместе с мечом. Но, может быть, Алианора успеет спастись...

Они поскакали к краю плато. Немыслимо крутой склон вел вниз. Папиллон не заржал — захрипел от страха, но отчаянно ринулся вниз, ломая грудью густой кустарник. Они мчались почти кувырком. И вдруг оказались на берегу горной реки. Единорог прыгнул, Папиллон сиганул за ним, и они остановились как вкопанные посреди быстрого ледяного потока.

Дракон приземлился на берегу. Он выгнул спину и зашипел, как взбесившийся локомотив. «Боится воды!» — обрадовался Хольгер. Опять его подсознание шепнуло ему правильную подсказку.

— Все в воду! — скомандовал он и прыгнул первым. Мощное течение ударило в грудь. — Держитесь за хвост коня. Если он станет атаковать, ныряйте.

Долго в этой ледяной воде не выдержать. Но это их единственный шанс.

Дракон ударил крыльями, поднялся в воздух и завис над ними, закрыв все небо. В открытой пасти бушевало пламя. Хольгера осенило. Он бросил бесполезный меч в ножны, сдернул с головы шлем и зачерпнул воды. Дракон потянулся к нему мордой. Хольгер закрыл глаза левой рукой и вслепую плеснул водой.

Зашипел пар. Дракон взревел. У Хольгера лопались барабанные перепонки. Бронированное чудовище в панике било крыльями и изрыгало огонь направо и налево. Хольгер выругался и влил полный до краев шлем прямо в кошмарную пасть.

Дракон оглушительно завизжал. Медленно и неуверенно, как слепой, он поднялся вверх и неуклюже, рывками полетел к

югу. Они стояли и слушали, как умирает вдали грохот чудовищных крыльев. Когда дракон скрылся из виду, они выкарабкались на берег.

— Хольгер, Хольгер! — Алианора обняла его, смеясь и плача одновременно. — Ты лучший из рыцарей! Как ты это сделал, любимый? Как это тебе удалось, мой герой?

— О, ничего особенного, — сказал Хольгер, озабоченно трогая обожженную щеку. — Немного термодинамики.

— Это какая-то особая магия? — уважительно спросила она.

— Никакой магии, малыш. Если кто-то хочет изрыгать пламя, то сначала как следует раскочегаривает топку. Ну, а я плеснул в эту топку воды. И вышло что-то вроде взрыва парового котла. — Он небрежно махнул рукой. — Пустяк.

Глава 11

Они тронулись дальше и через несколько миль наткнулись на залитую солнцем и со всех сторон окруженную скалами долину. Среди высоких трав мелодично звенел ручей, купались в солнечном свете тополя и буки. Стайка скворцов при появлении людей с шумом снялась с дерева и унеслась прочь. Лучшего места для отдыха, в котором все они так нуждались, нельзя было и желать. Алианора легла на траву и мгновенно уснула. Хуги уселся под куст и принялся стругать какую-то деревяшку.

Хольгеру не сиделось.

— Пойду-ка пройдусь, — сказал он. — Если что — кричи.

— Не опасно ли тебе удаляться от нас? — спросил гном, но тут же ответил себе: — Хотя кто осмелится покуситься на укротителя драконов?

Хольгер хмыкнул в ответ. Он сегодня, конечно, герой дня. Но причиной тому прежде всего благоприятное стечение обстоятельств. Он раскурил трубку и, насвистывая, двинулся по берегу ручья. Вокруг расстилался классический пасторальный пейзаж: луга, цветы, деревья, ручей. Щиплющие травку конь и единорог. Щебет птиц. Если бы не боль от ожога, он, конечно, тоже завалился бы под куст и помечтал о чем-то приятном. Однако многое требует серьезного обдумывания.

Надо все же признать, что он является для этого мира кем-то вроде главного персонажа. Цепь кажущихся случайностей складывается в стройную систему. Не успел он появиться

здесь, как тут же нашел одежду своего размера, оружие и преданного коня. Потом — переполох в Фейери при его появлении. При этом, несмотря на полное отсутствие у него боевого опыта, никому не удается его убить...

Лагерь скрылся из виду. Он брел и рассуждал про себя. В чем суть конфликта между Порядком и Хаосом? Здесь явно кроется нечто большее, чем просто религиозный конфликт. Хаос и Порядок — терминология второго начала термодинамики, а оно говорит, что тепловая смерть Вселенной настанет при условии победы хаоса, или энтропии, над порядком. Стоп-стоп... Может быть, в этом ненормальном мире борьба природных сил приобрела одушевленную форму? И разве не то же самое происходит на Земле? В самом деле, с чем он сражался, воюя с фашизмом, как не с древним кошмаром Хаоса? А здесь — обитатели Срединного Мира пытаются вернуть планету к первобытному Хаосу. По другую сторону баррикады стоит человеческая мораль, стремящаяся укрепить и расширить владения Порядка, безопасности, мира.

Это рассуждение показалось Хольгеру достаточно убедительным. Разница только в том, думал он, что в его родном мире естественные силы природы проявлены и осознаны в полной мере, а силы ментальные, магические — слабы и неуловимы. В этой вселенной все наоборот. Но у этих двух миров существует некое единство, и потому в них обоих борьба Порядка и Хаоса имеет одновременные кульминации. Что касается силы, которая перенесла Хольгера из одного мира в другой, то здесь не обошлось, пожалуй, без божественного промысла... Хотя эти слова мало что объясняют.

И еще одно доказательство — странные знания, непонятные для него самого и приходящие в нужный момент на помощь из глубин подсознания. Этот Кортана, например. Кортана — меч, как сказал лесовик. В нем заключена магическая сила. Сейчас он надежно спрятан в неприступном и неведомом месте. Но почему Хольгер помнит, что когда-то держал этот меч в руке?

Он вошел в небольшую светлую рощицу, прошел ее насквозь — и нос к носу столкнулся с феей Морганой.

Встреча была как гром среди ясного неба. Сладкий гром, поражающий сердце. Она шла к нему сквозь поток золотого света и зеленые волны листвы... Ее платье сверкало, как снег... И улыбка на губах была как расцветающая роза... И волосы, как ночной водопад, отражающий звезды...

— Привет тебе, Хольгер, — услышал он ее чарующий голос. — Давно мы не виделись.

Видит Бог, он изо всех сил старался сохранить самообладание. Но она взяла его за руку и посмотрела прямо в глаза.

— Как одиноко мне было без тебя, — тихо сказала она.

— Без меня?! — сдавленно вскрикнул он.

— Конечно, а без кого же еще? Или обо мне ты тоже забыл? — Ее «ты» звучало как музыка. — Тьма была наложена на тебя, но как долго тебя не было, Хольгер... — Она весело рассмеялась. — Но что у тебя с лицом, мой милый? О, мало кто из мужей встречает огнедышащего дракона лицом к лицу. Позволь мне излечить тебя. — Она тихо коснулась пальцами обожженной щеки. Мгновенная боль — и волдыри исчезли. — Вот и все. Тебе лучше?

Нет, ему не стало лучше. Его прошиб пот, а ворот рубахи стал почему-то тесен.

— В этом мире ты набрался скверных привычек, — улыбнулась она, вынула у него изо рта трубку, вытряхнула ее и сунула в кисет на поясе. Но при этом ее рука задержалась на его бедре гораздо дольше, чем это бывает при случайном прикосновении. — Гадкий мальчик.

Ее игривость неожиданно отрезвила его. Ему всегда было не по себе, когда зрелые женщины сюсюкают и вульгарно кокетничают.

— Послушай-ка, — буркнул он, — Альфрик не раз пытался меня убить, а ты помогала ему. Что же тебе теперь от меня надо?

— Что может быть нужно женщине, истосковавшейся по мужчине? — тем же тоном продолжала она. Она шагнула к нему, он отступил.

— Милый, я не знала, что это был ты, и помогала Альфрику в полном неведении. В ту самую минуту, когда мне стало известно о его предательстве, я поспешила сюда.

Хольгер стер пот со лба.

— Ты лжешь, — сказал он.

— Даже если лгу, милый, что из того? Слабому полу нужно прощать маленькие хитрости, не так ли? Главное, что я в самом деле пришла сюда за тобой. Вернись.

— Куда? В мир Хаоса?

— А почему бы и нет, милый? Что, собственно, в этом скучном Порядке так привлекает тебя? Я буду искренней, но будь до конца честным и ты. Почему, Хольгер, мой милый

медведь, ты должен класть жизнь за неотесанное мужичье и толстобрюхое мещанство, когда все ослепительные звезды Хаоса могут принадлежать тебе? С каких пор ты стал человеком, который ищет счастья в убогом мире, пропахшем навозом и дымом? Ты, который обращал в бегство легионы! Ты можешь зажигать солнца и лепить новые миры, если захочешь!

Ее голова легла ему на грудь.

— Нет, нет... — выдавил он. — Я не верю тебе.

— О скорбная перемена! Где тот мужчина, которого я обнимала на Авалоне? Ты забыл, как принесла я тебе в дар столетия своей любви и молодости! — все это звучало до пошлости банально, но блеск ее темных глаз околдовывал Хольгера. — Я не зову тебя в ряды Хаоса, милый, но зачем тебе война с ним? Вернемся на Авалон, Хольгер! Вернемся на счастливый наш Авалон!

У Хольгера пропало желание противиться ей. «Она искренна, — подумал он. — Пусть она хочет вывести его из игры накануне решающих битв, но вместе с тем она искренна в любви к нему. В конце концов, почему и нет? Он ничего не должен в этом мире ни Порядку, ни Хаосу. Зато ее объятья обещают так много...»

— Мы не виделись вечность, — шептала она, — а когда встретились, ты даже не поцеловал меня...

— Это... — он кашлянул. — Это легко исправить...

Их губы встретились. Высокая теплая волна подняла Хольгера... Он уже не мог думать ни о чем другом, не мог и не хотел.

— О-о! — вздохнула она. — Мой повелитель! Еще... Целуй меня, целуй...

Он обнял ее, но боковым зрением заметил, как что-то мелькнуло в кустах. Он поднял голову и увидел Алианору верхом на единороге.

— Хо-о-ольгер! — громко звала она, не замечая их. — Хо-о-оль... О!

Единорог увидел Моргану, встал на дыбы и, сбросив всадницу, умчался прочь, негодующе фыркая. Алианора, вскочив, уставилась на них.

— Ну вот, теперь он ко мне не вернется, — пожаловалась она. — Видишь, что ты наделал. — Она всхлипнула. Хольгер выпустил из объятий Моргану.

— Уберите с глаз моих эту деревенскую девку! — гневно крикнула королева фей.

У Алианоры мигом высохли слезы.

— Убирайся сама! — закричала она. — Оставь его в покое, мерзкая ведьма!

— Хольгер! Если эта недозрелая девица сейчас же не оставит нас...

— Недозрелая?! — Алианора задохнулась от возмущения. — Ты! Зато ты давно уже перезрела!

— Соплячка!

— Старуха!

Хольгер ошалело крутил головой.

— Какая ты храбрая, дева-лебедь! — воскликнула фея Моргана. — Или ты только что снесла особенно удачное яйцо?

— Для этого мне нужно бы поучиться кудахтать у старых квочек!

— Ах так, прекрасно! В облике курицы тебе это будет проще! — королева ядовито улыбнулась и стала делать руками быстрые пассы.

— Эгей! — Хольгер подскочил к ней. — Без этих штучек!

Он не собирался делать этого, но не рассчитал, и получилось так, что он грудью толкнул ее в плечо. Моргана покатилась по траве.

— Прошу прощения, — Хольгер протянул ей руку. Она оттолкнула руку и быстро вскочила. Гнев стер краски с ее лица — оно было холодным и бледным.

— Что ж, друзья, — произнесла она. — У вас своя дорога, у меня своя. Но мы обязательно встретимся. — Она неприятно хихикнула, взмахнула рукой и исчезла. Воздух с хлопком заполнил образовавшуюся пустоту.

Теперь Алианора разрыдалась по-настоящему, уткнувшись в ствол дерева и спрятав лицо в ладони. Хольгер подошел и тронул ее за плечо. Она стряхнула его руку.

— Уйди! — всхлипнула она. — Ступай к своей... своей ведьме... если она... тебе нравится... Что толку оправдываться? Иди, иди, — шмыгая носом, гнала его Алианора, — никто не заплачет... Сколько угодно...

Только женских слез Хольгеру не хватало. Он крепко взял ее за плечи, повернул к себе и сказал:

— Слушай. У меня с ней ничего не было, понятно? И никогда не будет. Запомни это. А теперь скажи: пойдешь со мной, как взрослая, или тебя нести, как ребенка?

— Как взрослая!

Она выскользнула из его рук и побежала вперед. Хольгер раскурил трубку и всю обратную дорогу попыхивал ею. К чер-

ту! К черту! Жаль только, что он опять ничего не помнит, а ведь в объятиях Морганы к нему стала возвращаться память. Жаль. Зато теперь все расставлено по своим местам: с сегодняшнего дня Моргана стала его самым лютым врагом.

И тут ничего не поделаешь.

А ему предстоит долгий путь. Он взял Алианору за руку, и они вышли к лагерю.

Глава 12

Этой ночью их не беспокоил никто. Но, по мнению Хуги, это могло означать только одно: им готовят что-то посерьезнее, чем балаган с жителями ночи. Хольгер разделял пессимизм карлика.

Они проснулись чуть свет и сразу пустились в путь. Теперь у них было только одно верховое животное на троих. Алианора, разумеется, могла бы сопровождать их в воздухе, но лебеди не умеют парить и поэтому быстро устают. А Папиллон, несмотря на свою необычную силу и выносливость, не мог нести на спине тройной груз с прежней скоростью. До того как они тронулись в путь, Алианора поднялась высоко в небо и с высоты выбрала удобный для них маршрут. К вечеру Хольгер надеялся достичь перевала, за которым она заметила первые следы человека — несколько уединенных ферм.

— Там, где живут хоть несколько человек, — объяснила она, — если, конечно, они не варвары и не преступники, мы обязательно найдем хоть клочок освященной земли и даже церковь. Там мы будем в безопасности.

— Если это так, — сказал Хольгер, — и каждая церковь — преграда для Срединного Мира, то как он может рассчитывать на захват этих земель?

— Во-первых, у них есть союзники среди существ, которые не боятся ни света дня, ни священных молитв. Это животные вроде вчерашнего дракона или злобные гномы, обладающие душой. Таких помощников у них, правда, мало, да и те слишком глупы, чтобы на них можно было всерьез положиться. Главная их опора — это люди, перешедшие на сторону Хаоса. Чернокнижники, ведьмы, разбойники и убийцы, язычники и дикари. Этим ничего не стоит осквернить священное место и уничтожить его защитников. И тогда на опоганенную ими землю смогут спуститься голубые сумерки Срединного

Мира. Каждый такой шаг будет теснить Порядок, а близость Хаоса — будить в людях страх, зло и жестокость.

Солнце уже село, когда они достигли, наконец, перевала. Лес остался внизу, вокруг были только голые камни с редкими пучками травы. Папиллон фыркнул и помотал головой.

— Бедный, бедный, — Алианора потрепала его по шее. — Тебе сегодня досталось. А в награду за твои труды — только жалкие сухие колючки.

Она нашла углубление в скале и налила туда воды из бурдюка. Хольгер подождал, пока конь утолит жажду, и тщательно вытер его попоной. Он уже перестал удивляться собственной сноровке в уходе за жеребцом, но никак не мог понять, откуда в нем столько нежности к этому бессловесному существу.

Они разбили лагерь, выложили магический круг и на скорую руку поужинали. И, предельно измученные, наконец улеглись.

Однако заснуть Хольгеру не удавалось. Было очень холодно. Плащ, которым они с Алианорой укрылись, почти не грел, а чепрак из-под седла, служивший им подстилкой, не делал скалу ни теплее, ни мягче. Но настоящей причиной его бессонницы было не это. Причиной было доверчиво обнявшее его существо, сотканное из сонного тепла и спутанных волос. К таким искушениям он не привык. Он попробовал отвлечься, припоминая подробности романа с Меривен, но это только ухудшило дело. Хольгер поймал себя на мысли, что сейчас он, пожалуй, был бы не прочь очутиться в объятиях феи Морганы. «Значит, ты готов бросить Алианору после всего, что она для тебя сделала, мерзавец?» — возмутился его внутренний голос. Ну уж нет!

Благодарность и нежность толкнули его к ней. И прежде чем он осознал, что творит, его рука скользнула под тунику из перьев и легла на упругую молодую грудь. Алианора шевельнулась и что-то пролепетала во сне. Хольгер замер. Чувства переполняли его. Он закинул голову к небу.

Звезды, как снег, замели небосвод. По положению Большой Медведицы он определил, что до рассвета осталось каких-то два часа. Небо сияло, а на земле лежала кромешная тьма. Тускло мерцал костерок, выхватывая из темноты примостившегося на корточках возле огня Хуги. Силуэт огромной черной горы заслонял звезды на севере... Но... Откуда она взялась?! Там не было никакой горы!

Он вскочил. Мгновение спустя земля дрогнула. Потом снова и снова... и снова... как будто ожил гигантский бубен.

Гора дрожала, как лестница, по ступенькам которой поднимался чугунный гигант. Скалы лопались и с грохотом катились вниз. Хольгер выхватил меч.

Ступня величиной с человека пнула и разрушила магический круг. Алианора закричала от ужаса. Папиллон, дрожа как лист, спрятался за спиной Хольгера. Хуги на четвереньках быстро-быстро улепетывал от страшной ступни с огромными нестриженными ногтями.

Великан присел на корточки и корявыми, как дубовые ветви, пальцами разворошил костер. Огонь ярко вспыхнул и выхватил из темноты уродливую, коротконогую фигуру гиганта. Одеждой ему служили кое-как сшитые мохнатые шкуры, от которых шел резкий неприятный запах. Лицо великана, насколько его позволяли рассмотреть спутанная растрепанная шевелюра и лохматая борода, относилось к ярко выраженному акромегалическому типу: маленькие глазки прятались под карнизом мощных надбровных дуг, нос был коротким, скулы — острыми, а под толстыми губами сверкали устрашающей величины зубы.

— Прыгай на Папиллона, Хуги, — шепнул Хольгер. Первый страх миновал, и он лихорадочно обдумывал ситуацию. — Я задержу его, сколько смогу. А ты улетай, Алианора!

— Я останусь с тобой, — услышал он в ответ.

— Как же это? — простонал Хуги. — Он же из Срединного Мира. Магический круг должен был остановить его!

— Он дождался минуты, — сказала Алианора, — когда у кого-то из нас родились мысли кощунственные и нечистые. Тогда святые знаки теряют свою магическую силу, — она бросила негодующий взгляд на Хуги.

Хольгер почувствовал себя подлецом: виновным в греховных мыслях был, конечно, не Хуги.

— Говорите так, чтобы я вас мог слышать, — оглушительно протрубил великан.

Хольгер облизал пересохшие губы, шагнул вперед и сказал как можно громче и тверже:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа приказываю тебе удалиться!

— Фу! — пренебрежительно фыркнул гигант. — Поздно, смертные. Вы сами разорвали круг добра грешными помыслами. Альфрик поведал мне, что я найду здесь лакомую добычу. Отдайте мне деву, а сами ступайте своей дорогой.

У Хольгера уже был готов сорваться с языка достойный ответ на это гнусное предложение, но он вовремя спохватился:

формулировка была отнюдь не для девичьих ушей. Поэтому он молча стиснул зубы, размахнулся и нанес великану удар мечом. Тот охнул, резко отдернул руку и стал ею трясти, дуя на дымящуюся рану, нанесенную непереносимым железом.

— Постой! — вскричал он. — Поговорим!

Хольгер, едва не сбитый с ног децибелами, опустил меч. Дудки! Его не так просто взять голыми руками! Густой бас между тем принялся вещать довольно миролюбиво:

— Я прослышал, что ты великий рыцарь. Что ж, ты убедился, что меня ранит прикосновение железа. Однако не кажется ли тебе, что я мог бы обрушить на тебя скалы? Давай обойдемся без этого. Что ты скажешь о поединке более приятном? Я говорю о состязании в уме. Если ты победишь меня силой разума, я не стану чинить вам помех. И вдобавок наполню твой шлем золотом. — Он тряхнул увесистым мешком, висящим у пояса. — Но если проиграешь ты, то дева достанется мне. Идет?

— Нет! — отрезал Хольгер.

— Подожди, подожди, любимый, — с неожиданной горячностью схватила его за руку Алианора. — Я думаю, что речь тут идет всего лишь о загадывании загадок.

Хольгер удивленно поднял брови. Великан кивнул:

— Да, правильно. Мы, Большой народ, в родовых замках в бесконечно долгие ночи нашей северной родины год за годом, столетие за столетием совершенствуем свой разум, проводя блистательные турниры, загадывая и разгадывая загадки. Это я и предлагаю тебе. И если случится, что я не отвечу на две из твоих загадок, то позволю тебе уйти и мне не жаль будет потерянной девы. Ведь я стану богаче на две новые хорошие загадки.

— Итак, — он с беспокойством оглянулся на восток. — Начнем?

— Соглашайся, соглашайся, Хольгер, — зашептала Алианора. — Я уверена, что ты победишь.

— Мне ничего не приходит в голову...

— Да что ты?.. — растерянно пробормотала она. — Совсем ничего?.. Тогда... Тогда знаешь, что?.. Лучше тогда отдать ему меня. Честное слово. Он съест меня, вот и все. А ты должен жить. Это так важно для нашего мира. Ты не должен рисковать жизнью из-за такой пустышки, как я...

Хольгер лихорадочно рылся в памяти. «Четыре висят, четыре идут, два ведут, один погоняет...» Корова. Загадка Сам-

сона филистимлянам. Пожалуй, можно наскрести еще что-то из классики... Но если великан, как он говорит, занимается этим делом уже не один век, то все классические загадки ему должны быть известны... Выдумать самому? Для этого его голова не приспособлена.

— Ну, так что же? — прогудел великан и опять беспокойно взглянул на восток. Хольгера озарило.

— Он что, не переносит солнечных лучей? — шепотом спросил он.

— Не переносит, — кивнула Алианора. — Солнечный свет превратит его в камень.

— Вот-вот! — вмешался Хуги. — Если ты сумеешь голову ему заморочить до того, как рассвет застанет его, то нам, глядишь, и золотой мешок достанется.

— Я слышала, — возразила Алианора, — что их сокровища проклятые, а человека, который на них польстится, ждет неминуемая гибель. О Хольгер, уже через час он вынужден будет бежать от рассвета. О, неужели не сможешь ты продержаться, ты, победитель дракона?

— Я... попробую... — выдавил Хольгер и повернулся к нетерпеливо ерзающему великану. — Я буду состязаться с тобой, — объявил он.

— Три загадки! — прогрохотал гигант. — И свяжи деву, чтобы она не могла улететь. Быстрее!

Хольгер не мог не подчиниться. Но, накручивая веревку на тонкие руки, он шепнул:

— Ты легко сбросишь путы, если дело примет дурной оборот.

— Нет, нет, я не убегу. Ведь тогда он обрушится на тебя... О черт!

Великан подбросил в огонь несколько сучьев.

— Начнем, рыцарь. Думаю, тебе лестно будет узнать, что сегодня ты имеешь честь состязаться с тем, кому принадлежит титул Мастера загадок девяти последних турниров, — взглянув на Алианору, он облизнулся: — Лакомый для нас обоих приз.

Хольгеру стоило большого труда сдержаться и не ответить на гнусную ухмылку этого гиппопотама ударом меча.

— Ладно, — сказал он. — Первая загадка. Почему курица переходит дорогу?

— Что-о? — великан разинул рот. Его огромные зубы блестели, как брусчатка после дождя. — Ты спрашиваешь об этом *меня?!*

— Отвечай.

— Но ведь это вопрос для детей! Разумеется, чтобы оказаться на другой стороне!

— Неправильно, — покачал головой Хольгер.

— Врешь! — великан вскочил. Хольгер предостерегающе поднял меч.

— У этой загадки есть очень остроумный и абсолютно правильный ответ. И ты должен найти именно его.

— Такого я еще не слышал, — пожаловался великан. Однако снова опустился на корточки и погладил бороду своей грязной лапой. — Почему курица переходит через дорогу? Зачем же еще, если не для того, чтобы оказаться на другой стороне? Какой во всем этом аллегорический смысл? Поставим вопрос так: что такое курица? И что такое дорога? — он закрыл глаза и стал медленно раскачиваться.

Алианора восторженно улыбнулась Хольгеру. Время тянулось медленно, ужасающе медленно. Сияли ледяные звезды. Дул холодный ветер. Наконец великан открыл глаза. Свет костра заплясал в них двумя красными кляксами.

— Я нашел ответ, — объявил громоподобный голос. — Загадка эта подобна той, с помощью которой Тхази победил Гротнира пятьсот лет назад. Так вот, смертный, курица — это жизнь, которую она должна перейти с обочины рождения на обочину смерти. И хотя на дороге много опасностей — повозки войны и мира, ухабы труда и грязь греха, а в вышине кружит ястреб, имя которому Сатана, — но курица идет и переходит через дорогу. Она сама не знает, почему это делает, разве что поля на той стороне кажутся ей зеленее, чем на этой. Она переходит, потому что так суждено всем, — высокопарно и самодовольно закончил он.

— Нет, — сказал Хольгер.

— Не-е-ет? — великан вновь вскочил.

— Тебе явно не хватает смекалки, — усмехнулся датчанин.

— Мне?! — оскорбленно взревел гигант, вызвав этим небольшую лавину. — Мне?! Что ж, я готов сдаться. Послушаем твой ответ. Почему же курица переходит через дорогу?

— Потому что обходить ее слишком долго.

Повисло молчание, а потом великан разразился проклятиями. Так как единственной целью Хольгера было стремление выиграть время, его не слишком заботил вопрос о чистоте жанра. Еще полчаса они препирались по поводу понятий «загадка», «вопрос» и «ответ», и это тоже было ему на руку. Бла-

гословенны будьте, лекции по семантике! Один только пересказ теории значений Бертрана Рассела убил минут десять, не меньше.

В конце концов великан пожал плечами.

— Ладно, — зловеще произнес он. — Учти, что завтра ночью я приду опять. Хотя в этом, может, и не окажется нужды. Давай свою вторую загадку!

Хольгер был готов.

— Ответь, что это такое: четыре ноги, желтые перья, живет в клетке, поет и весит четыреста килограммов?

Кулак великана ударил по земле так, что подпрыгнули камни.

— Ты спрашиваешь о какой-то неслыханной химере! Это не загадка!

— Если загадка, — возразил Хольгер, — это вопрос, ответ на который можно найти путем логических рассуждений, то я задал тебе именно загадку. — Он украдкой взглянул на восток. Кажется, там чуть-чуть посветлело?

Великан фыркнул и погрузился в раздумья. «Похоже, он не слишком сообразителен», — подумал Хольгер. Датский школьник ответил бы за одну минуту, а этот бегемот будет теперь думать часами. Великан раскачивался и бормотал себе под нос. Костер почти угас.

Хуги дернул Хольгера за штанину.

— Не забудь о золоте, — алчно прошептал он.

— И о том проклятии, которое на нем, — добавила Алианора.

Внезапно великан ожил.

— Готово, — громыхнул он, потирая руки. — Я нашел ответ на твою загадку. Это две двухсоткилограммовые канарейки!

Хольгер чертыхнулся. Но всякий раз выигрывать невозможно.

— Отлично, Соломон. Третья загадка.

— Не называй меня Соломон. Баламорг — вот мое имя. Это грозное имя, и его навсегда запомнили вдовы и сироты и разнесенные мною в щепки бастионы. Называй меня моим именем.

— Видишь ли, там, откуда я родом, Соломон — это обращение, исполненное уважения. Поэтому... — и Хольгер пустился в длинные нелепые комментарии, которые съели еще минут десять бесконечного времени.

Но Баламорг решительно оборвал его:

— Последняя загадка! И поспеши, а то я без жалости раздавлю тебя!

— Ладно, ладно, горячиться не стоит. Скажи лучше, что такое: зеленого цвета, с колесом, растет возле дома?

У великана отвисла челюсть.

— Хо! Как?

Хольгер повторил.

— Какого дома? — уточнил гигант.

— Любого.

— Значит, растет? Вопрос о фантастических деревьях, на которых колеса растут, как плоды, нельзя считать настоящей загадкой!

Хольгер уселся и демонстративно принялся чистить ногти концом ножа. Ему пришло в голову, что горящий магниевый стилет может оказаться так же опасен для великана, как свет солнца. А может и не оказаться. Однако, если дело дойдет до битвы, не стоит забывать про Пламенное лезвие. Он заметил, что силуэт великана, несмотря на то что костер почти догорел, стал виден гораздо отчетливее.

— В моих краях такие загадки задают друг другу дети, — сказал Хольгер.

Это была чистая правда. Однако уязвленное самолюбие заставило великана израсходовать еще несколько столь драгоценных минут на сопение и фырканье.

В конце концов он с сердитым ворчанием впал в свой обычный транс.

Небо на востоке медленно светлело. Каждая минута казалась вечностью.

Неожиданно великан встряхнулся, грохнул кулаком по земле и с досадой объявил:

— Сдаюсь. Солнце уже припекает, я должен искать убежище. Каков же ответ?

Хольгер поднялся.

— А почему я должен открыть его тебе?

— Потому что я так сказал! — гигант поднялся во весь рост и прорычал: — Или я разорву сейчас деву на куски!

— Ладно, — сказал Хольгер. — Трава. Это трава.

— Трава? Но у травы нет колес!

— Я немного приврал, чтобы ты не догадался, — спокойно заявил Хольгер.

Баламорг взорвался от ярости. Ревущая гора мяса двинулась к рыцарю. Хольгер отскочил, стараясь держаться как

можно дальше от Алианоры. Если он заставит ослепшего от злобы великана побегать за ним хотя бы еще минут пять... разумеется, оставаясь при этом в живых...

— Кис-кис-кис! А ну, попробуй меня поймать!

И начались прыжки и финты, броски в сторону и катание по земле — и хлопки чудовищных лап в нескольких дюймах от тела. От этой гимнастики сердце Хольгера готово было выпрыгнуть из груди.

И вдруг — первый луч солнца упал на голову великана. Баламорг взвыл. Еще никогда и нигде не слышал Хольгер вопля, в котором было бы столько муки и ужаса. Великан рухнул — и земля ухнула, как от взрыва. Великан выл не переставая и корчился, как гигантский червяк. Это было жуткое зрелище.

И вдруг вопль оборвался. В беспощадно ясных лучах солнца на том месте, где упал великан, лежала на земле удлиненная гранитная глыба с едва различимыми человеческими очертаниями. Лопнувшие шкуры лохмотьями свисали с нее. И это было последнее, что запечатлел взгляд Хольгера. Он упал и потерял сознание...

Когда он пришел в себя, его голова покоилась на коленях Алианоры. Солнце горело в ее волосах... солнце сияло в жемчуге ее слез...

Хуги скакал вокруг каменной глыбы.

— Злато, злато, злато! — горланил он. — Все они носят на поясе целый мешок! Быстрей, рыцарь! Разрежь мешок, и мы станем богаче, чем короли!

Хольгер поднялся и, заметно прихрамывая, направился к Хуги.

— Лучше этого не делать, — предупредила Алианора, — однако, любимый, как ты решишь, так и будет. В дороге нам не помешает несколько монет. Но только прошу тебя: позволь мне нести это богатство — пусть проклятие падет на меня, только на меня.

Хольгер молча отодвинул Хуги и склонился над завязанной сумой, сшитой из грубой кожи. Несколько монет выпали из нее и, ослепительно сверкая, лежали рядом. Огромное богатство...

Но что это за запах? Нет, не терпкий смрад кожи, а совсем другой — чистый и легкий, какой бывает после грозы на рассвете... Озон? Да! Но откуда?

— Боже! — вырвалось у него.

Он подскочил как ужаленный, бросился к Алианоре, подхватил ее на руки и помчался бегом к лагерю.

— Хуги! Бегом! Быстрей! Прочь отсюда! Ни к чему не прикасайся, если тебе дорога жизнь!

В одну минуту их пожитки оказались собранными, и Папиллон галопом помчал их на запад. Только когда тропа нырнула за высокий утес, Хольгер придержал жеребца. Хуги и Алианора немедленно потребовали объяснений. Он вынужден был на ходу сочинить им историю о внезапном видении ангела, предостерегающего от смертельной опасности.

Его авторитет не позволил им усомниться.

А какими еще словами он мог объяснить им подлинную суть дела? Он и сам был не очень силен в ядерной физике. Помнил только обрывки лекций об экспериментах Лоуренса и Резерфорда. И о лучевой болезни.

Басни о проклятии, наложенном на золото погибшего великана, оказались чистою правдой. Превращение атомов углерода в атомы кремния сопровождается радиоактивным излучением, а в данном случае речь шла о многих тоннах вещества.

Глава 13

Теперь дорога шла вниз. Через несколько часов в лесу, по которому они ехали, стали попадаться следы человеческой деятельности: пни срубленных деревьев, кучи выкорчеванного кустарника и поляны, вытоптанные скотом. Наконец — даже некое подобие дороги, петляющей сквозь чащу. По словам Алианоры, по этой дороге они могли еще до вечера добраться до какого-то городка. Хольгер дремал в седле: ночное приключение вымотало его, а медленная езда и пение птиц так сладко баюкали.

Они миновали брошенный хутор. Все говорило о былой зажиточности хозяев: основательный и просторный дом из тесаных бревен, аккуратные соломенные крыши над амбаром и овчарней. Однако дом был пуст, из трубы не шел дым, а по безжизненному подворью неуклюже скакал ворон. Ворон посмотрел на путников, склонив голову набок, и насмешливо каркнул.

— По следам видно, — сказал Хуги, — что хозяин свое стадо в город угнал или еще куда по дороге. Хотел бы я знать, зачем?

К вечеру они выехали из леса на открытую местность. Вокруг колосились поля пшеницы. Солнце падало за кромку гор, и первые звезды робко теплились на востоке. Было еще

достаточно светло, и Хольгер заметил недалеко впереди на дороге облако пыли. Он причмокнул, и уставший Папиллон сделал вид, что прибавил ходу. Алианора, гоняющая в небе голубей, опустилась на землю и приняла человеческий облик.

— Нет смысла беспокоить этих людей, — сказала она. — Они куда-то торопятся и явно чем-то встревожены.

Хуги потянул большим носом воздух.

— Гонят скотину за городские стены. Ух и смердит! Всем на свете — и навозом, и псиной, и потом, да вдобавок чем-то совсем не людским...

Стадо остановилось, и они догнали его. Несколько овец отбились и забрели в пшеницу. Пастухи и псы, безжалостно топча хлеб, выгоняли их на дорогу. «Странно, — подумал Хольгер. — Не очень похоже на бережливых крестьян».

Папиллон остановился: дорогу путникам преградили всадники с копьями наперевес. Это были коренастые, светлокожие бородачи, одетые в простые полотняные кафтаны, подпоясанные ремнями. И хотя они производили впечатление флегматичных и миролюбивых людей, что-то в их голосах и движениях говорило о мрачной готовности к драке.

— Кто вы такие? — спросил один из них.

— Сэр Хольгер из Дании со своими друзьями, — объявил Хольгер. — Я прибыл с миром и хотел бы найти в городе еду и ночлег.

— Ольгер? — переспросил другой и почесал затылок. — Вроде я где-то это имя слыхал.

— Я прибыл издалека, и в ваших краях проездом. Ты слышал не обо мне.

— Ладно, — сказал первый. — Стадо вот надо гнать. Приветствуем, значит, тебя, господин, в Лурвиле. Боюсь, что ты прибыл в недоброе время, но сэр Ив не откажет в гостеприимстве... Эй, ты, там! — закричал он. — Вороти эту телку, а то она добежит до соседнего графства... Меня зовут Рауль, господин. Прости, что остановил тебя.

— Что у вас происходит? — спросила Алианора. — Зачем вы гоните скот за стены?

— Ну да, гоним, — кивнул Рауль. — Днем, значит, пасем его все сообща, а к сумеркам гоним в город. Нынче по ночам все, кто могут, за стены идут. Ни один храбрец, слышь, в одиночку за город ночью не сунется. Оборотень у нас шастает, вот так.

— Да что ты? — охнул Хуги.

— Ну. В последние годы все у нас пошло наперекосяк. В каждом доме беда на беде сидит. Нынешней весной, слышь, топор мой возьми да шмякни мне по ноге. А после и отца моего рубанул. Три недели — посевную как раз — пролежали мы с ним пластом, слышь. И в каждой семье такие страсти. Люди говорят, все оттого, что Срединный Мир подымается. Чернокнижье в силу входит, — Рауль перекрестился. — Но этот волк-оборотень — самая худшая из всех наших напастей, Христос нас сохрани.

— А может, это обычный волк? — спросила Алианора. — Только более сильный и ловкий?

— Может, и так, — мрачно хмыкнул Рауль. — Однако как понять, что простой волк столько ворот сломал и замков отворил? Да еще для потехи за один раз дюжину овец зарезал? А прошлой ночью, объясни мне, кто был? Пьер Большеног с женою Бертой дома, значит, сидели. Это в лесу, отсюда в трех милях. Ночью, значит. Тут он им окно выломал и ворвался. Из люльки дитя схватил — и бежать. Пьер его серпом, да только серп сквозь его ребра — как сквозь воду. Спасибо Берте: не растерялась и хватила его серебряной ложкой, из своего приданого, значит. Тут он и бросил дитя — слава богу, не искалечил. И в то же окно утек. Вот, значит, какой это волк. Может, конечно, и простой.

— Нет, конечно, — согласилась Алианора. Рауль плюнул на землю.

— Так что лучше мы поспим за стенами, пока эта нечисть не уберется. Пускай себе рыщет на голом месте. А может, мы когда и найдем того, кто его шкуру носит, найдем да сожжем. Да-а-а, — протянул он, — для всех он — большое несчастье, и для нашего сэра Ива. Ведь его-то дочь Рембер как раз к путешествию на запад готовится, дабы обвенчаться в Вене, значит, с третьим сыном маркграфа.

— Наш господин, наверное, не сможет принять тебя как положено, — добавил один из спутников Рауля. — Он теперь каждую ночь на крепостной стене. А госпожа Бланшфлор в постели: хворает она.

Хольгер подумал, что следовало бы предложить свои услуги для ночного дежурства, но после событий последней ночи и дня, проведенного в седле, он просто падал от усталости. Он кивнул крестьянам и тронул поводья.

Хольгер попросил рассказать подробнее об оборотнях, и вот что поведала Алианора:

— Есть два пути, с помощью которых человек может превращаться в животных. Первый — заклинания, обращенные на обычных людей. Именно таким образом превращаюсь в лебедя я. Другой путь — ужасный. Он для тех, кто рождается с двойной природой. Они никогда не прибегают к заклинаниям, но каждую ночь ими овладевает темное желание стать медведем, или кабаном, или волком... В человеческом облике они могут быть мягкими и спокойными, но в зверином — они сеют смерть до тех пор, пока не удовлетворят свою жажду крови. Страх перед разоблачением заставляет их всегда возвращаться в человеческий облик. Их нельзя победить, потому что даже смертельные раны заживают у них мгновенно. Только серебра боятся они и, видя серебряное оружие, убегают...

— Постой, но... Выходит, этот оборотень откуда-то пришел сюда?

— Не обязательно. Скорее всего, это кто-то из местных. Малая толика волчьей крови может долгие годы, а иногда даже всю жизнь дремать и оставаться скрытой от всех. Но в последнее время силы зла растут и могли разбудить спящего в ком-то демона. Оборотень, конечно, и сам должен быть очень напуган. Помоги ему бог, когда люди дознаются, кто это.

Во всем этом была своя особая и обычная для этого мира логика. Вурдалак, по-видимому, был продуктом какого-то фокуса с генами. Если пропорции человеческих и волчьих генов были равны, тогда, вероятно, оборотень был оборотнем с младенчества, и его убивали сразу, когда отец обнаруживал в колыбели волчонка. Если пропорции были неравны, менять облик было сложнее. Обладатель такой наследственности мог носить в себе это проклятие, ничего не подозревая. Но только до того времени, пока не возрастала мощь магического дуновения со стороны Срединного Мира, вызывающая биологические и химические изменения в организме...

Сумерки стали уже такими плотными, что приходилось напрягать зрение, чтобы что-нибудь рассмотреть. Городок был обнесен крепкой деревянной стеной с узким настилом сверху. По нему сегодня и будет совершать обход сэр Ив. За стеной прятались одно- и двухэтажные деревянные домики. Узкие пыльные улочки были пропитаны запахом скота. Та, по которой они вошли в город, казалась немногим шире и прямее остальных.

Появление Хольгера привлекло к нему общее внимание. Женщины, дети, ремесленники в грязной одежде — все с чадящими факелами в руках — провожали его любопытными и

почтительными взглядами. Хольгер остановил коня рядом с крепким бородачом. Тот погладил бороду и представился:

— Кузнец Одо, господин. К твоим услугам.

— Эта дорога приведет к двору вашего господина? — спросил Хольгер.

— Да, сэр рыцарь. Эй, Фродар, наш господин еще дома?

Юноша в потертых красных штанах и с мечом на поясе кивнул:

— Я оставил его минуту назад, уже полностью одетого и вооруженного. Он подкрепляется кружкой пива. Я его оруженосец, сэр рыцарь. Я провожу тебя: наш городок — настоящая головоломка.

Хольгер снял шлем и подставил потную голову под свежий ночной ветерок. На излишний комфорт здесь, конечно, рассчитывать не придется. Сэр Ив де Лурвиль, скорее всего, не очень богат — провинциальный рыцарь с горсткой челяди, охраняющий этот край от разбойников и исполняющий обязанности судьи. Рауль едва не лопался от гордости, когда сообщал о свадьбе дочери своего господина с младшим сыном мелкого аристократа из западной провинции империи.

Оруженосец двинулся вперед, подняв факел повыше. Хольгер пустил Папиллона следом. Едва они повернули в первую темную улочку, как где-то рядом раздался ужасный женский крик.

Мгновение — и шлем Хольгера очутился на его голове, а обнаженный меч в руке. Папиллон развернулся. Люди на улице сбились в толпу и тревожно галдели. Пылающие факелы лили пляшущий свет. Верхние этажи домов тонули в полумраке. Хольгер заметил, что и окна и двери во всех домах плотно закрыты. В одном из этих запертых домов и кричала женщина.

Вдруг ставни одного из домов, запертые на железный засов, разлетелись вдребезги. Длинное косматое существо серостального цвета вылетело из распахнутого окна. Упав на землю, оно подняло голову. В ужасных челюстях бился младенец.

— Волк! — закричал кузнец. — Он в городе!

В окне показалась мать ребенка.

— Спасите! — завопила она. — Он вбежал через черный ход! Держите его, люди, держите! Пусть бог покарает вас, мужчины, чего вы стоите?! Спасите мою Люси!

Папиллон рванулся вперед. Ребенок бился и плакал. Хольгер ударил мечом, но волк оказался проворнее: со сверхъесте-

ственной быстротой он проскользнул под брюхом Папиллона и помчался по улице.

Оруженосец Фродар встал на его пути. Не замедляя хода, волк прыгнул и пролетел над его головой. Сейчас он нырнет в ближайший переулок — и все, его не найти.

Раздалось хлопанье крыльев: на землю перед волком упал лебедь и атаковал его, целя клювом в глаз. Волк прижал уши, отпрыгнул и метнулся к переулку. Алианора вновь оказалась у него на дороге — и обрушилась на чудовище, как снежный буран. Главное — она задержала его.

А Хольгер уже был рядом. Теперь настал его черед. И хотя на таком расстоянии от факелов он различал только темный силуэт врага, он рубанул мечом — раз, другой... Он почувствовал, как меч рассекаст плоть. В темноте сверкнули глаза оборотня — зеленые, холодные, жуткие. Хольгер вновь поднял меч и в слабом свете вспыхнувшего поодаль факела заметил, что на клинке нет ни капли крови. Железо не ранило оборотня.

Папиллон ударил копытом, опрокинул волка и стал топтать его. Неуязвимая косматая тень откатилась в сторону и исчезла в темноте. Брошенный ребенок остался на земле, заливаясь слезами.

Прежде чем люди успели добежать к ним, Алианора снова стала человеком. Она подняла с земли испачканную кровью и грязью девочку и прижала к груди.

— Ах, бедное дитя, маленькая моя, уже все хорошо. И ничего с тобой не случилось. Разве что несколько царапинок. Перепугалась, бедняжка? Зато теперь ты сможешь рассказать своим детям, как лучший на свете рыцарь однажды спас тебя. Вот ты уже и не плачешь...

Мужчина с окладистой черной бородой, очевидно, отец малютки, почти вырвал девочку из рук Алианоры, прижал к себе и вдруг, отчаянно зарыдав, упал на колени.

— Успокойся, — сказал Хольгер, — возьми себя в руки. Ребенок жив и невредим. Мне нужны люди с факелами. Ты, ты и ты, идите сюда. Мы должны схватить волка.

Часть мужчин, перекрестившись, отвернулась. Кузнец Одо потряс кулаком и мрачно спросил:

— Как мы это сделаем, рыцарь? Он не оставляет следов ни на земле, ни на камне. Он доберется до своего дома и снова станет одним из нас.

Хуги потянул Хольгера за рукав.

— Мы его выследим, если прикажешь, — сказал он. — У меня свербит в носу от его смрада.

Хольгер принюхался.

— Я ощущаю только запах навоза и помойки.

— Да, но ты ведь не лесовик. Быстро, рыцарь, спусти-ка меня на землю, а я уж пойду по следу. Только смотри, держись ко мне поближе.

Хольгер поднял Алианору в седло и двинулся за Хуги. Фродар и Одо шли по обеим сторонам от него, высоко подняв факелы. Сзади, вооруженные ножами и палками, двигались самые отважные из городских жителей. «Если мы его схватим, — подумал Хольгер, — нам понадобится силой удерживать его и попытаться связать. А там... Там будет видно».

Путь волка все время кружил по городу. Вскоре Хуги вывел их на рыночную площадь, мощенную брусчаткой.

— Запах острый, как горчица, — воскликнул он. — Никто на свете не смердит так, как оборотень, который недавно сменил обличье.

«Не результат ли это выделений каких-то желез?» — мелькнуло в голове Хольгера.

Они миновали площадь и двинулись по относительно широкой улице. В домах светились окна. Хуги, не отвлекаясь по сторонам, вел прямо и прямо — до тех пор, пока за спиной Хольгера не прозвучал испуганный голос Фродара:

— Нет! Только не дом моего господина!

Глава 14

Дом рыцаря выходил фасадом на церковную площадь. Кухня и конюшня стояли отдельно. Сам дом выглядел не слишком роскошно — деревянный, крытый соломой, он был немного просторнее, чем дачный домик в далекой Дании. Парадный вход был закрыт, из щелей в ставнях окон сочился свет. В конюшне надрывались псы.

Хуги подошел к двери, обитой железом.

— Волк вошел сюда, — сказал он.

— А мой господин и его семья там совсем одни! — Фродар подергал дверь. — На засове! Сэр Ив! Ты слышишь меня? Все ли в порядке?

— Одо, зайди в дом сзади, — приказал Хольгер. — А ты, Алианора, поднимись в воздух и следи сверху.

Он подъехал к двери и постучал в нее рукояткой меча. Кузнец с группой мужчин скрылся за углом. Хуги поспешил за ними. Отовсюду на площадь стал стекаться народ. В неверном свете факелов Хольгер узнавал знакомые лица: пастухи с дороги. С копьем в руке к нему подошел Рауль.

Стук в дверь отзывался в доме эхом.

— Умерли они там, что ли? — вскричал Фродар. — Нужно взломать дверь! Люди, что вы стоите?!

— Нет ли в доме черного хода? — спросил Хольгер. Кровь молоточками стучала в висках, но он не испытывал страха перед чудовищем. Он делал работу, для которой был призван.

Хуги протиснулся к нему сквозь толпу и дернул за стремя.

— Здесь других дверей нет, — сообщил он. — А все окна закрыты наглухо. Я все обнюхал: волк в доме, он не выходил. Теперь он от нас не уйдет.

Горожане притихли и ждали, готовые ко всему. Свет факела осветил испуганное лицо какой-то женщины, блеснул на мокром от пота лбу мужчины, отразился в обнаженном клинке. Над толпой щетинилось оружие — копья, топоры, косы, пики, цепи...

— Нет никого, — ответил Фродар. — Прислуга, как стемнеет, расходится по домам. На ночь остается только старый Николя, но он вот он, вместе с конюхами. Давай войдем, сэр рыцарь.

— Именно это я и хотел предложить. Разойдитесь немного.

Фродар и Рауль быстро и грубо оттеснили толпу. Хольгер похлопал Папиллона по шее и шепнул ему:

— Ну, мальчик, покажи, покажи им, чего мы стоим.

Конь разбежался — и передние копыта с грохотом ударили в дверь. Засов отлетел. Путь был свободен.

Хольгер въехал в дом и оказался в длинном зале с глиняным полом, кое-где покрытым потрепанными циновками. Стены, вдоль которых тянулись лавки, были украшены охотничьими трофеями и оружием. Между стропилами колыхались запыленные боевые знамена. При свете свечей в канделябрах можно было убедиться, что в помещении никого нет. Из толпы, ввалившейся вслед за Хольгером, донеслись яростные восклицания. Кто-то, закованный в сталь, вырвался вперед и поднял меч.

— Кто ты?! Что это за разбой?!

— Сэр Ив! — воскликнул Фродар. — Волк не причинил тебе вреда?

— Какой волк? В чем дело, черт побери? Кто ты, рыцарь? Как ты объяснишь мне, что вломился в мой дом? Или ты мой враг? Если нет, то, клянусь богом, ты сделал все для того, чтобы им стать!

Хольгер соскочил с коня и подошел к хозяину. Сэр Ив де Лурвиль был высоким худым мужчиной с апатичным лошадиным лицом и обвислыми серыми усами. Доспехи на нем были куда изысканнее, чем у Хольгера. Герб на его щите — черная волчья голова на фоне красных и серебряных полос — показался необычайно точно соответствующим ситуации. Кто-то из его предков мог быть стопроцентным оборотнем, и, когда все об этом забыли, герб сохранил память...

— Я сэр Хольгер из Дании. Я и множество других людей видели волка собственными глазами. Только благодаря милосердному провидению нам удалось спасти ребенка, которого он похитил. Он убежал. Его след привел нас сюда.

— Да! — воскликнул Хуги. — След ведет прямо в дом!

Ропот пробежал по толпе.

— Ты лжешь, карлик! Я просидел здесь весь вечер. Никакой зверь не вбегал сюда, — сэр Ив ткнул мечом в сторону Хольгера. — И здесь нет никого, кроме моей больной жены и моих детей. И если кто-то решится сказать, что я лгу...

Роль смельчака была ему не по плечу: голос выдавал его растерянность. Ему ответил Рауль:

— Если все это так, сэр Ив, то оборотнем, значит, должен быть кто-то из твоих домашних.

— Что? — гневно воскликнул рыцарь. — Видно, ты перетрудился сегодня. Я прощаю тебе эти слова. Но если кто-нибудь еще осмелится сказать так, отправится на виселицу!

— Лесовик! — сказал сквозь слезы Фродар. — Ты уверен?

— Кому вы поверили! — загрохотал сэр Ив. — Этому недочеловеку и какому-то неизвестному с большой дороги? Разве не я все эти годы охранял вас от зла?

За его спиной возник юноша лет четырнадцати, щуплый и светловолосый. На голове его был шлем, в руках — щит и меч.

— Я здесь, отец! — звонко выкрикнул он и впился в Хольгера зелеными злыми глазами. — Я, Ги, сын Ива де Лурвиля, хоть еще и не посвящен в рыцари, обвиняю тебя во лжи и вызываю на бой.

Хольгер был тронут. Мальчик еще очень молод, но его храбрость делает ему честь.

«Не торопись делать выводы», — одернул он себя. Оборотень может производить самое выгодное впечатление до тех пор, пока его метаболизм не разбудит в нем жажду убийства. Он вздохнул и вложил меч в ножны.

— Я не хочу сражаться, — сказал он. — Если люди скажут, что не верят мне, я уйду.

Горожане беспокойно зашевелились. Многие прятали глаза. Вдруг в дверях появился Одо: он расталкивал людей, прокладывая дорогу Алианоре.

— Дева-лебедь будет говорить! — крикнул он. — Дева-лебедь, которая спасла Люси! Тихо, вы там, поберегите лбы, или они кое у кого треснут!

Наступила полная тишина, нарушаемая только лаем собак на улице. Хольгер заметил, как побелели костяшки пальцев Рауля, сжимающего копье. Какой-то коротышка в одеянии священника упал на колени, прижимая к груди распятие. Ги разинул рот. Сэр Ив отшатнулся, как человек, получивший удар в живот. Все взгляды были прикованы к Алианоре. Она стояла в центре зала, стройная и гибкая, и свет свечей мерцал в ее каштановых волосах.

— Кто-то из вас обо мне слышал, наверное, — начала она. — Я живу у озера Аррои. Не люблю хвалиться, но в городах, которые ближе к моему дому — в Тарнберге, Кромодню — вам расскажут, сколько заблудившихся детей я вывела из леса и как заставила саму фею Маб снять заклятие с мельника Филиппа. Я знаю Хуги с детства и готова поручиться за него. А сэр Хольгер... Счастье для вас, что могущественнейший рыцарь, какого когда-либо знал мир, прибыл к вам именно сейчас, чтобы освободить вас от волка, прежде чем тот успеет унести жизни многих. Будьте послушны ему — вот и все, что я хочу вам сказать.

Из толпы, ковыляя, вышел старик и, прищурив подслеповатые глазки, произнес в тишине:

— Ты что же, хочешь сказать, что это — Защитник?

— Ну-ну... — попробовал возразить Хольгер, но старик продолжал:

— Защитник? Тот, кто придет в час самой лютой напасти?.. Дед рассказывал мне эту легенду, но не говорил имени... Так это, выходит, ты, сэр рыцарь? Ты?

— Нет, — сказал Хольгер, но его никто не услышал. Все, казалось, заговорили сразу. Рауль с копьем наперевес рванулся вперед.

— Святое Небо! Моим господином не будет тот, кто пожирает детей! — крикнул он.

Фродар взмахнул мечом, но без особого рвения. Удар пришелся по древку копья. Мгновением позже четверо мужчин уже прижимали оруженосца к полу.

Сэр Ив бросился на Хольгера. Датчанин едва успел выхватить меч и отразить удар. Ответным ударом он расколол щит сэра Ива. И следующим выбил у него меч. Двое горожан скрутили своему господину руки. Ги полез в атаку, но был остановлен пиками, нацеленными ему в грудь.

— Рауль, Одо, успокойте людей! — приказал Хольгер. — Не позволяйте никого обижать. Ты, ты и ты, — указал он на троих молодых горожан, — охраняйте вход. Никто не должен отсюда выйти. Хуги и Алианора, идите за мной.

Он сунул меч в ножны и зашагал в глубину дома. Перпендикулярно главному залу шел коридор с резными деревянными панелями. Хольгер отворил крайнюю дверь и вошел в комнату, увешанную шкурами и гобеленами, попорченными молью. Пламя свечей освещало лежащую на просторном ложе женщину. Прямые светлые волосы, милое лицо, болезненный румянец на щеках. Она прижимала ко рту платок и надсадно кашляла.

«Грипп», — определил Хольгер.

Рядом с кроватью сидела девушка лет семнадцати. Безукоризненная фигурка, длинные светлые волосы, голубые глаза, маленький вздернутый носик и изумительно красивые губы. Она была одета в простое одноцветное платье, перетянутое пояском с золотой пряжкой.

Хольгер поклонился:

— Благородная дама и благородная девица, прошу извинить меня за это вторжение. Меня принудили к нему обстоятельства.

— Мы знаем, — нервно ответила девушка. — Я все слышала.

— Я имею честь говорить с дочерью сэра Ива, не правда ли?

— Да. Мое имя Рембер. А это моя мать Бланшфлор.

Упомянутая дама высморкалась и со страхом взглянула на Хольгера. Рембер нервно ломала пальцы.

— Я никак не могу поверить тебе, рыцарь, — продолжала она. — Ты утверждаешь, что один из нас... хищный зверь...

— След ведет сюда, — сказал Хуги.

— Значит, никто из вас не видел, как оборотень вошел сюда? — уточнил Хольгер.

Бланшфлор покачала головой. Рембер пояснила:

— Мы все были в разных комнатах. Ги в своей, я в своей, а мать спала здесь. Двери были заперты. Отец сидел в зале. Когда я услышала шум, то прибежала сюда, чтобы успокоить мать.

— Тогда выходит, что оборотень — сэр Ив, — сказала Алианора.

— Отец? Нет-нет! — испугалась Рембер. Бланшфлор закрыла лицо руками. Хольгер повернулся к двери.

— Идем дальше, — скомандовал он.

Комната Ги располагалась под лестницей, ведущей в башню, а Рембер — напротив, в противоположном конце коридора. И та, и другая оказались обставленными в полном соответствии со вкусами и интересами девушки и юноши их круга и возраста. Во всех комнатах имелись окна, выходящие во двор. Запах оборотня, по словам Хуги, витал здесь повсюду. Зверь, по-видимому, навсдывался в эту часть дома из ночи в ночь. Правда, из этого отнюдь не следовало, что все непременно должны были видеть его: он мог проникать через окно, когда все спали.

— Кто-то из них троих, — пробормотала Алианора.

— Ну да, — подтвердил Хуги. — Из четверых. Их мать тоже может быть оборотнем. Здоровье возвращается к нему, когда он меняет шкуру.

Помрачневший, Хольгер вернулся в зал. Рауль и Одо навели здесь образцовый порядок. Горожане стояли вдоль стен, Папиллон сторожил вход, сэр Ив и Ги сидели в высоких креслах, привязанные ремнями. Фродар, тоже связанный, лежал на полу. Священник тихонько бормотал молитву.

— Ну? Что? — Рауль подбежал к Хольгеру. — Кто из них носит проклятие?

— Пока не знаем, — ответила за него Алианора. Ги плюнул в сторону Хольгера.

— Когда я увидел тебя без шлема, то сразу подумал, что ты мало похож на рыцаря, — язвительно проговорил он. — А теперь, когда ты ворвался в покои беззащитных женщин, я наверняка знаю, что ты не рыцарь.

В зал зашла Рембер. Подойдя к отцу, она поцеловала его в щеку, потом обвела взглядом зал и сказала:

— Вы все хуже зверей, вы, поднявшие руку на своего господина!

Одо покачал головой.

— Нет, девица, — сказал он. — Господин, который не заботится о своих людях, — не господин. У меня дома остались маленькие дети, и я не хочу, чтобы их сожрали живьем.

Рауль ударил копьем в пол.

— Волк должен умереть сегодня! — возвестил он. — Назови его имя, сэр Хольгер! Его или ее имя. Назови имя волка!

Хольгер промычал что-то невразумительное. От волнения у него пересохло во рту.

— Но мы не можем сказать! — воскликнул Хуги.

— Тогда... — Рауль обвел пленников пасмурным взглядом. — Может, зверь признается сам? Я обещаю ему легкую смерть: удар в сердце серебряным ножом.

— Обойдемся и железным, — продолжил Одо. — Ведь он в человеческом облике. Отвечайте. Я не хотел бы прибегать к пыткам.

— Если никто не признается, то придется умереть всем, — заключил Рауль. — Священник здесь — он исповедует.

Ги заскрипел зубами. Рембер окаменела. Из глубины дома донесся сухой кашель Бланшфлор. Ив, казалось, впал в забытье. Вдруг он тряхнул головой и сказал:

— Ладно. Это я оборотень.

— Нет! — крикнул Ги. — Это я!

Рембер усмехнулась:

— Они оба лгут. Настоящий оборотень — это я, добрые люди. Но не убивайте меня, ведь достаточно меня хорошо стеречь — до тех пор пока я не уеду отсюда к своему жениху в Вену. Там, далеко от Фэйери, я буду за пределами сил, которые принуждают меня к превращениям.

— Не верьте ей! — крикнул Ги.

Ив затряс головой и замычал, как от зубной боли.

— Так дело не пойдет, — сказал Рауль. — Мы не можем допустить, чтобы оборотень ушел живым. Отец Вальдебрун, ты готов причастить всех членов этой семьи?

Хольгер достал меч и заслонил собой пленников.

— Пока я жив, здесь не прольется кровь невинного, — услышал он металлический голос, в котором с удивлением узнал свой собственный.

Кузнец Одо сжал кулаки.

— Я не хотел бы обижать тебя, сэр, но, если это понадобится для блага моих детей, я это сделаю.

— Если ты Защитник, — прозвучало в толпе, — то назови нам имя врага.

Снова настала напряженная тишина. Хольгер чувствовал, как его спину сверлят три пары глаз. Он должен найти ответ. Но как? Он не гений и не пророк, он всего лишь инженер-прагматик. Правда, теперь он не может, как когда-то, дать голову на отсечение, что все на свете вопросы можно решить с помощью одного только здравого смысла. Однако... эту загадку, кажется, можно... Он не детектив, но и оборотень не профессиональный преступник. Вся ситуация разложима на логические конструкции... Внезапная догадка буквально ошеломила его.

— Да! Слава богу, да! — воскликнул он.

— Что? Что? — оживилась толпа.

Хольгер начал говорить. Удивительным было то, что он и сам не знал, чем закончит свой монолог, но толпа, не замечая его неуверенности, впитывала каждое слово.

— Тот, кого мы сегодня ищем, — оборотень от рождения. Ему не нужно магической кожи, как, например, Алианоре. А значит, одежда не может меняться вместе с ним, не так ли? Следовательно, на разбой он выходит голым. Фродар сказал мне за минуту до появления волка, что оставил своего господина в полном рыцарском облачении, пьющим пиво здесь, в доме. Но даже с посторонней помощью сэр Ив не смог бы в течение кратких минут снять с себя латы и оружие, которые и сейчас на нем, а затем облачиться в них снова. Следовательно, он не оборотень. Точно так же и Ги взял на себя вину только для того, чтобы выгородить кого-то другого. Он проговорился, сказав, что видел меня без шлема. А ведь сегодня я снимал шлем только однажды, когда спрашивал о дороге сюда. И надел его снова, когда началась суматоха. Волк не мог видеть меня без шлема. Он был в это время... точнее, она была в том доме. Она вбежала туда через заднюю дверь и выскочила в окно, закрытое ставнями. Думаю, что Ги видел меня с вершины башни над его комнатой. И, следовательно, его не было там, где мы видели волка. Что касается леди Бланшфлор... Хольгер задумался. «Как, черт побери, объяснить им природу болезни, вызванной вирусами?» — Леди Бланшфлор больна, и этой болезнью не болеют собаки и волки. И если бы она превратилась в волка, то мгновенно стала бы здоровой, но она была бы, конечно, слишком слаба, чтобы вести себя так агрессивно и дерзко. К тому же, превратившись, она убила бы вирус... то есть демона, вызывающего болезнь, — и после обратного превращения осталась бы здоровой. Но у нее жар и кашель. Думаю, ее нужно избавить от подозрений.

Рембер прижалась спиной к стене. Ее отец застонал и в мольбе протянул к ней руки.

— Нет... нет.... нет... — повторял он.

Толпа свирепо заворчала и, выставив вперед копья и вилы, стала надвигаться на Рембер.

Девушка упала на четвереньки, черты ее лица стали стремительно искажаться.

— Рембер! — крикнул Хольгер. — Нет! Не нужно!.. Я не допущу!..

Рауль попытался достать ее копьем. Алианора бросилась к ней и обхватила руками текущее тело.

— Не нужно! — умоляла она. — Нет, сестра, вернись! Он спасет тебя, он обещает!..

Лязгнули клыки, пытаясь сомкнуться на ее плече. Алианора ловко натянула губы волка на его клыки. Теперь он не мог ее укусить.

— Сестра! Сестра! Мы хотим тебе только добра!

Чтобы удержать толпу, Хольгер вынужден был пустить в ход кулаки. Несколько самых горячих оказались на полу — это успокоило остальных. Они остановились и замолчали, глядя исподлобья.

Хольгер обернулся к Рембер. Человеческий образ опять вернулся к ней, и она, рыдая, прижалась к Алианоре.

— Я совсем не хочу этого! Я не хочу! Это накатывает само! Я боялась... Меня сожгут... Отец Вальдебрун, отчего я проклята? Теперь мне гореть в аду?.. О, дети так кричат...

Хольгер обменялся взглядом со священником.

— Это болезнь, — сказал он. — Здесь нет ее злой воли. Что она может сделать...

Сэр Ив смотрел перед собой отсутствующим взглядом.

— Я подозревал, что это она, — пробормотал он. — Когда волк вбежал в дом, я знал, где Бланшфлор и Ги... Я запер дверь. Я хотел... Я думал, мне удастся ее удержать, а потом она уедет.

— Почему бы и нет? — вмешался Хольгер. — По-моему, это разумно. Если увезти ее достаточно далеко, влияние сил Срединного Мира ослабеет и превращения прекратятся. До той поры ее нужно, конечно, хорошенько стеречь.

— Прольется свет и осветит ее душу, — мягко сказал священник. — Тогда ей потребуются воля и утешение.

— Честно говоря, — продолжал Хольгер, — она пока что не совершила ничего ужасного. Ее отец выплатит компенсацию

тем, кто понес какой-либо ущерб, а также родителям раненых детей. Их, кажется, всего двое? И отвезет ее в Вену как можно скорее. Я думаю, хватит и сотни миль, чтобы уйти от опасности. В Империи, конечно, обо всем этом знать не должны.

Рауль бросился к ногам сэра Ива, а Одо, сопя, стал возиться с узлами веревок.

— Господин, прости нас! — воскликнул пастух. Ив слабо улыбнулся:

— Боюсь, что это я должен просить прощения. И прежде всего — у тебя, сэр Хольгер.

Рембер подняла заплаканное лицо.

— За-заберите мен-ня отсюда, — всхлипнула она. — Я чувствую, как темнота возвращается. Заприте меня до рассвета... А завтра, сэр рыцарь, я смогу отблагодарить тебя... Ты спас мою душу.

Фродар повалился Хольгеру в ноги.

— Защитник вернулся! — слезливо закричал он.

— Только без этого вздора! — отрезал датчанин. — Я завернул в ваш город ради куска мяса с хлебом. Или я могу рассчитывать еще и на глоток вина?

Глава 15

Популярность Хольгера стала такой, что теперь он не мог и шагу ступить, не будучи окружен толпой почитателей. Леди Бланшфлор заставила его благословить ее и спустя несколько часов действительно оказалась совершенно здоровой. Она выздоровела бы и так: кризис уже миновал, но Хольгеру сразу стало мерещиться, как он кочует по округе и врачует приступы радикулита и фурункулез.

Однако им надо было спешить к волшебнику-эксперту, пока фея Моргана не придумала новую чертовщину. Поэтому к вечеру следующего дня они оставили Лурвиль и двинулись дальше. Сэр Ив настоял, чтобы Алианора приняла в подарок верховую лошадь, и она с удовольствием дала себя уговорить. С таким же удовольствием они взяли бы и деньги, но ни один уважающий себя рыцарь не имел, увы, права коснуться этой низменной темы.

Следующие несколько дней были самыми приятными днями их путешествия. Путь лежал через холмы и долины, сквозь прозрачные рощи. Они останавливались, где хотели, и

позволяли себе долгие стоянки на берегах рек и озер, где ловили рыбу и наслаждались купанием. Время от времени мелькал в стороне бледный силуэт лесной нимфы, но Срединный Мир, казалось, забыл об их существовании.

Единственное, что смущало порой Хольгера, — неправдоподобная естественность Алианоры. Трудно было найти более неунывающего и покладистого спутника, но привыкнуть к ее манере сбрасывать тунику при виде каждого водоема, пригодного для купания, он не мог. В придачу время от времени появлялись ее лесные приятели. Белку, принесшую в подарок орехи, еще можно было перенести, но когда в лагерь заявился лев и положил к ее ногам оленью тушу, Хольгер дрогнул.

Однако главная проблема заключалась в ее отношениях к нему. Черт побери, он не имел никаких серьезных намерений! Развлечения в стогу сена с кем-нибудь вроде Меривен — совершенно другое. А он при первой же возможности намерен вернуться в свой мир, так что роман между ними заведомо обречен. Хольгер решил оставаться джентльменом до конца, но, черт возьми, она ни на йоту не упрощала его задачу и буквально льнула к нему.

Однажды вечером Хольгер отозвал Хуги в сторону. Целый час перед этим он желал спокойной ночи Алианоре, эта процедура требовала от него слишком много поцелуев и сил...

— Хуги, — сказал он, — ты знаешь все, что происходит между мной и Алианорой.

— А то как же! — хмыкнул гном. — Глаза-то у меня есть. Слишком долго, скажу я, жила она в дикости, среди зверья да лесного народа.

— Но... ты сам предупреждал меня, чтобы я вел себя с ней поприличнее.

— Тогда я тебя еще не знал. А теперь вижу, что дивно же вы друг дружке подходите. Девке всегда парень нужен. Так что ты да она могли бы царить в лесах наших. А мы бы радовались.

— Значит, ты мне помочь не хочешь?

— Это я тебе не помогал? — обиделся Хуги. — Да не счесть, сколько раз я нарочно к вам затылком сидел или в лес уходил, чтобы одних вас оставить.

— М-да... Помощник. Ладно.

Хольгер раскурил трубку и уныло уселся у костра. Он никогда не был донжуаном. И все никак не мог взять в толк, почему в этом мире женщины бросаются в его объятия одна за

другой. Меривен и Моргана преследовали самые низменные цели, но почему обязательно с ним? Алианора же самым банальным образом влюбилась в него. Странно. Он не питал иллюзий относительно своей внешности.

По всей вероятности, в этом был виноват его двойник из этого мира. Он был здесь кем-то очень значительным. И хотя, наверное, неспроста из всех людей Земли был выбран именно Хольгер, тем более очень хотелось знать, кем был тот, кто носил на своем гербе три сердца и трех львов?

Поразмышляем. На основании всего, чему он явился свидетелем, попробуем реконструировать эту личность. Прежде всего, он могучий воин, что здесь особенно ценилось. Импульсивный и рассудительный одновременно. Искатель приключений. Не бабник, но и не святоша. Наверное, немного идеалист. Моргана проговорилась, что он защищал Порядок бескорыстно и мог бы получить больше от Хаоса. Он, должно быть, умел управляться с женщинами, иначе такая сильная и умная особа, как она, не затащила бы его на Авалон... Кстати, Авалон... Хольгер поднес к глазам правую руку. Эта самая рука покоилась на малахитовых перилах, выложенных серебром и рубинами. Солнце золотило волоски на пальцах... Серебро было теплее камня, а рубины пылали, как капли крови... Перила шли по краю обрыва над отвесной стеклянной скалой... Свет дробился в гротах на миллионы осколков, и его брызги — красные, желтые, фиолетовые — осыпались в море. А море было темным, с пурпурным отливом и поразительно белыми барашками волн... Авалон — плавучий остров, скрытый волшебным туманом...

Он посидел еще немного, глядя на огонь, и отправился спать.

Дней через семь они выехали на обширную равнину. На склонах холмов колосились пшеница и рожь, на сочных пастбищах паслись лохматые лошаденки, коровы и овцы. В качестве строительного материала жители употребляли глину: все чаще путешественники натыкались на домики с глиняными стенами. Домики то и дело сбивались в крохотные деревеньки. Время от времени у дороги вырастали деревянные замки с дубовыми заборами. Горы, через которые они перевалили, вместе с темной пеленой Фейери давно скрылись из виду. Однако на севере Хольгер заметил зубчатую линию более мощной горной цепи. Она была едва различима. Три высокие снежные вершины как бы парили в воздухе, отделенные от своих оснований. Хуги сообщил, что за этими горами также

лежит область Срединного Мира. Поэтому то, что мужчины здесь, даже работая в поле, не снимали оружия, не было странным. Не удивило Хольгера и то, что изощренная иерархическая система Империи была здесь упрощена и избавлена от лишних формальностей. Рыцари, в домах которых они ночевали две последующие ночи, были неграмотны и не велеречивы, зато полны доброжелательности и интереса к новым людям.

На третий день пути по равнине, перед заходом солнца, они въехали в Тарнберг. По словам Алианоры, в восточной части герцогства местечко более всего походило на город.

Но в городе было невесело. Барон и все его сыновья пали в битвах с северными варварами, баронесса уехала к родственникам на запад, а наследники не спешили вступать во владение наследством. Упадок семьи был только фрагментом бедствий, которые постигли эти края за последние годы. Тарнбергом управлял неопытный совет горожан, который только и мог, что следить за сменой караулов на городских стенах.

Въехав в ворота, Хольгер увидел перед собой прямую мощеную улицу, по которой бегали дети, собаки и свиньи.

Разнокалиберные деревянные и каменные дома стояли вплотную друг к другу. Улица утыкалась в церковь.

Паниллон продвигался сквозь толпу ремесленников и женщин, которые пялили глаза на Хольгера и отвешивали ему неуклюжие поклоны.

Хольгер натянул на щит чехол — реклама ему была ни к чему. Здесь, оказывается, знали Алианору. Люди окликали ее:

— Эй, дева-лебедь, какие новости ты принесла?

— Что это за рыцарь с тобой?

— Что слышно в лесах, дева?

— А что с Шармеманом, а?

— Не видала моего кузена Эрсена?

— Что, Фейери продолжает копить силы? — взволнованно спросил кто-то.

Многие перекрестились.

— Может быть, ты привела нового господина, который защитит нас?

Девушка отвечала натянутой улыбкой. Среди людей и каменных стен она чувствовала себя не в своей тарелке.

Наконец они очутились перед домом, который был, пожалуй, в городе самым ветхим. Над дверью висела вывеска. Хольгер прочитал:

МАРТИНУС ТРИСМЕГИСТУС

Магистр магии
Заклинания. Чары. Предсказания.
Исцеления. Любовные напитки.
Благословения. Проклятия.
Всегда-полные-кошельки.
Особая скидка при крупных заказах.

— Ого! — Хольгер поднял брови. — Смахивает на визитную карточку коммивояжера.

— О да! — поддакнула Алианора. — Он также городской аптекарь, дантист, писарь и ветеринар.

Она ловко соскользнула на землю. Хольгер тоже спешился и привязал Папиллона к столбу у крыльца. Тотчас, как из-под земли, на противоположной стороне улицы выросло несколько подозрительных личностей.

— Присмотришь за конем, Хуги? — спросил Хольгер у карлика.

— Зачем? — удивился тот. — Дураку, который вздумает украсть Папиллона, можно хоть сейчас спеть за упокой.

— Именно этого я и опасаюсь, — хмыкнул Хольгер. Он взялся за ручку двери и остановился. Стоит ли рассказывать волшебнику все до конца? Алианора его хвалит, а больше, кажется, обращаться не к кому. Он распахнул дверь и вошел. Мелодично звякнул колокольчик. Темное и пыльное помещение было завалено самым диковинным хламом: склянки, колбы, ступы, перегонные кубы и реторты, огромные фолианты в кожаных переплетах, человеческие черепа, чучела животных и еще бог весть что — все это в чудовищном беспорядке громоздилось на шкафах, столах, полках и просто на полу. Из угла зыркнула сова. Через комнату прошествовал белый кот.

— Иду, иду, благородные господа, — послышался тонкий голос. — Минуточку!

Откуда-то из глубин хлама появился, потирая руки, магистр Мартинус — маленький лысый человечек в застиранной черной хламиде, украшенной знаками зодиака. Редкая бороденка казалась приклеенной, близорукие глазки непрерывно моргали, а на губах играла неуверенная улыбка.

— Рад, рад приветствовать вас, господа! Надеюсь, вы в добром здравии? — Он прищурился. — О, никак это прелестная дева-лебедь? Входи, входи, моя дорогая. Или ты уже во-

шла?.. Ну да, разумеется, раз ты уже здесь, ты, конечно, уже вошла.

— У нас просьба, Мартинус, — сразу взяла быка за рога Алианора. — Она может оказаться обременительной, но нам не к кому, кроме тебя, обратиться.

— Прекрасно, прекрасно! Я сделаю все, что смогу, все, что смогу, для тебя, дорогая дева-птица, и для твоего благородного спутника. Уверяю вас. Извините, — Мартинус подбежал к стене и смахнул пыль с висящего на ней пергамента.

Пергамент уведомлял, что Мартинус, сын Холофи, достойно справился со всеми премудростями науки, выдержал экзаменационные испытания и удостоен титула магистра в области магических наук со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Я только боюсь, маэстро... — Хольгер хотел честно признаться, что у него нет ни гроша за душой, но острый локоток Алианоры не позволил ему обнародовать эту глупость.

— Страшные тайны связаны с нашим делом, — поспешно подхватила она. — Ни один рядовой волшебник не в силах справиться с ними, и потому я привела этого рыцаря сразу к тебе. — Она одарила мага обольстительнейшей улыбкой.

— Прошу вас, прошу, — пригласил их Мартинус и засеменил в соседнюю комнату, такую же захламленную, как и передняя. Он убрал со стульев книги, освободил угол стола, сдул с него пыль, бормоча извинения и проклятия в адрес слуг, потом хлопнул в ладоши и приказал: — Вина! Подай нам вина и три кубка! — Подождал, прислушиваясь, и повторил: — Эй, ты там! Проснись! Вина, говорю тебе! Вина и три кубка!

Хольгер осторожно сел на жалобно заскрипевший стул. Алианора присела на краешек другого. Мартинус плюхнулся на свой, забросил ногу на ногу, переплел пальцы рук и деловито спросил:

— Итак? Итак, рыцарь, что у тебя за проблемы?

— Как тебе сказать... — начал Хольгер. — Вся эта история началась... Просто не знаю, с чего начать.

В этот момент в комнату вплыли по воздуху бутылка и три запыленных кубка.

— Наконец-то! — буркнул волшебник, когда бутылка опустилась на стол. — Ну и времена! Невозможно, невозможно, поверите ли, подыскать порядочную прислугу! Возьмите этого духа. Крайне, крайне нерадив и невыносим! Когда я был молод, все было совершенно иначе. Тогда они знали свое ме-

сто. А возьмите товар, с которым сегодня имеешь дело! Травы, мумии, растертые жабы... Разве такой товар был раньше? А цены? — Он закатил глаза. — Ты не поверишь, дорогой рыцарь, но в последнее время...

Алианора кашлянула.

— Что? О, простите меня, спохватился Мартинус. Разболтался. Скверная привычка, очень скверная. — Он наполнил кубки. — Итак, продолжай, дорогой рыцарь, прошу тебя, продолжай. Рассказывай все как есть.

Хольгер вздохнул и рассказал все. Время от времени Мартинус перебивал его вопросами, цокал языком и теребил бородку в знак озабоченности. Когда Хольгер дошел до Матери Герды, волшебник покачал головой:

— Знаю, знаю эту особу. Ничего удивительного, что тебя взяли в такой оборот. Она давно заигрывает с черной магией. И, скажу тебе, из-за таких вот невежественных кустарей-одиночек дипломированные профессионалы теряют доверие, а значит, и клиентуру. Но продолжай, продолжай, рыцарь.

Когда Хольгер закончил рассказ, Мартинус дернул себя за бороду и воскликнул:

— Удивительная история! И я думаю, рыцарь, твои догадки правильны. Ты попал в центр каких-то действительно важных событий.

— Кто я такой? — спросил Хольгер. — Чей это герб — три сердца и три льва?

— Боюсь, что не знаю, сэр Хольгер, боюсь, что не знаю. Возможно, это герб какой-нибудь крупной фигуры из западных стран. Может, из Франции? Знаешь ли ты, что Мир Порядка — человеческий мир — со всех сторон окружен доминионами Хаоса? Он — только остров в море Срединного Мира. На севере живут великаны, на юге — драконы. Здесь, в Тарнберге, восточная граница стран, населенных людьми. Рукой подать до Фейери и Тролльхейма. Чего ждать от них? Мы не знаем. Слухи идут быстро, но по дороге искажаются до неузнаваемости. Что тут говорить, если даже о человеческих странах на Западе мы мало что знаем! Франция? Испания? Слухи, одни только слухи. Нет, я не могу ответить тебе, рыцарь. Наверно, владелец этого герба принадлежит к знатному роду. Но при чем тут ты? Нет, даже не стану спрашивать свои книги. Тем более что у меня в библиотеке некоторый, знаете ли, беспорядок... М-да... Однако, — неожиданно перешел он на серьезный и значительный тон, — я думаю, мы можем сде-

лать кое-какие выводы. Вероятно, рыцарь львов и сердец был для Хаоса слишком серьезным противником. Вероятно, он был одним из избранных, вроде Карла, Артура и им подобных. *Я имею в виду избранность не праведника, а миссионера.* Это тяжелая ноша. Рыцари Круглого Стола ушли в мир иной, Карл — тоже. Но на их место должны были прийти другие герои. Хаос понял это и решил опередить события и устранить возможных кандидатов. Предположим, за дело взялась Моргана. Она сблизилась с потенциальным героем, лишила его памяти, потом превратила в ребенка и отправила в другой мир в полной уверенности, что он не сумеет вернуться до тех пор, пока Хаос не одержит окончательной победы. Не могу понять, почему она попросту не убила его? Возможно, его жизнь охраняется силой более могущественной, чем сила феи Морганы. Во всяком случае ясно, что в момент, который был сочтен переломным, ты все-таки был возвращен обратно. Кто это сделал? Бог? Не думаю. При всем моем уважении к тебе. По-видимому, просто подействовал некий Мировой Закон, согласно которому в случае чрезвычайной нужды должен появиться Герой! Должен! Понятно, что Срединный Мир во что бы то ни стало будет пытаться во всем препятствовать ему. Ему или тебе, что, кажется, одно и то же. Вот так, — подытожил Мартинус. — Понятно, что это только догадки, мой дорогой рыцарь, только догадки. Гипотезы. Однако всеми известными нам фактами они подтверждаются, не так ли?

Хольгер сидел понурившись. Влип. Кому понравится быть *послушной фигуркой в чьей-то шахматной партии*?

Нет, это не для него. Никто не может лишить его свободы воли. Мировой Закон? К черту! Почему он должен считаться с чужими законами?

— К делу! — нетерпеливо воскликнул он. — Удастся тебе вернуть меня обратно?

Алианора печально вздохнула. Мартинус покачал головой:

— Нет, рыцарь. Боюсь, эта задача мне не по плечу. И, думаю, она не по плечу кому бы то ни было, будь он человек или обитатель Срединного Мира. Если мои догадки верны, то ты не просто втянут в борьбу Порядка и Хаоса, но играешь в ней центральную роль, — он вздохнул. — Быть может, раньше, когда я был молод, нахален и весел, я попытался бы рискнуть. Если бы ты знал, каковы они — проделки студентов с факультета магии... Однако с тех пор утекло много воды, и я отдаю себе отчет... Боюсь, от меня будет мало толку.

— Что же мне делать? — беспомощно спросил Хольгер. — Куда мне идти?

— Не знаю... Разве что.. Искать меч Кортану. Он выкован из той же стали, что и Жуаез, Дурандаль, Эскалибур. По преданию, он освящен кем-то из отцов церкви. В руках правоверного владельца Кортане надлежало охранять христианский мир. Но меч украден. Говорят, подданными феи Морганы. Она не в силах уничтожить его, но с помощью язычников-дикарей где-то спрятала.

— Я должен его найти?

— Это опасно, мой юный друг, это очень опасно. Однако больше мне в голову ничего не приходит. Знаешь, что? — Мартинус хлопнул Хольгера по колену. — Мы сделаем вот что! Моих сил и знаний — кстати, некоторые утверждают, что они весьма значительны — хватит, чтобы узнать, где спрятан меч. Да-да, так мы и поступим. Это будет наилучшим решением.

— Я безмерно тебе благодарна, — сказала Алианора. Опасности были для нее пустым звуком. Главное. Хольгер задерживается в этом мире на неопределенный срок.

— Боюсь, что у меня тесновато, — сказал Мартинус. — Но в городе есть постоялый двор, где вы найдете все, что пожелаете. Передайте заодно хозяину, что я не забыл о его долге... М-да... Кстати, кстати... Может быть, ты хотел бы, рыцарь, избежать встречи с этим сарацином? У меня найдется все для полного преображения — по умеренной цене.

— С каким сарацином? — удивился Хольгер.

— Как? Я тебе не сказал? Ах, дырявая голова! Нужно все записывать, все записывать. Так вот, тебя ищет какой-то сарацин. Он тоже сейчас в городе.

Глава 16

Мартинус порылся в своих фолиантах и развел руками: вернуть Хольгеру память он оказался не в силах. Зато с помощью нескольких пассов и вонючего дыма он снабдил датчанина совершенно новой внешностью. Взглянув в зеркало, Хольгер увидел, что кожа его лица потемнела, волосы и борода стали черными, а глаза из голубых превратились в карие.

— Раньше ты мне больше нравился, — вздохнула Алианора.

— Когда захочешь вернуть свой естественный облик, сказал Мартинус, — воскликни: «Белгор Меланхус!» Или, возможно, Кортана сам развеет мои чары.

— Неплохо было бы поработать и над моим конем, — заметил Хольгер. — Он слишком бросается в глаза.

— Но-о-о... — запротестовал было Мартинус.

— Пожалуйста, — попросила Алианора.

— Ну хорошо-хорошо. Введите его сюда. Но чтобы он вел себя тут пристойно.

Павильон заполнил собой всю переднюю. И вскоре из дома вышел конь каштановой масти. Махнув рукой, Мартинус предложил изменить, по выбору Хольгера, и герб. Хольгер вспомнил Айвенго — и его щит тут же украсило вырванное дерево.

— Приходите завтра, и я сообщу все, что сумею узнать, — велел волшебник. — Но не раньше, не раньше полудня. А то вы, странники, думаете, что если солнце взошло, то день, почитай, скоро кончится.

Они покинули дом чародея в сумерках. Темнота быстро сгущалась, и искать путь к постоялому двору им пришлось чуть ли не на ощупь. На пороге дома их встретил улыбающийся толстяк.

— Вы ищете ночлег? Прекрасно! У меня есть покои, в которых останавливались даже коронованные особы!

— Нам нужно две комнаты, — сказал Хольгер.

— Я могу спать на конюшне, — небрежно обронил Хуги.

— Две комнаты!

Толстяк кивнул. Путешественники спешились. Алианора подошла к Хольгеру и тихо спросила:

— Зачем нам две комнаты? У костра мы спали бок о бок.

Ее волосы пахли солнцем.

— Здесь я не доверяю себе, — буркнул он. Она захлопала в ладоши:

— Но это здорово!

— Что?! Ну нет! К черту! Две комнаты!

Хозяин опять кивнул и улыбнулся, но, улучив момент, когда на него никто не смотрел, выразительно постучал пальцем по лбу.

Он проводил гостей в комнаты, меблированные только кроватями, но довольно опрятные. До сих пор Хольгеру как-то удавалось обходиться без денег, но сейчас он с ужасом подумал, как он будет расплачиваться с хозяином. Алианору, ра-

зумеется, финансовые проблемы не интересовали. И еще об одном подумал Хольгер с тревогой. Каждая собака в этом городишке, разумеется, уже знала о его приезде. И все знали, конечно, что прибыл блондин, а у Мартинуса превратился в брюнета. Эти сведения с легкостью дойдут до сарацина. Хольгер снял доспехи и переоделся в свою лучшую тунику. На всякий случай нацепил меч. Вышел из комнаты и наткнулся на Алианору.

— Пойдем поужинаем? — неуверенно предложил он.

— Пойдем, — глухо ответила она и неожиданно схватила его за руку. — Хольгер! Я совсем не нравлюсь тебе?..

— Да нет... Ты мне нравишься...

— Я знаю, я дикая и некрещеная... Дикая птица... Но я могу с этим проститься, Хольгер! Я могу стать обычной женщиной... дамой!

— Видишь ли, Алианора... Ты прекрасно знаешь, что я должен вернуться домой. Что ни говори, а это не мой мир и в нем нет для меня места.

— А если тебе не удастся вернуться? — горячо прошептала она. — Если тебе придется остаться?

— Тогда... тогда это будет совсем другая история...

— Я не хочу, я не желаю, чтобы ты возвращался! Нет, нет, я буду, я буду изо всех сил помогать тебе, потому что ты... — она отвернулась. — Почему жить так непросто?

Он взял ее за руку, и они спустились по лестнице.

В обеденном зале постоялого двора пылал камин. Зал был узким и длинным с низким и темным потолком. За большим общим столом сидел только один человек. При появлении Хольгера он вскочил и воскликнул: «Ож...» — но осекся.

— Простите, я обознался, благородные господа, — он поклонился. — Я принял тебя за другого, рыцарь. Еще раз прошу прощения.

Хольгер подвел Алианору к столу. Вероятно, это был тот самый сарацин, который искал его. Среднего роста, худощавый и гибкий, он выглядел весьма элегантно в своих просторных белых одеждах и красных башмаках с загнутыми носами. На поясе — кривая сабля, на голове — тюрбан с изумрудом и страусиным пером. Темное узкое лицо, орлиный нос, короткая аккуратная бородка и золотые серьги в ушах. Он двигался легко и плавно, как кошка, а говорил мягко и вежливо, но с первого взгляда было понятно, что в бою он мог оказаться опасным противником...

— Мы охотно извиняем тебя, — галантно ответил датчанин. — Осмелюсь представить тебе госпожу Алианору... де ля Форе. А я... хм... сэр Руперт из Граустарка.

— Боюсь, что ничего не слышал о твоих владениях, рыцарь, поскольку прибыл я с далекого юго-запада и в этих краях только гость. Сэр Карау, — представился он. — Некогда король Мавритании, к вашим услугам. Не соблаговолите ли разделить со мной трапезу?

— Охотно, сэр Карау, — без промедления согласился Хольгер. Король, готовый оплатить счет, был весьма кстати.

Они уселись. Необычный наряд Алианоры явно смущал Карау, и он старательно отводил от нее глаза. Выбор меню он взял на себя, перепробовал все хозяйские вина, покритиковал их и указал, какой именно сорт подавать к тому или иному блюду. Хольгер не мог удержаться от замечания:

— Я полагал, что твоя религия, рыцарь, запрещает употреблять спиртное.

— Ты принимаешь меня за кого-то другого, сэр Руперт, — отозвался сарацин. — Я христианин, как и ты. Да, когда-то я сражался на стороне еретиков, пока справедливый и благородный рыцарь, одолевший меня в бою, с щедростью не открыл мне свет истинной веры. Но должен признаться, что, останься я мусульманином, я все равно не осмелился бы нанести оскорбление прекраснейшей из дам и не выпить за ее здоровье.

Ужин прошел под аккомпанемент приятной легкой беседы. Потом Алианора зевнула и отправилась спать. Карау и Хольгер уселись поудобнее: им предстояло главное — основательная мужская пьянка. И хотя Хольгер честно пытался уклониться, сарацин настоял.

— Для меня истинное счастье оказаться в обществе человека, который в равной степени умеет сложить изысканный сонет и скрестить меч, — заявил он. — Такие встречи большая редкость в этом диком краю. Поэтому прошу не отказывать мне в любезности, рыцарь.

— Ты прав, это дикие края, согласился Хольгер и с деланным равнодушием добавил: Такого рыцаря, как ты, могла привести сюда только крайняя необходимость.

— Да, я ищу одного человека, — Карау пристально посмотрел Хольгеру в глаза. — Может быть, ты о нем слышал? Он высок и могуч, как ты, только со светлыми волосами и кожей. Под седлом у него черный конь, а в гербе он носит либо

орла — черн на серебре, либо три сердца и трех львов — золото и багрец.

— Хм! — как можно равнодушнее хмыкнул Хольгер. — Мне кажется, что-то такое слышал... Как, ты говоришь, его имя, рыцарь?

— Я не называл имени, — ответил Карау. — Пусть это имя будет таким, каково оно есть, да простишь ты мне эту скрытность. Дело в том, что у него много врагов, которые не замедлят напасть на него, как только прознают, где он находится.

— Он твой друг?

— Прости еще раз, но будет лучше, если и мои отношения с ним останутся тайной. О, это не значит, что я не доверяю тебе, сэр Руперт, но и у стен могут быть уши. А я здесь одинок, и не только в этой части света, но и вообще в вашем времени.

— Что-о-о???

Карау кинул на Хольгера изучающий взгляд.

— Вот об этом я могу рассказать без утайки. С человеком, которого я ищу, я познакомился несколько столетий назад. Но вскоре он куда-то исчез. Потом мы встретились снова, и он снова исчез. Потом мне стало ясно, что он появляется всегда в тот момент, когда прекрасной Франции начинает грозить опасность. Я долго искал его. Однажды во время странствий по морю шторм выбросил меня на берег плавучего острова И-Бразель, и я оказался в гостях в замке прекраснейшей из всех земных женщин, — он грустно вздохнул. — Время имеет там свои законы. Говорят, оно ведет себя так же в Холме эльфов и на острове Авалон. Для меня прошел один год, а здесь миновали столетия. Когда до меня дошли слухи, что поднимаются силы Срединного Мира, я воспользовался магическими знаниями моей госпожи и любимой и узнал, что битва разразится именно здесь, на восточных границах империи. Я узнал также, что Ожь... этот рыцарь, встречи с которым я так страстно желаю, будет вызван сюда высшими силами. И тогда под покровом ночи я сел на волшебный корабль и устремился прочь. На побережье купил коня, и вот я здесь. Но Господь еще не послал мне желанной встречи.

Карау одним махом опорожнил кубок. Хольгер выпил свой. Вполне правдоподобный рассказ. Для этого мира, конечно. Но, может быть, это все ложь. Хотя сарацин производит впечатление искреннего человека. К тому же это смуглое сухое лицо кажется Хольгеру почему-то очень знакомым. Где-то, когда-то он знал Карау, но остается вопрос: кто он — друг

или враг? От прямого ответа он уходит, а значит, допытываться не стоит. То, что он отзывается о человеке, которого ищет, лестно, ничего не доказывает: рыцарский кодекс обязывает отдавать должное даже злейшим врагам.

— Я не хотел бы казаться назойливым, — учтиво произнес Карау, — но меня не может не томить любопытство: а что заставило тебя пуститься в путь по этим неспокойным землям? Твой Граустарк — где он?

— Немного южнее, — пробормотал Хольгер. — Я... я дал обет. Дева-лебедь любезно согласилась помочь мне его исполнить.

Карау кивнул. Вряд ли он поверил Хольгеру, но расспрашивать больше не стал, а весело улыбнулся и предложил:

— Может, споем для веселья? Тебе, конечно, известно много баллад и песен, которые усладят слух скитальца, привыкший лишь к свисту ветра и вою волков.

— Давай попробуем, — обрадовался Хольгер перемене темы.

Они запели и, не забывая о кубках, горланили несколько часов подряд. Вечер кончился тем, что они, ревя на весь дом что-то из датского фольклора и поддерживая друг друга, с трудом одолели лестницу, крепко обнялись и разошлись по комнатам, горячо пожелав друг другу спокойной ночи.

Глава 17

На следующий день Хольгер проснулся с сильной головной болью. Был уже почти полдень. Алинора благоразумно молчала. Оставив лошадей под присмотром Хуги на постоялом дворе, они направились к дому Мартинуса. Хозяин проводил их подозрительным взглядом. Вероятно, у него был богатый опыт общения с постояльцами, имеющими пышное генеалогическое древо, но тощие кошельки.

Волшебник встретил их широкой улыбкой.

— О, я вижу, не раз, не раз ты вчера заглянул на дно кубка, мой юный друг, — засмеялся он и укоризненно покачал головой. — Что ж, весьма кстати у меня имеется эффективнейшее и очень дешевое снадобье, излечивающее малярию, заражение крови, меланхолию, мозоли, ревматические боли, конъюнктивит, проказу и похмелье. Вот этот кубок. До дна, до дна... Чуть-чуть горчит... Ну что?

Мартинусовская панацея в самом деле оказалась волшебной. На таком снадобье Хольгер на Земле мог бы нажить целое состояние.

— Я не мог установить твою личность, сэр Хольгер, — печально сказал волшебник. — Все демоны, к которым я обращался, оставляли мой вопрос без ответа. Это может означать только одно: ты действительно помещен в центр событий. Враг, однако, не мог предусмотреть всего. Я связался с духом воздуха, вызвал на консультацию Ариэля и с их помощью сумел определить место, где схоронен меч Кортана. Это не так далеко отсюда, но путешествие не обещает быть приятным.

Хольгер вскинул голову:

— Где?

Мартинус взглянул на Алианору:

— Ты знаешь о церкви Святого Гриммина-на-горе?

Она кивнула.

— Меч там, — волшебник погладил лысину. — Я от всего сердца, от всего сердца не советую тебе ехать туда, мой юный друг.

— Что это за место? — спросил Хольгер.

— Заброшенная церковь в горах. К северу отсюда. Несколько столетий назад ее возвели миссионеры, дабы обратить в христианскую веру тамошних варваров. Но она простояла недолго. Миссионеров варвары перебили, а церковь превратили в руины. Говорят, их вождь осквернил святой алтарь человеческим жертвоприношением, поэтому церковь утратила святость и стала логовом злых духов. Теперь даже сами варвары боятся приблизиться к ней.

— М-да... — Хольгер поежился. Мартинус не шутил. Зачем он вообще морочит себе голову? Ради возвращения домой? А что, собственно, так влечет его туда? Друзья, разные воспоминания, знакомые местечки... Но, положа руку на сердце, там нет ничего, о чем бы он по-настоящему тосковал. Там царят война и голод, продажность и бездуховность. Кроме того, вполне возможно, что, вернувшись, он очутится на том же самом месте и в то же самое время, из которых был вырван. То есть на пляже под огнем гитлеровцев. И кто знает, не суждено ли ему сложить там голову?

К дьяволу! Тот мир чужд ему. Его место здесь, в этом мире, а тот — только ссылка, место изгнания. Здесь, со всех точек зрения, ему и лучше, и проще...

Правда, здесь тоже опасности и ловушки. И тоже нет никакой гарантии, что он останется жив.

Солнечный луч, пробившись сквозь пыльное стекло, упал на волосы Алианоры и заставил их жарко вспыхнуть. Никогда и нигде не встречал он такой девушки. Может, послать к черту все эти хитросплетения и удалиться с ней куда-нибудь? Неужели он не сумеет обеспечить ей сытую и спокойную жизнь? Чем не судьба — быть царем лесного народа? Или он не сможет выкроить себе удельное владение в этих ничейных землях? Или не устроится, если возникнет тяга к цивилизованной жизни, где-нибудь в центре империи?..

Пожалуй. А дальше? Ведь Хаос поднимается на войну. Фарисеи хотят распространить тьму на земные пределы.

Увы, у него нет выбора. В такие времена у каждого честного человека нет выбора. Ему придется пройти этот путь до конца, найти меч и вручить его владельцу — или сражаться самому, если выяснится, что владелец — он. А уж после того — если это «после» когда-нибудь наступит — решать, как все-таки вернуться домой.

Он гряхнул головой:

— Я еду!

— Мы едем, — поправила Алианора.

— Как угодно, — тихо произнес Мартинус. — Я буду молиться за вас. Да поможет тебе Бог, рыцарь, ибо ради всех нас ты идешь туда. — Он вытер увлажнившиеся глаза, высморкался и сделал попытку улыбнуться. — Ну хорошо. А теперь поговорим о счете. Перед таким небезопасным путешествием ты, конечно, имеешь желание урегулировать все дела такого рода.

За него ответила Алианора.

— У нас сейчас нет денег, — решительно сказала она. — Но я обещаю, что твой счет будет оплачен.

— Вот как? — Мартинус опечалился. — Я предпочел бы, чтобы у вас были деньги. Видите ли, видите ли, мое заведение не предоставляет кредита...

— Твоя реклама говорит о том, что ты умеешь набивать кошельки, — заметил Хольгер.

— Реклама всего лишь реклама. Маленький яркий штришок для целостности композиции.

— Мой дорогой! — Алианора улыбнулась и взяла волшебника за руку. — Как ты можешь досаждать разговором о деньгах человеку, который призван спасти весь мир? Твоя помощь зачтется на небесах, твое имя будет прославлено в песнях.

— Но этим не расплатишься с кредиторами, — попробовал воспротивиться Мартинус.

Алианора погладила его по плечу.

— Разве сокровища на небе не стоят всех сокровищ земных?

— Э-э-э... В Священном Писании есть слова, которые звучат примерно так же, но...

— Ах, дорогой друг! Благодарю тебя! Я знала, что ты все поймешь и согласишься. Благодарю тебя!

— Но... э-э-э... нельзя ли все же...

— Нет-нет, ни слова больше! Мы ни за что не согласимся принять от тебя помощь большую, чем та, которой ты уже одарил нас. До свидания, благородный человек! — Алианора чмокнула старика в щеку и, прежде чем Хольгер успел что-либо сообразить, вытолкала его за дверь.

«О женщины!» — только и подумал датчанин. Возвратившись на постоялый двор, они увидели вышагивающего возле крыльца Карау. Увидев их, он поспешил навстречу.

— Ваш слуга-карлик проговорился, что вы собираетесь в путь.

— Да, — ответил Хольгер и, заметив косой взгляд хозяина, добавил: — Быть может.

Карау погладил бороду длинными, украшенными перстнями пальцами.

— Не будет ли с моей стороны дерзостью задать вам вопрос: в какую сторону вы направляетесь?

— На север.

— В земли варваров? Несомненно, вас там ждут приключения, о которых будут сложены саги. Если, разумеется, хоть один их свидетель вернется домой.

— Я уже говорил тебе, рыцарь, что дал обет.

— О, прости меня, друг, — Карау поклонился. Я не смею быть назойливым, но позволь мне дать тебе добрый совет. Когда хочешь сохранить тайну, не следует говорить загадками. Чем больше загадок, тем больше слухов. Кто-то скажет, что ты поклялся убить тролля, хоть местные жители и уверены, что тролли бессмертны, кто-то что сэр Руперт желает вызвать на поединок короля варваров. Но большинство — такова уж природа людей — будут считать, что ты охотишься за сокровищем, спрятанным в этих краях. Будь уверен, люди с удовольствием перемоют все косточки и тебе, и твоей прекрасной спутнице. Сплетни, как гонцы, понесутся впереди вас. А кто-то, возможно, и пойдет по пятам... Тебе нужна легенда,

и чем невероятней она будет, тем легче люди поверят в нее и оставят тебя в покое.

Алианора клюнула на это речистое дружелюбие.

— Но наша цель и впрямь необычна, — простодушно сообщила она. — Мы едем к проклятой церкви Святого Гриммина.

— Я поклялся совершить паломничество в эти места, — пытался спасти положение Хольгер, — чтобы... чтобы спасти священные реликвии, которые, возможно, еще сохранились. Но я предпочитаю не распространяться на эту тему по той причине, что... это епитимья за проступок, о котором я не хотел бы...

— Вот как? Я еще раз прошу прощения, — Карау пристально взглянул в глаза Хольгера. — Но ты заронил в мою душу сомнение, рыцарь. Я не искал еще в тех краях того, кого хочу найти. Это непростительная оплошность. Поэтому я прошу твоего позволения следовать вместе с тобой. Беседа с другом сокращает путь, а рука друга делает его безопаснее. К тому же, признаюсь: слушая тебя, я подумал, что, может быть, заслужу хоть малую Божью милость, если помогу тебе исполнить священный обет.

Хольгер и Алианора обменялись взглядами.

— Но, — неуверенно отвечал Хольгер, — нам будут угрожать не только земные силы. Мы можем столкнуться с магией...

Карау улыбнулся и махнул рукой:

— Твой меч прямой, мой — изогнутый. Не все ли равно, как выглядит враг?

Хольгер колебался. Вне всяких сомнений, такой спутник может оказаться очень полезным. Однако нет ли у Карау каких-либо тайных мыслей? Не может ли он оказаться посланником Хаоса? Он ведет себя странно: разыскивая одного, почему-то набивается в спутники другому. Возможно, он заинтригован тайной Хольгера и рассчитывает, что тот каким-то образом связан с объектом его поисков. А если нет, то его желание исследовать северные предгорья выглядит правдоподобно...

— Я еще раз прошу удостоить меня чести сопровождать тебя, рыцарь, — продолжал настаивать сарацин. — Особенно тебя, прекрасная дама. Я страстно желаю этого. Если вы окажете мне эту милость, я буду считать вас своими гостями с момента нашей встречи. И пожалуйста, не возражайте. — Он был вправе позволить себе иронию: финансовое положение Хольгера всем, кажется, бросалось в глаза. Рассчитывать на бескорыстие хозяина постоялого двора, конечно, не приходилось.

— Идет! — Хольгер протянул руку Карау. Тот пожал ее. — Значит — союз?

— И порукой ему — моя честь.

— И моя, — Хольгер вдруг ясно понял, что принял правильное решение. Карау будет надежным товарищем. — Без дружбы за спиной стужа, — улыбнулся он.

Карау вздрогнул:

— Что? Где ты слышал эту пословицу?

— Нигде, просто пришло в голову. А в чем дело?

— Я знал человека, который любил ее повторять. И, скажу откровенно, это был тот, которого я ищу, — он вновь пристально посмотрел в глаза Хольгеру. Потом отвел взгляд и переменил тему. — Думаю, самое время перекусить, а потом начать собираться. Не тронуться ли нам в путь завтра утром?

За трапезой он шутил, балагурил, пел и предавался рискованным воспоминаниям. Затем оба рыцаря проверили свое снаряжение. Доспехи Карау оказались надежными и изысканными: стальной панцирь с широкими надплечниками был испещрен замысловатой гравировкой, к круглому шлему крепилась железная сетка, защищающая шею, ноги закрывали железные наколенники. На щите, в обрамлении красной полосы с золотыми лилиями, цвела серебряная шестиконечная звезда на голубом поле. С седла белой лошади свисали лук и колчан со стрелами.

Карау похвалил каштанового мерина Алианоры, но предложил обзавестись еще и мулом, который повезет Хуги и запасы провизии. Потом он ушел в город, где накупил на рынке всякой всячины.

Они рано легли спать, и Хольгер долго ворочался с боку на бок. Он думал о том, что, несмотря на меры предосторожности, фея Моргана будет, конечно, знать все. И пойдет на все, чтобы им помешать.

Глава 18

Две первые ночи они останавливались на ночлег в деревенских домах. Хольгер, опасаясь невольных оговорок и разоблачения, старался держать язык за зубами, зато сарацин говорил за двоих. Он был так галантен, остроумен, весел и уделял Алианоре так много внимания, что Хольгер становился все более угрюмым и молчаливым. Он не имел на Алианору

никаких прав, у него не было даже права на ревность, но отчего-то он все чаще чувствовал ее болезненные уколы.

На третий день они оставили позади последнее человеческое селение и провели ночь в пастушьей хижине, хозяин которой не пожалел для них жутких историй о нравах дикарей, наводящих ужас на местное население. Еще более страшные дела творили, по его словам, тролли, изредка наведывающиеся в пределы человеческого жилья.

И вот утром они вступили на землю, населенную каннибалами. Дорога вновь повела их в горы, но куда более высокие и крутые, чем те, которые лежали на востоке. Алианора сообщила, что по другую сторону этих гор нет ничего, кроме холода, тьмы и льда, и только полярное сияние освещает глубокий мрак страны, принадлежащей великанам.

Конечной целью их путешествия было плоскогорье у подножия самой высокой горной гряды. Идти туда нужно было не меньше семи дней, да все по земле, полной смертельных опасностей.

Тропа вела их вверх — через скалы, изуродованные лавинами и изглоданные ветрами, по острым как бритва камням, вдоль ущелий, никогда не видевших солнца. Леса остались внизу, а здесь было нищее царство карликовых деревьев и жесткой сухой травы. По ночам на землю падали заморозки. Солнце было здесь бледным, а звезды — огромными и колючими. То и дело приходилось переправляться через ледяные реки, с ревом летящие со скал. Лошади напрягали все силы, чтобы справиться с бурным течением. Только Хуги удавалось оставаться после переправ сухим — его ноги едва доходили до края тюков, на которых он восседал.

Карау сразу простыл, стал чихать и сморкаться, но упорно продолжал сопровождать их.

— Когда я вернусь домой, — мечтательно говорил он, — я улягусь на солнцепеке под цветущим деревом. Музыканты будут играть для меня, а наложницы — класть в рот виноград. Но, конечно, я буду заниматься и физическими упражнениями, чтобы сохранить форму — два раза в день крутить ручную мельницу и молоть себе кофе. А когда через несколько месяцев мне наскучит такая жизнь, я отправлюсь в новое странствие, далеко-далеко — в кофейню на другой улице.

— Кофе... — вздохнул Хольгер и вспомнил, что табак у него уже закончился.

Время от времени Алианора превращалась в лебедя и улетала вперед, чтобы разведать путь. На четвертый день, когда она в очередной раз поднялась в воздух, Карау взглянул на Хольгера и сказал с необычной для него серьезностью:

— Несмотря на своеобразное ее одеяние, редко встретишь подобную красавицу.

— Я тоже так думаю, — согласился Хольгер.

— Прости мою дерзость, но Господь дал мне глаза, чтобы видеть. Она не принадлежит тебе, не так ли?

— Нет.

— С твоей стороны это просто глупость.

— То же самое и я говорю ему, — вмешался карлик. — Пречудное это изобретение — рыцарь. Обойдет всю землю, чтобы деву спасти, а после не знает, что с ней творить. Разве что отвезет ее домой да, набравшись смелости, упадет на колени, чтобы выпросить ленточку на рукав. Просто диво, что рыцари до сих пор не вымерли.

В тот день Алианора вернулась к вечеру.

— Я видела церковь, — сообщила она. — Правда, издалека. На пути к ней — два варварских поселения, а вокруг каждого — колья с человеческими черепами. Они там суетятся и возятся — похоже, собираются в поход, — она помолчала. — Я высмотрела дорогу для нас — вон через тот перевал. Там нет поселений, может быть, потому, что где-то в пещере обитает тролль. Но охотников мы повстречать можем. А они могут привести других.

Карау взял ее за руку.

— Если дело примет плохой оборот, — хмуро сказал он, — ты должна улетать не задумываясь. Мир, возможно, обойдется без нас, но станет таким невеселым, если потеряет ту, которая его озаряет.

Она задумчиво покачала головой и не сразу убрала руку. Хольгер разозлился. Этот тип просто профессионал! Но что он мог противопоставить цветистому красноречию сарацина? Чувствуя себя глубоко несчастным, Хольгер пришпорил коня и ускакал вперед. Вряд ли он сможет долго терпеть эти приемчики, хотя нельзя сказать, что Карау ловит рыбку в чужом пруду. Но должен же он, черт побери, знать место и время! А Алианора? Хороша, нечего сказать! Или она ничего не понимает? Дитя леса, святая простота.

Самые избитые банальности и грубейшую лесть она принимает за глубокий ум и высокие чувства. Нет, Карау не дол-

жен так играть с невинным созданием. Да еще в таком сложном и опасном походе... Черт бы их обоих побрал!

Сумерки застали их в долине. Прямо за ней вздымались скалы, на которые предстояло карабкаться завтра. Их четкие черные силуэты, словно зубья гигантской пилы, отчетливо вырисовывались на фоне еще светлого неба. Белый водопад, пенясь, падал с лилового обрыва в красные воды озера. Стая диких уток сорвалась с пологого берега при их приближении.

— Я и хотела, чтобы мы успели до ночи добраться сюда, — сказала Алианора. — Если мы забросим удочки на ночь, то на завтрак будет что-нибудь повкуснее, чем солонина.

Хуги потряс головой и фыркнул:

— Не знаю, не знаю. Эта страна вся провоняла нечистой силой, а в этом месте стоит такой смрад, какого я еще никогда не встречал.

Хольгер потянул носом воздух. Пахло сыростью и травой.

— А по-моему, все в порядке, — сказал он. — Но о том, чтобы до темноты добраться до другого берега, нечего и мечтать.

— Мы можем вернуться, — предложил Карау.

— Ну уж нет! — фыркнул Хольгер. — Впрочем, если кому-то страшно...

Сарацин вспыхнул, едва удержавшись от ответа на оскорбление. Алианора поспешила вмешаться:

— Посмотрите, вон там, кажется, удобное и сухое место.

Мох под копытами лошадей хлюпал, как мокрая губка. Алианора указывала на огромный мшистый валун с плоской верхушкой, покрытой сверху тонким слоем дерна. В центре ветвился сухой кустарник — вполне подходящее топливо для костра.

— Как будто специально для нас приготовлено, — сказала Алианора.

Через несколько минут, разнуздав лошадей, Хольгер и Карау принялись за выкладывание магического круга, а Хуги, вооружившись топором, затеял войну с кустарником. Полнеба было охвачено пламенем. Алианора раздула костер и вскочила на ноги.

— Пусть пока разгорается. Я пока пойду заброшу удочки.

— Нет, прошу тебя, останься. — Карау сидел на земле, скрестив ноги и подняв на нее глаза. Каким-то чудом его живописный наряд, несмотря на все тяготы путешествия, сохранял свою первозданную чистоту и элегантность.

— Ты не хочешь свежей рыбы на завтрак?

— Разумеется, хочу. Но что такое гастрономическое удовольствие по сравнению с тем наслаждением, которое дарит тебе присутствие красоты?

Девушка вспыхнула.

— Но я... — замялась она, — не очень понимаю тебя...

— Присядь, — он похлопал по земле ладонью. — В меру своего скромного поэтического таланта я постараюсь тебе все объяснить.

Она вопросительно взглянула на Хольгера. Тот стиснул зубы и отвернулся.

— Я сам заброшу удочки! — буркнул он и, схватив снасти, слетел со скалы и зашагал к камышам. От желания оглянуться у него заболела шея. К тому времени, когда камыши скрыли их от него, его башмаки и штаны были мокры насквозь. «Перестань скулить, — уговаривал он себя. — Ты один виноват в том, что Алианора попала в силки этого прохвоста. Разве не ты оттолкнул ее?» Но беда была в том, что иначе он поступить не мог. Судьба играла им, как котенком.

«Посмотри на себя! — с презрением шептал он. — Ты весь пропах потом и измазался грязью. Сарацин просто денди рядом с тобой. И нет ничего удивительного, что Алианора... К черту! Почему я должен страдать? Наоборот, прекрасно, что нашелся наконец тот, кто поможет тебе избавиться от ее любви. Проклятый камыш!»

Он яростно рубил камыши ножом. Меч он оставил в лагере. В зеркале озера отражались черные скалы и пурпурный закат, бледный месяц и первая звездочка рядом с ним. Камыши волновались и что-то шептали. С гнилой коряги, прибившейся к берегу, плюхнулась в воду семейка лягушек. Хольгер разложил на коряге удочки и стал наживлять на крючки ломтики солонины.

Ему было холодно, замерзшие пальцы плохо слушались. Сгустившиеся сумерки заставляли напрягать зрение. «А ведь я мог бы сейчас блаженствовать на Авалоне, — вдруг подумал он. — Или, на худой конец, в Холме эльфов. Неужели эта дева-лебедь действительно так наивна, чтобы не понимать, к чему может привести привычка разгуливать перед мужчиной почти нагишом? Черт бы побрал всех женщин на свете! Они годятся только для одного. Меривен, по крайней мере, осознавала это».

Рука дрогнула, и крючок впился в палец. Он вырвал его и разразился бешеной бранью.

За его спиной послышался смех. Он вздрогнул, обернулся и увидел перед собой обнаженную женщину. Он не успел ничего понять, как вокруг его шеи обвились нежные руки, силы оставили его, и он начал куда-то проваливаться. И воды озера сомкнулись над его головой.

Глава 19

Полузадушенный, он сделал попытку вырваться, но тело отказывалось повиноваться, а воля куда-то исчезла. Через некоторое время он почувствовал, что его отпустили.

Он обмяк и сел. Невероятно, но он не испытывал ничего похожего на удушье. Несколько минут он сидел, приходя в себя, неподвижно. Потом оглянулся по сторонам. Вокруг был белый речной песок. Там, где из песка торчали черные камни, колыхались длинные зеленые водоросли. Зеленый, странный, как будто люминесцентный, свет позволял видеть все вокруг достаточно ясно. Из его рта вырвался рой пузырьков и умчался вверх, как рассыпанная ртуть. Слева выплыла рыбина, медленно проплыла мимо и исчезла в зеленой мути. Он вскочил, рванулся вверх, но, потеряв равновесие, стал падать. Тело ничего не весило. Падение было медленным, как в кошмарном сне. Каждое движение встречало упругое сопротивление воды.

— Приветствую тебя, сэр Ольгер, — услышал он. Голос был прохладным и нежным. Он обернулся. Перед ним стояла женщина. Длинные зеленые волосы, как водоросли, клубились вокруг ее головы. На круглом лице с приплюснутым носом и чувственными губами светились ярко-желтые глаза. В ее теле была какая-то необыкновенная грация. «Грация рыбы», — подумал он.

— Кто... ты?..

— Не бойся, — засмеялась она. — Ты же не простолюдин, а благородный рыцарь. Еще раз приветствую тебя. — Она подплыла поближе, и он заметил, что длинные пальцы на ее ногах соединены перепонками, а ногти, как и губы, окрашены в зеленый цвет. Однако это почему-то не вызывало у Хольгера отвращения. — Прости меня за такое бесцеремонное приглашение. — Пузырьки, вылетающие из ее губ, путались в волосах и сверкали, как бриллианты. — Я должна была воспользоваться тем кратким моментом, когда на тебе не было железа и ты проклинал Бога. Поверь, я не хотела тебя испугать.

— Где я, черт побери?! — взорвался он.

— На дне моего озера. Я так одинока здесь, — она взяла Хольгера за руку, и он вновь почувствовал, что от прикосновения ее прохладных пальцев стал беспомощным, как младенец. — Не бойся, ты не утонешь, мои чары охраняют тебя.

Хольгер в самом деле не испытывал затруднений с дыханием. Он чувствовал себя, как обычно, разве что толща воды немного давила на грудь. Он попытался найти хоть какое-то научное объяснение этой загадки. По-видимому, магические силы создали вокруг его тела тончайшую, возможно, молекулярную пленку, проницаемую для кислорода и непроницаемую для воды... Впрочем, какая разница?! Как он выберется отсюда?

— Кто тебя послал? — резко спросил он.

— Никто, — она усмехнулась и грациозно изогнулась, подняв над головой руки. — Ты не представляешь, какая скука заедает нас, бессмертных и одиноких. Как, по-твоему, быть русалке, когда к берегу ее озера судьба приводит прекрасного молодого воина с глазами, как небо, и волосами, как солнце? Она не может не полюбить его с первого взгляда.

Он насторожился. Глаза, как небо? Значит, она воспринимала его внешность такой, какой она была до превращения у Мартинуса? И, скажите на милость, откуда ей известно его имя?

— Тебя послала фея Моргана! — воскликнул он.

— Какая разница? — она пожала плечами. — Пойдем ко мне, мой дом рядом. Устроим пир. А потом... — Она соблазнительно улыбнулась.

— Моргана, конечно, следила за мной. Знала, что мы идем к озеру, а потом с помощью чар устроила сцену ревности...

— О, разве тебе неизвестно, рыцарь, что ни один смертный не может быть зачарован, если он сам того не желает?

— Мне лучше знать, чего я желаю! Все, конечно, сделано по ее сценарию! Ну что ж, отлично! Сгинь, нечистая! — и Хольгер начертал знак креста.

Русалка улыбнулась своей сонной и таинственной улыбкой и покачала головой. Ее волосы заколыхались в воде.

— Слишком поздно, рыцарь. Кто попал сюда, тому отсюда не выбраться. Хочешь знать правду? Пожалуйста. Да, ее высочество госпожа Авалона повелела мне подкараулить тебя и пленить, если представится случай. И держать тебя здесь до тех пор, пока она не пришлет за тобой. А это случится только после окончания войны, которая вот-вот начнется. — Она лег-

ла на воду и опять улыбнулась. — Но есть еще одна правда. И она в том, что я, Русель, рада, очень рада, что исполнила наказ. И приложу все силы, чтобы твое пребывание здесь оставило у тебя самые приятные воспоминания.

Хольгер с силой оттолкнулся от дна, мощно загребая воду, устремился к поверхности озера. Русалка без видимых усилий с улыбкой плыла рядом. Никаких попыток удержать его. Но вдруг рядом мелькнула серая молния. У лица щелкнула зубастая пасть. Перед ним повисла уродливая морда громадной щуки. Еще одна, нет, еще десять... сто щук окружило его со всех сторон. Одна из них цапнула его за палец. Острая боль и клубящаяся в воде кровь.

Хольгер остановился. Русель взмахнула рукой, и щуки медленно отплыли и стали кружить поодаль.

Он был побежден и вернулся на дно. Русалка взяла его за руку и поцеловала укушенный палец. Рана исчезла.

— Ты останешься здесь, сэр Ольгер, — ласково сказала она. — Ты оскорбишь меня, если снова попробуешь так невежливо убежать.

— Черт побери! — только и смог он произнести. Она рассмеялась и взъерошила его волосы.

— Фея Моргана, увы, заберет тебя у меня. Но пока ты мой пленник. И я сделаю твой плен наслаждением.

— Там остались мои друзья, — хмуро сказал он.

— Без тебя они не представляют для нас никакой угрозы. Кстати, — язвительно усмехнулась она, — когда зашло убийственное для меня солнце, я понаблюдала немного за поведением одной особы из твоей компании. Сдается мне, что девалебедь позволит кому-то развеять ее печаль после твоего исчезновения. И если не в эту ночь, то наверняка в следующую.

Хольгер сжал кулаки. Сарацинский красавчик! А девалебедь? Куриные мозги! Клюнуть на такие приемчики?..

— Ладно, — буркнул он. — Где тут твой дом?

— О, как ты обрадовал меня, прекрасный рыцарь! Пойдем. Какие яства я для тебя приготовила! Но главное — ты не можешь и вообразить, какие наслаждения ждут твое тело здесь, где оно свободно и невесомо.

— Могу себе представить, — буркнул Хольгер.

— Разве ты не хочешь сначала снять эту ужасную одежду?

Он оглядел свой мокрый наряд и потянулся к пряжке пояса. Пальцы натолкнулись на стилет Альфрика. Он на мгновение задумался, потом тряхнул головой и сказал:

— Потом. В доме. Может, она мне еще пригодится.

— Вот уж нет. Моргана разоденет тебя в меха и шелка. Но не будем, не будем думать о той минуте, когда ты должен будешь оставить меня! Идем!

Русалка умчалась вперед, как стрела. Неуклюже загребая воду, Хольгер последовал за ней. Она вернулась и со смехом закружила вокруг него. Щуки плыли следом. Их глаза блестели, как монеты.

Хольгер ожидал увидеть коралловый дворец, но дом Русель оказался иным. Круг, выложенный из белых камней, был чем-то вроде фундамента, на котором стояли, нет, из которого росли стены — длинные, колышущиеся коричневые и зеленые водоросли. Рыбы сновали сквозь них. Мелочь брызнула прочь при их появлении, а форель собралась и окружила Русель, искательно тычась мордами в ее ладони. Они прошли сквозь склизкую кисею. В доме было несколько комнат, выгороженных тем же способом. Русель ввела своего гостя в центральный зал. Здесь стоял каменный стол, инкрустированный перламутром и жемчугом и ломящийся от яств в золотой посуде. Вокруг стояли легкие изящные стулья из рыбьих костей.

— Хочу отметить, рыцарь, — улыбнулась русалка, — что, благодаря помощи королевы, мне удалось раздобыть для тебя даже такую редкость, как вино. — Она протянула ему круглый сосуд с узким горлышком, напоминающий реторту. — Нам придется пить прямо отсюда, иначе вода испортит драгоценную жидкость. Выпьем за наше знакомство.

Они чокнулись. Вино оказалось старым, густым и крепким.

Русалка села к нему на колени.

— О рыцарь, — промурлыкала она. — Чем мы займемся прежде? Едой или друг другом?

«От этого мне не отвертеться, — подумал Хольгер. — Придется провести с ней ночь. И попробовать усыпить ее бдительность, прежде чем снова попробовать удрать».

— Не так уж я голоден, — ответил он.

Она поцеловала его в губы и стала расстегивать его кафтан. Он снял пояс. Русель отпрянула — она увидела торчащий из ножен стилет.

— Не может быть! — воскликнула она. — Я почувствовала бы близость железа... Но это не...

Она осторожно вытянула стилет и внимательно осмотрела.

— «Пламенное лезвие». Необычное название. Это из Фейери?

— Я взял его у герцога Альфрика, когда победил его в бою, — похвастал Хольгер.

— Ничего удивительного, благородный рыцарь, — русалка потерлась щекой об его плечо. — Да, никому из смертных это не под силу, но ты — это ты, — ее пальчик пробежал по лезвию. — Все, что у меня есть, сделано из золота. Хотя я не раз пыталась втолковать жрецам варваров, что хотела бы иметь бронзовый нож. Однако они так глупы, что никак не могут понять, зачем демону озера может быть нужен иногда острый нож. Считают, что золото больше мне подобает. У меня есть несколько кремневых ножей, оставшихся со стародавних времен, но они уже совсем затупились.

— Тогда прими от меня этот стилет в подарок, — небрежно сказал Хольгер, стараясь скрыть от Русель охватившее его волнение. Кажется, он нашел путь к спасению...

— О, благодарю! Я сумею одарить тебя, добрый рыцарь, — промурлыкала она. Ее рука скользнула под кафтан. Хольгер притворно нахмурился, пробуя пальцем лезвие.

— Не годится, он совсем тупой, — сказал он. — Надо бы его наточить. Но ведь ты не отпустишь меня ради этого на берег?

Она отрицательно покачала головой. Хольгер улыбнулся и небрежно отбросил нож.

— Как хочешь.

Его руки легли на ее точеные бедра. И его игра обманула ее! Она задумалась и сказала:

— Знаешь, среди кучи мусора, который натащили мне в дар, кажется, есть точило. Хочешь попробовать?

Потребовалась вся выдержка, чтобы равнодушно ответить:

— Завтра.

Она отодвинулась.

— Нет, сейчас! — капризно сказала она. Эту болезненную капризность и нетерпеливость он наблюдал у жителей Фейери. Она потянула его за руку:

— Пойдем, я покажу тебе свои сокровища.

С тем же снисходительным равнодушием он ей поддался.

— Варвары несут и несут мне дары, — со смехом рассказывала она. — Каждую весну приходят к озеру и бросают в воду всякую всячину, которая, по их мнению, должна мне понравиться. И кое-что мне действительно нравится, — она раздвинула колышущуюся стену. — Это моя сокровищница. Сю-

да я переношу все их дары, вплоть до самых нелепых, над которыми можно только посмеяться на досуге.

Хольгеру бросились в глаза многочисленные человеческие кости. Русель выложила из них жуткую мозаику — на это, должно быть, ушло немало времени. В глазницах черепов сверкали драгоценные камни. Тут же высилась пирамида золотых и бронзовых кубков, посуды и украшений. В стороне беспорядочной кучей громоздилась разнообразная утварь, которую варвары сочли ценным для демона подношением (или таким образом они избавлялись от хлама?): размокшие церковные книги, хрустальный шар, челюсть дракона, сломанная статуэтка и великое множество мусора, потерявшего в результате долгого пребывания под водой всякую форму.

— Тебе, стало быть, приносят и человеческие жертвы? — с содроганием спросил Хольгер.

— Каждый год — юношу и девушку. Только не знаю, зачем. Я не тролль и не каннибал, чтобы потчевать меня таким угощением. Но они думают иначе. И наряжают этих бедняг в праздничные одежды. — Русель взглянула на него самым невинным взглядом.

«Существо без души», — подумал Хольгер.

Русалка запустила руку в середину кучи и выдернула из хлама допотопное точило. Деревянная рама казалась насквозь прогнившей, бронзовые детали окислились, но точильный круг отзывался на повороты рукоятки.

— Разве не смешные у меня игрушки? Выбирай что угодно, — она обвела рукой сокровищницу. — Включая меня.

В этом могильнике Хольгеру стало сильно не по себе. Но он сделал над собой усилие, изобразил улыбку и сказал:

— Я уже выбрал. Но сперва займемся стилетом. Ты можешь покрутить рукоятку?

В ее грациозном теле таилась невероятная сила. Она уперлась ногами в дно и так раскрутила точило, что образовался небольшой водоворот. Точило мощно и ровно гудело. Хольгер коснулся его стилетом.

Раздался неприятный скрежет. Откуда-то вновь появились щуки и свирепо уставились на него.

— Быстрее, — попросил он. — Если можно.

Точило завыло. Рама тряслась, от оси летели зеленые клочья. Господи, лишь бы эта рухлядь не развалилась!

Щуки буквально обнюхивали его. Русель не желала рисковать: у него в руках было оружие. Ее верные слуги за три

минуты обглодают его до костей. А затея могла и провалиться. Но ведь и под водой предметы нагреваются от трения, а магний горит в воде...

— Может, хватит? — взмолилась Русель. — Я уже устала.

— Ну еще чуть-чуть! — Он всем телом налег на стилет.

Вспышка света ударила его по глазам. Русалка закричала. Хольгер, закрыв глаза, стал размахивать перед собой стилетом. Одна из щук умудрилась все же цапнуть его за лодыжку, он пинком отшвырнул ее и, оттолкнувшись, рванулся вверх.

Ослепленная Русель осталась внизу. Она кричала, приказывая щукам атаковать. Но за Хольгером погналась только одна. Он взмахнул факелом — и она сбежала. Адские рыбы либо тоже не выдержали ультрафиолета, либо власть Русель над ними ослабевала на расстоянии. Второе казалось более правдоподобным: любая магия теряла силу на расстоянии.

Он изо всех сил работал ногами и загребал свободной рукой. Быстрее вверх! Как будто из космической дали донесся до него голос русалки:

— Ольгер, Ольгер, зачем ты меня покидаешь? На суше тебя ждет смерть! Вернись, Ольгер! Ты узнаешь блаженство со мной...

Он греб изо всех сил. Ее гнев словно толкнул его в грудь:

— Тогда — умри!

Вода хлынула ему в легкие. Чары были сняты. Он едва не выронил факел. Русель, окруженная стаей щук, догоняла его. Вверх, вверх! Мышцы деревенели, мутилось сознание... Вверх!

Он вынырнул и закашлялся, захлебнувшись воздухом. Луна выстелила на воде светящуюся дорожку. Хольгер устремился к берегу. Вскоре ноги нащупали дно. Он опустил факел к поверхности воды и побежал. Свет горящего магния угас как раз тогда, когда он подбежал к камышам. Он выскочил из воды, споткнулся, упал, вскочил и помчался по черной раскисшей почве.

Потом, уже порядочно удалившись от озера, он снова упал, но не стал подниматься. Сердце готово было выскочить из груди. Мокрая холодная одежда неприятно липла к телу. Он долго лежал, переводя дыхание, пока смертельная усталость не оставила его.

Глава 20

Лагерь не пришлось искать долго. Выделяясь на фоне лунного неба, черный валун торчал из земли, как корабль; ветер гнал облако, и это создавало иллюзию, что корабль плывет. К какому берегу его вынесет?

Хольгер вскарабкался на скалу. От костра оставалась только кучка багровых углей. Кони жались друг к другу. Карау стоял на краю, устремив взгляд на север. Ветер трепал его одежду. Лунный свет играл на обнаженном клинке.

К Хольгеру метнулась низкая тень, схватила его за штаны и разъяренно дернула.

— Куда ты пропал, человек? Мы тут сошли с ума! Почему от тебя так смердит нечистью? Почему ты мокрый? Что с тобой приключилось?

Карау обернулся. Из-под шлема сверкнули белки глаз. Увидев Хольгера, он молча поднял руку в знак приветствия и снова отвернулся, весь поглощенный созерцанием чего-то важного для него. Хольгер взглянул на север. Там, на краю долины, под вздымающимися к небу горами, мерцало бледно-красное зарево, словно кто-то жег большой костер.

— Где Алианора? — испуганно спросил он.

— Полетела искать тебя, сэр Руперт, — ответил Карау простым и будничным тоном. — Когда ты исчез, она превратилась в лебедя и поднялась в небо, чтобы осмотреть долину сверху. Боюсь, она полетела туда, где зарево. А я сомневаюсь, что в этих краях вокруг больших костров собираются добрые люди.

— И ты не остановил ее? — вскипел Хольгер. — Почему?!

— Благородный рыцарь, — учтиво отвечал Карау, — как я мог остановить ее, если она поднялась в воздух прежде, чем я успел подняться с земли?

— Так оно и было, — встал на защиту Карау Хуги. — Лучше ты расскажи нам, где пропадал. Вижу, что враг сумел взять тебя в оборот.

Хольгер сел у костра, протянул ладони к огню и выложил спутникам историю своего пленения и бегства. Хуги поскреб бороду и подытожил:

— А что я тебе говорил? Я не из тех, кто любит напоминать о своих словах, но я предупреждал, что это место нечистое. Так что в следующий раз не стоит отмахиваться от Хуги, как от назойливой мухи. У него тоже, конечно, бывают про-

машки, но куда реже, чем попадание в цель. А доказательство тому — и этот пример, и множество других историй из моей жизни, и только врожденная скромность не позволяет поведать вам о них. Но об одном случае, когда я предупреждал бедного сэра Турольда, что в некоем гроте водится мантикора...

Карау все так же спокойно оборвал карлика:

— Все это говорит о том, сэр Руперт, что твоя миссия не укладывается в обычные рамки. Иначе откуда такое нагромождение препятствий?

Хольгер был слишком измучен, чтобы вновь городить какие-нибудь объяснения, и промолчал. Вместо ответа он занялся своим платьем: снял и развесил мокрое вокруг костра и стал рыться в тюке в поисках сухого белья. Именно в этот момент над их головами раздалось хлопанье крыльев. Мелькнувший на фоне голубого неба белый силуэт заставил его побить все рекорды по скоростному надеванию мокрых штанов.

Алианора приземлилась и приняла человеческий вид. Увидев Хольгера, она ойкнула и бросилась было к нему, но, что-то вспомнив, остановилась. Темнота скрадывала выражение ее лица.

— Итак, ты цел и невредим, — холодно произнесла она. — Я летала туда, на зарево. Там лысая гора и... — ее голос дрогнул. Она взглянула на Карау, словно прося у него помощи. Тот снял епанчу и набросил на плечи Алианоре.

— И что увидела там самая храбрая и прекрасная из женщин? — тихо спросил он, заботливо оправляя епанчу на худеньких плечах.

— Они правят там шабаш, — она всмотрелась в бездонную, безмолвную темноту. — Я никогда не видела шабаша, но это, конечно, он. Тринадцать мужчин стоят полукругом у алтаря, и перед ними лежит сломанный крест. Их одежды и украшения... Наверно, это вожди диких племен. Все они старые, очень старые, а в их лицах такое зло, что, увидев их, я едва не упала на землю. Чудовища... Этот кошмар будет преследовать меня всю жизнь... Эти тринадцать стояли и смотрели на алтарь, а на нем в луже крови... — она подавила стон. — В луже крови лежал младенец... с перерезанным горлом... А над алтарем росла, как снежный ком, мгла... Я повернулась и улетела. Это было не меньше часа назад... Но я не могла заставить себя вернуться к вам, пока ветер не выдул из меня ужас...

Она упала на колени и спрятала лицо в ладони. Карау тронул ее за плечо — она со стоном оттолкнула руку. Тогда

подошел Хуги и погладил ее по голове. Алианора, плача, обняла его, и карлик стал ей что-то нашептывать.

Карау приблизился к Хольгеру и хмуро сказал:

— Значит, то, что я слышал в И-Бразеле, правда. Хаос стягивает силы. Хаос готовится к войне. — он помолчал. — Несколько сотен лет назад мне случилось странствовать по этим местам. Здешние дикари и тогда были язычниками, но их вера была чище. Они не чтили дьявола и не ели человеческого мяса. Но испорченность сделала их игрушкой в руках врага человеческого рода. Их вождей приняли в темный круг, и теперь они готовы вести свои племена против жителей долин. Может быть, этот шабаш — один из военных советов.

— Я тоже так думаю, — согласился с ним Хольгер. Карау понял его ответ по-своему.

— Ты думаешь о многом, но прячешь свои мысли от нас, — на что-то намекнул он. — Впрочем, не будем. Сон принесет больше пользы, чем разговоры. Но в следующий раз я все же осмелюсь задать тебе несколько вопросов.

Нелегкий выдался день. Натянутые, как струна, нервы долго не давали Хольгеру заснуть. Наконец он впал в беспокойную дремоту, то просыпаясь и ворочаясь, то погружаясь в причудливый лабиринт сновидений. Такой сон утомлял больше, чем освежал, поэтому он даже обрадовался, когда Хуги наконец потряс его за плечо: ему выпало дежурить перед рассветом.

Взошло солнце. Они торопливо позавтракали, оседлали лошадей и двинулись в путь, когда озеро еще дымилось ночным туманом. Вскоре оно скрылось с глаз. Дорога шла вверх. Становилось холодно, ветер гнал по небу свинцовые тучи. Последнее дерево осталось внизу, и только жесткая серебристая трава как-то скрашивала однообразие серого камня. Вершины крутых утесов заслоняли небо.

Указав на крутой и гладкий северный склон, Алианора сказала, что на плоскогорье им лучше всего взойти по нему. С воздуха она высмотрела удобную для восхождения расселину. Другие, более пологие тропы проходили слишком близко от туземных селений. Хуги поморщился и плюнул.

— Неудивительно, что даже варвары сторонятся этого склона, — проворчал он. — От него за милю смердит троллем; в нем, думаю, его нор и туннелей — как дыр в сыре.

Алианора нахмурилась. Хольгер попытался пошутить:

— На нашем боевом счету целый зверинец: ведьма, фарисеи, дракон, великан, оборотень и русалка. Что нам какой-то тролль?

— Я предпочел бы с ними всеми разом столкнуться, чем со зверем из этой горы, — мрачно произнес Хуги. — Рядом с великаном он как росомаха с медведем. Не такой, правда, громадный, но яростный и свирепый без меры, и страшно изворотливый. А жизни его лишить только удушением можно. Великанов-то немало от человеческих рук полегло, но, говорят, ни один рыцарь из схватки с троллем живым не вышел.

— Как же так? — нахмурился Карау. — Разве они не боятся железа?

— Боятся, конечно, жжет оно их, как тебя бы жгла раскаленная кочерга. Только от того он еще больше свирепеет и прет на врага. А раны — что? Он их потом залечит, — Хуги помолчал и вдохновенно продолжил: — Тролли, да будет вам известно, в родстве с гхоулами, выедающими мертвецов из гробов, и ежели священные вещи не очень сильны, то им они не страшны. Крест, например, годится, только если он чудотворный. Вот так. Мог бы я вам о них еще рассказать, да сам ничего не знаю, потому как тех, кто тролля видел и живым возвратился, почти что и нет на Земле.

Карау вспомнил рыцарский кодекс.

— Тем больше чести убить его, — воскликнул он.

«Дудки, — подумал Хольгер. — Лучше остаться живым». Около полудня, вынырнув из узкого ущелья, они увидели перед собой людоедов. Встречи никто не ждал. Хольгер с проклятием натянул поводья. Страха не было — драться так драться.

Дикарей было около двух десятков. Они торопливо спускались по склону, но, заметив путешественников, взвыли, резко изменили маршрут и побежали им навстречу.

Высокий и уродливый предводитель бежал впереди всех. Его желтые волосы были заплетены в косы, лицо размалевано красными и синими полосами, голову украшали бычьи рога и сноп ярких перьев. На плечах развевался короткий плащ из барсучьих шкур, бедра закрывала мохнатая юбка-килт.

Он кричал и размахивал стальным боевым топором. Остальные были ему под стать. Сборище чучел, вооруженных топорами, копьями и мечами. У одного из них, почти голого, торчал на голове ржавый рыцарский шлем, другой дул в деревянную дуду, третий громыхал толстой железной цепью на шее — и все они мчались на Хольгера.

— Назад! — крикнул Карау. — Бежим!

— Это нас не спасет, — возразил Хольгер. — По таким камням человек передвигается быстрее лошади. Кроме того, у нас нет времени на игру в прятки.

Брошенное копье вонзилось в землю впереди в нескольких метрах от них.

— Алианора! В воздух! — скомандовал Хольгер. — Ты там будешь в безопасности.

Она отрицательно покачала головой и подъехала к нему поближе.

— Оттуда ты сможешь помогать нам, — подсказал Карау. Этот довод она приняла. Взмахнув белыми крыльями, лебедь взмыл вверх.

Превращение Алианоры ошеломило нападающих. Они остановились как вкопанные. Некоторые упали на колени, другие взвыли, третьи закрыли лица руками.

— Слава Аллаху! — воскликнул Карау. — То есть... слава Богу! Их испугала магия.

Белая птица спикировала на людоедов. Вождь вырвал лук из рук ближайшего воина и натянул тетиву. Лебедь едва успел увернуться. Вождь криками и пинками стал приводить своих людей в чувство.

— Ого! — скривился Хуги. Этот наверняка принадлежит к черному кругу и, видно, магии не боится. Он их сейчас на нас натравит.

— Не похоже, что он очень уверен в себе, — спокойно, словно разговор происходил за обеденным столом, проговорил Карау и снял с плеча короткий, с двойным выгибом лук. — Еще бы один такой магический фокус...

Еще один фокус! Легко сказать. Хольгеру ничего не приходит в голову, кроме карточных фокусов... Хотя...

— Хуги! — бросил он. — Высеки мне огонь.

— Зачем?

— К черту вопросы! Огня!

Пока гном извлекал из мешочка на поясе кресало, Хольгер успел набить трубку. Когда трубка разгорелась как следует, крадущиеся к ним дикари были совсем близко. Уже можно было разглядеть шрам на лбу одного, костяную палочку в носу другого... Топот босых ног и сиплое дыхание... Хольгер глубоко затянулся и — выпустил клуб дыма.

Дикари застыли как статуи. Он курил с таким остервенением, что из глаз полились слезы, а из носа закапало. Ветра, к

счастью, здесь не было. Варвары стояли, разинув рты и выпучив глаза.

Выпустив очередное облако дыма, Хольгер поднял руку и заревел:

— У-у-у-у-у!!!

Врагов будто ветром сдуло. Склон усеяло брошенное в панике оружие, а через миг откуда-то из-за скал донесся удаляющийся вой. Вождь, однако, остался. Один как перст. Хольгер вытащил меч. Вождь заскулил и тоже исчез. Карау пустил ему вслед стрелу, но промахнулся.

Алианора превратилась в девушку и, подбежав к Хольгеру, обняла его за ногу и запричитала:

— О Хольгер! О Хольгер!

Карау держался от смеха за живот.

— Ты гений! — хохотал он. — Просто гений! Руперт, как я тебя люблю!

Хольгер снисходительно улыбнулся. Откуда им знать, что это плагиат и он просто обратился в очередной раз к классике, но не пересказывать же им «Янки при дворе короля Артура»? Довольно и того, что фокус удался.

— Поспешим, — сказал он. — Предводитель этих команчей вряд ли успокоится.

Они тронулись. Хуги принялся рассуждать:

— Да, отвага из них улетучилась вместе с твоим дымом, рыцарь. Однако, слышал я, что они храбрые воины. В чем тут дело? Думаю, твоих малых чар испугались оттого, что навидались в последние времена таких мерзких и великих, что стало им самим тошно...

Хольгер тем временем размышлял, преднамеренна или случайна эта встреча. Скорее всего, это дело рук Морганы. Узнав, что Руссель не смогла его задержать, она ввела в игру свежие силы...

Карау прервал размышления Хольгера.

— Мне показалось, что наша прекрасная спутница, обращаясь к тебе, произнесла незнакомое мне имя, — сказал он.

— Разве? — вспыхнула Алианора. — Нет-нет, ты ослышался...

Карау поднял брови, но промолчал. Рыцарский кодекс чести не позволяет публично уличать даму во лжи.

А Алианора заторопилась отвлечь его внимание.

— Как скучно путешествовать среди голых скал, — тоном светской кокетки произнесла она. — Не развлечешь ли ты ме-

ня, рыцарь, рассказами о своих подвигах и приключениях? Ты совершил их так много и повествуешь с таким искусством...

— Хм... Разумеется.

Карау клюнул на лесть. Он приосанился, подкрутил ус — и его понесло. Такого вранья Хольгер еще никогда не слышал.

Но Алианора! Она слушала этот невероятный вздор с таким откровенным восторгом, что Хольгер в конце концов не выдержал, пнул ни в чем не повинного Папиллона и поскакал вперед.

Глава 21

К вечеру они достигли разлома в скале, к которому вела их Алианора. Дно расселины устилали обломки скал. Подъем на плоскогорье, который они единодушно перенесли на утро, отнимет не меньше часа. Но, сказала Алианора, когда они поднимутся туда, им останется до цели совсем чуть-чуть и дорога будет прямой и ровной.

У подножия скалы они обнаружили крохотную лужайку. В центре торчал грубый каменный истукан: когда-то здесь было капище варваров. Вероятно, тролль, запах которого заставлял морщиться Хуги, поселившись где-то поблизости, вынудил дикарей бросить своего идола на произвол судьбы. Благодаря этому площадка не была вытоптана и ее покрывал тонкий ковер жесткой травы.

Наступила ночь. Поднялся сильный ветер. Оранжевое пламя костра прижималось к земле, искры неслись по воздуху и гасли далеко в стороне. Черное небо было затянуто тучами, сквозь разрывы в них то и дело выкатывался круглый глаз полной луны. Из темноты неслись шорохи, вздохи, стоны...

Все были настолько измучены, что, кое-как перекусив, поспешили завернуться в одеяла и лечь. Хуги выпало первое дежурство. Вскоре он растолкал Хольгера и сразу же захрапел. Хольгер подбросил в костер дров, закутался в плащ и подсел ближе к огню.

Его друзья спали. Неверный свет костра освещал их неподвижные фигуры. Карау даже во сне не терял своего обычного спокойствия и самоуверенности. Хуги свернулся вместе с одеялом в клубок, оставив снаружи только трубно храпящий нос. Взгляд Хольгера остановился на Алианоре. Одеяло сползло с нее, она лежала на боку, свернувшись от холода калачиком и прижав к груди маленькие кулачки. Беззащитная и ми-

лая, как ребенок... Хольгер поднялся и поправил на ней одеяло. Поколебавшись, он украдкой коснулся губами ее щеки. Она улыбнулась во сне.

Он вновь подсел к костру и глубоко задумался. Если он сейчас окажется втянутым в водоворот войны, то выдержит все испытания, какие ни пошлет ему Господь! Но она... Он не может позволить ей следовать за ним по кругам ада. Прогнать ее? Но где взять силы от нее отказаться?..

Он сжал кулаки.

— Пусть черт поберет этот мир!

И услышал:

— Ольгер!

Он вскочил. Меч вылетел из ножен. Никого. Только мрак за дрожащей границей света. Шум ветра, шепот сухой травы, уханье филина вдалеке.

И снова:

— Ольгер!

— Кто здесь? — вполголоса спросил он. Разбудить остальных?

— Ольгер, — вновь отозвался певучий голос. — Не тревожь спящих. Я хочу говорить только с тобой.

Он почувствовал странную истому. Фея Моргана вышла из темноты.

Костер красным светом облил ее длинное сказочное платье, зажег красные искры в темных глазах.

— Что тебе надо? — у него сел голос. Она улыбнулась — роза расцвела на губах.

— Поговорить с тобой. Иди сюда.

— Нет. — Он потряс головой, отгоняя наваждение. Этот трюк не пройдет. Я не переступлю круг.

— Тебе нечего опасаться. Те, кто сильнее тебя, сейчас далеко и готовятся к битве, — она пожала плечами. — Что ж, мы можем поговорить и так.

— Что ты для меня опять приготовила? Еще одну шайку людоедов?

— Те, которых ты встретил сегодня, не причинили бы тебе ни малейшего вреда. Они должны были, не считаясь со своими потерями, захватить тебя в плен целым и невредимым. А потом доставить ко мне.

— А что было бы с моими друзьями?

— О, кто они для тебя, Ольгер? Ты знаешь их всего несколько дней. В них нет ничего, достойного твоего внима-

ния. Ты должен уйти со мной. Хотя бы потому, что вождь, которого ты опозорил сегодня, в ярости и клянется, что умрет или съест твое сердце. Ты встретился с горсткой воинов, но сейчас он собрал остальных. Он рвет и мечет, и я не могу удержать его.

— Разве не ты их наставница? Кто же научил их есть человечину?!

Она поморщилась.

— Не я. Но ты прав, мои союзники — демоны и колдуны гор, которых призвал к себе Хаос. Это они насадили веру в дьявола. Я никого ничему не учила. Но хватит об этом! — снова улыбка. — У нас с тобой есть другие интересные темы. Мы знали настоящее счастье. И я верю, что мне удастся вернуть его — и тебе, и себе.

— Счастье с тобой? Пустой звук! — холодно сказал Хольгер.

Он видел, что она говорит искренне. Но он тоже не притворялся. Влечение к ней, от которого он с таким трудом избавился тогда, в роще, исчезло. Перед ним стояла чужая красивая женщина — и только.

— Ты никогда не отличался постоянством в любви, — она все еще продолжала улыбаться. — Когда-то ты взбунтовался даже против своего господина, самого Карла. В твоем лице он приобрел самого опасного соперника. И только твое великодушие положило конец вашему спору...

— И мы с ним стали союзниками, не так ли?

Моргана остановила взгляд на Алианоре и печально вздохнула:

— Теперь над тобою властвуют чары сильней моих... Мне... тяжело, Ольгер. Что ж, остается утешаться прошлым...

— У всех есть прошлое, кроме меня! — с непонятной горячностью бросил он. — Превратить меня в бессмысленного младенца и вышвырнуть за самые дальние рубежи мира — спасибо! Но я вернулся. Вопреки тебе. Благодаря власти, источник которой выше тебя и меня.

— Ты уже так много узнал? — удивилась она. — Но хочешь знать еще больше? Я могу вернуть тебе всю память.

— А чем я буду платить? Друзьями?

— Зачем? Я могу позаботиться о том, чтобы и с ними ничего не случилось. А твои намерения приведут к гибели всех вас.

— Почему я должен верить тебе?

— Позволь мне вернуть тебе память. Выйди из круга, чтобы я могла прибегнуть к чарам, которые рассеют твой мрак. И ты вспомнишь, какие клятвы давал мне.

Он внимательно посмотрел на нее. Она стояла — высокая, сильная, спокойная. Волосы черной волной лились из-под золотой короны. Но он почувствовал, что она напряжена как звенящая струна, которая вот-вот лопнет.

Почему могущественнейшая волшебница боится его? Он стоял и думал. Дул ветер. Спали друзья. Чернело небо. Да, в ее руках могучие силы, и эти силы брошены против него. Но и в нем живет мощь, неподвластная ей. И она удерживает его от рокового шага за круг. Вся магия в мире не имеет теперь власти над ним. И даже прелести Морганы — ничто рядом с серыми озерами глаз и с каштановой копной волос... Ни одно заклинание не может победить это волшебство.

— В том мире, — сказал он задумчиво, — ты только миф. Вот уж не думал, что буду сражаться с мифами.

— Там был не твой мир, — сказала она. — Там ты тоже легенда. Твое место здесь, рядом со мной.

Он покачал головой:

— Оба эти мира — мои. И там, и тут я на своем месте.

Ему стало не по себе. Ну конечно! Почему он не понял этой очевиднейшей вещи раньше? Он сам — персонаж каролингско-артуровского круга. Значит, ребенком он читал в книгах двадцатого века о своих собственных древних подвигах!

Но если даже и так — его прошлое спрятано от него. Он мог быть легендарным героем, мог быть кумиром собственного детства, но заклятие Морганы стерло его память...

— Мне кажется, ты сам давно понял, что находишься сейчас в том мире, который больше тебе подобает, — сказала Моргана. — И тебе не хочется возвращаться в тот, — она шагнула к самой границе круга и дотронулась до Хольгера. — Да, это правда, что оба мира идут к кульминации, а ты помещен в их центры и тут, и там. Однако, если ты вмешаешься в борьбу сил, о которых даже ничего не знаешь, ты, скорее всего, потерпишь поражение. Ты погибнешь. А если победишь, то станешь потом горько жалеть об этом. Сбрось с плеч эту ношу, Ольгер, и пребудь со мной, только со мной — в счастье. Еще не поздно!

Он усмехнулся.

— Ты слишком настойчиво уговариваешь меня. Значит, мои шансы на победу достаточно велики, — сказал он. — Ты сделала все от тебя зависящее, чтобы обмануть или пленить

меня. Вероятно, следующим твоим шагом станет моя смерть. Но я выбрал свой путь и не сверну с него.

«Что за высокопарный слог! — разозлился он. — Разве таковы в самом деле мои убеждения?»

Он устал. По-настоящему хочется только покоя. Где конец этому блужданию во мраке? Где то место, в котором он мог бы укрыться с Алианорой от жестокости того или этого мира? Нет, он не может позволить себе даже минутного отдыха. На карту поставлено слишком многое. Сколько людей погибнет, если он откажется от борьбы?

Моргана смотрела на него и молчала. В скалах завывал ветер.

— Все предопределено, — наконец нарушила она молчание. — Даже Карау нашел тебя. Великий Ткач плетет твой узор. Но ты зря так уверен, что никто не сможет порвать его нити.

В ее глазах блеснули слезы. Она приблизилась и поцеловала его — поцелуем легким, нежным и полным любви.

— Прощай, Ольгер, — сказала она. Повернулась и растаяла в темноте.

Он стоял как столб и дрожал от холода. Может, все-таки разбудить остальных? Нет, пусть поспят. Им не обязательно знать о том, что произошло. Их это не касается.

Он взглянул на небо, пытаясь определить по положению луны, не подошло ли его дежурство к концу. Небо было затянуто сплошной пеленой. Что ж, он может бодрствовать до утра. Все равно ему не заснуть...

Ветер крепчал. Сквозь его вой послышался грохот камней и звон металла...

— Хей!

Вождь каннибалов прыгнул в круг, освещенный пламенем костра. За его спиной блеснули наконечники копий. Сколько их там — сотня? Две? Они прятались в засаде и ждали, когда фея Моргана покинет его!

— Подъем! — закричал он. — У нас гости!

Хуги, Алианора и Карау вскочили. Сарацин выхватил саблю и бросился к лошади, сломав ногой колышек, к которому были привязаны поводья. Алианора взвилась на своего коня. Двое дикарей с истошным воем помчались к ней. Один замахнулся копьем. Хуги — коричневый смерч — бросился ему в ноги. Оба упали. Хольгер обрушился на другого. Меч поднялся и опустился — и череп врага лопнул, как орех.

Тело упало на него, но он отшвырнул его с такой силой, что сбил с ног следующего нападающего. Кольчуга спасла его от мощного удара копьем в грудь. Он увидел перед собой вождя и попытался достать его мечом. Тот увернулся. Чьи-то руки сомкнулись на его шее. Он вспомнил о шпорах на сапогах и сильно пнул ногой назад. Дикарь взвыл и отлетел в сторону.

Хольгер поднялся, стараясь держаться спиной к истукану. Здоровенный воин с татуировкой, изображающей дракона, ринулся на него. Хольгер рубанул — и голова дикаря покатилась с плеч. Кольцо врагов сжималось. Поверх их рогов и перьев Хольгер видел, как Карау гарцует на лошади и сыплет ударами своей кривой сабли.

Папиллон лягал дикарей, топтал и кусал, его грива и хвост развевались, как черные флаги.

Кто-то нырнул Хольгеру под руку и замахнулся ножом. Он отбил удар рукой. Хуги выкатился из темноты, дернул людоеда за ноги и свалил. Рыча, они покатились по земле.

Перед Хольгером вырос вождь. Его топор взлетел в воздух и с силой обрушился на шлем Хольгера. «Великий Боже и святой Георгий!» — услышал он собственный стон. Каким-то образом Хольгер отбил удар. Рядом с вождем встали два его воина. На шлем и кольчугу Хольгера обрушился град ударов. Он пошатнулся.

Вдруг за спиной вождя появился Карау. Его клинок запел в воздухе. Один из врагов с воплем схватился за плечо, глядя расширенными от ужаса глазами, как оно отваливается от тела. Хольгер ударил ногой — и другой враг отлетел в сторону. Вождь развернулся и атаковал сарацина. Они закружились в смертельном танце, обмениваясь ударами и проклятиями.

Лошадь Алианоры жалобно заржала и повалилась на землю. Белый лебедь взмыл в воздух и через миг молнией упал вниз, целясь клювом в глаза врагов. Хольгер перевел дыхание. Кто-то пролаял приказ, и в рыцаря полетели копья. Его меч летал, как коса. Папиллон вставал на дыбы во весь свой исполинский рост и крушил передними копытами черепа людоедов. Человек и конь размели врагов и вернулись к камню.

Из-под безжизненного тела своего противника выкарабкался Хуги и встал рядом с ним. Алианора приземлилась и обратилась в девушку. Карау осадил рядом коня. Хольгер сунул ногу в стремя и взлетел в седло. Пинком в зубы отшвырнул дикаря, вцепившегося ему в сапог. Снял с седла щит и надел на левую руку. Протянул Алианоре руку с мечом. Она

схватилась за нее и через миг сидела за спиной Хольгера. Карау поднял в седло Хуги. Рыцари обменялись взглядами, кивнули друг другу и ринулись в битву.

Они рубили, кололи, кромсали. Потом внезапно вокруг них образовалась пустота. Враг отступил. Карау и Хольгер, тяжело дыша, вернулись к каменному истукану. Мечи были залиты кровью. В дымящихся лужах крови отражался огонь костра. Земля была устлана трупами врагов... Людоеды молча стояли поодаль, сливаясь в темную массу с проблесками стали. Хольгер увидел вождя: лишившись рогов и перьев, он тяжело ковылял к своим людям. Карау сверкнул улыбкой.

— Славная, славная битва! — воскликнул он. — Клянусь дланью пророка... Пророка Иисуса... Раньше я думал, сэр Руперт, что только один человек на Земле способен биться так, как бился сегодня ты.

— И ты был сегодня на высоте, — ответил Хольгер. — Жаль только, что мы не прикончили вождя. Сейчас он снова пошлет их в бой.

— Будь в их головах хоть немного мозгов, они давно бы изрешетили всех нас стрелами, — заметил Хуги.

Хольгер повернулся в седле, чтобы взглянуть на Алианору. Ее левая рука была в крови.

— Ты ранена? — ужаснулся он.

— Ничего страшного, — она попыталась улыбнуться. — Стрела задела крыло.

Он осмотрел ее рану. В обычных условиях он назвал бы ее довольно скверной, однако, принимая во внимание все обстоятельства, пожалуй, ничего страшного действительно не было. Он с облегчением вздохнул.

— Построю часовню святому Себастьяну... в благодарность.

Алианора прижалась к нему.

— Есть еще более приятные способы вознести хвалу Богу, — шепнула она ему на ухо.

— Никто никогда уже ничего не построит, — вмешался Карау, — если мы сейчас же не уберемся отсюда. А если сейчас повернуть назад, сэр Руперт, я думаю, мы сумеем уйти от погони.

— Нет, — решительно сказал Хольгер. — Здесь путь к святому Гриммину. Других дорог нет, а если есть, то, возможно, они под еще более сильной охраной. Мы пойдем вперед.

— К ним в лапы? — воскликнул сарацин. — Карабкаться на эту насыпь в темноте, отбиваясь от сотни воинов? Уж не сошел ли ты с ума, рыцарь?

— Ты волен выбирать, — ледяным тоном ответил Хольгер. — А я еще этой ночью должен добраться до церкви.

Хуги остановил на Хольгере тоскливый взгляд. Ему стало не по себе.

— Что ты уставился? — буркнул Хольгер. — Да, мы можем здесь умереть, я знаю это не хуже тебя. Беги вместе с ним. Я пойду один.

— Ну уж нет.

Повисла пауза. Хольгер отчетливо услышал звук своего сердца. Наконец гном заговорил — хрипло и медленно:

— Уж коли зашел у тебя ум за разум и ты отступиться не хочешь, то я хоть немного твоей глупости своим умом послужу. Самому тебе ведомо, что через этот проход нам не пробиться. Есть, однако, другой путь наверх, и никто на нем мешать нам не будет. Я могу вход в берлогу тролля вынюхать, а мой нос говорит, что это где-то рядом. Наверняка много ходов идет к ней через скалу, и нам может повезти. Может, тролль вылез куда-то, или спит, или забрался в далекий угол и нас не учует. Может, конечно, и не повезет - - однако другого выхода у нас нет. Ну так что?

Алианора за спиной Хольгера тяжело вздохнула.

— Карау, - - сказал он, — забери Алианору и постарайся доставить ее в безопасное место. Хуги и я пойдем через пещеру тролля...

Девушка крепко обхватила его за пояс.

— Нет! — гневно сказала она. — Так легко тебе от меня не избавиться. Я иду с тобой!

— И я, — добавил Карау и сглотнул слюну — Никогда еще не бегал я от опасности.

— Дурни! — фыркнул Хуги. Кости ваши в этой норе белеть будут. Впрочем, не первые вы из тех рыцарей, которые сгинули потому, что гордыни в головах у них было много, а ума мало. Жаль одну только деву. Ну, поехали.

Глава 22

Хуги взялся быть проводником, поэтому они с Карау двинулись первыми. Перед глазами Хольгера болтался из стороны в сторону хвост лошади Карау с вплетенными в него голубыми и красными лентами. Внезапно Папиллон вздрогнул.

Они двигались на восток, вдоль темного склона, на котором прятались людоеды. Из темноты донесся пронзительный вой. Хольгер вовремя заметил летящее в него копье, поднял щит и отразил его. В ту же минуту в щит вонзилось три стрелы.

Хольгер пришпорил коня. Белая лошадь Карау и его просторные белые одежды маячили впереди мутным пятном. Папиллон оступился. Из-под копыт брызнули искры. Вокруг царил непроницаемый мрак. Какое-то шестое чувство подсказывало Хольгеру, что он движется вдоль мощной скалы. Тяжесть камня, нависающего над головой, ощущалась почти физически.

Он оглянулся. Вождь людоедов размахивал выхваченным из костра поленом. Полено ярко вспыхнуло, и, подняв над головой топор, вождь что-то крикнул окружающим его воинам и бросился в погоню.

Очень скоро он нагнал осторожно ступающих лошадей. Хольгер заметил, что каннибалы, послушные приказу, бегут сзади, но без особого, как ему показалось, энтузиазма. С левой стороны была скала, и вождь забегал слева. Меч тут был бесполезен. Он подбежал к Папиллону и замахнулся топором, целя в бабку. Жеребец отпрыгнул, едва не сбросив седоков. Хольгер развернул его мордой к врагу.

Через минуту людоеды придут на помощь вождю, и все будет кончено.

— Алианора, держись! — крикнул Хольгер.

Он привстал в седле и резко наклонился вперед, пытаясь достать противника мечом. Тот отбил удар топором. Более проворный, чем человек на коне, людоед отпрыгнул. Размалеванное лицо с бородой, заплетенной в косички, скривилось в издевательской ухмылке.

Однако факел, который вождь держал в левой руке, оказался слишком близко к Хольгеру. И тот ударил. Факел упал горящим концом на голую грудь людоеда. Дикарь завопил от боли. И прежде чем он опомнился, Хольгер был уже рядом. На этот раз он не промахнулся. Сталь вошла в плоть, вождь пошатнулся и рухнул.

«Бедный сукин сын», — пожалел его Хольгер. Он вновь развернул Папиллона и направил его вслед за Карау. Бой занял всего несколько секунд.

Они продвигались в полной темноте. Людоеды, подгоняя себя криками, бежали следом, но не отваживались атаковать. В воздухе то и дело свистели стрелы.

— Сейчас они соберутся с духом и набросятся на нас, — крикнул Карау через плечо.

— Я не думаю, — возразила Алианора. — Вы чувствуете запах?

Хольгер потянул носом воздух. Холодный ветер дул в лицо. Он всхлипывал и подвывал, развевая его епанчу, и трепал оперение шлема. Какой еще запах?

— Ух! — воскликнул Карау. — Вот это вонь!

Дикари дружно завыли. Хольгер, чье обоняние было испорчено табаком, был последним, кто почувствовал вонь. Дикари отказались от погони и остановились, не смея пересечь невидимую границу. Но уходить не собирались. Они будут ждать в засаде до утра, дабы убедиться, что враг не выбрался из западни.

Если холод имеет запах, то тролль пах именно так. Когда они оказались у входа в пещеру, Хольгеру захотелось заткнуть нос. Они остановились, и Алианора соскользнула на землю.

— Надо сделать факел, — сказала она. — Тут по земле разбросаны сухие ветки, наверно, тролль растерял их здесь, когда устраивал свое логово.

Она собрала пучок хвороста. Хуги высек огонь. Вспыхнуло пламя, и Хольгер увидел в скале дыру, диаметром метра три, ведущую в полный мрак.

Все спешились. Алианора взяла поводья, а рыцари вышли вперед. Хуги поднял факел.

— Тронулись, — сказал Хольгер и облизал пересохшие губы.

— Надеюсь, мы когда-нибудь снова увидим звезды, — прошептала Алианора. Хуги взял ее за руку.

— Даже если мы встретимся с троллем, — сказал Карау, — наши мечи превратят его в крошево. По-моему, мы испугались бабушкиных сказок, друзья.

Он решительно двинулся к пещере и первым вошел в темноту.

Хольгер поспешил за ним. Его щит и меч стали громоздкими и тяжелыми. Рубашка липла к мокрой от пота спине, тело чесалось и ныло, словно вспомнив наконец о том, сколько оно сегодня получило ударов. Воздух в пещере был спертым, густым от запаха тролля и смрада гниющего мяса. Факел горел неровно, то почти затухая, то ярко вспыхивая. Уродливые тени плясали по горбатым стенам. Хольгер мог поклясться, что отчетливо видел высеченные в стенах лица, кривляю-

щиеся в жутких гримасах. Пол пещеры был усыпан острыми каменными обломками и обглоданными костями животных. Алианора то и дело нагибалась, предусмотрительно подбирая с земли куски дерева и сухие ветки. Тишину нарушало только звонкое цоканье лошадиных подков, отзывающееся дробным эхом. Естественная пещера кончилась, дальше в скалу вел вырытый троллем туннель — по размерам почти такой же. Хольгер с содроганием подумал, что если тролль вырыл такой туннель голыми руками...

Туннель был настоящим лабиринтом, и они кружили то вправо, то влево. Хольгер полностью потерял ориентацию: ему стало казаться, что они спускаются все ниже и ниже и будут идти бесконечно — до центра земли. «Только без паники», — скомандовал он себе.

Туннель кончился, и путешественники оказались в огромном зале. Из него вело целых три выхода — все неизвестно куда. Хуги жестом остановил их. В свете факела его лицо выглядело нелепой карикатурой, а тень карлика плясала, как мрачное чудовище, готовое броситься на него.

Он внимательно наблюдал за грязным желтым пламенем, потом послюнявил палец и стал водить им по воздуху, затем опустился на колени и обнюхал пол. В конце концов он показал на левый туннель.

— Сюда, — буркнул он.

— Нет, — сказал Хольгер. — Разве ты не видишь, что он ведет вниз?

— Ничего не ведет. И не надо так громко.

— Ты с ума сошел! — возмутился Хольгер. — Любому дураку ясно...

Хуги зыркнул на него из-под кустистых бровей.

— Дураку, может, и ясно. Тут такое дело, что, может быть, ты и прав. Я-то голову на отсечение не дам. Только я думаю, что хорошая дорога через этот туннель ведет, а мне о подземельях ведомо побольше твоего. Так что решай, куда нам идти. Хольгер кашлянул.

— Ладно, — сказал он. Извини. Веди нас.

Хуги улыбнулся:

— Я всегда говорил, что ты не дурак.

Он нырнул в туннель. Остальные потянулись за ним. Вскоре туннель стал забирать вверх. Хольгер не произнес ни слова, когда Хуги прошел мимо нескольких боковых пещер, даже не удостоив их взглядом. Однако вскоре они опять ока-

зались перед такой же тройной развилкой, и карлик заколебался.

Проделав те же, что и в первый раз, манипуляции, он озабоченно заявил:

— Все о том говорит, что можем мы идти только средним путем. Но и смрад оттуда самый сильный несется.

— Как тебе удается уловить эту разницу? — с брезгливой гримасой спросил Карау.

— Видно, там его логово, — шепнула Алианора. Лошадь Карау фыркнула. В каменном мешке это прозвучало как выстрел. — Нет ли другой дороги в обход?

— Может, и есть, — неуверенно ответил Хуги. — Только на поиски ее времени много уйдет.

— А нам надо торопиться, — добавил Хольгер.

— Зачем? — спросил Карау.

— Есть причины, — ответил Хольгер. — Сейчас поверь мне на слово, ладно?

Сарацин, конечно, заслуживал полного доверия, но здесь было не место для долгих рассказов. Хольгер уже не сомневался, что меч Кортана имеет решающее для этого мира значение. Если бы дело касалось пустяка, враги не прилагали бы столько усилий, чтобы воспрепятствовать ему.

Моргана без всякого труда могла добраться до церкви гораздо раньше его. Однако ей не под силу перенести меч куда-то в другое место — он слишком тяжел для нее, а ее чары не действуют на столь священный предмет. Она могла прибегнуть к помощи других людей, как она это и сделала, когда похитила меч, но дикари испытывали ужас перед заклятой церковью и ни за какие сокровища не осмелились бы приблизиться к ней, даже получив приказ от королевы фей. А личные воины Морганы были заняты подготовкой войны с империей в других странах мира.

Другое дело, если бы у нее было время. Она успела бы вызвать кого-то или... что более вероятно... бросила бы против Хольгера силу, которой он не смог бы противостоять. До сего времени ему везло больше, чем он того заслуживал. Но он отдавал себе отчет в том, что из лап самых сильных ее союзников он бы, конечно, не выбрался. Только святой мог совладать с силами Тьмы, а до святости ему было ох как далеко.

Поэтому он должен спешить.

Карау помолчал и сказал:

— Как пожелаешь, друг.

Хуги пожал плечами и двинулся вперед. Туннель, изгибаясь, пошел вверх, потом вниз и снова вверх, ход отчаянно петлял и становился то шире, то уже. Их осторожные шаги гремели, как колокол: «Мы здесь, тролль, мы здесь, тролль!»

Коридор стал таким узким, что они едва протискивались между каменными стенами. Впереди шел Хуги, за ним — Хольгер. Здесь царил непроницаемый мрак, который нарушало только красное пламя факела. За спиной Хольгера Карау тихо сказал:

— Тягчайшим грехом ляжет на меня то, что позволил такой прекрасной деве оказаться в этом зловещем месте. Бог мне этого не простит.

— Но я прощу, — отозвалась Алианора.

Сарацин засмеялся:

— О! Этого достаточно! И правда, моя госпожа, зачем нужны солнце, или звезды, или луна, если рядом находишься ты?

— Прошу тебя, молчи. Мы слишком шумим.

— Что ж, я буду восклицать мысленно. Я буду славить красоту, прелесть, нежность и доброту, славить Алианору!

— О Карау...

Хольгер до боли закусил губу.

— Тихо там, сзади, — прошипел Хуги. — К самому логову приближаемся.

Лаз оборвался. Они очутились в огромном зале, таком огромном, что его потолок и противоположная сторона терялись во тьме. Пол устилал толстый слой веток, листвы, полусгнившей соломы и костей. Над всем этим витал сладковатый запах смерти.

— Теперь тихо! — приказал Хуги. — Мне тут не нравится. Мы должны пройти это место тихо, на цыпочках. Выход, наверное, с той стороны.

Мусор трещал под ногами. Хольгер, спотыкаясь, брел по рыхлому ковру. Он ушиб ногу о пень. Ветка царапнула его щеку и едва не попала в глаз. Под подошвами рассыпался человеческий позвоночник с остатками ребер. Лошади проваливались и негодующе фыркали.

Факел ярко вспыхнул. И в этот самый миг Хольгер почувствовал ледяное дуновение.

— Мы не так далеко от выхода, — прошептал Хуги и вскрикнул: — Аи!

— Аи... — ответило эхо. — Аи!

Из-под кучи сухой листвы выбрался тролль. Алианора взвизгнула. Хольгер успел подумать, что впервые услышал в ее голосе настоящий страх.

— Боже, храни нас! — пробормотал Карау. Хуги согнулся и зарычал. Хольгер уронил меч, наклонился, поднял его и снова уронил: ладони стали скользкими от пота.

Тролль, волоча ноги, брел к ним. Он был ростом метра два с половиной, если не больше: он сильно сутулился, его руки свисали до земли. Безволосая зеленая кожа висела складками, как будто была ему велика. Узкая трещина рта, висящий, как хобот, нос, черные дыры глаз.

— Хо-о-о!.. — тролль улыбнулся улыбкой идиота и протянул руки к Карау.

Тот вскрикнул и ударил саблей. Из раны вырвался дым, но дебильная усмешка не покинула лица тролля. Он потянулся к сарацину другой рукой. Хольгер поднял меч и бросился в атаку.

Тролль размахнулся и ударил. Удар пришелся по щиту, он треснул, а датчанин полетел в груду сухой листвы. Несколько секунд он лежал без движения, переводя дыхание. Лошадь Карау обезумела от ужаса и с диким ржанием взвилась на дыбы. Алианора повисла на ней. Он увидел это прежде, чем вскочил на ноги. Потом он перевел взгляд на Карау.

Сарацин буквально танцевал на груде веток, служивших троллю постелью. Каким-то невероятным образом он умудрялся сохранять равновесие, и при этом его сабля не знала ни секунды отдыха. Он нырял, отскакивал, уклонялся от неуклюжих ударов чудовища. Свистела сталь, и улыбка сверкала на темном лице. Каждый его удар оставлял на теле тролля ужасную рану. Но тролль только хрюкал в ответ. Карау целил по правой руке повыше запястья. В конце концов ему удалось отсечь кисть. Он радостно засмеялся:

— Одна есть! Посвети нам немного, Хуги!

Карлик воткнул факел в какую-то рогатку и бросился на помощь Алианоре. Папиллон кружил вокруг, выжидая удобный для нападения момент.

И дождался. Тролль замахнулся на Карау левой рукой, и жеребец напал на него сзади. Копыта ударили в широкую спину, как в бубен. Тролль упал ничком, а Папиллон, не теряя времени, поднялся во весь свой устрашающий рост и обрушился вниз. Череп тролля разлетелся вдребезги.

— О небо! — Карау перекрестился и, повернувшись к Хольгеру, весело сказал: — Все было не так уж и плохо, а?

Хольгер взглянул на свой треснувший щит.

— Великолепно, — ответил он уныло. — Только я не особенно отличился.

Кобылу продолжала бить крупная дрожь, но она уже успокоилась настолько, что позволила Алианоре обнять себя за шею.

— Ну вот! А теперь поскорее уберемся отсюда, — подал голос Хуги. — А то у меня нос прямо отваливается от этого смрада.

Хольгер кивнул:

— Выход где-то... О боже!..

Отрубленная кисть тролля бежала по полу, как огромный зеленый паук. Сначала по листьям, потом по пню, цепляясь за кору ногтями, а потом по ветке — прямо к перерубленному запястью. Достигнув его, она мгновенно приросла на место. Осколки черепа тролля покатились по земле и соединились в целое. Чудовище поднялось на ноги и вновь оскалило рот в жуткой усмешке. Пламя красными бликами заиграло на ужасных клыках.

Тролль пошел на Хольгера. Больше всего датчанину хотелось повернуться и пуститься наутек. Но бежать было некуда. Он в сердцах плюнул и поднял меч. Когда тролль потянулся к нему, он ударил, вложив в удар всю свою силу.

Стальное лезвие вонзилось в твердую, как дуб, руку. Удар. Еще удар! Фонтаном била зеленая дымящаяся кровь. Казалось, меч раскалился и светится в темноте. Еще удар — и рука тролля была перерублена. Она отлетела в сторону, покатилась по ковру из листьев и тяжело поползла обратно.

Карау атаковал тролля справа. Его сабля ударила чудовище по груди и срезала целый пласт кожи. Кожа шмякнулась на землю и тут же с хлопающим звуком стала перемещаться к хозяину. Папиллон опять встал на дыбы и ударом передних копыт снес троллю половину лица. Челюсти упали коню под ноги и, подпрыгнув, сомкнулись на бабке. Жеребец громко заржал и стал кататься по земле, пытаясь избавиться от кошмарного врага. Карау не удалось уйти от очередного удара уцелевшей руки тролля — он пришелся по панцирю на животе. Сарацин отлетел на несколько метров, упал и не встал больше.

«Его действительно невозможно убить! — подумал Хольгер. — Ничего не скажешь, славное место, чтобы попрощаться с жизнью».

— Беги, Алианора! — крикнул он.

— Нет! — она схватила факел и подбежала к обезумевшему Папиллону. — Спокойно! — крикнула она. — Я тебе помогу!

Тролль сгреб с земли свою левую руку и приставил ее на место. Казалось, он ухмылялся уцелевшей половиной лица. Хольгер рубил мечом снова и снова, но самые глубокие раны затягивались мгновенно. Он отступил. Оглянулся на Алианору. Она опустилась на колени возле ноги Папиллона, пытаясь разжать мертвую хватку челюстей.

Случайно она приблизила факел к этому живому капкану. Челюсти разжались и упали на землю. Она испуганно вскочила.

— Хо-о-о, — произнес тролль. Он отвернулся от Хольгера, подошел к лежащим в мусоре челюстям и приставил их к лицу. Повернувшись, чтобы атаковать датчанина, он громко щелкнул зубами.

Алианора, закричав, ударила тролля факелом по спине. Монстр взревел и упал на четвереньки. На спине дымилась черная незаживающая полоса.

Хольгер понял, что надо делать.

— Огня! — крикнул он. — Разожги огонь! Мы сожжем его!

Алианора бросила факел на кучу соломы. Миг — и столб жаркого пламени поднялся к потолку. Едкий дым разъедал глаза, свербило в носу... «Но это чистый дым, — подумал Хольгер, — и чистый огонь, выжигающий смрад из могилы».

Он почувствовал прилив сил. Отрубленная кисть тролля пролетела почти полпещеры. Алианора схватила ее с пола. Кисть корчилась, пальцы извивались, как зеленые черви, пытаясь освободиться. Алианора швырнула ее в огонь. Кисть забилась в пламени. Ей удалось выкатиться из огня. Но, обугленная, она сжалась и замерла. Язык пламени лизнул ее — и все было кончено.

Тролль плаксиво завыл и замолотил руками, как дубинками. Один из ударов выбил меч из руки Хольгера. Датчанин наклонился, чтобы подобрать его, и тут тролль обрушился на него всем телом, ребра Хольгера затрещали. Полураздавленный, он не в силах был даже вдохнуть. Но, атакованный Папиллоном, тролль вынужден был оставить Хольгера. Тяжело дыша, поднялся на ноги Карау и без промедления бросился в бой. Папиллону удалось сбить чудовище с ног. Кривая сабля ударила монстра по ноге — еще, еще и еще раз, пока не отсекла ее напрочь. Огонь перебрался уже на сухие ветки, его треск перешел в ровный гул, в пещере стало совсем светло. Алиано-

ра отчаянно боролась с отрубленной ногой тролля, пока наконец не сумела засунуть ее между пылающими бревнами.

Хольгер снова бросился в битву. Рука схватила его за щиколотку... кисть руки тролля, отрубленная Карау. Он оторвал ее и бросил в сторону костра. Каким-то образом она упала на безопасное место и быстро отползла, ища спасения под корявым пнем. Хуги нырнул за ней. Они покатились по полу — рука и гном.

Наконец у тролля была отсечена голова. Она щелкала зубами и брызгала слюной, когда Хольгер насаживал ее на острие меча, чтобы бросить в огонь. Но она выкатилась из костра и, пылая, покатилась к Алианоре. Хольгер снова вонзил в нее меч и, невзирая на то что сталь могла потерять закалку, держал голову над огнем, пока она не обуглилась.

Оставалось туловище. Справиться с ним оказалось труднее всего. Сражаясь с оплетающими их, как змеи, склизкими кишками, Хольгер и Карау поволокли тяжелое, как будто налитое свинцом, тело к пылающему сердцу пещеры. Позже Хольгер уже не мог вспомнить, как они это сделали. Но им будто удалось сжечь и его.

У него в памяти запечатлелась последняя сцена этой безумной битвы. Окровавленный и оборванный Хуги бросил руку тролля в огонь, медленно опустился на землю и замер.

Алианора бросилась к нему.

— Он тяжело ранен! — крикнула она. Ее голос был едва слышен за ревом огня. Дым и жар мутили сознание. — Хуги! — кричала она. — Хуги!

— Надо быстрее выбираться отсюда, пока все это не стало сплошным адским пеклом! — прокричал Карау прямо в ухо Хольгеру. — Смотри, дым уходит в этот туннель! Там должен быть выход! Пусть Алианора несет карлика, а ты поможешь мне справиться с моей взбесившейся кобылой!

Общими усилиями им удалось успокоить насмерть перепуганное животное. Потом они из последних сил бежали по коридору, где каждый вдох сопровождался кашлем и болью в груди. Но в конце концов они оказались на поверхности.

Глава 23

«Мы выбрались», — тупо бормотал про себя Хольгер. Сколько времени они провели под землей? Луна уже катилась по небосклону на запад.

Небо немного очистилось. Ветер разогнал тучи и теперь зло метался по плоскогорью, поросшему жесткой травой, гнул к земле голые кусты и трепал кривые ветви низкорослых деревьев. Потусторонний свет луны и колючие искры звезд. Серый, как пепел, пейзаж.

Совсем рядом плоскогорье обрывалось в бездонную пропасть, налитую чернотой. Вдалеке на севере мерещились снежные вершины — или только мерещились? Холод пронизывал до костей.

Прихрамывая, подошел Карау. Взглянув на него, Хольгер подумал, что и сам выглядит, конечно, не лучше: оборванный, испачканный кровью, черный от дыма, с погнутым шлемом на голове и закопченным мечом в руке. В свете луны сарацин казался призраком. Но тут луна нырнула в тучу, и упала тьма.

— Все живы? — прохрипел Хольгер. Шелестела трава. Карау тихо ответил:

— Боюсь, что для Хуги эта переделка кончилась плохо.

— Ну уж нет! — раздался голос, в котором звучали знакомые басовитые нотки. — Я сколько получил, столько и заплатил.

Луна опять вынырнула из-за туч. Хольгер опустился на колени рядом с Алианорой, склонившейся над лесовиком. Из его левого бока сочилась кровь.

— Хуги, — прошептала Алианора, — ты не можешь умереть. Я не верю.

— Не огорчайся, дева, — пробормотал гном. — Этот рыцарь за меня расквитается.

В нереальном свете луны лицо карлика казалось вырезанным из старого темного дерева. Ветер лохматил его бороду. На губах пузырилась кровь.

Хуги поднял голову и погладил Алианору по рукe.

— Ну-ну, не хнычь, — выдохнул он. — Пусть плачут женщины моей расы, у них для этого больше причин. Но тебя я любил... — Он судорожно вздохнул. — Дал бы я тебе пару добрых советов, да поздно... В моей голове слишком сильный шум стоит...

Его голова поникла. Хольгер снял шлем.

— Аве, Мария... — начал он. Здесь, под пронзительным горным ветром, он не мог сделать для карлика большего. И он просил в молитве о милости и покое для души гнома, и закрыл ему глаза, и начертал над ним знак креста.

Потом вместе с Карау они выкопали мечами неглубокую могилу. Уложили в нее тело, и засыпали землей, и воздвигли пирамиду из камней. На верхушке надгробия Хольгер укрепил рукояткой вверх кинжал Хуги. Где-то поодаль завыли волки. Теперь они не смогут разрыть могилу.

Потом они перевязали раны друг другу.

— Мы понесли тяжелые потери, — подытожил Карау. От его привычной веселости не осталось и следа. — Мы потеряли друга, а также коня и мула с пожитками. Наши мечи зазубрены, а доспехи разбиты. Кроме того, Алианора не может взлететь, пока ее крыло... ее рука не заживет.

Хольгер смотрел на серый, угрюмый ландшафт. Ветер дул ему прямо в лицо.

— Это был мой обет, — сказал он. — И только я виноват в том, что принес вам столько страданий.

Сарацин ответил ему дружелюбным взглядом.

— Думаю, это был обет всех людей чести, — сказал он после минутного молчания.

— Я должен сказать тебе, сэр Карау. Борьба наша — борьба против самой королевы фей Морганы. Она уже знает, что мы здесь. И, я уверен, уже призвала на помощь те силы Срединного Мира, против которых нам просто не устоять.

— Что ж, — ответил Карау. — Те, из Срединного Мира, умеют путешествовать быстро. Поэтому нам лучше не задерживаться. Только что нас там ждет, в церкви святого Гриммина?

— Там конец моим поискам... кажется... и конец всем опасностям. Но, может быть, и нет...

Хольгер был готов объяснить Карау все до конца, но тот уже шел к своей лошади. Нельзя было терять ни секунды.

Алианора села на Папиллона позади Хольгера и крепко обвила руками его талию. Когда они трогались, она оглянулась и помахала рукой тому, кто остался здесь навсегда.

Папиллон устал. Что было говорить о белой кобыле? Но они несли всадников, подковы звякали по камням, с сухим шепотом расступались травы. Луна, как прожектор, била в глаза Хольгеру.

Через какое-то время Алианора спросила:

— Скажи мне, там, у прохода, на нас напали случайно?

— Нет, — он взглянул на Карау. Тот, казалось, дремал в седле. — Сначала пришла Моргана. И после нашего с ней разговора прислала туземцев.

— После разговора? И что она говорила? О чем?

— Так, ничего особенного... Она хотела, чтобы я сдался.

— Я уверена, что не только этого. Когда-то она была твоей возлюбленной, правда?

— Да, — равнодушно ответил Хольгер.

— Она могла одарить тебя всем на свете.

— Я сказал ей, что хочу быть с тобой.

— О мой любимый! — шепнула она. — Я... Я... — Она всхлипнула.

— Что случилось? — спросил он.

— Ах, я сама не знаю. Я не имею права быть счастливой сейчас, после этого... но что я могу поделать?.. — она вытерла слезы рукой.

— Но... — Хольгер запнулся. — Мне показалось, что ты и Карау...

— Ну что ты! Он очень милый, конечно. Но неужели ты мог подумать, мог поверить, что у меня в мыслях могло быть что-то другое, кроме одного — отвлечь его от твоей тайны? Но я рада, что смогла выдавить из тебя капельку ревности. Какая дура может променять тебя на кого-то другого?

Хольгер неотрывно глядел на Полярную звезду. Алианора глубоко вздохнула и обняла его за шею.

— Мы никогда не договаривались об этом, — сказала она твердо. — Но знай, если я когда-нибудь увижу, что ты ухаживаешь за дамой, рыцарь, тебе не поздоровится. Разумеется, если этой дамой буду не я.

Хольгер резко натянул поводья.

— Карау! — крикнул он. — Проснись!

— Что такое? — сарацин схватился за рукоять меча.

— Наши лошади, — ляпнул Хольгер совсем не то, что было у него на уме. — Они еле волочат ноги. Если мы дадим им часок отдохнуть, то потом сможем ехать много быстрее.

Сарацин подумал и ответил:

— Не знаю. Если нам на хвост сядет погоня, наши кони еще покажут себя. Но, с другой стороны... — он пожал плечами. — Пусть будет по-твоему.

Они спешились. Алианора обняла Хольгера за талию. Хольгер подарил сарацину улыбку, стараясь, чтобы она не показалась слишком самодовольной. Карау изумленно поднял брови, а потом широко улыбнулся в ответ.

— Желаю тебе успеха, дружище, — сказал он. Потом вытянулся на траве и, подложив руки под голову, стал насвистывать какой-то мотивчик.

Хольгер и Алианора взялись за руки и побрели прочь. Боли и усталости как не бывало. Он слышал, как бьется сердце — не неистово и напряженно, а ровно и сильно, разгоняя кровь по всему телу. Они остановились и замерли, глядя друг другу в глаза.

Вокруг лежала каменная пустыня. Яркий свет луны и черные тени в камнях. Тучи со светлыми краями на небе. Россыпи звезд. Несмолкаемый плач ветра. Но он видел только Алианору — ее серебряный силуэт на фоне мировой ночи. Капли росы сверкали в ее волосах. Луны мерцали в зрачках...

— У нас может больше никогда не оказаться случая для разговора, — тихо сказала она.

— Да, может, — ответил он.

— Поэтому я скажу тебе: я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

— Мой любимый... — она шагнула к нему, и он крепко прижал ее к груди.

— Каким я был глупцом. Сам не знал, чего хочу. Я думал, что, когда все это кончится, я смогу уйти и покинуть тебя. Глупец... прости...

Она подарила его прощение — губами, руками, глазами.

— Если нам удастся выкарабкаться, — продолжал он, — мы уже не расстанемся. Мое место здесь. Рядом с тобой.

По ее щекам текли слезы, а в смехе журчало счастье.

— Не говори, не говори ничего...

И вновь поцелуй — как вознесение... Крик сарацина оттолкнул их друг от друга. Его голос, порванный ветром, был едва слышен, но они различили:

— Сюда! Скорей! Охотники приближаются!..

Глава 24

Где-то вдали трубили рога. В их зловещем пении слышался голос ветра и моря, и биение огромных крыльев, и клекот орлов, и карканье воронов. Хольгер знал: это идут Дикие охотники, и зверь, которого они травят, — он сам.

Он взвился на Папиллона, на скаку подхватил Алианору и посадил позади себя. Карау уже умчался вперед. Белый конь и белый всадник летели в лунном свете, как бесплотные призраки. Звенели подковы. Они пригнулись к седлам. Скачка обещала быть долгой.

Луна мчалась по небу следом за ними. Камни стреляли из-под копыт, и сухие ветки трещали, как в пламени. Хольгер сросся с конем, и ритм мощных мышц Папиллона был его ритмом. Он слился с девушкой, обнимающей его за талию, и память лебедя, уже летевшего здесь однажды, была его памятью. Звенело железо, скрипела кожа, ветер шумел в ушах.

Звезды текли по небу. Лебедь короной стоял в центре неба. Млечный Путь клубился, как дым. Большая Медведица гналась за Полярной звездой. Холодные звезды. На севере острым клинком пронзал небо пик, облитый лунным сиянием.

Галоп! Галоп! Пение рогов очень быстро приближалось — и стонало, и плакало. Никогда еще Хольгер не слыхал такой скорби в звуке рога, в который дули те, кто был проклят.

Сквозь свист ветра слышал он топот копыт и лай бессмертных псов. Еще ниже пригнулся он в седле. Тело качалось в ритме скачки.

Быстрей, быстрей! По серой, как пепел, равнине, под тающими облаками и падающей луной — галоп, галоп! Скорбь охотников лилась ему в сердце. Он тряхнул головой и напряг зрение, пытаясь различить желанную цель. Но перед ним была только пустыня, а за ней — ледяная гора.

Карау стал отставать. Его кобыла споткнулась, но он не дал ей упасть и пришпорил ее. Хольгеру казалось, что топот адской своры уже за спиной. Он услышал протяжный неистовый вой.

Он оглянулся, но летящие по ветру волосы Алианоры не дали ему ничего рассмотреть. Ему послышался звон металла. Или это гремят подковы? Или это грохочут кости скелетов?

— Быстрей, быстрей, лучший из коней! Мчись, друг, мчись так, как до сих пор не мчался ни один конь, потому что вместе с тобой преследуют всех людей! Быстрей, родной, потому что это гонки со временем, потому что это состязание с ордами Хаоса! Пусть Бог поможет тебе и даст тебе силы для бега!

Череп трещал от рева рогов. Стук копыт, и лай, и грохот костей настигали его. Папиллон дрожал. Алианора из последних сил цеплялась за него слабеющими руками. Но они мчались, мчались, мчались...

Что за шпиль вырос перед ним — острая игла на фоне звездного неба? Церковь Святого Гриммина! Дикие охотники с воем рванулись вперед. Забили огромные крылья, в глазах потемнело...

Великий Боже, даруй мне, недостойному, милость и прощение!

Стена выросла на пути. Папиллон подобрался и прыгнул.

Жеребец приземлился, и сильный толчок едва не выбросил всадников из седла. Карау мчался следом, но белая кобыла испугалась стены и остановилась, встав на дыбы и пронзительно заржав. Ее всадник, не раздумывая, скатился с нее, ухватился за край стены и одним прыжком перемахнул на другую сторону. Хольгер услышал предсмертный крик кобылы — короткий и страшный, а затем ее голос захлебнулся и смолк. Они стояли на церковном дворе. И вдруг все утихло. Даже ветер. Тишина ударила в уши, как крик.

Рука Алианоры покоилась в руке Хольгера. Он огляделся.

Мраморные надгробия, заросшие кустарником, кольцом окружали полуразрушенную глыбу церкви. Между могилами под неверным лунным светом стелился туман. Тянуло сыростью и запахом тления.

Чьи-то слабые неровные шаги нарушили тишину. Шаги коня — старого и хромого, тихо бредущего между кладбищенскими плитами. Шаги приближались: конь искал его, Хольгера. Язык прилип у него к гортани от страха: это брел к нему Адский аргамак. Всякий, кто увидит его, — умрет.

От него нельзя было ускакать на Папиллоне: надгробия торчали из черной земли, как зубы в акульей пасти. Карау взял повод и осторожно повел Папиллона между ними. Шаги старого хромого коня стали намного громче — неуверенные и нетвердые, они упорно преследовали их.

Чем ближе они подходили к церкви, тем, казалось, плотнее становился туман. Он словно хотел спрятать храм от нежданных гостей. Колокольня давно рухнула, в крыше зияли дыры, пустые глазницы окон враждебно взирали на них.

Копыта Адского аргамака цокали по гравию совсем рядом. Но они были уже у входа. Датчанин спешился и снял с седла Алианору. Взяв ее на руки, он взошел на полуразрушенное крыльцо.

— Пойдем с нами, — сказал Карау Папиллону и ввел его в храм.

Они вошли и остановились. Луна посылала свой последний луч на алтарь. Высоко над алтарем висело распятие. Лик Христа в терновой звездной короне... Хольгер опустился на колени. Карау и Алианора последовали его примеру.

И они услышали, что Адский аргамак удаляется. И когда его неровные шаги утихли вдалеке, подул легкий ветер и развеял туман. «Нет, церковь нельзя разрушить, — подумал Хольгер. — Ее крыша — небо, а ее стены — свет. И она всегда стоит в центре мира».

Они поднялись с колен. Хольгер обнял Алианору. Он нашел то, что искал, но ему было больно и тяжко. Он смотрел в ее глаза и падал в них, как в бездонную пропасть... как в небо...

Мягкий голос Карау вернул его на землю.

— Так что же на самом деле ты хотел здесь найти?

Он ответил не сразу. Приблизившись к алтарю, он увидел под ногами большую каменную плиту с железным кольцом.

— Это, — сказал он.

Он вытащил свой, уже ни на что не годный меч и продел его в кольцо, как рычаг. Плита была чудовищно тяжела. Клинок выгнулся и готов был сломаться.

— Помоги мне, — попросил Хольгер. Сарацин сунул свой меч в образовавшуюся щель.

В тот же момент клинок Хольгера не выдержал и с треском сломался. Общими усилиями они приподняли плиту и перевернули ее. С глухим стуком плита рухнула и раскололась на три куска. Алианора схватила Хольгера за руку.

— Что это? — воскликнула она. Он поднял голову и услышал тяжелый рокот: шагали армии, трубили трубы, бряцало оружие.

— Это орды Хаоса двинулись на людей, — ответил он. Он взглянул вниз, в открытый тайник. Бледный свет играл на лезвии огромного меча, ожидающего своего часа.

— Нам нечего бояться теперь, — сказал он. — Теперь им не сносить головы. А когда падут демоны, которых варвары чтут за богов, их армии отступят и рассеются.

— Скажи, кто ты? — прошептала Алианора.

— Еще не знаю, — сказал он. — Но скоро буду знать.

Он медлил. В нем оживала Великая Мощь, но Меч, который ждал его, требовал Великого Духа и Великой Надежды. И ему не хватало смелости взяться за тяжелую рукоять.

Он поднял лицо к Тому, кто был распят на кресте. Потом опустился на колени, а когда поднялся, то уже держал Меч.

— Это Кортана, — одними губами сказал Карау. Хольгер чувствовал, как перерождается, переплавляется в тигле Небесного Огня все его существо. Память возвращалась к нему, и знание воскресало в нем.

Его друзья стояли рядом. Алианора прижималась к его плечу. Карау касался его руки. Папиллон шумно вздохнул у щеки.

— Что бы ни случилось со мной, друзья мои, вы должны жить, а любовь моя будет с вами всегда.

— Я нашел тебя, — сказал Карау. — Я нашел тебя, Ожье.

— Я люблю тебя, Хольгер, — сказала Алианора.

Ожье Датчанин, Хольгер Датский, которого старые хроники называют именем Ожье де Данэ, вскочил в седло. Датский герцог, которого еще в колыбели благосклонные к людям маги одарили силой, любовью и счастьем. Тот, кто был рядом с Великим Карлом и верой и правдой служил Христу и людям. Тот, кто одолел когда-то в бою короля Мавритании Карау, а потом стал его другом и странствовал с ним долгие годы плечом к плечу. Тот, кого любила королева фей и кого, когда он состарился, забрала она на Авалон, чтобы вернуть ему молодость. Сотни долгих лет он провел с ней там, пока язычники не посягнули на его любимую Францию, и он вернулся, чтобы разгромить их. Тот, кто в час своего триумфа был похищен из мира и перенесен в неизвестность.

Одни говорили, что он вновь удалился на Авалон, где не имеет власти время, и ждет только своего часа, когда Франция окажется в опасности. Другие — что спит он под замком Кронборг и проснется, когда будет нужен Дании. Но никто и подумать не мог, что был он всего лишь человеком Земли с совершенно земными страстями и слабостями. Для всех он был только Защитником.

Он вышел из церкви на простор плоскогорья. И вместе с ним вышел в поход весь мир.

ЭПИЛОГ

Сразу после окончания войны я получил письмо от Хольгера Карлсена, из которого узнал обо всем, что ему пришлось пережить во время войны. Потом до того время я не имел от него никаких известий, до того самого дня, когда он вдруг два года назад появился в моем бюро.

Он сильно изменился, стал гораздо мужественнее и выглядел много старше. Впрочем, меня это не удивило: ведь он сражался в подполье. Он сообщил, что снова нашел работу в Америке.

— Работа так себе, — сказал он. — Просто чтобы заработать на жизнь. Главное для меня сейчас — старинные книги. Я уже нашел несколько интересных для меня фолиантов в Лондоне, Париже и Риме, но этого пока недостаточно.

— Это что-то новенькое! — удивился я. — Ты стал библиофилом?

Он усмехнулся:

— Не совсем. При случае расскажу тебе поподробнее.

И, сменив тему, он стал расспрашивать меня о наших общих знакомых. Жизнь в Лондоне заметно исправила его акцент.

Случай представился довольно скоро. Думаю, он просто давно нуждался в ком-нибудь, кто готов был его доброжелательно выслушать. Он обратился в католическую веру (принимая во внимание его прежние отношения с церковью, я считаю этот факт веским доказательством достоверности его повествования), но исповедальня — не лучшее место для откровений такого рода.

— Хочешь верь, хочешь не верь, — сказал он в один прекрасный день, когда мы у меня дома коротали время за пивом и бутербродами, — но выслушай меня до конца, ладно?

Я кивнул. Он стал говорить и закончил свой рассказ только под утро. Я подошел к окну. Улицы были пустынны, фонари едва тлели, на небе виднелось несколько звезд. Он налил себе пива и долго смотрел на стакан. Потом молча выпил.

— А как тебе удалось вернуться? — спросил я тихо. Он посмотрел на меня, как лунатик.

— Как во сне... Меня что-то выбросило из того мира, и я оказался в этом. Я скакал на Папиллоне, сломив сопротивление орд Хаоса и гоня их прочь. И вдруг увидел себя на пляже, в другом мире и в другое время. При этом я был совершенно наг. Мои рыцарские одежды остались в том мире, но прежние, из которых меня вытряхнуло в первый раз, лежали рядом. Меня немного поцарапало, но совсем немного. Я лежал за тем же камнем. И вдруг мои движения приобрели невероятную быстроту и ловкость. Человеческое тело не может вырабатывать столько энергии. Врачи, правда, утверждают, что может — в условиях стресса. Какие-то адреналиновые фокусы. Во всяком случае, я вскочил и ворвался в толпу немцев прежде, чем они успели опомниться, вырвал у одного из них карабин и стал орудовать им, как дубиной. И вскоре все было кончено, — он поморщился, видимо, вновь переживая эту варварскую сцену, но тут же опять заговорил: — Эти два мира — а может быть,

есть и еще — в сущности, одно целое. Или вообще один раздвоенный мир. В обоих велась одинаковая война. Здесь — с наци, там — со Срединным Миром, но и там, и здесь это была война Порядка с Хаосом — древней и ужасной силой, стремящейся уничтожить человека и его творения. Я оказался нужен одновременно в обоих мирах и одновременно Франции и Дании. Поэтому Ожье и появился в обоих: так было предначертано. Здесь, в этом мире, его действия не были, конечно, столь колоритны: какой-то пляж и какой-то человек в лодке. Но бегство этого человека имело решающее значение. В свете того, что он потом совершил, легко догадаться, почему. В том мире я пробыл... несколько недель. А сюда вернулся в ту самую секунду, из которой был взят. Забавная штука — время.

— А что же было потом? — спросил я.

Он усмехнулся:

— Потом я изрядно помучился, пытаясь объяснить товарищам, зачем разделся. К счастью, тогда было не до разговоров. А потом я был только Хольгером Карлсеном. И просто жил. — Он пожал плечами. — Я разогнал силы Хаоса там. Потом закончил свое дело здесь. Кризис в обоих мирах миновал, задание было выполнено и равновесие восстановлено... И силы, которые бросили меня через пространство и время, уснули. И вот я живу здесь. — Он устало вздохнул. — Я знаю, что ты сейчас думаешь. У Хольгера сдвиг по фазе. У Хольгера галлюцинации, нервное истощение и так далее. Не буду спорить. Спасибо и на том, что меня ты выслушал.

— Я не знаю, что и подумать, — ответил я. — Но скажи, зачем тебе книги?

— Не просто книги. Трактаты по магии. Моргана выслала меня в этот мир, так? — его кулак вдруг с силой опустился на крышку стола. — И я найду способ, чтобы вернуться!

С тех пор я не видел его и не имел от него никаких вестей. Быть может, ему удалось перенестись в мир, о котором он говорил — если он говорил правду. Я искренне надеюсь, что ему это удалось.

Но сейчас, похоже, над миром собирается новая буря. И, может статься, скоро придет время, когда нам снова понадобится Ожье Датчанин.

Ли Брэкетт

ШПАГА РИАНОНА

Глава 1
Дверь в бесконечность

Мэтт Карс знал, что за ним следят с того момента, как он покинул заведение мадам Кан. Смех маленьких смуглых девушек еще звенел в его ушах, и винные пары тила, туманя взор, мешали ему сосредоточиться. Но все же они не помешали ему услышать в этой холодной марсианской ночи тихий шорох сандалий, совсем близко. Карс осторожно и незаметно вытащил из кобуры протоновый пистолет. Он решил не отрываться от преследователя, не узнав сначала, чего тот хочет от него, и шел, не замедляя и не ускоряя шага.

«Старый город, — подумал он. — Вот лучшее место, где можно взять его за горло. Здесь слишком много людей».

Джеккара не спала, несмотря на то, что стояла глубокая ночь. Города Нижних Каналов никогда не спят, потому что они — вне закона и для них не существует времени. В Джеккаре, Валкисе и Барракеше ночь — это просто темный день.

Карс шел мимо спокойных темных вод старинного канала, который был проложен в русле давно высохшего и умершего моря. Он видел, как сухой ветер колеблет пламя факелов, горящих днем и ночью, и слушал негромкую музыку арф, которая никогда не смолкала. Маленькие худощавые мужчины и женщины проходили мимо и исчезали в темноте узких улиц, тихие и гибкие, как кошки, и только мелодичный звон колокольчиков и цепочек, которые носили женщины, звук, почти такой же неслышный, как легкий шум дождя, нарушал тишину этого странного и недоброго мира.

Они не обращали на Карса никакого внимания, хотя он был землянином, несмотря на то, что носил марсианскую одежду. Жизнь землянина значила здесь не больше, чем задутая свеча в Нижних Каналах, однако он не испытывал страха. Карс был од-

---

Leigh Brackett. The Sword of Rhiannon. 1955
Перевод Е.Хацкой, А.Вейцкина.

ним из них. Люди Джеккары, Валкиса и Барракеша — аристократы воровской среды, но они умеют уважать знания и силу и ценить рыцарский дух. Это в полной мере относилось и к Мэтью Карсу, бывшему сотруднику Межпланетного общества археологов, бывшему ассистенту фирмы «Марсианские редкости» в городе Каора, который жил на Марсе тридцать лет из тридцати пяти своей жизни. Он был допущен в более чем закрытый круг общества воров и принес нерушимую клятву верности и дружбы.

И сейчас на улице Джеккары кто-то из его «друзей» осторожно и настойчиво следовал за ним. Внезапно у него мелькнула мысль, что земная полиция послала своего агента проследить за ним, но он тут же отмел ее. Агентам любой полиции здесь нечего делать. Нет, это был кто-то из жителей Нижних Каналов, и действовал он на свой страх и риск.

Карс миновал канал и теперь поднимался по холму, ведущему в сторону от Джеккары. Холм был старым, и его каменистые склоны выветрены, разрушенные немилосердным временем. В этом месте находился Старый город, древний бастион Морских Королей Джеккары, чья былая слава потухла, когда отсюда ушло море. Новый город Джеккары — город у Канала — был старым уже в то время, когда Ур в Месопотамии был маленьким поселком. Старая Джеккара, с ее большими каменными стенами, огромными доками и мраморными колоннами, все еще стоявшими на пересохшем и пыльном дне бывшего залива, была древней настолько, что сама Вечность отступала перед ней. Даже Карс, который знал о Марсе больше, чем любой землянин, был заворожен ею. Он выбрал этот путь потому, что дорога здесь была тихой и безлюдной и можно было поговорить с неизвестным без свидетелей.

Пустые дома смотрели в темноту разрушенными проемами окон. Время и ветер сгладили углы домов и разорили внутренние помещения, превратив Старый город в пустыню. Над мертвым городом метались тени от двух маленьких низких лун. Землянин в своем темном плаще без всяких усилий растворился в темноте. Притаившись в тени стен, он прислушался к осторожным шагам человека, следовавшего за ним. Шаги стали громче, быстрее, затем затихли и снова сделались громче. Они были слышны совсем близко, затем звук шагов исчез, и в это время Карс внезапно выскочил в тишину улицы из своего укрытия, словно затаившийся барс, и щуплое, обезумевшее от страха тело скорчилось в его железных руках. Карс вдавил в бок незнакомца дуло своего протонового пистолета.

— Нет! — выкрикнул тот. — Не надо! Я безоружен. Я не причиню тебе никакого вреда. Я только хочу поговорить с тобой.

Но даже сквозь страх в его голосе проскользнула нотка хитрости.

— У меня есть подарок для тебя...

Карс убедился, что незнакомец действительно безоружен, и только тогда слегка ослабил свою железную хватку. Теперь он мог хорошенько рассмотреть марсианина.

В очень ясном лунном свете он увидел крысиное лицо мелкого воришки (и не очень удачливого, судя по поношенному платью и бедно украшенному поясу). Норы и дыры Нижних Каналов порождали таких людей во множестве, и они были сродни ползучим тварям, что убивают исподтишка.

Карс не опустил оружия.

— Говори, — сказал он. — Я слушаю тебя.

— Меня зовут Пинкар из Джеккары, — сказал марсианин. — Возможно, ты слышал обо мне.

Произнося свое имя, он надулся и гордо вытянул шею, как петух.

— Нет, — сказал Карс, — не слышал.

Его тон был оскорбителен, словно пощечина. Пинкар ухмыльнулся.

— Неважно. Зато я слышал о тебе, Карс. Как я уже сказал, у меня есть для тебя подарок.

— Нечто настолько редкое и ценное, что ты крался за мной в темноте, чтоб только сообщить мне об этом? — Карс улыбнулся, чтобы скрыть возбуждение. — Ну и что это такое?

— Пойдем, и я покажу тебе.

— Где это?

— Спрятано. Надежно спрятано в развалинах.

Карс покачал головой.

— Что-то настолько редкое и ценное, что даже не может появиться на воровском рынке? Ты заинтриговал меня, Пинкар. Ну что ж, пойдем и взглянем на твой... «подарок».

Пинкар улыбнулся, обнажив свои острые зубы, и двинулся по направлению к руинам дворца. Карс шел следом. Он шел спокойно, но пистолет держал наготове, на случай внезапного нападения. Ему было любопытно, какую же цену заломит Пинкар за свой «подарок».

Поднимаясь по крутому холму к развалинам и осторожно взбираясь по осыпям, Карс подумал, что он направляется в

глубокое прошлое. На ступенях у самого подножия все еще были видны следы морских волн.

Его стало знобить от тревоги, от необычного чувства, охватившего все его существо. Он вдруг представил себе могучие доки — приют больших кораблей, море, бившееся когда-то о стены гавани. В таинственном лунном свете это можно было увидеть почти наяву...

— Здесь, — сказал Пинкар. Карс прошел за ним в темную обвалившуюся галерею. Он зажег на поясе маленькую лампу, которая прорезала темноту крошечной полоской света. Пинкар прополз вперед по щебню. Наконец он засунул руку в щель и вытащил что-то длинное и тонкое, завернутое в грубый холст. Со странной медлительностью, почти со страхом, начал разворачивать его. Карс вдруг понял, что перестал дышать, глядя, как темные руки марсианина медленно раскрывают сверток. Что-то не совсем обычное было в поведении Пинкара, и это чувство передалось и ему. Криптоновая лампа осветила предмет, и вдруг он ожил и заискрился чистым светом металла.

Карс подался вперед. Глаза Пинкара, желтые волчьи глаза, взглянули на Карса, натолкнулись на его острый взгляд и ушли в сторону. Он сдернул последний покров. Карс не шевельнулся. *Это* лежало перед ними, сверкая и играя в искусственных лучах светильника. Карс и Пинкар смотрели и не дышали, переполненные огромным, сильным чувством. Красный свет лампы бросал на их лица розовые тени. Глаза Мэтью Карса были глазами человека, увидевшего чудо. Ему потребовалось довольно много времени для того, чтобы прийти в себя.

Великолепное и смертоносное оружие лежало перед ним. Идеальная длина и рассчитанный баланс свидетельствовали о том, что это оружие создавали руки мастера. Черная рукоять и мощный эфес были предназначены для сильной руки. Одинокий, подернутый дымкой драгоценный камень, казалось, наблюдал за ними из глубины веков... И наконец, имя, выгравированное в старинных, едва поддающихся прочтению символах.

Карс заговорил, и голос его был не громче шепота:

— Шпага Рианона!

Пинкар затаил дыхание и выдохнул:

— Я нашел ее. Я нашел ее.

— Где? — спросил Карс.

— Это не имеет значения. Я нашел ее. И она твоя... за небольшую цену, — сказал Пинкар.

— Небольшая цена, — улыбнулся Карс. — Небольшая цена за шпагу бога.

— Злой бог, — пробормотал Пинкар. — В течение миллиона лет Марс называл его Проклятым.

— Я знаю, — кивнул Карс. — Рианон Проклятый, падший бог, мятежник среди богов. Давным-давно, много лет назад. Да, я знаю эту легенду. Легенду о том, как старые боги схватили Рианона и заточили его в гробницу.

Пинкар поглядел в сторону. Он ответил:

— Я ничего не знаю о гробнице.

— Ты лжешь, — мягко сказал Карс. — Ты нашел гробницу Рианона, иначе откуда у тебя его шпага... Каким-то образом ты нашел ключ к древнейшей тайне Марса. Даже камни из этой гробницы на вес золота для людей, которые понимают в этом толк.

— Я не знаю никакой гробницы, — упрямо настаивал Пинкар. — Но сама шпага — целое состояние. Я не осмелюсь продать ее — мои братья из Джеккары утащат ее у меня из-под носа, как шакалы, если только увидят ее. Но ты, Карс, — ты сможешь.

Маленький вор дрожал от жадности.

— Ты сможешь переправить шпагу контрабандой в Каору и получить за нее бешеные деньги.

— Я так и сделаю, — сказал Карс. — Но прежде всего ты покажешь мне гробницу.

Пинкар вытер вспотевшее лицо. После долгого молчания он прошептал:

— Оставь себе шпагу, Карс. Этого довольно.

Карс вдруг понял, что в сомнениях Пинкара была немалая доля жадности и, пожалуй, не меньшая доля страха, и это был не привычный воровской страх, обыкновенный для Джеккары, тут было нечто большее, что перевешивало даже жадность.

Карс выругался.

— Ты что, испугался Проклятого? Боишься старой сказки, окутавшей память короля, который был привидением на протяжении миллиона лет?

Он засмеялся и выхватил шпагу, блеснувшую в свете лампы.

— Не бойся, малыш. Я смогу защитить тебя от привидений. Подумай лучше о деньгах. У тебя будут собственный дворец и сотня рабов, которые выполнят любое твое приказание.

Он взглянул на Пинкара. Того по-прежнему терзали страх и жадность.

— Я видел что-то в гробнице, Карс. И оно испугало меня. Я не знаю, что это было.

Но жадность победила. Пинкар облизал сухие губы.

— В конце концов, это, возможно, только легенда. А там столько сокровищ, что даже половина из них может сделать тебя богачом.

— Половина? — повторил Карс. — Ты ошибаешься, Пинкар. Твоя доля — только одна треть.

Лицо Пинкара исказилось от злобы, он даже подскочил с криком:

— Но это ведь я нашел гробницу! Это моя находка!

Карс пожал плечами.

— Если тебе не по душе мое предложение, держи свой секрет при себе. Держи его при себе — пока твои братья из Джеккары не вырвут его из твоей глотки горячими щипцами после того, как я скажу им, что ты нашел.

— Ты сделаешь это? Ты им все расскажешь, и меня убьют?

Маленький вор, едва различимый в мерцании лампы, в бессильной злобе смотрел на Карса, стоявшего со шпагой в руках. Плащ земянина спадал с обнаженных плеч, его воротник и пояс сверкали драгоценными камнями.

В голосе Карса не было и нотки мягкости или сострадания. Пустыни и горячее солнце Марса, холод и жара, голод и лишения не оставили в этом человеке ничего, кроме костей и железных мышц.

Пинкар вздрогнул.

— Хорошо, Карс, я проведу тебя туда за одну треть находки.

Карс улыбнулся и кивнул.

— Я знал, что ты согласишься.

Двумя часами позднее они добрались до высоких холмов, расположенных позади Джеккары, за мертвым морем. Был поздний час — час, который Карс очень любил, потому что, казалось, в этот момент Марс почти прекрасен. Марс напоминал ему старого воина, завернувшегося в черный плащ, со сломанным мечом в руках, который вспомнил вновь звуки боевых труб, и смех, и былую силу. Пыль старых холмов шелестела под вечным ветром с Фобоса, звезды мерцали холодным светом. Огни Джеккары и громадная черная пустота бесконечного высохшего моря лежали где-то далеко внизу.

Пинкар показывал путь через опасные обрывы и щели, прорезавшие склоны холмов.

— Вот так я и нашел это место, — сказал Пинкар. — Моя лошадь сломала ногу в одной из ям, а потом я увидел, что щель ведет в какую-то пещеру. Она была вырублена прямо в скале на краю холма. Вход был забит песком, но я отыскал его. — Он повернулся и с обидой посмотрел на Карса. Я нашел это место, — повторил он, — и я все еще не понимаю, почему я должен отдать тебе львиную долю.

— Потому что я лев, — весело ответил Карс. Он взмахнул несколько раз шпагой, любуясь игрой света на клинке. Его сердце билось от восторга, и это был восторг археолога и вора одновременно. Он лучше, чем Пинкар, понимал важность находки. Марсианская история настолько длинна, что ее корни уходят в глубь времен, откуда только смутные легенды дошли до наших дней — легенды о человеческих и получеловеческих расах, о забытых войнах, об исчезнувших богах. Самыми великими из них были Куру, герои-боги, они были гуманоидами, однако стояли намного выше людей и обладали великой мудростью и великой силой. Но был и мятежник среди них — темный Рианон, Рианон Проклятый, чья грешная гордыня ввергла его в какую-то загадочную катастрофу. За этот грех Куру, как гласила легенда, схватили Рианона и заперли его в надежно спрятанной от глаз гробнице. И миллион лет люди пытались найти эту гробницу, потому что они искали секреты могущества Рианона.

Карс знал археологию слишком хорошо, для того чтобы поверить в древние предания, но он был также уверен, что гробница, давшая начало всем этим мифам, существовала. Как, впрочем, и в том, что реликвии и драгоценности из этой гробницы сделают его, Карса, богатейшим человеком в трех мирах — если он останется жив, конечно.

— Сюда, — неожиданно произнес Пинкар. В течение долгого времени он ехал на своей лошади молча, не говоря ни слова. Они добрались до самых высоких холмов. Карс осторожно вел свою лошадь по узкой тропинке, петлявшей вокруг холма.

Пинкар слез на землю и откатил большой камень, закрывавший вход в пещеру. Вход был так узок, что едва позволял протиснуться одному человеку.

— Ты первый, — сказал Карс. — И возьми лампу.

С некоторым колебанием Пинкар повиновался, и Карс последовал за ним. Сначала была только полная темнота, в

которой ничего нельзя было различить, кроме полоски света от лампы. Пинкар съежился и теперь походил на испуганного шакала. Карс схватил лампу и высоко поднял ее над головой. Они только что пробрались через узкое отверстие в коридор, который постепенно расширялся, так что они смогли наконец подняться в полный рост. Коридор заканчивался большой квадратной комнатой. У задней стены ее находилось возвышение, нечто вроде алтаря из мрамора, на котором был изображен тот же символ, что и на шпаге, — змея, свернувшаяся кольцом. Круг был разорван, и голова змеи поднята, словно она вглядывалась в Бесконечность.

Голос Пинкара превратился в свистящий шепот:

— Вот место, где я нашел шпагу. В комнате еще много других вещей, но я их не трогал.

Карс уже бросил взгляд на предметы, развешанные по стенам и лежащие на полу. Они сверкали. Он повесил лампу на крючок у пояса и начал рассматривать их. Перед ним была сокровищница! Богато украшенная одежда и обувь, изделия из кости и неизвестных драгоценностей. Тут были странной формы шлемы из незнакомых металлов. Тяжелое, похожее на трон кресло из золота, с ободками из темного металла и большим драгоценным камнем на конце подлокотника. Все эти вещи пришли из глубины веков из отдаленнейших районов Марса.

— Надо спешить, — умоляюще напомнил Пинкар.

Карс улыбнулся своей забывчивости. Ученый на минуту победил в нем грабителя.

— Мы возьмем все, что сможем унести из небольших драгоценностей, — сказал он. — Первая же ходка сделает нас богатыми.

— Да, но ты будешь в два раза богаче, чем я, — кисло сказал Пинкар. — А я ведь мог бы найти землянина в Барракеше, который сделал бы ту же работу за половину доли.

Карс зло рассмеялся.

— Так и надо было поступить. Когда ты просишь знающего человека, то и платить ты должен соответственно.

Он снова вернулся к алтарю. Теперь он заметил, что позади алтаря была маленькая дверь. Он вошел во вторую комнату, и Пинкар, после некоторого колебания, последовал за ним. За дверью был маленький проход и в конце его — еще одна дверь, тяжелая, металлическая. Она не была заперта. Наверху словно предупреждала входящего надпись, сделанная старинными марсианскими иероглифами, и Карс легко ее прочитал:

Наказание Рианону,
посланное ему навеки его братьями Куру,
повелителями пространства и времени!

Карс толкнул дверь и вошел.

Он вошел и замер.

Он оказался в просторной комнате, такой же просторной, что и предыдущая. Но здесь была только одна вещь. Сначала он увидел что-то, похожее на большой пузырь и состоящее из темноты. Большая подвижная сфера темноты, в которой видны были многочисленные искры, звезды, падающие словно из другого мира. И перед этой движущейся темнотой свет его лампы как бы отступал, испуганный. Что-то странное, холодное, невероятное – страх или просто грубая сила — пронзило тело Карса, и он почувствовал, как его волосы встают дыбом и кожа отстает от костей. Он попытался заговорить и не смог, его горло сдавило спазмой и предчувствием неожиданного.

— Это то, о чем я тебе говорил, — прошептал Пинкар, — это то, что я видел.

Карс с трудом слушал его. Догадка, такая невероятная, что ему страшно было даже думать, потрясла Карса. Восторг ученого овладел им, восторг открытия столь ошеломляющего, что оно было сродни безумию. Эта темная сфера — она до удивления похожа на те черные дыры, которые расположены далеко в Галактике и о которых ученые строили невероятные гипотезы, предполагая, что это — окна в другие Вселенные... Невозможно, конечно, и все же...

Карс подошел поближе. Он еще успел услышать шуршание сандалий Пинкара, подкрадывающегося к нему. Карс понял, что было ошибкой показать Пинкару спину, и начал поворачиваться, держа шпагу Рианона в руке. Он ощутил сильнейший толчок, и мир стал исчезать в его глазах,

— Иди и раздели судьбу Рианона, землянин! Я говорил тебе, что могу найти другого напарника!

Крик Пинкара донесся до Карса с большого расстояния, в то время как он продолжал падать в черную бездонную бесконечность.

Глава 2
Чужой мир

Карс падал в бездонную пропасть, это было бесконечное, нескончаемое падение, вне времени, и это был ужас, сковывающий его тело и душу. Он пытался бороться с этим звериным отчаянием, со страхом перед Неведомым. Перед кричащей и бесконечной Пустотой он был бессилен, бессильны были железные мускулы, но внутренне он сопротивлялся, пытаясь мужеством, волей, всеми душевными силами остановить это кошмарное падение в темноту. Но было и еще что-то...

Падая, Карс чувствовал, что он не одинок и что темная пульсирующая сфера где-то рядом, она касается его, пытаясь притронуться своими пальцами к его мозгу. Карс сделал последнюю попытку усилием воли остановить этот ужас.

Падение вдруг прекратилось, и он почувствовал под ногами твердый камень. Он судорожно перекатился на полу и попытался встать. Неожиданно Карс увидел, что сидит в той же комнате в гробнице Рианона.

— Какого дьявола... начал он и осекся. Маленькая лампа все еще горела на его поясе, шпага Рианона была в его руке. Темная сфера все так же мерцала в комнате. Карс понял, что весь кошмар с падением через космос был падением через эту сферу. Что за дьявольский фокус сотворила с ним древняя наука Марса? Что это за сфера? Какая-то странная сила, которой владели загадочные Куру много лет назад, подумал он. Но почему же он чувствовал, что падает сквозь бесконечность? И что это было за странное ощущение, что кто-то касается пальцами его мозга?

— Фокусы старой науки Куру, — пробормотал он. — А Пинкар со своими предрассудками думал, что эта штука меня убьет.

Пинкар? Карс вскочил на ноги, держа шпагу в руке.

— Убью этого маленького негодяя!

Пинкара нигде не было. Но он не мог уйти далеко. Карс улыбался не самым приятным образом. Во второй комнате он вдруг остановился как вкопанный. Он увидел там странные блестящие предметы, которых раньше не было. Откуда они взялись? Находился ли он в сфере дольше, чем предполагал? Может быть, Пинкар нашел эти вещи и притащил сюда? Удивление Карса возрастало по мере того, как он смотрел на многие из тех вещей, которых не видел раньше.

Это были какие-то инструменты, возможно, оружие. Откуда же они появились? Самым крупным из них было хрустальное, размером со столик, колесо с небольшой металлической сферой наверху. Колесо сверкало драгоценными камнями, вырезанными в форме ромбов и треугольников. Были и другие — кристаллические призмы и трубки, предметы, сделанные в форме колец из странного серебристого металла. Возможно ли, что эти вещи относились к старинной марсианской науке? Нет, этого быть не может; Марс в прошлом (и это знали все ученые) был миром лишь с задатками науки, миром мечей и коней, миром морских пиратов, чьи галеры сталкивались в сражениях на давно исчезнувших морях. Или, может быть, они принадлежат Марсу еще более отдаленного времени, наука которого вообще неизвестна?

Но где же Пинкар нашел все это? И почему он не взял эти вещи с собой? Мысль о Пинкаре напомнила ему о том, что с каждой минутой маленький вор уходит все дальше и дальше. Сжимая шпагу, Карс вошел в узкий коридор, ведущий наружу. Он с удивлением заметил, что воздух в гробнице стал непривычно влажным. Капли влаги оседали на стенах, и это было странно. Он никогда не видел влаги в пещерах на Марсе и был поражен увиденным.

Вероятно, подземный канал или источник, вроде тех, которые наполняют каналы Джеккары, подумал он, но ведь их не было раньше...

Он взглянул в сторону коридора. Пыль лежала толстым слоем везде, куда можно было бросить взгляд. Но на ней не было следов! Ощущение нереальности происходящего кольнуло Карса. Необычная для Марса влажность, исчезновение следов — что же случилось в гробнице, пока он находился в темном пузыре?

Он дошел до конца коридора. Вход был закрыт тяжелым булыжником. Карс остановился. «Может быть, тут была каменная дверь, которую я не видел прежде, и Пинкар закрыл ее». Он попытался сдвинуть скалу. Она даже не шевельнулась. В то же время он не заметил никакого замка или двери. Тогда Карс отошел назад и вытащил протоновый пистолет. Атомное пламя плеснуло на камень, и он стал крошиться под выстрелами. Скала была очень большой, Карс держал палец на спусковом крючке несколько минут, прежде чем большой кусок камня, задрожав, развалился на части. Но за пробитым в скале отверстием не было свежего воздуха. Карс увидел красноватую спекшуюся землю.

— Вся гробница Рианона завалена. Ну что ж, Пинкар, вероятно, сделал это для того, чтобы я не выбрался отсюда, — подумал Карс.

Он не очень-то в это верил, но вынуждал себя думать именно так, потому что иначе ему становилось страшно. А то, чего он так боялся, было невыносимо.

Со злостью он нажимал и нажимал на спусковой крючок и стрелял воющим пламенем по стене, пока песок не раскалился и не стал сыпаться на землю. Но потом заряды кончились, и Карс бросился копать песок шпагой. Тяжело дыша, он трудился около получаса. И вот наконец небольшое отверстие в стене. Яркий солнечный свет залил его лицо.

Дневной свет?

Ветер ласково коснулся его щек. Теплый и влажный ветер, какого никогда не бывает в пустынях Марса.

Карс протиснулся в отверстие и взглянул вниз с холма.

Бывают такие мгновения, когда человек теряет всякую способность чувствовать, когда все его существо как бы парализовано. Глаза видят, и уши слышат, но ничего не передают мозгу, и только это спасает его от безумия.

Он наконец попытался засмеяться, но то, что он увидел, вызвало у него сухой всхлип. «Мираж, конечно», — сказал он упрямо. Его мысли метались от отчаяния к страху, и разум предлагал лишь это единственное объяснение. «Это должен быть мираж. Ведь я все еще на Марсе».

Тот же Марс, та же планета, те же высокие холмы, по которым он шел с Пинкаром прошлой ночью. Те ли холмы? Раньше вход в гробницу был расположен на крутом склоне, а теперь он находился почти у подножия. И Карс видел холмы, заросшие деревьями и травой, где-то далеко внизу темный лес и голубую реку, бегущую к самому морю — то, что раньше было иссохшим дном, теперь стало живым, настоящим морем. Застывший взгляд Карса скользнул вдоль морского побережья. И там, вдали, он увидел сверкающие купола великого города, и он знал, что это Джеккара.

Джеккара, сияющая и сильная, раскинувшаяся между высокими зелеными холмами и могучим океаном, океаном, которого Марс не видел больше миллиона лет.

Мэтью Карс знал, что это был не мираж. Он сел и спрятал лицо в ладонях. Его тело сотрясала дрожь, которую он не мог унять, ногти впились в лицо так сильно, что выступила кровь. Он знал теперь, что произошло с ним в этом круговороте чер-

ноты, и ему послышался холодный голос, повторяющий надпись на двери в гробницу: «Куру — повелители Пространства и Времени — времени — *времени!*»

Карс тускло посмотрел на зеленые холмы и молочного цвета океан и сделал отчаянное усилие осознать то, что осознать было невозможно. «Я попал в прошлое Марса. Всю свою жизнь я изучал историю Марса и мечтал о ней. И вот я здесь, в далеком прошлом. Я, Мэтью Карс, — археолог, мятежник и грабитель древних гробниц. Куру создали сферу для своих целей, и я провалился в нее. Время еще окутано тайной для нас, но Куру знали его свойства...»

Карс был ученым. Он обязан был овладеть по меньшей мере знаниями шести наук, чтобы стать планетным археологом. И теперь он судорожно пытался освежить их в своей памяти, чтобы объяснить для себя случившееся. Была ли его первая догадка о сущности черной сферы правильной? Была ли это дыра в континууме Вселенной? Если это было так, то он с трудом мог понять, что же случилось с ним. Пространственно-временной континуум Вселенной ограничен, сужен. Эйнштейн и Риман доказали это много лет назад. И он каким-то образом выпал из этого континуума и снова попал в него — но в пространстве—времени, отличном от земного. Может, это было как раз то, о чем когда-то написал Кауфман? «Прошлое — это Настоящее, которое существует на расстоянии». Он просто провалился в какой-то сектор Настоящего, вот и все. Нет никаких причин для страха.

Но он *был* напуган. Ужас этой перемены, которая забросила его в зеленый и улыбающийся Марс прошлого, сорвал хриплый стон с его пересохших губ. Стоя, как слепой, и опираясь на шпагу, он повернулся к гробнице.

«Я должен вернуться назад тем же путем, как попал сюда, — через дыру в континууме».

И тут же он остановился. Страх холодной рукой сжал его сердце. Он просто не мог, не в силах был решиться на то, чтобы снова войти в эту черноту со звездами и броситься в страшное падение через бесконечность. Нет, он не осмелится это сделать. Он не владеет мудростью Куру. В этом полете через время только счастливый случай выбросил его в прошлое. Он не мог рассчитывать на возвращение точно в свое время.

— Я буду жить здесь, — сказал он. — Я здесь, и здесь будет мое место.

Он повернулся и снова взглянул на невероятный пейзаж. Он стоял неподвижно долго-долго, морские птицы подлетали совсем близко и уносились прочь, тени становились длиннее. Его взгляд снова упал на белые башни Джеккары, на порт, на корабли. Это была не та Джеккара, которую он знал, не город воров из Нижних Каналов, разрушенный и пыльный. Но это была ниточка к тому миру, который был ему дорог, а Карс отчаянно нуждался в такой ниточке.

Он пойдет в Джеккару. И лучше всего сейчас вообще ни о чем не думать, иначе его мозг откажется ему повиноваться, и он сойдет с ума.

Карс покрепче сжал рукоять шпаги и зашагал по направлению к городу.

Глава 3
Город прошлого

До города было неблизко. Карс шел неторопливо, он берег силы. Он не пытался найти самую прямую или самую легкую дорогу, он просто шел напролом через все препятствия, что встречались ему на пути, — только бы дойти до города. Плащ мешал ему, и он сбросил его. Лицо Карса не выражало никаких чувств, пот стекал по его щекам, и соль его смешивалась с солью слез. Он шел меж двух миров. Он шел через долины, в жарком мареве, ветви странных деревьев били его по лицу, и трава испачкала его сандалии. Необычные птицы с длинными хвостами и маленькие пушистые зверьки то и дело попадались ему на пути. И в то же время здесь была пустыня, так хорошо знакомая ему пустыня, где даже ветер забыл имена людей, которых оплакивает.

С высоких холмов он увидел море, он услышал шум волн, бившихся о песчаные берега. И одновременно представил себе: высохшая пустыня, где только пыль гуляет маленькими смерчами между выветрившихся гор...

Так непросто забыть опыт тридцати лет жизни...

Солнце медленно двигаюсь к горизонту. Карс перевалил последний холм и стал спускаться вниз, к городу. Он вдруг увидел на горизонте стену голубоватого огня. Море словно горело и фосфоресцировало. Карс удивленно смотрел на невиданную игру красок: золотой, пурпурный, фиолетовый цвета окрашивали море, переливаясь, переходя друг в друга.

Он снова бросил взгляд на залив. Мраморные доки, которые он так хорошо знал, стояли на том же месте, только они не были вывстрены и разрушены, как тогда, в его время; они стояли новые, блестя полировкой стен, во всей своей первозданной красоте. Торговые парусники покачивались у причалов, и в вечернем воздухе был слышен обычный портовый шум — крики грузчиков, прислужниц, потных рабов. Маленькие перевозочные лодки сновали между кораблями, а вдали, там, где море сливается с небом, он увидел рыбачьи баркасы, которые возвращались домой под парусами.

У порталов дворца, на том самом месте, где он встретил Пинкара, готовая к отплытию, стояла длинная и тонкая военная галера с позолоченной кормой в виде барс[illegible]. Позади нее теснились еще более крупные и быстроходные суда. А над ними, высокие и горделивые, вздымались белые башни королевского дворца.

«Я действительно попал в далекое прошлое Марса! Это — Марс миллион лет назад, именно такой, каким [illegible] представляли себе археологи!»

Планета враждующих цивилизаций, наука которых почти не развита, но которые берегли легенду о [illegible]рководях Куру, великих Куру, побывавших на Марсе задолго даже до этого времени...

«Планета забытого прошлого, которую [illegible]ей волей не должен был видеть ни один человек моего времени!»

Мэтью Карс вздрогнул, словно от холода. Медленно-медленно он пошел вниз по улицам Джеккары, и ему показалось, что весь город окрашен в цвет крови. Он шел по узким улочкам, и стены домов смыкались над ним. Перед глазами у него стояла пелена, и в ушах шумело, но он не забыл о том, что вокруг него люди — маленькие худые мужчины и женщины, которые сновали в узеньких переулочках и в тесноте то и дело толкали его. Они вдруг останавливались и пялились на Карса. И эти люди тоже напоминали жителей его Джеккары, города Нижних Каналов. Он слышал музыку арф и звон мелодичных колокольчиков, которые носили женщины. Ветер касался его лица, но это был теплый и влажный ветер, несущий дыхание и запах моря, и это было больше, чем он мог вынести.

Карс продолжал брести, не имея ни малейшего понятия о том, что же ему делать. Он шел просто потому, что шел и не мог найти сил, чтобы остановиться. Шаг за шагом высокий, крепкий и усталый человек шел по улицам Джеккары, человек

с обнаженной шпагой в руке. За ним наблюдали горожане. Все. Люди в порту, люди в городе — купцы, рабы, воины, — все глазели на него. Между ними лежала пропасть в миллион лет. Его одежда из странной для них материи и странного цвета, орнамент на платье и поясе принадлежали времени и стране, которых они никогда не знали. И лицо его было лицом чужака.

Эта необычность в течение некоторого времени держала людей на расстоянии. Что-то в нем настораживало и пугало их. И вдруг кто-то произнес слово, и кто-то еще раз повторил его, и через несколько секунд уже не было ни загадки, ни страха — только ненависть. Карс тоже услышал это слово. Глухо, с большого расстояния. Оно росло — от шепота до крика. Воющего крика, который летел по улицам, как завывание волчьей стаи.

— Кхонд! Кхонд! Шпион из Кхондора!

И другое слово:

— Убей!

Слово «кхонд» ничего не значило для Карса, но он понял, что оно было проклятьем. Голос толпы донес до него предупреждение о смерти, и он попытался разбудить в себе инстинкт самосохранения. Но его разум был слишком отуманен событиями последних часов, и ему трудно было сосредоточиться. Камень ударил его по щеке, но резкая боль не сумела вернуть его к действительности. Кровь текла по его лицу. Ее сладковато-кислый вкус напоминал об опасности. Он еще раз попытался стряхнуть оцепенение, охватившее его, или, по крайней мере, разглядеть тех, кто на него нападал. Карс вышел на открытое пространство между доками. Теперь, в сумерках, море полыхало холодным белым светом. Мачты и паруса кораблей отливали черным. Фобос поднимался над горизонтом, и в неверном свете Карс увидел странных существ, которые плавали в море: покрытые шерстью, они не были похожи на людей.

И еще он увидел на набережной двух худых людей с крыльями. Они были одеты в грубые хитоны рабов, и крылья их были сломаны.

Площадь заполнилась толпой. Все больше и больше горожан, привлеченных криком «шпион!», прибывало из узеньких улиц. Крик отразился от зданий, и слово «Кхондор» вторило ему отзвуком эха. С пристани, от крылатых рабов и закованных существ на кораблях до него донеслось:

— Слава Кхондору! Защищайся, человек!

Женщины визжали, как гарпии. Второй камень просвистел мимо его уха. Толпа бросилась на него, но ближайшие попятились, увидев шпагу, и те, у кого были короткие кинжалы, отпрянули,

И снова с пристани донесся крик:

— Слава Кхондору! Смерть Змее, смерть Сарку! Защищайся, человек!

Он знал, что рабы помогли бы ему, если бы у них была такая возможность.

Часть его мозга начала работать — та, что помогла ему выжить в его суровой жизни. Он был всего в двух шагах от зданий; за его спиной рычала толпа. Он увернулся от удара ножом и двинулся в сторону домов. Двое из толпы прыгнули на него, но он отбил нападение и почувствовал, как шпага дважды вошла в тело. Это дало ему несколько секунд, и он бросился в ближайший двор, где толпа не могла бы наброситься на него сзади. Небольшая удача, но каждая секунда жизни — это выигранная секунда.

Он стал вращать шпагой с такой силой, что перед людьми встал барьер из стали, и крикнул на старомарсианском диалекте:

— Стойте! Я не Кхондор!

Толпа взорвалась издевательским смехом.

— Он говорит, что он не из Кхондора!

— Твои друзья приветствуют тебя, кхонд! Харк Пловцам, харк — Крылатым!

Карс закричал:

— Нет, я не кхонд! Я не... — Он остановился на полуслове. Он почти сказал им, что он не с Марса.

Зеленоглазая девочка, почти подросток, подскочила к нему. Ее зубы блестели, как у крысы.

— Трус! закричала она. — Дурак! Где же, как не в Кхондоре, рождаются такие люди, как ты, — со светлыми волосами и бледной кожей? Откуда же ты мог прийти, варвар, коверкающий язык?

Странное выражение появилось на лице Карса.

— Я из Джеккары...

Они засмеялись. Они давились от смеха — вся площадь, — они хохотали. Теперь они потеряли всякий страх перед ним. Каждое его слово, искаженное эхом толпы, вернулось к нему теми словами, что произнесла девушка, — «трус» и «дурак». Почти одновременно они бросились на него. Это было более

чем реальность — искаженные ненавистью лица и короткие мечи. Он яростно отбивался своей длинной шпагой, выплескивая весь свой гнев на то Неведомое, что бросило его в этот чужой мир. Несколько человек упали, пронзенные шпагой Риано-на, остальные подались назад. Они стояли, с ненавистью глядя на него, как шакалы, окружившие волка. Послышался крик:

— Солдаты Сарка идут! Они покончат с этим шпионом из Кхондора!

Карс, прижатый к запертой двери и задыхающийся, увидел группу солдат в черных туниках и высоких черных шлемах, которые пробирались сквозь толпу, как корабль через волны. Они шли прямо на него, и джеккарцы уже вопили в предвкушении убийства.

Глава 4
Опасная тайна

Дверь за спиной Карса неожиданно открылась, и он быстро вошел в дом. Пока он пытался восстановить равновесие, дверь так же неожиданно захлопнулась. Он услышал, как задвинулся засов. Позади него кто-то кашлянул.

— Это удержит толпу на короткое время. Но нам нужно удирать отсюда, кхонд. Солдаты Сарка взломают дверь.

Карс резко повернулся, держа шпагу наготове, но он все еще ничего не видел.

Сумасшедший стук в дверь.

Глаза Карса постепенно привыкали к темноте, и он разглядел фигуру человека, стоявшего у связки канатов. Человек был высоким и полным, с мягкой кожей, несомненно, марсианин, одетый в тунику, которая была маловата для его внушительных размеров. Его лицо, бледное, лоснящееся от жира, расплылось в ободряющей улыбке. Маленькие глазки без тени страха смотрели на обнаженную шпагу в руке Карса.

— Я не из Джеккары и не из Сарка, — сказал человек. — Меня зовут Бокхаз Ной из Валкиса, и у меня есть свои причины помочь человеку из Кхондора. Но мы должны уйти отсюда, и быстро.

— Куда? — выдавил Карс, все еще тяжело дыша.

— Туда, где ты будешь в безопасности. — Бокхаз прислушался к диким воплям с улицы и стукам в дверь. — Это сарки. Лично я ухожу. Иди со мной или оставайся, кхонд.

Он повернулся и пошел к выходу, двигаясь с удивительной для такого тучного человека быстротой. Он даже не оглянулся, чтобы узнать, следует ли за ним Карс. Но у Карса не было выбора. Хотя он и был оглушен происходящим, он совсем не собирался испытывать на себе, насколько крепки мечи солдат Сарка и кинжалы бродяг из Джеккары. Карс пошел следом за Бокхазом. Валкисианин пробормотал что-то, пытаясь вылезти через маленькое окошко в дальнем углу комнаты.

— Я знаю каждую крысиную нору в этом портовом районе. Поэтому, когда я увидел тебя, стоящего у двери дома Тарас Тира, я просто залез внутрь и впустил тебя. Выхватил тебя у них из-под носа.

— Но почему? — спросил Карс.

— Я же сказал тебе — я люблю кхондов. Они отважны настолько, что могут щелкать пальцами перед Сарком и Змеей. Я помогаю им каждый раз, когда появляется такая возможность.

Все это не имело для Карса никакого смысла. Но что имело смысл? Что он вообще мог знать о любви и ненависти этого Марса? Он был в ловушке, в далеком прошлом, и он должен, как малое дитя, заново учиться жить.

Толпа снаружи готова растерзать его, это он знал наверняка. Все думают, что он кхонд. Не только джеккарская толпа, но и полулюди со сломанными крыльями, существа, поросшие шерстью и прикованные к галерам. Карс вздрогнул. До этого момента он даже не вспомнил об этих странных существах. И кто такие кхонды?

— Сюда, — прервал Бокхаз его размышления.

Они прошли темным лабиринтом вонючих улочек, и толстый валкисианин втиснулся в узкую дверь маленькой хибары. Карс следовал за ним. Он еще успел услышать странное шипение и попробовал уклониться, но не смог. Что-то взорвалось миллионами искр в его голове, и он рухнул на грязный пол лицом вниз.

Он очнулся при свете маленькой бронзовой лампы, стоявшей перед ним на табуретке. Он лежал на грязном полу хижины. Сделав попытку подняться, он понял, что его запястья и лодыжки стянуты сыромятным ремнем. Боль пронзила голову, и он качнулся назад. Бокхаз тут же поправил подушку и поднес глиняную кружку с водой к его губам.

— Я ударил тебя слишком сильно, прости. Но ведь в темноте, да еще когда имеешь дело с вооруженным человеком, надо быть осторожным. Хочешь со мной поговорить?

Карс взглянул на него, и только старая привычка помогла ему сдержаться.

— О чем? — спросил он.

Бокхаз сказал:

— Я честный и правдивый человек. Когда я спас тебя от толпы, у меня была только одна мысль — ограбить тебя.

Карс увидел, что его украшенный драгоценностями пояс и воротник перешли к Бокхазу, который повесил их себе на шею.

Валкисианин поднял свой толстый палец и ласково их погладил.

— Но потом, — добавил он, — я присмотрелся повнимательнее к этому. — Он кивнул на шпагу, прислоненную к табуретке. — Многие люди увидят в ней только доброе оружие. Но я, Бокхаз, — образованный человек. Я сумел прочитать символы на клинке. — Он наклонился к Карсу. — Где ты нашел эту шпагу?

Инстинкт заставил Карса солгать:

— Я купил ее у торговца.

Бокхаз покачал головой:

— Неправда. На клинке следы коррозии, на орнаменте грязь и пыль. Рукоять даже не отполирована. Ни один торговец не продаст оружие в таком состоянии. Нет, мой друг, эта шпага лежала долго-долго в темноте... в гробнице того, кто ею владел, Рианона.

Карс лежал без движения, глядя на Бокхаза. Ему не нравилось его лицо. Веселое и доброе лицо. Валкисианин мог составить чудесную компанию за бутылкой вина. Он полюбил бы человека, как брата, и страшно жалел бы о том, что необходимость заставляет его вырезать ему сердце.

Карс выдержал взгляд Бокхаза с напускным безразличием.

— Может быть, это и есть шпага Рианона, мне все равно. Я купил ее у торговца.

Бокхаз поджал губы и покачал головой. Он наклонился и потрепал Карса по щеке.

— Пожалуйста, не лги мне, сынок. Меня так расстраивает, когда мне лгут.

— Я говорю правду, — сказал Карс. — Послушай, у тебя в руках шпага и мои драгоценности. С меня больше нечего взять. Удовольствуйся же этим.

Бокхаз вздохнул. Он обиженно взглянул на Карса.

— Почему ты так неблагодарен? Разве не я спас тебе жизнь?

Карс издевательски ответил:

— Да, это был царский жест.

— Так и есть. Если бы нас схватили, моя жизнь не стоила бы и этого. — Бокхаз щелкнул пальцами. — Я украл у толпы миг наслаждения. Ведь заявление о том, что ты не из Кхондора, для них — пустой звук.

Он выпалил это как бы между прочим, наблюдая за Карсом своими маленькими поросячьими глазками. Карс серьезно и твердо посмотрел на Бокхаза.

— Откуда ты взял, что я не из Кхондора?

Бокхаз засмеялся.

— Ни один кхонд не будет настолько глуп, чтобы показаться в одиночку в Джеккаре. В особенности если у него есть тайна. Страшная тайна гробницы Рианона.

На лице Карса не дрогнул ни один мускул. Но мысленно он быстро повторил еще раз все услышанное. Ага. Так, оказывается, гробница Рианона была утеряна еще в далеком прошлом?

Он пожал плечами.

— Я ничего не знаю о Рианоне и его гробнице.

Бокхаз топтался вокруг Карса и улыбался ему, как отец улыбается расшалившемуся сыну.

— Мой друг, ты не откровенен со мной. Нет ни одного человека на Марсе, кто не знал бы, что Куру много лет назад ушли из нашего мира, потому что Рианон, Проклятый бог, их брат, совершил страшное дело. И всем известно, что они построили потайную гробницу и заточили там Рианона и его могущество. А ведь это так прекрасно, что человек ищет могущества у богов! И теперь, когда ты знаешь, где она, ты что, хочешь сохранить секрет для себя одного?

Он потрепал Карса по плечу и просиял.

— Это вполне естественно. Но такой секрет — слишком тяжелый груз для одного человека. Нужен умный друг, который тебе поможет. Владея тайной гробницы, мы с тобой будем самыми могущественными людьми на Марсе.

Карс сказал без всяких эмоций:

— Ты сумасшедший. Я не знаю никакой гробницы. Я купил шпагу у торговца.

Бокхаз долго глядел на него, и на лице его была печаль.

— Не лучше ли будет, если ты все расскажешь мне сам, прежде чем я начну выдавливать из тебя твои тайны?

— Мне нечего сказать тебе, — резко ответил Карс. У него не было ни малейшего желания подвергаться пытке. Но странное предостерегающее чувство возвратилось к нему, и

что-то в глубине его существа властно приказывало ему не выдавать тайны гробницы. И даже если бы он раскрыл секрет, толстый валкисианин, скорее всего, убил бы его, как лишнего свидетеля.

Бокхаз с грустью пожал плечами:

— Ты заставляешь меня идти на крайние меры. Мне это ненавистно. Я слишком мягок для подобных дел. Но необходимость...

Он полез в кисет, висевший у него на поясе, когда неожиданно снаружи послышались голоса и топот тяжелых сапог. Кто-то закричал:

— Здесь! Здесь живет эта свинья Бокхаз!

В дверь замолотили тяжелыми кулаками с такой силой, что вся хижина стала ходить ходуном.

— Открывай, жирная свинья из Валкиса!

Могучие плечи налегли на дверь.

— Боги Марса, — простонал Бокхаз, — эти негодяи сарки выследили нас.

Он схватил шпагу Рианона и начал прятать ее в постели, когда дверь треснула и в хижину ворвались несколько солдат.

Глава 5
Раб Сарка

Бокхаз взял себя в руки невероятно быстро. Он низко поклонился командиру — чернобородому мужчине, одетому в черную кольчугу вроде тех, что Карс видел у солдат Сарка на площади.

— Мой господин Скилд, — сказал Бокхаз, — я сожалею о том, что вам пришлось приложить немало трудов, ломая мою дверь как раз в тот момент, когда я собирался идти искать вас.

Он повернулся к Карсу.

— Я сохранил его для вас в целости и сохранности.

Скилд покачал своей черной бородой и захохотал. Следом за ним засмеялись и солдаты.

— Ты сохранил его... для нас, — сказал Скилд. И засмеялся еще громче. Он подошел к Бокхазу.

— Я полагаю, что только твоя преданность позволила тебе утащить собаку кхонда из моих рук.

— Мой господин, — возразил Бокхаз, — толпа была готова убить его.

— Именно поэтому мои солдаты и пришли — мы хотели взять его живым. Мертвый кхонд нам не нужен. Но ты «помог» нам. К счастью, тебя успели заметить.

Он наклонился вперед и дотронулся до краденых драгоценностей на шее Бокхаза.

— Да, — повторил Скилд, — к счастью.

Он сорвал с его шеи пояс и воротник и положил их в свой кисет. Затем подошел к кровати, где, наполовину зарытая в ворох нечистого белья, лежала шпага. Он поднял ее, почувствовал вес и баланс клинка и улыбнулся.

— Настоящее оружие, — сказал он. — Прекрасное, как сама Госпожа, и столь же смертоносное.

Он разрезал острием шпаги ремни, стягивающие руки и ноги Карса.

— Встань, кхонд, — приказал он и помог ему своей тяжелой сандалией.

Карс встал и мотнул головой, пытаясь прогнать головокружение. И, пока солдаты не успели схватить его, ударил кулаком в толстый живот Бокхаза. Скилд снова засмеялся. У него был густой, сильный смех моряка. Он все еще хохотал, в то время как солдаты оттащили Карса от хватающего ртом воздух Бокхаза.

— Совсем не обязательно делать это сейчас. Впереди у вас будет достаточно времени. У вас обоих будет достаточно времени насладиться обществом друг друга.

Карс увидел, что Бокхаз понял намерения Скилда.

— Мой господин, — залепетал он, все еще задыхаясь. — Я преданный человек. Все, чего я хочу, — это служить Сарку и Ее Высочеству госпоже Иваин.

Он поклонился при этих словах.

— Разумеется, — сказал Скилд. — И лучше всего послужить Сарку и госпоже Иваин ты сможешь на борту галеры.

Краска отлила от щек Бокхаза.

— Но, мой господин...

— Что?! — сердито закричал Скилд. — Ты возражаешь? Где же твоя преданность, Бокхаз? — Он поднял шпагу. — Ты хорошо знаешь, как карают за измену?

Солдаты вокруг Скилда еле сдерживали смех.

— Нет, — сказал Бокхаз уверенно. — Я преданный. Никто не может обвинить меня в измене. Я готов служить...

Он запнулся, сообразив, что собственный язык завел его в ловушку.

Скилд шлепнул его шпагой плашмя по мягкому месту.

— Так иди и служи! — заорал он.

Бокхаз повалился с диким воем. Солдаты схватили его, и через несколько минут Карс и Бокхаз были скованы одной цепью с кандалами на руках и ногах. Скилд вложил шпагу Рианона в ножны, свою собственную передав солдату.

И снова Карс проделал путь через улицы Джеккары, только на этот раз ночью и в кандалах, без драгоценностей, без шпаги.

Они подошли к дворцовой набережной, и вновь холодное чувство нереальности охватило Карса. Он смотрел на высокие балконы, освещенные фосфоресцирующим пламенем. Мягкий белый свет моря лился где-то далеко в темноте. Вся правая часть дворца кишела людьми — рабами, солдатами в кольчугах, курьерами, женщинами и жонглерами. Отзвуки карнавала — музыка, голоса — доносились из дворца, когда они проходили мимо.

Бокхаз заговорил с Карсом быстрым шепотом:

— Эти солдаты — дураки, они не узнали шпаги. Молчи о гробнице, иначе они привезут нас в Кара-Дху, а ты хорошо знаешь, что это значит!

Он содрогнулся всем телом от ужаса. Карс был слишком потрясен случившимся, чтобы ответить. Все, что произошло с ним в этом невероятном мире, лишило его сил, и физическая усталость брала свое, накатывая неотвратимо, как волна.

Бокхаз продолжал говорить громко, специально для стражников:

— Все это великолепие — в честь Госпожи Иваин из Сарка! Принцесса так же могущественна, как и ее отец, король Гарах! Это великая честь — служить на ее галере!

Скилд засмеялся.

— Хорошо сказано, валкисианин! И твоя преданность не останется без награды. Эта честь будет предоставлена тебе очень надолго.

Черная военная галера лениво покачивалась на волнах. Галера была большая, с высокими бортами, со скамьями для гребцов, с башенкой и каютами для офицеров и самой Иваин. Факелы ярко горели на нижней палубе, и мягкий свет лился из окон нижних кают. Солдаты Сарка столпились на палубе, перебрасываясь шутками. Но внизу, там, где размещались гребцы, стояла горькая тишина.

Скилд громко крикнул:

— Эй, Каллус!

Крупный моряк поднялся из недр трюма, ловко балансируя на палубе. Землянин, оглушенный, измученный, с трудом заставлял себя держаться на ногах и почти не обращал внимания на гребцов, наблюдавших за ними. Каллус подошел к невольникам. В правой руке он держал бутылку с вином, в левой — большой бич. Он взглянул на Карса и Бокхаза, лениво улыбнулся и ткнул бутылкой в их сторону:

— Поставьте этих псов на крайнее левое весло.

Скилд добавил:

— И проследи, чтобы их приковали вместе, к одному веслу.

Карс метнул на них взгляд, полный ненависти, и зарычал. Бокхаз сжал его плечо и встряхнул:

— Ты что, идиот? У нас и так будет достаточно побоев, не надо на них напрашиваться.

Последняя скамья, расположенная под каютой-башенкой, была почти пуста, если не считать одного спящего человека. Кузнец приковал Карса и Бокхаза к веслу, а солдаты, пока он работал, стояли рядом и охраняли его на тот случай, если рабы вздумают бунтовать.

Каллус щелкнул своим бичом, и щелчок этот прозвучал, как ружейный выстрел. Бокхаз толкнул Карса в бок. Но Карс заснул и даже не пошевелился. Ему снилось, что он опять падал, — и снова чувствовал, как что-то живое прикасается к его нервам, к его мозгу.

— Нет, — прошептал Карс, — нет.

Он вновь и вновь повторял слово отказа — отказа от чего-то, что темное Неведомое предлагало ему сделать и что было странным и страшным. Но мольба становилась все более настойчивой, и ощущение было сильнее, чем то, которое он испытал в гробнице. Карс надломленно закричал:

— Нет, Рианон!

И проснулся. Он огляделся вокруг, еще как бы во сне. Каллус и другой надсмотрщик бежали по палубе, хлеща гребцов по спинам плетью, чтобы они скорее просыпались. Бокхаз взглянул на Карса со странным выражением.

— Ты выкрикнул имя Проклятого, — сказал он.

Другой раб на их весле тоже непонятно покосился на него. С соседнего весла на него внимательно глядели два светящихся глаза на покрытом шерстью лице.

— Кошмарный сон — и ничего больше, — пробормотал Карс. Его слова были прерваны свистом бича, больно хлестнувшего по спине.

— На весло, грязь! — заорал Каллус, возвышаясь над ним.

Карс зарычал в ответ, но Бокхаз закрыл его рот своей толстой лапой.

— Тихо, — предупредил он, — тихо.

Карс взял себя в руки, но ему все равно достался лишний удар. Каллус стоял рядом и криво улыбался.

— Ты будешь у меня работать, — сказал он. — Будешь... Ну, негодяи, мерзавцы! — крикнул он. — Налегайте на весла! Мы с отливом отходим к Сарку, и я сдеру шкуру с первого, кто потеряет счет!

Матросы распускали паруса. Ветер стих, и паруса понадобятся только к утру. Все вокруг замерло. Но вот дана команда: первый удар барабана. Все гребцы на веслах налегли на планку, подняли весло и опустили. Постепенно мир превратился в ритмичное чередование весел. Удар. Весло. Удар. Весло. Яма для гребцов была огромной, и можно было рассмотреть только часть ее с длинными рядами скамей и весел. Но Карс слышал веселый шум на верхней палубе, где приветствовали Иванн из Сарка.

Галера выходила из залива. Карс почувствовал, что по мере того, как тяжелый корабль входил в открытое море, волны стали покачивать его. Ночной ветерок был совсем слабеньким, и паруса так и остались нераскрытыми. Барабанщик участил удары, и, чередуя удары барабана с ударами бича по спинам рабов, надсмотрщики добились того, что галера медленно набирала скорость. Она все дальше уходила в море. Через открытое окно Карс увидел, что за бортом плещется словно не вода, а молоко, горящее тихим, ясным светом. Теперь он был рабом Сарка, прикованным к веслу галеры, плывущей по Белому морю Марса.

Глава 6
На марсианском море

Наконец ветер наполнил паруса, и рабам позволили отдохнуть. Карс снова заснул. Когда он открыл глаза, солнце уже садилось. Через окно в борту галеры он видел, как море меняет цвет в лучах заката. Он никогда не видел ничего более прекрасного. Можно было усмотреть иронию в том, что он наслаждается этим зрелищем, прикованный к веслу.

На воде появились бледные искры первых лучей и окрасили волны мягким огнем — аметистом, затем перламутром и

наконец багрянцем. Карс смотрел, пока последняя вспышка не потускнела и вода не приобрела вновь свой нежно-белый цвет. Он пожалел о том, что закат так быстро погас. Картина была настолько нереальной, что ее легко можно было представить себе просто сном: дом мадам Кан на Нижних Каналах, крепкий сон после большой бутылки тила... Бокхаз всхрапывал рядом с ним. Барабанщик дремал, положив голову на барабан. Рабы, утомленные тяжелой работой, крепко спали. В основном это были осужденные воры и убийцы, — так он думал. Их лица были похожи на лица жителей Джеккары, Валкиса и Барракеша. Но были и другие — включая третьего гребца на их планке. «Кхонды», — подумал он и понял, почему его тоже приняли за кхонда. Это были крупные, большекостные люди со светлыми глазами, светлыми волосами и тем варварским обликом, который так любил Карс. Он перевел неторопливый взгляд на других гребцов и на цепь, которой были прикованы два странных раба за бортом. Это были не люди. Не совсем люди. Они были похожи на дельфинов и на людей одновременно, с большими плавниками, с телами, покрытыми мягкой шерстью, почти исчезающей на лице. Их лица и тела были красивы. Они отдыхали, и их темные глаза были полны мудрости.

Это те, сообразил Карс, кого джеккарцы называли Пловцами. Любопытно, какая работа у них на этом корабле? Один из Пловцов был мужчиной, другой — женщиной. Внезапно он заметил, что и они с любопытством изучают его. Мелкая дрожь прошла по его телу. Что-то очень странное было в их глазах, которые словно смотрели в самую глубь души.

Женщина сказала мягким голосом:

— Добро пожаловать в братство бича.

Ее слова прозвучали вполне по-дружески. Карс улыбнулся ей в ответ:

— Спасибо.

Но он уловил в ее интонации ноту недоверия. Он говорил на старом марсианском диалекте с резким акцентом. Было бы невозможно объяснить им, откуда он пришел. Он знал также, что кхонды не сделали той же ошибки, что и джеккарцы, которые приняли его за кхонда. Следующие слова женщины убедили его в этом.

— Ты не из Кхондора, — сказала она, — хотя ты и похож на них. Где же твоя родина?

Грубый мужской голос внезапно присоединился к ней:

— Да, где твоя родина, незнакомец?

Карс обернулся на этот голос к рабу-кхонду, который был третьим на его весле. Кхонд смотрел на него с подозрением. Он продолжал:

— Люди говорят, что ты схваченный шпион из Кхондора, но это ложь. Ближе к истине, вероятно, что ты джеккарец, замаскированный под кхонда и подосланный сюда сарками.

Тихий, но угрожающий ропот прошел по рядам галерников. Карс понимал, что должен оправдаться и сделать это нужно немедленно.

— Я не из Джеккары, а из племени охотников, далеко за Шаном. Это так далеко, что все вокруг — совершенно новый мир для меня.

— Может быть, ты и не врешь, — нехотя проворчал кхонд. — Ты странно выглядишь, и твоя речь не всегда понятна. А что привело на борт этого борова-валкисианина?

Толстяк уже проснулся и ответил запальчиво:

— Мой друг и я были ложно осуждены сарками за воровство. Какой позор! Я — Бокхаз из Валкиса — осужден за воровство! Насмешка над правосудием!

Кхонд презрительно сплюнул и отвернулся.

— Я так и думал, — сказал он.

Бокхаз улучил момент и зашептал на ухо Карсу:

— Они думают, что мы осужденные воры. Это и к лучшему, друг мой.

— Кто же ты, как не воришка? — жестко ответил Карс.

Бокхаз долго изучал его маленькими колючими глазками.

— А вот кто ты, друг?

— Ты же слышал: я жил далеко за Шаном.

«За Шаном и вообще далеко за этим миром», — мрачно подумал Карс. Но он не мог сказать этим людям правду о себе. Толстый валкисианин пожал плечами.

— Если ты не хочешь говорить правду, это твое дело. Я доверяю тебе. Разве мы не друзья?

Карс кисло улыбнулся этому гениальному вопросу. Что-то все-таки было в наглости толстяка, и он находил это «что-то» почти забавным.

Бокхаз заметил его улыбку.

— А, ты вспомнил мою грубость по отношению к тебе прошлой ночью. Это был просто порыв... Давай забудем о нем. Я, Бокхаз, уже забыл, — добавил он щедро. — Но ты знаешь, друг мой, секрет (он понизил голос) гробницы Рианона.

Наше счастье, что Скилд слишком самоуверен и глуп, чтобы узнать шпагу.

Карс спросил его:

— Почему гробница Рианона так важна для Марса?

Вопрос поразил Бокхаза. Он был просто ошарашен.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь?

Карс напомнил ему:

— Я же сказал тебе, что пришел издалека и ваш мир — новость для меня.

Лицо Бокхаза выражало недоверие и недоумение одновременно. Наконец, он сказал:

— Я не могу понять, затеял ты какую-то странную игру или ты действительно ничего не знаешь. — Он пожал плечами. — В любом случае, ты все равно узнаешь эту историю от других. Я расскажу тебе. — И он заговорил быстрым шепотом, глядя прямо в глаза Карсу. — Даже такой варвар, как ты, должен знать о сверхлюдях Куру, которые владели всей мощью и мудростью Вселенной. И был среди них Проклятый Рианон, который согрешил, передав часть их мудрости дхувианам. Из-за этого Куру ушли из нашего мира, и никто не знает, куда. Но перед тем как покинуть мир, они схватили Рианона и заточили его в гробнице вместе с его инструментами ужасной силы и разрушения. Поэтому на Марсе и искали эту гробницу — искали неустанно в течение многих веков. Неудивительно, что Империя Сарков и Морские Короли пойдут на все, чтоб только заполучить силу и тайны Проклятого. И могу ли я осуждать тебя, нашедшего гробницу, за то, что ты хранишь свой секрет и так осторожен?

Последнюю фразу Карс пропустил мимо ушей. Но он вспомнил теперь странные приборы, которые видел. Имели ли эти инструменты отношение к старой, давно забытой науке, потерянной полуварварским Марсом много лет назад?

Он спросил:

— Кто такие Морские Короли? Я так понимаю, они враги Сарка?

Бокхаз кивнул:

— Сарк правит землями на востоке, севере и юге Белого моря. Но на западе расположены небольшие свободные королевства смелых морских бродяг, таких как кхонды и Морские Короли. Это противники Империи Сарка. — И добавил: — Да, и потому многие даже в моем родном городе Валкисе и в других местах тайно ненавидят Сарк из-за дхувиан.

— Дхувиане? — переспросил Карс. — Ты упоминал о них раньше. Кто они такие?

Бокхаз фыркнул:

— Послушай, друг, конечно, неплохо изображать из себя невежду-варвара, но это уже становится смешным! Нет ни одного варвара, который бы не знал и не боялся проклятой Змеи!

«Значит, другое название таинственных дхувиан было "змея". Интересно, почему их так назвали?» — подумал Карс. Он вдруг почувствовал, что женщина-Пловец внимательно следит за ним.

На мгновение ему вдруг показалось, что она читает его мысли.

— Шаллах наблюдает за нами — лучше помолчим, — сердито прошептал Бокхаз. — Всем известно, что Халфлинги умеют читать мысли.

Если это так, подумал Карс, то Шаллах-Пловец найдет в моих мыслях много любопытного.

Он был брошен в совершенно незнакомый ему мир, и все вокруг представляло для него сплошную загадку. Но если Бокхаз говорил правду, эти странные предметы из гробницы Рианона действительно принадлежали величайшей науке. И даже сейчас, будучи рабом, он держал в руках ключ к тайне, обладать которой желал в этом мире каждый. Эта тайна могла также означать его смерть. Он должен сохранить ее любой ценой, пока не станет свободным. И он все больше ненавидел сарков, в этом он был абсолютно уверен.

Солнце встало высоко над горизонтом и теперь жалило лучами открытую яму для гребцов. Ветер, который дул наверху, не достигал нижней палубы и не облегчал положения рабов. Люди плавились от палящих лучей. Ни воды, ни куска хлеба они не видели уже давно, и к чувству жажды прибавилось острое чувство голода. Запавшими глазами Карс смотрел, как солдаты Сарка весело бродят по верхней палубе и перебрасываются шутками. Прямо над его головой находились башенка и дверь, которая все время была закрыта. У двери постоянно стоял на страже матрос-сарк, настоящий великан, с большим боевым топором. Он принимал приказы только непосредственно от Скилда.

Скилд стоял наверху, порывы ветра ерошили его бороду. Ему не было никакого дела до страданий гребцов. Изредка он давал указания рулевому и снова всматривался вдаль.

Наконец гребцов накормили — кусок черного хлеба и несколько глотков воды. Их разносил странный крылатый раб, вроде тех, что Карс видел еще прежде в Джеккаре. Толпа их так и называла — Крылатые. Карс смотрел на него с любопытством. Внешне он выглядел как искалеченный ангел — с сияющими, но перебитыми крыльями, с прекрасным лицом. Он двигался между скамьями медленно, словно ему трудно было ходить. И он ни разу не улыбнулся, и глаза его были подернуты дымкой.

Шаллах поблагодарила его за еду. Он даже не взглянул на нее и пошел дальше, волоча за собой пустую корзинку. Шаллах повернулась к Карсу:

— Большинство Крылатых умирают, когда им ломают крылья.

Он понял, что она имела в виду: смерть души. И вид этого Халфлинга со сломанными крыльями только усилил его ненависть к саркам и к его собственному рабству.

— Да будут прокляты те, кто творит зло вместе со Змеей! — прорычал Джаксарт, громадный кхонд на их весле. — Пусть будет проклят король их и его дочь, дьяволица Иваин! Если бы я только мог, я утопил бы в волнах все зло, что она содеяла в Джеккаре!

— А почему она не появляется на палубе? — спросил Карс. — Она что, такая хрупкая, что боится выйти из своей башенки?

— Эта гадюка хрупкая? — Джаксарт сплюнул в ярости. - Просто она ублажает своего любовника, спрятанного в ее каюте. Он прополз туда еще в Сарке, закутанный в плащ с капюшоном, и с тех пор ни разу не показался. Но мы-то видели его...

Шаллах настороженно прошептала:

— Там нет никакого любовника. Я чувствую Зло, большое Зло. Я почувствовала его, как только оно появилось на борту. — Она повернула свое встревоженное лицо к Карсу. — Мне кажется, что проклятие лежит и на тебе, незнакомец. Я слышу его, но не могу понять тебя.

Карс ощутил легкий холодок, пробежавший между лопатками. Эти Халфлинги с их сверхчувствительностью наверняка поняли, что он не принадлежит к их миру. И он почувствовал облегчение, когда Шаллах и Нарам (ее партнер) отвернулись от него.

Часто Карс ловил себя на том, что смотрит на верхнюю палубу. Он почему-то хотел взглянуть на эту Иваин из Сарка, собственностью которой он теперь стал.

К полудню ветер утих, и наступил мертвый штиль. Удары барабана участились. Рабы надрывались на веслах из последних сил, стараясь не потерять счет и не угодить под плеть Каллуса. Только Бокхаз выглядел довольным.

— Я не был рожден моряком, — говорил он, потряхивая бородкой. — Кхонд вроде тебя, Джаксарт, всосал морское дело с молоком матери. Но я в юности был слишком хрупок и нежен, и это вынудило меня искать более спокойной жизни. Боги, благословите штиль! Даже тяжелые весла не так уж плохи по сравнению с диким ветром, мотающим эту галеру, как скорлупку!

Карс сочувственно прислушивался к речам Бокхаза, пока вдруг не сообразил, что у того был неплохой повод для подобного красноречия. Бокхаз жульничал и не очень утруждал себя греблей, в то время как Карс и Джаскарт вдвоем изнемогали под тяжестью весла.

День тянулся медленно, жаркий и бесконечный, он проходил под бой барабанов, в мучительной работе. Ладони Карса покрылись мозолями, которые лопнули и теперь кровоточили. Он был крепким человеком, но сейчас чувствовал, что с каждой минутой силы уходят от него. И он завидовал Джаксарту, который держался так, словно родился с веслом в руке. Постепенно усталость взяла верх. Он провалился в какое-то оцепенение и двигался большей частью механически. В тот момент, когда ослепительное солнце спускалось к горизонту, что-то заслонило ему небо.

Прямо над ним на верхней палубе стояла красивая молодая женщина и смотрела на море.

Глава 7
Шпага

Она была Сарк, и она была дьявол, как говорили гребцы. Но кем бы она ни была, при виде ее дыхание Карса на мгновение остановилось, и он зачарованно глядел на нее. Она стояла, словно темное пламя в лучах заката, одетая, как молодой воин. Поверх фиолетовой туники, подчеркивая стройность ее фигуры, была надета кольчуга, и короткий меч висел на боку. На голове она не носила никакого убора, и ее волосы, коротко подрезанные на лбу, падали на спину. Под темными бровями горели чудесные глаза. Она стояла на палу-

бе, длинноногая, стройная, широко расставив ноги, и вглядывалась в море.

Карс почувствовал горькое восхищение этой красотой. Эта женщина была его госпожой, и он ненавидел ее и ее племя, но он не мог остаться равнодушным к ее пылающей красоте, к ее силе.

— Гребите, ублюдки!

Крик и удары бича вернули его к действительности. Но он пропустил счет, весло опоздало. Джаксарт выругался, а Каллус безжалостно хлестал по спинам Карса и его товарищей. Он бил и бил их, пока Бокхаз не взвыл:

— Милосердия, госпожа Иваин! Милосердия!

— Заткнись, выродок! — зарычал Каллус и ударил его так, что кровь выступила на его бледной коже.

Иваин бросила взгляд в яму гребцов и окликнула надсмотрщика:

— Каллус!

Надсмотрщик поклонился.

— Слушаю, Ваше Высочество.

— Распорядись ускорить удары барабана, — сказала она. — Быстрее, мне нужно успеть к Черным Берегам до темноты. Она посмотрела прямо на Карса и Бокхаза и добавила: И беспощадно бей любого, кто пропустит счет.

После этого она ушла.

Удары барабана участились. Карс с горькой улыбкой глянул в спину удаляющейся Иваин. А неплохо было бы укротить эту женщину, подумал он. Сломать ее, растоптать ее гордость. Плеть снова опустилась на его спину, и ему ничего не оставалось делать, как продолжать грести. Джаксарт улыбнулся, поволчьи скаля зубы. В перерыве между ударами он сказал:

— Сарк владычествует над Белым Морем и хочет, чтобы все это признали. Но Морские Короли еще выйдут на его просторы. И даже Иваин не посмеет встать на их пути!

— Если Морские Короли так близко от нас, почему же галеру не сопровождает эскорт? — спросил Карс, тяжело дыша.

Джаксарт покачал головой:

— Я тоже не могу этого понять. Как я слышал, король Гарах послал свою дочь покорить только что завоеванное им государство, тамошний властитель стал слишком много себе позволять. Но почему она вышла в море без эскорта?..

Бокхаз предположил:

— Может быть, дхувиане дали саркам мощное оружие для ее защиты?

Кхонд фыркнул:

— Дхувиане слишком умны, чтобы пойти на это! Они сами иногда используют свое ужасное оружие, защищая союзников-сарков, это правда. Именно для того и был заключен их договор. Но дать оружие Сарку, научить сарков пользоваться им? Они не настолько глупы!

Картина прошлого Марса все яснее и яснее вырисовывалась перед Карсом. Все эти царства были наполовину варварскими — и в то же время существовали загадочные дхувиане. У них, несомненно, была сильная наука, намного опередившая весь остальной Марс, наука, секреты которой они ревниво охраняли и использовали в своих целях, а также оказывая помощь своим союзникам-саркам.

Ночь спустилась над морем. Иваин оставалась на палубе, и стража была удвоена.

Парам и Шаллах, Пловцы, все время о чем-то возбужденно беседовали. В свете факела их странные глаза переливались всеми цветами радуги.

У Карса не было ни сил, ни желания восхищаться ночным морем. Как нарочно, усилилась качка, превратившая греблю, и без того мучительную, в совсем уж невыносимое дело. Удары барабана не стихали. Безмолвная ненависть сжигала Карса. Боль в спине и ладонях была невыносимой, весло стало свинцовым. Оно било и толкало его, словно живое существо. Что-то произошло с его лицом. Страшное застывшее выражение появилось на нем, вся краска отлила от щек, его глаза стали неподвижными, холодными, как два куска льда. Барабан отдавался стуком сердца в груди, страшным ревом, который становился громче с каждым новым ударом.

Волна подняла галеру, и весло с силой ударило Карса в грудь; на мгновение он захлебнулся воздухом. Более опытный Джаксарт и плотный, тяжелый Бокхаз удержались на скамье, получив, впрочем, свою долю ударов кнута и порцию ругательств Каллуса, назвавшего их «ленивыми свиньями». Карс выпустил из рук весло. Надсмотрщик еще не понял, что случилось, когда Карс рванулся к нему, насколько ему позволяли цепи, и стал молотить его кулаками по голове, рыча от ненависти. Мгновенно весь порядок гребли был нарушен. Каллус подскочил к Карсу и ударил его тяжелой рукояткой бича. Оставив его почти без сознания, надсмотрщик убрался в безо-

пасное место, подальше от могучих рук Джаксарта. Бокхаз съежился, как только мог, и сидел молча, всем своим видом демонстрируя полное смирение.

С палубы донесся голос Иваин:

— Каллус!

Начальник надсмотрщиков поклонился ей:

— Да, Ваше Высочество!

— Отхлестай их так, чтоб они помнили: они только рабы и пусть не воображают себя людьми!

Ее гневный взор остановился на Карсе.

— Что касается этого... Он новенький, не так ли?

— Да, Ваше Высочество.

— Так проучи его, — сказала она.

И они проучили его. Каллус и надсмотрщик занимались обучением вместе. Карс спрятал голову в ладони и терпел. Бокхаз вскрикивал от боли, когда кнут случайно задевал его. Карс видел, как темные полосы крови сползали на пол с его плеч и пятнали палубу. Кипящая ненависть охладевала в нем и превращалась в ледяное железо, которое бичами ковали два «кузнеца». Наконец они остановились. Карс поднял голову. Это было нелегко, но он упрямо поднял голову. Он взглянул прямо в прекрасные глаза Иваин.

— Хороший ли урок ты получил, раб? — спросила она.

Прошло несколько секунд, прежде чем он смог ответить ей. Ему было уже безразлично, будет ли он жить или сейчас умрет. Вся вселенная сконцентрировалась для него в этой женщине, которая стояла, возвышаясь над ним, такая самоуверенная, такая недоступная.

— Спустись сюда и сама обучи меня, если сможешь, — ответил он резко и назвал ее словом, от которого покраснели бы и грубые просоленные моряки из Нижнего порта Джеккары.

На мгновение все окаменели и не могли вымолвить ни слова. Карс увидел, как побледнело ее лицо, — и засмеялся. Жуткий смех, похожий больше на кашель, раздался в полной тишине.

Скилд выхватил шпагу и прыгнул вниз, в яму, к гребцам. Клинок сверкнул в свете факела. Карс понял, что это смерть. И он ждал удара, но удара все не было, и он не сразу сообразил, что Иваин приказала Скилду не убивать его. Скилд остановился в недоумении и растерянности.

— Но, Ваше Высочество...

— Иди сюда, — сказала она, и Карс увидел, что она внимательно смотрит на шпагу в руке Скилда. На шпагу Рианона.

Скилд поднялся к Иваин, его лицо было несколько испуганным.

— Дай мне ее, — сказала Иваин.

Скилд растерялся, не понимая, о чем она говорит.

— Шпагу, дурак, — повторила она.

Он вложил шпагу в ее руки, и она стала изучающе вглядываться в мастерскую работу неведомого оружейника, в одинокий дымчатый камень на рукояти, в символы на клинке.

— Где ты нашел ее, Скилд?

— Я... — Он замялся, не зная, как признаться в мародерстве, и рука его инстинктивно нащупала украденный воротник.

Иваин сказала сухо, словно хлестнула его по лицу.

— Меня не интересуют твои воровские привычки. Где ты ее нашел?

Он указал рукой на Карса и Бокхаза.

— У них, Ваше Величество. Когда я арестовал этих бродяг...

Она кивнула:

— Доставь их в мою каюту.

И исчезла за дверью башенки.

Скилд, совершенно потерянный, с несчастным лицом, повернулся, чтобы выполнить ее приказ.

Бокхаз простонал:

— О, милосердные боги! Это конец! — Он наклонился к Карсу и быстро зашептал в его ухо: — Лги, как ты никогда раньше не лгал! Если они дознаются, что тебе известен секрет гробницы Рианона, дхувиане вырвут его у тебя под пыткой!

Карс промолчал. Он боялся потерять сознание. Скилд велел принести вина, и оно было доставлено в одну минуту. Он дал Карсу выпить немного и снял с него и Бокхаза цепи. Вино и свежий ветер немного оживили Карса. Скилд втолкнул их обоих в каюту Иваин, а сам встал на страже.

Иваин сидела перед большим столом, украшенным богатой резьбой. На столе лежала, поблескивая, шпага Рианона. В дальнем углу каюты имелась небольшая дверца, ведущая в другую, меньшую по размерам каюту. Карс заметил, что эта дверца слегка приоткрылась. Оттуда не проникало никакого света, но у него появилось такое чувство, словно кто-то или что-то притаилось за ней, слушая каждое слово. Это чувство заставило его вспомнить, что говорил Джаксарт о Нараме и Шаллах. В каюте стоял неприятный сладковато-удушливый

запах, почти незаметный, сухой и отвратительный. Похоже, он проникал именно из маленькой комнатки. И запах этот (странно, но это было так) был ненавистен Карсу. Он подумал: интересного же любовника прячет Иваин в маленькой каюте.

Иваин отвлекла его от этих мыслей. Ее взгляд словно пронзил его, и он подумал, что никогда еще не видел таких глаз. Она обратилась к Скилду:

— Расскажи мне все.

Запинаясь, он поведал ей, каким образом шпага попала к нему. Иваин обернулась к Бокхазу.

— А ты, толстяк! Как же ты заполучил эту шпагу?

Лицо Бокхаза выражало полнейшую невинность.

— Как я еще мог ее получить? Я же не воин. У него были воротник и драгоценный пояс, госпожа. Вы сможете убедиться, что они весьма дорого стоят.

Ее лицо ничего не выражало, так что трудно было понять, поверила она ему или нет.

Иваин повернулась к Карсу.

— Тогда шпага принадлежит тебе, так?

— Да.

— Где ты нашел ее?

— Я купил ее у торговца.

— Где?

— В северной стране, за Шаном.

Иваин улыбнулась.

— Ты лжешь.

Карс сказал устало:

— Я честно получил это оружие. (В какой-то степени это было правдой.) И мне наплевать, веришь ты мне или нет.

Приоткрытая дверь притягивала Карса. Он хотел бы распахнуть ее и посмотреть на того, кто стоит в темноте, наблюдая и слушая. Он хотел бы увидеть, откуда сочится этот ненавистный ему запах. Как будто он знал, что там, за дверью.

Не в силах больше сдерживать себя, Скилд спросил:

— Прошу прощения, Ваше Высочество! Но почему так много шума из-за обыкновенной шпаги?

— Ты хороший солдат, Скилд, — задумчиво проговорила Иваин, - - по иногда ты бываешь просто глуп. Чистил ли ты этот клинок?

— Разумеется. И он, кстати, был в ужасном состоянии. - - Он с отвращением кивнул на Карса. — Он выглядел так, словно его не касались много лет.

Иваин протянула руку и тронула украшенную драгоценным камнем рукоять. Карс увидел, что рука ее дрожала. Она сказала мягко:

— Ты прав, Скилд. Ее действительно не касались много лет. С тех пор как Риапон, который сделал эту шпагу, был заточен в гробнице и обречен на страдания за свои прегрешения.

Лицо Скилда побелело, нижняя челюсть у него отвисла, и после долгого молчания он с трудом вымолвил одно-единственное слово:

— *Риапон!*

Глава 8
Ужас в темноте

Взгляд Иваин остановился на Карсе.

— Он знает секрет гробницы, Скилд. Он знает его, иначе у него не было бы этой шпаги.

Она задержала дыхание и заговорила снова, ее слова звучали глухо, как будто она произносила их машинально, про себя:

— Страшная, опасная тайна. Настолько опасная, что я почти желала бы...

Она прервала себя на полуслове, как будто сказала слишком много. Может быть, ее тоже пугала приоткрытая дверь? Прежним, надменным тоном она обратилась к Карсу:

— У тебя есть последний шанс, раб. Где находится гробница Риапона?

Карс покачал головой.

— Я ничего не знаю, — ответил он и ухватился за плечо Бокхаза, чтобы не упасть. Капли крови падали с его израненных плеч на ковер. У него кружилась голова, и голос Иваин доносился до него как бы издалека.

— Отдайте его мне, Ваше Высочество, — жестко сказал Скилд.

— Нет. Он слишком слаб для твоих методов. Я не хочу убивать его сейчас, еще не время. Дай мне подумать.

Вдруг она улыбнулась.

— Ведь они гребцы, не так ли? Прекрасно. Забери третьего человека с их весел. И прикажи Каллусу хлестать толстяка после каждого пятого удара барабана.

Бокхаз застонал.

— Ваше Высочество, умоляю вас! Я бы все сказал вам, если бы знал хоть что-нибудь, но я ничего, ничего не знаю!

Иваин пожала плечами:

— Может быть, и так. В таком случае, ты сумеешь убедить своего приятеля. — Она снова повернулась к Скилду: — Скажи Каллусу, чтобы высокого обливали морской водой каждый раз, когда он будет нуждаться в этом. В морской воде удивительная целебная сила.

Ее зубы сверкнули в улыбке. Скилд засмеялся. Иваин отослала его на палубу.

— Держи их в черном теле. Когда высокий заговорит, приведи его ко мне.

Скилд отдал честь и отвел рабов назад, в яму гребцов.

Джаксарта сняли с цепи, и ночной кошмар возобновился. Бокхаз был раздавлен и трясся мелкой дрожью.

— Я хотел бы никогда в жизни больше не видеть эту проклятую шпагу! Она приведет нас в Кара-Дху, и пусть боги смилуются тогда над нами!

Карс оскалил зубы в усмешке.

— Там, в Джеккаре, ты думал иначе...

— Там я был свободным человеком, и дхувиане были далеко.

Бокхаз напомнил ему о дхувианах, и это вызвало у Карса непонятную реакцию. Он спросил очень странным голосом:

— Бокхаз, а что это за запах стоял в каюте?

— Запах? Я не чувствовал никакого запаха.

«Он не чувствовал, — подумал Карс. А меня этот запах чуть не свел с ума. Возможно, я уже сумасшедший».

— Джаксарт был прав, Бокхаз. Что-то спрятано в этой каюте у Иваин.

С некоторым раздражением Бокхаз отозвался:

— Любовные шашни Иваин интересуют меня очень мало.

Некоторое время они работали молча. И тут Карс неожиданно спросил:

— Кто такие дхувиане?

Бокхаз смотрел на него, ничего не понимая.

— Откуда ты свалился, Карс?

— Я уже сказал тебе. Из-за Шана.

— Ты, должно быть, и впрямь пришел издалека, если не слышал о Кара-Дху и Змее! — Бокхаз пожал толстыми плечами. — Ты притворяешься, что ничего не знаешь, или это какая-то странная игра? Ну что ж, я не возражаю, давай играть

вместе. Ты должен хотя бы знать, что с незапамятных времен на Марсе живут племена людей и полулюдей -- Халфлингов. Из людей самыми великими и мудрыми были Куру. У них было столько могущества и знаний, что мы считали их сверхлюдьми. Их нет больше, но их чтят на всем Марсе до сих пор. Были также и Халфлинги -- расы, близкие человеческим, но произошли они от других ветвей: Пловцы — от морских существ, Крылатые — от летающих существ, и еще были дхувиане -- те, кто родился от Змеи.

Словно чье-то холодное дыхание коснулось Карса. Он слышал обо всем этом впервые в жизни, почему же это так знакомо ему? Ведь он никогда не встречал таких подробностей древней марсианской эволюции. Он никогда об этом не слышал. Или слышал?

— Дхувиане всегда были хитрыми и умными, как Змея, которая их породила, -- продолжал Бокхаз. — Они оказались настолько ловкими, что сумели уговорить Рианона обучить их некоторым знаниям из тех, что принадлежали Куру. Некоторым -- но не всем! И все же он научил их многому. Дхувиане построили свой черный город Кара-Дху и сделали его неприступным. Свое оружие они направили против своих врагов и врагов сарков их союзников, которых они хотели сделать повелителями Марса.

— И это было грехом Рианона? -- спросил Карс.

— Да, и за этот грех Проклятый был наказан. Его братья-Куру не советовали ему помогать дхувианам и наделять их знаниями. Именно за это Куру и осудили Рианона и заточили его в гробнице, перед тем как покинуть наш мир. По крайней мере, именно так говорят легенды.

— Но дхувиане -- не легенда?

— Нет, будь они прокляты! — прошептал Бокхаз. -- Они — причина тому, что все свободные люди ненавидят сарков, которые заключили дьявольский союз со Змеей!

Их разговор был прерван появлением раба со сломанными крыльями. Его звали Лорн. Он принес ковш с морской водой.

Крылатый человек заговорил приятным мелодичным голосом:

— Будет очень больно, незнакомец. Терпи, если сможешь, — вода поможет тебе.

Он поднял ковш; сверкающая вода обрушилась на Карса, окутывая его водопадом искорок. Только теперь он понял, почему улыбнулась Ивани. Химический состав воды, вызы-

вающий ее свечение, залечивал раны, но лечение причиняло, пожалуй, больше мук, чем сами раны. Адская боль не отпускала его, ему казалось, что мясо отделяется от костей. Карс застонал. Но ночь проходила, и через некоторое время он почувствовал, что боль отступает. Он был жив, и он увидел рассвет. Он не верил, что сможет до него дожить.

Вскоре после восхода матрос на смотровой вышке крикнул:

— Впереди Черный Берег!

Через бортовое окошко Карс увидел громадные черные скалы и рифы — со всех сторон рифы. Камни причудливо громоздились друг на друга. Пенистые волны с грохотом разбивались о них.

— Неужели галера осмелится пройти в этом месте? — удивился Карс.

— Это кратчайший путь в Сарк, — пояснил Бокхаз. — А что касается рифов... Как ты думаешь, для чего каждая галера Сарка держит пленных Пловцов?

— Не знаю.

— Скоро сам все увидишь.

Иваин стояла прямо над ними и следила за движением корабля. Вскоре к ней присоединился Скилд. Они не обращали никакого внимания на рабов, изнывающих на веслах. Бокхаз тут же жалобно крикнул:

— Пощады, Ваше Высочество!

Иваин словно не слышала. Она приказала Скилду:

— Замедли движение галеры и отправь на разведку Пловцов!

С Нарама и Шаллах были сняты кандалы, но цепи оставлены, после чего они прыгнули в воду. Они бесстрашно ныряли в пенистой воде, быстро продвигаясь вперед, к Черному Берегу.

— Видишь? — сказал Бокхаз. — Благодаря им корабль без опасений пройдет здесь и не сядет на рифы и подводные камни.

Под медленные удары барабана галера спокойно, уверенно продвигалась вперед. Иваин стояла на носу корабля. Ее пышные волосы развевались, шлем искрился в лучах солнца. Она и Скилд внимательно смотрели вперед.

Сильные волны со свистом и шипением ударяли в борта судна; громко треснув, одно из весел сломалось о скалу, но тем не менее галера медленно двигалась к широкой полосе открытого моря. Это было долгое, изнурительное путешествие среди скал. Солнце уже стояло в зените. Люди напрягали по-

следние силы. Наконец галера вышла в чистую воду, и Черный Берег остался позади. Пловцы заняли свои прежние места.

Иваин посмотрела вниз, на гребцов.

— Дай им небольшой отдых, — приказала она. — Скоро посвежеет. — Ее глаза остановились на Карсе и Бокхазе. — И еще, Скилд, я хочу видеть этих двоих в моей каюте.

Карс видел, как Скилд пересек корму и спустился вниз по лестнице. Его терзали дурные предчувствия. Он совсем не хотел подниматься снова в эту каюту-башенку. Он не хотел снова увидеть маленькую дверь и чувствовать этот липкий дьявольский запах. Но с него и Бокхаза сняли кандалы и, подталкивая копьями, вновь заставили подняться в каюту.

Все как раньше. Скилд и Иваин за полированным резным столом, сверкающая шпага Рианона перед Иваин, запах — и дверь в комнатку в дальнем углу каюты, почти закрытая. Почти.

Иваин нарушила молчание.

— Ну вот, ты и попробовал того пирога, которым я угощаю строптивцев. Хочешь еще? Или ты все-таки предпочитаешь рассказать мне, где находится гробница Рианона и что ты нашел там?

Карс ответил равнодушно:

— Я уже сказал тебе, что ничего не знаю.

Он не глядел на Иваин. Маленькая дверь завораживала его, притягивала с какой-то странной силой. Где-то в глубине его сознания что-то шевельнулось. Ненависть, угроза и ужас, которых он не мог понять. Но зато он хорошо понял, что это — конец. Он непроизвольно содрогнулся, и все его нервы напряглись.

«Что это такое, чего я не знаю, но каким-то образом помню?»

Иваин склонилась к нему.

— Ты сильный человек и гордишься этим. Ты знаешь, что сумеешь выдержать любые пытки, которым я могу подвергнуть тебя. Я тоже уверена в этом. Но ведь есть и другие способы. Более быстрые, которые бьют наверняка и против которых даже у самого сильного человека не найдется защиты.

Она поймала его взгляд, который был неотрывно направлен на дверь.

— Вероятно, ты догадываешься, что я имею в виду, — сказала она мягко.

Лицо Карса было лишено в этот момент какого бы то ни было выражения. От тяжелого липкого запаха пересохло гор-

ло. Он содрогнулся, страх наполнял его легкие, кровь похолодела и короткими нервными толчками стучала в висках. Ядовитый, жестокий и холодный воздух словно коснулся обнаженного мозга. От нервного напряжения он беспокойно переминался на месте, но глаз не опускал. Он сказал сухо:

— Я догадываюсь.

— Прекрасно. Тогда говори — и эта дверь останется закрытой.

Карс засмеялся сухим, низким смехом. Его глаза застилала странная дымка.

— Зачем мне что-то говорить? Ты все равно убьешь меня потом, чтобы сохранить секрет для себя одной.

Он шагнул вперед. Он знал, что нужно было шагнуть вперед. Когда он заговорил, его собственный голос был для него чужим. Странное чувство охватило его. В висках стучали маленькие молоточки. Ему казалось, что то сильное, огромное и непонятное, что так долго копилось и росло в нем подспудно, взорвалось и вырвалось на свободу.

Он не знал, почему он шагнул вперед, к этой двери. Он не знал, почему он крикнул голосом, который ему не принадлежал:

— Открывай, сын Змеи!

Бокхаз сдавленно пискнул и уполз в угол, прячась в темноте. Иваин, внезапно побелев, поднялась из-за стола.

Дверь медленно приоткрылась. Там не было ничего, кроме темноты и тени. Тень с капюшоном на голове настолько растворилась во мраке неосвещенной кабинки, что казалась чем-то вроде привидения. Но она была живой. И Карс сразу же понял, кто перед ним. Страх, древний сатанинский страх, что полз по траве со дней сотворения мира, полз своей дорогой, в стороне от жизни, наблюдая за ней глазами, полными холодной мудрости, смеясь беззвучным смехом и принося живым только горькую смерть. Это была Змея, и все, что было в Карсе от животного, хотело бежать, прятаться. Каждая клеточка тела предупреждала его об опасности. Но он не убежал. В нем рос гнев — рос, пока не заслонил собой и страх, и Иваин, и всех остальных — все, кроме желания уничтожить существо, прятавшееся от света. Был ли это его собственный гнев — или же это было нечто большее? Нечто, рожденное в позоре и агонии, то, чего он никогда не знал?

Из темноты с ним заговорил голос, мягкий и вкрадчивый.

— Ты этого хотел. Пусть это совершится.

В каюте стояла тишина. Скилд отшатнулся, услышав звук этого голоса. Даже Иваин отошла к краю стола. Испуганный Бокхаз тяжело дышал. Тень приблизилась с тихим сухим шорохом. В воздухе появился темный шар с пробегающими в его глубине блестящими искрами; его удерживали невидимые руки. От этих искорок не падал отблеск, как не падает он от звезд из далекого мира. Звезды стали двигаться, вращаясь по невидимой орбите, все быстрее и быстрее, пока не превратились в светящееся туманное кольцо. Из этого кольца поднялась и зазвучала высокая мелодичная нота, чистая хрустальная песня, которая сама была бесконечностью, не имеющая ни начала, ни конца. Призыв, направленный только к нему одному? Или это ему только послышалось? Он не мог сказать наверняка. Возможно, он слышал эту хрустальную ноту кожей, нервами. Похоже, что остальные — Иваин, Скилд, Бокхаз — не были задеты этим. Карс почувствовал, как холод парализует его. Ему казалось, что маленькие поющие звезды звали его через Вселенную, заманивали в пустой космос, вытягивая из него тепло и жизнь. Его напряженные мускулы ослабли, они таяли и уплывали в холодном потоке, его мозг исчезал, растворялся в дымке. Медленно он опустился на колени. Маленькие звезды пели и пели. Он знал, что пока он отвечает им, он сможет спать. Теперь он понимал их. Они спрашивали его о чем-то. Вопрос. Он мог вообще не просыпаться, это не имело значения. Он боялся, что во сне забудет свой страх. *Страх, страх! Древний, с незапамятных времен тревожащий душу страх, ужас, что скользит в тихой темноте.* Во сне и смерти он мог забыть этот страх. Он должен был сделать только одно — ответить на этот завораживающий шепот: «Где гробница?»

Отвечай.

Говори.

Но что-то сковывало его язык. Красное пламя гнева все еще горело в нем, оно боролось с сиянием звучащих звезд. Он сопротивлялся, но песня звезд была слишком сильна.

Он услышал, как его сухие губы медленно произносят: «Гробница... место пребывания Рианона...»

Рианон! Темный отец, который научил вас мудрости и могуществу, о, порождение Змеи!

Это имя вспыхнуло в нем, как боевой клич. Его ярость поднялась, как волна. Дымчатый камень, украшающий рукоять шпаги, внезапно очутился в его руке. Иваин рванулась к нему, но было уже поздно. Камень загорелся огнем, соперничая

с таинственной силой поющих, светящихся звезд. Хрустальная песня задрожала и остановилась. Звезды померкли. Он разрушил этот странный гипноз. По жилам Карса снова текла кровь. В его руках шпага была живым существом. Он выкрикнул имя Рианона и бросился в темноту. Он услышал шипящий крик, когда его длинный клинок вошел в сердце тени.

Глава 9
Галера смерти

Карс медленно выпрямился и повернулся спиной к существу, которое он убил, но которого не видел. У него не было желания смотреть на него. Он был потрясен, и странные чувства обуревали его, в нем кипела сила, близкая к сумасшествию. Истерика, подумал он, это бывает, когда на тебя валится слишком много испытаний, когда вокруг рушатся стены и тебе не остается ничего другого, кроме как драться — драться, пока не погибнешь.

В каюте царила мертвая тишина. У Скилда, стоявшего с широко раскрытым ртом, был потерянный вид. Иваин оперлась рукой о стол. Странно было замечать в ней этот признак слабости.

Пораженная, она спросила:

— Кто ты, человек или демон, — ты, кто может устоять против Змеи?

Карс не ответил. Его чувства нельзя было передать словами. Ее лицо казалось ему серебряной маской. Внезапно он вспомнил боль, позорную, мучительную работу за веслом, вспомнил он и о шрамах, оставленных кнутом на его лице. Он снова слышал голос, приказавший Каллусу: «Научи его!»

Он убил Змею. Теперь было так легко убить и принцессу. Он двинулся к ней; короткое расстояние, разделявшее их, сокращалось, и было что-то ужасное в этих медленных, обдуманных движениях закованного в цепи раба со шпагой, черной от крови. Иваин отступила на один шаг. Ее рука скользнула к мечу. Она боялась не смерти. Она боялась того ужасного, что видела в лице Карса, того страшного огня, который сверкал в его глазах. Скилд вскрикнул и с мечом бросился на Карса. Но все они совсем забыли о Бокхазе, тихо скорчившемся в своем углу. Теперь валкисианин вскочил на ноги, передвигаясь необычайно быстро для своего веса. Как только Скилд поров-

нялся с ним, он поднял скрещенные руки и с ужасающей силой обрушил всю тяжесть своего тела на голову Карка. Скилд упал, как подкошенный.

К Иваин вернулась ее гордость. Шпага Рианона взлетела для смертельного удара, и быстро, как молния, клинок в руке Иваин встретил удар, сила которого выбила оружие из ее рук. Карсу понадобилось бы ударить еще только один раз. Но вместе с этим усилием гнев уходил. Он увидел, что губы ее шевельнулись, что сейчас она гневно вскрикнет, позовет на помощь, и тогда он хлестнул ее по лицу рукояткой шпаги. Удар отшвырнул Иваин к перегородке.

Но тут Бокхаз схватил Карса за плечо.

— Не убивай ее! Мы сможем купить себе жизнь ценой ее жизни!

Он только сейчас сообразил, что они — два раба, победившие Иваин из Карка и убившие капитана галеры, — идут по острию ножа. Их жизни теперь будут стоить не больше дуновения ветра, как только команда узнает о случившемся. Пока что они в безопасности. Они не подняли шума, и снаружи не слышно было ничего, что могло бы поднять тревогу. Бокхаз закрыл маленькую дверцу, словно хотел спрятать даже память о том, что находилось за ней. Затем он внимательно посмотрел на Скилда. Тот был мертв. Бокхаз схватил его меч и с минуту стоял неподвижно и только тяжело дышал. Он взглянул на Карса с большим уважением, в котором были одновременно и страх, и восхищение. Оглянувшись на запертую дверь, он пробормотал:

— Я не поверил бы, что такое возможно. Но я видел это своими глазами! — Он повернулся к Карсу. — Ты выкрикнул имя Рианона, перед тем как ударить. Почему?

Карс ответил нетерпеливо:

— Как человек в подобную минуту может думать, о чем он говорит?

В действительности он и сам не знал, почему он назвал имя Рианона. Кроме того, что это имя бросали столько раз, что оно превратилось в своего рода манию. Крошечный прибор для гипноза, которым дхувианин пытался остановить Карса, чуть не свел его с ума. Он помнил только охватившую его ярость, но — свидетели боги! — все, что случилось с ним, могло вывести из себя любого. Не так уж и странно, подумал он, что гипноз дхувиан не смог полностью парализовать его сознание. В конце концов, он был землянином, человеком другого времени. Он не хотел больше об этом думать.

— С этим покончено. Теперь давай соображать, как нам выбраться из этой передряги.

Храбрость Бокхаза, казалось, пропала вся без остатка. Он мрачно заявил:

— Нам лучше покончить с собой сразу же и не мучиться больше.

Карс поинтересовался:

— Если ты так полагаешь, то почему же ты убил Скилда, спасая мою жизнь?

— Не знаю. Инстинктивно, быть может.

— Отлично. А мой инстинкт говорит мне, что мы будем жить — и довольно долго.

В действительности непохоже было, что их жизнь будет слишком продолжительной, если учитывать обстоятельства последних часов. Но он не собирался бросаться грудью на шпагу Рианона. Он взвесил ее в руках и приготовился сражаться. Внезапно он сказал:

— Если мы освободим гребцов, мы сможем принять бой. Они приговорены к галере навечно — им нечего терять. Мы захватим корабль.

Глаза Бокхаза широко раскрылись, затем сузились, взгляд стал острым. Он подумал о предложении Карса, затем пожал плечами.

— Конечно, мы можем и погибнуть. Но стоит попробовать. Да, стоит рискнуть.

Он прикинул на вес длинный кинжал Иваин. Демонстрируя большую сноровку, он принялся взламывать замок на кандалах Карса.

— У тебя есть план действий? — спросил он.

Карс проворчал:

— Я не волшебник. Я могу только попробовать. — Он взглянул на Иваин. — Ты останешься здесь, Бокхаз. Забаррикадируй дверь. Охраняй ее. Если что-нибудь случится, Иваин будет нашей заложницей, нашей единственной надеждой на спасение.

Наручники были сняты. С сожалением Карс оставил на столе шпагу Рианона. Кинжал был нужен Бокхазу, чтобы снять кандалы. Карс взял меч у убитого Скилда и спрятал оружие на поясе. Он торопливо дал Бокхазу несколько указаний. Мгновением позже Бокхаз открыл дверь [illegible] так, чтобы человек мог протиснуться наружу. Подражая резкому голосу Скилда, он позвал стражника. Солдат подошел к двери.

— Этого раба — в гребную яму! — приказал Бокхаз голосом Скилда. — И чтоб госпожу Иваин никто не тревожил.

Солдат отсалютовал и толкнул Карса к гребцам. Дверь закрылась, и Карс услышал, как лязгнул засов. Спускаясь по лестнице, он думал: «Надо посчитать солдат и решить, как с ними справиться. Нет, не думай. Не думай. Иначе ты никогда не решишься на это».

Барабанщик, тоже раб. Два Пловца. Надсмотрщик в углу с кнутом в руках. Ряды скамей и ряды гребцов. Лица шакалов, крыс и волков. Стоны и вздохи, запах пота и соленой воды. И нескончаемые удары, удары, удары барабана.

Солдат передал Карса Каллусу и вышел. Джаксарт снова был на их весле, вместе с ним еще один раб — сарк, новичок с клеймом на лбу. Оба они взглянули на Карса. Каллус грубо толкнул его на скамью. Он снова был на весле, как и прежде. Каллус начал приковывать его к главной цепи, рыча при этом:

— Я очень надеюсь, что госпожа Иваин отдаст мне тебя, когда она закончит все дела с тобой. Вот тогда я и повеселюсь, ублюдок, а пока... — Каллус внезапно остановился, прервав свою речь. Это были его последние слова. Карс ударил его в сердце кинжалом с такой быстротой, что даже Каллус не успел ничего понять. Он был мертв.

— Продолжай грести, — приказал Карс Джаксарту сквозь зубы. Кхонд повиновался. Пламя вспыхнуло в его глазах. Клейменый раб тихо, жестко засмеялся. Карс снял ключи с пояса надсмотрщика и медленно положил тело убитого на пол. Раб-барабанщик все видел, но не сказал ни слова.

— Продолжай, — сказал ему Карс.

Джаксарт кивнул. Удары барабана гремели, как будто ничего не случилось. Внезапно удары остановились. Карс вздрогнул. Его глаза встретились с глазами барабанщика, и стук возобновился, но второй надсмотрщик уже шел вниз, громко ругаясь.

— Что здесь происходит, свинья?

— У меня устали руки, — пролепетал раб.

— Устали, а? Я переломаю тебе и руки и ноги, если это повторится!

Раб на правом бортовом весле сказал с ударением:

— Многое может случиться, вонючий сарк!

Он снял руки с весла. Надсмотрщик подскочил к нему:

— Ну-ну. Что еще скажешь? Кажется, я слышал голос неумытого пророка?

Его кнут взвился, но Карс уже очутился за его спиной. Одной рукой он зажал надсмотрщику рот, а другой вонзил кинжал ему под лопатку. Тихо, мягко тело второго надсмотрщика скользнуло под скамью. Глубокий звериный рев прошел по рядам гребцов и тут же захлебнулся — Карс предупредил, что еще не время поднимать шум. Наверху по-прежнему было тихо, никто ничего не заметил.

Неизбежно ритм гребли сломался, но это не было чем-то необычным, об этом позаботится надсмотрщик, как всегда. Пока весла не остановятся, никто ничего не заподозрит. И если удача будет на их стороне...

Барабанщик продолжал стучать. Карс велел передавать по рядам: «Продолжайте грести, пока со всех не будут сняты кандалы и цепи!» Удары весел возобновились, набирая скорость медленно, но верно. Осторожно прокравшись в темноте, Карс открыл главные верхние люки. Люди ждали сигнала, в то время как рабы один за другим освобождались от цепей. Но половина из них были еще закованы, когда один солдат решил посмотреть вниз, на гребцов. Карс только что освободил Пловцов. Он увидел, как лицо солдата исказилось, выражение скуки сменилось выражением страха, и в этот момент кнут обвился вокруг шеи солдата и сбросил его вниз, ломая ему кости.

Карс вскочил на скамью.

— Вперед, ребята! Вперед, бродяги! Настало наше время!

Они бросились следом за ним, все, как один человек, с ревом зверей, с криком людей, жаждущих крови и мести.

По лестницам они быстро поднялись на палубу, заполонив корабль, с цепями в руках. А те, кто еще был на веслах, в сумасшедшей спешке снимали кандалы. У них было важное преимущество — внезапность. Их атака началась так быстро, что мечи солдат не успели покинуть ножен и луки их не были натянуты. Но растерянность длилась недолго. Карс знал, как быстро теряет силу неожиданность.

— Вперед! Бейте их, пока можете!

С кандалами, с металлическими болтами и стержнями, с цепями, сжав кулаки, рабы бросились на солдат. Карс с кнутом и кинжалом, Джаксарт с воющим кличем битвы «Кхондор!» на губах. Обнаженные тела против кольчуг и лат, толпа против дисциплинированного отряда. Пловцы скользили по палубе, как коричневые тени, а рабы со сломанными крыльями уже раздобыли где-то несколько мечей. Моряки бежали на помощь солдатам, но волки все лезли и лезли из ямы гребцов.

С центральной и сигнальной башен лучники пускали в толпу стрелу за стрелой, но в рукопашной все так смешалось, что они опустили луки, потому что боялись попасть в своих. Сладковато-соленый запах крови стоял в воздухе, и палуба стала скользкой от нее. Карс увидел, что рабы отброшены и убитых становится все больше.

С яростным криком он бросился к каюте Иваин. Для сарков, наверное, было странным, что в такой момент ни Иваин, ни Скилда нет на палубе. Карс забарабанил в дверь, выкрикивая имя Бокхаза. Валкисианин открыл засов, и Карс ворвался внутрь.

— Вытащи девчонку на рулевую площадку, — задыхаясь, сказал он. — Я тебя прикрою.

Он схватил шпагу Рианона и выскочил из каюты вместе с Бокхазом, который крепко сжимал Иваин обеими руками. Лестница была всего в двух шагах от каюты. Лучники уже спустились на палубу, так что на площадке никого не было, кроме перепуганного матроса-сарка, который от страха прижался к мачте. Карс, обнажив шпагу, очистил себе путь и стал подниматься по лестнице, в то время как Бокхаз тащил Иваин.

— Смотрите! У нас Иваин! — закричал он с площадки.

Он мог бы этого и не говорить. Вид ее, закованной и связанной, с кляпом во рту, подкосил солдат и в то же время оказал магическое действие на рабов. Два вопля всколыхнули воздух, и это были стон и ликование. Кто-то нашел тело Скилда и выбросил его из каюты на палубу. Оставшись без командиров, сарки совершенно растерялись. Преимущество было на стороне рабов, и они тут же воспользовались им. Их вела шпага Рианона. Она перерубила трос, удерживающий на мачте флаг Сарка; ударом древнего клинка был убит последний солдат-сарк.

На палубе царило ликование. Черная галера медленно двигалась под усиливающимся ветром. Солнце низко стояло над горизонтом.

Карс медленно поднялся на площадку рулевого. Иваин, которую все еще крепко держал Бокхаз, следовала за ним. Глаза ее были полны дьявольского огня. Карс подошел к краю площадки и встал, опираясь на свою шпагу. Рабы, утомленные и опьяненные битвой, вином и победой, собрались на нижней палубе. Джаксарт вышел из каюты Иваин. Он потряс скользкой от крови шпагой перед Иваин и закричал:

— Хорошего же любовника она прятала у себя! Порождение Кара-Дху, вонючую Змею!

Ответом ему были недоумение и страх. Бывшие рабы были напуганы этими словами, они дрожали даже и сейчас, после победы.

— Оно мертво. Джаксарт, выбрось эту гадость за борт!

Джаксарт замешкался.

— Откуда ты знаешь?

Карс ответил:

— Потому что я убил его!

Люди смотрели на него, словно на высшее существо. Пораженные, они шептали: «Он убил Змею!» Джаскарт и другой гребец возвратились в каюту и вытащили тело. Рабы расступились перед ними, давая дорогу, и увидели черное, закутанное в плащ тело, безлицее, бесформенное, спрятанное в складках одежды, символ смерти и дьявольского зла. И снова Карс переборол холодный страх и снова ощутил касание страшного гнева. Он заставил себя смотреть. Плеск за бортом был невероятно громким в полной тишине. Круги пошли по воде и исчезли.

Люди снова заговорили. Они кричали, они повторяли имя Иваин, проклиная ее. Кто-то заорал:

— Убить ее!

Толпа бросилась к лестнице, но Карс остановил ее, преградив ей путь своим длинным клинком.

— Нет! Она — наша заложница, ее жизнь на вес золота для нас!

Он не стал объяснять, как и почему, он просто знал, что этот довод будет для них достаточно убедительным. И хотя он ненавидел Иваин не меньше их, он почему-то не хотел видеть ее растерзанной этой волчьей стаей.

Он сменил тему.

— Сейчас мы должны избрать вождя. Кого вы назовете?

На это был только один ответ. Они выкрикивали его имя, пока оно не оглушило его, и Карс почувствовал варварское удовольствие от этого звука. После мучений он снова был человеком — даже в этом, чужом для него мире. Наконец крики стихли, и он заговорил:

— Хорошо. Теперь слушайте, что я скажу. Сарки убьют нас мучительной смертью после того, как узнают, что мы сделали. Если они поймают нас, конечно. Итак, вот мой план. Мы присоединимся к свободным пиратам, к Морским Королям, которые правят Кхондором!

Все до последнего человека были согласны, и имя «Кхондор» звучало у всех на устах. Кхонды-рабы плясали, как сума-

ешедшие. Один из них сорвал желтую тунику с убитого солдата, привязал ее, как флаг, и поднял на верхушку мачты вместо вымпела с драконом Сарка. По просьбе Карса Джаксарт взял на себя командование галерой, а Бокхаз отвел Иваин вниз и запер в каюте. Люди разбрелись по кораблю, доламывая и срывая кандалы, возбужденные возможностью поживиться оружием и одеждой, выпить бочонок красного вина. На палубе остались только Нарам и Шаллах.

— Вы недовольны? — спросил Карс.

Глаза Шаллах светились тем необычным светом, который удивлял его и раньше.

— Ты чужой, — ответила она мягко. — Чужой для нас, чужой для нашего мира. И я снова скажу тебе, что чувствую в тебе черную тень, которая пугает нас и которая следует за тобой повсюду, куда бы ты ни шел.

Она отвернулась от него, и Нарам сказал:

— Мы уходим домой.

Два Пловца поднялись на край борта. Теперь они были свободны от цепей и дрожали от счастья. Они скользнули за борт и исчезли в глубине моря. Через минуту Карс снова увидел их, они выскакивали из волн, как дельфины, они касались друг друга и окликали друг друга ласковыми именами, пока наконец не пропали в темноте.

Деймос стоял уже высоко в небе, и Фобос поднимался на востоке. Поверхность моря превратилась в блестящее серебро. Пловцы повернули к западу, и казалось, что две тонкие ниточки расплавленного серебра прорезали море, а затем они стали гаснуть и наконец совсем растворились.

Глава 10
Морские Короли

Карс стоял, прислонившись к борту, и смотрел на море, когда прилетели Крылатые. Он отдыхал. Переодевшись в чистую рубашку, он побрился и смыл с себя грязь, раны его зажили. Он снова надел свой пояс, и рукоять длинной шпаги сверкала на левом бедре. Бокхаз стоял позади Карса. Он всегда был позади Карса. Указав пальцем на запад, он сказал:

— Взгляни вон туда.

Карс внимательно вгляделся в то, что поначалу принял за стаю птиц. Они быстро приближались к галере, и он понял,

что это — полулюди, как те рабы со сломанными крыльями, которых он видел на корабле. Но это были не рабы, и крылья их широко и свободно рассекали спокойный воздух. Их тонкие обнаженные тела сверкали, как слоновая кость, их белые крылья горели в лучах солнца. Планирующие вниз с голубого неба Крылатые были невероятно красивы. Они имели много общего с Пловцами, но Пловцы были детьми моря, а Крылатые — братьями ветра и туч, они принадлежали небу. При виде этих существ казалось, будто рука художника изваяла их из разных элементов, наделив силой и грацией и освободив от неуклюжести людей, привязанных к земле.

Джаксарт, который находился на носу галеры, крикнул:

— Разведчики из Кхондора!

Карс поднялся на рулевую площадку. Люди собрались на палубе и смотрели, как Крылатые парили в небе. Карс взглянул на дальний угол кормы. Там стоял Лорн, раб со сломанными крыльями, одинокий и молчаливый. Сейчас он был там, по-прежнему один, и напряженно смотрел на четверых Крылатых, которые приближались к нему. Остальные опустились на площадку, складывая свои крылья с сухим шорохом. Они приветствовали Джаксарта, назвав его по имени, и с любопытством разглядывали черную галеру и ее усталую команду. И Карса. Что-то было в их странном взгляде, что напомнило Карсу о Шаллах.

— Наш командир, — сказал Джаксарт, — варвар из-за Шана, мужчина и воин, и неглупый вдобавок. Пловцы рассказали вам о том, как он захватил корабль и Иваин?

— Да. — Но в их приветствии Карсу была холодная вежливость.

Землянин произнес:

— Джаксарт говорил мне, что все, кто хочет драться с Сарком, могут просить убежища в Кхондоре. Я хотел бы воспользоваться этим правом.

— Мы передадим твою просьбу Рольду, который возглавляет Совет Морских Королей.

Кхонды на палубе кричали от радости. Это была радость людей, давно не видевших своего дома, тосковавших по родине. Летучие люди разговаривали с ними своими чистыми, мягкими голосами, а потом плавно взлетели и двинулись прочь. Силуэты их становились все меньше и меньше. Лорн оставался стоять на носу корабля, пока последние Крылатые не исчезли вдали за горизонтом.

— Мы скоро будем в Кхондоре, — сказал Джаксарт, и Карс повернулся к нему. Но какой-то инстинкт заставил его бросить взгляд через плечо, и он увидел, что Лорн исчез. На воде его тоже не было видно. Он, вероятно, бросился за борт и сразу пошел ко дну, как тонущая птица, увлекаемый тяжестью своих сломанных крыльев.

Джаксарт свирепо сказал:

— Он поступил так, как хотел. Ему так лучше.

И он проклял сарков, а Карс улыбнулся своей страшной улыбкой.

— Ничего, — сказал он, — мы еще уничтожим их. Но скажи, почему Кхондор устоял перед ними, в то время как пали Валкис и Джеккара?

— Потому что даже грозное оружие тайной науки дхувиан, союзников сарков, не может нас достать. Ты сам поймешь, когда мы подойдем к Кхондору.

Ночные светила еще не появились на небе, когда на горизонте возник каменистый и неприветливый берег. Острые скалы поднимались прямо из моря, а позади них высокие горы вздымались, как гигантские стены. Тут и там на берегах узкого фиорда мелькали дома рыбачьего поселка, вносившие разнообразие в монотонный пейзаж, словно белое ожерелье на суровых скалах.

Карс послал Бокхаза за Иваин. Она оставалась в каюте под стражей, и он не видел ее после того памятного дня. Кроме одного-единственного раза. Это была первая ночь после мятежа. Вместе с Бокхазом и Джаксартом он исследовал странные инструменты, которые они нашли в каюте дхувианина.

— Это оружие дхувиан, и только они знают, как им пользоваться, — заявил Бокхаз.

Джаксарт смотрел на инструменты с отвращением и страхом.

— Наука проклятой Змеи! Мы должны выбросить эту дрянь за борт, вслед за его телом.

— Нет, — сказал Карс, рассматривая вещи. — Если это возможно, то я попробую выяснить, как они действуют.

Но вскоре он понял, что его намерение невозможно осуществить без тщательного исследования. Да, он знал науки достаточно хорошо. Но то были знания его мира. Эти же инструменты были созданы научным знанием, которое было противоположно и незнакомо всему, что он изучал прежде. Мудрость Рианона. И это страшное оружие — только ничтожная часть ее.

Карс узнал прибор для гипноза, которым пользовался дхувианин, зачаровывая его в темноте. Маленький металлический круг с хрустальными звездами, которые дрожали при легчайшем прикосновении его пальцев. И когда он стал вращать этот круг, зазвучала высокая нота, которая заморозила кровь у него в жилах. Он тут же оставил прибор. Другие инструменты дхувиан были еще более непонятны. Один был сделан из больших линз, окруженных странными асимметричными призмами. Другой состоял из тяжелой металлической подставки, в которую были вмонтированы плоские металлические стержни. Он мог только догадываться, что это оружие каким-то образом использовало ультразвук и оптические законы.

— Ни один человек не в состоянии постичь науку дхувиан, — пробормотал Джаксарт. — Даже сарки, которые заключили союз со Змеей.

С ненавистью, застывшей во взгляде, он смотрел на приборы.

— Но, возможно, Иваин, дочь короля сарков, знает? — предположил Карс.

Он вошел к ней в каюту неожиданно и застал ее поникшей, с опущенной головой. Но услышав, что дверь открывается, она выпрямилась и пристально посмотрела на вошедшего Карса. Он увидел, каким бледным стало ее лицо, какие темные круги легли под глазами. Он долго молчал. Он не испытывал к ней жалости. Он просто смотрел на нее, упиваясь своей победой и улыбаясь при мысли о том, что она, такая гордая, такая жестокая, теперь в его власти.

Когда он спросил ее об оружии дхувиан, которое они нашли, Иваин издевательски рассмеялась.

— Ты, должно быть, совсем тупой варвар, если полагаешь, что дхувиане обучили меня обращаться с их оружием. Они дали мне провожатого-дхувианина, который должен был помочь мне усмирить одного из вассалов Сарка, вздумавшего поднять восстание. Но С'Сан не позволял мне даже дотронуться до этих вещей.

Карс поверил ей. Это совпадало с тем, что говорил Джаксарт: дхувиане ревниво охраняли свои тайны и оружие даже от своих союзников.

— Кроме того, — с насмешкой прибавила Иваин, — зачем тебе наука дхувиан, ты ведь держишь в руках ключ к еще большему могуществу, запертому в гробнице Рианона.

— Да, я владею этой тайной и ключом к ней, — ответил Карс, и эти слова прогнали насмешку с ее лица.

— Что же ты собираешься делать с этой тайной? — спросила она.

— Все очень просто, — мрачно ответил Карс. — Любую силу, которую я найду в гробнице, я использую против Сарка и Кара-Дху — и я надеюсь, что смогу разнести твой город по камешкам.

Иваин кивнула.

— Хорошо сказано. Ну а теперь — что ты сделаешь со мной? Собираешься ли ты высечь меня и приковать к веслу? Или же ты убьешь меня здесь?

Он медленно покачал головой.

— Я мог бы позволить моим волкам разорвать тебя на части, если бы захотел.

Ее зубы сверкнули сквозь приоткрывшиеся губы.

— Небольшое удовлетворение. Совсем не то что убить собственными руками, правда?

— Я мог бы сделать и это — прямо здесь, в каюте.

— Ты пытался и не сделал этого. Тогда что же?

Карс не ответил. Он вдруг понял: что бы он ни сделал с ней, она все равно будет смеяться ему в лицо до конца. У этой женщины была железная гордость. Зато она носила теперь его отметину. Шрам на щеке от удара шпаги заживет, но не исчезнет без следа. Она никогда не простит ему этого, никогда, пока жива. И он был рад, что заклеймил ее.

— Ответа нет? — смеялась она. — Ты чересчур нерешителен для победителя.

Карс шагнул к ней, как тигр. Он все еще не отвечал ей, потому что не знал, что ответить. Он знал только, что ненавидит ее, как никого раньше в жизни не ненавидел. Он наклонился к ней, с мертвенно-бледным лицом, с широко распростертыми руками. Она рванулась к нему и вцепилась ему в горло. Ее пальцы были слово из стали, и острые ногти оставляли на его шее царапины. Он схватил ее за запястья и вывернул их. Она пыталась освободиться в молчаливой ярости — и внезапно ослабла. Она жадно глотала воздух, ее губы раскрылись, и в этот момент он неожиданно прижался к ним губами. В этом поцелуе не было ни любви, ни нежности. Это было полное ненависти мужское желание — победить. И в этот странный миг, когда ее острые зубы вонзились в его нижнюю губу и рот его наполнился кровью, она засмеялась.

— Ты — варвар и скотина, — прошептала она. — Теперь и у тебя мое клеймо.

Он стоял, глядя на нее. Затем он схватил ее за плечи; стул, отброшенный им, с треском отлетел в сторону.

— Попробуй, — сказала она, — если тебя это порадует.

Он хотел бы сломать ее в своих руках. Он хотел бы... Он отшвырнул ее и вышел, хлопнув дверью.

За все время путешествия в Кхондор он ни разу больше не зашел в ее каюту.

Он трогал пальцем шрам на губе и смотрел, как она поднимается на палубу в сопровождении Бокхаза. Она держалась прямо, как стрела, в своей длинной драгоценной кольчуге, и темные тени вокруг ее глаз стали глубже, а глаза, несмотря на переполнявшую их горькую гордость, смотрели тяжелым взглядом. Он не подошел к ней. Она стояла одна, охраняемая своим стражем, и Карс тайно наблюдал за ней. Было нетрудно догадаться, о чем она думает. Она думала о том, что это мрачное побережье станет концом ее путешествия. Она думала о том, как страшно быть узницей на своем собственном корабле. Она думала о том, что скоро придет смерть.

С верхушки одной из мачт раздался крик:

— Кхондор!

Сначала Карс увидел только громадную отвесную скалу, нечто вроде мыса между двумя фиордами, которая возвышалась над волнами. И вдруг из этого, казалось бы, пустынного и безлюдного места взлетели Крылатые, и воздух наполнился шумом их сильных, трепещущих крыльев. Пловцы тоже были здесь, как маленькие кометы, оставляющие на море огненные следы. А из фиордов вышли длинные корабли со щитами вдоль бортов, меньшие по размерам, чем галера, но быстрые, как пчелы.

Их путь был закончен. Черная галера, встречаемая приветственными криками, вошла в Кхондор.

Карс понял теперь, что имел в виду Джаксарт. Посреди моря природа создала неприступный форт, недосягаемый для любой атаки: с суши из-за непроходимых гор, со стороны моря защищенный гигантскими скалами, с единственным входом — узким извилистым фиордом на севере. Этот фиорд был хорошо защищен баллистами, которые могли превратить его в смертельную ловушку для любого корабля, осмелившегося войти в него.

Узкий канал расширялся, превращаясь в конце в большой залив, куда не мог проникнуть даже слабый ветер. Длинные

корабли кхондов, их рыбачьи шхуны и барки, несколько иноземных судов стояли в заливе, и черная галера казалась среди них королевой. Крутые ступени вели от набережной к вершине холма, соединяя ее с верхними ярусами и подземными туннелями. Галереи были заполнены кхондами и людьми, принадлежавшими к другим племенам, которые нашли здесь приют и убежище. Горы и крутые утесы гремели эхом тысяч приветственных голосов.

Пока крики заглушали все остальные звуки, Бокхаз зашептал на ухо Карсу уже в сотый раз:

— Позволь мне договориться с ними о секрете, который ты знаешь! Я могу получить для каждого из нас королевство, если ты только захочешь, или даже больше, чем королевство!

И в сотый раз Карс ответил:

— Я не говорил тебе, что знаю секрет. А если и знаю, то это мое дело.

Бокхаз в отчаянии выругался и вопросил богов, что он такого натворил в своей жизни, чтобы над ним так издевались.

Глаза Иваин на мгновение обратились к землянину и вновь отвернулись от него.

Сотни сверкающих в воде Пловцов, сотни Крылатых с их гордыми крыльями, сложенными пополам, — впервые Карс увидел женщин этого народа, настолько прекрасных, что больно было глядеть на них, — сотни высоких крепких кхондов, множество самых разных лиц из других племен, калейдоскоп цветов и блестящего металла...

Брошенные с галеры канаты полетели к берегу и были подхвачены моряками на причале. Корабль медленно приблизился к набережной. Галера встала к пирсу. Карс свел свою команду на берег. Иваин, застывшая, закованная в снятые с Карса кандалы, шла позади него с таким видом, словно оковы были драгоценными украшениями, которые она сама для себя подобрала. На берегу их ждала группа людей. Это были несколько мужчин, которые выглядели так, как будто морская вода текла в их жилах вместо крови, старые ветераны многих битв: одни — жестокие и хмурые, другие — веселые; у одного из них щека и левая рука были изуродованы шрамами. Среди них стоял высокий кхонд с медными волосами, а рядом с ним — девушка, одетая в голубое платье. Ее прямые длинные волосы были схвачены золотой застежкой, а между ее обнаженных грудей виднелась одинокая черная жемчужина, которая переливалась при ярком свете дня. Ее левая рука покоилась на

плече Шаллах-Пловца. Как и все присутствующие, девушка гораздо больше интересовалась Иваин, чем Карсом. Он понял почему-то с горечью, что вся эта толпа собралась больше для того, чтобы поглазеть на дочь Гараха из Сарка, закованную в цепи, чем увидеть какого-то неизвестного варвара.

Красноволосый кхонд, однако, не забыл о хороших манерах и, сделав дружеский жест, сказал:

— Я Рольд из Кхондора. Мы, Морские Короли, приветствуем вас.

Карс ответил ему, как подобает, а сам подумал с мрачным удовольствием, что у Морских Королей и Иваин найдется, о чем поговорить. Он снова взглянул на девушку в голубом. Он услышал, как Джаксарт тепло приветствует ее, и понял из их разговора, что это Эймер, сестра Рольда. Он никогда раньше не видел таких лиц. Что-то от феи, от эльфа было в ней, как будто она жила в мире людей только из одолжения людям, как будто она могла оставить этот мир в любой момент, стоит ей только пожелать. Ее глаза были серыми и печальными, но рот — нежен и создан для смеха. Тело ее обладало стремительной грацией, которую он замечал в Халфлингах, и в то же время это было чудесное, прекрасное человеческое тело. Она была так же горда, как и Иваин, но вместе с тем это была другая гордость. Иваин была вся — сверкание, и огонь, и страсть, роза с красными лепестками. И Карс хорошо понимал ее. Он мог играть в ее игру, и он мог победить. Но он знал, что никогда не сумел бы понять Эймер. Она была частью того, что он оставил много лет назад. Она была потерянной музыкой и забытыми мечтами, грустью и нежностью, всем тем туманным миром, который он знал в детстве и которого с той поры нигде не встречал.

Внезапно она подняла глаза и взглянула на него. Ее глаза встретились со взглядом Карса, и она не отвела их. Он видел, как выражение ее лица изменилось, как кровь отхлынула от лица, пока оно не сделалось снежной маской. И он услышал, как она спрашивает:

— Кто ты?

И он склонил голову:

— Госпожа Эймер, я Карс-варвар.

Он заметил, что пальцы ее впились в плечо Шаллах и что Шаллах смотрит на него мягко, но недружелюбно.

Эймер ответила почти неслышно:

— У тебя нет имени. Ты, как сказала Шаллах, незнакомец, ты — чужой.

Что-то в ее голосе, в том выражении, с которым она произнесла это слово, наполнило его сердце ощущением жуткой опасности. И это было очень близко к правде.

Неожиданно он почувствовал, что девушка владеет той же психической силой, что и Халфлинги. Но он вынужден был засмеяться.

— Я думаю, что в эти дни у вас в Кхондоре будет много незнакомцев. — Он покосился на Иловца. — Шаллах не доверяет мне, не знаю, почему. Она говорила тебе, что рядом со мной постоянно находится черная тень, куда бы я ни шел?

— Ей не нужно было даже говорить мне об этом, — прошептала Эймер. — Твое лицо — только маска, за которой темнота и желание — и темнота, и желание чужого мира.

Она подошла к нему медленно, двигаясь словно против воли. Он видел капли пота на ее лбу, и неожиданно его стала бить мелкая внутренняя дрожь, которая шла откуда-то изнутри, неподвластная телу.

— Я вижу... Я почти вижу...

Он не хотел, чтоб она продолжала. Он не хотел ее слышать.

— Нет! — закричал он. — Нет!

Она вдруг упала навзничь, тяжело привалившись к Карсу. Он подхватил ее и осторожно опустил на серый камень. Она лежала в глубоком обмороке. Он беспомощно склонился над ней, но Шаллах тихо проговорила:

— О ней позабочусь я.

Он встал и увидел, что Рольд и Морские Короли окружили его, ошеломленные.

— К ней пришло видение, — сказала им Шаллах.

— Но никогда раньше с ней такого не случалось, — в волнении отозвался Рольд. — Мои мысли были связаны с Иваин.

— То, что случилось, относится к госпоже Эймер и к незнакомцу, — сказала Шаллах.

Она подняла девушку на свои сильные руки и унесла ее. Карс ощутил странный внутренний страх. «Видение» — так они это назвали. И вправду видение — не мистическое, волшебное, а некое сверхчувство, которое позволяет читать мысли, спрятанные глубоко в мозгу.

С внезапным раздражением Карс произнес:

— Хорошо же вы нас встречаете. Все мы оттерты в сторону, чтобы вы могли вволю полюбоваться на Иваин, а твоя сестра при одном взгляде на меня падает в обморок!

— Великие боги, простонал Рольд. — Извини нас, Карс. Мы этого не хотели. Что касается моей сестры, то она проводит слишком много времени с Халфлингами, и ей дан великий дар читать мысли, как и им. — Он возвысил голос: — Эй, Железнобородый! Помоги нам загладить нашу невежливость!

Рольд и самый высокий из Морских Королей, седовласый гигант, со смехом, гремевшим, как северный ветер, подошли к нему и, прежде чем Карс сообразил, что они собираются делать, подняли его, взвалили на свои плечи и зашагали так по набережной, чтобы все люди могли увидеть Карса.

— Слушайте, люди! — крикнул Рольд.

Толпа замерла при звуке его голоса.

— Перед вами Карс-варвар! Он захватил галеру — он пленил Иваин — он убил Змею! Как мы будем приветствовать его?

От их восторженных криков чуть не обрушились скалы. Два высоких воина несли Карса по ступенькам, не позволяя ему встать на землю. Жители Кхондора следовали за ним, обнимая галерников, как своих братьев. Карс заметил в толпе Бокхаза. Он улыбался, похожий на довольную свинку, и каждой рукой обнимал по смеющейся девушке. Иваин, окруженная стражей, шагала среди Морских Королей. Изувеченный воин смотрел на нее, и сумасшествие кипело в его глазах на застывшем лице. Рольд и Железнобородый сняли Карса с плеч только на вершине горы.

— У тебя солидный вес, друг мой, — задыхаясь, улыбнулся Рольд. — Ну как, мы искупили свою вину?

Карс тихо выругался, чувствуя стыд и неловкость от всех этих событий. Затем он посмотрел на Кхондор. Город, вырубленный в толще скал. На нижних холмах виднелись дороги, галереи и входы в галереи, головокружительные переходы, лазейки, сеть улиц. Те, кто был слишком стар или искалечен, чтобы спуститься вниз к заливу, теперь приветствовали их из галерей, с узких улиц, с площадей. Резкий и холодный ветер шумел на вершине Кхондора. Шум его смешивался с грохотом волн внизу. На самых верхних уступах можно было увидеть Крылатых, которые взлетали и снова опускались на скалы. Они любили высоту, и улицы были тесны для них. Молодые Крылатые танцевали на ветру, крича и веселясь и то и дело взрываясь детским смехом.

Внизу, на земле, Карс видел зеленые поля и фермы, стиснутые со всех сторон горами. Казалось, этот город мог выдержать вечную осаду.

Они шли по каменистым дорогам странного города, кишевшего людьми, которые наполняли улицы криками и смехом. Но вот они очутились на просторной площади, возле двух больших зданий с колоннадой, вид которых напомнил Карсу Парфенон. Перед одним из них были воздвигнуты высокие колонны с надписями, посвященные богу Вод и богу Четырех Ветров. Возле колонн развевались флаги Кхондора с изображением орла на золотом фоне.

У входа во дворец могучий гигант Железнобородый изо всех сил хлопнул землянина по плечу:

— Нам предстоит большой разговор во время пира в Совете Морских Королей сегодня ночью. Но до этого у нас с тобой найдется достаточно времени, чтоб хорошенько выпить. Твое мнение?

И Карс ответил:

— Согласен. Будь моим провожатым.

Глава 11
Страшное обвинение

В большом зале дымили ночные факелы, освещая многочисленные щиты с гербами кораблей. Весь громадный зал был вырублен в скале и пронизан галереями, уходящими к самому морю. Посредине были выставлены длинные столы. Слуги сновали между ними с бочонками вина и жареными кусками мяса и дичи, снятыми с вертелов. Карс уже с полудня по-королевски восседал рядом с Железнобородым и успел слегка опьянеть от крепких вин. Ему казалось, что весь Кхондор звенит от музыки арф и пения скальдов. Он сидел за одним столом с Морскими Королями и вождями Пловцов и Крылатых. Иваин также была там. Ей было велено стоять, и она стояла неподвижно с высоко поднятой головой на протяжении нескольких часов, не показывая ни малейших признаков слабости. Карс восхищался ею. Ему нравилось, что она по-прежнему оставалось гордой Иваин из Сарка.

Вдоль стены были выставлены модели боевых кораблей, захваченных в войнах с Сарком, и Карс был окружен причудливыми тенями, пляшущими в отражении факелов, словно живые. Эймер нигде не было видно. Голова Карса кружилась от вина и болтовни, и в нем кипело горячее возбуждение. Он то и дело касался ладонью рукояти шпаги Рианона. Сейчас, вот сейчас наступит эта минута...

Рольд положил с глухим стуком рог для вина на стол.

— А теперь, — сказал он, — дело. — Язык у него немного заплетался, как, впрочем, у всех за этим столом, но он был все еще достаточно трезв, чтобы отдавать себе отчет в происходящем. Дело, мои господа, очень приятное дело. — Он засмеялся. — Нам предстоит то, о чем мы мечтали так долго, все мы, — предать смерти Иваин из Сарка!

Карс застыл. Такого он не ожидал.

— Стойте! Она — моя добыча!

Все гости отозвались приветственными криками и выпили за его здоровье — все, кроме Торна из Тарака, воина с искалеченной рукой и изуродованным лицом, который молчаливо просидел весь вечер, глотая вино бокал за бокалом и не пьянея.

— Разумеется, — сказал Рольд. — Поэтому выбор, какой смерти ее предать, остается за тобой. — Он с любопытством повернулся к Иваин. — Какой же смертью она умрет?

— Умрет? — Карс поднялся. — Почему мы вообще говорим о ее смерти?

Они уставились на Карса, слишком ошеломленные в эту минуту, чтобы поверить в реальность услышанного. Иваин невесело улыбнулась.

— Но зачем же еще ты привел ее сюда? — требовательно спросил Железнобородый. — Меч — слишком чистая казнь для нее, иначе ты убил бы ее прямо на борту галеры. Конечно же, ты привел ее сюда для мести!

— Я ее никому не отдал еще! — взревел Карс. — Я сказал, что она моя, и я говорю, что она не умрет!

Наступила гробовая тишина. Глаза Иваин, светлые и насмешливые, встретились с глазами Карса. И тогда Торн из Тарака произнес только одно слово:

— Почему?

Он смотрел прямо на Карса, и его безумные темные глаза были жестоки. Землянину нелегко было найти ответ на этот вопрос.

— Потому что ее жизнь на вес золота. Потому что она заложница. Вы разве дети? Почему вы не видите этого? Да мы сможем спасти всех пленных кхондов, обменяв на нее, и, может быть, даже договоримся о мире с Сарком!

Торн засмеялся, и это был неприятный смех.

Вождь Пловцов сказал:

— Мой народ никогда не согласится на это.

— Мой тоже, — сказал крылатый человек.

— И мой народ не согласится! — Рольд вскочил на ноги, красный от ярости. — Ты — чужой здесь, Карс. Наверное, ты не знаком с нашими обычаями!

— Нет, — сказал Торн из Тарака. — Отдайте ее ему. Ее, которая научилась добру у колен Гараха и пила из источников мудрости своих учителей из Кара-Дху. Отпустите ее на свободу, чтобы она клеймила других своим благословением, как она заклеймила меня, когда положила мой корабль! Отпустите ее на свободу, потому что варвар любит ее!

Карс уставился на Торна из Тарака. Он смутно понимал, что Морские Короли внимательно, напряженно смотрят на него — девять военных вождей с глазами тигров, их руки уже легли на рукояти мечей. Он знал, что губы Иваин кривятся в усмешке. И он разразился хохотом.

— Посмотрите же на меня! — кричал он, показывая им свою спину, чтобы все видели следы от ударов кнутом. — И вы называете это любовным письмом, которое Иваин написала мне? А если вы скажете, что это так, то и дхувианин, прежде чем я убил его, пропел мне песнь любви! — Он повернулся, разгоряченный вином и силой, которая овладевала им. Пусть любой из вас скажет это мне — и я, клянусь, снесу ему голову с плеч! Посмотрите на себя! Великие вожди, передравшиеся из-за смерти одной девчонки! Почему бы вам не объединиться и не напасть на Сарк?

За столом поднялся шум, затопали ноги, и все гости разом поднялись, разъяренные его наглостью, бороды рассвирепевших Королей тряслись, их кулаки были готовы к потасовке.

— За кого ты нас принимаешь, щенок? взревел Рольд. — Неужели ты никогда не слыхал о дхувианах, об их оружии, о том, что сарки — союзники Змеи? Подумай, сколько кхондов погибло за эти долгие годы, пытаясь бороться против них!

— А что, — сказал Карс, — если у тебя будет такое же оружие?

Что-то в его голосе заставило насторожиться даже Рольда, и он прорычал:

— Если тебе что-то известно, говори прямо.

— Сарк не устоит против вас, — сказал Карс, — если у вас будет оружие Риапона.

Железнобородый фыркнул:

— Как же, Проклятый! Сперва найди его гробницу — и мы сразу же пойдем с тобой на Сарк.

— Ты только что дал мне слово — запомни, — сказал Карс и вытащил из ножен шпагу. — Взгляните. Посмотрите на нее внимательно — есть ли среди вас человек, который не узнал бы эту шпагу?

Торн из Тарака протянул здоровую руку, взял шпагу, прочитал выгравированные на клинке символы, и рука его задрожала. Он поднял глаза на остальных и сказал странным, неуверенным голосом:

— Это шпага Рианона.

Сидящие за столом тяжело перевели дыхание, и Карс заговорил:

— Вот мое доказательство. Я держу в руках тайну гробницы.

Тишина. Затем с диким ревом вскочил на ноги Железнобородый. Яростное возбуждение вспыхнуло, как пламя.

— Он знает тайну! Клянусь богами, он знает!

— Сумеете ли вы сразиться с сарками и отразить оружие дхувиан, если у вас будет еще более сильное оружие, принадлежащее самому Рианону? — спросил Карс.

Новая сумасшедшая вспышка дикого восторга поднялась в зале, и потребовалось несколько минут, прежде чем Рольд сумел добиться, чтобы ему дали слово. Медноволосый кхонд все еще колебался.

— Но сможем ли мы воспользоваться силой Рианона, даже если мы завладеем его оружием? Ведь мы не смогли разобраться даже в том, что нашли в каюте дхувианина на галере!

— Дайте мне время изучить и испытать его, и я разрешу эту проблему, — уверенно сказал Карс.

Он был убежден, что сможет это сделать. Это потребует некоторого времени, но он не сомневался, что сумеет, опираясь на полученные им знания, найти ключ по крайней мере к некоторым из инструментов. Он высоко поднял шпагу, сверкающую в красном пламени факелов, и голос его зазвенел:

— И если я вооружу вас, сдержите ли вы свое слово? Пойдете ли вы со мной на Сарк?

Все сомнения были сметены сказочной возможностью наконец-то сразиться с Сарком по крайней мере на равных. Ответ Морских Королей был единодушным.

— Мы пойдем за тобой!

И в этот момент Карс увидел Эймер. Она вошла в зал каким-то потайным ходом и теперь стояла между двух больших

моделей кораблей, овеянных памятью морских битв, и ее глаза, широко раскрытые и полные ужаса, не отрываясь смотрели на Карса. Было в ее облике что-то такое, что заставило их даже в такую минуту оглянуться на нее и застыть.

Она вышла на открытое пространство между столами. На ней была только длинная белая туника, и волосы ее были распущены. Казалось, она только что очнулась от долгого сна, но все еще не могла избавиться от его власти. И то был дьявольский сон. Ужас увиденного надломил Эймер, ее дыхание было тяжелым, ее шаги медленными, и даже эти воины чувствовали, как их сердца отзываются на ее тревогу.

Эймер заговорила, и ее слова звучали отчетливо и обдуманно.

— Я увидела это еще в первый раз, когда незнакомец только появился передо мной. Но тогда силы оставили меня, и я не смогла говорить. Теперь я скажу вам. Вы должны уничтожить этого человека. Он — опасность, он — темнота, он — смерть для всех нас!

Иваин сжалась, ее лицо стало каменным, глаза сузились. Карс чувствовал на себе ее взгляд, но сейчас ему важнее была Эймер. Так же как и тогда, на набережной, он был объят странным ужасом, который не имел ничего общего с обыкновенным страхом, ужасом перед сверхчувствительной телепатией и удивительными способностями девушки.

Рольд прервал ее, и, пока он говорил, Карс взял себя в руки. Я дурак, подумал он, так расстроиться из-за женской болтовни, из-за ее воображения...

— Секрет гробницы, — говорил Рольд, — разве ты не слышала? Он может вооружить нас силой Рианона!

— Да, — сказала Эймер спокойно. — Я слышала, и я уверена, что это правда. Он хорошо знает, где спрятана гробница, и ему известно, что оружие находится там.

Она придвинулась ближе, глядя на Карса; он стоял в свете факелов, вцепившись рукой в рукоять шпаги. Она снова заговорила с ним.

— Почему бы тебе не знать этого — тебе, который ждал в темноте так долго? Тебе, который сделал это оружие собственными руками?

От жара факелов или от выпитого вина ему показалось, что каменные стены задрожали? И что заставило его похолодеть? Он попытался заговорить, но голос его дрогнул и сорвался. А голос Эймер продолжал, суровый и ужасный.

— Почему бы тебе не знать всего этого — тебе, которого зовут Рианон!

Каменные стены отразили слово, как произнесенное шепотом проклятие, и весь зал наполнился этим именем:

— Рианон!

Карсу казалось, что даже щиты содрогнулись и флаги колышатся на стене, требуя от него ответа, но его язык был сухим и мертвым, и он не мог вымолвить ни слова. Они смотрели на него все — Иваин и Морские Короли. Пирующие замерли посреди пролитого вина и забытого пиршества. Он был как падший бог, коронованный всем злом мира. Иваин засмеялась, и в ее голосе зазвучал триумф:

— Я понимаю теперь, почему ты выстоял перед силой Кара-Дху, почему ты выдержал то, чего ни один человек не смог бы выдержать, и почему ты убил С'Сана! — В ее голосе звенела насмешка. — Приветствую тебя, господин Рианон!

Это разрушило чары. Карс ответил:

— Ты лживая лисица. Этим ты добиваешься одного: спасти свою гордость. Человек не смеет унизить Иваин из Сарка, но бог — это другое дело. — Он крикнул всем собравшимся: — Разве вы глупцы или дети, чтобы слушать эту чепуху? Ты, Джаксарт, — ты сидел со мной рядом на весле. Разве бог истекает кровью под плетью, как раб?

Джаксарт медленно произнес:

— В первую ночь на галере я слышал, как ты выкрикнул имя Проклятого.

Карс выругался. Он заорал в лицо Морским Королям:

— Вы же воины, а не кухонные прислужницы! Подумайте! Разве мое тело заплесневело от многовекового заточения? Разве я ходячий мертвец?

Краем глаза он видел, что Бокхаз приближается к нему, что люди с его галеры медленно поднимаются из-за столов, вытаскивая мечи, чтобы прийти ему на помощь.

Рольд положил руки на плечи Эймер и жестко сказал:

— Что скажешь на это ты, сестра?

— Я не говорила о плоти, — ответила Эймер. — Только о разуме. Душа могущественного Рианона может жить вечно. И она жива. Каким-то образом она вселилась в этого варвара и спряталась в его теле, как улитка в раковине. — Она снова повернулась к Карсу. — Ты внутренне чужой и странный, и я боюсь тебя, потому что не могу тебя понять. Но только из-за этого я не стала бы требовать смерти для тебя. Я утверждаю,

что Рианон смотрит твоими глазами и говорит твоими устами, в твоих руках его шпага и знаки его власти. И поэтому я требую твоей смерти.

Карс резко спросил:

— Неужели вы послушаете это безумное дитя?

Но он видел сомнение в их лицах. Глупцы, закосневшие в темных предрассудках! Ему угрожала большая опасность. Он взглянул на своих людей, трезво оценивая шансы на победу, если возникнет необходимость драться. Он послал мысленное проклятие желтоволосой ведьме, которая говорила невероятные, невозможные, сумасшедшие вещи. Да, безумие. Холодный страх в его сердце превратился в одну длинную иглу.

— Если я одержим, — зарычал он, — почему же я об этом не знаю?

«Почему?» — эхом загремел вопрос в его голове. И память возвратила ему все: ужас темноты в гробнице, когда он чувствовал чужое присутствие совсем рядом, и его сны, и то наполовину осознанное знание, которое ему не принадлежало.

Это не было правдой. Это неправда. Он не мог позволить этому быть правдой.

Бокхаз подошел ближе. Он послал Карсу странный, жесткий взгляд, но, когда заговорил с Морскими Королями, его голос звучал мягко и сам он был воплощенная вежливость.

— Нет сомнения, что мудрость госпожи Эймер намного превосходит мои скромные познания, и я ни за какие блага не хотел бы оскорбить ее. Однако этот человек — мой друг, и я говорю вам то, что знаю о нем. Он тот, за кого себя выдает, он Карс-варвар, не больше, не меньше.

Галерники, услышав эти слова, предупреждающе зарычали. Бокхаз продолжал:

— Подумайте, мои господа. Разве Рианон убил бы дхувианина и начал бы войну с сарками? Разве он предложил бы победу Кхондору?

— Нет, — сказал Железнобородый, — клянусь всеми богами, Рианон не сделал бы этого. А этот настаивал на войне с Сарком.

Эймер заговорила, требуя внимания:

— Мои повелители, разве я когда-нибудь дала вам плохой совет?

Они качали головами, и Рольд сказал:

— Нет. Но одних твоих слов недостаточно.

— Хорошо, оставим мои слова. Есть другой способ, надежный способ проверить их истинность. И доказать вам, что это Риапон. Пусть он предстанет перед Мудрыми.

Рольд дернул себя за бороду и поморщился. Затем он кивнул.

— Хорошо сказано, — согласился он, и остальные присоединились к нему. — Пусть твое обвинение будет доказано.

Рольд повернулся к Карсу.

— Ты согласен?

— Нет, — ответил Карс гневно, — и никогда не соглашусь. К черту все эти предрассудки! Если вам недостаточно моего предложения показать вам гробницу, тогда вы обойдетесь без меня и без моей помощи.

Лицо Рольда стало жестким.

— Тебе не причинят никакого вреда. Если ты не Риапон, тебе нечего бояться. Снова спрашиваю тебя — ты согласен?

— Нет!

Карс начал отступать к своим людям, которые уже стояли, словно стая волков, готовые к драке. Но Торн из Тарака ударил его под колено и бросил на пол, в то время как люди из Кхондора обступили галерников и обезоружили их прежде, чем пролилась кровь. Карс, как разъяренный тигр, дрался с Морскими Королями, пока Железнобородый — не без некоторого сожаления — не ударил его по голове обитым медью рогом для вина.

Глава 12
Проклятый

Темнота медленно рассеялась. Сначала Карс услышал звуки — шорохи и вздохи воды совсем близко, тихий шум прибоя где-то за стеной. И больше ничего. Потом появился свет — приглушенное мягкое сияние. Когда он открыл глаза, он увидел высоко над собой ночное небо и звезды, а внизу арку из цельной скалы, усеянную кристаллами, от которых исходило это сияние. Он лежал в гроте недалеко от моря. В гроте клубился странный, молочного цвета туман, сквозь который сочился неяркий свет. Невдалеке от грота находился небольшой бассейн, широкие ступени спускались прямо к воде. У края бассейна стояли Морские Короли. И закованная в цепи Ивани. И Бокхаз, и вожди Пловцов и Крылатых тоже

были здесь. И все они смотрели, но никто не проронил ни слова. Карс обнаружил, что он привязан к высокому каменному столбу и что он один.

Эймер по пояс в воде стояла перед ним. Черный жемчуг сверкал между ее грудей, и вода, сияющая яркими бриллиантами брызг, стекала с ее волос. В руках она держала огромный грубо обработанный, подернутый дымкой топаз серого цвета. Когда она увидела, что его глаза раскрылись, она тихо сказала:

— Подойдите, мои повелители. Пора.

Вздох сожаления пронесся по гроту. Поверхность бассейна покрылась волнами фосфоресценции, затем из воды поднялись и медленно подплыли к Эймер три гладких существа. Это были три Пловца, белые от старости. Их глаза были самым ужасным из всего, что Карс когда-либо видел. Они были юными чужой, невероятной юностью, которая была юностью не тела, а души. Их мудрость и их сила — вот что так испугало его. Взглянув наверх, он увидел на темных карнизах три крылатые фигуры трех старых-престарых орлов из племени Крылатых, с устало поникшими крыльями. И в их лицах он тоже заметил свет мудрости, жившей своей самостоятельной жизнью, отдельно от тела.

Он попытался заговорить. Он был рассержен, взбешен, он хотел освободиться от пут, но голос его прозвучал слабо, глухой, пустой звук в тихой пещере. Никто ему не ответил, а его путы даже не ослабились. Наконец он понял, что это бесполезно. Он прижался к камню, тяжело дыша и вздрагивая.

Надтреснутый сухой шепот сверху:

— Слушай, сестра. Подними Камень Мысли.

Эймер подняла вверх руки с дымчатым камнем. Смотреть на него было жутко. Карс вначале не понял этого. Затем он заметил, что глаза Эймер и Мудрых померкли и темная вуаль покрыла Камень Мысли. Потом дымка над камнем рассеялась, и он стал чистым и прозрачным. Казалось, вся их духовная сила проникла в кристалл и сфокусировалась, превращаясь в один сильный луч света. И он ощутил натиск умственной энергии всех Мудрых и Эймер, направленный на один его мозг! Карс смутно понимал, что они с ним делают. Мысли, осознаваемые человеком, крошечные электрические импульсы, могли быть остановлены, нейтрализованы сильным контримпульсом. Именно это они и делали сейчас, сфокусировав его с помощью электрически-чувствительного кристалла. Они не знали, конечно, основ физики и не изучали природу элек-

тричества. Много лет назад Халфлинги обнаружили, что кристаллы концентрируют их мысленную энергию, и использовали это открытие, не углубляясь в научный анализ его природы.

И снова, как и в тот раз, когда он стоял перед поющими звездами дхувианина, какая-то сила внутри него, которая ему не принадлежала, пришла к нему на помощь. Она воздвигла преграду на пути энергии Мудрых и удерживала их мощный мысленный импульс до тех пор, пока Карс не застонал. Пот стекал по его лицу, он извивался в своих путах, и он знал, что умирает, потому что не мог больше этого выносить. Его мозг был словно закрытая комната, которую внезапно распахнули навстречу всем ветрам, и вот они уже переворачивают и перетряхивают его память и старые сны, обнажая все — даже в самых темных закоулках. Все, кроме одного угла. И в этом уголке его сознания таилась тень, упорная и непроницаемая.

Камень горел в руках Эймер. Стояла тишина, и в воздухе безмолвно светились звезды. Голос Эймер зазвенел сквозь это безмолвие:

— Рианон! Рианон, говори!

Темная точка в его сознании шевелилась, кипела, но не подавала внешних признаков жизни. Он чувствовал, что это затаилось и ждет. Тишина пульсировала.

На другой стороне бассейна люди нервничали, двигались, но не говорили ни слова.

Бокхаз жалобно выкрикнул:

— Это безумие! Как это варвар может вдруг оказаться Проклятым из глубокого прошлого?

Но Эймер не обратила на него никакого внимания, и камень в ее руках горел все ярче и ярче.

— Мудрым дано могущество, Рианон! Они могут уничтожить мозг этого человека. Они разрушат его, если ты не заговоришь! — И она добавила с диким торжеством: — Что ты будешь делать тогда? Прокрадешься в другой разум, проникнешь в другое тело? Ты не сможешь этого сделать, Рианон! Иначе ты бы уже давно сделал это!

На другом конце бассейна сердито заговорил Железнобородый:

— Мне все это совсем не по душе!

Но Эймер безжалостно продолжала, и теперь ее голос был ужасным, неодолимым, проникающим в самую глубину его сознания.

— Его мозг разрушается, Рианон. Через минуту твое единственное орудие превратится в беспомощного идиота. Говори! Говори, если хочешь спасти его!

Ее голос звенел, и эхо, живущее в стенах грота, повторяло ее слова. Камень в ее руке был живым пламенем энергии. Карс чувствовал мучительную тревогу, которая сжимала в своих тисках эту тень в его сознании, тревогу, полную колебаний и страха.

И вдруг темная пустота взорвалась и заполнила весь его разум, охватила все клетки, каждый атом его мозга. И он услышал свой собственный голос, кричащий чужим тембром, с чужой интонацией:

— *Дайте ему жить! Я буду говорить!*

Громовое эхо этого ужасного крика медленно умерло, и тяжелое молчание, которое последовало за ним, отбросило Эймер назад, как будто сама ее плоть отшатнулась. Драгоценный камень в ее руке внезапно потускнел. Круги пошли по воде — Пловцы медленно отплыли от нее. Крылатые на карнизе с шорохом сложили свои крылья. В их глазах застыло выражение страха и понимания того, что происходит. От неподвижных фигур на противоположной стороне, от Морских Королей и Рольда, пронесся дрожащий звук, который был его именем:

— Рианон! Проклятый!

Карс понял: даже Эймер, которая осмелилась силой открыть то странное, глубоко в нем спрятанное, что она чувствовала с первой их встречи, ужаснулась тому, *что* она разбудила. И он, Мэтью Карс, испугался тоже. Страх и прежде был ему знаком. Но даже тот ужас, который он ощутил, когда стоял перед дхувианином, был ничем по сравнению с этой ослепляющей судорогой осознания. Сны, видения, обрывки его одержимого, подчиненного чужой воле разума, — возможно, это и были намеки на то страшное, что было заключено в нем. Он сумеет в это поверить. Но не сейчас. Не сейчас! Теперь он знал правду, и это была ужасная правда.

— Это ничего не доказывает! — упорно настаивал Бокхаз. — Вы его загипнотизировали, заставили признать невозможное.

— Это Рианон, — процедила одна из Пловцов. Ее пушистые белые плечи показались над водой, ее старые руки поднялись вверх. Это Рианон в теле незнакомца!

И тогда поднялся жуткий крик:

— Убейте его, прежде чем Проклятый использует его тело, чтобы уничтожить всех нас!

Грот наполнился дьявольским шумом, усиленным многоголосым эхом, словно древний забытый страх рвался на волю из уст людей и Халфлингов.

— Убей его! Убей!

Карс, беспомощный, бессильный, вооруженный только темным присутствием Рианона, ощутил, как напрягся тот, кто был в нем. Он услышал звенящий голос, который ему не принадлежал и который покрыл шум и крики.

— Подождите! Вы страшитесь того, что я — Рианон! Но я вернулся не затем, чтобы причинить вам зло!

— Для чего же ты вернулся? — прошептала Эймер. Она смотрела на землянина, и по ее расширенным глазам Карс догадался, что его лицо было страшным и что смотреть на него было жутко.

Губами Карса Рианон ответил:

— Я вернулся, чтобы искупить свой грех, — я клянусь в этом!

Бледное, вздрагивающее лицо Эймер вспыхнуло гневом:

— О, Отец Лжи! Рианон, который принес в наш мир зло, который наделил могуществом Змею, который был осужден и наказан за свое преступление, — Рианон, Проклятый, — Рианон превратился в святого!

Она засмеялась горьким смехом, рожденным ненавистью и страхом, и он был подхвачен Пловцами и Крылатыми.

— Ради самих себя поверьте мне! — взорвался голос Рианона. — Неужели вы даже не выслушаете меня?

Карсу невольно передалось горячее чувство Рианона. Проклятый был для него чужим, и Карс ощущал в себе его чужое сердце, горькое и сильное, и еще — очень одинокое, такое одинокое, что никому не дано было понять его.

— Слушать Рианона? — кричала Эймер. — Разве Куру не выслушали тебя много лет назад? И они осудили тебя!

— Неужели вы откажете мне даже в желании искупить мою вину? — Голос Рианона почти умолял. — Можете ли вы понять, что Карс — моя единственная надежда исправить то, что я наделал? — Его голос поднимался, настойчивый, просительный. — Долгое, бесконечно долгое время я лежал неподвижно, застывший в заключении, которое сломило даже гордость Рианона. И я осознал свою вину. Я хотел исправить содеянное, но уже не мог. И тогда в мою гробницу попал этот

человек, Карс. Я послал нематериальные электрические нити моего разума в его мозг. Я не мог заставить его выполнять мою волю, потому что его разум — это разум другого человека, чужого для меня. Но я мог немного влиять на него, я мог через него действовать. Потому что его тело не было прикована, как мое, к гробнице. В его теле я, по крайней мере, мог передвигаться. Я оставался в нем, не осмеливаясь дать ему знать о моем присутствии. Я думал, что так я смогу найти возможность сокрушить Змею, которую, к моей печали, я много лет назад поднял из пыли.

Голос Рианона срывался с губ Карса, он просил, он умолял.

На лице Рольда застыло дикое выражение.

— Эймер, останови его! Не давай ему больше говорить! Сними чары своего духа с этого человека!

— Да, — прошептала Эймер, — да.

И снова камень был поднят вверх, и теперь Мудрые собрали все свои душевные силы и выплеснули весь ужас, который поразил их.

Кристалл сверкал и казался Карсу огненным шаром, жгущим его сознание. Потому что Рианон сопротивлялся его лучам, сопротивлялся, движимый отчаянием и безрассудством.

— Вы должны выслушать! Вы должны поверить!

— Нет, — сказала Эймер. — Молчи! Освободи от себя человека — или он умрет!

Последний отчаянный протест был сломлен железной волей Мудрых. Момент колебания — сильная боль, слишком острая, слишком глубокая для человеческого понимания, — и барьер, преграждавший путь энергии Мудрых, исчез. Чужое присутствие ушло, и «я» Мэтью Карса закрыло темную тень, спрятало ее. Рианон замолчал, Карс обмяк в своих путах. Кристалл погас.

Руки Эймер упали. Ее голова склонилась на грудь, и волосы покрыли ее лицо. И Мудрые тоже закрыли свои лица ладонями и остались стоять так неподвижно.

Морские Короли, Иваин и даже Бокхаз молчали, как молчат люди, только что избежавшие гибели и лишь теперь, некоторое время спустя, осознавшие, насколько близка была к ним смерть.

Карс снова застонал, и долго еще его стон и прерывистое дыхание были единственными звуками, нарушавшими тишину.

Затем Эймер сказала:

— Этот человек должен умереть.

В ее голосе были только усталость и суровая правда. Карс едва расслышал мрачный ответ Рольда:

— Пусть будет так. У нас нет выбора.

Бокхаз пытался было заговорить, но они велели ему замолчать. Карс сказал тяжело:

— Это неправда. Это не может быть правдой.

Эймер подняла голову и посмотрела на него. Ее отношение к нему теперь было иным. Она не испытывала больше страха перед Карсом, только жалость.

— Ты знаешь, что это правда.

Карс промолчал. Он знал, что это так.

— Ты не причинил никакого зла, незнакомец, — сказала она. — Я вижу в тебе многое из того, что не могу понять, но это не зло. И все же Рианон живет в тебе. Мы не осмелимся дать ему жить.

— Но ведь он не может полностью овладеть моей волей. — Карс попытался встать, он приподнял голову, чтобы его услышали, но голос его был так же обессилен, как и его тело. — Ты слышала, он сам признался в этом. Он не может захватить меня. Моя воля принадлежит мне.

Иваин медленно произнесла:

— А как же С'Сан и шпага? Ведь не воля Карса руководила тобой тогда.

— Он не может управлять тобой, — сказала Эймер, — за исключением тех случаев, когда барьер твоей воли ослаблен перенапряжением. Боль, страх или слабость — возможно, подсознательная слабость, когда ты спишь или пьян, — все это может дать Проклятому шанс, и тогда будет слишком поздно.

Рольд добавил:

— Мы не можем пойти на такой риск.

— Но ведь я могу отдать вам секрет гробницы Рианона! — крикнул Карс.

Он увидел, что мысль о гробнице произвела на них впечатление, и продолжал, не уверенный в том, что это ему поможет:

— И вы называете это справедливостью, вы, кхонды, сражающиеся против сарков? Вы приговариваете меня к смерти, когда я знаю, что я невиновен? Неужели вы такие трусы, что обречете свой народ вечно жить под пятой дракона из-за какой-то тени далекого прошлого? Позвольте мне провести вас к

гробнице. Разрешите мне помочь вам одержать победу. Это докажет, что у меня нет ничего общего с Рианоном!

Бокхаз в ужасе открыл рот.

— Нет, Карс, нет! Не делай этого!

— Молчать! — крикнул Рольд.

Железнобородый мрачно засмеялся:

— Дай только Проклятому коснуться его руками своего оружия! Это безумие.

— Хорошо, — сказал Карс. — Пусть к гробнице пойдет Рольд. Я нарисую для него карту. Держите меня здесь. Для вас это будет вполне безопасно. Вы сможете убить меня в любой момент, если Рианон попытается овладеть мной.

Это их убедило. Единственное, что было сильнее ненависти к Рианону и страха перед ним, это сжигающее желание получить силу, которая смогла бы принести им победу над Сарком. Они колебались, размышляя, сомнения одолевали их. Но он знал, каким будет решение, еще до того, как Рольд повернулся к нему и сказал:

— Мы согласны, Карс. Конечно, лучше было бы убить тебя сейчас же, но... нам нужно это оружие.

Карс почувствовал, как холодное дыхание смерти ненадолго отступило... Он предупредил:

— Это будет нелегко сделать. Гробница находится в Джеккаре.

Железнобородый спросил:

— А что будет с Иваин?

— Смерть, и немедленно, — жестко ответил Торн из Тарака.

Иваин стояла молча, глядя на них с холодным безразличием.

Но Эймер возразила:

— Рольд отправляется прямо в пасть льва. Пока он не вернется, мы не убьем ее на тот случай, если нам понадобится заложник.

И только теперь Карс обратил внимание на Бокхаза, стоящего в тени скалы. Он тряс головой и чувствовал себя глубоко несчастным человеком. Слезы текли по его толстым щекам.

— Он отдает им секрет, который стоит царства! — простонал Бокхаз. Я чувствую себя ограбленным!

Глава 13
Катастрофа

Дни, которые последовали за этими событиями, были для Мэтью Карса странными, долгими днями. Он по памяти нарисовал карту и обозначил среди холмов место, где расположена гробница, и Рольд изучал ее, пока не запомнил так же хорошо, как свой собственный дворец. После этого пергамент был сожжен. Рольд взял один из лучших боевых кораблей и отборную команду. Он отбыл из Кхондора той же ночью. Джаксарт отправился с ним. Все понимали, насколько опасно это путешествие. Но одиночный корабль, сопровождаемый разведчиками-Пловцами, мог избежать патрулей сарков. Они собирались укрыть корабль с частью команды в укромной бухте, в то время как остальная часть экипажа проделает остаток пути по суше.

— Если на обратном пути что-нибудь случится, мы потопим корабль немедленно, — мрачно сказал Рольд.

После того как корабль отчалил, оставалось только ждать. Карса не оставляли без охраны ни на минуту. В его распоряжение отдали три маленьких комнаты в нежилой части дворца, и стража все время находилась при нем.

Разъедающий страх не оставлял его, несмотря на все усилия держать себя в руках. Он поймал себя на том, что прислушивается к внутреннему голосу, наблюдает за неприметными знаками, которые не были частью его самого. Ужас происшедшего в Гроте Мудрых оставил на нем свою отметину. Он знал это. И, отдавая себе в этом отчет, Карс не мог забыть об этом ни на минуту. То, что так страшило его, не было страхом смерти, хотя он был человеком и не хотел умирать. Но это был совсем иной страх. Это ужас потери самого себя, когда его душа и тело полностью подчинены захватчику. Хуже, чем страх сойти с ума, мучило его жуткое предчувствие того, что Рианон опять овладеет его волей.

Эймер приходила часто и подолгу разговаривала с ним. Он знал, что она наблюдает за ним, пытаясь снова увидеть признаки присутствия Рианона. Но когда она улыбалась, ему казалось, что ничто ему не угрожает. Она не осмеливалась снова заглянуть в глубь его души.

Но однажды Эймер снова заговорила об этом.

— Ты пришел из другого мира, — сказала она со спокойной уверенностью. — Я знала это еще тогда, когда увидела тебя впервые. Память о нем я прочитала в твоих мыслях. Па-

мять о мертвом, пустынном месте — очень странном и печальном.

Они стояли на крошечном балконе, почти на самой вершине скалы, и сильный ветер дул им в лицо с полосы зеленого леса. Карс кивнул:

— Печальное место, да. Но и в нем есть своя красота.

— Красота есть даже в смерти, — сказала Эймер. — Но я счастлива, что жива.

— Тогда давай забудем об этом. Лучше расскажи мне о том мире, который бурлит вокруг нас. Рольд говорит, что у тебя очень много общего с Халфлингами.

Она засмеялась.

— Он шутит иногда, говоря, что я не настоящий человек, а фея или что-то в этом роде.

— Ты и не похожа на человека, особенно сейчас, когда лунное сияние струится по твоему лицу и твои косы отражают этот свет, — сказал Карс.

— Иногда я хотела бы, чтобы это было так. Ты никогда не был на островах Крылатых?

— Нет.

— Они похожи на замки, встающие из глубины моря, почти такие же высокие, как и Кхондор. Когда крылатые люди берут меня к себе, я так жалею о том, что у меня нет крыльев, потому что им приходится переносить меня с места на место или же я должна оставаться на земле — а они летают вокруг меня. Кажется, что полет — это самое чудесное, что может быть в мире, и я плачу, потому что никогда не смогу подняться в воздух. Но когда я провожу время с Пловцами, я так счастлива! Мое тело очень похоже на их, только не такое обтекаемое. И это прекрасно, так прекрасно — нырнуть в сверкающую воду и увидеть сады, которые они там выращивают, странные красивые морские цветы, колеблющиеся при движении воды, и ярких рыб, скользящих, как птицы, между ними... И их города, стеклянные колпаки в океане, в неглубоких местах, в прибрежном шельфе. Днем они сияют золотом, как огонь, а ночью кажутся серебряными... Там все время тепло, а воздух чистый и спокойный, и у них есть маленькие пруды, где дети учатся плавать, готовясь стать достаточно сильными, чтобы выйти в открытое море... Я очень многому научилась у Халфлингов, — заключила она.

— Но дхувиане — тоже Халфлинги? — спросил Карс.

Эймер пробрала дрожь.

— Дхувиане — самая старая раса Халфлингов. Их теперь осталось совсем немного, и все живут в Кара-Дху.

Карс внезапно спросил:

— Ты владеешь мудростью Халфлингов не могла бы ты избавить меня от того дьявольского, что во мне сидит?

Она серьезно ответила:

— Даже Мудрые не научились еще этому.

Землянин в бессилии ударил кулаками о камень галереи.

— Лучше бы вы убили меня там, в гроте!

Эймер мягко положила руку на его плечо и сказала:

— Для смерти время всегда найдется.

После того как она ушла, Карс часами ходил взад и вперед. Он хотел выпить вина и боялся это сделать, чтобы не заснуть. Но когда усталость все же взяла свое, сторожа привязали его к кровати, готовые разбудить его, если он уснет. Карс задремал. Иногда его сон был кошмаром, иногда чужой голос проникал в его мысли, говоря:

— Не бойся. Дай мне сказать хоть одно слово.

Много раз он просыпался от собственного крика или был разбужен стражником, касавшимся острием меча его горла.

А голос шептал:

— Я не причиню тебе горя или зла. Я могу изгнать твой страх. Ты только выслушай меня.

Карс не знал, что его ждет: безумие или самоубийство. Он думал, не броситься ли ему с балкона в море.

Бокхаз был близок к нему, как никогда. Он был потрясен тем, что происходило с Карсом. Он был испуган и встревожен, но более всего огорчен тем, что секрет гробницы уплыл из его рук.

— Я же говорил тебе, что нам надо было договориться, — ворчал он. — Это величайшая сила и власть на Марсе, а ты просто так отдаешь ее! Отдаешь, не взяв даже обещания, что они не убьют тебя после того, как получат секрет гробницы.

Он сделал своими толстыми руками жест, как будто затягивал на шее петлю.

— Я повторяю: ты ограбил меня, Карс. Ты украл у меня целое царство.

В эти минуты Карс был даже рад бессовестной наглости валкисианина, потому что это отвлекало его и давало ему силы жить. Бокхаз все время сидел с ним, выпивал невероятное количество вина и каждый раз, заговаривая с Карсом, ухмылялся:

— Люди всегда говорили, что во мне сидит дьявол. Но настоящий дьявол живет в тебе, Карс!

И снова Карс услышал голос:

— Разреши мне говорить, Карс, и я объясню тебе все!

Его лицо передернулось, и руки нервно задрожали.

Потом пришли вести от Рольда. Их принес в Кхондор крылатый человек. Гонец был замучен до предела.

О том, что произошло, Карсу рассказала Эймер. Она могла бы и не делать этого. Он понял все и так, когда увидел ее бледное, как полотно, лицо.

— Рольд так и не дошел до гробницы, — сказала она. — Патруль сарков схватил его на полпути. Он пытался заколоть себя, но ему не позволили. Его отвезли в Сарк.

— Но ведь сарки не знают, что он владеет секретом гробницы, — сказал Карс, хватаясь за соломинку.

Эймер покачала головой.

— Они не дураки. Они хотят выведать планы Кхондора, и им надо выяснить, почему Рольд отправился в Джеккару на одном-единственном корабле. У дхувиан есть масса способов допросить его.

Карс сразу понял, что это значит. Ведь наука дхувиан чуть было не победила его собственный, чужой для этого мира рассудок. Очень скоро из Рольда вытянут все его секреты.

— Значит, нет никакой надежды?

— Никакой, — сказала Эймер. — Ни сейчас, ни потом.

Они помолчали. Ветер стонал в галереях, далеко внизу, ударяясь об утесы, шумели волны.

Карс спросил:

— Что же вы будете делать сейчас?

— Морские Короли отправили послание всем свободным островам и на побережье. Они соберут в кулак все свои корабли, и Железнобородый поведет их на Сарк. У нас очень мало времени. Если даже дхувиане уже овладели тайной, им все равно потребуется некоторое время для того, чтобы добраться до гробницы и изучить оружие. Если мы только сумеем сокрушить их прежде, чем им это удастся...

— Можете ли вы разбить Сарк? — спросил ее Карс.

— Нет, честно ответила она. — Дхувиане вмешаются в бой, и даже того оружия, которым они владеют сейчас, будет достаточно, чтобы одолеть нас. Но мы должны сразиться с ними, и пусть мы умрем, сражаясь, — потому что лучше такая

смерть, чем та, которую уготовят нам Сарк и Змея, когда они сравняют Кхондор с землей.

Он глядел на Эймер, и ему казалось, что в жизни его не было минуты горше.

— Возьмут ли Морские Короли в поход меня?

— Они утверждают, что идея отправить Рольда — это хитрость Рианона, с помощью которой он хочет сделать так, чтобы секрет гробницы попал в Кара-Дху. Я говорила им, что это неправда, но... — Она сделала усталый жест рукой и отвернулась. — Железнобородый, я думаю, мне верит. Он проследит за тем, чтобы твоя смерть была быстрой и легкой.

После короткого молчания Карс спросил:

— А Иваин?

— Торн из Тарака придумал, что сделать с ней. Они привяжут ее к бушприту флагманского корабля, идущего к Сарку, — ответила Эймер.

Снова наступило молчание. Карсу казалось, что воздух в галерее стал таким тяжелым, что давил на сердце, как камень. Эймер тихо ушла. Карс даже не заметил ее ухода. Он повернулся и пошел прочь по маленькой галерее, потом остановился и долго смотрел на море.

— Рианон, — прошептал он, — я проклинаю тебя. Я проклинаю ту ночь, когда я впервые увидел твою шпагу, и я проклинаю тот день, когда я пришел в Кхондор с обещанием открыть твою гробницу.

Свет угасал. В лучах заката море было, как кровавое марево. Ветер доносил до Карса звуки — хлопающие паруса, крики людей, готовящихся к походу. Карс горько засмеялся:

— Вот ты и получил то, чего добивался! Но ты не сможешь уже насладиться этим...

Не очень-то большое удовлетворение. Напряжение последних дней и заключительный удар — это многовато для одного человека.

Карс сидел на резной скамье, уронив лицо в ладони. Он был совершенно измотан и выжат, он слишком устал даже для эмоций. Голос темного угла его сознания вдруг ожил и зашептал, и впервые у Карса не было сил, чтобы бороться с ним.

— *Я мог бы спасти тебя, если бы ты меня только выслушал. Глупцы и дети, вы никогда не слушаете...*

— Хорошо, говори, — прошептал Карс. — Зло уже сделано, и Железнобородый скоро будет здесь. Я разрешаю тебе, Рианон. Говори!

И он ответил, заполнив мысли и чувства Карса голосом, ревущим, как штормовой ветер, стиснутый узкими берегами, отчаянным, умоляющим.

— Если бы ты только поверил мне, Карс. Я могу спасти Кхондор. Дай мне использовать твое тело...

— Я не настолько еще сошел с ума для этого. Даже в эту минуту я еще не безумен.

— Всемогущие боги! — Рианон сдержал свой гнев, и его голос продолжал, спокойный, уверенный, ужасный в своей искренности: *— Я говорил правду в гроте Мудрых. Ты был в моей гробнице, Карс. Как ты думаешь, мог ли я столько столетий пролежать там в одиночестве, в страшной темноте, вне пространства и времени — и не измениться? Я не бог! Как бы вы ни называли нас, — мы, Куру, никогда не были богами. Мы только раса людей, которые пришли раньше других. Они называют меня дьяволом, Проклятым, — но это неправда! Самоуверенный, гордый да еще и глупец — это так. Но у меня не было злых намерений. Я учил детей Змеи, потому что они были хитрее. Они льстили мне — и когда они стали использовать мои уроки во зло другим, я пытался остановить их, но уже не смог, потому что они научились защищаться и даже моя сила не могла одолеть их в Кара-Дху. Поэтому мои братья Куру судили меня. Они приговорили меня к заключению вне пространства и времени в гробнице, которую они создали. Я должен был оставаться там, пока плоды моего греха не исчезнут. И они оставили меня. Мы были последними из нашей расы, им больше ничего не оставалось — только уйти. Они хотели лишь мудрости и покоя. Они ушли по пути, который избрали для себя. А я ждал. Можешь ли ты понять, что такое ждать неизвестно сколько времени, и можешь ли ты понять, что я чувствовал?*

— Я думаю, что ты заслужил все это, — сурово ответил Карс. Он был возбужден до предела. Слабая надежда, какая-то ниточка...

Рианон продолжал:

— Я заслужил это, но ты дал мне возможность искупить вину, освободиться и уйти за моими братьями. — Внутренний голос поднялся, и страсть вспыхнула в нем — сильная, опасно сильная. *— Дай мне свое тело, Карс! Дай мне его — и я смогу это сделать!*

— Нет! — закричал Карс. — Нет!

Он вскочил, осознав теперь всю опасность, изо всех сил сопротивляясь этой дикой, непреодолимой силе. Он отбросил ее в темный угол и закрыл за ней дверцу.

— Ты не можешь повелевать мною, — прошептал он, не можешь!

— *Нет*, — горестно вздохнул Рианон, — *не могу*.

Внутренний голос затих.

Карс оперся о камень, он вспотел и дрожал, но в нем загорелась отчаянная надежда. Малейшего проблеска надежды, одной только мысли о ней было достаточно, чтобы воспламенить его. Все же это лучше, чем ждать смерти, словно мышь в мышеловке. Если только боги дадут ему немного времени... Он услышал, как снаружи открылась дверь. Смена караула. Его сердце упало. Он стоял неподвижно, ожидая услышать голос Железнобородого.

Глава 14
Дерзкий план

Но это был не Железнобородый. Это был Бокхаз, который предстал перед ним, печальный, с тоскливыми глазами.

— Меня послала Эймер, — сказал он. — Она сообщила мне трагические новости, и я пришел проститься с тобой. — Он взял Карса за руку. — Морские Короли собирают свой последний военный совет перед началом похода на Сарк. Он начнется очень скоро. Мой друг, мы прошли с тобой через много испытаний — ты и я. Ты стал мне братом, и наше прощание надрывает мне сердце. — Толстый валкисианин был растроган до глубины души, и в глазах его стояли слезы. — Да, ты мой брат, — повторил он с чувством. — И словно братья, мы ссорились и вместе проливали кровь. Этого нельзя забыть. — Он тяжело вздохнул. — Мне бы хотелось взять что-нибудь на память о тебе, старый друг. Какую-нибудь маленькую безделушку на прощание. Например, твой украшенный камнями воротник, возможно, и пояс — тебе они больше не нужны, а я буду беречь их всю свою жизнь.

Он вытер слезы.

Карс не слишком нежно схватил его за горло.

— Ты, лицемерный мошенник! — зарычал он прямо в ухо Бокхазу. Маленькую безделушку, да? Клянусь богами, я опять попался на твою удочку! Пусть на мгновение, но ты сумел обмануть меня!

— Но, мой друг... пискнул Бокхаз.

Карс сильно встряхнул его и отпустил. Совсем другим тоном он произнес:

— Я не собираюсь пока ломать тебе ребра. Слушай, Бокхаз. Ты хочешь заполучить силу и могущество Гробницы?

Рот Бокхаза широко открылся.

— Свихнулся, — прошептал он. — Бедняга потерял рассудок от переживаний...

Карс бросил быстрый взгляд наружу. Стражники ничего не слышали, они были слишком далеко. У них не было никаких причин беспокоиться о том, что происходит на балконе. Их было трое, все в кольчугах и при оружии. Бокхаз был безоружен, а Карс мог спастись только в том случае, если бы у него вдруг выросли крылья.

Землянин быстро заговорил:

— Попытка Морских Королей бесполезна. Дхувиане придут на помощь Сарку, и Кхондор будет обречен. И это означает конец и для тебя, Бокхаз. Сарки будут здесь, и если ты останешься жив после штурма, что весьма сомнительно, они сдерут с тебя живого кожу и отошлют дхувианам то, что от тебя после этого останется.

Бокхаз живо представил себе все это, и его мысли были не из приятных.

— Но ведь невозможно, — пробормотал он, — овладеть сейчас оружием Рианона. Даже если ты вырвешься отсюда, ни один человек не сможет пробраться в Сарк и выкрасть его у них из-под носа!

— Ни один человек, — повторил Карс. — Но я ведь не просто человек, помнишь? И чье это оружие, в конце концов?

Постепенно Бокхаз осознал услышанное, и радость молнией озарила его лицо. Он чуть не вскрикнул и сдержал себя уже в тот момент, когда Карс зажал ему рот ладонью.

— Это гениально, Карс! — прошептал он. — Сам Отец Лжи не смог бы придумать лучше. — Он был в восторге. — Это великолепно. Это достойно Бокхаза. — Внезапно он протрезвел и покачал головой. — Но это и настоящее сумасшествие.

Карс взял его за плечи.

— Как и раньше, на галере, ты ничего не теряешь, а выиграть можешь все. Ну, согласен?

Валкисианин закрыл глаза.

— Это соблазнительно, — пробормотал он. — Как мастер, как актер, я хотел бы увидеть плоды этого восхитительно-

го обмана. — Он вздрогнул. — Снять с живого кожу, не так ли? И дхувиане... Я думаю, ты прав. Мы все равно с тобой уже покойники.

Его глаза вдруг широко раскрылись.

— Подожди! Конечно, Рианону в Сарке с рук сойдет все, но я-то — только Бокхаз, который взбунтовался против Ивании. О, нет! Я лучше останусь здесь, в Кхондоре.

— Оставайся, если хочешь. — Карс снова тряхнул его. — Ты толстый глупец! Я смогу это сделать. А когда мы превратимся в спасителей Кхондора, да еще с оружием Рианона в руках, то не будет уже вообще ничего, чего мы не смогли бы сделать! Что ты думаешь о троне короля Валкиса?

— Ну что ж, — вздохнул Бокхаз. — Ты соблазнил бы самого дьявола. И раз уж речь зашла о дьяволе... — Он покосился на Карса острым глазом. — Сможешь ли ты его укротить? Неприятно, знаешь ли, иметь в компаньонах демона...

— Не бойся, я смогу укротить его. Ты слышал, сам Рианон признал это.

— В таком случае, — сказал Бокхаз, — нам лучше действовать быстро, пока Морские Короли не закончили свой военный совет. — Он ухмыльнулся. — Старик Железнобородый помог нам, сам того не ведая. Все гребцы с нашей галеры уже на борту. Они ждут начала похода — и, кстати, не слишком счастливы этим!

Через секунду стражники, находившиеся во внутреннем помещении, услышали пронзительный крик Бокхаза:

— На помощь! Быстрее! Карс бросился в море!

Они подбежали к балкону, где стоял Бокхаз, указывающий рукой на кипящие волны.

— Я попытался удержать его, — простонал он, но не смог.

Один из стражников фыркнул.

— Невелика потеря, — сказал он, и в этот момент Карс вышел из тени в углу, ударил его по голове тяжелым, как молот, кулаком, и солдат рухнул, оглушенный, на камни, в то время как Бокхаз проделал то же самое со вторым часовым. Третьего они скрутили и оглушили вдвоем прежде, чем он успел вытащить свой меч из ножен. Еще двое прибежали на шум, но Карс и Бокхаз не теряли времени. Их кулаки ударили со смертоносной точностью, и через несколько минут солдаты были связаны и оставлены с кляпом во рту. Карс хотел взять меч одного из них, но Бокхаз кашлянул в некотором смущении.

— Возможно, ты захотел бы получить назад свою собственную шпагу, — сказал он.

— Где она?

— К счастью, рядом, за дверью, там, где мне приказали ее оставить.

Карс кивнул. Да, неплохо сейчас держать в руках шпагу Рианона. Выходя из комнаты, Карс остановился на минуту, чтобы подхватить плащ одного из часовых. Он странно глянул на Бокхаза.

— Каким это образом ты стал счастливым обладателем моей шпаги? — спросил он.

— Ну... как же... как твой друг, твой лучший друг и второй по званию после тебя я имел на нее право. — Валкисианин нежно улыбнулся. — Ведь ты был приговорен к смерти. Я был уверен, что ты сам захотел бы отдать ее именно мне.

— Бокхаз, — сказал Карс, — воистину, твоя любовь ко мне — чудесная вещь.

— Я всегда был сентиментален по натуре. — Валкисианин отстранил Карса. — Дай я пройду первым.

Он вышел в коридор, затем кивнул, и Карс последовал за ним. Длинный клинок был прислонен к стене. Карс взял его в руки и улыбнулся.

— С этого момента, запомни! — сказал он. — Я — *Рианон*!

В этом крыле дворца почти не было людей. Темные коридоры были освещены редкими факелами. Бокхаз ухмыльнулся.

— Я хорошо знаю этот дворец, — заявил он. — Если уж на то пошло, я знаю даже многое из того, чего и сами кхонды не помнят.

— Прекрасно, — отозвался Карс. — Показывай дорогу. Но сначала мы должны найти Иваин.

— Иваин? — Бокхаз вытаращился на него. — Ты сошел с ума, Карс. Сейчас не время играть с этой ехидной.

— Она должна быть с нами! — зарычал Карс. — Она свидетель, она подтвердит в Сарке, что я Рианон. Иначе весь наш план рухнет. Ты идешь или нет?

Он сообразил, что Иваин может стать главным козырем затеянной игры. Его основным доводом было то, что она видела, как Рианон завладел им.

— В твоих словах есть доля правды, — признал Бокхаз и тут же мрачно добавил: — Но мне лично это не нравится. Сначала дьявол, потом дьявольская кошка с ядом в когтях — это и впрямь сумасшедшее путешествие.

Иваин была заперта где-то здесь, в той же части дворца. Бокхаз шел быстро. Пока что они никого не встретили. В развилке двух коридоров Карс увидел одинокий факел, который освещал дверь, ведущую в тюремную камеру.

Сонный стражник дремал, опершись на копье. Бокхаз тяжело задышал.

— Иваин сумеет убедить сарков, — прошептал он, — но сумеешь ли ты убедить Иваин?

— Я должен, — сумрачно ответил Карс.

— Тогда — желаю нам обоим удачи!

Как и было задумано, они добрались до ее камеры. Бокхаз ушел вперед — заговаривать зубы стражнику, который был рад послушать новости. Вдруг в середине фразы Бокхаз прервал словоизлияния и с открытым ртом уставился куда-то в сторону. Удивленный часовой оглянулся. В коридор вышел Карс. Он шел так, словно весь мир принадлежал ему, — плащ перекинут через плечо, голова гордо поднята, глаза сверкают. При свете факела его драгоценности разбрасывали искры и шпага Рианона дьявольским серебром сияла в его руке.

Он заговорил тем звенящим голосом, который запомнил, услышав его однажды в гроте:

— На колени, ты, ублюдок-кхонд, если не хочешь умереть!

Человек стоял, как завороженный, его копье опустилось. Позади него испуганно зашептал Бокхаз.

— Клянусь богами, — застонал он, — дьявол снова овладел им. Это Рианон, он опять на свободе!

Почти как бог, озаренный тусклым светом факела, Карс поднял свою шпагу — не оружие, а символ власти. Он позволил себе улыбнуться.

— Итак, ты узнал меня. Хорошо. — Он послал стражу огненный взгляд. — Ты все еще сомневаешься или я должен проучить тебя?

— Нет! — хрипло ответил тот. — Нет, господин!

Он рухнул на колени. Копье со стуком упало на камни. Стражник склонился до земли и спрятал лицо в ладонях.

Бокхаз снова прошептал:

— Повелитель Рианон...

— Свяжи его, — приказал Карс, — и открой дверь.

Бокхаз повиновался. Он приподнял три тяжелых засова. Дверь с лязгом открылась, и Карс перешагнул через порог.

Она ждала в полумраке, напряженно выпрямившись. Кхонды не дали ей ничего, кроме свечи, и воздух в камере был тя-

желый. Лежанка, покрытая заплесневевшей соломой, в углу крошечной комнаты была единственной мебелью. И она по-прежнему крепко держала себя в руках.

Карс вздрогнул. Он подумал: интересно, наблюдает ли за ним Проклятый в эту минуту. И он почти явственно услышал эхо темной насмешки над человеком, который пытается играть роль бога.

Иваин спросила:

— Ты и вправду Риапон?

— Ты знала меня раньше, что ты скажешь теперь? — спросил он.

Он ждал, пока ее глаза скользили по его лицу в мерцающем свете.

— Повелитель, — сказала она.

И медленно опустилась на колени. Голова ее была опущена, но она все еще оставалась непокорной Иваин из Сарка, гордой даже перед Риаиоиом.

Карс тихо засмеялся и повернулся к скорчившемуся Бокхазу.

— Заверни ее в ковер. Ты понесешь ее и неси ее аккуратно, свинья.

Бокхаз быстро повиновался. Иваин было разгневалась, но сумела сдержать свое раздражение.

— Мы покидаем Кхондор? — спросила она.

— Мы оставляем Кхондор на волю судьбы. — Карс сжал свою шпагу. — Я должен быть в Саркс и, когда Морские Короли придут в Сарк, уничтожу их сам, своим оружием!

Бокхаз закутал ее в ковер, закрыл ее лицо, спрятал в складках ее цепи. Валкисианин поднял ее так, что со стороны казалось, будто он просто тащит ковер. И вдруг он заговорщически подмигнул Карсу. Карс не был так уверен в успехе. Но в эти минуты, когда нельзя упустить слабый шанс на спасение, Иваин не должна была быть слишком уж щепетильной. Однако до Сарка еще далеко. И может быть, этим своим поклоном она лишь насмехалась над ним?

Глава 15
Под двумя лунами

Бокхаз, как истинный жулик и плут, изучил в Кхондоре каждую крысиную нору. Он вывел их из дворца ходами, которыми столько лет никто не ходил, что пыль лежала там слоем

толщиной в палец. Дверь, которую они открыли, выходя из дворца, почти сгнила от времени. Потом они шли по обвалившимся ступеням и круто спускающимся к морю улицам, которые были не шире, чем трещины в скалах.

Город не спал. Ночной ветер разносил эхо быстрых шагов и резких голосов. Воздух был наполнен шумом крыльев крылатых людей, темных теней, пролетавших в ночном небе. Все вокруг казалось обычным. Но Карс чувствовал возбуждение и ярость людей, готовых к сражению с врагами и к почти верной гибели. Из храма до него доносились голоса женщин, поющих гимны богам. Спешащие люди не обращали на них никакого внимания. Они видели всего-навсего толстого матроса с ковром на спине и высокого человека в плаще, идущих к заливу. В этой картине не было ничего необычного.

Они спустились по длинной лестнице, ведущей к набережной. Дорога становилась все более крутой и опасной, но их еще никто не останавливал. В эту решающую ночь каждый кхонд был слишком поглощен своими заботами, чтобы интересоваться каждым встречным. Несмотря на это, сердце Карса громко стучало и он все время напряженно ждал сигнала тревоги, которая неизбежно поднимется, когда Железнобородый придет убить пленника.

Они стояли на набережной. Карс увидел мачты черной галеры, возвышающейся среди боевых кораблей кхондов, и направился к ней в сопровождении Бокхаза, задыхающегося под тяжестью своей ноши. Сотни факелов горели на набережной. В их свете вооруженные люди грузились на корабли. Каменные стены дрожали от топота ног суетящихся людей. Сновали маленькие корабли и барки, доставляя на суда припасы и оружие. Пробираясь сквозь толпу, Карс старался не открывать лица. Вода кишела Пловцами. На пристани было много женщин, которые пришли сюда проститься со своими мужьями.

Когда они приблизились к галере, Бокхаз ушел вперед. Карс остановился у батареи бочонков, делая вид, что завязывает сандалию, в то время как Бокхаз заспешил со своей тяжелой ношей на борт. Карс услышал голоса членов экипажа галеры, он видел их нервные и напряженные лица; они спрашивали Бокхаза о новостях.

— Новости? — доносился до Карса голос Бокхаза. — Я расскажу вам новости! С тех пор как Рольд попался в руки сарков, в городе царит ужасное настроение. Вчера мы были им братьями. Сегодня мы опять вне закона, мы снова для них

враги. Я слушал их разговоры в кабаках и на улицах, и я говорю вам, что наши жизни не стоят и ломаного гроша!

Пока команда бормотала что-то в ответ, Карс, не замеченный никем, прыгнул на борт. Перед тем как проскользнуть в ту каюту, где Бокхаз оставил Иваин, он услышал окончание речи валкисианина:

— Когда я уходил, я видел, что собирается толпа. Если мы хотим спасти свою шкуру, нам лучше отчалить отсюда, пока есть еще такая возможность!

Карс был вполне уверен в успехе этой горячей речи. Он вовсе не считал, что Бокхаз слишком сгустил краски. Он и раньше видел толпы, бросающиеся на людей, знал, что это такое, и потому был уверен, что его команда, состоявшая из осужденных сарков и джеккарцев, вполне могла попасть в жуткую переделку. Теперь, когда дверь каюты была закрыта, он облокотился на стол и слушал: топот босых ног по палубе, торопливые возгласы, шум развертываемых парусов, скрип блоков.

Галера медленно отходила от причала.

— Приказ Железнобородого! — закричал Бокхаз людям, стоявшим на берегу. — Специальная миссия!

Галера качнулась и стала постепенно набирать скорость под медленные удары барабана.

И тогда Карс услышал наконец отдаленный рев толпы с вершины скалы. Это и было то, чего он боялся: сигнал тревоги. Он стоял, терзаемый страхом. Остальные пока что не понимали, что это значит, но он прекрасно знал смысл сигнала без всякой подсказки. Но тревога еще не докатилась до набережной и залива, а галера уже далеко вырвалась вперед и, двигаясь все быстрее, вошла в устье фиорда.

В темноте каюты Иваин спокойно спросила:

— Повелитель Рианон, дозволено ли мне будет дышать?

Он наклонился и развернул ковер.

— Спасибо. Так... теперь мы выбрались из дворца и вышли в залив, но впереди фиорд. И я слышала сигнал тревоги.

— Да, — сказал Карс. — Крылатые разнесут весть о нашем побеге — пускай! — Он засмеялся. Посмотрим, как они остановят Рианона, швыряя камешки с обрывов!

Он оставил ее в каюте, приказав никуда оттуда не отлучаться, и вышел на палубу.

Они проделали довольно большой путь по каналу. Паруса стали забирать ветер, дующий с утесов. Карс попытался вспомнить, как устроены баллисты. Он рассчитывал на то, что они

предназначены для поражения кораблей, входящих в фиорд, а не выходящих из него. Скорость — для них сейчас самым главным была скорость. Скорость — это их шанс на спасение.

В слабом сиянии Деймоса никто не замечал Карса. Но когда Фобос посеребрил верхушки острых скал и послал зеленоватый луч в залив, галерники разглядели высокого человека в плаще, развевающемся на ветру, со сверкающей шпагой в руках. Непонятный крик вырвался у этих людей — они были рады видеть Карса, которого они знали и помнили, но к радости этой примешивался страх, потому что они слышали о нем в Кхондоре странные вещи. Он не дал им времени думать об этом. Подняв свою шпагу высоко над головой, он крикнул:

— Вперед, бродяги! Вперед, или они пустят нас ко дну!

Человек он или дьявол, но говорил он правду, и они знали это. Галера рванулась вперед. Карс вскочил на площадку рулевого. Бокхаз был уже там. Он уверенно опирался о борт и приветливо встретил Карса, но человек, стоявший у штурвала, обратил к нему свои волчьи глаза, в которых горел дикий огонь. Это был галерник с клеймом на щеке, который в день бунта сидел на весле рядом с Джаксартом.

— Сейчас капитан я, — сказал он Карсу. — И я не допущу твоего присутствия на своем корабле, чтобы ты не навлек на нас проклятия.

Карс произнес со спокойной, но страшной медлительностью:

— Я вижу, что ты не узнаешь меня. Скажи ему, человек из Валкиса.

Но в этом не было необходимости. Наверху зашумели крылья, и крылатый человек закружился над кораблем в лунном свете.

— Поворачивайте назад! Поворачивайте назад! — кричал он. — На вашем корабле — *Рианон!*

— Да! — крикнул в ответ Карс. — Гнев Рианона и его Сила!

Он поднял шпагу, и драгоценный камень на рукояти недобро сверкнул в лучах Фобоса.

— Вы пойдете против меня? Вы осмелитесь?

Крылатый человек отшатнулся и с пронзительным криком поднялся вверх. Карс повернулся к рулевому.

— А ты? Что скажешь ты?

Он увидел, как вспыхнули волчьи глаза, метнувшиеся с камня на рукояти к его лицу и назад, к камню. Выражение

ужаса, которое уже так знакомо было Карсу, мелькнуло на клейменом лице, и он отступил.

— Я не смею стоять на пути Рианона! — сказал он хрипло.

— Дай мне штурвал, — сказал Карс, и клейменый отошел в сторону, его шрам резко выделялся на побелевшем лице.

— Нам нужно увеличить скорость, если вы хотите жить, — сказал Карс.

И они увеличили скорость так, что галера понеслась с опасной быстротой между острых утесов. Черный корабль, словно призрак, странно выделялся среди белого огня фиорда в холодном лунном свете. Карс увидел полосу открытого моря впереди и внутренне сжался, молясь об удаче.

С высокой скалы донесся воющий рев, и первая баллиста вывернула камень в галеру. Он с плеском упал в воду прямо перед носом судна. Галера вздрогнула, но продолжала идти, не останавливаясь. Вцепившись в штурвал, в развевающемся плаще, с напряженным, сосредоточенным лицом, с жутким пламенем в глазах, Карс ввел галеру в устье фиорда. Баллисты ревели и выбрасывали все новые заряды. Большие обломки разбрызгивали воду так, что казалось, будто они идут сквозь горящее облако дыма и воды. Но пока все было так, как и предвидел Карс. Баллисты были рассчитаны в основном на нападение извне и не готовы были поражать корабль, выходящий из фиорда. Все это и скорость спасло их. Они вышли в открытое море. Последний камень бессильно упал за бортом — и они были свободны.

Конечно, за ними сразу же начнется погоня, он знал это. Но сейчас они были спасены.

Карс подумал о том, как трудно быть богом. Ему хотелось сесть на палубу, сделать хороший глоток вина, встряхнуться. Но вместо этого он заставил себя засмеяться, словно его забавляло то, что эти дети, эти несмышленыши-люди пытаются одолеть непреодолимое.

— Подойди сюда, ты, который называет себя капитаном! Возьми штурвал и направь галеру к Сарку!

— Сарк! — От страха бедняга широко распахнул глаза. — Рианон, господин мой, пощады! В Сарке мы осуждены на смерть!

— Рианон защитит вас, — вставил Бокхаз.

— Молчать! — взревел Карс. — Кто ты такой, чтобы обещать за Рианона?

Бокхаз съежился. И тогда Карс приказал:

— Приведи сюда госпожу Иваин и сними с нее кандалы!

Он спустился по лестнице на палубу. Позади клейменый галерник застонал:

— Иваин! О боги, лучше бы нам погибнуть у кхондов!

Карс был неподвижен, и люди вокруг стояли молча, их глаза были полны ненависти, они готовы были убить его, если бы страх не мешал им это сделать. Страх перед неизвестным, перед тем, что Проклятый испепелит их всех на месте, если они взбунтуются.

К нему подошла Иваин и поклонилась.

— Однажды вы подняли мятеж против нее, — сказал он людям. — Вы пошли следом за варваром. Но его нет больше. И вы снова будете служить ей. Служите ей честно, и она забудет ваше преступление.

Он увидел, как при этих словах ее глаза вспыхнули яростью. Она пыталась возражать, но Карс остановил ее движением руки, и слова замерли у нее на губах.

— Поклянись им в этом! — приказал он. — Клянись честью Сарка!

Она повиновалась. Но Карсу в этот момент показалось, что она все еще сомневается в нем. Когда он ушел к себе в каюту, она последовала за ним и спросила, может ли она войти. Он ответил согласием и отослал Бокхаза за вином. В каюте воцарилась тишина. Карс задумчиво молчал, пытаясь успокоить тревожное биение своего сердца, а она наблюдала за ним сквозь опущенные ресницы. Вино, принесенное Бокхазом, оказалось скверным. Бокхаз поколебался какое-то мгновение, а потом молча вышел, оставив их наедине.

— Садись, - сказал Карс. — Садись и выпей вина.

Иваин придвинула низкий стул и уселась, вытянув длинные ноги, тонкая, как юноша, в своей черной кольчуге. Она пила вино и молчала.

— Ты все еще сомневаешься во мне, — быстро сказал Карс.

— Нет, господин!.. — начала она.

Карс засмеялся.

— Даже и не пытайся лгать мне. Надменная, гордая женщина — Иваин. И умная. Отличный правитель для Сарка, несмотря на то что женщина.

Ее рот скривился.

— Мой отец, король Гарах, воспитал меня такой, какая я есть. У него не было сына — а кто-то должен держать меч, пока он забавляется со своим скипетром.

— Я думаю, — сказал Карс, — что это не было так уж неприятно для тебя.

Она улыбнулась.

— Нет. Я рождена не для шелковых нарядов и мягких подушек. — И неожиданно добавила: — Давай не будем больше говорить о моих сомнениях, повелитель Рианон. Я знала тебя и раньше — тогда, в каюте, когда ты стоял лицом к лицу с С'Саном. И в гроте Мудрых. И я знаю тебя сейчас.

— Веришь ты мне или нет, Иваин, — это уже не имеет большого значения. Однажды тебя уже победил варвар, и, я думаю, у Рианона тоже не будет с этим хлопот.

Она вспыхнула. Ее недоверие к нему внезапно стало явным — ее собственный гнев выдал ее.

— Варвар не одолел меня! Он поцеловал меня — и я дала ему возможность насладиться этим. Я на всю жизнь оставила шрам на его лице!

Карс кивнул и сказал, сильно задевая ее гордость:

— И на мгновение ты тоже насладилась им. Ты — женщина, Иваин, женщина, несмотря на твою короткую тунику и кольчугу. А женщина всегда узнает своего господина, который сумеет ее одолеть.

— Ты так думаешь? — прошептала она. Она подошла к нему очень близко, ее алые губы раскрылись, как и в тот раз, соблазнительные, яркие.

— Я знаю это, — сказал он.

— Если бы ты был только варваром и никем другим, — прошептала она, — я тоже могла бы в это поверить.

Ловушка была почти незамаскированной.

Карс ждал, пока напряжение не стало ослабевать. Затем он холодно произнес:

— Я уверен, что ты сумела бы. Однако сейчас я уже не варвар. Я Рианон. И тебе пора спать, Иваин. Уходи.

Он с мрачным удовольствием увидел, как она в замешательстве отпрянула от него — впервые за все это время. Он знал, что уничтожил ее давнишние подозрения на его счет, по крайней мере на некоторое время.

Он сказал:

— Ты можешь занять внутреннюю каюту.

— Хорошо, господин, — ответила она, и сейчас в ее голосе не было насмешки. Она толкнула дверь и остановилась на пороге, держась за ручку двери. На ее лице появилось выражение ярости.

— Что тебя останавливает? — спросил он.

— Это место все еще пахнет Змеей. Лучше я буду спать на голых досках палубы!

— Странные слова ты говоришь, Иваин. С'Сан был твоим наставником, твоим другом. Я вынужден был убить его, чтобы спасти жизнь варвара, но Иваин из Сарка не должна питать злых чувств к союзникам!

— Они союзники Гараха, но не мои! — Она повернулась к нему, и гнев ее был так велик, что она позабыла об осторожности. — Риапон ты или нет, — кричала она, — но я скажу тебе то, что было у меня на душе все эти годы! Я ненавижу твоих ползучих учеников из Кара-Дху! Я ненавижу их всем своим существом — и ты можешь убить меня, если хочешь!

И она выбежала из каюты, громко хлопнув дверью. Карс остался сидеть за столом. Он все еще дрожал от нервного напряжения и налил себе вина, чтобы немного расслабиться. Он был счастлив услышать от Иваин, что она тоже ненавидела Кара-Дху.

Ветер к полуночи утих, и в течение многих часов галера шла под веслами, причем значительно медленнее обычной ее скорости, потому что часть команды — кхонды — осталась в Кхондоре и находилась на своих кораблях. До заката оставалось недолго, когда моряк крикнул со смотровой вышки:

— На горизонте корабли кхондов!

Глава 16
Голос Змеи

Карс стоял на верхней палубе вместе с Бокхазом. Было раннее утро. Штиль все еще не позволял галере набрать скорость, и корабли кхондов, идущие ей наперерез, были уже хорошо видны.

— Этак они покончат с нами к ночи, — сказал Бокхаз.

— Да. — Карс нервничал.

Без дополнительных гребцов галера не могла оторваться от преследователей, идя только на веслах. И последнее, чего хотел бы Карс, было битвой с воинами Железнобородого. Он знал, что не сможет победить их.

— Они сделают все, чтобы схватить нас. И ведь это только авангард. За ними идет весь флот Морских Королей. — Бокхаз посмотрел на корабли. — Как ты думаешь, доберемся мы до Сарка?

— Только при хорошем ветре, — мрачно сказал Карс. — И даже тогда это будет чудом. Знаешь ли ты какие-нибудь молитвы, Бокхаз?

— Меня обучали им в юности, — ответил тот истово.

— Тогда молись.

Весь этот долгий день не принес и дуновения ветерка. Безжизненные паруса галеры повисли. Гребцы устало работали веслами. Они попали в западню, оказавшись между врагами-людьми и демоном, — у них не было выбора. Но их силы были на исходе. А корабли кхондов медленно, но верно приближались.

Наступил полдень, когда впередсмотрящий доложил, что позади галеры появились многочисленные — пока еще далекие — корабли кхондов. Это была армада, весь флот Морских Королей. Карс посмотрел в неподвижное небо и ощутил страшную горечь в сердце. Поднялся ветер. Паруса медленно наполнились, и лица людей слегка прояснились. Все-таки это была крупица надежды...

Ветер подул сильнее. Галера пошла быстрее, и кхонды отстали. Карсу хорошо известны были достоинства галеры. Это был быстроходный корабль, и с его сильными парусами, под хорошим ветром они могли бы уйти от погони. Под хорошим ветром...

Следующие несколько дней были до такой степени сумасшедшими, что могли любого вывести из равновесия. Без всякой пощады Карс выжимал из людей последние силы, и каждый удар барабана приближал их к полному изнеможению. С небольшим, правда, преимуществом, но Карс все же умудрился оторваться от погони. Однажды, когда их почти уже настигли, внезапный шквал разметал более мелкие корабли кхондов. Они быстро оправились и снова наседали. И снова моряк на смотровой вышке докладывал о приближении армады. Ближайшие из преследователей были на расстоянии двух-трех часов от них, их было четыре или пять. Карс вспомнил старую пословицу: «Жестокая погоня — долгая погоня». Но это продолжается слишком уж долго.

И опять улегся тяжелый, душный штиль. Гребцы надрывались, и весла вздымались и опускались, движимые только одним страхом перед кхондами. Карс стоял у мачты на корме, серьезный и мрачный. Игра была проиграна. Длинные корабли кхондов настигали их, они были уже совсем близко.

Внезапно до него донесся резкий крик матроса с мачты:

— Паруса!

Карс взглянул туда, куда матрос указывал рукой.

— Корабли сарков!

Он увидел их — несущихся на полной скорости, — три военные галеры патруля сарков. Перегнувшись через фальшборт, он крикнул гребцам:

— Нажмите, псы! Вперед! Помощь близко!

Они нашли в себе силы и последним отчаянным рывком снова ушли вперед.

Иваин подошла к Карсу и встала рядом.

— Мы уже совсем близко от Сарка, повелитель Риапон. Если мы сможем продержаться еще немного...

Кхонды приближались к ним в яростной попытке догнать их и потопить еще до того, как корабли сарков поравняются с галерой. Но было уже поздно. Патрульные корабли начали бой. Они набросились на кхондов, и воздух наполнился криками, звоном тетивы, шипением катапульт и стрел, жутким треском ломающихся весел. Сражение продолжалось почти три часа. Кхонды отчаянно держались и не отступали. Корабли сарков окружили галеру стеной и не давали им пробиться к ней. Снова и снова атаковали кхонды их легкие суда, и снова их удары были отбиты.

На патрульных кораблях имелись баллисты, и Карс увидел, как два корабля кхондов, пораженные ими, медленно ушли под воду.

Легкий бриз шевельнул паруса. И снова горящие стрелы пропели в воздухе. Две патрульные галеры были охвачены огнем, но и кхонды понесли ощутимые потери. А за это время черная галера сумела набрать скорость и шла под всеми парусами к берегу Сарка.

Берег этот становился все ближе и ближе, темная береговая линия была легко различима даже невооруженным глазом. И тогда, к своему великому облегчению, Карс увидел множество кораблей, спешащих им на выручку. Но вид горящих судов Кхондора — там, вдали, — наполнял его душу болью и горечью. Глядя на паруса Морских Королей с большого расстояния, он понимал, что час большой битвы приближается. В этот момент ему казалось, что нет никакой надежды.

Поздно вечером они вошли в залив Сарка. Широкая гавань вмещала множество кораблей. По обоим берегам канала раскинулся город, могучий и бездушный.

Это был город, чье великое себялюбие было так сродни характеру людей, населявших его. Карс увидел высокие хол-

мы и роскошный дворец, венчающий самый высокий из них. Здания примитивной архитектуры, с непробиваемыми стенами и толстыми башнями, вздымающимися к небу, ярко и грубо расписанные, были почти безобразны в своей мощи.

Весь портовый район уже кишел возбужденными людьми. Сигналы об атаке Морских Королей подняли по тревоге многочисленные корабли и галеры, готовые к обороне. В воздухе стояли шум, грохот и лязг. Город ждал войны.

Позади Карса зашептал Бокхаз:

— Мы рехнулись! Только сумасшедшие могли забраться так глубоко в пасть дракона! Если ты не сумеешь продолжать играть роль Рианона, если ты поскользнешься только один раз...

— Я смогу это сделать. У меня было много времени, чтобы научиться изображать из себя Проклятого.

Но втайне он содрогнулся. Окруженному массивными стенами Сарка, ему казалось безумием играть здесь роль бога.

Толпа на набережной приветственными криками встречала Иваин, когда она сходила на берег. Но люди замирали в изумлении, глядя на высокого светловолосого человека, похожего на кхонда, который держал в руке шпагу. Солдаты окружили их и провели сквозь возбужденную толпу. Радостные возгласы неслись им вслед, в то время как они шли вверх по переполненным улицам к большому дворцу на холме. Они быстро поднялись по лестнице и оказались в прохладной темноте дворцовых коридоров. Прошли через громадные гулкие залы, по полу, выложенному мозаикой, среди массивных колонн, поддерживающих гигантские перекрытия, щедро позолоченные.

Карс обратил внимание на то, что во многих орнаментах присутствует изображение змеи. Он только пожалел, что с ним не было Бокхаза. Чтобы предстать перед королем во всем своем могуществе, он был вынужден оставить этого толстого жулика на корабле, и сейчас ему было очень одиноко.

У серебряных дверей тронного зала сопровождавший их страж остановился. Вышел церемониймейстер, одетый в кольчугу, прикрытую бархатным плащом, склонился перед Иваин.

— Ваш отец, король Гарах, счастлив видеть ваше благополучное возвращение и приветствует вас. Но он умоляет вас подождать, потому что сейчас занят секретным разговором с господином Хишахом, эмиссаром из Кара-Дху.

Губы Иваин перекосились.

— Он уже просит помощи у Змеи? — Она кивнула на закрытую дверь. — Скажи королю, что я желаю видеть его немедленно.

— Но Ваше Высочество...

— Скажи ему, — добавила Иваин, — или я войду без разрешения. Передай ему, что здесь находится тот, кто требует аудиенции и кому даже Гарах и Кара-Дху не посмеют отказать.

В полном замешательстве церемониймейстер взглянул на Карса. Он колебался еще некоторое время, затем отвесил поклон и вышел в серебряную дверь.

В голосе Иваин Карс уловил нотку горечи, когда она говорила о Змее, и потребовал, чтоб она объяснила, в чем дело.

— Нет, господин, — ответила она, — я позволила себе это только один раз, и вы были добры ко мне, вы не рассердились. Я не вправе была говорить здесь об этом. К тому же, — она пожала плечами, – вы же видите, как мой отец не доверяет мне, несмотря на то, что мне приходится за него сражаться.

— Ты не желаешь получать помощь от Кара-Дху даже сейчас?

Она молчала, и тогда Карс сказал:

— Я разрешаю тебе говорить. Не бойся.

— Хорошо, я скажу. Когда два сильных народа оспаривают друг у друга первенство, когда их интересы сталкиваются на каждом берегу моря — это естественно. Человеку свойственно желание власти. Я хочу победы для Сарка в этой битве, я жажду победы над Кхондором. Но...

— Продолжай.

Она выкрикнула со страстью:

— Но я хочу, чтобы Сарк стал великим благодаря честной силе оружия. Боец против бойца, как это было в старое время, еще до того, как Гарах заключил союз с Кара-Дху! Нет никакой чести в победе, которая одержана еще до начала битвы.

— А твой народ, — спросил Карс, — он разделяет твои чувства?

— Да, мой повелитель. Но многие соблазнены возможностью легкой победы. — Она остановилась, глядя Карсу прямо в глаза. — Я сказала уже достаточно для того, чтобы навлечь на себя твой гнев. Но прежде чем закончить, я добавлю еще кое-что. Сарк обречен даже в случае победы. Змея помогает нам не для нашего блага. У нее свои планы. Мы превратились в слепые орудия, с помощью которых Кара-Дху идет к своей цели. И теперь, когда ты вернулся, чтобы возглавить дхувиан...

Она замолчала — все было сказано, и продолжения не требовалось. Дверь открылась, избавляя Карса от необходимости продолжать этот разговор. Церемониймейстер сказал, извиняясь:

— Ваше Высочество, ваш отец снова говорит, что не понимает ваших слов, и умоляет вас подождать.

Иваин грозно оттолкнула слугу в сторону и вошла, широко распахнув двери. Она повернулась к Карсу:

— Повелитель, идите сюда.

Он тяжело вздохнул и вошел. Он шел по длинному залу, словно истинный бог, в сопровождении Иваин, следовавшей за ним. Гарах восседал на троне, установленном на небольшом возвышении в дальнем конце зала. Он был одет в черную бархатную накидку, украшенную золотыми орнаментами. Сложением, ростом, грациозными движениями он очень напоминал свою дочь, но не было у него присущей Иваин силы и честности, ее непоколебимой гордости. В его седой бороде прятался рот капризного, жадного мальчишки.

Позади него, отступив в темноту, стоял еще кто-то. Темная фигура, закутанная в плащ с капюшоном, лицо скрыто складками одежды, руки спрятаны в широких рукавах.

— Что это значит? — возмущенно закричал Гарах. — Дочь ты мне или нет, Иваин, но я не потерплю такого легкомыслия!

Иваин опустилась на одно колено.

— Отец мой, — сказала она, — я привела с собой повелителя Рианона, Куру, восставшего из мертвых.

Лицо Гараха посерело от ужаса. Рот его раскрылся, но он не мог произнести ни слова. Ошеломленный, он посмотрел на Карса, затем на Иваин и наконец на закутанного в плащ дхувианина.

— Это безумие, — прошептал он наконец.

— И тем не менее это правда, — сказала Иваин. — Я привожу в свидетели себя. Разум Рианона живет в теле этого варвара. Он говорил с Мудрыми в Кхондоре, и он говорил со мной. Тот, кто стоит перед тобой, — Рианон!

Снова повисло тяжелое молчание. Гарах смотрел и дрожал от страха. Карс стоял перед ним, высокий и величественный, не ведающий колебаний и ожидающий покорности и признания его власти. Но в душе его жил старый леденящий страх. Он знал, что эти змеиные глаза следят за ним из-под черного капюшона, и ему казалось, что он чувствует, как их холодный свет проникает в его сознание, словно нож, разрезающий бумагу. Он знал о присущем Халфлингам умении

управлять психикой, сильной сверхчувствительности их мозга, которая позволяет им заглядывать сквозь плоть в душу, — и дхувиане, как бы ни были они жестоки и опасны, — тоже Халфлинги. Карс ничего не хотел в этот момент так сильно, как сорваться с места и удрать. Но он заставил себя играть роль бога, равнодушного и уверенного в себе, и он улыбался испугу короля. Глубоко в его сознании, в том уголке мозга, который не принадлежал ему, царило странное полнейшее спокойствие. Казалось, что захватчик, Проклятый, исчез.

Карс заставил себя говорить, и голос его звенел, отраженный и усиленный эхом.

— Память моих детей действительно коротка, если ученики Рианона забыли своего повелителя. — И он бросил взгляд на Хишаха-дхувианина. Ты тоже сомневаешься, сын Змеи? Должен ли я наказать тебя, как наказал С'Сана?

Он поднял шпагу, и глаза Гараха остановились на Иваин.

— Господин Рианон убил С'Сана на борту галеры, — сказала она.

Гарах опустился на колени.

— Повелитель, — сказал он покорно, — какой же будет твоя воля?

Карс не обратил на него внимания, он все еще глядел на дхувианина. И закутанная в плащ фигура подошла к нему странным плывущим шагом.

Дхувианин заговорил мягким, ненавистным Карсу голосом:

— Повелитель, я спрашиваю тебя - какова будет твоя воля?

Темный плащ покрылся складками, когда существо преклонило перед ним колено.

— Хорошо. — Карс скрестил руки на рукояти шпаги, тускло сияющей драгоценным камнем. Флот Морских Королей готовится к нападению. Мне нужно мое оружие из гробницы, чтобы я мог разбить врагов Сарка и Кара-Дху, которые и мои враги тоже!

Надежда вспыхнула в глазах Гараха. Было ясно, что страх полностью владеет им, - страх перед многим, но в первую очередь перед Морскими Королями.

Карс устремил взор на Хишаха, и существо сказало:

— Повелитель, твое оружие доставлено в Кара-Дху.

Сердце землянина упало. Теперь он вспомнил, что они сломали Рольда из Кхондора и вырвали у него секрет гробницы. Слепая ярость овладела им.

— Вы осмеливаетесь играть с могуществом Рианона? — Он подступил к дхувианину. — Возможно ли, чтобы ученики превзошли своего учителя?

— Нет, повелитель. Покрытая вуалью фигура поклонилась. — Мы сохранили твое оружие в целости.

Карс позволил себе немного расслабиться.

— Хорошо. Проследите, чтобы его доставили мне немедленно.

Хишах поднялся.

— Хорошо, господин. Я отправляюсь в Кара-Дху выполнять твое приказание.

Дхувианин проплыл к внутренней двери и исчез, оставив Карса в нервном ожидании и тревоге.

Глава 17
Кара-Дху

Следующие несколько часов прошли в страшном напряжении для Карса. Он потребовал себе комнату, где мог бы в одиночестве обдумывать свои секретные планы. И там он шагал взад-вперед, в сильном возбуждении, совсем непохожий на бога. Казалось, их план удался. Дхувиаиин поверил ему. Возможно, дети Змеи, в конце концов, и не владели мысленной силой в таком совершенстве, как Пловцы и Крылатые. И тогда все, что ему оставалось сейчас делать, — это ждать возвращения дхувиан с оружием, погрузить его на корабль и отплыть. Ему легко удалось бы сделать это, так как никто не осмелится спросить Рианона о его планах. И тогда он бы выиграл время. Флот Морских Королей стоял у берегов Сарка, готовый начать бой, но до восхода они не начнут; только бы его план увенчался успехом.

Но какой-то первобытный инстинкт предупреждал его об опасности, и он весь сжался от предчувствия недоброго.

Он послал за Бокхазом под предлогом того, что ему необходимо отдать распоряжения о галере. На самом деле он просто не мог больше выносить одиночества.

Толстый воришка засиял, когда услышал от Карса последние новости.

— Тебе удалось сделать это, — ухмыльнулся он, потирая в восхищении руки. — Я всегда говорил, Карс, что смелость и выдержка творят невозможное. Я, Бокхаз, не смог бы лучше провернуть это дело.

— Надеюсь, что ты прав, — мрачно сказал Карс.

Бокхаз искоса глянул на него:

— Карс...

— Да?

— А что Проклятый?

— Ничего. Ни звука. Это беспокоит меня, Бокхаз. У меня такое чувство, что он чего-то ждет.

— Когда ты завладеешь его оружием, я буду стоять наготове с кинжалом в руках, — сказал Бокхаз выразительно.

Мягко ступая, вошел церемониймейстер. Он принес, наконец, известие о том, что Хишах возвратился из Кара-Дху и ожидает аудиенции.

— Прекрасно, — отозвался Карс и кивнул на Бокхаза. — Этот человек будет сопровождать меня и поможет мне при переноске оружия.

Краска отлила от щек валкисианина, но он не произнес ни слова.

Гарах и Иваин ждали в тронном зале. Хишах тоже был там. Все трое поклонились Карсу, когда он вошел.

— Повелитель, — мягко сказал Хишах, — я созвал Совет Старейшин, и они послали тебе свое слово. Если бы они знали, что повелитель Рианон вернулся, они бы не посмели коснуться его вещей. И сейчас они боятся их трогать, чтобы по незнанию и неведению не сломать или не испортить их. Поэтому, Господин, они умоляют тебя взять все в свои руки. Они не забыли уроков Рианона, которыми он поднял их из пыли. Они хотят приветствовать тебя в твоем старом царстве в Кара-Дху, ибо твои дети слишком долго пребывали в темноте и мечтают вновь увидеть свет мудрости Рианона и его силу.

Хишах низко поклонился.

— Повелитель, согласен ли ты?

Карс стоял молча, отчаянно пытаясь скрыть свой ужас. Он не мог пойти в Кара-Дху. Он не осмелится! Как долго сможет он прятать свое истинное лицо от детей Змеи, самых старых обманщиков на свете? Если только он вообще сумеет обмануть их. Во вкрадчивых словах Хишаха таилась хитрая ловушка.

Карс понял, что попался. Он не мог идти с ними — и вместе с тем он не осмелился бы отказаться.

— Я счастлив выполнить вашу просьбу, — сказал он.

Хишах поклонился в знак благодарности.

— Все уже готово к отъезду. Король Гарах и его дочь будут сопровождать тебя. Твои дети понимают, что время дорого — баржа уже ждет.

— Хорошо. Карс повернулся, непреклонно взглянув на Бокхаза. — Ты тоже пойдешь со мной, человек из Валкиса. Ты можешь быть мне полезен, когда я заберу мое оружие.

Бокхаз понял, что он имеет в виду. Если раньше он только побледнел, то теперь стал белым до синевы от дикого ужаса, но не сказал ни слова. Словно осужденный на казнь, он поплелся за Карсом.

Ночь была темной и душной, когда они поднялись на борт длинной плоской баржи, без весел и парусов. Существа, одетые, как и Хишах, в плащи с капюшонами, опустили в воду длинные шесты, и баржа медленно двинулась по каналу.

Гарах развалился на мягких подушках, постеленных для него на диване, трясущийся от страха, бледный, как бумага, совсем непохожий на могущественного короля. Было слишком ясно, что ему не нравится этот визит в столицу союзников. Иваин стояла на самом краю баржи. Она вглядывалась в тихую темноту болотистых берегов. Карс подумал, что сейчас она выглядит более опечаленной, чем тогда, когда была пленницей, закованной в кандалы. Он тоже сидел в одиночестве, внешне гордый и великолепный, но с холодом в душе, которая трепетала от ужаса.

Бокхаз скорчился рядом. Его глаза были глазами сумасшедшего. А Проклятый, настоящий Риапон, был неподвижен. Слишком спокоен. В этом маленьком уголке мозга Карса не было ни движения, ни шепота. Казалось, что темный незнакомец там, внутри, как бы отступил и чего-то ждал.

Путь по каналу, казалось, никогда не кончится. Баржа с тихим плеском рассекала воду. Закутанные в черные плащи фигуры склонялись и отталкивались от дна длинными шестами, время от времени ночная птица кричала в темноте, и снова все стихало. Тяжелый ночной воздух угнетал.

А затем в свете двух маленьких лун Карс увидел впереди старые стены и осевшие от времени укрепления города, поднимавшегося из болотистых испарений и тумана, — старого-престарого, как заколдованный замок, города. Он лежал вокруг руин, и только центральная его часть была неразрушенной. Вокруг него в воздухе стояло странное сияние, разбрасывающее мириады искорок. Карс подумал, что это ему только кажется, что это световая иллюзия, порожденная лунным светом и отблесками на воде в слабых испарениях болота.

Баржа подошла к древней развалившейся набережной. Она остановилась, и Хишах сошел на берег. Он поклонился и отступил, пропуская Риапона. Карс шел быстрым шагом по набережной с Гарахом, Иваин и трясущимся Бокхазом. Хишах казался совершенно равнодушным к настроению своих спутников.

Длинная лестница из черного камня, растрескавшаяся под тяжким бременем веков, вела наверх, в цитадель. Карс спокойно поднимался по ней. Теперь он был уверен, что видит слабую пульсирующую паутину света вокруг Кара-Дху. Она окутывала весь город, освещая его мягким светом, напоминающим свет звезд в морозную ночь. Ему не нравился вид этой паутины. Там, где она пересекала лестницу, она выглядела как вуаль, повешенная на перекладину больших ворот. И ему это нравилось все меньше и меньше. И никто ничего не говорил. Как бы подразумевалось, что он должен был возглавить всю группу и указывать дорогу, и он не осмелился дать им понять, что она ему незнакома. Поэтому он продолжал идти быстрым, уверенным шагом. Он приблизился к светящейся паутине настолько, что почувствовал странное излучение, исходящее от нее. Еще один шаг — и он коснулся бы ее.

И тогда Хишах резко окликнул его:

— Повелитель! Разве ты забыл про Вуаль, прикосновение к которой смертельно?

Карс отшатнулся. Волна страха захлестнула его, и в тот же миг он понял, что выдал себя.

— Конечно, нет, — сказал он.

— Но, господин, — пробормотал Хишах, — как же ты мог забыть секрет Вуали, которая создает непроницаемое поле и защищает Кара-Дху от врагов? Ты, который научил нас ее силе!

Карс понял, что эта светящаяся паутина была защитным барьером энергии такой силы, что, однажды установленная, она отражала любые попытки проникнуть за нее. Это казалось невероятным. Однако знания Куру были велики, и Риапон обучил им предков этих дхувиан.

— Как же ты мог забыть? — повторил Хишах.

В его словах не прозвучало и тени насмешки, и все же Карс ее почувствовал.

Дхувианин шагнул вперед и поднял руки, подавая сигнал кому-то на башне. Люминесцентный свет погас в коридоре-лестнице, освобождая им дорогу. Карс повернулся и увидел, что Иваин внимательно смотрит на него. Сомнения овладели ею с прежней силой.

Огромные ворота распахнулись, и повелитель Рианон вошел в Кара-Дху.

Старые залы были едва освещены странными шарами тусклого света, которые стояли на треножниках, удаленные друг от друга. От них исходило холодное зеленоватое сияние. В помещении стоял теплый, тяжелый, с запахом гнили воздух, от которого у Карса пересохло горло и подступила тошнота.

Хишах шел впереди, и уже в этом был знак опасности, так как настоящий Рианон должен был сам знать дорогу. Но Хишах сказал, что он сочтет за честь первым объявить о прибытии повелителя, и Карсу ничего не оставалось, как затаить свой страх и следовать за ним.

Они вошли в большой парадный зал, расположенный в центре дворца. Стены его были сложены из толстого черного камня, высокий купол терялся в темноте. Одинокий треножник со светящимся шаром тускло освещал помещение, отбрасывая многочисленные тени. Слишком мало света для человеческого глаза. Но даже и такого скудного освещения было слишком много! Потому что здесь собрались приветствовать своего господина дети Змеи. Тут, в их собственном дворце, они не были закутаны в плащи и шали, которые носили в обществе людей.

Пловцы принадлежали морю, Крылатые — небу, они были прекрасны, потому что составляли часть самой природы. Теперь же Карс увидел третью псевдочеловеческую расу Халфлингов детей тайных укромных мест. Великолепное, смертельно опасное порождение еще одной ветви жизни.

Потрясенный, изнемогающий от отвращения, Карс даже не сразу понял, что Хишах произносит имя Рианона, и мягкое шипение приветствия, которое раздалось в ответ, было голосом заговорившего кошмара. Со всех сторон большого зала и с открытой верхней галереи наверху они приветствовали его, их узкие змеиные головы склонялись в почтительном поклоне. Их извивающиеся тела двигались легко и без усилий, казалось, что они плыли, а не шли. Их гибкие руки с мягкими бескостными пальцами шевелились неслышно, а лишенные губ рты были всегда открыты в беззвучном смехе, жестоком и холодном. И через весь громадный зал неся шорох, словно сухие листья бежали под порывом ветра, — шелестела кожа, потерявшая свою изначальную броню, но не жесткость.

Карс поднял шпагу Рианона в знак того, что приветствует их тоже, и заставил себя заговорить.

— Рианон счастлив видеть своих детей.

Ему почудилось, что шипящее веселье тихой волной прошло по рядам дхувиан. Но он не был в этом уверен, а Хишах произнес:

— Мой повелитель, вот твое древнее оружие.

Оно было сложено в центре зала. Все странные механизмы, которые он видел в гробнице, лежали здесь — большое хрустальное колесо, длинные круглые металлические стержни и многое другое, поблескивающее в тусклом свете зала. Сердце Карса подскочило и остановилось.

— Хорошо, — сказал он. — Время дорого — перенесите его на борт баржи, я должен возвратиться в Сарк немедленно.

— Разумеется, повелитель, — отозвался Хишах. — Но не хочешь ли ты сперва проверить его, чтобы убедиться в том, что оно в исправности?

Карс подошел к оружию Рианона и сделал вид, что осматривает его. Затем он кивнул:

— Все в порядке. Ну, а теперь...

— Прежде чем ты покинешь нас, не объяснишь ли ты нам, как действуют эти инструменты? Твои дети всегда жадно рвались к знаниям, — вмешался снова Хишах очень вежливо.

— Сейчас не время для этого, — сказал Карс. — И потом, как ты сам признал, — вы дети. Вы можете не понять.

— Может ли быть, повелитель, — настаивал Хишах, — что ты сам не можешь этого понять?

Наступила полная тишина. Ледяная уверенность гибели сжала горло Карса цепкими пальцами. Он увидел, как ряды дхувиан сомкнулись вокруг него, не оставляя надежды на бегство. Внутри этого кольца стояли Гарах, Иваин и Бокхаз. На лице Гараха появилось ошеломленное выражение. Валкисианин сжался под тяжестью давно ожидаемого кошмара. Иваин не была так напугана. Она смотрела на Карса глазами женщины, которая страшится не за себя. И Карс понял, что она испугалась только за него, что она не хочет его гибели.

В последней отчаянной попытке спасти себя Карс яростно крикнул:

— Что означает эта наглость? Вы хотите, чтоб я уничтожил вас этим оружием?

— Попробуй, если сможешь это сделать, — вкрадчиво ответил Хишах. — Сделай это, о фальшивый Рианон, иначе ты никогда не покинешь Кара-Дху!

Глава 18
Гнев Рианона

Карс стоял, окруженный хрустальными и металлическими предметами, смысл которых был для него темен, и с жуткой определенностью понимал, что он окончательно проиграл. Теперь шипящий смех раздавался со всех сторон, жестокий, издевательский.

Гарах простер дрожащую руку к Хишаху.

— Значит, — промямлил он, — это не Рианон?

— Даже твой человеческий разум должен был открыть тебе это, — надменно ответил Хишах. Он отбросил свой плащ и придвинулся к Карсу, его змеиные глаза были полны насмешки. — Простого прикосновения к твоим мыслям было достаточно, чтобы понять, что ты фальшивый Рианон! Рианон из рода Куру, который пришел с миром приветствовать своих детей в Кара-Дху!

Дьявольский смех с шипением вырывался из горла каждого дхувианина, а Хишах откинул голову, и кожа на его горле пульсировала.

— Посмотрите на него, братья! Слава Рианону, который не знает о Вуали и о том, как она охраняет Кара-Дху!

И они низко склонились перед ним в издевательском поклоне. Карс стоял, застыв. На минуту он даже забыл о страхе.

— Ты глупец, сказал ему Хишах. — Рианон возненавидел нас. Потому что под конец он осознал, что совершил ошибку, он понял, что его ученики, которым он дал крупицы своих знаний, слишком быстро их усвоили. С помощью Вуали — тайны, которой он научил нас, — мы сделали наш город неприступным даже для могучего оружия самого Рианона, так что, когда его гнев обернулся против нас, было уже поздно.

— Почему же он повернулся против вас? — медленно спросил Карс.

— Он понял, какое применение мы нашли для тех познаний, которые он нам дал, — засмеялся Хишах.

Иваин шагнула вперед и спросила:

— Какое?

— Я думаю, ты это уже понимаешь сама, — ответил Хишах. — Поэтому тебя и Гараха привели сюда — не только затем, чтобы на ваших глазах сорвать маску с обманщика, но и для того, чтобы показать вам ваше место в этом мире — раз и навсегда.

Его мягкий голос звучал победно.

— С тех пор как Рианон был заперт в своей гробнице, мы завоевали все побережье Белого моря. Нас немного, и мы избегаем открытого поединка. Поэтому мы действуем через людей, используем их жадность в своих интересах. А теперь у нас есть оружие Рианона. Скоро мы освоим его, и тогда нам больше не нужны будут люди. Дети Змеи будут править в каждом дворце. Мы будем требовать покорности и почтения от своих слуг. Что думаешь об этом ты, гордая Иваин, которая всегда презирала и ненавидела нас?

— Чем служить вам, — сказала Иваин, — я скорее брошусь на собственный меч!

Хишах пожал плечами:

— Тогда бросайся.

Он повернулся к Гараху.

— А ты?

Но Гарах уже рухнул на пол в глубоком обмороке. Хишах снова обернулся к Карсу.

— А теперь, — сказал он, — ты увидишь, как мы приветствуем нашего повелителя!

Бокхаз застонал и закрыл лицо руками. Карс судорожно сжал бесполезную шпагу и спросил странным низким голосом:

— И никто не знал, что Рианон возненавидел детей Змеи, — никто, кроме дхувиан?

Хишах ответил:

— Куру знали об этом, но они все равно осудили Рианона на заточение, потому что раскаяние пришло к нему слишком поздно. А кроме них, знали только мы. И почему мы должны были рассказывать вам правду, когда нас забавляло то, что Рианона, восставшего на нас, все проклинают за то, что он был нашим другом?

Карс закрыл глаза. Пол качнулся под ним, и в его ушах стоял звон. Истина вспыхнула, ярко освещая все. Рианон говорил правду в гроте Мудрых. Он говорил правду о своей ненависти к дхувианам!

Зал словно наполнился шорохом сухих листьев — дхувиане медленно двинулись к Карсу. С усилием, почти невозможным для человека, Карс отчаянно пытался в эту последнюю минуту разбудить тихий, темный и странно спокойный угол в своем сознании.

Он крикнул:

— *Рианон!*

Этот хриплый крик заставил дхувиан остановиться. Но они замерли не от испуга — от смеха. Да, это и вправду была кульминация всего спектакля! Хишах крикнул:

— Да! Зови Рианона! Может быть, он выйдет из могилы, чтобы помочь тебе!

И они пялились на него бездонными холодными глазами.

Но Иваин поняла. Она быстро придвинулась к Карсу, и ее меч вышел из ножен, готовый защищать его до последнего вздоха своей госпожи. Хишах засмеялся:

— Прекрасная пара — принцесса без царства и фальшивый бог!

Карс снова позвал прерывистым шепотом:

— *Рианон!*

И Рианон ответил. Из глубины сознания Карса, где он скрывался, Проклятый вышел на волю, заполняя страшной и неведомой силой каждый атом и каждую клеточку мозга землянина, полностью подчинив его себе теперь, когда дорога была открыта. Как и тогда, в гроте Мудрых, сознание Мэтью Карса отступило, и он словно наблюдал за собой со стороны. Он услышал голос Рианона. Настоящий голос бога, которому он мог только подражать, — он срывался с его губ гневом, который был выше человеческого понимания.

— *Приветствуйте вашего господина, о ползучие дети Змеи! Склонитесь перед ним — и умрите!*

Глумливый смех замер — и воцарилась тишина. Хишах отступил, в глазах его показался страх. Голос Рианона перекатывался, подобно грому, в огромном зале, отражаясь от стен. Сила и ярость Рианона сверкали в глазах землянина, теперь он, казалось, вздымался над дхувианами, а меч был, как молния в его руке.

— *Ну, как насчет чтения чужих мыслей сейчас, Хишах? Смотри глубже — глубже, чем ты заглядывал раньше. Смотри туда, куда ты не мог проникнуть, потому что я установил барьер на твоем пути!*

Хишах издал высокий и шипящий звук. Он в ужасе отшатнулся, и кольцо дхувиан рассыпалось; они рванулись искать свое оружие, их безгубые рты широко растянулись от страха. Рианон засмеялся. Это был жуткий смех того, кто ждал целую вечность — ждал мести и наконец дождался ее.

— *Бегите! Бегите и спасайтесь — ибо, забывшись в вашей великой мудрости, вы позволили Рианону пройти через охраняющую вуаль, и смерть пришла вместе с ним в Кара-Дху!*

И дхувианс бежали, спотыкаясь в темноте, хватая с пола свое оружие, которое, как они знали, им не понадобится. Зеленый свет сиял на сверкающих трубках и призмах. Но рука Рианона, ведомая теперь его знанием, уверенно коснулась самого большого предмета. Он тронул центр плоского хрустального колеса, и оно стало вращаться. Внутри металлического шара находилось какое-то сложное устройство, которое он привел в движение, некий контрольный механизм. Карс не понял, что это было. Он только увидел, как в тусклом свете появилось странное темное облако, окутывая его, Иваин, дрожащего Бокхаза и Гараха, в глазах которого уже не оставалось ничего человеческого и который стоял на четвереньках, как животное. Оружие Рианона тоже застилалось этим круглым облаком, и хрустальные стержни издавали слабый мелодичный звук. Темное кольцо стало расширяться волной, уходящей от берега. Дхувиане пытались остановить его. Острые снопы пламени, холодного огня и сверкающих вспышек коснулись и угасли под этой волной. Сильное электрическое поле разбило их на мельчайшие частицы и не позволило им проникнуть за круг Рианона.

Темный круг быстро увеличивался, захватывая пространство все дальше и дальше, и там, где он касался тела дхувиан, холодное змеиное тело сжималось и с шорохом падало, как сухая кожа. Рианон больше не произнес ни слова. Карс ощутил в себе его могучую силу, заставляющую хрустальное колесо вращаться быстрее и быстрее на постаменте, и его собственное сознание содрогалось под тяжестью силы, исходящей от Рианона. Он только смутно мог догадываться о природе страшного оружия Проклятого. Оно было частью смертельного ультрафиолетового излучения Солнца, которое разрушило бы все живое, если бы не защитный слой озона в атмосфере. Но если ультрафиолетовое излучение, известное Карсу, легко поглощалось озоном, то это, которое излучалось страшным оружием Рианона, не встречало никаких преград. Металлический круг посылал излучение, которое не могло поглотить ничто. И там, где оно задевало живую ткань, оно убивало.

Карс ненавидел дхувиан, но никогда человеческое сердце не вмещало столько ненависти, сколько -- он знал - было сейчас в сердце Рианона.

Гарах жалобно заскулил и отшатнулся от возвышающегося над ним человека с горящими глазами. Полушагом, полуползком он отодвинулся в сторону, со странным звуком, напоминающим смех. Прямо в середину темного круга отбежал

он, и смерть настигла его и набросила на него свое черное покрывало.

Расширяясь все дальше и дальше, двигалось, пульсируя, безмолвное поле. Через металл, и кожу, и камень проходило оно, сжимая, убивая, догоняя последних из сыновей Змеи, которые убегали в темные лабиринты Кара-Дху. Не было больше оружия, которое могло сопротивляться ему. Не было больше рук, способных поднять это оружие. Смертоносный круг дошел наконец до Вуали. И когда кольцо коснулось ее, Карс ощутил мягкий толчок. И тогда Рианон остановил колесо.

Наступил миг абсолютной тишины. Все трое — в этом городе живых больше не было — стояли неподвижно, слишком потрясенные даже для того, чтобы дышать.

Наконец голос Рианона произнес:

— *Змея мертва. Пусть этот город и мое оружие, которое принесло столько зла в этот мир, погибнет вместе с дху-вианами.*

Карс отошел от хрустального круга и взял в руки другой прибор — одну из длинных металлических трубок с линзами. Он поднял маленькую черную трубочку и нажал на кнопку — из стержня вырвалось несколько лучей, слишком ярких для человеческих глаз. Одна-единственная короткая вспышка вылетела оттуда и коснулась камня.

Казалось, пламя пожирает даже сами атомы камня, словно они были сухим деревом. Как буйный лесной пожар, поднялось оно выше флагов. Пламя задело хрустальный круг, и оружие, уничтожившее Змею, в свою очередь тоже было разрушено. Началась цепная реакция, которую не смог бы объяснить ни один ученый Земли. И она сделала атомы камня такими же нестабильными, как радиоактивные элементы с высокими порядковыми номерами в таблице.

— Идем, — сказал Рианон.

Они прошли пустыми безмолвными коридорами, а позади них странное и страшное пламя пожирало город Змеи.

Рианон привел Карса в центральную часть города, в первый узел, откуда велось управление Вуалью. Быстрое движение — и паутина Вуали померкла навсегда. Они вышли из цитадели и по сломанной лестнице возвратились к набережной, где покачивалась на воде большая черная баржа. И тогда они оглянулись и увидели разрушенный, горящий город. Ослепляющее и ужасное пламя, в котором было что-то от жара самого Солнца, заставило их прикрыть глаза. Оно жадно лизало

руины и превратило центральный зал в один большой пылающий факел, который вырывался в небо, затмевая своим ярким светом свечение звезд, и перед ним померкли две низкие луны.

Дорога сворачивала вправо. Позади них в небо рвался огонь. Рианон снова поднял свое оружие. И снова из трубочки по направлению к пожару выскочил маленький пучок света. И пламя заколебалось и стихло. Дьявольский огонь странной атомной реакции, которую развязал Рианон, был остановлен каким-то способом, который был тоже неизвестен Карсу.

Они поднялись на баржу, и дрожащий огонь позади них постепенно исчезал. И снова вокруг стояла темная ночь, но Кара-Дху уже превратился в руины, из которых поднимался белый дым.

Голос Рианона проговорил:

— Все кончено. Я искупил свой грех.

Землянина охватила страшная усталость, когда Рианон отпустил его. И он снова стал только Мэтью Карсом.

Глава 19
Суд Куру

Когда их баржа прибыла в Сарк, казалось, все в мире замерло в ожидании восхода. Все трое молчали, и никто из них не оглянулся на громадное облако белого дыма, медленно поднимающееся в небо. Карс был опустошен, все жизненные силы покинули его. Он позволил гневу Рианона использовать его душу и его тело и все еще не мог после этого прийти в себя. Он знал: что-то оставалось в его лице, потому что остальные боялись смотреть на него и не произносили ни слова.

Большая толпа, собравшаяся на берегу для встречи, также была молчаливой. Они смотрели в сторону Кара-Дху. И даже теперь, когда пламя разрушения угасло и дым рассеялся в воздухе, они все еще всматривались вдаль — бледные, испуганные.

Карс посмотрел на корабли кхондов, стоявшие в ожидании с опущенными парусами, и понял, что зрелище зарева остановило Морских Королей.

Черная баржа подплыла к ступеням дворца. Толпа высыпала им навстречу. Иваин сошла на берег. Голоса встречающих плеснули странными приглушенными приветствиями.

Иваин заговорила:

— Кара-Дху и Змеи мертвы. Они уничтожены повелителем Рианоном!

Она инстинктивно повернулась к Карсу. И во всех глазах вспыхнуло пламя радости. По мере того как эта счастливая новость передавалась все дальше, в толпе рос гул благодарности и ликования.

— Рианон! Рианон-освободитель!

Он не был больше Проклятым, по крайней мере для этих сарков. И впервые Карс осознал, какую ненависть питали сарки к своим союзникам, которым, по милости Гараха, вынуждены были подчиняться.

Он шел ко дворцу вместе с Иваин и Бокхазом, и странно было ему думать о том, что теперь он знает, что это такое — быть богом.

Они вошли в прохладные полутемные помещения дворца, и им показалось, что даже тени исчезли отсюда. Иваин задержалась на мгновение у тронного зала, словно забыв, что правитель Сарка теперь она. Она повернулась к Карсу.

— Если Морские Короли задумают нас атаковать...

— Вряд ли — после того как они узнают, что произошло. А сейчас нам надо найти Рольда, если он еще жив.

— Он жив, — сказала Иваин. — После того как дхувиане узнали от него тайну гробницы, мой отец держал его в качестве заложника, чтобы потом обменять его на меня.

Они нашли правителя Кхондора, закованного, в глубоком подземелье. Он был измучен и истерзан, но у него еще нашлось достаточно сил, чтоб поднять голову и встретить Карса и Иваин злобным рычанием.

— Демон, — прохрипел он, — предатель. Ну что, ты и твоя дьявольская кошка пришли наконец убить меня?

Карс начал рассказывать ему, что случилось в городе Змеи, наблюдая, как выражение горечи и отчаяния на лице медноволосого кхонда постепенно сменяется невероятным счастьем.

— Твой флот стоит у Сарка под командой Железнобородого, — заключил он. — Доставишь ли ты добрую весть Морским Королям и начнешь ли ты переговоры?

— Да, — сказал Рольд. — Клянусь богами, я сделаю это! — Он смотрел на Карса, качая головой. — Каким странным сном было сумасшествие этих последних дней. Подумать только — я хотел убить тебя своими руками в гроте Мудрых.

Около полудня в тронном зале был собран Совет Морских Королей во главе с Рольдом и Эймер, которая отказалась

оставаться в Кхондоре. Они расселись за длинным столом, Иваин заняла трон, а Карс молча наблюдал за кхондами. Его лицо было жестким и усталым, и странное выражение еще не совсем исчезло с него.

Он сказал внушительно:

— Сейчас нет необходимости воевать. Змея мертва, а без ее мощи Сарк не сможет угнетать своих соседей. Завоеванные им города Валкис и Джеккара будут освобождены. Империи сарков не существует больше.

Железнобородый вскочил, яростно вскричав:

— И теперь наш черед! Настало время окончательно раздавить Сарк!

Еще несколько Морских Королей поднялись. Торн из Гарака кричал громче всех, требуя уничтожить Сарк.

Карс сделал шаг вперед, его глаза пылали:

— Я сказал, что будет мир. Должен ли я позвать Рианона, чтобы он поддержал мои слова?

Они понемногу успокаивались, испуганные этой угрозой, а Рольд приказал им замолчать.

— Достаточно было битв и кровопролития, — жестко сказал он. — В будущем мы сможем встретиться с Сарком на равных. Я — повелитель Кхондора, и я говорю вам, что Кхондор заключает мир!

Угроза Карса и решение Рольда сделали свое дело — Морские Короли один за другим соглашались.

И тогда заговорила Эймер:

— Все рабы должны быть освобождены — люди и Халфлинги.

Карс кивнул:

— Это будет сделано.

— И еще одно условие, — сказал Рольд. Он взглянул на Карса, и было ясно, что здесь он не пойдет на уступки. — Я сказал, что мы заключаем мир. Но только при условии, что Сарком не будет править Иваин. И даже если ты напустишь на нас пятьдесят Рианонов, я не изменю решения.

— Да! — прокричали Морские Короли. Это и наше решение тоже!

Наступило долгое молчание. А затем Иваин поднялась с трона, гордая и спокойная.

— Условие принято, — сказала она. — У меня нет желания править униженным и маленьким Сарком. Я тоже, как и вы, ненавидела Змею. Но для меня слишком поздно стано-

виться королевой нищей рыбацкой деревушки. А мой народ пусть выберет себе другого правителя.

Она сошла с трона и встала у окна, глядя на залив. Карс повернулся к Морским Королям.

— Так вы согласны?

— Мы согласны, — ответили они.

Эймер, колдовской взгляд которой ни разу еще не коснулся Карса, пока шли переговоры, теперь подошла к нему и взяла его за руку.

— Что ты будешь делать сейчас? — спросила она мягко.

Карс туманно взглянул на нее.

— У меня не было времени подумать об этом.

Но ему нужно было решать, а он не знал еще, что делать. Пока в нем живет хотя бы тень Рианона, этот мир никогда не будет считать его человеком. Он может получить здесь честь и славу — но не больше, и страх перед Проклятым будет всегда стоять между ним и остальными людьми. Слишком много веков ненависти выросли вокруг этого имени. Рианон искупил свое преступление, но даже после этого, пока существует Марс, его будут помнить как Проклятого.

И, как бы отвечая ему, в первый раз после Кара-Дху, темный захватчик шевельнулся, и его голос прошептал Карсу:

— *Возвращайся в гробницу, и я оставлю тебя, потому что я должен следовать за моими братьями. После этого ты будешь свободен. Я проведу тебя назад через пространство время в твое собственное время, если ты хочешь. Но если ты решил остаться здесь, оставайся, это твое право.*

Но Карс все еще не решил, что ему делать. Ему нравился этот зеленый смеющийся Марс. Но когда он видел Морских Королей, которые ждали его ответа, и когда он смотрел в окно, где виднелось Белое море и дюны, он осознавал, что этот мир ему не принадлежит и он никогда не сможет стать его частью.

Наконец он заговорил — и увидел Иваин, смотревшую на него из тени занавеса.

— Эймер знала, и Халфлинги знали тоже, что я не из вашего мира. Я пришел из пространства и времени по пути, который скрыт в гробнице Рианона.

Он остановился на мгновение, чтобы дать им возможность осознать услышанное. Но они не показались ему слишком уж удивленными. После всего, что произошло, они могли поверить уже чему угодно, даже если это лежало за пределами их понимания.

Карс тяжело произнес:

— Человек рождается в своем мире и только ему принадлежит. Я возвращаюсь домой.

Он видел, что хотя Морские Короли вежливо запротестовали, но в душе они все испытывали облегчение.

— Благословение богов пусть будет с тобой, незнакомец, — прошептала Эймер и нежно поцеловала его в губы.

Бокхаз куда-то исчез, а Иваин и Карс остались вдвоем в большом зале. Он подошел к ней, заглянув в ее глаза, не потерявшие прежнего огня и сейчас.

— А куда пойдешь ты? — спросил он.

Она тихо ответила:

— Если ты позволишь, я уйду вместе с тобой.

Он покачал головой.

— Нет, Иваин. Ты не смогла бы жить в моем мире. Это жестокое и горькое место, очень старое и близкое к смерти.

— Это не имеет значения. Мой собственный мир тоже умер.

Он положил руки ей на плечи.

— Ты не понимаешь. Я прошел через много лет. Через миллион лет. — Он задумался, не зная, как ей объяснить. — Посмотри сюда. Подумай о времени, когда Белое море станет пустыней, гудящей под ветром пылью, когда зеленые деревья и трава исчезнут с этих холмов, а белые города разрушатся и реки пересохнут.

Иваин поняла и вздохнула.

— Старость и смерть приходят в конце концов ко всему. И смерть быстро придет ко мне, если я останусь здесь. Я здесь чужая, и мое имя так же ненавистно этим людям, как имя Риапона.

Он знал, что смерти она не боится и говорит о ней только для того, чтобы убедить его. И все же этот довод был правдой.

— Сможешь ли ты быть счастливой, если память о твоем мире будет следовать за тобой по пятам? — спросил он.

— Я никогда не была счастлива, и мне нечего терять. Я рискну. А ты? — ответила она.

— Да, — сказал он хрипло. — Да. И я тоже.

Он поднял ее на руки и поцеловал. Она откинула голову и прошептала с непривычной для нее застенчивостью:

— А ведь повелитель Риапон был прав, когда говорил о том, что мне небезразличен варвар...

Она помолчала с минуту, а потом добавила:

— Я думаю, что не имеет большого значения, в каком мире мы будем жить. Главное — это то, что мы будем там вместе.

Несколько дней спустя черная галера причалила в бухте Джеккары. Это было ее последнее плавание с Иваин из Сарка на борту. Странно встретила Джеккара ее и Карса. Собрался весь город, чтобы увидеть незнакомца, который одновременно был и Проклятым, и Царственную госпожу Иваин, которая не была более царицей. Толпа держалась на почтительном расстоянии. Люди радовались разрушению Кара-Дху и смерти Змеи. Но для Иваин у них не было теплых слов. Только один человек стоял на пристани, встречая их. Это был Бокхаз — великолепный Бокхаз, одетый в усыпанный драгоценностями бархат, с золотой короной на голове. Он исчез из Сарка в день переговоров с какой-то миссией, и похоже было на то, что она увенчалась успехом.

— Я в Валкисе, — сказал он и поклонился Иваин и Карсу с царственной вежливостью. — Теперь Валкис снова свободный город. И ввиду моего несравненного героизма, проявленного при разрушении Кара-Дху, я был избран королем.

Он просиял, а затем добавил с хитрой улыбкой:

— Я всегда мечтал ограбить королевскую сокровищницу.

— Но теперь-то это твоя сокровищница, — напомнил Карс.

Бокхаз начал:

— Клянусь богами, это правда... — Он взглянул на Карса, и его лицо приняло суровое выражение. — Я думаю, что буду строг и непримирим к ворам Валкиса. Я установлю жесткие наказания за грабеж имущества. Особенно королевского имущества.

— И к счастью, — мрачно добавил Карс, — ты хорошо знаком со всеми воровскими хитростями.

— Это правда, — с серьезной миной заявил Бокхаз. — Я всегда говорил, что чисто академическое знание воровских элементов поможет мне охранять безопасность моих сограждан.

Он проводил их через Джеккару до первых холмов за городом и пожелал им счастливого пути. Здесь он снял с пальца кольцо с большим рубином и сунул его в руку Карса. Слезы потекли по его толстым щекам.

— Носи это кольцо, мой друг, и помни Бокхаза, который мудро наставлял твои шаги в этом странном для тебя мире.

Он повернулся и ушел, спотыкаясь. Карс смотрел, как его толстая фигура исчезает, теряется в лабиринте городских улиц.

А потом они медленно пошли по холмам в сторону гробницы и наконец достигли цели. Они стояли у каменистого обрыва, глядя на поросшие деревьями холмы, сияющее море и отдаленные башни города, белые в солнечном свете.

— Ты все еще уверена, — спросил Карс, — что хочешь оставить все это?

— Здесь для меня нет больше места, — сказала она печально. — Я избавляюсь от этого мира, как этот мир избавился от меня.

Она повернулась и быстро, без колебаний, пошла по темному коридору, гордая Иваин, которую не могли сломить даже боги. Карс шел рядом с горящим факелом в руке. Они прошли через гулкую пещеру, сквозь дверь с начертанным проклятием Рианону во внутреннюю камеру, где только факел был единственным источником света в полной темноте, в странной черноте пространственно-временного континуума Вселенной. В этот момент на лице Иваин появилось выражение страха, и она сжала руку землянина. Крохотные светлячки и искорки мерцали в темноте Времени. Голос Рианона заговорил с Карсом, и тогда он вошел в эту темноту, крепко держа руку Иваин.

Вначале не было того стремительного падения в темноту, которое он знал. Мудрость Рианона охраняла их. Факел погас, и Карс бросил его. Его сердце бешено стучало, он был оглушен и ничего не видел. И только вращалась вокруг него беззвучная спираль невидимого поля.

И снова заговорил Рианон:

— Смотри глазами моего разума, и ты увидишь то, чего твои человеческие глаза никогда прежде не видели.

Пульсирующая темнота расступилась перед странным светом, не имеющим ничего общего с обыкновенным, и Карс увидел Рианона. Его тело лежало в подобии гроба из темного хрусталя, внутренние стенки которого тускло мерцали странным светом, удерживающим тело, как бы заморозив его внутри драгоценного камня. Через туманную взвесь Карс едва мог разглядеть обнаженную фигуру, образ нечеловеческой силы и красоты, такой живой и прекрасный, что казалось чудовищным заключить его в это узкое пространство. И лицо тоже было прекрасным — темное и мятежное даже с закрытыми глазами, словно в вечном сне смерти. Но здесь не могло быть смерти. Это место находилось вне времени, а без времени не могло быть разложения, и для Рианона существовала только вечность — вечность лежать здесь и помнить о своем преступлении.

Карс смотрел и вдруг понял, что за это время чужое сознание покинуло его так легко и осторожно, что он не ощутил никакого потрясения. Его сознание все еще соприкасалось с разумом Рианона, но странная двойственность исчезла. Проклятый освободил его.

И все же благодаря тому, что в течение долгого времени эти два разума были слиты, Карс услышал горячий призыв Рианона:

— Братья мои, Куру, услышьте меня! Я искупил свое старое преступление!

Снова и снова звал он, напрягая всю страшную силу своей воли. Некоторое время было тихо, а затем постепенно Карс почувствовал приближение их мыслей — суровых, сильных и жестких. Он не знал, откуда, из какого дальнего мира они пришли. Много-много столетий назад Куру ушли этой дорогой из Вселенной в пространство, далеко отстоящее от его Земли. И вот теперь они вернулись на короткий срок, чтобы ответить на зов Рианона. Карс увидел в полутьме тени полубогов, которые, превращаясь в людей, приближались к темному гробу.

— Позвольте мне уйти с вами, мои братья! Я убил Змею и искупил свой грех.

Похоже было на то, что Куру совещались, проверяя сердце Рианона, чтобы увериться в том, что он говорит им правду. Наконец они шагнули вперед и коснулись гроба руками. Слабые огоньки внутри погасли.

— Наше решение таково: Рианон отпущен на свободу.

Голова Карса закружилась. Образы Куру и Рианона стали тускнеть перед его глазами. Он увидел, как Рианон поднялся и присоединился к своим братьям, и по мере того как он удалялся, фигура его становилась тенью. Он обернулся еще раз к Карсу, его глаза были теперь широко раскрыты, и в них горело счастье, которое было выше человеческого понимания.

— Носи мою шпагу, землянин, — носи ее гордо, ибо без тебя я никогда не разрушил бы Кара-Дху.

С кружащейся головой, почти теряя сознание, Карс встретил это последнее прощание. Падая в глубину темного колодца вместе с Иваин, он слышал последнее звенящее эхо голоса Рианона.

Глава 20
Возвращение

Наконец они снова ощутили под ногами твердую землю. Все еще дрожа, они выбрались из черноты, бледные, молчаливые, с одним только желанием — поскорее уйти из этой пещеры. Карс пошел в туннель. Но когда он добрался до конца туннеля, он вдруг ощутил страх: вдруг он затерялся во времени. Он не осмеливался обернуться назад. Но ему не нужно было беспокоиться. Рианон не сделал ошибки, провожая их из прошлого. Карс снова был среди голых, пустынных холмов так хорошо знакомого ему Марса.

Было время заката, и огромные берега мертвого моря были залиты красным светом. Из пустыни дул холодный сухой ветер, поднимающий тучи пыли и песка, а вдали виднелась Джеккара — его Джеккара, город Нижних Каналов.

Он в возбуждении повернулся к Иваин, он хотел видеть ее лицо, когда она впервые взглянет на его мир. И он увидел, как губы ее сжались, будто от острой боли. Затем она расправила плечи, улыбнулась и поправила меч в ножнах.

— Идем, — сказала она и вложила в его ладонь свою.

Они шли долго, тяжело дыша, пробираясь через пустынную землю, и призраки прошлого роились вокруг них. Теперь, глядя на мертвые кости планеты, Карс видел ее живую плоть, которая когда-то поражала великолепием: высокие деревья и богатую землю, все, что он никогда не сможет забыть. Он увидел мертвое дно моря и понял, что всю свою жизнь будет слышать грозный шум прибоя о скалы.

Сгустилась темнота. Маленькие низкие луны поднялись в безоблачном небе. Рука Иваин была уверенной и крепкой. Карс чувствовал, как в нем закипает счастье. Он ускорил шаги. Они шли по улицам Джеккары, по древним разрушающимся улицам позади Нижних Каналов. Сухой ветер колебал пламя факелов, и звуки арф были такими же, какими он помнил их, и тихая музыка сопровождала приближение маленьких смуглых женщин.

Иваин улыбнулась.

— И все-таки это Марс, — сказала она.

Они шли и шли кривыми улочками — человек, на лице которого все еще лежала тень бога, и женщина, которая когда-то была могущественной властительницей Сарка. Люди расступались перед ними, чтобы дать им дорогу, и с недоумением глядели им вслед; и, словно знак царской власти, сверкала в руках Карса шпага Рианона.

Артур Порджесс

САЙМОН ФЛЭГГ И ДЬЯВОЛ

После нескольких месяцев напряженной работы по изучению бесчисленных выцветших манускриптов Саймону Флэггу удалось вызвать дьявола. Жена Саймона, знаток средневековья, оказала ему неоценимую помощь. Сам он, будучи всего лишь математиком, не смог разобраться в латинских текстах, особенно осложненных редкими терминами демонологии X века. Замечательное чутье миссис Флэгг пришлось тут как нельзя кстати.

После предварительных стычек Саймон и черт сели за стол для серьезных переговоров. Гость из ада был угрюм, так как Саймон презрительно отверг его самые заманчивые предложения, легко распознав смертельную опасность, скрытую в каждой соблазнительной приманке.

— А что, если теперь вы для разнообразия выслушаете мое предложение? — сказал наконец Саймон. — Оно во всяком случае без подвохов.

Дьявол раздраженно покрутил раздвоенным кончиком хвоста, будто это была обыкновенная цепочка с ключами. Очевидно, он был обижен.

— Ну что ж, — сердито согласился он. Вреда от этого не будет. Валяйте, мистер Саймон!

— Я задам вам только один вопрос, — начал Саймон, и дьявол повеселел. Вы должны ответить на него в течение двадцати четырех часов. Если это вам не удастся, вы платите мне сто тысяч долларов. Это скромное требование — вы ведь привыкли к неизмеримо большим масштабам. Никаких миллиардов, никаких Елен троянских на тигровой шкуре. Конечно, если я выиграю, вы не должны мстить.

— Подумаешь! — фыркнул черт. — А какова ваша ставка?

— Если я проиграю, то на короткий срок стану вашим рабом. Но без всяких там мук, гибели души и тому подобного — это было бы многовато за такой пустяк, как сто тысяч долларов. Не желаю я вреда и моим родственникам или друзь-

---

Arthur Porges. The Devil and Simon Flagg. 1954
Перевод Д. Горфинкеля.

ям. Впрочем, — подумав, добавил он, — тут могут быть исключения.

Дьявол нахмурился, сердито дергая себя за кончик хвоста. Наконец он дернул так сильно, что даже скривился от боли, и решительно заявил:

— Очень жаль, но я занимаюсь только душами. Рабов у меня и так хватает. Если бы вы знали, сколько бесплатных и чистосердечных услуг оказывают мне люди, вы были бы поражены. Однако вот что я сделаю. Если в заданное время я не смогу ответить на ваш вопрос, вы получите не жалкие сто тысяч долларов, а любую — конечно, не слишком дикую — сумму. Кроме того, я предлагаю вам здоровье и счастье до конца вашей жизни. Если же я отвечу на ваш вопрос — ну что ж, последствия вам известны. Вот все, что я могу вам предложить.

Он взял из воздуха зажженную сигару и задымил. Воцарилось настороженное молчание.

Саймон смотрел перед собой, ничего не видя. Крупные капли пота выступили у него на лбу. Он отлично знал, какие условия может выставить черт. Мускулы его лица напряглись... Нет, он готов прозакладывать душу, что никто — ни человек, ни зверь, ни дьявол — не ответит за сутки на его вопрос.

— Включите в пункт о здоровье и счастье мою жену — и по рукам! — сказал он. — Давайте подпишем.

Черт кивнул. Он вынул изо рта окурок, с отвращением посмотрел на него и тронул когтистым пальцем. Окурок мгновенно превратился в розовую мятную таблетку, которую черт принялся сосать громко и с явным наслаждением.

— Что касается вашего вопроса, — продолжал он, — то на него должен быть ответ, иначе наш договор недействителен. В средние века люди любили загадки. Нередко ко мне приходили с парадоксами. Например: в деревне жил только один цирюльник, который брил всех, кто не брился сам. Кто брил цирюльника? — спрашивали они. Но, как отметил Рассел, словечко «всех» делает такой вопрос бессмысленным, и ответа на него нет.

— Мой вопрос честный и не содержит парадокса, — заверил его Саймон.

— Отлично. Я на него отвечу. Что вы ухмыляетесь?

— Я... ничего, — ответил Саймон, согнав с лица усмешку.

— У вас крепкие нервы, — сказал черт мрачным, но одобрительным тоном, извлекая из воздуха пергамент. — Если бы я предстал перед вами в образе чудовища, сочетающего

в себе миловидность ваших горилл с грациозностью монстра, обитающего на Венере, вы едва ли сохранили бы свой апломб, и я уверен...

— В этом нет никакой надобности, — поспешно сказал Саймон.

Он взял протянутый ему договор, убедился, что все в порядке, и открыл перочинный нож.

— Минуточку! — остановил его дьявол. — Дайте я его продезинфицирую. — Он поднес лезвие к губам, слегка подул, и сталь накалилась до вишнево-красного цвета. — Ну вот! Теперь прикоснитесь кончиком ножа... гм... к чернилам, и это все... Прошу вас, вторая строчка снизу, последняя — моя.

Саймон помедлил, задумчиво глядя на раскаленный кончик ножа.

— Подписывайтесь, — поторопил черт, и Саймон, расправив плечи, поставил свое имя.

Поставив и свою подпись с пышным росчерком, дьявол потер руки, окинул Саймона откровенно собственническим взглядом и весело сказал:

— Ну, выкладывайте свой вопрос! Как только я на него отвечу, мы отправимся. Мне надо посетить сегодня еще одного клиента, а времени в обрез.

— Хорошо, — сказал Саймон и глубоко вздохнул. — Мой вопрос такой: верна или не верна великая теорема Ферма?

Дьявол проглотил слюну. В первый раз его самоуверенность поколебалась.

— Великая — чья? Что? — глухим голосом спросил он.

— Великая теорема Ферма. Это математическое положение, которое Ферма, французский математик семнадцатого века, якобы доказал. Однако его доказательство не было записано, и до сего дня никто не знает, верна теорема или нет. — Когда Саймон увидел физиономию черта, у него дрогнули губы. — Ну вот, ступайте и займитесь!

— Математика! — в ужасе воскликнул хвостатый. — Вы думаете, у меня было время изучать такие штуки? Я проходил тривиум и квадривиум,* но что касается алгебры... Скажите, — возмущенно добавил он, — этично ли задавать мне такой вопрос?

---

* Два цикла средневекового образования: тривиум — грамматика, риторика, диалектика; квадривиум (повышенный курс после тривиума) — арифметика, геометрия, астрономия, теория музыки.

Лицо Саймона окаменело, но глаза сияли.

— А вы предпочли бы сбегать за сто двадцать тысяч километров и принести какой-нибудь предмет величиной с гидростанцию Боулдер Дэм, — поддразнил он черта. — Время и пространство для вас легкое дело, правда? Что ж, сожалею, но я предпочитаю свой вопрос. Он очень прост, — успокаивающе добавил Саймон. — Речь идет о положительных целых числах.

— А что такое положительное число? — взволновался черт. — И почему вы хотите, чтобы оно было целым?

— Выразимся точнее, — сказал Саймон, пропустив вопрос дьявола мимо ушей. — Теорема Ферма утверждает, что для любого положительного целого числа n больше двух уравнение $x^n + y^n = z^n$ не имеет решения в положительных целых числах.

— А что это значит?..

— Помните, вы должны дать ответ.

— А кто будет судьей — вы?

— Нет, — ласково ответил Саймон. — Я не считаю себя достаточно компетентным, хотя бился над этой проблемой несколько лет. Если вы явитесь с ответом, мы представим его в солидный математический журнал. Отступить вы не можете — проблема, очевидно, разрешима: теорема либо верна, либо ложна. И пожалуйста, никаких фокусов с многозначной логикой. За двадцать четыре часа найдите ответ и докажите, что он правильный. В конце концов, человек... виноват, дух... с вашим развитием и огромным опытом может за это время немного подучить математику.

— Я вспоминаю, как туго мне приходилось с Евклидом, когда я изучал его в Кембридже, — печально заметил дьявол. — Мои доказательства никогда не были верны, а между тем истина лежала на поверхности: достаточно было взглянуть на чертеж. — Он стиснул зубы. — Но я справлюсь. Мне случалось делать и более трудные вещи, дорогой мистер Саймон. Однажды я слетал на отдаленную звезду и принес оттуда литр нейтрония ровно за шестнадцать...

— Знаю, — перебил его Саймон. — Вы мастер на подобные фокусы.

— Какие там фокусы! — сердито пробурчал дьявол. — Были гигантские технические трудности. Но не стоит ворошить прошлое. Я — в библиотеку, а завтра в это время...

— Нет, — жестко перебил его Саймон. — Мы расписались полчаса назад. Возвращайтесь точно через двадцать три с

половиной часа. Не буду торопить вас, — иронически добавил он, когда дьявол с тревогой взглянул на часы. — Выпейте рюмку вина и, прежде чем уйти, познакомьтесь с моей женой.

— На работе я никогда не пью, и у меня нет времени знакомиться с вашей женой... во всяком случае, теперь.

Он исчез.

В тот же миг вошла жена Саймона.

— Опять подслушивала у дверей! — мягко упрекнул ее Саймон.

— Конечно, — сдавленным голосом проговорила она. — И я хочу знать, дорогой, действительно ли труден этот вопрос. Потому что, если это не так... Саймон, я просто в ужасе!

— Будь спокойна, вопрос труден, — беспечно ответил Саймон. — Не все это сразу понимают. Видишь ли, — тоном лектора продолжал он, — всякий легко найдет два целых числа, квадраты которых в сумме тоже дают квадрат. Например, $3^2 + 4^2 = 5^2$, то есть просто 9 + 16 = 25. Ясно?

— Угу!

Она поправила мужу галстук.

— Но никто еще не мог найти два куба, которые при сложении тоже давали бы куб, или более высокие степени, которые приводили бы к аналогичному результату, — по-видимому, их просто нет. И все же, — торжествующе закончил он, — до сих пор не доказано, что таких чисел не существует! Теперь поняла?

— Конечно. — Жена Саймона всегда понимала самые мудреные математические положения. А если что-то оказывалось выше ее понимания, муж терпеливо объяснял ей все по несколько раз. Поэтому у миссис Флэгг оставалось мало времени для прочих дел.

— Сварю кофе, — сказала она и ушла.

Четыре часа спустя, когда они сидели и слушали третью симфонию Брамса, дьявол явился вновь.

— Я уже изучил основы алгебры, тригонометрии и планиметрии! — торжествующе объявил он.

— Быстро работаете! — похвалил его Саймон. — Я уверен, что сферическая, аналитическая, проективная, начертательная и неевклидовы геометрии не представят для вас затруднений.

Дьявол поморщился.

— Их так много? — упавшим голосом спросил он.

— О, это далеко не все. — У Саймона был такой вид, словно он сообщил радостную весть. — Неевклидовы вам по-

правятся, — усмехнулся он. — Для этого вам не надо будет разбираться в чертежах. Чертежи ничего не скажут. И раз вы не в ладах с Евклидом...

Дьявол застонал, поблек, как старая кинопленка, и исчез. Жена Саймона хихикнула.

— Мой дорогой, — пропела она, — я начинаю думать, что ты возьмешь верх!

— Тсс! Последняя часть! Великолепно!

Еще через шесть часов что-то вспыхнуло, комнату заволокло дымом, и дьявол опять оказался тут как тут. У него появились мешки под глазами. Саймон Флэгг согнал с лица усмешку.

— Я прошел все эти геометрии, — с мрачным удовлетворением произнес черт. — Теперь будет легче. Я, пожалуй, готов заняться вашей маленькой головоломкой.

Саймон покачал головой.

— Вы слишком спешите. По-видимому, вы не заметили таких фундаментальных методов, как анализ бесконечно малых, дифференциальные уравнения и исчисление конечных разностей. Затем есть еще...

— Неужели все это нужно? — вздохнул дьявол.

Он сел и начал тереть кулаками опухшие веки. Бедняга не мог удержать зевоту.

— Не могу сказать наверное, — безразличным голосом ответил Саймон. — Но люди, трудясь над этой «маленькой головоломкой», испробовали все разделы математики, а задача еще не решена. Я предложил бы...

Но черт не был расположен выслушивать советы Саймона. На этот раз он исчез, даже не встав со стула. И сделал это довольно неуклюже.

— Мне кажется, он устал, — заметила миссис Флэгг. — Бедный чертяка!

Впрочем, в ее тоне трудно было уловить сочувствие.

— Я тоже устал, — отозвался Саймон. — Пойдем спать. Я думаю, до завтра он не появится.

— Возможно, — согласилась жена. — Но на всякий случай я надену сорочку с черными кружевами.

Наступило утро следующего дня. Теперь супругам показалась более подходящей музыка Баха. Поэтому они поставили пластинку с Вандой Ландовска.

— Еще десять минут, и, если он не вернется с решением, мы выиграли, — сказал Саймон. — Я отдаю ему должное. Он мог бы окончить курс за один день, притом с отличием, и получить диплом доктора философии. Однако...

Раздалось шипение. Распространяя запах серы, поднялось алое грибообразное облачко. Перед супругами на коврике стоял дьявол и шумно дышал, выбрасывая клубы пара. Плечи его опустились. Глаза были налиты кровью. Когтистая лапа, все еще сжимавшая пачку исписанных листов, заметно дрожала. Вероятно, у него пошаливали нервы.

Молча он швырнул кипу бумаг на пол и принялся яростно топтать их раздвоенными копытами. Наконец, истошив весь заряд энергии, черт успокоился, и горькая усмешка скривила его рот.

— Вы выиграли, Саймон, — прошептал черт, глядя на математика с беззлобным уважением. — Даже я не мог за это короткое время изучить математику настолько, чтобы одолеть такую трудную задачу. Чем больше я в нее углублялся, тем хуже шло дело. Неединственное разложение на множители, идеальные числа — о Ваал!.. Вы знаете, — доверительно сообщил он, — даже лучшие математики других планет — а они ушли далеко от вас — не добились решения. Эх, один молодчик на Сатурне — он немного напоминает гриб на ходулях — в уме решает дифференциальные уравнения в частных производных. Но тут и он спасовал, — дьявол вздохнул. — Будьте здоровы.

Черт исчезал очень медленно. Видно, он таки изрядно устал.

Саймон крепко поцеловал жену. Но она, с недовольной гримаской всматриваясь в лицо мужа, витавшего где-то в облаках, спросила:

— Дорогой, что еще неладно?

— Нет, ничего... Но, понимаешь, я хотел бы ознакомиться с его работой, узнать, насколько близко он подошел к решению. Я бился над этой проблемой не менее...

Он не договорил и изумленно вытаращил глаза: дьявол вновь очутился в комнате. У него был очень смущенный вид.

— Я здесь забыл... — пробормотал он. — Мне нужно... ах!

Он нагнулся над разбросанными бумагами и начал их бережно собирать и разглаживать. — Эта штука захватывает, — сказал он, избегая взгляда Саймона. — Прямо не оторваться! Если бы только мне удалось доказать одну простенькую лем-

му! — Увидев, что на лице Саймона вспыхнул жгучий интерес, он потупил взор, как бы прося извинения. — Послушайте, профессор, — проворчал дьявол, — я не сомневаюсь, что и вы потрудились над этим. Пробовали ли вы непрерывные дроби? Ферма, несомненно, пользовался ими, и... Будьте добры, оставьте нас вдвоем.

Последние слова были обращены к миссис Флэгг. Черт сел рядом с Саймоном, подоткнув под себя хвост, и указал на листы, испещренные математическими знаками.

Миссис Флэгг вздохнула. Погруженный в раздумье дьявол вдруг показался ей очень знакомым: он почти не отличался от старого профессора Аткинса, коллеги ее мужа по университету. Стоит двум математикам углубиться в изучение какой-нибудь мучительной и заманчивой задачи, и они...

Она покорно вышла из комнаты с кофейником в руке. Несомненно, предстояла долгая, утомительная конференция. В этом миссис Флэгг была уверена. Ведь недаром она была женой известного математика.

Генри Каттнер

КОТЕЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Лемюэла мы прозвали Горбун, потому что у него три ноги. Когда Лемюэл подрос (как раз в войну Севера с Югом), он стал поджимать лишнюю ногу внутрь штанов, чтобы никто ее не видел и зря язык не чесал. Ясное дело, вид у него был при этом самый что ни на есть верблюжий, но ведь Лемюэл не любитель форсить. Хорошо, что руки и ноги у него сгибаются не только в локтях и коленях, но и еще в двух суставах, иначе поджатую ногу вечно сводили бы судороги.

Мы не видели Лемюэла годков шестьдесят. Все Хогбены живут в Кентукки, но он — в южной части гор, а мы — в северной. И надо полагать, обошлось бы без неприятностей, не будь Лемюэл таким безалаберным. Одно время мы уже подумали — каша заваривается не на шутку. Нам, Хогбенам, доводилось хлебнуть горя и раньше, до того как мы переехали в Пайпервилл: бывало, люди все подглядывают за нами да подслушивают, норовят дознаться, с чего это в округе собаки лаем исходят. До того дошло — совсем невозможно стало летать. В конце концов дедуля рассудил, что пора смотать удочки, перебраться южнее, к Лемюэлу.

Терпеть не могу путешествий. Последний раз, когда мы плыли в Америку, меня аж наизнанку выворачивало. Летать — и то лучше. Но в семье верховодит дедуля.

Он заставил нас нанять грузовик, чтобы переправить пожитки. Труднее всего было втиснуть малыша. В нем-то самом весу кило сто сорок, не больше, но цистерна уж больно здоровая. Зато с дедулей никаких хлопот: его просто увязали в старую дерюгу и запихнули под сиденье. Всю работу пришлось делать мне. Папуля насосался маисовой водки и совершенно обалдел. Знай ходил на руках да песню горланил — «Вверх тормашками весь мир».

Дядя вообще не пожелал ехать. Он забился под ясли в хлеву и сказал, что соснет годиков десять. Там мы его и оставили.

Henry Kuttner. Pile of Trouble. 1948
Перевод Н. Евдокимовой.

— Вечно они скачут! — все жаловался дядя. — И чего им на месте не сидится? Пятисот лет не пройдет, как они опять — хлоп! Бродяги бесстыжие, перелетные птицы! Ну и езжайте, скатертью дорога!

Ну и уехали.

Лемюэл, по прозванию Горбун, — наш родственник. Аккурат перед тем, как мы поселились в Кентукки, там, говорят, пронесся ураган. Всем пришлось засучить рукава и строить дом, один Лемюэл ни в какую. Ужас до чего никудышный. Так и улетел на юг. Каждый год или через год он ненадолго просыпается, и мы тогда слышим его мысли, но остальное время он бревно бревном.

Решили пожить у него.

Сказано — сделано.

Видим, Лемюэл живет в заброшенной водяной мельнице, в горах, неподалеку от города Пайпервилл. Мельница обветшала, на честном слове держится. На крыльце сидит Лемюэл. Когда-то он сел в кресло, но кресло под ним давно уже развалилось, а он и не подумал проснуться и починить. Мы не стали будить Лемюэла. Втащили малыша в дом, и дедуля с папулей стали вносить бутылки с маисовой.

Мало-помалу устроились. Сперва было не ахти как удобно. Лемюэл, непутевая душа, припасов в доме не держит. Он проснется ровно настолько, чтобы загипнотизировать в лесу какого-нибудь снота, и, глядишь, тот уже скачет, пришибленный, согласный стать обедом. Лемюэл питается енотами, потому что у них лапы прямо как руки. Пусть меня поцарапают, если этот лодырь Лем гипнозом не заставляет енотов разводить огонь и зажариваться. До сих пор не пойму, как он их свежует. А может, просто выплевывает шкурку? Есть люди, которым лень делать самые немудреные вещи.

Когда ему хочется пить, он насылает дождь себе на голову и открывает рот. Позор, да и только.

Правда, никто из нас не обращал внимания на Лемюэла. Мамуля с ног сбилась в хлопотах по хозяйству. Папуля, само собой, удрал с кувшином маисовой, и вся работа свалилась на меня. Ее было немного. Главная беда — нужна электроэнергия. На то, чтобы поддерживать жизнь малыша в цистерне, току уходит прорва, да и дедуля жрет электричество, как свинья помои. Если бы Лемюэл сохранил воду в запруде, мы бы вообще забот не знали, но ведь это же Лемюэл! Он преспокойно дал ручью высохнуть. Теперь по руслу текла жалкая струйка.

Мамуля помогла мне смастерить в курятнике одну штуковину, и после этого у нас электричества стало хоть отбавляй.

Неприятности начались с того, что в один прекрасный день по лесной тропе к нам притопал костлявый коротышка и словно бы обомлел, увидев, как мамуля стирает во дворе. Я тоже вышел во двор — любопытства ради.

— День выдался на славу, — сказала мамуля. — Хотите выпить, гостенек?

Он сказал, что ничего не имеет против, я принес полный кувшин, коротышка выпил маисовой, судорожно перевел дух и сказал, мол, нет уж, спасибо, больше не хочет, ни сейчас, ни потом, никогда в жизни. Сказал, что есть уйма более дешевых способов надсадить себе глотку.

— Недавно приехали? — спросил он.

Мамуля сказала, что да, недавно, Лемюэл нам родственник. Коротышка посмотрел на Лемюэла — тот все сидел на крыльце, закрыв глаза, — и сказал:

— По-вашему, он жив?

— Конечно, — ответила мамуля. — Полон жизни, как говорится.

— А мы-то думали, он давно покойник, — сказал коротышка. — Поэтому ни разу не взимали с него избирательного налога. Я считаю, вам лучше и за себя заплатить, если уж вы сюда въехали. Сколько вас тут?

— Примерно шестеро, — ответила мамуля.

— Все совершеннолетние?

— Да вот у нас папуля, Сонк, малыш...

— Лет-то сколько?

— Малышу уже годочков четыреста, верно, мамуля? — сунулся было я, но мамуля дала мне подзатыльник и велела помалкивать. Коротышка ткнул в меня пальцем и сказал, что про меня-то и спрашивает. Черт, не мог я ему ответить. Сбился со счета еще при Кромвеле. Кончилось тем, что коротышка решил собрать налог со всех, кроме малыша.

— Не в деньгах счастье, — сказал он, записывая что-то в книжечку. — Главное, в нашем городе голосовать надо по всем правилам. В Пайпервилле босс только один, и зовут его Илай Гэнди. С вас двадцать долларов.

Мамуля велела мне набрать денег, и я ушел на поиски. У дедули была одна-единственная монетка, про которую он сказал, что это, во-первых, динарий, а во-вторых, талисман;

дедуля прибавил, что свистнул эту монетку у какого-то Юлия где-то в Галлии. Папуля был пьян в стельку. У малыша завалялись три доллара. Я обшарил карманы Лемюэла, но добыл там только два яичка иволги.

Когда я вернулся к мамуле, она поскребла в затылке, но я ее успокоил:

— К утру сделаем, мамуля. Вы ведь примете золото, мистер?

Мамуля влепила мне пощечину. Коротышка посмотрел как-то странно и сказал, что золото примет, отчего бы и нет. Потом он ушел лесом и повстречал на тропе енота, который нес охапку прутьев на растопку, — как видно, Лемюэл проголодался. Коротышка прибавил шагу.

Я стал искать металлический хлам, чтобы превратить его в золото.

На другой день нас упрятали в тюрьму.

Мы-то, конечно, все знали заранее, но ничего не могли поделать. У нас одна линия: не задирать нос и не привлекать к себе лишнего внимания. То же самое наказал нам дедуля и на этот раз. Мы все поднялись на чердак (все, кроме малыша и Лемюэла, который никогда не почешется), и я уставился в угол, на паутину, чтобы не смотреть на дедулю. От его вида у меня — мороз по коже.

— Ну их, холуев зловонных, не стоит мараться, — сказал дедуля. — Лучше уж в тюрьму, там безопасно. Дни инквизиции навеки миновали.

— Нельзя ли спрятать ту штуковину, что в курятнике?

Мамуля меня стукнула, чтобы не лез, когда старшие разговаривают.

— Не поможет, — сказала она. — Сегодня утром приходили из Пайпервилла соглядатаи, видели ее.

— Прорыли вы погреб под домом? — спросил дедуля. — Вот и ладно. Укройте там меня с малышом. — Он опять сбился на старомодную речь. — Поистине досадно прожить столь долгие годы и вдруг попасть впросак, осрамиться перед гнусными олухами. Надлежало бы им глотки перерезать. Да нет же, Сонк, ведь это я для красного словца. Не станем привлекать к себе внимания. Мы и без того найдем выход.

Выход нашелся сам. Всех нас выволокли (кроме дедули с малышом, они к тому времени уже сидели в погребе). Отвезли в Пайпервилл и упрятали в каталажку. Лемюэл так и не проснулся. Пришлось тянуть его за ноги.

Что до папули, то он не протрезвел. У него свой коронный номер. Он выпьет маисовой, а потом, я так понимаю, алкоголь попадает к нему в кровь и превращается в сахар или еще во что-то. Волшебство, не иначе. Папуля старался мне растолковать, но до меня туго доходило. Спиртное идет в желудок; как может оно попасть оттуда в кровь и превратиться в сахар? Просто глупость. А если нет, так колдовство. Но я-то к другому клоню: папуля уверяет, будто обучил своих друзей, которых звать Ферменты (не иначе как иностранцы, судя по фамилии), превращать сахар обратно в алкоголь и потому умеет оставаться пьяным сколько душе угодно. Но все равно он предпочитает свежую маисовую, если только подвернется. Я-то не выношу колдовских фокусов, мне от них страшно делается.

Ввели меня в комнату, где было порядочно народу, и приказали сесть на стул. Стали сыпать вопросами. Я прикинулся дурачком. Сказал, что ничего не знаю.

— Да не может этого быть! — заявил кто-то. — Не сами же они соорудили... неотесанные увальни-горцы! Но несомненно, в курятнике у них урановый котел.

Чепуха какая.

Я все прикидывался дурачком. Немного погодя отвели меня в камеру. Она кишела клопами. Я выпустил из глаз что-то вроде лучей и поубивал всех клопов — на удивление занюханному человечку со светло-рыжими баками, который спал на верхней койке, и я не заметил, как он проснулся, а когда заметил, было уже поздно.

— На своем веку в каких только чудных тюрьмах я не перебывал, — сказал занюханный человечек, часто-часто помаргивая, — каких только необыкновенных соседей по камере не перевидал, но ни разу еще не встречал человека, в котором заподозрил бы дьявола. Я, Армбрестер, Хорек Армбрестер, упекли меня за бродяжничество. А тебя в чем обвиняют, друг? В том, что скупал души по взвинченным ценам?

Я ответил, что рад познакомиться. Нельзя было не восхититься его речью. Просто страсть какой образованный был.

— Мистер Армбрестер, — сказал я, — понятия не имею, за что сижу. Нас сюда привезли ни с того ни с сего — папулю, мамулю и Лемюэла. Лемюэл, правда, все еще спит, а папуля пьян.

— Мне тоже хочется напиться допьяна, — сообщил мистер Армбрестер. — Тогда меня не удивляло бы, что ты повис в воздухе между полом и потолком.

Я засмущался. Вряд ли кому охота, чтобы его застукали за такими делами. Со мной это случилось по рассеянности, но чувствовал я себя круглым идиотом. Пришлось извиниться.

— Ничего, сказал мистер Армбрестер, переваливаясь на живот и почесывая баки. – Я этого уже давно жду. Жизнь я прожил в общем и целом весело. А такой способ сойти с ума не хуже всякого другого. Так за что тебя, говоришь, арестовали?

— Сказали, что у нас урановый котел стоит, — ответил я. — Спорим, у нас такого нет. Чугунный, я знаю, есть, сам в нем воду кипятил. А уранового сроду на огонь не ставил.

— Ставил бы, так запомнил бы, — отозвался он. — Скорее всего тут какая-то политическая махинация. Через неделю выборы. На них собирается выступить партия реформ, а старикашка Гэнди хочет раздавить ее, прежде чем она сделает первый шаг.

— Что ж, пора нам домой, — сказал я.

— А где вы живете?

Я ему объяснил, и он задумался.

— Интересно. На реке, значит? То есть на ручье? На Медведице?

— Это даже не ручей, — уточнил я.

Мистер Армбрестер засмеялся.

— Гэнди величал его рекой Большой Медведицы, до того как построил недалеко от вас Гэнди-плотину. В том ручье нет воды уже полвека, но лет десять назад старикашка Гэнди получил ассигнования — один Бог знает, на какую сумму. Выстроил плотину только благодаря тому, что ручей назвал рекой.

— А зачем ему это было надо? — спросил я.

— Знаешь, сколько шальных денег можно выколотить из постройки плотины? Но против Гэнди не попрешь, по-моему. Если у человека собственная газета, он сам диктует условия. Ого! Сюда кто-то идет.

Вошел человек с ключами и увел мистера Армбрестера. Спустя еще несколько часов пришел кто-то другой и выпустил меня. Отвел в другую комнату, очень ярко освещенную. Там был мистер Армбрестер, были мамуля с папулей и Лемюэлом и еще какие-то дюжие ребята с револьверами. Был там и тощий сухонький тип с лысым черепом и змеиными глазками; все плясали под его дудку и величали его мистером Гэнди.

— Парнишка — обыкновенный деревенский увалень, — сказал мистер Армбрестер, когда я вошел. — Если он и угодил в какую-то историю, то случайно.

Ему дали по шее и велели заткнуться. Он заткнулся. Мистер Гэнди сидел в сторонке и кивал с довольно подлым видом. У него был дурной глаз.

— Послушай, мальчик, — сказал он мне. — Кого ты выгораживаешь? Кто сделал урановый котел в вашем сарае? Говори правду, или тебе не поздоровится.

Я только посмотрел на него, да так, что кто-то стукнул меня по макушке. Чепуха. Ударом по черепу Хогбенов не проймешь. Помню, наши враги Адамсы схватили меня и давай дубасить по голове, пока не выбились из сил, — даже не пикнули, когда я побросал их в цистерну.

Мистер Армбрестер подал голос.

— Вот что, мистер Гэнди, — сказал он. — Я понимаю, будет большая сенсация, если вы узнаете, кто сделал урановый котел, но ведь вас и без того переизберут. А может быть, это вообще не урановый котел.

— Кто его сделал, я знаю, — заявил мистер Гэнди. — Ученые-ренегаты. Или беглые военные преступники, нацисты. И я намерен их найти!

— Ого, — сказал мистер Армбрестер. — Понял вашу идею. Такая сенсация взволнует всю страну, не так ли? Вы сможете выставить свою кандидатуру на пост губернатора или в сенат, или... в общем, диктовать любые условия.

— Что тебе говорил этот мальчишка? — спросил мистер Гэнди. Но мистер Армбрестер заверил его, что я ничего такого не говорил.

Тогда принялись колошматить Лемюэла.

Это занятие утомительное. Никто не может разбудить Лемюэла, если уж его разморило и он решил вздремнуть, а таким разморенным я никого никогда не видел. Через некоторое время его сочли мертвецом. Да он и вправду все равно что мертвец: до того ленив, что даже не дышит, если крепко спит.

Папуля творил чудеса со своими приятелями Ферментами, он был пьянее пьяного. Его пытались отхлестать, но ему это вроде щекотки. Всякий раз, как на него опускали кусок шланга, папуля глупо хихикал. Мне стало стыдно.

Мамулю никто не пытался отхлестать. Когда кто-нибудь подбирался к ней достаточно близко, чтобы ударить, он тут же белел как полотно и пятился весь в поту, дрожа крупной дрожью. Один наш знакомый прохвессор как-то сказал, что мамуля умеет испускать направленный пучок инфразвуковых волн. Прохвессор врал. Она всего-навсего издает никому не слышный

звук и посылает куда хочет. Ох уж эти мне трескучие слова! А дело-то простое, все равно что белок бить. Я и сам так умею.

Мистер Гэнди распорядился водворить нас обратно — он, мол, с нами еще потолкует. Поэтому Лемюэла выволокли, а мы разошлись по камерам сами. У мистера Армбрестера на голове осталась шишка величиной с куриное яйцо. Он со стонами улегся на койку, а я сидел в углу, поглядывал на его голову и вроде бы стрелял светом из глаз, только этого света никто не мог увидеть. На самом деле такой свет... эх, образования не хватает. В общем, он помогает не хуже примочки. Немного погодя шишка на голове у мистера Армбрестера исчезла, и он перестал стонать.

— Попал ты в переделку, Сонк, сказал он (к тому времени я ему назвал свое имя). — У Гэнди теперь грандиозные планы. И он совершенно загипнотизировал жителей Пайпервилла. Но ему нужно больше загипнотизировать весь штат или даже всю страну. Он хочет стать фигурой национального масштаба. Подходящая новость в газетах может его устроить. Кстати, она же гарантирует ему переизбрание на той неделе, хоть он в гарантиях и не нуждается. Весь городок у него в кармане. У вас и вправду был урановый котел?

Я только посмотрел на него.

— Гэнди, по-видимому, уверен, — продолжал он. — Выслал несколько физиков, и они сказали, что это явно уран-235 с графитовыми замедлителями. Сонк, я слышал их разговор. Для своего же блага — перестань укрывать других. К тебе применят наркотик правды — пентатол натрия или скополамин.

— Вам надо поспать, — сказал я, потому что услышал у себя в мозгу зов дедули. Я закрыл глаза и стал вслушиваться. Это было нелегко: все время вклинивался папуля.

— Пропусти рюмашку, — весело предложил папуля, только без слов, сами понимаете.

— Чтоб тебе сдохнуть, клейменая вошь, — сказал дедуля совсем не так весело. — Убери отсюда свой неповоротливый мозг, Сонк!

— Да, дедуля, — сказал я мысленно.

— Надо составить план...

Папуля повторил:

— Пропусти рюмашку, Сонк.

— Да замолчи же, папуля, — ответил я. — Имей хоть каплю уважения к старшим. Это я про дедулю. И вообще, как я могу пропустить рюмашку? Ты же далеко, в другой камере.

— У меня личный трубопровод, — сказал папуля. — Могу сделать тебе... как это называется... переливание. Телепортация, вот это что. Я просто накоротко замыкаю пространство между твоей кровеносной системой и моей, а потом перекачиваю алкоголь из своих вен в твои. Смотри, это делается вот так.

Он показал мне как — вроде картинку нарисовал у меня в голове. Действительно легко. То есть легко для Хогбена.

Я осатанел.

— Папуля, — говорю, — пень ты трухлявый, не заставляй своего любящего сына терять к тебе больше уважения, чем требует естество. Я ведь знаю, ты книг сроду не читал. Просто подбираешь длинные слова в чьем-нибудь мозгу.

— Пропусти рюмашку, — не унимался папуля и вдруг как заорет. Я услыхал смешок дедули.

— Крадешь мудрость из умов людских, а? — сказал дедуля. — Это я тоже умею. Сейчас я в своей кровеносной системе мгновенно вывел культуру возбудителя мигрени и телепортировал ее тебе в мозг, пузатый негодник! Чумы нет на изверга! Внемли мне, Сонк. Ближайшее время твой ничтожный родитель не будет нам помехой.

— Есть, дедуля, — говорю. — Ты в форме?

— Да.

— А малыш?

— Тоже. Но действовать должен ты. Это твоя задача, Сонк. Вся беда в той,... все забываю слово... в том урановом котле.

— Значит, это все-таки он, — сказал я.

— Кто бы подумал, что хоть одна душа в мире может его распознать? Делать такие котлы научил меня мой прародитель; они существовали еще в его времена. Поистине, благодаря им мы, Хогбены, стали мутантами. Господи, твоя воля, теперь я сам должен обворовать чужой мозг, чтобы внести ясность. В городе, где ты находишься, Сонк, есть люди, коим ведомы нужные мне слова... вот погоди.

Он порылся в мозгу у нескольких человек. Потом продолжил:

— При жизни моего прародителя люди научились расщеплять атом. Появилась... гмм... вторичная радиация. Она оказала влияние на гены и хромосомы некоторых мужчин и женщин... у нас, Хогбенов, мутация доминантная. Вот потому мы и мутанты.

— То же самое говорил Роджер Бэкон, точно? — припомнил я.

— Так. Но он был дружелюбен и хранил молчание. Кабы в те дни люди дознались о нашем могуществе, нас сожгли бы на костре. Даже сегодня открываться небезопасно. Под конец... ты ведь знаешь, что воспоследует под конец, Сонк.

— Да, дедуля, — подтвердил я, потому что и в самом деле знал.

— Вот тут-то и закавыка. По-видимому, люди вновь расщепили атом. Оттого и распознали урановый котел. Его надлежит уничтожить; он не должен попасть на глаза людям. Но нам нужна энергия. Не много, а все же. Легче всего ее получить от уранового котла, но теперь им нельзя пользоваться. Сонк, вот что надо сделать, чтобы нам с малышом хватило энергии.

Он растолковал мне, что надо сделать.

Тогда я взял да и сделал.

Стоит мне глаза скосить, как я начинаю видеть интересные картинки. Взять хоть решетку на окнах. Она дробится на малюсенькие кусочки, и все кусочки бегают взад-вперед, как шальные. Я слыхал, это атомы. До чего же они веселенькие — суетятся, будто спешат к воскресной проповеди. Ясное дело, ими легко жонглировать, как мячиками. Посмотришь на них пристально, выпустишь что-то такое из глаз — они сгрудятся, а это смешно до невозможности. По первому разу я ошибся и нечаянно превратил железные прутья в золотые. Пропустил, наверное, атом. Затем, после этого, я научился и превратил прутья в ничто. Выкарабкался наружу, а потом обратно превратил их в железо. Сперва удостоверился, что мистер Армбрестер спит. В общем, легче легкого.

Нас поместили на седьмом этаже большого здания — наполовину мэрии, наполовину тюрьмы. Дело было ночью, меня никто не заметил. Я и улетел. Один раз мимо меня прошмыгнула сова — думала, я в темноте не вижу, а я в нее плюнул. Попал, между прочим.

С урановым котлом я справился. Вокруг него полно было охраны с фонарями, но я повис в небе, куда часовые не могли досягнуть, и занялся делом. Для начала разогрел котел так, что штуки, которые мистер Армбрестер называет графитовыми замедлителями, превратились в ничто, исчезли. После этого можно было без опаски заняться... ураном-235, так, что ли? Я и занялся, превратил его в свинец. В самый хрупкий. До того хрупкий, что его сдуло ветром. Вскорости ничего не осталось.

Тогда я полетел вверх по ручью. Воды в нем была жалкая струйка, а дедуля объяснил, что нужно гораздо больше. Сле-

тал я к вершинам гор, но и там ничего подходящего не нашел. А дедуля заговорил со мной. Сказал, что малыш плачет. Надо было, верно, сперва найти источник энергии, а уж потом рушить урановый котел.

Оставалось одно — наслать дождь.

Насылать дождь можно по-разному, но я решил просто заморозить тучу. Пришлось спуститься на землю, по-быстрому смастерить аппаратик, а потом лететь высоко вверх, где есть тучи. Времени убил порядком, зато довольно скоро грянула буря и хлынул дождь. Но вода не пошла вниз по ручью. Искал я, искал, обнаружил место, где у ручья дно провалилось. Видно, под руслом тянулись подземные пещеры. Я скоренько законопатил дыры. Стоит ли удивляться, что в ручье столько лет нет воды, о которой можно говорить всерьез? Я все уладил.

Но ведь дедуле требовался постоянный источник, я и давай кругом шарить, пока не разыскал большие родники. Я их вскрыл. К тому времени дождь лил как из ведра. Я завернул проведать дедулю.

Часовые разошлись по домам — надо полагать, малыш их вконец расстроил, когда начал плакать. По словам дедули, все они заткнули уши пальцами и с криком бросились врассыпную. Я, как велел дедуля, осмотрел и кое-где починил водяное колесо. Ремонт там был мелкий. Сто лет назад вещи делали на совесть, да и дерево успело стать мореным. Я любовался колесом, а оно вертелось все быстрее — ведь вода в ручье прибывала... да что я — в ручье! Он стал рекой.

Но дедуля сказал, это что, видел бы я Аппиеву дорогу, когда ее прокладывали.

Его и малыша я устроил со всеми удобствами, потом улетел назад в Пайпервилл. Близился рассвет, а я не хотел, чтобы меня заметили. На обратном пути плюнул в голубя.

В мэрии был переполох. Оказывается, исчезли мамуля, папуля и Лемюэл. Я-то знал, как это получилось. Мамуля в мыслях переговорила со мной, велела идти в угловую камеру, там просторнее. В той камере собрались все наши. Только невидимые.

Да, чуть не забыл: я ведь тоже сделался невидимым, после того как пробрался в свою камеру, увидел, что мистер Армбрестер все еще спит, и заметил переполох.

— Дедуля мне дал знать, что творится, — сказала мамуля. — Я рассудила, что не стоит пока путаться под ногами. Сильный дождь, да?

— Будьте уверены, — ответил я. — А почему все так волнуются?

— Не могут понять, что с нами сталось, — объяснила мамуля. — Как только шум стихнет, мы вернемся домой. Ты, надеюсь, все уладил?

— Я сделал все, как дедуля велел... — начал было я, и вдруг из коридора послышались вопли. В камеру вкатился матерый жирный енот с охапкой прутьев. Он шел прямо-прямо, пока не уперся в решетку. Тогда он сел и начал раскладывать прутья, чтобы разжечь огонь. Взгляд у него был ошалелый, поэтому я догадался, что Лемюэл енота загипнотизировал.

Под дверью камеры собралась толпа. Нас-то она, само собой, не видела, зато глазела на матерого енота. Я тоже глазел, потому что до сих пор не могу сообразить, как Лемюэл сдирает с енотов шкурку. Как они разводят огонь, я и раньше видел (Лемюэл умеет их заставить), но почему-то ни разу не был рядом, когда еноты раздевались догола — сами себя свежевали. Хотел бы я на это посмотреть.

Но не успел енот начать, один из полисменов цап его в сумку — и унес; так я и не узнал секрета. К тому времени рассвело. Откуда-то непрерывно доносился рев, а один раз я различил знакомый голос.

— Мамуля, — говорю, это, похоже, мистер Армбрестер. Пойду погляжу, что там делают с бедолагой.

— Нам домой пора, — уперлась мамуля. — Надо выпустить дедулю и малыша. Говоришь, вертится водяное колесо?

— Да, мамуля, — говорю. — Теперь электричества вволю.

Она пошарила в воздухе, нащупала папулю и стукнула его.

— Проснись!

— Пропусти рюмашку, завел опять папуля.

Но она его растолкала и объявила, что мы идем домой. А вот разбудить Лемюэла никто не в силах. В конце концов мамуля с папулей взяли Лемюэла за руки и за ноги и вылетели с ним в окно (я развеял решетку в воздухе, чтобы они пролезли). Дождь все лил, но мамуля сказала, что они не сахарные, да и я пусть лечу следом, не то мне всыплют пониже спины.

— Ладно, мамуля, — поддакнул я. Но на самом деле и не думал лететь. Я остался выяснить, что делают с мистером Армбрестером.

Его держали в той же ярко освещенной комнате. У окна, с самой подлой миной, стоял мистер Гэнди, а мистеру Армбре-

стеру закатали рукав, вроде бы стеклянную иглу собирались всадить. Ну погодите! Я тут же сделался видимым.

— Не советую, — сказал я.

— Да это же младший Хогбен! — взвыл кто-то. — Хватай его!

Меня схватили. Я позволил. Очень скоро я уже сидел на стуле с закатанным рукавом, а мистер Гэнди щерился на меня по-волчьи.

— Обработайте его наркотиком правды, — сказал он. — А бродягу теперь не стоит допрашивать.

Мистер Армбрестер, какой-то пришибленный, твердил:

— Куда делся Сонк — я не знаю! А знал бы — не сказал бы...

Ему дали по шее.

Мистер Гэнди придвинул лицо чуть ли не к моему носу.

— Сейчас мы узнаем всю правду об урановом котле, — объявил он. — Один укол — и ты все выложишь. Понятно?

Воткнул мне в руку иглу и впрыснул лекарство. Щекотно стало.

Потом начали расспрашивать. Я сказал, что знать ничего не знаю. Мистер Гэнди распорядился сделать мне еще один укол. Сделали.

Совсем невтерпеж стало от щекотки.

Тут кто-то вбежал в комнату — и в крик.

— Плотину прорвало! — орет. — Гэнди-плотину! В южной долине затоплена половина ферм!

Мистер Гэнди попятился и завизжал:

— Вы с ума сошли! Не может быть! В Большой Медведице уже сто лет нет воды!

Потом все сбились в кучку и давай шептаться. Что-то насчет образчиков. И внизу уже толпа собралась.

— Вы должны их успокоить, — сказал кто-то мистеру Гэнди. — Они кипят от возмущения. Посевы загублены.

— Я их успокою, — заверил мистер Гэнди. — Доказательств никаких. Эх, как раз за неделю до выборов.

Он выбежал из комнаты, за ним бросились остальные. Я встал со стула и почесался. Лекарство, которым меня накачали, дико зудело под кожей. Я обозлился на мистера Гэнди.

— Живо! — сказал мистер Армбрестер. — Давай уносить ноги. Сейчас самое время.

Мы унесли ноги через боковой вход. Это было легко. Подошли к парадной двери, а там под дождем куча народу мок-

нет. На ступенях суда стоит мистер Гэнди, все с тем же подлым видом, лицом к лицу с рослым плечистым парнем, который размахивает обломком камня.

— У каждой плотины свой предел прочности, — объяснял мистер Гэнди, но рослый парень взревел и замахнулся камнем над его головой.

— Я знаю, где хороший бетон, а где плохой! — прогремел он. — Тут сплошной песок! Да эта плотина и галлона воды не удержит!..

Мистер Гэнди покачал головой.

— Возмутительно! — говорит. — Я потрясен не меньше, чем вы. Разумеется, мы целиком доверяли подрядчикам. Если строительная компания «Эджекс» пользовалась некондиционными материалами, мы взыщем с нее по суду.

В эту минуту я до того устал чесаться, что решил принять меры. Так я и сделал.

Плечистый парень отступил на шаг и ткнул пальцем в мистера Гэнди.

— Вот что, — говорит. — Ходят слухи, будто строительная компания «Эджекс» принадлежит вам. Это правда?

Мистер Гэнди открыл рот и снова закрыл. Он чуть заметно вздрогнул.

— Да, — говорит, — я ее владелец.

Надо было слышать вопль толпы.

Плечистый парень аж задохнулся:

— Вы сознались? Может быть, сознаетесь и в том, что знали, что плотина никуда не годится, а? Сколько вы нажили на строительстве?

— Одиннадцать тысяч долларов, — ответил мистер Гэнди. — Это чистая прибыль, после того как я выплатил долю шерифу, олдермену и...

Но тут толпа двинулась вверх по ступенькам, и мистера Гэнди не стало слышно.

— Так-так, — сказал мистер Армбрестер. — Редкое зрелище. Ты понял, что это означает, Сонк? Гэнди сошел с ума. Не иначе. Но на выборах победит партия реформ, она прогонит мошенников, и для меня снова настанет приятная жизнь в Пайпервилле. Пока не подамся на юг. Как ни странно, я нашел у себя в кармане деньги. Пойдем выпьем, Сонк?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Мамуля рассердится; она ведь не знает, куда я делся. А больше не будет неприятностей, мистер Армбрестер?

— В конце концов когда-нибудь будут, — сказал он, но очень не скоро. Смотри-ка, старикашку Гэнди ведут в тюрьму! Скорее всего, хотят защитить от разъяренной толпы. Это надо отпраздновать, Сонк. Ты не передумал... Сонк! Ты где?

Но я стал невидимым.

Ну вот и все. Под кожей у меня больше не зудело. Я улетел домой и помог наладить гидроэлектростанцию на водяном колесе. Со временем наводнение схлынуло, но с тех пор по руслу течет полноводная река, потому что в истоках ее я все устроил как надо. И зажили мы тихо и спокойно, как любим. Для нас такая жизнь безопаснее.

Дедуля сказал, что наводнение было законное. Напомнило ему то, про которое рассказывал ему еще его дедуля. Оказывается, при жизни дедулиного дедули были установлены котлы и многое другое, но очень скоро все это вышло из повиновения и случился настоящий потоп. Дедулиному дедуле пришлось бежать без оглядки. С того дня и до сих пор про его родину никто и слыхом не слыхал; надо понимать, в Атлантиде все утонули. Впрочем, подумаешь, важность, какие-то иностранцы.

Мистера Гэнди упрятали в тюрьму. Так и не узнали, что заставило его во всем сознаться; может, в нем совесть заговорила. Не думаю, чтоб из-за меня. Навряд ли. А все же...

Помните тот фокус, что показал мне папуля, — как можно коротнуть пространство и перекачать майсовую из его крови в мою? Так вот, мне надоел зуд под кожей, где толком и не почешешься, и я сам проделал такой фокус. От впрыснутого лекарства, как бы оно ни называлось, меня одолел зуд. Я маленько искривил пространство и перекачал эту пакость в кровь к мистеру Гэнди, когда он стоял на ступеньках крыльца. У меня зуд тут же прошел, но у мистера Гэнди он, видно, начался сильнее. Так и надо подлецу!

Интересно, не от зуда ли он всю правду выложил?

Эрик Френк Рассел

АЛАМАГУСА

Уже давно на борту космического корабля «Бастлер» не было такой тишины. Корабль стоял в космопорту Сириуса с холодными дюзами, корпус его был испещрен многочисленными шрамами — ни дать ни взять измученный бегун после марафонского бега. Впрочем, для такого вида у «Бастлера» были все основания: он только что вернулся из продолжительного полета, где далеко не все шло гладко.

И вот теперь, в космопорту, гигантский корабль обрел заслуженный, хотя и временный покой. Тишина, наконец тишина. Нет больше ни тревог, ни беспокойств, ни огорчений, ни мучительных затруднений, возникающих в свободном полете по крайней мере два раза в сутки. Только тишина, тишина и покой.

Капитан Макнаут сидел в кресле, положив ноги на письменный стол и с наслаждением расслабившись. Атомные двигатели были выключены, и впервые за многие месяцы смолк адский грохот машин. Почти вся команда «Бастлера» — около четырехсот человек, получивших увольнение, — кутила напропалую в соседнем большом городе, залитом лучами яркого солнца. Вечером, как только первый помощник Грегори вернется на борт, капитан Макнаут сам отправится в благоухающие сумерки, чтобы приобщиться к сверкающей неоном цивилизации.

Как приятно наконец ступить на твердую землю! Команда получает возможность развлечься, так сказать, выпустить лишний пар, что каждый делает по-своему. Позади заботы, волнения, обязанности и тревоги. Комфорт и безопасность — награда усталым космическим скитальцам! Старший радиоофицер Бурман вошел в каюту. Он был одним из шести членов экипажа, вынужденных остаться на борту корабля, и по лицу его было видно, что ему известно по крайней мере двадцать более приятных способов времяпрепровождения.

— Только что прибыла радиограмма, сэр, — сказал он, протянув листок бумаги, и остановился в ожидании ответа.

Eric Frank Russell. Allamagoosa. 1955
Перевод И. Почиталина.

Капитан Макнаут взял радиограмму, снял ноги со стола, выпрямился и, заняв приличествующее командиру положение, прочитал вслух:

— ЗЕМЛЯ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БАСТЛЕРУ ТЧК ОСТАВАЙТЕСЬ СИРИПОРТУ ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ ТЧК КОНТР-АДМИРАЛ ВЭЙН У ТЧК КЭССИДИ ПРИБЫВАЕТ СЕМНАДЦАТОГО ТЧК ФЕЛДМАН ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР.

Лицо капитана стало суровым. Он оторвал глаза от бумаги и громко застонал.

— Что-нибудь случилось? — спросил Бурман, чуя неладное.

Макнаут указал на три книжечки, лежавшие стопкой на столе.

— Средняя. Страница двадцатая.

Бурман перелистал несколько страниц и нашел нужный параграф: «Вэйн У. Кэссиди, контр-адмирал. Должность — главный инспектор кораблей и складов».

Бурман с трудом сглотнул слюну.

— Значит...

— Да, — недовольно подтвердил Макнаут. — Снова как в военном училище. Красить и драить, чистить и полировать. — Он придал лицу непроницаемое выражение и заговорил до тошноты официальным голосом: — Капитан, у вас в наличии всего семьсот девяносто девять аварийных пайков, а по списку числится восемьсот. Запись в вахтенном журнале о недостающем пайке отсутствует. Где он? Что с ним случилось? Почему у одного из членов экипажа отсутствует официально зарегистрированная пара казенных подтяжек? Вы сообщили об их исчезновении?

— Почему он взялся именно за нас? — спросил Бурман с выражением ужаса на лице. — Ведь никогда раньше он не обращал на нас внимания!

— Именно поэтому, — ответил Макнаут, глядя на стену с видом мученика. — Пришла наша очередь получить взбучку. — Отсутствующий взгляд капитана остановился наконец на календаре. — У нас еще три дня — за это время многое можно исправить. Ну-ка, вызови ко мне второго офицера Пайка.

Опечаленный Бурман ушел. Вскоре в дверях появился Пайк. Несчастное выражение его лица подтверждало старую истину, что плохие новости летят на крыльях.

— Выпиши требование на сто галлонов пластикраски, темно-серой, высшего качества. И второе — на тридцать гал-

лонов белой эмали для внутренних помещений. Немедленно отправь их на склад космопорта и позаботься о том, чтобы краска вместе с необходимым количеством кистей и пульверизаторов была здесь к шести вечера. Прихвати весь протирочный материал, который у них плохо лежит.

— Команде это не понравится, — заметил Пайк, делая слабую попытку к сопротивлению.

— Ничего, стерпится — слюбится, — заверил его Макнаут. — Сверкающий, отдраенный до блеска корабль благотворно влияет на моральное состояние экипажа — именно так записано в Уставе космической службы. А теперь пошевеливайся и быстро отошли требования на краску. Потом принеси мне списки инвентарного имущества. Мы должны произвести инвентаризацию до прибытия Кэссиди. Когда он приедет, уже не удастся покрыть недостачу или сбагрить предметы, которые окажутся в избытке.

— Есть, сэр, — Пайк повернулся и вышел из каюты, волоча ноги, с таким же траурным выражением лица, как и у Бурмана.

Откинувшись на спинку кресла, Макнаут бормотал что-то себе под нос. Им владело смутное чувство, что в последнюю минуту все усилия пойдут прахом. Недостаток табельного имущества — дело достаточно серьезное, если только исчезновение не было отмечено в предыдущем отчете. Избыток — и того хуже. Если первое свидетельствует о небрежности или халатности при хранении, то второе может значить только преднамеренное хищение казенного имущества при попустительстве командира корабля.

Взять, например, случай с Уильямсом, командиром тяжелого космического крейсера «Свифт», — слухом космос полнится. Макнаут узнал об этом, когда «Бастлер» пролетал мимо Бутса. При инвентаризации табельного имущества у Уильямса на борту крейсера «Свифт» нашли одиннадцать катушек проводов для электрифицированных заграждений, тогда как по спискам полагалось только десять. В дело вмешался военный прокурор, и только тогда выяснилось, что этот лишний моток проволоки, которая, между прочим, пользовалась исключительным спросом на некоторых планетах, не был украден со складов космической службы и доставлен (на космическом жаргоне — телепортирован) на корабль. Тем не менее Уиль-

ямс получил нагоняй, что мало помогает продвижению по службе.

Макнаут все еще размышлял, ворча себе под нос, когда вернулся Пайк с толстенной папкой в руках.

— Собираетесь начать инвентаризацию немедленно, сэр?

— Ничего другого нам не остается, — вздохнул капитан, посылая последнее «прости» своему отдыху в городе и ярким праздничным огням. — Потребуется уйма времени, чтобы обшарить корабль от носа до кормы, поэтому осмотр личного имущества экипажа проведем напоследок.

Выйдя из каюты, капитан направился к носу «Бастлера»; за ним с видом мученика тащился Пайк.

Когда они проходили мимо главного входного люка, их заметил корабельный пес Пизлейк. В два прыжка Пизлейк взлетел по трапу и замкнул шествие. Этот огромный пес, родители которого обладали неисчерпаемым энтузиазмом, но мало заботились о чистоте породы, был полноправным членом экипажа и гордо носил ошейник с надписью «Пизлейк — имущество косм. кор. «Бастлер». Основной обязанностью пса, с которой он превосходно справлялся, было не подпускать к трапу корабля местных грызунов и в редких случаях обнаруживать опасность, незамеченную человеком.

Все трое шествовали по коридору Макнаут и Пайк с мрачной решимостью людей, которые жертвуют собой во имя долга, а тяжело дышащий Пизлейк был преисполнен готовности начать любую игру, какую бы ему ни предложили.

Войдя в носовое помещение, Макнаут тяжело опустился в кресло пилота и взял папку из рук Пайка.

— Ты знаешь всю эту кухню лучше меня — мое место в штурманской рубке. Поэтому я буду читать, а ты — проверять наличие. — Капитан открыл папку и начал с первого листа:

— К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

— Есть, — сказал Пайк.

— К-2. Индикатор направления и расстояния, электронный, тип Джи-Джи, один.

— Есть.

— К-3. Гравиметрические измерители левого и правого бортов, модель Кэсини, одна пара.

— Есть.

Пизлейк положил голову на колени Макнаута, посмотрел ему в лицо понимающими глазами и негромко завыл. Он начал соображать, чем занимаются эти двое. Нудная перекличка

была чертовски скучной игрой. Макнаут успокаивающим жестом положил руку на голову Пизлейка и стал играть песьими ушами, протяжно выкликивая предмет за предметом.

— К-187. Подушки из пенорезины, две, на креслах пилота и второго пилота.

— Есть.

К тому времени, когда первый офицер Грегори поднялся на борт корабля, они уже добрались до крохоткой рубки внутренней радиосвязи и копались там в полумраке. Пизлейк, полный невыразимого отвращения, давно покинул их.

— М-24. Запасные громкоговорители, трехдюймовые, тип Т-2, комплект из шести штук, один.

— Есть.

Выпучив от удивления глаза, Грегори заглянул в рубку и спросил:

— Что здесь происходит?

— Скоро нам предстоит генеральная инспекция, — ответил Макнаут, поглядывая на часы. Пойди-ка проверь, привезли краску или нет и если нет, то почему. А потом приходи сюда и помоги мне с проверкой — Пайку надо заниматься другими делами.

— Значит, увольнение в город отменяется?

— Конечно, до тех пор пока не уберется этот начальник веников и заведующий кухнями. — Капитан повернулся к Пайку. — Когда будешь в городе, постарайся разыскать и отправить на корабль как можно больше ребят. Никакие причины или объяснения во внимание не принимаются. И чтобы без всяких там алиби или задержек. Это приказ!

Лицо Пайка приняло еще более несчастное выражение. Грегори сердито посмотрел на него, вышел, через минуту вернулся и доложил:

— Окрасочные материалы прибудут через двадцать минут. — С грустью на лице он посмотрел вслед уходящему Пайку.

— М-47. Телефонный кабель, витой, экранированный, три катушки.

— Есть, — сказал Грегори, проклиная себя. И угораздило же его вернуться на корабль именно сейчас!

Работа продолжалась до позднего вечера и возобновилась с восходом солнца. К этому времени уже три четверти команды трудилось в поте лица как внутри, так и снаружи корабля, с видом людей, приговоренных к каторге за преступления — задуманные, но еще не совершенные.

По узким коридорам и переходам пришлось передвигаться по-крабьи, на четвереньках — лишнее доказательство того, что представители высших форм земной жизни испытывают панический страх перед свежей краской. Капитан во всеуслышание объявил, что первый, кто посадит пятно на свежую краску, поплатится за это десятью годами жизни.

На исходе второго дня зловещие предчувствия капитана начали сбываться. Они уже заканчивали девятую страницу очередного инвентарного списка кухонного имущества, а шеф-повар Жан Бланшар подтверждал присутствие и действительное наличие перечисляемых предметов, когда они, пройдя две трети пути, образно говоря, натолкнулись на рифы и стремительно пошли ко дну.

Макнаут пробормотал скучным голосом:

— В-1097. Кувшин для питьевой воды, эмалированный, один.

— Здесь, — ответил Бланшар, постучав по кувшину пальцем.

— В-1098. Капес, один.

— Что? — спросил Бланшар, изумленно выпучив глаза,

— В-1098. Капес, один, — повторил Макнаут. — Ну, что смотришь, будто тебя громом ударило? Это корабельный камбуз, не правда ли? Ты шеф-повар, верно? Кому же еще знать, что находится в камбузе? Ну, где этот капес?

— Первый раз о нем слышу, — решительно заявил повар.

— Быть того не может. Он внесен вот в этот список табельного имущества камбуза, напечатано четко и ясно: капес, один. Список табельного имущества составлялся при приемке корабля четыре года назад. Мы сами проверили наличие капеса и расписались.

— Ни за какой капес я не расписывался, — Бланшар упрямо покачал головой. — В моем камбузе нет такой штуки.

— Посмотри сам! — с этими словами Макнаут сунул ему под нос инвентарный список.

Бланшар взглянул и презрительно фыркнул.

— У меня здесь есть электрическая печь, одна. Кипятильники, покрытые кожухами, с мерным устройством, один комплект. Есть сковороды, шесть штук. А вот капеса нет. Я никогда даже не слышал о нем. Представления не имею, что это такое. — Он выразительно развел руками. — Нет у меня капеса!

— Но ведь должен же он где-то быть, — втолковывал ему Макнаут. — Если Кэссиди обнаружит, что капес пропал, поднимется черт знает какой тарарам!

— А вы его сами поищите, — язвительно посоветовал Бланшар.

— Послушай, Жан, у тебя диплом Кулинарной школы Международной ассоциации отелей, у тебя свидетельство Колледжа поваров Кордон Блю; наконец, ты награжден почетным дипломом с тремя похвальными отзывами Центра питания космического флота, — напомнил ему Макнаут. — И как же ты не знаешь, где у тебя капес!

— Черт возьми! — завопил Бланшар, всплеснув руками. — Сотый раз повторяю, что у меня нет никакого капеса. И никогда не было. Сам Эскуафье не смог бы его найти, так как в моем камбузе никакого капеса нет. Что я, волшебник, что ли?

— Этот капес — часть кухонного имущества, — стоял на своем Макнаут. — И он должен быть где-то, потому что он упоминается на девятой странице инвентарного списка камбуза. А это означает, что ему надлежит находиться здесь и что лицом, ответственным за его хранение, является шеф-повар.

— Черта с два! Усилитель внутренней связи, он что, тоже мой? — огрызнулся Бланшар, указывая на металлический ящик в углу под потолком.

Макнаут немного подумал и ответил примирительно:

— Нет, это имущество Бурмана. Его хозяйство расползлось по всему кораблю.

— Вот и спросите его, куда он дел свой проклятый капес! — заявил Бланшар с нескрываемым триумфом.

— Я так и сделаю. Если капес не твой, он должен принадлежать Бурману. Давай только сначала разделаемся с кухней. Если Кэссиди не заметит в хранении системы и тщательности, он разжалует меня в рядовые. — Капитан опять уткнулся в список. — В-1099. Ошейник собачий с надписью, кожаный, с бронзовыми бляхами, один. Можешь не искать его, Жан. Я только что видел его на собаке. — Макнаут поставил аккуратную птичку около ошейника и продолжал: — В-1100. Корзина для собаки, плетеная, из прутьев, одна.

— Вот она, — сказал повар, пинком отшвыривая ее в угол.

— В-1101. Подушка из пенорезины, комплект с корзиной, одна.

— Половина подушки, — поправил его Бланшар. — За четыре года Пизлейк изжевал вторую половину.

— Может быть, Кэссиди позволит нам выписать со склада новую. Ну ладно, это не имеет значения. Пока налицо хотя бы половина, все в порядке. — Макнаут встал и закрыл палку. —

Итак, с кухней покончено. Пойду поговорю с Бурманом насчет исчезнувшего табельного имущества.

Бурман выключил приемник УВЧ, снял наушники и вопросительно посмотрел на капитана.

— При осмотре камбуза выявилась недостача одного капеса, — объяснил Макнаут. — Как ты думаешь, где он может быть?

— Откуда мне знать? Камбуз — царство Бланшара.

— Не совсем так. Твои кабели проходят через камбуз. Там у тебя два конечных приемника, автоматический переключатель и усилитель внутренней связи. Так где же находится капес?

— В первый раз о нем слышу, — озадаченно проговорил Бурман.

— Перестань болтать глупости! — заорал Макнаут, теряя всяческое терпение. — Хватит с меня бредней Бланшара! Четыре года назад у нас был капес, это точно. Загляни в инвентарные списки! Это — корабельная копия списка, все имущество проверено, и под этим стоит моя подпись. Значит, расписались и за капес. Поэтому он должен где-то быть, и его надо найти до приезда Кэссиди.

— Очень жаль, сэр, — выразил свое сочувствие Бурман, — но я ничем не могу вам помочь.

— Подумай еще, — посоветовал Макнаут. — В носу расположен указатель направления и расстояния. Как вы его называете?

— Напрас, — ответил Бурман, не понимая, куда клонит хитрый капитан.

— А как ты называешь вот эту штуку? — продолжал Макнаут, указывая на пульсовый передатчик.

— Пуль-пуль.

— Ребячьи словечки, а? Напрас и пуль-пуль. А теперь напряги свои извилины и вспомни, как назывался капес четыре года назад!

— Насколько мне известно, — ответил Бурман, подумав, — у нас никогда не было ничего похожего на капес.

— Тогда, — спросил Макнаут, — почему мы за него расписались?

— Я не расписывался. Это вы везде расписывались.

— Да, в то время как все вы проверяли наличие. Четыре года назад, очевидно в камбузе, я произнес: «Капес, один», и кто-то из вас, ты или Бланшар, ответил: «Есть». Я поверил вам на слово. Ведь мне приходится верить начальникам служб.

Я специалист по штурманскому делу, знаком со всеми навигационными приборами, а других не знаю. Значит, мне пришлось положиться на слова кого-то, кто знал или должен был знать, что такое капес.

Внезапно Бурмана осенила превосходная мысль.

— Послушайте, когда производилось переоборудование корабля, множество самых разнообразных приборов и устройств было рассовано по коридорам, около главного входного люка и в кухне. Помните, сколько оборудования мы рассортировали, чтобы установить его в надлежащих местах? Этот самый капес может оказаться теперь где угодно, совсем не обязательно у меня или Бланшара.

— Я поговорю с другими офицерами, — согласился Макнаут. — Он может быть у Грегори, Уорта, Сандерсона или еще у кого-нибудь. Как бы то ни было, а капес должен быть найден. Или, если он отслужил положенный срок и пришел в негодность, об этом должен быть составлен соответствующий акт.

Капитан вышел. Бурман состроил вслед ему гримасу, надел на голову наушники и стал опять копаться в радиоприемнике. Примерно через час Макнаут вернулся с хмурым лицом.

— Несомненно, на борту корабля нет такого прибора, — заявил он с заметным раздражением. — Никто о нем не слышал, мало того, никто не может даже предположить, что это такое.

— А вы вычеркните его из инвентарных списков и доложите о его исчезновении, — предложил Бурман.

— Это когда мы находимся в космопорту? Ты знаешь не хуже меня, что обо всех случаях утраты или повреждения казенного имущества докладывают на базу тотчас после происшествия. Если я скажу Кэссиди, что капес был утрачен, когда корабль находился в полете, он сейчас же захочет узнать, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло и почему о случившемся не информировали базу. Представь себе, какой будет скандал, если вдруг выяснится, что эта штука стоит полмиллиона. Нет, я не могу так просто избавиться от этого капеса.

— Что же тогда делать? — простодушно спросил Бурман, шагнув прямо в ловушку, поставленную изобретательным капитаном.

— Нам остается только одно! — объявил Макнаут. Ты должен изготовить капес!

— Кто, я? — испуганно спросил Бурман.

— Ты — и никто другой! Тем более что я почти уверен, что капес — это твое имущество.

— Почему вы так думаете?

— Потому что это типично детское словечко из числа тех, о которых ты мне уже говорил. Готов поспорить на месячный оклад, что капес — это какая-нибудь высоконаучная аламагуса. Может быть, он имеет отношение к туману. Скажем, прибор слепой посадки.

— Прибор слепой посадки называется щупак, — проинформировал капитана радиоофицер.

— Вот видишь! — воскликнул Макнаут, как будто слова Бурмана подтвердили его теорию. — Так что принимайся за работу и состряпай хороший капес. Он должен быть готов завтра к шести часам вечера и доставлен ко мне в каюту для осмотра. И позаботься о том, чтобы капес выглядел убедительно, более того, приятно. То есть я хочу сказать, чтобы он выглядел убедительно в момент работы.

Бурман встал, уронил руки и сказал хриплым голосом:

— Как я могу изготовить капес, когда даже не знаю, как он выглядит?

— Кэссиди тоже не знает этого, — напомнил ему Макнаут с радостной улыбкой. — Он интересуется скорее количеством, чем другими вопросами. Поэтому он считает предметы, смотрит на них, удостоверяет их наличие, соглашается с экспертами относительно степени их изношенности. Нам нужно всего-навсего состряпать убедительную аламагусу и сказать адмиралу, что это и есть капес.

— Святой Моисей! — проникновенно воскликнул Бурман.

— Давай не будем полагаться на сомнительную помощь библейских персонажей, — упрекнул его Макнаут. — Лучше воспользуемся серыми клетками, которыми нас наделил Господь Бог. Берись сейчас же за свой паяльник и состряпай к завтрашнему дню первоклассный капес. Это приказ!

Капитан отбыл, страшно довольный собой. Бурман, оставшись один в своей каюте, тусклым взглядом вперился в стену и тяжело вздохнул.

Контр-адмирал Вэйн У. Кэссиди прибыл точно в указанное радиограммой время. Это был краснолицый человек с брюшком и глазами снулой рыбы. Он не ходил, а выступал.

— Здравствуйте, капитан, я уверен, что у вас все в полном порядке.

— Как всегда, — заверил его Макнаут, не моргнув глазом. — Это мой долг. — В его голосе звучала непоколебимая уверенность.

— Отлично! — с одобрением отозвался Кэссиди. — Мне нравятся офицеры, серьезно относящиеся к своим хозяйственным обязанностям. К сожалению, некоторые не принадлежат к их числу.

Адмирал торжественно взошел по трапу и прошествовал через главный люк внутрь корабля. Его рыбьи глаза сейчас же обратили внимание на свежеокрашенную поверхность.

— С чего вы предпочитаете начать осмотр, капитан, с носа или с кормы?

— Инвентарные списки начинаются с носа и идут к корме, сэр. Поэтому лучше начать с носа, это упростит дело.

— Отлично. — И адмирал, повернувшись, торжественно зашагал к носу. По дороге он остановился потрепать по шее Пизлейка и попутно глянул на ошейник. — Хорошо ухоженная собака, капитан. Она приносит пользу на корабле?

— Пизлейк спас жизнь пяти членам экипажа на Мардии: он лаем дал сигнал тревоги, сэр.

— Я надеюсь, детали этого происшествия занесены в бортовой журнал?

— Так точно, сэр! Бортовой журнал находится в штурманской рубке в ожидании вашего осмотра.

— Мы проверим его в надлежащее время.

Войдя в носовую рубку, Кэссиди расположился в кресле первого пилота, взял протянутую капитаном папку и начал проверку.

— К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

— Вот он, сэр, — сказал Макнаут, указывая на компас.

— Удовлетворены его работой?

— Так точно, сэр!

Инспекция продолжалась. Адмирал проверил оборудование в рубке внутренней связи, вычислительной рубке и других местах и добрался наконец до камбуза. У плиты в отутюженном ослепительно белом халате стоял Бланшар и смотрел на адмирала с нескрываемым подозрением.

— В-147. Электрическая печь, одна.

— Вот она, — сказал повар, презрительно ткнув пальцем в плиту.

— Довольны ее работой? — спросил Кэссиди, глядя на повара рыбьими глазами.

— Слишком мала, объявил Бланшар. Он развел руками, как бы охватывая весь камбуз. — Все слишком маленькое. Мало места. Негде повернуться. Этот камбуз похож скорее на чердак в собачьей конуре.

— Это — военный корабль, а не пассажирский лайнер, — огрызнулся Кэссиди. Нахмурившись, он заглянул в инвентарный список. — В-148. Автоматические часы и электрическая печь в единой установке, один комплект.

— Вот они, фыркнул Бланшар, готовый выбросить их через ближайший иллюминатор, если, конечно, Кэссиди берется оплатить их стоимость.

Адмирал продвигался все дальше и дальше, приближаясь к концу списка, и нервное напряжение в кухне постепенно нарастало. Наконец Кэссиди произнес роковую фразу:

— В-1098. Капес, один.

— Черт побери! в сердцах крикнул Бланшар. — Я уже говорил тысячу раз и снова повторяю, что...

— Капес находится в радиорубке, сэр, — поспешно вставил Макнаут.

— Вот как? — Кэссиди еще раз взглянул в список. — Тогда почему он числится в кухонном оборудовании?

— Во время последнего ремонта капес помещался в камбузе, сэр. Это один из портативных приборов, которые можно установить там, где для них находится местечко.

— Хм! Тогда он должен быть занесен в инвентарный список радиорубки. Почему это не сделано?

— Я хотел получить ваше указание, сэр.

Рыбьи глазки немного оживились, в них промелькнуло одобрение.

— Да, пожалуй, вы правы, капитан. Я сам перенесу капес в другой список. — Адмирал собственноручно вычеркнул прибор из списка номер девять, расписался, внес его в список номер шестнадцать и снова расписался. — Продолжим, капитан. В-1099. Ошейник с надписью, кожаный, с бронзо... Ну ладно, я сам только что видел его. Он был на собаке.

Адмирал поставил галочку возле ошейника. Через час он прошествовал в радиорубку. В середине ее стоял, расправив плечи, Бурман. Несмотря на то, что поза у него была решительной, руки и ноги его мелко дрожали, а выпученные глаза неотступно следовали за Макнаутом. В них читалась немая мольба. Бурман был как на угольях.

— В-1098. Капес, один, — произнес Кэссиди голосом, не терпящим возражения.

Двигаясь с угловатостью плохо отрегулированного робота, Бурман дотронулся до небольшого ящичка с многочисленными шкалами, переключателями и цветными лампочками. По внешнему виду прибор напоминал соковыжималку, созданную радиолюбителем. Радиоофицер щелкнул двумя переключателями. Цветные лампочки ожили и заиграли разнообразными комбинациями огней.

— Вот он, сэр, — с трудом произнес Бурман.

— Ага! — прокаркал Кэссиди и нагнулся к прибору, чтобы рассмотреть его получше. — Что-то я не помню такого прибора. Впрочем, за последнее время наука идет вперед такими шагами, что всего не упомнишь. Он функционирует нормально?

— Так точно, сэр!

— Это один из наиболее нужных приборов на корабле, — прибавил Макнаут для пущей убедительности.

— Каково же его назначение? — спросил адмирал, давая возможность радиоофицеру метнуть перед ним бисер мудрости.

Бурман побледнел.

Макнаут поспешил к нему на помощь.

— Видите ли, адмирал, подробное объяснение потребует слишком много времени, так как прибор исключительно сложен, но вкратце — капес позволяет установить надлежащий баланс между противоположными гравитационными полями. Различные сочетания цветных огней указывают на степень и интенсивность разбалансировки гравитационных полей в любой заданный момент.

— Это очень тонкий прибор, основанный на константе Финагле, — добавил Бурман, внезапно исполнившись отчаянной смелости.

— Понимаю, — кивнул Кэссиди, не поняв ни единого слова. Он устроился поудобнее в кресле, поставил галочку около капеса и продолжил инвентаризацию. — Ц-44. Коммутатор, автоматический, на 40 номеров внутренней связи, один.

— Вот он, сэр.

Адмирал взглянул на коммутатор и опять углубился в список. Офицеры воспользовались этим мгновением, чтобы вытереть пот с лица.

Итак, победа одержана.

Все в порядке.

* * *

Контр-адмирал отбыл с к.к. «Бастлер» довольный, наговорив в адрес капитана кучу комплиментов. Не прошло и часа, как вся команда уже снова была в городе, наверстывая потерянное время. Макнаут наслаждался веселыми городскими огнями по очереди с Грегори. В течение следующих пяти дней мир и покой царили на корабле.

На шестой день Бурман принес радиограмму в каюту командира, положил ее на стол и остановился, ожидая реакции Макнаута. Лицо радиоофицера было довольным, как у человека, чью добродетель вознаградили по заслугам.

ШТАБ-КВАРТИРА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ ТЧК ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НЕМЕДЛЕННО ДЛЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА ПЕРЕОБОРУДОВАНИЯ ТЧК БУДЕТ УСТАНОВЛЕН НОВЕЙШИЙ ДВИГАТЕЛЬ ТЧК ФЕЛДМАН УПРАВЛЕНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ СИРИСЕКТОР

— Назад на Землю, — прокомментировал Макнаут со счастливым лицом. — Капремонт — это по крайней мере месяц отпуска. — Он посмотрел на радиоофицера. — Передай дежурному офицеру мое приказание: немедленно вернуть весь личный состав на борт. Когда узнают причину вызова, они побегут сломя голову.

— Так точно, сэр, — ухмыльнулся Бурман.

Спустя две недели, когда Сирипорт остался далеко позади, а Солнце уже виднелось как крошечная звездочка в носовом секторе звездного неба, команда еще продолжала улыбаться. Предстояло одиннадцать недель полета, но на этот раз стоило подождать. Летим домой! Ура!

Улыбки исчезли, когда однажды вечером Бурман принес неприятное известие. Он вошел в рубку и остановился посреди комнаты, кусая нижнюю губу в ожидании, когда капитан кончит запись в бортовом журнале.

Наконец Макнаут отложил журнал в сторону, поднял глаза и, увидев Бурмана, нахмурился.

— Что случилось? Живот болит?

— Никак нет, сэр. Я просто думал.

— А что, это так болезненно?

— Я думал, продолжал Бурман похоронным голосом. — Мы возвращаемся на Землю для капитального ремонта. Вы понимаете, что это значит? Мы уйдем с корабля, и орда

экспертов оккупирует его. — Он бросил трагический взгляд на капитана. — Я сказал экспертов.

— Конечно, экспертов, — согласился Макнаут. — Оборудование не может быть установлено и проверено группой кретинов.

— Потребуется нечто большее, чем знания и квалификация, чтобы установить и отрегулировать наш капес, — напомнил Бурман. — Для этого нужно быть гением.

Макнаут откинулся назад, как будто к его носу поднесли головешку.

— Боже мой! Я совсем забыл об этой штуке. Да, когда мы вернемся на Землю, вряд ли нам удастся потрясти этих парней своими научными достижениями.

— Нет, сэр, не удастся, — подтвердил Бурман. Он не прибавил слова «больше», но все его лицо красноречиво говорило: «Ты сам впутал меня в эту грязную историю. Теперь сам и выручай».

Он подождал несколько секунд, пока Макнаут что-то лихорадочно обдумывал, затем спросил:

— Так что вы предлагаете, сэр?

Внезапно лицо капитана расплылось в улыбке, и он ответил:

— Разбери этот дьявольский прибор и брось его в дезинтегратор.

— Это не решит проблемы, сэр. Все равно у нас не будет хватать одного капеса.

— Ничего подобного. Я собираюсь сообщить на Землю о его выходе из строя в трудных условиях космического полета. — Он выразительно подмигнул Бурману. — Ведь теперь мы в свободном полете, верно? — С этими словами он потянулся к блокноту радиограмм и начал писать, не замечая ликующего выражения на лице Бурмана:

К. К. БАСТЛЕР ШТАБУ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ ТЧК ПРИБОР В-1098 КАПЕС ОДИН РАСПАЛСЯ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ ДВОЙНЫХ СОЛНЦ ГЕКТОР МЕЙДЖОР МАЙНОР ТЧК МАТЕРИАЛ БЫЛ ИСПОЛЬЗОВАН КАК ТОПЛИВО ДЛЯ РЕАКТОРА ТЧК ПРОСИМ СПИСАТЬ ТЧК МАКНАУТ КОМАНДИР БАСТЛЕРА

Бурман выбежал из капитанской рубки и немедленно радировал послание на Землю. Два дня прошли в полном спокойствии. На третий день он снова вошел к капитану с озабоченным и встревоженным видом.

— Циркулярная радиограмма, сэр, — объявил он, протягивая листок.

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ВО ВСЕ СЕКТОРА ТЧК ВЕСЬМА СРОЧНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ВАЖНОСТИ ТЧК ВСЕМ КОРАБЛЯМ НЕМЕДЛЕННО ПРИЗЕМЛИТЬСЯ БЛИЖАЙШИХ КОСМОПОРТАХ ТЧК НЕ ВЗЛЕТАТЬ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ ТЧК УЭЛЛИНГ КОМАНДИР СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ЗЕМЛИ

— Что-то случилось, — заметил Макнаут, впрочем, ничуть не обеспокоенный. Он поплелся в штурманскую рубку, Бурман за ним. Там он сверился с картами и набрал номер внутреннего телефона. Связавшись с Пайком, капитан сказал:

— Слушай, Пайк, принят сигнал тревоги. Всем кораблям немедленно вернуться в ближайшие космопорты. Нам придется сесть в Закстедпорте, примерно в трех летных днях отсюда. Немедленно измени курс, семнадцать градусов на правый борт, наклонение десять. — Он бросил трубку и проворчал. — Мне никогда не нравился Закстедпорт. Вонючая дыра. Пропал наш месячный отпуск. Представляю, какое настроение будет у команды. Впрочем, не могу винить их в этом.

— Как вы думаете, сэр, что случилось? — спросил Бурман. Он выглядел каким-то неспокойным и раздраженным.

— Одному богу известно. Последний раз циркулярная радиограмма была послана семь лет назад, когда «Старейдер» взорвался на полпути между Землей и Марсом. Штаб приказал всем кораблям оставаться в портах, пока не будет выяснена причина катастрофы. — Макнаут потер подбородок, подумал немного и продолжал: — А за год до этого была послана циркулярная радиограмма, когда вся команда к.к. «Блоуган» сошла с ума. В общем, что бы то ни было, это серьезно.

— Это не может быть началом космической войны?

— С кем? — Макнаут презрительно махнул рукой. — Ни у кого нет флота, равного нашему. Нет, это что-то техническое. Рано или поздно нам сообщат причину. Еще до того, как мы сядем в Закстеде.

Действительно, скоро им сообщили. Уже через шесть часов Бурман ворвался в капитанскую рубку с лицом, искаженным от ужаса.

— Ну, а теперь что случилось? — спросил Макнаут, сердито глядя на взволнованного радиоофицера.

— Это капес, — едва выговорил Бурман. Его руки конвульсивно дергались, как будто он сметал невидимых пауков.

— Ну и что?

— Это была опечатка. В инвентарном списке должно было быть написано «каз. пес».

Капитан продолжал смотреть на Бурмана непонимающим взглядом.

— Каз. пес? — переспросил он.

— Смотрите сами! — С этими словами Бурман бросил радиограмму на стол и стремительно выскочил из рубки, позабыв закрыть дверь. Макнаут недовольно хмыкнул и уставился на радиограмму:

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ ТЧК ОТНОСИТЕЛЬНО ВАШЕГО РАПОРТА ГИБЕЛИ В-1098 КАЗЕННОГО ПСА ПИЗЛЕЙКА ТЧК НЕМЕДЛЕННО РАДИРУЙТЕ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ КОТОРЫХ ЖИВОТНОЕ РАСПАЛОСЬ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ТЧК ОПРОСИТЕ КОМАНДУ И РАДИРУЙТЕ СИМПТОМЫ ПОЯВИВШИЕСЯ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА МОМЕНТ НЕСЧАСТЬЯ ТЧК ВЕСЬМА СРОЧНО КРАЙНЕ ВАЖНО УЭЛЛИНГ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ

Закрывшись в своей каюте, Макнаут начал грызть ногти. Время от времени он, скосив глаза, проверял, сколько осталось, и продолжал грызть.

Клиффорд Саймак

КТО ТАМ, В ТОЛЩЕ СКАЛ?

1

Он бродил по холмам, вызнавая, что видели эти холмы в каждую из геологических эр. Он слушал звезды и записывал, что они говорили. Он обнаружил существо, замурованное в толще скал. Он взбирался на дерево, на которое до того взбирались только дикие кошки, когда возвращались домой в пещеру, высеченную временем и непогодой в суровой крутизне утеса. Он жил в одиночестве на заброшенной ферме, взгромоздившейся на высокий и узкий гребень над слиянием двух рек. А его ближайший сосед — хватило же совести — отправился за тридцать миль в окружной городишко и донес шерифу, что он, читающий тайны холмов и внимающий звездам, ворует кур.

Примерно через неделю шериф заехал на ферму и, перейдя двор, заметил человека, который сидел на веранде в кресле-качалке лицом к заречным холмам. Шериф остановился у подножия лесенки, ведущей на веранду, и представился:

— Шериф Харли Шеперд. Завернул к вам по дороге. Лет пять, наверное, не заглядывал в этот медвежий угол. Вы ведь здесь новосел, так?

Человек поднялся на ноги и, показав жестом на кресло рядом со своим, ответил:

— Я здесь уже три года. Зовут меня Уоллес Дэниельс. Поднимайтесь сюда, посидим, потолкуем.

Шериф вскарабкался по лесенке, они обменялись рукопожатием и опустились в кресла.

— Вы, я смотрю, совсем не обрабатываете землю, — сказал шериф.

Заросшие сорняками поля подступали вплотную к опоясывающей двор ограде. Дэниельс покачал головой:

— На жизнь хватает, а большего мне и не надо. Держу кур, чтоб несли яйца. Парочку коров, чтоб давали молоко и масло.

Clifford Simak. The Thing in the Stone. 1970
Перевод О. Битова.

Свиней на мясо — правда, забивать их сам не могу, приходится звать на помощь. Ну и еще огород — вот, пожалуй, и все.

— И того довольно, — поддержал шериф. — Ферма-то уже ни на что другое не годна. Старый Эймос Уильямс разорил тут все вконец. Хозяин он был прямо-таки никудышный...

— Зато земля отдыхает, — отвечал Дэниельс. — Дайте ей десять лет, а еще лучше двадцать, и она будет родить опять. А сейчас она годится разве что для кроликов и сурков да мышей-полевок. Ну и птиц тут, ясное дело, не счесть. Перепелок такая прорва, какой я в жизни не видел.

— Белкам тут всегда было раздолье, — подхватил шериф. — И енотам тоже. Думаю, еноты у вас и сейчас есть. Вы не охотник, мистер Дэниельс?

— У меня и ружья-то нет, — отвечал Дэниельс.

Шериф глубоко откинулся в кресле, слегка покачиваясь.

— Красивые здесь места, — объявил он. — Особенно перед листопадом. Листья словно кто специально раскрасил. Но изрезано тут у вас просто черт знает как. То и дело вверх-вниз... Зато красиво.

— Здесь все сохранилось как было встарь, — сказал Дэниельс. Море отступило отсюда в последний раз четыреста миллионов лет назад. С тех пор, с конца силурийского периода, здесь суша. Если не забираться на север, к самому Канадскому щиту, то немного сыщется в нашей стране уголков, не изменявшихся с таких давних времен.

— Вы геолог, мистер Дэниельс?

— Куда мне! Интересуюсь, и только. По правде сказать, я дилетант. Нужно же как-нибудь убить время, вот и брожу по холмам, лазаю вверх да вниз. А на холмах хочешь не хочешь столкнешься с геологией лицом к лицу. Мало-помалу заинтересовался. Нашел однажды окаменевших брахиоподов, решил про них разузнать. Выписал себе книжек, начал читать. Одно потянуло за собой другое, ну и...

— Брахиоподы — это как динозавры, что ли? В жизни не слыхивал, чтобы здесь водились динозавры.

— Нет, это не динозавры, — отвечал Дэниельс. Те, каких я нашел, жили много раньше динозавров. Они совсем маленькие, вроде моллюсков или устриц. Только раковины закручены по-другому. Мои брахиоподы очень древние, вымершие миллионы лет назад. Но есть и виды, уцелевшие до наших дней. Правда, таких немного.

— Должно быть, интересное дело.

— На мой взгляд, да, — отвечал Дэниельс.

— Вы знавали старого Эймоса Уильямса?

— Нет, он умер раньше, чем я сюда перебрался. Я купил землю через банк, который распоряжался его имуществом.

— Старый дурак, — заявил шериф. — Перессорился со всеми соседями. Особенно с Беном Адамсом. Они с Беном вели тут форменную междоусобную войну. Бен утверждал, что Эймос не желает чинить ограду. А Эймос обвинял Бена, что тот нарочно валит ее, чтобы запустить свой скот — вроде по чистой случайности — на сенокосные угодья Эймоса. Между прочим, как вы с Беном ладите?

— Да ничего, — отвечал Дэниельс. — Пожаловаться не на что. Я его почти и не знаю.

— Бен тоже в общем-то не фермер, — сказал шериф. — Охотится, рыбачит, ищет женьшень, зимой не брезгует браконьерством. А то вдруг заведется и затеет поиски минералов...

— Здесь под холмами и в самом деле кое-что припрятано, — отвечал Дэниельс. — Свинец и цинк. Но добывать их невыгодно: истратишь больше, чем заработаешь. При нынешних-то ценах...

— И все-то Бену неймется, — продолжал шериф. — Хлебом его не корми, только бы завести склоку. Только бы с кем-нибудь схлестнуться, что-нибудь пронюхать, к кому-нибудь пристать. Не дай бог враждовать с таким. На днях пожаловал ко мне с кляузой, что недосчитался нескольких кур. А у вас куры часом не пропадали?

Дэниельс усмехнулся:

— Тут неподалеку живет лиса, и она иной раз взимает с моего курятника определенную дань. Но я на нее не сержусь.

— Странная вещь, — заявил шериф. — Кажется, нет на свете ничего, что взъярило бы фермера больше, чем пропажа цыпленка. Не спорю, цыпленок тоже денег стоит, но не столько же, чтобы впадать в ярость...

— Если Бен недосчитывается кур, — отвечал Дэниельс, — то похоже, что виновница — моя лиса.

— Ваша? Вы говорите о ней так, будто она ваша собственная...

— Нет, конечно. Лиса ничья. Но она живет здесь на холмах, как и я. Я считаю, что мы с ней соседи. Изредка я встречаю ее и наблюдаю за ней. Может, это и значит, что отчасти она теперь моя. Хотя не удивлюсь, если она наблюдает за мной куда чаще, чем я за ней. Она ведь проворней меня.

Шериф грузно поднялся с кресла.

— До чего же не хочется уходить, — сказал он. — Поверьте, я с большим удовольствием посидел с вами, потолковал, поглядел на ваши холмы. Вы, наверное, часто на них глядите.

— Очень часто, — отвечал Дэниельс.

Он сидел на веранде и смотрел вслед машине шерифа. Вот она одолела подъем на дальнюю гряду и скрылась из виду.

«Что все это значило?» — спросил он себя. Шериф не просто «завернул по дороге». Шериф был здесь по делу. Вся эта праздная, дружелюбная болтовня преследовала какую-то цель, и шериф, болтая, ухитрился задать Дэниельсу кучу вопросов.

Быть может, неожиданный визит как-то связан с Беном Адамсом? В чем же, спрашивается, провинился этот Бен — разве в том, что он лентяй до мозга костей? Нагловатый, подловатый, но лентяй. Может, шериф прослышал, что Адамс помаленьку варит самогон, и решил навестить соседей в надежде, что кто-нибудь проговорится? Напрасный труд — никто, конечно, не проболтается: чихать соседям на самогон, от самогона никому никакого вреда. Сколько там Бен наварит — разве можно принимать это всерьез? Бен слишком ленив, и не стоит принимать его всерьез, что бы он ни затеял.

Снизу, от подножия холмов, донеслось позвякиванье колокольчиков. Две коровы Дэниельса решили сами вернуться домой. Выходит, сейчас уже гораздо позже, чем он предполагал. Не то чтобы точное время имело для Дэниельса какое-либо значение. Вот уже несколько месяцев он не следил за временем — с тех пор как разбил часы, сорвавшись с утеса. И даже не удосужился отдать их в починку. Он не испытывал нужды в часах. На кухне, правда, стоял старый колченогий будильник, но это был сумасбродный механизм, не заслуживающий доверия. Дэниельс, как правило, и не вспоминал про будильник.

«Посижу еще чуточку, — подумал он, — и придется взять себя в руки и заняться хозяйством. Подоить коров, накормить свиней и кур, собрать яйца...» С той поры как на огороде поспели овощи, у него почти не осталось забот. На днях, конечно, надо будет снести тыквы в подвал, а потом выбрать три-четыре самые большие и выдолбить для соседских ребятишек, чтобы понаделали себе страшилищ на праздники. Интересно, что лучше: самому вырезать на тыквах рожи или предоставить ребятне сделать это по своему усмотрению?..

Но колокольчики звякали еще далеко; в его распоряжении было пока что немало времени. Дэниельс откинулся в кресле и замер, вглядываясь в холмистую даль.

И холмы сдвинулись с мест и стали меняться у него на глазах.

Когда такое произошло впервые, он испугался до одури. Теперь-то он уже немного привык.

Он смотрел — а холмы меняли свои очертания. На холмах появлялась иная растительность, диковинная жизнь.

На этот раз он увидел динозавров. Целое стадо динозавров, впрочем, не слишком крупных. По всей вероятности, середина триасового периода. Но главное — на этот раз он лишь смотрел на них издали, и не больше. Смотрел с безопасного расстояния, на что походило давнее прошлое, а не ворвался в самую гущу событий прошлого, как нередко случалось.

И хорошо, что не ворвался, — ведь его ждали домашние дела.

Разглядывая прошлое, Дэниельс вновь и вновь терялся в догадках: на что же еще он способен теперь? Он ощущал беспокойство — но беспокоили его не динозавры, и не более ранние земноводные, и не прочие твари, жившие на холмах во время оно. По-настоящему его тревожило лишь существо, погребенное в глубине под пластами известняка.

Надо, непременно надо рассказать об этом существе людям. Подобное знание не может, не должно угаснуть. Тогда в грядущие годы — допустим, лет через сто, если земная наука достигнет таких высот, чтобы справиться с задачей, — можно будет попытаться понять, а то и освободить обитателя каменных толщ.

Разумеется, надо оставить записи, подробные записи. Кому, как не ему, Дэниельсу, позаботиться об этом? Именно так он и делал — день за днем, неделя за неделей отчитывался о том, что видел, слышал и узнавал. Три толстые конторские книги уже были заполнены аккуратным почерком от корки до корки, и начата четвертая. В книгах все изложено со всей полнотой, тщательностью и объективностью, на какие он только способен.

Однако кто поверит тому, что там написано? Еще важнее — кто вообще заглянет в эти записи? Более чем вероятно, что им суждено пылиться где-нибудь на дальней полке до скончания веков и ничья рука даже не коснется их. И если даже кто-нибудь когда-нибудь снимет книги с полки и не поле-

шится, стряхнув скопившуюся пыль, перелистать страницы, то разве мыслимо, чтоб он или она поверили тому, что прочтут?

Ясно как день — надо сначала убедить кого-то в своей правоте. Самые искренние слова, если они принадлежат умершему, к тому же умершему в безвестности, нетрудно объявить игрой больного воображения. Другое дело, если кто-то из ученых с солидной репутацией выслушает Дэнисльса и засвидетельствует, что записи заслуживают доверия; тогда и только тогда все записанное — и о том, что происходило в древности на холмах, и о том, что скрыто в их недрах, — обретет силу факта и привлечет серьезное внимание будущих поколений.

К кому обратиться — к биологу? К невропатологу? К психиатру? К палеонтологу?

Пожалуй, не играет роли, какую отрасль знаний будет представлять этот ученый. Только бы он выслушал, а не высмеял. Это главное — чтобы выслушал, а не высмеял.

Сидя у себя на веранде и разглядывая динозавров, щиплющих травку на холмах, человек, умеющий слушать звезды, вспомнил, как однажды рискнул прийти к палеонтологу.

— Бен, — сказал шериф, — что-то тебя не туда занесло. Не станет этот Дэниельс красть у тебя кур. У него своих хватает.

— Вопрос только в том, — откликнулся Адамс, — откуда он их берет.

— Ерунда, — сказал шериф. — Он джентльмен. Это сразу видно, едва заговоришь с ним. Образованный джентльмен.

— Если он джентльмен, — спросил Адамс, — тогда чего ему надо в нашей глуши? Здесь джентльменам не место. Как переехал сюда два не то три года назад, с тех самых пор пальцем о палец не ударил. Только и знает, что шляться вверх да вниз по холмам...

— Он геолог, — сказал шериф. — Или, по крайней мере, интересуется геологией. Такое у него увлечение. Говорит, что ищет окаменелости.

Адамс насторожился, как пес, приметивший кролика.

— Ах, вот оно что, — произнес он. — Держу пари, никакие он не окаменелости ищет.

— Брось, — сказал шериф.

— Он минералы ищет, — продолжал Адамс. — Полезные ископаемые разведывает, вот что он делает. В этих холмах минералов невпроворот. Надо только знать, где искать.

— Ты же сам потратил на поиски уйму времени, — заметил шериф.

— Я не геолог. Геолог даст мне сто очков вперед. Он знает породы и всякое такое.

— Не похоже, чтобы Дэниельс занимался разведкой. Интересуется геологией, вот и все. Откопал каких-то окаменелых моллюсков.

— А может, он ищет клады, — предположил Адамс. — Может, у него карта есть или какой-нибудь план?

— Да черт тебя возьми, — вскипел шериф, — ты же сам знаешь, что кладов здесь нет и в помине.

— Должны быть, — настаивал Адамс. — Здесь когда-то проходили французы и испанцы. А уж они понимали толк в кладах, что французы, что испанцы. Отыскивали золотоносные жилы. Закапывали сокровища в пещерах. Неспроста в той пещере за рекой нашелся скелет в испанских латах, а рядом скелет медведя и ржавый меч, воткнутый точнехонько туда, где у медведя была печенка...

— Болтовня, — сказал шериф брезгливо. — Какой-то дурень разззвонил, а ты поверил. Из университета приезжали, хотели этот скелет найти. И выяснилось, что все это чушь собачья.

— А Дэниельс все равно лазает по пещерам, — возразил Адамс. — Своими глазами видел. Сколько часов он провел в пещере, которую мы зовем Кошачьей берлогой! Чтобы попасть туда, надо забираться на дерево.

— Ты что, следил за ним?

— Конечно, следил. Он что-то задумал, и я хочу знать что.

— Смотри, как бы он тебя не застукал за этим занятием, — сказал шериф.

Адамс предпочел пропустить замечание мимо ушей.

— Все равно, — заявил он, — если у нас тут и нет кладов, то полным-полно свинца и цинка. Тот, кто отыщет залежь, заработает миллион.

— Сперва отыщи капитал, чтоб открыть дело, — заметил шериф.

Адамс ковырнул землю каблуком.

— Так, стало быть, он, по-вашему, ни в чем не замешан?

— Он мне говорил, что у него у самого пропадали куры. Их, верно, утащила лиса. Очень даже похоже, что с твоими приключилось то же самое.

— Если лиса таскает у него кур, — спросил Адамс, — почему же он ее не застрелит?

— А это его не волнует. Он вроде бы считает, что лиса имеет право на добычу. Да у него и ружья-то нет.

— Ну, если у него нет ружья и душа не лежит к охоте, почему бы не разрешить поохотиться другим? А он, как увидел у меня с ребятами ружьишко, так даже не пустил к себе на участок. И вывесок понавешал: «Охота воспрещена». Разве это по-соседски? Как тут прикажете с ним ладить? Мы испокон веку охотились на этой земле. Уж на что старый Эймос был не из уживчивых, и то не возражал, чтобы мы там постреляли немного. Мы всегда охотились где хотели, и никто не возражал. Мне вообще сдается, что на охоту не должно быть ограничений. Человек вправе охотиться там, где пожелает...

Шериф присел на скамеечку, врытую в истоптанный грунт перед ветхим домишком, и огляделся. По двору, апатично поклевывая, бродили куры; тощий пес, вздремнувший в тени, подергивал шеей, отгоняя редких осенних мух; старая веревка, протянутая меж двумя деревьями, провисла под тяжестью мокрой одежды и полотенец, а к стенке дома была небрежно прислонена большая лохань. «Господи, — подумал шериф, — ну неужели человеку лень купить себе пристойную бельевую веревку вместо этой мочалки!..»

— Бен, — сказал он, — ты просто затеваешь свару. Тебе не нравится, что Дэниельс живет на ферме, не возделывая полей, ты обижен, что он не дает тебе охотиться на своей земле. Но он имеет право жить где ему заблагорассудится и имеет право не разрешать охоту. На твоем месте я бы оставил его в покое. Никто не заставляет тебя любить его, можешь, если не хочешь, вовсе с ним не знаться — но не возводи на него напраслину. За это тебя недолго и к суду привлечь.

2

...Войдя в кабинет палеонтолога, Дэниельс даже не сразу разглядел человека, сидящего в глубине комнаты у захламленного стола. И вся комната была захламлена. Повсюду длинные стенды, а на стендах куски пород с вросшими окаменелостями. Там и сям кипы бумаг. Большая, плохо освещенная комната производила неприятное, гнетущее впечатление.

— Доктор! — позвал Дэниельс. — Вы доктор Торн?

Человек встал, воткнув трубку в полную до краев пепельницу. Высокий и плотный, седеющие волосы взъерошены,

лицо обветренное, в морщинах. Он двинулся навстречу гостю, волоча ноги, как медведь.

— Вы, должно быть, Дэниельс, – сказал он. – Да, должно быть, так. У меня на календаре помечено, что вы придете в три. Хорошо, что не передумали.

Рука Дэниельса утонула в его лапище. Он указал на кресло подле себя, сел сам и, высвободив трубку из пластов пепла, принялся набивать ее табаком из большой коробки, занимающей центр стола.

— Вы писали, что хотите видеть меня по важному делу, — продолжал он. — Впрочем, все так пишут. Но в вашем письме было, должно быть, что-то особенное – настоятельность, искренность, не знаю что. Понимаете, у меня нет времени принимать каждого, кто мне пишет. И все до одного, понимаете, что-нибудь нашли. Что же такое нашли вы, мистер Дэниельс?

Дэниельс ответил:

— Право, доктор, не знаю, как и начать. Пожалуй, лучше сперва сказать, что у меня случилось что-то странное с головой...

Торп раскуривал трубку. Не вынимая ее изо рта, проворчал:

— В таком случае я, наверное, не тот, к кому вам следовало бы обратиться. Есть много других...

— Да нет, вы меня неправильно поняли, — перебил Дэниельс. – Я не собираюсь просить о помощи. Я совершенно здоров и телом и душой. Правда, лет пять назад я попал в автомобильную катастрофу. Жена и дочь погибли, а меня тяжело ранило...

— Мои соболезнования, мистер Дэниельс.

— Спасибо. Но это уже в прошлом. Мне выпали трудные дни, однако я кое-как выкарабкался. К вам меня привело другое. Я уже упоминал, что был тяжело ранен...

— Мозг затронут?

— Незначительно. По крайней мере, врачи утверждали, что совсем незначительно. Небольшое сотрясение, только и всего. Хуже было с раздавленной грудью и пробитым легким...

— А сейчас вы вполне здоровы?

— Будто и не болел никогда. Но разум мой со дня катастрофы стал иным. Словно у меня появились новые органы чувств. Я теперь вижу и воспринимаю вещи, казалось бы, совершенно немыслимые...

— Галлюцинации?

— Да нет. Уверен, это не галлюцинации. Я вижу прошлое.

— Как это понимать – видите прошлое?

— Позвольте, я попробую объяснить, — сказал Дэниельс, — с чего все началось. Три года назад я купил заброшенную ферму в юго-западной части Висконсина. Выбрал место, где можно укрыться, спрятаться от людей. С тех пор как не стало жены и дочери, я испытывал отвращение ко всем на свете. Первую острую боль потери я пережил, но мне нужна была нора, чтобы зализать свои раны. Не думайте, что я себя оправдываю, — просто стараюсь объективно разобраться, почему я поступил так, а не иначе, почему купил ферму.

— Да, я понимаю вас, — откликнулся Торн. — Хоть и не убежден, что прятаться — наилучший выход из положения.

— Может, и нет, но тогда мне казалось, что это выход. И случилось то, на что я надеялся. Я влюбился в окрестные края. Эта часть Висконсина — древняя суша. Море не подступало сюда четыреста миллионов лет. И ледники в плейстоцене почему-то сюда тоже не добрались. Что-то изменялось, конечно, но только в результате выветривания. Весь район не знал ни смещения пластов, ни резких эрозионных процессов — никаких катаклизмов...

— Мистер Дэниельс, — произнес Торн раздраженно, — я что-то не совсем понимаю, в какой мере это касается...

— Прошу прощения. Я как раз и пытаюсь подвести разговор к тому, с чем пришел к вам. Начиналось все не сразу, а постепенно, и я, признаться, думал, что сошел с ума, что мне мерещится, что мозг поврежден сильнее, чем предполагали, и я в конце концов рехнулся. Понимаете, я много ходил пешком по холмам. Местность там дикая, изрезанная и красивая, будто нарочно для этого созданная. Устанешь от ходьбы — тогда ночью удается заснуть. Но по временам холмы менялись. Сперва чуть-чуть. Потом больше и больше — и наконец на их месте стали появляться пейзажи, каких я никогда не видел, каких никто никогда не видел.

Торн нахмурился:

— Вы хотите уверить меня, что пейзажи становились такими, как были в прошлом?

Дэниельс кивнул:

— Необычная растительность, странной формы деревья. В более ранние эпохи, разумеется, никакой травы. Подлесок — папоротники и стелющиеся хвощи. Странные животные, странные твари в небе. Саблезубые тигры и мастодонты, птерозавры, пещерные носороги...

— Все одновременно? — не стерпев, перебил Торн. — Все вперемешку?

— Ничего подобного. Все, что я вижу, каждый раз относится к строго определенному периоду. Никаких несоответствий. Сперва я этого не знал, но когда мне удалось убедить себя, что мои видения — не бред, я выписал нужные книги и проштудировал их. Конечно, мне никогда не стать специалистом — ни геологом, ни палеонтологом, — но я нахватался достаточно, чтобы отличать один период от другого и до какой-то степени разбираться в том, что я вижу.

Торн вынул трубку изо рта и водрузил на пепельницу. Провел тяжелой рукой по взъерошенным волосам.

— Это невероятно, — сказал он. — Такого просто не может быть. Вы говорите, эти явления начинались у вас постепенно?

— Вначале я видел все как в тумане — прошлое, смутным контуром наложенное на настоящее. Потом настоящее потихоньку бледнело, а прошлое проступало отчетливее и резче. Теперь не так. Иногда настоящее, прежде чем уступить место прошлому, словно бы мигнет раз-другой, но по большей части перемена внезапна, как молния. Настоящее вдруг исчезает, и я попадаю в прошлое. Прошлое окружает меня со всех сторон. От настоящего не остается и следа.

— Но ведь на самом-то деле вы не можете перенестись в прошлое? Я подразумеваю — физически...

— В отдельных случаях я ощущаю себя вне прошлого. Я нахожусь в настоящем, а меняются лишь дальние холмы или речная долина. Но обычно меняется все вокруг, хотя самое смешное в том, что вы совершенно правы — на самом деле я в прошлое отнюдь не переселяюсь. Я вижу его, и оно представляется мне достаточно реальным, чтобы двигаться, не покидая его пределов. Я могу подойти к дереву, протянуть руку и ощупать пальцами ствол. Но воздействовать на прошлое я не могу. Как если бы меня там вовсе не было. Звери меня не замечают. Я проходил буквально в двух шагах от динозавров. Они меня не видят, не слышат и не обоняют. Если бы не это, я бы уже сто раз погиб. А так я словно на сеансе в стереокино. Сперва я очень беспокоился о возможных несовпадениях рельефа. Ночами просыпался в холодном поту: мне снилось, что я перенесся в прошлое и тут же ушел в землю по самые плечи — за последующие века эту землю сдуло и смыло. Но в действительности ничего подобного не происходит.

Я живу в настоящем, а спустя секунду оказываюсь в прошлом. Словно между ними есть дверь и я просто переступаю порог.

Я уже говорил вам, что физически я в прошлое не попадаю — но ведь и в настоящем тоже не остаюсь! Я пытался раздобыть доказательства. Брал с собой фотоаппарат и делал снимки. А когда проявлял пленку, то вынимал ее из бачка пустой. Никакого прошлого — однако, что еще важнее, и настоящего тоже! Если бы я бредил наяву, фотоаппарат запечатлевал бы сегодняшний день. Но, очевидно, вокруг меня просто не было ничего, что могло бы запечатлеться на пленке. Ну а если, думалось мне, аппарат неисправен или пленка неподходящая? Тогда я перепробовал несколько камер и разные типы пленок — с тем же результатом. Снимков не получалось.

Я пытался принести что-нибудь из прошлого. Рвал цветы, благо цветов там пропасть. Рвать их удавалось без труда, но назад в настоящее я возвращался с пустыми руками. Делал я и попытки другого рода. Думал, нельзя перенести только живую материю, например цветы, а неорганические вещества можно. Пробовал собирать камни, но донести их домой тоже не сумел...

— А брать с собой блокнот и делать зарисовки вы не пытались?

— Думал было, но пытаться не стал. Я не силен в рисовании, — и кроме того, рассудил я, что толку? Блокнот все равно останется чистым.

— Но вы же не пробовали!

— Нет, — признался Дэниельс, — не пробовал. Время от времени я делаю зарисовки задним числом, когда возвращаюсь в настоящее. Не каждый раз, но время от времени. По памяти. Но я уже говорил вам — в рисовании я не силен.

— Не знаю, что и ответить, — проронил Торн. — Право, не знаю. Звучит ваш рассказ совершенно неправдоподобно. Но если вдруг тут все-таки что-то есть... Послушайте, и вы нисколько не боялись? Сейчас вы говорите об этом самым спокойным, обыденным тоном. Но сначала-то вы должны были испугаться!

— Сначала, — подтвердил Дэниельс, — я окаменел от ужаса. Я не просто ощутил страх за свою жизнь, не просто испугался, что попал куда-то, откуда нет возврата, — я ужаснулся, что сошел с ума. А потом еще и чувство непередаваемого одиночества...

— Одиночества?..

— Может, это не точное слово. Может, правильнее сказать — неуместности. Я находился там, где находиться не

имел никакого права. Там, где человек еще не появлялся и не появится в течение миллионов лет. Мир вокруг был таким непередаваемо чужим, что хотелось съежиться и забиться в укромный угол. На самом-то деле это не мир был чужим, а я был чужим в том мире. Меня и в дальнейшем нет-нет да и охватывало такое чувство. И хоть оно теперь для меня не внове и я вроде бы научился давать ему отпор, иной раз такая тоска накатит... В те далекие времена самый воздух был иным, самый свет, — впрочем, это, наверное, игра воображения...

— Почему же, не обязательно, — отозвался Торн.

— Но главный страх теперь прошел, совсем прошел. Страх, что я сошел с ума. Теперь я уверен, что рассудок мне не изменил.

— Как уверены? Как может человек быть в этом уверен?

— Звери. Существа, которых я там видел.

— Ну да, вы же потом узнавали их на иллюстрациях в книгах, которые прочли.

— Нет, нет, соль не в этом. Не только в этом. Разумеется, картинки мне помогли. Но в действительности все наоборот. Соль не в сходстве, а в отличиях. Понимаете, ни одно из этих существ не повторяет свое изображение в книгах. А иные так и вовсе не походят на изображения — на те рисунки, что сделаны палеонтологами. Если бы звери оказались точь-в-точь такими, как на рисунках, я мог бы по-прежнему считать, что это галлюцинации, повторяющие то, что я прочел либо увидел в книгах. Мол, воображение питается накопленным знанием. Но если обнаруживаются отличия, то логика требует допустить, что мои видения реальны. Как иначе мог бы я узнать, что у тираннозавра подгрудок окрашен во все цвета радуги? Как мог бы догадаться, что у некоторых разновидностей саблезубых были кисточки на ушах? Какое воображение способно подсказать, что у гигантов, живших в эоцене, шкуры были пятнистые, как у жирафов?

— Мистер Дэниельс, — обратился к нему Торн. — Мне трудно безоговорочно поверить в то, что вы рассказали. Все, чему меня когда-либо учили, восстает против этого. И я не могу отделаться от мысли, что не стоит тратить время на такую нелепицу. Но несомненно, что сами вы верите в свой рассказ. Вы производите впечатление честного человека. Скажите, вы беседовали на эту тему с кем-нибудь еще? С другими палеонтологами? Или с геологами? Или, может быть, с психиатром?

— Нет, — ответил Дэниельс. — Вы первый специалист, первый человек, которому я об этом рассказал. Да и то далеко не все. Честно признаться, это было только вступление.

— Мой Бог, как прикажете вас понимать? Только вступление?..

— Да, вступление. Понимаете, я еще слушаю звезды.

Торн вскочил на ноги и принялся сгребать в кучу бумажки, разбросанные по столу. Он схватил из пепельницы потухшую трубку и стиснул ее зубами. Когда он заговорил снова, голос его звучал сухо и безучастно:

— Спасибо за визит. Беседа с вами была весьма поучительной.

3

«И надо же было, — клял себя Дэниельс, — так оплошать. Надо же было заикнуться про звезды!..» До этих слов все шло хорошо. Торн, конечно же, не поверил, но был заинтригован и согласен слушать дальше и, не исключено, мог бы даже провести небольшое расследование, хотя, без сомнения, втайне ото всех и крайне осторожно.

«Вся беда, — размышлял Дэниельс, — в навязчивой идее насчет существа, замурованного в толще скал. Прошлое — пустяки: куда важнее рассказать про существо в скалах... Но чтобы рассказать, чтобы объяснить, как ты дознался про это существо, волей-неволей приходится помянуть и про звезды».

«Надо было живей шевелить мозгами, — попрекал себя Дэниельс. — И попридержать язык. Ну не глупо ли: в кои-то веки нашелся человек, который, пусть не без колебаний, готов был тебя выслушать, а не просто поднять на смех. И вот ты из чувства благодарности к нему сболтнул лишнее...»

Из-под плохо пригнанных рам в комнату проникали юркие сквознячки и, взобравшись на кухонный стол, играли пламенем керосиновой лампы. Вечером, едва Дэниельс успел подоить коров, поднялся ветер, и теперь весь дом содрогался под штормовыми ударами. В дальнем углу комнаты в печи пылали дрова, от огня по полу бежали светлые дрожащие блики, а в дымоходе, когда ветер задувал в трубу, клокотало и хлюпало.

Дэниельсу вспомнилось, как Торн недвусмысленно намекал на психиатра. Может, и правда, следовало бы сначала обратиться к специалисту такого рода. Может, прежде чем пы-

таться заинтересовать других тем, что он видит и слышит, следовало бы выяснить, как и почему он видит и слышит неведомое другим. Только человек, глубоко знающий строение мозга и работу сознания, в состоянии ответить на эти вопросы — если ответ вообще можно найти.

Неужели травма при катастрофе так изменила, так переиначила мыслительные процессы, что мозг приобрел какие-то новые, невиданные свойства? Возможно ли, чтобы сотрясение и нервное расстройство вызвали к жизни некие дремлющие силы, которым в грядущие тысячелетия суждено развиваться естественным, эволюционным путем? Выходит, повреждение мозга как бы замкнуло эволюцию накоротко и дало ему — одному ему — способности и чувства, чуть не на миллион лет обогнавшие свою эпоху?

Это казалось ну если не безупречным, то единственно приемлемым объяснением. Однако у специалиста наверняка найдется какая-нибудь другая теория.

Оттолкнув табуретку, он встал от стола и подошел к печке. Дверцу совсем перекосило, она не открывалась, пока Дэниельс не поддел ее кочергой. Дрова в печи прогорели до угольков. Наклонившись, он достал из ларя у стенки полено, кинул в топку, потом добавил второе полено, поменьше, и закрыл печку. «Хочешь не хочешь, — сказал он себе, — на днях придется заняться этой дверцей и навесить ее как следует».

Он вышел за дверь и постоял на веранде, глядя в сторону заречных холмов. Ветер налетал с севера, со свистом огибал постройки и обрушивался в глубокие овраги, сбегающие к реке, но небо оставалось ясным — сурово ясным, будто его вытерли дочиста ветром и сбрызнули капельками звезд, и светлые эти капельки дрожали в бушующей атмосфере.

Окинув звезды взглядом, он не удержался и спросил себя: «О чем-то они говорят сегодня?» — но вслушиваться не стал. Чтобы слушать звезды, надо было сделать усилие и сосредоточиться. Помнится, впервые он прислушался к звездам в такую же ясную ночь, выйдя на веранду и вдруг задумавшись: о чем они говорят, беседуют ли между собой? Глупая, праздная мыслишка, дикое, химерическое намерение, — но раз уж взбрело такое в голову, он и в самом деле начал вслушиваться, сознавая, что это глупость, и в то же время упиваясь ею, повторяя себе: какой же я счастливец, что могу в своей праздности дойти до того, чтобы слушать звезды, словно ребенок, верящий в Санта-Клауса или в доброго пасхального кролика. И он вслушивался,

вслушивался — и услышал. Как ни удивительно, однако не подлежало сомнению: где-то там, далеко-далеко, какие-то иные существа переговаривались друг с другом. Он словно подключился к исполинскому телефонному кабелю, несущему одновременно миллионы, а то и миллиарды дальних переговоров. Конечно, эти переговоры велись не словами, но каким-то кодом (возможно, мыслями), не менее понятным, чем слова. А если и не вполне понятным — по правде говоря, часто вовсе не понятным, — то, видимо, потому, что у него не хватало пока подготовки, не хватало знаний, чтобы понять. Он сравнил себя с дикарем, который прислушивается к дискуссии физиков-ядершиков, обсуждающих проблемы своей науки.

И вот вскоре после той ночи, забравшись в неглубокую пещеру — в ту самую, что прозвали Кошачьей берлогой, — он впервые ощутил присутствие существа, замурованного в толще скал. «Наверное, подумал он, — если б я не слушал звезды, если бы не обострил восприятие, слушая звезды, я б и не заподозрил, что оно погребено под слоями известняка».

Он стоял на веранде, глядя на звезды и слыша только ветер, а потом за рекой по дороге, что вилась по дальним холмам, промелькнул слабый отблеск фар — там в ночи шла машина. Ветер на мгновение стих, будто набирая силу для того, чтобы задуть еще свирепее, и в ту крошечную долю секунды, которая выдалась перед новым порывом, Дэниельсу почудился еще один звук — звук топора, вгрызающегося в дерево. Он прислушался — звук донесся снова, но с какой стороны, не понять: все перекрыл ветер.

«Должно быть, я все-таки ошибся, — решил Дэниельс. — Кто же выйдет рубить дрова в такую ночь?..» Впрочем, не исключено, что это охотники за енотами. Охотники подчас не останавливаются перед тем, чтобы свалить дерево, если не могут отыскать тщательно замаскированную нору. Не слишком честный прием, достойный разве что Бена Адамса с его придурковатыми сыновьями-переростками. Но такая бурная ночь просто не годится для охоты на енотов. Ветер смешает все запахи, и собаки не возьмут след. Для охоты на енотов хороши только тихие ночи. И кто, если он в своем уме, станет валить деревья в такую бурю — того и гляди, ветер развернет падающий ствол и обрушит на самих дровосеков.

Он еще прислушался, пытаясь уловить непонятный звук, но ветер, передохнув, засвистал сильнее, чем прежде, и различить что бы то ни было, кроме свиста, стало никак нельзя.

Утро пришло тихое, серое, ветер спик до легкого шепотка. Проснувшись среди ночи, Дэниельс слышал, как ветер барабанит по окнам, колотит по крыше, горестно завывает в крутобоких оврагах над рекой. А когда проснулся снова, все успокоилось, и в окнах серел тусклый рассвет. Он оделся и вышел из дому — вокруг тишь, облака затянули небо, не оставив и намека на солнце, воздух свеж, словно только что выстиран, и тяжел от влажной седины, укутавшей землю. И блеск одевшей холмы осенней листвы кажется ослепительнее, чем в самый солнечный день.

Отделавшись от хозяйственных забот и позавтракав, Дэниельс отправился бродить по холмам. Когда спускался под уклон к ближайшему из оврагов, то поймал себя на мысли: «Пусть сегодняшний день обойдется без сдвигов во времени...» Как ни парадоксально, сдвиги подстерегали его не каждый день, и не удавалось найти никаких причин, которые бы их предопределяли. Время от времени он пробовал доискаться причин хотя бы приблизительно: записывал со всеми подробностями, какие ощущения испытывал с утра, что предпринимал и даже какой маршрут выбирал, выйдя на прогулку, но закономерности так и не обнаружил. Закономерность пряталась, конечно же, где-то в глубине мозга — что-то задевало какую-то струну и включало новые способности. Но явление это оставалось неожиданным и непроизвольным. Дэниельс был не в силах управлять им, по крайней мере управлять сознательно. Изредка он пробовал сдвинуть время по своей воле, намеренно оживить прошлое — и всякий раз терпел неудачу. Одно из двух: или он не знал, как обращаться с собственным даром, или этот дар был действительно неподконтрольным.

Сегодня ему искренне хотелось, чтоб удивительные способности не просыпались. Хотелось побродить по холмам, пока они не утратили одного из самых заманчивых своих обличий, пока исполнены легкой грусти: все резкие линии смягчены висящей в воздухе сединой, деревья застыли и молча поджидают его прихода будто старые верные друзья, а палая листва и мох под ногами глушат звуки, и шаги становятся не слышны.

Он спустился в лощину и присел на поваленный ствол у щедрого родничка, от которого брал начало ручей, с журчанием бегущий вниз по каменистому руслу. В мае заводь у родничка была усыпана мелкими болотными цветами, а склоны холмов подернуты нежными красками трав. Сейчас здесь не

видно было ни трав, ни цветов. Леса цепенели, готовясь к зиме. Летние и осенние растения умерли или умирали, и листья слой за слоем ложились на грунт, заботливо укрывая корни деревьев от льда и снега.

«В таких местах словно смешаны приметы всех времен года сразу...» — подумал он. Миллион лет, а может, и больше здесь все выглядело точно так же, как сейчас. Но не всегда: в давным-давно минувшие тысячелетия эти холмы, да и весь мир грелись в лучах вечной весны. А чуть более десяти тысяч лет назад на севере, совсем неподалеку, вздыбилась стена льда высотой в добрую милю. С гребня, на котором расположена ферма, наверное, тогда различалась на горизонте синеватая линия — верхняя кромка ледника. Однако в эру ледников, какой бы она ни была студеной, уже существовала не только зима, но и другие времена года.

Поднявшись на ноги, Дэниельс вновь двинулся по узкой тропе, что петляла по склону. Это была коровья тропа, пробитая в ту пору, когда в здешних лесах паслись не две его коровенки, а целые стада; шагая по тропе, Дэниельс вновь — в который раз — поразился тонкости чутья, присущего коровам. Протаптывая свои тропы, они безошибочно выбирают самый пологий уклон.

На мгновение он задержался под раскидистым белым дубом, вставшим на повороте тропы, и полюбовался гигантским растением — ариземой, которой не уставал любоваться все эти годы. Растение уже готовилось к зиме: зеленая с пурпуром шапка листвы полностью облетела, обнажив алую гроздь ягод, — в предстоящие голодные месяцы они пойдут на корм птицам.

Тропа вилась дальше, глубже врезаясь в холмы, и тишина звенела все напряженнее, а седина сгущалась, пока Дэниельсу не показалось, что мир вокруг стал его безраздельной собственностью.

И вот она, на той стороне ручья. Кошачья берлога. Ее желтая пасть зияет сквозь искривленные, уродливые кедровые ветви. Весной под кедром играют лисята. Издалека, с заводей в речной долине, сюда доносится глуховатое кряканье уток. А наверху, на самой крутизне, — берлога, высеченная в отвесной стене временем и непогодой.

Только сегодня что-то здесь было не так.

Дэниельс застыл на тропе, глядя на противоположный склон и ощущая какую-то неточность, но сперва не понимая, в чем она. Перед ним открывалась большая часть скалы — и все-

таки чего-то не хватало. Внезапно он сообразил, что не хватает дерева, того самого, по которому годами взбирались дикие кошки, возвращаясь домой с ночной охоты, а потом и люди, если им, как ему, приспичило осмотреть берлогу. Кошек там, разумеется, теперь не было и в помине. Еще в дни первых переселенцев их вывели в этих краях почти начисто — ведь кошки порой оказывались столь неблагоразумны, что давили ягнят. Но следы кошачьего житья до сих пор различались без труда. В глубине пещеры, в дальних ее уголках, дно было усыпано косточками и раздробленными черепами мелких зверушек: хозяева берлоги таскали их когда-то на обед своему потомству.

Дерево, старое и увечное, простояло здесь, вероятно, не одно столетие, и рубить его не было никакого смысла, поскольку корявая древесина не имела ни малейшей ценности. Да и вытащить срубленный кедр из лощины — дело совершенно немыслимое. И все же прошлой ночью, выйдя на веранду, Дэниельс в минуту затишья различил вдали стук топора, а сегодня дерево исчезло.

Не веря глазам своим, он стал карабкаться по склону быстро, как мог. Первозданный склон местами вздымался под углом почти в сорок пять градусов — приходилось падать на четвереньки, подтягиваться вверх на руках, повинуясь безотчетному страху, за которым скрывалось нечто большее, чем недоумение, куда же девалось дерево. Ведь именно здесь и только здесь, в Кошачьей берлоге, можно было услышать существо, погребенное в толще скал.

Дэниельс навсегда запомнил день, когда впервые расслышал таинственное существо. Он тогда не поверил собственным ощущениям, решил, что ловит шорохи, рожденные воображением, навеянным прогулками среди динозавров, попытками вникнуть в переговоры звезд. В конце концов, ему и раньше случалось взбираться на дерево и залезать в пещеру-берлогу. Он бывал там не раз — и даже находил какое-то извращенное удовольствие в том, что открыл для себя столь необычное убежище. Он любил сидеть у края уступа перед входом в пещеру и глядеть поверх крон, одевших вершину холма за оврагом, — над листвою различался отблеск заводей на заречных лугах. Но самой реки он отсюда увидеть не мог: чтоб увидеть реку, надо было бы подняться по склону еще выше.

Он любил берлогу и уступ перед ней, потому что находил здесь уединение, как бы отрезал себя от мира: забравшись в берлогу, он по-прежнему видел какую-то, пусть ограничен-

ную, часть мира, а его не видел никто. «Я как те дикие кошки, — повторял он себе, — им тоже нравилось чувствовать себя отрезанными от мира...» Впрочем, кошки искали тут не просто уединения, а безопасности — для себя и, главное, для своих котят. А к берлоге не подступиться, сюда вел только один путь — по ветвям старого дерева.

Впервые Дэниельс услышал существо, когда однажды заполз в самую глубину пещеры и, конечно, опять наткнулся на россыпь костей, остатки вековой давности пиршеств, когда котята грызли добычу, припадая к земле и урча. Припав ко дну пещеры, совсем как котята, он вдруг ощутил чье-то присутствие — ощущение шло снизу, просачивалось из дальних каменных толщ. Вначале это было не более чем ощущение, не более чем догадка — там внизу есть что-то живое. Естественно, он и сам поначалу отнесся к своей догадке скептически, а поверил в нее гораздо позже. Понадобилось немало времени, чтобы вера переросла в твердое убеждение.

Он, конечно же, не мог передать услышанное словами, потому что на деле не слышал ни слова. Но чей-то разум, чье-то сознание исподволь проникли в мозг через пальцы, ощупывающие каменное дно пещеры, через прижатые к камню колени. Он впитывал эти токи, слушал их без помощи слуха, и чем дольше впитывал, тем сильнее убеждался, что где-то там, глубоко в пластах известняка, находится погребенное заживо разумное существо. И наконец настал день, когда он сумел уловить обрывки каких-то мыслей — несомненные отзвуки работы интеллекта, запертого в толще скал.

Он не понял того, что услышал. И это непонимание было само по себе знаменательно. Если бы он все понял, то со спокойной совестью посчитал бы свое открытие игрой воображения. А непонимание свидетельствовало, что у него просто нет опыта, опираясь на который можно бы воспринять необычные представления. Он уловил некую схему сложных жизненных отношений, казалось бы, не имевшую никакого смысла, — ее нельзя было постичь, она распадалась на крохотные и бессвязные кусочки информации, настолько чуждой (хотя и простой), что его человеческий мозг наотрез отказывался в ней разбираться. И еще он волей-неволей получил представление о расстояниях столь протяженных, что разум буксовал, едва соприкоснувшись с теми пустынями пространства, в каких подобные расстояния только и могли существовать. Даже вслушиваясь в переговоры звезд, он никогда не испытывал

таких обескураживающих столкновений с иными представлениями о пространстве-времени.

В потоке информации встречались и крупинки иных сведений, обрывки иных фактов — смутно чувствовалось, что они могли бы пригодиться в системе человеческих знаний. Но ни единая крупинка не прорисовывалась достаточно четко для того, чтобы поставить ее в системе знаний на принадлежащее ей место. А большая часть того, что доносилось к нему, лежала попросту за пределами его понимания, да, наверное, и за пределами человеческих возможностей вообще. Тем не менее мозг улавливал и удерживал эту информацию во всей ее невоспринимаемости, и она вспухала и ныла на фоне привычных, повседневных мыслей.

Дэниельс отдавал себе отчет, что они (или оно) отнюдь не пытаются вести с ним беседу, напротив, они (или оно) и понятия не имеют о существовании рода человеческого, не говоря уж о нем лично. Однако что именно происходит там, в толще скал: то ли оно (или они — употреблять множественное число почему-то казалось проще) размышляет, то ли в своем неизбывном одиночестве разговаривает с собой, то ли пробует связаться с какой-либо иной, отличной от себя сущностью, — в этом Дэниельс при всем желании разобраться не мог.

Обдумывая свое открытие, часами сидя на уступе перед входом в берлогу, он пытался привести факты в соответствие с логикой, дать присутствию существа в толще скал наилучшее объяснение. И, отнюдь не будучи в том уверенным, — точнее, не располагая никакими фактами в подкрепление своей мысли, — пришел к выводу, что в отдаленную геологическую эру, когда здесь плескалось мелководное море, из космических далей на Землю упал корабль, упал и увяз в донной грязи, которую последующие миллионы лет уплотнили в известняк. Корабль угодил в ловушку и застрял в ней на веки вечные. Дэниельс и сам понимал, что в цепи его рассуждений есть слабые звенья — ну, к примеру, давления, при которых только и возможно формирование горных пород, должны быть настолько велики, что сомнут и расплющат любой корабль, разве что он сделан из материалов, далеко превосходящих лучшие достижения человеческой техники.

«Случайность, — спрашивал он себя, — или намеренный акт? Попало существо в ловушку или спряталось?..» Как ответить однозначно, если любые умозрительные рассуждения

просто смешны: все они по необходимости построены на догадках, а те в свою очередь лишены оснований.

Карабкаясь по склону, он подобрался вплотную к скале и убедился, что дерево действительно срубили. Кедр свалился вниз и, прежде чем затормозить, скользил футов тридцать под откос, пока ветви не уперлись в грунт и не запутались среди других деревьев. Пень еще не утратил свежести, белизна среза кричала на фоне серого дня. С той стороны пня, что смотрела под гору, виднелась глубокая засечка, а довершили дело пилой. Подле пня лежали кучки желтоватых опилок. Пила, как он заметил по срезу, была двуручная.

От площадки, где теперь стоял Дэниельс, склон круто падал вниз, зато чуть выше, как раз под самым пнем, крутизну прерывала странная насыпь. Скорее всего, когда-то давно с отвесной скалы обрушилась каменная лавина и задержалась здесь, а потом эти камни замаскировал лесной сор и постепенно на них наросла почва. На насыпи поселилась семейка берез, и их белые, словно припудренные стволы по сравнению с другими, сумрачными деревьями казались невесомыми, как привидения.

«Срубить дерево, — повторил он про себя, — ну что может быть бессмысленнее?..» Дерево не представляло собой ни малейшей ценности, служило одной-единственной цели — чтобы забираться по его ветвям в берлогу. Выходит, кто-то проведал, что кедр служит Дэниельсу мостом в берлогу, и разрушил мост по злому умыслу? А может, кто-нибудь спрятал что-либо в пещере и срубил дерево, перерезав тем самым дорогу к тайнику?

Но кто, спрашивается, мог набраться такой злобы, чтобы срубить дерево среди ночи, в бурю, работая при свете фонаря на крутизне и невольно рискуя сломать себе шею? Кто? Бен Адамс? Конечно, Бен разозлился оттого, что Дэниельс не позволил охотиться на своей земле, но разве это причина для сведения счетов, к тому же столь трудоемким способом?

Другое предположение: дерево срубили после того, как в пещере что-то спрятали, — представлялось, пожалуй, более правдоподобным. Хотя само уничтожение дерева лишь привлекало к тайнику внимание.

Дэниельс стоял на склоне озадаченный, недоуменно качая головой. Потом его вдруг осенило, как дознаться до истины. День едва начался, а делать было все равно больше нечего.

Он двинулся по тропе обратно. В сарае, надо думать, сыщется какая-нибудь веревка.

4

В пещере было пусто. Она оставалась точно такой же, как раньше. Лишь десяток-другой осенних листьев занесло ветром в глухие ее уголки, да несколько каменных крошек осыпалось с козырька над входом — крохотные улики, свидетельствующие, что бесконечный процесс выветривания, образовавший некогда эту пещеру, способен со временем и разрушить ее без следа.

Вернувшись на узкий уступ перед входом в пещеру, Дэниельс бросил взгляд на другую сторону оврага и удивился: как изменился весь пейзаж оттого, что срубили одно-единственное дерево! Сместилось все — самые холмы и те стали другими. Но, всмотревшись пристальнее в их контуры, он в конце концов удостоверился, что не изменилось ничего, кроме раскрывающейся перед ним перспективы. Теперь отсюда, с уступа, были видны контуры и силуэты, которые прежде скрывались за кедровыми ветвями.

Веревка спускалась с каменного козырька, нависшего над головой и переходящего в свод пещеры. Она слегка покачивалась на ветру, и, подметив это, Дэниельс сказал себе: «А ведь с утра никакого ветра не было...» Зато сейчас ветер задул снова, сильный, западный. Деревья внизу так и кланялись под его ударами.

Повернувшись лицом на запад, Дэниельс ощутил щекой холодок. Дыхание ветра встревожило его, будто подняв со дна души смутные страхи, уцелевшие с тех времен, когда люди не знали одежды и бродили ордами, беспокойно вслушиваясь, вот как он сейчас, в подступающую непогоду. Ветер мог означать только одно: погода меняется, пора вылезать по веревке наверх и возвращаться домой, на ферму.

Но уходить, как ни странно, не хотелось. Такое, по совести говоря, случалось и раньше. Кошачья берлога давала ему своего рода убежище, здесь он оказывался отгороженным от мира — та малая часть мира, что оставалась с ним, словно бы меняла свой характер, была существеннее, милее и проще, чем тот жестокий мир, от которого он бежал.

Выводок диких уток поднялся с одной из речных заводей, стремительно пронесся над лесом, взмыл вверх, преодолевая исполинский изгиб утеса, и, преодолев, плавно повернул обратно к реке. Дэниельс следил за утками, пока те не скрылись за деревьями, окаймляющими реку-невидимку.

И все-таки пришла пора уходить. Чего еще ждать? С самого начала это была никудышная затея: кто же в здравом уме

хоть на минуту позволит себе уверовать, что в пещере что-то спрятано!..

Дэниельс обернулся к веревке — ее как не бывало.

Секунду-другую он тупо пялился в ту точку, откуда только что свисала веревка, чуть подрагивающая на ветру. Потом принялся искать глазами, не осталось ли от нее какого-либо следа, хоть искать было в общем-то негде. Конечно, веревка могла немного соскользнуть, сдвинуться вдоль нависшей над головой каменной плиты — но не настолько же, чтобы совсем исчезнуть из виду!

Веревка была новая, прочная, и он своими руками привязал ее к дереву на вершине утеса — крепко затянул узел да еще и подергал, желая убедиться, что она не развяжется.

И тем не менее веревку как ветром сдуло. Тут не обошлось без чьего-то вмешательства. Кто-то проходил мимо, заметил веревку, тихо вытянул ее, а теперь притаился наверху и ждет: когда же хозяин веревки поймет, что попал впросак, и поднимет испуганный крик? Любому из тех, кто живет по соседству, именно такая грубая шутка должна представляться вершиной юмора. Самое остроумное, бесспорно, — оставить выходку без внимания и молча выждать, пока она не обернется против самого шутника.

Придя к такому выводу, Дэниельс опустился на корточки и принялся выжидать. «Десять минут, — говорил он себе, — самое большее четверть часа, и терпение шутника истощится. Веревка благополучно вернется на место, я выкарабкаюсь наверх и отправлюсь домой. А может даже — смотря кем окажется шутник — приглашу его к себе, налью ему стаканчик, мы посидим на кухне и вместе посмеемся над приключением...»

Тут Дэниельс неожиданно для себя обнаружил, что горбится, защищаясь от ветра, который, похоже, стал еще пронзительнее, чем в первые минуты. Ветер менялся с западного на северный, и это было не к добру.

Присев на краю уступа, он обратил внимание, что на рукава куртки налипли капельки влаги — не от дождя, дождя, в сущности, не было, а от оседающего тумана. Если температура упадет еще на градус-другой, погода станет препеприятной...

Он выжидал, скорчившись, вылавливая из тишины хоть какой-нибудь звук — шуршание листьев под ногами, треск надломленной ветки, — который выдал бы присутствие человека на вершине утеса. Но в мире не осталось звуков. День был совершенно беззвучный. Даже ветви деревьев на склоне

ниже уступа, качающиеся на ветру, качались без обычных поскрипываний и стонов.

Четверть часа, по-видимому, давно миновала, а с вершины утеса по-прежнему не доносилось ни малейшего шума. Ветер, пожалуй, еще усилился, и когда Дэниельс выворачивал голову в тщетных попытках заглянуть за каменный козырек, то щекой чувствовал, как шевелятся на ветру мягкие пряди тумана.

Дольше сдерживать себя в надежде переупрямить шутника он уже не мог. Он ощутил острый приступ страха и понял наконец, что время не терпит.

— Эй, кто там наверху! — крикнул он и подождал ответа.

Ответа не было.

Он крикнул снова, на этот раз еще громче.

В обычный день скала по ту сторону оврага отозвалась бы на крик эхом. Сегодня эха не было, и самый крик казался приглушенным, словно Дэниельса окружила серая, поглощающая звук стена.

Он крикнул еще раз — туман подхватил его голос и проглотил. Снизу донеслось какое-то шуршание, и он понял, что это шуршат обледеневшие ветки. Туман, оседая меж порывами ветра, превращался в наледь.

Дэниельс прошелся вдоль уступа перед пещерой — от силы двадцать футов в длину, и никакого пути к спасению. Уступ выдавался над пропастью и обрывался отвесно. Над головой нависала гладкая каменная глыба. Поймали его ловко, ничего не скажешь.

Он снова укрылся в пещере и присел на корточки. Здесь он был по крайней мере защищен от ветра и, несмотря на вновь подкравшийся страх, чувствовал себя относительно уютно. Пещера еще не остыла. Но температура, видимо, падала, и притом довольно быстро, иначе туман не оседал бы наледью. А на плечах у Дэниельса была лишь легкая куртка, и он не мог развести костер. Он не курил и не носил при себе спичек.

Только теперь он впервые по-настоящему осознал серьезность положения. Пройдут многие дни, прежде чем кто-нибудь задастся вопросом, куда же он запропастился. Навещали его редко, — собственно, никому до него не было дела. Да если даже и обнаружат, что он пропал, и будет объявлен розыск, велики ли шансы, что его найдут? Кто додумается заглянуть в эту пещеру? И долго ли человек способен прожить в такую погоду без огня и без пищи?

А если он не выберется отсюда, и скоро, что станется со скотиной? Коровы вернутся с пастбища, подгоняемые непогодой, и некому будет впустить их в хлев. Если они постоят недоенными день-другой, разбухшее вымя начнет причинять им страдания. Свиньям и курам никто не задаст корма. «Человек, — мелькнула мысль, — просто не вправе рисковать собой так безрассудно, когда от него зависит жизнь стольких беззащитных существ...»

Дэниельс заполз поглубже в пещеру и распластался ничком, втиснув плечи в самую дальнюю нишу и прижавшись ухом к каменному ее дну.

Таинственное существо было по-прежнему там, — разумеется там, куда же ему деться, если его поймали еще надежнее, чем Дэниельса. Оно томилось под слоем камня толщиной, вероятно, в триста-четыреста футов, который природа наращивала не спеша, на протяжении многих миллионов лет...

Существо опять предавалось воспоминаниям. Оно мысленно перенеслось в какие-то иные места — что-то в потоке его памяти казалось зыбким и смазанным, что-то виделось кристально четко. Исполинская темная каменная равнина, цельная каменная плита, уходящая к далекому горизонту; над горизонтом встает багровый шар солнца, а на фоне восходящего солнца угадывается некое сооружение — неровность горизонта допускает лишь такое объяснение. Не то замок, не то город, не то гигантский обрыв с жилыми пещерами — трудно истолковать, что именно, трудно даже признать, что увиденное вообще поддается истолкованию.

Быть может, это родина загадочного существа? Быть может, черное каменное пространство — космический порт его родной планеты? Или не родина, а какие-то края, которые существо посетило перед прилетом на Землю? Быть может, пейзаж показался столь фантастическим, что врезался в память?

Затем к воспоминаниям стали примешиваться иные явления, иные чувственные символы, относящиеся, по-видимому, к каким-то формам жизни, индивидуальностям, запахам, вкусам. Конечно, Дэниельс понимал, что, приписывая существу, замурованному в толще скал, человеческую систему восприятия, легко и ошибиться; но другой системы, кроме человеческой, он просто не ведал.

И тут, прислушавшись к воспоминаниям о черной каменной равнине, представив себе восходящее солнце и на фоне солнца на горизонте очертания гигантского сооружения, Дэ-

ниельс сделал то, чего никогда не делал раньше. Он попытался заговорить с существом — узником скал, попытался дать ему знать, что есть человек, который слушал и услышал, и что существо не так одиноко, не так отчуждено от всех, как, по всей вероятности, полагало.

Естественно, он не стал говорить вслух — это было бы бессмысленно. Звук никогда не пробьется сквозь толщу камня. Дэниельс заговорил про себя, в уме.

«Эй, кто там, внизу? — сказал он. — Говорит твой друг. Я слушаю тебя уже очень, очень давно и надеюсь, что ты меня тоже слышишь. Если слышишь, давай побеседуем. Разреши, я попробую дать тебе представление о себе и о мире, в котором живу, а ты расскажешь мне о себе и о мире, в котором жил прежде, и о том, как ты попал сюда, в толщу скал, и могу ли я хоть что-нибудь для тебя сделать, хоть чем-то тебе помочь...»

Больше он не рискнул ничего сказать. Проговорив это, он лежал еще какое-то время, не отнимая уха от твердого дна пещеры, пытаясь угадать, расслышало ли его зов существо. Но, очевидно, оно не расслышало или, расслышав, не признало зов достойным внимания. Оно продолжало вспоминать планету, где над горизонтом встает тусклое багровое солнце.

«Это было глупо, — упрекнул он себя. — Обращаться к неведомому существу было самонадеянно и глупо...» До сих пор он ни разу не отваживался на это, а просто слушал. Точно так же, как не пробовал обращаться к тем, кто беседовал друг с другом среди звезд, — тех он тоже только слушал.

Какие же новые способности открыл он в себе, если счел себя вправе обратиться к этому существу? Быть может, подобный поступок продиктован лишь страхом смерти?

А что, если существу в толще скал незнакомо самое понятие смерти, если оно способно жить вечно?

Дэниельс выполз из дальней ниши и перебрался обратно в ту часть пещеры, где мог хотя бы присесть.

Поднималась метель. Пошел дождь пополам со снегом, и температура продолжала падать. Уступ перед входом в пещеру покрылся скользкой ледяной коркой. Если бы теперь кому-то вздумалось прогуляться перед пещерой, смельчак неизбежно сорвался бы с утеса и разбился насмерть.

А ветер все крепчал. Ветви деревьев качались сильней и сильней, и по склону холма несся вихрь палой листвы, перемешанной со льдом и снегом. С того места, где сидел Дэниельс, он видел лишь ветви березок, что поселились на стран-

ной насыпи чуть ниже корявого кедра, служившего прежде мостом в пещеру. И ему почудилось вдруг, что эти ветви качаются еще яростнее, чем должны бы на ветру. Березки так и кланялись из стороны в сторону и, казалось, прямо на глазах вырастали еще выше, заламывая ветви в немой мольбе.

Дэниельс подполз на четвереньках к выходу и высунул голову наружу — посмотреть, что творится на склоне. И увидел, что качаются не только верхние ветви, — вся рощица дрожала и шаталась, будто невидимая рука пыталась вытолкнуть деревья из земли. Не успел он подумать об этом, как увидел, что и самая почва заходила ходуном. Казалось, кто-то снял замедленной съемкой кипящую, вспухающую пузырями лаву, а теперь прокручивал съемку с обычной скоростью. Вздымалась почва — поднимались и березки. Вниз по склону катились стронутые с мест камушки и сор. А вот и тяжелый камень сорвался со склона и с треском рухнул в овраг, ломая по дороге кусты и оставляя в подлеске безобразные шрамы.

Дэниельс следил за камнем как зачарованный.

«Неужели, — спрашивал он себя, — я стал свидетелем какого-то геологического процесса, только необъяснимо ускоренного?» Он попытался понять, что бы это мог быть за процесс, но не припомнил ничего подходящего. Насыпь вспучивалась, разваливаясь в стороны. Поток, катившийся вниз, с каждой секундой густел, перечеркивая бурыми мазками белизну свежевыпавшего снега. Наконец березы опрокинулись и соскользнули вниз, и из ямы, возникшей там, где они только что стояли, явился призрак.

Призрак не имел четких очертаний — контуры его были смутными, словно с неба соскребли звездную пыль и сплавили в неустойчивый сгусток, не способный принять определенную форму, а беспрерывно продолжающий меняться и преображаться, хоть и не утрачивающий окончательно сходства с неким первоначальным обликом. Такой вид могло бы иметь скопление разрозненных, не связанных в молекулы атомов если бы атомы можно было видеть. Призрак мягко мерцал в бесцветье серого дня и, хотя казался бестелесным, обладал, по-видимому, изрядной силой: он продолжал высвобождаться из полуразрушенной насыпи, пока не высвободился совсем. А высвободившись, поплыл вверх, к пещере.

Как ни странно, Дэниельс ощущал не страх, а одно лишь безграничное любопытство. Он старался разобраться, на что похож подплывающий призрак, но так и не пришел ни к како-

му ясному выводу. Когда призрак достиг уступа, Дэниельс отодвинулся вглубь и вновь опустился на корточки. Призрак приблизился еще на фут-другой и не то уселся у входа в пещеру, не то повис над обрывом.

«Ты говорил, — обратился искрящийся призрак к Дэниельсу. Это не было ни вопросом, ни утверждением, да и речью это назвать было нельзя. Звучало это в точности так же, как те переговоры, которые Дэниельс слышал, когда слушал звезды. — Ты говорил с нами как друг, — продолжал призрак. (Понятие, выбранное призраком, означало не «друг», а нечто иное, но тоже теплое и доброжелательное.) Ты предложил ему помощь. Разве ты можешь помочь?»

По крайней мере, теперь был задан вопрос, и достаточно четкий.

— Не знаю, — ответил Дэниельс. — Сейчас, наверное, не могу. Но лет через сто — ты меня слышишь? Слышишь и понимаешь, что я говорю?

«Ты говоришь, что помощь возможна, — отозвалось призрачное существо, — только спустя время. Уточни, какое время спустя?»

— Через сто лет, — ответил Дэниельс. — Когда планета обернется вокруг центрального светила сто раз.

«Что значит сто раз?» — переспросило существо.

Дэниельс вытянул перед собой пальцы обеих рук.

— Можешь ты увидеть мои пальцы? Придатки на концах моих рук?

«Что значит увидеть?» — переспросило существо.

— Ощутить их так или иначе. Сосчитать их.

«Да, я могу их сосчитать».

— Их всего десять, — пояснил Дэниельс. — Десять раз по десять составляет сто.

«Это не слишком долгий срок, — отозвалось существо. — Что за помощь станет возможна тогда?»

— Знаешь ли ты о генетике? О том, как зарождается все живое и как зародившееся создание узнаёт, кем ему стать? Как оно растет и почему знает, как ему расти и кем быть? Известно тебе что-либо о нуклеиновых кислотах, предписывающих каждой клетке, как ей развиваться и какие функции выполнять?

«Я не знаю твоих терминов, — отозвалось существо, — но я понимаю тебя. Следовательно, тебе известно все это? Следовательно, ты не просто тупая дикая тварь, как другие, что стоят на одном месте, или зарываются в грунт, или бегают по земле?..»

Разумеется, звучало это вовсе не так. И кроме слов — или смысловых единиц, оставляющих ощущение слов, — были еще и зрительные образы деревьев, мышей в норках, белок, кроликов, неуклюжего крота и быстроногой лисы.

— Если не известно мне, — ответил Дэниельс, — то известно другим из моего племени. Я сам знаю немногое. Но есть люди, посвятившие изучению законов наследственности всю свою жизнь.

Призрак висел над краем уступа и довольно долго молчал. Позади него гнулись на ветру деревья, кружились снежные вихри. Дэниельс, дрожа от холода, заполз в пещеру поглубже и спросил себя, не пригрезилась ли ему эта искристая тень.

Но не успел он подумать об этом, как существо заговорило снова, хоть обращалось на сей раз, кажется, вовсе не к человеку. Скорее даже оно ни к кому не обращалось, а просто вспоминало, подобно тому, другому, существу, замурованному в толще скал. Может статься, эти воспоминания и не предназначались для человека, но у Дэниельса не было способа отгородиться от них. Поток образов, излучаемый существом, достигал его мозга и заполнял мозг, вытесняя его собственные мысли, будто образы принадлежали самому Дэниельсу, а не призраку, замершему напротив.

5

Вначале Дэниельс увидел пространство — безбрежное, бескрайнее, жестокое, холодное, такое отстраненное от всего, такое безразличное ко всему, что разум цепенел, и не столько от страха или одиночества, сколько от осознания, что по сравнению с вечностью космоса ты пигмей, пылинка, мизерность которой не поддается исчислению. Пылинка канет в безмерной дали, лишенная всяких ориентиров, — но нет, все-таки не лишенная, потому что пространство сохранило след, отметину, отпечаток, суть которых не объяснишь и не выразишь, они не укладываются в рамки человеческих представлений; след, отметина, отпечаток указывают, правда почти безнадежно смутно, путь, по которому в незапамятные времена проследовал кто-то еще. И безрассудная решимость, глубочайшая преданность, какая-то неодолимая потребность влекут пылинку по этому слабому, расплывчатому следу, куда бы он ни вел — пусть за пределы пространства, за пределы времени или того и другого

вместе. Влекут без отдыха, без колебаний и без сомнений, пока след не приведет к цели или пока не будет вытерт дочиста ветрами — если существуют ветры, не гаснущие в пустоте.

«Не в ней ли, — спросил себя Дэниельс, — не в этой ли решимости кроется, при всей ее чужеродности, что-то знакомое, что-то поддающееся переводу на земной язык и потому способное стать как бы мостиком между этим вспоминающим инопланетянином и моим человеческим "я"?..»

Пустота, молчание и холодное равнодушие космоса длились века, века и века, — казалось, пути вообще не будет конца. Но так или иначе Дэниельсу дано было понять, что конец все же настал — и настал именно здесь, среди иссеченных временем холмов над древней рекой. И тогда на смену почти бесконечным векам мрака и холода пришли почти бесконечные века ожидания: путь был завершен, след привел в недостижимые дали, и оставалось только ждать, набравшись безграничного, неистощимого терпения.

«Ты говорил о помощи, - обратилось к Дэниельсу искристое существо. — Но почему? Ты не знаешь того, другого. Почему ты хочешь ему помочь?»

— Он живой, — ответил Дэниельс. - Он живой, и я живой. Разве этого недостаточно?

«Не знаю», — отозвалось существо.

— По-моему, достаточно, — решил Дэниельс.

«Как ты можешь помочь?»

— Я уже упоминал о генетике. Как бы это объяснить...

«Я перенял терминологию из твоих мыслей. Ты имеешь в виду генетический код».

— Согласится ли тот, другой, замурованный в толще скал, тот, кого ты охраняешь...

«Не охраняю, — отозвалось существо. — Я просто жду его».

— Долго же тебе придется ждать!

«Я наделен умением ждать. Я жду уже долго. Могу ждать и дольше».

— Когда-нибудь, — заявил Дэниельс, — выветривание разрушит камень. Но тебе не понадобится столько ждать. Знает ли тот, другой, свой генетический код?

«Знает, — отозвалось существо. — Он знает много больше, чем я».

— Знает ли он свой код полностью? — настойчиво повторил Дэниельс. — Вплоть до самой ничтожной связи, до по-

следней составляющей, точный порядок неисчислимых миллиардов...

«Знает, — подтвердило существо. — Первейшая забота разумной жизни — познать себя».

— А может ли он, согласится ли он передать нам эти сведения, сообщить нам свой генетический код?

«Твое предложение — дерзость, — оскорбилось искристое существо (слово, которое оно применило, было жестче, чем «дерзость»). — Таких сведений никто не передаст другому. Это нескромно и неприлично (опять-таки слова были несколько иными, чем "нескромно" и "неприлично"). Это значит, в сущности, отдать в чужие руки собственное "я". Полная и бессмысленная капитуляция».

— Не капитуляция, — возразил Дэниельс, — а способ выйти из заточения. В свое время, через сто лет, о которых я говорил, люди моего племени сумеют по генетическому коду воссоздать любое живое существо. Сумеют скопировать того, другого, с предельной точностью.

«Но он же останется по-прежнему замурованным!»

— Только один из двоих. Первому из двух близнецов действительно придется ждать, пока ветер не сточит скалы. Зато второй, копия первого, начнет жить заново.

«А что, — мелькнула мысль, если существо в толще скал вовсе не хочет, чтоб его спасали? Что, если оно сознательно погребло себя под каменными пластами? Что, если оно просто искало укрытия, искало убежища? Может статься, появись у него желание — и оно освободилось бы из своей темницы с такой же легкостью, с какой этот силуэт, это скопище искр выбралось из-под насыпи?..»

«Нет, это исключено, — отозвалось скопище искр, висящее на самом краю уступа. — Я проявил беспечность. Я уснул, ожидая, и спал слишком долго».

«Действительно, куда уж дольше», - подумал Дэниельс. Так долго, что над спящим крупинка за крупинкой наслоилась земля и образовалась насыпь, что в эту землю вросли камни, сколотые морозом с утеса, а рядом с камнями поселилась семейка берез, и они благополучно вымахали до тридцатифутовой высоты... Тут подразумевалось такое различие в восприятии времени, какого человеку просто не осмыслить.

«Однако погоди, — остановил себя Дэниельс, — кое-что ты все-таки понял...» Он уловил безграничную преданность и бесконечное терпение, с каким искристое существо следовало за

тем, другим, сквозь звездные бездны. И не сомневался, что уловил точно: разум иного создания — преданного звездного пса, сидящего на уступе перед пещерой, — словно приблизился к нему, Дэниельсу, и коснулся собственного его разума. И на мгновение оба разума, при всех их отличиях, слились воедино в порыве понимания и признательности, — ведь это, наверное, впервые за многие миллионы лет пес из дальнего космоса встретил кого-то, кто способен постичь веление долга и смысл призвания.

— Можно попытаться откопать того, другого, — предложил Дэниельс. — Я, конечно, уже думал об этом, но испугался, не причинить бы ему вреда. Да и нелегко будет убедить людей...

«Нет, — отозвалось существо, — его не откопаешь. Тут есть много такого, чего тебе не понять. Но первое твое предложение не лишено известных достоинств. Ты говоришь, что не располагаешь достаточными знаниями генетики, чтобы предпринять необходимые шаги теперь же. А ты пробовал советоваться со своими соплеменниками?»

— С одним пробовал, — ответил Дэниельс, — только он не стал слушать. Он решил, что я свихнулся. Но в конце концов он и не был тем человеком, с которым следовало бы говорить. Наверное, потом я сумею поговорить с другими людьми, но не сейчас. Как бы я ни желал помочь, сейчас я ничего не добьюсь. Они будут смеяться надо мной, а я не вынесу насмешек. Лет через сто, а быть может, и раньше я сумею...

«Ты же не проживешь сто лет, — отозвался звездный пес. — Ты принадлежишь к недолговечному виду. Что, наверное, и объясняет ваш стремительный взлет. Вся жизнь здесь недолговечна, и это даст эволюции шансы сформировать разум. Когда я попал на вашу планету, здесь жили одни безмозглые твари».

— Ты прав, — ответил Дэниельс. — Я не проживу сто лет. Даже если вести отсчет с самого рождения, я не способен прожить сто лет, а большая часть моей жизни уже позади. Не исключено, что позади уже вся жизнь. Ибо если я не выберусь из этой пещеры, то умру буквально через два-три дня.

«Протяни руку, — предложил сгусток искр. — Протяни руку и коснись меня, собеседник».

Медленно-медленно Дэниельс вытянул руку перед собой. Рука прошла сквозь мерцание и блики, и он не ощутил ничего — как если бы провел рукой просто по воздуху.

«Вот видишь, — заметило существо, — я не в состоянии тебе помочь. Нет таких путей, чтобы заставить наши энергии взаимодействовать. Очень сожалею, друг». (Слово, которое

выбрал призрак, не вполне соответствовало понятию «друг», но это было хорошее слово, и, как догадался Дэниельс, оно, возможно, значило гораздо больше, чем «друг».)

— Я тоже сожалею, — ответил Дэниельс. — Мне бы хотелось пожить еще.

Воцарилось молчание, мягкое раздумчивое молчание, какое случается только в снежный день, и вместе с ними в это молчание вслушивались деревья, скалы и притаившаяся живая мелюзга.

«Значит, — спросил себя Дэниельс, — эта встреча с посланцем иных миров тоже бессмысленна? Если только я каким-то чудом не слезу с уступа, то не сумею сделать ничего, ровным счетом ничего... А с другой стороны, почему я должен заботиться о спасении существа, замурованного в толще скал? Выживу ли я сам — вот что единственно важно сейчас, а вовсе не то, отнимет ли моя смерть у замурованного последнюю надежду на спасение...»

— Но может, наша встреча, — обратился Дэниельс к сгустку искр, — все-таки не напрасна? Теперь, когда ты понял...

«Понял я или нет, — откликнулся тот, — это не имеет значения. Чтобы добиться цели, я должен был бы передать полученные сведения тем, кто далеко на звездах, но даже если бы я мог связаться с ними, они не удостоили бы меня вниманием. Я слишком ничтожен, я не вправе беседовать с высшими. Моя единственная надежда — твои соплеменники, и то, если не ошибаюсь, при том непременном условии, что ты уцелеешь. Ибо я уловил твою мимолетную мысль, что ты — единственный, кто способен понять меня. Среди твоих соплеменников нет второго, кто хотя бы допустил мысль о моем существовании».

Дэниельс кивнул. Это была подлинная правда. Никто из живущих на Земле людей не обладал теми же способностями, что и он. Никто больше не повредил себе голову так удачно, чтобы приобрести их. Для существа в толще скал он был единственной надеждой, да и то слабенькой, — ведь прежде, чем надежда станет реальной, надо найти кого-нибудь, кто выслушает и поверит. И не просто поверит, а пронесет эту веру сквозь годы в те дальние времена, когда генная инженерия станет гораздо могущественнее, чем сегодня.

«Если тебе удастся выбраться из критического положения живым, — заявил пес из иных миров, — тогда я, наверное, смогу изыскать энергию и технические средства для осуществления твоего замысла. Но ты должен отдать себе отчет, что я не в состоянии предложить никаких путей к личному спасению».

— А вдруг кто-то пройдет мимо, — ответил Дэниельс. — Если я стану кричать, меня могут услышать...

И он снова стал кричать, но не получил ответа. Вьюга глушила крики, да он и сам прекрасно понимал, что в такую погоду люди, как правило, сидят дома. Дома, у огня, в безопасности.

В конце концов он устал и привалился к камню отдохнуть. Искристое существо по-прежнему висело над уступом, но снова изменило форму и стало напоминать, пожалуй, накренившуюся, запорошенную снегом рождественскую елку.

Дэниельс уговаривал себя не засыпать. Закрывать глаза лишь на мгновение и сразу же раскрывать их снова, не разрешая векам смыкаться надолго, иначе одолеет сон. Хорошо бы подвигаться, похлопать себя по плечам, чтобы согреться, — только руки налились свинцом и не желали действовать.

Он почувствовал, что сползает на дно пещеры, и попытался встать. Но воля притупилась, а на каменном дне было очень уютно. Так уютно, что, право же, стоило разрешить себе отдохнуть минутку, прежде чем напрягаться изо всех сил. Самое странное, что дно пещеры вдруг покрылось грязью и водой, а над головой взошло солнце и снова стало тепло...

Он вскочил в испуге и увидел, что стоит по щиколотку в воде, разлившейся до самого горизонта, и под ногами у него не камень, а липкий черный ил.

Не было ни пещеры, ни холма, в котором могла бы появиться пещера. Было лишь необъятное зеркало воды, а если обернуться, то совсем близко, в каких-нибудь тридцати футах, лежал грязный берег крошечного островка — грязного каменистого островка с отвратительными зелеными потеками на камнях.

Дэниельс знал по опыту, что попал в иное время, но местоположения своего не менял. Каждый раз, когда время для него сдвигалось, он продолжал находиться в той же точке земной поверхности, где был до сдвига. И теперь, стоя на мелководье, он вновь — в который раз — подивился странной механике, которая поддерживает его тело в пространстве с такой точностью, что, перенесясь в иную эпоху, он не рискует быть погребенным под двадцатифутовым слоем песка и камня или, напротив, повиснуть без опоры на двадцатифутовой высоте.

Однако сегодня и тупице стало бы ясно, что на размышления нет ни минуты. По невероятному стечению обстоятельств

он уже не заточен в Кошачьей берлоге, и здравый смысл требует уйти с того места, где он очутился, как можно скорее. Замешкаешься — и чего доброго опять очутишься в своем настоящем, и придется снова корчиться и коченеть в пещере.

Он неуклюже повернулся — ноги вязли в донном иле — и кинулся к берегу. Далось это нелегко, но он добрался до островка, поднялся по грязному скользкому берегу и хаотично разбросанным камням и только там наконец позволил себе присесть и перевести дух.

Дышать было трудно. Дэниельс отчаянно хватал ртом воздух, ощущая в нем необычный, ни на что не похожий привкус. Он сидел на камнях, хватал воздух ртом и разглядывал водную ширь, поблескивающую под высоким теплым солнцем. Далеко-далеко на востоке появилась длинная горбатая складка и на глазах Дэниельса поползла к берегу. Достигнув островка, она вскинулась по илистой отмели почти до самых его ног. А вдали на сияющем зеркале воды стала набухать новая складка.

Дэниельс отдал себе отчет, что водная гладь еще необъятнее, чем думалось поначалу. Впервые за все свои скитания по прошлому он натолкнулся на столь внушительный водоем. До сих пор он всегда оказывался на суше и к тому же всегда знал местность хотя бы в общих чертах — на заднем плане меж холмов неизменно текла река.

Сегодня все было неузнаваемым. Он попал в совершенно неведомые края, — вне сомнения, его отбросило во времени гораздо дальше, чем случалось до сих пор, и он, по-видимому, очутился у берегов большого внутриконтинентального моря в дни, когда атмосфера была бедна кислородом — беднее, чем в последующие эпохи. «Вероятно, — решил он, — я сейчас вплотную приблизился к рубежу, за которым жизнь для меня стала бы попросту невозможна...» Сейчас кислорода еще хватало, хоть и с грехом пополам: потому он и дышал гораздо чаще обычного. Отступи он в прошлое еще на миллион лет — кислорода перестало бы хватать. А отступи еще немного дальше, и свободного кислорода не оказалось бы совсем.

Всмотревшись в береговую кромку, Дэниельс приметил, что она населена множеством крохотных созданий, снующих туда-сюда, копошащихся в пенном прибрежном соре или сверлящих булавочные норки в грязи. Он опустил руку и слегка поскреб камень, на котором сидел. На камне проступало зеленоватое пятно — оно тут же отделилось и прилипло к ладони толстой пленкой, склизкой и противной на ощупь.

Значит, перед ним была первая жизнь, осмелившаяся выбраться на сушу, — существа, что и существами-то еще не назовешь, боязливо жмущиеся к берегу, не готовые, да и не способные оторваться от подола ласковой матери-воды, которая бессменно пестовала жизнь с самого ее начала. Даже растения и те еще льнули к морю, взбираясь на скалы, по-видимому, лишь там, где до них хоть изредка долетали брызги прибоя.

Через несколько минут Дэниельс почувствовал, что одышка спадает. Брести, разгребая ногами ил, при такой нехватке кислорода было тяжкой мукой. Но просто сидя на камнях без движения, удавалось кое-как дышать.

Теперь, когда кровь перестала стучать в висках, Дэниельс услышал тишину. Он различал один-единственный звук — мягкое пошлепывание воды по илистому берегу, и этот однообразный звук скорее подчеркивал тишину, чем нарушал ее.

Никогда во всей своей жизни он не встречал такого совершенного однозвучия. Во все другие времена, даже в самые тихие дни, над миром витала уйма разных звуков. А здесь, кроме моря, не было ничего, что могло бы издавать звуки, — ни деревьев, ни зверей, ни насекомых, ни птиц, лишь вода, разлившаяся до самого горизонта, и яркое солнце в небе.

Впервые за много месяцев он вновь познал чувство отделенности от окружающего, чувство собственной неуместности здесь, куда его не приглашали и где он, по существу, не имел права быть; он явился сюда самозванно, и окружающий мир оставался чуждым ему, как, впрочем, и всякому, кто размером или разумом отличается от мелюзги, снующей по берегу. Он сидел под чуждым солнцем посреди чуждой воды, наблюдая за крохотными козявками, которым в грядущие эпохи суждено развиться до уровня существ, подобных ему, Дэниельсу, — наблюдая за ними и пытаясь ощутить свое, пусть отдаленное, с ними родство. Но попытки успеха не имели: ощутить родство Дэниельсу так и не удалось.

И вдруг в этот однозвучный мир ворвалось какое-то биение, слабое, но отчетливое. Биение усилилось, отразилось от воды, сотрясло маленький островок — и оно шло с неба.

Дэниельс вскочил, запрокинул голову — и точно: с неба спускался корабль. Даже не корабль в привычном понимании — не было никаких четких контуров, а лишь искажение пространства, словно множество плоскостей света (если существует такая штука, как плоскость света) пересекались между собой без всякой определенной системы. Биение усилилось до

воя, раздирающего атмосферу, а плоскости света беспрерывно то ли меняли форму, то ли менялись местами, так что корабль каждый миг представлялся иным, чем прежде.

Сначала корабль спускался быстро, потом стал тормозить — и все же продолжал падать, тяжело и целеустремленно, прямо на островок.

Дэниельс помимо воли съежился, подавленный этой массой небесного света и грома. Море, илистый берег и камни — все вокруг, даже при ярком солнце, засверкало от игры вспышек. Он зажмурился, защищая глаза, и тем не менее понял, что если корабль и коснется поверхности, то — опасаться нечего — сядет не на островок, а футах в ста, а может, и в ста пятидесяти от берега.

До поверхности моря оставалось совсем немного, когда исполинский корабль вдруг резко застопорил, повис и из-под плоскостей показался какой-то блестящий предмет. Предмет упал, взметнув брызги, но не ушел под воду, а лег на илистую отмель, открыв взгляду почти всю верхнюю свою половину. Это был шар — ослепительно сверкающая сфера, о которую плескалась волна, и Дэниельсу почудилось, что плеск слышен даже сквозь оглушительные раскаты грома.

И тогда над пустынным миром, над грохотом корабля, над неотвязным плеском воды вознесся голос, печально-бесстрастный, — нет, разумеется, это не мог быть голос, любой голос оказался бы сейчас слишком немощным, чтобы передать слова. Но слова прозвучали, и не было даже тени сомнения в том, что они значили:

«Итак, во исполнение воли великих и приговора суда мы высылаем тебя на эту бесплодную планету и оставляем здесь в искренней надежде, что теперь у тебя достанет времени и желания поразмыслить о содеянных преступлениях и в особенности о... (Тут последовали понятия, которые человеку не дано было постичь, — они как бы сливались в долгий невнятный гул, но самый этот гул или что-то в этом гуле замораживало кровь в жилах и одновременно наполняло душу отвращением и ненавистью, каких Дэниельс в себе раньше не ведал.) Воистину достойно сожаления, что ты не подвержен смерти, ибо убить тебя, при всем нашем отвращении к убийству, было бы милосерднее и точнее соответствовало бы нашей цели, каковая состоит в том, чтобы ты никогда более не мог вступить в контакт с жизнью любого вида и рода. Остается лишь надеяться, что здесь, за пределами самых дальних межзвезд-

ных путей, на этой не отмеченной на картах планете, наша цель будет достигнута. Однако мы налагаем на тебя еще и кару углубленного самоанализа, и если в какие-то непостижимо далекие времена ты по чьему-то неведению или по злому умыслу будешь освобожден, то все равно станешь вести себя иначе, дабы ни при каких условиях не подвергнуться вновь подобной участи. А теперь, в соответствии с законом, тебе разрешается произнести последнее слово — какое ты пожелаешь».

Голос умолк, и спустя секунду на смену ему пришел другой. Фраза, которую произнес этот новый голос, была сложнее, чем Дэниельс мог охватить, но смысл ее легко укладывался в три земных слова:

«Пропадите вы пропадом!..»

Грохот разросся, и корабль тронулся ввысь, в небо. Дэниельс следил за полетом, пока гром не замер вдали, а корабль не превратился в тусклую точку в синеве. Тогда он выпрямился во весь рост, но не сумел одолеть дрожь и слабость. Нащупал за спиной камень и снова сел.

И опять единственным в мире звуком остался шелест воды, набегающей на берег. Никакого плеска волны о блестящую сферу, лежащую в сотне футов от берега, слышно не было — это просто померещилось. Солнце нещадно пылало в небе, играло огнем на поверхности шара, и Дэниельс обнаружил, что ему опять не хватает воздуха.

Вне всякого сомнения, перед ним на мелководье, вернее, на илистой отмели, взбегающей к островку, находился тот, кого он привык называть «существом, замурованным в толще скал». Но каким же образом удалось ему, Дэниельсу, перенестись через сотни миллионов лет точно в тот ничтожный отрезок времени, который таил в себе ответы на все вопросы о том, что за разум погребен под пластами известняка? Это не могло быть случайным совпадением — вероятность подобного совпадения столь мала, что вообще не поддается расчету. Что, если он помимо воли выведал у мерцающего призрака перед входом в пещеру гораздо больше, чем подозревал? Ведь их мысли, припомнил Дэниельс, встретились и слились, пусть на мгновение, но не произошло ли в это мгновение непроизвольной передачи знания? Знание укрылось в каком-то уголке мозга, а теперь пробудилось. Или он нечаянно привел в действие систему психического предупреждения, призванную отпугивать тех, кто вздумал бы освободить опального изгнанника?

А мерцающий призрак, выходит, ни при чем? Это еще как сказать... Что, если опальный узник — обитатель шара — воплощает сокровенное, неведомое судьям доброе начало? Иначе как добром не объяснить того, что призрак сумел пронести чувство долга и преданности сквозь неспешное течение геологических эр. Но тогда неизбежен еще один вопрос: что есть добро и что есть зло? Кому дано судить?

Впрочем, существование мерцающего призрака само по себе, пожалуй, ничего не доказывает. Ни одному человеку еще не удавалось пасть так низко, чтобы не нашлось пса, готового охранять хозяина и проводить хоть до могилы.

Куда удивительнее другое: что же такое стряслось с его собственной головой? Как и почему он сумел безошибочно выбрать в прошлом момент редчайшего происшествия? И какие новые способности, сногсшибательные, неповторимые, ему еще предстоит открыть в себе? Далеко ли они уведут его в движении к абсолютному знанию? И какова, собственно, цель такого движения?

Дэниельс сидел на камнях и тяжело дышал. Над ним пылало солнце, перед ним стелилось море, тихое и безмятежное, если не считать длинных складок, огибающих шар и бегущих к берегу. В грязи под ногами сновали крохотные козявки. Он вытер ладонь о брюки, пытаясь счистить клейкую зеленую пленку.

«Можно бы, — мелькнула идея, — подойти поближе и рассмотреть шар как следует, пока его не засосало в ил...» Но нет, в такой атмосфере сто футов — слишком дальний путь, а главное — нельзя рисковать, нельзя подходить близко к будущей пещере, ведь рано или поздно предстоит перепрыгнуть обратно в свое время.

Хмелящая мысль — куда меня занесло! — мало-помалу потускнела, чувство полной своей неуместности в древней эпохе развеялось, и тогда выяснилось, что грязный плоский островок — царство изнурительной скуки. Глядеть было совершенно не на что, одно только небо, море да илистый берег. «Вот уж местечко, — подумал он, — где больше никогда ничего не случалось и ничего не случится: корабль улетел, знаменательное событие подошло к концу...» Естественно, и сейчас здесь происходит многое, что даст себя знать в грядущем, но происходит тайно, исподволь, по большей части на дне этого мелководного моря. Снующие по берегу козявки и ослизлый налет на скалах — отважные в своем неразумии пред-

вестники далеких дней — внушали, пожалуй, известное почтение, но приковать к себе внимание не могли.

От нечего делать Дэниельс принялся водить носком ботинка по грязному берегу. Попытался вычертить какой-нибудь узор, но на ботинок налипло столько грязи, что ни один узор не получался.

И вдруг он увидел, что уже не рисует по грязи, а шевелит носком опавшие листья, задеревеневшие, присыпанные снегом.

Солнца не стало. Все вокруг тонуло во тьме, только за стволами ниже по склону брезжил слабый свет. В лицо била бешеная снежная круговерть, и Дэниельс содрогнулся. Поспешно запахнул куртку, стал застегивать пуговицы. Подумалось, что эдак немудрено и закоченеть: слишком уж резким был переход от парной духоты илистого побережья к пронизывающим порывам вьюги.

Желтоватый свет за деревьями ниже по склону проступал все отчетливее, потом донеслись невнятные голоса. Что там творится? Он уже сообразил, где находится, — примерно в ста футах над верхним краем утеса; но там, на утесе, не должно быть сейчас ни души, не должно быть и света.

Он сделал шаг под уклон и остановился в нерешительности. Разве есть у него время спускаться к обрыву? Ему надо немедля бежать домой. Скотина, облепленная снегом, скучилась у ворот, просится от бурана в хлев, ждет не дождется тепла и крыши над головой. Свиньи не кормлены, куры тоже не кормлены. Человек не вправе забывать про тех, кто живет на его попечении.

Однако там, внизу, люди! Правда, у них есть фонари, но они почти на самой кромке утеса. Если эти олухи не поостерегутся, они запросто могут оскользнуться и сорваться вниз со стофутовой высоты. Почти наверняка охотники за енотами, хотя что за охота в такую ночь! Еноты давно попрятались по норам. Нет, кто бы ни были эти люди, надо спуститься и предупредить их.

Он прошел примерно полпути, когда кто-то подхватил фонарь, до того, по-видимому, стоявший на земле, и поднял над головой. Дэниельс разглядел лицо этого человека — и бросился бегом.

— Шериф, что вы здесь делаете?..

Но еще не договорив, почувствовал, что знает ответ, знает едва ли не с той секунды, когда завидел огонь у обрыва.

— Кто там? — круто повернувшись, спросил шериф и наклонил фонарь, посылая луч в нужную сторону. — Дэни-

сельс!.. — У шерифа перехватило дыхание. — Боже правый, где вы были, дружище?

— Да вот, решил прогуляться немного, — промямлил Дэниельс. Объяснение, он и сам понимал, совершенно неудовлетворительное, но не прикажете ли сообщить шерифу, что он, Уоллес Дэниельс, сию минуту вернулся из путешествия во времени?

— Черт бы вас побрал! — возмутился шериф. — А мы-то ищем! Бен Адамс поднял переполох: заехал к вам на ферму и не застал вас дома. Для него не секрет, что вы вечно бродите по лесу, вот он и перепугался, что с вами что-то стряслось. И позвонил мне, а сам с сыновьями тоже кинулся на поиски. Мы боялись, что вы откуда-нибудь сверзились и что-нибудь себе поломали. В такую штормовую ночь без помощи долго не продержишься.

— А где Бен? — спросил Адамс.

Шериф махнул рукой, указывая еще ниже по склону, и Дэниельс заметил двух парней, вероятно сыновей Адамса: те закрепили веревку вокруг ствола и теперь вытравливали ее за край утеса.

— Он там, на веревке, — ответил шериф. — Осматривает пещеру. Решил почему-то, что вы могли залезть в пещеру.

— Ну что ж, у него было достаточно оснований... — начал Дэниельс, но досказать не успел: ночь взорвалась воплем ужаса. Вопль был безостановочный, резкий, назойливый, и шериф, сунув фонарь Дэниельсу, поспешил вниз.

«Трус, — подумал Дэниельс. — Подлая тварь — обрек другого на смерть, заточив в пещере, а потом наложил в штаны и побежал звонить шерифу, чтобы тот засвидетельствовал его благонамеренность. Самый что ни на есть отъявленный негодяй и трус...»

Вопль заглох, упав до стона. Шериф вцепился в веревку, ему помогал один из сыновей. Над обрывом показались голова и плечи Адамса, шериф протянул руку и выволок его в безопасное место. Бен Адамс рухнул наземь, ни на секунду не прекращая стонать. Шериф рывком поднял его на ноги:

— Что с тобой, Бен?

— Там кто-то есть, — проскулил Адамс. — В пещере кто-то есть...

— Кто, черт побери? Кто там может быть? Кошка? Пантера?

— Я не разглядел. Просто понял, что там кто-то есть. Оно запряталось в глубине пещеры.

— Да откуда ему там взяться? Дерево спилили. Теперь туда никому не забраться.

— Ничего я не знаю, — всхлипывал Адамс. — Должно быть, оно сидело там еще до того, как спилили дерево. И попало в ловушку.

Один из сыновей поддержал Бена и дал шерифу возможность отойти. Другой вытягивал веревку и сматывал ее в аккуратную бухту.

— Еще вопрос, — сказал шериф. — Как тебе вообще пришло в голову, что Дэниельс залез в пещеру? Дерево спилили, а спуститься по веревке, как ты, он не мог — ведь там не было никакой веревки. Если бы он спускался по веревке, она бы там и висела. Будь я проклят, если что-нибудь понимаю. Ты валандаешься зачем-то в пещере, а Дэниельс выходит себе преспокойно из леса. Хотел бы я, чтобы кто-то из вас объяснил мне...

Тут Адамс, который плелся, спотыкаясь, в гору, наконец-то увидел Дэниельса и замер как вкопанный.

— Вы здесь? Откуда? — растерянно спросил он. — Мы тут с ног сбились... Ищем вас повсюду, а вы...

— Слушай, Бен, шел бы ты домой, — перебил шериф, уже не скрывая досады. — Пахнет все это более чем подозрительно. Не успокоюсь, пока не разберусь, в чем дело.

Дэниельс протянул руку к тому из сыновей, который сматывал веревку.

— По-моему, это моя.

В изумлении Адамс-младший отдал веревку, не возразив ни слова.

— Мы, пожалуй, срежем напрямую через лес, — заявил Бен. — Так нам поближе.

— Спокойной ночи, — бросил шериф. Вдвоем с Дэниельсом они продолжали не спеша подниматься в гору. — Послушайте, Дэниельс, — догадался вдруг шериф, — нигде вы не прогуливались. Если бы и впрямь бродили по лесу в такую вьюгу, на вас налипло бы куда больше снега. А у вас вид, словно вы только что из дому.

— Ну, может, это и не вполне точно утверждать, что я прогуливался...

— Тогда, черт возьми, объясните мне, где вы все-таки были. Я не отказываюсь исполнять свой долг в меру своего разумения, но мне вовсе не улыбается, если меня при этом выставляют дурачком...

— Не могу я ничего объяснить, шериф. Очень сожалею, но, право, не могу.

— Ну ладно. А что с веревкой?

— Это моя веревка, — ответил Дэниельс. — Я потерял ее сегодня днем.

— И наверное, тоже не можете ничего толком объяснить?

— Да, пожалуй, тоже не могу.

— Знаете, — произнес шериф, — за последние годы у меня была пропасть неприятностей с Беном Адамсом. Не хотелось бы думать, что теперь у меня начнутся неприятности еще и с вами.

Они поднялись на холм и подошли к дому. Машина шерифа стояла у ворот на дороге.

— Не зайдете ли? — предложил Дэниельс. — У меня найдется что выпить.

Шериф покачал головой.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал он. — Не исключено, что скоро. Думаете, там и вправду был кто-то в пещере? Или у Бена просто воображение разыгралось? Он у нас из пугливеньких...

— Может, там никого и не было, — ответил Дэниельс, — но раз Бен решил, что кто-то был, не будем с ним спорить. Воображаемое может оказаться таким же реальным, как если б оно встретилось нам наяву. У каждого из нас, шериф, в жизни есть спутники, видеть которых не дано никому, кроме нас самих.

Шериф кинул на него быстрый взгляд.

— Дэниельс, какая муха вас укусила? Какие такие спутники? Что вас гложет? Чего ради вы похоронили себя заживо в этой дремучей глуши? Что тут происходит?..

Ответа он ждать не стал. Сел в машину, завел мотор и укатил.

Дэниельс стоял у дороги, наблюдая, как тают в кругообороте метели гневные хвостовые огни. Все, что оставалось, — смущенно пожать плечами: шериф задал кучу вопросов и ни на один не потребовал ответа. Наверное, бывают вопросы, ответа на которые и знать не хочется.

Потом Дэниельс повернулся и побрел по заснеженной тропинке к дому. Сейчас бы чашечку кофе и что-нибудь перекусить — но сначала надо заняться хозяйством. Надо доить коров и кормить свиней. Куры потерпят до утра — все равно сегодня задавать им корм слишком поздно. А коровы, наверное, мерзнут у запертого хлева, мерзнут уже давно — и заставлять их мерзнуть дольше просто нечестно.

Он отворил дверь и шагнул в кухню.

Его ждали. Нечто сидело на столе, а быть может, висело над столом так низко, что казалось сидящим. Огня в оча-

ге не было, в комнате стояла тьма — лишь существо искрилось.

«Ты видел?» — осведомилось существо.

— Да, — ответил Дэниельс. — Я видел и слышал. И не знаю, что предпринять. Что есть добро и что есть зло? Кому дано судить, что есть добро и что есть зло?

«Не тебе, — отозвалось существо. — И не мне. Я могу только ждать. Ждать и не терять надежды».

«А быть может, там, среди звезд, — подумал Дэниельс, — есть и такие, кому дано судить? Быть может, если слушать звезды — и не просто слушать, а пытаться вмешаться в разговор, пытаться ставить вопросы, то получишь ответ? Должна же существовать во Вселенной какая-то единая этика. Например, что-то вроде галактических заповедей. Пусть не десять, пусть лишь две или три — довольно и их...»

— Извини, я сейчас тороплюсь и не могу беседовать, — сказал он вслух. — У меня есть живность, я должен о ней позаботиться. Но ты не уходи. Попозже у нас найдется время потолковать.

Он пошарил по скамье у стены, отыскал фонарь, ощупью достал с полки спички. Зажег фонарь — слабое пламя разлило в центре темной комнаты лужицу света.

«С тобой живут другие, о ком ты должен заботиться? — осведомилось существо. — Другие, не вполне такие же, как ты? Доверяющие тебе и не обладающие твоим разумом?»

— Наверное, можно сказать и так, — ответил Дэниельс. — Хотя, признаться, никогда до сих не слышал, чтобы к этому подходили с такой точки зрения.

«А можно мне пойти с тобой? — спросило существо. — Мне только что пришло на ум, что во многих отношениях мы с тобой очень схожи».

— Очень схо... — Дэниельс не договорил, фраза повисла в воздухе.

«А если это не пес? — спросил он себя. — Не преданный сторожевой пес, а пастух? И тот, под толщей скал, не хозяин, а отбившаяся от стада овца? Неужели мыслимо и такое?..»

Он даже протянул руку в сторону существа инстинктивным жестом взаимопонимания, но вовремя вспомнил, что притронуться не к чему. Тогда он просто поднял фонарь и направился к двери.

— Пошли, — бросил он через плечо.

И они двинулись вдвоем сквозь метель к хлеву, туда, где терпеливо ждали коровы.

Клиффорд Саймак

ОДНАЖДЫ НА МЕРКУРИИ

Старый Крипи сидел в контрольном отсеке и вдохновенно пиликал на визжащей скрипке. Вокруг Меркурианского Силового Центра, на опаленной солнцем равнине, Цветные Шары, подхватив настроение Крипи, обратились в жителей гор и скакали в неуклюжей кадрили. Кошка Матильда сидела в холодильнике, сердито смотрела на пластины замороженного мяса, висевшие у нее над головой, и нежно мяукала. В кабинете над фотоэлементной камерой — центром станции — Курт Крейг с раздражением глядел через стол на Нормана Пейджа. За сотню миль от них Кнут Андерсон, облаченный в громоздкий защитный космический костюм, настороженно следил за вихревым искажением пространства.

У Крейга неожиданно ожила линия связи. Он повернулся на стуле, снял трубку и буркнул в телефон что-то невнятное.

— Шеф, это Кнут. — Излучения искажали голос, делали его расплывчатым.

— Ну как? — прокричал Крейг. — Нашли что-нибудь?

— Да, очень большое, — ответил голос Кнута.

— Где?

— Даю координаты.

Крейг схватил карандаш и стал быстро записывать; голос в трубке шипел и трещал.

— Такого огромного еще не бывало, — проскрипел голос. — Все дьявольски закручено. Приборы полетели к черту.

— Придется шарахнуть по нему снарядом, — возбужденно сказал Крейг. — Уйдет, конечно, уйма энергии, но ничего не поделаешь. Если эта штука придет в движение...

Голос Кнута шипел, трещал и расплывался в пространстве, Крейг не мог разобрать ни слова.

— Возвращайтесь немедленно обратно! — заорал он. — Там опасно. Не подходите близко...

Clifford Simak. Mutiny on Mercury. 1932
Перевод Н. Рахмановой.

До него донесся голос Кнута, заглушаемый воем поврежденной линии связи.

— Тут еще кое-что есть, чертовски забавное...

Голос умолк.

Крейг закричал в микрофон:

— В чем дело, Кнут? Что забавное?

Он замолчал, потому что внезапно шипение, треск и свист прекратились. Крейг протянул левую руку к пульту управления и нажал рычаг. Пульт загудел от притока колоссальной энергии. Чтобы поддерживать связь на Меркурии, требовалась гигантская энергия. Ответного сигнала не последовало, связь не восстановилась.

Что-то там стряслось.

Побледневший Крейг встал, глядя через иллюминатор со светофильтром на серую равнину. Беспокоиться еще рано. Пока рано. Надо подождать, когда Кнут вернется. Это будет скоро. Ведь он приказал ему возвращаться немедленно, а эти вездеходы гоняют шустро. А если Кнут не вернется? Что, если пространственный вихрь сдвинулся с места? Кнут сказал, что такого громадного еще не бывало. Правда, встречаются эти штуки часто, все время держи ухо востро, но обычно они не так уж велики, чтобы стоило волноваться. Просто небольшие искажения, вихри там, где пространственно-временной континуум колеблется, раздумывая, в какую сторону качнуться. Не столько опасно, сколько мешает. Надо быть осторожным и постараться не въехать в него, вот и все. Но если крупное завихрение начнет двигаться, оно может поглотить даже Станцию.

Шары, все еще в виде горцев с земных холмов, отдыхали после трудового дня; шаркая ногами, они поднимали пыль, подпрыгивали и размахивали руками. В них было что-то нелепое — точно плясали пугала.

Равнины Меркурия простирались до самого горизонта — равнины с клубящейся пылью. Ярко-синее Солнце казалось чудовищным на фоне мрачно-черного неба; алые языки пламени рвались из него, извиваясь, словно щупальца. Меркурий находился ближе к Солнцу, чем другие планеты, на расстоянии всего лишь двадцати девяти миллионов миль. Поэтому, вероятно, и рождались искажения — из-за близости к Солнцу и появления на нем пятен. А впрочем, солнечные пятна могли и не иметь к этому никакого отношения. Кто знает?

* * *

Крейг вспомнил про Пейджа, только когда тот кашлянул. Крейг вернулся к столу.

— Надеюсь, проговорил Пейдж, вы передумали. Мой план значит для меня очень много.

Крейга внезапно охватил гнев: до чего навязчивый тип.

— Я вам уже ответил, — отрезал он. — И хватит. Своих решений я не меняю.

— Не понимаю, почему вы против, — не отставал Пейдж. — В конце концов, эти Цветные Шары...

— Не дам я ловить Шары, — оборвал его Крейг. — Ваш план просто безумие, это вам любой скажет.

— Ваше отношение меня удивляет, настаивал Пейдж. — В Вашингтоне меня уверяли...

— Плевать мне на Вашингтон, — заорал Крейг. — Вы отправитесь обратно, как только прибудет корабль с кислородом. И отправитесь без всяких Шаров.

— Кому от этого вред? А я готов заплатить за все услуги.

Крейг не обратил внимания на предложенную взятку.

— Попробую объяснить вам еще раз, — он наставил на Пейджа карандаш. — Я хочу, чтобы вы наконец поняли: Цветные Шары — уроженцы Меркурия. Они первые появились здесь. Они жили здесь, когда пришли люди, и наверняка останутся на Меркурии после того, как люди покинут его. Они не трогают нас, а мы не трогаем их. Мы оставляем их в покое по одной дьявольски простой причине: мы их боимся, мы не знаем, на что они способны, если их растревожить.

Пейдж открыл было рот, чтобы возразить, но Крейг жестом остановил его:

— Организм у них представляет собой сгусток чистой энергии; они черпают энергию Солнца, как вы и я. Только мы получаем ее окольным путем, в результате химических процессов, а они прямо от Солнца. Благодаря этому они мощнее нас. Вот почти и все, что можно о них сказать. Больше мы ничего не знаем, хоть и наблюдаем за ними уже пятьсот лет.

— Вы полагаете, это разумные существа? с насмешкой спросил Пейдж.

— А почему бы и нет? — повысил голос Крейг. Думаете, если человек не может с ними общаться, так у них нет разума? Да просто им этого не очень хочется. Быть может, их мышление не имеет ничего общего с человеческим. А может,

они считают человека существом низшей расы и просто не желают тратить на нас время.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Пейдж. — Ведь они тоже наблюдали за нами все эти годы. Они видели, что мы умеем делать. Они видели наши космические корабли. Видели, как мы построили Станцию. Видели, как мы посылаем энергию на другие планеты, отстоящие на миллионы миль от Меркурия.

— Верно, — согласился Крейг, — они все видели. Но произвело ли это на них впечатление? Откуда у вас такая уверенность? Человек считает себя великим строителем. Станете ли вы лезть из кожи, чтобы поговорить с муравьем, с ласточкой, с осой? Держу пари, что нет. А ведь они все тоже великие строители.

Пейдж сердито заерзал в кресле.

— Если они находятся на более высоком уровне развития, — фыркнул он, — где те вещи, которые они создали? Где их города, машины, цивилизация?

— А может быть, — предположил Крейг, — они на тысячелетия переросли машины и города? Может быть, они достигли той ступени цивилизации, когда механизмы больше не нужны?

Он постучал карандашом по столу.

— Послушайте. Шары бессмертны. Это несомненно. Ничто не может их убить. Как видите, они не имеют тела — это просто сгустки энергии. Так они приспособились к среде. И вы еще имеете наглость думать, что поймаете кого-нибудь? Ровно ничего о них не зная, вы хотите привезти их на Землю и показывать в цирке или вместо придорожной рекламы на обозрение зевакам!

— Но люди специально прилетают сюда посмотреть на Шары, — возразил Пейдж. — Вы же знаете. Туристическое бюро рекламирует их вовсю.

— Это другое дело. Здесь они у себя дома и могут вытворять что угодно, нам до этого нет дела. Но вывозить их отсюда и демонстрировать на Земле невозможно. Это повлекло бы за собой кучу неприятностей.

— Но если они так чертовски умны, — выпалил Пейдж, — то чего ради так кривляются? Не успеешь о чем-нибудь подумать — готово, они уже изображают твою мысль. Величайшие мимы в Солнечной системе. И ничего-то у них не получается правильно — все вкривь и вкось. В чем тут штука?

— Ничего удивительного, — отозвался Крейг. — В человеческом мозгу не рождается четко оформленных мыслей. А Цветные Шары их в таком виде улавливают и тут же воплощают. Думая о чем-нибудь, вы не даете себе труда разрабатывать мысли детально — они у вас обрывочны. Ну, так чего же вы хотите от Шаров? Они подбирают то, что вы им даете, и заполняют пробелы по своему разумению. Вот и получается, что стоит вам подумать о верблюдах — и к вашим услугам верблюды с развевающимися гривами, верблюды с четырьмя и пятью горбами, верблюды с рогами — бесконечная вереница дурацких верблюдов.

Он раздраженно бросил карандаш.

— И не воображайте, что Цветные Шары делают это для нашего развлечения. Скорее всего, они думают, что это мы имеем намерение их позабавить. И они забавляются. Может, они и терпят-то нас здесь только потому, что у нас такие забавные мысли. Когда люди впервые тут появились, здешние обитатели выглядели просто как разноцветные воздушные шары, катавшиеся по поверхности Меркурия. Их так и назвали — Цветные Шары. Но потом они перебывали всем, о чем только думает человек.

Пейдж вскочил.

— Я сообщу о вашем поведении в Вашингтон, капитан Крейг.

— Черт с вами, сообщайте, — рявкнул Крейг. — Вы, кажется, забыли, где находитесь. Вы не на Земле, где взятки, подхалимство и насилие дают человеку почти все, что он пожелает. Вы в Силовом Центре на солнечной стороне Меркурия. Это — главный источник энергии, снабжающий все планеты. Если Станция испортится, если поток энергии прервется, то в Солнечной системе все полетит вверх тормашками.

Он с силой стукнул по столу.

— Здесь командую я, и вы будете подчиняться мне, как все остальные. Мое дело следить за работой станции, за регулярной подачей энергии на другие планеты. Я не позволю, чтобы какой-то невежда и выскочка путался у меня под ногами. Пока я здесь, никто не посмеет тревожить Цветные Шары. У нас и без того достаточно забот.

Пейдж двинулся к двери, но Крейг остановил его.

— Хочу предупредить вас, — мягко сказал он. — На вашем месте я бы не стал выкрадывать вездеход — ни чужой, ни свой. После каждой поездки кислородный баллон вынимается

из машины и запирается в стойку. Единственный ключ от стойки — у меня.

Он пристально посмотрел в глаза Пейджу и продолжил:

— В машине, конечно, остается немного кислорода. Его хватит примерно на полчаса, а может, и того меньше. Но не больше. Не очень-то приятно быть застигнутым врасплох. Около одной из станций Сумеречного пояса на днях нашли одного такого парня.

Пейдж вышел, хлопнув дверью.

Шары перестали плясать и лениво катались по равнине. Время от времени один из них принимал форму какого-нибудь предмета, но делал это вяло, нерешительно и тотчас же возвращался в прежнее состояние.

Должно быть, Крипи отложил скрипку, подумал Крейг. Наверно, делает обход, проверяет, все ли в порядке. Вряд ли может что-нибудь произойти. Станция работает автоматически, от человека требуется минимум внимания.

Контрольный отсек был полон пощелкивающих, потрескивающих, звякающих, булькающих приборов — они направляли поток энергии в район Сумеречного пояса к подстанциям, которые передавали его дальше на кольцевую линию вокруг других планет. Стоит одному прибору сплоховать, стоит потоку отклониться в пространстве на какую-то долю градуса, и... Крейг содрогнулся, представив себе, как энергетический луч устрашающей силы врезается в планету, в город. Но система не может подвести, никогда этого не было и не будет. Она абсолютно надежна. Давно прошло то время, когда Меркурий посылал в другие миры огромные партии аккумуляторов энергии на грузовых космических кораблях.

Да, это была действительно свободная энергия, неиссякаемая, неистощимая; ее передавали на расстояния в миллионы миль лучевым способом Аддисона. Энергию получали фермы на Венере, шахты на Марсе; химические заводы и лаборатории холода на Плутоне.

Крейг услышал тяжелые шаги Крипи на лестнице и обернулся к двери, как раз когда старик входил в комнату.

— Земля только что обогнула Солнце, — сказал тот. — Станция на Венере приняла добавочный импульс.

Крейг кивнул: все идет по заведенному порядку. Как только Солнце заслоняет от Меркурия какую-нибудь планету,

ближайшая подстанция на ближайшей незатененной планете берет добавочную энергию и передает ее на затененную.

Крейг поднялся и, подойдя к иллюминатору, стал смотреть на пыльные равнины. На горизонте появилась точка — она быстро приближалась по мертвой серой пустыне.

— Кнут! — воскликнул он.

Крипи заковылял к двери:

— Пойду встречу его. Мы с ним уговорились сыграть сегодня партию в шахматы.

— Сначала, — сказал Крейг, — пусть зайдет ко мне.

— Ладно, — ответил Крипи.

...Крейгу никак не удавалось заснуть. Что-то тревожило его. Что-то неопределенное, так как никаких причин беспокоиться не было. Локатор показывал, что большое завихрение движется очень медленно, по нескольку футов в час, и к тому же в обратном от станции направлении. Других опасных завихрений обнаружено не было. Как будто бы все в порядке. И в то же время разные мелочи — смутные подозрения, догадки — не давали покоя. Вот, например, Кнут. Он был такой же, как всегда, но, разговаривая с ним, Крейг испытывал какое-то непонятное чувство. Он бы даже сказал — неприятное: мурашки бегали у него по спине, волосы на голове вставали дыбом. И в то же время ничего определенного.

А тут еще этот Пейдж. Проклятый дурак, чего доброго, и в самом деле удерет ловить Шары, и тогда неприятностей не обберешься. Странно, каким образом у Кнута испортились сразу обе рации — и в костюме, и в машине. Кнут не мог объяснить, как это произошло, даже и не пытался. Просто пожал плечами. Мало ли что бывает на Меркурии.

Крейг отказался от попыток заснуть. Он всунул ноги в шлепанцы, побрел к иллюминатору, поднял штору и выглянул наружу. Цветные Шары по-прежнему катались в пыли. Внезапно один из них превратился в громадную бутылку виски, она поднялась в воздух, перевернулась — жидкость полилась на землю. Крейг хихикнул: старина Крипи мечтает выпить.

Раздался осторожный стук в дверь. Крейг резко обернулся. Мгновение он стоял, затаив дыхание, и прислушивался, словно ожидая нападения. Затем тихо рассмеялся. Чуть не свалял дурака. Все нервы. Выпить-то не мешало бы ему. Снова стук, осторожный, но более настойчивый.

— Войдите.

Крипи бочком вошел в комнату.

— Так я и думал, что вы не спите, — сказал он.

— Что случилось, Крипи? — Крейг почувствовал, что снова весь напрягся. Нервы ни к черту не годятся.

Крипи подвинулся ближе.

— Кнут, — прошептал он. — Кнут выиграл у меня в шахматы. Шесть раз подряд, не дал мне ни одного шанса отыграться.

В комнате раздался хохот Крейга.

— Но прежде-то я выигрывал без труда, — настаивал старик. — Я даже нарочно давал ему иногда выиграть, чтобы он не заскучал и не бросил совсем играть. Сегодня вечером я как раз приготовился задать ему трепку, и вдруг...

Крипи нахмурился, усы его вздрогнули.

— И это еще не все, черт побери. Я как-то чувствую, что Кнут изменился...

Крейг подошел вплотную к старику и взял его за плечи.

— Я понимаю, — сказал он. — Очень хорошо понимаю, что вы чувствуете. — Опять он вспомнил, как волосы шевелились у него на голове, когда он недавно разговаривал с Кнутом.

Крипи кивнул, бледные глаза его мигнули, кадык дернулся.

Крейг повернулся на каблуках и начал стаскивать пижаму.

— Крипи, — резко произнес он, — сейчас же берите револьвер, спускайтесь в отсек управления и запритесь там. Никуда не выходите, пока я не вернусь. И не впускайте никого.

Он пристально посмотрел на старика:

— Вы понимаете? Ни-ко-го! Если вас вынудят — стреляйте. Но смотрите, чтобы никто не дотрагивался до рычагов.

Крипи вытаращил глаза и сглотнул слюну.

— А что, будут неприятности? — спросил он дрожащим голосом.

— Не знаю, — отрезал Крейг, — но хочу знать.

Внизу, в ангаре, Крейг сердито глядел на пустое место, где должна была стоять машина Пейджа. Вездеход исчез! Вне себя от злости Крейг подошел к баллонам с кислородом. Замок стойки не был поврежден. Он вставил ключ. Крышка отскочила: все баллоны на месте, стоят рядком, прикреплены к перезарядной установке. Не веря своим глазам, Крейг стоял и смотрел на баллоны.

Все на месте! Значит, Пейдж отправился без достаточного запаса кислорода. Это означает, что он погибнет мучительной смертью в пустынях Меркурия.

Крейг повернулся, чтобы идти, но вдруг остановился. Нет никакого смысла преследовать Пейджа, мелькнуло у него в голове. Этот болван, наверно, уже мертв. Самоубийство — иначе не назовешь его поступок. Настоящее самоубийство. И ведь он предупреждал Пейджа! Ему, Крейгу, предстоит работа. Что-то случилось там, около пространственного вихря. Он должен утихомирить мучительные подозрения, копошащиеся у него в мозгу. Кое в чем надо убедиться. Ему некогда преследовать покойников. Проклятый дурак, самоубийца. Он просто спятил — вообразил, что поймает Цветной Шар...

Крейг выключил линию, с яростью закрутил вентиль, отсоединил баллон и с трудом вытащил его из стойки.

Когда он направился через ангар к машине, кошка Матильда сбежала по сходням вниз и сразу же сунулась ему под ноги. Крейг споткнулся, чуть не упал, но с большим трудом устоял и выругался с тем красноречием, которое достигается долгой тренировкой.

— Мя-я-у, — общительно отозвалась Матильда.

Есть что-то нереальное в солнечной стороне Меркурия, и это скорее ощущаешь, чем видишь. Солнце оттуда кажется в десять раз больше, чем с Земли, а термометр никогда не показывает ниже 650 градусов по Фаренгейту. В этой чудовищной жаре люди вынуждены носить скафандры с фотоэлементной защитой, ездить в фотоэлементных машинах и жить на Силовой Станции, которая сама есть не что иное, как мощный фотоэлемент. Электрической энергией можно управлять, но жара и излучения почти не поддаются контролю. Скалы и почва рассыпаются там в пыль, исхлестанные бичами жары и излучений. А горизонт совсем близко, всегда перед глазами, словно видимый край света.

Но не это делает планету такой странной. Странность скорее в неестественном искажении всех линий, искажении, которое трудно уловить. Быть может, ощущение неестественности вызвано тем, что близость грандиозной массы Солнца делает невозможным существование прямой линии, она искривляет магнитные поля и будоражит самое структуру космического пространства.

Крейг все время ощущал эту неестественность, пока мчался по пыльной равнине. Вездеход зашлепал по жидкой лужице, с шипением разбрызгивая не то расплавленный свинец, не то олово. Однако Крейг не заметил этого: в мозгу его громоздились сотни несвязных мыслей. Глаза, окаймленные сетью морщинок, следили через прозрачный щит за углублениями, оставленными машиной Кнута. Баллон с кислородом тихонько свистел, воздушный генератор потрескивал. Но вокруг было тихо.

Оглядевшись, Крейг заметил, что за ним как будто следует большой синий Шар, но скоро забыл о нем. Он взглянул на картину с нанесенными на нее координатами завихрения. Осталось всего несколько миль. Он уже почти на месте...

С виду никаких признаков вихря не было, хотя приборы нащупали его и нанесли на карту, когда Крейг приблизился к нему. Быть может, если встать под прямым углом к завихрению, различишь слабое мерцание, колебание, как будто смотришь в волнистое зеркало. Но, пожалуй, больше ничто не указывало на присутствие вихря. Непонятно, где он начинался, где кончался. Нетрудно было войти в него даже с прибором в руке.

Крейг вздрогнул, вспомнив о первых межпланетниках, которые попадали в такие завихрения. Отважные астронавты дерзали приземляться на солнечной стороне, осмеливались путешествовать в космических костюмах старого образца. Почти все они погибали, испепеленные излучениями, буквально сваривались. Некоторые уходили в сторону равнин и исчезали. Они входили в облако и словно растворялись в воздухе. Хотя воздуха-то, собственно, никакого и не было — не было вот уже много миллионов лет. На этой планете все свободные элементы давным-давно исчезли. Все оставшиеся элементы, кроме разве тех, что залегали глубоко под грунтом, были так прочно связаны в соединениях, что невозможно было высвободить их в достаточных количествах. По этой же причине жидкий воздух доставлялся с Венеры.

Следы, оставленные машиной Кнута в пыли и на камнях, были очень отчетливы — сбиться с дороги было трудно. Вездеход немного подскочил вверх, потом нырнул в небольшую впадину. И в центре впадины Крейг увидел причудливую игру света и темноты, как будто глядел в кривое зеркало.

Вот оно — пространственное завихрение!

Крейг посмотрел на приборы — у него захватило дух. Да, это величина! Продолжая ехать по следам Кнута, Крейг скользнул во впадину, все приближаясь к тому зыбкому, почти не-

видимому пятну, которое было завихрением. Тут машина Кнута остановилась. Кнут, очевидно, вышел из нее и поднес приборы поближе; его следы проборозлили мелкую пыль. Вот он вернулся обратно... остановился, снова пошел. И там...

Крейг резко затормозил, с ужасом глядя сквозь прозрачный щит. Пульс бешено застучал у него в горле. Он спрыгнул с сиденья и поспешно стал натягивать космический костюм. Выйдя из машины, он направился к темной груде, лежавшей на земле. Он медленно подступал ближе, ближе, и страх тисками сжимал ему сердце. Наконец Крейг остановился. Жар и излучения сделали свое дело: сморщили, высушили, разрушили — но сомнений быть не могло. С земли на него смотрело мертвое лицо Кнута Андерсона!

Крейг выпрямился и огляделся вокруг. Цветные Шары танцевали на холмах, кружились, толкались — молчаливые свидетели его страшного открытия. Один из них, синий Шар, который был крупнее остальных, последовал за машиной во впадину; сейчас он беспокойно раскачивался метрах в пятнадцати от Крейга.

Кнут сказал: «Кое-что забавное». Он прокричал эти слова, голос его трещал и колебался, искажаемый мощными излучениями. А Кнут ли это был? Может, он уже умер, когда Крейг получил послание?

Крейг оглянулся. Кровь стучала у него в висках. Не Шары ли виноваты в смерти Кнута? А если так, то почему они не трогают его, Крейга? Вон сотни их пляшут на холме. Если это Кнут лежит здесь, вглядываясь мертвыми глазами в черноту пространства, то кто же тот, другой, вернувшийся назад?

Значит, Шары выдают себя за людей. Возможно ли это? Они, конечно, превосходные мимы, но не настолько. В их подражании всегда что-то не так, всегда есть что-то нелепое и фальшивое. Ему припомнились глаза Кнута, возвратившегося в Центр, — их холодный пустой взгляд, какой бывает у безжалостных людей. От этого взгляда у Крейга по спине и забегали мурашки. И этот Кнут, который прежде так плохо играл в шахматы, выиграл шесть раз подряд.

Крейг снова оглянулся на машину. Цветные Шары по-прежнему плясали на холмах, но большой синий Шар исчез. Какое-то неуловимое неприятное ощущение заставило Крейга обернуться и посмотреть на завихрение. На самом его краю стоял человек. Крейг безмолвно глядел на него, не в силах сдвинуться с места.

Человек, стоявший перед ним на расстоянии не больше сорока футов, был Курт Крейг!

Его черты лица, все его, он сам, второй Курт Крейг, он как будто завернул за угол — и столкнулся с самим собой, идущим навстречу. Изумление обрушилось на Крейга, оглушило его, как гром, он быстро шагнул вперед, затем остановился. Изумление сменилось страхом; возникло острое, как удар ножа, сознание опасности.

Человек поднял руку и поманил к себе Крейга, но Крейг стоял как вкопанный, пытаясь разобраться в происходящем, успокоить сумятицу в мозгу. Это не отражение, на человеке нет космического костюма, в какой одет Крейг. И это не настоящий человек, иначе он не стоял бы так под яростными лучами Солнца. Смерть последовала бы мгновенно. Всего сорок футов — но за ними бушует завихренис, оно поглотит любого, кто перейдет через запретную невидимую границу. Завихрение передвигается со скоростью несколько футов в час, и то место, где теперь стоит Крейг и где у ног его лежит тело Кнута, несколько часов назад находилось в сфере действия завихрения.

Человек шагнул вперед, и в тот же момент Крейг отступил назад и рука его взялась за револьвер. Но он успел только наполовину вытащить оружие: человек исчез. Исчез — и все. Ни дымки, ни дрожания разрушающейся материи. Человека не было. На его месте раскачивался большой синий Шар.

Холодный пот выступил у Крейга на лбу и заструился по лицу. Он знал, что был сейчас на волосок от смерти, а может быть, чего-нибудь и похуже. Он повернулся и, как безумный, бросился к машине, рванул дверцу, схватился за рычаги.

Крейг гнал машину, как одержимый. Страх схватил его холодными щупальцами. Дважды едва не произошла катастрофа: один раз вездеход нырнул в облако пыли, в другой раз пронесся по озеру расплавленного олова. Крейг твердо сжимал руль, упорно направляя машину вверх по скользкому от пыли холму.

Проклятие, этот субъект, который вернулся вместо Кнута, был точь-в-точь Кнут. Ему было известно то, что знал Кнут, он вел себя, как Кнут. Те же повадки, тот же голос, даже ход мыслей такой же. Что могут сделать люди — человечество — против этого? Смогут ли они отличать подлинных людей от двойников? Как они распознают самих себя? Существо, кото-

рое пробралось в Центр, с легкостью выиграло у Крипи в шахматы. Крипи приучил Кнута к мысли, что он, Кнут, играет не хуже Крипи. Но Крипи-то знал, что может выиграть у Кнута в любое время. Кнут же этого не знал, а значит, и тварь, изображавшая Кнута, тоже не знала. Поддельный Кнут сел за стол и выиграл у Крипи шесть партий подряд, к огорчению и недоумению старика. Есть тут какой-нибудь смысл или нет?

Синий Шар прикинулся Крейгом. Он пытался заманить Крейга в пространственное завихрение. Очевидно, Шары способны менять свою структуру и, таким образом, находиться в завихрении без всякого для себя ущерба. Они заманили туда Кнута, приняв вид человеческих существ и возбудив в нем любопытство. Он вступил в завихрение, и тут-то Цветные Шары и напали на него. Они ведь не могут добраться до человека, одетого в космический костюм, потому что Шары — сгустки энергии. В борьбе энергии с фотоэлементом всегда побеждает фотоэлемент.

Они не дураки, подумал Крейг. Метод Троянского коня. Сперва они добрались до Кнута, потом попытались проделать такую же штуку со мной. Окажись в Центре двое Шаров — им было бы нетрудно заполучить и Крипи.

Крейг бешено крутанул руль, давая выход злости. Потом затормозил перед ущельем и свернул на равнину. Прежде всего нужно отыскать Шар, который играл Кнута. Сначала надо его найти, а потом уже решать, что с ним делать.

Найти его оказалось не так-то просто. Крейг и Крипи, одетые в космические костюмы, стояли посреди кухни.

— Он должен быть где-то здесь, будь я проклят, — сказал Крипи. — Просто он так запрятался, что мы его проглядели.

Крейг покачал головой:

— Нет, Крипи, мы не проглядели. Мы с вами все обыскали, ни одной щели не оставили.

— А может быть, — предположил Крипи, — он сообразил, что игра проиграна, и дал тягу. Может, он удрал, когда я сторожил отсек управления?

— Может быть, — согласился Крейг. — Я тоже об этом думал. По крайней мере мы знаем, что он разбил рацию. Наверное, боялся, что мы вызовем помощь. А это означает, что у него был свой план. И возможно, в этот момент он приводит его в исполнение.

Станция молчала, но тишину подчеркивали и усиливали еле слышимые звуки: слабое пощелкивание приборов в нижнем этаже, шипение и сдержанное клокотание в воздушном генераторе, бульканье синтезируемой воды.

— Чтоб ему, — выругался Крипи, — я знал, что этого не может быть. Кнут просто не мог честным путем обыграть меня.

Из холодильной камеры раздалось отчаянное мяуканье.

Крипи двинулся к двери холодильника, захватив по дороге щетку.

— Опять эта чертова кошка, — пробурчал он, — никогда не упустит случая забраться туда.

Крейг стремительно шагнул вперед и отбросил руку Крипи от двери.

— Стойте! — приказал он.

Матильда жадно мяукала.

— Но ведь Матильда...

— А что, если это не Матильда? — резко сказал Крейг.

Со стороны двери, ведущей в коридор, послышалось тихое мурлыканье. Оба обернулись. Матильда стояла на пороге и, выгнув спину и задрав кверху пушистый хвост, терлась боком о косяк. В этот момент из холодильной комнаты донесся дикий, злобный кошачий вой.

Глаза Крипи сузились. Метла со стуком упала на пол.

— Но у нас же одна кошка!

— Вот именно, — отрезал Крейг. — Одна из них Матильда, а другая — Кнут, или, вернее, тварь, которая изображала Кнута.

Пронзительно затрещал сигнальный звонок. Крейг поспешно шагнул к иллюминатору и поднял штору.

— Это Пейдж! — воскликнул он. — Пейдж вернулся!

Крейг оглянулся на Крипи. Лицо его выражало недоверие: Пейдж уехал часов пять назад, без кислорода, и тем не менее он здесь, вернулся. Но человек не смог бы прожить без кислорода больше четырех часов. Взгляд Крейга стал жестким, между бровей пролегли морщины.

— Крипи, — сказал он внезапно, — отоприте дверь в холодильник, возьмите кошку на руки и держите, чтоб не убежала.

Крипи сделал кислое лицо, но опустился по сходням, открыл дверь и поднял с пола Матильду. Она громко замурлыкала, цепляясь за его руки в перчатках изящными лапками.

Пейдж вышел из машины и направился через ангар прямо к Крейгу, стуча каблуками. Крейг неприязненно смотрел на него сквозь маску космического костюма.

— Вы нарушили мой приказ, — отрывисто сказал он. — Отправились ловить Шары и даже кого-то поймали.

— Ничего страшного, капитан Крейг, — отозвался Пейдж. — Послушные, как котята. Ничего не стоит их приручить.

Он громко свистнул, и из машины выкатились два Шара — красный и зеленый. Они остановились и принялись раскачиваться.

Крейг посмотрел на них оценивающим взглядом.

— Сообразительные ребята, — добродушно заметил Пейдж.

— И как раз нужное число, — сказал Крейг.

Пейдж вздрогнул, но быстро овладел собой.

— Да, я тоже так думаю. Я, конечно, научу их обращению с приборами, но боюсь, что все рации полетят к черту, стоит им только приблизиться к приборам.

Крейг подошел к стойке с кислородными баллонами и откинул крышку.

— Одного я не могу понять, — сказал он. — Я предупреждал, что стойку вам не открыть. И предупреждал еще, что без кислорода вы погибнете. И тем не менее вы живы.

Пейдж рассмеялся.

— У меня было спрятано немного кислорода, капитан. Я как будто предчувствовал, что вы мне откажете.

Крейг вытащил один баллон из стойки.

— Вы лжете, Пейдж, — спокойно сказал он. — У вас не было другого кислорода. Да вам он и не нужен. Любой человек умер бы ужасной смертью, выйди он отсюда без кислорода. Но вы не умерли — потому что вы не человек!

Пейдж быстро отступил, но замер на месте, устремив взгляд на баллон с кислородом, когда Крейг предостерегающе его окликнул. Крейг сжал пальцами предохранительный клапан.

— Одно движение — и я выпущу кислород. — мрачно сказал он. — Вы, конечно, знаете, что это такое — жидкий кислород. Холодней самого пространства.

Он злорадно усмехнулся:

— Небольшая доза перестряхнет весь ваш организм, правда? Вы, Шары, привыкли жить на поверхности, в чудовищной жаре, и не выносите холода. Вы нуждаетесь в колоссальном количестве энергии, а у нас здесь, на Станции, энергии немного. Мы вынуждены беречь ее как зеницу ока, а не то погибнем.

Но в жидком кислороде энергии еще несравненно меньше... Вы сами создаете себе защитное поле и даже распространяете его вокруг, и все же оно не безгранично.

— Если бы не космические костюмы, вы бы иначе заговорили, — с горечью сказал Пейдж.

— Они, видно, поставили вас в тупик, — улыбнулся Крейг. — Мы их надели потому, что гонялись за вашим приятелем. Он, по-моему, в холодильнике.

— В холодильнике? Мой приятель?

— Да, который вернулся вместо Кнута. Он притворился Матильдой, когда понял, что мы за ним охотимся. Но он перестарался. Он настолько почувствовал себя Матильдой, что забыл, кто он на самом деле, и забрался в холодильник. И это ему пришлось не по вкусу.

У Пейджа опустились плечи. На какое-то мгновение черты лица его расплылись, затем снова стали четкими.

— Дело в том, что вы перебарщиваете, — продолжал Крейг. — Вот и сейчас вы больше Пейдж, чем Шар, больше человек, чем сгусток энергии.

— Не стоило нам делать этой попытки, — сказал Пейдж. — Надо было дождаться, пока вас кто-нибудь сменит. Мы ведь знаем, что вы не относитесь к нам с презрением, как многие люди. Я говорил, что следует подождать, но тут в пространственное завихрение попал человек по имени Пейдж...

Крейг кивнул.

— Понимаю, вы просто не могли упустить случай. Обычно до нас трудно добраться. Вам не справиться с фотоэлементными камерами. Но вам следовало сочинить что-нибудь поубедительнее. Эта чепуха насчет пойманных Шаров...

— Но ведь Пейдж отправился именно за ними, — настаивал мнимый Пейдж. — Ему бы, разумеется, это не удалось, но он-то был уверен в успехе.

— Очень было умно с вашей стороны — привести с собой ваших ребят, сделать вид, что вы их поймали, и в один прекрасный момент взять нас врасплох. Да, это было умнее, чем вы думаете.

— Послушайте, — сказал Пейдж, — нам ясно, что мы проиграли. Как вы поступите?

— Выпустим вашего друга из холодильной камеры, — ответил Крейг, — потом отопрем двери — и ступайте себе.

— А если мы не уйдем?

— Тогда выпустим жидкий кислород. У нас наверху полные баллоны. Изолируем комнату и превратим ее в настоящий ад. Вы этого не вынесете, погибнете от недостатка энергии.

Из кухни донесся чудовищный шум. Можно было подумать, будто связка колючей проволоки скачет по жестяной крышке. Шум чередовался с воплями Крипи. По сходням из кухни выкатился меховой Шар, а за ним Крипи, яростно размахивающий метлой. Шар распался и превратился в двух одинаковых кошек. Распушившиеся хвосты торчали кверху, шерсть на спине стояла дыбом, глаза сверкали зеленым огнем.

— Мне надоело держать эту проклятую кошку, и я... — выдохнул Крипи.

— Понятно, — прервал его Крейг. — И вы сунули ее в холодильник к другой кошке.

— Так оно и было, — сознался Крипи. — И предо мной разверзлась преисподняя.

— Ладно, — сказал Крейг. — Теперь, Пейдж, скажите, которая ваша.

Пейдж что-то быстро произнес, и одна из кошек начала таять. Очертания ее стали неясными, и она превратилась в Шар, маленький, трогательный бледно-розовый Шар.

Матильда испустила душераздирающий вопль и бросилась наутек.

— Пейдж, — сказал Крейг, — мы всегда были против осложнений. Если вы только захотите, мы можем быть друзьями. Есть ли для этого какой-нибудь способ?

Пейдж покачал головой:

— Нет, капитан. Мы и люди — как два полюса. Мы с вами разговариваем сейчас, но разговариваем как человек с человеком, а не как человек и представитель моего народа. В действительности различия слишком велики, нам не понять друг друга.

Он засмеялся и выговорил с запинкой:

— Вы славный парень, Крейг. Из вас вышел бы хороший Шар.

— Крипи, — окликнул Крейг, — отопри дверь.

Пейдж повернулся, чтобы идти, но Крейг остановил его:

— Еще минутку. В виде личного одолжения. Не скажете ли, на чем все это основано?

— Трудно объяснить, — ответил Пейдж. — Видите ли, дружище, все дело в культуре. Культура, правда, не совсем то

слово, но иначе я не могу выразить этого на вашем языке. Пока вы не появились здесь, у нас была своя культура, свой образ жизни, свой образ мыслей -- они были наши собственные. Мы развивались не так, как вы, мы не проходили этой предварительной незрелой стадии цивилизации, какую проходите вы. Мы начали с того места, до которого вы не доберетесь и через миллион лет. У нас была цель, идеал, к которым мы стремились. И мы продвигались вперед. Мне трудно объяснить это на вашем языке. И вдруг появились вы...

— Дальше догадываюсь, -- прервал его Крейг. -- Мы привнесли чужое влияние, нарушили вашу культуру, ваш образ мыслей. Наши мысли вторгаются в ваши, и вы становитесь не более как подражателями, перенимающими чужие идеи и повадки.

Он посмотрел на Пейджа:

— Неужели же нет выхода? Проклятие, неужели надо враждовать из-за этого?

Он еще не договорил, а уже знал ответ: выхода не было. Долгая земная история насчитывала сотни подобных войн: войны из-за различия религий, религиозной терминологии, из-за разницы в идеологии, в типе культуры. И ведь те, кто воевал, принадлежали к одной — людской -- породе, а не к двум разным, разного происхождения.

— Нет, — сам же ответил вслух Крейг, -- выхода нет. Когда-нибудь мы отсюда уйдем. Найдем другой источник энергии, подешевле, и оставим вас в покое. Но до тех пор... — Он не договорил.

Пейдж повернулся и пошел к двери, за ним последовали два больших Шара и один маленький, розовый.

Стоя у входа плечом к плечу, двое землян смотрели, как Цветные Шары вышли наружу. Сперва Пейдж сохранял человеческий облик, потом очертания его расплылись, съежились, и вот на его месте уже покачивался Шар.

Крипи захихикал.

— Фиолетовый, чтоб он пропал.

Крейг сидел за столом и писал свой отчет в Совет Солнечной энергии; перо быстро бегало по бумаге.

«Пятьсот лет они выжидали, прежде чем начать действовать. Быть может, они медлили из предосторожности или в надежде найти какой-то иной способ. А может быть, время

имеет у них другой счет. Для жизни, уходящей в бесконечность, время вряд ли имеет ценность. В течение всех этих пятисот лет они наблюдали за нами, изучали нас. Они читали в нашем мозгу, поглощали наши мысли, докапывались до наших знаний, впитывали нашу индивидуальность. Они, наверно, знают нас лучше, чем мы сами. Что такое их неуклюжее подражание нашим мыслям? Просто хитрость, попытка заставить нас считать их безвредными? Или между их подражанием и нашими мыслями такая же разница, как между пародией и настоящим произведением искусства? Этого сказать я не могу. У меня нет никаких догадок на этот счет. До сих пор мы не пытались защищаться от них, так как считали их забавными существами и ничем больше. Я не знаю, была ли кошка в холодильнике Шаром или Матильдой, но именно кошка в холодильнике подала мне мысль о жидком кислороде. Несомненно, есть более удачные способы. Подойдет все, что может быстро лишить их энергии. Я убежден, что они будут делать новые попытки, даже если им придется ждать еще пятьсот лет. Поэтому я настаиваю...»

Он положил перо. Корзина для бумаг, стоявшая в углу комнаты, зашевелилась, и из нее вылезла Матильда. Хвост у нее воинственно торчал кверху. Презрительно поглядев на Крейга, она направилась к двери и стала спускаться вниз по сходням.

Крипи нехотя пробовал скрипку. Настроение у него было скверное, он думал о Кнуте. Если не считать споров за шахматами, они всегда были друзьями.

Крейг прикидывал, что делать дальше. Надо съездить за телом Кнута и отправить его на Землю, чтобы его там похоронили. Но прежде всего он ляжет спать. С ума сойти, как хочется спать!

Он взял перо и продолжал писать:

«...чтобы были приложены все старания к изобретению эффективного оружия. Но использовать его мы будем только в качестве защиты. Об истреблении, какое велось на других планетах, не может быть и речи.

Но для этого мы должны изучить их так, как они изучили нас. Чтобы воевать с ними, надо их знать. К следующему разу они, несомненно, выдумают новый способ нападения. Необходимо также разработать систему проверки каждого входящего на Станцию, чтобы определить, человек он или Шар.

И наконец, следует приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить себя каким-то другим источником энергии на тот случай, если Меркурий станет для нас недоступным».

Он перечел докладную записку и отложил ее в сторону.

— Им это не понравится, — сказал он себе, — особенно последний пункт. Но ведь нужно смотреть правде в лицо.

Крейг долго думал. Потом поднялся и пошел к иллюминатору.

Снаружи, на равнинах Меркурия, Цветные Шары, разделившись попарно, превратились в громадные кости домино и теперь скакали в пыли. Насколько хватал глаз, равнина была усеяна этакими скачущими костяшками.

И при каждом прыжке их становилось все больше...

Клиффорд Саймак

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ?

Глава 1

И вот настал день, когда Человек был готов отказаться от мысли проникнуть в космос. Первые сомнения возникли еще тогда, когда Ван Аллен открыл вокруг Земли пояса радиации.

Но Человек слишком долго мечтал о космосе, чтобы сдаться, не сделав еще одной попытки.

И делалась одна попытка за другой, а астронавты гибли, доказывая, что Человек слишком слаб для космоса. Слишком непрочно держится в его теле жизнь. Он умирает или от первичной солнечной радиации, или от вторичного излучения, возникающего в металле самого корабля.

И в конце концов Человек понял несбыточность своей мечты и стал глядеть на звезды, которые теперь были от него дальше, чем когда-либо, с горечью и разочарованием.

После долгих лет борьбы за космос, пережив сотни миллионов неудач, Человек отступил.

И правильно сделал.

Существовал другой путь.

Глава 2

Шепард Блэйн чувствовал, что находится в доме, а если не в доме, то, во всяком случае, в месте, где кто-то живет. Тут присутствовали порядок и пропорции, которые не могли быть созданы природой, пусть даже это чужая природа, природа планеты, вращающейся вокруг неизвестной звезды за тысячи световых лет от Земли.

В отличие от песчаных дюн, по которым до этого двигался Блэйн, на полу странного жилища не оставалось следов. По сравнению с ревом урагана, столько часов оглушавшим Блэй-

---

Clifford Simak. Time Is the Simplest Thing. 1974

Перевод Г. Темкина.

на, пока он пробирался через пустыню, шум ветра здесь казался слабым шорохом.

Пол был сделан из голубого твердого и гладкого материала, и катиться по нему было очень легко. Вокруг стояли предметы, тоже голубого цвета, похожие на мебель или какие-то приспособления. Во всяком случае, их форма не была случайной, естественной, какую могли бы создать ветер и солнце, а свидетельствовала о том, что эти предметы имеют какое-то предназначение.

Крыши у сооружения не было. В небе светили звезды, а вдалеке мерцало тусклое солнце.

Включив все датчики на полную мощность, Блэйн медленно двинулся вперед. Ощущение, что он находится в доме, усиливалось, а вскоре к нему добавилось ощущение того, что в доме есть жизнь.

Блэйн почувствовал, что начинает волноваться. Жизнь даже в простейших формах удавалось обнаружить крайне редко, а случаи, когда на планетах открывали разумную жизнь, вообще считались исключительным событием.

Блэйн пошел совсем медленно. Датчики работали бесшумно, и тишину нарушали лишь шорох колес и слабое жужжание прибора, фиксирующего информацию о форме, цвете, запахе, размерах, записывающего температуру, время, силу магнитных полей и регистрирующего все, что только можно зарегистрировать на этой планете.

Он издалека заметил живое существо — нечто развалившееся на полу, как лентяй, которому нечего делать, кроме как просто лежать вот так.

Не прибавляя скорости, Блэйн направился к нему, а датчики тем временем скармливали записывающему устройству информацию о распластавшемся на полу существе.

Оно было розовым: не того омерзительного розового цвета, что так часто встречается, — линялого, наводящего на мысли об анатомическом театре. Это был жизнерадостно-розовый. Платьице такого цвета надела бы семилетняя соседская девочка в свой день рождения.

Оно смотрело на Блэйна. Может, не глазами, но смотрело. Оно знало, что он здесь. И не боялось.

Блэйн приблизился к нему почти вплотную и остановился.

Оно выглядело довольно массивным: высота достигала двенадцати футов, а диаметр — не менее двадцати футов. Рядом с небольшим механизмом, которым был сейчас Блэйн,

существо казалось гигантом, однако в нем не было ничего угрожающего. Хотя и дружественного тоже. И никаких других эмоций. Просто сгусток живой материи.

Блэйн напомнил себе, что теперь предстоит самое трудное. Теперь надо выбирать: действовать или отступить. От его следующего шага может зависеть, как сложатся дальнейшие взаимоотношения с этим существом.

Он стоял, ничего не предпринимая. Датчики втянулись и почти не работали, катушки записывающего устройства едва вращались.

Но ждать дальше было нельзя, потому что время подходило к концу. В его распоряжении оставалось совсем немного.

В этот момент сложнейшие приборы механизма, который сейчас заменял Блэйну тело, отметили, что по розовой массе пробежала легкая дрожь. Дрожь полусформированной мысли, начало контакта, первый шаг.

Блэйн напрягся, стараясь погасить поднимающуюся радость. Глупо радоваться, еще неизвестно, может, это и не телепатия. Хотя эта вибрация, определенные ощущения...

Ну пробуй же, сказал он себе, пробуй!

Время уходит!

Осталось всего полминуты!

Дрожь снова повторилась, на этот раз отчетливее, как будто существо, лежащее перед Блэйном, мысленно откашливалось перед тем, как начать говорить.

И существо заговорило.

— *Здорово, приятель!* — сказало оно. — *Меняюсь с тобой разумами*

Разум Блэйна совершенно неожиданно раздвоился. Блэйн был одновременно и собой, и Розовым. На какой-то ужасный миг он ощутил себя им целиком: он так же, как Розовый, видел и чувствовал, знал то же, что знал он. И в то же время оставался Шепардом Блэйном, исследователем из «Фишхука», чей разум теперь находился так далеко от дома, вне Земли.

В этот момент раздался щелчок — время истекло.

Казалось, вся Вселенная вздрогнула и понеслась куда-то с немыслимой скоростью. Шепард Блэйн возвращался через пространство в пять тысяч световых лет в один весьма своеобразный уголок на севере Мексики и был бессилен помешать этому.

Глава 3

Он медленно выбирался из черной пропасти пространства, в которую был погружен, прокладывая себе путь со слепым упорством, ведомый каким-то древним, врожденным инстинктом.

Он знал, где находится, был уверен, что знает, хотя не смог бы сказать где. В эту пропасть он падал уже много раз и столько же раз выбирался из нее, но сейчас происходило нечто особенное, чего никогда прежде не случалось.

Что-то необычное коснулось его самого, он перестал быть самим собой, вернее, остался собой только наполовину, во второй же половине поселилось неведомое Нечто, то самое, что лежало у стены, ничего не боялось и изнывало от скуки.

Он выкарабкивался из пропасти, а мозг продолжал с бездумным упорством бороться с тем странным существом. Бороться, осознавая, что борьба бесполезна, что это неведомое Нечто навсегда поселилось в нем и будет отныне неотъемлемой частью его «я».

На минуту он прекратил сопротивляться и попытался разобраться в себе. Он был одновременно слишком многим и слишком во многих местах, и это сбивало с толку. Он был и человеком (что бы это ни означало), и мчащейся сквозь космос машиной, и непонятным Розовым, распластавшимся на голубом полу, и безумцем, падающим через полную ревущего времени вечность, которая математически не превышала доли секунды.

Он выполз из пропасти, и тьму сменил мягкий свет. Блэйн неподвижно лежал на спине. Его тело снова принадлежало ему, и он испытал давнее-давнее чувство благодарности за то, что опять удалось вернуться.

Наконец он все вспомнил.

Я, Шепард Блэйн, разведчик из «Фишхука», летаю в космос, исследую неизвестные миры. Бывал на планетах за много световых лет от Земли. Иногда открывал что-то интересное, иногда — нет. Но в этот раз обнаружил Нечто, ставшее частью меня самого и вернувшееся вместе со мной на Землю.

Он поискал это Нечто и обнаружил в уголке своего мозга, куда оно в ужасе забилось. Блэйну тоже было страшно, однако он попытался успокоить Его. Он понимал, каково Ему быть в плену у чужого разума. Хотя, с другой стороны, он и сам с радостью избавился бы от этого «пленника», поселившегося в его мозгу.

— *Невеселая ситуация для нас обоих*, — мысленно произнес Блэйн, беседуя одновременно с собой и с этим существом.

Чужой выполз из своего уголка, где все это время прятался, и Блэйн ощутил его прикосновение, заглянул на миг в его чувства, понятия, знания. Блэйну показалось, что кровь чужого существа ледяным потоком вливается в его вены, что он ощущает его затхлый запах и слизистое прикосновение его лап, — он хотел закричать и с трудом сдержал безумный вопль. Он заставил себя лежать неподвижно, и Розовый опять забился в свое убежище и улегся, свернувшись в клубок.

Блэйн открыл глаза и увидел, как крышка кабины, в которой он лежал, откинулась. В лицо ударил резкий свет лампы.

Блэйн мысленно ощупал тело, проверяя, в целости ли оно и сохранности. Все было в порядке. Да иначе и быть не могло: все эти тридцать часов тело лежало здесь в полном покое. Он пошевелился, приказал себе подняться и сел. Со всех сторон смотрели расплывающиеся в потоках света лица.

— Ну как, трудно было в этот раз? — спросил кто-то.

— Не легче, чем обычно, — ответил Блэйн.

Он вылез из похожей на гроб кабины и зябко передернул плечами. Вдруг стало холодно.

— Ваш пиджак, сэр, — приблизилось чье-то лицо над белым халатом.

Девушка помогла ему надеть пиджак.

Потом подала стакан.

Блэйн попробовал: молоко. Можно было догадаться. Здесь всем принято по возвращении давать стакан молока. Может, в него что-нибудь кладут? Он никогда не интересовался. Для него и других разведчиков это была одна из многих мелочей, составляющих особую прелесть «Фишхука». Через сто с небольшим лет существования «Фишхук» сумел пронести великое множество полузабытых, в разной степени старомодных традиций.

Он уже стоял, потягивая молоко, и к нему возвращалась большая пусковая комната, в которой блестели ряды звездных машин. Некоторые были открыты, а в закрытых лежали тела товарищей Блэйна, и их разум путешествовал сейчас где-то в космосе.

— Который час? — спросил Блэйн.

— Девять вечера, — ответил человек, державший в руках журнал регистрации.

Существо опять шевельнулось в мозгу, и вновь зазвучали слова:

— Здорово, приятель. Меняюсь с тобой разумами!

Пожалуй, по человеческим понятиям, ничего более нелепого быть не могло. Это было приветствие. Что-то вроде рукопожатия. Мозгопожатие! Впрочем, если вдуматься, в нем куда больше смысла, чем в обычном рукопожатии.

Девушка тронула его за руку:

— Ваше молоко, сэр!

Если это расстройство мозговой деятельности, значит, оно еще не прошло. Блэйн снова ощутил Его — этот чуждый, темный сгусток, спрятавшийся где-то в подсознании.

Машина в порядке? — спросил Блэйн.

Человек с журналом кивнул:

— Все в полном порядке. Записи с информацией уже отправили.

Полчаса, спокойно подумал Блэйн и удивился собственному спокойствию. У него осталось всего полчаса, потому что именно столько потребуется, чтобы обработать информацию. Записи всегда просматриваются сразу после возвращения исследователя. Приборы, конечно, зафиксировали, что произошло. И вскоре все станет известно. Надо выбраться отсюда прежде, чем прочтут записи.

Он оглядел комнату и вновь почувствовал удовлетворение, восторг, гордость — то, что испытал, попав сюда впервые много лет назад. Этот зал — сердце «Фишхука», отсюда отправляются исследователи на далекие планеты.

Блэйн представлял, как тяжело будет расстаться со всем этим, как трудно будет уйти насовсем, — слишком большую часть самого себя он сюда вложил.

Но выбора нет, надо уходить.

Он допил молоко, отдал девушке стакан. Затем пошел к двери.

— Одну минуту, сэр, — мужчина протянул ему журнал. — Вы забыли расписаться.

Проклиная формальности, Блэйн вынул из журнала карандаш и расписался. Столько глупостей, но таков ритуал. Расписывайся, когда приходишь, отмечайся, когда уходишь, а главное, держи язык за зубами. Такое впечатление, что одно лишнее слово — и «Фишхук» рассыплется в прах.

Он вернул журнал.

— Простите, мистер Блэйн, но вы не указали, когда придете на чтение записей.

— Напишите: завтра в девять, — бросил он.

Пусть пишут все, что вздумается, он не собирается возвращаться. У него осталось лишь тридцать минут, даже меньше, и нельзя терять ни мгновения.

С каждой убегающей секундой в памяти все ярче вставал тот вечер три года назад. Он отчетливо помнил не только слова, но и тон, которым они были произнесены. В тот вечер позвонил Годфри Стоун, и в его голосе, прерывистом, словно после очень быстрого бега, звучал панический страх...

— Счастливо! — Блэйн вышел в коридор и захлопнул за собой дверь. В коридоре никого не было. По обеим сторонам пустынного коридора двери были закрыты, из-за некоторых сквозь щели просачивался свет, стояла полная тишина. Но в этой безлюдности и тишине ощущался пульс гигантского организма «Фишхука». Казалось, огромный комплекс никогда не спит: круглые сутки работают лаборатории и испытательные станции, заводы и университеты, обширнейшие библиотеки и склады...

Блэйн на мгновение остановился, прикидывая. Все, кажется, достаточно просто. Выйти из здания ничто не мешает. Остается только сесть в машину, которая на стоянке, в пяти кварталах отсюда, и поскорей добраться до северной границы. Нет, остановил Блэйн себя, не годится, чересчур уж просто и прямолинейно. В «Фишхуке» наверняка решат, что именно так я и поступлю.

Но сомнение не покидало Блэйна, голову сверлила чудовищная мысль: а надо ли вообще бежать?!

А те пятеро после Годфри Стоуна — что, разве еще недостаточно?

Блэйн быстро зашагал вниз по коридору, стараясь разобраться в своих сомнениях и вместе с тем чувствуя, что сомнениям сейчас не место. Какие бы колебания ни возникали, он знал, что действует правильно. Но правильность сознавал рассудком, а сомнения шли от сердца.

Он понимал, что причина одна: он не хочет бежать из «Фишхука». Ему тут нравится, ему интересно работать в «Фишхуке» и не хочется бежать.

Но эту борьбу с самим собой он выиграл много месяцев назад. Уже тогда пришло решение: когда придет время, он уйдет, все бросит и убежит, как бы ни хотелось остаться.

Потому что Годфри Стоун уже прошел через это и, спасаясь бегством, выбрал момент и позвонил — не для того, чтобы просить о помощи, а чтобы предупредить.

«Шеп! — он выдыхал слова, словно говорил на бегу. — Шеп, слушай и не перебивай. Если когда-нибудь вернешься не таким, каким улетал, уноси ноги. Не жди ни минуты. Сразу же уноси ноги».

Затем в трубке щелкнуло, и все стихло.

Блэйн помнил, как стоял, продолжая сжимать в руке трубку. «Да, Годфри, — сказал он в молчащий телефон. — Да, я запомню. Спасибо. Удачи тебе».

И все. Больше он Годфри Стоуна никогда не видел и не слышал.

«Если ты вернешься не таким», — сказал Годфри. И вот теперь Шеп «не такой». Он ощущает в себе чужой разум, второе «я», прячущееся в мозгу. Вот что, значит, делает человека «не таким». А как же другие? Не может быть, чтобы все повстречали того самого Розового, обитающего в пяти тысячах световых лет от Земли. Сколько же еще способов стать «не таким»?

Скоро в «Фишхуке» узнают, что он прилетел «не таким». Этому невозможно помешать. Узнают, лишь только закончат обрабатывать информацию. Тогда его запрут в лаборатории и приставят «слухача» — человека, ковыряющегося в чужих мыслях. Слухач будет разговаривать дружелюбно и даже с сочувствием, а сам в это время будет извлекать из его мозга Чужой Разум — выковыривать из убежища и исследовать.

Он подошел к лифту и уже собирался нажать кнопку, но тут распахнулась одна из выходящих в холл дверей.

— А, Шеп, это ты, — произнес человек, появившийся в двери. — Слышу, кто-то вышел из пусковой, думаю: кто бы это мог быть?

— Я только что вернулся, — ответил Блэйн.

— Не хочешь зайти ко мне на минутку? — пригласил Кирби Рэнд. — Я как раз собрался открыть бутылочку.

Блэйн знал, что раздумывать некогда. Надо или зайти и выпить пару рюмок, или сразу отказаться. Но отказ вызовет у Рэнда подозрение. Потому что работа Рэнда — подозревать. Не зря он начальник отдела безопасности «Фишхука».

— Ладно, — согласился Блэйн, стараясь говорить как можно спокойнее. — Только ненадолго. Свидание. Нехорошо заставлять девочку ждать.

Это должно избавить от всяких дальнейших предложений, подумал Блэйн. А то этот тип от избытка чувств может пригласить пообедать или что-нибудь посмотреть.

Кабина уже почти подошла к их этажу, но Блэйн заставил себя отойти от лифта. Идиотская задержка, но ничего теперь не поделаешь.

Когда он вошел к Рэнду, тот дружески похлопал его по плечу:

— Ну, как путешествие?

— Все отлично.

— Далеко летал?

— Около пяти тысяч световых.

Рэнд кивнул:

— Этого я мог и не спрашивать. Теперь все летают далеко. Поблизости мы уже почти все закончили. Еще сотня лет — и начнем летать за десять тысяч.

— Разницы большой нет, — сказал Блэйн. — Стоит только вылететь, как ты уже там. Расстояние не имеет значения. Может, когда станем летать еще дальше, до середины Галактики, тогда появятся помехи. И то вряд ли.

— Ученые тоже так считают.

Рэнд пересек кабинет, подошел к массивному столу и взял бутылку. Отбил сургуч и вытащил пробку.

— Знаешь, Шеп, — сказал он, — мы занимаемся фантастическим делом. И хотя иногда надоедает, в нем есть своя романтика.

— Просто мы дошли до этого очень поздно, — ответил Блэйн. — Умение было в нас всегда, но им не пользовались. Потому что не могли найти ему практического применения. Потому что все это казалось слишком немыслимым. Потому что отказывались верить. Древние догадывались об этом умении, но не понимали его и считали колдовством.

— Простые люди и сегодня так думают. — Рэнд достал лед из встроенного в стену холодильника, положил в бокалы и наполнил их почти до краев. — Садись. — Он протянул Блэйну бокал и сел за стол. — Напрасно не присаживаешься. Ты же не особенно спешишь, а сидя пить гораздо приятнее.

Блэйн сел. Рэнд положил ноги на стол, устраиваясь поудобнее.

Осталось не более двадцати минут!

А он сидит здесь, сжимая в руке бокал, и ждет, когда Рэнд снова заговорит. И в эту секунду, когда оба молчали, Блэйну почудилось дыхание «Фишхука». «Фишхук» представился ему огромным живым существом, которое лежит здесь, в Северной Мексике, прильнув к закутавшейся в ночь матери-

Земле. У этого существа есть сердце, легкие, пульсирующие вены, и он, Блэйн, чувствует этот пульс.

— У вас, исследователей, не жизнь, а одно удовольствие, — сидящий за противоположным концом стола Рэнд изобразил на лице добродушие. — Я иногда вам завидую.

— Для нас это работа, — небрежно заметил Блэйн.

Вот сегодня ты побывал за пять тысяч световых лет. Наверняка это что-то тебе дало.

— Да, пожалуй, — согласился Блэйн. — Испытываешь какое-то высшее духовное удовлетворение, когда подумаешь, куда летал. А сегодня к тому же было интересней, чем обычно. Кажется, я нашел жизнь.

— Расскажи, — попросил Рэнд.

Тут нечего рассказывать. Я натолкнулся на это существо, когда время уже кончалось. И не успел ничего сделать, как меня потащило назад. Ты должен что-то придумать, Кирби. Это чертовски мешает.

— Вряд ли это возможно. — Рэнд покачал головой.

— Вы должны позволить нам хоть иногда действовать по собственному усмотрению, — настаивал Блэйн. — Лимит времени не должен быть таким строгим. А то приходится торчать все тридцать часов на планете, где нечего делать, а когда, кажется, что-то находишь, тебя возвращают на Землю.

Рэнд усмехнулся.

— И не пытайся утверждать, что вам это не по силам, — продолжал Блэйн. — Я знаю, что это возможно. В распоряжении «Фишхука» столько ученых...

— Да нет, я не спорю, — ответил Рэнд. — это возможно, конечно. Просто мы не хотим выпускать контроль из своих рук.

Боитесь, кто-нибудь останется?

— Не исключено.

— Зачем? — удивился Блэйн. — Ведь там ты уже не человек. Только человеческий разум, запрятанный в хитроумную машину.

— Нас устраивает все как есть. И потом, мы очень ценим вас, исследователей. Меры безопасности необходимы. Вдруг за пять тысяч световых лет случится авария? Вдруг что-то произойдет и разведчик не сможет управлять машиной? В этом случае он для нас потерян. А так все делается автоматически. Отправляя вас, мы знаем наверняка, что вы вернетесь.

— Вы слишком высоко нас цените, — сухо заметил Блэйн.

— Вовсе не слишком, — возразил Рэнд. — Ты имеешь представление, сколько денег мы в вас вкладываем? Ты отдаешь себе отчет, сколько человек приходится отсеять, прежде чем найдешь подходящего? Он должен быть и телепатом, и иметь способности к телепортации, и обладать психикой, способной выдержать все, что бы ни встретилось в космосе. И наконец, он должен быть предан «Фишхуку».

— Ну, преданность-то вы покупаете. Тут еще никто не жаловался на слишком маленькую зарплату.

— Я говорю о другом, — остановил его Рэнд, — ты знаешь о чем.

А каков ты сам, подумал Блэйн, какими человеческими качествами надо обладать, чтобы работать в системе безопасности? Может, надо уметь подслушивать чужие мысли, подглядывать в чужой разум? Но он знал Рэнда много лет и не замечал за ним таких способностей. Если б Рэнд был слухачом, зачем бы ему держать людей, единственная задача которых — подслушивать чужие мысли?

— И все-таки, — сказал Блэйн, — я не вижу необходимости держать нас под контролем постоянно. Мы могли бы...

— Не пойму, чего ты так беспокоишься. Полетишь еще на свою планету и продолжишь, что начал.

— Конечно полечу. Я ведь ее нашел, так что она в какой-то степени моя.

Он допил виски и поставил бокал.

Все. Спасибо. Я пошел.

— Ладно, — ответил Рэнд. — Не буду тебя задерживать. Ты завтра работаешь?

— С девяти.

Глава 4

Блэйн открыл массивную, роскошно украшенную дверь и вышел на площадь. Он всегда стоял здесь минуту-другую, наслаждаясь городом, который в этот час особенно хорош. На площади, залитой мягким светом уличных фонарей, прохожие казались бесплотными тенями. Легкий вечерний ветерок шелестел листвой. Молча, почти бесшумно проносились вечно спешащие автомобили. И все это было слегка подернуто таинственной тонкой дымкой осеннего вечера.

Но сегодня он не стал любоваться городом. Не было времени. В его распоряжении оставалось всего восемь минут. Каких-то жалких восемь минут.

Его машина стояла на стоянке всего в пяти кварталах отсюда, но до нее не успеть дойти. Рисковать нельзя. Машину придется оставить.

И еще этот Кирби Рэнд. Зачем ему вдруг понадобилось выходить из кабинета и звать меня выпить именно в этот вечер?

Вроде бы все выглядело вполне естественно, но от разговора с Рэндом у Блэйна остался осадок легкого беспокойства, ощущение, будто Рэнд знал, что крадет у него время, будто он о чем-то подозревал.

Но все это позади, успокаивал себя Блэйн. Конечно, ему не слишком повезло, но ничего страшного пока не случилось. Может быть, так даже лучше. Если б он взял машину, «Фишхук» знал бы наверняка, где его искать. Но если уж его вынудили остаться в городе, то он исчезнет за десять минут.

Блэйн зашагал вниз по аллее и свернул в направлении, противоположном стоянке.

Еще бы десять минут, повторял он про себя, как молитву. За эти десять минут он найдет дюжину мест, где можно спрятаться — спрятаться, чтобы прийти в себя, подумать и решить, что делать дальше. Потому что сейчас, без машины, он просто не знает, что предпринять.

У него будут эти десять минут, он не сомневался в этом, только бы ему повезло, только бы не встретить кого-нибудь из знакомых.

Блэйн шел и чувствовал, как в голове, подобно пене, вскипает страх. Не его страх. Страх нечеловеческий. Бездонный, черный, визжащий, цепляющийся страх, рожденный в разуме, который не может больше выносить ужасов чужой планеты, не может прятаться в чужом мозгу, не в силах приспособиться к угрожающей ситуации, невыносимой оттого, что все в ней непонятно.

Стиснув зубы, Блэйн боролся с этим страхом, сознавая краешком ума, не поддавшимся панике, что страшно не ему, а тому, другому, кто прячется у него в мозгу.

Блэйн почувствовал, что сейчас не выдержит и побежит. Но напряг остатки воли и сдержался. Ему нельзя бежать: он ни в коем случае не должен привлекать к себе внимание.

Шатаясь от напряжения, Блэйн свернул с аллеи, наткнулся на толстое дерево и, вытянув руки, обхватил ствол, как

будто надеясь, что прикосновение к чему-то земному прибавит ему сил.

Он обнял ствол дерева и замер, приникнув к нему. Страх начал медленно стекать обратно, в глубины мозга. Чужой разум уползал назад в свою нору, жалко отступая и прячась.

— *Все в порядке,* — пытался успокоить его Блэйн. — *Оставайся там, где есть, и не беспокойся. Предоставь все мне. Я все сделаю сам.*

Существо пыталось освободиться. Оно сделало отчаянную попытку вырваться из плена и, потерпев неудачу, вернулось обратно, в самый безопасный уголок загона, в котором вдруг оказалось.

«Только бы это не повторилось, — подумал Блэйн. — Больше не выдержу. Случись это еще раз — побегу, не в силах противиться страху. Побегу — с пеной у рта, испуская вопли ужаса. И тогда мне крышка».

Он разжал руки, отпустил дерево и теперь стоял рядом с ним, выпрямившись, оцепенев, с трудом заставляя себя стоять прямо, не поддаваться слабости. Он чувствовал, что его тело покрыто испариной, дыхание — как у бегуна, только что пробежавшего дистанцию. «Неужели сумею убежать, скрыться? Неужели смогу спастись с этой обузой за пазухой?» Даже одному было бы нелегко скрываться от преследования, а если тащить с собой этот скулящий от страха разум...

Но от него не избавиться. По крайней мере, сейчас неизвестно, как это сделать, и придется терпеть его в себе и бороться вместе с ним, как бы трудно ни было.

Он отошел от дерева, но теперь его шаг замедлился, стал менее уверенным. Стараясь унять охватившую его дрожь, придать твердость походке, Блэйн двинулся дальше вниз по аллее. И вдруг почувствовал, что страшно голоден. Удивительно, подумал он, что голод только сейчас даст о себе знать. Ведь, кроме стакана молока, за последние тридцать часов во рту не было ни крошки. Только полный покой для тела, похожий на глубокий, крепкий сон, — и ни крошки еды за все это время.

Глухо бормоча атомными двигателями, мимо проносились реактивные автомобили.

Один из них подлетел к тротуару, остановился рядом с Блэйном, и чье-то лицо показалось в окошке.

— Шеп! Вот это здорово! Я так и знал, что встречу тебя.

Блэйн испуганно остановился и взглянул на водителя, чувствуя, как чужой страх вновь закипает в нем. Усилием во-

ли Блэйн загнал этот страх обратно и произнес как можно спокойнее:

— Привет, Фредди! Давненько мы с тобой не виделись.

Это был Фредди Бейтс. Никто не знал, чем он занимается, но ходили смутные слухи, что он чей-то представитель в этом городе, где каждый второй или какой-нибудь уполномоченный, или секретный агент.

Фредди открыл дверцу:

— Прыгай. Поедем на вечеринку.

Кажется, это то, что надо, подумал Блэйн. Конечно, лучше и не придумаешь: «Фишхуку» в голову не придет искать его в веселящейся компании. И потом, в случае чего оттуда всегда легко улизнуть. Там столько народа, что исчезновения одного человека никто не заметит. И наверняка найдется машина, в которой какой-нибудь рассеянный владелец забудет ключи. Кроме всего, там можно будет поесть — а это необходимо.

— Прыгай, — повторил Фредди. — Сегодня пьянка у Шарлин.

Блэйн быстро сел на мягкое сиденье. Дверца тихо захлопнулась, и машина Фредди влилась в мчащийся поток.

— Я говорю Шарлин, — начал Фредди, — что это за вечер, если нет ни одной души из «Фишхука». И вызвался заманить какую-нибудь важную птицу оттуда.

— Ты промахнулся. Никакая я не важная птица.

— Зато исследователь, разведчик. А разведчикам есть о чем порассказать.

— Ты же знаешь, мы на эти темы не распространяемся.

Фредди прищелкнул языком:

— Всё тайны!

— Нет, просто правила и инструкции.

— Да, конечно. Потому-то слухи здесь разносятся со скоростью света. Стоит днем случиться чему-нибудь на одном конце города, как вечером в кабаках на другом конце уже обсасываются все подробности.

— И обычно перевираются.

— Может, кое-что и приукрашивается для интереса, но суть дела остается.

Блэйн промолчал. Откинувшись на спинку сиденья, смотрел через окно на мелькающие огни улиц, на кварталы массивных домов с плоскими крышами. Все это «Фишхук». Удивительно, уже сколько лет он здесь ездит и не перестает каждый раз восхищаться этим видом. Впрочем, подумал он,

самый вид тут ни при чем, бывают виды куда красивее и величественнее. Все дело в невероятной, фантастической сути «Фишхука», отблеском ложащейся на весь город.

Если судить не по названию, а по значению, то именно здесь расположена настоящая столица Земли, подумал Блэйн. Сюда устремлены надежды миллионов людей, здесь заключено величие будущего. Тут находится звено, связывающее человечество с другими мирами, затерянными в глубинах космоса.

«А я ухожу отсюда».

До сих пор трудно поверить, что человеку, который так любил свое дело, так верил в него, отдавал ему всю свою жизнь, приходится теперь удирать, словно вспугнутому зайцу.

Что вы собираетесь со всем этим делать? — спросил Фредди.

— С чем «этим»?

— Со всеми вашими знаниями, секретами, идеями?

— Не знаю.

— Сотни ученых, не помня себя от счастья, раскручивают колесо науки. У тысяч инженеров и специалистов кругом идет голова от их невероятных открытий. Как далеко вы ушли от остальных людей? На миллион лет или больше?

— Поговори с кем-нибудь другим. Я не в курсе. Я только выполняю свою работу. Если ты пытаешься выудить из меня что-то, то напрасно. Меня на эти приманки не поймать.

— Извини. Я просто одержим этой мыслью.

— Не ты один. На Земле нет, наверно, такого места, где бы не ругали «Фишхук». Для миллионов людей сегодня это любимое занятие.

— Попробуй взглянуть на это с моей точки зрения. — Голос Фредди звучал серьезно. — Сижу я в стороне и понятия не имею, что делается в каком-то «Фишхуке». И вдруг появляешься ты: сверхчеловек со своими сверхчеловеческими планами. Конечно, я завидую тем, кто в этом участвует, я ощущаю свою неполноценность и второсортность. А ты удивляешься, что люди ненавидят «Фишхук» и все, что с ним связано.

— А они и в самом деле ненавидят?

— Шеп, — мрачно произнес Фредди. — Тебе надо самому съездить и посмотреть.

— Не вижу особой надобности. И так достаточно наслышан. Я хочу знать: то, что они испытывают к «Фишхуку», в самом деле ненависть?

— Думаю, да. Может быть, не здесь именно. То, что болтают в нашем городке, просто дань моде. Но поезжай в провинцию — и поймешь, что «Фишхук» там действительно ненавидят.

Они въехали в район жилых кварталов. Вдоль широких, плохо освещенных улиц нескончаемой нитью потянулись серые ряды домов. Машин стало меньше.

— Кто будет у Шарлин? — спросил Блэйн.

— А, все тот же зверинец. Шарлин любит устраивать такие дикие сборища, где все дозволено и где всем друг на друга наплевать. И где можно переспать почти с любой женщиной.

— Да, я знаю.

Существо слабо, будто во сне, шевельнулось у него в мозгу.

— *Все в порядке,* — сказал ему Блэйн. — *Успокойся и не двигайся. Нам повезло. Мы выбираемся.*

Фредди свернул с шоссе на дорогу, которая стремительной спиралью поднималась вверх по каньону. Воздух похолодал. В темноте, раскачиваясь, шелестели деревья. Пахло хвоей.

За крутым поворотом показались огни дома. Он стоял на уступе скалы — современное здание, прилепившееся, как ласточкино гнездо, к почти отвесной стене каньона.

— Ну вот и прибыли, — весело произнес Фредди.

Глава 5

Вечеринка становилась шумной, не буйной пока, но шумной, как бывает в конце концов со всеми вечеринками, и здесь уже воцарилась атмосфера пустоты и бесцельности. Густой табачный дым, прохладный ветерок, залетающий из каньона в распахнутые окна, нескончаемая, никчемная болтовня, доносящаяся отовсюду, — все, казалось, говорило о том, что уже поздно и гости вот-вот начнут расходиться. Но на самом деле еще не было и двенадцати.

Герман Дальтон тяжело опустился в кресло, вытянул длинные ноги и, заправив в угол рта сигару, несколько раз провел пятерней по волосам, отчего его голова стала похожа на только что купленную щетку.

— Послушайте, Блэйн, — пробасил он. — С этим надо что-то делать. Если все оставить как есть, то скоро наступит время, когда понятие «бизнес» исчезнет. «Фишхук» прижал нас к стене.

Мистер Дальтон, — устало произнес Блэйн, — если вам надо обсудить с кем-то этот вопрос, то я не подхожу для этой цели. В бизнесе я не разбираюсь, а о «Фишхуке» просто ничего не знаю, хотя и работаю там.

— «Фишхук» поглощает нас, — сердито продолжал Дальтон. — Лишает нас средств к существованию. Он разрушает стройную систему писаных и неписаных законов, которые на протяжении веков вырабатывались умными людьми, глубоко преданными интересам общества. «Фишхук» разваливает торговлю. Медленно, но неуклонно разоряет нас одного за другим. Взять хотя бы эти «мясные овощи»! Надо же такое выдумать. Сажаешь в грядку семена, а потом идешь и выкапываешь эдакий картофель, в котором протеина больше, чем в мясе.

— И теперь миллионы людей едят мясо, чего раньше не могли себе позволить, получая благодаря вашей замечательной «системе писаных и неписаных законов» гроши.

— А фермеры! Подумайте о тех, кто вложил капиталы в торговлю мясом. Я уже не говорю о компаниях по производству тары.

— Конечно, по всем правилам следовало бы поставлять семена только фермерам или владельцам универсамов либо продавать их не по десять центов за штуку, а по доллару или полтора. Тогда, конечно, натуральное мясо смогло бы конкурировать с семенами, а экономика не испытала бы никаких потрясений. Но в таком случае, естественно, эти миллионы людей никогда...

— Простите, — запротестовал Дальтон, — но вы не понимаете, что экономика — движущая сила нашего общества. Уничтожьте экономику, и вы уничтожите человека.

— Очень и очень сомневаюсь.

— Но правоту моих взглядов подтверждает история. Торговля создала мир, который нас сегодня окружает. Торговля открывала новые земли, отправляла корабли в далекие края, строила заводы и...

— Я вижу, мистер Дальтон, вы хорошо знаете историю.

Да, мистер Блэйн, неплохо. И особенно меня интересует...

Тогда вы должны были заметить, что мысли, обычаи и убеждения со временем устаревают. Это можно прочитать на каждой странице вашей истории. Меняется мир, и меняются люди и их взгляды. Вам никогда не приходило в голову, что экономика, о которой вы так тревожитесь, устарела и... больше не приносит пользы? Что она сыграла свою роль в разви-

тии человечества и мир пошел дальше, и теперь экономика понятие историческое, нечто вроде бронтозавра?

Дальтон даже подскочил в кресле, волосы его встали дыбом, сигара чуть не выпала изо рта.

Боже мой! — воскликнул он. — Это ужасно. Неужели «Фишхук» в самом деле так думает?

Блэйн сухо усмехнулся:

— Нет, так думаю я, и у меня нет ни малейшего представления о позиции «Фишхука». Я ведь не член Правления.

Вот так всегда, подумал Блэйн. Куда ни пойдешь, всюду одно и то же. Вечно кто-то пытается выудить хоть какой-нибудь намек или крошечный секретик, касающийся «Фишхука». Эта стая стервятников, это сборище соглядатаев, которые жаждут знать, что же происходит, и воображают гораздо больше того, что есть на самом деле.

Дальтон снова откинулся на спинку кресла. Огромная сигара опять надежно держалась у него во рту, а волосы улеглись назад ровными рядами, словно их пригладили расческой.

Вы утверждаете, что не состоите в Правлении. Значит, вы разведчик?

Блэйн кивнул.

— И вы летаете в космос и посещаете другие звезды и планеты?

— Да, именно.

— Но в таком случае вы — парапсих!

— Да, нас так называют. Хотя, простите за прямоту, в приличном обществе это слово стараются не употреблять.

Смутить Дальтона было невозможно.

— Интересно, что вы там видите?

— К сожалению, мистер Дальтон, я не могу ответить вам на этот вопрос.

— Вы летаете один?

— Нет, беру с собой тайпер.

— Тайпер?

— Такой механизм, набитый всякими приборами, которые записывают все, что происходит вокруг.

— Так эта штука летает вместе с вами?

— Да нет же, повторяю вам, я беру ее с собой. Когда я вылетаю, то прихватываю ее с собой как портфель.

— Значит, только ваш разум и этот механизм?

— Да, мой разум и этот механизм.

— Но это невероятно!

Блэйн промолчал.

Дальтон извлек сигару изо рта и внимательно осмотрел ее. Конец сигары был так изгрызен, что изжеванные листья мокрыми прядями свисали вниз. Сосредоточенно сопя, Дальтон покрутил сигару, чтобы завернуть размокшие листья, и отправил ее обратно в рот.

— Давайте вернемся к тому, с чего мы начали, — изрек он с величественным видом. — У «Фишхука» имеются всякие там дьявольские штуки. Ладно. Бог с ним. Думаю, перед поступлением в продажу все тщательно проверяется. И никто не был бы в обиде — да, сэр, никто, — если бы «Фишхук» торговал через различные официальные организации. Но «Фишхук» не желает, чтобы эти штуки продавал кто-либо другой. Он открыл собственные лавки. Мало того, для вящей обиды назвал эти лавки факториями.* Можно подумать, что «Фишхук» имеет дело с толпой дикарей.

Блэйн рассмеялся:

— По всей видимости, когда-то в «Фишхуке» работал человек, наделенный чувством юмора. Уверяю вас, мистер Дальтон, в это очень трудно поверить.

Дальтон распалялся все больше:

— Изобретаются все новые и новые способы, чтобы разорить нас. С каждым годом «Фишхук» все больше прибирает к рукам производство товаров, пользующихся спросом. А то и просто уничтожает спрос. Это не угроза несчастья, которое вот-вот может разразиться, а ржавчина, разъедающая нас уже давно. Недавно я узнал, что «Фишхук» собирается ввести свою систему телепортации, доступную для всех желающих. Вы представляете, какой это будет удар для торговли?

— Видимо, придет конец всем автомобильным фирмам и некоторым авиационным.

— «Видимо»! Вы прекрасно знаете, что так и будет. Ни один способ транспортировки не сможет конкурировать с телепортацией.

— Тогда единственный выход для вас — разработать систему телепортации самим. И за пределами «Фишхука» есть люди, которые могут показать, как это делается.

— Ненормальные! — злобно произнес Дальтон.

---

* Фактория — торговая контора или поселение европейских купцов в колониальных странах.

— Нет, Дальтон. Это обычные люди с паранормальными способностями. Благодаря им «Фишхук» стал сегодня тем, что он есть. То, что восхищает вас в «Фишхуке», почему-то вызывает отвращение за его пределами.

— Мы не можем пойти на это. Существуют же народные традиции.

— А, народные традиции... Что, улюлюкающие толпы по-прежнему продолжают распинать парапсихов?

Общественное мнение иногда возмущается, — неохотно согласился Дальтон.

Можно представить, каким образом.

Дальтон вынул изо рта сигару, брезгливо посмотрел на нее: один конец потух, другой — весь изжеван. Немного подумав, он швырнул ее в цветочный горшок. Сигара зацепилась за нижние листья растения и закачалась грязным пятном на фоне зелени.

Сложив руки на животе, Дальтон уставился в потолок.

Мистер Блэйн, — сказал он.

— Да!

— Вы очень проницательный человек. И цельный. Вы терпеть не можете консервативность в мышлении и несколько раз здорово поддели меня. Мне нравится, как вы это сделали.

— К вашим услугам, — холодно отозвался Блэйн.

— Сколько вам платят?

— Достаточно.

— Такого не бывает. Я никогда еще не встречал человека...

— Если вы пытаетесь купить меня, то просто спятили.

— Не купить, а нанять. Вы прекрасно знаете «Фишхук», знакомы со многими людьми. В качестве консультанта вы были бы просто незаменимы. Нам очень хотелось бы обсудить...

— Простите, сэр, но я ничего не смогу для вас сделать. При теперешних обстоятельствах я не смогу быть чем-либо для вас полезным.

Все, здесь я уже провел целый час, это более чем достаточно. Поел, выпил, поговорил с Дальтоном — просадил на него уйму времени. Пора двигаться дальше. Когда до «Фишхука» дойдет слух, что я здесь, надо быть подальше отсюда.

Сзади зашелестело платье, и чья-то рука легла ему на плечо.

Я рада, что ты пришел, Шеп, — сказала Шарлин Витьер.

Он встал и повернулся к ней.

— Это я рад, что ты пригласила меня.

Ее глаза кокетливо блеснули.

— Я тебя пригласила?

— Нет, по правде, меня притащил Фредди Бейтс. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Ты же знаешь, я тебе всегда рада, — она слегка сжала ему руку. — Пойдем, я познакомлю тебя с одним человеком. Извините нас, мистер Дальтон.

— Пожалуйста.

— Вышло довольно невежливо, — заметил Блэйн, когда они отошли.

— Надо было тебя спасать. Это на редкость скучный тип. Понятия не имею, откуда он здесь взялся. Уверена, что я его не приглашала.

— А кто он такой? Я так и не понял.

Она пожала красивыми обнаженными плечами.

— Глава какой-то торговой делегации. Они приехали поплакаться о несчастьях, которые на них обрушил «Фишхук».

— Я так и подумал. Он очень расстроен и, по его словам, очень несчастен.

— Ты почему не пьешь?

— Только что выпил.

— А ты поел? Тебе весело? У меня есть дименсино, последняя модель...

— Я посмотрю, только попозже.

— Пойди выпей еще. А я поздороваюсь еще кое с кем из гостей. Ты не останешься потом? Ты так давно у меня не был.

Блэйн покачал головой:

— Ужасно жаль, но не смогу. Спасибо.

— Тогда в другой раз, — сказала она и собралась идти, но Блэйн шагнул вперед и остановил ее.

— Шарлин, — спросил он, — тебе когда-нибудь говорили, что ты чертовски славное создание?

— Нет. Никогда и никто.

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— А теперь иди развлекайся.

Блэйн стоял и смотрел, как она движется среди гостей.

Розовый вопросительно шевельнулся в нем.

— *Подожди,* — сказал ему Блэйн, глядя в толпу. — *Положись на меня и потерпи еще немного. Потом мы вместе все обсудим.*

Он почувствовал, что Розовый благодарен за то, что он помнит о нем, что откликнулся.

— Мы поладим, сказал он. *— Должны поладить. Ведь мы с тобой единое целое.*

Розовый успокоился. Блэйн почувствовал, как он спокойно улегся, предоставив ему действовать. В самом начале он уже испытал страх, и страх снова мог родиться в нем. Пока он сдерживался, хотя ситуация, Блэйн знал, должна была казаться ему ужасающей: чудовищно, невообразимо велика была разница между этим местом и уединенной безмятежностью голубой комнаты на той далекой планете.

Блэйн как бы бесцельно пересек комнату, прошел вдоль бара, заглянул на минуту в зал с новым дименсино и вышел в прихожую. Надо ехать. До рассвета надо или как следует спрятаться, или быть за много миль отсюда.

Он побродил среди оживленно болтающих компаний, здороваясь со знакомыми.

Ему потребуется время, чтобы найти машину, в которой кто-то по забывчивости оставил ключ. А вдруг, пришла ему в голову страшная мысль, такой машины не окажется? Что тогда? Спрятаться в горах дня на два, пока не прояснится ситуация? Шарлин не откажется помочь, но она слишком болтлива, будет спокойнее, если она ничего не узнает. К кому еще можно обратиться за помощью? Ребята из «Фишхука», конечно, помогли бы, но это их скомпрометирует. Нет, до такой крайности он еще не дошел. Многие другие тоже согласились бы оказать помощь, но каждому из них и без того непросто в безумном сплетении интриг и доносов, которым окружен «Фишхук». И потом, никогда не знаешь, кому можно доверять. Некоторые, несомненно, тут же выдали бы его в расчете получить повышение по службе.

Наконец он подошел к двери. Казалось, он вышел из густого леса на открытое поле: здесь нескончаемая болтовня едва слышалась, воздух казался прозрачнее и как-то чище. Исчезло чувство подавленности, скученности тел и умов, биения чужого пульса, наплыва пустой болтовни и злобных сплетен.

Дверь открылась, и в прихожую вошла женщина.

— Гаррист! — удивился Блэйн. — Как я не сообразил, что ты здесь. Ты ведь не пропускаешь ни одной вечеринки у Шарлин. Собираешь всякие интересные истории для текущей хроники...

Ее телепатический шепот обжег ему мозг:

— Шеп, ты полный, ты законченный кретин! Что ты здесь делаешь? (Изображение кривляющейся обезьяны в бумажном колпаке, лошадиный зад с задранным хвостом.)

— Разве ты...

— *Конечно. Почему бы нет?» (Ряд вопросительных знаков.) Думаешь, только в «Фишхуке»? Только ты один? Да, я держу это в тайне. Но я имею право на тайны. Разве хороший газетчик может обойтись без этого? (Кипы пыльных бумаг: бесконечный поток цифр: губы, нашептывающие что-то в огромное ухо.)*

Вслух Гарриет Квимби произнесла приятным, певучим голосом:

О, я никогда не пропускаю вечеринки у Шарлин. Здесь можно встретить таких интересных людей.

— *Дурные манеры*, — упрекнул Блэйн. Телепатией пользоваться вообще считалось дурной манерой, а в обществе и подавно.

— *К черту манеры! Я тут перед ним душу наизнанку выворачиваю, а он... (Лицо, очень похожее на него, перед которым элегантно скрестились в виде решетки красивые тонкие пальцы.) Тебя ищут. Они уже знают, что ты тут. Скоро они будут здесь — если еще не пришли. Я приехала, как только узнала. Да не молчи же ты, как дурак... На нас обратят внимание, если мы будем так стоять.*

— На этот раз ты напрасно потеряла время, — выговорил Блэйн. — Сегодня здесь нет интересных людей. Сегодня собралась на редкость неинтересная публика. *Слухачи!!*

— *Пусть. Надо попробовать. Ты в опасности. Как Стоун. Как другие после него. Я приехала помочь тебе.*

— Я тут беседовал с одним бизнесменом-лоббистом, — произнес он. — Жуткая скука. Вот, вышел сюда глотнуть свежего воздуха. *Стоун! Что тебе о нем известно?*

— *Сейчас это не важно. Тогда я еду обратно, не стану терять время попусту. Моя машина стоит на обочине, но тебе со мной идти нельзя. Я пойду заведу мотор и выведу машину на дорогу, ты поброди еще немного здесь, а потом пробирайся на кухню. (План дома с красной линией, ведущей в кухню.)*

— *Я знаю, где кухня.*

— *Только спокойнее. Не делай резких движений, держись естественней. Веди себя как все и делай вид, что умираешь от скуки». (Карикатурный человечек с опущенными ресницами. Плечи его согнулись под тяжестью бокала, который он вяло держит в руке. У человечка распухшие от шума уши, а на рожице застывшая улыбка.) «Сначала пойдешь на кухню, оттуда через черный ход на улицу.*

— Неужели ты поедешь вот так, сразу? — спросил вслух Блэйн. Вдруг я ошибся? *Но зачем? Зачем ты это делаешь? Какой тебе смысл? (Человек, с недоумением и злостью глядящий в пустой мешок.)*

— Люблю тебя. (Деревянный забор, на котором вырезано сердце, пронзенное стрелой.)

Не лги. (Кусок мыла, энергично моющий рот.)

— Не говори им, Шеп, — попросила Гарриет, — а то Шарлин до смерти обидится. *Я ведь журналистка, из твоих приключений выйдет неплохой рассказ.*

— Но ты забыла, что «Финхук» может караулить на дороге у выхода из ущелья.

— Не беспокойся, Шеп, я разузнала их планы. Мы их одурачим.

— Хорошо, буду нем как рыба. До встречи. *И спасибо.*

Она вышла, и каблучки ее застучали вниз по лестнице.

Блэйн медленно повернулся и направился обратно, в переполненные комнаты. Не успел он перешагнуть порог, как в лицо ему ударил жаркий ком разговоров — гул десятков голосов людей, которым все равно, что говорить и с кем, лишь бы говорить, лишь бы отыскать в этом шуме суррогат самоутверждения.

Значит, Гарриет — телепат. Вот чего бы он никогда не подумал. Хотя если ты журналист и обладаешь способностью к телепатии, самое разумное — никому об этом не говорить.

В болтливости ее не упрекнешь, подумал Блэйн и удивился, как эта женщина смогла так долго хранить свою тайну. Впрочем, напомнил он себе, Гарриет сначала журналист, а потом уже женщина. Пишет она лучше, чем многие известные писаки.

У бара он остановился, взял виски со льдом и несколько минут со скучающим видом потягивал напиток. Нельзя показать, что он спешит или куда-то направляется, но и нельзя допустить, чтобы его втянули в какой-нибудь разговор, — на это нет времени.

Можно было бы зайти на пару минут в дименсию, но опасно. Слишком быстро там включаешься в сюжет, теряешь чувство времени, растворяешься в происходящем. Потом, включаясь в середине программы, часто рискуешь оказаться в весьма неловком положении.

Лучше не стоит, решил он.

Блэйн обменялся приветствиями с несколькими знакомыми; его покровительственно похлопал по спине один подвыпивший джентльмен, с которым он познакомился дней десять

назад; ему пришлось выслушать пару непристойных анекдотов; он даже слегка пофлиртовал с престарелой вдовушкой, которая с глупой улыбкой набросилась вдруг на него.

И все это время он двигался к двери в кухню.

Наконец добрался до нее.

Перешагнул через порог и с праздным видом пошел вниз по ступенькам.

В кухне никого не было. Холодной голубой эмалью сверкала посуда. Гулко тикали настенные часы с длинной секундной стрелкой.

Блэйн поставил еще наполовину полный бокал с виски на ближайший столик. От наружной двери его отделяли лишь шесть шагов по тускло мерцающему полу.

Он сделал два шага и собрался сделать третий, как в мозгу у него раздался тихий возглас предупреждения. Блэйн оглянулся.

За большим холодильником, сжимая что-то в кармане пиджака, стоял Фредди Бейтс.

— Брось, Шеп, — сказал он, — не советую сопротивляться. Все вокруг оцеплено. У тебя нет шансов.

Глава 6

Блэйн на секунду замер от удивления, он был буквально ошеломлен. Именно ошеломлен, а не испуган и не разгневан. Ошеломлен тем, что это оказался именно Фредди Бейтс. Итак, Фредди уже не бездельник, которого мало кто знает и который мало кого интересует, бесцельно прожигающий жизнь в городе, полном таких, как он, а агент «Фишхука», и, по-видимому, весьма способный.

И еще: Кирби Рэнд все знал и все же позволил ему выйти из кабинета и спуститься на лифте. Но он еще не вышел на улицу, а Рэнд уже, сжимая трубку телефона, давал задание Фредди.

«Все было обставлено умно, — вынужден был признать Блэйн, — куда умней, чем мое собственное поведение. — Ни на секунду он не заподозрил, что Рэнд о чем-то догадывается. И Фредди, приглашая меня в машину, выглядел таким же, как всегда, неудачником».

Ошеломление медленно проходило, уступая место злости. Злости за то, что он попался, что его провело такое ничтожество, как Фредди.

— Мы сейчас спокойно, как подобает друзьям, выйдем отсюда, — сказал Фредди, — и я отвезу тебя обратно побеседовать с Рэндом. Тихо, мирно, без суеты. Мы ведь не захотим — ни ты, ни я — причинять Шарлин беспокойство.

— Нет, — ответил Блэйн. — Нет, конечно не захотим.

Его мозг лихорадочно работал, отыскивая лазейку, пытаясь найти какой-нибудь выход, что угодно, лишь бы выпутаться из положения. Потому что он не собирался ехать обратно. Что бы ни случилось, он не вернется с Фредди.

Он почувствовал, что Розовый зашевелился в нем, как будто выбираясь из своего уголка.

— *Нет!* — закричал Блэйн. — *Нет!*

Но было уже слишком поздно. Розовый выбрался и заполнил весь его мозг. И хотя он продолжал оставаться собой, он был и еще кем-то. Он стал сразу двумя существами — и это было очень странное ощущение, — и вдруг произошло что-то непонятное.

Комната застыла как мертвая, только на стене стонали часы. И это было тоже непонятно, потому что прежде с часами ничего подобного не случалось, они жужжали, но никогда не издавали ничего, похожего на стон.

Блэйн быстро шагнул вперед, но Фредди не двинулся с места. Стоял, держа руку в кармане, и не шевелился.

Еще один шаг, и Фредди едва шелохнулся. Его глаза не мигая уставились в одну точку. Но выражение лица стало медленно и необычным образом меняться, и рука пошла вверх из кармана, но настолько медленно, что движение лишь угадывалось, как будто и рука, и пальцы, и то, что пальцы сжимают в кармане, пробуждались от глубокого сна.

И вот еще один шаг, и Блэйн подошел к нему почти вплотную. Его кулак как поршень рванулся вперед. У Фредди медленно, как на проржавевших шарнирах, отвисла челюсть и веки, видимо моргая, поползли вниз.

Кулак обрушился на челюсть. Блэйн целил точно, куда целился, и вложил в удар всю силу, всю тяжесть своего тела. Но даже когда боль от удара обожгла ему костяшки пальцев и отдалась в запястье, он знал, что это ни к чему. Потому что Фредди практически не шевельнулся, не сделал ни малейшей попытки защититься.

Фредди падал, но падал как-то странно. Он падал медленно и плавно — так падает дерево после смертельного удара топора. Тело медленно кренилось к полу, и только теперь, в

падении, рука с зажатым в ней револьвером выплыла из кармана. Выскользнув из ослабевших пальцев, револьвер со стуком опустился на пол.

Блэйн нагнулся и, прежде чем Фредди ударился об пол, поднял револьвер, и стоял так, сжимая его в руке, и глядел, как Фредди наконец упал – вернее, не упал, а, скорее, улегся на пол и, как бы расслабившись, замер на его поверхности.

Часы по-прежнему стонали на стене, и Блэйн, обернувшись, посмотрел на них и увидел, что секундная стрелка едва ползет по циферблату. Ползет, вместо того чтоб бежать... И этот стон вместо жужжания: часы, наверно, тоже рехнулись, подумал Блэйн.

Что-то произошло со временем. Об этом говорили и едва ползущая секундная стрелка, и почти пропавшая реакция у Фредди.

Ход времени замедлился.

И это было невозможно.

Ход времени не замедлился; время – величина постоянная. Но если это каким-то образом и произошло, то почему время не замедлилось для него?

Если только...

Ну конечно, если только не время замедлилось, а он сам стал двигаться быстрее, настолько быстро, что Фредди не успел ничего сделать, не сумел защититься и ни при каких обстоятельствах не смог бы достать из кармана револьвер.

Блэйн вытянул руку и взглянул на револьвер. С этой упорыльой, уродливой вещицы веяло смертью.

Да, Фредди не шутил. И «Фишхук» тоже. Тот, кто собирается лишь немного поиграть, отделываясь шуточками и улыбками, не станет брать с собой оружие. А если взял, значит, готов был пустить его в ход. Фредди, несомненно, был готов к этому.

Блэйн повернулся и посмотрел на Фредди. Тот по-прежнему безмятежно лежал на полу. Пожалуй, он еще немного тут полежит, прежде чем придет в себя.

Блэйн сунул револьвер в карман и направился к выходу, мимоходом взглянув на часы. За все это время секундная стрелка едва сдвинулась с места.

Открыв дверь, он обернулся и еще раз окинул взглядом кухню. Идеально стерильная кухня по-прежнему безжизненно сияла посудой, единственное, что теперь нарушало порядок, — это тело Фредди, распластавшееся на полу.

Блэйн вышел и зашагал по выложенной плитами дорожке к длинной каменной лестнице, перечеркнувшей склон огромной скалы.

Человек, который развалившись сидел на ступени, начал медленно подниматься, увидев, как Блэйн бежит ему навстречу.

Свет одного из окон верхнего этажа падал человеку на лицо, и Блэйн заметил, что оно выражает крайнее недоумение. Казалось, застывшие черты лица высечены на каменной маске.

— Извини, приятель. — Блэйн уперся раскрытой ладонью в эту маску и с силой толкнул ее.

Человек стал медленно отступать осторожными шажками, с каждым шагом наклоняясь назад все больше и больше. Прошло еще немного времени, и он упал на спину.

Но Блэйн не стал ждать. Он продолжал бежать, перескакивая через ступени. В стороне от темных рядов автомобилей, припаркованных на стоянке, тихо урчала мотором машина с включенными подфарниками.

Это ждет Гарриет, понял Блэйн. Но она повернула машину не в ту сторону — не вниз по дороге, к выходу из каньона, а в самую глубь его. И он знал, что это ошибка, потому что вверх дорога сужается и через милю-две проехать уже невозможно.

Блэйн перескочил через последнюю ступеньку и, осторожно пробираясь между автомобилями, вышел на дорогу.

Гарриет сидела в машине. Блэйн обошел вокруг, открыл дверцу с другой стороны и скользнул на сиденье.

На него вдруг обрушилась страшная, до ломоты в костях усталость, как после бега. Казалось, он пробежал слишком длинную дистанцию. Откинувшись на спинку сиденья, он посмотрел на лежащие на коленях ладони и увидел, что руки дрожат.

— Как ты быстро, — обернулась к нему Гарриет.

— Представилась возможность, — ответил Блэйн. — И я не стал ждать.

Она включила скорость, и машина двинулась вверх по дороге. Эхо подхватило гул реактивного двигателя, разнося его по всему ущелью.

— Надеюсь, — заметил Блэйн, — ты знаешь, куда едешь. Дорога скоро кончится.

— Не бойся, Шеп, я знаю.

У него не было сил спорить. Он чувствовал полное изнеможение.

«И я имею на это право, — сказал он себе, — потому что двигался в десять (или в сто?) раз быстрее, чем обычно. Чело-

ческий организм просто не рассчитан на такие перегрузки. Я расходовал энергию со страшной скоростью: сердце колотилось как сумасшедшее, легкие готовы были разорваться от напряжения, мышцы сокращались в невероятном темпе».

Он сидел и молчал, размышляя и удивляясь, как могло это произойти. Но удивление было формальным, он удивлялся, потому что должен был удивляться; на самом же деле он знал объяснение происшедшему.

Розовый больше не давал о себе знать. Он поискал его и нашел все в том же убежище.

— *Спасибо,* — поблагодарил он.

Это было несколько забавно — благодарить существо, ставшее частью его самого, ведь оно пряталось у него в голове, в его мозгу. И все-таки оно не стало частью его самого, пока еще нет. Хотя уже и не было просто беглецом, укрывшимся в чужом разуме.

Машина неслась вверх по каньону. Свежий, прохладный ветер, казалось, был напоен брызгами прозрачного горного ручья, и от стен ущелья доносился тонкий и нежный аромат сосен.

— Что-нибудь случилось? — спросила Гарриет.

— Я встретил Фредди.

Ты имеешь в виду Фредди Бейтса?

— Существует один-единственный Фредди.

Безобидный дурачок.

— Когда мы встретились, у твоего безобидного дурачка глаза налились кровью и он вынул револьвер.

— Неужели он...

— Гарриет, — сказал Блэйн, — становится слишком жарко. Лучше высади меня.

— И не надейся, — ответила Гарриет. — Я еще никогда не участвовала в столь забавной игре.

— Мы вряд ли куда-нибудь приедем. Дорога скоро кончается.

Шеп, может, глядя на меня, в это трудно поверить, но голова у меня работает неплохо. Я много читаю, и больше всего мне нравятся книги по истории. Проклятой истории войн. Особенно я люблю изучать карты боевых действий.

— Ну и что из этого?

— А то, что я сделала одно наблюдение. Я пришла к выводу, что всегда, во всех случаях необходимо заранее подготовить путь к отступлению.

Только не по этой дороге.

— По этой, — сказала Гаррист.

Блэйн повернул голову и вгляделся в ее профиль. Нет, она не похожа на хладнокровную, практичную журналистку, хотя такая она на самом деле. И пишет не сентиментальные статейки, не заметки в колонку светских сплетен, а вместе с дюжиной других репортеров, составляющих элиту своей профессии, дает гигантскую панораму «Фишхука» для одной из крупнейших газет Северной Америки.

И несмотря на это, шикарна, словно сошла с обложки модного журнала. Шикарна, но без вычурности и полна спокойной уверенности в себе, которая в любой другой женщине выглядела бы высокомерием.

Он был уверен, что все, что только можно знать о «Фишхуке», она знает. Ее статьи отличались странной объективностью, можно сказать, даже беспристрастностью, однако и этот необычный для журналиста суховатый стиль она ухитрялась смягчить, добавить в него человеческой теплоты.

Но что из всего этого следует? Зачем она вмешалась в эту историю?

В том, что Гаррет друг, он не сомневался. Он познакомился с ней давно, вскоре после ее приезда в «Фишхук». В маленьком ресторанчике, куда они в тот день пошли обедать, слепая старушка продавала розы. Блэйн вспомнил, как купил ей розу, и Гаррет, вдруг почувствовав себя одинокой и оторванной от родного дома, слегка всплакнула.

Странно. Хотя что теперь не странно, продолжал размышлять Блэйн. Взять тот же «Фишхук», кошмар современности, за сто лет так и не принятый до конца остальным человечеством.

Он попытался представить, как все происходило тогда, эти сто лет назад, когда ученые в конце концов признали, что космос Человеку не под силу, и сдались. Кучка самых упрямых, самых упорных в своей мечте пошла другой дорогой — дорогой, которой Человек отказался идти или, что одно и то же, с которой свернул много лет назад и с тех пор неустанно глумился над ней, заклеймив ее словом «колдовство».

Ведь что такое колдовство — чепуха из книжек для детей, бабушкины сказки.

Но всегда были упрямцы, которые верили по крайней мере в основной принцип того, что люди называли колдовством, поскольку это не было колдовством в том смысле, который за долгие годы приобрело это слово. Скорее, это был закон, та-

кой же непреложный, как и законы, лежащие в основе всех естественных наук. Но в отличие от них это была наука, которая изучала возможности человеческого разума и стремилась достичь далеких планет не физически, а лишь силой разума.

Из этой веры, надежды и упорства и родился «Фишхук»,[1] прозванный так потому, что это был рыболовный крючок, заброшенный в космос, давший возможность разуму совершать путешествия туда, куда никогда не попасть телу.

Дорога впереди делала крутой поворот направо, затем сворачивала влево, возвращаясь обратно и замыкая круг.

Держись! — бросила Гарриет.

Она резко свернула с дороги и направила машину вверх по пересохшему руслу ручья на одной из стен каньона. Из реактивных сопел с ревом било пламя, надсадно визжал мотор, по колпаку крыши скрежетали ветви деревьев. Неожиданно машина сильно накренилась, затем выровнялась.

— Это еще ничего, — сообщила Гарриет. — Дальше будет пара местечек похуже.

— Это и есть тот самый путь к отступлению?

— Совершенно верно.

А зачем, подумал он, Гарриет Квимби мог понадобиться путь к отступлению?

Она осторожно вела машину по пересохшему руслу, прижимаясь к скале, которая каменной стеной уходила ввысь, в темноту. Из кустов испуганно разлетались птицы, трещали ветви, царапая автомобиль.

Фары осветили крутой поворот, как бы зажатый с одной стороны каменной стеной, а с другой — огромным, размером с сарай, валуном. Машина втиснула капот в пространство между скалой и валуном, развернула задние колеса и медленно, почти ползком, преодолела проход.

Гарриет убрала реактивную тягу, и машина со скрежетом опустилась на гравий. Двигатель замолчал, и над ними сомкнулась тишина.

— Отсюда пойдем пешком? — спросил Блэйн.

— Нет, немного переждем. Они ведь начнут охоту за нами и подъедут сюда. И по шуму двигателя поймут, в какой стороне мы скрылись.

Мы поедем прямо на вершину?

— Прямо на вершину, — подтвердила она.

---

[1] Fish-hook *(англ.)* — рыболовный крючок.

— Ты уже здесь ездила? — поинтересовался Блэйн.

— Много раз. Я знала, что если когда-нибудь понадобится воспользоваться этой дорогой, то делать это придется быстро. Не останется времени раздумывать или возвращаться назад.

— Но объясни мне, ради бога...

— Послушай, Шеп. Ты попал в переплет. Я тебе помогаю выпутаться. Может быть, этого достаточно?

— Конечно, если ты так хочешь. Но ты рискуешь собственной головой. А это не обязательно.

— Мне уже приходилось рисковать сю. Хороший журналист должен быть готов рискнуть головой, когда надо.

Может быть, подумал он, но не до такой степени. В «Фишхуке» полно газетчиков, и почти с каждым из них ему доводилось выпивать. Очень немногих он мог бы считать своими приятелями. И никто... никто, кроме Гарриет, не стал бы делать для него того, что делает она.

Чисто журналистским интересом это не объяснишь. И одной дружбой тоже. Тут что-то большее, чем и то и другое вместе.

А если Гарриет не только журналистка? Она не может быть только репортером. Ее поступками движет что-то другое. Очень любопытно, что?

— В прошлый раз, когда ты рисковала головой, ты рисковала ею для Стоуна?

— Нет, — ответила она. — О нем я знаю только понаслышке.

Далеко, на дне каньона, послышался слабый гул двигателей. Они сели в машину и прислушались. Гул быстро приближался, и Блэйн попытался сосчитать по звуку мчащиеся по дороге автомобили. Ему показалось, что их было три, хотя он не был уверен полностью.

Машины подъехали к повороту и остановились. Послышались треск кустов, мужские голоса.

Гарриет взяла Блэйна за руку и крепко сжала ее.

— Шеп, что ты сделал с Фредди? (Изображение ухмыляющегося черепа.)

— Нет, всего лишь нокаут.

— У него был револьвер?

— Теперь револьвер у меня.

(Фредди в гробу, на нарумяненном лице застывшая улыбка, в сложенных на груди руках — громадная лилия.)

— Нет, не так. (Фредди с разбитым носом и крестами пластыря на самодовольном прыщавом лице.)

Они тихо сидели, прислушиваясь к каждому звуку.

Смолкли голоса, и машины двинулись обратно, вниз по дороге.

Всё?

Погоди, — остановила его Гарриет. — *Они приехали на трех машинах. Уехали только две. Одна еще ждет. (Множество вытянувшихся от напряжения, подслушивающих ушей.) Они знают, что мы поднялись по дороге. Они не знают, где мы спрятались. (Яма-ловушка, усеянная рядами острых зубов.) Они ждут, когда мы поверим, что они уехали, и обнаружим себя.*

Они подождали еще. Где-то в лесу закричал енот, разбуженная каким-то лесным бродягой, сонно запротестовала птица.

— *Есть одно место,* — сказала Гарриет. — *Там ты будешь в безопасности. Если захочешь туда поехать.*

— *Куда угодно. У меня нет выбора.*

— *А ты представляешь, что там делается?*

Слышал.

— *В некоторых городах вывешивают предупредительные знаки. (Дорожный столб, на нем доска с надписью: «Тут солнце светит не для парапсихов».) Они полны предвзятости и нетерпимости, среди них есть старинного обличия бородатые проповедники, яростно барабанящие кулаком по кафедре; люди в ночных рубашках и колпаках с кнутами и веревками; испуганные, растерянные люди, пытающиеся укрыться в редких зарослях ежевики.* До отвратительного грязно и стыдно, уже не мысленно, а голосом прошептала она.

С шоссе тронулась оставшаяся машина. Они выждали, пока она отъедет.

— Уехали наконец, — сказала Гарриет. — Они, правда, могли на всякий случай кого-нибудь высадить, но придется рискнуть.

Она включила мотор, повернула реактивные сопла, и с зажженными фарами автомобиль рванулся вверх по сужающемуся руслу.

Дорога становилась все круче.

Лавируя между кустов, они продолжали взбираться по лезвию хребта. Гора белой стеной уходила вверх, а внизу зияла черная пустота. Потом целую вечность они снова карабкались по круче, подстегиваемые ветром, который становился все более холодным и пронизывающим, и наконец оказались на ровной площадке, залитой светом склонившейся к западу луны.

Гарриет остановила машину, откинулась на спинку сиденья.

— Дальше граница, — сказала она. — Садись за руль. Осталось миль пятьдесят.

Глава 7

Толпа собралась на улице напротив ресторана и, обступив машину Гарриет, пристально наблюдала за ними со зловещим молчанием. Толпа зловещая, но не шумная. Злобная и, быть может, чуть-чуть испуганная. Или, скорее, злобная потому, что испуганная.

Блэйн прислонился спиной к стене, за которой они только что завтракали. Ничего особенного за едой не заметили. Все шло нормально. Никто на них не глазел. Все шло самым обыкновенным и повседневным образом.

— Как они догадались? — спросил Блэйн.

Не знаю, — ответила Гарриет.

— Они сняли вывеску.

— А может, она сама упала. Или ее вообще никогда не вешали. Такое бывает. Объявления вывешивают только самые воинственные.

— У этих ребят вид вполне воинственный.

Может быть, это к нам не относится?

Может, и нет, — согласился он. Но поблизости, кроме них, не было никого и ничего, что могло бы собрать эту толпу.

Слушай внимательно, Шеп. Если что-то случится, если мы потеряемся. Отправляйся в Южную Дакоту. Пьер в Южной Дакоте. *(Карта Соединенных Штатов, где Пьер обозначен звездочкой, под которой большими красными буквами подписано его название, а пунктирная дорога ведет от этого крохотного пограничного городка к большому городу на Миссури.)*

— Я знаю, где это, — сказал Блэйн.

— Где меня найти, тебе скажут в этом ресторанчике. *(Каменный фасад здания: большие зеркальные окна, в одном из окон висит красивое, отделанное серебром седло; над дверью — роскошные лосиные рога.) Он стоит над рекой на холме. Там меня почти все знают. Они тебе подскажут, где я.*

— Мы не потеряемся.

— На всякий случай имей это все-таки в виду.

— Обязательно, — ответил Блэйн. — Ты меня вытащила достаточно далеко, чтобы доверять тебе и дальше.

Толпа начала закипать — не кипеть еще, а шевелиться, становиться все более неспокойной, как будто потихоньку вспениваясь. Из толпы донесся ропот — глухое, бессловесное ворчание.

Протиснувшись сквозь толпу, на улицу, еле ковыляя, выползла древняя старуха. Вся она — лицо, руки, грязные босые ноги, — казалось, была сделана из морщин. Растрепанные волосы свисали с головы грязными седыми космами.

Она с трудом подняла руку в отвратительных складках дряблой плоти и прицелилась скрюченным, костлявым, трясущимся пальцем прямо в Блэйна.

Вот он! — завизжала она. — Тот, кого я засекла! Он какой-то не такой! Я не могу попасть к нему в мозг. Там как будто свербящее зеркало. Там...

Ее слова потонули в криках толпы, которая двинулась вперед, медленно, шаг за шагом приближаясь к мужчине и женщине у стены. Казалось, толпа движется как бы нехотя и со страхом, превозмогая свой ужас только сознанием важности гражданского долга, который им предстоит исполнить.

Блэйн опустил руку в карман пиджака, и его пальцы сомкнулись вокруг рукоятки револьвера, добытого в кухне Шарлин. Нет, револьвер не поможет, решил он, а только все усложнит. Он вынул руку из кармана и расслабленно опустил ее вдоль тела.

На лицах этой человеческой массы, которая переползала улицу, были написаны ярость и отвращение. Толпа не травила жертву под покровом ночи, а, как стая волков, окружала ее неторопливо, при свете дня. Впереди, на гребне волны человеческой ненависти, шла сморщенная ведьма, спустившая стаю движением пальца.

— Стой спокойно, — сказал Блэйн Гарриет. — Это наш единственный шанс.

Он понимал, что в любой момент ситуация может достичь критической точки. Толпа или не выдержит и отступит, или какое-то ничтожное происшествие, малейшее движение, слово, произнесенное вслух, заставят ее хлынуть вперед.

А если это случится, он будет стрелять. Не потому, что хочет, а потому, что у него не будет выбора.

А пока, перед тем как начать расправу, городок замер — сонный маленький городок с давно не крашенными, облупленными зданиями на залитой солнцем улице, где как попало росли чахлые деревья. В окнах верхних этажей виднелись лица, с удивлением глазеющие на дичь, забредшую к ним на улицу.

Толпа подошла еще ближе и окружила их, по-прежнему без слов и сохраняя осторожность: гул голосов стих, лица были неподвижны, как маски ненависти в древнем театре.

По тротуару звонко ударил чей-то каблук, потом еще и еще — ровный, бесстрастный звук уверенных шагов.

Шаги приблизились, и Блэйн краем глаза заметил высокого, костлявого, как скелет, мужчину, который вышагивал с таким видом, будто был на утренней прогулке.

Мужчина подошел к Блэйну, встал рядом с ним и повернулся лицом к толпе. Он не произнес ни слова, но толпа остановилась, замерев посреди улицы в жуткой тишине.

Из толпы вышел человек.

— Доброе утро, шериф.

Шериф не шевельнулся, не произнес ни слова в ответ.

— Они парапсихи, — сказал человек.

— Откуда известно? — спросил шериф.

— Старая Сара сказала.

Шериф посмотрел на каргу:

— Это так, Сара?

— Том сказал правду, — проскрипела старуха. — Вон тот парень, у него странный мозг. Он отражает.

— А женщина? — спросил шериф.

— А разве она не с ним?

— Мне стыдно за вас, — сказал шериф, как будто читая нотацию напроказившим детям. — Придется вас посадить, всех до одного.

— Но это же парапсихи! — раздался возмущенный крик. — Мы не пускаем сюда парапсихов, ты ведь знаешь.

— А теперь послушайте меня, — объявил шериф. — Расходитесь и займитесь каждый своим делом. А ими займусь я.

— Обоими? — спросил кто-то.

— Даже не знаю, — ответил шериф. — Похоже, что леди здесь ни при чем. Думаю, мы отправим ее из города, и этого будет достаточно. Вы вместе с этим парнем? — спросил он Гарриет.

— И я останусь с ним!

— *Нет.* — сказал Блэйн. *(Знак молчания — палец, прижатый к губам.)* Сказал быстро, надеясь, что никто не подслушает, потому что в этом городе даже простому телепату не дали бы пощады. Но предупредить надо.

— Это ваша машина на той стороне? — спросил шериф.

Гарриет вопросительно взглянула на Блэйна.

Да, моя, — ответила она.

Тогда послушайте меня, мисс. Идите к своей машине и выбирайтесь из этой заварухи. Ребята вас пропустят.

Но я не собираюсь...

- Лучше не спорь, Гарриет, — сказал Блэйн.

Гарриет стояла в нерешительности, не зная, что делать.

- Езжай, — повторил Блэйн.

Она медленно сошла с тротуара, затем обернулась.

До встречи, — сказала она Блэйну.

Она с презрением оглядела шерифа.

Казак! — бросила она.

Шериф не возражал. Слово это ему было незнакомо.

Давайте, леди, езжайте, — сказал он, и в голосе его звучала чуть ли не доброта.

Толпа яростно загудела, но все же расступилась, чтобы пропустить ее. Дойдя до машины, она повернулась и помахала Блэйну рукой. Затем села за руль, включила зажигание. Заревев двигателем, автомобиль рванулся сквозь толпу. Ничего не видя от пыли, поднятой выхлопом сопел, спотыкаясь друг о друга, люди с воплями бросились в разные стороны, спеша освободить дорогу.

С невозмутимым спокойствием шериф наблюдал, как машина помчалась вниз по улице.

— Ты видел, шериф? — в ярости заорал один из пострадавших. — Почему ты ее не арестуешь?

— Это вам по заслугам, — сообщил шериф. — Сами все заварили. Только собрался провести день спокойно, как вы заставляете меня волноваться.

Незаметно было, что он волнуется.

Возбужденно споря и протестуя, толпа придвинулась к тротуару.

Как будто отгоняя цыплят, шериф замахал руками:

— Давайте-давайте отсюда! Порезвились, и хватит. А мне теперь пора работать. Пойду посажу этого парня за решетку.

Он повернулся к Блэйну:

— Идем со мной.

Они пошли вместе вниз по улице, к зданию суда.

— Ты что, не знал, куда едешь? — спросил шериф. — Этот город — сущий ад для парапсихов.

Откуда я мог знать? — ответил Блэйн. — Объявления не было.

— Его сдуло два года назад, — пояснил шериф. И ни у кого не хватило ума повесить обратно. Или сделать новое.

Старое совсем обветшало. Буквы едва можно разобрать. Песчаные бури обивают краску.

Что ты собираешься со мной делать?

— Думаю, ничего особенного, — ответил шериф. — Подержу немного, пока народ не поостынет. Для твоего же блага. А станет безопасней, выпущу.

Он минуту помолчал, обдумывая сложившуюся ситуацию.

— Нет, сейчас отпустить не могу, — объявил он. Ребята пока еще начеку.

Подошли к зданию суда и поднялись по лестнице. Шериф отворил дверь.

— Вперед, — сказал он.

Они вошли в кабинет, и шериф закрыл дверь.

— А знаешь, — сказал Блэйн, — я не верю, что есть основания меня задерживать. Что, если я возьму и попробую просто выйти отсюда?

— Ничего не произойдет. Сразу, по крайней мере. Останавливать тебя я, конечно, не буду, хотя, может, и поспорю немного. Но из города ты не выйдешь. Не пройдет и пяти минут, как сцапают.

Но я мог уехать на машине.

Шериф покачал головой:

Я знаю этих людей, сынок. Я с ними вырос. Сам один из них. И знаю, как далеко могу с ними зайти и когда пора остановиться. Я мог отправить леди, но не ооонх. Приходилось когда-нибудь видеть толпу в действии?

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Это не самое приятное зрелище.

— А как же Сара? Она ведь тоже параноик.

— Это другое дело, приятель. Она из хорошего рода. Сейчас плохие времена, но ее семейство живет здесь больше сотни лет. Город с ней просто смирился.

— И потом, удобно иметь собственного наводчика.

Шериф добродушно хмыкнул.

— От нашей Сары, — с провинциальной гордостью сообщил он, — мало что может укрыться. И дел у нее хватает: ей приходится следить за всеми, кто заезжает к нам в городок.

— И много вам попадается параноиков?

— Средне, — ответил шериф. — Время от времени. Да, пожалуй, средне.

Шериф указал на письменный стол.

– Пойди выверни свои карманы. Так положено по закону. Я тебе напишу расписку.

Блэйн начал рыться в карманах. Бумажник, колода карт, платок, связка ключей, спички и, наконец, револьвер.

Он осторожно вынул его и положил вместе с остальными вещами.

— Он у тебя все время был с собой? — поинтересовался шериф.

Блэйн кивнул.

— И ты ни разу не потянулся за ним?

— Я был слишком напуган, чтобы за ним тянуться. Это было пострашнее, чем путешествовать к звездам...

Он понял, что проговорился.

— Почему ты не сказал мне, что ты из «Фишхука»?

— А какая разница? — Блэйн пожал плечами.

Шериф слегка присвистнул сквозь зубы.

Взяв револьвер, он переломил ствол. Медным блеском засверкали головки гильз.

Шериф открыл ящик стола и бросил туда оружие.

— Теперь, — с видимым облегчением произнес он, — у меня есть законный повод задержать тебя.

Он взял спичечный коробок и передал Блэйну.

— Если нужны сигареты, я принесу, — предложил шериф.

— Не стоит, — отказался Блэйн. — Иногда я ношу их с собой, но обычно я не курю. Они у меня кончаются раньше, чем сам соберусь закурить.

Шериф снял с гвоздя кольцо с ключами.

— Пошли, — сказал он.

Блэйн вышел за ним в коридор, который тянулся вдоль ряда тюремных камер.

Шериф открыл крайнюю, возле самого входа.

— Тебе на одного, — сказал он. — Последнего выпустил вчера вечером. Черномазый перешел границу и угодил за решетку. Вообразил, что он не хуже белых.

Блэйн вошел в камеру, шериф захлопнул дверь и запер на ключ.

— Если что-нибудь понадобится, — сказал шериф, демонстрируя искреннее гостеприимство, — крикни меня. Я тебе это достану.

Глава 8

Он встал с узкой койки, прикрытой грязным одеялом, и подошел к окну. Улица была залита солнцем, на бульваре покачивались чахлые деревья. У тротуара рядом с убогими, жалкого вида конторами стояли полуразвалившиеся машины, некоторые настолько древние, что были оборудованы колесами, вращаемыми двигателем внутреннего сгорания. Сидящие на ступеньках магазинов мужчины жевали табак и сплевывали на асфальт, образуя липкие янтарные лужицы, похожие на старые пятна крови. Казалось, они просто бездельничают, лениво пожевывая и переговариваясь друг с другом, и не обращают внимания ни на здание суда, ни на что-либо другое.

Но Блэйн знал, что они следят за зданием. Они караулят его — человека с зеркалом в мозгу. Мозг, который, как сказала старая Сара шерифу, отражает.

Вот что заметил Кирби Рэнд, вот что выдало меня и заставило «Фишхук» броситься в погоню. А Рэнд, в таком случае, если не слухач, то по крайней мере наводчик. Хотя какая разница, подумал Блэйн. Будь он даже и слухач, все равно он не смог бы заглянуть в мозг, который отражает.

А это значит, понял Блэйн, что в мозгу у него что-то вроде маячка-мигалки, бросающегося в глаза каждому, кто может видеть. Он нигде теперь не будет в безопасности, никогда не сможет укрыться. Он таскает за собой колокол громкого боя, и его легко обнаружит любой слухач или наводчик, оказавшийся поблизости.

Но раньше он таким не был. В этом нет сомнения. Иначе кто-нибудь сказал бы об этом или это было бы в его психической карте.

— *Эй, ты,* — позвал он спрятавшегося у него в мозгу, — *вылезай!*

Тот завилял хвостом. Он заюлил, как довольный пес. Но остался на месте.

Блэйн отошел от окна и сел на край кровати.

Гарриет должна помочь ему. А может, шериф отпустит его раньше, как только все успокоится. Хотя шериф и не обязан его отпускать, ношение оружия — вполне достаточный повод для задержания.

— *Дружище,* — обратился он к своему жизнерадостному спутнику, — *похоже, тебе придется опять поработать. Нам снова может понадобиться какой-нибудь финт.*

Ведь существо в его разуме уже продемонстрировало один финт — финт со временем. Или обменом веществ? Неизвестно, то ли он двигался тогда быстрее, чем все остальные, то ли время замедлилось для всего остального, кроме него.

По улице, кашляя, прогарахтел допотопный автомобиль. Где-то щебетали птицы. Да, попал в историю, признался себе Блэйн, серьезную историю.

Сидящие на ступеньках мужчины продолжали ждать, изо всех сил стараясь показать, что здание суда их нисколько не интересует. Все это начинало Блэйну нравиться все меньше и меньше.

Дверь в кабинете шерифа открылась и снова захлопнулась, послышались шаги. Голоса звучали неразборчиво, и Блэйн не стал прислушиваться. Чем может помочь, если он что-то подслушает? И вообще, может ли ему что-то помочь?

Неторопливой поступью, чеканя шаги, шериф пересек кабинет и вышел в коридор.

Блэйн поднял глаза и увидел его, стоящего перед камерой.

— Блэйн, — сказал шериф, — пришел отец, чтоб поговорить с тобой.

— Какой отец?

— Святой отец, язычник. Пастырь нашего прихода.

Глава 9

Войдя в камеру, священник замигал, стараясь привыкнуть к полумраку.

Блэйн встал.

— Я рад, что вы пришли, — сказал он. — К сожалению, самое большое, что я могу предложить, это присесть здесь на нарах.

— Ничего, — ответил священник. — Меня зовут отец Фланаган. Надеюсь, я не помешал?

— Ни в коей мере. Рад вас видеть.

Покряхтывая от натуги, отец Фланаган опустился на край койки. Это был пожилой тучный человек с добрым лицом и морщинистыми, скрюченными артритом руками.

— Садись, сын мой. Надеюсь, что не отвлек тебя. Сразу хочу предупредить, что я постоянно влезаю в чужие дела. Видимо, причина этому — моя паства, большинство из которой, независимо от возраста, большие дети. О чем бы ты хотел побеседовать со мной?

— О чем угодно, — ответил Блэйн, — кроме разве религии.

— Ты не веришь в Бога, сын мой?

— Не особенно, — ответил Блэйн. — Обычно размышления на эту тему приводят меня в замешательство.

Старик покачал головой:

— Наступили безбожные дни. Теперь стало много таких, как ты. Меня это беспокоит. И Святую Церковь-мать тоже. Мы живем в тяжелые для духа времена. Люди больше предаются боязни зла, чем созерцанию добра. Ходят разговоры об оборотнях, злых духах и чертях, хотя все это еще сто лет назад казалось вздором.

Тяжеловесно развернувшись, он уселся боком, чтобы лучше видеть Блэйна.

Шериф сказал мне, что ты из «Фишхука».

— Думаю, отрицать это бесполезно, — ответил Блэйн.

— Мне никогда еще не приходилось говорить с людьми из «Фишхука», — слегка запинаясь, как будто беседовал скорее с собой, чем с Блэйном, произнес старый священник. — До меня доходили только слухи, а истории о «Фишхуке», которые я слышал, поразительны и невероятны. Одно время тут жил торговец, его факторию потом сожгли — но я так и не побывал у него. Люди бы меня не поняли.

— Судя по тому, что произошло сегодня утром, я тоже думаю, что не поняли бы, — согласился Блэйн.

— Говорят, что у тебя паранормальные...

— Это называется «парапсих», — поправил его Блэйн. — Будем называть вещи своими именами.

— Ты и правда таков?

— Не понимаю, чем вызван ваш интерес, святой отец.

— Только познавательными соображениями, — ответил отец Фланаган, — уверяю, чисто познавательными. Кое-что из этого интересует лично меня. Ты можешь говорить со мной так же свободно, как на исповеди.

— Когда-то, — сказал Блэйн, — науку подозревали в том, что она скрытый враг всех религиозных догм. Сейчас повторяется то же самое.

— Потому что люди снова боятся, — произнес священник. — Они запирают двери на все запоры. Они не выходят по ночам. На воротах и крышах своих домов рисуют кабалистические знаки — заметь, вместо Святого креста — кабалистические знаки. Они шепотом говорят о таких вещах, о которых никто не вспоминал со времен средневековья. В глубине сво-

их невежественных душ они трясутся от страха. От их древней веры мало что осталось. Конечно, они исполняют обряды, но по выражению лиц, по разговорам я вижу, что делается у них в душе. Они потеряли простое искусство верить.

— Нет, святой отец, просто они очень растерянные люди.

— Весь мир растерян, — сказал отец Фланаган.

И он прав, подумал Блэйн: весь мир в растерянности. Потому что лишился кумира и, несмотря на все старания, никак не может найти другого. Мир лишился якоря, на котором он держался против бурь необъяснимого и непонятного, и теперь его несет по океану, не описанному ни в одной лоции.

Одно время кумиром была наука. Она обладала логикой, смыслом, абсолютной точностью и охватывала все — от элементарных частиц до окраин Вселенной. Науке можно было доверять, потому что она прежде всего была обобщенной мудростью человечества.

А потом настал день, когда Человек со всей его пресловутой техникой и всемогущими машинами был вышвырнут с небес назад на Землю. В тот день божество науки утратило часть своего ослепительного блеска, и чуть ослабла вера в него.

Когда же Человек сумел достичь звезд без помощи каких-либо машин, культ механизмов окончательно рассыпался в прах. Наука, техника, машины все еще существовали, играли важную роль в повседневной жизни, однако им больше не поклонялись.

Человек лишился своего бога. Но Человек не может жить без идеалов и целей, ему надо поклоняться какому-то абстрактному герою. А тут образовался вакуум, невыносимая пустота.

В эту пустоту, несмотря на всю свою необычность, идеально вписалась паранормальная кинетика. Наконец-то появилось объяснение и оправдание всем полубезумным культам; наконец пришла надежда на конечное исполнение всех чаяний; наконец родилось нечто достаточно экзотичное или что можно было сделать достаточно экзотичным, чтобы удовлетворить человеческие эмоции во всей их глубине, — что никогда не было под силу простой машине.

Наконец-то человечество — слава тебе господи! — овладело магией.

Мир охватил колдовской бум.

Как обычно, маятник качнулся слишком далеко и теперь несся в обратную сторону, распространяя по земле ужас и панику.

И опять Человек потерял кумира, а взамен приобрел обновленные суеверия, которые, подобно вздымающейся волне, понесли его во мрак второго средневековья.

— Я много размышлял по этому поводу, — сказал отец Фланаган. — Мимо подобной темы не может пройти даже такой недостойный слуга Церкви, как я. Все, что касается души человеческой, интересует Церковь и Папу.

Как бы в признательность за искренность Блэйн слегка поклонился, однако с долей обиды заметил:

— Так значит, вы пришли меня изучать. Вы пришли меня допрашивать.

— Я молил Бога, чтобы ты так не подумал, — печально произнес старый священник. — Видимо, у меня ничего не вышло. Я шел к тебе, надеясь, что ты сможешь помочь мне, а через меня — Церкви. Ведь Церкви, сын мой, тоже иногда нужна помощь. А ты — человек, умный человек — часть загадки, которую мы не можем разрешить. Я думал, ты мне в этом деле поможешь.

— Ну что ж, я согласен, — подумав, ответил Блэйн. — Хотя и не думаю, что от этого будет какая-то польза. Вы заодно со всем городом.

— Не совсем так, сын мой. Мы не благословляем, не осуждаем. Мы пока слишком мало знаем об этом.

— Я расскажу о себе, — сказал Блэйн, — если это вас интересует. Я путешественник. Путешествовать по звездам — моя работа. Я забираюсь в машину, собственно даже не в машину, а в своеобразное символическое приспособление, которое позволяет мне высвободить разум, а может, даже подталкивает мой разум в нужном направлении. Она помогает ориентироваться... Нет, святой отец, обычными, простыми словами этого не объяснить, получается бессмыслица.

— Я без усилий слежу за твоим рассказом.

— Так насчет ориентации. Описать это языком слов невозможно. В науке принято объяснять языком математики, но это и не математика. Суть в том, что ты знаешь, куда тебе надо попасть, и там и оказываешься.

— Колдовство?

— Да нет же, черт побери... простите, святой отец. Нет, это не колдовство. Стоит только раз понять это, ощутить, и оно становится частью тебя, все оказывается легко и просто. Делать это так же естественно, как дышать, и так же просто, как падать со скользкого бревна. Представьте...

— Мне кажется, — перебил отец Фланаган, — не стоит останавливаться на технических деталях. Лучше скажи мне, каково это — быть на другой планете?

— Ничего особенного, — ответил Блэйн. — Обычно я чувствую себя так же, как, скажем, сейчас, когда я сижу и беседую с вами. Только поначалу — самые первые несколько раз — ты ощущаешь себя до непристойности обнаженным: один разум без тела...

— И разум твой бродит повсюду?

— Нет. Хоть это и возможно, конечно, но не бродит. Обычно стараешься не вылезать из механизма, который берешь с собой.

— Механизма?

— Записывающая аппаратура. Этот механизм собирает все данные и записывает их на пленку. Становится ясна вся картина полностью. Не только то, что видишь сам, — хотя ты в принципе скорее не видишь, а ощущаешь, — а все, абсолютно все, что только можно уловить. Теоретически, да и на практике тоже, машина собирает информацию, а разум служит только для ее интерпретации.

— И что же ты там видел?

— На это потребовалось бы больше времени, чем есть в моем или вашем распоряжении, святой отец, — рассмеялся Блэйн.

— Но ничего такого, что есть на Земле?

— Редко, потому что планет типа Земля не так уж много. Среди общего числа, естественно. Но планеты земного типа вовсе не единственная наша цель. Мы можем бывать везде, где способна функционировать машина, а она сконструирована так, что работает практически всюду...

— И даже в ядре какого-нибудь Солнца?

— Нет, машина бы там не выдержала. А разум, я думаю, смог бы. Но таких попыток еще не делалось. Конечно, насколько знаю я.

— А что ты ощущаешь? О чем думаешь?

— Я наблюдаю, — ответил Блэйн. — Для этого я и путешествую.

— А не кажешься ты себе господином всего мира? Не приходила ли тебе когда-нибудь мысль, что Человек держит всю Вселенную в ладонях рук своих?

— Если вы говорите о грехе гордыни и тщеславия, то нет, никогда. Иногда чувствуешь восторг при мысли о том, куда

забрался. Нередко тебя охватывает удивление, но чаще всего ты в растерянности. Все вновь и вновь напоминает о том, сколь ты незначителен. А иногда даже забываешь, что ты человек. Просто комок жизни — в братстве со всем, что когда-то существовало и когда-либо будет существовать.

— А думаешь ли ты о Боге?

— Нет, — ответил Блэйн. — Такого не было.

— Плохо, — произнес отец Фланаган. — И это меня пугает. Быть где-то в полном одиночестве...

— Святой отец, я ведь с самого начала объяснил, что не склонен исповедовать какую-либо религию. Я сказал об этом откровенно.

Некоторое время они сидели, глядя друг на друга, разделенные пропастью непонимания. Как будто мы из разных миров, подумал Блэйн. Со взглядами, лежащими друг от друга на миллионы километров, и все же оба — люди.

— А ты не колдун?

Блэйн хотел засмеяться — смех уже стоял у него в горле, но сдержался. Слишком много страха было в заданном вопросе.

— Нет, святой отец, клянусь вам. Я не колдун. И не оборотень. И не...

Поднятием руки старик остановил его.

— Теперь мы квиты, — объявил он. — Я тоже сказал то, что тебе неприятно слышать.

Он с усилием встал с койки и протянул руку со скрюченными артритом или какой-то другой болезнью пальцами.

— Благодарю тебя, — сказал он. — Да поможет тебе Господь.

— А вы будете сегодня вечером?

— Сегодня вечером?

— Ну да, когда здешние горожане потащат меня вешать. Или тут принято сжигать у столба?

Лицо старика скривилось как от удара.

— Ты не должен так думать. Не может...

— Но ведь они сожгли факторию. И хотели убить торговца, да не успели.

— Они не должны были этого делать, — сказал отец Фланаган. — Я говорил им об этом. Мне известно, что в этом принимали участие и люди из моей паствы. Правда, кроме них там были еще и многие другие. Но от моей паствы я этого не ожидал. Многие годы я читал им проповеди, чтобы отвратить их именно от такого шага.

Блэйн взял руку священника. Искалеченные пальцы ответили теплым, крепким рукопожатием.

— Наш шериф славный человек, — сказал отец Фланаган. — Он сделает все, что от него зависит. А я поговорю с людьми.

— Спасибо, святой отец.

— Ты боишься смерти, сын мой?

— Не знаю. Я всегда думал, что мне не будет страшно. Поживем — увидим.

— Ты должен обрести веру.

— Может быть. Если я когда-нибудь ее найду. Помолитесь за меня.

— Бог с тобой. Я буду молиться весь день.

Глава 10

Блэйн стоял у окна и наблюдал, как в сумраке снова собиралась толпа — люди подходили не спеша, без шума, спокойно, почти с безразличием, как будто шли на школьный концерт, собрание фермеров или другое привычное, вполне безобидное мероприятие.

Из кабинета через коридор от него доносились шаги шерифа, и он подумал, знает ли шериф — хотя наверняка знает, он достаточно долго прожил в этом городе, чтобы знать, — чего можно ожидать.

Блэйн стоял у окна, взявшись руками за металлические прутья решетки. Где-то в неухоженных деревьях на тюремном дворе, перед тем как заснуть, устроившись поудобнее на своей ветке, пела последнюю вечернюю песню птица.

Он стоял и смотрел, а в это время из своего убежища выполз Розовый и стал расти и расширяться, пока не заполнил его мозг.

— *Я пришел к тебе, чтобы остаться,* — сказал он. — *Мне надоело прятаться. Теперь я знаю тебя. Я исследовал все углы и закоулки тебя и теперь знаю, что ты такое есть. А через тебя — мир, в котором ты живешь, мир, в котором живу я, поскольку это теперь и мой мир.*

— *Теперь без глупостей?* — спросила та половина этого странного дуэта, которая продолжала оставаться Блэйном.

— *Теперь без глупостей,* — ответила другая половина. — *Без воплей, без паники, без попыток выбраться или скрыться.*

Мне только непонятно, что такое смерть. Я не нашел объяснения понятию смерти, потому что прекращение жизни необъяснимо. Такое просто невозможно, хотя в глубине моей памяти есть смутные воспоминания о тех, с кем это, кажется, произошло.

Блэйн отошел от окна и, сев на койку, погрузился в воспоминания Розового. Однако воспоминания приходили издалека и из глубокого прошлого и были такими размытыми, нечеткими, что трудно было сказать, настоящие это воспоминания или просто игра воображения.

Потому что он видел несметное количество планет, и сонмы различных народов, и множество незнакомых понятий, и беспорядочные обрывки знаний о Вселенной, сваленные в кучу из десяти миллиардов соломинок, из которых, как в той игре, практически невозможно вытащить одну соломинку, не потревожив остальных.

— Ну, как ты там? — спросил незаметно подошедший шериф.

Блэйн поднял голову:

— Да вроде бы ничего. Вот только что глядел на твоих приятелей на той стороне улицы.

— Не бойся, — хмыкнул шериф. — Их не хватит, чтобы даже перейти улицу. А если что, я выйду и поговорю с ними.

— А если они узнают, что я из «Фишхука»?

— Ну, этого-то они не узнают.

— Священнику ты сказал.

— Это другое дело, — сказал шериф, — я должен был сказать священнику.

— А он никому не скажет?

— А зачем? — спросил шериф.

Блэйн промолчал: на такой вопрос обычно трудно ответить.

— Ты послал сообщение?

— Но не в «Фишхук». Одному приятелю, а он уже сообщит в «Фишхук».

— Не стоило тратить время, — сообщил Блэйн. «Фишхук» знает, где я.

Они наверняка уже пустили своих ищеек, и те взяли след много часов назад. У него был всего один шанс скрыться от них — двигаться как можно быстрее и никому не попадаться на глаза.

Вполне вероятно, что они сегодня вечером уже будут в городе, подумал он. И в этом его надежда, потому что

«Фишхук» вряд ли допустит, чтобы здешняя банда с ним разделалась.

Блэйн поднялся с койки и подошел к окну.

— Вы можете уже выходить, — объявил он шерифу.

Они перешли улицу.

Да, конечно, им надо торопиться. Они должны успеть сделать свое дело, пока не стало совсем темно. Потому что, когда придет настоящая, черная ночь, нужно быть в своем уютном домике с закрытыми на все замки и засовы дверями, запертыми окнами и опущенными шторами. И кабалистическими знаками, охраняющими все входы-выходы. Потому что тогда, и только тогда, можно чувствовать себя в безопасности от жутких сил, притаившихся в темноте, от оборотней, вампиров, гоблинов, эльфов.

Шериф повернулся, прошел по коридору к себе в кабинет. Звякнул металл вынимаемого из пирамиды ружья. Глухо лязгнул затвор: шериф дослал в ствол патрон.

Толпа наплывала как темная, колышущаяся волна и, кроме шарканья ног, не издавала ни единого звука.

Блэйн завороженно наблюдал за ней, как будто это не имело к нему ни малейшего отношения. «Как странно, — подумал он, — ведь я же знаю, что толпа идет за мной».

Но это не важно, смерти же нет. Смерть бессмысленна, и о ней не стоит думать. Это вопиющая расточительность, с которой нельзя мириться.

А кто же это говорил?

— *Эй,* — позвал он существо, которое было уже не существом, а частью его самого, — *это твоя идея. Это ты не можешь поверить в смерть.*

А это истина, в которую не верить нельзя. Смерть — это реальность, она присутствует постоянно, и под ее присмотром проходит короткое существование всего живого.

Смерть есть, и она близко — слишком близко, чтоб позволить себе роскошь отрицать ее. Она притаилась в ропоте толпы перед зданием, толпы, которая уже перестала шаркать ногами и, собравшись перед входом, спорила с шерифом. Толпы не было видно, но гулко разносился голос шерифа, призывающего всех разойтись по домам.

— Все, что вы здесь можете получить, — кричал шериф, — это полное брюхо свинца!

Толпа кричала ему в ответ, снова шумел шериф, и так продолжалось довольно долго. А Блэйн стоял у решетки, и

страх постепенно охватывал его, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, подобно приливу поднимаясь по жилам.

Наконец шериф вошел в здание. И за ним трое — злые и испуганные, однако их страх был надежно спрятан за целеустремленным и угрюмым выражением лиц.

Пройдя через кабинет и коридор, шериф остановился у камеры. Ружье безвольно болталось у него в руке. Трое мужчин стояли рядом с ним.

Стараясь не показать свою растерянность, он посмотрел на Блэйна.

— Мне очень жаль, Блэйн, — сказал он, — но я не могу. Эти люди — мои друзья. Я с ними вырос. Я не могу в них стрелять.

— Конечно не можешь, — ответил Блэйн, — трус, жалкий трус!

— А ну давай ключи! — рявкнул один из тройки. — Пора его выводить.

— Ключи на гвозде за дверью, — сказал шериф.

Он поглядел на Блэйна.

— Я ничего не могу поделать, — сказал он.

— Можешь пойти и застрелиться, — посоветовал Блэйн. — Усиленно рекомендую.

Вернулся человек с ключом, и шериф отошел в сторону.

— У меня есть одно условие, — обратился Блэйн к отпирающему дверь. — Я выйду отсюда сам.

— Ха! — усмехнулся тот.

— Я сказал, что выйду сам. Я не дам себя тащить.

— Ты выйдешь так, как нам будет удобно! — прорычал человек.

— Это же мелочь, — вмешался шериф. — Какая вам разница?

Мужчина распахнул дверь камеры:

— Ну ладно, выходи.

Блэйн вышел в коридор. Двое мужчин встали по бокам, один сзади. Никто к нему не прикоснулся. Тот, у кого были ключи, швырнул их на пол. Звук их падения наполнил коридор неприятным звоном.

«Вот оно, — подумал Блэйн. — Невероятно, но это все происходит со мной».

— Пошел вперед, парапсих проклятый! — идущий сзади пихнул его в спину.

— Ты хотел идти сам, — сказал другой. — Покажи, как ты умеешь ходить.

Блэйн пошел твердо и уверенно, сосредоточиваясь на каждом шаге, чтобы не споткнуться. Он не должен споткнуться, он не должен допустить ничего, что бы могло его унизить.

Еще жива надежда, сказал он себе. Еще есть шанс, что прибыл кто-нибудь из «Фишхука» и ждет, чтоб похитить его. Или Гарриет нашла помощь и возвращается, или уже вернулась. Хотя маловероятно, подумал он. Прошло не так много времени, и она не знает, насколько опасно положение.

Блэйн твердо прошагал через кабинет шерифа и спустился к выходу, неотступно сопровождаемый тремя горожанами.

Кто-то с насмешливой вежливостью распахнул перед ним дверь на улицу.

Охваченный ужасом, Блэйн на секунду замешкался. Как только он выйдет за дверь и окажется перед ожидающей толпой, надежд уже не останется.

— Вперед, грязный ублюдок! — рявкнул идущий сзади. — Там тебя ждут.

Уперши рукой Блэйну между лопаток, он толкнул его. Чуть не упав, Блэйн перескочил через несколько ступенек, затем выровнялся и снова пошел спокойным шагом.

И вот он уже переходит порог, и вот он перед толпой!

Животный крик вырвался из толпы — крик, в котором смешались ненависть и ужас, крик, подобный вою стаи волков, взявших кровавый след, похожий на рев тигра, уставшего поджидать добычу, было в этом звуке и что-то от стона загнанного в угол, затравленного охотниками зверя.

А ведь они, со странной беспристрастностью подумал Блэйн, и есть загнанные звери — люди, убегающие от погони. В них и ужас, и ненависть, и зависть непосвященных, в них обида оставшихся за бортом, в них нетерпимость и ограниченность отказывающихся понять — арьергард старого порядка, удерживающий узкий проход от наступающих из будущего.

Сзади кто-то толкнул его, и он полетел вниз по скользким каменным ступенькам. Поскользнувшись, он упал и покатился, и толпа набросилась на него. Множество рук схватило его, раздирая пальцами мышцы, множество ртов дышало ему в лицо, обдавая горячим зловонным дыханием.

Затем те же руки поставили его на ноги и стали пихать в разные стороны. Кто-то ударил в живот, еще кто-то — по лицу.

Сквозь рев толпы прорезался вопль: «А ну-ка, парапсих вонючий, телепортируй себя! Всего-то навсего! Телепортируй себя!»

И это была самая уместная шутка, потому что никто не умел себя телепортировать. Были левитаторы, которые могли летать подобно птицам; другие, как Блэйн, могли телепортировать небольшие предметы; третьи, и Блэйн тоже, умели телепортировать свой разум за тысячи световых лет, но только с помощью хитроумных машин. А настоящая самотелепортация, мгновенный перенос тела из одного места в другое, встречалась исключительно редко.

Толпа, подхватив шутку, скандировала: «Телепортируй, телепортируй, телепортируй себя, грязный, вонючий парапсих»! Толпа смеялась, радуясь собственному остроумию, самодовольно веселилась, осыпая свою жертву градом насмешек. И ни на минуту не переставала перемежать шутки пинками и ударами.

Теплая струйка бежала у Блэйна по подбородку, губа отекла и распухла, а во рту чувствовался солоноватый привкус. Болел живот, и саднили ребра, а десятки рук и ног продолжали наносить удар за ударом.

Снова чей-то раскатистый голос прорвался через шум: «А ну, хватит! Отойдите от него!»

Толпа отхлынула, но не расступилась, и Блэйн, стоя в центре человеческого кольца, повсюду видел горящие в последних слабых лучах заходящего солнца рысиные глаза, выступившую на губах пену; ненависть, поднимаясь со всех сторон, катилась на него, как запах потных тел.

Кольцо разорвалось, и в середину вышли двое мужчин — один маленький и суетливый, скорее всего счетовод или приказчик, другой — детина с физиономией, на которой будто черти горох молотили. На плече у здоровяка висела свернутая в кольцо веревка, а в руке он держал ее конец, искусно завязанный в аккуратную удавку.

Оба остановились перед Блэйном, и маленький повернулся лицом к толпе.

— Джентльмены, — произнес он голосом, которому позавидовал бы любой распорядитель похорон, — мы должны вести себя достойно и соблюдать приличия. Ничего против этого человека мы не имеем, мы протестуем против той мерзкой системы, которую он представляет.

— Всыпь им, приятель! — с энтузиазмом выкрикнул кто-то из задних рядов толпы.

Человек с голосом распорядителя похорон поднял вверх руку, призывая к тишине.

— То, что мы должны сделать, — елейным тоном продолжал он, — наш горький и печальный долг. Но это долг, поэтому исполним его в подобающей манере.

— Верно, — снова заорал энтузиаст, — пора кончать с этим! Вздернем проклятого ублюдка!

Здоровяк подошел к Блэйну вплотную и медленно, почти бережно надел на него петлю так, что она легла Блэйну на плечи. Затем осторожно затянул узел на шее.

Веревка была совсем новая и колючая и жгла, как раскаленное докрасна железо. Оцепенение, в котором находился Блэйн, прошло и схлынуло, оставив его стоять холодным, опустошенным и обнаженным на пороге вечности.

Пока все это происходило, он не переставал подсознательно цепляться за уверенность, что такое невозможно, что он так умереть не может; с другими такое могло случиться и случалось, но не с Шепардом Блэйном.

А сейчас его от смерти отделяли считанные минуты; орудие смерти уже на месте. Эти люди — люди, которых он не знает, которых он никогда не знал, — хотят забрать у него жизнь.

Он попробовал поднять руки, чтобы сорвать с себя веревку, но не смог ими даже пошевелить. Он сглотнул — появилось чувство медленного и болезненного удушья.

А его еще не начали вешать!

Холод его опустошенного «я» становился все сильнее, его бил озноб всепоглощающего страха — страха, который охватил его и держал, не давая пошевелиться и замораживая тем временем заживо. Казалось, кровь перестала течь по жилам, тело исчезло, а в мозгу громоздятся друг на друга глыбы льда, и череп вот-вот не выдержит и лопнет.

Откуда-то из глубины сознания всплыла мысль о том, что он уже не человек, а просто испуганное животное. Окоченевшее, слишком гордое, чтобы ронять слезы, скованное ужасом, удерживающееся от крика только потому, что отказали язык и горло.

Но если он не мог крикнуть вслух, он закричал внутри себя. Этот крик рос и рос, тщетно пытаясь найти выход. Еще мгновение, понял Блэйн, и, если выход не будет найден, этот страшный безмолвный крик разорвет его на части.

На какую-то долю секунды все померкло, растворилось, и Блэйн вдруг оказался один, и ему больше не было холодно.

Он стоял на посыпанной кирпичной крошкой старой аллее, ведущей к зданию суда, веревка все еще висела у него на шее, но на площади перед судом не было ни одного человека.

Кроме него, в городе вообще никого не было!

Глава 11

Сумерки немного рассеялись, стало светлее. Стояла невообразимая тишина.

Не было травы.

Не было деревьев.

Не было людей и даже намека на их присутствие.

Газон или то, что раньше было газоном, обнаженной полосой тянулся к асфальтовой улице. На газоне не было ни одной травинки, только земля и галька. Ни мертвой, ни сухой, вообще никакой травы. Как будто травы вообще никогда не было. Как будто даже понятия такого, как трава, никогда не существовало.

С веревкой, все еще свисавшей с шеи, Блэйн огляделся вокруг. И всюду была та же картина. В последних отблесках дня застыло здание суда. Вдоль тротуара на пустынной и спокойной улице стояли автомобили. Ряды магазинов слепо смотрели прозрачными витринами.

На углу, за парикмахерской, одинокое и мертвое, торчало единственное дерево.

И ни одного человека. Ни птиц, ни щебета. Ни собак. Ни кошек. Ни даже жужжания насекомых. Может быть, подумал Блэйн, не осталось ни единой бактерии или микроба?

Осторожно, как будто боясь разрушить заклинание, Блэйн поднес руку к горлу и ослабил узел. Стащив петлю с головы, Блэйн швырнул веревку на землю и стал осторожно массировать шею. Кожу еще покалывало — в ней застряли оторвавшиеся волокна.

Блэйн попробовал сделать шаг и обнаружил, что в состоянии ходить, хотя тело и саднило от побоев. Выйдя на середину улицы, Блэйн посмотрел вперед и назад. Нигде никого не было видно.

Солнце только-только село, еще не наступила темнота, а это значит, сказал он себе, что я вернулся немного назад во времени.

Блэйн замер посреди улицы, ошеломленный пришедшей мыслью. Как же он сразу не догадался? Ведь все ясно. Нет

никаких сомнений в том, что именно он совершил. Хотя, видимо, подумал Блэйн, он сделал это не сознательным усилием, а скорее инстинктивно, как будто в минуту опасности сработал условный рефлекс.

Произошло нечто невероятное, чего он сам никогда не смог бы сделать, а минуту назад мог поклясться, что такое невозможно. Подобного никогда еще не совершал ни один человек, и ни один человек даже не помышлял об этом.

Он совершил путешествие во времени. Он унес в прошлое на полчаса назад.

Несомненно, это было выше его человеческих возможностей, но не выше возможностей инопланетного существа. Как человек, он не мог обладать подобным инстинктом. Такая способность выходила за пределы даже паранормальных возможностей. Да, сомнений не было: ему удалось пройти сквозь это время только посредством или с помощью иного, инопланетного разума.

Но этот разум, похоже, оставил его; с ним его больше не было. Блэйн поискал его, попробовал позвать — никто не ответил.

Блэйн повернулся и пошел на север, стараясь держаться середины улицы, пересекающей этот город — призрак из прошлого.

Кладбище прошлого, подумал он. Все только мертвое: голые камни, кирпичи, безжизненные глина и доски.

А куда подевалась жизнь?

Почему прошлое должно быть мертвым?

И что стало с тем разумом, который он получил в обмен от существа на другой планете?

Он снова поискал его, но не нашел, однако обнаружил его следы: крохотные грязные отпечатки ног, протянувшиеся через мозг; он нашел обрывки и мусор, оставшиеся за ним, — непонятные, хаотичные воспоминания, клочки бессвязных, ни на что не похожих знаний, плавающих подобно обломкам в пене прибоя.

Блэйн не нашел существо, но понял, куда оно делось, — ответ пришел сам собой. Разум существа не исчезал, не уходил. Напротив, он стал его частью. В горниле страха и ужаса, в химической реакции опасности родился тот психологический фактор, который спаял два разума воедино.

Деловая часть улицы перешла в кварталы ветхих жилых домов, и впереди уже виднелась окраина городка — того са-

мого городка, который всего полчаса назад (или полчаса вперед?) так страстно хотел убить его.

Блэйн на минуту остановился, огляпулся и, увидев куполообразную крышу здания суда, вспомнил, что все его имущество осталось там, под замком, в столе у шерифа. Некоторое время Блэйн размышлял, не вернуться ли ему. Остаться без цента, совсем с пустыми карманами было ужасно.

А потом, если вернуться, можно угнать машину. Если не будет ключей в замке зажигания, он сумеет замкнуть провода. Надо было раньше сообразить, упрекнул он себя. Машины там стояли, как будто ожидая, чтоб их угнали.

Блэйн двинулся в обратную сторону, но, сделав два шага, остановился и пошел назад.

Он не смел вернуться. Он бежал оттуда, и ни машины, ни деньги — ничто не могло заставить его вернуться в город.

Становилось все темнее. Он шел на север, решив пройти какое-то расстояние — не бегом, а быстрым, широким, свободным шагом, который незаметно съедает дорогу.

Блэйн миновал окраины и оказался среди полей, и здесь чувство одиночества и безжизненности стало еще сильнее. Среди мертвых тополей бежал ручей, неровными рядами выстроились колья призрачных оград — но земля была абсолютно обнаженной, без единого листа или травинки. А в шуме ветра, проносящегося над пустырем, слышались рыдания.

Темнота сгустилась. Пятнистое лицо луны — зеркало с растрескавшимся и почерневшим зеркальным слоем — отбрасывало бледный свет на пустынную землю.

Он подошел к дощатому мостику, переброшенному через небольшой ручеек, и остановился, чтобы передохнуть и оглядеться. Ничто не двигалось, никто не шел за ним следом. Городок остался в нескольких милях позади, а на пригорке за ручьем стояла полуразвалившаяся заброшенная ферма — амбар, больше похожий на курятник, несколько покосившихся пристроек и сам дом.

Блэйн глубоко вздохнул, и даже воздух показался ему мертвым. У этого воздуха не было ни запаха, ни вкуса.

Блэйн вытянул руку, чтобы взяться за перила моста, и рука, дойдя до деревянного поручня, вошла в него и прошла насквозь, как будто там ничего не было. Не было перил. Не было самого моста.

Блэйн попробовал еще раз. «Ведь я мог ошибиться, — сказал он себе, — мог не довести руку до перил или вообразить, что рука прошла сквозь дерево. Лунный свет обманчив».

На этот раз он действовал крайне внимательно.

Его рука вновь прошла сквозь перила.

Он отступил несколько шагов от моста, который если и не был опасен, то все же требовал особой осторожности. Мост не был реальностью, это был или плод воображения, или галлюцинация; призрак, вставший поперек дороги. Если бы он ступил на него, подумал Блэйн, или решил пройти по нему, то упал бы в воду.

А мертвые деревья, колья заборов — тоже галлюцинация?

Вдруг он замер как вкопанный, пораженный неожиданно пришедшей мыслью: а что, если все — галлюцинация? Какое-то время Блэйн стоял не шевелясь и едва дыша, в страхе, что от малейшего движения может рассыпаться в прах этот хрупкий и нереальный мир, превратиться в бесконечное ничто.

Однако земля под ногами была или, по крайней мере, казалась вполне твердой. Блэйн топнул ногой, и земля не провалилась под ним. Он осторожно опустился на колени и, широко разведя руки, стал ощупывать землю, чтобы убедиться в ее прочности.

Какой идиотизм, рассердился сам на себя Блэйн, ведь он уже прошел по этой дороге, и она выдержала его шаги, он не провалился.

И все равно здесь ни в чем нельзя быть уверенным; похоже, в этом месте не существует никаких правил. Или существуют, но такие, до которых надо доходить самому, типа: «Дороги реальны, а мосты — нет».

Хотя нет, совсем не то. Все должно как-то объясняться. И объяснение должно быть связано с тем фактом, что в этом мире нет жизни.

Это был мир прошлого, мертвого прошлого; в нем существовали только трупы — и даже не сами трупы, а только их тени. И мертвые деревья, и колья оград, и мосты, и дома на пригорке — все это всего лишь тени. Тут не найти жизни: жизнь ушла вперед. Жизнь расположена в одной-единственной точке времени и движется по мере того, как идет время, вместе с ним. А значит, подумал Блэйн, человечество может распрощаться с мечтой попасть в прошлое и жить, думать, видеть, разговаривать вместе с теми, кто давно уже обратился в пыль. Не существует живого прошлого, а человечество прошлого может жить лишь в записях и памяти. Единственная реальность, в которой возможна жизнь, — это настоящее, и жизнь идет рядом с ним, не отставая, а там, где она уже прошла, все ее следы тщательно уничтожаются.

Вероятно, что-то — скажем, Земля — может существовать во всех точках времени сразу, практически вечно сохраняя свою материальность. И умершее — умершее и сделанное искусственно — остается в прошлом, подобно призракам. Заборы с натянутой на них проволокой, сухие деревья, строения фермы и мост — все это лишь тени настоящего, удержавшиеся в прошлом. Удержавшиеся, скорее всего, не по своей воле: просто они не могут двигаться, поскольку лишены жизни. Это длинные-длинные тени, вытянутые сквозь время и прикованные ко времени.

Вдруг Блэйн осознал, что в этот момент на всем земном шаре единственное живое существо — это он. Он, и больше никого.

Блэйн встал с колен и отряхнул пыль с ладоней. Впереди, в ярком лунном свете, виднелся мост — обычный, нормальный мост. И в то же время он знал, что моста нет.

В западне, подумал Блэйн. Он в настоящей западне, если не узнает, как отсюда выбраться. А он не знает.

Даже если б к его услугам была память всего человечества, такого знания в этой памяти не нашлось бы.

Блэйн молча стоял на дороге и размышлял, человек ли он, сколько в нем осталось от человека. Но если он не только человек, если в нем есть еще разум инопланетного существа, у него остается надежда.

«Я ощущаю себя человеком, — сказал он себе, — однако что из этого следует? Даже если я полностью превратился бы в другое существо, все равно я ощущал бы себя самим собой. Человек, получеловек, совсем не человек — в любом случае я — это я. И вряд ли б я заметил разницу. Нельзя посмотреть на себя со стороны, оценить себя с какой-то долей объективности.

Я (кем бы я ни был) в минуту паники и ужаса знал, как ускользнуть в прошлое, и логично предположить, что мне известно, как возвращаться в настоящее или туда, что было настоящим для меня, в ту точку времени, как бы она ни называлась, где существовала жизнь.

Однако следует признать холодный, жестокий факт: о том, как вернуться, у меня нет ни малейшего представления».

Блэйн огляделся: вокруг лежала залитая лунным светом стерильно-холодная земля. Он почувствовал, как где-то в глубине его зародилась дрожь. Он попытался унять ее, поняв, что это лишь прелюдия к необузданному ужасу, но дрожь не проходила.

Он мысленно напрягся, борясь со все нарастающей дрожью, и вдруг вспомнил, зацепил знание краешком разума.

В следующий момент он услышал шум ветра в тополиных кронах — но ведь только что тополей здесь не было. Куда-то исчезла дрожь. Он снова был самим собой.

Из травы и кустов доносилось стрекотание насекомых, огненными капельками мелькали в ночи светлячки. А сквозь ставни дома на холме пробивались тонкие, почти задушенные полоски света.

Блэйн свернул с дороги прямо в ручей, по колено в воде перешел на тот берег и вошел в тополиную рощу.

Он вернулся. Вернулся обратно, из прошлого в настоящее, и сделал это сам. На какую-то долю секунды он было ухватил способ такого перехода, но тот снова ускользнул от него, и теперь он опять не знал.

Но это было уже не важно. Блэйн был снова в своем мире.

Глава 12

Когда он проснулся, было еще темно и только первые трели птиц говорили о приближении утра. Он взобрался на холм и на огороде неподалеку от дома сорвал три початка кукурузы, взял из кучи несколько картофелин. Затем выкопал стебель мясник-травы и с радостью отметил, что на нем росло целых четыре бифштекса.

Вернувшись в тополиную рощу, Блэйн отыскал в карманах коробок спичек — единственное, что ему разрешил оставить шериф. В коробке было только три спички.

Угрюмо глядя на три спички, он вспомнил тот далекий день, когда, сдавая экзамен на юного следопыта, надо было разжечь костер одной спичкой. Забавно, сдаст ли он этот экзамен сейчас?

Он нашел сухой ствол и из сердцевины достал несколько горстей сухой, как порох, трухи. Затем наломал сухих, мертвых веток и собрал несколько более толстых сучьев, внимательно следя, чтобы среди них не оказалось ни одного сырого — костер должен быть по возможности бездымным. Рекламировать собственное присутствие явно не было никакого смысла.

По дороге наверху проехала первая машина. Где-то в отдалении мычала корова.

Огонь занялся со второй спички. С тоненьких прутиков, бережно подкладываемых Блэйном, пламя перешло на тол-

стые ветки, и костер загорелся ясным, бездымным пламенем. Поджидая, пока появятся угли, Блэйн присел у огня.

Солнце еще не взошло, но проблески света на востоке становились ярче, а от земли веяло прохладой. Внизу, журча по камням и гальке, бежал ручей. Блэйн с удовольствием набрал полную грудь утреннего воздуха, наслаждаясь его вкусом. Он был еще жив, снова был не один на Земле, имел еду — но что дальше? У него не было денег — у него не было ничего, кроме единственной спички и одежды, что на нем. Да еще мозг, который его может выдать, который, по словам старой ведьмы, «как сверкающее зеркало». Для первого же встречного слухача или наводчика он будет легкой добычей.

Правда, можно днем прятаться, а идти ночью — ночью сравнительно безопасно, потому что все прячутся по домам. Еду можно брать в садах и огородах. Можно остаться в живых и каждую ночь проходить по нескольку миль, но это слишком медленно.

Должен быть другой выход.

Он подбросил дров в огонь. Костер по-прежнему горел ярко и без дыма. Блэйн спустился к ручью и, улегшись на живот, напился прямо из поющего потока.

А может, не надо было бежать из «Фишхука»? Что бы его там ни ждало, теперешнее положение вряд ли лучше. Потому что теперь надо скрываться от всех: доверять нельзя никому.

Лежа на животе, Блэйн глядел на устланное галькой дно. Взгляд его остановился на одной гальке рубинового цвета. Мысленно взяв этот камень, он видел, из чего тот состоит, как расположены его кристаллы, он знал, откуда этот камень появился и где он перебывал за долгие тысячелетия.

Затем он также мысленно отбросил его и взял другой камень, сверкающий кусочек кварца...

«Это что-то новенькое!

Такого я раньше никогда не делал!

Однако я сделал это так, словно всегда этим занимался, словно это привычное дело».

Блэйн заставил себя подняться и сесть на корточки у ручья. То, что он сделал, для человека было поразительным, однако он чувствовал себя не таким уж ошеломленным — кем бы он ни был, он был самим собой.

Он снова попробовал отыскать в себе разум Розового, но не нашел; несмотря на это, Блэйн знал, что он в нем. В нем, со всеми своими бессмысленными воспоминаниями, невозмож-

ными способностями, дурацкой логикой и поставленными с ног на голову ценностями.

В мозгу вдруг возникла странная картина: процессия пурпурных геометрических фигур, нетвердой походкой бредущих через пустыню цвета червонного золота; в ядовито-желтом небе висит кроваво-багровое солнце, и больше ничего... И в тот же ускользающий момент Блэйн вдруг понял, где находится это место, он знал его координаты в незнакомой ему космографической сети и представлял, как туда попасть. Потом все так же неожиданно прошло — исчезли и цифры, и информация.

Блэйн медленно встал на ноги и вернулся к костру. Углей уже было достаточно. Палочкой он выкопал в углях ямку, заложил туда картофелины и не очищенный от листьев початок кукурузы и вновь засыпал углями. Насадив мясо на раздвоенный конец ветки, зажарил бифштекс.

С теплом костра, приятно греющим руки и ноги, к Блэйну пришла расслабляющая, неуместная умиротворенность — умиротворенность человека, готового ограничиться самым малым. Вместе с умиротворенностью пришла еще более неуместная уверенность. У него было такое ощущение, будто он заглянул в будущее и убедился, что все будет хорошо. Но это не было ясновидением. Существовали предсказатели, обладающие даром ясновидения или чем-то похожим, но у него такой способности никогда не было. Он скорее ощущал благополучность будущего, не представляя ни каких-то конкретных деталей, ни как там все будет, ни того, чем все кончится. Только уверенность в том, что все будет хорошо, простое старомодное предчувствие — и не больше.

Бифштекс уже шипел, а из костра доносился аромат картофеля. Блэйн усмехнулся: хорошенькое меню на завтрак — бифштекс с печеным картофелем. Хотя и не так уж плохо. Пожалуй, все пока не так уж плохо.

Ему вспомнился Дальтон с сигарой в зубах, с прической ежиком, который, развалясь в кресле, проклинал мясник-траву как очередное посягательство на бизнесменов со стороны злокозненного «Фишхука».

А кроме мясник-травы, подумал он, сколько еще? Интересно бы подсчитать все, что появилось благодаря «Фишхуку».

Прежде всего с далеких звезд на Землю были привезены новые лекарства — совершенно другая фармакопея, способная облегчить страдания Человека и вылечить его от болезней.

Появились новые ткани, новые металлы, множество новых продуктов. Родились новые архитектурные стили и материалы; люди получили новый тип литературы, узнали новые запахи, постигли новые принципы искусства. И еще к людям пришло дименсино — развлечение, которое вытеснило обычное телевидение, радио и кино.

В дименсино зритель не просто видит и слышит — он участвует. Он становится частью изображаемой ситуации. Зритель отождествляет себя с одним из героев или сразу с несколькими персонажами и живет их чувствами, действиями. На время он перестает быть самим собой, а выбирает себе личность из действующих в дименсино-постановке лиц.

И все это — и продукты, и материалы, и дименсино — монополия «Фишхука».

И потому, подумал Блэйн, все и ненавидят «Фишхук» ненавистью непонимающих, ненавистью оставшихся за чертой, ненавидят за помощь, равной которой человечество еще не знало.

Бифштекс поджарился. Положив самодельный вертел из зеленой ветки на куст, Блэйн стал отрывать в углях картофель и кукурузу.

Сидя у костра, Блэйн принялся за еду.

Взошло солнце, замер ветерок, и, казалось, весь мир затаил дыхание, стоя на пороге нового дня. На кроны тополей упали первые солнечные лучи, превратив листья в золотые монеты; затих ручей, уступая дневным звукам — мычанию стада на холме, рокоту машин на дороге, отдаленному гулу самолета высоко в небе.

На шоссе ниже моста остановился автофургон. Из кабины вышел водитель, поднял капот и наполовину скрылся под ним. Затем вылез, вернулся в кабину, поискал что-то и, найдя, что искал, снова вышел. До холма отчетливо донеслось звяканье инструментов о бампер.

Грузовик был настоящей древностью — с бензиновым двигателем и колесами, но с дополнительной реактивной тягой. Такую колымагу редко где теперь встретишь, разве что на свалке.

Частный владелец, решил Блэйн. Перебивается, как может, стараясь выдержать конкуренцию крупных фирм по автоперевозкам за счет заниженных цен и до предела срезанных накладных расходов.

Краска на фургоне выцвела и местами облупилась, но поверх нее тянулись свежепамалеванные замысловатые кабали-

ческие знаки, которые, несомненно, должны были отвести прочь все зло мира.

По номеру Блэйн определил, что машина из Иллинойса.

Разложив инструменты, шофер снова полез под капот. На всех обрушились шум ударов молотка и ржавый скрип отворачиваемых болтов.

Блэйн закончил завтрак. У него осталось еще два бифштекса и две картофелины. Он переменил уже начавшие остывать угли, наколол оба бифштекса на палочку и аккуратно обжарил.

Из-под капота по-прежнему доносились удары и скрип. Пару раз водитель выбирался, чтобы передохнуть, и опять принимался за работу.

Когда бифштексы как следует прожарились, Блэйн положил картофелины в карман и, держа бифштексы на палочке перед собой, как боевое знамя, стал спускаться к дороге.

Заслышав звук шагов, водитель вылез из-под капота и обернулся.

— Доброе утро, — как можно радушнее поздоровался Блэйн. — Завтракаю и вдруг вижу: кто-то подъехал.

Шофер глядел на него с откровенной подозрительностью.

— У меня осталась еда, — сказал Блэйн, — и я ее для вас приготовил. Хотя, может быть, вы уже поели.

— Нет, еще не успел, — оживившись, произнес водитель. — Собирался перекусить в городке там, внизу, но все еще было закрыто.

— Тогда прошу, — Блэйн протянул ему палочку с нанизанными бифштексами.

Водитель взял палочку, держа ее так, будто она может ужалить его в любую секунду. Порывшись в карманах, Блэйн извлек две картофелины.

— Была еще кукуруза, три початка, — сообщил он, — но я все съел.

— Ты что, это мне даешь?

— Конечно, — подтвердил Блэйн. — Впрочем, можешь швырнуть их мне в физиономию, если тебя это больше прельщает.

Водитель нерешительно улыбнулся:

— Пожалуй, я поел бы. До следующего городка еще миль тридцать, а на нем, — он ткнул пальцем в фургон, — неизвестно, когда я туда доберусь.

— Нет соли, — сказал Блэйн, — но и так неплохо.

— Спасибо. Я не знаю, чем...

— Садись и ешь, — прервал его Блэйн. — Что там с двигателем?

— Не знаю, кажется, карбюратор.

Блэйн снял пиджак, аккуратно положил его на бампер и закатал рукава.

Усевшись на камень на обочине, водитель принялся за еду.

Блэйн взял гаечный ключ и полез на радиатор.

— А где ты взял бифштексы? — поинтересовался водитель.

— Да там, на холме. У фермера их целое поле.

— То есть ты их украл?

— А что делать, если нет ни работы, ни денег и надо пробираться в родные места?

— Куда это?

— Туда, в Южную Дакоту.

Водитель, набив полный рот едой, замолчал.

Блэйн заглянул под капот и увидел, что водитель уже ослабил все болты крепления карбюратора, кроме одного. Блэйн наложил на этот болт ключ и потянул. Болт протестующе заскрежетал.

— Черт бы побрал эту ржавчину, — выговорил водитель, не спуская глаз с Блэйна.

Справившись наконец с болтом, Блэйн снял карбюратор и сел рядом с жующим шофером.

— Скоро эта колымага вообще развалится, — заметил тот. — Впрочем, и с самого начала это был не подарочек, мучаюсь с ней всю дорогу. Сроки летят к чертям.

Блэйн подобрал ключ к болтам карбюратора и начал борьбу с проржавевшей резьбой.

— Пробовал вести машину по ночам, — сообщил водитель, — но после того раза — хватит. Такой риск не для меня.

— Что-нибудь привиделось?

— Если б не знаки на кузове, мне бы крышка. Правда, у меня есть ружье, но от него мало толку. Я не могу одновременно стрелять и крутить баранку.

— Даже если б и мог, вряд ли бы это помогло.

— Ну нет, приятель, — процедил водитель, — я бы им показал. У меня полный карман патронов с серебряной дробью.

— А не дорого?

— Еще как дорого. Но ничего не поделаешь.

— Наверное, — согласился Блэйн.

— И что ни год, то становится все хуже. Но там, на севере, появился наконец этот проповедник.

Проповедников везде хватает.

Точно, хватает. И все они только и могут разводить болтовню. А этот призывает заняться делом.

Ну вот, — Блэйн отвернул последний болт, вскрыл карбюратор и заглянул внутрь. — Нашел. Видишь, в чем дело?

Водитель наклонился и посмотрел, куда показывал Блэйн.

Будь я проклят, если это не так!

Все, через пятнадцать минут будет готово. У тебя есть чем смазать резьбу?

Водитель встал, вытер руки о штаны:

Пойду посмотрю.

Он направился к машине, но вдруг вернулся.

Меня зовут Бак, — он протянул руку. — Бак Райли.

Блэйн. Можешь называть меня Шеп.

Они обменялись рукопожатием.

Райли постоял, переминаясь с ноги на ногу, потом решился:

— Ты, кажется, двигаешься в Дакоту?

Блэйн кивнул.

Я скоро рехнусь, если и дальше все буду делать один.

— Я как-то могу помочь?

— Согласен вести ночью?

— Черт побери! — сказал Блэйн. — Конечно.

— Ты за рулем, а я буду держать ружье наготове.

— Тебе не мешало бы выспаться.

— В общем, вдвоем как-нибудь справимся. Лишь бы колеса крутились не останавливаясь. Я и так потерял уже слишком много времени.

— А ты едешь в сторону Южной Дакоты?

Райли кивнул:

— Ну что, присоединяешься?

— С удовольствием. В любом случае лучше, чем идти пешком.

— Кстати, подзаработаешь. Немного...

— Забудь о деньгах. Главное, что ты меня подвезешь.

Глава 13

Они ехали с юго-запада на северо-восток, ведя машину и днем и ночью, но тем не менее половину времени стояли. Грузовик и вправду оказался чуть лучше ржавой консервной банки. Им приходилось воевать с громоздким двигателем, сра-

жаться со старыми, лысыми шинами, ухаживать за рахитичным шасси, чтобы продвинуться еще на несколько миль.

Дороги были плохими, как и все дороги теперь. Эра гладких, твердых, чуть ли не с зеркальным покрытием шоссе давно кончилась. Пришло время нового транспорта: полуавтомобилей-полусамолетов; хорошие дороги не нужны машинам, которые вовсе не касаются земли.

Чуть живые шины со стоном прыгали по неровному, выщербленному асфальту. С новыми шинами было бы легче, подумал Блэйн, но даже если бы Райли мог позволить себе заплатить за них, он вряд ли бы их достал. Спрос на шины обычного типа упал почти до нуля, и увидеть их где-то в продаже было почти невозможно.

И еще одна постоянная проблема — бензин. Заправочных станций не было; последние заправочные станции закрылись лет пятьдесят назад. Транспорту, работающему на атомной энергии, заправляться не надо. Поэтому в каждом городке и приходилось искать магазин сельскохозяйственных товаров или кооперативную фермерскую лавку, поскольку большинство сельскохозяйственных машин по-прежнему работало на бензине.

Они спали урывками, используя для сна каждый удобный момент; они ели на ходу, запивая бутерброды и пирожки кофе из старой жестяной фляги.

Так они пробирались древними дорогами, по которым современный транспорт ходил лишь по той причине, что в старину умели строить и знали, что прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками.

— В жизни б не взялся за такую работу, — сказал Райли, — но мне обещали хорошо заплатить. А деньги, сам понимаешь, не помешают.

— Ничего, все будет нормально, — успокоил его Блэйн. — Может, опоздаешь на день-другой, но доехать мы доедем.

Райли вытер лицо выцинявшим, когда-то красным платком.

— Тут не только грузовик угробить, — сказал он. — Тут и сам рехнешься от страха.

Это верно, подумал Блэйн, Райли весь пропитан страхом, страх проник ему в кровь и плоть.

И притом он не производит впечатления человека, который просто с детства запуган зверинцем ужасов и кошмаров и продолжает и в зрелом возрасте с легкостью вызывать в своем воображении все эти древние ужасы. Нет, тут что-то более реальное, чем отзвуки детских ночных кошмаров.

Блэйну его попутчик казался причудливым экспонатом из средневекового паноптикума. Человек, который боится темноты и существ, по его представлению обитающих в ней! Человек, который верит, что его защитят намалеванные кабалистические знаки и дробовик, заряженный серебряной картечью! Блэйну приходилось слышать о подобных людях, но воочию до сих пор он их не видел. А если таковые и были среди его знакомых по «Фишхуку», то они искусно и тщательно скрывали свои взгляды.

Но как Блэйн поражался Райли, так и Райли не переставал удивляться Блэйну.

— Тебе не страшно? — допытывался он.

Блэйн качал головой.

— Ты что, не веришь в нечистую силу?

— Всегда считал это детскими сказками, — отвечал Блэйн.

Тогда Райли начинал убеждать его:

— Это не сказки, приятель, можешь мне поверить. Я встречал столько людей и слышал столько историй, что знаю наверняка. Когда я был еще мальчишкой, у нас в Индиане жил один старик. Однажды его нашли висящим на заборе, у него было перерезано горло, а вокруг тела были следы копыт, и стоял запах серы...

Если не поверишь в эту сказку, найдется другая, не менее жуткая, загадочная, окутанная мраком древности.

— Тебе хорошо, — сказал Блэйну Райли. — Ты их не боишься, и, может быть, они тебя не тронут. Собака кусает бегущего, но лижет руку тому, кто ее не боится.

— Тогда все просто, — заметил Блэйн. — Перестань бояться.

Но давать такой совет человеку вроде Райли было бесполезно.

Каждую ночь, когда Блэйн вел машину, Райли, дрожа от страха и судорожно сжимая ружье с серебряной картечью, вглядывался в темноту.

Все, что им встречалось по пути — перебегающая дорогу лиса, сова, пролетевшая рядом, любая мелькнувшая у обочины тень, — все превращалось в ночные призраки, а вой койотов становился завыванием нечисти, вышедшей на поиски жертвы.

Но не все было только плодом больной фантазии Райли. Однажды им встретилась тень в форме человека, но уже не человек — она вращалась и изгибалась в ленивом танце на высокой ветке над лесной порослью; они проехали обуглен-

ные развалины фермы, черный дымоход которой, как вытянутый обвиняющий палец, указывал в небо. Как-то раз, когда Райли возился с поржавевшими свечами, Блэйн отправился вверх по ручью, чтоб найти родник, и заметил вдали дымок небольшого костра. Они слишком поздно услышали его шаги, и Блэйн успел заметить их тени, взмывшие вверх по заросшему лесом откосу скалы.

На вытоптанной лужайке рядом с костром лежала опрокинутая сковорода, четыре наполовину поджаренные форели валялись на примятой траве рядом со стеганными ватными одеялами.

На случай дождя стоял грубо сложенный шалаш.

Блэйн опустился на колени рядом с костром и поправил сковороду. Затем положил на сковороду рыбу, предварительно очистив ее от приставших веточек и травинок.

Сначала он думал позвать беглецов, сказать, что не надо прятаться, потом понял, что это бесполезно, — доверия от них ждать уже поздно.

Потому что они — дичь. Загнанная дичь в тех самых Соединенных Штатах, где когда-то так ценили свободу, где в свое время столько говорилось о правах человека!

Он стоял на коленях, разрываясь от гнева и жалости, чувствуя, как начинает щипать в глазах. Он потер глаза кулаком, и мокрые костяшки оставили на лице грязные полосы.

Он постоял так еще немного, затем поднялся и пошел обратно, позабыв, что искал родник, который был наверняка уже совсем рядом.

Райли о тех, кого он встретил, Блэйн не стал говорить.

Они пересекали пустыни, пробирались через горы и наконец выехали на бескрайние просторы плоскогорья, где носился только ветер, не встречая на пути своем ни деревца, ни холма.

Блэйн, расслабившись, отдыхал на сиденье рядом с Райли. Солнце разогревало сухой ветер, и к северу, над пересохшим руслом реки, песчаные духи кружили смерчи.

Крепко вцепившись в руль, ссутулившись, Райли вел фургон. На лице у него было написано напряжение, временами его щеку подергивал нервный тик.

Этот человек, подумал Блэйн, боится даже днем, даже при свете дня он не прекращает свою схватку с темнотой.

«А не связано ли это с грузом, который мы везем?» — предположил Блэйн. Ни разу за весь путь Райли не обмолвился о своем грузе, ни разу не проверил его. На задней двери

фургона висел тяжелый амбарный замок, издающий угрюмое брязганье каждый раз, когда машина подпрыгивала на ухабах.

Раз или два Блэйн уже собирался спросить Райли, но что-то останавливало его. О том, что этой темы лучше не касаться, говорили ему не поступки или слова Райли, а какая-то его подчеркнутая небрежность.

«А потом, — решил Блэйн, — меня это не касается. Какое мне дело, что там, в фургоне. Для меня главное — сам грузовик, каждый поворот колеса которого приближает к цели».

— Если сегодня ночью мы поднажмем, к утру будем на реке, — сказал Райли.

— На Миссури?

Райли кивнул:

— Если не сломаемся. И если сможем держать скорость.

Но в эту ночь они повстречали ведьм.

Глава 14

Сперва они заметили что-то темное, мелькнувшее над дорогой в пучке света фар, потом увидели их, летящих в лунном свете. Собственно, они не летели, поскольку у них не было крыльев, а двигались по воздуху, как рыба плывет в воде, с грациозностью, свойственной только летающим существам.

В первый момент это можно было принять за мельтешение бабочек в луче света или бесшумный бросок на добычу ночного крылатого хищника, но только в первый момент, когда разум не мог преодолеть убеждения, что этого не может быть, но тут же не осталось никаких сомнений в том, что они увидели.

Они увидели летающих людей. Левитаторы, подумал один. Ведьмы, летящие на шабаш, решил другой.

Увидев, что Райли высунул ствол ружья в открытое окно, Блэйн ударил по тормозам.

Райли спустил курок, и звук выстрела в кабине прозвучал оглушительнее грома.

Машину занесло, и она остановилась поперек дороги. Дернув Райли за плечо, Блэйн вывел его из равновесия, а другой рукой вырвал у него ружье.

Он взглянул на Райли: на лице у того был написан смертельный ужас. Его челюсть ходила беззвучно вверх-вниз, как у марионетки, в углах рта выступила пена. Глаза его бешено

вращались, а лицо превратилось в уродливую маску от сведенных судорогой мышц. Скрюченные пальцы тянулись к [illegible]ью.

— Прекрати! — взорал Блэйн. — Это всего лишь левитаторы.

Слово ничего не значило для Райли. Страх грохотал у него в мозгу, заглушая разум и логику.

Уже обращаясь к Райли, Блэйн понял, что слышит голоса, беззвучный хор голосов, обращающихся к нему из ночи.

— Друг, один из нас ранен (алая струйка по мускулистому плечу) — не сильно. А где ружье? (Ружье с печально обвисшим стволом.) Все в порядке — ружье у нашего друга. Теперь займемся этим. (Загнанная в угол, рычащая собака; скунс с поднятым хвостом; готовая к броску, свернувшаяся в кольцо гремучая змея.)

— Стойте! — закричал Блэйн. — *Подождите! Опасности больше нет. Он не будет стрелять.*

Нажав локтем на ручку замка, он распахнул дверь и, оттолкнув Райли, вывалился из кабины, держа в руках ружье. Блэйн переломил дробовик, и патроны выпали; отбросив ружье на дорогу, он облокотился на автомобиль.

Ночь вдруг стала абсолютно беззвучной, не считая стонов и воя Райли, доносящихся из кабины.

— Все, — сказал Блэйн. — больше нечего бояться.

Они нырнули с неба, как будто стояли там на невидимой платформе, и мягко приземлились на ноги.

Медленно и бесшумно они приблизились к нему и остановились, ничего не произнося.

— По-идиотски ведете себя, — сказал им Блэйн. — *В следующий раз кому-нибудь из вас отстрелят голову. (Безголовое тело, прогуливающееся небрежной походкой, клубы пены, вскипающей из обрубка шеи.)*

Блэйн заметил, что все они были молоды, не старше восемнадцати, а одеты в подобие купальных костюмов. Блэйн уловил исходящее от них чувство веселья и озорства.

Они подошли ближе. Блэйн попытался прочесть еще что-либо по их виду, но больше ничего не увидел.

— Ты кто? — спросил один из них.

— Шепард Блэйн, из «Фишхука».

— Куда ты едешь?

— В сторону Южной Дакоты.

— На этом грузовике?

— И с этим человеком, — добавил Блэйн. *— Не трогайте его.*

— Он стрелял в нас. Он ранил Мари.

— Пустяки, — сказала Мари, *— царапина.*

— Он боится, — сказал Блэйн. *— У него патроны с серебряной картечью.*

Блэйн почувствовал, что мысль о серебряной картечи их развеселила.

И ощутил необычность сложившейся ситуации: лунная ночь, заброшенная дорога, машина поперек шоссе, заунывный вой ветра над прерией и они двое, он и Райли, окруженные не индейцами из племени сиу, или команчей, или черноногих, а группой паранормальных подростков, вышедших ночью повеселиться.

И кто вправе осудить их, спросил он себя, или мешать им? Если эти небольшие акции протеста помогают им самоутвердиться в их полной унижений жизни, если этим путем они отстаивают какую-то долю своего человеческого достоинства, тогда их поступки — вполне нормальное человеческое поведение, за которое их нельзя винить.

Он всматривался в лица, которые мог разглядеть в расплывчатом свете луны и фар, и видел, что идет борьба между вспыльчивостью и нерешительностью. Из машины по-прежнему доносились стоны водителя, бьющегося в истерике.

— «Фишхук»? (Башни зданий на холме, квадратные километры зданий, массивные, величественные, вдохновляющие...)

— Верно, — подтвердил Блэйн.

От группы отделилась девушка, подошла к Блэйну и протянула ему ладонь.

— Друг, — сказала она, *мы не ждали встретить здесь друга. Нам всем очень жаль, что мы причинили тебе неприятности.*

Блэйн взял ее руку и ощутил пожатие сильных молодых пальцев.

— На дорогах редко кого встретишь ночью, — сказал один из ребят.

— Мы просто веселились, — сказал другой, *— в жизни так мало веселого.*

— Мало, — согласился Блэйн. *— Я сам знаю, как мало.*

— Мы — ряженые, ведь скоро канун Дня всех святых, — добавил еще один.

— Ряженые? День всех святых? А, ну тогда все понял. (Рука, стучащая в закрытые ставни, повешенная на дерево

калитка, перевернутая вверх ногами табличка с заклинанием.)

— Им это полезно. Сами напрашиваются.

— Пусть так, — сказал Блэйн, *— но ведь это опасно.*

— Не очень. Они слишком боятся.

— Но этим положению не поможешь.

— Мистер, положению ничем не поможешь.

— А «Фишхук»? — спросила стоящая перед Блэйном девушка.

Блэйн внимательно посмотрел на нее и вдруг понял, как она красива: голубые глаза, золотистые волосы и фигура, которая в древние времена сделала бы ее победительницей всех конкурсов красоты, — идол, благополучно позабытый человечеством, увлекшимся парапсихологией.

— Не знаю, — сказал Блэйн. *— Прости, но я не знаю.*

— Что-то случилось? Тебе грозит опасность?

— Пока нет.

— Тебе нужна помощь?

— Ни к чему, — как можно беззаботнее произнес Блэйн.

— Мы можем полететь с тобой, куда скажешь.

— Я не умею летать.

— И не надо. Мы сами. (Он в воздухе, поддерживаемый за руки двумя левитаторами.)

Блэйн передернул плечами:

— Нет уж, благодарю, лучше не надо.

Кто-то открыл дверцу машины, кто-то вышвырнул Райли на землю.

Рыдая, водитель пополз на четвереньках.

— Оставьте его! — закричал Блэйн.

Девушка обернулась. Мысли ее прозвучали резко и властно:

— Отойдите! Не трогайте его! Чтоб никто пальцем его не тронул!

— Но, Анита...

— Даже пальцем! — повторила она.

— Это же подонок. Стреляет серебряной картечью.

— Нет!

Они отошли.

— Нам пора, — сказала Анита Блэйну. *— Думаешь, все будет нормально?*

— С этим?

Она кивнула.

— Ничего, с ним я справлюсь, — успокоил ее Блэйн.

— Меня зовут Анита Энорюс. Я живу в Гамильтоне, мой телефон — 276. Запиши в память.

— Записано, — Блэйн показал ей слова и цифры.

— Если понадобится помощь...

— Я позвоню...

— Обещаешь?

— Клянусь! (Крест на бьющемся сердце.)

Неожиданно прыгнув, Райли схватил ружье и теперь, пошатываясь, стоял и шарил в кармане в поисках патрона.

Блэйн бросился ему в ноги, ударив его плечом со всего размаха чуть выше колен; одной рукой он обхватил Райли за пояс, другой попытался поймать ствол ружья, но промахнулся.

Падая, он крикнул:

— Быстрей! Быстрей все убирайтесь!

Затрещала одежда; Блэйн почувствовал, как шершавый асфальт обдирает ему кожу, но Райли не выпустил, увлекая его за собой.

Когда скольжение по асфальту прекратилось, Блэйн снова попытался нащупать ружье. Ствол блеснул в темноте и опустился ему на ребра. Блэйн охнул, попробовал ухватиться за него, но Райли еще раз взмахнул ружьем, как дубинкой. В отчаянии Блэйн наугад нанес удар и почувствовал, как его кулак погрузился в живот водителя. Раздался возглас боли, и тяжелый ствол прошел в дюйме от лица Блэйна.

Его рука рванулась вперед, поймала ствол и дернула на себя, одновременно выкручивая.

Завладев ружьем, Блэйн откатился в сторону и вскочил.

Райли, как носорог, склонив голову, расставив руки, несся на него. На лице его жутко застыл ревущий оскал.

Блэйн едва успел отбросить ружье. Он попытался увернуться от приближающегося Райли, но тот сумел ухватить его своей окорокообразной лапой за бедро. Не давая ему убрать руку, Блэйн резко повернулся. Райли попробовал затормозить, но было поздно. С оглушительным грохотом его тело по инерции врезалось в грузовик.

Райли обмяк и свалился. Блэйн, выжидая, смотрел на него: тот не двигался.

Из ночи не доносилось ни звука. Все исчезли, кроме них, вокруг никого не было. Только он, и Райли, и потрепанный фургон.

Блэйн отвернулся, поглядел на небо, но там тоже ничего не было, кроме луны, звезд и одинокого степного ветра. Он

опять посмотрел на Райли и увидел, что тот жив. Райли уже сидел, держась за передний борт. Удар о кузов рассек ему лоб, и больше драться он явно не собирался. Он тяжело пыхтел, стараясь отдышаться, и в глазах у него стоял дикий блеск.

Блэйн сделал шаг в его сторону.

— Дурак проклятый, — сказал он. — Если бы ты еще раз выстрелил, нам бы конец. Они нас на куски бы разорвали.

Райли глядел на него вытаращенными глазами, силясь что-то сказать, но из его рта раздавалось только: «Ты-ты-ты».

Блэйн шагнул к нему и протянул руку, чтобы помочь встать, но Райли отпрянул от него, прижавшись изо всех сил к кузову, как бы пытаясь раствориться в металле.

— Ты один из них! — взвизгнул он. — Я давно понял...

— С ума сошел!

— Я тебя раскусил! Ты не хочешь, чтоб тебя видели. Не отходишь от машины. За едой и кофе всегда хожу я. Ты не ходишь. И насчет бензина договариваюсь я. А не ты.

— Машина твоя, а не моя, — ответил Блэйн. — И деньги у тебя. А у меня, ты знаешь, ни гроша.

— А как ты появился, — скулил Райли. — Вышел прямо из леса. Ты, наверное, всю ночь там с ними провел. И ты не как все, ты ни во что не веришь.

— Потому что я не дурак, — сказал Блэйн. — Вот и все. Я не больший параноик, чем ты. Думаешь, если б я был колдуном, стал бы я трястись с тобою на этой жестянке?

Он подошел к Райли, схватил его и рывком поднял на ноги. И встряхнул так, что у него закачалась голова.

— Хватит! — заорал на него Блэйн. — Нам ничто не грозит. Поехали отсюда.

— Ружье! Ты выбросил ружье!

— К чертям ружье. Пошли в машину.

— Но ты с ними разговаривал! Я сам слышал!

— Ни слова не сказал.

— Ты не ртом разговаривал, — сказал Райли. — Не языком. Но я слышал. Не все. Только отрывки. Но ты разговаривал.

Прижимая его одной рукой к грузовику, Блэйн открыл дверцу.

— А ну заткнись и забирайся, — процедил Блэйн. — Подумаешь, ружье у него есть! Серебряная картечь! Он слышал, надо же!

Поздно, решил он. Объяснять бессмысленно. И показывать ему или пытаться помочь тоже бессмысленно. Скорее

всего, если ему рассказать правду, он утратит последние остатки логики и совсем сойдет с ума.

Блэйн обошел фургон с другой стороны, сел, завел мотор и развернул машину вдоль дороги.

Целый час они ехали молча. Скрючившись в углу, Райли не спускал с Блэйна испытующих глаз.

— Извини, Блэйн, — наконец произнес он. — Наверное, я был не прав.

— Конечно не прав. Если бы ты открыл стрельбу...

— Я не об этом, — перебил его Райли. — Если бы ты был одним из них, ты бы не остался. Они могли бы тебя домчать куда надо в сто раз быстрее.

Блэйн рассмеялся:

— Чтоб тебя совсем успокоить, завтра за кофе и продуктами пойду я. Конечно, если ты мне доверишь деньги.

Глава 15

Блэйн сидел на стуле в закусочной и ждал, пока ему заверпут сандвичи и нальют во флягу кофе. В зале кроме него было еще два посетителя, и на Блэйна они никакого внимания не обращали. Один только что закончил трапезу и теперь читал газету. Другой, склонившись над тарелкой, метал в рот густую массу, которая раньше была яичницей с жареным картофелем, а сейчас, от тщательного перемешивания, видом напоминала собачий корм.

Блэйн повернулся лицом к мощной стеклянной стене здания.

На улице было по-утреннему тихо, брел один-единственный пешеход, и мимо него время от времени проносились автомобили.

Наверное, было глупо, подумал Блэйн, вот так рисковать шинь для того, чтобы попытаться развеять сомнения Райли, успокоить его. Хотя ясно: что бы водитель ни говорил, подозрения у него остались.

Правда, осталось немного, скоро должна быть река, а в нескольких милях к северу — Пьер. Кстати, любопытно: за всю дорогу Райли ни разу не обмолвился, куда он едет. Впрочем, ничего странного: Райли явно боится и не касается тем, связанных с его грузом.

Блэйн отвернулся от окна, получил сверток с сандвичами и кофе, отдал бармену пятидолларовую купюру, а сдачу положил в карман.

Выйдя, Блэйн направился к заправочной станции, где его ждал Райли со своим фургоном. Было слишком рано, и заправщики на станцию еще не пришли. Блэйн и Райли договорились перекусить, потом, когда станция откроется, заправиться и двинуться дальше. Возможно, рассчитывал Блэйн, это будет последний день их совместного пути.

Стоит им доехать до реки, и он пойдет сам, на север, в Пьер.

Утро было свежим, почти холодным, и воздух обжигал ему ноздри. Начался еще один хороший день — еще один миг октября, когда небо затянуто дымкой, а воздух пьянит, как вино.

Блэйн вышел к бензоколонке. Грузовика там не было.

А может, подумал Блэйн, он отъехал за угол. Но, еще предполагая это, Блэйн уже знал, что не прав. Он понял, что его провели.

Для того чтобы избавиться от Блэйна, Райли пришлось пожертвовать пятью долларами и поискать другое место для заправки.

Блэйна это особенно не поразило, он понимал, что втайне был готов к этому. Так или иначе, с точки зрения Райли, это было простейшее разрешение сомнений предыдущей ночи.

На всякий случай Блэйн обошел квартал.

Машины он не нашел. Приходилось рассчитывать на себя.

Еще немного — и городок начнет просыпаться. Надо успеть уйти до этого. Найти какое-нибудь место, где переждать день.

Минуту он стоял, ориентируясь.

Ближняя окраина лежит к востоку, решил он, так как мы въехали с юга и проделали милю-две по городу.

Блэйн тронулся в путь, стараясь двигаться как можно быстрее и в то же время не привлекать внимания. Проехало несколько машин, кто-то вышел на порог за газетой, прошел человек — в руке корзинка с завтраком. На Блэйна никто не обращал внимания.

Дома стали реже, началась последняя улица города. Здесь плоскогорье кончалось и рельеф пошел под уклон — поросшие лесом бугры и холмы, каждый чуть ниже, чем предыдущий. Впереди Миссури, понял Блэйн. Где-то впереди, за последним холмом, шумит могучая река с ее песчаными отмелями и ивняковыми островами.

Он пересек поле, перелез через ограду и спустился в крутой овраг, где между кустов бежал крохотный ручеек.

Опустившись на четвереньки, Блэйн заполз в кустарник. Он нашел идеальное укрытие. За пределами города, и ничего такого, что могло бы привлечь людей: рыбу ловить слишком мелко, а купаться слишком холодно. Здесь его не найдут.

Здесь никто не учует сверкающее зеркало у него в мозгу; никто не крикнет: «Парапсих!»

А ночью он двинется дальше.

Он съел три сандвича, запил кофе.

Взошло солнце. Просачиваясь сквозь кусты, его лучи разбивались на мозаику света и тени.

Из городка слабо доносились звуки — рычание грузовика, лай собак, голос женщины, скликающей детей.

«Как я уже далеко забрался после той ночи в "Фишхуке", — думал Блэйн, сидя под ивами и ковыряя веточкой в песке. — Далеко от виллы Шарлин, от Фредди Бейтса. А до сих пор у меня не было времени поразмыслить над этим. То, что было неясно тогда, неясно и сейчас: правильно ли я поступил, убежав из "Фишхука"; не лучше ли было, несмотря на слова Годфри Стоуна, остаться и испытать все, что ни уготовил бы ему "Фишхук"?».

Мысли вернули его к залитой светом голубой комнате, откуда все началось. Он видел ее, как будто был в ней только вчера — лучше, чем если бы был вчера. Чужие звезды мерцали над этой комнатой без крыши, колеса легко катились по гладкому голубому полу, а вокруг стояли странные предметы, которые могли быть и мебелью, и произведениями искусства, и всем, чем угодно.

Все предстало перед ним как реальное — неправдоподобно реальное, без резких контрастов и без расплывчатости, со всеми без исключения деталями и подробностями.

— Вот ты и вернулся! — приветствовал его, приподнявшись, лениво распластавшийся Розовый.

Он действительно был там.

Без машины или тела, без каких-либо приспособлений, только силой разума Шепард Блэйн вернулся к Розовому, в его голубую комнату за пять тысяч световых лет от Земли.

Глава 16

Разум увидеть нельзя.

И все же Розовый видел его или чувствовал — во всяком случае, о присутствии разума Блэйна он знал.

А Блэйна это не удивляло и не пугало. Он чувствовал себя так, как будто вернулся домой, и голубая комната казалась ему более знакомой и близкой, чем в первое посещение.

— *Н-да,* — удовлетворенно хмыкнул Розовый, оглядывая его разум. — *Неплохая получилась парочка.*

«Ну конечно, — подумала та часть разума, которая еще оставалась Шепардом Блэйном, — ведь я, или по крайней мере часть меня, или даже половина и в самом деле вернулась домой. Потому что на сколько-то процентов (возможно, мне никогда не узнать на сколько) я и есть сидящее перед ним существо. Я одновременно и Шепард Блэйн, путешественник с Земли, и дубликат обитателя этой голубой комнаты».

— *Ну и как дела?* — любезно осведомилось существо. Как будто не знает само!

— *Есть одна просьба!* — торопливо сказал Блэйн, спеша объяснить все до того, как ему придется покинуть эту планету. — *Одна-единственная. Ты сделал нас как зеркало. Мы отражаем чужие мысли.*

— *А как же иначе?* — удивился Розовый. — *Разве можно по-другому? На чужой планете приходится экранироваться от чересчур любопытных разумов. Конечно, здесь, дома, нет нужды...*

— *Ты не понял,* — запротестовал Блэйн. — *Твой экран нас не защищает. Он только привлекает к нам внимание. Из-за него мы чуть не погибли.*

— *Этого не может быть,* — сердито оборвало его существо. — *Погибнуть невозможно. Нет такого понятия, как смерть. Смерть бессмысленна. Хотя, может, я и ошибаюсь. Кажется, очень давно была планета...*

Стало почти слышно, как существо перебирает пыльные архивные папки в заваленной знаниями памяти.

— *Да,* — подтвердило оно. — *Было несколько таких планет. Это позор. Для меня это непонятно. Непостижимо.*

— *На моей планете,* — сказал Блэйн, — *умирает все, поверь мне. Абсолютно все.*

— *Неужели все?*

— *Ну, точно не скажу. Возможно...*

— *Вот видишь. Даже у тебя на планете смерть необязательна.*

— *Не знаю,* — сказал Блэйн, — *кажется, существуют и бессмертные вещи.*

— *То есть нормальные.*

— *Смерть вовсе не бессмысленна,* — возразил Блэйн. *Смерть — процесс, благодаря которому на моей планете стали возможными развитие и дифференциация видов. Она не дает зайти в тупик. Это ластик, который стирает ошибки и открывает путь новым началам.*

Розовый уселся поудобнее. Чувствовалось, как он устраивается, сооружая с мыслями, подтягиваясь, готовясь к долгому и плодотворному обсуждению и, может быть, спору.

— *Может, ты и прав,* — сказал он, — *но такой путь слишком примитивен. Это кончится первоначальным хаосом. Есть лучшие решения. Существует даже этап, когда совершенствование, о котором ты говоришь, перестает быть нужным. Но прежде всего скажи, ты доволен?*

— *Доволен?*

— *Ты ведь стал более совершенен. Ты больше, чем обычный разум. Ты — это частично ты, частично я.*

— Ты ведь тоже частично я.

Существо удовлетворенно хмыкнуло:

— *Видишь ли, тебя сейчас двое — ты и я; а я — даже трудно сказать, сколько всего одновременно. Я так много путешествовал и нахватался всякого — и разумов в том числе. Кстати, многие из них, откровенно говоря, можно было и не брать. Но знаешь, хотя я сам странствую очень много, у меня в гостях почти никто не был. Ты не представляешь, как я признателен тебе за твой визит. Когда-то у меня был знакомый, который частенько меня навещал, но это было так давно, что и не вспомнишь. Кстати, ведь у вас измеряют время, то есть поверхностное время?*

Блэйн объяснил, как люди измеряют время.

— *М-м, сейчас прикинем,* — существо начало быстро подсчитывать что-то в уме. — *По вашему счету выходит приблизительно десять тысяч лет назад.*

— *Когда у тебя был твой приятель?*

— *Да,* — подтвердил Розовый. — *С тех пор ты мой первый гость. И ты сам пришел ко мне. Не дожидаясь, пока к тебе приду я. Ты был в машине...*

— *А почему,* — поинтересовался Блэйн, — *ты спросил меня про наш счет времени? Ведь у тебя есть мой разум. Ты знаешь все, что знаю я.*

— *Естественно,* — пробормотал Розовый. — *Все твои знания во мне. Но я еще не разбирался в них. Ты не представляешь, что у меня там творится!*

Еще бы, подумал Блэйн. Тут с одним-то лишним разумом не знаешь, как разобраться. Интересно...

— *Ничего,* — успокоил его Розовый. — *Со временем все образуется. Потерпи немного, и вы станете единым разумом. Вы поладите, как ты считаешь?*

— *Но с отражателем ты и устроил нам...*

— *Я вовсе не хочу вам неприятностей. Я стараюсь как лучше. И делаю ошибки. И исправляю их. Снимать экран?*

— *Снимай,* — поспешил согласиться Блэйн.

— *Я путешествую,* — рассказывало существо, — *не сходя с этого места. Здесь сидя, я бываю, где захочу, и ты не поверишь, как мало встречается разумов, стоящих обмена.*

— *Ну, за десять тысяч лет ты их, думаю, набрал немало.*

— *За десять тысяч лет?* — озадаченно спросило существо. — *Мой друг, десять тысяч лет — это только вчера.*

Существо покопалось в памяти, но, опускаясь в глубины воспоминаний все ниже и ниже, так и не дошло до начала.

— *Иди сюда,* — пригласил Розовый, — *садись рядом со мной.*

— *Вряд ли в таком виде,* — объяснил Блэйн, — *я могу сидеть.*

— *Конечно, как я не сообразил. Тогда придвинься поближе. Ты ведь пришел ко мне в гости?*

— *Само собой,* — пробормотал Блэйн, не понимая, о чем идет речь.

— *Тогда,* — произнесло существо, — *давай поболтаем о путешествиях!*

— *Давай.* — Блэйн пододвинулся к нему.

Они сидели в голубой комнате, залитой светом неизвестных звезд, и под отдаленный рокот бушующей пустыни Розовый рассказывал. Не только о цивилизации машин. О племени насекомых, которые тысячелетиями накапливали неисчерпаемые запасы пищи, им не нужной, и стали рабами собственной слепой жадности. О расе, сделавшей искусство объектом религиозного поклонения. О станциях подслушивания, обслуживаемых гарнизонами одной галактической империи, о которой давно забыли все, кроме самих гарнизонов. О фантастически сложных сексуальных традициях одной расы, которая практически все усилия направляла на разрешение воспроизводства. О бесплодных, голых планетах, никогда не знавших жизни. И о других планетах, где, как в колбах и ретортах алхимика, шли такие химические реакции, какие разум не в со-

стоянии не то что понять, но даже представить, и где в результате этих химических реакций зарождалась шаткая, эфемерная жизнь, чтобы через доли секунды опять уйти в небытие.

Об этом и о бесконечно многом еще.

Слушая, Блэйн в полной мере осознал, насколько фантастичен случайно повстречавшийся ему Розовый, который не может вспомнить начала и не представляет конца; существо со странствующим разумом, за миллионы лет посетившее миллионы звезд и планет на расстоянии миллионов световых лет в этой и соседней галактиках. Перед ним было существо, которое принесло бы человеческому племени неисчерпаемую пользу. То, что говорилось сейчас, стоило всех усилий, затраченных когда-либо человечеством. Человечество встретилось с расой, у которой, похоже, не было других эмоций, кроме дружелюбия; если у нее и существовали когда-то другие эмоции, то за бесконечные годы мысленных путешествий они износились в прах. Потому что, наблюдая, подглядывая в окна соседей по Галактике, эта раса научилась терпимости и пониманию по отношению не только к себе подобным или человечеству, но и ко всем созданиям, пониманию жизни во всем разнообразии ее проявлений. Научилась принятию любой мотивации, любой этики, любой культуры, какой бы чужеродной она ни казалась.

Вдруг до Блэйна дошло, что все знания, о которых он думает, находятся в равной степени и в мозгу одного человеческого существа — некоего Шепарда Блэйна; если только тот сможет разобрать знания, систематизировать их и аккуратно сложить, ими можно будет пользоваться.

В беседе Блэйн потерял чувство времени, утратил ощущение того, кто он, где находится и зачем; он позабыл обо всем на свете, как мальчик, самозабвенно слушающий невероятные истории старого матроса, вернувшегося из дальних, неведомых стран.

Комната стала родной, Розовый уже был другом, а далекие звезды не казались чужими; завывания пустынного ветра звучали, как с детства знакомая колыбельная.

Он не сразу понял, что рассказы о далеком и давнем уже прекратились и он слушает только ветер.

Он потянулся, как после сна, и существо сказало:

— Мы отлично провели время. Не помню, чтоб я когда-либо получал столько удовольствия.

— Подожди, — попросил Блэйн, *— еще один вопрос...*

— Насчет экрана не беспокойся. Я его убрал. Теперь тебя никто не выдаст.

— Я не о том. Я про время. Я — то есть мы — каким-то образом управляем временем. Дважды это спасло мне жизнь...

— Знание у тебя. В твоем разуме. Надо только найти его.

— Но ведь время...

— Время, — сказал Розовый. *— Что может быть проще времени!*

Глава 17

Блэйн долго лежал, наслаждаясь чувством тела, — у него опять было тело. Он ощущал прикосновение воздуха к коже, теплую влагу, выступившую на руках, лице и груди.

Он уже не был в голубой комнате, потому что там у него не было тела, и потом исчез шелест пустынного ветра. Вместо этого он слышал равномерное хриплое всхлипывание. Густой, резкий запах антисептики наполнял ноздри, горло, легкие.

Медленно, готовый тут же закрыть глаза при первой необходимости, Блэйн поднял веки. И не увидел ничего, кроме безразличной белизны потолка.

Голова его лежала на подушке, под ним была простыня, а сам он был одет в накрахмаленную рубашку.

Он повернул голову и увидел рядом другую кровать, на которой лежала мумия.

«Что может быть проще времени», — сказало существо из другого мира. Оно собиралось рассказать ему о времени, но он не смог остаться еще, чтобы дослушать.

Мумия на соседней кровати была полностью замотана бинтами, и только на месте ноздрей и рта оставались отверстия. Мумия дышала, и каждый вдох сопровождался всхлипыванием.

Белые, как потолок, стены, кафельный пол, стерильность обстановки не оставляли сомнений относительно того, куда он попал.

Блэйн лежал в больничной палате рядом с хрипящей мумией.

Страх волной накатил на него, но Блэйн не шевелился, давая страху прекратиться и схлынуть. Потому что, даже испытывая страх, он чувствовал себя в безопасности. По какой-

по причине — он не мог вспомнить, по какой, — Блэйн был уверен, что ему ничто не грозит.

Где же он был, подумал Блэйн, до голубой комнаты? Он мысленно вернулся в прошлое: овраг за городом, ручей, ивняк...

В коридоре послышались шаги, и в палату вошел человек в белом халате.

Он остановился в дверях и поглядел на Блэйна.

— Пришел в себя наконец, — сказал доктор. — Как себя чувствуешь?

— Неплохо, — ответил Блэйн. Он и в самом деле чувствовал себя отменно. Что же он здесь тогда делает? — А где меня подобрали?

— А раньше с тобой это случалось? — вместо ответа задал вопрос доктор.

— Что «это»?

— Потеря сознания. Кома.

— Что-то не припомню, — покачал головой Блэйн.

— Можно подумать, что ты стал жертвой заклинания.

— Колдовство, доктор? — засмеялся Блэйн.

— Ну, я в это не верю, — скривился кисло врач. — Хотя кто знает? Больные иногда думают так.

Он подошел к Блэйну и сел на край кровати.

— Меня зовут доктор Уитмор, — сказал он. — Ты здесь уже два дня. Мальчишки охотились на кроликов, залезли в кусты и там нашли тебя. Они решили, что ты мертв.

— А что со мной?

— Не знаю, — покачал головой Уитмор.

— У меня нет денег, доктор. Я не смогу заплатить.

— Это не самое главное, — успокоил его доктор. — Правда, я хотел спросить. При тебе не нашли никаких документов. Ты помнишь, как тебя зовут?

— Конечно. Шепард Блэйн.

— А где ты живешь?

— Нигде. Болтаюсь, где придется.

— А как ты попал в этот город?

— Не помню. — Блэйн сел на кровати: — Доктор, я зря занимаю койку.

— Лучше бы ты полежал еще. Надо сделать несколько анализов...

— Не хочу причинять вам беспокойство.

— Дело в том, — признался Уитмор, — что я никогда не сталкивался с подобным случаем. Я был бы признателен, если

бы ты задержался. Мы не нашли никаких отклонений, когда тебя привезли. Чуть замедленный пульс. Несколько поверхностное дыхание. Температура на пару градусов ниже обычной. И все. Остальное в норме. Кроме того, что ты был без сознания. Пробудить тебя ничем не удалось.

— Вот кому не повезло, — Блэйн кивнул в сторону мумии.

— Дорожное происшествие.

— В наше время это редкость.

— Да и обстоятельства необычные, — пояснил доктор. — Он вел старый фургон. На полном ходу лопнула шина. И прямо на повороте над рекой.

Блэйн внимательно посмотрел на забинтованного шофера, но под повязкой узнать его было невозможно.

— Я могу перевести тебя в другую палату, — предложил доктор.

— Не стоит. Я долго тут не задержусь.

— Лучше полежи. А то снова отключишься. И на этот раз тебя не найдут.

— Ладно, я подумаю, — пообещал Блэйн.

Доктор поднялся, подошел к соседней койке и, наклонившись над больным, прислушался к его дыханию. Ватным тампоном вытер ему губы, пошептал что-то на ухо, затем выпрямился.

— У тебя есть какие-нибудь просьбы? спросил он Блэйна. — Ты, наверное, проголодался.

Блэйн кивнул. Вспомнив о еде, он действительно почувствовал голод.

— Хотя я могу подождать, — сказал он.

— Я распоряжусь на кухне, тебя покормят.

Доктор повернулся и быстро вышел из комнаты. Блэйн лежал, вслушиваясь в его удаляющиеся шаги.

И он вдруг понял — он вспомнил, — почему так спокоен. Существо с далекой планеты сняло экран, освободило его от сверкающего зеркала в мозгу, теперь нечего бояться, ни к чему прятаться.

Рядом с ним мумия издавала стоны, хрипы и всхлипывания.

— Райли, — шепотом позвал Блэйн.

Дыхание не изменилось.

Блэйн сел на кровати, свесив ноги, потом встал. Стоять босиком на узорчатом кафеле было холодно. Ежась в жесткой

больничной рубахе, он подошел к напоминающему белый кокон существу.

— Райли! Это ты? Райли, ты слышишь меня?

Мумия шевельнулась.

Она попыталась повернуть голову к нему, но не смогла. С трудом задвигались губы. Язык силился произнести что-то.

— Передай... — выговорил шофер, от усилия растягивая слово.

Напрягшись, он попробовал еще раз:

— Передай Финну...

Блэйн понял, что это не все, он хочет еще что-то добавить. Губы мучительно шевельнулись. В хлюпающем отверстии тяжело поворачивался язык. Беззвучно.

— Райли! — позвал Блэйн, но ответа не получил.

Блэйн стал пятиться назад, пока край кровати не уперся ему под колени. Тогда он сел.

Ну вот, подумал он, страх и догнал этого парня, страх, от которого Райли пытался убежать, прячась от которого он пересек полконтинента. Хотя, возможно, не тот, от которого он убегал, а другой страх и другая опасность.

Райли с шумом, судорожно вздохнул.

Вот лежит человек, думал Блэйн, которому надо что-то передать некоему Финну. Кто такой этот Финн, откуда? Как он связан с Райли?

Финн?

Он знал одного Финна.

Когда-то, очень давно, имя Финна было ему знакомо.

Блэйн напрягся, пытаясь вспомнить все, что ему известно о Финне.

Не исключено, что это не тот Финн.

Потому что он слышал о Ламберте Финне, который тоже был исследователем в «Фишхуке», и он тоже бесследно исчез, но задолго до исчезновения Годфри Стоуна, задолго до того дня, когда сам Блэйн пришел работать в «Фишхук».

Он превратился в призрак, чье имя произносят шепотом, в легенду, в жуткий персонаж жуткой истории, в одну из немногих фишхуковских сказок ужасов.

Потому что, говорилось в этой сказке, однажды Ламберт Финн вернулся со звезд визжащим от ужаса маньяком!

Глава 18

Уставившись в потолок, Блэйн лежал на кровати. За окошком шуршал ветерок; на стене напротив весело играли тени листьев одинокого дерева. Упрямое дерево, подумал Блэйн, уже кончается октябрь, а оно никак не хочет расставаться с листьями.

Из коридора доносились все те же приглушенные шаги, а в воздухе по-прежнему едко пахло антисептикой.

Надо выбираться отсюда, решил Блэйн, пора двигаться. Но куда? В Пьер, конечно в Пьер, к Гарриет, если Гаррист там. Сам по себе Пьер не больше чем тупик, и делать там нечего. Но пока его задача — добраться туда.

Ведь я все еще беглец, совершивший отчаянный, неподготовленный побег. Я бегу с того момента, как вернулся из последнего путешествия на звезды. И, что хуже всего, бегу бесцельно, лишь для того, чтобы укрыться, обрести безопасность.

Из-за отсутствия цели становилось не по себе. Как будто он пустышка. Перекати-поле, которое катится туда, куда подует ветер.

Он лежал, давая боли впитаться, впуская горечь и сомнение: а надо ли было бежать из «Фишхука», имело ли это смысл? Затем ему вспомнился Фредди Бейтс, его натянутая улыбка, и блестки в глазах, и револьвер в его кармане. И сомнения рассеялись сами собой: он поступил правильно.

Райли всхлипнул, захрипел и затих.

Нет, сказал себе Блэйн, хоть доктор и просит, оставаться не следует. Все равно врач ничего не обнаружит, а Блэйн ничего ему не расскажет, так что для них обоих это будет только потеря времени.

Он встал с постели, пересек комнату и подошел к двери, ведущей, по всей видимости, в гардеробную.

Он открыл дверь — его одежда действительно была там. Правда, он не видел нижнего белья, но его рубашка и брюки висели на вешалке, а под ними стояли его туфли. Пиджак, свалившись с вешалки, лежал на полу.

Скинув больничную рубаху, он сунул ноги в штанины, натянул брюки и туго затянул их на поясе.

Он потянулся за рубашкой, как вдруг остановился, пораженный тишиной — мирным, тихим спокойствием осеннего полдня. Покой желтого листка, свежесть дымки на далеких холмах, винный аромат осени.

Но в этом спокойствии что-то было не так.

Исчезли стоны и всхлипывания с соседней койки.

Пригнувшись, как в ожидании удара, Блэйн прислушался, но ничего не услышал.

Он повернулся, сделал шаг в сторону кровати, но остановился. К Райли подходить уже поздно. Его забинтованное тело лежало неподвижно, а на губах застыла пузырем пена.

— Доктор! — закричал Блэйн. — Доктор!

Сознавая, что поступает глупо и нерационально, он бросился к двери.

У порога он остановился. Опершись о косяк, он высунул голову в коридор.

Доктор шел по коридору быстрыми шагами, но не бегом.

— Доктор, — прошептал Блэйн.

Подойдя к двери, тот впихнул Блэйна в комнату и направился к кровати Райли.

Доктор достал стетоскоп, прислонил к мумии, наклонившись, затем выпрямился.

— А ты куда собрался? — спросил он.

— Он умер, — сказал Блэйн. — У него остановилось дыхание. Прошло уже...

— Да, он мертв. Он был безнадежен. Даже с гобатианом не было никакой надежды.

— Гобатиан? Вам пришлось применять даже гобатиан? Вот почему его так забинтовали...

— В нем не осталось ни одной целой кости, — сказал доктор. — Будто кто-то бросил игрушку на пол и прыгнул на нее двумя ногами. У него...

Доктор замолчал и пристальным взглядом уставился на Блэйна.

— А что ты знаешь о гобатиане? — осведомился он.

— Так, слышал, — ответил Блэйн.

Еще бы мне об этом не слышать, подумал он.

— Это инопланетное лекарство, — сообщил доктор. Им пользуется одна насекомовидная раса. Раса воинствующих насекомых. Оно творит чудеса. Оно может слепить обратно разодранное по частям тело. Сращивает кости и органы. Регенерирует ткани.

Он поглядел на забинтованный труп, потом опять на Блэйна:

— Читал где-нибудь?

— Да, в научно-популярном журнале, — солгал Блэйн.

В его памяти всплыло зеленое безумие планеты джунглей, где он наткнулся на лекарство, которым пользовались насеко-

мые, хотя на самом деле они вовсе не были насекомыми, а лекарство было вовсе не лекарством.

Впрочем, сказал он себе, к чему играть в слова? Терминология всегда вызывала трудности, а со звездными путешествиями стала и вовсе невозможной. Берешь то, что хоть немного подходит по смыслу. И то хорошо.

— Тебя переведут в другую палату, — сказал доктор.

— Не стоит, — сказал Блэйн. — Я как раз собрался уходить.

— Нет, — ровным голосом возразил доктор. — Я не позволю. Не собираюсь брать что-то на свою совесть. Ты чем-то болен, и очень серьезно. А за тобой некому ухаживать — у тебя нет ни друзей, ни родственников.

— Ничего, обойдусь. Как обходился до сих пор.

— Мне кажется, — придвинулся к нему доктор, — ты чего-то недоговариваешь.

Блэйн повернулся к нему спиной и молча направился к гардеробной. Надел рубашку, натянул туфли. Поднял с пола пиджак, прикрыл дверцу и только тогда обернулся к доктору:

— А теперь, если вы посторонитесь, я выйду.

По коридору кто-то шел. Наверное, доктор успел распорядиться и это несут еду, подумал Блэйн. Может, мне следует сперва подкрепиться, мне это нужно.

Но он слышал шаги по крайней мере двух пар ног. А может, услышали, как он звал врача, и решили посмотреть, не нужна ли помощь.

— Было бы лучше, — сказал доктор, — если б ты передумал. Кроме того, что ты нуждаешься в лечении, есть еще некоторые формальности...

Дальше Блэйн его уже не слышал, потому что те, кто шагал по коридору, уже стояли в дверях, заглядывая в комнату.

— Как ты сюда попал, Шеп? Мы тебя повсюду ищем, — ледяным голосом произнесла Гарриет Квимби.

Одновременно, как удар бича, его стегнуло телепатическим шепотом:

— *Ну, быстро! Что говорить?*

— *Просто забирай меня, и все. (Разъяренная женщина, волочащая за собой заблудшего шалопая.) Тогда меня выпустят. Меня нашли под ивняком...*

(Пьяница, каким-то образом залезший в урну для мусора и не знающий, как ему оттуда выбраться. Цилиндр у него сполз на ухо, нос, пощелкивая, вспыхивает, как неоновая реклама, а в окосевшем взгляде — мягкое недоумение.)

— Нет, не то, — остановил ее Блэйн. — *Просто лежал под иной, отключившись от мира. Он считает, я болен...*

— А не...

— Не то, что он думал...

— Опять с тобой старая беда, — с улыбкой, в которой было и беспокойство, и облегчение, дружеским тоном произнес Годфри Стоун. — Перебрал, наверно. Забыл, что советовал тебе доктор...

— Ну о чем ты? — запротестовал Блэйн. — Каких-то пара глотков...

— Тетя Эдна с ума сходит, — сказала Гарриет. — Чего она только не воображала! Ты же знаешь, какие у нее нервы. Она уже решила, что никогда тебя больше не увидит.

— Годфри, Годфри! О господи, целых три года...

— Спокойно, Шеп. Сейчас не время. Сначала надо тебя вытащить.

— Вы что, знаете этого человека? — спросил доктор Уитмор. — Он ваш родственник?

— Не родственник, а друг, — пояснил Стоун. — Его тетка Эдна...

— Ладно, пошли отсюда, — прервал его Блэйн.

Стоун вопросительно поглядел на доктора, тот кивнул головой:

— Только задержитесь у дежурной и возьмите выписку. Я им сейчас позвоню. Вам придется сообщить ваши имена.

— Конечно, — заверил его Стоун. — Мы вам так признательны.

— Не стоит благодарности.

У порога Блэйн остановился и повернулся к доктору.

— Извините, — сказал он. — Я скрыл правду. Мне было стыдно.

— У всех бывают моменты, когда нам стыдно. Ты не исключение.

— Прощайте, доктор.

— Всего хорошего. Впредь будь осторожнее.

И вот они уже шли рядом — втроем — по коридору.

— А кто лежал на соседней кровати? — спросил Стоун.

— Некий Райли.

— Райли!

— Водитель фургона.

— Райли! Его-то мы и искали. На тебя мы натолкнулись совсем случайно.

Стоун собрался вернуться в палату, но Блэйн его остановил:

— *Поздно, он мертв.*

— *А его фургон?*

— *Разбился. Упал с откоса.*

— *О Годфри!* — вырвалось с ужасом у Гарриет.

Стоун покачал головой, глядя на нее.

— *Не вышло,* — сказал он. — *Не вышло.*

— *Эй, в чем дело?*

— *Подожди, все узнаешь. Сначала давай выйдем отсюда.*

Стоун взял его под локоть и потащил рядом с собой.

— *Хотя бы скажите, при чем здесь Ламберт Финн?*

— Ламберт Финн, — вслух произнес Стоун, — сегодня самый опасный человек в мире.

Глава 19

— А может, нам отъехать подальше? — спросила Гарриет. — Если доктор что-нибудь заподозрит...

Но Стоун уже свернул с шоссе к мотелю.

— Почему он должен что-то заподозрить?

— Задумается. Он озадачен случаем с Шепом и наверняка начнет размышлять. А в нашей легенде полно слабых мест.

— Для импровизации все было разыграно не так уж плохо.

— Но мы и десяти миль не отъехали от города.

— Мне ночью надо будет вернуться. Хочу посмотреть, во что превратился фургон Райли.

Перед домиком с вывеской «Управляющий» он затормозил.

— Сам хочешь засунуть голову в петлю, — сказала Гарриет.

Человек, подметавший ступени, подошел к ним.

— Добро пожаловать в «Равнины»! — сердечно приветствовал он их. — Могу быть чем-нибудь вам полезен?

— У вас найдутся два смежных номера?

— У нас как раз освободились два смежных. Какая чудесная стоит погода!

— Да, отличная погода.

— Но со дня на день может похолодать. Все-таки поздняя осень. Помню, однажды снег выпал на...

— В этом году так не будет, — перебил его Стоун.

— Да, вряд ли. Кажется, вы сказали, что желаете два смежных?

— Если вы не возражаете.

— Езжайте прямо вперед. Номера десять и одиннадцать. А я сейчас возьму ключи и приду.

Приподняв машину на малой тяге, Стоун соскользнул в проезд. Около номеров стояли уютно припаркованные автомобили. Люди выгружали вещи из багажников. Некоторые отдыхали в креслах в маленьких внутренних двориках. В самом конце стоянки четверо чудаковатых стариков с громкими криками метали подкову.[1]

Перед номером «десять» их машина плавно опустилась на землю.

Блэйн вышел, открыв дверцу Гарриет.

Как хорошо, подумал он. Он чувствовал себя так, как будто попал домой, встретив двух друзей — потерянных и вновь обретенных. Что бы теперь ни случилось, он со своими.

Мотель располагался на обрывистом берегу реки; на север и восток тянулись бескрайние равнины — голые, бурые холмы, поросшие лесом трещины оврагов; толпясь все плотнее, чтобы уместиться вдоль речной долины, леса выстраивались неровным гребнем у мутно-шоколадного потока, который, как бы не зная, куда направить свое течение, задумчиво извивался, оставляя следы своего непостоянства — лужи, болота, старицы — еще более прихотливой формы, чем русло самой реки.

Позвякивая связкой ключей, пришел управляющий. Он отпер и широко распахнул двери.

— Здесь все в полном порядке, — сообщил он. — Мы ничего не упускаем. На всех окнах — ставни, а замки самые лучшие из имеющихся. В шкафу вы найдете подборку кабалистических знаков и заклинаний. Раньше мы их вывешивали сами, но оказалось, что некоторые клиенты предпочитают их располагать по собственной системе.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны, — похвалил Стоун.

— Клиентам приятно чувствовать себя в тепле и заботе, — похвастался управляющий.

— Ну, хватит, теперь ты нам все рассказал, — остановил его Стоун.

— А в первом корпусе у нас ресторан...

---

[1] Метание подковы — народная игра, немного напоминающая городки.

— Обязательно там побываем, — заверила его Гарриет, — я умираю с голоду.

— Зарегистрироваться вы можете у дежурного по пути в ресторан.

— Непременно, — пообещала Гарриет.

Управляющий передал ей ключи и веселой подпрыгивающей походкой пошел обратно, с любезной оживленностью кланяясь гостям из других номеров.

— Зайдем, — предложил Стоун.

Пропустив Гарриет и Блэйна вперед, он вошел сам и плотно закрыл за собой дверь.

Гарриет бросила ключи на туалетный столик, оглядела комнату.

— Рассказывай, — повернулась она к Блэйну. — Что было с тобой? Когда я возвратилась в тот пограничный городок, он весь кипел. Там произошло что-то жуткое, не знаю только что. Мне пришлось так быстро убраться оттуда, что некогда было расспрашивать.

— Мне удалось бежать, — сказал ей Блэйн.

Стоун протянул ему руку:

— Тебе это удалось лучше, чем мне. Ты от них оторвался сразу.

Рука Блэйна утонула в громадной ладони Стоуна.

— Я рад тебя видеть, — сказал Стоун.

— Если бы не твой звонок тогда, меня бы наверняка поймали. Я запомнил твои слова и не стал дожидаться.

Стоун выпустил его руку, и они стояли, глядя друг на друга. Блэйн видел, как изменился Стоун: он и раньше был крупным, сильным мужчиной, но теперь сила чувствовалась не только в его внешности — в нем ощущались сила духа, целеустремленность. И еще жесткость, которой Блэйн раньше в нем не знал.

— Боюсь, что мое неожиданное появление еще доставит тебе хлопот, — сказал Блэйн. — Я удирал слишком медленно и не без приключений. Наверняка «Фишхук» уже напал на мой след.

Как бы отбрасывая опасения, Стоун махнул рукой, причем сделал это так небрежно, как будто «Фишхук» здесь ничего не значит, как будто «Фишхук» больше вообще нигде ничего не значит.

— А что с тобой произошло, Шеп? — спросил Стоун, усаживаясь в кресло.

— Я заразился.

Я тоже, — кивнул Стоун.

Он минуту помолчал, как будто уходя мыслями во время своего побега из «Фишхука».

Когда я вышел из телефонной будки, меня уже ждали. Мне не осталось ничего другого, как пойти с ними. Меня отвели... *(Скромный пансионат на берегу моря; над ним — до боли в глазах голубое небо, настолько голубое, что слепит глаза, и в то же время в эту голубизну можно глядеть и глядеть, утопая в бесконечности. Вокруг гигантского здания домики пониже, поменьше главного корпуса, но тоже не маленькие. Зеленый ковер газона, настолько пышный, что тут же становится ясно: его постоянно поливают. За зеленью травы — ярко-белая полоса песчаного пляжа и зеленовато-синий океан, с пенными брызгами разбивающийся о рифы за пределами лагуны. А на пляже — калейдоскоп зонтиков...)*

— Как я узнал позже, это место расположено в Южной Калифорнии. Идеально изолированное место, потрясающий курорт среди глуши... *(Развеваемые океанским бризом флажки площадок для гольфа, ровные прямоугольники теннисных кортов, сад, где гости в безупречных вечерних туалетах, лениво переговариваясь, поджидают тележки с напитками и сандвичами.) Там такая рыбалка, что тебе и не снилось, в горах — охота, а купаться можно круглый год...*

— Ах, как там тяжело! — улыбнулась Гарриет.

— Нет, — возразил Стоун, — вовсе не тяжело. Первые шесть недель. Или даже шесть месяцев. Там есть все, что нужно мужчине. Отличная еда, выпивка и женщины. Любое желание тут же исполняется. Богат ты или беден — это не важно. Все бесплатно.

— Я представляю, — произнес Блэйн, — что там начинаешь вскоре ощущать...

— Ну конечно! Абсолютная бесцельность. Будто кто-то взял тебя, взрослого мужчину, и превратил в маленького мальчика, которому остается только забавляться разными играми. Но все же «Фишхук» поступает с нами щедро и великодушно. Даже презирая, ненавидя «Фишхук», надо отдать им должное. Лично против нас они ничего не имеют. Ведь мы не совершили преступления, не нарушили долга — по крайней мере, не все. Они не могут рисковать, оставляя нас работать; они не могут отпустить нас, поскольку, как ты понимаешь, репутация «Фишхука» должна быть безупречной. Нельзя допустить, чтобы их обвинили в том, что они пустили в мир че-

ловека, у которого в мозгу появилось какое-то инопланетное качество или который хоть на волос отклоняется от общепринятого человеческого стандарта. Так что они отправляют нас в отпуск — бессрочный отпуск — в заведение для миллионеров.

Это гениальное решение. Человек ненавидит этот вечный праздник и все же не может уехать, поскольку здравый смысл ему шепчет, что надо быть круглым дураком, чтобы бросить все это. Здесь безопасно и весело. Здесь не о чем тревожиться. Тебе ни в чем нет отказа. Трудно серьезно думать о побеге — какой может быть побег, если тебя никто не держит. Правда, стоит попробовать — и вдруг узнаешь, что все вокруг патрулируется, стоят сторожевые вышки. Потом выясняется, что контролируется каждая дорога, каждая тропа. Да и пытаться уйти пешком через пустыню равносильно самоубийству. Постепенно замечаешь, что за тобой постоянно ведется наблюдение; агенты «Фишхука», замаскированные под гостей, не спускают с тебя глаз, чтоб не упустить, когда ты решишься на побег или хотя бы только подумаешь об этом.

Но настоящие цепи, которые удерживают тебя, — роскошь и беззаботность. От такого трудно отказаться. И в «Фишхуке» это понимают. Поверь мне, Шеп, это самая крепкая тюрьма, когда-либо построенная человеком.

Но, как любая тюрьма, она ожесточает и закаляет. Узнав о шпионах и охране, становишься хитрым и изворотливым. Собственно, сами шпионы и охранники придают смысл твоему существованию. Ошибка «Фишхука» в том, что он перестарался: не нужно было вообще никакой системы безопасности. Предоставленный самому себе, любой мог бы совершать «побег» каждый месяц. И приплестаться назад, почувствовав, каково за пределами этого рая. Но когда ты узнаешь о патрулях, винтовках, собаках, ты принимаешь это как вызов и вступаешь в игру, где ставка — собственная жизнь...

— Наверняка, — заметил Блэйн, — побегов было немного. Даже попыток. Иначе бы «Фишхук» придумал что-нибудь новое.

— Ты прав, — хищно ухмыльнулся Стоун. — Побег мало кому удался. И мало кто пытался бежать.

— Только ты и Ламберт Финн.

— Ламберт, — сухо ответил Стоун, — все это время был мне примером. Его успех вдохновил меня. Он бежал за несколько лет до моего появления. Кроме того, задолго до Ламберта был еще один побег. Что стало с тем человеком, до сих пор никому не известно.

Ну хорошо, — продолжил Блэйн, — а что будет с тем, кто убежал, кто скрывается от «Фишхука»? Что его ждет? Вот у меня в кармане пара долларов, принадлежащих даже не мне, а Рейни, у меня нет ни документов, ни специальности, ни работы. Что будет...

Ты как будто жалеешь, что убежал.

Бывают моменты, что и жалею. Если б начать сначала, то я бы не дал застать себя врасплох. Я бы перевел деньги в какую-нибудь соседнюю страну. Подготовил бы новые документы. Зазубрил бы пару учебников, чтобы работать кем-то вроде счетовода и ждать.

— Мы не можем ждать! — выкрикнул Стоун.

— Вспомни старые религиозные распри, — предложил Блэйн. — Войны между протестантами и католиками, между христианством и исламом. Где они теперь?

— Они прекратились благодаря «Фишхуку».

— Все всегда прекращается благодаря чему-то. Иначе не было бы надежды. Ситуации и события упорядочиваются, и вчерашние бури становятся чисто академическими вопросами для историков.

— Неужели ты будешь ждать? — спросил Стоун. — Ждать сотню лет?

— Ждать незачем, — сказала Гарриет, — все уже началось. А Шеп подключится.

— Я?

— Да, ты.

— Шеп, выслушай меня, — попросил Стоун.

— Я слушаю, — ответил Блэйн, и, чувствуя опасность, в нем колыхнулось что-то чужое и дрожь прокатилась по телу.

— Я создал организацию — можно назвать ее подпольем. У меня есть группа паракинетиков, или штат, или комитет, который разрабатывает первоначальные планы и тактику некоторых экспериментов и исследований. С их помощью мы продемонстрируем, что паранормальные люди могут быть полезными человечеству и без «Фишхука».

— Пьер! — воскликнул Блэйн, глядя на Гарриет.

Она кивнула.

— Так вот что ты имела в виду с самого начала. А тогда, на вечеринке у Шарлин, ты мне говорила: «Старый приятель, старый друг»...

— Ты считаешь, что я поступила неверно?

— Да нет, почему же.

— Скажи, ты бы согласился, если б я тебе тогда все рассказала?

— Не знаю, Гарриет, честное слово, не знаю.

Стоун поднялся из кресла и сделал несколько шагов в сторону Блэйна. Вытянув руки, он положил их ему на плечи. Его пальцы напряглись.

— Шеп, — твердо произнес он, — Шеп, это очень серьезно и важно. Нельзя, чтобы вся связь человека со звездами шла только через «Фишхук». Человечество не может быть наполовину прикована к Земле, наполовину свободно.

В тусклом комнатном освещении его взгляд не казался жестким. Он казался вдохновенным, а в глазах поблескивали непролитые слезы.

Когда он снова заговорил, голос его уже звучал мягко.

— Есть звезды, — почти шепотом, будто разговаривая с самим собой, сказал он, — где люди должны побывать. Чтобы увидеть, каких высот способна достичь человеческая раса. Чтобы спасти свои души.

Гарриет с деловым видом взяла сумочку, перчатки.

— Вы как хотите, а я с голоду умирать не собираюсь. Идете со мной или нет?

— Я иду, — объявил Блэйн.

И вдруг вспомнил.

Она перехватила мысль и рассмеялась:

— За наш счет. За это пригласишь нас как-нибудь двоих.

— А зачем? — вмешался Стоун. — Он уже в штате и получает жалованье. У него есть работа. Не так ли, Шеп?

Блэйн промолчал.

— Шеп, ты ведь со мной? Ты мне нужен. Без тебя мне не справиться. Мне не хватало как раз тебя.

— Хорошо, я с тобой, — просто ответил Блэйн.

— Ну, раз с этим наконец разобрались, — сказала Гарриет, — пошли обедать.

— Вы идите, — сказал Стоун, — а я буду стоять на страже.

— Но, Годфри...

— Мне надо кое о чем поразмыслить. Есть пара вопросов.

— Пошли, — Гарриет повернулась к Блэйну. — Пусть сидит и думает.

Блэйн последовал за ней, несколько озадаченный.

Теперь рассказывай, — потребовала Гарриет. Они сделали заказ, и Гарриет, устроившись поудобнее за столом, приготовилась слушать. — Что произошло в том городке? Что было после того? Как ты попал в больницу?

Об этом позже, — отказался Блэйн. — Еще будет время обо всем тебе рассказать. Прежде ответь, что с Годфри?

— Ты имеешь в виду, что он остался в номере подумать?

— Да. Но не только. Выражение его глаз. Эта навязчивая идея. Как он говорит, спасение людей — побывать на звездах, словно старый отшельник, которому явилось знамение.

— Ты прав, — сказала Гарриет, — все именно так.

Блэйн ошеломленно уставился на нее.

— Это произошло во время того последнего путешествия, — продолжала Гарриет. — Он там тронулся. Что-то он там увидел, что потрясло его.

— Я знаю, — сказал Блэйн. — Иногда в путешествиях встречаешь такое...

— Жуткое?

— Да, конечно жуткое. Но это не все. Скорее непостижимое. Процессы, причинно-следственные связи, совершенно невероятные с позиций человеческих логики и этики. Явления, в которых не видно смысла, которые не укладываются в голове. Рассудок человека оказывается бессильным. И это страшно. Нет точки опоры, ориентира. Ты один, абсолютно один, и вокруг — ничего из знакомого тебе мира.

— У Годфри было другое. Нечто, что он понял и постиг. Это было совершенство.

— Совершенство?!

— Я знаю, фальшивое слово. Выспреннее. Надуманное. И все же единственно подходящее.

— Совершенство, — повторил Блэйн, как будто пробуя слово на вкус.

— На той планете не было ни злобы, ни алчности, ни извращенного честолюбия, которое кует злобу и алчность. Совершенная планета, планета для совершенного народа. Социальный рай.

— Не вижу...

— Задумайся на минуту. Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть предмет, картину, скульптуру, пейзаж, настолько прекрасный и совершенный, что ты испытываешь физическую боль?

— Приходилось, раз или два.

— Разумеется. Но картина или скульптура — это предмет вне жизни человека, твоей жизни. Это всего лишь эмоциональное переживание. Практического значения оно не имеет. Ты можешь прожить прекрасно всю остальную жизнь, так и не увидев эту вещь снова, ты только изредка будешь вспоминать ее и, вспоминая, снова чувствовать боль. А теперь представь этику, культуру, образ жизни, который мог быть твоим. И это настолько прекрасно, что испытываешь боль, как от гениального полотна, только в тысячу раз сильнее. Вот что увидел Годфри. Вот почему он вернулся «тронутым». Он чувствует себя оборванным мальчишкой из трущоб, из-за ограды увидевшим сказочную страну — настоящую, живую сказку, до которой можно дотянуться, потрогать, но в которую он никогда не попадет.

Блэйн глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Вот оно что. Вот чего он хочет.

— А ты бы на его месте?

— Наверное. Если б я это увидел.

— А ты спроси Годфри. Он тебе расскажет. Или лучше не спрашивай. Пускай он сам.

— Тебе он рассказал?

— Да.

— На тебя это произвело впечатление?

— Я же здесь, — ответила она.

Официантка принесла заказ: огромные сочные бифштексы с картофелем и салатом. На середину стола она поставила кофейник.

— Выглядит аппетитно, — сказала Гарриет. — Всегда хочу есть. Помнишь, Шеп, как ты впервые пригласил меня пообедать?

Блэйн улыбнулся:

— Конечно помню. Ты тогда тоже была страшно голодна.

— И ты купил мне розу.

— Кажется.

— Ты такой милый, Шеп.

— Если я не ошибаюсь, ты журналистка. Как же...

— А я и занимаюсь одной историей.

— И эта история — «Фишхук».

— В какой-то мере, — пробормотала она, принимаясь за бифштекс.

Некоторое время они ели молча.

— Послушай, — прервал молчание Блэйн. — При чем здесь Финн? Годфри считает его очень опасным.

А что ты знаешь о Финне?

Немного. Из «Фишхука» он исчез до того, как я там появился. Но слухи остались. Когда он вернулся, он начал проповедовать. Что-то с ним случилось.

Случилось, — подтвердила Гарриет. — И теперь он ходит повсюду со своими проповедями.

Проповедями?

Изгнатель дьявола, экзорцист, потрясающий Библией. Только без Библии. Доказывает, что звезды — зло, что человеку место на Земле. Здесь он в безопасности, а там его поджидает зло. И что ворота исчадию зла открыли парапсихи.

И его проповеди слушают?

— Слушают, — подтвердила Гаррист. — Люди в восторге от них. Они в них купаются. Ведь для них-то звезды недосягаемы. Поэтому анафема звездам им по вкусу.

— В таком случае анафема и парапсихам. Ведь это они — призраки и оборотни...

— И гоблины. И колдуны. И злые духи. И все прочее.

— Он просто шарлатан.

Гарриет покачала головой:

— Он не шарлатан. Он так же искренен, как Годфри. Он верит в зло. Потому что он видел Зло.

— А Годфри видел Совершенство.

— Именно. Ни больше ни меньше. Финн убежден, что человеку в космосе делать нечего, равно как Стоун убежден, что спасение человечества — звезды.

— И оба борются против «Фишхука».

— Годфри хочет положить конец монополии, но сохранить основу. Финн идет дальше. «Фишхук» для него — не главное. Его цель — паракинетика, ее он собирается уничтожить.

— Финн считает Стоуна врагом?

— Он стоит у него на пути. А поделать Финн ничего не может: Годфри старается не подставлять себя. Однако Финн знает его планы и считает его основной фигурой, способной объединить паракинетиков. Естественно, при первой возможности он попытается от него избавиться.

— Похоже, тебя это не слишком страшит?

— Годфри не боится. Для него Финн — лишь еще одна проблема, еще одно препятствие.

Они вышли из ресторана и двинулись вниз по асфальтированной дорожке, тянущейся вдоль фасадов номеров.

В свете умирающего дня долина переливалась черными и пурпурными бликами, отражаясь в мрачной бронзе реки. Последние солнечные лучи освещали верх обрыва на противоположном берегу; серебристой молнией по синеве в небе все еще носился ястреб.

Они дошли до своего блока. Блэйн толкнул дверь, пропуская Гарриет вперед, затем вошел сам. Не успел он пересечь порог, как столкнулся с Гарриет

Гарриет коротко вскрикнула, и он почувствовал, как она напряглась, прижавшись к нему.

Он поглядел через плечо. Вытянувшись, лицом вниз, на полу лежал Годфри Стоун.

Глава 21

Уже наклоняясь над ним, Блэйн знал, что Стоун мертв. Он как будто сжался, стал меньше, утратив наполнявшую раньше большое тело жизнь. А теперь он превратился в обернутое мятыми тряпками тело, и в его неподвижности было что-то страшное.

Гарриет закрыла наружную дверь. И в клацанье задвижки Блэйну послышалось рыдание.

Наклонившись ниже, Блэйн заметил под головой Стоуна лужицу крови.

Нажав рычаг, Гарриет опустила жалюзи на окнах.

— Может, зажжем свет? — предложил Блэйн.

— Погоди, Шеп, сейчас.

Щелкнул выключатель, с потолка брызнул свет, и они увидели, что у Стоуна размозжен череп. Щупать пульс не имело смысла — после такого удара по голове выжить невозможно.

Покачиваясь на корточках, Блэйн пораженно думал, какой надо обладать свирепостью и, возможно, отчаянием, чтобы нанести подобный удар.

Он поглядел на Гарриет и покачал головой, удивляясь ее хладнокровию, затем вспомнил, что в репортерской практике насильственная смерть не такая уж редкость.

— Это Финн, — произнесла она тихим, ровным голосом, настолько ровным, что почувствовалось, с каким трудом она сдерживается. — Не сам Финн, конечно. Кто-то из его подручных. Или доброволец. Один из его фанатиков-последователей. Многие готовы выполнить любое его приказание.

Она подошла и присела рядом с трупом напротив Блэйна. Рот ее был сжат в прямую, суровую линию. Лицо натянуто и жестко. И только маленький поток там, где сбежала единственная слеза.

— Что будем делать? — спросил Блэйн. — Наверное, надо вызвать полицию.

Она сделала предостерегающий жест:

- Только не полицию. Мы не должны оказаться замешанными. Финн и его банда только этого и ждут. Держу пари, в полицию уже сообщили.

— Думаешь, убийца?

А почему нет? Звонок, неизвестный голос сообщает, что в «Равнинах», в номере десять, убит человек. Затем быстро вешается трубка.

Чтобы подставить нас?

Чтобы подставить того, кто был с Годфри. Они могут не знать, кто мы такие. А тот врач не мог...

Не знаю. Наверное, мог.

Слушай, Шеп, по тому, что произошло, я уверена: Финн в Бельмонте.

В Бельмонте?

Так называется городок, где мы тебя нашли.

Буду знать.

Что-то происходит, — сказала она. — Что-то важное. И не где-нибудь, а здесь. Здесь и Райли, и его грузовик, и

Что делать?

Нельзя допустить, чтобы полиция обнаружила Годфри.

Мы можем вытащить его через заднюю дверь и отнести в машину.

— Не исключено, что за нами следят. Тогда нам не выкрутиться.

Она в отчаянии всплеснула руками.

— Если у Финна теперь будут развязаны руки, он сможет добиться всего, что задумал. Мы не можем дать вывести себя из игры. Мы обязаны остановить его.

— Мы?

— Ты и я. Теперь тебе тянуть лямку Годфри. Тебе решать.

— Но я...

Ее глаза вдруг яростно вспыхнули:

— Ты был его другом! Он тебе все рассказал. Ты обещал быть с ним.

— Конечно, я обещал. Но я начинаю с нуля. Я ничего не знаю.

— Останови Финна, — сказала она. — Выясни, что он затеял, и помешай ему. Найди сковывающий маневр...

— Ох это твое военное мышление! Сковывающие маневры и линии отступления. *(Пышная дама в генеральском мундире, огромных сапогах и с гроздьями медалей на высокой груди.)*

— *Прекрати!*

— *Журналистка! Трезвомыслящая!*

— Замолчи, Шеп, — сказала Гарриет. — Как я могу сейчас трезво мыслить? Я верила в Годфри Стоуна. Верила в его дело.

— Мне кажется, я тоже верю. Но все так необычно, так быстро...

— Может, нам лучше всего убежать, скрыться.

— Нет! Подожди. Если мы убежим, мы выбываем из игры, как если бы нас поймали.

— Но у нас нет выхода, Шеп.

— А вдруг есть? — задумчиво произнес он. — Здесь есть поблизости городок с названием Гамильтон?

— Есть, пара миль отсюда. Вниз по реке.

Блэйн вскочил на ноги и огляделся вокруг.

Телефон стоял на ночном столике между кроватями.

— Кому?

— Другу. Человеку, который может нам помочь. Говоришь, мили две отсюда?

— Если Гамильтон, то да. Ты не ошибаешься?

— Не ошибаюсь.

Блэйн подошел к аппарату, снял трубку и вызвал коммутатор:

— Я могу заказать Гамильтон?

— Номер в Гамильтоне, пожалуйста.

— Двести семьдесят шесть.

— Сейчас соединю.

Блэйн повернулся к Гарриет:

— На улице темнеет?

— Когда я закрывала ставни, уже темнело.

Он слышал в трубке гудки вызова.

— Темнота — это хорошо. Днем они бы не смогли.

— Не пойму, что ты задумал, — недоумевающе сказала Гарриет.

— Алло, — произнес голос в трубке.

— Попросите, пожалуйста, Аниту.

Одну минутку, — ответил голос. — *Анита, тебя. Какой-то мужчина.*

Это невозможно, ошеломленно подумал Блэйн. Так просто не может быть. Наверное, ему показалось.

Алло, — сказала Анита Эндрюс. — Кто это?

Блэйн. Шепард Блэйн. Я ехал с человеком, у которого было ружье с серебряными зарядами.

Да, я помню тебя.

Значит, все верно. Ему не показалось. Телепатия возможна по телефону!

— *Ты сказала, я могу обратиться за помощью.*

— *Да, я сказала это.*

— *Помощь мне нужна сейчас. (Тело на полу, полицейская машина с включенной сиреной и красной мигалкой; спидометр и часы на длинных ногах, несущиеся по беговой дорожке; вывеска «Равнины», цифры на двери номера.) Клянусь, Анита, я не пытаюсь скрыть преступление. Поверь мне. Сейчас я не могу все тебе объяснить. Так надо. Полиция не должна его здесь найти.*

— *Мы заберем его.*

— *Вы доверяете мне?*

— *Доверяем. В ту ночь ты помог нам.*

— *Тогда спешите.*

— *Сейчас. Я только соберу еще несколько человек.*

— Спасибо, Анита.

Но она уже повесила трубку.

Некоторое время он продолжал стоять, уставившись на зажатую в руке трубку, затем опустил ее на рычаг.

— Я уловила кое-что, — сказала Гарриет. - Невозможно.

— Конечно нет, — подтвердил Блэйн. — Телепатическая связь по проводу. Попробуй расскажи кому-нибудь!

Он поглядел на распростертое на полу тело.

— Так вот что он имел в виду, говоря о «возможностях, которые "Фишхуку" и не снились».

Гарриет промолчала.

— Хотел бы я знать, что они еще умеют, — пробормотал Блэйн.

— Она сказала, что придут за Годфри. Каким образом? Когда?

В ее голосе звучали истерические нотки.

— Они прилетят, — пояснил Блэйн. — Это левитаторы. Ведьмы.

И он горько рассмеялся.

— Но ты...

— Откуда я их знаю? Они напали на нас как-то ночью. Просто дурачились. У Райли был дробовик...

— Райли!

— Тот, что лежал в моей палате в больнице. Он умер. Разбился в катастрофе.

— Но как ты оказался с Райли, Шеп?

— Я попросил его подвезти меня. А он боялся ехать по ночам в одиночку. Мы вместе латали его развалину-фургон...

Они пристально и озадаченно смотрели друг на друга.

— Постой. Что ты сказала в больнице? Что вы его...

— Искали. Его нанял Годфри, он задерживался, и...

— Но...

— Что такое, Шеп?

— Я разговаривал с ним за минуту до его смерти. Он пытался что-то передать, но не смог. Но передать это «что-то» он просил Финну. Тогда я впервые и услышал о Финне.

— Все пошло не так, как надо, — с отчаянием произнесла Гарриет. — Абсолютно все. Райли вез звездную машину. Годфри каким-то образом добыл ее, и надо было доставить машину в Пьер. И он нанял Райли...

— «Левая» звездная машина! — потрясенно воскликнул Блэйн. — А ты знаешь, что в каждой стране мира есть закон, запрещающий владение ими? Их разрешается иметь только «Фишхуку».

— Все это Годфри было известно. Но машина была ему необходима. Он пытался собрать ее, но безуспешно. У него не было чертежей.

— Еще бы, откуда им взяться!

— Что с тобой, Шеп?

— Не знаю. Наверное, все нормально. Просто растерян немного. Как я незаметно оказался втянутым...

— Ты в любой момент можешь бежать.

— Нет, Гарриет. Сколько можно бегать? Мне бежать некуда.

— Ты бы мог поступить на работу в какую-нибудь фирму. Тебя с удовольствием взяли бы и хорошо платили бы за информацию о «Фишхуке».

— Это не для меня. И потом, я же дал слово. Я обещал Годфри помощь. К тому же меня не устраивает, чтобы меня хватали и тащили вешать за то, что я «парапсих». Меня не устраивает многое из того, что я видел по пути и...

Ты озлоблен, сказала Гарриет. — И ты имеешь на это право.

А ты?

Я не озлоблена. Я просто напугана. До мозга костей.

Ты, журналистка со стальными нервами, напугана...

Он повернулся к ней, и в памяти всплыла слепая старушка, торгующая розами. В тот вечер впервые маска упала с лица Гарриет Квимби. Сегодня маска упала во второй раз.

Ее лицо больше не скрывало, что и бесстрашная журналистка временами бывает просто испуганной женщиной.

Все будет хорошо, — успокаивающе прошептал он. — *Все будет хорошо.*

Вдалеке послышался голос сирены, похожий на вой ветра в прериях. Гарриет резко отодвинулась от него.

Они едут, Шеп!

- К задней двери, быстро! — приказал Блэйн. — Беги к реке. Спрячемся в оврагах.

Он подскочил к двери и взялся за засов. В это время в дверь легонько постучали несколько раз.

Блэйн откинул засов, распахнул дверь и в потоке света, льющемся из комнаты, возникла Анита Эндрюс, а за ней стояли ее юные приятели.

— Как раз вовремя, — приветствовал их Блэйн.

— Где тело?

— Вот оно.

Они вбежали в комнату. Сирена приближалась.

— Он был нашим другом, — нетвердо сказала Гарриет. — Это так ужасно...

— Не беспокойтесь, мисс, заверила ее Анита. — Мы похороним его как положено.

Сирена выла уже совсем близко, наполняя комнату ровным гулом.

— *Быстро,* — скомандовала Анита, — *летим низко, чтобы на фоне неба не было видно силуэтов!*

Она еще не договорила, а в комнате уже не было ни ее друзей, ни тела.

Анита посмотрела на Блэйна и, секунду поколебавшись, спросила:

— *Когда-нибудь расскажешь мне, что все это значило?*

— *Когда-нибудь расскажу,* — пообещал Блэйн. — *Спасибо тебе.*

— *Всегда рада помочь. Нам надо держаться вместе. Иначе нас, паракинетиков, сотрут с лица земли.*

Она мысленно обняла Блэйна, и он почувствовал прикосновение ее разума к его разуму и как будто увидел светлячков, мерцающих в сумерках, и ощутил аромат сирени, плавающий в мягком речном тумане.

Потом Анита улетела, и тут же в дверь номера забарабанили.

— *Сядь,* — велел Блэйн Гарриет, — *старайся держаться естественно. Спокойно. Беззаботно. Мы с тобой просто сидим и болтаем. Годфри был с нами, потом уехал в город. За ним кто-то зашел, и они поехали вдвоем. Кто это был, мы не знаем. Годфри обещал вернуться через час-два.*

— *Ясно,* — ответила Гарриет.

Она уселась в кресло, расслабленно сложила руки на коленях.

Блэйн пошел открывать блюстителям закона.

Глава 22

Бельмонт начал готовиться ко сну. В домах, мимо которых они проезжали, окна и двери были уже наглухо закрыты; они въехали в деловой район, и там тоже уже один за другим гасли огни в витринах.

Впереди, в двух кварталах, все еще ярко светились вывески на отеле и реклама сообщала, что бар «Дикий Запад» открыт для посетителей.

— Вряд ли полицейские поверили в наше вранье, — заметила Гарриет.

— Может, и не поверили, — согласился Блэйн. — Но они ничего не могут поделать. Им не к чему прицепиться.

— В какой-то момент мне показалось, что нас арестуют.

— Мне тоже. Но ты так тонко издевалась над ними. Они, должно быть, чувствовали себя такими идиотами, что рады были поскорее убраться.

Он показал на мигающую рекламу бара:

— Может, начнем отсюда?

— А почему бы нет? Тем более что выбирать тут не из чего.

В баре было совсем пусто. Облокотившись на стойку, бармен лениво оттирал несуществующее пятно.

Блэйн и Гарриет уселись напротив него.

Что будете пить?

Они объяснили.

Он поставил бокалы, потянулся за бутылками.

Не слишком оживленный вечерок, — начал разговор Блэйн.

Скоро закрываем. Народ здесь ночью не разгуливает. В этом городе все, как стемнеет, прячутся.

Скверный городишко?

- Не особенно. Это все комендантский час. Повсюду патрули, полицейские хватают не разговаривая. Пропади они пропадом!

— А как же вы? — спросила Гарриет.

— О, со мной все в порядке, мисс. Меня тут знают. И понимают, что ко мне может зайти поздний клиент вроде вас. А потом надо еще прибрать, выключить свет. Мне разрешают чуть-чуть задержаться.

— Все равно не сладко, — посочувствовал Блэйн.

— Для нашего же собственного блага, мистер, — покачал головой бармен. — Люди ничего не соображают. Если б не комендантский час, они бы и ночью ходили, а ночью сами знаете, что может случиться.

— В городе немало народа, — начал наобум Блэйн. — Наверное, бывают всякие происшествия?

Бармен устроился поудобнее, готовясь к долгому разговору.

— А вы разве ничего не слыхали? - доверительно зашептал он.

— Нет, ничего. Мы лишь два часа, как приехали.

— Тогда... Хотите верьте, мистер, хотите нет, у нас в городе обнаружили звездную машину.

— Что?

— Звездную машину. Такая штуковина, в которой параноики летают на другие планеты.

— В первый раз слышу.

— Ничего удивительного. Ими разрешается пользоваться только в «Фишхуке».

— Выходит, машина, которую нашли, противозаконна?

— Противозаконней не бывает. Полицейские наткнулись на нее в старом гараже у дороги. На западной окраине. Вы, наверное, проезжали это место по дороге в город?

— Не заметил.

— Не важно, в любом случае ее там нашли. И знаете еще, кто приехал в наш городок? Ламберт Финн!

— Неужели тот самый Ламберт Финн?

— Собственной персоной! Он сейчас в гостинице. Собирает завтра большой митинг у того гаража. Говорят, полиция согласилась выставить звездную машину, чтобы он прочитал о ней проповедь на виду у всех. Советую завтра послушать его, мистер. Завтра он даст жару! Он покажет этим паранеихам! Под орех их разделает. После этого они и носа высунуть не посмеют.

— Вряд ли в таком городке много параиеихов.

— Ну, в самом городе немного, — неохотно согласился бармен. — Зато неподалеку отсюда есть город Гамильтон. Вот там сплошные параисихи. Они сами его построили. Собрались отовсюду и построили. Есть какое-то слово для этого — только не помню. Так называли место, куда в свое время в Европе сгоняли евреев.

— Гетто.

Бармен расстроенно хлопнул ладонью по стойке:

— Как я мог забыть? Ну конечно, гетто. Только то гетто делали в худшей части города, а это — в самой дрянной дыре, что есть в штате. Земля у реки никуда не годится. Разве там построишь настоящий город! Но параисихам там нравится. Ладно. Пока они никого не трогают, и их не тронут. Ведут себя тихо, и мы их не беспокоим. Они знают, что мы за ними приглядываем. И если где что, нам известно, в какой стороне искать.

Он взглянул на часы:

— Можете пропустить еще по стаканчику, время есть.

— Спасибо, нам хватит, — отозвался Блэйн. И положил на стойку две купюры. — Сдачи не надо.

— О, спасибо, мистер, большое спасибо.

Они поднялись, и бармен вышел из-за стойки:

— Советую вам вернуться к себе как можно быстрей. Если полиция вас поймает, вам не поздоровится.

— Да, надо спешить, — кивнула Гарриет. — Спасибо за беседу.

— Всегда к вашим услугам.

Выйдя из бара, Блэйн открыл дверцу автомобиля Гарриет, потом обошел машину и сел с другой стороны.

— Ну что, в гараж у дороги? — спросил он.

— Зачем тебе это надо, Шеп? Попадем только в неприятность.

— Мы не можем допустить, чтобы Финн прочел у машины проповедь.

Ты что, собираешься ее куда-нибудь оттащить?

— Пожалуй, нет. Она слишком тяжелая и громоздкая. Но выход должен быть. Мы обязаны помешать Финну. Хоть бы ради Годфри...

— Машину, наверно, охраняют.

— Вряд ли. Заперли на дюжину замков, но не охраняют. В этом городишке едва ли найдется храбрец, чтобы ночью стоять в карауле.

— Вы с Годфри как две капли воды, — сказала Гарриет. — Так и мечтаете остаться без головы.

— А ты чуть-чуть заглядывалась на Годфри, а?

— Чуть-чуть, — сказала Гарриет.

Блэйн завел мотор и выехал на улицу.

Из черного старого гаража у шоссе не доносилось ни звука. Похоже, ни в нем, ни поблизости не было ни души. Они дважды медленно проехали мимо, присматриваясь, но каждый раз видели одно и то же: обыкновенный большой гараж для дорожной техники — память о тех днях, когда автомобили катились по шоссе и приходилось следить за дорожным покрытием с помощью специальных машин.

Блэйн свернул с дороги, легко проскользнул в заросли кустарника, опустил машину на землю и погасил огни.

Тишина опустилась на них; было что-то тревожное в молчании темноты.

— Гарриет, — позвал Блэйн.

— Да, Шеп.

— Оставайся тут. Не выходи из машины. Я схожу один.

— Ты недолго? Все равно ты ничего не сделаешь.

— Я скоро вернусь. У тебя есть фонарик?

— Где-то был.

Она подняла дверцу отделения для перчаток, и в свете крохотной лампочки среди дорожных карт, бумаг, солнцезащитных очков и прочего хлама нашла фонарик.

Блэйн проверил его и, убедившись, что фонарик в исправности, погасил его и вышел из машины.

— Сиди тихо! — еще раз предупредил он.

— А ты будь поосторожнее, прошу тебя, — шепнула Гарриет.

Глава 23

Гараж был больше, чем казался с шоссе. Вокруг от малейшего дуновения ветра шелестела высокая сухая трава. Гараж был сделан из гофрированных металлических листов, которые лет шестьдесят назад, до того как с Альдебарана-VII завезли суперпласт, часто использовались для такого рода сооружений. Монотонность гладкой поверхности металла нарушали грязные пятна немытых, затянутых паутиной окон. Почти во весь фасад растянулись огромные, открывающиеся вверх ворота.

На востоке темный силуэт спящего города виднелся на фоне неба, освещенного белесым светом восходящей луны.

Блэйн осторожно обошел здание, пытаясь найти способ проникнуть внутрь. Но подъемные ворота были на замке. Снизу, правда, отошло несколько листов, но металл был слишком прочен, чтобы Блэйн мог отогнуть его вверх и пролезть снизу.

Есть только один способ, понял он.

Он зашел за ближний к дороге угол, прислушался. Кроме шелеста травы, он ничего не услышал. По шоссе никто не ехал и вряд ли поедет. Нигде не светилось ни единого огонька — казалось, что в мире вообще нет никого, кроме него и этого гаража.

Еще некоторое время Блэйн смотрел на шоссе, но ничего подозрительного не заметил.

Тогда он быстро подошел к ближайшему окну и, сняв свой рваный пиджак, обмотал его вокруг руки.

Затем резким ударом выбил стекло, выбрал из рамы осколки, сбросил их с подоконника.

Вернулся к углу, подождал. Ночь по-прежнему была тихой и безжизненной.

Блэйн осторожно влез в окно. Ощутив под ногами пол, он достал фонарик и осветил зал гаража.

У самых ворот, рядом с нашедшим наконец покой фургоном, сверкала полированной поверхностью звездная машина.

Стараясь ступать как можно мягче, Блэйн пересек зал и подошел к машине. Это была та самая машина, которую он досконально изучил в «Фишхуке». В ней есть какая-то загадочная красота, подумал Блэйн, глядя на ее поверхность и видя в ней отражение далеких миров, куда она помогает попасть человеку.

Блэйн почувствовал возрастающее уважение к Стоуну, представляя, чего стоило добыть звездную машину. Для этого

потребовались и деньги, и надежные агенты, и безукоризненно отработанный план действия.

Интересно, какое участие принимала в этом Гарриет, подумал он. По крайней мере, когда она помогала ему скрыться от «Фишхука», она действовала решительно. У нее есть спокойствие, самообладание, она прекрасно знает все внутренние механизмы «Фишхука». И мозг у нее работает с точностью лучших швейцарских часов.

Да, решил Блэйн, такая женщина могла организовать похищение машины.

Стоун возлагал на эту машину большие надежды, и теперь они развеяны. Стоун погиб, машина лежит в заброшенном гараже, и ею собирается воспользоваться человек, в котором столько ненависти, что он готов любыми средствами искоренить паранормальную кинетику. Ну что ж, подумал Блэйн, раз исчезла надежда, машина тоже должна исчезнуть. Это самое меньшее, что он обязан сделать для Стоуна. Он в долгу перед Стоуном хотя бы за ночное предупреждение.

Он знал, что это возможно, возможно, если он сумеет выудить необходимое знание из пенящегося океана чужого разума.

Он поискал и нашел нужную информацию, а заодно убедился, что все остальные знания аккуратно уложены и рассортированы в мысленных архивах, как будто там поработал старательный клерк.

Открытие потрясло Блэйна, потому что все это время он даже не догадывался, что в нем происходит. Типичный человеческий подход, подумал он, — бунт его человеческой сути против беспорядочного, обрывочного знания, выплеснутого в его разум существом с далекой планеты.

Он протянул руку, машинально ища опору, и оперся на угол звездной машины.

Итак, выход есть, он теперь знает, что можно сделать. Осталось выяснить как. Время, сказал тогда Розовый, — что может быть проще времени? Но Блэйн еще не научился так легко манипулировать временем.

Сомнений в том, что надо делать, не оставалось.

Идти в прошлое не имело смысла — машина уже была в прошлом. И оставила в нем длинный, глубокий след.

Другое дело — будущее.

Если ее удастся перенести в будущее, то настоящий момент и все последующие моменты превратятся для машины в прошлое и от нее останется только призрак, над которым бу-

дут смеяться, которого будут пугаться, но который человек по имени Ламберт Финн не сможет использовать для разжигания истеричной толпы.

Более того, пришло на ум Блэйну, скорее всего, Финн сам перепугается до смерти.

Он мысленно обволок машину разумом, но ничего не получилось. Разум никак не мог вместить всю машину, сомкнуться вокруг нее. Блэйн передохнул и попробовал еще раз...

Незаметно для себя он оказался в огромном и напряженном пространстве. Опасность чувствовалась и в шуршании за разбитым окном, и в непривычном холоде воздуха, и в острых запахах — казалось, что земля, на которой он стоит, воздух, которым он дышит, и тело, в котором он, Розовый, находится, абсолютно не знакомы ему. И это ощущение при перемещении из известного, которое он не помнил, в неизвестное, местоположение которого он не знал, пугало. Но все будет нормально, все образуется, только ради этого он оставил темноту, и тепло, и безопасность, и когда он сделает, что задумал, то вернется обратно, к своим воспоминаниям, к постепенному накапливанию новых знаний; он, как скупец, будет подсчитывать каждую новую крупицу знания и аккуратно складывать все в ровные стопки.

Поднять это искусственное тело, несмотря на его необычность, оказалось нетрудно. Корни его не уходили слишком глубоко, а координаты оказались очень удобными. И он готов был все сделать. Но торопиться было нельзя, несмотря на отчаянное желание закончить все как можно скорее. И он набрался терпения и подождал, пока координаты не окажутся четко заданными, и тогда не спеша и точно подсчитал необходимую темпоральную нагрузку и точно, на сколько требуется, крутнув предмет, отправил его туда, куда хотел.

А затем Розовый нырнул обратно, где его ждали темнота и тепло, а на его месте в туманной пустоте оказался Блэйн — отрезанный от своего мира, но вновь в своем человеческом обличье...

Вокруг не было ничего, только он сам и звездная машина. Он протянул руку и убедился, что машина по-прежнему реальна. И, насколько он видел, она была единственной реальной вещью там, где он очутился.

Потому что даже туман казался каким-то ненастоящим: он словно старался скрыть сам факт своего существования.

Блэйн замер, боясь пошевелиться, боясь, что при малейшем движении он может свалиться в какой-нибудь бесконечный черный колодец, из которого возврата не будет.

Вот оно, будущее, понял Блэйн. Место, не обладающее ни одной из черт того пространства-времени, которое он знал. Место, где еще ничего не произошло, — полная пустота. Где нет ни света, ни темноты, одна лишь пустота. Где никогда ничего не было и не должно было быть до того, как здесь оказались он и машина — незваные гости, переступившие через время.

Он медленно сделал выдох и хотел вздохнуть, но не смог — дышать было нечем!

В глазах у него потемнело, а в висках застучало. Он инстинктивно попытался схватиться за что-либо — что-либо в мире, где ничего нет.

И тут снова вернулся Розовый — напуганный и растерянный пришелец в странном узоре цифр и символов. Даже в агонии Блэйн осознал, что его мозг затопило потоком неземной математики.

И вдруг снова стало чем дышать, а под ногами был твердый пол, и запахло плесенью заброшенного дорожного гаража.

Он снова был дома. И чужой разум тоже, поскольку он больше не ощущался. «Дома, в тепле и уюте, — у меня в мозгу», — подумал Блэйн.

Блэйн выпрямился и мысленно ощупал себя. Все было в порядке. Он медленно открыл глаза, которые почему-то были закрыты. Было темно, и он вспомнил, что в руке у него все еще зажат фонарик. Хотя стало несколько светлее — в разбитое окно лилось сияние взошедшей луны.

Блэйн включил фонарь, и луч осветил стоящую машину, теперь странную и нереальную — не машину, а призрак машины, ушедшей в будущее, ее след.

Подняв свободную руку, он вытер со лба пот. Все. Он сделал, что хотел. Он нанес удар вместо Стоуна. Он помешал Финну.

Наглядного пособия для проповеди больше не было. Вместо него с насмешкой высунуло язык самое колдовство, против которого так много лет воюет Финн.

Позади что-то шевельнулось, и Блэйн так резко повернулся, что от неожиданности выпустил фонарь, и тот с шумом покатился по полу.

— Шеп, — с глубокой сердечностью произнес голос из темноты. — Как ловко у тебя все получилось!

Блэйн замер, охваченный чувством безнадежности.

Он понял, что это конец. Он сделал все, что мог. Дистанция пройдена, финиш.

Он узнал проникновенный голос. Он не мог его забыть.

В темноте гаража стоял его давний приятель — Кирби Рэнд!

Глава 24

В темноте Рэнд казался черным пятном.

Он шагнул к фонарику, поднял его, включил и направил свет на звездную машину. Луч света насквозь пронзил машину, и в нем заплясали пылинки.

— Да, — повторил Рэнд, — чистая работа. Не знаю, как ты это сделал, и не знаю зачем, но сработано чисто.

Он погасил фонарик, и с минуту они молча стояли в темноте, видя лишь силуэты друг друга.

— Я, видимо, должен тебя поблагодарить от имени «Фишхука».

— Перестань, — оборвал его резко Блэйн. — Ты прекрасно знаешь, что я сделал это не для «Фишхука».

— Тем не менее в данном конкретном случае наши интересы совпали. Мы не можем терять машины. Они не должны попадать в чужие руки. Сам понимаешь.

— Отлично понимаю, — подтвердил Блэйн.

Рэнд вздохнул:

— Я ожидал скандала, а скандалы меньше всего нужны «Фишхуку». Особенно скандалы на периферии.

— Пока не произошло ничего такого, о чем «Фишхуку» стоило бы волноваться, — сообщил Блэйн.

— Рад слышать это. Ну а как ты, Шеп? Как живешь?

— Неплохо, Кирби.

— Очень приятно. Ты успокоил меня. А теперь, я думаю, нам пора уходить отсюда.

Он подошел к окну с выбитым стеклом и сделал шаг в сторону.

— Давай вперед, — сказал он Блэйну. — Я следом. И прошу тебя по-дружески, не пытайся убежать.

— Не бойся, — сухо ответил Блэйн и быстро вылез в окно.

Можно побежать, но, сказал он себе, это будет глупостью, поскольку у Рэнда, несомненно, есть пистолет и он сумеет им воспользоваться и в лунном свете. Потом, если начнется стрельба, Гарриет может броситься на помощь, а если возьмут и ее, то у него вообще не останется друзей. А так, размышлял

он, Гарриет останется в зарослях, увидит, что случилось, и что-нибудь придумает. Теперь она — единственная надежда.

Выпрыгнул Рэнд и, приземлившись, тут же повернулся к нему. Может, даже слишком быстро, слишком по-охотничьи. Потом расслабился и ухмыльнулся.

— Потрясающий трюк, — сказал он. — Когда-нибудь расскажешь мне, как ты это делаешь. Надо же — утащить бесхозную машину!

Блэйн даже поперхнулся от удивления, но понадеялся, что при лунном свете Рэнду не удалось разглядеть выражение его лица.

Рэнд дружелюбно взял его за локоть.

— Машина вон там, у дороги.

Они вместе зашагали по шуршащей траве, и вокруг все выглядело уже по-другому, не казалось больше мрачным и угрожающим; лунный свет как бы превратил все в расписанное волшебными красками полотно. Справа от них лежал город — массив темных зданий, больше похожих на курганы, чем жилища, среди которых едва просматривались обнаженные деревья, похожие на поставленные вертикально разлохмаченные кисти. К западу и северу серебрились прерии, размах которых подчеркивали их монотонность и безликость.

А у самой дороги были заросли кустарника. Блэйн бросил в ту сторону быстрый взгляд, но ничего — ни блика на металле, ни линии корпуса — не увидел. Пройдя еще несколько шагов, он снова посмотрел туда. Ошибки быть не могло. Автомобиля в кустах не было. Гарриет уехала.

Молодец, подумал Блэйн. Разумное решение. Скорее всего, она уехала сразу, как появился Рэнд. Поняла, что правильнее будет скрыться и подумать, что делать, в спокойной обстановке.

— Вряд ли ты где-то остановился, — сказал Рэнд.

— Да, пока не успел.

— Неприятный городок, — пожаловался Рэнд. — Слишком серьезно относятся ко всякому колдовству-ведовству. Меня уже дважды останавливала полиция. Сделали мне предупреждение. Мол, чтобы я обязательно укрылся, это для моего же блага.

— Тут сейчас все бурлит. Приехал Ламберт Финн.

— А, Финн, — небрежно бросил Рэнд. — Наш старый друг.

— Но не мой. Я с ним не знаком.

— Милейший человек. Очаровательнейший.

— Очень мало о нем слышал. Только слухи.

Рэнд вздохнул.

— Знаешь, — предложил он. давай-ка заночуй в фактории. Наш посредник найдет, где тебя положить. А может, он и бутылочку откопает. Что-то мне захотелось вмазать как следует.

— Я бы тоже не отказался, — поддержал его Блэйн.

Потому что бороться сейчас, равно как и бежать, было бессмысленно. Надо не спорить и ждать удобного случая. Они пытаются застать врасплох тебя, ты пытаешься застать врасплох их. И при этом и ты, и они знают, что эта с виду беспечная игра пахнет смертью.

Рэнд сел за руль, Блэйн влез в машину следом.

Рэнд завел мотор, но фары не включил. Вырулив на дорогу, Рэнд тронулся в сторону города.

— Полиция ничего особенного сделать не может, разве что засадить на ночь в кутузку, — объяснил он, — но зачем с ними связываться, когда можно обойтись без этого?

— Совершенно незачем, — согласился Блэйн.

Через центр Рэнд не поехал, а обогнул его переулками, затем проскользнул в узкую улочку, опустился на стоянку и выключил мотор.

— Вот мы и приехали, — произнес он. — Пора и выпить.

На его стук им открыли дверь черного хода, и они вошли в заднюю комнату фактории. Большая часть комнаты, заметил Блэйн, использовалась как склад, и только один угол служил жильем. Там стояли кровать, плита и стол. В массивном камине пылал огонь, а перед ним стояли удобные кресла. Рядом с дверью, ведущей в переднюю часть фактории, высилась большая, похожая на холодильник коробка. И хотя Блэйн видел ее впервые, он тут же узнал трансо — машину для телепортации материи, благодаря которой «Фишхуку» стало экономически выгодно иметь фактории по всему земному шару. Любой товар, который мог потребоваться посреднику, мгновенно оказывался в этом ящике, стоило лишь сделать заказ.

Об этой-то машине и говорил Дальтон на вечере у Шарлин. Он сказал, что если «Фишхук» надумает внедрять эту машину повсеместно, то все транспортные сети мира будут уничтожены.

Рэнд указал на кресло:

— Устраивайся. А Грант нам сейчас откроет бутылочку. Найдешь для нас бутылочку, Грант?

— Вы же знаете, что у меня всегда есть запас, — ухмыльнулся посредник. — Разве иначе продержишься в такой дыре?

Блэйн уселся ближе к огню, а Рэнд сел перед ним и оживленно потер руки.

— Когда мы расставались, мы тоже сидели за бутылочкой, — напомнил он Блэйну. — А теперь за бутылочкой возобновляем знакомство.

Блэйн ощутил в себе растущее напряжение, чувство, что он в ловушке, но усмехнулся в ответ.

— А знаешь, сколько тогда было в моем распоряжении времени? — спросил он. — Каких-то восемь паршивых минут. И все.

— Ты ошибаешься, Шеп. У тебя было целых двенадцать минут. Ребята немного замешкались, вынимая пленку с записью.

— А Фредди! Ну кто бы мог подумать, что Фредди работает на тебя?

— Ты бы не поверил, если б тебе назвали еще кое-кого, кто на меня работает, — мягко произнес Рэнд.

Они грелись у камина, где трещали яблоневые дрова, и изучали друг друга.

— Рассказал бы ты мне, Шеп, — сказал наконец Рэнд. — Я не все еще понял. Концы с концами не сходятся. Ты влип в районе Плеяд и как-то ухитрился запереть эту штуку...

— Запереть?

— Конечно. Ты ее запер. Причем первоклассно запер. Мы знали, ты что-то нашел, и послали туда других. Твоя тварь сидит и глазеет на них, и больше ничего. С ней пытались разговаривать, но она не реагирует. Делает вид, что ничего не слышит. Это совершенно непонятно...

— Братство, — сказал Блэйн. — Мы с ним побратались. Тебе не понять.

— Думаю, что пойму. Насколько ты не человек, Шеп?

— Проверь меня и увидишь.

Рэнд передернул плечами:

— Нет, спасибо. Знаешь, я ведь все время шел по твоему следу. А он начался с Фредди и становился чем дальше, тем запутаннее.

— Ну а что дальше?

— Черт меня побери, если я знаю.

Посредник вошел, неся бутылку и два бокала.

— А сам не выпьешь? — спросил Рэнд.

Грант покачал головой:

— Надо еще разобрать товар. Так что, если вы позволите...

— Хорошо-хорошо, — разрешил Рэнд. — Можешь идти работать. Только скажи...

— Да, сэр?

— Нельзя ли мистеру Блэйну переночевать здесь сегодня?

— Буду рад. Правда, тут не слишком уютно.

— Ничего, — заверил его Блэйн. — Меня это устроит.

— Я должен был бы предложить вам свою постель, но, откровенно говоря...

— Об этом не может быть и речи.

— Я принесу вам несколько одеял, и вы сможете постелить себе на полу. Получится не хуже, чем на кровати.

— Все, что угодно. Буду только признателен.

Рэнд откупорил бутылку. Грант вышел, мягко прикрыв за собой дверь.

Рэнд налил в бокалы.

— Да, — заметил он, — в принципе, если ты не хочешь, можешь здесь не оставаться.

— Неужели?

— Я возвращаюсь в «Фишхук». Через трансо. Хочешь, присоединяйся.

Блэйн промолчал. Рэнд подал ему бокал.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

Блэйн рассмеялся:

— Как у тебя все просто получается.

— А может, и в самом деле все просто, — ответил Рэнд.

Он осушил бокал и откинулся на спинку кресла.

— Ну ладно, неземной разум — это я понимаю. Профессиональный риск любого исследователя. Но как ты впутался в дело со звездной машиной? Наверняка ты связался со Стоуном.

— Ты же знаешь, что Стоун мертв.

— Впервые слышу, — неубедительно удивился Рэнд.

И вдруг, по каким-то ноткам в голосе Рэнда, интуитивно Блэйн понял, что Рэнду все равно, умер ли Стоун и в городе ли Финн. Для него это не имело никакого значения. Или более того. Возможно, Рэнда устраивала смерть Стоуна, равно как и политика Финна. Потому что монополия «Фишхука» зиждется на «неспарапсихах», на «нормальном» мире, вынужденном обращаться к нему за инопланетными товарами. Так что «Фишхук» и Рэнд, естественно, с горечью осознал Блэйн, могут даже быть заинтересованы в том, чтобы крестовый поход Финна состоялся и достиг поставленной цели.

А если так, то убийцей Стоуна вполне мог оказаться не Финн, а «Фишхук».

Блэйн ужаснулся пришедшей мысли и попытался отбросить ее, но она не уходила — ситуация вырисовывалась куда сложнее, чем просто борьба между Финном и Стоуном.

— А вы не так уж быстро меня нашли, — сказал Блэйн. — Теряешь хватку, Рэнд? Или играешь со мной в кошки-мышки?

— Мы почти потеряли твой след, — нахмурился Рэнд. — Ты оторвался от нас в том городке, где тебя чуть не повесили.

— Ты и там был в ту ночь?

— Не я. У меня там есть люди.

— И вы собирались позволить меня повесить?

— Честно говоря, мнения тогда разделились. Но ты избавил нас от необходимости принимать решение.

— А если бы...

— Думаю, скорей всего, мы дали бы тебя повесить. Конечно, был шанс взять тебя и попытаться с твоей помощью выйти на звездную машину. Но в тот момент мы не сомневались, что сами сумеем ее найти.

Он стукнул бокалом по столу.

— С ума сойти! — заорал он. — Такую машину везти в такой ржавой мышеловке! Как только...

— Все очень просто, — за Стоуна ответил Блэйн. — Никому бы и в голову не пришло. Ведь все живут по принципу: украл что-то очень ценное — тащи как можно быстрей, как можно дальше...

— И дураку ясно, — сказал Рэнд.

Он взглянул на Блэйна, увидел ухмылку на его лице и улыбнулся в ответ.

— Давай начистоту, Шеп, — предложил он. — Когда-то мы были друзьями. Я не исключаю, что мы и сейчас хорошие друзья.

— Что ты хочешь узнать?

— Только что ты перенес куда-то машину.

Блэйн кивнул.

— И ты можешь вернуть ее обратно?

— Нет. Уверен, что не смогу. Это своего рода шутка.

— Не надо мной ли?

— Над Ламбертом Финном.

— Ты его недолюбливаешь, а?

— Я с ним даже не знаком.

Рэнд снова наполнил бокалы. Отпил из своего половину и поставил его на стол.

— Мне пора, — он посмотрел на часы. — Очередной вечер у Шарлин. Не хочется лишать себя удовольствия. Уверен, что не хочешь со мной? Шарлин будет тебе рада.

— Спасибо, я лучше останусь. Передай привет Фредди.

— Фредди у нас больше не работает.

Блэйн встал и подошел с Рэндом к трансо. Рэнд открыл дверцу. Изнутри трансо походило на грузовой лифт.

— Как жаль, что их пока нельзя использовать в космосе. Столько рук освободилось бы.

— Наверняка над этим уже работают, — заметил Блэйн.

— Конечно. Осталось только отработать систему управления.

Он протянул руку:

— Счастливо, Шеп. До встречи.

— До свиданья, Кирби. Но я бы предпочел не встречаться.

Рэнд ухмыльнулся, вошел в аппарат и закрыл дверь. Не загорелись огни, ничто не загудело, машина будто бы не работала.

И в то же время Рэнд уже находился в «Фишхуке».

Блэйн повернулся к трансо спиной и направился назад, к креслу у камина.

В комнату вошел Грант, держа под мышкой полосатую накидку.

— То, что надо, — объявил он. Совсем забыл о ней.

Он приподнял накидку и встряхнул ее.

— Потрясающе, а? — восторженно спросил он.

Накидка действительно была потрясающая. Из какого-то необыкновенного меха, она переливалась в отблесках камина, будто осыпанная алмазной пылью. Золотисто-желтого цвета, с черными полосами по диагонали, накидка казалась скорее не меховой, а шелковой.

— Уж сколько лет валяется без дела, — сообщил Грант. — Один турист, живший у реки, в свое время заказал ее. «Фишхук» ее сразу не сумел найти, а когда доставил мне, было поздно. У них всегда так, сэр, вы, наверное, знаете.

— Знаю, — подтвердил Блэйн.

— Тот человек так и не появился. А у меня рука не поднялась отослать такой чудесный мех обратно. Он у меня проходит по накладной, я делаю вид, что смогу его продать. Хотя, конечно, это не так. Такому задрипанному городишке этот мех не по карману.

— А что это?

— Самый теплый, легкий и мягкий мех во Вселенной. Туристы берут его вместо спальных мешков.

— Меня устроило бы обычное одеяло, — запротестовал Блэйн. Мне неудобно...

— Прошу вас, — настаивал Грант. — Сделайте мне одолжение, сэр. Мне так неловко, что я не могу устроить вас как следует. Но если я буду знать, что вы укрыты этим роскошным мехом...

Блэйн рассмеялся и взял накидку. Она почти ничего не весила.

— Мне еще надо поработать, — сказал посредник. — Так что, с вашего позволения, я пойду. А вы устраивайтесь, где удобно.

— Спасибо, — поблагодарил Блэйн. — Сейчас выпью еще и лягу. Не выпьете со мной?

— Попозже, — сказал посредник. — Я всегда пропускаю рюмочку перед сном.

— Тогда я оставлю бутылку.

— Спокойной ночи, сэр. Утром я зайду к вам.

Блэйн уселся обратно в кресло, положив накидку на колени. Он провел по меху рукой — мех был такой нежный и теплый, что казался живым.

Потягивая виски, Блэйн пустился в размышления о Рэнде.

Рэнд, по всей видимости, был самым опасным человеком на всем земном шаре — хотя Стоун самым опасным человеком считал Финна. Рэнд был опасен как личность, гладкий бульдог с мертвой хваткой, человек-ищейка, претворяющий политику «Фишхука» как божественные предначертания. Каждому, кого «Фишхук» объявлял врагом, Рэнд становился смертельно опасен.

И все же он не стал заставлять Блэйна возвращаться с собой. Его приглашение было светским и мимолетным, а отказ Блэйна не вызвал у него ни раздражения, ни видимого неудовольствия. Он не попытался применить силу. Впрочем, решил Блэйн, причиной тому, скорее всего, то, что Рэнд просто не знал, с чем имеет дело. Идя по следу, он узнал достаточно для того, чтобы понять, что у того, кого он преследует, есть способности, «Фишхуку» совершенно не известные.

Поэтому каждый шаг он делал медленно и осторожно, стараясь изобразить незаинтересованность. Однако Блэйн знал, что Рэнд не такой человек, чтобы отступить.

Да, Рэнд припрятал какой-то козырь. Но какой?

В том, что ловушка уже готова, а приманка положена, сомнений не оставалось.

Тихо сидя в кресле, Блэйн допил бокал.

А не глупость ли — остаться на ночь в фактории? Может, лучше встать и уйти? Хотя Рэнд мог именно на такой шаг и рассчитывать и ловушка поджидает не здесь, а на улице. Возможно, эта комната — самое безопасное место сегодня ночью.

Ему нужен кров, но ведь спать необязательно. Что, если быть здесь, но не спать? Можно завернуться в накидку, лечь на пол и притвориться спящим. И в это же время следить за Грантом. Поскольку если западня именно в этой комнате, то захлопнуть ее должен только Грант.

Он опустил свой бокал на столик рядом с недопитым бокалом Рэнда. Затем пододвинул к ним бутылку — получился набор из двух бокалов и бутылки. Блэйн взял накидку под мышку, подошел к камину и кочергой пошевелил поленья, которые начали уже затухать.

«Я лягу здесь, — решил Блэйн, — у огня, чтобы свет падал за меня, в комнату».

Он аккуратно расстелил накидку, положил пиджак под голову и улегся, скинув туфли. Лежать на накидке было мягко и удобно, как на перине. Он завернул края на себя, и накидка плотно облегла его, как спальный мешок. Блэйн почувствовал себя так уютно, как в детстве, когда он нырял в теплую постель под одеяло, укрываясь в своей комнатке от ночного зимнего мороза.

Он лежал на полу, вглядываясь в темноту складского помещения, различая очертания бочек, мешков и коробок. И, лежа в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием огня в камине, он вдруг уловил в воздухе какой-то слабый аромат — тот самый неописуемый словами запах, свойственный неземным вещам. Не резкий и не экзотический, ничем вроде бы не выделяющийся, и все же запах, которого на Земле нет: сочетание пряности и ткани, дерева и пищи, всего того, что привозится со звезд. И только малая толика — тут, на маленьком складе небольшой фактории. Но за этой факторией — грандиозные склады «Фишхука», откуда в считанные мгновения благодаря стоящему в углу трансо может быть доставлен любой товар.

Но это лишь часть привозимого со звезд — незначительная часть, которую можно купить, которой можно владеть.

Основная же доля операций «Фишхука» — сбор и хранение идей и знаний из глубин космоса — проходила почти не-

заметно для большинства. А в фишхуковских университетах ученые со всего света изучали эту информацию, пытаясь ее связать, обобщить и найти ей применение, с тем чтобы в будущем эти понятия и знания определили ход развития и даже судьбу всего человечества.

А кроме этой предоставленной ученым информации существовали еще секретные архивы, скрытые за дверцами неприступных сейфов, доступ куда имели в лучшем случае лишь самые доверенные группы людей и отдельные лица.

Позади, прогорев, с треском рассыпались обугленные поленья. Блэйн повернулся поглядеть на них...

Вернее, попытался повернуться.

И не смог.

Что-то было не так.

Каким-то образом он оказался закутанным в накидку слишком туго.

Он попробовал вытащить руки и ослабить ее, но не сумел сделать ни того ни другого.

Накидка держала его мягкой, но неослабевающей хваткой.

Никакой веревкой нельзя было связать его более надежно. Совсем неожиданно для него накидка превратилась в смирительную рубашку и намертво спеленала его.

Блэйн замер на спине, холодея от страха и чувствуя, как пот скатывается по лбу ему на глаза.

Да, ловушка была расставлена.

Он ждал ее.

Он был настороже.

И все же, не подозревая, что делает, он сам, собственными руками обернул ловушку вокруг себя!

Глава 25

Перед тем как войти в трансо, Рэнд сказал: «До встречи». Сказал весело и с уверенностью. У него были на то основания, с горечью подумал Блэйн, он все рассчитал. Рэнд предусмотрел каждый шаг и спланировал все до мельчайших деталей. Нашел идеальный способ арестовать человека, которого немного побаиваешься и от которого не знаешь, чего ожидать.

Вытянувшись, Блэйн лежал на полу без движений — лишенный возможности пошевелиться сковавшей его накидкой. Вернее, не накидкой — это было одно из тех открытий, кото-

рые «Фишхук» придерживает для особых случаев. Не сомневаясь, что такие случаи представятся.

Блэйн порылся в памяти, но ничего хотя бы отдаленно связанного с подобным созданием не нашел — а это, конечно, было какое-то существо-паразит, способное бесконечно долго лежать тихо и расслабленно, как накидка, и пробуждаться, ощутив под собой что-либо живое и теплое.

В данном случае добычей стал он, и, возможно, скоро этот мех начнет пожирать его или усваивать его любым другим образом. Что пытаться освободиться силой бесполезно, было ясно — при каждом его движении хватка становилась еще крепче.

Он снова заглянул в память и вдруг нашел — увидел: мрачная, хаотичная планета, переплетающаяся растительность, непонятные, колышущиеся, ползающие, вьющиеся обитатели. Жуткое место, смутно просматривающееся сквозь туман памяти. Но самое поразительное заключалось в другом: даже извлекая информацию из памяти, Блэйн точно знал, что эти воспоминания не его. Он никогда не был на той планете и никогда ни с кем о ней не разговаривал. Правда, он мог видеть это когда-то по дименсино и теперь вспомнить давно забытое.

Картина перед его мысленным взором становилась все четче, будто некий киномеханик у него в мозгу регулировал резкость изображения, и теперь он с необычайной ясностью мог разглядеть каждую леденящую кровь подробность из жизни обитателей инопланетных джунглей. Эти ползущие, извивающиеся существа были ужасны и омерзительны, и от них веяло лютой, холодной яростью, жестокостью безразличия и непонимания, руководимой только первобытными чувствами голода и ненависти.

Блэйн замер, пораженный тем, что увидел. Ему казалось, что он действительно там, будто часть его лежит на полу у камина, а другая половина в самом деле находится в этих жутких джунглях.

Ему послышался шорох, вернее, та половина в джунглях услышала шум и та половина поглядела на дерево, слишком, впрочем, уродливое, колючее и гадкое, чтобы называться деревом. Над ним, приготовившись упасть на него, висел мерцающий алмазной крошкой мех.

Блэйн закричал, или ему показалось, что он закричал, и планета с ее обитателями тут же растаяла, будто чья-то рука у него в мозгу вывела объектив проектора из фокуса.

Он опять — весь, полностью — лежал в своем мире, где были и камин, и склад, и трансе в углу. Дверь из склада открылась, и в комнату вошел Грант.

Он аккуратно прикрыл за собой дверь и, повернув свое массивное, широкое тело, уставился на лежащего на полу человека.

— Мистер Блэйн, — тихо позвал он. — Мистер Блэйн, вы спите?

Блэйн промолчал.

— У вас открыты глаза, мистер Блэйн. Что-нибудь случилось?

— Ничего, — ответил Блэйн. Просто лежу и думаю.

— И приятные мысли, мистер Блэйн?

— Великолепные.

Двигаясь по-кошачьи осторожно, Грант подошел к столу, взял бутылку, вставил горлышко в рот и забулькал.

— Может, вы встанете, мистер Блэйн, — опустив бутылку, предложил он. — Посидим, поболтаем, выпьем. Мне не часто выпадает случай поговорить с кем-то. Конечно, сюда заходят покупатели, но со мной они разговаривают не больше, чем необходимо.

— Спасибо, я лучше полежу. Мне удобно.

Грант отошел от окна и сел в одно из кресел у камина.

— Как жаль, — сказал он, — что вы отказались вернуться в «Фишхук» вместе с мистером Рэндом. «Фишхук» — потрясающее место.

— Да-да, вы правы, — не слушая, автоматически ответил Блэйн.

Он понял — наконец понял, — откуда взялось воспоминание о планете. Он получил ее из систематизированного архива, подаренного ему Розовым. Конечно же, не он, а Розовый побывал на той планете.

В памяти были не только цветные картинки с видами планеты. Там также хранилась полная информация о ней и жизни на ее поверхности. Но данные эти еще не были разобраны, и подобраться к ним никак не удавалось.

Самодовольно улыбаясь, Грант откинулся на спинку кресла.

Он протянул руку и постучал пальцами по накидке. Раздался приглушенный барабанный звук.

— Как вам это нравится, мистер Блэйн? осведомился он.

— Я тебе расскажу, когда освобожу руки, — пообещал Блэйн.

Грант встал с кресла и направился к столу, делая вид, что старается обойти Блэйна подальше. Взяв бутылку, он сделал еще глоток.

— Вам не удастся освободить руки, — сообщил он, — потому что ровно через минуту я запихну вас в трансо, и вы окажетесь в «Фишхуке».

Он хлебнул еще и опустил бутылку.

— Не знаю, что вы натворили. И не знаю, зачем вы им понадобились. Но у меня есть приказ.

Он опять приподнял бутылку, затем передумал и поставил ее на середину стола. Потом подошел к Блэйну.

Блэйн увидел новую картину: другая планета, дорога, по которой идет существо, не похожее ни на что, им когда-либо виденное. Нечто вроде ходячего кактуса, только не кактус и вообще вряд ли растение. Но ни существо, ни дорога не имели значения. Значение имело то, что по пятам за существом неуклюже припрыгивало с полдюжины «накидок».

Охотничьи собаки, подумал Блэйн. Кактус — охотник, а они — его охотничьи собаки. Или ловец и ловушка. «Накидки», вывезенные с планеты джунглей каким-то бродячим торговцем, выдержавшие космическую радиацию и нашедшие применение на этой планете.

В мозгу у него пульсировало еще что-то — какая-то фраза, фраза на неземном языке, возможно, на языке кактусовидного существа. Она казалась бессмысленной, можно было сломать язык, воспроизводя ее, однако, когда Грант склонился над ним, чтобы поднять его, Блэйн что было сил выкрикнул эту фразу.

И сразу же мех отпустил его. Освободившись, Блэйн рывком катнулся под ноги наклонившемуся над ним посреднику.

Взревев от ярости, Грант рухнул лицом об пол. Блэйн вскочил на ноги и забежал за стол.

Грант медленно встал с пола. Кровь капала из разбитого носа и сочилась с ободранных костяшек руки.

Он сделал быстрый шаг вперед, и лицо его исказила гримаса двойного страха — страха перед человеком, который сумел освободиться от мертвых объятий «накидки», и страха за проваленное задание.

Наклонив голову, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, он бросился на Блэйна. Отчаяние удвоило его и

без того достаточную силу и мощь, заставив его забыть о собственной безопасности.

Блэйн уклонился, но немного не рассчитал, и вытянутая рука Гранта скользнула по его плечу и толстые пальцы судорожно вцепились в его рубашку. Рывок чуть было не вывел Блэйна из равновесия, но тут материал не выдержал и с громким треском разорвался.

Грант пролетел мимо, затем, хрипло рыча, снова бросился на Блэйна. Вкладывая в удар весь свой вес, Блэйн взмахнул кулаком и услышал хрустящий лязг челюсти. По крупному телу Гранта пробежала дрожь, и он пошатнулся.

Блэйн наносил удар за ударом, чувствуя, как немеют руки, как перестающие ощущать боль кулаки сотрясают Гранта, отбрасывая его все дальше и дальше.

Хотя в нем был и гнев, вовсе не гнев заставлял его безжалостно избивать Гранта, и не страх, и не самоуверенность. Им руководил простой и трезвый расчет: или он добьет стоящего перед ним человека, или ему конец.

От беспощадного удара в голову Грант дернулся назад. Тело обмякло, как будто из него враз исчезли все кости и мышцы. С глухим стуком Грант рухнул на пол и так и остался лежать тряпичной куклой, из которой вытряхнули опилки.

Блэйн позволил рукам расслабленно повиснуть и тут же ощутил саднящую боль в костяшках пальцев и перенапряженных мускулах.

«Как же у меня получилось, — недоуменно подумал Блэйн, — голыми руками превратить такого громилу в окровавленное месиво? Просто повезло, и я нанес первый и точный удар. А то, что нашел ключ, отпирающий "накидку", — это тоже везение?»

Нет, то была не удача, а нужная и своевременная информация из архива, вложенного в его мозг за пять тысяч световых лет отсюда существом, обменявшимся с ним разумом.

Блэйн взглянул на Гранта. Тот по-прежнему не шевелился.

А что делать теперь?

Конечно, надо как можно скорее уходить. Еще немного — и из трансо выйдет какой-нибудь сотрудник «Фишхука», чтоб узнать, почему не приходит столь замечательно упакованная посылка.

«Ничего, я снова убегу, — с горечью подумал Блэйн. — Что-что, а убегать научился. Уже почти месяц бегу, и конца этому не видно». Но однажды, он знал это, бег придется пре-

кратить. Где-то надо будет остановиться, пусть хотя бы для того, чтобы не потерять самоуважения.

Это время еще не пришло. Сегодня он снова убежит, но это будет побег во имя цели. Сегодня побег ему кое-что принесет.

Он шагнул к столу, чтобы взять бутылку, и наткнулся на валяющуюся на полу «накидку». Он со злостью пнул ее, и она, легко взмыв в воздух, упала бесформенным комом прямо в камин.

Схватив бутылку, Блэйн направился к сложенным кипам товаров.

Он потрогал один из мешков и убедился, что в нем что-то сухое и мягкое. Затем он вылил на него содержимое бутылки и отбросил ее на середину комнаты.

Из камина Блэйн совком достал горящие угли и высыпал их на смоченный виски мешок.

Заплясали маленькие синеватые язычки пламени. С треском огонь начал расти и расползаться.

Теперь не погаснет, подумал Блэйн.

Еще пять минут — и загорится фактория. Склад превратится в ад, и пожар уже никакими силами нельзя будет остановить. Трапсо сплавится и деформируется, и дорога в «Фишхук» будет закрыта.

Наклонившись, он ухватил Гранта за воротник, подтащил его к двери и выволок во двор, футов за тридцать от здания.

Грант застонал, попытался встать на четвереньки, но снова рухнул на землю. Блэйн оттащил его еще на десяток футов и бросил. Грант что-то пробормотал и зашевелился, но встать не смог.

Блэйн вышел на дорогу и минуту постоял, приглядываясь. Окна фактории все больше озарялись красными отблесками.

Блэйн отвернулся и зашагал вперед.

А сейчас, сказал он себе, самое время нанести визит Финну. Скоро в городке заметят горящую факторию, начнется паника, и полиции будет не до нарушителей комендантского часа.

Глава 26

На ступеньках отеля, глядя на ревущее пламя пожара всего в двух кварталах от них, толпились люди. На Блэйна внимания никто не обратил. Полиции видно не было.

— Опять «гориллы» поработали, — обронил кто-то.

Не понимаю их, — поддержал его другой. — Днем они идут туда и покупают, что им надо, а ночью возвращаются и устраивают пожар.

— Ума не приложу, — продолжил первый, — как «Фишхук» мирится с этим. Нельзя же просто смотреть и ничего не делать.

— «Фишхуку» наплевать, — возразил ему собеседник. — Я пять лет провел в «Фишхуке». Там вообще ничего нельзя понять.

Репортер, решил Блэйн. Завтра должна состояться проповедь Финна, и поэтому отель забит репортерами. Он поглядел на того, кто провел пять лет в «Фишхуке», но не узнал его.

Блэйн поднялся по ступеням и вошел в пустое фойе. Чтобы никто не обратил внимания на его ободранные кулаки, он засунул руки в карманы пиджака.

Отель явно был не из новых, а мебель в фойе, по всей видимости, не менялась с незапамятных времен. И вообще отель производил впечатление увядающего, старомодного заведения, кисловато попахивающего сотнями людей, которые провели недолгие часы под его крышей.

Несколько человек сидели в креслах, читая газеты или просто со скучающим видом глядя в пустоту.

Блэйн взглянул на часы над окошком администратора. Было одиннадцать тридцать.

Блэйн прошел мимо, направляясь к лифту.

— Шеп!

Блэйн резко повернулся.

С трудом подняв из огромного кожаного кресла грузное тело, через фойе к нему направился человек.

Блэйн стоял на месте, ожидая, пока тот подойдет к нему, и все это время по спине у него бегали мурашки.

Толстяк протянул ему руку.

Блэйн показал ему свою, вынув ее из кармана:

— Споткнулся впотьмах.

— Надо бы промыть ссадину, — посоветовал толстяк.

— Я как раз собирался этим заняться.

— Забыл меня, что ли? Боб Коллинз, — напомнил свое имя толстяк. — Мы несколько раз встречались в «Фишхуке». В баре «Красный призрак».

— Ну как же, — смущенно ответил Блэйн. Вспомнил. А то смотрю — что-то знакомое. Как поживаешь?

— Нормально. Правда, злой как черт, что меня выдернули из «Фишхука» на эту ерунду, но — такое ремесло. Газетчик должен быть ко всему готов.

— Будешь писать про Финна?

Коллинз утвердительно кивнул.

— А ты?

— А я хочу поговорить с ним.

— Считай, что тебе дико повезло, если к нему прорвешься. Он в «двести десятом». А у его дверей сидит здоровенный мордоворот.

— Думаю, он меня примет.

Коллинз наклонил голову набок:

— Я слышал, ты сбежал. Пустили такую «утку».

— Все верно.

— Ты неважно выглядишь, — сказал Коллинз. — Не сочти за обиду, но если тебе нужно одолжить немного денег...

Блэйн рассмеялся.

— Ну, может, выпьем?

— Нет. Я спешу к Финну.

— Ты что, теперь с ним?

— Не совсем...

— Слушай, Шеп, в «Фишхуке» мы с тобой считались приятелями. Скажи, что тебе известно. Хотя бы что-то. Хороший репортаж — и я опять в «Фишхуке». А это для меня — все.

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Шеп, я слышал много разных сплетен. Будто бы у реки под откос полетел фургон. Будто в этом фургоне везли нечто чрезвычайно для Финна важное. Он сам заявил, что сделает перед прессой сенсационное сообщение. И что-то продемонстрирует. Говорят, это будет звездная машина. Неужто звездная машина, Шеп? Никто не знает наверняка.

— Я тоже ничего не знаю.

Коллинз подошел к нему поближе и, снизив голос до хрипловатого шепота, сказал:

— Дело очень серьезное, Шеп. Если Финн получил то, что хотел. Он уверен, что теперь у него есть то, что поможет ему разгромить парапсихов, всех и каждого в отдельности, всю паракинетику вообще. Он ждал этого момента не один год. Не просто ждал, а делал свое дело. Подлое дело, конечно. Проповедуя повсюду ненависть. Это провокатор первого класса. Ему не хватало только этого «чего-то». Дай ему это «что-то», и он победит. А на то, как он это сделает, весь мир

будет смотреть сквозь пальцы. Еще немного — и с парапсихов начнут живьем сдирать шкуры.

— Не забывай, что я тоже парапсих.

— И Ламберт Финн тоже. Был.

— Сколько же вокруг ненависти, — устало произнес Блэйн. — Сколько презрительных ярлыков и оскорблений. Реформисты называют паранормальных людей парапсихами, а те их, в свою очередь, зовут гориллами. А таким, как ты, плевать. Тебе все равно. Сам ты охотиться на людей не пойдешь, но напишешь об этом. И размажешь человеческую кровь по газетной странице. И тебе не важно, чья это кровь, лишь бы кровь.

— Господь с тобой, Шеп...

— Хорошо, я скажу тебе кое-что. Можешь написать, что Финну нечего показывать и нечего сказать. Можешь написать, что он трясется от страха. Напиши, что его как следует щелкнули по носу...

— Шеп, ты меня разыгрываешь!

— Он не осмелится показать то, что у него есть.

— А что это?

— Нечто такое, что превратит Финна в круглого идиота. Он ни за что этого не покажет. Завтра утром в мире не будет человека испуганней Ламберта Финна.

— Я не могу этого написать. Ты же знаешь, что не могу...

— Завтра в полдень, — сказал Блэйн, — об этом будут писать все. Если ты начнешь немедленно, то успеешь в последний утренний выпуск. Ты обскачешь всех — если у тебя хватит смелости.

— Ты абсолютно уверен? Ты не...

— Решайся. Я ручаюсь за каждое слово, которое сказал. Остальное — твое дело. А мне пора.

Но Коллинз еще колебался.

— Спасибо, Шеп, — поблагодарил он. — Огромное спасибо.

Блэйн обошел лифт и стал подниматься по лестнице пешком.

Выйдя на второй этаж, по левой стороне в конце коридора он увидел у двери номера сидящего в кресле человека.

Блэйн двинулся прямо к нему. Когда он приблизился, телохранитель встал.

— Минуточку, мистер, — преградил он рукой дорогу Блэйну.

— Мне срочно нужен Финн.

— Вам туда нельзя, мистер.

— Тогда передайте ему...

— Сейчас я ничего не передам.

— Скажите, что я от Стоуна.

— Но ведь Стоун...

— Просто скажите, от Стоуна.

Некоторое время телохранитель стоял в нерешительности, потом опустил руку.

— Ждите здесь, — сказал он. — Я пойду спрошу. И без фокусов.

— Не волнуйтесь. Я подожду.

Он остался один, размышляя, правильно ли поступил. В сумраке плохо освещенного коридора вновь всплыли старые сомнения. Не лучше ли, подумал он, дать задний ход, пока не поздно.

Появился телохранитель.

— Стойте спокойно, — приказал он. Я должен вас обыскать.

Опытные руки быстро заскользили вдоль тела Блэйна в поисках ножа или пистолета.

Наконец охранник удовлетворенно кивнул:

— Все в порядке. Можете заходить. Я останусь за дверью.

Охранник открыл дверь, и Блэйн вошел.

Комната была обставлена как гостиная. Спальня располагалась за ней.

В углу комнаты стоял стол, за которым сидел высокий человек в одеждах траурно-черного цвета с белым шарфом на шее. Его по-лошадиному вытянутое, костлявое лицо могло бы показаться измученным, если б не пугающее выражение одержимости.

Блэйн твердой походкой шел вперед, пока не оказался у самого стола.

— Так ты Финн, — сказал он.

— Ламберт Финн, — поправил его тот низким голосом профессионального оратора, который, даже отдыхая, не может не быть оратором.

Блэйн достал руки из карманов и положил их на край стола. Он увидел, что Финн глядит на запекшуюся кровь и грязь.

— Тебя зовут, — произнес Финн, — Шепард Блэйн, и я знаю о тебе все.

— И даже то, что я собираюсь тебя убить?

— Даже и это, — подтвердил Финн. — По крайней мере, я это могу предположить.

— Но не сегодня, — сказал Блэйн, — потому что завтра я хочу посмотреть на твое лицо. Хочу видеть, как ты все завтра проглотишь и переваришь.

— И это все, зачем ты пришел? Больше тебе нечего сказать?

— Странно, — признался Блэйн, — но в данный момент никакого другого повода мне на ум не приходит. Я даже не могу объяснить, зачем, собственно, я пришел.

— Может, предложить сделку?

— Это мне и в голову не приходило. У тебя нет ничего, что бы ты мог мне дать.

— Может, и так, мистер Блэйн, но зато у вас есть то, что нужно мне. За что я готов прилично заплатить.

Не отвечая, Блэйн смотрел на него.

— Ты участвовал в похищении звездной машины, — сказал Финн. — Я хочу знать цели и задачи. Мне нужно сложить куски воедино. Твой рассказ может стать отличным свидетельством.

— Однажды я уже был в твоих руках, — хмыкнул Блэйн, — но ты дал мне ускользнуть.

— Все этот трусливый доктор! — яростно воскликнул Финн. — Испугался шума, побоялся за репутацию своей больницы.

— Лучше надо подбирать людей, Финн.

— Ты мне не ответил, — нахмурился Финн.

— Это насчет сделки? Дорого обойдется. Слишком дорого.

— Я могу заплатить. А тебе деньги необходимы. У тебя нет ни гроша, а «Фишхук» висит на пятках.

— Всего час назад, — сказал Блэйн, — «Фишхук» меня связал и собирался убить.

— Но ты убежал, — произнес Финн, кивая. — И убежишь в следующий раз. И еще раз, может быть. Но «Фишхук» никогда не остановится. При теперешнем положении вещей у тебя нет никакой надежды.

— Разве только у меня? А у кого она есть? Может быть, у тебя?

— Я говорю только о тебе. Ты знаком с некой Гарриет Квимби?

— Очень близко.

— Так вот, — ровным голосом сказал Финн, — она агент «Фишхука».

— Ты с ума сошел! — закричал Блэйн.

— Успокойся и обдумай это. Думаю, ты согласишься, что это правда.

Они стояли, глядя через стол друг на друга, и молчание стояло между ними, словно живое существо.

Вдруг в мозгу Блэйна вспыхнула мысль: а не убить ли его сейчас?

Убить его будет совсем не трудно. Такого убивать легко. Не только за его убеждения, но и его самого как личность.

Для этого надо только вспомнить о расползающейся по земле ненависти. Для этого надо только закрыть глаза и представить качающееся среди ветвей тело, покинутый лагерь, где вместо крова — растянутое на кольях одеяло и на обед — рыба на сковородке; указывающие в небо обгорелые пальцы печных труб.

Он поднял руки со стола, затем опустил их обратно.

И, не задумываясь, неожиданно для себя, совершенно непредвиденно он сделал то, чего никогда не сделал бы. И уже делая это, он знал, что это делает не он, а тот, другой, спрятавшийся у него в мозгу.

Потому что то, что он сделал, никогда не сделал бы ни один человек на свете.

Очень спокойно Блэйн произнес:

— Меняюсь с тобой разумом.

Глава 27

Высоко в небе луна плыла над обрывами, а в речной долине беспокойно ухала сова, временами перемежая уханье с самодовольным хихиканьем, и ее крики гулко разносил свежий от начинающегося морозца ночной воздух.

На краю кедровой рощи Блэйн остановился. Деревья, вцепившись корнями в землю, скрючились, изогнулись и были похожи на старых, горбатых гномов. Блэйн замер, прислушиваясь, но слышны было только уханье совы и слабый шелест упрямых листьев, никак не желающих облетать с ветвей стоящих под холмом тополей. И еще один звук, настолько слабый, что трудно было решить, действительно он слышится или нет, — далекий, едва различимый шепот эльфа, а на самом деле голос могучей реки, несущей свои воды вдоль подножий залитых лунным светом обрывов.

Блэйн присел на корточки, укрывшись под разлапистыми кедрами, и снова сказал сам себе, что погони за ним нет, что никто его не преследует. «Фишхук» временно выведен из

строя, потому что сгорела фактория. А Ламберт Финн... В данный момент — кто угодно, только не Ламберт Финн.

Без малейшей жалости Блэйн вспомнил выражение глаз Финна, когда он обменялся с ним разумом, остекленевший, полный ужаса взгляд, ошеломленный этим непрошеным вторжением, этим сознательным осквернением могущественного жреца и великого пророка, рядящего свою ненависть в тогу религии или того, что Финн пытался выдать за религию.

— Что ты сделал! — закричал он тогда, охваченный страхом. — Что ты со мной сделал!

Потому что его коснулись и обжигающий холод чужого разума, и его абсолютная бесчеловечность, и ненависть, исходящая от самого Блэйна.

— Все! — объявил ему Блэйн. Отныне ты уже не Финн. И человек ты тоже только отчасти. Теперь ты — частично я, частично — существо, которое я нашел в пяти тысячах световых лет отсюда. И я очень надеюсь, что теперь придет конец тебе и твоим проповедям.

Финн открыл рот и снова закрыл его, не произнеся ни звука.

— А сейчас я уйду, — сказал ему Блэйн, — и ты, во избежание недоразумений, меня проводишь. Ты обнимешь меня, как вновь обретенного брата. И по дороге будешь говорить со мной, как с наилюбимейшим другом детства, а если это у тебя не получится, я сумею объяснить, во что ты превратился.

Финн стоял в нерешительности.

— Во что ты превратился, — повторил Блэйн. — И репортеры внизу запишут каждое слово.

Этого довода для Финна оказалось достаточно, более чем достаточно.

И они вместе прошли по коридору, спустились по лестнице, пересекли фойе, а репортеры ошарашенно глядели на нежно держащих друг друга под руки, оживленно беседующих друзей.

Они вышли на улицу, озаренную все еще полыхающей факторией, и двинулись, будто прогуливаясь и обмениваясь пожеланиями напоследок, по тротуару.

А затем Блэйн скользнул в переулок и побежал в сторону обрывистого берега реки.

«И снова я бегу, — подумал Блэйн, — просто бегу, не имея никакого плана. Правда, были и передышки, и я все же нанес пару ударов по планам Финна. Лишил его наглядного

пособия, с помощью которого он собирался доказать злонамеренность и вредоносность паракинетиков; влил в его разум новые сознания; и теперь, что бы Финн ни делал, он уже никогда не сможет быть узколобым эгоманьяком, как раньше».

Блэйн присел и прислушался, но, кроме голосов реки, совы и тополиных листьев, ничего не было слышно.

Он медленно встал на ноги и тут услыхал новый звук: вой хищника, голос клыков и когтей. Блэйн застыл, не в силах пошевельнуться. Этот вой разбудил в нем страх, который люди пронесли через столетия — из пещер каменного века до дней нынешних.

Собака, наверное, попытался он успокоить сам себя, или койот. Не оборотень же. Оборотней не бывает.

И все же инстинкт, которому он с трудом сопротивлялся, кричал ему: беги, не раздумывай, спрячься, спрячься, где угодно, лишь бы укрыться от крадущейся сквозь лунную ночь опасности.

Он стоял, напрягшись, в ожидании, что вой повторится, но больше тишину ничто не нарушало. Он расслабил окаменевшие мышцы и стянутые в узлы нервы и снова стал почти самим собой.

Если бы он верил, если хотя бы наполовину верил, он бы побежал. Что может быть проще — поверил и побежал. Это-то и делает людей наподобие Финна столь опасными. Они играют на инстинктах, которые лежат почти на поверхности, под самой кожей, на страхе, следом за которым идет ненависть.

Выйдя из кедровой рощи, он осторожно пошел низом вдоль обрыва. Идти здесь при свете луны, как он вскоре понял, оказалось непросто. Он то и дело натыкался на камни, попадал в ямы, где ничего не стоило сломать ногу.

Он снова подумал о том, что не давало покоя с тех пор, как он поговорил с Финном.

Финн сказал, что Гарриет Квимби — агент «Фишхука».

Нет, этого не может быть — кто, как не Гарриет, помогла ему бежать из «Фишхука».

И все же... Она была с ним в том городке, где его чуть не повесили. Она была с ним, когда убили Стоуна. Она была, когда он залез в дорожный гараж, где его поймал Рэнд.

Блэйн пытался загнать эти мысли в подсознание, но они продолжали вылезать наружу, преследуя его.

Чепуха. Гарриет — и вдруг агент. Журналистка высшего класса; надежный товарищ; когда нужно, решительна и хлад-

покровна. Конечно, если б она захотела, из нее вышел бы отличный шпион — но ей это просто чуждо. Вероломство не в ее характере.

Берег пересекал глубокий овраг, уползающий вниз, к реке. На краю оврага росло несколько изогнутых деревьев.

Блэйн обогнул рощицу понизу и сел на землю.

Внизу под ним неслась река, и в ее черных водах поблескивали серебряные искры, а лес в долине казался еще чернее. По обоим берегам белесыми горбатыми призраками выстроились холмы.

Сова замолчала, но рокот стал громче, и, если прислушаться, можно было различить, как журчит вода, омывая песчаные отмели и прорываясь сквозь кроны рухнувших деревьев, чьи корни еще цеплялись за берег.

«А здесь неплохо будет заночевать, — подумал Блэйн. — Правда, у меня нет ни одеяла, ни пледа, но деревья и согреют меня, и спрячут. И потом, за весь день я впервые оказался действительно в безопасном месте».

Забравшись в густую поросль, он стал устраиваться. Пришлось вывернуть несколько камней, убрать в сторону обломленный сук. Потом, орудуя на ощупь в темноте, он сгреб в кучу несколько охапок листьев и, только закончив все приготовления, подумал о гремучих змеях. Хотя, сказал он себе, для гремучих змей стало слишком прохладно.

Он сжался в комок на куче листьев. Оказалось совсем не так удобно, как он рассчитывал. Впрочем, ему не так долго здесь лежать. Скоро взойдет солнце.

Блэйн тихо лежал в темноте, а его сознание, как на экране, снова и снова прокручивало события прошедшего дня — мысленно подводило итоги, чему он тщетно пытался положить конец.

Отдельные кадры и сюжеты истекших, наполненных событиями суток беспрерывно сменяли друг друга, теряя реальность, превращаясь в видения.

Как же их остановить, мучился Блэйн, как заставить себя думать о чем-то другом?

Но помимо воспоминаний в нем было еще нечто — разум Ламберта Финна.

Он осторожно попытался заглянуть в него и тут же отпрянул, словно наткнувшись на тугой змеиный клубок ненависти, страха и коварства. А в самом центре этой массы — голый ужас, превративший наблюдателя с Земли в визжащего

маньяка, который вышел из своей звездной машины с пеной у рта, выпученными глазами и скрюченными пальцами, — ужас другой планеты.

Планета была отвратительной и мерзкой. Он увидел нечто абсолютно враждебное чему-либо человеческому. Оно кричало, выло, визжало. Оно жадно тянулось к нему своей мертвой головой. Все было нерезко, расплывчато; нельзя было разобрать деталей, и лишь волной накатывалось чувство всепоглощающего, бездонного зла.

Блэйн отшатнулся, вскрикнув, и его крик оттолкнул, заслонил это средоточие ужаса.

Но он успел ухватить другую, какую-то неуместную, мимолетную мысль.

Мысль о Дне всех святых.

Блэйн взялся за нее покрепче, стараясь отделить бесконечную ленту воспоминаний от дорожки с инопланетным кошмаром.

День всех святых — мягкий октябрьский вечер; по улицам, освещенным уличными фонарями или необычно огромной полной луной, будто специально подплывшей к Земле поближе, чтобы ничего не пропустить, стелется дым сжигаемых листьев. Раздаются высокие, звонкие детские голоса и топот бегущих ног — будто веселые гоблины, пища и повизгивая от удовольствия, водят шумные хороводы. Огни над дверьми гостеприимно приглашают ряженых, и то заходят, то выходят закутанные в накидки фигуры, таща с собой все распухающие мешки с подношениями.

Все вспомнилось Блэйну до мельчайших деталей, будто это было только вчера, когда он, счастливый мальчишка, с криками носился по городу. И как же давно это было на самом деле, подумал он.

Это было еще до того, как страх загустел и разросся, когда к магии относились еще с улыбкой и находили ее забавной и когда еще умели веселиться в День всех святых. А родители не боялись вечером выпускать детей из дома.

Сегодня такое даже трудно себе представить. Теперь в День всех святых на двери ставят двойные запоры, закупоривают дымоход, а на окна вывешивают самые надежные заклинания против злых духов.

Жаль, подумал Блэйн. Сколько было радости! Однажды, в канун Дня всех святых, они с Чарли Джоунсом приделали постукалочку к окну старика Чендлера. Притворяясь донельзя

разгневанным, старик выбежал с воплями на крыльцо и сделал вид, что заряжает свой дробовик. Они с такой скоростью помчались прочь, что свалились в канаву за домом Льюиса.

А еще был случай — такой случай... Больше ни о чем Блэйн подумать не успел...

Глава 28

Блэйн проснулся от холода и судорог в затекших мышцах и растерялся, не понимая, где он. Глядел на переплетенные над собой ветви, которые никак не мог вспомнить. И лишь постепенно начал осознавать, кто он и где находится.

И почему.

И то, что скоро День всех святых.

Он резко выпрямился и ударился головой о ветки.

С Днем всех святых была связана не просто случайная мысль.

С Днем всех святых был связан целый заговор!

Он застыл, обуреваемый негодованием и ужасом.

Как просто и в то же время дьявольски хитро — именно такой гамбит и должен был разыграть человек, подобный Ламберту Финну.

Нет, этого допустить нельзя. В противном случае произойдет очередная вспышка гнева против паранормальных, а когда схлынет первая волна террора и реакции, будут приняты новые ограничительные законы. Хотя законы, не исключено, уже и не понадобятся: погром может принять такой размах, что будут уничтожены тысячи паракинетиков. Операция «День всех святых» вызовет невиданную до сих пор бурю ярости против них.

Есть только одна надежда, решил Блэйн. Надо попасть в Гамильтон — ближайшее место, где можно рассчитывать на помощь. Там ему не могут не помочь, ведь в Гамильтоне живут только паракинетики и никто из них не может быть уверен в завтрашнем дне. Если случится то, чего он боится, Гамильтон будет уничтожен в первую очередь.

И если он не запутался в днях, то День всех святых — послезавтра. Хотя нет, «завтра» уже наступило. Значит, у него меньше двух дней, чтобы предотвратить несчастье.

Он выбрался из кустов и увидел, что солнце только-только показалось над холмами, просвечивая звонкий утренний воздух. Откос под ним, покрытый жухлой травой, плавно

спускался к бурому речному потоку. Он поежился от холода и похлопал руками, чтобы согреться.

Он вышел на уходящую в реку песчаную косу. Коричневая от песка и глины стремнина с яростным бурлением перекатывалась через отмель. На краю косы Блэйн присел на корточки, зачерпнул в ладони воды и поднес к губам. Вода отдавала илом, глиной, гниющими водорослями. Когда он закрыл рот, на зубах у него захрустел песок.

Но все же это была вода. Он снова зачерпнул, но, как крепко он ни прижимал края ладоней, вода убегала между пальцев, едва оставляя ему маленький глоток.

Вокруг было покойно и мирно, и Блэйн подумал, что таким, наверное, был первый день после сотворения мира, когда Земля не была еще заражена алчностью, завистью и всем тем, что на протяжении стольких лет отравляет жизнь человечества.

Неожиданно тишину разорвал всплеск. Блэйн вскочил на ноги. Ни на берегу, ни в реке, ни на ивняковом островке за косой никого не было видно. Какой-нибудь зверек, решил Блэйн. Норка, или ондатра, или выдра, или бобр, а может, рыба.

Всплеск повторился, и из-за острова показалась лодка. На корме сидел закутанный в плащ человек, работая веслом так неуклюже, что на него было неловко смотреть. Нос лодки высоко торчал из воды, перевешенный тяжестью гребца и подвесного мотора на корме.

Когда лодка с трудом приблизилась к косе, Блэйн вдруг обнаружил, что фигура человека кажется ему удивительно знакомой. Где-то, когда-то их пути так или иначе пересекались.

Он прошел дальше на отмель, поймал лодку за борт и вытащил ее на песок.

— Благослови тебя Господь, — изрек сидящий в лодке. — Какое сегодня чудесное утро.

— Отец Фланаган! — воскликнул Блэйн.

Старый священник улыбнулся очень доброй, даже светлой, улыбкой.

— Вы далеко забрались от дома, — заметил Блэйн.

— Я иду туда, куда ведет меня Бог. — Отец Фланаган похлопал ладонью по сиденью перед собой: — Хочешь, посиди со мной немного. Да простит меня Господь, но я жутко устал.

Блэйн вытащил лодку еще дальше на берег, сел в нее и протянул священнику руку. Отец Фланаган взял ее в свои скрюченные артритом ладони и осторожно пожал ее.

— Рад видеть вас, святой отец.

— А я, — ответил священник, — повергнут в смущение. И, должен признать, искал тебя.

— Странно, — удивился Блэйн, отчасти озадаченный, отчасти напуганный этим признанием. Такой человек, как вы, наверняка имеет более важные дела.

Священник выпустил его руку, не забыв успокаивающе погладить ее.

— Это не так, сын мой, — сказал он. — Для меня нет более важного дела, чем идти следом за тобой.

— Простите, святой отец, но я не понимаю.

Отец Фланаган наклонился вперед, упершись искалеченными руками в колени.

— Ты обязательно должен понять. Слушай меня внимательно. И не впадай в гнев. И не торопи меня.

— Конечно, — согласился Блэйн.

— Ты, наверное, слышал, что говорят о Святой Церкви. Что она косная и негибкая, что она придерживается старых правил и древнего образа мыслей, что она если и меняется, то очень медленно. Что она сурова и догматична...

— Да, я слышал все это.

— Дело в том, что это не так. Церковь не отстает от времени, она меняется. Ибо в противном случае она не смогла бы существовать во всем своем блеске и величии. Ей не страшны ветры и сквозняки людской молвы, она не боится потрясений меняющихся правов. Она приспосабливается, хотя и не слишком быстро. И эта медлительность вызвана тем, что Церковь не должна ошибаться.

— Не хотите же вы сказать...

— Именно хочу. Если помнишь, я тебя спрашивал, оборотень ли ты, а тебе это показалось ужасно забавным.

— Но это действительно забавно.

— То был ключевой вопрос, — сказал священник, — упрощенный до предела, с тем чтобы на него можно было ответить простым «да» или «нет».

— Тогда я отвечу еще раз. Я не оборотень.

Старик вздохнул.

— Ты хочешь, — с обидой произнес он, — затруднить мне мой рассказ.

— Продолжайте, — сказал Блэйн. — Я постараюсь сдерживаться.

— Церковь должна знать, что такое паракинетика: естественная человеческая способность или колдовство? Когда-нибудь,

может через много лет, ей придется принимать решение. Ей, как и по всем проблемам человеческой этики, придется определить свою позицию. И я не раскрою секрета, если скажу, что учрежден специальный комитет теологов, изучающих этот вопрос.

— И вы? — спросил Блэйн.

— Я лишь один из многих, которым поручено расследование. Мы только собираем факты, которые в должный момент будут представлены на рассмотрение теологам.

— И я — один из собранных вами фактов?

Отец Фланаган утвердительно наклонил голову.

— Мне только одно неясно, — произнес Блэйн. — Почему у вашей веры вообще возникают сомнения? У вас же есть доказательства «святых чудес». Ответьте мне, что такое любое ваше «чудо», как не проявление паракинетики?

— Ты так считаешь?

— Да, я в этом не сомневаюсь.

— Мне трудно согласиться с тобой. Это слишком похоже на ересь. Но я хотел спросить тебя вот о чем: в тебе есть что-то необычное, чего я не видел в других?

— Я — наполовину нечеловек, — с горечью ответил Блэйн. Вряд ли кто еще может сказать о себе то же самое. Сейчас вы беседуете не только со мной, но и с созданием, даже отдаленно не похожим на человека, — существом, которое сидит на планете за пять тысяч световых лет отсюда. И оно живет там уже миллион лет, а может, больше. И проживет еще не один миллион лет. Оно отправляет свой разум путешествовать по другим мирам, но, несмотря на все путешествия, ему очень одиноко. Тайны времени для него не существует. И не знаю, есть ли для него вообще тайны. И все, что знает оно, знаю я. Мне надо только, если у меня будет время, все разобрать, пронумеровать и разложить по полочкам. У себя в мозгу.

Священник медленно втянул воздух:

— Нечто подобное я и предполагал.

— Так что можете приступать к работе, — сказал Блэйн. — Где у вас святая вода? Окропите меня, и я исчезну в облаке дыма.

— Ты неверно думаешь обо мне, — ответил отец Фланаган. — И о моей цели. И о моем отношении. Если не от дьявола сила, пославшая тебя к звездам, то не более чем несчастный случай то, что с тобой там стряслось.

Его скрюченная рука вдруг вцепилась в Блэйна с силой, которую в ней нельзя было предположить.

— Тебе даны великая сила, — сказал он, — и великое знание. Ты обязан применить их во славу Бога и на пользу человечеству. Нечасто бремя столь огромной ответственности ложится на человека. Не утрать дарованное тебе. И не используй его во зло. Но и не дай ему пролежать бесплодно. То, что ты получил, пришло к тебе в силу Божественного умысла, который мы не можем ни понять, ни оценить. Я уверен, что это не простая случайность.

— Перст Божий, — вырвалось насмешливо у Блэйна.

— Да, перст Божий обратился на тебя.

— Я не просил его. И если б меня спросили заранее, я бы отказался.

— Расскажи мне, — попросил священник. — С самого начала. Прошу тебя.

— Хорошо. Если и вы мне расскажете кое-что.

— Что ты хочешь знать? — спросил отец Фланаган.

— Вы сказали, что шли за мной следом. Откуда вам было известно, где проходит мой след?

— Как же так, сын мой? — изумился отец Фланаган. — Я думал, ты давно понял. Видишь ли, я один из вас. У меня отличное паракинетическое чутье.

Глава 29

За рекой показался еще спящий Гамильтон. Несмотря на свой небольшой возраст, город в дымке легкого, мягкого тумана был похож на все соседние старые речные города. Над ним возвышались рыжевато-коричневые холмы, а под холмами, простираясь до самого города, тянулись шахматные клетки полей. Из дымоходов поднимался ленивый утренний дымок, и за каждой оградой обязательно рос розовый куст.

— Все выглядит очень мирно, — сказал отец Фланаган. — Ты уверен в том, что делаешь?

Блэйн кивнул:

— А вы, святой отец? Куда пойдете вы?

— Чуть дальше вниз по реке есть аббатство. Меня там примут.

— Я вас еще увижу?

— Может быть. Я должен вернуться в мой пограничный городок. На мой одинокий пост на границе с «Фишхуком».

— Поджидать других беглецов.

Священник кивнул, включил мотор и направил лодку к берегу. Когда днище зашуршало по песку и гальке, Блэйн выпрыгнул.

Отец Фланаган, повернув голову в сторону запада, принюхался.

— Меняется погода, — сообщил он, — я перемены чую, как овчарка.

По щиколотку в воде Блэйн приблизился к нему и протянул руку.

— Спасибо, что подбросили меня, — поблагодарил он. — Пешком мне бы еще идти и идти.

— Всего доброго, сын мой. Господь с тобой.

Блэйн столкнул лодку с мели. Священник завел мотор, круто развернулся и помчался вниз по течению, махнув Блэйну рукой. Блэйн помахал в ответ.

Затем Блэйн вышел на берег и направился в сторону городка.

Вскоре он шагал по улице, чувствуя, что пришел домой.

Не к себе домой, не домой к друзьям и даже не в дом, о котором он всю жизнь мечтал, а просто в дом, подходящий для всех живущих на земле. Тут было мирно и надежно, от городка веяло спокойствием и каким-то душевным уютом. В таком месте можно поселиться и жить, просто отсчитывая дни, принимая каждый новый день во всей его полноте и не думая о том, что будет завтра.

На улице, тянущейся меж аккуратных чистеньких домиков, никого не было, но Блэйн чувствовал, что на него устремлены взгляды из каждого окна и что в этих взглядах не настороженность или опаска, а обыкновенное любопытство.

Из одного из дворов выбежала собака — грустная, симпатичная гончая — и побежала рядом с ним, как старый добрый товарищ.

Блэйн вышел на перекресток и слева увидел группу небольших торговых зданий. У порога одного из них сидели несколько человек.

Он и гончая свернули в их сторону. Когда они приблизились, сидящие молча подняли на него глаза.

— Доброе утро, господа, — поздоровался он. — Не подскажете ли, где я могу найти человека по имени Эндрюс?

— Я Эндрюс, — ответил один из них после секундного молчания.

— Я хотел бы побеседовать с вами.

— Садись и разговаривай со всеми, — сказал Эндрюс.

— Меня зовут Шепард Блэйн.

— Кто ты, мы знаем, — остановил его Эндрюс. — Нам стало это известно, как только лодка причалила к берегу.

— Ну да, конечно, — согласился Блэйн, — я мог догадаться.

— Вон того зовут Томас Джексон, рядом с ним сидит Джонсон Картер, а вон тот — Эрни Эллис.

— Рад со всеми вами познакомиться, — сказал Блэйн.

— Присаживайся, — пригласил Томас Джексон. — Ты ведь пришел, чтобы нам что-то сказать.

— Наверное, мне следует начать с того, что я убежал с «Фишхука».

— Мы немного знаем о тебе, — произнес Эндрюс. — Моя дочь познакомилась с тобой несколько дней назад. Ты был с человеком по имени Райли. А прошлой ночью сюда принесли тело твоего друга...

— Его похоронили на холме, — сказал Джексон. — С похоронами пришлось поторопиться, но все же это были похороны. Видишь ли, мы его тоже немного знали.

— Спасибо вам, — поблагодарил Блэйн.

— А еще прошлой ночью, — продолжил Эндрюс, — что-то произошло в Бельмонте...

— Нам не нравится такой ход дел, — перебил Картер. — Нас слишком легко втянуть в любые беспорядки.

— Очень жаль, если это так, — ответил Блэйн. — Но, боюсь, я несу вам еще беспокойства. Вам знакомо имя Финн?

Все кивнули.

— Я говорил с ним вчера ночью. И узнал от него нечто, чего сам он, надо заметить, никогда в жизни мне бы не сообщил.

Все ждали, что он скажет дальше.

— Завтра ночью — канун Дня всех святых, — продолжил Блэйн. — Вот тогда-то все и должно начаться.

Он увидел, как люди напряглись, и быстро заговорил дальше:

— Не знаю, как ему это удалось, но тем или иным способом Финн создал среди паранормальных людей что-то вроде небольшого подполья. Те, конечно, не подозревают, кто за всем стоит. Для них это псевдопатриотическое движение, своеобразный протест. Не слишком большого размаха, без особенных успехов. Но успехи Финну и не нужны. Все, что ему нужно, — это создать еще парочку прецедентов, проде-

монстрировать еще несколько «ужасных» примеров. Это его метод: с помощью примеров будить ярость у толпы. И это подполье, действуя через паранормальных подростков, готовит к этой ночи несколько паракинетических демонстраций. Удобный случай, сказали им, показать, что такое паракинетика. Удобный случай свести кое-какие счеты. Могу себе представить, сколько накопилось неоплаченных счетов.

Он сделал паузу и взглянул на окаменевшие от страха лица.

— Вы должны представлять, как подействует дюжина — всего дюжина — подобных демонстраций на воображение обывателей всего земного шара, если Финн преподнесет их должным образом.

— Их будет не дюжина, — тихо произнес Эндрюс. — По всему миру их могут быть сотни, а может, даже несколько тысяч. И на следующее утро нас сметут с лица земли.

— А как тебе это стало известно? — взволнованно наклонился к нему Картер. — Такое Финн мог рассказать только своему сообщнику.

— Я обменялся с ним разумом, — объяснил Блэйн. — Есть такой прием, я ему научился на другой планете. Я вложил в него матрицу моего разума, а взамен взял копию его. Вроде копировальной бумаги. Трудно себе представить, но это осуществимо.

— Вряд ли Финн тебе благодарен за это, — заметил Эндрюс. — Заполучить себе в мозг такой беспокойный разум, как твой!

— Да, Финн выглядел несколько огорченным, — согласился Блэйн.

— Подростки будут изображать из себя чертей, — произнес Картер. — Они будут распахивать двери. Переносить автомобили. Разломают какие-нибудь сараи. Ну и всякие потусторонние вопли, разумеется.

— На этом и строится расчет, — подтвердил Блэйн. — Вроде бы обычные, традиционные шалости на День всех святых. Но для пострадавших это будет не просто озорство. Они решат, что все силы ада вышли из тьмы и обрушились на мир. Повсюду им будут видеться призраки, черти и оборотни. И так хорошего мало, а если учесть больное воображение напуганных обывателей... Наутро будут рассказывать о кишках, намотанных на забор, о перерезанных глотках, о похищенных девочках. И всякий раз это будет не там, где рассказывают, а где-то неподалеку. И люди будут верить. Верить в любую небылицу.

— Тем не менее, заметил Джексон, — мы не можем слишком сурово осуждать наших детей, решившихся на это. Вы представить себе не можете, мистер, что им пришлось повидать. Их презирают и унижают. Едва вступив в жизнь, они уже знакомятся с сегрегацией и знают, что повсюду на них будут показывать пальцем...

— Я все понимаю, — прервал его Блэйн, — и тем не менее их необходимо остановить. Можно же им как-то помешать. Телепатически по телефону или еще как-нибудь... Вы же умеете.

— Телепатию по телефону открыли пару лет назад, — сказал Эндрюс. — Чрезвычайно просто и в то же время гениально.

— Так воспользуйтесь этим. Свяжитесь с кем только можно. Пусть они предупредят других. Пусть передают по цепочке...

Эндрюс покачал головой:

— Мы не сможем связаться со всеми.

— Но хоть попытайтесь! — закричал Блэйн.

— Естественно, попытаемся, — сказал Эндрюс. — Мы сделаем все от нас зависящее. Не сочти нас неблагодарными. Наоборот. Мы тебе очень признательны. Мы в неоплатном долгу перед тобой. Но...

— Что?

— Тебе нельзя здесь оставаться, — произнес Джексон. — За тобой гонится Финн. А может, и «Фишхук». Нетрудно догадаться, где ты станешь искать убежища.

— О господи! — воскликнул Блэйн. — Я пришел к вам...

— Нам очень жаль, — сказал Эндрюс. — Мы понимаем, что ты испытываешь сейчас. Мы могли бы попробовать тебя спрятать, но если тебя найдут...

— Что ж, хорошо. Вы дадите мне машину?

Эндрюс отрицательно покачал головой:

— Тоже рискованно. Финн будет контролировать дороги. А по номеру они смогут узнать, откуда машина.

— Тогда что же? В горы?

Эндрюс кивнул.

— Найдете мне еды?

Джексон поднялся на ноги:

— Пойду соберу чего-нибудь.

— Когда все успокоится, можешь приходить, — сказал Эндрюс. — Мы будем тебе рады.

— Спасибо и на этом, — ответил Блэйн.

Глава 30

Блэйн сидел под одиноким деревом на небольшом уступе одного из самых высоких холмов и смотрел на реку. По небу черным пунктиром чиркнула стайка спускающихся в долину уток.

А когда-то, подумал он, в это время года небо чернело от стай, улетающих с севера, от первых неистовых вестников зимних метелей. Теперь их осталось совсем мало — часть перебита охотниками, а многие погибли от голода, из-за того что места, где они обычно делали свои гнезда, пересохли и превратились в пустыню.

В свое время по этой земле ходили стада бизонов и в каждом ручье можно было поймать бобра. Сейчас же бобров почти нет, а бизоны исчезли вообще.

Вот так человек и истребляет жизнь, думал Блэйн, иногда делая это из ненависти и страха, иногда — просто ради забавы.

А если план Финна осуществится, все повторится, только истреблены будут не животные, а паранормальные люди. Конечно, в Гамильтоне приложат силы, чтобы сделать все от них зависящее, но много ли они успеют? У них есть тридцать шесть часов, чтобы передать предупреждение. Допустим, сократить число происшествий удастся, но предотвратить все случаи? Вряд ли.

«Впрочем, мне какое дело, — сказал себе Блэйн. — Что о них беспокоиться, когда они меня просто выгнали. Люди, которых я считал своим народом, город, где почувствовал себя дома, — они от меня отказались».

Он наклонился и подтянул лямки рюкзака, куда Джексон сложил еду и фляжку с водой.

Позади послышался шелест, и Блэйн, напружинившись, резко повернулся.

Над травой, приземляясь, зависла девушка, грациозная, как птица, и прекрасная, как утро.

Блэйн глядел на нее, захваченный ее красотой, потому что до этого он ее фактически не видел. Только однажды, в тусклом свете автомобильных фар, и еще раз, прошлой ночью, в полумраке гостиничного номера — не более минуты.

Вот ее ноги коснулись земли, и она подошла к нему.

— Я только что узнала, — произнесла она. — Мне так стыдно за них. Вы пришли к нам, чтобы помочь...

— Ничего, — сказал Блэйн. — Не стану спорить, это больно, но я могу их понять.

— Они всю жизнь старались, чтобы на нас не обращали внимания. Они мечтали жить по-человечески. Они не могут рисковать.

— Да, это так, — согласился Блэйн. — Но я видел и таких, кто не боится риска.

— Мы, молодежь, доставляем им столько беспокойства. Нам не следовало бы устраивать развлечения на День всех святых, но ничего нельзя поделать — мы и так почти не выходим из дома. А праздники бывают так редко.

— Я очень обязан тебе за ту ночь, — сказал Блэйн. — Если бы не ты, мы с Гарриет оказались бы в ловушке...

— Мы сделали все, что могли, для мистера Стоуна. Надо было торопиться, и мы не смогли соблюсти все формальности. Но на похороны пришли все. Он похоронен на вершине холма.

— Твой отец рассказал мне.

— Мы не могли сделать надпись или поставить плиту. Мы просто срезали дерн, а потом положили его на место. Догадаться невозможно. Но у всех нас место записано в памяти.

— В свое время мы со Стоуном были друзьями.

— Когда работали в «Фишхуке»?

Блэйн кивнул.

— Расскажите мне о «Фишхуке», мистер Блэйн.

— Меня зовут Шеп.

— Хорошо, Шеп. Расскажи.

— Это целый огромный город, огромный и высокий. *(Башни на холме, площади и тротуары, деревья и мощные здания, магазины, и лавки, и погребки, люди...)*

— *Шеп, а почему нас туда не пускают?*

— *Не пускают?*

— *Некоторые из нас писали туда и в ответ получили бланки заявлений. Только бланки, и больше ничего. Мы их заполнили и отправили. На этом все кончилось.*

— *Тысячи людей хотят попасть в «Фишхук».*

— *Ну и что? Почему не пустить нас всех? Пусть «Фишхук» будет нашей страной. Где все униженные наконец найдут покой.*

Блэйн не ответил. Он закрыл от нее свой мозг.

— *Шеп! Шеп, что случилось? Я что-то сказала не то?*

— *Послушай, Анита. Вы не нужны «Фишхуку». «Фишхук» уже не тот, каким вы его считаете. Он изменился. Он превратился в корпорацию.*

— *Да, но мы же всегда...*

— Знаю. Знаю. Знаю. Земля обетованная. Единственная надежда. Эльдорадо. Все совсем не так. «Фишхук» — это гигантская бухгалтерия. Там подсчитывают убытки и прибыли. О, он, несомненно, помогает человечеству: он дает ему прогресс. Теоретически и даже практически. «Фишхук» — самое грандиозное предприятие за всю историю. Но не надо искать там человечности. Или родственного чувства к остальным паранормальным. Если мы хотим обрести свою «землю обетованную», нам ее надо строить собственными руками. Нам надо драться и драться, чтобы останавливать финнов и срывать операции типа «Дня всех святых»...

— Собственно, я ведь для этого и пришла. Чтобы сказать, что ничего не получается.

— А телефон...

— Мы позвонили в два города — Детройт и Чикаго. Попробовали в Нью-Йорк, но нас не соединили. Можешь себе представить: не соединили с Нью-Йорком. Потом мы попытались связаться с Денвером, но нам сказали, что линия не работает. И мы испугались и прекратили попытки...

— Прекратили! Вы не можете прекращать!

— У нас есть несколько дальних телепатов, мы сейчас пытаемся наладить связь через них. Но у них пока не получается. В дальней телепатии нужда возникает редко, поэтому она не слишком отлажена.

Блэйн застыл, не веря собственным ушам.

Не могли дозвониться в Нью-Йорк! Нет связи с Денвером!

Неужели Финн держит все это в руках?

— Не держит в руках, — поправила его Анита, *а только расставил своих людей в стратегических точках. Не исключено, что в его силах нарушить систему связи во всем мире. А поселения вроде нашего находятся под его постоянным наблюдением. В другие города мы звоним не чаще чем раз в месяц. А тут три звонка за пятнадцать минут. Финн почувствовал неладное и блокировал нас.*

Блэйн снял со спины рюкзак и опустил его на землю.

— Я возвращаюсь, — сказал он.

— Нет смысла. Все, что можно, мы уже делаем.

— Да, конечно. Возможно, ты права. Хотя есть один шанс, надо только успеть в Пьер.

— Пьер — это город, где жил Стоун?

— Да, но... Ты что, знала Стоуна?

— Только слышала о нем. Для паранормальных людей он был вроде Робин Гуда. Он боролся за них.

— Если я сумею связаться с его организацией, а мне кажется, это возможно...

— Та женщина тоже там живет?

— Гарриет? Только она может вывести меня на группу Стоуна. Но ее может там не оказаться. Я не знаю, где она.

— Если ты подождешь до вечера, мы сможем отвезти тебя по воздуху. Но днем это слишком опасно. Чересчур много глаз, даже в таком месте, как Гамильтон.

— Туда не больше тридцати миль. Дойду пешком.

— По реке было бы проще. Ты умеешь управлять каноэ?

— Когда-то умел. Надеюсь, еще не забыл.

— Так даже безопаснее, — сказала Анита. — Суда по реке сейчас почти не ходят. Выше по реке, недалеко от города, живет мой двоюродный брат. У него есть каноэ. Давай я тебе объясню.

Глава 31

Непогода пришла неожиданно. Ничто не предсказывало ее приближения, кроме постепенно сереющего неба. В полдень тучи лениво наползли на солнце, а к трем часам все небо от горизонта до горизонта было затянуто серыми барашками.

Блэйн изо всех сил налегал на весло, покрывая милю за милей. Много лет ему не приходилось грести, и много лет его тело не знало таких изнурительных нагрузок. Руки у него задеревенели и потеряли чувствительность, плечи ломило, а верх спины обхватило стальным обручем, который сжимался с каждым гребком. Ладони превратились в один сплошной волдырь.

Но он не снижал темп, зная, что дорога каждая минута. В Пьере ему еще предстояло найти группу паракинетиков, работавших со Стоуном, но, даже если он их найдет, те могут отказаться ему помочь. Они могут начать проверять его и его объяснения и вполне резонно станут подозревать в нем шпиона Финна. Если бы Гарриет была там, она смогла бы поручиться за него, хотя он и не знал, какое положение она занимает в организации и много ли весит ее слово. Да и там ли она?

Но это хоть и слабый, но единственный шанс. Последний, который нельзя упускать. Он должен приплыть в Пьер, он должен найти группу, он должен заставить их поверить себе.

А если он не сумеет, то это будет означать гибель Гамильтона и еще сотен таких гамильтонов по всему свету. И это будет означать гибель тех паранормальных, что живут не в гамильтонах, а обитают, боясь сделать лишний шаг, среди людей, считающих себя нормальными.

Обыкновенные люди считают их чокнутыми, колдунами, нечистой силой, и кто может на это возразить? У каждого народа для каждого поколения есть свои нормы, и эти нормы устанавливаются не законом и не по универсальному эталону. Они устанавливаются общественным мнением, которое, в свою очередь, складывается и из предубеждений, и из непонимания, и из извращенной логики, столь свойственных человеческому разуму.

«А сам ты кто? — спросил себя Блэйн. — Уж если называть кого-то чокнутым, то в первую очередь тебя самого. Потому что ты даже не человек».

Он вспомнил Гамильтон и Аниту Эндрюс, и его больно кольнуло в сердце: имел ли он право требовать, чтобы кто-либо, не важно, город или женщина, принял его как своего?

Он навалился на весло, стараясь оборвать невыносимые раздумья, прекратить в изнемогающем мозгу бешеную пляску вопросов.

Вместо легкого ветерка задул резкий северо-западный ветер, и на закручивающейся волнами поверхности реки стали появляться белые пенистые гребешки.

Небо, тяжелое и серое, навалилось на землю и темной крышей повисло над рекой. В прибрежном ивняке суетливо защебетали птицы, обеспокоенные ранним приходом сумерек.

Блэйн вспомнил старого священника, принюхивающегося к небу. Погода портится, предупредил он тогда. Нет, погода его не остановит, стиснул зубы Блэйн, яростно работая веслом. Его ничто не остановит. Никакая сила на земле.

Первые мокрые хлопья снега стегнули его по лицу, и всю реку ниже по течению накрыло приближающимся серым занавесом. Все скрылось из виду, и только снег шелестел, падая на воду, и ветер, словно огромный хищник, от которого ускользает добыча, зло скулил за спиной.

Берег был не более чем в сотне ярдов, и Блэйн решил, что продолжать путешествие придется пешком. Как бы он ни спешил, выгадывая время, плыть дальше было невозможно.

Он сделал резкий гребок, чтобы направить каноэ к берегу, и тут на него обрушился новый порыв ветра. Дальше вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть. Вокруг метались

лишь снежные хлопья, и река, объединившись с ветром, ритмично подбрасывала каноэ. И берег, и холмы над ним исчезли. Остались лишь вода, ветер и снег.

Каноэ резко дернуло и закружило, и Блэйн на мгновение потерял всякое чувство направления. Всего несколько секунд — и он безнадежно заблудился на реке, не имея ни малейшего представления, в какой стороне лежит берег. Все, что ему оставалось, — это стараться удерживать лодку от вращения.

Ветер стал еще резче и холоднее и ледяным ножом врезался в его вспотевшее тело. По лицу бежали струйки воды от запорошившего волосы и брови снега. Каноэ беспомощно приплясывало в волнах. Не зная, что делать дальше, подавленный этой пришедшей с реки атакой, Блэйн растерянно подгребал веслом.

Вдруг из серого тумана всего в нескольких метрах от него вынырнули заснеженные ивовые кусты; каноэ неслось прямо на них.

Блэйн только успел напрячься, ухватиться за борта и приготовиться к удару.

Каноэ со скрежетом, заглушаемым ветром, врезалось в кусты, приподнялось и опрокинулось.

Очутившись в воде, Блэйн ухватился за ветви, нащупал мягкое, скользкое дно и, отфыркиваясь, выпрямился. На каноэ рассчитывать больше не приходилось: подводная коряга разодрала полотно вдоль всего борта, и теперь лодка медленно погружалась.

Спотыкаясь и падая, Блэйн выбрался сквозь заросли ивняка на твердую землю и только тут понял, что в воде было теплее. Пронизывая мокрую одежду, ветер впился в него миллионом ледяных игл.

Весь дрожа, Блэйн уставился на сотрясаемые штормом кусты. Надо найти закрытое место. И там разжечь огонь. Иначе ночь не продержаться. Он поднес руку к самым глазам: часы показывали только четыре.

Светло будет еще не больше часа, прикинул он, и за это время надо успеть найти, где укрыться от бури и холода.

Он было двинулся вдоль берега и вдруг замер — он не сможет разжечь огонь. У него нет спичек. А может, есть? Все равно они мокрые. Впрочем, их можно бы высушить. Он лихорадочно обшарил промокшие карманы. Но спичек не нашел.

Блэйн зашагал дальше. Если он найдет хорошее укрытие, сумеет выжить и без костра. Какую-нибудь яму под корнями

упавшего дерева или дупло, куда сможет втиснуться, — любое закрытое от ветра место, где тепло его тела хотя бы частично просушит одежду и не даст замерзнуть самому.

Деревьев не было. Одни только бесконечные ивы, хлопающие, как бичи, в порывах ветра.

Он пошел дальше, скользя и спотыкаясь на обломках и топляках, выброшенных на берег в половодье. От частых падений его костюм покрылся грязью и замерз, превратившись в ледяной панцирь, и все же он шел. Останавливаться было нельзя; ему необходимо было укрытие; если он перестанет двигаться, не сможет двигаться, то погибнет.

Он снова споткнулся, упал на колени. Там, у самого берега, в воде, зажатое ивовыми ветвями, плавало полузатопленное каноэ, тяжело покачиваясь в волнах наката.

Каноэ!

Он провел по лицу грязной ладонью, чтобы взглянуть получше.

Это было то же самое каноэ, другого и быть не могло!

Именно от этого каноэ он отправился вдоль берега.

И снова к нему вернулся!

Он напряг уставший разум в поисках ответа — ответ мог быть только один, один-единственный.

Он в западне — на крохотном речном островке.

И вокруг ничего, кроме ивняка. Ни одного нормального дерева — вывернутого, с дуплом или еще какого-либо. У него нет спичек, а если б они и были, то костер все равно не из чего было бы сделать.

Штанины стали «фанерными» и похрустывали всякий раз, как он сгибал колени. Казалось, что с каждой минутой становилось все холоднее — хотя он слишком замерз, чтобы судить о температуре.

Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и пошел прямо на обжигающий ветер. По кустам шелестел падающий снег, разгневанно гудела исхлестанная бурей река, и наступающая темнота несла ответ пока еще не заданному вопросу.

Ночь на острове он не выдержит, а покинуть его нет возможности. Он понимал, что до берега не может быть более полусотни метров, но что толку? Десять против одного, что на берегу будет не легче, чем здесь.

«Я должен найти выход, — приказал себе Блэйн. — Я не умру на этом затхлом клочке недвижимого имущества, на этом идиотском островке. И не потому, что моя жизнь пред-

ставляет великую ценность. Я единственный, кто может получить в Пьере помощь.

Какое издевательство! Ведь я никогда не попаду в Пьер. Я не выберусь с этого острова. Я так и останусь на этом месте, и, скорее всего, меня даже не найдут.

А когда начнется весеннее половодье, течение потащит меня вместе с прочим смытым с берегов мусором».

Он повернулся и отошел подальше от края воды. Нашел место, где ивы хоть немного защищали от ветра, и осторожно сел, вытянув ноги. Механическим жестом поднял воротник. Потом плотно сложил на груди руки, спрятал полузамерзшие пальцы в едва различимое тепло подмышек и уставился взглядом в призрачные сгущающиеся сумерки.

Но так нельзя, сказал он себе. В такой ситуации обязательно надо двигаться. Чтобы кровь не застыла в жилах. Надо отгонять сон. Махать руками. Топать ногами. Надо цепляться за жизнь.

Впрочем, зачем, подумал он. Можно пережить все унижения борьбы за жизнь и все же погибнуть в конце концов.

Нет, должен быть лучший путь.

Если у меня в голове мозги, а не солома, я обязан придумать что-то получше.

Главное, решил он, суметь отрешиться от ситуации, чтобы беспристрастно обдумать проблему: как перенести себя, свое тело, с этого острова, и не только с острова, но и в безопасное место.

Но разве есть для меня безопасное место?

И вдруг он понял, что есть.

Есть такое место. Он может вернуться в голубую комнату, где живет Розовый.

Но нет! Это то же самое, что остаться на острове, потому что к Розовому может полететь лишь его разум, а не тело. А когда он вернется, тело, скорее всего, будет уже непригодно к употреблению.

Вот если бы он мог взять с собой тело, то все было бы в порядке.

Но тело взять нельзя.

Он все же решил проверить это, но никак не находил нужных данных о той далекой планете. Когда же наконец нашел то, что искал, и заглянул в сведения, то ужаснулся.

Если бы он оказался там во плоти, он не прожил бы и минуты! Планета была абсолютно непригодна для человека.

Но должны же быть другие места. Конечно же, есть другие планеты, куда он мог бы отправиться и во плоти, если бы смог.

Он сидел, сгорбившись от холода и уже не ощущая ни стужи, ни сырости.

Он попробовал позвать Розового, но тот не откликался. Он звал его снова и снова, но безуспешно. Он пытался найти его в себе, нащупать, поймать, но не нашел и следа его. И тогда до него дошло — будто чей-то голос сказал ему, — что искать бесполезно. Он никогда не найдет его, потому что существо превратилось в часть его самого. Они слились воедино, и больше не существовало ни Розового, ни человека, а был странный сплав их обоих.

Отныне ему самому предстоит делать все, что потребуется, используя навыки того, кем он стал.

В нем были все исходные данные, в нем было знание, в нем были способы и методы, и еще в нем было грязноватое пятно — Ламберт Финн.

Он углубился в свой разум, заглядывая во все укромные уголки, просматривая каждую полочку, не пропуская ни одного ящика, или пакета, или коробки, где были распиханы невероятные по объему и все еще не разобранные сведения — миллиарды обрывков информации, бестолково собранные безалаберным существом.

Он находил то, что озадачивало, и то, что вызывало в нем отвращение, и то, что восхищало, но ничто не могло быть применено в данном случае.

И все время под ногами у него назойливо путался разум Ламберта Финна, который еще не успел слиться и, возможно, никогда не сольется с его разумом, а будет постоянно бегать из угла в угол, мешая и отвлекая.

Блэйн оттолкнул его в сторону, сбросил с дороги, засунул под ковер и продолжил поиски, но грязные мысли, и планы, и представления Финна, порожденные средоточием ужаса, по-прежнему выскакивали на поверхность его сознания.

В сотый раз отбросив этот мусор прочь, он уловил что-то похожее на то, что ищет, и бросился за этим в погоню, продираясь через всю мерзость, гнездящуюся в разуме Финна. Потому что он нашел, что было нужно, но не на свалке знаний, унаследованных от Розового, а в мусорной куче, доставшейся от Финна.

Это было неземное, извращенное, гнусное знание, и Блэйн понял, что Финн получил его на той самой планете, от-

куда вернулся умалишенным. Мысленно держа это знание в руках, Блэйн рассмотрел совсем простое устройство, усвоил логику понятий, разобрался, как им пользоваться, и отчасти понял чувство вины и страха, толкнувшие Финна на путь ненависти и преступлений.

Это знание раскрывало дорогу к звездам, физически открывало ее для всех жизненных форм во всей Вселенной. Но неустойчивая психика Финна сделала единственный вывод: Земля тоже досягаема. И прежде всего для планеты, которая владеет этим знанием. Он не подумал обо всех открывающихся возможностях, не понял, какую пользу это знание может принести человеческой расе, для него оно было лишь мостом между планетой, которую он открыл, и планетой, которую он считал родной. Он начал беспощадную борьбу за то, чтобы родная планета вернулась к доброму старому прошлому, чтобы она порвала всякую связь с космосом; он поставил себе цель обескровить и задушить «Фишхук», а для этого уничтожить всех паранормальных людей, тем самым лишая «Фишхук» будущего пополнения.

По логике Финна, Вселенная не обратит внимания на Землю, если Земля останется маленькой тихой планеткой и не станет привлекать к себе внимания, и тогда за человечество можно не опасаться.

Но как бы то ни было, в его разуме лежали сведения о том, как путешествовать по космосу во плоти, и эти сведения могли сейчас спасти Блэйну жизнь.

Блэйн снова заглянул в свой разум, и там на полочках, где стояли уже извлеченные из хаоса информации знания, нашел каталог тысяч планет, на которых побывал Розовый. Они были сотен различных типов и все — одинаково гибельны для незащищенного человеческого организма. Страх снова стал возвращаться к Блэйну: неужели теперь, зная, как перемещать не только разум, но и тело, он не найдет подходящей планеты?

Яростный вой ветра, прорываясь сквозь барьер его сконцентрированного на поиске сознания, сбивал с мысли и напоминал о холоде. Блэйн попробовал согнуть ногу, но едва сумел пошевелить ею. Буря злорадно хохотала над ним, кружась над рекой и барабаня сухими зернами снега по ивняку.

Он отрешился от ветра, и снега, и холода, и воя, и стука — и вдруг нашел, что искал.

Он дважды перепроверил данные и остался удовлетворенным. Он мысленно нарисовал сетку координат и располо-

жил там найденную планету. Затем медленно, этап за этапом, выполнил прием дальнего скачка. И стало тепло.

Он лежал лицом вниз, а под ним была трава, и пахло травой и землей. Исчезли завывания бури и всхлипы снегопада.

Он перевернулся на спину и сел.

И от того, что он увидел, у него перехватило дух.

Потому что если и существовало во Вселенной райское место, то это было оно!

Глава 32

Солнце уже перевалило через полуденную отметку и скатывалось на запад, когда Блэйн, хлюпая по раскисшей после первой осенней бури земле, спустился в городок Гамильтон.

Вот он снова здесь, подумал Блэйн, и опять почти поздно — надо было прийти раньше, потому что, как только солнце скроется за горизонтом, наступит канун Дня всех святых.

Интересно, сколько паранормальных городов успели предупредить гамильтонцы, спросил себя Блэйн. Не исключено, что они успели куда больше, чем он даже мог предположить. Возможно, им повезло, возможно, и нет.

На ум ему вдруг пришел старик священник: «Перст Божий обратился на тебя...»

Когда-нибудь мир оглянется назад и ему станет стыдно за сегодняшнее сумасшествие — за слепоту, глупость, нетерпимость. Когда-нибудь мир станет честным и мудрым. Когда-нибудь паранормальных людей перестанут считать исчадием ада. Когда-нибудь исчезнет барьер, отделяющий их от «нормальных» людей, — если таковые к тому времени еще останутся. Когда-нибудь станет ненужным «Фишхук». Может быть, даже Земля когда-нибудь станет ненужной.

Потому что он нашел выход. Он не дошел до Пьера, но нашел решение. Он был вынужден найти решение.

И его решение было лучше, чем решение Стоуна. Его метод путешествия превосходил что-либо известное в «Фишхуке». Этот метод полностью исключал любые механизмы. Он превращал человека в полного хозяина своего разума и своего тела и открывал перед ним всю Вселенную.

По небу все еще плыли обрывки облаков — арьергард пронесшейся над долиной бури. По обочинам стояли натаяв-

шие из снега лужи, а ветер, несмотря на яркое солнце, еще не утратил своей порывистой остроты.

Блэйн поднялся по улице, ведущей в центр города; в нескольких кварталах, на площади перед магазинами, он увидел ожидающих его жителей — не группу людей, как в прошлый раз, а целую толпу народа. Наверное, большая часть Гамильтона, прикинул Блэйн.

Он пересек площадь и всмотрелся в молчащую толпу, стараясь найти Аниту, но ее там не было.

На ступеньках сидели четверо мужчин — все та же четверка. Блэйн остановился перед ними.

— Мы слышали, ты решил вернуться, — произнес Эндрюс.

— Я не добрался до Пьера, — сказал Блэйн. — Я хотел просить там помощи. Но на реке меня застигла буря.

— Они перекрыли телефонную связь, — сказал Джексон, — и мы использовали дальнюю телепатию. Нам удалось связаться с некоторыми группами, а те передадут дальше. Не знаю, далеко ли.

— Да и за четкость трудно ручаться, — добавил Эндрюс.

— Ваши телепаты все еще поддерживают связь? — спросил Блэйн.

Эндрюс кивнул.

Снова заговорил Джексон:

— Людей Финна так и не было. И это настораживает. У Финна что-то случилось...

— Они должны были прийти искать тебя и перевернуть здесь все вверх дном, — подтвердил Эндрюс.

— А может, они не хотят меня искать?

— А может, — холодно заметил Джексон, — ты не тот, за кого себя выдаешь?

Блэйн не выдержал.

— Да пропадите вы пропадом! — выкрикнул он. — А я-то чуть не подох ради вас. Все. Сами себя спасайте.

Он круто повернулся и пошел прочь, задыхаясь от гнева.

Нет, это не его война. Она чужая ему, как и эти люди. Но все же он считал ее своей войной. Он вступил в нее из-за Стоуна, из-за Рэнда и Гарриет, из-за гонявшегося за ним по всей стране сыщика. И может быть, еще из-за чего-то неопределенного, неясного в нем самом — какого-то дурацкого идеализма, жажды справедливости, желания бросить вызов всем негодяям, мошенникам и реформистам.

Он пришел в этот город не с пустыми руками, он спешил вручить им удивительный дар. А его стали допрашивать, словно шпиона и самозванца.

Ну и черт с ними, сказал он себе. Он достаточно сделал. С него хватит.

Осталось единственное дело, которое ему предстоит закончить, а потом на все наплевать.

— Шеп!

Он продолжал идти.

— Шеп!

Блэйн остановился и посмотрел назад.

К нему шла Анита.

— Нет, — сказал он.

— Но они — это же еще не все, — произнесла она. — Нас здесь много, и мы готовы слушать тебя.

И она, конечно, была права.

Их было много.

Анита и все остальные. Женщины, и дети, и мужчины, не наделенные властью. Ибо власть делает людей подозрительными и мрачными. Власть и ответственность мешают людям быть самими собой и из личностей превращают их в коллективный орган.

И в этом паранормальный человек или сообщество паранормальных людей не отличаются от обыкновенного человека или сообщества обыкновенных людей. Собственно, паранормальность не меняет личности. Она только дает ей возможность стать полнее.

— У тебя ничего не получилось, — сказала Анита. — Трудно было рассчитывать на успех. Но ты старался, и этого достаточно.

Он сделал шаг в ее сторону.

— Ты не права. У меня все получилось.

Теперь они, вся толпа, медленно и безмолвно шли к нему.

А впереди всех шла Анита Эндрюс.

Она приблизилась к нему, остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Где ты был? — тихо спросила она. — Мы искали тебя на реке и нашли каноэ.

Протянув руку, он поймал ее за локоть и крепко прижал к себе сбоку.

— Я расскажу тебе, — сказал он, — чуть позже. Чего хотят эти люди?

— Они напуганы. Они ухватятся за любую надежду.

В двух шагах от него толпа остановилась, и мужчина в переднем ряду спросил:

— Это ты человек из «Фишхука»?

Блэйн кивнул:

— Да. Раньше я служил в «Фишхуке», но не теперь.

— Как Финн?

— Как Финн, — согласился Блэйн.

— И как Стоун, — вмешалась Анита. — Стоун тоже был из «Фишхука».

— Вы боитесь, — сказал Блэйн. — Вы боитесь меня, и Финна, и всего света. Но я нашел место, где вы забудете, что такое страх. Я открыл для вас новый мир, и, если он вам нужен, берите его.

— А что это за мир? Чужая планета?

— Эта планета не хуже, чем лучшие уголки Земли. Я только что вернулся оттуда...

— Но ты же спустился с горы. Мы сами видели, как ты спускался...

— Да замолчите же вы, идиоты! — закричала Анита. — Дайте ему рассказать.

— Я нашел способ, — продолжал Блэйн, — или, скорее, украл способ путешествовать в космосе и разумом, и телом. Сегодня ночью я был на одной из планет. А утром прилетел обратно. Без всякой машины. Это нетрудно, стоит только понять.

— Но где гарантии...

— Их нет. Ваше дело — верить мне или нет.

— Но даже «Фишхук»...

— С этой ночи, — медленно произнес Блэйн, — «Фишхук» — это вчерашний день. «Фишхук» нам больше не нужен. Мы можем летать, куда нам вздумается. Без машин, только силой разума. А это и есть цель всех паракинетических исследований. Машина всегда была только костылем, на который опирался прихрамывающий разум. Теперь этот костыль можно отбросить.

Сквозь толпу протиснулась женщина с изможденным лицом.

— Давайте кончать болтовню, — сказала она. — Ты говоришь, что нашел планету?

— Нашел.

— И можешь взять нас туда?

— Мне незачем брать вас. Вы сами можете полететь.

— Ты один из нас, сынок. У тебя честные глаза. Ты же не станешь нам лгать?

— Я не стану вам лгать, — улыбнулся Блэйн.

— Тогда рассказывай, что надо делать.

— А что можно взять с собой? — выкрикнул кто-то.

— Немного, — покачал головой Блэйн. — Мать может взять на руки ребенка. Можно надеть на плечи рюкзак. Перебросить через спину узел. Захватите с собой вилы, топоры и еще какие-нибудь инструменты.

Из толпы вышел мужчина и произнес:

— Если уж лететь туда, то надо спешить. И нужно решать, что мы берем с собой. Нам понадобятся продукты, семена растений, одежда, инструменты...

— Вы в любой момент сможете вернуться, — сказал Блэйн. — В этом нет ничего сложного.

— Ладно, — остановила его женщина с измученным лицом. — Хватит терять время. Ближе к делу. Рассказывай, сынок.

— Погодите, еще момент. Есть среди вас дальние телепаты?

— Есть. Я, например, а вон Мертль, и Джим в том ряду, и...

— Вы должны все передавать. Всем, кому сможете. А те пусть передают другим и так далее. Пусть как можно больше людей узнают туда дорогу.

— Хорошо, — кивнула женщина, — можешь объяснять.

Шурша ногами по площади, люди плотным кольцом встали вокруг Блэйна и Аниты.

— Готовы? — спросил Блэйн. — Тогда смотрите.

И он почувствовал, как они смотрят, деликатно заглядывая в его разум и словно сливаясь с ним в одно целое.

И он тоже сливается с ними. Здесь, в этом кругу, десятки разумов объединились в один — один большой разум, полный теплоты, человечности и доброты. В нем был аромат весенней сирени, и запах речного тумана, нависшего ночью над землей, и осенние краски багряных холмов. В нем было потрескивание поленьев в очаге, рядом с которым дремлет старый пес, и пение ветра в карнизах. В нем было чувство дома и друзей, хорошего утра и добрых вечеров, соседа из дома напротив и перезвон колоколов маленькой церквушки.

Блэйн с сожалением отвернулся от этих ощущений, среди которых он мог жить бесконечно долго, и произнес:

— *А теперь запомните координаты планеты, куда вы отправитесь.*

Он передал им координаты, на всякий случай показав их им несколько раз.

— А делается это вот так.

И он извлек это омерзительное неземное знание и некоторое время держал перед ними, чтобы дать им привыкнуть, затем шаг за шагом объяснил им принцип и логику, хотя в этом практически не было нужды: раз увидев суть знания, они автоматически усвоили и принцип, и логику.

Чтобы быть уверенным до конца, он еще раз все им повторил.

И их разумы отшатнулись от него, и только Анита осталась рядом.

— Что случилось? спросил он Аниту, увидев, с каким выражением глаз они отступились от него.

Анита повела плечами:

— Это было ужасно.

— Естественно. Но я видел вещи и похуже.

Ну конечно, в этом-то и дело. Он видел, а они — нет. Эти люди всю жизнь прожили на Земле и ничего, кроме Земли, не знали. Им никогда не приходилось сталкиваться с неземными понятиями. Знание, которое он им показал, собственно, не было мерзким. Оно было неземным. В чужих мирах много вещей, от которых волосы встают дыбом, но которые для своего мира вполне естественны и нормальны.

— Они им воспользуются? — спросил он.

И услышал голос изможденной женщины:

— Я услыхала твой вопрос, сынок. То, что мы увидели, мерзко, но мы им воспользуемся. У нас нет выбора.

— Вы можете остаться здесь.

— Мы воспользуемся, — повторила женщина.

— И передадите информацию дальше?

— Сделаем все, что можем.

Люди начали расходиться. Они выглядели смущенными и растерянными, словно кто-то рассказал непристойный анекдот на церковном собрании.

— А ты что скажешь? — спросил он Аниту.

Она медленно повернулась, чтобы встать с ним лицом к лицу:

— Ты должен был сделать это, Шеп. Ты не мог поступить по-другому. Ты не знал, как они все воспримут.

— Да, я не знал. Я так долго общался с неземным. Я сам теперь отчасти неземной. Я не совсем человек...

— *Тсс,* — остановила его Анита. — *Я знаю, кто ты.*

— *Ты уверена, Анита?*

— *Еще как уверена,* — ответила она.

Он привлек ее к себе и крепко обнял на минуту, затем отпустил и заглянул ей в лицо и за улыбкой в глазах увидел слезы.

— Я должен идти, — сказал он. — У меня осталось еще одно дело.

— Ламберт Финн?

Блэйн кивнул.

— Нет! — закричала она. — Ты не станешь!

— Не то, что ты подумала, — ответил Блэйн. — Хотя, бог свидетель, я бы сделал это с удовольствием. До этого момента я действительно хотел убить его.

— Но разве не опасно возвращаться туда?

— Не знаю. Посмотрим. Я попытаюсь выиграть время. Я единственный, кто может это. Финн меня боится.

— Возьмешь машину?

— Если можно.

— Мы начнем уходить, как только стемнеет. Успеешь вернуться?

— Не знаю, — ответил он.

— Ты ведь вернешься? Ты ведь поведешь нас?

— Я не могу обещать, Анита. Не заставляй меня обещать.

— Но если ты увидишь, что мы ушли, ты полетишь за нами?

Блэйн промолчал.

Он не знал, что ответить.

Глава 33

В фойе отеля было тихо и почти безлюдно. Один человек дремал в кресле. Другой читал газету. За окошечком клерк со скучающим видом глядел на улицу и рассеянно щелкал пальцами.

Блэйн пересек фойе и по короткому проходу направился к лестнице.

— Лифт, сэр? — услужливо предложил лифтер.

— Не стоит, — отказался Блэйн. — Мне всего один этаж.

Он обошел лифт и начал подниматься пешком, чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы. Выйдет ли он отсюда живым, Блэйн не знал.

Но он вынужден был рискнуть.

Дорожка на каменных ступеньках заглушала его шаги, и он поднимался в полной тишине, в которой слышен был только нервный присвист его дыхания.

На втором этаже все было по-прежнему. Так же, прислонив кресло к стене, сидел охранник. Увидев Блэйна, он наклонился, не вставая с кресла и широко раскинув ноги, и стал ждать, когда он подойдет поближе.

— К нему сейчас нельзя, — сообщил он Блэйну. — Он только что всех выгнал. Сказал, постарается заснуть.

Блэйн сочувственно кивнул:

— Да, несладко ему приходится.

— Никогда не видел, чтобы люди так расстраивались, — доверительно шепнул телохранитель. — Кто его так, по-вашему?

— Опять это проклятое колдовство.

Охранник глубокомысленно кивнул:

— Правда, он и до того, как это случилось, был не в себе. Когда вы в тот раз пришли к нему, с ним было все нормально, а после вас его словно подменили.

— Я в нем перемен не заметил.

— Я же говорю, при вас он был еще в порядке. И вернулся нормально. А где-то через час я заглянул, вижу: он сидит в кресле и на дверь уставился. Странный такой взгляд. Как будто внутри что-то болит. Он даже меня не заметил, когда я вошел. И так и не замечал, пока я с ним не заговорил.

— Может, он думал?

— Наверное. Но вчера было ужасно. Собрался народ, все приготовились его слушать, репортеров полно, а когда пошли в гараж за звездной машиной...

— Меня там не было, — прервал Блэйн, — но я слышал. Для него это, должно быть, был удар.

— Я думал, он там на месте и кончится, — сказал охранник. — Он весь побагровел...

— А не заглянуть ли нам к нему? — предложил Блэйн. — Если он уже спит, я уйду. А если не спит, мне ему надо сказать пару слов. Крайне важных.

— Ну что ж, раз вы его друг... Давайте попробуем.

Вот как неожиданно оборачивается эта фантастическая игра, подумал Блэйн. Финн не осмелился сказать о нем ни слова. Он сделал вид, что Шеп его старый приятель, лишь бы самому отгородиться от подозрений. Поэтому его и не пресле-

довали. Потому молодчики Финна и не перевернули вверх дном Гамильтон, разыскивая его.

Это хороший сюрприз — если не западня.

Он почувствовал, как невольно напрягаются мышцы, и заставил себя расслабиться.

Охранник уже стоял на ногах и перебирал ключи.

— Эй, погоди, — остановил его Блэйн. — Ты же меня не обыскал.

— Да ладно, — ухмыльнулся верзила. — Вы уже прошли проверку. Я видел, как вы выходили с Финном рука об руку. Он мне сказал, что вы его старый друг и не виделись много лет.

Он нашел нужный ключ и вставил его в замочную скважину.

— Я пойду вперед, — предупредил он, — и погляжу, не спит ли он.

Охранник осторожно открыл дверь и тихо шагнул через порог. Блэйн вошел за ним.

И вдруг натолкнулся на спину неожиданно остановившегося охранника. Изо рта у того раздавались странные, булькающие звуки.

Блэйн протянул руку и оттолкнул его в сторону.

Финн лежал на полу.

В его позе было что-то неестественное.

Тело Финна было невероятно изогнуто, словно его скрутили руки великана. На лице, прижатом к полу, было написано выражение человека, заглянувшего в ад и почувствовавшего запах поджариваемых на вечном огне грешников. Его черное одеяние отливало неприятным блеском в свете настольной лампы, которая стояла недалеко от тела. А около груди и головы по ковру расползлось темное пятно. На горло, перерезанное от уха до уха, было жутко смотреть.

Охранник по-прежнему стоял, застыв у дверей, только издаваемое им бульканье перешло в хрипы.

Блэйн подошел ближе к Финну и рядом с отброшенной рукой увидел инструмент смерти: старинную опасную бритву, которая могла бы вполне спокойно лежать где-нибудь на музейной полке.

Все, понял Блэйн, ушла последняя надежда. Договариваться больше не с кем. Ламберт Финн предпочел уйти от всех переговоров.

Он до последней минуты играл свою роль — роль жестокого, непреклонного аскета. И для собственного самоубийства выбрал самый тяжелый способ.

Но все-таки, с ужасом глядя на красную прорезь поперек горла, думал Блэйн, для чего он так старался, продолжая пилить себя бритвой, даже умирая?

На такое способен только человек, полный ненависти, больной ненавистью к себе — такому, каким он стал.

Блэйн повернулся и вышел из комнаты. В коридоре, в углу, стоял, перегнувшись пополам, охранник. Его рвало.

— Будь тут, — сказал Блэйн. — А я схожу за полицией.

Охранник вытер подбородок и широко раскрытыми глазами посмотрел на Блэйна.

— Господи, — выговорил он, — в жизни такого не видел...

— Сядь и успокойся, — велел Блэйн. — Я скоро вернусь.

Только не сюда, подумал он про себя. Довольно испытывать судьбу. Ему нужно несколько минут, чтобы скрыться, — он их имеет. Охранник слишком потрясен, чтобы что-либо предпринимать какое-то время.

Но как только весть разойдется, начнется невообразимое.

Пощады парапсихам сегодня ночью не будет.

Он быстро пересек коридор и сбежал по ступеням. В фойе по-прежнему было пустынно, и он дошел до выхода незамеченным.

Но прежде чем он успел взяться за ручку двери, дверь распахнулась и кто-то быстро шагнул ему навстречу.

Звякнув, на пол упала дамская сумочка. Блэйн, расставив руки, перегородил женщине дорогу.

— Гарриет! Быстрее уходи отсюда! Быстро!

— Моя сумочка!

Блэйн нагнулся, взял сумочку, но тут у нее расстегнулся замок и что-то черное глухо стукнулось об пол. Блэйн быстро поднял тяжелый короткий предмет и спрятал его в ладони.

Гарриет уже повернулась и выходила. Блэйн поспешил за ней, взял за локоть и повел к своей машине.

Подойдя к машине, он открыл дверцу и втолкнул ее внутрь.

— Но, Шеп... Моя машина за углом.

— Некогда. Надо быстрей убираться.

Он обежал вокруг машины и сел за руль. Двигаясь куда медленнее, чем ему хотелось бы, Блэйн проехал квартал и свернул на перекрестке по направлению к шоссе.

Впереди стояло обгорелое здание фактории.

Сумочка все еще лежала у него на коленях.

— Зачем тебе пистолет? — спросил он, отдавая сумочку.

— Я хотела убить его! — выкрикнула она. — Пристрелить как собаку!

— Ты опоздала. Он мертв.

Она быстро повернулась к нему.

— Ты!

— Да, видимо, можно сказать, что я.

— Подожди, Шеп. Или ты убил его, или...

— Хорошо, — сказал он. — Я убил его.

И это было правдой. Чья бы рука ни убила Ламберта Финна, убийцей был он, Шепард Блэйн.

— У меня для этого был повод. А у тебя? — спросил он.

— Но он убил Годфри. Разве этого недостаточно?

— Ты любила Годфри?

— Я думаю, да. Ты знаешь, какой это был человек, Шеп.

— Знаю. В «Фишхуке» мы были с ним лучшими друзьями.

— Мне так больно, Шеп, так больно!

— Но в ту ночь...

— Тогда было не до слез. Вообще мне всегда было не до них.

— Ты все знала...

— Давно. Это моя работа — знать все.

Блэйн выехал на шоссе и двинулся в сторону Гамильтона. Солнце уже село. Сочились сумерки, и на востоке, над прерией, зажглась первая вечерняя звезда.

— И что теперь? — спросил Блэйн.

— Теперь у меня собран материал. Весь, какой смогла.

— Ты хочешь написать об этом. Думаешь, твоя газета напечатает?

— Не знаю, — ответила она. — Но написать я должна. Ты сам понимаешь, что я не могу не написать. Я возвращаюсь в Нью-Йорк...

— Нет. Ты возвращаешься в «Фишхук». И не машиной, а самолетом из ближайшего аэропорта.

— Но, Шеп...

— Здесь слишком опасно, — объяснил Блэйн. — Они будут срывать зло на всех, кто хоть немного паранормален. Даже на обычных телепатах вроде тебя.

— Я не могу, Шеп. Я...

— Послушай меня, Гарриет. Финн подготовил провокацию — выступление части паранормальных на День всех святых. Это дело рук его контрразведки. Остальные паракинетики, узнав об этом, попытались помешать этому. Некоторых им удалось остановить, но не всех. И неизвестно, что будет сего-

дня ночью. Если б он был жив, он использовал бы волнения, чтобы подтолкнуть репрессии, затянуть гайки законодательства. Конечно, были бы и убийства, но не они были главной целью Финна. Но теперь, со смертью Финна...

— Они же теперь нас уничтожат! — охнула Гарриет.

— По крайней мере, постараются. Но есть выход...

— И понимая все это, ты тем не менее убил Финна?

— Это не совсем убийство, Гарриет. Я пришел, чтобы договориться с ним. Я нашел способ увести паранормальных с Земли. Я собирался пообещать ему освободить всю Землю от паранормальных, если он еще неделю-другую продержит своих псов на цепи...

— Но ты сказал, что убил его.

— Наверное, будет лучше, если я тебе объясню все подробно. Чтобы, когда будешь писать, ты ничего не упустила.

Глава 34

В Гамильтоне было тихо. И пустынно — так пустынно, что пустота ощущалась физически.

Блэйн затормозил на площади и вышел из машины.

Не светило ни единого огонька, и мягкий шум реки монотонно отдавался у него в ушах.

— Они улетели, — сказал он.

Гарриет тоже вышла и подошла к нему.

— Все в порядке, дружище, — произнесла она, — забирайся на своего коня.

Он отрицательно покачал головой.

— Но ты должен. Ты обязан отправиться вслед за ними. Твое место — среди них.

— Не сейчас. Может, когда-нибудь, через несколько лет. А пока много дел на Земле. Есть еще много паранормальных, которые дрожат от страха и прячутся по своим норам. Я должен отыскать их. Я обязан спасти всех, кого смогу.

— Но тебя убьют раньше. Ты для них — главная мишень. Люди Финна не оставят тебя в покое...

— Если станет совсем туго, я полечу. Я не герой, Гарриет. Я в принципе трус.

Она уселась за руль и обернулась сказать ему «до свиданья».

— Погоди, — остановил ее Блэйн. — А что произошло тогда с тобой, когда я был в гараже?

Она засмеялась резковатым смехом:

— Когда появился Рэнд, я решила уехать. Чтобы вызвать подмогу.

— Но?

— Меня арестовала полиция. На следующее утро меня выпустили, и с тех пор я повсюду тебя разыскиваю.

— Храбрая девочка, — сказал Блэйн, и тут в воздухе раздался слабый пульсирующий звук, он доносился издалека.

Блэйн замер, прислушиваясь. Звук все усиливался, и Блэйн скоро узнал в нем шум приближающихся автомобилей.

— Быстро! — скомандовал он. — Свет не включай. Скатись под горку и выедешь на шоссе.

— А ты, Шеп?

— За меня не бойся. Поезжай.

Она включила зажигание.

— До встречи!

— Поезжай, Гарриет! И спасибо тебе. За все спасибо. Привет Шарлин!

— До свиданья, Шеп, — сказала она, и машина тронулась в сторону холмов.

Ничего, она доедет, сказал себе Блэйн. Тот, кто сумел перебраться через скалы вокруг «Фишхука», здесь затруднений не встретит.

Оставшись один на площади, он слушал приближающийся рев двигателей. Вдалеке уже засветились точки фар. С реки прилетел прохладный ветерок и забился ему в штанины и рукава.

И так повсюду, подумал он. Повсюду сегодня ночью гудят машины, ревет разъяренная толпа и бегут люди.

Он сунул руку в карман пиджака и ощутил тяжесть пистолета, выпавшего у Гарриет из сумочки. Он сжал рукоятку понимая, что воевать с ними надо не оружием.

Против них нужна другая стратегия: изолировать их и дать им задохнуться от собственной посредственности. Пусть получают, что хотят, — планету, полную абсолютно нормальных людей. Пусть они разлагаются здесь, не зная космоса, не летая к другим мирам, вообще никуда не летая и ничего не делая. Как человек, всю жизнь просидевший в кресле-качалке на пороге своего дома в каком-нибудь старом, умирающем городке.

Без пополнения извне «Фишхук» разладится через какую-то сотню лет, а еще через сто рассыплется вообще. Наоборот, паралюди станут прилетать с других планет, чтобы забрать себе подобных из «Фишхука».

Впрочем, через сто лет это будет уже не важно, потому что человеческая раса к тому времени обоснуется на других планетах и станет строить такую жизнь и цивилизацию, которую ей помешали построить на Земле.

Но пора идти. Нужно покинуть город, пока не приехали машины.

«И снова я в одиночестве, — подумал Блэйн. — Но уже не так одинок — у меня есть цель. Цель, — с неожиданной гордостью повторил про себя Блэйн, — которую я сам создал».

Он расправил плечи, не обращая внимания на холодный ветер, и зашагал быстрее. У него еще есть дела. Много дел.

Слева от него, в тени деревьев, что-то шевельнулось, и Блэйн, уловив движение, резко повернулся.

— Это ты, Шеп? — раздался неуверенный голос.

— Анита! — воскликнул он. Глупышка моя! Анита!

Она выбежала из темноты и бросилась к нему на грудь.

— Я не могла, не могла лететь без тебя. Я знала, что ты вернешься.

Он обнял ее изо всех сил и осыпал поцелуями, и не было силы в мире и во всей Вселенной, способной разъединить их. И не было ничего, только стремительный бег их крови, и сирень, и сверкающая звезда, и ветер с холмов, и они.

И еще — рев машин на шоссе.

Блэйн с трудом оторвал ее от себя.

— Бежим! — выкрикнул он. — Бежим, Анита!

— Как ветер! — отозвалась она.

И они побежали.

— Вверх, на гору, — сказала она. Там машина. Я ее отогнала туда, как стемнело.

Поднявшись на холм до половины, они посмотрели назад.

Первые языки пламени лизнули густую черноту городка, и до них донеслись крики бессильной ярости. Глухо затрещали ружейные выстрелы.

— По теням стреляют, — сказала Анита. — Там никого не осталось, даже кошек и собак. Их взяли с собой дети.

Но в других городах, подумал Блэйн, остались не только тени. И там будут пожары, и дымящиеся стволы, и веревочные петли, и окровавленный нож. А может и топот быстрых ног, и темный силуэт в небе, и жуткий вой в горах.

— Анита, произнес он, — скажи, оборотни бывают?

— Да, — ответила она. — Оборотни сейчас там, внизу.

И она права, подумал Блэйн. Темнота разума, расплывчатость мыслей, мелкость целей — вот они, настоящие оборотни этого мира.

Они повернулись спиной к поселку и пошли дальше вверх.

Позади все жарче и яростнее разгоралось пламя ненависти. Но впереди, над вершиной холма, в блеске дальних звезд светилась надежда.

Роберт Шекли

«ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ»

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

«Только не спать», — сказал себе Моррисон, выправляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры, двадцать первый день боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал через одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы легче, но здесь слишком часто приходилось объезжать крутые овраги и валуны величиною с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись по двое: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

«Но в одиночку лучше, — напомнил себе Моррисон. — Вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым».

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, плясала и зыбилась пустыня. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Это был крупный, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и приехал на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, сколотить себе состояние, как это делали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

В Престо десяти долларов ему хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал

Robert Sheckley. Prospector's Special. 1959
Перевод А. Иорданского.

виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над россказнями старожилов про стаи волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Но теперь, пройдя за двадцать один день 1800 миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть; именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва расслышал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки замерли, и слышно было только гудение.

Моррисон выключил радио и крепко вцепился в руль обеими руками. Разжал одну руку, взглянул на часы; девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару нужно отдыхать. Но не больше получаса. Где-то впереди ждет сокровище, и его нужно найти, прежде чем истощатся припасы.

Там, впереди, *непременно* должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня, как он напал на ее следы. А что, если он наткнется на настоящую жилу, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные тридцать миль в час, и Моррисон заставил себя внимательно вглядеться в опаленную жаром желтовато-коричневую местность. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейни.

Когда он доберется до богатых залежей, то вернется на Землю; они с Джейни поженятся и купят себе ферму в океане. Хватит с него старательства. Только бы одну богатую жилу, чтобы купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся в планктонных садках, а он сам со своим верным дельфином посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Моррисон почувствовал, что пескоход бросило вбок. Он очнулся, судорожно сжал руль и изо всех сил выдернул его.

Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Сильно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под широких колес, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу.

И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился набок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и в глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту.

Несколько мгновений Моррисон висел в воздухе. Потом пескоход рухнул на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал треск: это лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздремнуть, — сказал себе Моррисон. Но, пожалуй, лучше я сначала выясню обстановку».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто оставалось невредимым.

«Могло быть и хуже», — сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно оглядел шины.

«Оно и есть хуже», — добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Оставшейся резины не хватило бы и на детский воздушный шарик. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эла в Престо. Через секунду засветился маленький видеоэкран. Он увидел длинное, угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню, — ответил Эл. Вы тот самый парень, что поехал один по Юго-Западной тропе. Ну, как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Машина что надо. Я вот по какому делу...

— Эй, — перебил его Эдди, — что с вашим лицом?

Моррисон провел по лбу рукой — она оказалась в крови.

— Ничего особенного, — сказал он. — Я кувыркнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить, — сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я истратил, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то мне без них не сдвинуться с места.

— Конечно, — ответил Эдди, — только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за телепортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если сейчас вы покажете мне наличные или чек, который отошлете вместе с распиской, я буду действовать.

— В данный момент, — сказал Моррисон, — у меня нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— *Если* вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон. — Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры, — упрямо сказал Эдди. — Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин, — сказал Моррисон. — Неужели вы меня бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди. — Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода, снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Моррисон. — Смотрите!

Он поднес аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все старатели, — сказал Эдди. — Проклятая пустыня полна таких следов.

— Но это богатое месторождение, — настаивал Морриссон. — Следы ведут прямо к залежам, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу, — ответил Эдди. — Я же всего-навсего служащий. Я не имею права телепортировать вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку, — мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил деньги, — ответил Морриссон. — Я не поверну назад.

Он отключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину, — где уж тут помогать попавшим в беду старателям.

«Не могу я просить Макса о помощи, — решил Морриссон. — По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его следы. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон. Походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И больше ничего, кроме воды — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Морриссон собрался в путь. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество, если не считать телефона. Но ничего не поделаешь. Напившись вдоволь, он взвалил на плечи тюк и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над Моррисоном, как крыша из раскаленного железа. Он шел по следам золота, а по его следам шел еще кто-то.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Волки венерианской породы — маленькие, худые, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, будто в усмешке, челюстями — были одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон вгляделся и увидел рядом с первым волком еще двух.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе, футах в десяти справа от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортировку.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортировка предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом доставки грузов на огромные расстояния Венеры. Телепортировать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортировать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортировка только еще входила в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него показался хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты, — сказал Моррисон.

— Да, сэр, — сказал робот, окончательно высвободившись из вихря. — Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задержалась.

— К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался? — спросил робот.

— Ну да, — ответил Моррисон, забирая свои письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно, — сказал Уильямс-4. — Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайтесь доброго совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо, — сказал старый робот. — Если б вы повидали с мое... Сколько раз мне попадались вот такие парни – лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие.

Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями.

— Но они такие же, как и все, — продолжал Уильямс-4. — Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно после того, как с ними разделаются волки. И тогда мне приходится пересылать письма и личные вещи их возлюбленным на Землю.

— Знаю, — ответил Моррисон. — Но кое-кто остается в живых, верно?

— Конечно, — согласился робот. — Я видел, как люди сколачивали себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я, — ответил Моррисон. — Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек.

Робот внимательно оглядел Моррисона — вероятно, прикидывая, много ли при нем личных вещей, — и полез обратно в воздушный вихрь.

Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусборг, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-нибудь стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейни. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейни писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла в Карибском море недалеко от Мартиники. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она посылала ему всю свою любовь и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения? — спросил себя Моррисон. — Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейни».

В эту ночь ему снились Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он обнаружил, что видит во сне многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал идти по дну давно исчезнувшего озера, где камни сменились песком. Потом снова пошли камни, мрачные, скрученные, изогнутые на тысячу ладов. Красные, желтые, бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он все шел в глубь пустыни, вдоль хаотических нагромождений камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того, как он бросил вездеход, следы золота стали настолько заметными, что породу уже можно было промывать. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход -- и все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги».

На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

— «Коммунальные услуги», — сказала она. — Чем мы можем вам помочь?

— Привет, — весело отозвался Моррисон. — Как погода в Венусборге?

— Жарко, — ответила женщина. — А у вас?

— Я даже не заметил, — улыбнулся Моррисон. — Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу? — спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно, — ответил Моррисон. — Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их, — беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно, — ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. — Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот стал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран телефона померк, потом снова засветился, Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом. Перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент, отдел счетов».

— Мистер Моррисон, — сказал Рид, — ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду, — сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусборг.

— Чем вы собираетесь платить?

— Золотом, — ответил Моррисон. — Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки. Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день — и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель на Венере, — сказал мистер Рид. — Всего один день отделяет каждого старателя от золотоносной породы. И все они рассчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги», — продолжал мистер Рид, — не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита, мистер Моррисон. Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, вынуждена удовлетвориться крайне малой прибылью, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему здесь не может быть кредита.

— Я все это знаю, — сказал Моррисон. — Но я же говорю вам, что мне нужен только день или два, не больше...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы того не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно, — устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я пока не хочу возвращаться. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хорошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволяли каждому старателю рыскать по пустыне и снабжали его водой? Туда устремились бы десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет, — ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за снабжение вас водой.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. А если вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах и будет тщетно искать работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежках и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А где он достанет деньги, чтобы вернуться на Землю? Когда он снова увидит Джейни?

— Я, пожалуй, пойду дальше, — сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас, — повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скудных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих токах воздуха, ожидая, пока волки прикончат Моррисона. Потом коршуна сменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их, в свою очередь, прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того, как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, он шел по поверхности золотой жилы. Везде вокруг, по-видимому, было золото. Но самой жилы он еще не обнаружил.

Моррисон сел и потряс свою последнюю фляжу. Но не услышал плеска. Он отвинтил пробку и опрокинул фляжу себе в рот. В запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он снова завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

На экране появилось круглое, озабоченное лицо Крэндолла.

— Томми, — сказал он, — на кого ты похож?

— Все в порядке, — ответил Моррисон. — Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен? — спросил Макс.

— Смотри сам, — сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны. — Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота, — неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! — сказал Моррисон. — Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туго с деньгами, но хочу попросить об одолжении. Пошли мне пинту воды. Всего пинту, чтобы мне хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу, — грустно ответил Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь сделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон.

Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы.

Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон, — сказал Крэндолл. — Я должен за него за два месяца.

— Я тоже, — вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку, — сказал Крэндолл. — Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу питаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Ремстаатеру.

— Джиму Ремстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на север, за Забытую речку. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог, — сказал Моррисон.

— И он поручился бы за тебя, если бы мог, — ответил Крэндолл. — Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настоящее месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из «Три-Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, просто цена кредита на Венере, — ответил Крэндолл. — Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кей, — сказал Моррисон. — Она должна быть где-то здесь. Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пассадене, близнецы в Лаосе, дядя Тед в Дуранго. И конечно, Джейни, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, снова упаковал телефон рядом с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над головой без конца кружили молча черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Все вокруг прыгало и плясало перед глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме прибора для анализов, телефона и револьвера. Или он выйдет из этой пустыни победителем, или не выйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти настоящую жилу.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру у подножия утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь на стороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейни говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье, — отвечал Моррисон. — Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится снова лезть в воду.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Пристально посмотрев на перегороженный вход в пещеру, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон; на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окаймлявших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а видавшие виды бармены добавляли новые подробности. В восемьдесят девятом году его заказал Кэрк — большую порцию, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие

заказывали его, сидя на своих драгоценных золотых жилах. По крайней мере так говорили.

Но существует ли он на самом деле? Есть ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли Моррисон до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну конечно! Ведь он уже почти может его разглядеть...

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он еле-еле полз к югу, за ним по пятам шли волки, на него ложились тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему было уже почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высохшее тело, останавливаясь только для того, чтобы отпугнуть выстрелом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться из-за них. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше.

Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то совсем рядом...

— Черт возьми, — произнес Моррисон.

Небольшой овраг, куда он свалился, был сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри сверкали яркие красные и пурпурные точки.

«Проверь, — сказал себе Моррисон. — Не надо ложных тревог. Не надо миражей и обманутых надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол кусочек камня. С виду это была золотоносная порода. Он достал свой набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и зазеленел.

— Золотоносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. — Эге, да я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он. — Я нашел! Нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс, — сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд, — сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд, — сказал Моррисон, — я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили, — сказал мистер Бойярд. — Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить, — ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно, — ответил мистер Бойярд. — Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон. — Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен один раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае, — решительно ответил мистер Бойярд. — После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон. — Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но я думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь, — ответил Моррисон. — Узнаете? Это золотоносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь нам устроить. Показывает горсть камешков...

— Но это на самом деле золотоносная порода! Неужели вы не видите?

— Я деловой человек, а не ювелир, — ответил мистер Бойярд. — Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисон лихорадочно пытался снова дозвониться до него. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил аппарат на землю и огляделся. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. На его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Сзади послышался какой-то шорох. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Не раздумывая ни секунды, Моррисон выхватил револьвер и выстрелил, размозжив голову зверя.

— Черт возьми, — сказал Моррисон, — я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Вокруг красными и пурпурными искрами сверкала золотоносная порода. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружились коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятились назад.

— Как раз вовремя, — сказал Моррисон.

— Вовремя для чего? — спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек, — произнес Уильямс-4, — ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве не советовал вернуться? Посмотрите-ка!

— Ты был совершенно прав, — сказал Моррисон. — Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения, — ответил Уильямс-4. — У нас на почте в таких случаях всегда бывает специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пачку писем — поздравления от Джейни, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что, — сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке. — Должно быть кое-что еще. Постойте... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешно сорвал обертку. Это был подарок от тети Мины из Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Антлантик-Сити.

— Говорят, очень вкусно, — сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. — Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу пожелать, — это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— Погоди! — крикнул Моррисон. — Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю, — ответил Уильямс-4. — Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть какие-то чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто седьмом меня примерно о том же просил Эбнер Лэтти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно, могу, — ответил робот. — Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать воду и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — спросил робот.

— Нет, — ответил Моррисон. — Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно, — ответил робот. — Мы только что выпустили новую серию венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренная цена. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов.

Почтальон осмотрел камень и протянул его обратно:

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит дороже, чем тысяча марок! — сказал Моррисон. Это же золотоносная порода!

— Очень может быть, — ответил Уильямс-4, — но я не запрограммирован на пробирный анализ. И почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен, — грустно сказал Уильямс-4. — Я всего лишь робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей, по сути дела такой предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывшийся в вихре телепортировки, упирался, брыкался и почти стряхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него как безумный. Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнул на землю и придавил его своим телом.

— Вы нарушаете работу почты, — сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить, — прорычал Моррисон. — Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно, — ответил Уильямс-4. — Я его не дам. А сами вы до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно, — ответил Моррисон. — Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я превратить тебя в металлолом без всякой механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично, — ответил робот. — У меня, конечно, нет инстинкта самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь, — сказал Моррисон, занося револьвер над головой.

— Кроме того, — поспешно добавил робот, — вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон засмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми своими двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь, — пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте! — сказал Уильямс-4. — Мой долг — охранять казенное имущество даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давайте телефон, — сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно, — сказал Крэндолл. — Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой! — сказал Моррисон. — Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение чего-то стоит.

— Смотри, — Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду, — заметил Крэндолл. Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Как же нам быть? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе Общественного Маркшейдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твое дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить, — сказал Крэндолл. — Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы, — произнес Уильямс-4, — впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю, — сказал Моррисон. — Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме — все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я и туда, знаете, ношу почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг, — сказал робот, подходя к вихрю. — Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вам почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет, — ответил Моррисон. — Прощайте, Уильямс.

Робот исчез в вихре.

Потом исчез и вихрь.

Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Он разыскал выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова вгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив к трещине край стальной пряжки, он ударами револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким оно кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный сюда Общественный Маркшейдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный старомодным черным лаком.

— Добрый день, сэр, — сказал Маркшейдер. — Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да, — ответил Моррисон.

— А где центр вашего участка?

— Что? Центр? По-моему, я на нем стою.

— Очень хорошо, — сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

— Что ты делаешь? — спросил Моррисон.

— Глубинные фотографии участка, — ответил робот. — Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться, — сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только был на это способен.

— Все, — сказал он наконец. — Кончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он, — сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая его Маркшейдеру. — Все?

— Абсолютно все, — ответил робот. — Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал.

— Чего не предъявил?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, согласно правительственному постановлению, не содержит радиоактивных веществ в количествах, превышающих пятьдесят процентов общей массы до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о нем не слыхал, — сказал Моррисон.

— Его сделали обязательным условием на прошлой неделе, — объяснил съемщик. — У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша обычная неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете вместо нее оформить специальную ограниченную заявку, — сказал робот. — Поискового акта для нее не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к правительству Венеры.

— Ладно! — заорал Моррисон. — Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все, — ответил Маркшейдер. — Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиваться от волков, — сказал Моррисон. — И еды. И послушайте, я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился в четверти мили от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская еще большую медную выпуклость. Днище уже стояло на песке, а выпуклость все росла. Когда наконец она показалась вся, в безбрежной пустыне возвышалась гигантская вычурная медная чаша для пунша. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Попросить бы мне флягу», — говорил он себе, мучимый страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Вот наконец перед ним стоял «Особый старательский» — выше колокольни, больше дома, наполненный водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернул кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан», — подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

Роберт Шекли

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Эдселю хотелось кого-нибудь убить. Вот уже три недели работал он с Парком и Факсоном в этой мертвой пустыне. Они раскапывали каждый курган, попадавшийся им на пути, ничего не находили и шли дальше. Короткое марсианское лето близилось к концу. С каждым днем становилось все холоднее, с каждым днем нервы у Эдселя, и в лучшие времена не очень-то крепкие, понемногу сдавали. Коротышка Факсон был весел — он мечтал о куче денег, которые они получат, когда найдут оружие, а Парк молча тащился за ними, словно железный, и не произносил ни слова, если к нему не обращались.

Эдсель был на пределе. Они раскопали еще один курган и опять не нашли ничего похожего на затерянное оружие марсиан. Водянистое солнце таращилось на них, на невероятно голубом небе были видны крупные звезды. Сквозь утепленный скафандр Эдселя начал просачиваться вечерний холодок, леденя суставы и сковывая мышцы.

Внезапно Эдселя охватило желание убить Парка. Этот молчаливый человек был ему не по душе еще с того времени, когда они организовали партнерство на Земле. Он ненавидел его больше, чем презирал Факсона.

Эдсель остановился.

— Ты знаешь, куда нам надо идти? — спросил он Парка зловеще низким голосом.

Парк только пожал плечами. На его бледном, худом лице ничего не отразилось.

— Куда мы идем, тебя спрашивают? — повторил Эдсель.

Парк опять молча пожал плечами.

— Пулю ему в голову, — решил Эдсель и потянулся за пистолетом.

— Подожди, Эдсель, — умоляющим тоном сказал Факсон, становясь между ними, — не выходи из себя. Ты только подумай о том, сколько мы загребем денег, если найдем оружие! —

Robert Sheckley. The Last Weapon. 1953
Перевод Ю. Виноградова.

От этой мысли глаза маленького человечка загорелись. — Оно где-то здесь, Эдсель. Может быть, в соседнем кургане.

Эдсель заколебался, пристально поглядел на Парка. В этот миг больше всего на свете ему хотелось убивать, убивать, убивать...

Знай он там, на Земле, что все получится именно так! Тогда все казалось легким. У него был свиток, а в свитке... сведения о том, где спрятан склад легендарного оружия марсиан. Парк умел читать по-марсиански, а Факсон дал деньги для экспедиции. Эдсель думал, что им только нужно долететь до Марса и пройти несколько шагов до места, где хранится оружие.

До этого Эдсель еще ни разу не покидал Земли. Он не рассчитывал, что ему придется пробыть на Марсе так долго, замерзать от леденящего ветра, голодать, питаясь безвкусными концентратами, всегда испытывать головокружение от разреженного скудного воздуха, проходящего через обогатитель. Он не думал тогда о натруженных мышцах, ноющих оттого, что все время надо продираться сквозь густые марсианские заросли.

Он думал только о том, какую цену заплатит ему правительство, любое правительство, за это легендарное оружие.

— Извините меня, — сказал Эдсель, внезапно сообразив что-то, — это место действует мне на нервы. Прости, Парк, что я сорвался. Веди дальше.

Парк молча кивнул и пошел вперед. Факсон вздохнул с облегчением и двинулся за Парком.

«В конце концов, — рассуждал про себя Эдсель, — убить их я могу в любое время».

Они нашли курган к вечеру, как раз тогда, когда терпение Эдселя подходило к концу. Это было странное, массивное сооружение, выглядевшее точно так, как написано в свитке. На металлических стенках осел толстый слой пыли. Они нашли дверь.

— Дайте-ка я ее высажу, — сказал Эдсель и начал вытаскивать пистолет.

Парк оттеснил его и, повернув ручку, открыл дверь.

Они вошли в огромную комнату, где грудами лежало сверкающее легендарное марсианское оружие, остатки марсианской цивилизации.

Люди стояли и молча смотрели по сторонам. Перед ними лежало сокровище, от поисков которого все уже давно отказались. С того времени, когда человек высадился на Марсе, развалины великих городов были тщательно изучены. По всей

равнине лежали сломанные машины, боевые колесницы, инструменты, приборы — все говорило о титанической цивилизации, на тысячи лет опередившей земную. Кропотливо расшифрованные письмена рассказали о жестоких войнах, бушевавших на этой планете. Однако в них не говорилось, что произошло с марсианами. Уже несколько тысячелетий на Марсе не было ни одного разумного существа, не осталось даже животных.

Казалось, свое оружие марсиане забрали с собой.

Эдсель знал, что это оружие ценилось на вес чистого радия. Равного не было во всем мире.

Они сделали несколько шагов в глубь комнаты. Эдсель поднял первое, что ему попалось под руку. Похоже на пистолет 45-го калибра, только крупнее. Он подошел к раскрытой двери и направил оружие на росший неподалеку куст.

— Не стреляй! — испуганно крикнул Факсон, когда Эдсель прицелился. — Оно может взорваться или еще что-нибудь. Пусть им занимаются специалисты, когда мы все это продадим.

Эдсель нажал на спусковой рычаг. Куст, росший в семидесяти пяти футах от входа, исчез в ярко-красной вспышке.

— Неплохо, — заметил Эдсель, ласково погладил пистолет и, положив его на место, взял следующий.

— Ну хватит, Эдсель, — умоляюще сказал Факсон, — нет смысла испытывать здесь. Можно вызвать атомную реакцию или еще что-нибудь.

— Заткнись, — бросил Эдсель, рассматривая спусковой механизм нового пистолета.

— Не стреляй больше, — продолжал просить Факсон. Он умоляюще поглядел на Парка, ища его поддержки, но тот молча смотрел на Эдселя.

— Ведь что-то из того, что здесь лежит, возможно, уничтожило всю марсианскую расу. Ты снова хочешь заварить кашу, — продолжал Факсон.

Эдсель опять выстрелил и с удовольствием смотрел, как вдали плавился кусок пустыни.

— Хороша штучка! — Он поднял еще что-то, по форме напоминающее длинный жезл. Холода он больше не чувствовал. Эдсель забавлялся этими блестящими штучками и был в прекрасном настроении.

— Пора собираться, — сказал Факсон, направляясь к двери.

— Собираться? Куда? — медленно спросил его Эдсель. Он поднял сверкающий инструмент с изогнутой рукояткой, удобно умещавшийся в ладони.

— Назад, в космопорт, — ответил Факсон. — домой, продавать всю эту амуницию, как мы и собирались. Уверен, что мы можем запросить любую цену. За такое оружие любое правительство даст миллионы.

— А я передумал, — задумчиво протянул Эдсель. Краем глаза он наблюдал за Парком.

Тот ходил между грудами оружия, но ни к чему не прикасался.

— Послушай-ка, парень, — злобно сказал Факсон, глядя Эделю в глаза, — в конце концов я финансировал экспедицию. Мы же собирались продать это барахло. Я ведь тоже имею право... То есть нет, я не то хотел сказать... — Еще не испробованный пистолет был нацелен ему прямо в живот. — Ты что задумал? — пробормотал он, стараясь не смотреть на странный блестящий предмет.

— Ни черта я не собираюсь продавать, — заявил Эдсель. Он стоял, прислонившись к стенке так, чтобы видеть обоих. — Я ведь и сам могу использовать эти штуки.

Он широко ухмыльнулся, не переставая наблюдать за обоими партнерами.

— Дома я раздам оружие своим ребятам. С ними мы запросто скинем какое-нибудь правительство в Южной Америке и продержимся, сколько захотим.

— Ну, хорошо, — упавшим голосом сказал Факсон, не спуская глаз с направленного на него пистолета. — Только я не желаю участвовать в этом деле. На меня не рассчитывай.

— Пожалуйста, — ответил Эдсель.

— Ты только ничего не думай, я не собираюсь об этом болтать, — быстро проговорил Факсон, — я не буду. Просто не хочется стрелять и убивать. Так что я лучше пойду.

— Конечно, — сказал Эдсель.

Парк стоял в стороне, внимательно рассматривая свои ногти.

— Если ты устроишь себе королевство, я к тебе приеду в гости, — сказал Факсон, делая слабую попытку улыбнуться. — Может быть, сделаешь меня герцогом или еще кем-нибудь.

— Может быть.

— Ну и отлично. Желаю тебе удачи, — Факсон помахал ему рукой и пошел к двери.

Эдсель дал ему пройти шагов двадцать, затем поднял оружие и нажал на кнопку. Звука не последовало, вспышки тоже, но у Факсона правая рука была отсечена начисто. Эд-

сель быстро нажал кнопку еще раз. Маленького человечка рассекло надвое. Справа и слева от него на земле остались глубокие борозды.

Эдсель вдруг сообразил, что все это время он стоял спиной к Парку, и круто повернулся. Парк мог бы схватить ближайший пистолет и разнести его на куски. Но Парк спокойно стоял на месте, скрестив руки на груди.

— Этот луч пройдет сквозь что угодно, — спокойно заметил Парк, — полезная игрушка.

Полчаса Эдсель с удовольствием таскал к двери то одно, то другое оружие. Парк к нему даже не притрагивался, с интересом наблюдая за Эдселем. Древнее оружие марсиан было как новенькое; на нем не сказались тысячи лет бездействия. В комнате было много оружия разного типа, разной конструкции и мощности. Изумительно компактные тепловые и радиационные автоматы, оружие, мгновенно замораживающее, и оружие сжигающее, оружие, умеющее рушить, резать, коагулировать, парализовать и другими способами убивать все живое.

— Давай-ка попробуем это, — сказал Парк.

Эдсель, собиравшийся испытать интересное трехствольное ружье, остановился.

— Я занят, не видишь, что ли?

— Перестань возиться с этими игрушками. Давай займемся серьезным делом.

Парк остановился перед низкой черной платформой на колесах. Вдвоем они выкатили ее наружу. Парк стоял рядом и наблюдал, как Эдсель поворачивал рычажки на пульте управления. Из глубины машины раздалось негромкое гудение, затем ее окутал голубоватый туман. Облако тумана росло по мере того, как Эдсель поворачивал рычажок, и накрыло обоих людей, образовав нечто вроде правильного полушария.

— Попробуй-ка пробить ее из бластера, — сказал Парк.

Эдсель выстрелил в окружающую их голубую стену. Заряд был полностью поглощен голубой стеной. Эдсель испробовал на ней еще три разных пистолета, но они тоже не могли пробить голубоватую прозрачную стену.

— Сдается мне, — тихо произнес Парк, — что такая стена выдержит и взрыв атомной бомбы. Это, видимо, мощное силовое поле.

Эдсель выключил машину, и они вернулись в комнату с оружием. Солнце приближалось к горизонту, и в комнате становилось все темнее.

— А знаешь что? — сказал вдруг Эдсель. — Ты неплохой парень, Парк. Парень что надо.

— Спасибо, — ответил Парк, рассматривая кучу оружия.

— Ты не сердишься, что я разделался с Факсоном, а? Он ведь собирался донести на нас правительству.

— Наоборот, я одобряю.

— Уверен, что ты парень что надо. Ты бы мог меня убить, когда я стрелял в Факсона. — Эдсель умолчал о том, что на месте Парка он так бы и поступил.

Парк пожал плечами.

— А как тебе идея насчет королевства со мной на пару? — спросил Эдсель, расплывшись в улыбке. — Я думаю, мы это дело провернем. Найдем себе приличную страну, будет уйма девочек, развлечений. Ты как насчет этого?

— Я за, — ответил Парк, — считай меня в своей команде.

Эдсель похлопал его по плечу, и они пошли дальше вдоль рядов с оружием.

— С этим все довольно ясно, — продолжал Парк, — варианты того, что мы уже видели.

В углу комнаты они заметили дверь. На ней виднелась надпись на марсианском языке.

— Что тут написано? — спросил Эдсель.

— Что-то насчет абсолютного оружия, — ответил Парк, разглядывая тщательно выписанные буквы чужого языка, — предупреждают, чтобы не входили.

Парк открыл дверь. Они хотели войти, но от неожиданности отпрянули назад.

За дверью был зал, раза в три больше, чем комната с оружием, и вдоль всех стен, заполняя его, стояли солдаты. Роскошно одетые, вооруженные до зубов, солдаты стояли неподвижно, словно статуи. Они не проявляли никаких признаков жизни.

У входа стоял стол, а на нем было три предмета: шар размером с кулак, с нанесенными на нем делениями, рядом — блестящий шлем, а за ним — небольшая черная шкатулка с марсианскими буквами на крышке.

— Это что — усыпальница? — прошептал Эдсель, с благоговением глядя на резко очерченные неземные лица марсианских воинов.

Парк, стоявший позади него, не ответил.

Эдсель подошел к столу и взял в руки шар. Осторожно он повернул стрелку на одно деление.

— Как ты думаешь, что они должны делать? — спросил он Парка. — Ты думаешь...

Оба они вздрогнули и попятились.

По рядам солдат прокатилось движение. Они качнулись и застыли в позе «смирно». Древние воины ожили.

Один из них, одетый в пурпурную с серебром форму, вышел вперед и поклонился Эдселю.

— Господин, ваши войска готовы.

Эдсель от изумления не мог найти слов.

— Как вам удалось остаться живыми столько лет? — спросил Парк. — Вы марсиане?

— Мы слуги марсиан.

Парк обратил внимание на то, что, когда солдат говорил, губы его не шевелились. Марсианские солдаты были телепатами.

— Мы Синтеты, господин.

— Кому вы подчиняетесь?

— Активатору, господин, — Синтет говорил, обращаясь непосредственно к Эдселю, глядя на прозрачный шар в его руках.

— Мы не нуждаемся в пище или сне, господин. Наше единственное желание — служить вам и сражаться.

Солдаты кивнули в знак одобрения.

— Веди нас в бой, господин...

— Можете не беспокоиться, — сказал Эдсель, придя наконец в себя. — Я вам, ребята, покажу, что такое настоящий бой, будьте уверены.

Солдаты торжественно трижды прокричали приветствие. Эдсель ухмыльнулся, оглянувшись на Парка.

— А что обозначают остальные деления на циферблате? — спросил Эдсель. Но солдат молчал. Видимо, вопрос не был предусмотрен введенной в него программой.

— Может быть, они активируют других Синтетов, — сказал Парк. — Наверное, внизу есть еще залы с солдатами.

— И вы еще спрашиваете, поведу ли я вас в бой? Еще как поведу!

Солдаты еще раз торжественно прокричали приветствие.

— Усыпи их и давай продумаем план действий, — сказал Парк.

Эдсель, все еще ошеломленный, повернул рычаг назад. Солдаты замерли, словно превратившись в статуи.

— Пойдем назад.

— Ты, пожалуй, прав.

— И захвати с собой все это, — сказал Парк, показывая на стол.

Эдсель взял блестящий шлем и черный ящик и вышел наружу вслед за Парком. Солнце почти скрылось за горизонтом, и над красной пустыней протянулись черные длинные тени. Было очень холодно, но они этого не чувствовали.

— Ты слышал, Парк, что они говорили? Слышал? Они сказали, что я их вождь! С такими солдатами... — он засмеялся. С такими солдатами, с таким оружием его ничто не сможет остановить. Да уж он выберет себе королевство. Самые красивые девочки в мире, ну и повеселится же он...

— Я генерал! — крикнул Эдсель и надел шлем на голову. — Как, идет мне, Парк? Похож я...

Он замолчал. Ему послышалось, будто кто-то что-то шепчет, бормочет. Что это?

«...проклятый дурак. Тоже придумал королевство! Такая власть — это для гениального человека, человека, который способен переделать историю. Для меня!»

— Кто это говорит? Ты, Парк? А? — Эдсель внезапно понял, что с помощью шлема он мог слышать чужие мысли, но у него уже не осталось времени осознать, какое это было бы оружие для правителя мира.

Парк аккуратно прострелил ему голову. Все это время пистолет был у него в руке.

«Что за идиот! — подумал про себя Парк, надевая шлем. — Королевство! Тут вся власть в мире, а он мечтает о каком-то вшивом королевстве». Он обернулся и посмотрел на пещеру.

«С такими солдатами, силовым полем и всем оружием я завоюю весь мир». Он думал об этом спокойно, зная, что так оно и будет.

Он собрался было назад, чтобы активировать Синтетов, но остановился и поднял маленькую черную шкатулку, выпавшую из рук Эдселя.

На ее крышке стремительным марсианским письмом было выгравировано: «Абсолютное оружие».

«Что бы это могло означать?» — подумал Парк. Он позволил Эдселю прожить ровно столько, чтобы испытать оружие. Нет смысла рисковать лишний раз. Жаль, что он не успел испытать и этого.

Впрочем, и не нужно. У него и так хватает всякого оружия. Но вот это, последнее, может облегчить задачу, сделать

ее гораздо более безопасной. Что бы там ни было, это ему, несомненно, поможет.

— Ну, — сказал он самому себе, — давай-ка посмотрим, что считают абсолютным оружием сами марсиане, — и открыл шкатулку.

Из нее пошел легкий пар. Парк отбросил шкатулку подальше, опасаясь, что там ядовитый газ.

Пар пошел струей вверх и в стороны, затем начал сгущаться. Облако ширилось, росло и принимало какую-то определенную форму.

Через несколько секунд оно приняло законченный вид и застыло, возвышаясь над шкатулкой. Облако поблескивало металлическим отсветом в угасающем свете дня, и Парк увидел, что это огромный рот под двумя немигающими глазами.

— Хо-хо? — сказал рот. — Протоплазма! — Он потянулся к телу Эдселя.

Парк поднял дезинтегратор и тщательно прицелился.

— Спокойная протоплазма, — сказало чудовище, пожирая тело Эдселя, — мне нравится спокойная протоплазма, — и чудовище заглотило тело Эдселя целиком.

Парк выстрелил. Взрыв вырыл десятифутовую воронку в почве. Из нее выплыл гигантский рот.

— Долго же я ждал! — сказал рот.

Нервы у Парка сжались в тугой комок. Он с трудом подавил в себе надвигающийся панический ужас. Сдерживая себя, он не спеша включил силовое поле, и голубой шар окутал его.

Парк схватил пистолет, из которого Эдсель убил Факсона, и почувствовал, как удобно легла в его руку прикладистая рукоятка. Чудовище приближалось. Парк нажал на кнопку, и из дула вырвался прямой луч...

Оно продолжало приближаться.

— Сгинь, исчезни! — завизжал Парк. Нервы у него начали рваться.

Оно приближалось с широкой ухмылкой.

— Мне нравится спокойная протоплазма, — сказало Оно, и гигантский рот сомкнулся над Парком, — но мне нравится и активная протоплазма.

Оно глотнуло и затем выплыло сквозь другую стенку поля, оглядываясь по сторонам в поисках миллионов единиц протоплазмы, как бывало давным-давно.

Роберт Шекли

ДЕМОНЫ

Проходя по Второй авеню, Артур Гаммет решил, что денек выдался пригожий, по-настоящему весенний — не слишком холодный, но свежий и бодрящий. Идеальный день для заключения страховых договоров, сказал он себе. На углу Девятой улицы он сошел с тротуара.

И исчез.

— Видали? — спросил мясника подручный. Оба стояли в дверях мясной лавки, праздно глазея на прохожих.

— Что «видали»? — отозвался тучный краснолицый мясник.

— Вон того малого в пальто. Он исчез.

— Просто свернул на Девятую, — буркнул мясник, — ну и что с того?

Подручный мясника не заметил, чтобы Артур сворачивал на Девятую или пересекал Вторую. Он видел, как тот мгновенно пропал. Но какой смысл упорствовать? Скажешь хозяину: «Вы ошибаетесь», а дальше что? Может статься, парень в пальто и вправду свернул на Девятую. Куда еще он мог деться? Однако Артура Гаммета уже не было в Нью-Йорке. Он пропал без следа.

Совсем в другом месте, может быть, даже не на Земле, существо, именующее себя Нельзевулом, уставилось на пятиугольник. Внутри пятиугольника возникло нечто, отнюдь не входящее в его расчеты. Гневным взглядом сверлил Нельзевул это «нечто», да и было отчего выйти из себя. Долгие годы он выискивал магические формулы, экспериментировал с травами и эликсирами, штудировал лучшие книги по магии и ведовству. Все, что усвоил, он вложил в одно титаническое усилие, и что же получилось? Явился не тот демон.

Разумеется, здесь возможны всяческие неполадки. Взять хотя бы руку, отрубленную у мертвеца: вовсе не исключено, что труп принадлежал самоубийце, — разве можно верить даже лучшим из торговцев? А может быть, одна из линий, об-

---

Robert Sheckley. The Demons. 1953

Перевод Н. Евдокимовой.

разующих стороны пятиугольника, проведена чуть-чуть криво — это ведь очень важно. Или слова заклинания произнесены не в должном порядке. Одна фальшивая нота - - и все погибло! Так или иначе, сделанного не вернешь. Нельзевул прислонился к исполинской бутыли плечом, покрытым красной чешуей, и почесал другое плечо кинжалообразным ногтем. Как всегда в минуты замешательства, усеянный колючками хвост нерешительно постукивал по полу.

Но какого-то демона он все же изловил.

Правда, создание, заключенное внутри пятиугольника, ничуть не походило ни на одного из известных демонов. Взять хотя бы эти болтающиеся складки серой плоти... Впрочем, все исторические сведения славятся своей неточностью. Как бы там ни выглядело сверхъестественное существо, придется ему раскошелиться. В чем, в чем, а в этом он уверен. Нельзевул поудобнее скрестил копыта и стал ждать, когда чудное существо заговорит.

Артур Гаммет был слишком ошеломлен, чтобы разговаривать. Только что он шел в страховую контору, никого не трогал, наслаждался чудесным воздухом раннего весеннего утра. Он ступил на мостовую на перекрестке Второй и Девятой — и... внезапно очутился здесь. Непонятно, где именно.

Чуть покачиваясь, он стал вглядываться в густой туман, застилающий комнату, и различил огромное чудище в красной чешуе; чудище сидело на корточках. Рядом с ним возвышалось что-то вроде бутыли — прозрачное сооружение высотой добрых три метра. У чудища был усыпанный шипами хвост - - им оно теперь почесывало голову — и поросячьи глазки, которые уставились на Артура. Тот пытался поспешно отступить назад, но ему удалось сделать лишь один шаг. Он заметил, что стоит внутри очерченной мелом фигуры и по неведомой причине не может перешагнуть через белые линии.

— Ну вот, — заметило красное страшилище, нарушив наконец молчание, — теперь-то ты попался.

Оно проговорило совсем другие слова, звуки которых были совершенно незнакомы Артуру. Однако каким-то образом он понял смысл сказанного. То была не телепатия: словно Артур автоматически, без напряжения переводил с чужого языка.

— По правде говоря, я немножко разочарован, — продолжал Нельзевул, не дождавшись ответа от демона, пленного в пятиугольнике. — Во всех легендах говорится, что демоны — это устрашающие создания пяти метров росту, кры-

латые, с крохотными головами, и будто в груди у них дыра, из которой извергаются струи холодной воды.

Артур Гаммет стянул с себя пальто: оно бесформенным промокшим комом упало ему под ноги. В голове мелькнула смутная мысль, что идея извержения холодных струй не так уж плоха. Комната напоминала раскаленную печь. Его серый костюм из твида успел уже превратиться в серую измятую мешанину из материи и пота.

Вместе с этой мыслью пришла примиренность с красным чудищем, с проведенными мелом линиями, которых не переступишь, с жаркой комнатой — словом, решительно со всем.

Раньше он замечал, что в книгах, журналах и кинофильмах герой, попавший в необычное положение, всегда произносит: «Ущипните меня, наяву такого не бывает!» или: «Боже, мне снится сон, либо я напился, либо сошел с ума». Артур вовсе не собирался изрекать столь явную бессмыслицу. Во-первых, он был убежден, что огромное красное чудище этого не оценит, во-вторых, знал, что не спит, не пьян и не сошел с ума. В лексиконе Артура Гаммета отсутствовали нужные слова, но он понимал: сон — это одно, а то, что он сейчас видит, — совершенно другое.

— Что-то я не слыхал, чтобы в легендах упоминалось об умении сдирать с себя кожу, — задумчиво пробормотал Нельзевул, глядя на пальто, валяющееся у ног Артура. — Занятно.

— Это ошибка, — твердо ответил Артур. Опыт работы страховым агентом сослужил ему сейчас хорошую службу. Артуру приходилось сталкиваться со всякими людьми и разбираться во всевозможных запутанных ситуациях. Очевидно, чудище пыталось вызвать демона. Не по своей вине оно наткнулось на Артура Гаммета и находится под впечатлением, будто Артур и есть демон. Ошибку следует исправить как можно скорее.

— Я страховой агент, — заявил он. Чудище покачало огромной рогатой головой. Оно хлестало себя по бокам, с неприятным свистом рассекая воздух.

— Твоя потусторонняя деятельность нисколько меня не интересует, — зарычал Нельзевул. — В сущности, мне даже безразлично, к какой породе демонов ты относишься.

— Но я же объясняю вам, что я не...

— Ничего не выйдет! — прорычал Нельзевул, подойдя к самому краю пятиугольника и свирепо сверкая глазами. — Я знаю, что ты демон. И мне нужен крутяк.

— Крутяк? Что-то я не...

— Я все ваши демонские увертки насквозь вижу, — заявил Нельзевул, успокаиваясь с видимым усилием. — Я знаю так же, как и ты, что демон, вызванный заклинанием, должен исполнить одно желание заклинателя. Я тебя вызвал, и мне нужен крутяк. Десять тысяч фунтов крутяка.

— Крутяк... — растерянно начал Артур, стараясь держаться в самом дальнем углу пятиугольника, подальше от чудища, которое ожесточенно размахивало хвостом.

— Крутяк, или шмар, или волхолово, или фон-дер-пшик. Это все одно и то же.

«Да ведь оно говорит о деньгах», — вдруг дошло до Артура. Жаргонные словечки были незнакомы, но интонацию, с какой они выговаривались, ни с чем не спутаешь. Крутяком, несомненно, называется то, что служит местной валютой.

— Десять тысяч фунтов не так уж много, — продолжал Нельзевул с хитрой ухмылочкой. — Во всяком случае, для тебя. Ты должен радоваться, что я не из тех кретинов, кто клянчит бессмертие.

Артур обрадовался.

— А если я не соглашусь? — спросил он.

— В таком случае, — ответил Нельзевул, и ухмылка его сменилась хмурой гримасой, — мне придется заколдовать тебя. Заключить в эту бутыль.

Артур покосился на прозрачную зеленую махину, возвышающуюся над головой Нельзевула. Широкая у основания бутыль постепенно сужалась кверху. Если только чудище способно затолкать Артура внутрь, он никогда в жизни не протиснется обратно через узкое горлышко. А что чудище на это способно, Артур не сомневался.

— Ну же, — сказал Нельзевул, снова расплываясь в ухмылке, еще более хитрой, чем была раньше, — нет никакого смысла становиться в позу героя. Что для тебя десять тысяч фунтов старого доброго фон-дер-пшика? Меня они осчастливят, а ты это сделаешь одним мановением руки.

Он умолк, и его улыбка стала заискивающей.

— Знаешь, — продолжал он тихо, — ведь я потратил на это уйму времени. Прочитал массу книг, извел кучу шамара. — Внезапно хвост его хлестнул по полу словно пуля, рикошетом отскочившая от гранита. — Не пытайся обвести меня вокруг пальца! — взревел он.

Артур обнаружил, что магическая сила меловых линий распространяется по меньшей мере на высоту его роста. Он осторожно прислонился к невидимой стене и, установив, что она выдерживает его тяжесть, комфортабельно оперся на нее.

Десять тысяч фунтов крутяка, размышлял он. Очевидно, это чудище — волшебник из Бог весть какой страны. Быть может, с другой планеты. Своими заклинаниями оно пыталось вызвать демона, исполняющего любые желания, а вызвало его, Артура Гаммета. Теперь оно чего-то хочет от него и в случае неповиновения угрожает бутылкой. Все это страшно нелогично, но Артур Гаммет заподозрил, что колдуны по большей части народ алогичный.

— Я постараюсь достать тебе крутяк, — промямлил Артур, почувствовав, что надо сказать хоть слово. — Но мне надо вернуться за ним в... э-э... преисподнюю. Весь этот вздор с мановением руки вышел из моды.

— Ладно, — согласилось чудище, стоя на краю пятиугольника и плотоядно поглядывая на Артура. — Я тебе доверяю. Но помни, я могу тебя вызвать в любое время. Ты никуда не денешься, сам понимаешь, так что лучше и не пытайся. Между прочим, меня зовут Нельзевул.

— А Вельзевул вам случайно не родственник?

— Это мой прадед, — ответил Нельзевул, подозрительно косясь на Артура. — Он был военным. К сожалению, он... — Нельзевул оборвал себя на полуслове и метнул на Артура злобный взгляд. — Впрочем, вам, демонам, все это известно! Сгинь! И принеси крутяк.

Артур Гаммет исчез.

Он материализовался на углу Второй авеню и Девятой улицы — там же, где исчез. Пальто валялось у его ног, одежда была пропитана потом. Он пошатнулся, ведь в тот миг, когда Нельзевул его отпустил, он опирался на магическую силовую стену, но удержал равновесие, поднял с земли пальто и поспешил домой. К счастью, народу вокруг было немного. Две женщины с хозяйственными сумками, ахнув, быстро зашагали прочь. Какой-то щеголевато одетый господин моргнул раз пять-шесть, сделал шаг в сторону, словно намереваясь что-то спросить, передумал и торопливо пошел к Восьмой улице. Остальные то ли не заметили Артура, то ли им было наплевать.

Придя в свою двухкомнатную квартиру, Артур сделал слабую попытку забыть все происшедшее, как забывают дур-

ной сон. Это не удалось, и он стал перебирать в уме свои возможности.

Он мог бы достать крутяк. То есть не исключено, что мог бы, если бы выяснил, что это такое. Вещество, которое Нельзевул считает ценным, может оказаться чем угодно. Свинцом, например, или железом. Но даже в этом случае Артур, живущий на скромный доход, совершенно вылетит в трубу.

Он мог бы заявить в полицию. И попасть в сумасшедший дом. Не годится.

Наконец, можно не доставать крутяк — и провести остаток дней в бутылке. Тоже не годится.

Остается одно — ждать, пока Нельзевул не вызовет его снова, и тогда уж выяснить, что такое крутяк. А вдруг окажется, что это обыкновенный навоз? Артур может взять его на дядюшкиной ферме в Нью-Джерси, но пусть уж Нельзевул сам позаботится о доставке.

Артур Гаммет позвонил в контору и сообщил, что болен и проболеет еще несколько дней. После этого он приготовил на кухоньке обильный завтрак, в глубине души гордясь своим аппетитом. Не каждый способен умять такую порцию, если ему лезть в бутылку. Он привел все в порядок и переоделся в плавки. Часы показывали половину пятого пополудни. Артур растянулся на кровати и стал ждать. Около половины десятого он исчез.

— Опять переменил кожу, — заметил Нельзевул. — Где же крутяк? — Нетерпеливо подергивая хвостом, он забегал вокруг пятиугольника.

— У меня за спиной его нет, — ответил Артур, поворачиваясь так, чтобы стать лицом к Нельзевулу. — Мне нужна дополнительная информация. Он принял непринужденную позу, опершись о невидимую стену, излучаемую меловыми линиями. — И ваше обещание, что, как только я отдам крутяк, вы оставите меня в покое.

— Конечно, с радостью согласился Нельзевул. — Так или иначе, я имею право выразить только одно желание. Вот что, давай-ка я поклянусь великой клятвой сатаны. Она, знаешь ли, абсолютно нерушима.

— Сатаны?

— Это один из первых наших президентов, — пояснил Нельзевул с благоговейным видом. — У него служил мой прадед Вельзевул. К несчастью... Впрочем, ты все и так знаешь.

Нельзевул произнес великую клятву сатаны, и она оказалась необычайно внушительной. Когда он умолк, голубые клубы тумана в комнате окаймились красными полосами, а контуры гигантской бутыли зловеще заколыхались в тусклом освещении. Даже в своей более чем легкой одежде Артур обливался потом. Он пожалел, что не родился холодильным демоном.

— Вот так, — заключил Нельзевул, распрямляясь во весь рост посреди комнаты и обвивая хвостом запястье. Глаза его мерцали странным огнем — отблеском воспоминаний о былой славе.

— Так какая тебе нужна информация? — осведомился Нельзевул, вышагивая взад и вперед около пятиугольника и волоча за собой хвост.

— Опишите мне этот крутяк.

— Ну, он такой тяжелый, не очень твердый...

— Быть может, свинец?

— ...и желтый.

Золото...

— Гм... — пробормотал Артур, внимательно разглядывая бутыль. — А он никогда не бывает серым, а? Или темно-коричневым?

— Нет. Он всегда желтый. Иногда с красноватым отливом.

Все-таки золото. Артур стал задумчиво созерцать чешуйчатое чудище, которое с плохо скрытым нетерпением расхаживало по комнате. Десять тысяч фунтов золота. Это обойдется в... Нет, лучше над этим не задумываться. Немыслимо.

— Мне понадобится некоторое время, — сказал Артур. — Лет шестьдесят-семьдесят. Давайте вот как условимся: я сообщу вам сразу же, когда...

Нельзевул прервал его раскатом гомерического хохота. Очевидно, Артур пощекотал его остаточное чувство юмора, ибо Нельзевул, обхватив колени передними лапами, повизгивал от веселья.

— Лет шестьдесят-семьдесят! — проревел, захлебываясь, Нельзевул, и задрожала бутыль, и даже стороны пятиугольника как будто заколебались. — Я дам тебе минут шестьдесят-семьдесят! Иначе — крышка!

— Минуточку, — проговорил Артур из дальнего угла пятиугольника. — Мне понадобится чуть-чуть... Погодите! — У него только что мелькнула спасительная мысль. То была, несомненно, лучшая мысль в его жизни. Более того, это была его собственная мысль.

— Мне нужна точная формула заклинания, при помощи которого вы меня вызываете, — заявил Артур. — Я должен удостовериться в центральной конторе, что все в порядке.

Чудище пришло в неистовство и принялось сыпать проклятиями. Воздух почернел, и в нем появились красные разводы; в тон голосу Нельзевула сочувственно зазвенела бутыль, а сама комната, казалось, пошла кругом. Однако Артур Гаммет твердо стоял на своем. Он терпеливо, раз семь или восемь, объяснял, что заточать его в бутыль бесполезно — тогда уж Нельзевул наверняка не получит золота. Все, что от того требуется, — это формула, и она, безусловно, не...

Наконец Артур добился формулы.

— И чтобы у меня без штучек! — прогремел на прощание Нельзевул, обеими руками и хвостом указывая на бутылку. Артур слабо кивнул и вновь очутился в своей комнате.

Следующие несколько дней прошли в бешеных поисках по всему Нью-Йорку. Некоторые из ингредиентов магической формулы было легко отыскать, например, веточку омелы в цветочном магазине, а также серу. Хуже обстояло с могильной землей и с левым крылом летучей мыши. По-настоящему в тупик Артура поставила рука, отрубленная у убитого. В конце концов бедняге удалось добыть и ее в специализированном магазине, обслуживающем студентов-медиков. Продавец уверял, будто покойник, которому принадлежала рука, погиб насильственной смертью. Артур подозревал, что продавец безответственно поддакивает ему, считая требование покупателя просто-напросто блажью, но тут уж ничего нельзя было поделать.

В числе прочих ингредиентов он приобрел большую стеклянную бутыль, и поразительно дешево. Все же у жителей Нью-Йорка есть кое-какие преимущества, заключил Артур. Не существует ничего — буквально ничего, — что не продавалось бы за деньги.

Через три дня все необходимые материалы были закуплены, и в полночь на третьи сутки он разложил их на полу в своей квартире. В окно светила луна во второй фазе; насчет лунной фазы магическая формула не давала ясных инструкций. Казалось, все на мази. Артур начертил пятиугольник, зажег свечи, воскурил благовония и затянул слова заклинания. Он надеялся, что, пунктуально следуя полученным указаниям,

ухитрится заколдовать Нельзевула. Его единственным желанием будет, чтобы Нельзевул оставил его в покое отныне и навсегда. План казался безупречным.

Он приступил к заклинаниям; по комнате голубой дымкой расползся туман, и вскоре Артур увидел нечто, вырастающее в центре пятиугольника.

— Нельзевул! — воскликнул он. Однако то был не Нельзевул.

Когда Артур кончил читать заклинание, существо внутри пятиугольника достигло без малого пяти метров в высоту. Ему пришлось склониться почти до полу, чтобы уместиться под потолком комнаты Артура. То было создание ужасающего вида, крылатое, с крохотной головой и с дырой в груди.

Артур Гаммет вызвал не того демона.

— Что все это значит? — удивился демон и выбросил из груди струю холодной воды. Вода плеснула о невидимые стены пятиугольника и скатилась на пол. Должно быть, у демона сработал обычный рефлекс: в комнате Артура и так царила приятная прохлада.

— Я хочу, чтобы ты исполнил мое единственное желание, — отчеканил Артур. Демон был голубого цвета и невероятно худой, вместо крыльев торчали рудиментарные отростки. Прежде чем ответить, он два раза похлопал ими себя по костлявой груди.

— Я не знаю, кто ты такой и как тебе удалось поймать меня, — сказал демон, — но это хитроумно. Это, бесспорно, хитроумно.

— Не будем болтать попусту, — нервно ответил Артур, про себя соображая, когда именно вздумается Нельзевулу вызвать его снова. — Мне нужно десять тысяч фунтов золота. Известного также под названиями крутяк, волхолово и фондер-пшик. — «С минуты на минуту, — подумал он, — могу оказаться в бутылке».

— Ну, — пробормотал холодильный демон, — ты, кажется, исходишь из ложной предпосылки, будто я...

— Даю тебе двадцать четыре часа...

— Я не богат, — сообщил холодильный демон. — Я всего лишь мелкий делец. Но, может быть, если ты дашь мне срок...

— Иначе — крышка, — докончил Артур. Он указал на большую бутыль, стоящую в углу, и тут же понял, что в ней никак не поместится пятиметровый холодильный демон.

— Когда я вызову тебя в следующий раз, бутыль будет достаточно велика, — прибавил Артур. — Я не думал, что ты окажешься таким рослым.

— У нас есть легенды о таинственных исчезновениях, — раздумывал демон вслух. — Так вот что тогда случается! Преисподняя... Впрочем, вряд ли мне кто-нибудь поверит.

— Принеси крутяк, — распорядился Артур. — Сгинь!

И холодильного демона не стало.

Артур Гаммет знал, что медлить больше суток нельзя. Возможно, и это слишком много, ибо никому не ведомо, когда же Нельзевул решит, что время истекло. И уж вовсе не известно, что предпримет багровочешуйчатая тварь, если будет разочарована в третий раз. К концу дня Артур заметил, что судорожно сжимает трубу парового отопления. Много ли она поможет против заклинаний?! Просто приятно ухватиться за что-нибудь основательное.

Артур подумал, что стыдно приставать к холодильному демону и злоупотреблять его возможностями. Совершенно ясно, что это не настоящий демон — не более настоящий, чем сам Артур. Что ж, он никогда не засадит голубого демона в бутылку. Все равно это не поможет, если желание Нельзевула не осуществится.

Наконец Артур снова пробормотал слова заклинания.

— Ты бы сделал пятиугольник пошире, — попросил холодильный демон, съеживаясь в неудобной позе внутри магической зоны. — Мне не хватает места для...

— Сгинь! — воскликнул Артур и лихорадочно стер пятиугольник. Он начертил его заново, использовав на этот раз площадь всей комнаты. Он оттащил на кухню бутыль (все ту же, поскольку пятиметровой не нашлось), забрался в стенной шкаф и повторил формулу с самого начала. Снова навис густой колышущийся синий туман.

— Ты только не горячись, — заговорил в пятиугольнике холодильный демон. — Фон-дер-пшика еще нет. Заминка вышла. Сейчас я тебе все объясню. Он похлопал крыльями, чтобы развеять туман. Рядом с ним стояла бутыль высотой в три метра. Внутри, позеленевший от ярости, сидел Нельзевул. Он что-то кричал, но крышка была плотно завинчена и ни один звук не проникал наружу.

— Выписал формулу в библиотеке, — пояснил демон. — Чуть не опалел, когда она подействовала. Всегда, знаешь ли,

был трезвым дельцом. Не признаю всей этой сверхъестественной мути. Однако надо смотреть фактам в лицо. Как бы там ни было, я заколдовал вон того демона. — Он ткнул костлявой рукой в сторону бутыли. — Но он ни за что не хочет раскошеливаться. Вот я и заключил его в бутылку.

Холодильный демон испустил глубокий вздох облегчения, заметив улыбку Артура. Она была равносильна отсрочке смертного приговора.

— Мне в общем-то бутылка ни к чему, — продолжал холодильный демон, — у меня жена и трое детишек. Ты ведь знаешь, как это бывает. У нас сейчас кризис в страховом деле и все такое; я не наберу десять тысяч фунтов крутяка, даже если мне дадут в подмогу целую армию. Но как только я уговорю вон того демона...

— О крутяке не беспокойся, — прервал его Артур. — Возьми только этого демона себе. Храни его хорошенько. Разумеется, в упаковке.

— Я это сделаю, — заверил синекрылый страховой агент. — Что же касается крутяка...

— Да Бог с ним, — сердечно отозвался Артур. В конце концов, страховые агенты должны стоять друг за друга. — А ты тоже занимаешься пожарами и кражами?

— Я больше по несчастным случаям, — ответил страховой агент. — Но знаешь, я вот все думаю...

Внутри бутылки ярился, бушевал и сыпал ужасными проклятиями Нельзевул, а два страховых агента безмятежно обсуждали тонкости своей профессии.

Роберт Шекли

КОЕ-ЧТО ЗАДАРОМ

Он как будто услышал чей-то голос. Но, может быть, ему просто почудилось? Стараясь припомнить, как все это произошло, Джо Коллинз знал только, что он лежал на постели, слишком усталый, чтобы снять с одеяла ноги в насквозь промокших башмаках, и не отрываясь смотрел на расползшуюся по грязному желтому потолку паутину трещин — следил, как сквозь трещины медленно, тоскливо, капля за каплей просачивается вода.

Вот тогда, по-видимому, это и произошло. Коллинзу показалось, будто что-то металлическое поблескивает возле его кровати. Он приподнялся и сел. На полу стояла какая-то машина — там, где раньше никакой машины не было.

И когда Коллинз уставился на нее в изумлении, где-то далеко-далеко незнакомый голос произнес: «Ну вот! Это уже все!» А может быть, это ему и послышалось. Но машина, несомненно, стояла перед ним на полу.

Коллинз опустился на колени, чтобы ее обследовать. Машина была похожа на куб — фута три в длину, в ширину и в высоту — и издавала негромкое жужжание. Серая зернистая поверхность ее была совершенно одинакова со всех сторон, только в одном углу помещалась большая красная кнопка, а в центре — бронзовая дощечка. На дощечке было выгравировано: «Утилизатор класса А, серия АА-1256432». А ниже стояло: «Этой машиной можно пользоваться только по классу А».

Вот и все.

Никаких циферблатов, рычагов, выключателей — словом, никаких приспособлений, которые, по мнению Коллинза, должна иметь каждая машина. Просто бронзовая дощечка, красная кнопка и жужжание.

— Откуда ты взялась? — спросил Коллинз.

Утилизатор класса А продолжал жужжать. Коллинз, собственно говоря, и не ждал ответа. Сидя на краю постели, он

Robert Sheckley. Something for Nothing. 1954
Перевод Т. Озерской.

задумчиво рассматривал Утилизатор. Теперь вопрос сводился к следующему: что с ней делать?

Коллинз осторожно коснулся красной кнопки, прекрасно отдавая себе отчет в том, что у него нет никакого опыта обращения с машинами, которые «падают с неба». Что будет, если нажать эту кнопку? Провалится пол? Или маленькие зеленые человечки прыгнут в комнату через потолок?

Но чем он рискует? Он легонько нажал кнопку.

Ничего не произошло.

— Ну что ж, сделай что-нибудь, — сказал Коллинз, чувствуя себя несколько подавленным. Утилизатор продолжал все так же тихонько жужжать.

Ладно, во всяком случае, машину всегда можно заложить. Честный Чарли даст ему не меньше доллара за один металл. Коллинз попробовал приподнять Утилизатор. Он не приподнимался. Коллинз попробовал снова, поднатужился что было мочи, и ему удалось на дюйм-полтора приподнять над полом один угол машины. Он выпустил машину и, тяжело дыша, присел на кровать.

— Тебе бы следовало прислать мне на помощь парочку дюжих ребят, — сказал Коллинз Утилизатору. Жужжание тотчас стало значительно громче, и машина даже начала вибрировать.

Коллинз ждал, но по-прежнему ничего не происходило. Словно по какому-то наитию, он протянул руку и ткнул пальцем в красную кнопку.

Двое здоровенных мужчин в грубых рабочих комбинезонах тотчас возникли перед ним. Они окинули Утилизатор оценивающим взглядом. Один из них сказал:

— Слава тебе, Господи, это не самая большая модель. За те, огромные, никак не ухватишься.

Второй ответил:

— Все же это будет полегче, чем ковырять мрамор в каменоломне, как ты считаешь?

Они уставились на Коллинза, который уставился на них. Наконец первый сказал:

— Ладно, приятель, мы не можем прохлаждаться тут целый день. Куда тащить Утилизатор?

— Кто вы такие? — прохрипел наконец Коллинз.

— Такелажники. Разве мы похожи на сестер Ванзатти?

— Но откуда вы взялись? — спросил Коллинз.

— Мы от такелажной фирмы «Поуха минайл», — сказал один. — Пришли, потому что ты требовал такелажников. Ну, куда тебе ее?

— Уходите, — сказал Коллинз. — Я вас потом позову.

Такелажники пожали плечами и исчезли. Коллинз минуты две смотрел туда, где они только что стояли. Затем перевел взгляд на Утилизатор класса А, который теперь снова мирно жужжал.

Утилизатор? Он мог бы придумать для машины название и получше. Исполнительница Желаний, например.

Нельзя сказать, чтобы Коллинз был уж очень потрясен. Когда происходит что-нибудь сверхъестественное, только тупые, умственно ограниченные люди не в состоянии этого принять. Коллинз, несомненно, был не из их числа. Он был блестяще подготовлен к восприятию чуда.

Почти всю жизнь он мечтал, надеялся, молил судьбу, чтобы с ним случилось что-нибудь необычайное. В школьные годы он мечтал, как проснется однажды утром и обнаружит, что скучная необходимость учить уроки отпала, так как все выучилось само собой. В армии он мечтал, что появятся какие-нибудь феи или джинны, подменят его наряд и, вместо того чтобы маршировать в строю, он окажется дежурным по казарме.

Демобилизовавшись, Коллинз долго отлынивал от работы, так как не чувствовал себя психологически подготовленным к ней. Он плыл по воле волн и снова мечтал, что какой-нибудь сказочно богатый человек возымеет желание изменить свою последнюю волю и оставит все ему. По правде говоря, он не ожидал, что какое-нибудь такое чудо может и в самом деле произойти. Но когда оно все-таки произошло, он уже был к нему подготовлен.

— Я бы хотел иметь тысячу долларов мелкими бумажками с незарегистрированными номерами, — боязливо произнес Коллинз. Когда жужжание усилилось, он нажал кнопку. Большая куча грязных пяти- и десятидолларовых бумажек выросла перед ним. Это не были новенькие, шуршащие банкноты, но это, бесспорно, были деньги.

Коллинз подбросил вверх целую пригоршню бумажек и смотрел, как они, красиво кружась, медленно опускаются на пол. Потом снова улегся на постель и принялся строить планы.

Прежде всего надо вывезти машину из Нью-Йорка — куда-нибудь на север штата, в тихое местечко, где любопытные соседи не будут совать к нему нос. При таких обстоятельствах, как у него, подоходный налог может стать довольно деликатной проблемой. А впоследствии, когда все наладится, можно будет перебраться в центральные штаты или...

В комнате послышался какой-то подозрительный шум.

Коллинз вскочил на ноги. В стене образовалось отверстие, и кто-то с шумом ломился в эту дыру.

— Эй! Я у тебя ничего не просил! — крикнул Коллинз машине.

Отверстие в стене расширялось. Показался грузный краснолицый мужчина, который сердито старался пропихнуться в комнату и уже наполовину вылез из стены.

Коллинз внезапно сообразил, что все машины, как правило, кому-нибудь принадлежат. Любому владельцу Исполнительницы Желаний не понравится, если машина пропадет. И он пойдет на все, чтобы вернуть ее себе. Он может не остановиться даже перед...

— Защити меня! — крикнул Коллинз Утилизатору и вонзил палец в красную кнопку.

Зевая, явно спросонок, появился маленький лысый человечек в яркой пижаме.

— Временная служба охраны стен «Саниса Лиик», — сказал он, протирая глаза. — Я — Лиик. Чем могу быть вам полезен?

— Уберите его отсюда! — взвизгнул Коллинз.

Краснолицый, дико размахивая руками, уже почти совсем вылез из стены.

Лиик вынул из кармана пижамы кусочек блестящего металла. Краснолицый закричал:

— Постой! Ты не понимаешь! Этот малый...

Лиик направил на него свой кусочек металла. Краснолицый взвизгнул и исчез. Почти тотчас отверстие в стене тоже пропало.

— Вы убили его? — спросил Коллинз.

— Разумеется, нет, — ответил Лиик, пряча в карман кусочек металла. — Я просто повернул его вокруг оси. Тут он больше не полезет.

— Вы хотите сказать, что он будет искать другие пути? — спросил Коллинз.

— Не исключено, — сказал Лиик. — Он может испробовать микротрансформацию или даже одушевление. — Лиик пристально, испытующе поглядел на Коллинза. — А это ваш Утилизатор?

— Ну конечно, — сказал Коллинз, покрываясь испариной.

— А вы по классу А?

— А то как же? — сказал Коллинз. — Иначе на что бы мне эта машина?

Не обижайтесь, — сонно произнес Лиик. — Это я по-дружески. — Он медленно покачал головой. — И куда только шинего брата по классу А не заносит? Зачем вы сюда вернулись? Верно, пишете какой-нибудь исторический роман?

Коллинз только загадочно улыбнулся в ответ.

Ну, мне надо спешить дальше, — сказал Лиик, зевая во весь рот. — День и ночь на ногах. В каменоломне было куда лучше.

И он исчез, не закончив своего зевка.

Дождь все еще шел, и с потолка капало. Из вентиляционной шахты доносилось чье-то мирное похрапывание. Коллинз снова был один на один со своей машиной.

И с тысячью долларов в мелких бумажках, разлетевшихся по всему полу. Он нежно похлопал Утилизатор. Эти самые — по классу А неплохо его сработали. Захотелось чего-нибудь — достаточно произнести вслух и нажать кнопку. Понятно, что настоящий владелец тоскует по ней.

Лиик сказал, что, быть может, краснолицый будет пытаться завладеть ею другим путем. А каким?

Да не все ли равно? Тихонько насвистывая, Коллинз стал собирать деньги. Пока у него эта машина, он себя в обиду не даст.

..В последующие несколько дней в образе жизни Коллинза произошла резкая перемена. С помощью такелажников фирмы «Поуха минайл» он переправил Утилизатор на север. Там он купил небольшую гору в пустынной части Адирондакского горного массива и, получив купчую на руки, углубился в свои владения на несколько миль от шоссе. Двое такелажников, обливаясь потом, тащили Утилизатор и однообразно бранились, когда приходилось продираться сквозь заросли.

— Поставьте его здесь и убирайтесь. — сказал Коллинз. За последние дни его уверенность в себе чрезвычайно возросла.

Такелажники устало вздохнули и испарились. Коллинз огляделся по сторонам. Кругом, насколько хватало глаз, стояли густые сосновые и березовые леса. Воздух был влажен и душист. В верхушках деревьев весело щебетали птицы. Порой среди ветвей мелькала белка.

Природа! Коллинз всегда любил природу. Вот отличное место для постройки просторного внушительного дома с пла-

вательным бассейном, теннисным кортом и, быть может, маленьким аэродромом.

— Я хочу дом, — твердо проговорил Коллинз и нажал красную кнопку.

Появился человек в аккуратном деловом сером костюме и в пенсне.

— Конечно, сэр, — сказал он, косясь прищуренным глазом на деревья, — но вам все-таки следует несколько подробнее развить свою мысль. Хотите ли вы что-нибудь в классическом стиле вроде бунгало, ранчо, усадебного дома, загородного особняка, замка, дворца? Или что-нибудь примитивное, на манер шалаша или иглу? По классу А вы можете построить себе и что-нибудь ультрасовременное, например дом с полуфасадом, или здание в духе Обтекаемой Протяженности, или дворец в стиле Миниатюрной Пещеры.

— Как вы сказали? — переспросил Коллинз. — Я не знаю. А что бы вы посоветовали?

— Небольшой загородный особняк, — не задумываясь, ответил агент. — Они, как правило, всегда начинают с этого.

— Неужели?

— О да. А потом перебираются в более теплый климат и строят себе дворцы.

Коллинз хотел спросить еще что-то, но передумал. Все шло как по маслу. Эти люди считали, что он — класс А и настоящий владелец Утилизатора. Не было никакого смысла разочаровывать их.

— Позаботьтесь, чтобы все было в порядке, — сказал он.

— Конечно, сэр, — сказал тот. — Это моя обязанность.

Остаток дня Коллинз провел, возлежа на кушетке и потягивая ледяной напиток, в то время как строительная контора «Максимо олф» материализовала необходимые строительные материалы и возводила дом.

Получилось длинное приземистое сооружение из двадцати комнат, показавшееся Коллинзу в его изменившихся обстоятельствах крайне скромным. Дом был построен из наилучших материалов по проекту знаменитого Мига из Дегмы; интерьер был выполнен Тоуиджем; при доме имелись Муловский плавательный бассейн и английский парк, разбитый по эскизу Вюриена.

К вечеру все было закончено. Небольшая строительная бригада сложила свои инструменты и испарилась.

* * *

Коллинз повелел своему повару приготовить легкий ужин. Потом он уселся с сигарой в просторной прохладной гостиной и стал перебирать в уме недавние события. Напротив него на полу, мелодично жужжа, стоял Утилизатор.

Прежде всего Коллинз решительно отверг всякие сверхъестественные объяснения случившегося. Разные там духи или демоны были тут совершенно ни при чем. Его дом выстроили самые обыкновенные человеческие существа, которые смеялись, божились, сквернословили, как всякие люди. Утилизатор был просто хитроумным научным изобретением, механизм которого был ему неизвестен и ознакомиться с которым он не стремился.

Мог ли Утилизатор попасть к нему с другой планеты? Не похоже. Едва ли там стали бы ради него изучать английский язык.

Утилизатор, по-видимому, попал к нему из Будущего. Но как?

Коллинз откинулся на спинку кресла и задымил сигарой. Мало ли что бывает, сказал он себе. Разве Утилизатор не мог просто провалиться в прошлое? Может же он создавать всякие штуки из ничего, а ведь это куда труднее.

Как же, должно быть, прекрасно это Будущее, думал Коллинз. Машины — исполнительницы желаний! Какие достижения цивилизации! Все, что от вас требуется, — это только пожелать себе чего-нибудь. Просто! Вот, пожалуйста! Со временем они, вероятно, упразднят и красную кнопку. Тогда все будет происходить без малейшей затраты мускульной энергии.

Конечно, он должен быть очень осторожен. Ведь все еще существуют законный владелец машины и остальные представители класса А. Они будут пытаться отнять у него машину. Возможно, это фамильная реликвия...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Утилизатор дрожал, словно сухой лист на ветру.

Мрачно нахмурясь, Коллинз подошел к нему. Легкая дымка пара обволакивала вибрирующий Утилизатор. Было похоже, что он перегрелся.

Неужели он дал ему слишком большую нагрузку? Может быть, ушат холодной воды...

Тут ему бросилось в глаза, что Утилизатор заметно поубавился в размерах. Теперь каждое из его трех измерений не

превышало двух футов, и он продолжал уменьшаться прямо-таки на глазах.

Владелец?! Или, может быть, эти — из класса А?! Вероятно, это и есть микротрансформация, о которой говорил Лиик. Если тотчас чего-нибудь не предпринять, сообразил Коллинз, его Исполнитель Желаний станет совсем невидим.

— Охранная служба «Лиик»! — выкрикнул Коллинз. Он надавил кнопку и поспешно отдернул руку. Машина сильно накалилась.

Лиик, в гольфах, спортивной рубашке и с клюшкой в руках, появился в углу.

— Неужели каждый раз, как только я...

— Сделай что-нибудь! — воскликнул Коллинз, указывая на Утилизатор, который стал уже в фут высотой и раскалился докрасна. — Ничего я не могу сделать, — сказал Лиик. — У меня патент только на возведение временных стен. Вам нужно обратиться в Микроконтроль. — Он помахал ему своей клюшкой и был таков.

— Микроконтроль! — заорал Коллинз и потянулся к кнопке. Но тут же отдернул руку. Кубик Утилизатора не превышал теперь четырех дюймов. Он стал вишнево-красным и весь светился. Кнопка, уменьшившаяся до размеров булавочной головки, была почти неразличима.

Коллинз обернулся, схватил подушку, навалился на машину и надавил кнопку.

Появилась девушка в роговых очках, с блокнотом в руке и карандашом, нацеленным на блокнот.

— Кого вы хотите пригласить? — невозмутимо спросила она.

— Скорей, помогите мне! — завопил Коллинз, с ужасом глядя, как его бесценный Утилизатор делается все меньше и меньше.

— Мистера Вергона нет на месте, он обедает, — сказала девушка, задумчиво покусывая карандаш. — Он объявил себя вне предела досягаемости. Я не могу его вызвать.

— А кого вы можете вызвать?

Она заглянула в блокнот.

— Мистер Вис сейчас в Прошедшем Сослагательном, а мистер Илгис возводит оборонительные сооружения в Палеолитической Европе. Если вы очень спешите, может быть, вам лучше обратиться в Транзит-Контроль. Это небольшая фирма, но они...

— Транзит-Контроль! Ладно, исчезни! — Коллинз сосредоточил все свое внимание на Утилизаторе и придавил его пыхтящейся подушкой. Ничего не последовало. Утилизатор был теперь едва ли больше кубического дюйма, и Коллинз понял, что сквозь подушку ему не добраться до ставшей почти невидимой кнопки.

У него мелькнула было мысль махнуть рукой на Утилизатор. Может быть, уже пора. Можно продать дом, обстановку, получится довольно кругленькая сумма...

Нет! Он еще не успел пожелать себе ничего по-настоящему значительного! И не откажется от этой возможности без борьбы!

Стараясь не зажмуривать глаза, он ткнул в раскаленную добела кнопку негнущимся указательным пальцем.

Появился тощий старик в потрепанной одежде. В руке у него было нечто вроде ярко расписанного пасхального яйца. Он бросил его на пол. Яйцо раскололось, из него с ревом вырвался оранжевый дым, и микроскопический Утилизатор мгновенно всосал этот дым в себя, после чего тяжелые плотные клубы дыма взмыли вверх, едва не задушив Коллинза, а Утилизатор начал принимать свою прежнюю форму. Вскоре он достиг нормальной величины и, казалось, нисколько не был поврежден. Старик отрывисто кивнул.

— Мы работаем дедовскими методами, но зато на совесть, — сказал он, снова кивнул и исчез.

И опять Коллинзу показалось, что откуда-то издалека до него донесся чей-то сердитый возглас.

Потрясенный, обессиленный, он опустился на пол перед машиной. Обожженный палец жгло и дергало.

— Вылечи меня, — пробормотал он пересохшими губами и надавил кнопку здоровой рукой.

Утилизатор зажужжал громче, а потом умолк совсем. Боль в пальце утихла. Коллинз взглянул на него и увидел, что от ожога не осталось и следа — даже ни малейшего рубца.

Коллинз налил себе основательную порцию коньяка и, не медля ни минуты, лег в постель. В эту ночь ему приснилось, что за ним гонится гигантская буква Л, но, пробудившись, он забыл свой сон.

Прошла неделя, и Коллинз убедился, что поступил крайне опрометчиво, построив себе дом в лесу. Чтобы спастись от зевак, ему пришлось потребовать целый взвод солдат для ох-

раны, а охотники стремились во что бы то ни стало расположиться в его английском парке.

К тому же Департамент государственных сборов начал проявлять живой интерес к его доходам.

А главное, Коллинз сделал открытие, что он не так уж обожает природу. Птички и белочки — все это, конечно, чрезвычайно мило, но с ними ведь особенно не разговоришься. А деревья, хоть и очень красивы, никак не годятся в собутыльники.

Коллинз решил, что он в душе человек городской. Поэтому с помощью такелажников «Поуха минайл», строительной конторы «Максимо олф», Бюро мгновенных путешествий «Ягтон» и крупных денежных сумм, врученных кому следует, Коллинз перебрался в маленькую республику в центральной части Американского континента. И поскольку климат здесь был теплее, а подоходного налога не существовало вовсе, он построил себе большой, крикливо-роскошный дворец, снабженный всеми необходимыми аксессуарами: кондиционерами, конюшней, псарней, павлинами, слугами, механиками, сторожами, музыкантами, балетной труппой — словом, всем тем, чем должен располагать каждый дворец. Коллинзу потребовалось две недели, чтобы ознакомиться со своим новым жильем.

До поры до времени все шло хорошо.

Как-то утром Коллинз подошел к Утилизатору, думая, не попросить ли ему спортивный автомобиль или небольшое стадо племенного скота. Он наклонился к серой машине, протянул руку к красной кнопке...

И Утилизатор отпрянул от него в сторону.

В первую секунду Коллинзу показалось, что у него начинаются галлюцинации, и даже мелькнула мысль бросить пить шампанское перед завтраком. Он шагнул вперед и потянулся к красной кнопке. Утилизатор ловко выскользнул из-под его руки и рысцой выбежал из комнаты.

Коллинз во весь дух припустил за ним, проклиная владельца и весь класс А. По-видимому, это было то самое одушевление, о котором говорил Линк: владельцу каким-то способом удалось придать машине подвижность. Но нечего ломать над этим голову. Нужно только поскорее догнать машину, нажать кнопку и вызвать ребят из Конторы одушевления.

Утилизатор несся через зал. Коллинз бежал за ним. Младший дворецкий, начищавший массивную дверную ручку из литого золота, застыл на месте, разинув рот.

— Остановите ее! — крикнул Коллинз.

Младший дворецкий неуклюже шагнул вперед, преграждая Утилизатору путь. Машина, грациозно вильнув в сторону, обошла дворецкого и стрелой помчалась к выходу.

Коллинз успел подскочить к рубильнику, и дверь с треском захлопнулась.

Утилизатор взял разгон и прошел сквозь запертую дверь. Очутившись снаружи, он споткнулся о садовый шланг, но быстро восстановил равновесие и устремился за ограду в поле.

Коллинз мчался за ним. Если б только подобраться к нему поближе...

Утилизатор внезапно прыгнул вверх. Несколько секунд он висел в воздухе, а потом упал на землю. Коллинз рванулся к кнопке. Утилизатор увернулся, разбежался и снова подпрыгнул. Он висел футах в двадцати над головой Коллинза. Потом взлетел по прямой еще выше, остановился, бешено завертелся волчком и снова упал.

Коллинз испугался: вдруг Утилизатор подпрыгнет в третий раз, совсем уйдет вверх и не вернется. Когда Утилизатор приземлился, Коллинз был начеку. Он сделал ложный выпад и, изловчившись, нажал кнопку. Утилизатор не успел увернуться.

— Контроль одушевления! торжествующе выкрикнул Коллинз.

Раздался слабый звук взрыва, и Утилизатор послушно замер. От одушевления не осталось и следа.

Коллинз вытер вспотевший лоб и сел на машину. Враги все ближе и ближе. Надо поскорее, пока еще есть возможность, пожелать что-нибудь пограндиознее.

Быстро, одно за другим, он попросил себе пять миллионов долларов, три функционирующие нефтяные скважины, киностудию, безукоризненное здоровье, еще двадцать пять танцовщиц, бессмертие, спортивный автомобиль и стадо племенного скота.

Ему показалось, что кто-то хихикнул. Коллинз поглядел по сторонам. Кругом не было ни души.

Когда он снова обернулся, Утилизатор исчез.

Коллинз глядел во все глаза. А в следующее мгновение исчез и сам.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит перед столом, за которым сидит уже знакомый ему краснолицый мужчина. Он не казался сердитым. Вид у него был скорее умиротворенный и даже меланхоличный.

С минуту Коллинз стоял молча; ему было жаль, что все кончилось. Владелец и класс А в конце концов поймали его. Но все-таки это было великолепно!

— Ну, — сказал наконец Коллинз, — вы получили обратно свою машину, что же вам еще от меня нужно?

— Мою машину? — повторил краснолицый, с недоверием глядя на Коллинза. — Это не моя машина, сэр. Отнюдь не моя.

Коллинз в изумлении воззрился на него.

— Не пытайтесь обдурить меня, мистер. Вы — класс А — хотите сохранить за собой монополию, разве не так?

Краснолицый отложил в сторону бумагу, которую он просматривал.

— Мистер Коллинз, — сказал он твердо, — меня зовут Флайн. Я агент Союза охраны граждан. Это чисто благотворительная, лишенная всяких коммерческих задач организация, и единственная цель, которую она преследует, — защищать лиц, подобных вам, от заблуждений, которые могут встретиться на их жизненном пути.

— Вы хотите сказать, что не принадлежите к классу А?

— Вы пребываете в глубочайшем заблуждении, сэр, — спокойно и с достоинством произнес Флайн. — Класс А — это не общественно-социальная категория, как вы, по-видимому, полагаете. Это всего-навсего форма кредита.

— Форма чего? — оторопело спросил Коллинз.

— Форма кредита, — Флайн поглядел на часы. — Времени у нас мало, и я постараюсь быть кратким. Мы живем в эпоху децентрализации, мистер Коллинз. Наша промышленность, торговля и административные учреждения довольно сильно разобщены во времени и пространстве. Акционерное общество «Утилизатор» является весьма важным связующим звеном. Оно занимается перемещением благ цивилизации с одного места на другое и предоставляет прочие услуги. Вам понятно?

Коллинз кивнул.

— Кредит, разумеется, предоставляется автоматически. Но рано или поздно все должно быть оплачено.

Это уже звучало как-то неприятно. Оплачено? По-видимому, это все-таки не такое высокоцивилизованное общество, как ему сначала показалось. Ведь никто ни словом не обмолвился про плату. Почему же они заговорили о ней теперь?

— Отчего никто не остановил меня? — растерянно спросил он. — Они же должны были знать, что я некредитоспособен.

Флайн покачал головой.

— Кредитоспособность вещь добровольная, она не устанавливается законом. В цивилизованном мире всякой личности предоставлено право решать самой. Я очень сожалею, сэр. — Он поглядел на часы и протянул Коллинзу бумагу, которую просматривал. — Прошу вас взглянуть на этот счет и сказать, все ли здесь в порядке.

Коллинз взял бумагу и прочел:

Один дворец с оборудованием	450 000 000 кр.
Услуги такелажников фирмы «Поухи минайл», а также фирмы «Максимо олф»	111 000 кр.
Сто двадцать две танцовщицы	122 000 000 кр.
Безукоризненное здоровье	888 234 031 кр.

Коллинз быстро пробежал глазами весь счет. Общая сумма слегка превышала восемнадцать миллиардов кредитов.

— Позвольте! — воскликнул Коллинз. — Вы не можете требовать с меня столько. Утилизатор свалился ко мне в комнату неизвестно откуда, просто по ошибке!

— Я как раз собираюсь обратить их внимание на это обстоятельство, — сказал Флайн. — Как знать? Быть может, они будут благоразумны. Во всяком случае, попытаемся, хуже не будет.

Все закачалось у Коллинза перед глазами. Лицо Флайна начало расплываться.

— Время истекло, — сказал Флайн. — Желаю удачи.

Коллинз закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, перед ним расстилалась унылая равнина, опоясанная скалистой горной грядой. Ледяной ветер, налетая порывами, стегал по лицу, небо было серо-стальным.

Какой-то оборванный человек стоял рядом с ним.

— Держи, — сказал он и протянул Коллинзу кирку.

— Что это такое?

— Кирка, — терпеливо разъяснил человек. — А вон там — каменоломня, где мы с тобой вместе с остальными будем добывать мрамор.

— Мрамор?

— Ну да. Всегда найдется какой-нибудь идиот, которому нужен мраморный дворец, — с кривой усмешкой ответил человек. — Можешь звать меня Янг. Нам некоторое время придется поработать на пару.

Коллинз тупо поглядел на него:

— А как долго?

— Подсчитай сам, — сказал Янг. — Расценки здесь — пятьдесят кредитов в месяц, и тебе будут их начислять, пока ты не покроешь свой долг.

Кирка выпала у Коллинза из рук.

Они не могут этого сделать! Акционерное общество «Утилизатор» должно понять свою ошибку! Это же их вина, что машина провалилась в Прошлое. Не могут же они этого не знать.

— Все это сплошная ошибка! — сказал Коллинз.

— Никакая не ошибка, возразил Янг. — У них большой недостаток в рабочей силе. Набирают где попало. Ну, пошли. Первую тысячу лет трудно, а потом привыкнешь.

Коллинз двинулся следом за Янгом, потом остановился.

— Первую тысячу лет? Я столько не проживу!

— Проживешь! — заверил его Янг. — Ты же получил бессмертие. Разве забыл?

Да, он его получил. Он попросил себе бессмертие как раз в ту минуту, когда они отняли у него машину. А может быть, они взяли ее потом?

Вдруг Коллинз что-то припомнил. Странно, в том счете, который предъявил ему Флайн, бессмертия как будто вовсе не стояло.

— А сколько они насчитали мне за бессмертие? — спросил он.

Янг поглядел на него и рассмеялся.

— Не прикидывайся простачком, приятель. Пора бы уж тебе кое-что сообразить. — Он подтолкнул Коллинза к каменоломне. — Ясное дело, этим-то они награждают задаром.

Роберт Шекли

ЦАРСКАЯ ВОЛЯ

Просидев два часа на корточках под прилавком с посудой, Боб Грейнджер почувствовал, что у него затекли ноги. Он шевельнулся, желая неприметно изменить позу, и увесистая клюшка для гольфа с грохотом скатилась на пол с его колен.

— Тсс, — шепнула Джейнис: она крепко сжимала железную дубинку.

— Не думаю, что он появится, — сказал Боб.

— Сиди тихонько, милый, — по-прежнему шепотом ответила Джейнис, напряженно вглядываясь в темноту.

Пока еще ничто не предвещало появления вора. Но вот уже целую неделю он приходил сюда каждую ночь, таинственно похищая генераторы, холодильники и кондиционеры. Таинственно — ибо не взламывал замков, не вырезал оконных стекол и не оставлял следов. Тем не менее каким-то чудом он забирался в магазин и каждый раз наносил изрядный урон их добру.

— Вряд ли из нашей затеи что-нибудь выйдет, — зашептал Боб. — В конце концов, если человек способен унести на спине генератор весом в несколько сот фунтов...

— Ничего, управимся, — возразила Джейнис с уверенностью, благодаря которой в свое время получила звание старшего сержанта Женского мотопехотного корпуса. — Кроме того, должны же мы как-то унять его, ведь из-за этого откладывается наша свадьба.

Боб кивнул. На свои армейские сбережения они с Джейнис открыли в родном городке универсальный магазин и собирались пожениться, как только позволит доход. Однако если пропадают холодильники и кондиционеры воздуха...

— Кажется, я что-то слышу, — заметила Джейнис и перехватила дубинку поудобнее.

Где-то в магазине раздался едва уловимый шорох. Они затаили дыхание. Затем послышались приглушенные шаги — кто-то ступал по линолеуму.

Robert Sheckley. The King's Wishes. 1953
Перевод Н. Евдокимовой.

— Когда он выйдет на середину зала, — прошептала Джейнис, — включай свет.

Наконец они различили в темном зале какое-то черное пятно. Боб включил свет и крикнул: «Не с места!»

— Не может быть! — ахнула Джейнис, чуть не выронив дубинку. Боб обернулся и судорожно глотнул воздух.

Перед ними стоял детина ростом добрых три метра. На лбу его явственно проступали рожки, за спиной мотались крохотные крылышки. Одет он был в шаровары из грубой бумажной ткани индийского производства и белый спортивный свитер с алыми буквами на груди: «Политехнический им. Иблиса». На огромных ножищах красовались поношенные белые башмаки из оленьей кожи, а светлые волосы были подстрижены бобриком.

— Проклятие! — пробормотал незваный гость, увидев Боба и Джейнис. — Так и знал, что надо было прослушать в колледже курс невидимости.

Он обхватил руками живот и надул щеки. Мгновенно ноги его исчезли. Великан продолжал дуть изо всех сил, пока не стал невидимым и живот, однако дальше дело не пошло.

— Не умею, — виновато сказал он и выдохнул весь воздух. Живот и ноги снова обозначились. — Сноровки не хватает. Проклятие!

— Чего тебе надо? — спросила Джейнис, грозно выпрямившись во все свои полтора с небольшим метра.

— Чего надо? Сейчас соображу. Ах да, вентилятор! — Он пересек зал и легко поднял с пола большой вентилятор.

— Постой! — крикнул Боб. Он подошел к гиганту, держа наготове клюшку для гольфа. Джейнис выглядывала из-за его спины. — Интересно, куда это ты с ним собрался?

— К царю Алериану, — ответил гигант. — Он возжелал владеть вентилятором.

— Ах, возжелал, вот оно что! — протянула Джейнис. — Ну-ка, поставь на место. — Она замахнулась дубинкой.

— Но ведь я тут ни при чем, — возразил молодой гигант, нервно подрагивая крылышками. — Царь его возжелал.

— Пеняй на себя, — сквозь зубы процедила Джейнис.

После службы в армии, где она ремонтировала моторы для джипов, Джейнис была в отличной форме, несмотря на малый рост. Она хватила гиганта дубинкой; при этом ее светлые волосы беспорядочно разметались.

— Ух! — воскликнула Джейнис. Дубинка отскочила от головы странного существа, едва не свалив девушку с ног.

В тот же миг Боб замахнулся клюшкой, норовя пересчитать гиганту ребра.

Клюшка прошла сквозь гиганта и, подскочив, упала на пол.

— На ферру сила не действует, — извиняющимся тоном сообщил гигант.

— На кого? — переспросил Боб.

— На ферру. Мы приходимся двоюродными братьями джиннам, а по женской линии состоим в родстве с дэвами. — Он снова направился к центру зала, зажав вентилятор в широченном кулаке. — А теперь, с вашего разрешения...

— Это демон? От изумления Джейнис разинула рот. В детстве родители запрещали ей слушать сказки о призраках и демонах, и Джейнис выросла трезвой реалисткой. Она ловко чинила любые механизмы таков был ее пай в деловом товариществе. Все сколько-нибудь более причудливое она предоставляла Бобу.

Боб, воспитанный на щедрых порциях Берроуза и «Волшебника Изумрудного города», оказался более легковерным.

— Вы хотите сказать, что вышли из «Тысячи и одной ночи»? — спросил он.

— Да нет же, — поморщился ферра. — Арабские джинны приходятся мне двоюродными братьями. Все демоны связаны между собою узами родства, но я — ферра, из рода ферр.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, — почтительно обратился Боб к гостю, — для чего вам понадобился генератор, холодильник и кондиционер воздуха?

— С охотой и удовольствием, — ответил ферра, ставя вентилятор на пол. Он пошарил рукой в воздухе, нашел то, что искал, и уселся на пустоту. Затем скрестил под собой ноги и зашнуровал потуже один башмак. — Недельки три назад я окончил Политехнический колледж имени Иблиса, — приступил он к своему повествованию. — И, конечно, тотчас же подал заявление на государственную гражданскую службу. Испокон веков мои предки были государственными чиновниками, так уж у нас в роду повелось. Ну и вот, заявлений, как всегда, была целая куча, так что я...

— На государственную гражданскую службу? повторил Боб.

— Ну да. Это ведь все государственные посты — даже джинн волшебной лампы Аладдина был правительственным чиновником. Надо, видите ли, пройти специальные испытания...

— Не отвлекайся, — попросил Боб.

— Так вот... Поклянитесь, что это останется между нами... Я получил работу по знакомству. — Гость вспыхнул от смущения, и щеки его стали оранжевыми. Мой отец — член Совета преисподней — пустил в ход все свое влияние. Меня назначили феррой Царского кубка, обойдя 4000 ферр с ученой степенью. Это большая честь, знаете ли.

Все помолчали, и ферра заговорил вновь.

— Надо признаться, я не был как следует подготовлен, — промолвил он печально. — Ферра кубка должен быть искусником во всех областях демонологии. А я только-только со студенческой скамьи да еще с посредственными отметками. Но мне, разумеется, казалось, будто я с чем угодно справлюсь.

Ферра на мгновение умолк и уселся в воздухе поудобнее.

— Однако не стоит морочить вам голову своими заботами, — опомнился он, соскакивая с воздуха на пол. — Еще раз прошу прощения...

Он поднял с пола вентилятор.

— Минуточку, — сказала Джейнис. — Это царь приказал тебе взять именно наш вентилятор?

— Отчасти, — ответил ферра, вновь окрашиваясь в оранжевый цвет.

— Скажи-ка, — поинтересовалась Джейнис, — а твой царь богат? — Пока что она решила обращаться с этим сверхъестественным явлением как с обыкновенным человеком.

— Он весьма состоятельный монарх.

— В таком случае почему он не платит за это барахло деньги? — осведомилась Джейнис. — Для чего ему обязательно нужно краденое?

— Ну, — промямлил ферра, — ему просто негде купить.

«Какая-нибудь отсталая восточная страна», — подумала Джейнис.

— Отчего бы ему не ввозить электротовары из-за границы? Любая фирма с радостью пойдет ему навстречу, — произнесла она вслух.

— Все это страшно неудобно, — уклонился от ответа ферра и потер один башмак о другой. — Жаль, что я не могу стать невидимкой.

— Выкладывай, — не отставал Боб.

— Если хотите знать, — угрюмо ответил ферра, — царь Алериан живет в том времени, которое вы называете двухтысячным годом до вашей эры.

— Тогда каким же...

— Да погодите, — сердито сказал молодой ферра. — Я вам все объясню. — Он вытер вспотевшие руки о белый свитер. — Как я уже рассказывал, мне досталась должность ферры Царского кубка. Я, естественно, ожидал, что царь потребует драгоценных камней или прекрасных женщин, — то и другое я доставил бы без труда. Этот раздел колдовства входит в программу первого семестра. Однако драгоценных камней у царя было достаточно, а жен больше чем достаточно — он совершенно не знал, что с ними делать. И вот он приказал мне — что бы вы думали? «Ферра, летом в моем дворце жарко. Сотвори нечто такое, что принесло бы во дворец прохладу».

Я тут же понял, что попался. Ферры учатся изменять климат лишь на специальных семинарах. Наверное, я слишком много времени убивал на беговой дорожке. Что называется, влип.

Я поспешно обратился к Большой магической энциклопедии и посмотрел статью «Климат». Заклинания оказались для меня чересчур сложными. О том, чтобы просить помощи, не могло быть и речи. Это означало бы расписаться в собственной непригодности. Однако я вычитал, что в двадцатом веке существует искусственное управление климатом. Тогда я проник в будущее по узенькой тропинке и взял один из ваших кондиционеров. Потом царь повелел сделать так, чтобы его яства не портились, и я вернулся за холодильником. Потом...

— И все это ты подключил к генератору? — спросила Джейнис, которую занимала техническая сторона вопроса.

— Да. Я, может, не так уж силен в заклинаниях, зато в технике кое-что смыслю.

«А ведь у него концы с концами сходятся», — подумал Боб. Действительно, кто умел за 2000 лет до нашей эры создавать во дворце прохладу? За все сокровища мира нельзя было купить струю ледяного воздуха из кондиционера или холодильник, гарантирующий свежесть пищи. Однако Бобу не давала покоя мысль: что же это за демон? На ассирийского не похож. Что не египетский — ясно...

— Нет, не понимаю, — сказала Джейнис. — В прошлом? Ты имеешь в виду путешествие во времени?

— Именно. В колледже я специализировался на путешествиях во времени, — подтвердил ферра с мальчишечьи горделивой ухмылкой.

«Может быть, ацтекский, — думал тем временем Боб, — хотя это маловероятно...»

— Что ж, — посоветовала Джейнис, — обратись еще куда-нибудь. Почему бы тебе, например, не ограбить крупный универсальный магазин в столице?

— Ваш магазин — единственный, куда приводит тропинка во времени, — пояснил ферра.

Он поднял вентилятор.

— Мне, право же, неприятно, но если я не выдвинусь у царя Алериана, то никогда уже не получу другого назначения. Имя мое будет предано забвению.

И он исчез.

Полчаса спустя Боб и Джейнис сидели в угловой кабинке кафе, работающего круглосуточно. Они пили черный кофе и вполголоса переговаривались.

— Не верю ни единому слову! — горячилась Джейнис, к которой вернулся весь природный скепсис. — Демоны! Ферры!

— Придется тебе поверить, — устало отозвался Боб. — Ты ведь видела своими глазами.

— Не следует верить всему, что видишь, — стойко ответила Джейнис. Однако тут же вспомнила об утраченных товарах, улетучившихся доходах и о свадьбе, отодвигающейся все дальше и дальше. — Ну да ладно, — сказала она. — Ох, милый, что же нам делать?

— С магией надо бороться при помощи магии, — назидательно изрек Боб. — Завтра ночью он вернется. Уж тут-то мы подготовимся.

— Я тоже так считаю, — поддержала его Джейнис. — Я знаю, где можно одолжить «винчестер»...

Боб покачал головой.

— Пули отскочат от него или пройдут насквозь, не причинив вреда. Добрая, испытанная магия — вот что нам нужно. Клин клином вышибают.

— А какая именно магия? — спросила Джейнис.

— Чтобы действовать наверняка, — ответил Боб, — мы уж лучше прибегнем ко всем известным видам магии. Как жаль, что я не знаю, откуда он родом! Чтобы мы получили желанный эффект, магия должна...

— Еще кофе? — спросил внезапно выросший перед ними буфетчик.

Боб виновато взглянул на него, а Джейнис покраснела.

— Пойдем отсюда, — предложила она. — Если кто-нибудь нас подслушает, мы станем всеобщим посмешищем — хоть беги из городка.

Вечером они встретились в магазине. Весь день Боб провел в библиотеке, подбирая материал. Плодом его стараний были двадцать пять листов, с обеих сторон покрытых неуклюжими каракулями.

— А все-таки жаль, что у нас нет «винчестера», — сказала Джейнис, захватившая из секции металлических изделий шоферский домкрат.

В 23.45 появился ферра.

— Привет, — заявил он. — Где вы держите электрокамины? Царю угодно что-нибудь на зиму. Открытые очаги ему надоели. Слишком сильный сквозняк.

— Изыди во имя креста! — торжественно начал Боб и показал ферре крест.

— Прошу прощения, — любезно откликнулся гость. — Ферры с христианством не связаны.

— Изыди во имя Намтару и Тиамат! — продолжал Боб, ибо в его конспектах первой значилась Месопотамия. — Во имя обитателя пустынь Шамаша, во имя Телаля и Энлиля...

— Ага, вот они, — пробормотал ферра. — Отчего я вечно ввязываюсь в какие-то неприятности? Это электрическая модель, не газовая? Камин, похоже, малость подержанный.

— Призываю создателя лодок Рату, — нараспев затянул Боб, переключаясь на Полинезию, — и покровителя травяных передников Хину.

— Еще чего, подержанный, — обозлилась Джейнис, в душе которой деловые инстинкты взяли верх. — Гарантия на год. Безоговорочная.

— Взываю к Небесному Волку, — перешел Боб к Китаю, когда Полинезия не подействовала. — К Волку, стерегущему врата Верховного божества Шан Ди. Призываю бога грома Ли Куна...

— Постойте, ведь это инфралучевая духовка, — сказал ферра как ни в чем не бывало. — Ее-то мне и надо. И еще ванну. У вас есть ванны?

— Зову Ваала, Буэра, Форкия, Мархоция, Астарту...

— Ванны здесь, не так ли? — спросил ферра у Джейнис, и та непроизвольно кивнула. — Возьму, пожалуй, самую большую. Царь довольно крупный мужчина.

— Единорога, Фетида, Асмодея и Инкуба! — закончил Боб. Ферра покосился на него не без уважения.

Боб гневно призвал персидского владыку света — Ормузда, а за ним — божество аммонов Молоха и божество древних филистимлян Дагона.

— Больше я, наверное, не унесу, — размышлял ферра вслух.

Боб помянул Дамбаллу, потом взмолился аравийским богам. Он испробовал фессалийскую магию и заклинания Малой Азии. Он пытался растрогать малайских духов и расшевелить ацтекских идолов. Он двинул в бой Африку, Мадагаскар, Индию, Ирландию, Малайю, Скандинавию и Японию.

— Это внушительно, — признал ферра, — но все равно ни к чему не приведет. — Он взвалил на себя ванну, духовку и камин.

— А почему? — задохнулся от изумления Боб, который совершенно выбился из сил.

— Видишь ли, на ферр действуют только заклинания родной страны. Точно так же джинны подчиняются лишь магическим законам Аравии. Кроме того, ты не знаешь, как меня зовут; уверяю тебя, немногого добьешься, изгоняя демона, имя которого тебе неизвестно.

— Из какой же ты страны? — спросил Боб, вытирая пот со лба.

— Э, нет! — спохватился ферра. — Зная страну, ты можешь отыскать против меня верное заклинание. А у меня и так хлопот полон рот.

— Послушай, — вмешалась Джейнис. — Если царь так богат, отчего бы ему не расплатиться с нами?

— Царь никогда не платит за то, что может получить даром, — ответил ферра. — Поэтому он и богат.

Боб и Джейнис проводили его яростным взглядом, поняв, что свадьба уплывает в неопределенное будущее.

— Завтра ночью увидимся. — С этими словами ферра дружелюбно помахал рукой и исчез.

— Ну и ну, — сказал Джейнис, когда ферра скрылся. — Что же теперь делать? У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

— Решительно никаких, — ответил Боб, тяжело опускаясь на тахту.

— Может, еще нажмем на магию? — спросила Джейнис с легчайшей примесью иронии.

— Ничего не выйдет, — отрезал Боб. — Ни в одной энциклопедии я не нашел слов «ферра» и «царь Алериан». Он, наверное, из тех краев, о каких мы и слыхом не слыхивали. Возможно, из какого-нибудь карликового княжества в Индии.

— Везет как утопленникам, — пожаловалась Джейнис, отбросив иронический тон. — Что же нам делать? В следующий раз ему, я думаю, понадобится пылесос, а потом магнитофон.

Она закрыла глаза и стала сосредоточенно думать.

— Он и впрямь лезет из кожи вон, лишь бы только выдвинуться, — заметил Боб.

— Я, кажется, придумала, — объявила Джейнис, открывая глаза.

— Что именно?

— На первом месте для нас должна быть наша торговля и *наша* свадьба. Правильно?

— Правильно, — ответил Боб.

— Ладно. Пусть я не Бог весть какой мастак в заклинаниях, — подытожила Джейнис, засучив рукава, — зато в технике я разбираюсь. Живо за работу.

На следующие сутки ферра нанес им визит без четверти одиннадцать. На госте был все тот же белый свитер, но башмаки из оленьей кожи он сменил на рыжевато-коричневые мокасины.

— Нынче царь меня торопит, как никогда, — сказал он. — Новая жена всю душу из него вымотала. Оказывается, ее наряды выдерживают только одну стирку. Рабы колотят их о камень.

— Понятно, — сочувственно произнес Боб.

— Бери, пожалуйста, не стесняйся, — предложила Джейнис.

— Это страшно любезно с вашей стороны, — с признательностью вымолвил ферра. — Поверьте, я способен это оценить. — Он выбрал стиральную машину. — Царица ждет. — И ферра скрылся.

Боб предложил Джейнис сигаретку. Они уселись на кушетку и стали ждать. Через полчаса ферра появился вновь.

— Что вы натворили? — спросил он.

— А что случилось? — невинно откликнулась Джейнис.

— Стиральная машина! Когда царица ее включила, оттуда вырвалось облако зловонного дыма. Затем раздался какой-то чудной звук, и машина остановилась.

— На нашем языке, — прокомментировала Джейнис, пустив кольцо дыма, — это называется «машинка с фокусом».

— С фокусом?

— С «покупкой». С сюрпризом. С изъянцем. Как и все остальное в нашем магазине.

— Но вы же не имеете права! — воскликнул ферра. — Это нечестно!

— Ты такой способный, — ядовито ответила Джейнис. — Валяй, чини.

— Я похвастал, — смиренно промолвил ферра. — Вообще-то я гораздо сильнее в спорте.

Джейнис улыбнулась и зевнула.

— Да полноте, — умолял ферра, нервно подрагивая крылышками.

— Очень жаль, но я ничем не могу помочь, — сказал Боб.

— Вы ставите меня в ужасное положение, — не унимался ферра, — меня понизят в должности. Вышвырнут с государственной службы.

— Но мы ведь не можем допустить своего разорения, правда? — спросила Джейнис.

С минуту Боб размышлял.

— Послушай-ка, — предложил он. — Почему бы тебе не доложить царю, что ты столкнулся с мощной антимагией? Скажи, что, если ему нужны эти товары, *пусть платит* пошлину демонам преисподней.

— Ему это придется не по нраву, — с сомнением произнес ферра.

— Во всяком случае, попытайся, — предложил Боб.

— Попытаюсь, — сказал ферра и исчез.

— Как по-твоему, сколько можно запросить? — нарушила молчание Джейнис.

— Да посчитай ему по стандартным розничным ценам. В конце концов, мы создавали магазин в расчете на честную торговлю. Мы ведь не собирались проводить дискриминацию. А все же хотел бы я знать, откуда он родом?

— Царь так богат, — мечтательно проговорила Джейнис. — По-моему, просто грез не...

— Постой! — вскричал Боб. — Это невозможно! Разве в 2000 году до нашей эры мыслимы холодильники? Или кондиционеры?

— Что ты имеешь в виду?

— Это изменило бы весь ход истории! — объяснил Боб. — Посмотрит какой-нибудь умник на эти штуки и смекнет, как они действуют. И тогда изменится весь ход истории!

— Ну и что? — спросила практичная Джейнис.

— Что? Да то, что научный поиск пойдет по другому пути. Изменится настоящее.

— Ты хочешь сказать, что это невозможно?

— Да!

— Именно это я все время и говорила, — торжествующе заметила Джейнис.

— Да перестань, — обиделся Боб. — Надо было подумать обо всем раньше. Из какой бы страны этот ферра ни происходил, она обязательно окажет влияние на будущее. Мы не вправе создавать парадокс.

— Почему? — спросила Джейнис, но в это мгновение появился ферра.

— Царь изъявил согласие, — сообщил он. — Хватит ли этого в уплату за все, что я у вас брал? — Он протянул маленький мешочек.

Высыпав содержимое из мешочка, Боб обнаружил две дюжины крупных рубинов, изумрудов и бриллиантов.

— Мы не можем их принять, — заявил Боб. — Мы не можем вести с тобой дела.

— Не будь суеверным! — вскричала Джейнис, видя, что свадьба вновь ускользает.

— А, собственно, почему? — спросил ферра.

— Нельзя отправлять современные вещи в прошлое, — пояснил Боб. — Иначе изменится настоящее. Или перевернется мир, или еще какая-нибудь напасть приключится.

— Да ты об этом не беспокойся, — примирительно сказал ферра. — Ничего не случится, я гарантирую.

— Как знать? Ведь если бы ты привез стиральную машину в Древний Рим...

— К несчастью, — вставил ферра, — государство царя Алериана лишено будущего.

— Не можешь ли ты разъяснить свою мысль?

— Запросто. — Ферра уселся в воздухе. — Через три года царь Алериан и его страна будут совершенно и безвозвратно стерты с лица земли силами природы. Не уцелеет ни один человек. Не сохранится ни единого глиняного черепка.

— Отлично, — заключила Джейнис, поднеся рубин к свету. — Нам бы лучше разгрузиться, пока он еще заключает сделки.

— Тогда, пожалуй, другое дело, — сказал Боб. Их магазин был спасен. Жениться они могли хоть завтра. — А что же станет с тобой? — спросил он ферру.

— Ну что ж, я недурно показал себя на этой работе, — ответил ферра. — Скорее всего попрошусь в заграничную командировку. Я слыхал, что перед арабским колдовством открываются необозримые перспективы.

Он благодушно провел рукой по светлым коротко подстриженным волосам.

— Я буду наведываться, — предупредил он и начал исчезать.

— Минуточку, — вскочил Боб. — Не скажешь ли ты, из какой страны ты явился? И где правит царь Алериан?

— Пожалуйста, — ответил ферра, у которого была видна только голова. — Я думал, вы догадались. Ферры — это демоны Атлантиды.

С этими словами он исчез.

Джон Гордон

ЧЕСТНОСТЬ — ЛУЧШАЯ ПОЛИТИКА

Тагобар Ларнимискулюс Верф, Боргакс Фенигвиснока. Это было длинное имя и важный титул, и он гордился ими. Титул этот значил примерно — «Верховный Шериф, Адмирал Фенигвиснока», а Фенигвиснок был богатой и значительной планетой в империи Дэл. Титул и имя выглядели внушительно на документах, а документов подписывать нужно было множество.

Сам Тагобар был превосходным экземпляром своей породы, воплощавшей силу и гордость. Как у черепах на Земле, у него был и наружный и внутренний скелет, хотя это было все, что придавало ему сходство с черепахами. На вид он был похож на человека, нечто среднее между средневековым рыцарем в латах и коренастым регбистом, одетым для выхода на поле. Цвет у него был, как у хорошо сваренного рака, и на суставах наружного скелета переходил в темный пурпур. Одежда состояла только из коротенькой юбочки, расшитой причудливыми узорами и усыпанной сверкающими драгоценными камнями. Эмблема его сана была выгравирована золотом на переднем и заднем панцире, так что его можно было узнать, когда он входил и когда выходил.

Словом, это была довольно внушительная фигура, несмотря на рост всего пять футов два дюйма.

Как командир собственного звездолета «Верф», он должен был разыскивать и исследовать планеты, подходящие для колонизации народом дэл. Он усердно занимался этим уже долгие годы, в точности следуя Общей Инструкции, как и должен делать хороший командир.

И дело стоило того. В свое время он нашел несколько неплохих планет, а эта была самым лакомым кусочком из всех.

Глядя на увеличительный экран, он удовлетворенно потер руки. Его корабль плавно вращался по орбите высоко над новооткрытой планетой, а экран был наведен на местность вни-

---

W. John Gordon. Honesty Is the Best Policy. 1963
Перевод З. Бобырь.

зу. Ни один корабль дэлов еще не бывал в этой части Галактики, и было приятно найти подходящую планету так быстро.

— Великолепная планета! — сказал он. — Восхитительная планета! Смотрите, какая зелень! А синева этих морей! — Он повернулся к лейтенанту Пельквешу. — Как ты думаешь? Разве это не чудесно?

— Конечно, чудесно, ваше великолепие! — ответил Пельквеш. — Вы за нее получите еще одну награду.

Тагобар начал что-то говорить, но неожиданно остановился. Его руки рванулись к рычагам управления и вцепились в переключатели; мощные двигатели корабля взревели от перегрузки, когда корабль повис неподвижно относительно планеты внизу. Пейзаж на увеличительном экране остановился.

Тагобар подрегулировал увеличение, и изображение начало расти.

— Вот! — сказал командир. — Пельквеш, что это такое?

Вопрос был чисто риторическим. Изображение, заслоняемое колеблющимися течениями в двухстах с чем-то милях атмосферы, едва мерцало на экране, но нельзя было сомневаться в том, что это какой-то город. Лейтенант Пельквеш так и сказал.

— Чума его возьми! — проворчал Тагобар. — Занятая планета. Города строят только разумные существа.

— Вот именно, — согласился лейтенант.

Оба они не знали, что делать. Лишь несколько раз за всю долгую историю дэлов ими были обнаружены разумные существа, но под владычеством империи они постепенно вымерли. Ни одна из этих рас, кстати, и не была особенно разумной.

— Придется запросить Общую Инструкцию, — сказал, наконец, Тагобар. Он перешел к другому экрану, включил его и начал набирать цифры кода.

Глубоко в недрах корабля медленно пробудился к жизни робот Общей Инструкции. В его обширной памяти таились 10 тысяч лет накопленных и упорядоченных фактов, 10 тысяч лет опыта империи, 10 тысяч лет окончательных решений по каждому вопросу. Это было больше, чем энциклопедия, — это был образ жизни.

Робот по самым строгим правилам логики проверял свою память, пока не нашел ответ на запрос Тагобара; тогда он передал данные на экран.

— Гммм, — произнес Тагобар. — Да. Общая Инструкция 333 953 216А, глава ММСМХIX, параграф 402. «После обнаружения разумной или полуразумной жизни взять для иссле-

дования случайно выбранный образец. Избегать других контактов, пока образец не будет обследован согласно Психологической Директиве 659-В, Раздел 888 077д, под руководством Главного психолога. Данные сверить с Общей Инструкцией. Если нечаянный контакт уже произошел, справиться в ОИ 472 678-R-S, глава MMMCCX, параграф 553. Образцы следует брать соответственно...»

Он дочитал Общую Инструкцию и тогда повернулся к лейтенанту:

— Пельквеш, готовьте вспомогательную лодку, чтобы взять образец. Я уведомлю психолога Зендоплита, чтобы он приготовился.

Эд Магрудер глубоко вдохнул весенний воздух и закрыл глаза. Воздух был прекрасен, он был пропитан пряными ароматами и сочными запахами, хотя и чуждыми, но казавшимися почему-то родными — более родными, чем земные.

Эд был высок и худощав, с темными волосами и блестящими карими глазами, которые будто щурились от скрытого смеха.

Он открыл глаза. Город еще не спал, но темнота наступала быстро. Эд любил свои вечерние прогулки, но бродить в полях после сумерек было на Нью-Гаваи опасно, даже сейчас. Здесь были маленькие ночные твари, мягко порхающие в воздухе и кусающиеся без предупреждения. Были и более крупные хищники. Эд направился обратно к городку Нью-Хило, построенному на месте, где человек впервые ступил на новую планету.

Магрудер был биологом. За последние десять лет он обшарил с полдюжины миров, собирая образцы, тщательно анатомируя их и занося результаты в записные книжки. Медленно, звено за звеном, составлял он схему — схему самой жизни. У него было много предшественников, вплоть до Карла Линнея, но никто из них не понимал, чего им не хватает. В их распоряжении был только один тип жизни — земная жизнь. А вся земная жизнь в конечном счете однородна. Из всех планет, какие он видел, Нью-Гаваи нравилась ему особенно сильно. Это была единственная планета, кроме Земли, где человек может ходить без всяких защитных одеяний, — по крайней мере единственная из до сих пор открытых.

Эд услышал над головой слабый свист и взглянул. Для ночных тварей еще рановато.

И тут он увидел, что это вовсе не ночная тварь, это какой-то шар вроде металлического и...

На поверхности шара вспыхнуло зеленоватое сияние, и для Эда Магрудера все исчезло.

Тагобар Верф бесстрастно смотрел, как лейтенант Пельквеш вносит бесчувственный образец в биологическое испытательное отделение. Образец был странного вида — пародия на живое существо с мягкой кожей, вроде слизняка, бледного, розовато-смуглого цвета, с отвратительными плеснеподобными разрастаниями на голове и в других местах.

Биологи приняли образец и начали работать над ним. Они взяли для исследования кусочки его кожи, немного его крови и сняли показания электрических приборов с его мышц и нервов.

Зендоплит, главный психолог, стоял рядом с командиром, следя за процедурой.

Для биологов это была Стандартная Процедура; они работали так же, как и со всяким другим поступавшим к ним образцом. Но Зендоплиту предстояла работа, которую до сих пор ему не приходилось выполнять. Ему предстояло работать с мозгом разумного существа.

Но он не тревожился: в Руководстве было записано все, каждая мелочь Стандартной Процедуры. Тревожиться было не о чем.

Как и со всеми прочими образцами, Зендоплит должен был расшифровать основную Схему Реакций. Каждый данный организм способен реагировать только определенным, очень большим, но ограниченным количеством способов, и эти способы можно свести к Основной Схеме. Чтобы уничтожить какую-нибудь породу существ, нужно только найти их Основную Схему, а тогда задать им задачу, которую они по этой схеме не смогут решить. Все это было очень просто, и все записано в Руководстве.

Тагобар повернулся к Зендоплиту.

— Вы действительно думаете, что он сможет научиться нашему языку?

— Зачаткам его, ваше великолепие, — ответил психолог. — Наш язык в конце концов очень сложен. Конечно, мы попытаемся обучить его всей системе языка, но сомневаюсь, чтобы он мог усвоить значительную часть. Наш язык основан на логике, как на логике основана сама мысль. Некоторые из низ-

ших животных способны к зачаточной логике, но большинство неспособно понять ее.

— Хорошо, мы сделаем все, что сможем. Я сам допрошу его.

Зендоплит удивился.

— Но, ваше великолепие, все вопросы подробно записаны в Руководстве!

Тагобар Верф нахмурился.

— Я умею читать не хуже вас, Зендоплит. Так как это первый образец полуразумной жизни, обнаруженный за последнюю тысячу лет, то я думаю, что допрос должен проводить сам командир.

— Как вам угодно, ваше великолепие, — согласился психолог.

Когда психологи закончили работать с Эдом Магрудером, его поместили в Языковой Бункер. На глаза ему установили световые прожекторы, фокусированные на его сетчатках, в уши вставили акустические устройства, повсюду на теле прикрепили различные электроды, на череп наложили тонкую проволочную сеть. Потом ему впрыснули в кровь специальную сыворотку, изобретенную биологами. Все это было проделано безукоризненно точно. Потом Бункер закрыли, и был включен рубильник.

Магрудер смутно ощутил, что всплывает откуда-то из темноты. Он увидел странные, омарообразные существа, двигавшиеся вокруг него, а в уши ему нашептывались и набулькивались какие-то звуки.

Постепенно он начал понимать. Его учили ассоциировать звуки с предметами и действиями.

Эд Магрудер сидел в маленькой комнатке, размером четыре на шесть футов, сидел голый, как червь, и смотрел сквозь прозрачную стену на шестерку чужаков, которых так часто видел в последнее время.

У него не было никакого понятия о том, долго ли его учили языку; он был как в тумане.

«Ну вот, — подумал он, — я избрал немало хороших образцов, а теперь сам попал в образцы». Он вспомнил о том, как поступал со своими образцами, и слегка вздрогнул.

Ну, да ладно. Он попался. Остается только показать им, как нужно себя вести: сжать губы, выше голову, и все такое.

Одно из существ подошло к панели с кнопками и нажало одну из них. Тотчас же Магрудеру стали слышны звуки из комнаты по ту сторону прозрачной стены.

Тагобар Верф взглянул на образец, потом на листок с вопросами у себя в руке.

— Наши психологи обучили вас нашему языку, не так ли? — холодно спросил он.

Образец заболтал головой вверх и вниз.

— Да. И я называю это принудительным кормлением.

— Очень хорошо. Я должен задать вам несколько вопросов: вы будете отвечать на них правду.

— Ну, разумеется, — любезно ответил Магрудер. — Валяйте.

— Мы можем узнать, когда вы лжете, — продолжал Тагобар. — Вам придется плохо, если вы будете говорить неправду. Так вот, как ваше имя?

— Теофилус К. Гассенфеффер, — вкрадчиво произнес Магрудер.

Зендоплит взглянул на задрожавшую стрелку и медленно покачал головой, переводя взгляд на Тагобара.

— Это ложь, — сказал Тагобар.

Образец кивнул.

— Ну, конечно. Славная у вас машинка!

— Хорошо, что вы признаете высокие качества наших приборов, — мрачно произнес Тагобар. — Ну, так как же вас зовут?

— Эдвин Питер Сент Джон Магрудер.

Психолог Зендоплит, следивший за стрелкой, кивнул.

— Прекрасно! — произнес Тагобар. — Итак, Эдвин...

— Эда будет достаточно, — сказал Магрудер.

Тагобар удивился.

— Достаточно — для чего?

— Чтобы называть меня.

Тагобар обернулся к психологу и пробормотал что-то. Зендоплит ответил тоже бормотанием. Тагобар снова обратился к образцу.

— Ваше имя Эд?

— Строго говоря, нет, — ответил Магрудер.

— Тогда почему мы должны называть вас так?

— Почему бы и нет? Другие называют, — ответил Магрудер. Тагобар снова посоветовался с Зендоплитом и потом сказал:

— Мы вернемся к этому вопросу позже. Итак... гм... Эд, как вы называете свою родную планету?

— Земля.

— Хорошо. А как называет себя ваша раса?

— Homo sapiens.

— А что это означает, если означает что-нибудь?

Магрудер подумал.

— Это просто название, — сказал он. Стрелка заколебалась.

— Опять ложь, — сказал Тагобар.

Магрудер усмехнулся.

— Я просто проверял. Это действительно машинка что надо!

Синяя, содержащая медь кровь прилила к шее и лицу Тагобара. Он потемнел от сдерживаемого гнева.

— Вы уже сказали это один раз, — зловеще напомнил он.

— Знаю. Так вот, если хотите знать, Homo sapiens означает «Человек разумный».

В действительности он не сказал «Человек разумный»: в языке долов нет точного выражения этого понятия, и Магрудер сделал все, что мог, чтобы его выразить. В обратном переводе на английский это звучало бы приблизительно как «Существа с великой силой мысли».

Когда Тагобар услышал это, глаза у него раскрылись шире, и он обернулся, чтобы взглянуть на Зендоплита. Психолог развел своими скорлупчатыми руками: стрелка не двинулась.

— Кажется, у вас там высокое мнение о себе, — произнес Тагобар, снова обращаясь к Магрудеру.

— Возможно, — ответил землянин.

Тагобар пожал плечами, заглянул в свой список, и допрос продолжался. Некоторые вопросы казались Магрудеру бессмысленными, другие явно были частью психологической проверки.

Но ясно было одно: детектор лжи был максималистом. Если Магрудер говорил чистую правду, стрелка прибора не двигалась. Но стоило ему солгать хоть чуточку, как она взлетала до потолка.

Первые несколько лживых ответов прошли для Магрудера даром, но в конце концов Тагобар сказал:

— Вы лгали достаточно, Эд.

Он нажал кнопку, и на землянина обрушилась сокрушительная волна боли. Когда она ушла, Магрудер почувствовал, что мышцы у него на животе превратились в узлы, что кулаки и зубы у него стиснуты, а по щекам струятся слезы. Потом его охватила неудержимая тошнота и рвота.

Тагобар Верф брезгливо отвернулся.

— Отнесите его обратно в камеру и уберите здесь. Сильно ли он поврежден?

Зендонлит уже проверил свои приборы.

— Думаю, что нет, ваше великолепие; вероятно, это легкий шок, и только. Однако на следующем допросе нам все равно придется его проверить. Тогда мы узнаем наверное.

Магрудер сидел на краю какой-то полки, которая могла служить низким столом или высокой кроватью. Сидеть было не очень удобно, но ничего другого в камере не имелось, а пол был еще тверже.

Вот уже несколько часов, как его перенесли сюда, а он все еще не мог опомниться. Эта гнусная машина делала больно! Он стиснул кулаки, он все еще чувствовал спазм в животе, и...

И тут он понял, что спазм вызван вовсе не машиной; от этого-то он давно уже отделался.

Судорожное напряжение было вызвано чудовищным, холодным, как лед, бешенством.

Он подумал над этим с минуту, потом расхохотался. Вот он сидит как дурак и бесится так, что доводит себя до боли. А от этого ни ему, ни колонии не будет никакой пользы.

Очевидно было, что чужаки не замышляли ничего доброго, мягко выражаясь. Колония на Нью-Хило насчитывала шестьсот человек — это единственная группа людей на Нью-Гаван, не считая нескольких разведывательных групп. Если этот корабль попробует захватить планету, колонисты не смогут сделать ни черта. А что, если чужаки разыскали Землю! У него не было никакого представления о том, как корабль вооружен и какие у него размеры, но, по-видимому, места в нем много.

Он знал, что все зависит от него. Он должен сделать что-то и как-то. Что? Не выйти ли ему из камеры и не напасть ли на корабль?

Чепуха! Голый человек в пустой камере совершенно беспомощен. Но что же тогда?

Магрудер лег и долго раздумывал над этим.

Потом в двери приоткрылась панель, и за прозрачным квадратом проявилось красно-фиолетовое лицо.

— Вы, несомненно, голодны, — торжественно изрекло оно. — Анализ процессов в вашем организме показал, какая пища вам нужна. Вот, получите.

Из ниши в стене выдвинулся кувшин порядочных размеров; от него исходил странный аромат. Магрудер взял кувшин и заглянул внутрь. Там была желтовато-серая полупрозрачная жидкость, похожая на жидкую похлебку. Он обмакнул в нее палец, попробовал на язык. Ее вкусовые качества были явно ниже нуля.

Он мог догадаться, что она содержит десятка два различных аминокислот, с дюжину витаминов, пригоршню углеводов, несколько процентов других веществ. Что-то вроде псевдопротоплазмического супа — высокосбалансированная пища.

Он подумал, нет ли в ней чего-нибудь вредного для него, но решил, что наверняка нет. Если чужаки захотят отравить его, им нет надобности прибегать к хитростям; кроме того, это наверняка та самая бурда, которой его кормили во время обучения языку.

Притворяясь перед самим собой, что это похлебка из говядины, он выпил ее целиком. Может быть, избавившись от чувства голода, он сможет думать лучше.

Оказалось, что это так и есть.

Меньше чем через час его снова взяли в допросную. На этот раз он решил, что не позволит Тагобару нажимать на ту кнопочку.

«В конце концов, — рассуждал он, — мне может понадобиться солгать кому-нибудь и в будущем, если я когда-нибудь выберусь отсюда. Не нужно приобретать условный рефлекс против лжи».

Судя по тому, как больно сделала ему машина, он видел, что после нескольких таких ударов вполне может получить условный рефлекс.

У него был план. Очень смутный план и очень гибкий. Нужно попросту принимать то, что будет, полагаться на счастье и надеяться на лучшее.

Он сел в кресло и ждал, чтобы стена снова стала прозрачной. Он думал, что у него будет случай убежать, когда его вели из камеры в допросную, но чувствовал, что не сможет справиться с шестеркой панцирных чужаков сразу. Он не был даже уверен, что справится хотя бы с одним. Как справиться с противником, чья нервная система тебе вовсе неизвестна, а тело бронировано, как паровой котел?

Стена сделалась прозрачной, и за нею стоял чужак. Магрудер заинтересовался, было ли это то самое существо, кото-

рос допрашивало его раньше, и, взглянув на рисунок на панцире, решил, что это то же самое.

Он откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и стал ждать первого вопроса.

Тагобар Верф был в большом затруднении. Он тщательно сверил психологические данные с Общей Инструкцией, после того как психологи сверили их по Руководству. Результаты сверок ему решительно не понравились.

Общая Инструкция говорила только: «Раса такого типа никогда не встречалась в Галактике. В этом случае командир должен действовать согласно ОИ 234 511 006 д, гл. ММСДХ, параграф 666».

Просмотрев ссылку, он посоветовался с Зендоплитом.

— Что вы об этом думаете? — спросил он. — И почему у вашей науки нет никаких ответов?

— Наука, ваше великолепие, — ответил Зендоплит, — это процесс получения и координирования сведений. У нас еще нет достаточных сведений, это верно, но мы их получим. Нам совершенно незачем впадать в панику; мы должны быть объективными, только объективными. — Он протянул Тагобару еще один печатный листок. — Вот вопросы, которые вы должны теперь задать согласно Руководству по психологии.

Тагобар ощутил облегчение. Общая Инструкция говорила, что в таком случае, как этот, дальнейшее действие будет зависеть только от его собственных решений.

Он включил поляризацию стены и взглянул на образец.

— Сейчас вы ответите на несколько вопросов отрицательно, — сказал Тагобар. — Неважно, насколько правдивыми будут ответы, вы должны только отвечать «нет». Ясно ли вам это?

— Нет, — ответил Магрудер.

Тагобар нахмурился. Инструкции казались ему совершенно ясными, но что случилось с образцом? Неужели он глупее, чем они думали раньше?

— Он лжет, — сказал Зендоплит.

Тагобару понадобилась добрая половина минуты, чтобы понять происшедшее, и тогда лицо у него неприятно потемнело. Но ничего не поделаешь, образец повиновался приказу.

Его великолепие глубоко вдохнул воздух, задержал его, медленно выдохнул и начал кротким голосом задавать вопросы:

— Ваше имя Эдвин?

Нет.

Вы живете на планете внизу?

Нет.

У вас шесть глаз?

Нет.

Через пять минут подобной беседы Зендоплит сказал:

Достаточно, ваше великолепие, все сходится; его нервная система не повреждена болью. Теперь вы можете приступить к следующей группе вопросов.

Теперь вы будете отвечать правду, — произнес Тагобар. Если нет, вы снова будете наказаны. Это вам ясно?

Совершенно ясно, — ответил Эд Магрудер.

Хотя голос его звучал совершенно спокойно, Магрудер ощутил легкую дрожь. Отныне ему нужно будет обдумывать ответы тщательно и быстро. С другой стороны, ему самому не хотелось слишком медлить с ответами.

Какова численность вашей расы?

Несколько миллиардов. — В действительности их было около четырех миллиардов, но на языке дэлов «несколько» было неясным обозначением для чисел свыше пяти, хотя и не обязательно таких.

— Знаете ли вы точную цифру?

– Нет, — ответил Магрудер. «Не с точностью до одного человека», — подумал он.

Стрелка не дрогнула. Разумеется, разве он говорил неправду?

— Значит, вся ваша раса не живет на Земле? — спросил Тагобар, слегка отклоняясь от списка вопросов. Не живет в одном городе?

Со вспышкой чистейшей радости Магрудер увидел, какую чудесную ошибку сделал чужак. Он до сих пор не подозревал, что у землян есть астронавтика. Поэтому, когда он спросил о названии родной планеты Магрудера, тот ответил «Земля». Но чужак думал о Нью-Гаваи. Урррра!

— О нет, — правдиво ответил Магрудер, нас здесь только несколько тысяч. — «Здесь» — означало, конечно, Нью-Гаваи.

— Значит, большинство вашего народа бежало с Земли?

— Бежало с Земли? — возмущенно переспросил Магрудер. — Святое небо, конечно, нет! Мы только колонизовали планеты: мы все управляемся одним центральным правительством.

— Сколько вас в каждой колонии? — Тагобар полностью отказался от списка вопросов.

— Не знаю в точности, — ответил Магрудер, — но ни на одной из колонизованных нами планет нет большего количества жителей, чем на Земле.

Тагобар был ошеломлен. Он немедленно отключился от допросной.

Зендоплит был расстроен.

— Вы допрашиваете не по Руководству, — жалобно сказал он.

— Знаю, знаю. Но вы слышали, что он сказал?

— Слышал. — Голос у Зендоплита был унылый.

— Неужели это правда?

Зендоплит выпрямился во весь свой пятифутовый рост.

— Ваше великолепие, вы можете отклоняться от Руководства, но я не позволю вам сомневаться в работе Детектора Правды. Реальность — это правда; значит, правда — это реальность. Детектор не ошибался с... с... одним словом, никогда!

— Знаю, — поспешно сказал Тагобар. — Но понимаете ли вы значение того, что он сказал? На его родной планете живет несколько тысяч обитателей; на всех колониях — меньше. А его раса насчитывает несколько миллиардов! Это значит, что они заняли около 10 миллионов планет!

— Я понимаю, что это звучит страшно, — согласился Зендоплит, — но Детектор никогда не лжет! — Тут он вспомнил, к кому обращается, и добавил: — Ваше великолепие.

Но Тагобар не заметил нарушения этикета.

— Это совершенно правильно. Но, как вы сказали, тут есть что-то странное. Мы должны продолжить расследование.

Голос Тагобара сказал:

— Согласно нашим расчетам, в этой Галактике мало пригодных для жизни планет. Чем объясняется то, что вы здесь показали?

Быстро переменив точку зрения, Магрудер подумал о Марсе, находящемся на расстоянии многих световых лет отсюда. На Марсе долгое время существовала научная станция, но он чертовски далеко и непригоден для жизни.

— Мой народ, — осторожно произнес он, — способен жить на планетах, где климатические условия сильно отличаются от земных.

Не успел Тагобар спросить еще о чем-нибудь, как у землянина мелькнула новая мысль. Тысячедюймовый телескоп на Пуне обнаружил с помощью спектроскопа крупные планеты в туманности Андромеды.

Кроме того, — смело продолжал Эд, — мы нашли планеты и других галактиках, кроме этой!

Вот! Уж это-то запутает их!

Звук снова был выключен, и Магрудер видел, что оба чужака горячо заспорили. Когда звук появился снова, Тагобар говорил о другом:

Сколько у вас космических кораблей?

Магрудер раздумывал над этим целую долгую секунду. На Земле есть с десяток звездолетов — недостаточно, чтобы колонизовать 10 миллионов планет. Он попался!

Нет! Погоди! На Гаваи каждые полгода прилетает корабль с припасами. Но на Гаваях нет своих кораблей

Космических кораблей? — простодушно переспросил Магрудер. — У нас их нет.

Тагобар Верф снова выключил звук и на этот раз даже сделал стену непрозрачной.

— Нет кораблей? Нет кораблей? Он солгал... я надеюсь?

Зендоплит мрачно покачал головой.

— Это абсолютная правда.

— Но... но... но...

— Вспомните, как он назвал свою расу, — тихо произнес психолог. Тагобар замигал глазами очень медленно. Когда он заговорил, его голос был хриплым шепотом:

— Существами с великой силой мысли.

— Вот именно, — подтвердил Зендоплит.

Магрудер долго сидел в допросной, не видя и не слыша ничего. Поняли они или нет то, что он сказал? Начали понимать, что он делает? Ему хотелось грызть ногти, кусать руки, рвать волосы; но он заставил себя сидеть спокойно. До конца еще далеко.

Стена вдруг снова стала прозрачной.

— Верно ли, — спросил Тагобар, — что ваша раса способна передвигаться в пространстве единственно силой мысли?

На мгновение Магрудер был ошеломлен. Это превосходило самые смелые надежды. Но он быстро овладел собою. «Как человек ходит?» — подумал он.

— Верно, что, используя силы разума для управления физической энергией, — осторожно произнес он, — мы способны передвигаться с места на место без помощи звездолетов или других подобных машин.

Тотчас же стену снова закрыли.

Тагобар медленно обернулся и взглянул на Зендоплита. Лицо у психолога стало грязно-красным.

— Кажется, лучше будет созвать офицеров, — медленно произнес он. — Нам попалось какое-то чудовище.

Минуты через три все двадцать офицеров огромного «Верфа» собрались в Кабинете психологии. Когда они пришли, Тагобар скомандовал «вольно» и затем обрисовал положение.

— Ну, — сказал он, — что вы предлагаете?

Они совсем не чувствовали себя вольно. Они выглядели напряженными, как тетива лука.

Первым заговорил лейтенант Пелькеш:

— Что сказано в Общей Инструкции, ваше великолепие?

— В Общей Инструкции сказано, — ответил Тагобар, — что мы должны в случае необходимости защищать свой корабль и свой народ. Способы для этого предоставлены на усмотрение командира.

Наступило довольно неловкое молчание. Потом лицо у лейтенанта Пелькеша несколько прояснилось.

— Ваше великолепие, мы можем попросту сбросить на эту планету разрушительную бомбу.

Тагобар покачал головой.

— Я уже думал об этом. Если они могут передвигаться в пространстве одной силой мысли, то они спасутся, а потом отомстят нам за уничтожение одной из своих планет.

Все помрачнели.

— Погодите минутку, — сказал Пелькеш. — Если он может передвигаться одной силой мысли, то почему он не ушел от нас?

Магрудер увидел, что стена становится прозрачной. Комната за нею была теперь полна чужаков. У микрофона стоял этот Тагобар, большая шишка.

— Нам хочется знать, — сказал он, — почему, будучи в состоянии уйти куда угодно, вы остались здесь? Почему вы не бежите от нас?

Опять необходимо быстро соображать.

Нечестно со стороны гостя, — сказал Магрудер, — покидать хозяев, не окончив своего дела.

Даже после того, как мы... гм... наказали вас?

На мелкие неприятности можно не обращать внимания, особенно если хозяин действовал по глубочайшему неведению.

Кто-то из подчиненных Тагобара прошептал что-то, кто-то возразил, и тогда послышался новый вопрос:

Должны ли мы полагать, судя по вашему ответу, что у вас нет на нас обиды?

Кое-какая есть, — откровенно ответил Магрудер. — Однако я обижен только лично на ваше высокомерное обращение со мной. Могу заверить вас, что мой народ в целом ничуть не обижается ни на ваш народ в целом, ни на кого-либо из вас в отдельности.

«Играй крупно, Магрудер, — сказал он себе. — Ты уже сожрал их спесь, надеюсь».

Снова споры за стеной.

— Вы говорите, — спросил Тагобар, — что ваш народ не обижен на нас. Откуда вы это знаете?

— Я могу это утверждать, — ответил Магрудер. — Я знаю, без всякой тени сомнения, в точности, что каждый из моего народа думает о вас в эту самую минуту. Кроме того, разрешите напомнить вам, что мне пока еще не причинили вреда — им не на что сердиться. В конце концов вас ведь еще не уничтожили.

Звук выключен. Снова горячие споры. Звук включен.

— Есть предположение, — сказал Тагобар, — что, несмотря на все обстоятельства, мы были вынуждены взять в качестве образца вас, и только вас. Есть предположение, что вы были посланы нам навстречу.

Ох, братцы! Теперь нужно быть очень, очень осторожным!

— Я — только очень скромный представитель своей расы, — начал Магрудер, главным образом чтобы выиграть время. Но погодите! Разве он не внеземной биолог? — Однако, — с достоинством продолжал он, — моя профессия состоит в том, чтобы находить инопланетные существа. Я должен признать, что меня назначили на эту работу.

Тагобар, казалось, встревожился еще больше.

— Это значит, что вы знали о нашем прибытии?

Магрудер подумал секунду. Еще столетия назад было предсказано, что человечество в конце концов может встретиться с инопланетной расой.

— Мы давно уже знали, что вы придете, — спокойно сказал он.

Тагобар был явно взволнован.

— В таком случае вы должны знать, где в Галактике находится наша раса; вы должны знать, где находится наша планета.

Опять трудный вопрос. Магрудер взглянул сквозь стену на Тагобара и его подчиненных, нервно столпившихся в комнате.

— Я знаю где вы находитесь, — произнёс он, и я знаю в точности, где находится каждый из вас.

По ту сторону стены все разом вздрогнули, но Тагобар держался крепко.

— Где же мы расположены?

На секунду Магрудер подумал, что они выбили, наконец, почву у него из-под ног. А потом нашел самое лучшее объяснение. Он так долго старался увиливать, что почти забыл о возможности прямого ответа.

Он с состраданием взглянул на Тагобара.

— Связь с помощью голоса слишком неудобна. Наша система координат будет вам совершенно непонятна, а вы не захотели научить меня своей, если помните. — Это было сущей правдой; дэлы не настолько глупы, чтобы рассказывать образцу о своей системе координат; следы могут привести к их планете; кроме того, это было запрещено Общей инструкцией.

Снова переговоры за стеной. Тагобар заговорил снова:

— Если вы находитесь в телепатическом контакте со своими товарищами, то можете ли читать и в наших мыслях?

Магрудер надменно взглянул на него.

— У меня, как и у моего народа, есть свои принципы. Мы не проникаем в чужой разум без приглашения.

— Значит, и весь ваш народ знает местонахождение нашей базы? — жалобно спросил Тагобар.

Магрудер ответил безмятежно:

— Заверяю вас, Тагобар Верф, что каждый член моей расы на каждой из принадлежащих нам планет знает о вашей базе и о ее местонахождении ровно столько же, сколько и я.

— Кажется невероятным, — сказал Тагобар через несколько минут, — что ваша раса до сих пор не имела контакта с нами. Наша раса очень древняя и могучая, и мы захватили планеты на доброй половине Галактики, и все же мы ни разу не встречали вас и не слыхали о вашем народе.

Наша политика, — ответил Магрудер, — состоит в том, чтобы стараться не обнаруживать своего присутствия. Кроме того, у нас нет споров с вами, и мы не имели никакого желания отнимать у вас ваши планеты. Только когда какая-нибудь раса становится глупо и неразумно воинственной, мы берем на себя труд показать ей свое могущество.

Это была длинная речь, быть может, слишком длинная. Держался ли он строгой истины? Один взгляд на Зендоплита сказал ему это. Главный психолог не отрывал своих черных бусинок-глаз от стрелки прибора во все время беседы и выглядел все более и более озабоченным по мере того, как прибор указывал ему на неизменную правдивость ответов.

Тагобар был положительно встревожен. По мере того как Магрудер привыкал к чужакам, он все более и более мог читать по их лицам. В конце концов у него было большое преимущество: они сделали ошибку, выучив его своему языку. Он знал их, а они его не знали.

Тагобар сказал:

— Значит, были другие расы... гм... которые вы покарали?

— За мою жизнь этого не было, — ответил Магрудер. Он подумал о неандертальцах и добавил: До меня была раса, бросившая нам вызов. Она не существует больше.

— За вашу жизнь? Каков же ваш возраст?

— Взгляните на ваш экран, на планету внизу, — торжественно произнес землянин. — Когда я родился, ничего из того, что вы видите, на Земле не было. Материки на Земле были совсем не такие; моря были совсем другие. На Земле, на которой я родился, есть обширные полярные шапки; взгляните вниз, и вы их не увидите. И мы не сделали ничего, чтобы изменить планету, которую вы видите; все изменения на ней произошли путем длительного процесса геологической эволюции.

— Глик! Этот странный звук вырвался у Тагобара как раз в тот момент, когда он выключал и звук и стену.

«Совсем как старый фильм в кино, — подумал Магрудер. — Звука нет, и картина все время рвется».

Стена больше не делалась прозрачной. Вместо этого примерно через полчаса она беззвучно скользнула в сторону, открывая весь офицерский состав «Верфа», стоявший навытяжку. «Вольно» стоял только Тагобар Ларшмискулюс Верф, Боргакс Фенигвиспока, и даже теперь его лицо казалось менее пурпурным чем всегда.

— Эдвин Питер Сент Джон Магрудер, — торжественно заговорил он, — в качестве командира этого корабля, Побила Великой Империи и представителя самого императора, мы желаем предложить вам самое искреннее гостеприимство. Действуя под ошибочным впечатлением, будто вы представляете собою низшую форму жизни, мы обращались с вами недостойно и в этом смиренно просим у вас извинения.

— Не стоит, — холодно произнес Магрудер. Теперь вам остается только опуститься на нашу планету, чтобы ваш народ и мой могли договориться, к нашему взаимному удовлетворению. — Он окинул их взглядом. — Вольно, — добавил он повелительно. — И принесите мою одежду.

Что именно станется с кораблем и с чужаками, когда они опустятся, он не был уверен: придется предоставить решение президенту планеты и правительству Земли. Но он не видел больших трудностей впереди.

Когда «Верф» опустился на поверхность планеты, его командир подошел к Магрудеру и смущенно спросил:

— Как вы думаете, понравимся ли мы вашему народу?

Магрудер бегло взглянул на Детектор лжи. Детектор был выключен.

— Понравитесь ли вы? Да в вас просто влюбятся!

Ему до тошноты надоело говорить правду.

Уильям Моррисон

МЕШОК

Сначала они даже и не подозревали о существовании Мешка. Если они и заметили его, когда опустились на астероид, то, вероятно, подумали, что это просто скалистый выступ на голой кремнистой поверхности эллипсоидальной пылинки, наибольший диаметр которой, по определению капитана Ганко, составлял около трех миль, а наименьший — около двух. Никому бы не пришло в голову, что скромный предмет, так неожиданно попавший в их руки, вскоре будет признан самой драгоценной находкой в Солнечной системе.

Остановка была случайной. Правительственный патрульный корабль потерпел аварию и был вынужден искать места для ремонта, на который требовалось по крайней мере семьдесят часов. К счастью, они располагали запасом воздуха, и регенерационная система на корабле работала безукоризненно. Запасы пищи были ограничены, но это мало беспокоило экипаж, так как все знали, что можно затянуть пояса потуже и несколько дней прожить на урезанном пайке. Гораздо хуже обстояло дело с водой: большая часть ее пропала из-за течи в цистернах. В течение последующих пятидесяти часов вода была главной темой их разговоров.

Наконец капитан Ганко сказал:

— Что там говорить, воды не хватит. И нигде поблизости нет ни одной станции снабжения. Остается только радировать и надеяться, что нам навстречу вышлют спасательный корабль с аварийным запасом.

Шлемофон его помощника отозвался уныло:

— Будет очень скверно, если мы не найдем друг друга в пространстве, капитан.

Капитан Ганко невесело рассмеялся.

— Конечно, скверно. Нам тогда представится случай выяснить, долго ли мы сможем выдержать без воды.

William Morrison. Spoken For. 1955

Перевод С.Бережкова.

Некоторое время все молчали. Затем второй помощник сказал:

— Возможно, вода есть где-нибудь здесь, на астероиде, сэр.

— Здесь? Да как она может удержаться здесь при силе тяжести, которой едва хватает, чтобы не улетели скалы? И где она, черт подери?

— Отвечаю на первый вопрос, — отозвался мягкий жидкий голос, казалось, проникавший сквозь ткань скафандров откуда-то сзади. — Она может сохраниться в кристаллическом состоянии. Отвечаю на второй вопрос. Она находится на глубине шести футов, и добыть ее нетрудно.

При первых же словах все обернулись. Но там, откуда, как им казалось, доносился голос, никого не было. Капитан Ганко нахмурился, глаза его угрожающе сузились.

— Полагаю, среди нас нет неумных шутников, — кротко проговорил он.

— Нет, — ответил голос.

— Кто это говорит?

— Я, Изрл.

Тут один из членов экипажа заметил какое-то движение на поверхности огромной скалы. Когда голос смолк, движение прекратилось, но люди уже не спускали глаз с этого места. Так они узнали об Изрле, или Мешке Мудрости, как его чаще называли.

Если бы экипаж не состоял на государственной службе и если бы корабль не принадлежал правительству, капитан Ганко мог бы объявить Мешок своей собственностью или собственностью своих хозяев и вышел бы в отставку сказочно богатым человеком. Но при данных обстоятельствах Мешок перешел в собственность правительства. Его огромное значение было осознано почти сразу же, и Джейк Зиблинг имел основание гордиться, когда кандидатуры более важных и более влиятельных персон были отклонены, и Стражем Мешка назначили его. Зиблинг был коротеньким, плотным человечком, обладавшим чрезмерной склонностью к самокритике. Он выполнил несколько трудных заданий и позволил другим людям присвоить лавры своих успехов. Должность Стража была не для хвастуна, и те, от кого зависело назначение, знали об этом. На сей раз они игнорировали официальные чины и поверхностную репутацию и выбрали человека, которого несколько недолюбливали, но на которого

почтой тоже полагались. И это была величайшая дань из когда-либо приносившихся на алтарь честности и способностей.

Мешок, как выяснил Зиблинг, наблюдая его ежедневно, редко изменял форму, в которой люди увидели его впервые — твердый серовато-коричневый ком, напоминающий мешок с картошкой. Таким он оставался всегда, и, пока ему не задавали вопросов, в нем не было заметно никаких признаков жизни. Питался он редко: по его словам — раз в тысячелетие, если оставался в покое, и раз в неделю — в периоды напряженной деятельности. Он ел и двигался, вытягивая ложноножку, после чего ложноножка убиралась обратно, и Мешок вновь становился мешком с картошкой.

Вскоре оказалось, что имя «Мешок» было удачным и с другой точки зрения. Ибо Мешок был набит сведениями и — еще больше — мудростью. Вначале многие сомневались в этом: кое-кто так и не уверовал до самого конца, точно так же, как некоторые люди уже через столетия после Колумба продолжали считать, что Земля плоская. Но у тех, кто видел и слышал Мешок, не оставалось никаких сомнений. Они даже были склонны полагать, будто Мешок знает все. Это, конечно, было не так.

Официально функция Мешка, узаконенная Сенатской комиссией по Межпланетным сообщениям, состояла в том, что он отвечал на вопросы. Первые вопросы, как мы видели, были заданы случайно капитаном Ганко. Позже вопросы задавались намеренно, но цели их были сами по себе беспорядочны и случайны, и кое-кому из политиков удалось основательно обогатиться, прежде чем правительство положило конец утечке информации и упорядочило процесс задавания вопросов и получения ответов.

Время бесед с Мешком распределили на месяцы вперед и распродали неслыханно дешево, если принять во внимание прибыльность дел, ради которых эти беседы велись — всего по сто тысяч за минуту. Именно эта торговля временем привела к первой крупной склоке в правительстве.

Внезапно Мешок оказался не в состоянии ответить на вопрос, который для мозга его мощности должен был бы казаться весьма простым, и это вызвало второй взрыв такой силы, что его можно было бы назвать кризисом. Сто двадцать вопрошающих, каждый из которых уже уплатил свои сто тысяч, подняли вой, слышный на всех планетах. Началось официальное расследование, на котором Зиблинга подвергли допросу и которое обнажило перед публикой все склоки и противоречия внутри правительства.

*

Зиблинг оставил Мешок на попечение своего помощника, и теперь на заседании Сенатской комиссии он неловко поеживался перед наведенными на него кинокамерами. Допрос вел сенатор Хорриган — грубый, напыщенный, крикливый политикан.

— Вашей обязанностью является поддержание Мешка в состоянии, позволяющем получать ответы на вопросы, не так ли, мистер Зиблинг? — осведомился сенатор Хорриган.

— Да, сэр.

— Тогда почему Мешок оказался неспособным ответить на вопросы, заданные ему клиентами? Эти джентльмены честно заплатили свои деньги — по сто тысяч каждый. Насколько я понимаю, пришлось возместить им эту сумму. Это означает, что правительство потеряло... э, одну минуту... сто двадцать на сто тысяч... Сто двадцать миллионов! — раскатисто провозгласил он.

— Двенадцать миллионов, сенатор, — торопливо прошептал секретарь. Поправка принята не была, и число сто двадцать миллионов в должное время украсило газетные заголовки.

Зиблинг сказал:

— Как мы установили, сенатор, Мешок оказался неспособным отвечать на вопросы потому, что он не машина, а живое существо. Он выдохся. Ведь ему задавали вопросы двадцать четыре часа в сутки.

— Кто дал разрешение на такой идиотский порядок?! — загремел сенатор Хорриган.

— Вы сами, сенатор, — быстро сказал Зиблинг. — Порядок был установлен законом, внесенным вами и одобренным вашим комитетом.

Поскольку сенатор Хорриган не имел ни малейшего представления об этом законе, хотя и подписался под ним, его нельзя было, конечно, считать ответственным за те или иные положения указанного документа. Но в глазах общественного мнения такая ситуация подрывала его реноме. С этого момента он стал заклятым врагом Зиблинга.

— Следовательно, Мешок не отвечал на вопросы в течение целых двух часов?

— Да, сэр. Он возобновил ответы только после отдыха.

— И отвечал уже без каких-либо затруднений?

— Нет, сэр. Его ответы замедлились. Последующие клиенты жаловались, что у них мошеннически вымогают деньги. Но, поскольку ответы все же давались, мы не считались с эти-

ми жалобами, и финансовое управление отказало клиентам в возмещении убытков.

Считаете ли вы, что обман клиентов, уплативших за свое время, честное дело?

Это меня не касается, сенатор, — ответил Зиблинг, справившийся к этому моменту со своими нервами. — Я просто слежу за выполнением законов. Вопрос о честности я предоставляю разрешать вам. Полагаю, что в этом отношении вы безукоризненны.

Присутствующие рассмеялись, а сенатор Хорриган вспыхнул. Он был непопулярен настолько, насколько может быть непопулярен политик, пока он еще остается политиком. Его не любили даже члены его партии, и среди смеявшихся были некоторые из его лучших политических друзей. Он решил изменить ход допроса.

Правда ли, мистер Зиблинг, что вы часто не допускали клиентов, предъявлявших вам расписки в уплате необходимой суммы?

Это так, сэр. Но...

— Вы признаете это?

— Дело здесь вовсе не в том, признаю я это или нет, сенатор. Я только хочу сказать...

— Не важно, что вы хотите сказать. Важно то, что вы уже сказали. Вы обманывали людей, уплативших деньги!

— Это неправда, сэр. Им давалось время позже. Причиной моего отказа дать им разрешение на немедленную консультацию с Мешком было то, что это время уже заранее было зарезервировано Управлением вооруженных сил. У них ведутся важные исследования и возникли кое-какие вопросы. Вы же знаете, что относительно порядка очередности в этом случае мнения разделились. Поэтому, когда возникает вопрос о том, кому идти первым, частному клиенту или представителю правительства, я никогда не беру ответственности на себя. Я всегда консультируюсь с правительственным советником.

— Таким образом, вы отказываетесь выносить собственное решение?

— Моя обязанность, сенатор, состоит в том, чтобы следить за самочувствием Мешка. Я не касаюсь политических вопросов. За три дня до того, как я покинул астероид, у нас было немного свободного времени — один из клиентов, уже уплативший деньги, задержался из-за аварии, — и тогда я задал Мешку вопрос...

— И вы, конечно, использовали это время в своих собственных интересах?

— Нет, сэр. Я спросил Мешок о наиболее эффектном режиме его работы. Из осторожности — я знал, что моему слову могут и не поверить, — я произвел звукозапись. Если желаете, сенатор, я могу продемонстрировать здесь эту звукозапись.

Сенатор Хорриган хрюкнул и махнул рукой.

— Продолжайте.

— Мешок ответил, что ему требуется два часа полного отдыха из каждых двадцати плюс добавочный час на то, что он называет развлечением. Под этим он подразумевает беседу с кем-нибудь, кто будет задавать, как он выражается, разумные вопросы и не станет торопить с ответами.

— И вы предлагаете, чтобы правительство тратило три часа из каждых двадцати — это восемьдесят миллионов наличными?!

— Восемнадцать миллионов, — прошептал секретарь.

— Это время тратится не зря. Если Мешок переутомится, он преждевременно погибнет.

— Это вы так полагаете?

— Нет, сэр, это сказал Мешок.

Тут сенатор Хорриган пустился в разговоры о необходимости разоблачения преступных планов, и Зиблинга освободили от дальнейшего допроса. Были вызваны другие свидетели, но в конце концов Сенатская комиссия так и не смогла прийти к сколько-нибудь определенному решению, и было внесено предложение привлечь к расследованию сам Мешок.

Поскольку, однако, Мешок не мог явиться в Сенат, Сенату пришлось явиться к Мешку. Комитет семи не мог скрыть некоторого беспокойства, когда корабль затормозил и протянул причальные крючья к поверхности астероида. Каждому из членов Комитета уже приходилось путешествовать в пространстве, но раньше пунктами назначения были цивилизованные центры, и сенаторам, по-видимому, не улыбалась перспектива высадки на этой лишенной воздуха и света скалистой глыбе.

Представители телевизионных компаний были тут как тут. Они высадились и установили свои аппараты еще до того, как сенаторы сделали первые робкие шаги из безопасных кабин корабля.

Биллинг отметил с усмешкой, что в этой несколько путающей обстановке, вдали от родины, сенаторы были гораздо менее самоуверенны. Ему предстояло играть роль доброжелательного консультанта, и он с удовольствием принялся за это дело.

Видите ли, джентльмены, — сказал он почтительно, — по совету Мешка было решено обезопасить его от возможной угрозы со стороны метеоритов. Именно метеоры уничтожили почти всю эту странную расу, и только по счастливой случайности последний ее представитель избег этой участи. Поэтому мы построили непробиваемый купол-укрытие, и теперь Мешок живет под его защитой. Клиенты консультируются с ним, используя телевизионную и телефонную связь, что почти так же удобно, как и личная беседа.

Сенатор Хорриган поспешил вцепиться в самый существенный пункт этого сообщения.

- Вы имеете в виду, что Мешок находится в безопасности, а мы подставлены под удары метеоритов?

- Разумеется, сенатор. Мешок — единственный в своем роде. Людей, даже сенаторов, много. Их всегда можно заменить путем выборов.

Сенатор позеленел от страха.

— Я думаю, это оскорбление — считать, что правительство не заботится о безопасности и здоровье своих служащих.

— Я тоже так думаю. Я живу здесь круглый год. — И Биллинг добавил мягко: — Не желаете ли вы, джентльмены, взглянуть на Мешок?

Джентльмены уставились на телевизионный экран и увидели Мешок, который покоился на своем сиденье, похожий на дерюжный мешок с картофелем, сунутый на трон и забытый там. Он выглядел до такой степени неживым, что всем казалось странным, почему он остается в вертикальном положении и не валится набок. Тем не менее некоторое время сенаторы не могли сдержать чувства благоговейного ужаса, охватившего их. Даже сенатор Хорриган молчал.

Впрочем, это скоро прошло, и он заявил:

— Сэр, мы официальная следственная комиссия межпланетного Сената, и мы прибыли сюда, чтобы задать вам несколько вопросов.

Мешок не обнаружил никаких признаков желания ответить, и сенатор Хорриган, откашлявшись, продолжал:

— Правда ли, сэр, что вы требуете два часа полного отдыха из каждых двадцати часов и один час на развлече-

ния, или я, пожалуй, выражусь более точно — на успокоение?

— Это правда.

Хорриган ждал продолжения, но Мешок не в пример сенаторам не стал вдаваться в подробности. Один из членов Комитета спросил:

— Где же вы найдете индивидуума, способного вести разумную беседу со столь мудрым существом, как вы?

— Здесь, — ответил Мешок.

— Необходимо задавать конкретные вопросы, сенатор, заметил Зиблинг. — Мешок обычно не говорит о том, о чем его не спрашивают специально.

Сенатор Хорриган поспешно сказал:

— Я полагаю, сэр, что когда вы говорите о поисках интеллекта, достойного беседы с вами, вы имеете в виду одного из членов нашего Комитета, и я уверен, что из всех моих коллег нет ни одного, кто бы не был годен для этой цели. Но все мы не можем растрачивать наше время, необходимое для выполнения множества других обязанностей, и я хотел бы спросить вас, сэр, кто из нас, по вашему мнению, в особенности располагает мудростью, требуемой для этой огромной задачи?

— Никто, — сказал Мешок.

Сенатор Хорриган был смущен. Другой сенатор покраснел и спросил:

— Тогда кто же?

— Зиблинг.

Хорриган забыл о своем благоговении перед Мешком и вскричал:

— Это подстроено заранее!

Второй сенатор осведомился:

— А почему здесь нет других клиентов? Разве время Мешка не продано далеко вперед?

Зиблинг кивнул.

— Мне приказали аннулировать все ранее заказанные консультации, сэр.

— Какой болван это приказал?

— Сенатор Хорриган, сэр.

На том расследование, собственно, и закончилось. Прежде чем комиссия повернулась к выходу, сенатор Хорриган успел задать Мешку отчаянный вопрос:

— Сэр, буду ли я переизбран?

Крики возмущения, вырвавшиеся у его коллег, заглушили ответ Мешка, и только вопрос был услышан отчетливо и разнесен радиостанциями по межпланетному пространству.

Эффект этого происшествия был таков, что сам по себе явился ответом на вопрос сенатора Хорригана. Он не был переизбран. Но еще перед выборами он успел проголосовать против назначения Зиблинга на пост собеседника Мешка. Зиблинг все-таки был назначен четырьмя голосами против трех, и решение комиссии утвердил Сенат. А сенатор Хорриган исчез на время как из жизни Мешка, так и из жизни Зиблинга.

Зиблинг ожидал своего первого часового интервью с Мешком не без некоторого трепета. До сих пор его обязанности были ограничены несложными задачами, установленными в инструкции: присмотр за противометеоритным куполом-укрытием, обеспечение необходимых запасов пищи, а также забота о воинском подразделении и гвардейцах межпланетного флота. Ибо к тому времени огромная ценность Мешка уже была признана во всей Солнечной системе, и каждому было ясно, что тысячи преступников попытаются выкрасть это беззащитное сокровище.

А теперь, думал Зиблинг, я должен буду разговаривать с ним. Он боялся потерять то доброе мнение, которое Мешок почему-то составил о нем. Он находился в положении, до странности напоминающем положение молоденькой девицы, которой хотелось бы больше всего болтать о нарядах и мальчиках с кем-нибудь, кто находится на ее уровне, и которая вынуждена вести блестящую и глубокомысленную беседу с человеком втрое старше ее.

Но при виде Мешка его благоговейный страх до некоторой степени испарился. Было бы абсурдом утверждать, что его успокоили манеры этого странного существа. Оно было лишено каких-либо манер, и даже когда часть его приходила в движение — обычно во время разговора, — это движение казалось совершенно безличным. И тем не менее что-то в Мешке смягчило страхи Зиблинга.

Некоторое время он стоял перед Мешком молча. Потом, к его изумлению, Мешок заговорил — впервые заговорил сам, не ожидая вопроса.

— Вы не разочаруете меня, — сказал он, — я ничего не жду.

Зиблинг улыбнулся. Мешок никогда еще не говорил так. Впервые он показался Зиблингу не столько механическим мозгом, сколько живым существом. Зиблинг спросил:

— Кто-нибудь спрашивал раньше о вас самих?

— Один человек. Это было еще до того, как мое время распределили по минутам. И даже этот человек прекратил свои расспросы, когда сообразил, что ему лучше попросить совета, как стать богатым. Он почти не обратил внимания на мой ответ.

— Сколько вам лет?

— Четыреста тысяч. Я могу указать свой возраст с точностью до долей секунды, но полагаю, что точные цифры интересуют вас меньше, чем моих обычных собеседников.

Мешок по-своему не лишен чувства юмора, подумал Зиблинг и спросил:

— И сколько лет вы провели в одиночестве?

— Более десяти тысяч лет.

— Однажды вы сказали кому-то, что ваши товарищи были убиты метеорами. Вы не могли оградить себя от этой опасности?

Мешок проговорил медленно, почти устало:

— Это случилось уже после того, как мы потеряли интерес к жизни. Первый из нас умер триста тысяч лет назад.

— И с тех пор вы жили без желания жить?

— У меня нет и желания умереть. Жизнь стала привычкой.

— Почему вы потеряли интерес к жизни?

— Потому что мы потеряли будущее. Мы просчитались.

— Вы способны делать ошибки?

— Мы не утратили эту способность. Мы просчитались, и хотя те из нас, кто жил тогда, избежали гибели, нашему следующему поколению не повезло. После этого нам стало не для чего жить.

Зиблинг кивнул. Эту потерю интереса к жизни человек способен понять. Он спросил:

— Разве вы с вашими знаниями не могли устранить последствий своего просчета?

Мешок ответил:

— Чем больше вещей становятся для вас возможными, тем отчетливее вы осознаете, что ничего нельзя сделать, минуя законы природы. Мы не всесильны. Иногда кто-нибудь из особо глупых клиентов задает мне вопросы, на которые я не могу ответить, а потом сердится, потому что чувствует, что

вливания деньги напрасно. Другие просят меня предсказать будущее. Я могу предсказать только то, что могу рассчитать, но способность моя к расчетам тоже ограничена, и хотя мои возможности по сравнению с вашими огромны, они не позволяют предусмотреть всего.

Как это случилось, что вы знаете так много? Знание рождается в вас?

Рождается только возможность познания. Чтобы знать, мы должны учиться. Это мое несчастье, что я так мало забыл.

— Какие способности вашего организма или какие органы мышления позволяют вам так много знать?

Мешок заговорил, но слова его были непонятны Зиблингу, и тот признался в этом.

— Я мог бы сказать вам сразу, что вы не поймете, — промолвил Мешок, — но хотел, чтобы вы осознали это сами. Чтобы разъяснить все это, мне пришлось бы продиктовать вам с десяток томов, и тома эти вряд ли были бы поняты даже вашими специалистами по биологии, физике и тем наукам, которые вы еще только начинаете изучать.

Зиблинг не отвечал, и Мешок проговорил словно в раздумье:

— Ваша раса все еще не разумна. Уже много месяцев я в ваших руках, но ни один из вас еще не задавал мне важных вопросов. Те, кто желает разбогатеть, расспрашивают о минералах и о концессиях на участки, спрашивают, какой из их планов сколотить состояние будет наилучшим. Некоторые врачи спрашивали меня, как лечить смертельно больных богатых пациентов. Ваши ученые просят меня разрешить проблемы, на которые они без моей помощи затратили бы годы. А когда задают вопросы ваши правители, они оказываются самыми глупыми из всех, ибо хотят знать только одно: как удержаться у власти. Никто не спрашивает того, что надо.

— О судьбе человечества?

— Это предсказание отдаленного будущего. Это вне моих возможностей.

— Что же мы *должны* спрашивать?

— Вот вопрос, которого я ожидал. Вам трудно понять его важность, потому что каждый из вас занят только самим собой.

Мешок замолк, затем пробормотал:

— Я болтаю непозволительный вздор, когда разговариваю с этими тупицами. Но даже вздор может считаться информацией. Другие не понимают, что в больших делах прямо-

та опасна. Они задают мне вопросы, требующие специальных ответов, а им следовало бы спросить о чем-нибудь общем.

— Вы не ответили мне.

— Это часть ответа — сказать, что вопрос важен. Ваши правители видят во мне ценную собственность. Им следовало бы спросить, так ли велика моя ценность, как это кажется. Им следовало бы спросить, что приносят мои ответы — пользу или вред.

— А что они приносят?

— Вред, огромный вред.

Зиблинг был поражен. Он сказал:

— Но если ваши ответы правдивы...

— Процесс достижения истины так же драгоценен, как и сама истина. Я лишил вас этого. Я даю вашим ученым истину, но не всю, ибо они не знают, как достигнуть ее без моей помощи. Было бы лучше, если б они познавали ее ценой многих ошибок.

— Я не согласен с вами.

— Ученый спрашивает меня, что происходит в живой клетке, и я говорю ему. Но если бы он исследовал клетку самостоятельно - пусть ценою затраты многих лет, он пришел бы к финишу не только с этим знанием, но и множеством других, со знанием вещей, о которых он сейчас даже не подозревает, а они тесно связаны с его наукой. Он получил бы много новых методов исследования.

— Но ведь в некоторых случаях знание полезно само по себе. Например, я слышал, что уже используется предложенный вами дешевый процесс производства урана на Марсе. Что в этом вредного?

— А вам известно, сколько имеется необходимого сырья? Ваши ученые не продумали этого вопроса, они растранжирят все сырье и слишком поздно поймут, что они наделали. У вас ведь уже было так на Земле. Вы узнали, каким образом можно дешево перерабатывать воду; вы тратили воду безрассудно, и вскоре вам перестало ее хватать.

— Что плохого в том, чтобы спасти жизнь умирающего пациента, как это делали некоторые врачи?

— Первый вопрос, который следовало бы задать, это — стоит ли спасать жизнь такого пациента.

— Но именно этого доктор не должен спрашивать. Он должен стараться спасти всех умирающих. Совершенно так же, как вы никогда не спрашиваете, в добро или зло обратят люди ваши знания. Вы просто отвечаете на их вопросы.

Я отвечаю только потому, что мне все равно, меня не интересует, как они используют то, что я скажу. Разве доктору тоже все равно?

Зиблинг сказал:

Подразумевается, что вы отвечаете на вопросы, а не ждете их. Кстати, почему вы вообще отвечаете?

Некоторые представители человечества любят хвастаться, другие делать так называемое добро, третьи добывать деньги. То небольшое удовольствие, какое я могу еще получать от жизни, состоит в том, чтобы давать информацию.

А вы не могли бы находить удовольствие во лжи?

— Я так же не способен лгать, как ваши птицы не способны покинуть Землю на собственных крыльях.

Еще один вопрос. Почему вы потребовали, чтобы во время отдыха разговаривал с вами именно я? У нас есть блестящие ученые, великие люди всех сортов, из которых вы могли бы выбирать.

— Меня не интересуют великие представители вашей расы. Я избрал вас, потому что вы честны.

— Спасибо, но на Земле много других честных людей. И на Марсе и на других планетах. Почему я, а не они?

Мешок, казалось, колебался:

— Это доставило мне маленькое удовольствие. Возможно, потому, что я знал: мой выбор будет неприятен тем... семерым...

Зиблинг улыбнулся.

— Вы не так уж равнодушны, как вам кажется. Полагаю, очень трудно быть равнодушным к сенатору Хорригану.

Это был только первый из многих разговоров с Мешком. Сначала Зиблинга весьма обеспокоило предупреждение Мешка относительно опасности, грозящей человечеству, если его (Мешка) советами будут и впредь столь безрассудно пользоваться. Но было бы нелепостью стараться убедить правительственные органы, что Мешок, приносящий ежедневно многие миллионы, является бедствием, а не благословением человеческого рода, и Зиблинг даже не пытался этого сделать. Через некоторое время он постарался загнать все эти неприятные мысли как можно глубже.

Поскольку разговоры велись через каждые двадцать часов, Зиблингу пришлось реорганизовать свое расписание, что

было не так уж просто для человека, привыкшего к суткам межпланетным, тридцатичасовым. Но он чувствовал себя с лихвой вознагражденным за это беспокойство регулярными беседами с Мешком. Он узнал множество нового о планетах, Солнечной системе, галактиках, но все эти сведения получал случайно, не задавая специальных вопросов. Поскольку его познания в астрономии ограничивались школьным курсом, ему никогда и в голову не приходило, что существует целый ряд вопросов, которые следовало бы задать — главным образом относительно других галактик.

Впрочем, вероятно, ничего бы не изменилось, если бы он и задал эти вопросы, ибо некоторые ответы понять было слишком трудно. Он потратил три беседы подряд, стараясь уяснить, каким образом Мешок смог без всякого предварительного контакта с людьми понять земной язык капитана Ганко в тот исторический час, когда этот сверхразум впервые открыл себя людям, и как он смог ответить словами, практически лишенными всякого акцента. Но даже после трех бесед у Зиблинга осталось лишь весьма смутное представление о том, как это делалось.

Это не было телепатией, как он думал вначале. Это был чрезвычайно запутанный аналитический процесс, учитывающий не только слова, которые произносились, но и природу межпланетного корабля, скафандров, которые носили люди, манеру их разговора и множество других факторов, характеризующих как психологию говорящего, так и его язык. Это было похоже на рассуждения математика, старающегося объяснить человеку, не знающему даже арифметики, как он определяет уравнение сложной кривой по ее короткой дуге. Только Мешок не в пример математику мог проделать все это в собственной, так сказать, голове без помощи бумаги и карандаша.

Через год Зиблинг уже затруднился бы сказать, что более занимало его: эти часовые беседы с Мешком или хитроумно-дурацкие требования некоторых мужчин и женщин, заплативших свои сотни тысяч за драгоценные шестьдесят секунд. Кроме сравнительно простых вопросов, задаваемых учеными и искателями счастья, желавшими знать, где можно найти драгоценные металлы, попадались и сложные проблемы, занимавшие по нескольку минут.

Например, одна женщина спросила, где найти ее пропавшего сына. Без необходимых данных, с которых можно было бы начать, даже Мешок не мог сказать ей ничего определенного. Она улетела обратно и вернулась через месяц с огром-

ным количеством информации, тщательно подобранной в порядке уменьшения важности сведений. Мешку потребовалось меньше трех минут, чтобы ответить, что сын ее, по-видимому, жив и находится в малоисследованной области Ганимеда.

Все беседы с Мешком, в том числе и беседы Зиблинга, записывались на пленку, а записи хранились в центральном архиве на Земле. Многие из записей Зиблинг не понимал — некоторые потому, что они были сугубо техническими, другие — потому что они были на незнакомом ему языке. Мешок, конечно, немедленно выучивал все языки при помощи процесса, суть которого он так и не смог объяснить Зиблингу, а в центральном архиве технические эксперты и эксперты-лингвисты тщательно изучали каждую фразу каждого вопроса и ответа, чтобы, во-первых, убедиться, что клиент не являлся преступником, и, во-вторых, чтобы иметь данные для сбора подоходного налога, когда клиент с помощью Мешка добудет состояние.

К концу года Зиблинг убедился в правильности предсказаний Мешка относительно бедствий, грозящих человечеству. Впервые за столетие число ученых-исследователей не увеличилось, а уменьшилось. Знания Мешка сделали целый ряд исследований ненужными и уничтожили закономерную последовательность открытий. Мешок прокомментировал этот факт Зиблингу.

Зиблинг кивнул:

— Я вижу. Человечество теряет независимость.

— Да, и я из верного его раба превращаюсь в его же хозяина. А я ведь хочу быть хозяином не больше, чем рабом.

— Вы можете уйти, как только захотите.

Человек в ответ на это вздохнул бы — Мешок сказал просто:

— У меня нет силы чего-либо желать. К счастью, эта проблема скоро будет решена без меня.

— Вы имеете в виду политические склоки?

Ценность Мешка невероятно увеличилась, и одновременно с этим усилилась жестокая борьба за право пользоваться его услугами. Финансовая политика приобретала странное направление. Президенты, владельцы и директора стали почти марионетками, ибо все главные вопросы политики теперь решались не на основе изучения фактов, а путем обращения к Мешку. Мешок зачастую давал советы ожесточенным противникам, и это походило на игру в космические шахматы, где гигантские корпорации и правительственные агентства были пешками, а Мешок — игроком,

делающим попеременно ходы то за одну, то за другую сторону. Назревали кризисы — и экономические и политические.

Мешок сказал:

— Я имею в виду и политические склоки и многое другое. Борьба за мои услуги стала слишком жестокой. Она может иметь только один конец.

— Вы имеете в виду, что будет сделана попытка вас украсть?

— Да.

— Вряд ли это возможно. Ваша охрана все время усиливается.

— Вы недооцениваете силу жадности.

Он был прав — Зиблингу пришлось убедиться в этом довольно скоро.

В конце четырнадцатого месяца его службы, спустя полгода после провала Хорригана на перевыборах, появился клиент, заговоривший с Мешком на марсианском диалекте Прдл — экзотическом языке, известном весьма немногим. Он обратил на себя внимание Зиблинга еще и потому, что заранее уплатил миллион за беспрецедентную привилегию говорить с Мешком десять минут подряд. Разговор был записан, но, естественно, остался непонятным ни Зиблингу, ни кому-либо другому из служащих станции. Замечательно было еще и то, что незнакомец покинул астероид через семь минут, так и не использовав оставшиеся три минуты, которых было бы достаточно для получения сведений, как сколотить несколько небольших состояний. Эти три минуты не могли быть использованы другими частными клиентами. Но никому бы и в голову не пришло запретить использовать их правительственному служащему, и Зиблинг сейчас же заговорил с Мешком:

— Что спрашивал этот человек?

— Совета, как украсть меня.

Зиблинг был ошарашен.

— Что?

Мешок всегда воспринимал такие восклицания, выражающие изумление, буквально.

— Совета, как украсть меня, — повторил он.

— Тогда... позвольте... он отбыл тремя минутами раньше. Это должно означать, что он торопится начать. Он хочет начать проводить свой план немедленно!

— Он уже проводит его, — ответил Мешок. — Организация преступников отлично, если не досконально, осведомлена о диспозиции войск охраны. Вероятно, кто-то в правительстве оказался предателем. Меня спросили, какой из нескольких планов наилучший, и предложили рассмотреть их с точки зрения слабых мест. Так я и сделал.

— Хорошо, но как мы можем воспрепятствовать выполнению этого замысла?

— Воспрепятствовать ему нельзя.

— Не понимаю почему. Пусть мы не можем помешать им высадиться, но мы можем помешать им удрать отсюда с вами.

— Есть только один путь. Вы должны уничтожить меня.

— Я не могу сделать этого! У меня нет на это права, а если бы и было — я все равно не смог бы!

— Моя гибель была бы благословением для человечества.

— И все же я не могу, — горестно проговорил Зиблинг.

— Тогда — если это исключается — выхода нет. Они попросили меня проанализировать возможные шаги, которые будут предприняты для преследования, но они не спросили совета, как бежать, ибо это было бы тратой времени. Они успеют спросить, когда я буду у них в руках.

— Значит, — с трудом сказал Зиблинг, — я ничего не могу сделать, чтобы спасти вас. Как мне спасти своих людей?

— Вы можете спасти и их и себя, погрузившись в аварийный корабль и вылетев к Солнцу. Тогда вы избежите контакта с преступниками. Но меня с собой не берите, иначе за вами будет погоня.

Крики охраны привлекли внимание Зиблинга.

— Радио сообщает о нападении бандитов, мистер Зиблинг! Сигнализация тревоги не действует!

— Да, я знаю. Готовьте корабль, — Зиблинг снова повернулся к Мешку. — Мы можем бежать, но они захватят вас. И с вашей помощью будут управлять всей системой.

— Не в этом дело, — сказал Мешок.

— Они захватят вас. Можно сделать еще что-нибудь?

— Уничтожьте меня.

— Не могу, — сказал Зиблинг, чуть не плача.

К нему нетерпеливо подбежали его люди, и он понял, что времени больше не осталось. Он пробормотал простую и глупую фразу: «До свидания!», словно Мешок был человеком и мог переживать, как человек, и бросился к кораблю.

* * *

Они стартовали вовремя. Полдюжины кораблей неслись к астероиду с нескольких сторон, и корабль Зиблинга успел проскочить как раз за секунду до того, как они оцепили астероид, на котором находился Мешок.

Зиблинг понял, что он и его люди спасены. Дело переходило отныне в руки командования Вооруженными силами, но Зиблинг представил себе, как они выступят против совершенного мозга Мешка, и сердце его сжалось. Но затем произошло нечто совершенно неожиданное. Впервые Зиблинг полностью уразумел, что хотя Мешок и позволил использовать себя, как простую машину, как раба, отвечающего на вопросы, однако это случилось вовсе не потому, что его возможности были ограничены лишь способностью анализировать. Экран телевизора вдруг осветился.

Связист подбежал к Зиблингу.

— Что-то случилось, мистер Зиблинг, — сказал он, — ведь телевизор не включен!

Телевизор не был включен. И тем не менее они увидели камеру, в которой Мешок провел четырнадцать месяцев — краткое мгновение своей жизни. В камеру вошли двое незнакомец, говоривший на Прлл, и сенатор Хорриган.

К изумлению обоих, первым заговорил Мешок. Он сказал:

— «До свидания» — не вопрос и не ответ. Это сообщение не содержит почти никаких сведений.

Хорриган явно благоговел перед Мешком, но был не из тех, кто отступает перед непонятным. Он почтительно произнес:

— Нет, сэр. Разумеется, не содержит. Это просто выражение...

Незнакомец прервал его на превосходном английском языке:

— Заткнитесь, вы, болтун! Нечего терять время. Надо взять его и бежать. Мы поговорим с ним там.

Зиблинг успел обрушить не одно проклятие на голову Хорригана и пожалеть людей, которых бывший сенатор предал за то, что они не переизбрали его, когда на экране снова возникло изображение. Это была комната внутри пиратского корабля, покидающего астероид. Его никто не преследовал. По-видимому, планы похитителей плюс информация Мешка составили действенную комбинацию.

Сначала единственными людьми возле Мешка были Хорриган и незнакомец, говорящий на Прдл, но это продолжалось недолго. В помещение ввалилось еще человек десять. Лица их казались угрюмыми и выражали недоверие. Один из них объявил:

— Не смейте разговаривать с Мешком, пока мы все не соберемся около него. Мы все имеем на него право.

— Не нервничайте, Меррилл. Не думаете ли вы, что я собираюсь надуть вас? — спросил Хорриган.

— Да, я так думаю, — ответил Меррилл. — Что вы скажете, Мешок? Есть у меня основания не доверять ему?

Мешок ответил коротко:

— Да.

Незнакомец, говорящий на Прдл, побледнел. Меррилл холодно рассмеялся.

— Будьте осторожны, когда задаете вопросы возле этой штуки. — Хорриган прокашлялся. — У меня нет намерения, как вы говорите, надувать кого бы то ни было. Не такой я человек. Поэтому я буду говорить с ним, — он повернулся к Мешку. — Сэр, грозит ли нам опасность?

— Да.

— С какой стороны?

— Ни с какой. Изнутри корабля.

— Опасность немедленная?

— Да.

Тут выяснилось, что Меррилл обладает самой быстрой реакцией: именно он первый начал действовать в соответствии с намеками, содержавшимися в ответе. Он застрелил человека, говорившего на Прдл, прежде чем тот успел схватиться за оружие, а когда Хорриган бросился в ужасе к дверям, хладнокровно уложил и его.

— Вот так, — сказал он. — Есть ли еще опасность внутри корабля?

— Есть.

— Кто? — зловеще спросил Меррилл.

— Опасность не исчезнет до тех пор, пока я буду с вами и на корабле останется больше одного человека. Я слишком большое сокровище для таких, как вы.

Зиблинг и его экипаж как завороженные глядели на экран, ожидая, что бойня начнется снова. Но Меррилл овладел собой.

Он сказал:

— Погодите, ребята. Я признаю, что мы — каждый из нас — хотели бы иметь эту штуку только для себя. Но это не-

осуществимо. Мы все вместе в этом деле, и будь я проклят, если очень скоро нам не придется отбиваться от военных кораблей. Эй, Прадер! Почему ты здесь, а не у перископов?!

— Я слушаю, — сказал Прадер. — Если кто-нибудь вздумает разговаривать с этой штукой, то я хочу быть здесь и слышать ответы. А если есть еще новые способы ударить из-за угла, то я хочу узнать и про них.

Меррилл выругался. В тот же момент корабль качнуло, и он заорал:

— Мы сошли с курса! По местам, идиоты! Живее!

Все кинулись вон, но Зиблинг заметил, что Меррилл был не настолько озабочен общей опасностью, чтобы не выстрелить Прадеру в спину, прежде чем несчастный успел выскочить.

— Теперь им конец, — сказал Зиблинг. — Они перебьют друг друга, а оставшиеся двое или трое погибнут потому, что их будет слишком мало, чтобы управлять таким кораблем. Должно быть, Мешок предвидел и это. Странно только, почему он не предупредил меня.

Мешок заговорил, хотя в помещении никого не было.

— Меня никто не спрашивал, — сказал он.

Зиблинг взволнованно закричал:

— Вы слышите меня! Но что будет с вами?! Вы тоже погибнете?

— Нет еще. Мне захотелось пожить дольше, — он помолчал и затем чуть тише добавил: — Я не люблю выражений, не содержащих сведений, но я должен сказать. Прощайте.

Послышались крики, стрельба. Затем экран внезапно потускнел и погас.

Мешок — существо, на вид столь чуждое человеческим эмоциям, навсегда ушло за пределы сознания Зиблинга. Вместе с Мешком — как он сам и предсказывал — исчезла ужасная угроза всему человечеству.

Как странно, думал Зиблинг, я чувствую себя таким несчастным при таком счастливом конце.

Гарри Гаррисон

ПРОНИКШИЙ В СКАЛЫ

Ветер проносился над гребнем хребта и мчался ледяным потоком вниз по склону. Он рвал брезентовый костюм Пита, осыпал его твердыми как сталь ледяными горошинами. Опустив голову, Пит прокладывал путь вверх по склону, к выступающей гранитной скале.

Он промерз до мозга костей. Никакая одежда не спасает человека при температуре пятьдесят градусов ниже нуля. Пит чувствовал, как руки его немеют. Когда он смахнул с бакенбард кусочки льда, застывшие от дыхания, он уже не чувствовал пальцев. В местах, где ветер Аляски касался его кожи, она была белой и блестящей.

Работа как работа. Потрескавшиеся губы болезненно скривились в жалкое подобие улыбки. «Если эти негодяи в погоне за чужими участками добрались даже до этих мест, они промерзнут до костей, прежде чем вернутся обратно».

Стоя под защитой гранитной скалы, он нашарил на боку кнопку. Из стального ящичка, пристегнутого к поясу, донесся пронзительный вой. Когда Пит опустил лицевое стекло своего шлема, шипение вытекающего кислорода внезапно прекратилось. Он вскарабкался на гранитную скалу, которая выступала над замерзшим грунтом.

Теперь он стоял совершенно прямо, не чувствуя напора ветра; сквозь его тело проносились призрачные снежинки. Медленно двигаясь вдоль скалы, он все глубже опускался в землю. Какое-то мгновение верхушка его шлема торчала над землей, словно горлышко бутылки в воде, затем скрылась под снежным покровом.

Под землей было теплее, ветер и холод остались далеко позади. Пит остановился и стряхнул снег с костюма. Он осторожно отстегнул ультрасветовой фонарик от наплечного ремня и включил его. Луч света такой частоты, которая позволяла двигаться сквозь плотные тела, прорезал окружающие слои грунта, будто полупрозрачный желатин.

Harry Harrison. Rock Diver. 1951
Перевод И. Почиталина.

Вот уже одиннадцать лет Пит проникал в скалы, но так никогда и не смог отделаться от изумления при виде этого невероятного зрелища. Чудо изобретения, позволявшее ему проходить сквозь скалы, всепроникатель, он воспринимал как само собой разумеющееся. Это был всего лишь прибор, правда хороший, но все же такой, который при случае можно разобрать и починить. Удивительным было то, что этот прибор делал с окружающим миром.

Полоса гранита начиналась у его ног и исчезала внизу в море красного тумана. Этот туман состоял из светлого известняка и других пород, уходящих вперед застывшими слоями. Гранитные валуны и скальные массивы, большие и малые, окруженные со всех сторон более легкими породами, казалось, повисли в воздухе. Проходя под ними, он осторожно наклонялся.

Если предварительное обследование было правильным, то, идя вдоль гранитного хребта, он должен был напасть на исчезнувшую жилу. Вот уже больше года он обследовал различные жилы и выработки, постепенно приближаясь к тому месту, откуда, как он надеялся, берут начало все эти жилы.

Пит шел вперед, пригнувшись и проталкиваясь через известняк. Порода проносилась сквозь его тело и обтекала его подобно быстро мчащемуся потоку воды. Протискиваться сквозь нее с каждым днем становилось все труднее и труднее. Пьезокристалл его всепроникателя с каждым днем все больше и больше отставал от оптимальной частоты. Чтобы протолкнуть атомы его тела, требовались немалые усилия. Он повернул голову и, моргая, попытался остановить взгляд на двухдюймовом экране осциллоскопа внутри шлема. Ему улыбнулось маленькое зеленое личико — остроконечные зигзаги волн сверкали, подобно ряду сломанных зубов. Он нахмурился, заметив, каким большим стало расхождение между фактической линией волн и моделью, вытравленной на поверхности экрана. Если кристалл выйдет из строя, весь прибор разладится и человека ждет медленная смерть от холода, потому что он не сумеет спуститься под землю. Или он может оказаться под землей в тот момент, когда кристалл выйдет из строя. Это тоже означает смерть, но более быструю и несравненно более эффектную — смерть, при которой он навсегда останется в толще породы, подобно мухе в куске янтаря. Мухе, которая становится частью янтаря. Он вспомнил о том, как умер Мягкоголовый, и чуть заметно вздрогнул.

Мягкоголовый Сэмюэлз был из той группы ветеранов, несгибаемых скалопроникателей, которые под вечными снегами Аляски открыли залежи минералов. Он соскользнул с гранитной скалы на глубине двести метров и в буквальном смысле слова упал лицом прямо в баснословную жилу Белой Совы. Именно это открытие и вызвало лихорадку 63-го года. И когда падкие до наживы полчища людей хлынули на север, к Даусону, Сэм отправился на юг с большим состоянием. Вернулся он через три года, начисто разорившись, так что едва хватило на билет на самолет, и его недоверие к человечеству было безмерным.

Он присоединился к горстке людей около пузатой железной печурки, радуясь случаю хотя бы посидеть со старыми друзьями. О своем путешествии на юг он не рассказывал никому, и никто не задавал ему вопросов. Только когда в комнату входил незнакомец, его губы крепче сжимали сигару. Но вот «Порт Американ майнинг» перевела его в другую группу, и снова начались бесконечные блуждания под землей.

Однажды Сэм пошел под землю и больше не вернулся. «Застрял», — бормотали его дружки, но никто толком не знал, где это произошло, до тех пор пока в 71-м году Пит не наткнулся на него.

Пит очень отчетливо помнил этот день. Он проходил сквозь каменную гряду, которая не была сплошной скалой, устал как собака и безумно хотел спать. Вдруг он увидел Мягкоголового Сэма, навечно пойманного каменным монолитом. На его лице застыла маска ужаса, он наклонился вперед, схватившись за переключатель у пояса. Должно быть, в это страшное мгновение Сэм понял, что его всепроникатель вышел из строя, — и скала поглотила его. Уже семь лет он стоял в этой позе, в которой ему суждено было остаться вечно, ибо атомы его тела неразрывно слились с атомами окружающей породы.

Пит тихо выругался. Если в самом скором времени не удастся напасть на жилу, чтобы купить новый кристалл, ему придется присоединиться к этой бесконечной галерее исчезнувших старателей. Его энергобатареи были на последнем издыхании, баллон с кислородом протекал, а залатанный миллеровский подземный костюм уже давно годился разве что для музея. На нем больше негде было ставить латки, и, конечно, он не держал воздуха как полагается. Питу нужна была только одна жила, одна маленькая жила.

Рефлектор на шлеме выхватил из тьмы на скале возле лощины какие-то кристаллические породы, отсвечивающие го-

лубым. Пит оставил в стороне гранитный хребет, вдоль которого раньше шел, и углубился в менее плотную породу. Может, это и был ютт. Включив ручной нейтрализатор в штекер на поясе, он поднял кусок скальной породы толщиной в фут. Сверкающий стержень нейтрализатора согласовал плоскость вибрации образца с частотой человеческого тела. Пит прижал отверстие спектроанализатора к валуну и нажал кнопку. Короткая вспышка — сверкнуло обжигающее атомное пламя, мгновенно превратив твердую поверхность образца в пар.

Прозрачный снимок выпрыгнул из анализатора, и Пит жадно уставился на спектрографические линии. Опять неудача: не видно знакомых следов юттотанталита. Нахмурившись, он засунул анализатор в заплечный мешок и двинулся дальше, протискиваясь через вязкую породу.

Юттотанталит был рудой, из которой добывали тантал. Этот редкий металл был основой для изготовления мельчайших пьезоэлектрических кристаллов, которые делали возможным создание вибрационных всепроникателей. Из ютта получали тантал, из тантала делали кристаллы, из кристаллов — всепроникатели, которыми пользовался Пит, чтобы отыскать новое месторождение ютта, из которого можно было добыть тантал, из которого... Похоже на беличье колесо, и сам Пит был похож на белку, причем белку, в настоящий момент весьма несчастную.

Пит осторожно повернул ручку реостата на всепроникателе: он подал в цепь чуть больше мощности. Нагрузка на кристалл увеличилась, но Питу пришлось пойти на это, чтобы протиснуться через вязкую породу.

Пита не оставляла мысль об этом маленьком кристалле, от которого зависела его жизнь. Это была тонкая полоска вещества, походившего на кусок грязного стекла, но на редкость хорошо отшлифованная. Когда на кристалл подавался очень слабый ток, он начинал вибрировать с такой частотой, которая позволяла одному телу проскальзывать между молекулами другого. Этот слабый сигнал контролировал в свою очередь гораздо более мощную цепь, позволяющую человеку с его оборудованием проходить сквозь земные породы. Если кристалл выйдет из строя, атомы его тела вернутся в вибрационную плоскость обычного мира и сольются с атомами породы, через которую он в этот момент двигался... Пит потряс головой, как бы стараясь отбросить страшные мысли, и зашагал быстрее вниз по склону.

Он двигался сквозь сопротивляющуюся породу вот уже три часа, и мускулы ног горели как в огне. Если он хочет вы-

оратся отсюда в целости и сохранности, через несколько минут придется повернуть назад. Однако целый час он шел вдоль вероятной жилы по следам ютта, и ему казалось, что их становится все больше. Главная жила должна быть на редкость богатой — если только удастся ее отыскать!

Пора отправляться в долгий путь назад, наверх. Пит рванется к жиле. Он последний раз возьмет пробу, сделает отметку и возобновит поиски завтра. Вспышка пламени — и Пит посмотрел на прозрачный отпечаток.

Мускулы его тела напряглись, и сердце тяжело застучало. Он зажмурился и снова посмотрел на отпечаток — следы не исчезли! Линии тантала ослепительно сияли на фоне более слабых линий. Дрожащей рукой он расстегнул карман на правом колене. Там у него был подобный отпечаток — отснятое месторождение Белой Совы, самое богатое в округе. Да, не было ни малейшего сомнения — его жила богаче!

Из мягкого карманчика он извлек полукристаллы и осторожно положил кристалл *Б* туда, где лежал взятый им образец. Никто не сможет отыскать это место без второй половины кристалла, настроенного на те же ультракороткие волны. Если с помощью половины *А* возбудить сигнал в генераторе, половина *Б* будет отбрасывать эхо с такой же длиной волны, которое будет принято чувствительным приемником. Таким образом, кристалл отмечал участок Пита и в то же время давал ему возможность вернуться на это место.

Пит бережно спрятал кристалл *А* в мягкий карманчик и отправился в долгий обратный путь. Идти было мучительно трудно: старый кристалл в проникателе настолько отошел от стандартной частоты, что Пит едва протискивался сквозь вязкую породу. Он чувствовал, как давит ему на голову невесомая скала в полмили толщиной, — казалось, она только и ждала, чтобы стиснуть его в вечных объятиях. Единственный путь назад лежал вдоль длинного гранитного хребта, который в конце концов выходил на поверхность.

Кристалл уже работал без перерыва больше пяти часов. Если бы Пит на некоторое время смог выключить его, аппарат бы остыл. Когда Пит начал возиться с лямками рюкзака, руки его дрожали, но он заставил себя не торопиться и выполнить работу как следует.

Он включил ручной нейтрализатор на полную мощность и вытянул вперед руку со сверкающим стержнем. Внезапно из тумана впереди появился огромный валун известняка. Теперь

проникающая частота вибраций была уже согласована с ним. Сила тяжести потянула вниз гигантский восемнадцатифутовый валун, он медленно опустился и исчез под гранитным хребтом. Тогда Пит выключил нейтрализатор. Раздался страшный треск, молекулы валуна смешались с молекулами окружающей породы. Пит ступил внутрь искусственного пузыря, образовавшегося в толще земли, и выключил всепроникатель.

Мгновенно — что всегда изумляло его — окружающий туман превратился в монолитные стены из камня. Луч рефлектора на шлеме пробежал по стенам маленькой пещеры-пузыря без входа и выхода, которую отделяло полмили от ледяных просторов Аляски.

Со вздохом облегчения Пит сбросил тяжелый рюкзак и, вытянувшись, дал покой измученным мышцам. Нужно было экономить кислород; именно поэтому он и выбрал это место. Его искусственная пещера пересекала жилу окиси рубидия. Это был дешевый, повсюду встречающийся минерал, который не имело смысла добывать так далеко, за полярным кругом. Но все же он был лучшим другом скалопроникателя.

Пит порылся в рюкзаке, нашел аппарат для изготовления воздуха и прикрепил батарею к поясу. Затем он огрубевшими пальцами включил аппарат и воткнул контакты провода в жилу окиси рубидия. Беззвучная вспышка осветила пещеру, блеснули белые хлопья начавшего падать снега. Хлопья кислорода, созданного аппаратом, таяли, не успев коснуться пола. В подземной комнате образовывалась собственная атмосфера, пригодная для дыхания. Когда все пространство будет заполнено воздухом, Пит сможет открыть шлем и достать из рюкзака продукты.

Он осторожно поднял лицевое стекло шлема. Воздух был уже подходящим, хотя давление — по-прежнему низким, а концентрация кислорода чуть выше нормы. Он радостно хихикнул, охваченный легким кислородным опьянением. Мурлыча что-то несусветное, Пит разорвал бумажную упаковку концентрата.

Он запил сухомятку холодной водой из фляжки и улыбнулся при мысли о толстых, сочных бифштексах. Вот произведут анализ, и у владельцев рудников глаза на лоб полезут, когда они прочитают сообщение об этом. И тогда они придут к нему. Солидные, достойные люди, сжимающие контракты в холеных руках. Пит продаст все права на месторождение тому из них, кто предложит самую высокую цену, — пусть теперь

поработает кто-нибудь другой. Они выровняют и обтешут этот гранитный хребет, и огромные подземные грузовики помчатся сквозь землю, перевозя шахтеров на подземные выработки и обратно. Улыбаясь своим мечтам, Пит расслабленно прислонился к вогнутой стене пещеры. Он уже видел самого себя, вылощенного, вымытого и холеного, входящим в «Отдых шахтера»...

Двое в подземных костюмах, появившиеся в скале, развеяли эти мечты. Тела их казались прозрачными; их ноги при каждом шаге увязали в земле. Внезапно оба подпрыгнули вверх, выключив проникатели в центре пещеры, обрели плотность и тяжело опустились на пол. Они открыли лицевые стекла и принюхались.

— Недурно попахивает, правда, Мо? — улыбнулся тот, что покороче.

Мо никак не мог снять свой шлем; его голос глухо донесся из-под складок одежды: «Точно, Элджи». Щелк! — и шлем наконец был снят.

У Пита при виде Мо глаза на лоб полезли, и Элджи недобро усмехнулся:

— Мо не ахти какой красавец, но к нему можно привыкнуть.

Мо был гигантом в семь футов, с заостренной, гладко выбритой, блестящей от пота головой. Очевидно, он был безобразным от рождения и с годами не стал лучше. Нос его был расплющен, одно ухо висело как тряпка, и множество белых шрамов оттягивало верхнюю губу. Во рту виднелись два желтых зуба.

Пит медленно завинтил крышку фляги и спрятал ее в рюкзак. Может, это и были честные скалопроходцы, но по их виду этого не скажешь.

— Чем могу вам помочь, ребята? — спросил он.

— Да нет, спасибо, приятель, — ответил коротышка. — Мы как раз проходили мимо и заметили вспышку твоего воздуходела. Мы подумали — а может, это кто из наших ребят? Вот и подошли посмотреть. В наши дни хуже нет, чем таскаться под землей, правда? — Произнеся эти слова, коротышка окинул быстрым взглядом пещеру, не пропуская ничего. Мо с хрипом опустился на пол и прислонился к стене.

— Верно, — осторожно согласился Пит. — Я за последние месяцы так и не наткнулся на жилу. А вы, ребята, недавно приехали? Что-то я не припомню, видел ли я вас в лагере.

Элджи не ответил. Не отрываясь, он смотрел на мешок Пита, набитый образцами.

Со щелканьем он открыл огромный складной нож.

— Ну-ка, что там у тебя в этом мешке, парень?

— Да просто низкосортная руда. Я решил взять пару образцов. Отдам ее на анализ, хотя вряд ли ее стоит нести до лагеря. Сейчас я покажу вам.

Пит встал и пошел к рюкзаку. Проходя мимо Элджи, он стремительно наклонился, схватил его за руку с ножом и изо всех сил ударил коленом в живот. Элджи согнулся от боли, и Пит рубанул его по шее краем ладони. Не ожидая, когда потерявший сознание Элджи упадет на пол, Пит кинулся к рюкзаку.

Одной рукой он схватил свой армейский пистолет 45-го калибра, другой — контрольный кристалл и занес свой сапог со стальной подковкой над кристаллом, чтобы растереть его в пыль.

Его нога так и не опустилась вниз. Гигантская рука стиснула его лодыжку еще в воздухе, застопорив движение тела. Пит попытался повернуть дуло пистолета, однако ручища размером с окорок схватила его кисть. Пит вскрикнул — у него хрустнули кости. Пистолет выпал из безжизненных пальцев.

Пит минут пять сидел, свесив голову на грудь, пока Мо умолял потерявшего сознание Элджи сказать, что ему делать. Наконец Элджи пришел в себя, с трудом сел, ругаясь и потирая шею. Он сказал Мо, что надо делать, и сидел с улыбкой до тех пор, пока Пит не потерял сознания.

Раз-два, раз-два — голова Пита дергалась из стороны в сторону в такт ударам. Он не мог остановить их, они разламывали голову, сотрясали все тело. Откуда-то издалека послышался голос Элджи:

— Хватит, Мо, пока хватит. Он приходит в сознание.

Пит с трудом прислонился к стене и вытер кровь, мешавшую ему видеть. И тут перед ним всплыло лицо коротышки.

— Слушай, парень, ты доставляешь нам слишком много хлопот. Сейчас мы возьмем твой кристалл и отыщем эту жилу, и если она и впрямь такая богатая, как эти образцы, то я буду на седьмом небе и отпраздную удачу — убью тебя очень медленно. Если же мы не отыщем жилы, то ты умрешь намного медленнее. Так или иначе я тебя прикончу. Еще никто не осмеливался ударить Элджи, разве тебе это не известно?

Они включили проникатель Пита и поволокли избитого сквозь стену. Футов через двадцать они вошли в другую пе-

перу, намного больше первой. Почти все пространство занимала огромная металлическая громада атомного трактора.

Мо бросил Пита на пол и поддал проникатель ногой, превратив его в бесполезный металлолом. Гигант перешагнул через тело Пита и тяжелым шагом двинулся к трактору. Только он влез в кабину, как Элджи включил мощный стационарный проникатель. Когда призрачная машина двинулась вперед и исчезла в стене пещеры, Пит успел заметить, что Элджи безучастно усмехнулся.

Пит повернулся и наклонился над разбитым проникателем. Бесполезно. Бандиты чисто сработали, и в этой шарообразной могиле не было больше ничего, что помогло бы Питу выкрутиться. Подземное радио находилось в старой пещере: с его помощью он мог связаться с армейской базой, и через двадцать минут вооруженный патруль был бы на месте. Однако его отделяет от радио двадцать футов скальной породы.

Он расчертил рефлектором стену. Трехфутовая жила рубидия, должно быть, проходила и через его пещеру.

Пит схватился за пояс. Воздуходел все еще на месте! Он прижал контакты аппарата к рубидиевой жиле — в воздухе закружились хлопья серебряного снега. Внутри круга, описываемого контактами, порода трескалась и сыпалась вниз. Если только в батареях достаточно электроэнергии и если бандиты вернутся не слишком быстро...

С каждой вспышкой откалывалось по куску породы толщиной примерно в дюйм. Чтобы вновь зарядить аккумуляторы, требовалось 3,7 секунды; затем возникала белая вспышка и разрушался еще один кусок скалы. Пит работал в бешеном темпе, отгребая левой рукой каменные осколки.

Вспышка между контактами в правой руке — гребок левой рукой, — вспышка — и гребок, вспышка — и гребок. Пит смеялся и в то же время плакал, по щекам бежали теплые слезы. Он и думать забыл, что при каждой вспышке аппарата освобождаются все новые и новые порции кислорода. Стены пещеры пьяно качались перед его глазами.

Остановившись на мгновение, чтобы закрыть лицевое стекло своего шлема, Пит снова повернулся к стене созданного им туннеля. Он дробил неподатливую скалу, сражался с ней и старался забыть о пульсирующей боли в голове. Он лег на бок и стал отбрасывать назад осколки камней, утрамбовывая их ногами.

Большая пещера осталась позади, и теперь Пит замурован в крошечной пещере глубоко под землей. Он почти физически ощущал, что над ним нависла полумильная толща породы, давящей его, не дающей ему дышать. Если сейчас воздуходел выйдет из строя, Пит навсегда останется в своей рукотворной каменной гробнице. Пит попытался прогнать эту мысль и думать только о том, как бы выбраться отсюда на поверхность.

Казалось, время остановилось, осталось только бесконечное напряжение. Его руки работали как поршни, окровавленными пальцами он захватывал все новые и новые порции раздробленной породы.

На несколько мгновений он опустил руки, пока горящие легкие накачивали воздух. В этот момент скала перед ним треснула и обрушилась с грохотом взрыва, и воздух через рваное отверстие со свистом ворвался в пещеру. Давление в туннеле и пещере уравнялось — он пробился!

Пит выравнивал рваные края отверстия слабыми вспышками почти полностью разряженного воздуходела, когда рядом с ним появились чьи-то ноги. Затем на низком потолке проступило лицо Элджи, искаженное свирепой гримасой. В туннеле не было места для того, чтобы материализоваться; Элджи мог только потрясти кулаком у лица — и сквозь лицо — Пита.

Сзади, из-за груды щебня послышался шорох, осколки полетели в стороны, и в пещеру протолкнулся Мо. Пит не мог повернуться, чтобы оказать сопротивление, однако, прежде чем чудовищные руки Мо схватили его за лодыжки, подошва его сапога опустилась на бесформенный нос гиганта.

Мо протащил Пита, словно ребенка, по узкому каменному коридору обратно в большую пещеру и бросил его на пол. Пит лежал, хватая воздух ртом. Победа была так близка...

Элджи склонился над ним:

— Уж слишком ты хитер, парень. Пожалуй, я пристрелю тебя прямо сейчас, чтоб ты не выкинул чего-нибудь еще.

Он вытащил пистолет Пита из кармана и оттянул назад затвор.

— Между прочим, мы нашли твою жилу. Теперь я чертовски богат. Ну как, ты доволен?

Элджи нажал спусковой крючок, и на бедро Пита словно обрушился удар молота. Маленький человек стоял над Питом и усмехался:

— Я всажу в тебя все эти пули одну за другой, но так, чтобы тебя не убить, по крайней мере не сразу. Ну как, готов к следующей?

Пит приподнялся на локте и прижал ладонь к дулу пистолета. Элджи широко улыбнулся:

— Прекрасно, ну-ка останови пулю рукой!

Он нажал спусковой крючок — пистолет сухо щелкнул. На лице Элджи отразилось изумление. Пит привстал и прижал контакты воздуходела к шлему Элджи. Гримаса изумления застыла на лице бандита, и вот голова его уже разлетелась на куски.

Пит упал на пистолет, передернул затвор и повернулся. Элджи был тертый калач, но даже он не знал, что дуло армейского пистолета 45-го калибра действует как предохранитель. Если к дулу что-то прижато, ствол движется назад и встает на предохранитель, и, чтобы произвести выстрел, необходимо снова передернуть затвор.

Мо неуверенным шагом двинулся вперед; от изумления у него отвисла челюсть. Повернувшись на здоровой ноге, Пит направил на него пистолет:

— Ни с места, Мо. Придется тебе доставить меня в город.

Гигант не слышал его; он думал только об одном:

— Ты убил Элджи. Ты убил Элджи!

Пит расстрелял половину магазина, прежде чем великан рухнул на пол.

Содрогнувшись, он отвернулся от умирающего человека. Он ведь оборонялся, но, сколько бы он об этом ни думал, тошнота не проходила. Пит обмотал ногу кожаным поясом, чтобы остановить кровотечение, и перевязал рану стерильным бинтом из санитарного пакета, который он нашел в тракторе.

Трактор доставит его в лагерь; пусть армейцы сами разберутся в этой кутерьме. Он опустился на сиденье водителя и включил двигатель. Мощный проникатель работал безукоризненно — машина двигалась к поверхности. Пит положил раненую ногу на капот двигателя, перед радиатором которого плавно расступались земные породы.

Когда трактор вылез на поверхность, все еще шел снег.

Джеймс Шмиц

СБАЛАНСИРОВАННАЯ ЭКОЛОГИЯ

Ферма алмазных деревьев с утра была охвачена беспокойством. Ильф уловил его, но ничего не сказал Орис, решил, что начинается летняя лихорадка или у него живот подвело и мерещится всякая всячина, а Орис сразу потащит его домой, к бабушке. Но беспокойство не проходило, росло, и наконец Ильф уверился в том, что источник беспокойства — сама ферма.

Казалось бы, лес живет обычной жизнью. С утра был дождь, перекати-поле вытащили из земли корни и катались по кустам, стряхивая с себя воду. Ильф заметил, как одно из растений, совсем маленькое, подобралось прямо к хищной росянке. Росянка была взрослой, могла выбросить щупальце на двенадцать — четырнадцать футов, и Ильф остановился, чтобы посмотреть, как перекати-поле попадется в ловушку.

Внезапно щупальце метнулось, словно желтая молния, обвило концом перекати-поле, оторвало от земли и поднесло к отверстию в пне, под которым и скрывалась росянка. Перекати-поле удивленно сказало: «Ах!» — они всегда так говорят, если их поймать, — и исчезло в черной дыре. Через мгновение в отверстии вновь показался кончик щупальца, он мерно покачивался, поджидая, пока в пределах досягаемости не появится что-нибудь подходящего размера.

Ильф, которому только что исполнилось одиннадцать, для своего возраста был невелик и являлся как раз подходящим объектом для росянки, но она ему не угрожала. Росянки в рощах алмазных деревьев на планете Урак никогда не нападали на людей. Ильфу вдруг захотелось подразнить росянку. Если взять палку и потыкать ею в пень, росянка рассердится, высунет щупальце и постарается выбить палку из руки. Но сегодня неподходящий день для таких забав. Ильф не мог отделаться от странного, тревожного чувства. Он заметил, что Орис с Сэмом поднялись на двести футов по склону холма, направляясь к Королевской роще, к дому. Ильф помчался вслед за ними и догнал их на прогалине, разделявшей рощи алмазных деревьев.

James Schmitz. Balanced Ecology. 1965
Перевод И. Можейко.

Орис, которая была на два года, два месяца и два дня старше Ильфа, стояла на выпуклом панцире Сэма, глядя направо, в сторону долины и фабрики. Климат на Ураке жаркий, но в одних местах сухой, в других — влажный. Лишь здесь, в горах, прохладно. Далеко к югу, за долиной и холмами, начиналась континентальная равнина, издали похожая на буро-зеленое спокойное море. К северу и востоку поднимались плато, ниже которых и растут алмазные деревья. Ильф обогнал медленно ползущего Сэма и забежал вперед, где край панциря распластался над землей.

Когда Ильф вспрыгнул на панцирь, Сэм зажмурился, но даже головы не повернул в его сторону. Сэм походил на черепаху и был больше всех на ферме, если не считать взрослых деревьев и, может быть, самых крупных чистильщиков. Его бугристый панцирь порос лишайником, похожим на длинный зеленый мех. Порой, во время еды, Сэм помогал себе тяжелыми трехпалыми лапами, которые обычно лежали сложенными на нижней части панциря.

Орис не обратила внимания на Ильфа. Она все еще смотрела в сторону фабрики. Ильф — ее двоюродный брат, но они совсем не похожи. Ильф маленький, гибкий, и рыжие волосы у него на голове вьются тугими кольцами. Орис выше его на целую голову, беленькая и стройная. По мнению Ильфа, у нее такой вид, словно ей принадлежит все, что она может углядеть со спины Сэма. Правда, ей и на самом деле многое принадлежит: девять десятых фабрики, на которой обрабатывают алмазную древесину, и девять десятых фермы алмазных деревьев. А все остальное досталось Ильфу.

Ильф вскарабкался на самый верх панциря, цепляясь за зеленый лишайник, и встал рядом с Орис. Неуклюжий с виду, Сэм полз со скоростью добрых десять миль в час, держа путь к Королевской роще. Ильф не знал, кто из них — Орис или Сэм — решил вернуться домой.

— Там что-то неладно, — сказал Ильф, взглянув на ферму. — Может, ураган идет?

— Не похоже на ураган, — ответила Орис.

Ильф поглядел на небо и молча согласился.

— Может быть, землетрясение?

Орис покачала головой:

— Не похоже на землетрясение.

Она не отрывала глаз от фабрики.

— Там что-нибудь произошло? — спросил Ильф.

— У них сегодня много работы. Получили срочный заказ.

Пока Сэм пересекал еще один перелесок, Ильф раздумывал, что бы это могло значить. Срочные заказы редки, но вряд ли этим можно объяснить всеобщее волнение. Ильф вздохнул и уселся на панцирь, скрестив ноги. Вокруг тянулась молодая роща — деревьям было лет по пятнадцать, не больше. Росли они довольно редко. Впереди умирало громадное перекати-поле и счастливо смеялся, разбрасывая алые семена. Коснувшись земли, семена спешили откатиться как можно дальше от родителя. Земля вокруг перекати-поля трепетала и вздымалась. Это прибыли чистильщики, чтобы похоронить растение. На глазах у Ильфа перекати-поле погрузилось на несколько дюймов в разрыхленную землю. Семена торопились убраться подальше, чтобы чистильщики не похоронили заодно и их. Со всех концов рощи сюда собрались молодые, желтые в зеленых пятнах, готовые укорениться перекати-поле. Они дождутся, пока чистильщики кончат свою работу, затем займут освободившееся пространство и пустят корни. Место, где поработали чистильщики, — самое плодородное в лесу.

Ильфу всегда хотелось узнать, как выглядят чистильщики. Никто никогда их не видел. Его дед Рикуэл Чолм рассказывал, что ученые пытались поймать чистильщика с помощью землеройной машины. Но даже самые маленькие чистильщики закапывались в землю быстрее, чем машина их откапывала, так что ученым пришлось уехать ни с чем.

— Ильф, иди завтракать! — раздался голос бабушки. Ильф закричал в ответ:

— Иду, ба...

Но тут же осекся и взглянул на Орис. Та хихикнула.

— Опять меня надули, — признался Ильф. — Противные обманщики! — И он крикнул: — Выходи, врунишка Лу! Я тебя узнал.

Бабушка Мелди Чолм засмеялась мягким добрым смехом, будто зазвенели серебряные колокольчики, и гигантская Зеленая паутина Королевской рощи подхватила смех. Врунишка Лу и Габби выскочили из кустов и легко взобрались на панцирь. Это были рыжие, короткохвостые зверьки с коричневой шерстью, тонкие, как паучки, и очень шустрые. У них были круглые черепа и острые зубы, как у всех животных, которые ловят и едят других животных. Габби уселся рядом с Ильфом, раздувая воздушный мешок, а Лу разразилась серией щелкающих, резких звуков.

— Они были на фабрике? — спросил Ильф.

— Да, — ответила Орис. — Помолчи, я слушаю.

Лу верещала с той же скоростью, с какой передразники обычно разговаривают между собой. Она и человеческую речь передавала с такой же быстротой. Когда Орис хотелось узнать, о чем говорят другие люди, она посылала к ним передразников. Они все до слова запоминали и, возвратившись, повторяли все с привычной для себя скоростью. Если очень прислушиваться, Ильф мог разобрать отдельные слова. Орис понимала все. Теперь она слушала, о чем разговаривали утром люди на фабрике.

Габби раздул воздушный мешок и произнес густым, глубоким голосом дедушки Рикуэла:

— Ай-ай-ай, Ильф! Мы сегодня вели себя не лучшим образом.

— Заткнись сейчас же, — сказал Ильф.

— Помолчи, — ответил Габби голосом Орис. — Я слушаю. И добавил голосом Ильфа: — Опять меня надули. — Потом захихикал.

Ильф замахнулся на него кулаком. Габби темным комочком моментально метнулся на другую сторону панциря. Оттуда он поглядел на Ильфа невинными круглыми глазами и торжественно произнес:

— Друзья, нам нужно обращать больше внимания на мелкие детали. Ошибки обходятся слишком дорого.

Наверно, он подслушал эти слова на фабрике. Ильф отвернулся. Он старался разобрать, о чем говорит Лу. Но Лу тут же замолчала. Передразники спрыгнули со спины Сэма и пропали в кустах. Ильф подумал, что они сегодня тоже чем-то встревожены и слишком суетятся. Орис подошла к переднему краю панциря и уселась на него, болтая ногами. Ильф сел рядом.

— О чем говорили на фабрике? — спросил он.

— Вчера получили срочный заказ. А сегодня утром еще один. И пока эти заказы не выполнят, больше принимать не будут.

— Это хорошо?

— Думаю, что да.

Помолчав, Ильф спросил:

— Поэтому они все так волнуются?

— Не знаю, — ответила Орис и нахмурилась.

Сэм добрался до следующей поляны и, не дойдя до открытого места, остановился. Орис соскользнула с панциря и сказала:

— Пойдем, но чтобы нас не заметили.

Ильф пошел вслед за ней как можно тише.

— Что случилось? — спросил он.

В ста пятидесяти метрах, по ту сторону поляны, высилась Королевская роща. Ее вершины легко кружились, словно армия гибких зеленых копий, на фоне голубого неба. Отсюда не был виден одноэтажный дом, построенный в глубине рощи, среди больших стволов. Перед ребятами лежала дорога, она поднималась из долины на запад, к горам.

— Недавно здесь спускался аэрокар... — сказала Орис. — Вот он, смотри.

Аэрокар стоял у края дороги, недалеко от них. Как раз там, где начиналась просека, ведущая к дому. Ильфу машина показалась неинтересной. Не новая и не старая — самый обыкновенный аэрокар. Человека, сидевшего в нем, Ильф не знал.

— Кто-то в гости приехал, — сказал Ильф.

— Да, — согласилась Орис. — дядя Кугус вернулся.

Ильф не сразу вспомнил, кто такой дядя Кугус. Потом его осенило: дядя Кугус приезжал год назад. Это был большой красивый мужчина с густыми черными бровями. Он всегда улыбался. Он приходился дядей только Орис, но привез подарки обоим. И еще он много шутил. А с дедушкой Рикуэлом спорил о чем-то битых два часа, но Ильф забыл, о чем. В тот раз дядя Кугус приезжал в красивом ярко желтом аэрокаре, брал Ильфа покататься и рассказывал, как побеждал на гонках. В общем Ильфу дядя понравился.

— Это не он, — сказал Ильф. — И машина не его.

— Я лучше знаю, — сказала Орис. Он в доме. И с ним еще двое. Они разговаривают с дедушкой и бабушкой.

В этот момент где-то в глубине Королевской рощи возник глубокий, гулкий звук, словно начали бить старинные часы или зазвучала арфа. Человек в машине обернулся к роще, прислушиваясь. Звук повторился. Он исходил от гигантской Зеленой паутины, которая росла в дальнем конце рощи. Этот звук разносился по всей ферме, и его можно было услышать даже в долине, если, конечно, ветер дул в ту сторону.

Ильф спросил:

— Врунишка Лу и Габби там побывали?

— Да. Сначала они сбегали на фабрику, а потом заглянули в дом.

— О чем говорят в доме?

— О разных вещах. — Орис опять нахмурилась. — Мы пойдем и сами узнаем. Только лучше, чтобы они нас пока не видели.

Что-то зашевелилось в траве. Ильф посмотрел вниз и увидел, что врунишка Лу и Габби снова присоединились к ним. Передразники поглядели на человека в аэрокаре, затем выскочили на открытое место, перемахнули через дорогу и, словно летящие тени, скрылись в Королевской роще. Они бежали так быстро, что уследить за ними было почти невозможно. Человек в машине удивленно посмотрел им вслед, не понимая, видел он что-нибудь или ему померещилось.

— Пошли, — сказала Орис.

Ильф вернулся вместе с ней к Сэму. Сэм приподнял голову и вытянул шею. Орис легла на край нижней части панциря и заползла на четвереньках в щель. За ней последовал и Ильф. Это убежище было ему отлично знакомо. Он не раз укрывался здесь, если его настигала гроза, налетавшая с северных гор, или если земля вздрагивала и начиналось землетрясение. Пещера, образованная плоским нижним панцирем, нависающим верхним и прохладной кожаной шеей Сэма, была самым надежным местом на свете.

Нижний панцирь качнулся — зеленая черепаха двинулась вперед. Ильф выглянул в щель между панцирями. Сэм уже покинул рощу и не спеша пересекал дорогу. Ильф не видел аэрокара и размышлял, зачем Орис понадобилось прятаться от человека в машине. Ильф посжился. Утро выдалось странное и неуютное.

Они миновали дорогу и оказались в высокой траве. Сэм раздвигал траву, словно волны, и раскачивался, как настоящий корабль. Наконец они вступили под сень королевских деревьев. Стало прохладнее. Сэм повернул направо, и Ильф увидел впереди голубой просвет, заросли цветущего кустарника, в центре которых находилось лежбище Сэма.

Сэм пробрался сквозь заросли и остановился на краю проталины, чтобы Ильф и Орис могли выбраться из панциря. Затем опустил передние лапы в яму, настолько густо оплетенную корнями, что между ними не было видно земли. Сэм наклонился вперед, втянул под панцирь голову и медленно съехал в яму. Теперь нижний край панциря был вровень с краями ямы и со стороны Сэм казался большим, поросшим лишайником валуном. Если его никто не потревожит, он будет недвижимо лежать в яме до конца года. Черепахи в других рощах фермы не вылезали из своих ям и, насколько Ильф помнил, никогда не просыпались. Они жили так долго, что сон длиной в несколько лет ничего для них не значил.

Ильф вопросительно поглядел на Орис. Она сказала:

— Подойдем к дому, послушаем, о чем говорит дядя Кугус.

Они свернули на тропинку, ведущую от лежбища Сэма к дому. Тропинка была протоптана шестью поколениями детей, которые ездили на Сэме по ферме. Сэм был в полтора раза больше любой другой черепахи, и лишь его лежбище находилось в Королевской роще. В этой роще все было особенным, начиная от деревьев, которые никто не рубил и которые были вдвое толще и почти вдвое выше деревьев в остальных рощах, кончая Сэмом, огромным пнем Дедушки-росянки неподалеку и гигантской Зеленой паутиной на другом краю. Здесь всегда было тихо, и меньше встречалось зверей. Дедушка Рикуэл говорил Ильфу, что Королевская роща когда-то давным-давно дала начало всем алмазным лесам.

— Обойдем вокруг дома, — сказала Орис. — Пусть они пока не знают, что мы уже здесь.

— Мистер Тироко, — сказал Рикуэл Чолм. — Я сожалею, что Кугус Овин уговорил вас с мистером Блиманом прилететь на Урак по такому делу. Вы попросту зря потеряли время. Кугусу следовало знать об этом. Я ему уже все объяснил в прошлый раз.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас, мистер Чолм, — сухо сказал мистер Тироко. — Я обращаюсь к вам с деловым предложением насчет этой фермы алмазных деревьев. С предложением, выгодным как для вас, так и для детей, которым этот лес принадлежит. По крайней мере хоть познакомьтесь с нашими условиями.

Рикуэл покачал головой. Ясно было, что он зол на Кугуса, но пытается сдержать гнев.

— Какими бы ни были ваши условия, для нас это неважно, — сказал он. — Алмазный лес — не коммерческое предприятие. Разрешите, я подробней расскажу вам об этом, раз уж Кугус этого не сделал. Без сомнения, вам известно, что на Ураке таких лесов около сорока и все попытки вырастить алмазные деревья в других местах потерпели неудачу. Изделия из алмазного дерева отличаются исключительной красотой, их нельзя изготовить искусственным путем. Поэтому они ценятся не меньше чем драгоценные камни.

Мистер Тироко, не спуская с Рикуэла холодных светлых глаз, кивнул: «Продолжайте, мистер Чолм».

— Алмазный лес — это нечто значительно большее, чем просто группа деревьев. Основой его служат сами деревья, но они — лишь составная часть всей экологической системы. Каким

образом осуществляется взаимосвязь растений и животных, составляющих лес, до сих пор неясно, но она существует. Ни одно из этих животных не может выжить в другой обстановке. А растения и животные, которые не входят в экологическую систему, плохо приживаются в лесу. Они вскоре погибают или покидают лес. Единственное исключение из этого правила — люди.

— Крайне любопытно, — сухо заметил мистер Тироко.

— Вы правы, — сказал Рикуэл. — Многие, и я в том числе, считают, что лес необходимо охранять. Пока что рубки, которые сейчас проводятся под наблюдением специалистов, идут ему на пользу, потому что мы лишь способствуем естественному жизненному циклу леса. Под покровительством человека алмазные рощи достигли своего расцвета, который был бы немыслим без людей. Владельцы ферм и их помощники способствовали превращению рощ в государственные, заповедники, принадлежащие Федерации; при этом право рубки оставалось за владельцами ферм и их наследниками, но рубка проводилась под строжайшим контролем. Когда Ильф и Орис подрастут и смогут подписать соответствующие документы, ферма перейдет к государству, и все меры для этого уже приняты. Вот почему мы, мистер Тироко, не заинтересованы в вашем деловом предложении. И если вам вздумается обратиться с подобными предложениями к другим фермерам, они скажут вам то же самое. Мы все единодушны в этом вопросе. Если б мы не были едины, то давно бы уже приняли подобные предложения.

Наступило молчание. Затем Кугус Овин сказал мягким голосом:

— Я понимаю, что ты сердит на меня, Рикуэл, но ведь я забочусь о будущем Ильфа и Орис. Боюсь, что ты тревожишься о сохранении этого чуда природы, а о детях забываешь.

— Когда Орис вырастет, она станет обеспеченной молодой женщиной, даже если не продаст ни единого алмазного дерева, — ответил Рикуэл. — Ильфу также будет обеспечено безбедное существование, и он может за всю жизнь палец о палец не ударить, хотя я очень сомневаюсь, что он выберет подобную участь.

Кугус улыбнулся.

— Бывают разные степени обеспеченности, — заметил он. Ты не представляешь, как много получит Орис, если согласится на предложение мистера Тироко. Ильфа тоже не обидят.

— Правильно, — сказал мистер Тироко. — В деловых вопросах я не зажимист. Все об этом знают. И я могу позво-

лить себе быть щедрым, потому что получаю большие прибыли. Разрешите обратить ваше внимание на другой аспект этой проблемы. Как вы знаете, интерес к изделиям из алмазного дерева непостоянен. Он то растет, то падает. Алмазная древесина то входит в моду, то выходит. Сейчас начинается алмазная лихорадка, вскоре она достигнет максимума. Интерес к изделиям из алмазной древесины можно искусственно подогревать и использовать в своих целях, но в любом случае нетрудно предположить, что через несколько месяцев мода достигнет апогея и сойдет на нет. В следующий раз лихорадка начнется, может быть, через шесть, а может, и через двенадцать лет. А может быть, она и никогда не начнется, потому что существует очень мало таких природных продуктов, которые бы рано или поздно не начали изготовлять искусственным путем, причем качество заменителя обычно ничем не уступает исходному материалу. И у нас нет никаких оснований полагать, что алмазная древесина навечно останется исключением. Мы должны полностью использовать выгодное для нас стечение обстоятельств. Пока алмазная лихорадка продолжается, мы обязаны ею воспользоваться. Мой план, мистер Чолм, заключается в следующем. Корабль с машинами для рубки леса находится сейчас в нескольких часах лета от Урака. Он приземлится здесь на следующий день после того, как будет подписан контракт. Ваша фабрика нам не нужна — ее масштабы ее недостаточны для наших целей. Через неделю весь лес будет сведен. Древесина будет отправлена на другую планету, где ее обработают. Уже через месяц мы сможем завалить нашими изделиями все основные рынки Федерации.

Рикуэл Чолм спросил ледяным тоном:

— И в чем же причина такой спешки, мистер Тироко?

Мистер Тироко удивился:

— Мы избавимся от конкуренции, мистер Чолм. Какая еще может быть причина? Как только другие фермеры узнают, что произошло, у них появится соблазн последовать вашему примеру. Но мы их настолько обгоним, что сами снимем сливки. Приняты все меры предосторожности, чтобы сохранить наш прилет в тайне. Никто не подозревает, что мы на Ураке, тем более никто не знает о наших целях. В таких делах, мистер Чолм, я никогда не ошибаюсь.

Он умолк и обернулся, услышав, как Мелди Чолм взволнованным голосом произнесла:

— Входите, дети. Садитесь с нами. Мы говорим о вас.

— Здравствуй, Орис, — приветливо сказал Кугус. — Привет, Ильф! Помнишь старого дядюшку Кугуса?

— Помню, — сказал Ильф. Он сел на скамейку у стены рядом с Орис. Ему было страшно.

— Орис, ты слышала, о чем мы говорили?

Орис кивнула.

— Да, — она взглянула на мистера Тироко и снова обернулась к дедушке: — Он собирается вырубить лес.

— Ты знаешь, что это твой лес. И Ильфа. Ты хочешь, чтобы они это сделали?

— Мистер Чолм, прошу вас! — вмешался мистер Тироко. — Нельзя же так сразу! Кугус, покажите мистеру Чолму, что я предлагаю.

Рикуэл взял документ и прочел его, потом вернул Кугусу.

— Орис, — сказал он. — Если верить этому документу, мистер Тироко предлагает тебе больше денег, чем ты можешь истратить за всю жизнь, если ты позволишь ему срубить твою часть леса. Ты хочешь этого?

— Нет, — сказала Орис.

Рикуэл посмотрел на Ильфа, и мальчик покачал головой. Рикуэл вновь обернулся к мистеру Тироко.

— Итак, мистер Тироко, — сказал он, — вот наш ответ. Ни моя жена, ни я, ни Орис, ни Ильф не хотим, чтобы вы рубили лес. А теперь...

— Зачем же так, Рикуэл, — сказал, улыбаясь, Кугус. — Никто не сомневается, что Орис с Ильфом не поняли сути дела. Когда они вырастут...

— Когда они вырастут, — сказал Рикуэл, — у них будет возможность принять решение. — Он поморщился. — Давайте, господа, закончим эту дискуссию. Благодарим вас, мистер Тироко, за ваше предложение. Оно отвергнуто.

Мистер Тироко насупился и поджал губы.

— Не спешите, мистер Чолм, — сказал он. — Я уже говорил, что никогда не ошибаюсь в делах. Несколько минут назад вы предложили мне обратиться к другим фермерам и сказали, что мне с ними будет не легче.

— Да, — согласился Рикуэл.

— Так вот, — продолжал мистер Тироко. — Я уже вступил в контакт с некоторыми из них. Не лично, разумеется, так как опасался, что мои конкуренты пронюхают о моем интересе к алмазным деревьям. И вы оказались правы: мое предложение было отвергнуто. Я пришел к выводу, что фермеры на-

столько связаны друг с другом соглашениями, что им трудно принять мое предложение, даже если они захотят.

Рикуэл кивнул и улыбнулся:

— Мы понимали, что соблазн продать ферму может оказаться велик, — сказал он. — И мы сделали так, что поддаться этому соблазну стало почти невозможно.

— Отлично, — продолжал мистер Тироко. — От меня так легко не отделаешься. Я убедился в том, что вы и миссис Чолм связаны с прочими фермерами планеты соглашением, по которому не можете первыми продать рощу, передать кому-нибудь право рубки или превысить квоту вырубки. Но вы не являетесь настоящими владельцами фермы. Ею владеют эти дети.

Рикуэл нахмурился.

— А какая разница? — спросил он. — Ильф — наш внук. Орис также наша родственница, и мы ее удочерили.

Мистер Тироко почесал подбородок.

— Мистер Блиман, — сказал он. — Будьте любезны объяснить этим людям ситуацию.

Мистер Блиман откашлялся. Это был высокий худой человек с яростными черными глазами, похожий на хищную птицу.

— Мистер и миссис Чолм, — начал он. — Я — специалист по опекунским делам и являюсь чиновником федерального правительства. Несколько месяцев назад мистер Кугус Овин подал заявление насчет удочерения своей племянницы Орис Лутил, гражданки планеты Рейк. По ходатайству мистера Кугуса Овина я провел необходимое расследование и могу вас заверить, что вы не оформляли официально удочерение Орис.

— Что? — Рикуэл вскочил на ноги. — Что это значит? Что еще за трюк? — Лицо его побелело.

На несколько секунд Ильф упустил из виду мистера Тироко, потому что дядя Кугус вдруг оказался перед скамейкой, на которой сидели Ильф и Орис. Но когда он снова увидел мистера Тироко, то чуть не умер от страха. В руке у мистера Тироко сверкал большой, отливающий серебром и синью пистолет, и ствол его был направлен на Рикуэла Чолма.

— Мистер Чолм, — произнес мистер Тироко. — Прежде чем мистер Блиман кончит свои объяснения, хочу вас предупредить: я не собираюсь вас убивать. Пистолет не на это рассчитан. Но если я нажму курок, вы почувствуете страшную боль. Вы — пожилой человек и, может быть, не переживаете этой боли... Кугус, следи за детьми. Мистер Блиман, давайте я сначала поговорю с мистером Хетом.

Он поднес к лицу левую руку, и Ильф увидел, что к ней прикреплена рация.

— Хет, — сказал мистер Тироко прямо в рацию, не спуская глаз с Рикуэла Чолма. — Полагаю, тебе известно, что дети находятся в доме?

Рация что-то пробормотала и смолкла.

— Сообщи мне, если увидишь, что кто-нибудь приближается, — сказал мистер Тироко. — Продолжайте, мистер Блиман.

— Мистер Кугус Овин, произнес Блиман, — официально признан опекуном своей племянницы Орис Лутил. Ввиду того что Орис еще не достигла возраста, в котором требуется согласие на опеку, дело считается оконченным.

— А это значит, — сказал мистер Тироко, что Кугус может действовать от имени Орис в сделках по продаже деревьев на ферме. И если вы, мистер Чолм, намереваетесь возбудить против нас дело — лучше забудьте об этом. Может, в банковском сейфе и лежали какие-то документы, доказывавшие, что девочка была вами удочерена. Можете не сомневаться, что эти документы уже уничтожены. А теперь мистер Блиман безболезненно усыпит вас на несколько часов, которые понадобятся для вашей эвакуации с планеты. Вы обо всем забудете, а через несколько месяцев никому и дела не будет до того, что здесь произошло. И не думайте, что я жестокий человек. Я не жесток. Я просто принимаю меры, чтобы добиться цели. Мистер Блиман, пожалуйста!

Ильфа охватил ужас. Дядя Кугус держал Орис и Ильфа за руки, ободряюще им улыбался. Ильф бросил взгляд на Орис. Она была такой же бледной, как дедушка с бабушкой, но не пыталась вырваться. Поэтому Ильф тоже не стал сопротивляться. Мистер Блиман поднялся, еще больше, чем прежде, похожий на хищную птицу, и подкрался к Рикуэлу Чолму. В руке у него поблескивало что-то похожее на пистолет. Ильф зажмурился. Наступила тишина. Потом мистер Тироко сказал:

— Подхватите его, а то он упадет с кресла. Миссис Чолм, расслабьтесь...

Снова наступила тишина. И тут рядом с Ильфом послышался голос Орис. Не обычный голос, а скороговорка в двадцать раз быстрее, словно Орис куда-то спешила. Вдруг голос умолк.

— Что такое? Что такое? — спросил пораженный мистер Тироко.

Ильф широко открыл глаза, увидев, как что-то с пронзительным криком влетело в комнату. Два передразника метались

по комнате — коричневые неуловимые комочки — и вопили на разные голоса. Мистер Тироко громко вскрикнул и вскочил со стула, размахивая пистолетом. Что-то, похожее на большого паука, взбежало по спине мистера Блимана, и он с воплем отпрянул от лежащей в кресле бабушки. Что-то вцепилось в шею дяде Кугусу. Он отпустил Орис и Ильфа и выхватил свой пистолет.

— Шире луч! — взревел мистер Тироко. Его пистолет часто и гулко бухал. Внезапно темная тень метнулась к его ногам. Дядя Кугус выругался, прицелился в тень и выстрелил.

— Бежим, — прошептала Орис, схватив Ильфа за руку. Они спрыгнули со скамьи и кинулись к двери.

— Хет! несся вдогонку им голос мистера Тироко. Поднимись в воздух и отыщи детей! Они пытаются скрыться. Если увидишь, что они пересекают дорогу, вышиби из них дух. Кугус, догоняй! Они могут спрятаться в доме.

Тут он снова взвыл от ярости, и его пистолет заработал. Передразники были слишком малы, чтобы причинить серьезный вред, но они, наверно, пустили в ход свои острые зубы.

— Сюда, — шепнула Орис, открывая дверь. Ильф юркнул за ней в комнату, и она тихо прикрыла за ним дверь. Ильф глядел на сестру, и сердце его бешено колотилось.

Орис кивнула на зарешеченное окно.

— Беги и прячься в роще. Я за тобой.

— Орис! Ильф! — масляным голосом кричал в холле дядя Кугус. — Погодите, не бойтесь! Где вы?

Ильф, заслышав торопливые шаги Кугуса, быстро пролез между деревянными планками и упал на траву. Но тут же вскочил и бросился к кустам. Он слышал, как Орис пронзительно крикнула что-то передразникам, посмотрел назад и увидел, что Орис тоже бежит к кустам. Дядя Кугус выглянул из-за решетки, целясь в Орис из пистолета. Раздался выстрел. Орис метнулась в сторону и исчезла в чаще. Ильф решил, что дядя Кугус промахнулся.

— Они убежали из дома! — крикнул дядя Кугус. Он старался протиснуться сквозь прутья решетки.

Мистер Тироко и мистер Блиман тоже кричали что-то. Дядя Кугус обернулся и исчез.

— Орис! — крикнул Ильф дрожащим голосом.

— Ильф, беги и прячься! — Голос Орис доносился справа, из глубины рощи.

Ильф побежал по тропинке, что вела к лежбищу Сэма, бросая взгляды на клочки голубого неба между вершинами

деревьев. Аэрокара не было видно. Хет, наверно, кружит над рощей, ожидая, пока остальные выгонят детей на открытое место, чтобы их поймать. Но ведь можно спрятаться под панцирем Сэма, и он переправит их через дорогу.

— Орис, где ты? — крикнул Ильф.

Голос Орис донесся издалека. Он был ясен и спокоен:

— Ильф, беги и прячься.

Ильф оглянулся. Орис нигде не было видно, зато в нескольких шагах сзади по тропе бежали оба передразника. Они обогнали Ильфа и исчезли за поворотом. Преследователи уговаривали его и Орис вернуться. Голоса их приближались.

Ильф добежал до лежбища Сэма. Сэм лежал там неподвижно, его выпуклая спина была похожа на огромный, обросший лишайниками валун. Ильф схватил камень и постучал им по панцирю.

— Проснись, — умолял он. — Проснись, Сэм!

Сэм не шевельнулся. Преследователи приближались. Ильф никак не мог решить, что делать дальше.

— Спрячься от них, — внезапно послышался голос Орис.

— Девчонка где-то здесь! — тут же раздался голос мистера Тироко. — Хватай ее, Блиман!

— Орис, осторожнее! — крикнул испуганный Ильф.

— Ага, мальчишка тоже там. Сюда, Хет! — торжествующе вопил мистер Тироко. — Снижайся, помоги нам их схватить. Мы их засекли...

Ильф упал на четвереньки, быстро пополз в гущу кустарника с голубыми цветами и замер, распластавшись на траве. Он слышал, как мистер Тироко ломится сквозь кусты, а мистер Блиман орет: «Скорее, Хет, скорее!»

И тут до Ильфа донесся еще один знакомый звук. Это было глухое гудение Зеленой паутины. Гудение заполнило всю рощу. Так паутина иногда заманивала птичьи стаи. Казалось, что гудение струится с деревьев и поднимается с земли.

Ильф тряхнул головой, чтобы сбросить оцепенение. Гудение стихло и тут же вновь усилилось. Ильфу показалось, что с другой стороны кустов он слышит собственный голос: «Орис, где ты?» Мистер Тироко кинулся в том направлении, крича что-то мистеру Блиману и Кугусу. Ильф отполз назад, выскочил из зарослей, поднялся во весь рост и обернулся.

И замер. Широкая полоса земли шевелилась, раскачивалась, словно варево в котле.

Мистер Тироко, запыхавшись, подбежал к лежбищу Сэма. Лицо его побагровело, пистолет поблескивал в руке. Он тряс головой, пытаясь отделаться от гудения. Перед ним был огромный, обросший лишайниками валун, и никаких следов Ильфа.

Вдруг что-то шевельнулось в кустах по ту сторону валуна.

— Орис! — послышался испуганный голос Ильфа. Мистер Тироко побежал вокруг валуна, целясь на бегу из пистолета. Неожиданно гудение перешло в рев. Две огромные, серые трехпалые лапы высунулись из-под валуна и схватили мистера Тироко.

— Ох! — вскрикнул он и выронил пистолет. Лапы сжали его, раз, два. Сэм распахнул рот, захлопнул его и проглотил жертву. Голова его вновь спряталась под панцирь, и он опять заснул.

Рев Зеленой паутины заполнил всю рощу, словно тысяча арф исполняла одновременно быструю, прерывистую мелодию. Человеческие голоса метались, визжали, стонали, тонули в гуле. Ильф стоял возле круга шевелящейся земли, рядом с голубым кустарником, одурев от шума, и вспоминал. Он слышал, как мистер Тироко приказал мистеру Блиману ловить Орис, как мистер Блиман уговаривал Хета поторопиться. Он слышал собственный вопль, обращенный к Орис, и торжествующий крик мистера Тироко: «Сюда! Мальчишка тоже там!»

Дядя Кугус выскочил из кустов. Глаза его сверкали, и рот был растянут в усмешке. Он увидел Ильфа и с криком бросился к нему. Ильф заметил его, но стоял как вкопанный. Дядя Кугус сделал четыре шага по «живой» земле и провалился по щиколотку, потом по колени. Вдруг бурая земля брызнула во все стороны, и он ухнул вниз, будто в воду, и, не переставая улыбаться, исчез. Где-то вдали мистер Тироко кричал: «Сюда!», а мистер Блиман все торопил Хета. Но вот возле пня Дедушки-росянки раздался громкий чавкающий звук. Кусты вокруг затряслись. Но через секунду все стихло. Затем гудение Зеленой паутины сменилось пронзительным воем и оборвалось. Так всегда бывало, когда Зеленой паутине попадалась крупная добыча...

Ильф, весь дрожа, вышел на поляну к лежбищу Сэма. В голове его гудело от воя Зеленой паутины, хотя в роще уже стояла тишина. Ни один голос не нарушал безмолвия. Сэм спал в своем лежбище. Что-то блеснуло в траве у его края. Ильф подошел поближе, заглянул внутрь и прошептал:

— Сэм, вряд ли нужно было...

Сэм не пошевелился. Ильф подобрал серебряный с синью пистолет мистера Тироко и отправился искать Орис. Он нашел ее на опушке рощи. Орис рассматривала аэрокар Хета. Аэро-

кар лежал на боку, на треть погрузившись в землю. Вокруг него суетилась огромная армия чистильщиков, какой Ильфу еще не приходилось видеть.

Орис с Ильфом подошли к краю дороги и стали смотреть, как аэрокар, вздрагивая и переворачиваясь, погружается в землю. Ильф вспомнил о пистолете, который он все еще держал в руке, и бросил его на землю возле машины. Пистолет тут же засосало. Перекати-поле выкатились из леса и ждали, столпившись возле круга. В последний раз дернувшись, аэрокар пропал из виду. Участок земли стал разравниваться. Перекати-поле заняли его и принялись укореняться.

Послышался тихий посвист, и из Королевской рощи вылетел саженец алмазного дерева, вонзился в центр круга, в котором исчез аэрокар, затрепетал и выпрямился. Перекати-поле уважительно расступились, освобождая ему место. Саженец вздрогнул и распустил первые пять серебристо-зеленых листьев. И замер.

Ильф обернулся к Орис:

— Орис, — сказал он. — Может, нам не следовало этого делать?

Орис ответила не сразу.

— Никто ничего не делал, — ответила она наконец. — Все сами уехали обратно...

Она взяла Ильфа за руку.

— Пошли домой, подождем, пока Рикуэл и Мелди проснутся.

Алмазный лес вновь успокоился. Спокойствие достигло и его нервного центра в Королевской роще, который опять расслабился. Кризис миновал — возможно, последний из непредусмотренных людьми, прилетевшими на планету Урак.

Единственной защитой от человека был сам человек. И, осознав это, алмазный лес выработал свою линию поведения. В мире, принадлежащем теперь человеку, он принял человека, включил его в свой экологический цикл, приведя его к новому, оптимальному балансу.

И вот пронесся последний шквал. Опасное нападение опасных людей. Но опасность миновала и вскоре станет далеким воспоминанием...

Все было верно предусмотрено, думал нервный центр. И раз уж сегодня больше не нужно думать, можно погрузиться в дрему...

И Сэм блаженно заснул.

Роберт Янг

У НАЧАЛА ВРЕМЕН

1

Карпентер не удивился, увидев стегозавра, стоящего под высоким гинкго. Но он не поверил своим глазам, увидев, что на дереве сидят двое детей. Он знал, что со стегозавром рано или поздно повстречается, но встретить мальчишку и девчонку он никак не ожидал. Ну, скажите на милость, откуда они могли взяться в верхнемеловом периоде?

Подавшись вперед в водительском сиденье своего трицератанка с автономным питанием, он подумал — может быть, они как-то связаны с той непонятной ископаемой находкой из другого времени, ради которой он был послан в век динозавров, чтобы выяснить, в чем дело? Правда, мисс Сэндз, его главная помощница, которая устанавливала по времяскопу время и место, ни слова не сказала ему про детишек, но это еще ничего не значило. Времяскопы показывают только самые общие очертания местности: с их помощью можно еще увидеть средней величины холм, но никаких мелких подробностей не разглядишь.

Стегозавр слегка толкнул ствол гинкго своей гороподобной задней частью. Дерево судорожно дернулось, и двое детей, которые сидели на ветке, чуть не свалились прямо на зубчатый гребень, проходивший по спине чудовища. Лица у них были такие же белые, как цепочка утесов, что виднелись вдали, за разбросанными там и сям по доисторической равнине магнолиями, дубами, рощицами ив, лавров и веерных пальм.

Карпентер выпрямился на своем сиденье.

— Вперед, Сэм, — сказал он трицератанку. — Давай-ка ему покажем!

Покинув несколько часов назад точку входа, он до сих пор двигался не спеша, на первой передаче, чтобы не прогля-

---

Robert F. Young. When Time Was New. 1964
Перевод А. Иорданского.

деть каких-нибудь признаков, которые могли бы указать на ориентиры загадочной находки. С не поддающимися определению анахронизмами всегда так — палеонтологическое общество, где он работал, обычно гораздо точнее определяло их положение во времени, чем в пространстве. Но теперь он включил вторую передачу и навел все три рогопушки, торчавшие из лобовой части ящерохода, точно в крестцовый нервный центр пахального стегозавра. «Бах! Бах! Бах!» — прозвучали разрывы парализующих зарядов, и вся задняя половина стегозавра осела на землю. Передняя же его половина, получив от крохотного, величиной с горошину, мозга сообщение о том, что случилось нечто неладное, изогнулась назад, и маленький глаз, сидевший в голове размером с пивную кружку, заметил приближающийся трицератанк. Тут же короткие передние лапы чудовища усиленно заработали, пытаясь унести десятитонную горбатую тушу подальше от театра военных действий.

Карпентер ухмыльнулся.

— Легче, легче, толстобокий, — сказал он. — Клянусь тираннозавром, ты не успеешь опомниться, как будешь снова ковылять на всех четырех.

Остановив Сэма в десятке метров от гинкго, он посмотрел на перепуганных детей сквозь полупрозрачный лобовой колпак кабины ящерохода. Их лица стали, пожалуй, еще белее, чем раньше. Ничего удивительного — его ящероход был больше похож на трицератопса, чем многие настоящие динозавры.

Карпентер откинул колпак и отшатнулся — в лицо ему ударил влажный летний зной, непривычный после кондиционированной прохлады кабины. Он встал и высунулся наружу.

— Эй, вы, слезайте, — крикнул он. — Никто вас не съест!

На него уставились две пары самых широко открытых, самых голубых глаз, какие он в жизни видел. Но в них не было заметно ни малейшего проблеска понимания.

— Слезайте, говорю! — повторил он. — Бояться нечего.

Мальчик повернулся к девочке, и они быстро заговорили между собой на каком-то певучем языке — он немного напоминал китайский, но не больше, чем туманная изморось напоминает дождь. А с современным американским у этого языка было не больше общего, чем у самих детей с окружавшим их мезозойским пейзажем. Ясно было, что они ни слова не поняли из того, что сказал Карпентер. Но столь же явно было, что они как будто бы успокоились, увидев его открытое, честное лицо или, быть может, услышав его добродушный голос. Пе-

переговорив между собой, они покинули свое воздушное убежище и спустились вниз — мальчик полез первым и в трудных местах помогал девочке. Ему можно было дать лет девять, а ей — лет одиннадцать.

Карпентер вылез из кабины, спрыгнул со стальной морды Сэма и подошел к детям, стоявшим у дерева. К этому времени стегозавр уже вновь обрел способность управлять своими задними конечностями и во всю прыть удирал прочь по равнине. Мальчик был одет в широкую блузу абрикосового света, сильно запачканную и помятую после лазания по дереву; его широкие брюки того же абрикосового цвета, такие же запачканные и помятые, доходили до середины худых икр, а на ногах были открытые сандалии. На девочке одежда была точно такая же, только лазурного цвета и не столь измятая и грязная. Девочка была сантиметра на два выше мальчика, но такая же худая. Оба отличались тонкими чертами лица и волосами цвета лютика, и физиономии у обоих были до смешного серьезные. Можно было не сомневаться, что это брат и сестра.

Серьезно глядя в серые глаза Карпентера, девочка произнесла несколько певучих фраз — судя по тому, как они звучали, все они были сказаны на разных языках. Когда она умолкла, Карпентер покачал головой:

— Нет, это я ни в зуб ногой, крошка.

На всякий случай он повторил те же слова на англосаксонском, греко-эолийском, нижнекроманьонском, верхнеашельском, среднеанглийском, ирокезском и хайянопортском — обрывки этих языков и диалектов он усвоил во время разных путешествий в прошлое. Но ничего не вышло: все, что он сказал, звучало для этих детей сущей тарабарщиной.

Вдруг у девочки загорелись глаза, она сунула руку в пластиковую сумочку, висевшую у нее на поясе, и достала что-то вроде трех пар сережек. Одну пару она протянула Карпентеру, другую — мальчику, а третью оставила себе. И девочка и мальчик быстро приспособили себе сережки на мочки ушей, знаками показав Карпентеру, чтобы он сделал то же. Он повиновался и обнаружил, что маленькие диски, которые он принял было за подвески, — это на самом деле не что иное, как крохотные мембраны. Достаточно было защелкнуть миниатюрные зажимы, как мембраны оказывались прочно прижатыми к отверстию уха. Девочка критически оглядела результаты его стараний, приподнялась на цыпочки и ловко поправила диски, а потом, удовлетворенная, отступила назад.

— Теперь, — сказала она на чистейшем английском языке, — мы будем понимать друг друга и сможем во всем разобраться.

Карпентер уставился на нее.

— Ну и ну! Быстро же вы научились говорить по-нашему!

— Да нет, не научились, — ответил мальчик. — Это сережки-говорешки — ну, микротрансляторы. Когда их наденешь, то все, что мы говорим, вы слышите так, как если бы вы сами это сказали. А все, что вы говорите, мы слышим так, как это сказали бы мы.

— Я совсем забыла, что они у меня с собой, — сказала девочка. — Их всегда берут с собой в путешествие. Мы-то, правда, не совсем обычные путешественники, и их бы у меня не было, но получилось так, что, когда меня похитили, я как раз шла с урока общения с иностранцами. Так вот, — продолжала она, снова серьезно заглянув в глаза Карпентеру, я думаю, что если вы не возражаете, лучше всего сначала покончить с формальностями. Меня зовут Марси, это мой брат, Скип, и мы из Большого Марса. А теперь, любезный сэр, скажите, как вас зовут и откуда вы?

Нелегко было Карпентеру, отвечая, не выдать своего волнения. Но нужно было сохранить спокойствие: ведь то, что он собирался сказать, было, пожалуй, еще невероятнее, чем то, что только что услышал он.

— Меня зовут Говард Карпентер, и я с Земли, из 2156 года. Это 79 062 156 лет спустя.

Он показал на трицератанк.

— А это Сэм, моя машина времени. Ну, и еще кое-что сверх того. Если его подключить к внешнему источнику питания, то его возможностям практически не будет предела.

Девочка только моргнула, мальчик тоже — и все.

— Ну что ж, — через некоторое время сказала она. — Значит, мы выяснили, что вы из будущего Земли, а я — из настоящего Марса.

Она умолкла, с любопытством глядя на Карпентера.

— Вы чего-то не понимаете, мистер Карпентер?

Карпентер сделал глубокий вдох, потом выдох.

— В общем, да. Во-первых, есть такой пустяк — разница в силе тяжести на наших планетах. Здесь, на Земле, вы весите в два с лишним раза больше, чем на Марсе, и мне не совсем понятно, как это вы умудряетесь здесь так свободно двигаться, а тем более лазить вон по тому дереву.

— А, понимаю, мистер Карпентер, — ответила Марси. — Это вполне справедливое замечание. Но вы, очевидно, судите по Марсу будущего, и столь же очевидно, что он сильно отличается от Марса настоящего. Я думаю... я думаю, за 79 062 156 лет многое могло измениться. Ну, ладно. В общем, мистер Карпентер, в наше со Скипом время на Марсе примерно такая же сила тяжести, как и на этой планете. Видите ли, много веков назад наши инженеры искусственно увеличили существовавшую тогда силу тяжести, чтобы наша атмосфера больше не рассеивалась в межпланетном пространстве. И последующие поколения приспособились к увеличенной силе тяжести. Это рассеяло ваше недоумение, мистер Карпентер?

Ему пришлось сознаться, что да.

— А фамилия у вас есть? — спросил он.

— Нет, мистер Карпентер. Когда-то у марсиан были фамилии, но с введением десентиментализации этот обычай вышел из употребления. Но прежде чем мы продолжим разговор, мистер Карпентер, я хотела бы поблагодарить вас за наше спасение. Это... это было очень благородно с вашей стороны.

— К вашим услугам, — ответил Карпентер, — боюсь только, что если мы и дальше будем так здесь стоять, мне придется опять вас от кого-нибудь спасать, да и себя заодно. Давайте-ка все трое залезем к Сэму в кабину — там безопасно. Договорились?

Он первым подошел к трицератанку, вскочил на его морду и протянул руку девочке. Когда она взобралась вслед за ним, он помог ей подняться в кабину водителя.

— Там, позади сиденья, небольшая дверца, — сказал он. — За ней каюта; лезь туда и устраивайся как дома. Там есть стол, стулья и койка и еще шкаф со всякими вкусными вещами. В общем, все удобства.

Но не успела Марси подойти к дверце, как откуда-то сверху раздался странный свист. Она взглянула в небо, и ее лицо покрылось мертвенной бледностью.

— Это они, — прошептала она. — Они нас уже нашли!

И тут Карпентер увидел темные крылатые силуэты птеранодонов. Их было два, и они пикировали на трицератанк подобно звену доисторических бомбардировщиков.

Схватив Скипа за руку, он втащил его на морду Сэма, толкнул в кабину рядом с сестрой и приказал:

— Быстро в каюту!

Потом прыгнул в водительское сиденье и захлопнул колпак.

И как раз вовремя: первый птеранодон был уже так близко, что его правый элерон царапнул по гофрированному головному гребню Сэма, а второй своим фюзеляжем задел спину ящерохода. Две пары реактивных двигателей оставили за собой две пары выхлопных струй.

2

Карпентер так и подскочил на своем сиденье. Элероны? Фюзеляж? Реактивные двигатели?

Птеранодоны?

Он включил защитное поле ящерохода, установив его так, чтобы оно простиралось на полметра наружу от брони, потом включил первую передачу. Птеранодоны кружились высоко в небе.

— Марси, — позвал он, — подойди-ка сюда на минутку, пожалуйста.

Она наклонилась через его плечо, и ее ярко-желтые волосы защекотали ему щеку.

— Да, мистер Карпентер?

— Когда ты увидела птеранодонов, ты сказала: «Они нас уже нашли!» Что ты имела в виду?

— Это не птеранодоны, мистер Карпентер. Я, правда, не знаю, что такое птеранодоны, но это не они. Это те, кто нас похитил, на списанных военных самолетах. Может быть, эти самолеты и похожи на птеранодонов — я не знаю. Они похитили нас со Скипом из подготовительной школы Технологического канонизационного института Большого Марса и держат в ожидании выкупа. Земля — их убежище. Их трое: Роул, Фритад и Холмер. Один из них, наверное, остался на корабле.

Карпентер промолчал. Марс 2156 года представлял собой унылую, пустынную планету, где не было почти ничего, кроме камней, песка и ветра. Его население состояло из нескольких тысяч упрямых колонистов с Земли, не отступавших ни перед какими невзгодами, и нескольких сотен тысяч столь же упрямых марсиан. Первые жили в атмосферных куполах, вторые, если не считать тех немногих, кто женился или вышел замуж из одного из колонистов, — в глубоких пещерах, где еще можно было добыть кислород. Однако раскопки, которые в двадцать втором веке вело здесь Внеземное археологическое общество, действительно принесли несомненные доказательства того,

что свыше семидесяти миллионов лет назад на планете существовала супертехнологическая цивилизация, подобная нынешней земной. И конечно, было естественно предположить, что такой цивилизации были доступны межпланетные полеты.

А раз так, то Земля, где в те времена завершалась мезозойская эра, должна была стать идеальным убежищем для марсианских преступников, в том числе и для похитителей детей. Такое объяснение, разумеется, могло пролить свет и на те анахронизмы, которые то и дело попадались в слоях мелового периода.

Правда, присутствие Марси и Скипа в веке динозавров можно было объяснить и иначе: они могли быть земными детьми 2156 года и попасть сюда с помощью машины времени — так же, как попал сюда он. Или, если уж на то пошло, их могли похитить и перебросить в прошлое современные бандиты. Но тогда зачем им было врать?

— Скажи мне, Марси, — начал Карпентер, — ты веришь, что я пришел из будущего?

— О, конечно, мистер Карпентер. И Скип тоже, я уверена. В это немного... немного трудно поверить, но я знаю, что такой симпатичный человек, как вы, не станет говорить неправду, да еще такую неправду.

— Спасибо, — отозвался Карпентер. — А я верю, что вы — из Большого Марса, который, по-видимому, не что иное, как самая большая и могучая страна вашей планеты. Расскажи мне о вашей цивилизации.

— Это замечательная цивилизация, мистер Карпентер. Мы с каждым днем движемся вперед все быстрее и быстрее, а теперь, когда нам удалось преодолеть фактор нестабильности, наш прогресс еще ускорится.

— Фактор нестабильности?

— Да, человеческие эмоции. Много веков они мешали нам, но теперь этому положен конец. Теперь, как только мальчику исполняется тринадцать лет, а девочке пятнадцать, их десентиментализируют. И после этого они приобретают способность хладнокровно принимать разумные решения, руководствуясь исключительно строгой логикой. Это позволяет им действовать с наибольшей возможной эффективностью. В подготовительной школе Института мы со Скипом проходим так называемый додесентиментализационный курс. Еще четыре года, и нам начнут давать специальный препарат для десентиментализации. А потом...

— Скр-р-р-р-и-и-и-и-и!..

Со страшным скрежетом один из птеранодонов прочертил наискосок по поверхности защитного поля. Его отбросило в сторону, и прежде чем он вновь обрел равновесие и взвился в небо, Карпентер увидел в кабине человека. Он успел разглядеть лишь неподвижное, ничего не выражавшее лицо, но по его положению догадался, что пилот управляет самолетом, распластавшись между четырехметровыми крыльями.

Марси вся дрожала.

— Мне кажется... мне кажется, они решили нас убить, мистер Карпентер, — слабым голосом сказала она. — Они грозились это сделать, если мы попытаемся сбежать. А теперь они уже записали на пленку наши голоса с просьбой о выкупе и, наверное, сообразили, что мы им больше не нужны.

Карпентер потянулся назад и погладил ее руку, лежавшую у него на плече.

— Ничего, крошка. Ты под защитой старины Сэма, так что бояться нечего.

— А он... его правда так зовут?

— Точно. Достопочтенный Сэм Трицератопс. Познакомься, Сэм, — это Марси. Присматривай хорошенько за ней и за ее братом, слышишь?

Он обернулся и поглядел в широко раскрытые голубые глаза девочки.

— Говорит, будет присматривать. Готов спорить, что на Марсе ничего подобного не изобрели. Верно?

Она покачала головой — на Марсе это, по-видимому, был такой же обычный знак отрицания, как и на Земле, — и ему на мгновение показалось, что на губах у нее вот-вот появится робкая улыбка. Но ничего не произошло. Еще бы немного...

— Действительно, у нас такого нет, мистер Карпентер.

Он покосился сквозь колпак на кружащихся птеранодонов (он все еще про себя называл их птеранодонами, хотя теперь уже знал, что это такое).

— А где их межпланетный корабль, Марси? Где-нибудь поблизости?

Она ткнула пальцем влево.

— Вон там. Перейти реку, а потом болото. Мы со Скипом сбежали сегодня утром, когда Фритад заснул — он дежурил у люка. Они ужасные сони, всегда спят, когда подходит их очередь дежурить. Рано или поздно Космическая полиция Большого Марса разыщет корабль, и мы думали, что до тех пор сможем прятаться. Мы пробрались через болото и переплыли

реку на бревне. Это было... это было просто ужасно — там такие большие змеи с ногами, они за нами гнались, и...

Он почувствовал плечом, что она снова вся дрожит.

— Ну вот что, крошка, — сказал он. — Лезь-ка назад в каюту и приготовь что-нибудь поесть себе и Скипу. Не знаю, чем вы привыкли питаться, но вряд ли это что-нибудь совсем непохожее на то, что есть у нас в запасе. В шкафу ты увидишь такие квадратные запаянные банки — в них бутерброды. Наверху, в холодильнике, высокие бутылки, на них нарисован круг из маленьких звездочек — там лимонад. Открывай и то, и другое и принимайся за дело. Кстати, раз уж ты этим займешься, сделай что-нибудь и мне — я тоже проголодался.

И снова улыбка чуть-чуть не показалась у нее на губах.

— Хорошо, мистер Карпентер. Я вам сейчас такое приготовлю!

Оставшись один в кабине, Карпентер оглядел расстилавшийся вокруг мезозойский пейзаж через переднее, боковые и хвостовое смотровые окна. Слева, на горизонте, возвышалась гряда молодых гор. Справа, вдали, тянулась цепочка утесов. В хвостовом смотровом окне были видны разбросанные по равнине рощицы ив, веерных пальм и карликовых магнолий, за которыми начинались поросшие лесом холмы — где-то там находилась его точка входа. Далеко впереди с чисто мезозойским спокойствием курились вулканы.

79 061 889 лет спустя это место станет частью штата Монтана. 79 062 156 лет спустя палеонтологическая экспедиция, которая будет вести раскопки где-то в этих местах, к тому времени изменившихся до неузнаваемости, наткнется на ископаемые останки современного человека, умершего 79 062 156 лет назад.

Может быть, это будут его собственные останки?

Карпентер усмехнулся и взглянул в небо, где все еще кружили птеранодоны. Посмотрим — может случиться и так, что это будут останки марсианина.

Он развернул трицератанк и повел его обратно.

— Поехали, Сэм, — сказал он. — Поищем-ка здесь укромное местечко, где можно отсидеться до утра. А к тому времени я, быть может, соображу, что делать дальше. Вот уж не думал, что нам с тобой когда-нибудь придется заниматься спасением детишек!

Сэм басовито заурчал и двинулся в сторону лесистых холмов.

*

Когда отправляешься в прошлое, чтобы расследовать какой-нибудь анахронизм, всегда рискуешь сам оказаться его автором. Взять хотя бы классический пример с профессором Арчибальдом Куигли. Правда это или нет — никто толком не знал; но так или иначе эта история как нельзя лучше демонстрировала парадоксальность путешествия во времени.

А история гласила, что профессора Куигли, великого почитателя Колриджа, много лет мучило любопытство — кто был таинственный незнакомец, появившийся в 1797 году на ферме Недер Стоуи в английском графстве Сомерсетшир и помешавший Колриджу записать до конца поэму, которую он только что сочинил во сне. Гость просидел целый час, и потом Колридж так и не смог припомнить остальную часть поэмы. В результате «Кубла Хан» остался незаконченным.

Со временем любопытство, мучившее профессора Куигли, стало невыносимым, он больше не мог оставаться в неизвестности и обратился в Бюро путешествий во времени с просьбой разрешить ему отправиться в то время и в то место, чтобы все выяснить.

Просьбу его удовлетворили, и он без колебаний выложил половину своих сбережений в уплату за путешествие в то утро. Очутившись поблизости от фермы, он притаился в кустах и начал наблюдать за входной дверью. Никто не шел; наконец он, сгорая от нетерпения, сам подошел к двери и постучался. Колридж открыл дверь и пригласил профессора войти, но брошенного им злобного взгляда профессор не мог забыть до конца своих дней.

Припомнив эту историю, Карпентер усмехнулся. Впрочем, особенно смеяться по этому поводу не приходилось: то, что произошло с профессором Куигли, вполне могло случиться и с ним. Нравилось ему это или нет, но было совершенно не исключено, что ископаемые останки, чьим происхождением он занялся по поручению Североамериканского палеонтологического общества (САПО) и с этой целью отправился в мезозойскую эру, окажутся его собственными.

Но он отогнал от себя эту мысль. Во-первых, как только придется туго, ему нужно будет всего лишь связаться со своими помощниками — мисс Сэндз и Питером Детрайтесом, и они тут же явятся к нему на помощь на тераподе Эдит или на каком-нибудь другом ящероходе из арсенала САПО. А во-вторых, ему уже известно, что в меловом периоде орудуют

пришельцы. Значит, он не единственный, кому грозит опасность превратиться в те самые останки.

И в любом случае ломать голову над всем этим бессмысленно: ведь то, чему суждено было случиться, случилось, и тут уж ничего не поделаешь...

Скип выбрался из каюты и перегнулся через спинку водительского сиденья.

— Марси просила передать вам бутерброд и бутылку лимонада, мистер Карпентер, — сказал он, протягивая то и другое. Можно мне посидеть с вами, сэр?

— Конечно, — ответил Карпентер и подвинулся.

Мальчик перелез через спинку и соскользнул на сиденье. И тут же сзади просунулась еще одна голова цвета лютика.

— Простите, пожалуйста, мистер Карпентер, а нельзя ли...

— Подвинься, Скип, посадим ее в середину.

Голова Сэма была шириной в добрых полтора метра, и в кабине водителя места хватало. Но само сиденье было меньше метра шириной, и двум подросткам уместиться в нем рядом с Карпентером было не так уж просто, особенно если учесть, что все трое в этот момент уплетали бутерброды и запивали их лимонадом. Карпентер чувствовал себя добрым отцом семейства, отправившимся со своими отпрысками в зоопарк.

И в какой зоопарк! Они уже углубились в лес, и вокруг поднимались дубы и лавры мелового периода; среди них в изобилии попадались ивы, сосны и гинкго, а время от времени — нелепые на вид заросли вечных пальм. В густых кустах они заметили огромное неуклюжее существо, похожее спереди на лошадь, а сзади на кенгуру. Карпентер определил, что это анатозавр. На поляне они повстречали и до полусмерти перепугали струтиомимуса, чем-то напоминавшего страуса. Анкилозавр с утыканной шипами спиной сердито уставился на них из камышей, но благоразумно решил не становиться Сэму поперек дороги. Взглянув вверх, Карпентер впервые увидел на вершине дерева археоптерикса. А подняв глаза еще выше, он заметил кружащихся в небе птеранодонов.

Он надеялся, что под покровом леса сможет от них скрыться, и с этой целью вел Сэма зигзагами. Однако они, очевидно, были оснащены детекторами массы следовало придумать что-нибудь похитрее. Можно было попытаться сбить их заградительным огнем парализующих зарядов из рогопушки, но надежда на успех была невелика, да и вообще он тут же отказался от этой идеи. Конечно, похитители вполне заслуживают

смерти, но не ему их судить. Он расправится с ними, если другого выхода не будет, но не станет это делать до тех пор, пока не разыграет все свои козырные карты.

Он повернулся к детям и увидел, что они потеряли всякий интерес к еде и с опаской поглядывают вверх. Перехватив их взгляды, он подмигнул.

— Мне кажется, самое время от них улизнуть, как вы полагаете?

— Но как, мистер Карпентер? спросил Скип. - Они запеленговали нас своими детекторами. Счастье еще, что это простые марсиане и у них нет самого главного марсианского оружия. Правда, у них есть распылители — это тоже что-то вроде радугометов, но, если бы у них были настоящие радугометы, нам бы всем не сдобровать.

— Отделаться от них ничего не стоит — мы можем просто перескочить немного назад во времени. Так что кончайте со своими бутербродами и не бойтесь.

Опасения детей рассеялись, и они оживились.

— Давайте перескочим назад на шесть дней, предложила Марси. - Тогда они нас ни за что не найдут, потому что в то время нас еще здесь не было.

— Ничего не выйдет, крошка, — Сэм не потянет. Прыжки во времени требуют ужасно много энергии. Чтобы такая комбинированная машина времени, как Сэм, могла далеко прыгнуть, нужно к ее мощности добавить мощность стационарной машины. Она перебрасывает ящероход в нужную точку входа, водитель отправляется из этой точки и делает свое дело. А чтобы вернуться обратно, в свое время, у него есть только один способ: снова явиться в точку входа, связаться со стационарной машиной и к ней подключиться. Можно еще послать сигнал бедствия, чтобы кто-нибудь прибыл за ним на другом ящероходе. Собственной мощности Сэму хватит только на то, чтобы перескочить на четыре дня туда и обратно, но и от этого у него двигатель сгорит. А уж тогда никакая стационарная машина времени его не вытащит. Я думаю, нам лучше ограничиться одним часом.

Парадоксально, но факт: чем короче временной промежуток, с которым имеешь дело, тем больше приходится производить расчетов. С помощью управляющего перстня на своем указательном пальце Карпентер отдал Сэму приказ продолжать движение зигзагами, а сам взялся за блокнот и карандаш.

Через некоторое время он начал задавать арифметические головоломки компактному вычислителю, встроенному в панель управления. Марси, наклонившись вперед, внимательно следила за его работой.

— Если это ускорит дело, мистер Карпентер, — сказала она, — кое-какие действия попроще, вроде тех, что вы записываете, я могу производить в уме. Например, 828 464 280 умножить на 4 692 438 921 будет 3 887 518 032 130 241 880.

— Очень может быть, крошка, но я все-таки на всякий случай проверю, ладно?

Он ввел цифры в вычислитель и нажал кнопку умножения. В окошечке загорелись цифры: 3 887 518 032 130 241 880. Карпентер чуть не выронил карандаш.

— Она же у нас гений по части математики, — пояснил Скип. — А я по части техники. Потому-то нас и похитили. Наше правительство очень высоко ценит гениев. Оно не пожалеет денег, чтобы нас выкупить.

— Правительство? Я думал, что похитители требуют выкуп с родителей, а не с правительства.

— Нет, наши родители больше не несут за нас никакой ответственности, — объяснила Марси. — По правде говоря, они, наверное, про нас давно забыли. После шести лет дети переходят в собственность государства. Видите ли, сейчас все марсианские родители десентиментализированы и ничуть не возражают против того, чтобы избавиться от... ну, в общем, отдать своих детей государству.

Карпентер некоторое время смотрел на два серьезных детских лица.

— Вот оно что, — протянул он. — Ясно.

С помощью Марси он закончил расчеты и ввел окончательные цифры в передний нервный центр Сэма.

— Ну, поехали, ребятишки! — сказал он и включил рубильник временного скачка. На какое-то мгновение у них перед глазами что-то замерцало, и яйцеход чуть тряхнуло. Впрочем, он даже не замедлил своего неторопливого движения — так гладко прошел скачок.

Карпентер перевел часы с 16:16 на 15:16.

— Ну-ка, ребята, взгляните наверх — есть там птеранодоны?

Они долго всматривались сквозь листву в небо.

— Ни одного, мистер Карпентер, — отозвалась Марси. Глаза ее горели восхищением. — Ни единого!

— Да, утерли вы нос нашим ученым! — восторженно заявил Скип. — Они считают себя очень умными, но им и в голову не приходило, что можно путешествовать во времени... А как далеко можно перескочить в будущее, мистер Карпентер, — я имею в виду, на настоящей машине времени?

— Если хватит энергии — хоть до конца времен, если он есть. Но путешествовать вперед из своего настоящего запрещено законом. Власти предержащие 2156 года считают: людям ни к чему раньше времени знать, что с ними будет. И тут я, в виде исключения, полагаю, что власти предержащие правы.

Он отключил автоматику, перевел Сэма на ручное управление и повернул под прямым углом к прежнему курсу. Через некоторое время они выбрались из леса на равнину. Вдали, на фоне дымчато-голубого неба, вырисовывалась белой полоской цепочка утесов, которую он заприметил еще раньше.

— Ну, а что вы скажете насчет ночевки на открытом воздухе? — спросил он.

Глаза у Скипа стали совсем круглые.

— На открытом воздухе, мистер Карпентер?

— Конечно. Разведем костер, приготовим еду, расстелем на земле одеяла — совсем на индейский манер. Может быть, даже отыщем в скалах пещеру. Как, годится?

Теперь глаза округлились у обоих.

— А что такое «на индейский манер», мистер Карпентер? — спросила Марси.

Он рассказал им про индейцев арапахо, чейенов, кроу, апачей, и про буйволов, и про безбрежные прерии, и про последний бой Кестера, и про покорителей Дикого Запада, и про Сидящего Быка — и все время, пока он говорил, они не сводили с него глаз: как будто он ясное солнышко, которого они еще никогда в жизни не видали. Покончив с Диким Западом, он принялся рассказывать о гражданской войне и Аврааме Линкольне, о генерале Гранте и генерале Ли, о геттисбергском обращении, битве на реке Булл-Ран и поражении у Аппоматтокса.

Никогда еще он так много не говорил. Ему и самому это показалось странным: на него нашло что-то такое, отчего он вдруг почувствовал себя веселым и беззаботным, все ему стало нипочем, осталось только одно: вот этот день в меловом периоде, затянувшая горизонт послеполуденная дымка и двое детей с круглыми от удивления глазами, сидящие рядом с ним. Но он не стал долго об этом размышлять, а продолжал рассказывать про Декларацию независимости и американскую революцию,

про Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона, про Бенджамина Франклина и Джона Адамса, и про то, как смело мечтали о светлом будущем отцы-основатели, и насколько лучше было бы, если бы чересчур предприимчивые люди не воспользовались их мечтой в своих корыстных целях, и как настало время, когда эта мечта все-таки более или менее сбылась, сколько бы преступлений ни было совершено ее именем.

Когда он кончил, уже наступил вечер. Прямо впереди упирались в потемневшее небо белые скалы.

У подножья скал они нашли отличную, никем не занятую пещеру, где могли с удобствами устроиться все, включая Сэма, и оставалось еще место для костра. Карпентер загнал ящероход в пещеру и поставил его к задней стенке. Потом он выдвинул защитный экран, охватив им всю пещеру, нависавший над входом обрыв и полукруглую площадку подножья. Тщательно осмотрев получившийся палисадник и убедившись, что в нем нет рептилий, если не считать нескольких мелких и неопасных ящериц, он послал детей за хворостом. А сам тем временем наладил у входа в пещеру полупрозрачное поле, которое скрывало от взгляда все, что происходит внутри.

К этому времени дети утратили свою прежнюю сдержанность, во всяком случае Скип.

— Можно я разведу костер? — кричал он, прыгая на месте. Можно, мистер Карпентер? Можно?

— Скип! — укоризненно сказала Марси.

— Ничего, крошка, — успокоил ее Карпентер, — это можно. И ты тоже можешь помочь, если хочешь.

Маленький огонек вскоре разросся в большое пламя, окрасив стены пещеры сначала в багровый, а потом в ярко-красный цвет.

Карпентер откупорил три банки сосисок и три пакета булочек и показал своим подопечным, как нанизывают сосиски на заостренный прутик и жарят их на костре. Потом он продемонстрировал, как нужно класть поджаренную сосиску на булочку и приправлять ее горчицей, маринадом и нарезанным луком. Можно было подумать, что он настежь распахнул перед этими детьми волшебное окно в страну чудес, которая раньше им и не снилась. От их былой серьезности не осталось и следа, и в следующие полчаса они соорудили и истребили по шесть бутербродов на каждого. Скип так разбушевался, что чуть не свалился в костер, а на губах Марси расцвела, наконец, та самая улыбка, которая пробивалась весь день, и такой

ослепительной оказалась она, что пламя костра по сравнению с ней поблекло.

Потом Карпентер приготовил какао в кухонном отсеке Сэма, и теперь для завершения пиршества не хватало только жареных каштанов. Он подумал: а что, если его деловая помощница уложила и этот деликатес в хвостовой отсек Сэма среди прочих запасов? Маловероятно, но он все же решил посмотреть — и, к своей великой радости, обнаружил целую коробку.

Он снова устроил небольшое представление, за которым дети следили, разинув рты. Когда первые каштаны подрумянились до золотисто-коричневого цвета, у Скипа глаза чуть не выскочили из орбит. А Марси просто стояла и глядела на Карпентера так, словно он только что сказал: «Да будет свет!», и наступил первый в мире день.

Смеясь, он вынул каштаны из огня и раздал детям.

— Скип! — возмущенно сказала Марси, когда тот засунул всю свою порцию в рот и проглотил единым махом. — Как ты себя ведешь?

Сама она ела со всем изяществом, какое предписывают правила хорошего тона.

Когда с каштанами было покончено, Карпентер вышел из пещеры и принес три больших охапки лавровых и кизиловых веток для подстилки. Он показал детям, как разостлать их на полу пещеры и как покрыть их одеялами, которые он достал из хвостового отсека Сэма. Скипу дальнейших приглашений не потребовалось: после бурной деятельности и сытного ужина он свалился на одеяло, едва успев его расстелить. Карпентер достал еще три одеяла, накрыл одним из них Скипа и повернулся к Марси.

— Ты тоже выглядишь усталой, крошка.

— Нет, ничуть, мистер Карпентер. Ни капельки. Я же на два года старше Скипа. Он еще маленький.

Оставшиеся два одеяла он свернул в некое подобие подушек и пристроил их у огня. На одно уселся сам, на другое села Марси.

Весь вечер из-за защитного экрана то и дело доносились рев, рык и ворчание: теперь их сменили жуткие звуки: казалось, рядом громыхает гигантская асфальтодробилка. Пол пещеры дрогнул, и на стенах отчаянно заплясали отсветы костра.

— Похоже, что это тираннозавр, — сказал Карпентер. — Наверное, проголодался и решил закусить парочкой струтиомимусов.

— Тираннозавр, мистер Карпентер?

Он описал ей этого хищного ящера. Она кивнула и поежилась.

— Ну да, — сказала она. — Мы со Скипом одного такого видели. Это было после того, как мы переплыли реку. Мы... мы притаились в кустах, пока он не прошел мимо. Какие у вас, на Земле, есть ужасные создания, мистер Карпентер!

— В наше время их уже нет, — ответил Карпентер. — Теперь у нас совсем другие создания — от одного их вида тираннозавр пустился бы наутек, как перепуганный кролик. Впрочем, особенно жаловаться не приходится. Правда, наше техническое распутство обошлось нам не дешево, зато благодаря ему мы получили и кое-что полезное. Путешествия во времени, например. Или межпланетные полеты.

В этот момент асфальтодробилке, по-видимому, попался особенно-неподатливый кусок асфальта, и к тому же, судя по немыслимым звукам, которыми она разразилась, внутри у нее что-то сломалось. Девочка придвинулась к Карпентеру.

— Не бойся, крошка. Здесь опасаться некого: через наше защитное поле не пробьется даже целая армия ящеров.

— А почему вы зовете меня крошкой, мистер Карпентер? У нас так называется сухой и жесткий маленький кусочек хлеба.

Он рассмеялся. Звуки, доносившиеся из-за защитного поля, стали слабее и утихли вдали — видимо, ящер направился в другую сторону.

— На Земле это тоже называется крошкой, но ничего обидного тут нет. Дело не в этом. Крошками у нас называют еще девушек, которые нам нравятся.

Наступило молчание. Потом Марси спросила:

— А у вас есть девушка, мистер Карпентер?

— Да в общем-то, нет. Я бы так сказал: есть одна, но ее я, образно выражаясь, боготворю издали.

— Не похоже, чтобы вам от этого было много радости. А кто она такая?

— Моя главная помощница в Североамериканском палеонтологическом обществе, где я работаю, мисс Сэндз. Ее зовут Элейн, но я никогда не называю ее по имени. Она присматривает за тем, чтобы я ничего не забыл, когда отправляюсь в прошлое, и устанавливает перед стартом время и место по времяскопу. А потом она и еще один мой помощник, Питер Детрайтес, дежурят, готовые прийти мне на помощь, если я перепью им банку консервированной зайчатины. Понимаешь,

это наш сигнал бедствия. Банка как раз такого размера, что ее может перебросить во времени палеонтоход. А заяц в нашем языке ассоциируется со страхом.

— А почему вы боготворите ее издали, мистер Карпентер?

— Видишь ли, — задумчиво ответил Карпентер, — мисс Сэндз — это тебе не простая девушка, она не такая, как все. Она холодна, равнодушна — как богиня, понимаешь? Впрочем, вряд ли ты можешь это понять. В общем с такой богиней просто нельзя себя вести так же, как с обыкновенными девушками. С ней надо знать свое место — боготворить ее издали и смиренно ждать, когда ей вздумается над тобой смилостивиться. Я... я до того ее боготворю, что при ней совсем робею и теряю дар речи. Может быть, потом, когда я познакомлюсь с ней поближе, дело пойдет иначе. Пока что я знаком с ней три месяца.

Он умолк. Сережки-говорешки в ушах Марси блеснули в свете костра — она повернула голову и ласково взглянула на него.

— В чем дело, мистер Карпентер? Заснули?

— Просто задумался. Если уж на то пошло, три месяца — не так уж мало. За это время вполне можно понять, полюбит когда-нибудь тебя девушка или нет. Мисс Сэндз никогда меня не полюбит — теперь я точно знаю. Она даже не взглянет на меня лишний раз без особой надобности, двух слов со мной не скажет, разве что это позарез нужно. Так что если даже я решу, что хватит боготворить ее издали, соберусь с духом и признаюсь ей в любви, она, вероятно, только рассердится и прогонит меня прочь.

— Ну, не совсем же она сумасшедшая, мистер Карпентер! — возмутилась Марси. — Не может этого быть. Как ей не стыдно?

— Нет, Марси, ты ничего не понимаешь. Разве может такой красавице понравиться никому не нужный бродяга вроде меня?

— Ничего себе бродяга, и к тому же никому не нужный! Знаете, мистер Карпентер, по-моему, вы просто не разбираетесь в женщинах. Да если вы скажете ей, что ее любите, она бросится вам на шею, вот увидите!

— Ты романтик, Марси. В настоящей жизни так не бывает.

Он встал.

— Ну ладно, мадмуазель, не знаю, как вы, а я устал. Кончим на этом?

— Если хотите, мистер Карпентер.

Она уже спала, когда он нагнулся, чтобы укрыть ее одеялом. Некоторое время он стоял, глядя на нее.

Она повернулась набок, и отсвет костра упал на коротко подстриженные ярко-желтые волосы у нее на шее, окрасив их в золотисто-красный цвет. Ему вспомнились весенние луга, усеянные лютиками, и теплое чистое солнце, возвещающее о том, что наступило росистое утро...

Взглянув, хорошо ли устроен Скип, он подошел к выходу из пещеры и выглянул наружу. Как только тираннозавр удалился, из своих укрытий показались попрятавшиеся было существа помельче. Карпентер разглядел причудливые контуры нескольких орнитоподов; у рощицы веерных пальм он заметил неподвижно стоящего анкилозавра; он слышал, как по обе стороны защитного поля шныряют ящерки. С доисторических небес светила луна, чем-то чуть-чуть непохожая на ту луну, к которой он привык. Разница была в числе метеоритных кратеров: 79 062 156 лет спустя их станет куда больше.

Вскоре он обнаружил, что хотя все еще смотрит на луну, но больше ее не видит. Вместо этого у него перед глазами стоял костер, а у костра — девочка и мальчик, которые с увлечением жарят каштаны. «И почему это я не женился и не завел себе детей? — вдруг подумал он. — Почему пренебрег всеми хорошенькими девушками, которые мне встречались, и все только ради того, чтобы в тридцать два года безнадежно влюбиться в красавицу-богиню, которой совершенно безразлично, существую я на свете или нет? Откуда это я взял, что острые ощущения, которые получаешь от всяких приключений, лучше спокойного довольства жизнью, когда ты кого-то любишь и кто-то любит тебя? Почему решил, что наводить порядок в исторических и доисторических временах важнее, чем навести порядок в собственной жизни? Почему думал, что одинокая меблированная комната — это и есть крепость, достойная настоящего мужчины, а выпивки в полутемных барах с развеселыми девицами, которых наутро уже не помнишь, — это и есть подлинная свобода? И какой это я могу найти в прошлом клад, чтобы он мог сравниться с сокровищами, от которых я отказался в будущем?..»

Стало прохладно. Перед тем как улечься, он подбросил хвороста в огонь. Он долго лежал, слушая, как трещит пламя, и глядя, как играют отблески на стенах пещеры. Из доисторической тьмы на него золотыми глазками посматривала ящерка. Вдали послышался вопль орнитопода. А рядом с ним, окру-

женные глубокой мезозойской ночью, ровно дышали на своих постелях из веток двое детей.

В конце концов он уснул.

3

На следующее утро Карпентер, не теряя времени даром, собрался в путь. Марси и Скип были готовы на все, лишь бы остаться в пещере подольше, но он объяснил им, что если они будут сидеть на месте, похитители в два счета их обнаружат, и поэтому лучше нигде надолго не останавливаться. До сих пор дети прекрасно понимали все, что он говорил, так же как он понимал все, что говорили они; но на этот раз что-то не ладилось: он никак не мог добиться, чтобы до них это дошло. Очень может быть, что они попросту не хотели покидать пещеру. Так или иначе, им пришлось это сделать — после того, как в крохотной туалетной комнатке Сэма были совершены утренние омовения, а в кухонном отсеке был приготовлен плотный завтрак из яичницы с беконом. Но для того, чтобы они послушались, Карпентеру пришлось дать им понять, что командует здесь он, а не кто другой.

Никакого определенного плана действий у него пока не было. Размышляя, что делать дальше, он предоставил трицератанку самостоятельно выбирать себе дорогу по равнине: сверхчувствительной навигационной аппаратуре ящерохода это было нипочем.

В общем-то у Карпентера были только две возможности. Во-первых, он мог и дальше опекать детей и прятаться вместе с ними от похитителей, пока тем не надоест за ними гоняться или пока не подоспеет подмога в лице Космической полиции Большого Марса. Во-вторых, он мог вернуться в точку входа и дать сигнал мисс Сэндз и Питеру Детрайтесу, чтобы те перебросили трицератанк обратно, в настоящее время. Второй путь был несравненно безопаснее. Он так бы и сделал без всяких колебаний, если бы не два обстоятельства. Первое: хотя Марси и Скип, несомненно, могут приспособиться к цивилизации, столь похожей на их собственную, как цивилизация Земли двадцать второго века, они вряд ли будут чувствовать себя в этих условиях как дома. И второе. Рано или поздно они осознают ужасную истину: их собственная цивилизация, оставшаяся в далеком прошлом, за 79 062 156 лет бесследно ис-

чезла, и из технологических мечтаний, которые они привыкли чтить как святыню, ровно ничего не вышло...

Был, правда, еще и третий путь — взять детей с собой в настоящее время на Землю, переждать там, пока похитители не прекратят поиски и не улетят или же пока не появится Космическая полиция, а потом вернуть их обратно в прошлое Земли. Но для этого понадобилось бы совершить не один рейс в меловой период и обратно, а такие рейсы стоят сумасшедших денег, и Карпентер заранее знал, что даже один рейс, не имеющий отношения к палеонтологии, будет САПО не по карману, не говоря уже о нескольких.

Погруженный в размышления, он вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за рукав. Это был Скип — он вошел в кабину и забрался на сиденье.

— А мне можно им поуправлять, мистер Карпентер? Можно?

Карпентер оглядел равнину через переднее, боковые и хвостовое смотровые окна, потом заставил Сэма задрать голову и сквозь колпак кабины внимательно осмотрел небо. Высоко над скалистой грядой, где они были меньше часа назад, кружила черная точка. И пока он смотрел, рядом с ней появились еще две.

— Немного погодя, Скип. Сейчас, по моему, мы тут не одни.

Скип тоже заметил в небе черные точки.

— Снова птеранодоны, мистер Карпентер?

— Боюсь, что да.

Точки, быстро увеличиваясь, превратились в крылатые силуэты с узкими, остроконечными головами. В кабину вошла Марси и тоже внимательно посмотрела на небо. На этот раз ни она, ни Скип не проявили ни малейших признаков испуга.

— Мы снова прыгнем назад, в прошлое, мистер Карпентер? — сбросила Марси.

— Посмотрим, крошка, — ответил он.

Теперь птеранодоны были хорошо видны. Не было сомнения, что их интересует именно Сэм. Другое дело — решатся ли они снова на него напасть. Несмотря на то, что трицератанк был укрыт защитным полем, Карпентер все же решил на всякий случай направиться к ближайшей роще. Это была пальметтовая заросль примерно в километре от них. Он прибавил скорость и взялся за ручки управления.

— Вперед, Сэм! — сказал он, чтобы ободрить детей. — Покажем Марси и Скипу, на что ты способен!

Сэм сорвался с места словно старинный паровоз двадцатого века. Его упругие стальные ноги ритмично двигались, копыта из твердого сплава отбивали такт, с громом ударяясь о землю. Однако в скорости Сэму было не сравниться с птеранодонами, и они легко его настигли. Передний круто спикировал в сотне метров впереди, сбросил что-то вроде большого металлического яйца и взмыл ввысь.

Металлическое яйцо оказалось не чем иным, как бомбой. Взрыв оставил такую огромную воронку, что Карпентер еле сумел ее объехать, не опрокинув ящероход. Он тут же прибавил оборотов и перешел на вторую скорость.

— Ну, этим они нас не возьмут, верно, старина? — сказал он.

— Рррррр! — заурчал в ответ Сэм.

Карпентер взглянул на небо. Теперь все птеранодоны кружились прямо у них над головой. Один, два, три — сосчитал он. Три? Вчера их было только два!

— Марси! — возбужденно сказал он. — Сколько всего, вы говорили, там похитителей?

— Трое, мистер Карпентер. Роул, Фритад и Холмер.

— Тогда они все тут. Значит, корабль никем не охраняется. Если только на нем нет экипажа.

— Нет, мистер Карпентер, экипажа нет. Они сами его вели.

Он оторвал взгляд от кружащихся вверху птеранодонов.

— А как вы думаете, ребята, смогли бы вы проникнуть внутрь?

— Запросто, — ответил Скип. — Это списанный военный авианосец со стандартными шлюзовыми камерами — всякому, кто хоть немного разбирается в технике, ничего не стоит открыть их. Поэтому мы с Марси и смогли тогда удрать. Будьте уверены, мистер Карпентер, я это сделаю.

— Хорошо, — сказал Карпентер. — Мы встретим их там, когда они вернутся.

С помощью Марси рассчитать координаты для скачка во времени было проще простого. Уже через несколько секунд Сэм был готов.

Когда они оказались в пальметтовой рощице, Карпентер включил рубильник. Снова что-то замерцало у них перед глазами. Сэма слегка тряхнуло, и дневной свет превратился в предрассветную тьму. Где-то позади, в пещере у подножья скал,

стоял еще один трицератанк, а на подстилке из веток крепко спали еще один Карпентер, еще один Скип и еще одна Марси.

— А далеко назад мы сейчас перепрыгнули, мистер Карпентер? — поинтересовался Скип.

Карпентер включил фары и принялся выводить Сэма из рощицы.

— На четыре часа. Теперь у нас должно хватить времени, чтобы добраться до корабля и устроиться там до возвращения наших приятелей. Может быть, мы попадем туда еще до того, как они отправятся на поиски, если только они не разыскивают нас круглые сутки.

— А что если они найдут нас и в этом времени? — возразила Марси. — Ведь тогда мы снова попадем в такой же переплет?

— Не исключено, крошка. Но все шансы за то, что они нас не нашли. Иначе они бы не стали искать нас потом, верно?

Она с восхищением посмотрела на него.

— Знаете что, мистер Карпентер? Вы ужасно умный.

В устах девочки, которая могла в уме умножить 4 692 438 921 на 828 464 280, этот комплимент кое-чего стоил. Однако Карпентер и виду не показал, что он польщен.

— Надеюсь, ребята, что вы теперь найдете корабль? — сказал он.

— Мы уже на правильном курсе, — ответил Скип. — Я знаю, у меня врожденное чувство направления. Он замаскирован под большое дерево.

Взошло солнце — уже во второй раз в это утро. Как и вчера, размеры и внешний вид Сэма нагоняли страх на разнообразных животных мелового периода, попадавшихся им навстречу. Правда, если бы им повстречался тираннозавр, еще не известно, кто на кого нагнал бы страху. Но тираннозавра они не встретили. К восьми часам они уже были в тех местах, куда накануне попал Карпентер, покинув лесистые холмы.

— Смотрите! — вдруг воскликнула Марси. — Вот дерево, на которое мы залезли, когда удирали от того горбатого чудовища!

— Точно, — отозвался Скип. — Ну и струхнули же мы!

Карпентер усмехнулся.

— Оно, наверное, приняло вас за какое-нибудь новое растение, которого еще ни разу не пробовало. Хорошо, что я вовремя подвернулся, а то оно, пожалуй, расстроило бы себе желудок.

Сначала они уставились на него непонимающими глазами, и он подумал: слишком велика пропасть между двумя

языками и двумя мирами, чтобы ее могла преодолеть эта немудреная шутка... Но он ошибся. Сначала расхохоталась Марси, а за ней и Скип.

— Ну, вы даете, мистер Карпентер! — заливалась Марси.

А Сэм тем временем двигался дальше. Местность становилась все более открытой — из крупных растений здесь попадались в основном лишь пальметтовые рощицы и кучки веерных пальм. Далеко справа над горизонтом, и без того затянутым дымкой, курились вулканы. Впереди виднелись горы, вершины которых прятались в мезозойском смоге. Воздух был такой влажный, что на колпаке кабины все время оседали капли воды и скатывались вниз, как в дождь. Вокруг кишели черепахи, ящерицы и змеи, а один раз над головами быстро пролетел настоящий птеранодон.

Наконец они добрались до реки, про которую рассказывала Марси и приближение которой уже давно предвещала все более сырая, топкая почва. Ниже по течению Карпентер впервые в жизни увидел бронтозавра.

Он показал на него детям, и они вытаращили глаза от изумления. Бронтозавр лежал посередине медленно текущей реки. Над водой виднелись только его крохотная голова, длинная шея и часть спины. Шея напоминала стройную, гибкую башню — всю картину портило только то, что она то и дело ныряла в папоротники и камыши, окаймлявшие берег. Несчастное животное было до того велико, что ему, чтобы не умереть с голоду, приходилось кормиться буквально день и ночь напролет.

Карпентер отыскал брод и повел Сэма через реку к противоположному берегу. Здесь земля казалась потверже, но это впечатление было обманчиво: навигационные приборы Сэма показывали, что трясины попадаются здесь еще чаще. («Боже правый, — подумал Карпентер. — Что если бы ребята забрели в такую трясину?») Вокруг в изобилии росли папоротники, под ногами расстилался толстый ковер из низкорослого лавра и осоки. Пальметт и веерных пальм по-прежнему было больше всего, но время от времени стали попадаться гинкго. Одно из них, настоящий гигант, возвышалось больше чем на полсотни метров над землей.

Карпентер в недоумении разглядывал это дерево. В меловой период гинкго росли обычно на высоких местах, а не в низинах. К тому же дереву таких размеров вообще нечего было делать в меловом периоде.

У гинкго-гиганта были и другие странности. Прежде всего у него был слишком толстый ствол. Кроме того, нижняя

часть его, примерно до шестиметровой высоты, была разделена на три самостоятельных ствола — они образовывали нечто вроде треножника, на котором покоилось дерево.

И тут Карпентер увидел, что оба его подопечных взволнованно показывают пальцами на то дерево, которое он разглядывал.

— Оно самое! — вскричал Скип. — Это и есть корабль!

— Вот оно что! Не удивительно, что я обратил на него внимание, — сказал Карпентер. — Ну, не ахти как хорошо они его замаскировали. Я даже вижу гнездо для крепления самолета.

— А они не очень старались, чтобы его не было видно с земли, — объяснила Марси. — Главное — как он выглядит сверху. Конечно, если Космическая полиция подоспеет вовремя, она рано или поздно обнаружит его своими детекторами, но, по крайней мере, на некоторое время такой маскировки хватит.

— Ты как будто не рассчитываешь на то, что полиция подоспеет вовремя.

— Да нет, конечно. Со временем-то они сюда доберутся, но на это понадобится не одна неделя, а может быть, и не один месяц. Их радарной разведке нужно порядочно времени, чтобы выследить путь корабля, к тому же они почти наверняка еще даже не знают, что нас похитили. До сих пор в таких случаях, когда похищали детей из Института, правительство сначала платило выкуп, а уж потом сообщало в Космическую полицию. Конечно, даже после того, как уплачен выкуп и дети возвращены, Космическая полиция все равно приступает к поискам похитителей и рано или поздно находит, где они прятались, но к тому времени их обычно и след простыл.

— Ну что ж, — сказал Карпентер, — я думаю, давно пора кому-нибудь первому их поймать. Как, по-вашему?

Спрятав Сэма в ближайшей пальметтовой рощице и выключив защитное поле, Карпентер залез под сиденье водителя и вытащил оттуда единственное портативное оружие, которым был снабжен трицератанк, — легкую, но с сильным боем винтовку, которая стреляла парализующими зарядами. Такую винтовку САПО сконструировало специально для своих служащих, чья работа была связана с путешествиями во времени. Перекинув ремень через плечо, Карпентер откинул колпак, вылез на морду Сэма и помог детям спуститься на землю. Все трое подошли к кораблю.

Скип вскарабкался на посадочную стойку, взобрался немного выше по стволу, и через какие-нибудь несколько секунд шлюзовая камера открылась. Скип спустил вниз алюминиевую лестницу.

— Все готово, мистер Карпентер.

Марси оглянулась через плечо на пальметтовую рощицу.

— А Сэм — с ним ничего не случится, как вы думаете?

— Конечно, ничего, крошка, — успокоил ее Карпентер. — Ну, полезай.

Кондиционированный воздух внутри корабля имел примерно такую же температуру, как и в кабине Сэма; освещение было холодным и тусклым.

За внутренним люком шлюзовой камеры короткий коридор вел к стальной винтовой лестнице, которая шла вверх, к жилым палубам, и вниз, в машинное отделение. Карпентер взглянул на часы, которые раньше отвел на четыре часа назад, — было 8:24. Через несколько минут птеранодоны начнут атаковать Сэма, Карпентера, Марси и Скипа в «предыдущем» времени. Даже если тогда похитители сразу после этого направились к кораблю, времени еще достаточно — во всяком случае, хватит на то, чтобы послать радиограмму, а потом приготовить задуманную ловушку. Правда, радиограмму можно будет послать и тогда, когда Роуд, Фритад и Холмер будут крепко заперты в своих каютах, но если что-нибудь сорвется, такая возможность может вообще не представиться, так что лучше сделать это сразу же.

— Ну вот что, ребята, — сказал Карпентер. Закройте шлюз и ведите меня в радиорубку.

Первую часть приказания они исполнили с большой готовностью, но выполнять вторую почему-то не спешили. В коридоре Марси остановилась. Ее примеру последовал и Скип.

— Зачем вам радиорубка, мистер Карпентер? — спросила Марси.

— Чтобы вы могли сообщить наши координаты Космической полиции и сказать им, чтобы они спешили сюда. Надеюсь, вы с этим справитесь?

Скип поглядел на Марси, Марси — на Скипа. Потом оба покачали головой.

— Погодите, — с досадой сказал Карпентер. — Ведь вы прекрасно знаете, как это делается. Почему вы делаете вид, что не умеете?

Скип уставился в пол.

— Мы... мы не хотим домой, мистер Карпентер.

Карпентер взглянул в их серьезные лица.

— Но вы должны вернуться домой! Куда же вы еще денетесь?

Они молчали, пряча от него глаза.

— В общем так, — продолжал он через некоторое время. — Если нам удастся поймать Роула, Фритада и Холмера, все прелестно. Мы продержимся здесь, пока не прибудет Космическая полиция, и сдадим их ей. Но если что-нибудь сорвется и мы их не поймаем, у нас по крайней мере останется еще один козырь — та самая радиограмма, которую вы сейчас пошлете. Теперь дальше. Я примерно представляю себе, сколько времени нужно космическому кораблю, чтобы добраться с Марса на Землю. Но я, конечно, не знаю, за сколько времени это могут сделать ваши корабли. Так что скажите-ка мне, через сколько дней Космическая полиция будет здесь, на Земле, после того как получит вашу радиограмму?

— При нынешнем расположении планет чуть больше, чем через четверо суток, — сказала Марси. — Если хотите, мистер Карпентер, я могу рассчитать время в точностью до...

— Не надо, достаточно и этого, крошка. А теперь лезь наверх, и ты тоже, Скип. Нечего терять время!

Дети нехотя повиновались. Радиорубка находилась на второй палубе. Кое-какая аппаратура показалась Карпентеру знакомой, но большая часть представляла для него совершенную загадку. За огромным, от пола до потолка, иллюминатором открывался вид на доисторическую равнину. Взглянув вниз сквозь фальшивую листву, Карпентер увидел пальметтовую рощицу, где был спрятан Сэм. Он внимательно оглядел горизонт — не возвращаются ли птеранодоны. Но в небе ничего не было видно. А отвернувшись от иллюминатора, он увидел, что в рубке появился кто-то четвертый. Карпентер сбросил с плеча винтовку и почти успел вскинуть ее, когда металлическая трубка в руке этого четвертого издала резкий скрежещущий звук, и винтовка исчезла.

Не веря своим глазам, Карпентер уставился на собственные руки.

4

Человек, появившийся в рубке, был высок и мускулист. Одет он был примерно так же, как Марси и Скип, но побогаче. На его узком лице было написано ровно столько же душевных

переживаний, сколько на сушеной груше, а металлическая трубка в его руке была направлена Карпентеру точно между глаз. Не требовалось особых объяснений, чтобы понять: сдвинься Карпентер с места хоть на полшага, и с ним произойдет то же, что и с винтовкой. Впрочем, человек снизошел до того, что сообщил ему:

— Если двинешься — распылю.

— Нет, Холмер! — вскричала Марси. — Не смей его трогать! Он просто помог нам, потому что ему стало нас жалко!

— Постой, крошка, ты же как будто говорила, что их только трое? — сказал Карпентер, не сводя глаз с Холмера.

— Их на самом деле трое, мистер Карпентер. Честное слово! Наверное, третий птеранодон был беспилотный. Они нас перехитрили!

Холмер должен был бы ухмыльнуться, но он не ухмыльнулся. Он заговорил, и в его голосе должно было бы прозвучать торжество, но и этого не было.

— Мы так и думали, приятель, — ты из будущего, — сказал он. — Мы тут устроились довольно давно и знали, что ты не можешь быть из настоящего. А раз так, нетрудно было сообразить, что когда этот твой танк вчера исчез, ты прыгнул во времени или вперед, или назад, и два против одного, что назад. Мы решили рискнуть, предположили, что ты проделаешь то же еще раз, если тебя прижать к стене, и устроили для тебя небольшую ловушку. Мы рассудили, что у тебя хватит ума в нее попасть. И верно — хватило. Я не распыляю тебя прямо сейчас же только потому, что еще не вернулись Роул и Фритад. Я хочу, чтобы они сначала на тебя полюбовались. А потом я тебя распылю, будь уверен. И этих обоих тоже. Нам они больше не нужны.

У Карпентера мороз пробежал по спине. В этих чисто логических рассуждениях было слишком много от самой обыкновенной мстительности. Возможно, птеранодоны чуть ли не с самого начала пытались «распылить» Марси, Скипа, Сэма и его самого, и если бы не защитное поле Сэма, несомненно, так бы и сделали. «Ну ничего, — подумал Карпентер. — Логика — палка о двух концах, и не один ты умеешь ею пользоваться».

— А скоро вернутся твои дружки? — спросил он.

Холмер ответил непонимающим взглядом. И тут Карпентер заметил, что у Холмера в ушах нет сережек.

Карпентер повернулся к Марси:

— Скажи-ка мне, крошка, если этот корабль упадет на бок, не взорвется ли тут что-нибудь — от изменения положе-

ния, например, или от удара о землю? Ответь «да» или «нет», иначе наш приятель поймет, о чем мы говорим.

— Нет, мистер Карпентер.

— А конструкция корабля достаточно прочная? Переборки нас не раздавят?

— Нет, мистер Карпентер.

— А аппаратура в рубке? Она хорошо закреплена? Не упадет на нас?

— Нет, мистер Карпентер.

— Хорошо. Теперь постарайтесь вместе со Скипом как можно незаметнее подвинуться вон к той стальной колонне в центре. Когда корабль начнет валиться, хватайтесь за нее и держитесь изо всех сил.

— Что он тебе говорит, девчонка? — резко спросил Холмер.

Марси показала ему язык.

— Так я тебе и сказала!

Очевидно, способность принимать хладнокровно взвешенные решения, руководствуясь исключительно строгой логикой, отнюдь не сопровождалась способностью соображать быстро. Только в эту минуту десентиментализированный марсианин понял, что из всех присутствующих лишь у него одного нет сережек.

Он полез в небольшую сумку, висевшую у него на поясе, достал оттуда пару сережек и начал одной рукой надевать их, продолжая держать в другой распылитель, нацеленный Карпентеру в лоб. Карпентер нащупал большим пальцем правой руки крохотные выпуклости на управляющем перстне, надетом на его указательный палец, отыскал нужные и нажал на них в нужной последовательности. Внизу, на равнине, из пальметтовой рощицы показалась тупоносая морда Сэма.

Карпентер сосредоточился и начал мысленно передавать по телепатическому каналу, который теперь соединил его мозг с крестцовым нервным центром Сэма:

— Сэм, убери рогопушки и включи защитное поле вокруг колпака кабины.

Сэм выполнил приказ.

— Теперь отступи назад, разбегись как следует, упрись в посадочную стойку справа от тебя и вышиби ее. А потом удирай во все лопатки!

Сэм выполз из рощицы, развернулся и рысью пробежал сотню метров по равнине. Потом он снова развернулся, готовясь к предстоящей атаке, и медленно двинулся вперед, а за-

тем переключился на вторую передачу. Его топот превратился в громовые раскаты, которые проникли сквозь переборки в радиорубку. Холмер, который наконец вставил в уши сережки, вздрогнул и шагнул к иллюминатору.

К этому времени Сэм уже несся к кораблю, как таран. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что произойдет дальше.

Холмер имел не меньше семи пядей во лбу. Но иногда лишний ум не менее опасен, чем скудоумие. Так было и на этот раз. Позабыв о Карпентере, марсианин повернул рычажок справа от иллюминатора. Толстое небьющееся стекло скользнуло вбок, в стену. Марсианин высунулся наружу и направил свой распылитель вниз. В то же мгновение Сэм врезался в посадочную стойку, и Холмер пулей вылетел в раскрытый иллюминатор.

Дети уже вцепились в колонну. Сделав отчаянный прыжок, Карпентер присоединился к ним.

— Держись, ребята! — крикнул он и повис на колонне.

Сначала корабль кренился медленно, потом начал падать все быстрее. В такие моменты лесорубы обычно кричат: «Пошел!» На этот раз кричать было некому, что не помешало никто благополучно завершить падение. На многие километры вокруг попрятались ящерицы, зарылись в землю черепахи, застыли, разинув рот, зауроподы. «БУММММ!» Карпентера вместе с детьми оторвало от колонны, но он ухитрился обхватить их и смягчить их падение своим телом.

От удара о переборку спиной у него перехватило дыхание. И все погрузилось во тьму.

Через некоторое время у него в глазах посветлело. Он увидел лицо Марси, парящее над ним, наподобие маленькой бледной луны. Ее глаза были как осенние астры после первого заморозка.

Она расстегнула ему воротник и, плача, гладила его щеки. Он улыбнулся ей, с трудом поднялся на ноги и огляделся. В радиорубке ничего не изменилось, но выглядела она как-то странно. Потом он понял: это оттого, что он стоит не на палубе, а на переборке. К тому же он все еще был сильно оглушен.

— Я боялась, что вы умерли, мистер Карпентер! — сквозь слезы говорила Марси.

Он взъерошил ее лютиковые волосы.

— Что, здорово я тебя обманул?

Через дверь, теперь оказавшуюся в горизонтальном положении, в рубку вошел Скип, держа в руках небольшой контейнер. При виде Карпентера лицо его осветилось радостью.

— Я пошел за укрепляющим газом, но, похоже, он вам уже не понадобится. Ну и рад же я, что с вами ничего не случилось, мистер Карпентер!

— С вами, кажется, тоже? — спросил Карпентер и с облегчением услышал утвердительный ответ. Все еще немного оглушенный, он взобрался по плавно изогнутой переборке к иллюминатору и выглянул наружу. Сэма нигде не было видно. Вспомнив, что канал телепатической связи все еще включен, Карпентер приказал грицератанку вернуться, а потом вылез через иллюминатор, спустился на землю и отправился искать тело Холмера. Поиски оказались безуспешными. Карпентер решил было, что Холмер остался жив и скрылся в лесу. Но потом он наткнулся на одну из трясин, которыми изобиловала местность. При виде ее взбаламученной поверхности он содрогнулся. Ну ладно — во всяком случае, теперь он знает, чьи это останки. Вернее, чьи это были останки.

В это время показался Сэм. Он приблизился тяжелой рысью, обогнув трясину, вовремя замеченную его навигационными приборами. Карпентер похлопал ящероход по голове, на которой не осталось ни малейших следов от недавнего столкновения с посадочной стойкой, потом выключил телепатическую связь и вернулся в корабль. Марси и Скип стояли у иллюминатора и не сводили глаз с неба. Карпентер повернулся и тоже посмотрел вверх. Над горизонтом виднелись три темных пятнышка.

Тут в голове у него окончательно прояснилось, он схватил обоих детей в охапку и помог им спуститься на землю.

— Бегите к Сэму! — крикнул он. — Скорее!

Сам он бросился вслед, но, несмотря на свои длинные ноги, не мог за ними угнаться. Они успели добежать до ящероходa и карабкались в кабину, а он не пробежал еще и полпути. Птеранодоны были уже близко - он видел на земле их тени, быстро его настигавшие. Но он не заметил под ногами небольшую черепаху, которая изо всех сил старалась убраться у него с дороги. Он споткнулся об нее и растянулся на земле.

Подняв голову, он увидел, что Марси и Скип уже захлопнули колпак Сэма. А через секунду он оцепенел от ужаса: ящероход исчез!

И вдруг на землю легла еще одна тень — такая огромная, что она поглотила птеранодонов.

Карпентер повернулся на бок и увидел космический корабль — он опускался на равнину, словно какой-то внеземной небоскреб. В то же мгновение из его верхней части вылетели три радужных луча. «ПФФФТ! ПФФФТ! ПФФФТ!» И все три птеранодона исчезли.

Небоскреб грузно приземлился, открыл люки размером с парадный подъезд и выкинул трап шириной с тротуар Пятой авеню. Из люка по трапу двинулась Подмога. Карпентер взглянул в другую сторону и увидел, что Сэм снова появился на том самом месте, где исчез. Колпак откинулся, и из кабины показались Марси и Скип в клубах голубоватого дыма.

Карпентер понял, что произошло, и про себя навсегда распрощался с двадцать вторым веком.

Дети подбежали к нему в тот момент, когда командующий Подмогой выступил перед фронтом своего войска. Оно состояло из шести рослых марсиан в пурпурных тогах, с суровыми лицами и распылителями в руках. Командир был еще более рослым, в еще более пурпурной тоге, с еще более суровым лицом, а в руке у него было нечто вроде волшебной палочки, какие бывают у фей. Он окинул Карпентера недобрым взглядом, потом таким же недобрым взглядом окинул обоих детей.

Дети помогли Карпентеру подняться на ноги. Не то чтобы он физически нуждался в помощи — просто он был ошарашен стремительной сменой событий и слегка растерялся. Марси плакала.

— Мы не нарочно сломали Сэма, мистер Карпентер, — глотая слова от волнения, говорила она. — Но, чтобы спасти вам жизнь, оставалось только одно: прыгнуть назад на четыре дня, два часа, шестнадцать минут и три и три четверти секунды, пробраться на борт корабля похитителей и дать радиограмму Космической полиции. Иначе они не поспели бы вовремя. Я сообщила им, что вы попали в беду и чтобы у них были наготове радугометы. А потом, как раз когда мы хотели вернуться в настоящее, у Сэма сломался временной двигатель, и Скипу пришлось его чинить, а потом Сэм все равно перегорел. Простите нас, пожалуйста, мистер Карпентер! Теперь вы больше никогда не сможете вернуться в 79 062 156 год, и увидеть мисс Сэндз, и...

Карпентер похлопал ее по плечу.

— Ничего, крошка. Все в порядке. Вы правильно сделали, и я вами горжусь.

Он восхищенно покрутил головой.

— Это же надо было все так точно рассчитать!

Улыбка пробилась сквозь слезы, и слезы высохли.

— Я... я же неплохо считаю, мистер Карпентер.

— А рубильник включил я! — вмешался Скип. — И временной двигатель починил тоже я, когда он сломался!

Карпентер усмехнулся.

— Знаю, Скип. Вы оба просто молодцы.

Он повернулся к рослому марсианину с волшебной палочкой в руках и заметил, что тот уже вдел в уши сережки.

— Я полагаю, что столь же обязан вам, как и Марси со Скипом, — сказал Карпентер. — И я весьма признателен. А теперь мне, боюсь, придется просить вас еще об одном одолжении — взять меня с собой на Марс. Мой ящероход перегорел, и отремонтировать его могут только специалисты, да и то лишь в сверхсовременной мастерской со всеми приспособлениями. Из этого следует, что я лишен всякой возможности связаться с временем, из которого сюда прибыл, или в него вернуться.

— Мое имя Гаутор, — сказал рослый марсианин и повернулся к Марси. — Изложи мне со всей краткостью, на какую ты способна, все, что произошло начиная с твоего прибытия на эту планету и до настоящего момента.

Марси повиновалась.

— Так что вы видите, сэр, — закончила она, — помогая Скипу и мне, мистер Карпентер оказался в очень тяжелом положении. Вернуться в свое время он не может, выжить в этом времени — тоже. Мы просто вынуждены взять его с собой на Марс, и все.

Гаутор ничего не ответил. Он небрежным жестом поднял свою волшебную палочку, направил ее на лежащий корабль похитителей и повернул рукоятку. Палочка загорелась яркими зелеными и синими огнями. Через несколько секунд из небоскреба вылетел радужный сноп огня, упал на корабль похитителей, и с кораблем произошло то же, что и с тремя птеранодонами. Гаутор повернулся к своим людям.

— Проводите детей на борт полицейского крейсера и обеспечьте им должный уход.

Потом он повернулся к Карпентеру.

— Правительство Большого Марса выражает вам признательность за оказанную услугу — спасение двух его будущих бесценных граждан. Я благодарю вас от его имени. А теперь, мистер Карпентер, прощайте.

Гаутор отвернулся. Марси и Скип бросились к нему.

— Вы не можете его здесь оставить! — вскричала Марси. — Он погибнет!

Гаутор дал знак двоим марсианам, к которым только что обращался. Они прыгнули вперед, схватили детей и поволокли их к кораблю-небоскребу.

— Погодите, — вмешался Карпентер, несколько озадаченный новым поворотом событий, но не потерявший присутствия духа. — Я не умоляю о спасении моей жизни, но если вы примете меня в свое общество, я могу принести вам кое-какую пользу. Я могу, например, научить вас путешествовать во времени. Могу...

— Мистер Карпентер, если бы мы хотели путешествовать во времени, мы бы давным-давно этому научились. Путешествие во времени — занятие для глупцов. Прошлое уже случилось, и изменить его нельзя. Так стоит ли пытаться? Что же касается будущего — нужно быть идиотом, чтобы стремится узнать, что будет завтра.

— Ну ладно, — сказал Карпентер, — тогда я не буду изобретать путешествие во времени, буду держать язык за зубами, жить тихо-спокойно и стану примерным гражданином.

— Не станете, мистер Карпентер, и вы сами это прекрасно знаете. Для этого вас нужно десентиментализировать. А по выражению вашего лица я могу сказать, что вы никогда добровольно на это не согласитесь. Вы скорее останетесь здесь, в вашем доисторическом прошлом, и здесь погибнете.

— Раз уж на то пошло, пожалуй, я так и сделаю, — ответил Карпентер. — Даже тираннозавр в сравнении с вами — просто филантроп, а уж все остальные динозавры, и ящеротазовые, и птицетазовые, не в пример человечнее. Но, мне кажется, есть одна простая вещь, которую вы могли бы для меня сделать без особого ущерба для своего десентиментализированного душевного спокойствия. Вы могли бы дать мне какое-нибудь оружие взамен того, что уничтожил Холмер.

Гаутор покачал головой.

— Как раз этого я и не могу сделать, мистер Карпентер, потому что оружие легко может быть обнаружено вместе с вашими останками, и тем самым на меня ляжет ответственность за анахронизм. Один такой анахронизм уже отчасти на моей совести — труп Холмера, который мы не можем извлечь. Я не хочу рисковать и брать на себя новую ответственность. Как вы думаете, почему я уничтожил корабль похитителей?

— Мистер Карпентер! — крикнул Скип с трапа, по которому его с сестрой волокли двое марсиан. — Может быть, Сэм не совсем перегорел? Может быть, у него еще хватит сил хотя бы послать назад банку зайчатины?

— Боюсь, что нет, Скип, — крикнул в ответ Карпентер. — Но ничего страшного, ребята. Не беспокойтесь за меня — я перебьюсь. Животные всегда меня любили, а ведь ящеры тоже животные. Может быть, и они меня полюбят?

— О, мистер Карпентер, — прокричала Марси, — мне ужасно жаль, что все так вышло. Почему вы не взяли нас с собой в ваш 79 062 156 год? Мы все время этого хотели, только боялись сказать.

— Да, надо бы мне так сделать, крошка, надо бы...

В глазах у него все вдруг расплылось, и он отвернулся. Когда же он снова взглянул в ту сторону, двое марсиан уводили Марси и Скипа в шлюзовую камеру. Он помахал рукой.

— Прощайте, ребята! — крикнул он. — Я никогда вас не забуду!

Марси сделала последнюю отчаянную попытку вырваться. Еще немного — и это бы ей удалось. В ее глазах, похожих на осенние астры, утренней росой блестели слезы.

— Я люблю вас, мистер Карпентер! — успела она прокричать перед тем, как скрылась из виду. — Я буду любить вас всю жизнь!

Двумя ловкими движениями Гаутор вырвал сережки из ушей Карпентера, потом вместе с остальными марсианами поднялся по трапу и вошел в корабль.

«Вот тебе и Подмога», — подумал Карпентер. Парадный подъезд захлопнулся. Небоскреб дрогнул, величественно поднялся в воздух и некоторое время парил над Землей. Наконец, отбросив слепящий поток света, он устремился в небо, взвился к зениту и превратился в звездочку. Это не была падающая звезда и все-таки Карпентер загадал желание.

— Желаю вам обоим счастья, — сказал он. — И желаю, чтобы они не смогли отнять у вас сердце, потому что уж очень хорошие у вас сердца.

Звездочка поблекла, замерцала и исчезла. Он остался один на обширной равнине.

Земля дрогнула. Повернувшись, он увидел, что справа, рядом с тремя веерными пальмами, движется что-то большое и темное. Через мгновение он различил гигантскую голову и массивное, прямостоящее туловище. Два ряда саб-

левидных зубов сверкнули на солнце, и он невольно сделал шаг назад.

Это был тираннозавр.

5

Ящероход, даже если он сломан, — все же лучше, чем ничего. И Карпентер помчался к Сэму. Забравшись в кабину и захлопнув колпак, он смотрел, как приближается тираннозавр. Было ясно, что хищник заметил Карпентера и теперь направляется прямо к Сэму. Защитное поле кабины было выключено Марси со Скипом, и Карпентер представлял собой довольно-таки легкую добычу. Однако он не спешил убраться в каюту, потому что Марси и Скип оставили выдвинутыми рогопушки. Навести их теперь было невозможно, но стрелять они все еще могли. Если бы тираннозавр подошел на нужное расстояние, то его, может быть, удалось бы на некоторое время вывести из строя парализующими зарядами. Правда, пока что тираннозавр приближался под прямым углом к направлению, куда смотрели рогопушки, но все еще оставалась надежда на то, что прежде чем напасть, он окажется перед ними, и Карпентер решил выждать.

Он низко пригнулся на сиденье, готовый нажать на спуск. Кондиционер не работал, и в кабине было жарко и душно. К тому же в воздухе стоял едкий запах горелой изоляции. Карпентер заставил себя не обращать на это внимание и сосредоточился.

Тираннозавр был уже так близко, что можно было разглядеть его атрофированные передние ноги. Они свисали с узких плеч чудовища, словно высохшие лапки какого-то другого существа, раз в десять меньшего. Над ними, в добрых семи метрах от земли, на шее толщиной со ствол дерева возвышалась гигантская голова; под ними уродливый торс, расширяясь книзу, переходил в задние ноги. Мощный хвост волочился позади, и треск ломающихся под его тяжестью кустов сопровождал громовые удары, которые раздавались всякий раз, когда на землю ступала огромная лапа с птичьим когтем на конце. Карпентер должен был бы оцепенеть от ужаса — он никак не мог понять, почему ему не страшно.

В нескольких метрах от трицератанка тираннозавр остановился, и его приоткрытая пасть разинулась еще шире. Полуметровые зубы, торчавшие из челюстей, могли сокрушить

лобовой колпак Сэма как бумажный, и, по всей видимости, именно это чудовище и собиралось вот-вот сделать. Карпентер приготовился поспешно ретироваться в каюту, но в самый страшный момент тираннозавру как будто не понравилось выбранное им направление атаки, и он начал приближаться к ящероходу спереди, предоставляя Карпентеру долгожданную возможность. Его пальцы легли на первую из трех спусковых кнопок, но не нажали ее. «Почему же все-таки мне совсем не страшно?» — пронеслось в его голове.

Он взглянул сквозь колпак на чудовищную голову. Огромные челюсти продолжали раскрываться все шире. Вот уже вся верхняя часть черепа поднялась вертикально. Карпентер не поверил своим глазам — над нижним рядом зубов показалась еще одна голова, на этот раз отнюдь не чудовищная, и посмотрела на него ясными голубыми глазами.

— Мисс Сэндз! — выдохнул он и чуть не свалился с водительского сиденья.

Придя в себя, он откинул колпак, вышел на тупоносую морду Сэма и любовно похлопал тираннозавра по брюху.

— Эдит! — сказал он ласково. — Эдит, милочка, это ты!

— Вы целы, мистер Карпентер? — крикнула сверху мисс Сэндз.

— Вполне, — ответил Карпентер. — Ну и рад же я вас видеть, мисс Сэндз!

Рядом с ее головкой показалась еще одна — знакомая каштановая голова Питера Детрайтеса.

— А меня вы тоже рады видеть, мистер Карпентер?

— Еще бы, Пит, приятель!

Мисс Сэндз выдвинула из нижней губы Эдит трап, и оба спустились вниз. Питер Детрайтес тащил за собой буксирный трос, который тут же принялся прицеплять к морде Сэма и к хвосту Эдит. Карпентер помогал ему.

— А откуда вы узнали, что мне пришлось туго? — спросил он. — Ведь я ничего не посылал.

— Сердце подсказало, — ответил Питер Детрайтес и повернулся к мисс Сэндз. — Ну, у нас все, Сэнди.

— Что ж, тогда поехали, — откликнулась мисс Сэндз. Она взглянула на Карпентера и быстро опустила глаза. — Если, конечно, вы уже покончили со своим заданием, мистер Карпентер.

Теперь, когда первое радостное возбуждение схлынуло, он почувствовал, что снова, как и прежде, совсем теряется в ее присутствии.

— Покончил, мисс Сэндз, — сказал он, обращаясь к левому карману ее куртки. — И вы не поверите, как все обернулось!

— Ну, не знаю. Бывает, самые невероятные вещи на поверку оказываются самыми правдоподобными. Я приготовлю вам что-нибудь поесть, мистер Карпентер.

Она легко поднялась по лестнице. Карпентер последовал за ней, а за ним — Питер Детрайтес.

— Я сяду за руль, мистер Карпентер, — сказал он. — Похоже, что вы порядком измотаны.

— Так оно и есть, — признался Карпентер.

Спустившись в каюту Эдит, он рухнул на койку. Мисс Сэндз зашла в кухонный отсек, поставила воду для кофе и достала из холодильника ветчину. Питер Детрайтес, оставшийся наверху, в кабине, захлопнул колпак, и Эдит тронулась.

Питер был прекрасным водителем и готов был сидеть за рулем день и ночь. И не только сидеть за рулем — он мог бы с закрытыми глазами разобрать и собрать любой вездеход. «Странно, почему они с мисс Сэндз не влюбились друг в друга?» — подумал Карпентер. — Они оба такие милые, что им давно следовало бы это сделать». Конечно, Карпентер был рад, что этого не произошло, хотя ему-то от этого было не легче.

А почему они ни слова не сказали о корабле Космической полиции? Ведь не могли же они не видеть, как он взлетает...

Эдит не спеша двигалась по равнине в сторону холмов. Через иллюминатор было видно, как за ней ковыляет Сэм. В кухоньке мисс Сэндз резала ветчину. Карпентер засмотрелся на нее, пытаясь отогнать печаль, навеянную расставанием с Марси и Скипом. Его взгляд остановился на ее стройных ногах, тонкой талии, поднялся выше, к медно-красным волосам, задержавшись на мгновение на шелковистом пушке, который покрывал ее шею под короткой стрижкой. Странно, что с возрастом волосы всегда темнеют...

Карпентер неподвижно лежал на койке.

— Мисс Сэндз, — сказал он вдруг. — Сколько будет 499 999 991 умножить на 8 003 432 111?

— 400 171 598 369 111 001.

Мисс Сэндз вдруг вздрогнула. А потом продолжала резать ветчину.

Карпентер медленно сел и спустил ноги на пол. У него сжалось сердце и перехватило дыхание.

Возьмите двух одиноких детишек. Один из них гений по части математики, другой — по части техники. Двое одиноких

детишек, которые за всю свою жизнь не знали, что такое быть любимыми. Перевезите их на другую планету и посадите в ящероход, который при всех своих достоинствах — всего лишь чудесная огромная игрушка. Устройте для них импровизированный пикник в меловом периоде и приласкайте их впервые в жизни. А потом отнимите у них все это и в то же время оставьте им сильнейший стимул к возвращению — необходимость спасти человека. И при этом сделайте так, чтобы спасая его жизнь, они могли — в ином, но не менее реальном смысле слова — спасти свою.

Но 79 062 156 лет! 75 000 000 километров! Это невозможно! А почему?

Они могли тайком построить машину времени в своей подготовительной школе, делая вид, что готовятся к десентиментализации; потом, как раз перед тем, как начать принимать десентиментализирующий препарат, они могли войти в машину и совершить скачок в далекое будущее.

Правда, такой скачок должен был бы потребовать огромного количества энергии. Правда, картина, которую они увидели бы на Марсе, прибыв в будущее, не могла не потрясти их до глубины души. Но это были предприимчивые дети — достаточно предприимчивые, чтобы использовать любой значительный источник энергии, оказавшийся под рукой, и чтобы выжить при нынешнем климате и в нынешней атмосфере Марса до тех пор, пока не отыщут одну из марсианских пещер с кислородом. А там о них должны были бы позаботиться марсиане, которые научили бы их всему, что нужно, чтобы они смогли сойти за уроженцев Земли в одном из куполов-колоний. Что же касается колонистов, то те вряд ли стали бы задавать лишние вопросы, потому что были бы счастливы увеличить свою скудную численность еще на двух человек. Дальше детям оставалось бы только терпеливо ждать, пока они вырастут и смогут заработать на поездку на Землю. А там им оставалось бы только получить нужное образование и стать палеонтологами.

Конечно, на все это понадобилось бы много лет. Но они должны были предвидеть это и рассчитать свой прыжок во времени так, чтобы прибыть заранее и к 2156 году все успеть. И этого запаса времени только-только хватило: мисс Сэндз работает в САПО всего три месяца, а Питер Детрайтес устроился туда месяцем позже. По ее рекомендации, разумеется.

Они просто шли кружным путем, вот и все. Сначала 75 000 000 километров до Марса в прошлом; потом 79 062 100

лет до нынешнего Марса; снова 75 000 000 километров до нынешней Земли - – и наконец, 79 062 156 лет в прошлое Земли.

Карпентер сидел на койке, пытаясь собраться с мыслями.

Знали ли они, что это они будут мисс Сэндз и Питер Детрайтес? — подумал он. Наверное, знали — во всяком случае, именно на это они рассчитывали, потому и взяли себе такие имена, когда присоединились к колонистам. Получается парадокс, но не очень страшный, так что и беспокоиться об этом нечего. Во всяком случае, новые имена им вполне подошли.

Но почему они вели себя так, как будто с ним незнакомы?

Так ведь они и были незнакомы, разве нет? А если бы они рассказали ему всю правду, разве он бы им поверил?

Конечно, нет.

Впрочем, все это ничуть не объясняло, почему мисс Сэндз так его не любит.

А может быть, дело совсем не в этом? Может быть, она так держится с ним потому же, почему и он так с ней держится? Может быть, и она так же боготворит его, как он ее, и так же теряется при нем, как и он при ней? Может быть, она старается по возможности на него не смотреть, потому что боится выдать свои чувства, пока он не узнает, кто она такая?

Все расплылось у него перед глазами.

Каюту заполнял ровный гул моторов Эдит. И довольно долго ничто больше не нарушало тишины.

— В чем дело, мистер Карпентер? — неожиданно сказала мисс Сэндз. — Заснули?

И тогда он встал. Она повернулась к нему. В глазах ее стояли слезы, она смотрела на него с нежностью и обожанием точно так же, как смотрела прошлой ночью, 79 062 156 лет назад, у мезозойского костра в верхнемеловой пещере. «Да если вы скажете ей, что ее любите, она бросится вам на шею — вот увидите!»

— Я люблю тебя, крошка, — сказал Карпентер.

И она бросилась ему на шею.

Пол Андерсон

ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ

1

ТРЕБУЮТСЯ МУЖЧИНЫ: возраст 21 — 40, желат. холостые, воен. или тех. образов., хор. физ. данные — для высокооплач. работы, связ. с загран. поездками. Обращаться: «Компания прикладных исследований», 305, Вост., 45, с 9 до 12 и с 14 до 18.

— ...Работа, как вы понимаете, довольно необычная, — продолжал мистер Гордон, — к тому же носит весьма конфиденциальный характер. Надеюсь, вы умеете хранить секреты?

— Как правило, да, — ответил Мэнс Эверард. — Конечно, смотря что за секреты.

Гордон улыбнулся, не разжимая губ. Такую странную улыбку Эверард видел впервые. Гордон говорил на правильном английском, был одет в обычный костюм, но что-то выдавало в нем иностранца. И не просто странное сочетание смуглого безбородого лица, узких глаз азиата с тонким, правильной формы носом. Но что?..

— Не думайте, мы не шпионы, — сказал он.

Эверард смущенно улыбнулся.

— Извините. Только не считайте, пожалуйста, что я заразился той же истерией, что и большинство моих соотечественников. И вообще, у меня никогда не было допуска к секретной информации. Просто в вашем объявлении упомянуты заграничные поездки... Обстановка сейчас такова, что... Ну, вы же понимаете, я не хочу потерять свой заграничный паспорт.

Эверард был крупным широкоплечим мужчиной с загрубевшим и обветрившимся лицом и коротко стриженными каштановыми волосами. Его документы лежали на столе: свидетельство об увольнении из армии и справки о работе инже-

---

Poul Anderson. Time Patrol. 1955
Перевод Н. Науменко.

пером-механиком в нескольких компаниях. На них Гордон взглянул мельком.

В кабинете не было ничего необычного: письменный стол, два кресла, шкаф с картотекой, дверь, ведущая в соседнюю комнату. Через открытое окно сюда, на шестой этаж, доносился грохот нью-йоркской улицы.

— У вас независимый характер, — сказал наконец Гордон, глядя на Эверарда через письменный стол. — Это хорошо. Многие, приходя сюда, так пресмыкаются, словно они будут рады и пинку под зад. Конечно, с вашими данными вы вряд ли станете хвататься за что попало, даже при нынешних обстоятельствах. Да и это... трудоустройство демобилизованных...

— Меня заинтересовало ваше предложение, — сказал Эверард. — Как вы видите, я работал за границей и хотел бы поездить еще. Но, честно говоря, я пока совсем не представляю, чем вы занимаетесь.

— О, очень многим, — туманно ответил Гордон. — Итак, вы воевали во Франции и в Германии...

От удивления Эверард моргнул: в армейском свидетельстве имелся список его наград, но он готов был поклясться, что Гордон не успел его прочесть.

— Гм... Не могли бы вы покрепче сжать руками выступы на подлокотниках вашего кресла? Благодарю вас. Как вы реагируете на опасность?

— Послушайте!.. — возмутился Эверард.

Гордон покосился на прибор, лежавший перед ним на столе, — небольшую коробочку с двумя шкалами и стрелкой.

— Неважно. Как вы относитесь к интернационализму?

— Слушайте, что...

— К коммунизму? Фашизму? К женщинам? Чем увлекаетесь? Благодарю вас, это все. Вы можете не отвечать.

— Черт побери, что все это значит? — резко спросил Эверард.

— Не беспокойтесь — просто небольшой психологический тест. Ваши взгляды меня интересовали не сами по себе, а как отражение основных ценностных ориентиров.

Гордон откинулся на спинку кресла и соединил кончики пальцев обеих рук.

— Пока все выглядит многообещающе. А теперь — о главном. Как я уже говорил, наша работа носит в высшей степени конфиденциальный характер. Мы... э-э... собираемся преподнести небольшой сюрприз нашим конкурентам, — он усмехнул-

ся. Если считаете нужным, можете донести о нашей беседе в ФБР. Нас уже проверяли и убедились в нашей полной благонадежности. Вы убедитесь, что мы действительно занимаемся финансовыми операциями и инженерными изысканиями по всему миру, но у нашей работы существует еще один аспект, для которого нам требуются люди вроде вас. Я заплачу вам сто долларов, если вы согласитесь пройти в другую комнату и подвергнуться тестированию. Вся процедура займет около трех часов. Если вы не выдержите испытания — на этом все закончится. Если выдержите, мы заключим с вами контракт, расскажем о предстоящей работе и начнем обучение. Вы согласны?

Эверард засомневался. Пожалуй, его слишком торопят. Что-то не так с этой фирмой. Пустой кабинет, любезный иностранец... Хотя ладно, решено.

— Я подпишу контракт, но лишь после того, как вы расскажете мне, чем занимаетесь.

— Как вам угодно, — Гордон пожал плечами. — Пусть будет так. Все равно о вашем согласии или несогласии имеет смысл говорить только после проведения тестов. Мы используем весьма современные методики.

Это, во всяком случае, оказалось чистой правдой. Эверард немного разбирался в методах и технике современной психологии — энцефалографах, ассоциативных тестах, многопрофильных опросниках, но среди множества гудевших и мигавших вокруг него приборов не было ни одного даже отдаленно знакомого. Вопросы, которые задавал ему ассистент — совершенно лысый человек неопределенного возраста с бледным, лишенным всякого выражения лицом, казались абсолютно бессмысленными. А металлический шлем, который Эверарду предложили надеть, — что он собой представляет? И куда тянутся от него многочисленные провода?

Эверард поглядывал на приборные панели, но буквы на них были совершенно незнакомыми: не английские, не французские, не русские, не греческие, не китайские... Ничего подобного в году 1954-м от Рождества Христова вроде бы не существовало. Возможно, уже тогда у него забрезжила догадка...

С каждым новым тестом в нем крепло ощущение, что только сейчас он узнает себя по-настоящему. Мэнсон Эммерт Эверард, тридцати лет, лейтенант инженерных войск армии США, демобилизован, работал конструктором и эксплуатационником в Америке, Швеции и на Аравийском полуострове; до сих пор холост, хотя все больше завидует своим женатым

друзьям; постоянной подруги нет; любит книги; неплохой игрок в покер; интересуется яхтами, лошадьми и ружьями; отпуска посвящает пешим походам и рыбалке. Все это Эверард знал и раньше, но лишь по отдельности, как кусочки мозаики. А сейчас внезапно все слилось воедино, и он ощутил каждую свою черточку как неотъемлемую часть единого целого.

Он вышел из комнаты изможденный, потный. Гордон протянул ему сигарету, а сам стал быстро просматривать кодированные записи с результатами тестов, которые принес ему ассистент. Время от времени он бормотал себе под нос: «Так... кортикальная функция зет-20... здесь недифференцированная оценка... психическая реакция на антитоксин... дефект центральной координации...»

В его голосе слышался странный акцент — такого произношения гласных Эверарду не доводилось слышать ни в одном из диалектов английского языка.

Гордон оторвался от записей лишь через полчаса. Эверард порядком разозлился: это бесцеремонное исследование раздражало его все больше и больше. Но любопытство все же пересилило.

— Ну, наконец-то! — Гордон широко улыбнулся, сверкнув неправдоподобно белыми зубами. — Да будет вам известно, мне пришлось отвергнуть уже двадцать четыре кандидатуры. Но вы нам подходите. Вы определенно подходите...

— Для чего? — Эверард наклонился вперед, его сердце учащенно забилось.

— Для Патруля. Вас ждет работа, похожая на работу полицейского.

— Вот как? Где же?

— Везде. И всегда. Приготовьтесь: сейчас вам придется испытать небольшое потрясение. Видите ли, наша компания, занимаясь вполне законной деятельностью, является лишь прикрытием и источником доходов. Основная же работа заключается в том, что мы патрулируем время.

2

Академия находилась на американском Западе олигоценового периода — теплой эпохи лесов и зеленых равнин, когда крысоподобные прародители человека пугливо прятались, почуяв приближение гигантских млекопитающих. Академия

была основана тысячу лет назад с расчетом на полмиллиона лет активной деятельности — достаточный срок, чтобы обучить столько сотрудников Патруля Времени, сколько будет необходимо. Затем Академию старательно уничтожат, чтобы от нее не осталось ни малейших следов. На место, где она стояла, придут ледники, а потом появятся люди, которые в 19352 году (7841 год Моренниапской Победы) раскроют секрет темпоральных путешествий, вернутся в олигоценовый период и построят Академию.

Комплекс длинных низких зданий с обтекаемыми контурами и переливчатой окраской расположился на зеленых лужайках среди исполинских древних деревьев. За Академией лесистый склон плавно спускался к большой коричневой реке. Ночью с другого берега иногда раздавался трубный зов титанотерия или отдаленный визг саблезубого тигра.

С пересохшим горлом Эверард вышел из темпомобиля (фактически машины времени) — большой металлической коробки без каких-либо внешних деталей. Он испытывал те же чувства, что и в первый день службы в армии, двенадцать лет назад (или через пятнадцать-двадцать миллионов лет, смотря что брать за точку отсчета): одиночество, беспомощность и отчаянное желание вернуться домой, не уронив при этом своего достоинства. Из других темпомобилей тоже выходили люди — всего около пятидесяти молодых мужчин и женщин, — и он немного успокоился. Вместе новички собрались не сразу — все, похоже, чувствовали себя не в своей тарелке. Не решаясь заговорить, они поначалу только разглядывали друг друга. На одном из мужчин Эверард увидел воротничок и котелок времен президента Гувера, но тут были представлены не только стили одежды и причесок, известные Эверарду до 1954 года. Откуда, например, явилась вон та девушка в переливчатых брюках в обтяжку, с зеленой помадой и причудливо уложенными желтыми волосами? Откуда... вернее, из какого времени?

Возле Эверарда остановился молодой человек лет двадцати пяти с худым, продолговатым лицом, одетый в потертый твидовый костюм, — словом, англичанин. Его подчеркнуто невозмутимый вид наводил на мысль о тщательно скрываемом большом горе.

— Привет, — сказал Эверард. — Может, пока познакомимся?

Он назвал свое имя и год, из которого прибыл.

— Чарльз Уиткомб, Лондон, 1947 год, — нерешительно отозвался мужчина. — Служил в Королевских ВВС, демобилизовался... Это предложение показалось мне большой удачей, но сейчас... Не знаю.

— Все может быть, — сказал Эверард, думая о зарплате. Пятнадцать тысяч в год, и это лишь для начала! Правда, еще предстоит разобраться, что здесь называют «годом». Скорее всего имеется в виду личное биологическое время.

К ним подошел стройный молодой человек в плотно облегающей серой форме; наброшенный поверх нее темно-синий плащ мерцал, словно расшитый звездами. Приветливо улыбаясь, он заговорил без всякого акцента:

— Общий привет! Добро пожаловать в Академию! Надеюсь, все говорят по-английски?

Эверард заметил среди своих спутников мужчину в потрепанном мундире вермахта, индуса и еще несколько человек явно неевропейского вида.

— Пока вы не выучите темпоральный, будем пользоваться английским. — Он подбоченился. — Меня зовут Дард Келм. Я родился... минутку... в 9573 году по христианскому летосчислению, но специализируюсь по вашему периоду. Период, к слову сказать, охватывает годы с 1850 по 1975-й — все присутствующие родились в этом временном интервале. Если у вас что-то стрясется, я — ваша официальная Стена Плача. Вы, вероятно, ожидали увидеть что-то совершенно иное, но наша Академия — не конвейер, поэтому от вас здесь не потребуют школьной или армейской дисциплины. Каждый, наряду с общим курсом, пройдет индивидуальное обучение. Здесь никого не наказывают за неуспеваемость, потому что ее быть не может: предварительное тестирование не только практически исключает ее, но и сводит к минимуму возможность неудачи в вашей работе. По меркам ваших культур каждый из вас — вполне сложившаяся, зрелая личность, однако ваши способности неодинаковы, и поэтому для достижения наилучших результатов с каждым будут заниматься персонально. Порядки у нас очень простые, единственное правило — обычная вежливость. Вам будут созданы все условия и для учебы, и для отдыха. Невозможного никто требовать не станет. Добавлю, что охота и рыбалка здесь отличные, а если отлететь на пару-другую сотен миль — то просто фантастические. Теперь, если нет вопросов, прошу следовать за мной. Я покажу вам, где вы будете жить.

Дард Келм познакомил их с техническим оснащением жилых комнат. Оно соответствовало, наверное, нормам 2000-го года: функциональная мебель, меняющая форму по желанию владельца, бар-автомат, телеприемник, подключенный к гигантской видеотеке... Ничего сверхъестественного. Каждый новобранец получил в этом общежитии комнату. Питались все в центральной столовой, но если кто-то устраивал у себя вечеринку, то закуски доставлялись и в комнаты. Эверард почувствовал, что внутреннее напряжение постепенно уходит.

По случаю знакомства устроили банкет. Блюда оказались привычными — в отличие от безмолвных роботов, сервировавших стол. Хватало и вина, и пива, и сигарет. В пищу, видимо, что-то было добавлено, потому что Эверард, как, впрочем, и остальные, ощутил легкую эйфорию. Он уселся за пианино и стал наигрывать буги-вуги; человек пять-шесть принялись подпевать нестройными голосами.

Только Чарльз Уиткомб держался в стороне. Сидя в углу, он угрюмо потягивал вино, и тактичный Дард Келм не пытался вовлечь его в общее веселье.

Эверард решил, что здесь ему понравится, хотя все еще толком не представлял, что ему придется делать, зачем и как.

— Темпоральные путешествия открыли в период распада Хоританской Ересиархии, — сказал Келм, обращаясь к аудитории. — С деталями вы ознакомитесь позже, а сейчас прошу поверить на слово: это было беспокойное время, когда коммерческая и генетическая конкуренция между гигантскими синдикатами обернулась схваткой не на жизнь, а на смерть, все рушилось, а различные правительства стали пешками в большой галактической игре. Темпоральный эффект оказался побочным продуктом исследований проблемы мгновенной пространственной транспортировки. Некоторым из вас понятно, что для ее математического описания требуется привлечение аппарата бесконечно-разрывных функций... впрочем, это относится и к путешествиям в прошлое. Основы теории вам изложат на занятиях по физике, а пока я просто скажу, что этот процесс выражается через сингулярные отображения в континууме с размерностью 4N, где N — полное число элементарных частиц во Вселенной. Разумеется, Группа Девяти, совершившая это открытие, отдавала себе отчет в возможностях его применения. Не только коммерческих — таких, как торговля, добыча сырья и прочие, которые вы легко можете додумать, но и в возможности нанести противнику внезапный

смертельный удар. Теперь вы видите, что время — это не просто независимая переменная: прошлое можно изменить и...

— Вопрос!

Элизабет Грей, девушка из 1972 года, которая в своем времени была подающим надежды молодым физиком, подняла руку.

— Слушаю вас, — вежливо сказал Келм.

— Мне кажется, что вы описываете логически невозможную ситуацию. Исходя из того, что мы находимся в этом зале, я допускаю возможность путешествий во времени, но событие не может одновременно произойти и не произойти. Здесь есть внутреннее противоречие.

— Противоречие возникает лишь в том случае, если вы пользуетесь обычной двузначной логикой с законом исключенного третьего, — возразил Келм. Рассмотрим такой пример: допустим, я отправился в прошлое и помешал вашему отцу встретиться с вашей матерью. В этом случае вы бы никогда не родились. Этот фрагмент истории Вселенной выглядел бы по-другому, причем другим он был бы всегда, хотя я и продолжал бы помнить о «первичном» состоянии мира.

— Ну а если вы проделаете то же самое с собственными родителями? — спросила Элизабет. — Вы перестанете существовать?

— Нет, поскольку я бы принадлежал отрезку истории, предшествовавшему моему вмешательству. Давайте применим это к вам. Если вы вернетесь, положим, в 1946 год и сумеете предотвратить брак ваших родителей в 1947 году, то вы все же останетесь существовать в этом году; вы не исчезнете лишь потому, что именно вы явились причиной произошедших событий. Даже если вы окажетесь в 1946 году всего за одну микросекунду до того, как выстрелите в человека, который, пойди все по-другому, стал бы вашим отцом, то и тогда вы не перестанете существовать.

— Но как я могу существовать, не... не родившись? — запротестовала она. — Как я могу жить, иметь воспоминания и... и все остальное — даже не появившись на свет?

Келм пожал плечами.

— Что с того? Фактически, вы говорите о том, что закон причинности или, строго говоря, закон сохранения энергии применим только к непрерывным функциям. На самом деле эти функции могут быть и разрывными.

Он усмехнулся и наклонился над кафедрой.

— Разумеется, кое-что и в самом деле невозможно. К примеру, по чисто генетическим причинам вы не можете стать собственной матерью. Если вы вернетесь в прошлое и выйдете замуж за вашего отца, то ни одна из родившихся у вас девочек не будет вами, поскольку они будут иметь лишь половину вашего набора хромосом.

Он откашлялся.

— Давайте больше не отвлекаться. Я излагаю только основы — подробности вы узнаете из других курсов. Итак, продолжим. Группа Девяти обнаружила, что можно вернуться в прошлое и упредить замыслы своих врагов или вообще не дать им родиться. Но тут появились данеллиане.

Келм впервые оставил свой небрежный, полушутливый тон. Он выглядел как человек, оказавшийся перед лицом непознаваемого.

— Данеллиане — это часть будущего, — тихо сказал он. — Я имею в виду наше общее будущее — более чем через миллион лет после моего времени. Человек превратился во что-то... это невозможно описать. Вероятно, вы никогда не встретитесь с ними, но если все-таки встретитесь, то будете... потрясены. Они не злы и не добры — просто они за пределами нашего восприятия. Они настолько же отстоят от нас, насколько мы — от тех насекомоядных, которые станут нашими предками. Встреча со всем этим лицом к лицу не сулит ничего хорошего.

Данеллиане вмешались, потому что под угрозой оказалось само их существование. Для них темпоральные путешествия стары как мир, причем глупости, алчности и безумию не раз представлялась возможность проникнуть в прошлое и вывернуть историю наизнанку. Данеллиане не хотели запрещать эти путешествия (ибо это одна из составных частей того комплекса явлений, который привел к появлению их самих), но были вынуждены регулировать их. Группе Девяти не удалось осуществить свои планы. Тогда же, для поддержания порядка в этой сфере, был создан Патруль Времени.

Ваша работа будет протекать в основном в ваших собственных эпохах — если вы не получите статуса агента-оперативника. Вы будете жить, как и все, иметь семью и друзей. Скрытая от других сторона вашей жизни принесет вам удовлетворение: она даст деньги, защиту, возможность проводить отпуск в очень интересных местах. Но, главное, вы будете ощущать чрезвычайную важность вашей работы. Вы всегда должны быть готовы к вызову. Иногда вам придется помогать темпоральным

путешественникам, столкнувшимся с теми или иными трудностями, иногда — выполнять особые задания, становясь на пути новоявленных конкистадоров — политических, военных или экономических. Бывает и так, что зло уже свершилось; тогда, по горячим следам, Патруль предпринимает контрмеры, которые должны вернуть ход истории в нужное русло.

Желаю всем вам удачи!

Обучение началось с физической и психологической подготовки. Эверард впервые осознал, сколь неполноценно жил раньше — и физически, и духовно: в сущности, он был лишь наполовину тем, кем мог бы стать. Эти тренировки давались ему нелегко, но тем радостнее было впоследствии ощущать полный контроль над своим телом, над эмоциями, которые, благодаря дисциплине чувств, стали глубже, осознавать, насколько быстрее и точнее стал он мыслить.

В процессе обучения у него был выработан рефлекс против разглашения сведений о Патруле: в беседе с непосвященными он теперь не смог бы даже намекнуть на существование такого института. Это стало для него совершенно невозможным — как прыжок на Луну. Кроме того, он изучил все уголки и закоулки психики человека двадцатого века.

Темпоральный — искусственный язык, на котором патрульные всех времен и народов разговаривали друг с другом, не опасаясь посторонних, был чудом простоты и выразительности.

Эверард полагал, что хорошо разбирается в военном деле, но здесь ему пришлось освоить боевые приемы и оружие многочисленных поколений, живших на протяжении пятидесяти тысяч лет: и приемы фехтования бронзового века, и циклический бластер, способный аннигилировать целый континент. При возвращении в свое время его снабдят небольшим арсеналом, но в случае командировок в другие эпохи явные анахронизмы разрешались только в крайних случаях.

Затем началось изучение истории, естественных наук, искусств и философии, а также особенностей произношения и поведения. Последнее относилось только к периоду между 1850 и 1975-м годами; перед выполнением заданий в других временных отрезках патрульный должен был получить сеанс гипнопедического инструктажа. Именно гипнопедия позволила пройти весь курс обучения за три месяца.

Эверард ознакомился с организацией Патруля Времени. Где-то «впереди», в таинственном будущем лежала цивилизация данеллиан, но прямая связь с ней почти отсутствовала.

Патруль был сформирован на полувоенный манер — со званиями, но без уставных формальностей. История делилась на регионально-временные интервалы; в каждом из них действовала сеть резидентур, подчинявшихся региональному штабу, который размещался под вывеской какой-нибудь фирмы в крупном городе одного из двадцатилетий данного периода. В его времени таких отделений было три: Запад, Россия и Азия. Их штаб-квартиры находились в Лондоне, Москве и Бэйпине (так тогда назывался Пекин) беззаботного двадцатилетия 1890—1910-х, когда маскировка не требовала таких усилий, как в последующие годы, которые контролировались только небольшими филиалами, такими, как «Компания прикладных исследований». Рядовой работник резидентуры жил обычной жизнью обычного гражданина своего времени. Темпоральная связь осуществлялась курьерами или крохотными автоматическими капсулами, снабженными устройством, исключающим появление двух разных посланий одновременно.

Организация была настолько огромна, что Эверард иногда сомневался в ее реальности. И он все еще не мог оправиться от потрясения, вызванного новизной и необычностью происходящего...

Наставники относились к своим подопечным по-дружески и при случае были не прочь с ними поболтать. Как-то раз с Эверардом разговорился седой ветеран, сражавшийся в Марсианской войне 3890 года, а теперь обучавший их управлению космическими кораблями.

— Вы, ребята, схватываете все буквально на лету. С кем приходится адски трудно, так это с парнями из доиндустриальных эпох. Мы теперь даем им только азы и даже не пытаемся двинуться дальше. Был тут у нас один римлянин времен Цезаря — толковый малый, но у него никак не укладывалось в голове, что машину нельзя понукать, как лошадь. А вавилоняне вообще не представляют, что во времени можно путешествовать. Приходится кормить их россказнями о битвах богов.

— А чем вы кормите нас? — спросил молчавший до этого Уиткомб.

Космический волк, сощурившись, взглянул на англичанина.

— Правдой, — ответил он. — Той, которую вы в состоянии принять.

— А как здесь оказались вы?

— Нас накрыли неподалеку от Юпитера. По правде говоря, от меня осталось совсем немного. Это немногое забрали

сюда и вырастили для меня новое тело. Из моих людей не уцелел никто, меня самого считали погибшим, поэтому возвращаться домой не имело смысла. Жить по указке Корпуса Управления — радости мало. Вот я и обосновался здесь. Отличная компания, работа непыльная, отпуск в любую эпоху. — Он усмехнулся. — Погодите, вот попадете еще в период упадка Третьего Матриархата! Веселая там жизнь, скажу я вам.

Эверард молчал. Он был просто зачарован зрелищем огромной Земли, поворачивающейся на фоне звезд.

С однокурсниками Эверард подружился. Их объединяло очень многое — да и как могло быть иначе? Ведь в Патруль отбирали людей сходного типа, со смелым и независимым складом ума. Завязалось несколько романов. Разлучать возлюбленных никто не собирался, и они сами выбирали, в какой год — его или ее — им отправиться после учебы. Девушки Эверарду нравились, но головы он старался не терять.

Как ни странно, но самая прочная дружба возникла у него с молчаливым и угрюмым Уиткомбом. Что-то привлекало его в англичанине: славный малый и вдобавок хорошо образованный. Славный, но какой-то потерянный...

Однажды они отправились прогуляться верхом — на лошадях, отдаленные предки которых спасались сейчас бегством из-под копыт своих гигантских потомков. В надежде подстрелить кабана-секача, которого он недавно видел поблизости, Эверард взял с собой ружье. Оба были одеты в форму Академии: легкие шелковистые серые костюмы, дававшие ощущение прохлады даже под палящими лучами желтого солнца.

— Не пойму, почему нам разрешают охотиться, — заметил Эверард. — Допустим, я убью саблезубого тигра — скажем, в Азии, — который при других обстоятельствах съел бы одного из насекомоядных предков человека. Разве будущее от этого не изменится?

— Нет, — ответил Уиткомб, успевший продвинуться в изучении теории темпоральных перемещений гораздо дальше своего товарища. — Понимаешь, пространственно-временной континуум ведет себя как сеть из тугих резиновых лент. Его нелегко деформировать — он всегда стремится возвратиться к своему «исходному» состоянию. Судьба одного насекомоядного не играет никакой роли, все определяется суммарным генофондом популяции, который достанется затем человеку.

Точно так же, убив в эпоху средневековья одну овцу, я вовсе не уничтожаю тем самым все ее потомство, которым,

году к 1940-му, могут стать все овцы в мире. Несмотря на гибель своего далекого предка, овцы останутся там же, где и были, причем с теми же самыми генами: дело в том, что за такой длительный период все овцы (и люди тоже) становятся потомками всех ранее существовавших особей. Компенсация, понимаешь? Какой-нибудь другой предок рано или поздно передает потомкам те гены, которые ты считал уничтоженными.

Или вот, допустим, я помешал Буту убить Линкольна. Даже если я сделал это со всеми возможными и невозможными предосторожностями, то скорее всего Линкольна застрелит кто-нибудь другой, а обвинят все равно Бута.

Только из-за этой эластичности времени нам и разрешают путешествовать в прошлое. Если ты захочешь что-нибудь изменить, то тебе придется как следует все изучить, а потом еще и изрядно попотеть...

Он презрительно скривил губы.

— Внушение! Нам все твердят и твердят, что если мы вмешаемся в ход истории, то нас накажут. Мне нельзя вернуться в прошлое и застрелить этого проклятого ублюдка Гитлера в колыбели! Нет, я должен позволить ему вырасти, развязать войну и убить мою девушку...

Какое-то время Эверард ехал молча. Тишину нарушали только скрип кожаных седел да шелест высокой травы.

— Прости, — наконец сказал он. — Ты... ты хочешь рассказать об этом?

— Да. Правда, рассказ будет коротким. Ее звали Мэри Нельсон, она служила в женских вспомогательных частях ВВС. После войны мы собирались пожениться. В 1944 году она была в Лондоне. Все случилось семнадцатого ноября — я никогда не забуду эту дату. Она пошла к соседям — понимаешь, у нее был отпуск и она жила у матери в Стритеме. Тот дом, куда она пришла, был разрушен прямым попаданием снаряда «фау», а ее собственный дом совершенно не пострадал.

Кровь отхлынула от щек Уиткомба. Он уставился невидящим взглядом в пространство перед собой.

— Будет чертовски трудно не... не вернуться назад, хотя бы за несколько лет до этого. Только увидеть ее, больше ничего... Нет, я не осмелюсь.

Не зная, что сказать, Эверард положил руку на плечо товарища, и они молча поехали дальше.

Несмотря на то что каждый занимался по индивидуальной программе, к финишу все пришли одновременно. После крат-

кой официальной церемонии выпуска началась шумная вечеринка. Все клялись помнить друг друга и договаривались о будущих встречах. Затем каждый отправился в то время, откуда прибыл, с точностью до часа.

Выслушав поздравления, Эверард получил от Гордона список агентов-современников (некоторые из них работали в секретных службах вроде военной разведки) и вернулся в свою квартиру. Не исключено, что позднее ему подыщут работу на какой-нибудь станции слежения, а пока все его обязанности (для налоговой инспекции он числился специальным консультантом «Компании прикладных исследований») сводились к ежедневному просмотру десятка документов — он должен был искать в них все относящееся к темпоральным путешествиям. И быть наготове.

Случилось так, что первое задание он нашел для себя сам.

3

Было непривычно читать газетные заголовки, зная заранее, что за ними последует. Пропадал эффект неожиданности, но печаль не проходила, потому что трагичной была сама эпоха.

Ему стало понятнее желание Уиткомба вернуться в прошлое и изменить историю.

Но, конечно, возможности одного человека слишком ограничены. Вряд ли он изменит что-то к лучшему, разве что чисто случайно; скорее испортит все окончательно. Вернуться в прошлое и убить Гитлера и Сталина или японских генералов?.. Но их место могут занять другие, еще похлеще. Атомная энергия может остаться неоткрытой, а великолепный расцвет Венерианского Ренессанса так никогда и не наступит. Ни черта мы не знаем...

Он выглянул в окно. В чахоточном небе мерцали отблески городских огней, улицу заполняли автомобили и спешащая куда-то безликая толпа. Небоскребы Манхэттена отсюда не были видны, но Эверард и так мог представить, как они надменно вздымаются к облакам. И все это — только один водоворот на Реке Времени, протянувшейся от мирного доисторического пейзажа Академии до невообразимого будущего данеллиан. Сколько триллионов человеческих существ жило, смеялось, плакало, работало, надеялось и умирало в ее струях!

Ну что ж... Эверард вздохнул, раскурил трубку и отвернулся от окна. Долгая прогулка не уменьшила его беспокойст-

ва: несмотря на поздний час, тело и мозг настоятельно требовали действия... Он подошел к книжной полке, выбрал наугад книгу и раскрыл ее. Это был сборник рассказов об Англии времен королевы Виктории и Эдуарда VII.

Внезапно одна из сносок в тексте привлекла его внимание — всего несколько фраз о трагедии в Эддлтоне и о необычной находке в древнем бриттском кургане. Темпоральное путешествие? Он улыбнулся своим мыслям.

И все же...

«Нет, - подумал он. — Ерунда».

Все же проверить стоит, хуже от этого не будет. Судя по сноске, произошло это в Англии в 1894 году. Можно пролистать старые подшивки лондонской «Таймс». Хоть какое-то занятие...

Похоже, что другой цели у этой глупой затеи с просмотром газет и не было: просто изнывавший от скуки мозг ухватился за первую попавшуюся идею.

До открытия публичной библиотеки еще оставалось время, а он уже стоял на ступенях перед входом.

Первая статья была датирована 25 июня 1894 года, за ней последовали еще несколько. Эддлтон, небольшой поселок в графстве Кент, был известен, главным образом, поместьем времен короля Якова, принадлежавшим лорду Уиндему, и древним могильным курганом. Владелец поместья, страстный археолог-любитель, занялся раскопками, воспользовавшись помощью эксперта Британского музея Джеймса Роттерита, приходившегося ему родственником. Лорд Уиндем обнаружил захоронение, но довольно бедное: несколько полусгнивших и проржавевших предметов, а также человеческие и лошадиные кости. Там же находился ящичек, выглядевший, в отличие от всего остального, как новенький и наполненный слитками неизвестного металла, предположительно какого-то сплава свинца или серебра. Лорд Уиндем вскоре слег от неизвестной болезни с признаками отравления сильнодействующим ядом. Косвенные улики указывали на то, что Роттерит подсыпал своему родственнику какого-то восточного снадобья. 25 июня лорд Уиндем скончался, и в этот же день Скотланд-Ярд арестовал ученого. Семья Роттерита наняла известного частного детектива, который путем остроумных рассуждений, подтвержденных опытами на животных, сумел доказать, что обвиняемый невиновен и что причиной смерти лорда Уиндема явилась «смертоносная эманация», исходящая от слитков. Роттерит, который только заглядывал в ящик, не пострадал.

Ящик вместе с его содержимым выбросили в Ла-Манш. Все поздравляют детектива. Конец фильма.

Эверард еще некоторое время сидел в длинном тихом зале. Да, негусто. Хотя, конечно, это происшествие наводит на вполне определенные мысли.

Но почему в таком случае викторианское отделение Патруля не провело расследования? Или провело? Вероятно. Вряд ли они станут оповещать всех о его результатах.

И все-таки докладную записку послать стоит.

Вернувшись в квартиру, Эверард взял одну из выданных ему маленьких почтовых капсул, вложил в нее рапорт, набрал координаты лондонского отделения и дату: 25 июня 1894 года. Когда он нажал на последнюю кнопку, капсула исчезла. С приглушенным хлопком воздух заполнил пространство, где она только что находилась.

Через несколько минут капсула возникла на прежнем месте. Эверард открыл ее и вынул большой лист бумаги с аккуратно напечатанным текстом. Ну да, конечно: пишущие машинки к 1894 году уже были изобретены. Он теперь владел скорочтением и прочел ответ за несколько секунд.

Милостивый государь!

В ответ на Ваше послание от 6 сентября 1954 г. подтверждаю сим его получение и выражаю искреннюю признательность за Ваше внимание. Расследование здесь только что началось, но в настоящий момент мы заняты предотвращением убийства Ее Величества, а также балканским вопросом, проблемой опиумной торговли с Китаем в 1890 г. (22370) и пр. Несмотря на то что мы можем, конечно, уладить текущие дела и вернуться затем назад, чтобы заняться Вашим вопросом, желательно не делать этого, поскольку одновременное нахождение в двух разных местах может оказаться замеченным. Поэтому будем весьма признательны, если Вы, а также квалифицированный британский агент сможете прибыть сюда для участия в расследовании. Если Вы не уведомите нас об отказе, будем ожидать Вас по адресу: Олд-Осборн-роуд, 14-Б, 26 июня 1894 г. в полночь.

С глубочайшей признательностью,

Ваш покорный слуга
Дж. Мэйнуэзеринг

Дальше следовала колонка пространственно-временных координат, плохо сочетавшаяся со всей этой цветистостью стиля.

Эверард позвонил Гордону и, получив его одобрение, договорился о подготовке темпороллера на «складе» компании. Затем он послал записку Чарльзу Уиткомбу в 1947 год, получил в ответ короткое «согласен» и отправился за машиной.

Темпороллер был оснащен антигравитационным генератором и напоминал мотоцикл с двумя сиденьями, но без руля и колес. Эверард ввел в машину координаты места, где должен был встретиться с Уиткомбом, нажал стартер и оказался на другом складе.

Лондон, 1947 год. Он на мгновение задумался, вспоминая, чем сейчас занимается тот Эверард, который на семь лет моложе... Он сейчас в Штатах, учится в колледже.

Протиснувшись мимо охранника, вошел Уиткомб.

— Рад увидеть тебя снова, старина, — сказал он, обменявшись с другом рукопожатиями. Осунувшееся лицо осветилось хорошо знакомой Эверарду обаятельной улыбкой. — Значит, викторианская эпоха?

— Она самая. Забирайся.

Эверард вводил новые координаты. Теперь их целью было учреждение, точнее, личный кабинет его главы.

Один миг, и все вокруг них преобразилось. Дубовая мебель, толстый ковер, горящие газовые светильники — перемена была разительной. Электрическое освещение в это время уже существовало, но солидная торговая фирма «Дэлхаус энд Робертс» за модой не гналась. Из кресла навстречу им поднялся крупный мужчина с густыми бакенбардами и моноклем. Несмотря на напыщенный вид, в Мэйнуэзеринге чувствовалась сила. Его безукоризненный оксфордский выговор Эверард понимал с большим трудом.

— Добрый вечер, джентльмены! Надеюсь, путешествие было приятным? Ах да, виноват... Ведь вы, кажется, еще новички в нашем деле? Поначалу это всегда приводит в замешательство. Помню, как был шокирован, попав в двадцать первый век. Все такое неанглийское... Но что поделаешь, так устроен мир! Только другая грань все той же вечно новой Вселенной... Вы должны меня извинить за недостаток гостеприимства: мы сейчас страшно заняты. Немец-фанатик, узнавший в 1917 году секрет темпоральных путешествий от какого-то беспечного антрополога, украл его аппарат и явился сюда, в Лондон, чтобы убить Ее Величество. На его поиски уходит чертовски много времени.

— Вы его найдете? — спросил Уиткомб.

— А как же. Но работа дьявольски сложная, джентльмены, особенно когда приходится действовать тайно. Мне хотелось бы нанять частного детектива, но единственный подходящий чересчур умен. Он действует по принципу, согласно которому, устранив заведомо невозможное, вы всегда приходите к истине, какой бы неправдоподобной она ни казалась. Однако боюсь, что идея темпоральных путешествий может показаться ему не столь уж неправдоподобной.

— Готов поспорить, это тот самый человек, который расследует Эддлтонское дело, — сказал Эверард. — Или он возьмется за него завтра? Впрочем, это неважно: мы уже знаем, невиновность Роттерита он сумеет доказать. Важно другое: есть все основания предполагать, что кто-то пробрался в прошлое к древним бриттам и затеял какую-то авантюру.

— Ты хочешь сказать, к саксам, — поправил друга Уиткомб, который успел навести справки. — Очень часто путают бриттов и саксов.

— Столь же часто путают саксов с ютами, — мягко заметил Мэйнуэзеринг. — Кент, насколько я помню, захватили юты. М-да... Одежда вот здесь, джентльмены. И деньги. И документы. Для вас подготовлено все. Мне иногда кажется, что вы, полевые агенты, не вполне осознаете, скольких трудов стоит управлениям проведение одной, даже самой незначительной операции. Ха! Пардон. У вас есть план действий?

— Думаю, да. — Эверард начал снимать одежду двадцатого века. — О викторианской Англии мы оба знаем вполне достаточно, чтобы не привлекать к себе внимания. Я, пожалуй, так и останусь американцем... Ах да, вы уже указали это в моих документах.

Мэйнуэзеринг помрачнел.

— Если, как вы говорите, инцидент с курганом попал даже в художественную литературу, то нас просто завалят докладными. Ваша пришла первой, за ней последовали две другие — из 1923 года и из 1960-го. Боже милосердный, ну почему мне не разрешают завести робота-секретаря?

Эверард сражался с непокорным костюмом. Размеры одежды для каждого патрульного хранились в архиве управления, и костюм пришелся ему впору, но только сейчас он смог оценить удобство одежды своего времени. Чертов жилет!

— Послушайте, — начал он. — Дело вряд ли окажется опасным. Поскольку сейчас мы находимся здесь, то оно должно было оказаться неопасным, а?

— Так-то оно так, — сказал Мэйнуэзеринг. — Но допустим, что вы, джентльмены, отправляетесь во времена ютов и обнаруживаете там этого нарушителя. Но вам не везет. Прежде чем вы успеваете выстрелить в него, он стреляет в вас сам. Возможно, он сумеет подкараулить и тех, кого мы пошлем после вас. Тогда ему удастся устроить промышленную революцию или что-нибудь в том же духе. История изменится. Поскольку вы попадете в прошлое до поворотного пункта, вы будете существовать и дальше... пусть в виде трупов. А мы... Нас здесь никогда не будет. И не было. Этого разговора никогда не было. Как сказано у Горация...

— Не беспокойтесь! — рассмеялся Уиткомб. — Сначала мы исследуем курган в этом времени, а потом вернемся к вам и решим, что делать дальше.

Он наклонился и начал перекладывать содержимое своего чемоданчика в чудовищное изделие из цветастого материала, называвшееся в конце девятнадцатого века саквояжем: два пистолета, изобретенные в далеком будущем физические и химические детекторы, а также крохотную рацию для экстренной связи с управлением.

Мэйнуэзеринг тем временем листал справочник Брадшо.

— Завтра утром вы можете уехать кентским поездом 8.23, — сказал он. — Отсюда до вокзала Чаринг-Кросс добираться не более получаса.

— Хорошо.

Эверард и Уиткомб снова уселись на темпороллер и исчезли. Мэйнуэзеринг зевнул, оставил записку секретарю и отправился домой. В 7.45 утра, когда роллер материализовался на том же самом месте, клерк уже сидел за своим столом.

4

Именно тогда Эверард впервые по-настоящему ощутил реальность темпоральных путешествий. Умом он их, конечно, воспринимал и раньше, в меру восторгался, но и только: чувствам они ничего не говорили. А теперь, проезжая по незнакомому Лондону в двухколесном кебе (самом настоящем кебе, запыленном и помятом, а вовсе не в имитирующем старину экипаже для катания зевак-туристов), вдыхая воздух, в котором, по сравнению с городом двадцатого века, было куда больше дыма и совсем не было выхлопных газов, наблюдая за уличной тол-

чеей — за джентльменами в цилиндрах и котелках, за чумазыми чернорабочими, за женщинами в длинных платьях (не за актерами, а за живыми людьми, разговаривающими и потеющими, веселыми и печальными — за людьми, занятыми своими делами), он с неожиданной остротой ощутил, что и сам находится здесь. Его мать еще не родилась, его дедушки и бабушки только что поженились. Президентом Соединенных Штатов был Гровер Кливленд, Англией правила королева Виктория, творил Киплинг, а последним восстаниям американских индейцев еще предстояло произойти... Да, это было настоящее потрясение.

Уиткомб волновался меньше, но и его не оставил равнодушным увиденный воочию один из дней былой славы Англии.

— Я начинаю понимать, — прошептал он. — Там, в будущем, все еще спорят, был ли этот период эпохой неестественных пуританских условностей и почти не прикрытой жестокости или последним расцветом клонящейся к упадку западной цивилизации. Но, глядя на этих людей, понимаешь, что справедливо и то и другое: историю нельзя втиснуть в рамки простых определений, потому что она складывается из миллионов человеческих судеб.

— Конечно, — сказал Эверард. — Это справедливо для любой эпохи.

Поезд оказался знакомым: он почти не отличался от тех, что курсировали по английским железным дорогам в 1954 году. Это дало Уиткомбу повод для едких замечаний о нерушимых традициях. Через несколько часов они прибыли на маленькую сонную станцию, окруженную ухоженными цветниками, и наняли там коляску, чтобы добраться до поместья Уиндема.

Вежливый констебль задал несколько вопросов и пропустил их. Они выдавали себя за археологов (Эверард — из Америки, Уиткомб — из Австралии), спешно приехавших в Англию, чтобы встретиться с лордом Уиндемом по поводу его находки, и потрясенных его безвременной кончиной. Мэйнуэзеринг, который имел связи, наверное, повсюду, снабдил их рекомендательными письмами от какого-то авторитета из Британского музея. Инспектор Скотланд-Ярда разрешил им осмотреть курган («Дело ясное, джентльмены, все улики налицо, хотя мой коллега и не согласен — ха, ха!»). Частный детектив кисло улыбнулся и окинул прибывших пристальным взглядом: в чертах его лица, да и во всей его высокой худой фигуре было что-то ястребиное. Повсюду за ним ходил прихрамывая какой-то коренастый усатый мужчина, по-видимому секретарь.

Продолговатый курган до самого верха зарос травой: расчищено было только место раскопок. Стены могильника когда-то были обшиты изнутри грубо обтесанными балками, но они давным-давно обрушились, и их сгнившие остатки валялись на земле.

— В газетах упоминался какой-то металлический ящичек, — сказал Эверард. — Нельзя ли на него взглянуть?

Инспектор кивнул и повел их к небольшой пристройке. Основные находки были разложены там на столе и представляли собой лишь куски ржавого металла и обломки костей.

— Хм-м... В высшей степени необычно, — сказал Уиткомб. Его взгляд был прикован к гладкой стенке небольшого сундучка, отливавшей голубизной: какой-то неподвластный времени сплав, которого в эту эпоху еще не знали. — Не похоже на ручную работу. Вряд ли такое можно сделать без станка, а?

Эверард осторожно приблизился. Он уже догадывался, что находится внутри, а человека, прибывшего из так называемого атомного века, не нужно учить, как действовать в подобных ситуациях. Он достал из саквояжа радиометр и направил его на ящик. Стрелка дрогнула — едва заметно, но...

— Интересная штучка, — заметил инспектор. — Могу ли я узнать, что это такое?

— Экспериментальная модель электроскопа, солгал Эверард.

Он осторожно открыл крышку ящика и подержал детектор над ним. Боже! Такого уровня радиоактивности достаточно, чтобы убить человека за сутки. Окинув взглядом несколько брусков с тусклым отливом, лежавших на дне ящика, он быстро захлопнул крышку и сказал дрогнувшим голосом:

— Будьте с этим поосторожней!

Благодарение небесам, кто бы ни был владельцем этого дьявольского груза, там, откуда он прибыл, умели защищаться от радиации!

Сзади бесшумно подошел частный детектив. Его худое лицо выражало охотничий азарт.

— Итак, сэр, вам известно, что это такое? — спокойно спросил он.

— Думаю, да.

Эверард вспомнил, что Беккерель откроет радиоактивность только через два года. Даже о рентгеновских лучах станет известно не раньше чем через год. Нельзя говорить ничего лишнего...

— Этот металл... В индейских племенах я слышал рассказы о редком металле, очень похожем на этот и чрезвычайно ядовитом...

— Очень любопытно. — Детектив принялся набивать большую трубку. — Вроде ртутных паров, так?

— Выходит, коробку в могильник подбросил Роттерит, — пробормотал полицейский.

— Инспектор, да вас просто засмеют! — перебил его детектив. — Я располагаю тремя убедительными подтверждениями полной невиновности Роттерита; загадкой оставалась только реальная причина смерти его светлости. Но, судя по словам этого джентльмена, все произошло из-за яда, находившегося в захоронении... Чтобы отпугнуть грабителей? Непонятно, однако, как у древних саксов оказался американский металл. Не исключено, что гипотеза о плаваниях финикийцев через Атлантику не лишена оснований. Когда-то у меня возникло предположение о наличии в уэльском языке халдейских корней, а теперь этому, похоже, нашлось подтверждение.

Эверард почувствовал вину перед археологией. Ладно, ящик скоро утопят в Ла-Манше и все о нем забудут. Под каким-то предлогом они с Уиткомбом быстро откланялись и ушли.

По пути в Лондон, оказавшись в купе, англичанин достал из кармана покрытый плесенью кусок дерева.

— Подобрал возле захоронения, — пояснил он. — По нему мы сможем определить возраст кургана. Дай-ка, пожалуйста, радиоуглеродный счетчик.

Он вложил кусочек дерева в приемное отверстие, повертел ручки настройки и прочел ответ:

— Тысяча четыреста тридцать лет, плюс-минус десяток. Курган появился... м-м... в 464 году; юты тогда только-только обосновались в Кенте.

— Если эти бруски до сих пор так радиоактивны, — пробормотал Эверард, — какими же они были первоначально, а? Ума не приложу, как можно совместить столь высокую радиоактивность с большим периодом полураспада, но, выходит, в будущем могут делать с атомом такие вещи, которые нам пока и не снились.

---

* Этим исследованием Шерлок Холмс занимался в 1897 году (см. рассказ А. Конан Дойла «Дьяволова нога»). — *Здесь и далее прим. пер.*

Они провели день как обычные туристы, а Мэйнуэзеринг, получивший полный отчет о командировке, рассылал тем временем запросы в различные эпохи и приводил в действие гигантскую машину Патруля. Викторианский Лондон заинтересовал Эверарда и даже, пожалуй, очаровал, несмотря на грязь и нищету.

— Мне хотелось бы жить здесь, — сказал Уиткомб, и на лице его появилось мечтательное выражение.

— Вот как? С их медициной и зубными врачами?

— Но зато здесь не падают бомбы! — В словах англичанина послышался вызов.

Когда они вернулись в управление, Мэйнуэзеринг уже собрал необходимую информацию. Заложив пухлые руки за спину и сцепив их под фалдами фрака, он расхаживал взад-вперед и, попыхивая сигарой, выкладывал новости.

— Металл идентифицирован с большой степенью вероятности. Изотопное топливо из тридцатого столетия. Проверка показывает, что купец из империи Инг посещал 2987 год, чтобы обменять свое сырье на их синтроп, секрет которого был утерян в эпоху Междуцарствия. Разумеется, он предпринял меры предосторожности и представлялся торговцем из системы Сатурна, но тем не менее бесследно исчез. Его темпомобиль тоже. Судя по всему, кто-то из 2987 года установил, кто он такой, а затем убил его, чтобы завладеть машиной. Патруль разослал сообщение, но машину тогда так и не нашли. Отыскали ее потом, в Англии пятого века, — ха-ха — двое патрульных, Эверард и Уиткомб!

Американец ухмыльнулся:

— Но если мы уже со всем управились, о чем тогда беспокоиться?

Мэйнуэзеринг изумленно взглянул на него.

— Дорогой мой, вы же еще ни с чем не управились! Для вас и для меня, с точки зрения нашего индивидуального биологического времени, эту работу еще предстоит сделать. И не думайте, пожалуйста, что успех предрешен, раз он зафиксирован в истории. Время эластично, а человек обладает свободой воли. Если вы потерпите неудачу, история изменится. Упоминание о вашем успехе пропадет из ее анналов, а моего рассказа об этом успехе не будет. Именно так это и происходило в тех считанных эпизодах, когда Патруль терпел поражение. Работа по этим делам все еще ведется, и если там достигнут наконец успеха, то история изменится и окажется, что успех

был как бы «всегда». Tempus non nascitur, fit,* если можно так выразиться.

— Ладно-ладно, я просто пошутил, — сказал Эверард. — Пора в путь. Tempus fugit,** — он умышленно воспользовался игрой слов, и его намек достиг цели: Мэйнуэзеринг вздрогнул.

Выяснилось, что даже Патруль располагает весьма скудными сведениями о времени появления англов, когда римляне покинули Британию и стала рушиться романо-британская цивилизация. Считалось, что этот период не заслуживает особого внимания. Штаб-квартира в Лондоне 1000 года выслала все имевшиеся в ее распоряжении материалы и два комплекта тогдашней одежды. Часового сеанса гипнопедии оказалось достаточно, чтобы Эверард и Уиткомб смогли бегло разговаривать на латыни, а также понимать основные диалекты саксов и ютов; кроме того, они усвоили обычаи тех времен.

Одежда оказалась крайне неудобной: штаны, рубахи и куртки из грубой шерсти, кожаные плащи; все это скреплялось многочисленными ремнями и шнурками. Современные прически исчезли под пышными париками цвета соломы, а чисто выбритые лица и в пятом веке вряд ли кого-нибудь удивят. Уиткомб вооружился боевым топором, а Эверард — мечом, сделанным из специальной высокоуглеродистой стали, но оба гораздо больше полагались на ультразвуковые парализующие пистолеты XXVI века, спрятанные под куртками. Доспехов не прислали, но в багажнике темпороллера нашлась пара мотоциклетных шлемов. Во времена самодельного снаряжения они вряд ли привлекут к себе чрезмерное внимание; к тому же они наверняка окажутся куда прочнее и удобнее тогдашних шлемов. Кроме того, патрульные захватили немного подуктов и несколько глиняных кувшинов с добрым английским элем.

— Превосходно! — Мэйнуэзеринг вынул из кармана часы и сверил время. — Я буду ждать вас обратно... э-ээ... скажем, в четыре часа. Со мной будут вооруженные охранники — на тот случай, если вы привезете нарушителя. Ну а после выпьем чаю.

Он пожал им руки.

— Доброй охоты!

Эверард уселся на темпороллер, установил на пульте управления координаты кургана в Эддлтоне (год 464-й, лето, полночь) и нажал кнопку.

---

* Время не рождается само собой, а делается (*лат.*).

** Время бежит (*лат.*).

5

Было полнолуние. Вокруг простиралась большая пустошь, уходившая к темной полосе леса, закрывавшей горизонт. Где-то завыл волк. Курган уже был на месте: во времени у них получился недолет.

Подняв с помощью антигравитатора роллер вверх, они осмотрели окрестности, скрытые за густой и мрачной стеной леса. Почти в миле от кургана лежал хутор: усадьба из обтесанных бревен и кучка надворных построек. На притихшие дома безмолвно лился лунный свет.

— Поля обработаны, — отметил Уиткомб вполголоса, чтобы не нарушать тишину. — Как тебе известно, юты и саксы в большинстве своем были йоменами. Они и сюда-то пришли в поисках земель. Только представь: всего несколько лет, как отсюда изгнали бриттов.

— Нам надо разобраться с погребением, — сказал Эверард. — Может, стоит двинуться дальше в прошлое и засечь момент, когда курган насыпали? Пожалуй, нет. Безопаснее разузнать все сейчас, когда страсти уже улеглись. Скажем, завтра утром.

Уиткомб кивнул. Эверард опустил роллер под прикрытие деревьев и прыгнул на пять часов вперед. На северо-востоке вставало ослепительное солнце, высокая трава серебрилась от росы, гомонили птицы. Патрульные спрыгнули с роллера, и он тут же с огромной скоростью взлетел на высоту десять миль; оттуда его можно будет вызвать с помощью миниатюрных радиопередатчиков, вмонтированных в их шлемы.

Они, не таясь, подошли к деревне, отмахиваясь топором и мечом от набросившихся на них с лаем собак довольно дикого вида. Войдя во двор, они обнаружили, что он ничем не вымощен и плюс к тому утопает в грязи и навозе. Несколько голых взлохмаченных детей глазели на них из обмазанной глиной хижины. Девушка, доившая низкорослую коровенку, взвизгнула, крепыш с низким лбом, кормивший свиней, потянулся за копьем. Эверард поморщился. Он подумал, что некоторым горячим приверженцам теории «благородного нордического происхождения» из его века следовало бы побывать здесь.

На пороге большого дома появился седобородый мужчина с топором в руке. Как и все люди этого времени, он был на несколько дюймов ниже среднего мужчины двадцатого века.

Перед тем как пожелать гостям доброго утра, он встревоженно оглядел их.

Эверард вежливо улыбнулся.

— Я зовусь Уффа Хундингсон, а это мой брат Кнубби, — сказал он. — Мы ютландские купцы, приплыли сюда торговать в Кентербери (в пятом веке это название произносилось как «Кент-уара-байриг»). Мы шли от того места, где причалил наш корабль, и сбились с пути. Почти всю ночь проблуждали по лесу, а поутру вышли к твоему дому.

— Я зовусь Вульфнот, сын Альфреда, — ответил йомен. — Входите и садитесь с нами за стол.

Большая, темная и дымная комната была заполнена до отказа: здесь сидели дети Вульфнота с семьями, а также его крепостные крестьяне со своими женами, детьми и внуками. Завтрак состоял из поданной на больших деревянных блюдах полупрожаренной свинины, которую запивали из рогов слабым кислым пивом. Завязать разговор не составило труда: эти люди, как, впрочем, и обитатели любого захолустья, любили посудачить. Гораздо труднее оказалось сочинить правдоподобный рассказ о том, что происходит в Ютландии. Раз или два Вульфнот, который был совсем не глуп, ловил их на явных несоответствиях, но Эверард твердо отвечал:

— До вас дошли ложные слухи. Пересекая море, новости приобретают странный вид.

Он с удивлением обнаружил, что люди здесь не потеряли связи с родиной. Правда, разговоры о погоде и урожае не слишком отличались от подобных разговоров на Среднем Западе двадцатого века.

Только спустя некоторое время Эверарду удалось как бы невзначай спросить о кургане. Вульфнот нахмурился, а его толстая беззубая жена поспешно сделала охранительный знак, махнув рукой в сторону грубого деревянного идола.

— Негоже заговаривать об этом, — пробормотал ют. — Лучше бы чародея похоронили не на моей земле. Но он дружил с моим отцом, умершим в прошлом году, а отец не хотел никого слушать.

— Чародея? — Уиткомб насторожился. — Что это за история?

— Что ж, почему бы не рассказать ее? — Вульфнот задумался. — Чужеземца того звали Стейн, и появился он в Кентербери лет шесть назад. Должно быть, он пришел издалека, потому что не знал наречий англов и бриттов, но, став гостем

короля Хенгиста, вскоре научился говорить по-нашему. Он преподнес королю странные, но полезные дары и оказался хитроумным советчиком, на которого король стал полагаться все больше и больше. Никто не осмеливался перечить ему, ибо у него был жезл, метавший молнии. Видели, как он крушил с его помощью скалы, а однажды, в битве с бриттами, он сжигал им людей. Поэтому некоторые считали его богом Вотаном, но этого не может быть, ибо он оказался смертен.

— Вот оно что. — Эверард едва сдержал лихорадочное нетерпение. — А что он делал, пока был жив?

— Давал королю мудрые советы — я же говорил... Это он сказал, что здесь, в Кенте, мы не должны истреблять бриттов и звать сюда все новых и новых родичей из земли наших отцов, а напротив, должны заключить мир с жителями этого края. Мол, наша сила и их знания, которые они переняли у римлян, помогут нам создать могучую державу. Может быть, он и был прав, хотя я, признаться, не вижу особой пользы от всех этих книг и бань, а тем более — от их непонятного бога на кресте... Но, как бы то ни было, он был убит неизвестными три года назад и похоронен здесь как подобает: с принесенными в жертву животными и с теми вещами, которые его враги не тронули. Мы поминаем его дважды в год, и, надо сказать, его дух нас не тревожит. Но мне до сих пор как-то не по себе.

— Три года, — прошептал Уиткомб. — Понятно...

Не менее часа им потребовалось, чтобы откланяться, не обидев при этом хозяев. Вульфнот все-таки послал с ними мальчишку — проводить до реки. Эверард, не собиравшийся так далеко идти пешком, ухмыльнулся и вызвал темпороллер. Когда они с Уиткомбом устроились на сиденьях, он важно сказал пареньку, вытаращившему глаза от ужаса:

— Знай, что у вас гостили Вотан и Донар,* которые отныне будут оберегать твой род от бед.

Затем он нажал кнопку, и роллер переместился на три года назад.

— Теперь предстоит самое трудное, — сказал он, разглядывая сквозь кустарник ночную деревню. Могильного кургана еще не существовало, чародей Стейн был жив. — Устроить представление для мальчишки — дело нехитрое, но знать бы, как нам удалось вытащить этого Стейна из самого центра

---

* *Вотан* (Водан) и *Донар* — германские верховные боги, им соответствуют скандинавские Один и Тор.

большого и укрепленного города, в котором он вдобавок правая рука короля? К тому же у него есть бластер...

— Но у нас это, по-видимому, все же получилось, вернее, получится, — заметил Уиткомб.

— Ерунда! Ты же знаешь, что никаких гарантий это нам не даст... Если мы потерпим неудачу, то через три года Вульфнот будет рассказывать нам совсем другую историю, вероятно, о том, что Стейн находится в городе, — и он получит вторую возможность убить нас. Англия, которую он вытянет из Темных Веков к неоклассической культуре, превратится в нечто отличное от того, с чем ты познакомился в 1894 году... Интересно, что же Стейн затевает?

Он поднял темпороллер в небо и направил его в сторону Кентербери. В ночной темноте свистел рассекаемый воздух. Когда показался город, Эверард приземлился в небольшой рощице. В лунном свете белели полуразрушенные стены древнего римского города Дюровернума, испещренные черными пятнами — это юты латали их с помощью глины и бревен. После захода солнца в город было не попасть.

Роллер снова перенес их в дневное время суток — ближе к полудню — и опять взмыл в небо. Из-за завтрака, съеденного два часа назад (через три года), все время, пока они шли к городу по разбитой римской дороге, Эверард испытывал легкую дурноту. К городским воротам то и дело подкатывали скрипучие повозки, запряженные быками, — крестьяне везли на рынок продукты. Два мрачных стражника остановили Эверарда и Уиткомба возле ворот и потребовали, чтобы они назвались. На этот раз патрульные представились слугами торговца из Танета, посланными для переговоров с местными ремесленниками. Взгляды стражников оставались угрюмыми, пока Уиткомб не сунул им несколько римских монет; копья раздвинулись, можно было идти дальше.

Вокруг шумел, бурлил город, но и здесь стояла та же самая вонь, которая поразила Эверарда в деревне. Среди суетящихся ютов он заметил одетого на римский манер бритта, который брезгливо обходил кучи навоза, придерживая свою поношенную тунику, чтобы не прикоснуться к шедшим мимо дикарям. Зрелище жалкое и комичное одновременно.

Чрезвычайно грязный постоялый двор помещался в полуразрушенном доме с поросшими мхом стенами, в прошлом принадлежавшем, очевидно, богатому горожанину. Эверард и Уиткомб обнаружили, что здесь, в эпоху главенства натураль-

ного обмена, их золото ценится особенно высоко. Выставив выпивку, они без труда получили все нужные им сведения. «Замок Хенгиста находится в центре города... Ну, не замок — а скорее просто старое здание, непотребно разукрашенное по указке этого чужеземца Стейна... Не пойми меня превратно, приятель, это ложь, что наш добрый и отважный король пляшет под его дудку... К примеру, месяц назад... Ах да, Стейн! Он живет по соседству с королем. Странный человек, некоторые считают его богом... Да, в девушках он знает толк... Говорят, все эти мирные переговоры с бриттами — его затея. С каждым днем этих слизняков становится все больше, а благородному человеку нельзя даже пустить им кровь... Конечно, Стейн мудрец, я ничего против него не имею. Ведь он умеет метать молнии...»

— Что же нам делать? — спросил Уиткомб, когда они вернулись в свою комнату. — Ворваться и арестовать его?

— Вряд ли это возможно, — осторожно сказал Эверард. — У меня есть что-то вроде плана, но все зависит от того, чего добивается этот человек. Давай посмотрим, сможем ли мы получить аудиенцию.

Вдруг он вскочил с соломенной подстилки, служившей постелью, и принялся яростно чесаться.

— Черт возьми! Эта эпоха нуждается не в грамотности, а в хорошем средстве против блох!

Тщательно отреставрированный дом с белым фасадом и небольшим портиком перед входом выглядел неестественно чистым среди окружавшей его грязи. На ступеньках лениво развалились два стражника, но при появлении незнакомцев они мгновенно вскочили. Эверард сунул им несколько монет, представившись путешественником, разговор с которым наверняка заинтересует великого чародея.

— Передай ему, что пришел «человек из завтрашнего дня». — сказал он. — Это пароль, понимаешь?

— Чепуха какая-то. — недовольно буркнул стражник.

— А пароль и должен казаться чепухой, — важно ответил Эверард.

Недоверчиво покачав головой, тот потопал в дом. Ох уж эти новшества!

— Думаешь, мы поступаем правильно? — спросил Уиткомб. — Ведь теперь он будет начеку.

— Знаю. Но ведь такая шишка, как он, не станет тратить время на каждого незнакомца. А нам нужно действовать немедленно! Пока еще ему не удалось добиться устойчивых ре-

зультатов — он даже в легендах пока не утвердился, — но если Хенгист пойдет на прочный союз с бриттами...

Стражник вернулся и, что-то пробормотав, повел их в дом. Они поднялись по ступенькам, миновали внутренний дворик и оказались в атриуме — просторном зале, где добытые на недавней охоте медвежьи шкуры резко контрастировали с выщербленным мрамором и потускневшими мозаиками. Рядом с грубым деревянным ложем стоял поджидавший их человек. Когда они вошли, он поднял руку, и Эверард увидел узкий ствол бластера тридцатого века.

— Держите руки перед собой ладонями вверх, — мягко сказал человек. — Иначе мне придется испепелить вас молнией.

Уиткомб шумно вздохнул. Эверард ожидал чего-то подобного, однако и у него заныло под ложечкой.

Чародей Стейн оказался невысоким мужчиной, одетым в изящно расшитую тунику, которая наверняка попала сюда из какого-то бриттского поместья. Гибкое тело, крупная голова с копной черных волос и — что было неожиданно — симпатичное, несмотря на неправильные черты, лицо...

— Обыщи их, Эдгар, — приказал он, и его губы искривились в напряженной улыбке. — Вытащи все, что окажется у них под одеждой.

Неуклюже обшарив карманы, стражник-ют обнаружил ультразвуковые пистолеты и швырнул их на пол.

— Можешь идти, — сказал Стейн.

— Они не причинят тебе вреда, повелитель? — спросил солдат.

Стейн улыбнулся шире.

— С тем, что я держу в руке? Ну-ну. Иди.

Эдгар ушел.

«По крайней мере меч и топор остались при нас, — подумал Эверард. — Но пока мы на прицеле, толку от них немного».

— Значит, вы пришли из завтрашнего дня, — пробормотал Стейн. Его лоб внезапно покрылся крупными каплями пота. — Да, это меня интересует. Вы говорите на позднеанглийском языке?

Уиткомб открыл было рот, но Эверард опередил его, сознавая, что на кон сейчас поставлена их жизнь.

— Какой язык вы имеете в виду? — спросил он.

— Такой.

Стейн заговорил на английском — с необычным произношением, но вполне понятно для человека двадцатого века.

— Я х'чу знать, 'ткуда вы, к'кого врем'ни из, здесь что инт'р'сует вас. Правд г'в'рите, или я с'жгу вас.

Эверард покачал головой.

— Нет, — ответил он на диалекте ютов. — Я вас не понимаю.

Уиткомб быстро взглянул на него и промолчал, готовый поддержать игру американца. Мозг Эверарда лихорадочно работал: он понимал, что малейшая ошибка грозит им смертью, и отчаяние придало ему находчивости.

— В нашем времени мы говорим так...

И он протараторил длинную фразу по-испански, имитируя мексиканский диалект и немилосердно коверкая слова.

— Но... это же романский язык! — Глаза Стейна блеснули, бластер в его руке дрогнул. — Из какого вы времени?

— Из двадцатого века от Рождества Христова. Наша земля зовется Лайонесс. Она лежит за западным океаном...

— Америка! — Стейн судорожно вздохнул. — Когда-нибудь она называлась Америкой?

— Нет. Я не знаю, о чем вы говорите.

Стейн задрожал. Взяв себя в руки, он спросил:

— Вы знаете латынь?

Эверард кивнул.

Стейн нервно рассмеялся.

— Тогда давайте на ней и говорить. Если бы вы знали, как меня тошнит от здешнего свинского языка!..

Он заговорил на ломаной латыни, но довольно бегло — очевидно, он изучил ее здесь, в этом столетии, — затем взмахнул бластером.

— Извините за недостаток гостеприимства, но мне приходится быть осторожным!

— Разумеется, — сказал Эверард. — Меня зовут Менций, а моего друга — Ювенал. Мы историки и прибыли, как вы правильно догадались, из будущего. Темпоральные путешествия открыты у нас совсем недавно.

— А меня... Собственно говоря, меня зовут Розер Штейн. Я из 2987 года. Вы... слышали обо мне?

— Еще бы! — воскликнул Эверард. — Мы отправились сюда, чтобы разыскать таинственного Стейна, влияние которого на ход истории считается у нас решающим. Мы предполагали, что он может оказаться peregrinator temporis, то есть путешественником во времени. Теперь мы в этом убедились.

— Три года...

Штейн начал взволнованно расхаживать по залу, небрежно помахивая бластером. Но для внезапного броска расстояние между ними было все еще велико.

— Вот уже три года, как я здесь. Если бы вы знали, как часто я лежал без сна и гадал, удастся ли мой замысел. Скажите, ваш мир объединен?

— И Земля, и остальные планеты, — сказал Эверард. — Это произошло очень давно.

Его нервы были напряжены до предела. Их жизнь зависела сейчас от того, сможет ли он угадать, какую игру ведет Штейн.

— И вы свободны?

— Да. Хотя нами правит Император, законы издает Сенат, который избирается всем народом.

На лице этого гнома появилась блаженная улыбка. Штейн преобразился.

— Как я и мечтал... — прошептал он. — Благодарю вас.

— Значит, вы прибыли из своего времени, чтобы... творить историю?

— Нет, — ответил Штейн. - Чтобы изменить ее.

Слова прямо-таки хлынули из него, словно он многие годы хотел выговориться, но не мог этого сделать.

— Я тоже был историком. Случайно я встретился с человеком, выдававшим себя за торговца из системы Сатурна. Но я когда-то жил там и сразу разоблачил обман. Выследив его, я узнал правду. Он оказался темпоральным путешественником из очень далекого будущего. Поверьте, я жил в ужасное время. Как историк-психограф, я прекрасно понимал, что война, нищета и тирания, ставшие нашим проклятием, являются результатом не какой-то изначальной человеческой испорченности, а следствием довольно простых причин. Машинная технология, возникшая в разобщенном мире, обернулась против себя самой, войны становились все разрушительнее и охватывали все большие территории. Конечно, бывали мирные периоды, иногда даже довольно продолжительные, но болезнь укоренилась настолько, что конфликты стали неотъемлемой частью нашей цивилизации. Моя семья погибла во время одного из нападений венериан, и мне нечего было терять. Я завладел машиной времени после... после того, как избавился от ее владельца. Я понял, что главная ошибка была допущена в Темные Века. До этого Рим объединял огромную империю и мирно правил ею, а там, где царит мир, всегда появляется справедливость. Но к тому времени силы империи истощились и она пришла в упадок. Завоевавшие

ее варвары были полны энергии, от них можно было ожидать многого, но Рим быстро развратил и их. Теперь вернемся к Англии. Она оказалась в стороне от гниющего римского государства. Сюда пришли германские племена — грязные дикари, полные сил и желания учиться. В моей линии истории они попросту уничтожили цивилизацию бриттов, а потом, будучи интеллектуально беспомощными, попались в ловушку другой, куда более опасной цивилизации, позднее названной «западной». По-моему, человечество заслуживало лучшей участи...

Это было нелегко. Вы и представить себе не можете, как тяжело жить в другой эпохе, пока не приспособишься к ней, — даже если обладаешь могучим оружием и занятными подарками для короля. Но теперь я завоевал уважение Хенгиста и пользуюсь все большим доверием у бриттов. Я могу объединить два этих народа, воюющих с пиктами. Англия станет единым королевством: сила саксов и римская культура дадут ей могущество, которое позволит ей выстоять против любых захватчиков. Христианство, разумеется, неизбежно, но я предусмотрю, чтобы здесь утвердился такой его вариант, при котором религия учит и воспитывает людей, а не калечит их души. Постепенно Англия станет силой, способной установить контроль над континентальными странами и, наконец, над всем миром. Я останусь здесь до тех пор, пока не образуется коалиция против пиктов, а затем исчезну, пообещав вернуться позже. Если я буду появляться каждые пятьдесят лет на протяжении последующих нескольких столетий, то стану легендой, Богом. Так я смогу проверять, на правильном ли пути они находятся.

— Я много читал о святом Стейниусе, — медленно сказал Эверард.

— И я победил! — выкрикнул Штейн. — Я дал миру мир!

По его щекам текли слезы. Эверард приблизился к нему. Все еще не вполне доверявший им Штейн снова направил бластер ему в живот. Эверард небрежно шагнул вбок, и Штейн повернулся, чтобы держать его под прицелом. Но он был так возбужден рассказом о торжестве своего дела, что совершенно забыл об Уиткомбе. Эверард взглянул через его плечо на англичанина и сделал ему знак.

Уиткомб занес топор. Эверард бросился на пол. Вскрикнув, Штейн выстрелил из бластера, и в этот момент топор врезался ему в плечо. Уиткомб прыгнул вперед и схватил Штейна за руку с оружием. Тот застонал от напряжения, пытаясь повернуть бластер, но на помощь уже подоспел Эверард. Все смешалось.

Еще один выстрел из бластера, и Штейн моментально обмяк. Кровь, хлынувшая из ужасной раны в груди, забрызгала плащи патрульных.

В зал вбежали два стражника. Эверард быстро подобрал ультразвуковой парализатор и передвинул регулятор на полную мощность. Пролетевшее рядом копье задело его руку. Он дважды выстрелил, и массивные тела стражников осели на пол — теперь они не придут в себя в течение нескольких часов.

Пригнувшись, Эверард настороженно прислушался. Из внутренних покоев доносился женский визг, но в дверях больше никого не было.

— Думаю, мы выиграли, — отдышавшись, пробормотал он.

— Похоже...

Уиткомб уставился на мертвое тело, распростертое на полу. Оно показалось ему трогательно маленьким.

— Я не думал, что придется убить его, — сказал Эверард. — Но время... не переупрямишь. Наверное, так и было записано.

— Лучше уж такой конец, чем суд Патруля и ссылка на какую-нибудь планету, — добавил Уиткомб.

— По букве закона он был вором и убийцей, — заметил Эверард. — Правда, он пошел на это ради своей великой мечты.

— Которую мы разрушили.

— Ее могла разрушить история. Так скорее всего и было бы. Одному человеку для такого дела не хватит ни мудрости, ни сил... Мне кажется, большинство бед человечеству приносят фанатики с добрыми намерениями, вроде него.

— В таком случае нам что, нужно опустить руки и пассивно принимать все, что происходит? Так?

— Подумай о своих друзьях из 1947 года, — возразил Эверард. — Их бы попросту никогда не существовало.

Уиткомб снял плащ и попытался отчистить его от крови.

— Пора идти, — сказал Эверард и быстрым шагом направился к двери в глубине зала. Там пряталась наложница, которая испуганно вытаращила на него глаза.

Для того чтобы выжечь замок, пришлось воспользоваться бластером Штейна. В задней комнате находились темпомобиль из империи Инг, а также книги и несколько ящиков с оружием и снаряжением. Эверард загрузил в машину времени все, кроме ящичка с изотопным топливом. Его нужно оставить, чтобы в будущем они смогли узнать обо всем, вернуться в прошлое и остановить человека, который решил стать Богом.

— Может, ты доставишь все это в 1894-й, на склад компании? — спросил он. — А я отправлюсь туда на нашем роллере и встречусь с тобой в управлении...

Уиткомб долго смотрел на него, ничего не отвечая. Потом выражение растерянности на его лице сменилось решимостью.

— Все в порядке, дружище, — сказал англичанин. Он както грустно улыбнулся, а потом пожал Эверарду руку. — Ну, прощай. Желаю удачи.

Эверард провожал его взглядом, пока он не скрылся внутри гигантского стального цилиндра. Слова друга озадачили Эверарда, ведь через несколько часов их ждало чаепитие в 1894-м...

Беспокойство не покинуло его и после того, как он выбрался из дома и смешался с толпой. Чарли — парень со странностями. Ну что ж...

Эверард беспрепятственно покинул город, добрался до рощицы и вызвал туда темпороллер. Поблизости могли оказаться люди, которые непременно прибежали бы посмотреть на странную птицу, упавшую сюда с небес, но он тем не менее не стал спешить и откупорил флягу с элем: ему просто необходимо было выпить. Затем он окинул напоследок взглядом древнюю Англию и перенесся в 1894 год.

Как и было условлено, его встретил Мэйнуэзеринг со своими охранниками. Руководитель отделения встревожился, увидев, что патрульный прибыл один, а его одежда покрыта засохшей кровью. Но Эверард быстро всех успокоил.

Ему потребовалось довольно много времени, чтобы вымыться, переодеться и представить секретарю полный отчет об операции, и он думал, что Уиткомб вот-вот приедет в кебе, но англичанина все не было и не было. Мэйнуэзеринг связался со складом по рации, помрачнел и, повернувшись к Эверарду, сказал:

— Все еще не появился. Может, у него возникли неполадки?

— Вряд ли. Эти машины очень надежны. — Эверард закусил губу. — Не знаю, в чем дело. Может быть, он неправильно меня понял и вернулся в 1947 год?

Послав туда запрос, они установили, что Уиткомб не появлялся и там. Эверард и Мэйнуэзеринг отправились пить чай. Когда они вернулись в кабинет, новых сведений об Уиткомбе так и не поступило.

— Лучше всего обратиться к полевым агентам, — сказал Мэйнуэзеринг. — Я думаю, они смогут его отыскать.

— Нет, подождите.

Эверард остановился как вкопанный. Возникшее у него еще раньше подозрение переросло в уверенность. Боже, неужели...

— У вас есть какая-то догадка?

— Да, что-то в этом роде. — Эверард начал стаскивать с себя викторианский костюм. Его руки дрожали. — Будьте добры, доставьте сюда мою одежду двадцатого века, — попросил он. — Возможно, я сам смогу найти его.

— Вы должны предварительно сообщить Патрулю о ваших предположениях и дальнейших намерениях, — напомнил Мэйнуэзеринг.

— К черту Патруль!

6

Лондон, 1944 год. На город опустилась ранняя зимняя ночь; пронизывающий холодный ветер продувал улицы, затопленные мраком. Откуда-то донесся грохот взрыва, потом в той стороне над крышами заплясали языки пламени, похожие на огромные красные флаги.

Эверард оставил свой роллер прямо на мостовой (во время обстрела самолетами-снарядами «фау» улицы были пустынны) и медленно двинулся сквозь темноту. Сегодня семнадцатое ноября. Тренированная память не подвела его: именно в этот день погибла Мэри Нельсон.

На углу он нашел телефонную будку и стал просматривать справочник. Нельсонов там было много, но в районе Стритема значилась только одна Мэри Нельсон — скорее всего мать девушки. Пришлось допустить, что мать зовут так же, как и дочь. Точного времени попадания бомбы Эверард не знал, но мог легко установить его прямо здесь.

Когда он вышел из будки, совсем рядом полыхнул огонь и раздался грохот. Эверард бросился ничком на мостовую; там, где он только что стоял, просвистели осколки стекла. Итак, 1944 год, 17 ноября. Молодой Мэнс Эверард, лейтенант инженерных войск армии США, находился сейчас на другом берегу Ла-Манша, участвовал в наступлении на немецкие огневые позиции. Он не смог сразу вспомнить, где именно, и не стал напрягать память: это не имело значения. Он знал, что в той переделке с ним ничего не случится.

Пока он бежал к роллеру, позади полыхнуло еще раз. Он вскочил на сиденье и поднял машину в воздух. Зависнув над

Лондоном, он увидел внизу только море тьмы, испещренное огненными пятнами пожаров. Вальпургиева ночь — словно все силы ада сорвались с цепи!

Он хорошо помнил Стритем — скопление унылых кирпичных домов, в которых жили клерки, зеленщики, механики — та самая мелкая буржуазия, которая поднялась на борьбу против врага, поставившего на колени всю Европу, и одолела его. Там жила одна девушка — в 1943 году... Что ж, наверное, в конце концов она вышла замуж за кого-то другого...

Снизившись, он стал искать нужный адрес. Неподалеку взметнулся столб огня — как при извержении вулкана. Машину швырнуло в сторону, и Эверард едва не свалился с сиденья, однако успел заметить, что обломки рухнувшего здания охватил огонь. Всего в трех кварталах от дома Нельсонов! Он опоздал.

Нет! Эверард уточнил время — ровно 22.30 — и переместился на два часа назад. Было по-прежнему темно, но разрушенный дом стоял целый и невредимый. На какое-то мгновение ему захотелось предупредить всех, кто в нем жил. Но нет: люди гибнут сейчас по всему миру. Он не Штейн, чтобы взваливать всю ответственность за ход истории себе на плечи.

Криво улыбнувшись, он соскочил с роллера и прошел в подворотню. Что ж, он и не какой-нибудь проклятый данеллианин! Он постучал, дверь открылась. Из темноты на него смотрела женщина средних лет, и тут Эверард осознал, что появление американца в гражданском костюме должно показаться ей странным.

— Извините, — сказал он. — Вы знакомы с мисс Нельсон?

— Да, знакома. — Женщина колебалась. — Она живет поблизости и... скоро придет к нам. А вы... ее друг?

Эверард кивнул.

— Она попросила передать вам, миссис э-ээ...

— Миссис Эндерби.

— Ах да, конечно, миссис Эндерби. Я очень забывчив. Видите ли, мисс Нельсон просила меня передать, что она, к сожалению, не сможет прийти. Но она будет ждать вас вместе со всей вашей семьей у себя дома к половине одиннадцатого.

— Всех, сэр? Но дети...

— И детей тоже — всех до единого, обязательно. Она приготовила какой-то сюрприз — хочет показать вам что-то у себя дома. Вам непременно нужно прийти к ней всем.

— Ну что ж, сэр... Хорошо, если она так хочет.

— Всем — к половине одиннадцатого, без опоздания. До скорой встречи, миссис Эндерби.

Эверард кивнул на прощание и вышел на улицу.

Ладно, здесь сделано все, что можно. Теперь на очереди дом Нельсонов. Он промчался через три квартала, спрятал роллер в темной аллее и к дому подошел пешком. Теперь он тоже провинился, и вина его не меньше, чем у Штейна. Интересно, как выглядит планета, на которую его сошлют?..

Темпомобиля из империи Инг возле дома не было, а такую махину спрятать нелегко — значит, Чарли здесь еще не появился. Придется что-нибудь придумывать на ходу.

Стучась в дверь, Эверард все еще размышлял о том, к чему приведет спасение им семьи Эндерби. Дети вырастут, у них появятся свои дети — скорее всего ничем не примечательные англичане среднего класса. Но потом, спустя столетия, может родиться или, напротив, не родиться выдающийся человек. Да, пожалуй, время не так уж и неподатливо. За редким исключением совершенно неважно, кто были твои предки — все решают генофонд человечества и общественная среда. Впрочем, случай с семьей Эндерби как раз и может оказаться таким исключением.

Дверь ему открыла симпатичная девушка небольшого роста. В ее внешности не было ничего броского, но военная форма ей очень шла.

— Мисс Нельсон?

— Да, это я.

— Меня зовут Эверард, я друг Чарли Уиткомба. Можно войти? У меня есть для вас небольшой сюрприз.

— Я уже собиралась уходить, сказала девушка извиняющимся тоном.

— Вы никуда не пойдете, — брякнул он и тут же пошел на попятную, заметив ее возмущение: — Извините. Позвольте мне все вам объяснить.

Она провела его в скромную, тесно заставленную гостиную.

— Может, присядете, мистер Эверард? Только, пожалуйста, говорите потише. Вся семья уже спит, а утром им рано вставать.

Эверард устроился поудобнее, а Мэри присела на самый краешек софы, глядя на него во все глаза. Интересно, были ли среди ее предков Вульфнот и Эдгар? Да, наверняка... Ведь прошло столько веков. А может, и Штейн тоже.

— Вы из ВВС? — спросила она. — Служите вместе с Чарли?

— Нет, я из Интеллидженс сервис, поэтому приходится ходить в штатском. Скажите, когда вы в последний раз с ним виделись?

— Несколько недель назад. Сейчас он, наверное, уже высадился во Франции. Надеюсь, эта война скоро кончится. Как глупо с их стороны сопротивляться, ведь они же понимают, что им пришел конец, верно? — Она вскинула голову. — Так что у вас за новости?

— Я как раз к этому и хотел вернуться.

Эверард начал бессвязно рассказывать все, что знал о положении дел за Ла-Маншем. У него было странное чувство, будто он разговаривает с призраком. Рефлекс, выработанный долгими тренировками, не позволял ему сказать правду. Каждый раз, когда он пытался перейти к делу, язык переставал его слушаться...

— ...И если бы вы знали, чего стоит там достать пузырек обычных красных чернил...

— Извините, — нетерпеливо прервала его девушка. — Может, вы все-таки скажете, в чем дело? У меня действительно на сегодняшний вечер назначена встреча.

— Ох, простите... Ради Бога, простите. Видите ли, дело вот в чем...

Эверарда спас стук в дверь.

— Извините, — удивленно пробормотала Мэри и пошла в прихожую мимо наглухо зашторенных окон. Эверард бесшумно двинулся за ней.

Она открыла дверь, тихонько вскрикнула и отступила назад.

— Чарли!..

Уиткомб прижал ее к себе, не обращая внимания на то, что ютский плащ был вымазан еще не засохшей кровью. Эверард вышел в коридор. Разглядев его, англичанин опешил:

— Ты...

Он потянулся за парализатором, но Эверард уже вытащил свой.

— Не будь идиотом! Я твой друг, и я хочу помочь тебе. Выкладывай, что взбрело тебе в голову?

— Я... я хотел удержать ее здесь... чтобы она не ушла...

— И ты думаешь, что они не смогут выследить тебя? — Эверард перешел на темпоральный, единственно возможный язык в присутствии испуганной Мэри. — Когда я уходил от Мэйнуэзеринга, он вел себя дьявольски подозрительно. Если мы сделаем неверный ход, то все отделения Патруля будут

подняты по тревоге. Ошибку исправят любыми средствами — девушку скорее всего ликвидируют, а ты отправишься в ссылку.

— Я... — Уиткомб судорожно сглотнул. Его лицо окаменело от ужаса. — И ты... ты позволишь ей уйти из дома и погибнуть?

— Нет. Но нам нужно сделать все как можно аккуратнее.

— Мы скроемся... Найдем какую-нибудь эпоху подальше от всего этого... Если потребуется, то хоть в прошлое, к динозаврам.

Мэри оторвалась от Уиткомба и застыла с открытым ртом, готовая закричать.

— Замолчи! — одернул ее Эверард. — Твоя жизнь в опасности, и мы пытаемся тебя спасти. Если не доверяешь мне, положись на Чарли.

Повернувшись к англичанину, он снова перешел на темпоральный.

— Послушай, дружище, нет такого места или времени, где бы вы могли спрятаться. Мэри Нельсон погибла сегодня ночью — это исторический факт. В 1947 году среди живых ее не было. Это тоже уже история. Я и сам попал в идиотскую ситуацию: семья, которую она собиралась навестить, уйдет из дома до того, как туда попадет бомба. Если ты собираешься бежать вместе с ней, можешь быть уверен: вас найдут. Нам просто повезло, что Патруль пока еще сюда не добрался.

Уиткомб попытался взять себя в руки.

— Допустим, я прыгну вместе с ней в 1948 год, — сказал он. — Откуда тебе известно, что она не появилась внезапно вновь в 1948-м? Это событие тоже может стать историческим фактом.

— Чарли, ты просто не сможешь этого сделать. Попытайся. Давай, скажи ей, что ты собираешься отправить ее на четыре года в будущее.

— Рассказать ей?.. — простонал Уиткомб. — Но ведь я...

— Вот именно. Ты с трудом смог заставить себя преступить закон и появиться здесь, но теперь тебе придется лгать, потому что ты ничего не сможешь с собой поделать. И потом: как ты собираешься объяснять ее появление в 1948 году? Если она останется Мэри Нельсон — значит, она дезертировала из армии. Если она изменит имя, где ее свидетельство о рождении, аттестат, продовольственные карточки — все эти бумажки, которые так благоговейно почитают все правительства в двадцатом веке? Это безнадежно, Чарли.

— Что же нам делать?

— Встретиться с представителями Патруля и решить этот вопрос раз и навсегда. Подожди меня здесь.

Эверард был холоден и спокоен. У него просто не было времени, чтобы по-настоящему испугаться или хотя бы удивиться собственному поведению.

Выбежав на улицу, он вызвал свой роллер и запрограммировал его таким образом, чтобы машина появилась через пять лет, в полдень, на площади Пикадилли. Нажав кнопку запуска, он убедился, что роллер исчез, и вернулся в дом. Мэри рыдала в объятиях Уиткомба. Бедные, заблудившиеся в лесу дети, да и только, черт бы их побрал!

— Все в порядке. — Эверард отвел их назад в гостиную и сел рядом, держа наготове парализующий пистолет. — Теперь нам нужно подождать еще немного.

Действительно, ждать пришлось недолго. В комнате появился роллер с двумя людьми в серой форме Патруля. Оба были вооружены. Эверард мгновенно оглушил их зарядом небольшой мощности.

— Помоги мне связать их, Чарли, — попросил он.

Мэри смотрела на все это молча, забившись в угол.

Когда патрульные пришли в себя, Эверард стоял над ними, холодно улыбаясь.

— В чем нас обвиняют, ребята? — спросил он на темпоральном.

— Вы и сами знаете, — спокойно ответил один из пленников. — Главное управление приказало найти вас. Мы вели проверку на следующей неделе и обнаружили, что вы спасли семью, которая должна погибнуть под бомбежкой. Судя по содержанию личного дела Уиткомба, вы должны были затем отправиться сюда и помочь ему спасти эту женщину, которой тоже полагалось погибнуть сегодня ночью. Лучше отпустите нас, чтобы не отягчать свою участь.

— Но я ведь не изменил историю, — сказал Эверард. — Данеллиане остались там же, где и были, разве нет?

— Само собой, но...

— А откуда вы знаете, что семья Эндерби должна была погибнуть?

— В их дом попала бомба, и они сказали, что ушли оттуда только потому...

— Но они все-таки ушли из дома! Это уже исторический факт. И прошлое теперь пытаетесь изменить именно вы.

— А эта женщина...

— Откуда вы знаете, что какая-нибудь Мэри Нельсон не появлялась в Лондоне, скажем, в 1850 году и не умерла в преклонном возрасте году в 1900-м?

Патрульный мрачно усмехнулся.

— Стараетесь изо всех сил, да? Ничего не выйдет. Вы не сможете выстоять против всего Патруля.

— Вот как? А я ведь могу оставить вас здесь до прихода Эндерби. Кроме того, я запрограммировал свой роллер так, что он появится в многолюдном месте, а когда это произойдет, известно только мне. Что тогда случится с историей?

— Патруль внесет коррективы... как это сделали вы в пятом веке.

— Возможно! Но я могу значительно облегчить их задачу, если они прислушаются к моей просьбе. Мне нужен даneллианин.

— Что?

— То, что слышали, — отрезал Эверард. — Если нужно, я возьму ваш роллер и прыгну на миллион лет вперед. Я объясню им лично, насколько будет проще для всех, если они согласятся со мной.

— Этого не потребуется!

Эверард повернулся, и у него тут же перехватило дыхание. Ультразвуковой пистолет выпал из рук.

Глаза Эверарда не выдерживали сияния, исходившего от возникшей перед ними фигуры. Со странным сухим рыданием он попятился.

— Ваша просьба рассмотрена, — продолжал беззвучный голос. — Она была обдумана и взвешена за много лет до того, как вы появились на свет. Но тем не менее вы оставались необходимым связующим звеном в цепи времен. В случае неудачи в этом деле вы не смогли бы рассчитывать на снисхождение. Для нас является историческим фактом то, что некие Чарльз и Мэри Уиткомб жили в викторианской Англии. Историческим фактом является также и то, что Мэри Нельсон погибла вместе с семьей, которую она пошла навестить, в 1944 году, а Чарльз Уиткомб остался холостяком и впоследствии был убит при выполнении задания Патруля. Это несоответствие было замечено, и, поскольку даже малейший парадокс опасно ослабляет структуру пространства-времени, оно подлежало исправлению путем устранения одного из двух зафиксированных исторических фактов. Вы сами определили — которого.

Каким-то краешком потрясенного сознания Эверард уловил, что патрульные внезапно освободились от веревок.

Он узнал, что его роллер стал... становится... станет невидимым в момент материализации. Он узнал также, что отныне история выглядит следующим образом: Мэри Нельсон пропала без вести, по-видимому, погибла при взрыве бомбы, разрушившей дом семьи Эндерби, которая в это время находилась у Нельсонов. Чарльз Уиткомб исчез в 1947 году, по-видимому, утонул. Эверард узнал, что Мэри рассказали правду, подвергнув гипнообработке, не позволяющей ни при каких обстоятельствах раскрывать эту правду, и отправили вместе с Чарли в 1850 год. Он узнал, что они жили как обычные англичане среднего класса, хотя викторианская Англия так и не стала для них родным домом. Чарли поначалу часто грустил о том времени, когда работал в Патруле, но затем с головой ушел в заботы о жене и детях и пришел к выводу, что его жертва была не так уж велика.

Все это он узнал в одно мгновение. А когда черный водоворот, вобравший в себя сознание Эверарда, прекратил свое стремительное вращение и пелена, застилавшая его взгляд, пропала, данеллианина уже не было. Эверард снова повернулся к патрульным: чего он еще не знал, так это собственного приговора.

— Пошли, — сказал ему один из них. — Нам нужно уйти из дома, пока никто не проснулся. Мы доставим вас в ваше время, 1954 год, верно?

— А что потом? — спросил Эверард. Патрульный пожал плечами. Его напускное спокойствие скрыло еще не прошедшее потрясение от встречи с данеллианином.

— Отчитаетесь перед начальником сектора, — сказал он. — Все говорит о том, что вы не годитесь для обычной работы в резидентуре.

— Значит... разжалован и отправлен в отставку?

— Не нужно драматизировать ситуацию. Неужели вы думаете, что ваш случай — единственный в своем роде за миллион лет работы Патруля? Существует стандартная процедура... Разумеется, вам придется пройти переподготовку. Люди с таким типом личности, как у вас, больше подходят для оперативной работы — всегда и повсюду, в любых эпохах и местах, где они понадобятся. Думаю, это придется вам по душе.

Эверард кое-как забрался на роллер. А когда он с него слез, позади осталось десять лет.

Айзек Азимов

НЕПРЕДНАМЕРЕННАЯ ПОБЕДА

Космический корабль протекал как решето.

Так было заранее запланировано.

В итоге получилось, что во время полета с Ганимеда на Юпитер внутри корабля было столько же воздуха, сколько в самом жестком космическом вакууме. А поскольку на нем к тому же еще отсутствовали и обогревающие установки, этот вакуум имел и соответствующую температуру: лишь на долю градуса выше абсолютного нуля.

И это тоже не расходилось с задуманным планом. Такие пустяки, как отсутствие тепла и воздуха, никого не раздражали на этом космическом корабле специального назначения.

Уже за несколько миль до Юпитера в корабль начали просачиваться газы, из которых состояла юпитерианская атмосфера. Это был в основном водород, хотя, по-видимому, более тщательный газовый анализ мог бы обнаружить и следы гелия. Стрелки манометров медленно поползли вверх.

Когда корабль перешел на спиральный облет планеты, стрелки полезли вверх еще быстрее. Указатели ступенчато включенных приборов (каждая последующая ступень для более высокого давления) двигались до тех пор, пока не достигли уровня миллиона и более атмосфер, и тут показания манометров уже утратили свой смысл. Температура, фиксируемая посредством термопар, поднималась как-то вяло, будто ощупью, и наконец замерла где-то возле семидесяти градусов ниже нуля по Цельсию.

Корабль медленно приближался к цели, с трудом прокладывая путь сквозь месиво газовых молекул, сбитых друг с другом столь плотно, что сжатый водород перешел в жидкое состояние. Атмосфера была насыщена парами аммиака, поднимавшимися из невообразимо огромных океанов этой жидкости. Ветер, который начал дуть где-то в тысяче миль от поверхности, теперь дул с такой силой, о которой земные ураганы дают лишь отдаленное представление.

Isaac Asimov. Victory Unintentional. 1942
Перевод И. Почиталина.

Еще задолго до посадки на сравнительно большой остров (раз в семь превышающий Азиатский материк) было абсолютно ясно, что Юпитер — не самый лучший из миров.

Однако три члена экипажа думали иначе. Они были уверены, что Юпитер — планета вполне подходящая. Впрочем, эти трое были не совсем людьми, но и не совсем юпитерианами.

Это были просто роботы, сконструированные землянами для посылки на Юпитер.

Третий робот заявил:

— Место, кажется, довольно пустынное.

Второй согласился с ним и начал тоскливо разглядывать открытую всем ветрам местность.

— Вот там, вдали, виднеется что-то вроде искусственно возведенных строений, — сказал он. — Я полагаю, нам надо подождать, пока к нам не заявится кто-нибудь из местных обитателей.

Первый робот, сидя в дальнем углу кабины, выслушал двух других, но промолчал. Из них троих его сконструировали первым, так что он был наполовину экспериментальным. Вот почему он высказывался намного реже, чем его товарищи.

Ждать пришлось недолго. Откуда-то сверху вынырнул воздушный лайнер весьма странной конструкции. За ним еще. Затем подошла колонна наземных машин. Они заняли оборонительную позицию. Из машин вылезли какие-то живые существа, привезшие с собой множество непонятных предметов, по-видимому, оружие. Некоторые из них юпитериане перетаскивали в одиночку, другие группами, третьи шли своим ходом — видно, внутри находились водители.

Но роботы не могли ручаться за это.

Наконец Третий сказал:

— Кажется, мы окружены со всех сторон. Быть может, самое разумное сейчас выйти наружу и этим показать, что мы пришли к ним с миром. Согласны?

— Разумеется.

Первый робот распахнул тяжелую дверь, которая, кстати сказать, не была ни сильно армирована, ни особо герметизирована.

Их появление послужило сигналом к началу суматохи среди окруживших корабль юпитериан. Они закопошились возле самых крупных установок, и Третий робот заметил, как наружная оболочка его берилло-иридиево-бронзового тела стала нагреваться.

Он посмотрел на Второго.

— Чувствуешь? По-моему, они направили на нас тепловой излучатель.

Второй недоуменно спросил:

— Интересно, зачем?

— Наверняка какие-то тепловые лучи. Смотри!

По непонятной причине луч одного из тепловых генераторов отклонился и ударил по ручейку сверкающего чистого аммиака — тот яростно забурлил.

Третий обратился к Первому:

— Возьми это на заметку, слышишь?

— Ладно.

В обязанности Первого входила будничная секретарская работа, а его обычай все брать на заметку заключался в аккуратном внесении собственных умствований в имеющийся у него памятный свиток. Он уже собрал и записал час за часом показания каждого мало-мальски важного прибора на борту корабля в ходе полета на Юпитер.

— А как объяснить подобную реакцию? — с готовностью спросил он. — Наши хозяева, люди, видимо, пожелают это знать.

— Да никак. Или вот так, — поправился Третий, — укажи: без всякой видимой причины. И добавь: максимальная температура луча около плюс тридцати градусов по Цельсию.

Второй робот прервал их:

— Попробуем вступить в разговоры?

— Пустая трата времени, — отвечал Третий, — на этой планете лишь несколько жителей знают радиотелеграфный код, разработанный для связи между Юпитером и Ганимедом. Они вынуждены будут послать за одним из них, и как только тот прибудет, он быстро наладит с нами контакт. А пока что давайте понаблюдаем за ними. Откровенно говоря, я не понимаю, что они делают.

Он понял это не сразу. Тепловое облучение прекратилось, и были пущены в ход новые установки. К ногам наблюдавших роботов с необыкновенной быстротой и силой, вызванной мощным гравитационным полем Юпитера, упало несколько капсул. Они с треском раскололись — потекла голубая жидкость; образовались лужи, которые быстро стали испаряться и высыхать.

Свирепый вихрь понес испарения прочь, и юпитериане стали разбегаться от них в разные стороны. Вот один чуть замешкался, отчаянно заметался, захромал и, наконец, затих.

Второй робот наклонился, окунул палец в одну из луж и уставился на стекавшую каплями жидкость.

— Сдается мне, это обычный кислород, — промолвил он.

— Твоя правда, — согласился Третий. — Час от часу не легче. Опасные же они выкидывают номера, ведь я бы сказал, что кислород для них отрава. Один из них уже мертв!

Наступила пауза, а затем Первый робот, чрезмерная наивность которого подчас приводила к излишней простоте мышления, выдавил из себя:

— Может быть, эти странные существа с помощью таких вот детских штучек пытаются нас уничтожить?

Второй робот, потрясенный этой догадкой, воскликнул:

— А знаешь, Первый, мне кажется, ты прав!

В рядах юпитериан наступило временное затишье, а потом они притащили какую-то новую установку с тонким стержнем, устремленным вверх, в черный непроницаемый мрак, окутывающий планету. Под невероятным напором ветра стержень стоял неподвижно, что ясно свидетельствовало о его удивительной конструктивной прочности. Но вот на конце его раздалось потрескивание, а затем что-то сверкнуло, разгоняя мрак в густом тумане.

На мгновение роботы как бы погрузились в сияние, а затем Третий глубокомысленно заметил:

— Высоковольтное напряжение, и мощность довольно приличная. Пожалуй, ты не ошибся, Первый. Ведь нас на Земле предупреждали, что эти создания хотят уничтожить все человечество. А существа, настолько порочные, что могут затаить зло на человека, — при этом голос его задрожал, — вряд ли станут особо церемониться, пытаясь уничтожить нас.

— Какой позор иметь такие дурные наклонности, — сказал Первый. — Бедняги!

— Все это, конечно, весьма печально, — подтвердил Второй. — Давайте вернемся обратно на корабль. Думаю, с нас на сегодня хватит.

Они вернулись на корабль и уселись в ожидании. Как заметил Третий, Юпитер — планета огромная, так что надо набраться терпения, прежде чем дождешься, когда доставят к кораблю специалиста по радиокоду. Но терпения роботам не занимать стать.

И в самом деле Юпитер, согласно показанию хронометра, успел трижды обернуться вокруг своей оси, пока прибыл эксперт. Разумеется, слой плотной атмосферы толщиной в три тысячи миль создавал на поверхности планеты тьму кромешную, где восход и заход солнца ничего не означали и говорить о дне и ночи

было бессмысленно. Но поскольку ни юпитерианам, ни роботам, чтобы видеть, свет не был нужен, то это никого не волновало.

На протяжении этих тридцати часов юпитериане непрерывно штурмовали корабль с неутомимым нетерпением и настойчивостью, относительно которых Первый робот сделал немало заметок. Корабль каждый час атаковали различными способами, и роботы внимательно следили за каждой атакой, изучая виды оружия по мере того, как их распознавали, что отнюдь не всегда удавалось.

Но люди строили на славу.

Пятнадцать лет ушло на то, чтобы построить корабль и этих роботов, и их можно было охарактеризовать одним словом — сверхпрочные. Штурм окончился ничем: ни корабль, ни роботы от него не пострадали.

— По-моему, в этой атмосфере им не развернуться. Они не могут применить атомный заряд, так как только дырку прожгут в этом густом газовом супе, да и себя подорвут, — сказал Третий.

— Да, сильнодействующей взрывчатки они совсем не применяли, — заметил Второй, — и это хорошо. Нам-то она, конечно, не повредила бы, но могла расшвырять в разные стороны.

— Взрывчатка отпадает. Где нет расширения газов, там взрыв невозможен. А какой газ станет расширяться при таком атмосферном давлении?

— Хорошая атмосфера, — пробормотал Первый. — Мне очень нравится.

И это было вполне естественно, так как он был сконструирован специально для нее. Компания «Юнайтед Стейтс роботс энд мекэникл мен корпорейшн» впервые выпустила роботов, даже отдаленно не напоминавших людей. Они были приземистые, квадратные, с центром тяжести меньше чем в футе над землей. Шесть ног, массивных и толстых, даже на этой планете с ее гравитацией, в два с половиной раза большей, чем на Земле, могли поднять тонны груза. Чтобы компенсировать возросшее притяжение, в них вложили быстроту реакции, в сотни раз превосходящую реакцию нормального человека. Они были сконструированы из берилло-иридиево-бронзового сплава, способного противостоять любой коррозирующей среде и выдержать взрыв любой разрушительной силы (исключая разве тысячемегатонную бомбу) в каких бы то ни было условиях.

Короче, они были непробиваемы и обладали такой мощью, что стали единственными из всех выпущенных фирмой роботов, которым роботехники фирмы так и не решились приле-

пать именной серийный номер. Один головастый малый как-то предложил (и то шепотом) назвать их Робик Первый, Второй, Третий, но это предложение больше ни разу не повторялось.

Последние часы ожидания роботы провели за решением головоломной задачи — как, хотя бы приблизительно, описать внешний вид юпитериан. Первый отметил наличие щупалец и радиальной симметрии... и на этом застрял. Второй и Третий буквально вылезли из кожи вон, но так ни до чего и не додумались.

— Нельзя дать правильное описание, не прибегая к помощи сравнений, — заявил наконец Третий. — Эти существа ни на что не похожи... Они — за пределами позитронных связей моего мозга. Это все равно что пытаться описать гамма-лучи роботу, у которого нет приборов для их обнаружения.

В эту минуту шквал огня прекратился. Роботы переключили свое внимание на то, что происходило за стенками корабля.

К кораблю на редкость странным образом приближалась колонна юпитериан, но даже при самом внимательном осмотре было трудно сказать, с помощью чего они передвигаются. Как они при этом используют свои щупальца, оставалось загадкой. Иногда они делали какие-то скользящие движения, а затем перемещались необыкновенно быстро, возможно за счет ветра, поскольку они двигались с наветренной стороны.

Роботы вышли наружу, чтобы встретить юпитериан. Те остановились в десяти футах от корабля. Обе стороны замерли в молчании.

Второй сказал:

— Они должно быть, рассматривают нас, но вот как — не могу понять. Кто-нибудь из вас замечает у них фоточувствительные органы?

— Я нет, — проворчал Третий. — Я у них вообще не вижу ничего похожего на органы чувств.

Вдруг со стороны юпитериан послышался металлический клекот, и Первый робот удовлетворенно отметил:

— Радиотелеграфный код. Приехал специалист по связи.

Так оно и было. Роботы добились своего. Сложная система точек и тире, тщательно разработанная юпитерианами и землянами на Ганимеде, за двадцать пять лет превратилась в исключительно гибкое средство связи, наконец впервые использованное для непосредственного общения.

Один юпитерианин остался впереди, остальные отступили назад. Он повел переговоры. Клекочущий голос спросил:

— Откуда вы прилетели?

Третий робот, как наиболее развитый в интеллектуальном отношении, естественно, выступил в роли руководителя экспедиции.

— Мы с Ганимеда, спутника Юпитера.

— Что вам нужно? — задал юпитерианин следующий вопрос.

— Информация. Мы хотим исследовать вашу планету и увезти с собой новые сведения. Если бы мы могли надеяться на сотрудничество с вами...

Трескучая речь юпитерианина оборвала его:

— Вас надо уничтожить!

Третий помолчал, а потом задумчиво сказал своим товарищам:

— Они к нам относятся именно так, как нас об этом предупреждали люди на Земле. Странные все-таки существа. — Затем, обратившись к юпитерианину, он спросил по простоте душевной: — Почему?

Юпитерианин, очевидно, считал некоторые вопросы чересчур наглыми, чтобы на них отвечать. Он заявил:

— Если вы покинете Юпитер в течение наших суток, мы пощадим вас... до той поры, пока не выйдем в космос и не очистим Ганимед от всякого неюпитерианского сброда.

— Я хотел бы указать, что мы не с Ганимеда, а с одной из планет Сол... — начал было Третий.

Юпитерианин прервал его:

— Нашим астрономам известно о существовании Солнца и наших четырех спутников. Никаких других планет нет и быть не может!

Не желая ввязываться в спор, Третий робот согласился с этой точкой зрения.

— Ну, пусть с Ганимеда. Мы ничего худого против вас не замышляем. Мы готовы предложить вам дружбу. Двадцать пять лет вы охотно поддерживали связь с людьми на Ганимеде. Зачем же вдруг начинать войну против землян?

— Все эти двадцать пять лет мы стремились сделать жителей Ганимеда юпитерианами, — холодно ответил тот. — Когда же мы выяснили, что они не хотят этого, и установили, что они ниже нас по своему умственному развитию, тогда мы решили предпринять кое-какие шаги, чтобы смыть наш позор. — И он закончил внушительно, чеканя каждое слово: — Мы, юпитериане, не потерпим присутствия всякого сброда!

Повернувшись лицом к ветру, юпитерианин торжественно отступил назад. Очевидно, беседа на этом закончилась.

Роботы возвратились на свой корабль.

Второй робот сказал:

— Кажется, дела наши плохи. — И задумчиво добавил: — Все именно так, как нам говорили наши конструкторы. У этих юпитериан чрезмерно развитый комплекс превосходства да плюс к тому крайняя нетерпимость ко всему, что затрагивает этот комплекс.

— Нетерпимость проистекает отсюда же, — заметил Третий. — Беда в том, что эта нетерпимость подкреплена силой. У них есть оружие, а наука шагнула далеко вперед.

— Так вот почему нас специально инструктировали не обращать внимания на приказы юпитериан! Теперь я не удивляюсь! Это же просто пародия на высшие существа! — воскликнул Первый и добавил с присущими роботам доверием и преданностью людям: — Ни один человек никогда таким не станет.

— Все это верно, но сейчас речь не об этом, — сказал Третий. — Ясно одно: над нашими хозяевами нависла смертельная опасность. Юпитер — гигантская планета, а юпитериане и по количеству населения, и по ресурсам в тысячи раз превосходят землян. Если им удастся создать силовое поле, чтобы использовать его в качестве оболочки межпланетного корабля, как это сделали на Земле, то при желании они в два счета захватят всю Солнечную систему. Вопрос лишь в том, как далеко они продвинулись в этом направлении, какое еще оружие у них есть, что за приготовления они ведут. Вернуться с этими сведениями — вот наша задача, и нам следует подумать, что делать дальше.

— Трудненько же нам придется, — заметил Второй. — Юпитериане вряд ли пожелают нам помочь.

Это было сказано еще довольно мягко.

Третий робот призадумался на минутку, а затем сказал:

— Мне кажется, нам нужно только выждать. За эти тридцать часов они уже несколько раз пытались уничтожить нас, ничего не добившись. Они наверняка сделали все, что могли. В комплекс превосходства всегда входит извечное стремление спасти свой престиж, и предъявленный нам ультиматум доказывает, что в нашем случае дело обстоит именно так. Они бы никогда не позволили нам убраться восвояси, если бы могли нас уничтожить. Так что, если мы не улетим, они наверняка сделают вид, будто преследуя какие-то свои цели, сами захотели, чтобы мы остались.

И роботы снова принялись ждать. Прошел день. Атака не возобновлялась. Роботы не улетали. Угроза не подействовала.

И тогда перед роботами вновь предстал юпитерианский специалист по коду.

Если бы роботам этой модели было присуще чувство юмора, то они бы посмеялись от души. Ну, а сейчас просто они испытывали законное чувство удовлетворения.

Юпитерианин заявил:

— Мы решили позволить вам остаться на очень короткий срок для того, чтобы вы лично смогли убедиться в нашем могуществе. Затем вам надлежит вернуться назад на Ганимед и передать всему вашему сброду, что его неизбежно постигнет ужасный конец, едва Юпитер успеет один раз обернуться вокруг Солнца.

Первый робот отметил про себя, что юпитерианский год равен двенадцати земным.

Третий робот небрежно ответил:

— Спасибо. Давайте мы с вами отправимся в ближайший город. Нам бы хотелось о многом разузнать. — И подумав, добавил: — Надеюсь, наш корабль будет в целости и сохранности?

Последняя фраза прозвучала скорее как просьба, чем как угроза, ибо роботы этой модели никогда не были агрессивными. В их конструкции была полностью устранена всякая возможность даже малейшего раздражения. В ходе многолетних испытаний на Земле решающим требованием у столь мощных роботов являлось неиссякаемое хорошее настроение.

Юпитерианин заявил:

— Нас не интересует ваш корабль. Ни один юпитерианин не приблизится к нему, дабы не осквернять себя. Вы можете сопровождать нас, но ни в коем случае не должны подходить к кому-либо ближе чем на десять футов, иначе будете немедленно уничтожены.

— Ну, не спесивы ли они? — добродушно заметил Второй, когда они двинулись вперед, преодолевая ветер.

Город был портовый. Он стоял на берегу невообразимо огромного аммиачного озера. Яростный ветер вздымал свирепые пенистые волны, которые мчались с лихорадочной поспешностью, усиливаемой мощным притяжением планеты. Сам по себе порт не был ни большим, ни особо впечатляющим, и казалось совершенно очевидным, что основная часть сооружений находится под землей.

— Сколько жителей в этом городе? — спросил Третий робот.

— Город маленький, всего десять миллионов, — ответил юпитерианин.

— Понятно. Первый, возьми-ка это на заметку.

Первый робот автоматически выполнил приказ, а затем опять повернулся к озеру, на которое и раньше смотрел как зачарованный. Он тронул за локоть Третьего робота.

— Послушай, как ты считаешь, в нем водится рыба?

— А тебе не все равно?

— Я думаю, мы должны это узнать. Наши хозяева на земле приказали нам выяснить все, что можно.

Из трех роботов Первый был простейшей моделью, и значит, относился к разряду тех, кто любой приказ воспринимал буквально.

Второй робот сказал:

— Да пусть сходит и посмотрит, коль ему так хочется. Беды большой не будет от того, что мы позволим этому дитяти слегка порезвиться.

— Что ж, я не возражаю, пусть идет, но он просто зря потратит время. Рыба — это, конечно, не совсем то, за чем мы сюда прилетели. Давай, Первый, валяй!

В сильном возбуждении Первый робот побежал на берег и с плеском плюхнулся в озеро. Юпитериане внимательно следили за ним. Разумеется, они ничего не поняли из предыдущего разговора.

Специалист по коду отстучал:

— Кажется, ваш приятель при виде нашего могущества решил с горя покончить с собой.

Третий робот с удивлением ответил:

— Да что вы! Он просто решил исследовать вашу фауну, хочет узнать, могут ли живые организмы существовать в аммиачном озере. — И добавил, как бы извиняясь: — Наш друг временами бывает чрезмерно любопытен. Он не столь сообразителен, как мы, но это его единственный недостаток. Мы это понимаем и стараемся потакать ему по мере возможности.

Наступила длинная пауза, затем юпитерианин заметил:

— Он, наверное, утонул!

Третий робот возразил:

— Нам это не грозит. Мы не можем утонуть. Давайте, как только он вернется, сразу отправимся в город.

В эту минуту на расстоянии нескольких сот футов от берега поднялся огромный столб жидкости. Он бешено взметнулся вверх и рассыпался на мелкие брызги, уносимые ветром. Второй столб, третий, затем белый пенистый гребень побежал к берегу, оставляя за собой след и постепенно замедляя скорость.

Роботы на берегу с удивлением взирали на происходящее, а полная неподвижность юпитериан свидетельствовала о том, что они также смотрели с не меньшим интересом.

Потом на поверхность озера вынырнула голова Третьего робота и наконец он сам стал медленно выползать на берег. Но что там тянулось за ним вслед? Какое-то чудовище гигантских размеров, казалось, целиком состоящее из клыков, челюстей и игл. Через минуту стоящие на берегу уразумели, что огромное страшилище следует за роботом не по своей охоте, его тащит Первый робот. Все так и присели.

Первый, слегка робея, подошел к юпитерианам и сам повел переговоры. Он взволнованно отстучал юпитерианину:

— Весьма сожалею о случившемся, но эта тварь напала на меня. Я только о ней делал заметки. Надеюсь, это не ценный экземпляр?

Поскольку появление чудовища внесло замешательство в ряды юпитериан, ответ был получен не сразу. Они медленно приходили в себя, и после тщательного осмотра, подтвердившего, что животное на самом деле мертво, порядок наконец был восстановлен. Некоторые смельчаки из любопытства пинали распростертое тело.

Третий робот просительным голосом сказал:

— Надеюсь, вы извините нашего друга. Он временами бывает очень неуклюж. Мы совсем не собирались причинять вред вашим животным.

— Он напал на меня, оправдывался Первый. — Укусил без всякого повода. Посмотрите! — и робот ткнул пальцем в двухфутовый клык со сломанным острием. — Он сломал его о мое плечо и чуть меня не поцарапал. Я только слегка шлепнул его, чтобы отогнать прочь... а он взял да и умер. Простите меня!

Наконец юпитерианин, слегка заикаясь, заговорил трескучим голосом:

— Э-т-то дикое животное редко подходит так близко к берегу, хотя здесь и достаточно глубоко.

Третий робот обеспокоенно сказал:

— Если вы можете использовать его для еды, то мы будем только рады...

— Нет. Мы добудем пищу без помощи всякого сбро... других. Ешьте его сами.

Услышав это, Первый робот одним движением руки поднял чудовище и бросил его назад в озеро. Третий небрежно проронил:

— Спасибо на добром слове, но нам не нужна пища. Мы вообще ничего не едим.

Роботы в сопровождении примерно двухсот вооруженных юпитериан спустились по ряду наклонных плоскостей в подземный город. Если на поверхности город можно было счесть маленьким, незаметным, то под землей он оказался огромным мегалополисом.

Их тотчас же посадили в вагон, управляемый на расстоянии, — ибо ни один добропорядочный, уважающий себя юпитерианин не стал бы подвергать риску свое достоинство, усевшись рядом с каким-то сбродом, — и отправили со страшной скоростью к центру города. Они видели достаточно, чтобы прийти к выводу: город простирается миль па пятьдесят и уходит под землю на глубину не менее восьми миль.

— Если это типичный образчик развития юпитерианской цивилизации, то как можно привезти людям обнадеживающий отчет? — безрадостно констатировал Второй робот. — По сути говоря, мы наудачу высадились на огромной территории Юпитера; у нас был один шанс на тысячу, что мы окажемся вблизи действительно большого населенного центра. А это, как сказал эксперт по коду, всего лишь заштатный городишко.

— Десять миллионов жителей, — задумчиво молвил Третий робот. — А всего юпитериан должно быть несколько биллионов — много, слишком много даже для Юпитера. Цивилизация у них, видимо, полностью урбанистическая, а значит, наверняка неимоверно развита наука. Если у них уже есть силовые поля, то...

У Третьего робота не было шеи, ибо ради прочности голова в этих моделях была утоплена в грудную клетку и там намертво приклепана к корпусу, а нежный позитронный мозг защищен тремя раздельными слоями иридиевого сплава толщиной в дюйм. Но если бы таковая у него имелась, то он бы горестно закивал головой.

Но вот вагон остановился на открытом месте. Повсюду вокруг были видны широкие проспекты и большие здания с толпящимися юпитерианами, не менее любопытными, чем толпы землян в аналогичных обстоятельствах.

К роботам приблизился эксперт по коду и отстучал:

— Сейчас мне пора удалиться от дел до следующего рабочего цикла. Мы настолько пошли вам навстречу, что подыскали жилье, хотя последнее сопряжено для нас с большими неудобствами, ибо, как вы сами понимаете, здание потом при-

дется снести и на его месте построить другое. Тем не менее вы пока можете спать в нем.

Третий робот протестующе замахал руками и отстучал:

— Большое спасибо, но вы зря беспокоились. Мы ничего не имеем против того, чтобы расположиться прямо здесь. Если вам хочется спать, пожалуйста, не стесняйтесь. Мы подождем. Что же касается нас, — небрежно бросил робот, — то мы вообще никогда не спим.

Специалист по коду ничего не ответил, но будь у него лицо, интересно было бы на него взглянуть.

Он ушел, а роботы остались в вагоне, окруженные отрядами хорошо вооруженных стражников, стоявших сомкнутыми рядами.

Прошло много часов, пока стража, наконец, не расступилась, чтобы пропустить эксперта и двух незнакомых юпитериан, которых тот представил роботам:

— Это два члена центрального правительства, они милостиво согласились поговорить с вами.

Один из вновь прибывших, очевидно, знал код, ибо его треск резко оборвал эксперта.

Он обратился к роботам:

— Эй вы, скоты! Ну-ка, живо вылезайте из вагона! Дайте нам посмотреть на вас!

Роботы с такой готовностью поспешили выполнить приказание, что пока Второй и Третий выпрыгивали с правой стороны вагона, Первый робот рванулся через левую. Слово «через» здесь использовано с умыслом, ибо, поскольку робот не обратил внимания на механизм, опускающий вниз часть стены для выхода, то он снес ее своим корпусом, прихватив и два колеса с осью в придачу. Вагон рухнул. Первый робот стоял в замешательстве и не знал, что сказать, с удивлением разглядывая обломки.

Наконец он отстучал слова извинения:

— Я очень сожалею... Надеюсь, это не очень дорогая машина.

Второй робот добавил извиняющимся тоном:

— Наш приятель часто бывает неуклюж. Простите его, пожалуйста.

А Третий робот сделал робкую попытку починить вагон.

Первый робот попытался еще раз извиниться:

— Стенка вагона была не очень прочная. Глядите... — Он поднял метровую плиту трехдюймовой толщины из армированного металлом пластика и слегка надавил ее пальцем. Плита тотчас раскололась пополам. — Я учту это впредь, — пообещал он.

Представитель юпитерианского правительства, немного сбавив тон, сказал:

— Все равно вагон был бы уничтожен после того, как вы осквернили его своим пребыванием. — Он помолчал, а затем продолжал: — Жалкие создания. Нам, юпитерианам, чуждо вульгарное любопытство касательно низших существ, но наши ученые нуждаются в фактах...

— Мы целиком согласны с вами, — приветливо отвечал ему Третий робот, — мы тоже интересуемся фактами.

Юпитерианин проигнорировал его слова.

— У вас, видимо, нет органов ощущения массы. Каким же образом вы опознаете отдаленные предметы?

Третий робот сразу заинтересовался:

— Вы хотите сказать, что вы ощущаете массу тела непосредственно?

— Я здесь не затем, чтобы отвечать на вопросы всяких... на ваши наглые вопросы относительно нас.

— Я понял так, что предметы с очень малой массой для вас прозрачны даже при отсутствии излучения. — Третий робот обернулся ко Второму и сказал: — Так вот, оказывается, как они видят. Их атмосфера так же прозрачна для них, как космическое пространство.

Юпитерианин вновь начал отстукивать:

— Отвечайте на мой вопрос, или мое терпение истощится и я прикажу вас уничтожить!

Третий робот тотчас сказал:

— О юпитерианин, мы ощущаем лучистую энергию и при желании можем настроиться на любую длину волны по всему электромагнитному спектру колебаний. В настоящий момент мы видим на далекое расстояние путем излучения радиоволн, а на близкое — посредством... — он замолчал и обратился ко Второму роботу: — В коде есть обозначение для гамма-лучей?

— Насколько мне известно, нет, — отвечал Второй.

Третий робот опять обратился к юпитерианину:

— На близком расстоянии мы используем другой вид излучения, для которого в коде нет соответствующего слова.

— Из чего состоит ваше тело? — спросил тот.

Второй робот шепнул Третьему:

— Он, видимо, хочет узнать, почему его орган ощущения массы не может проникнуть сквозь нашу кожу. Ты же знаешь, высокая плотность. Следует ли сообщать ему об этом?

Третий робот неуверенно ответил:

— Люди нам ничего не говорили о том, какие сведения нам нужно держать в секрете. — А потом отстучал юпитерианину: — Мы состоим главным образом из иридия. Кроме того, в нас есть и медь, и олово, немного бериллия и масса других элементов.

Юпитериане отшатнулись, и по еле уловимому трепету различных сегментов их невыразимо страшных тел было видно, что они о чем-то оживленно переговариваются, хотя никто не издал и звука.

Затем правительственный чиновник вновь обратился к роботам:

— Существа с Ганимеда! Мы решили провести вас по некоторым нашим фабрикам, чтобы показать вам хотя бы ничтожную часть наших величайших достижений. Потом мы отпустим вас назад на Ганимед, с тем чтобы вы там сеяли уныние и страх среди остального сбро... остальных живых существ.

Третий робот шепнул Второму:

— Заметь особенность их психического склада. Им обязательно нужно доказать свое превосходство. И все лишь ради поддержания собственного престижа.

А затем он отстучал с помощью кода:

— Благодарим за предоставленную возможность.

Однако престиж был поддержан, в чем роботы довольно быстро убедились.

Демонстрация сил была похожа на поездку и осмотр Всемирной выставки. Юпитериане показывали каждую мелочь и объясняли буквально все, охотно отвечая на вопросы, так что Первый робот сделал сотни заметок, весьма неутешительных для землян.

Военный потенциал только этого так называемого захолустного города в несколько раз превышал потенциал Ганимеда. Десяток таких городов мог произвести столько продукции, сколько не производило все межпланетное государство землян. А ведь это была ничтожная часть той военной силы, которую мог выставить весь Юпитер.

Первый робот толкнул Третьего локтем, и тот обернулся:

— Ну, что тебе?

Первый серьезно спросил:

— Если у них есть силовые поля, то людям на Земле не сдобровать, ведь так?

— Боюсь, что так. А почему это тебя вдруг заинтересовало?

— Да потому, что они не показали нам правое крыло здания. Может быть, именно там изготавливаются силовые поля.

Если так, то, видимо, они хотят сохранить это в тайне. Хорошо бы выяснить. Ведь ты сам понимаешь, это основное.

Третий мрачно посмотрел на Первого:

— Может, ты и прав. Во всяком случае, упускать ничего нельзя.

Они как раз шли по огромному сталеплавильному заводу, разглядывая стофутовые балки из стойкой к воздействию аммиака кремнистой стали, которые завод выдавал по двадцать штук в секунду.

Третий робот равнодушным тоном спросил юпитерианина:

— Скажите, а что находится в том крыле?

Правительственный чиновник проконсультировался у администратора завода и сказал:

— Там термический цех. Множество технических процессов требует высоких температур, которых не выдержит ни один живой организм. Вот почему этими процессами управляют дистанционно.

Он направился к перегородке, от которой так и несло жаром, и показал на маленькие круглые отверстия, закрытые каким-то прозрачным материалом. Сквозь эти отверстия проникали дымчато-красные нити света — за стеной сквозь густой, мглистый воздух цеха виднелись пылающие горны.

Первый робот бросил недоверчивый взгляд на юпитерианина и отстучал:

— Ничего, если я зайду внутрь и осмотрю все как следует? Меня это очень заинтересовало.

Третий робот сказал:

— Брось дурить. Они не соврали. Впрочем, если хочешь, то валяй, только не задерживайся, нам надо еще многое успеть посмотреть.

— Вы, видимо, не представляете, какая там жара, — сказал юпитерианин. — Вы же там сгорите.

— О нет, — пренебрежительно заявил Первый робот, — нам жара нипочем.

Юпитериане немного посовещались между собой, затем ритмичная работа завода была нарушена столь непредвиденным случаем и началась суматоха. Установили экраны из теплопоглощающих материалов и открыли заслонку, которую до этого во время работы горнов ни разу не открывали. Первый робот вошел внутрь, и за ним тут же закрыли заслонку. Юпитериане прильнули к прозрачным окошечкам. Робот подошел к ближайшей плавильной печи и пробил летку. Поскольку он

ростом немного не вышел и не мог сверху заглянуть в печь, то он наклонил ее и выпустил часть жидкого металла в разливочный ковш. Он с любопытством взглянул на содержимое ковша, затем погрузил в него руку по локоть и начал мешать расплавленный металл, желая установить его консистенцию. Покончив с этим, он вытащил руку из ковша, стряхнул капли сверкающего металла на пол и обтер кисть руки об одно из своих шести бедер. Затем медленно прошелся вдоль плавильных печей и просигналил, чтобы его выпустили.

Когда он вышел из термического цеха, юпитериане отступили на приличное расстояние и обдали его струей жидкого аммиака, который, шипя и пенясь, испарялся до тех пор, пока температура тела у робота не снизилась.

Первый робот, не обращая ни малейшего внимания на аммиачный душ, сказал:

— Они не соврали. Никаких силовых полей там нет.

Третий робот начал было отчитывать его:

— Понимаешь ли... — но Первый немедленно прервал его:

— Не зря же я старался. Люди приказали нам выяснить все, разве не так? — И обратившись к юпитерианину, он отстучал решительно: — Послушайте, а юпитерианская наука получила силовые поля?

Прямота Первого робота была естественным следствием менее развитых умственных способностей. Два его товарища знали об этом и поэтому решили, что возражать бесполезно.

Юпитерианский чиновник постепенно выходил из состояния транса; невольно создавалось впечатление, что он тупо уставился на руку робота, ту самую, которую тот опускал в расплавленную сталь. Наконец он медленно произнес:

— Силовые поля?! Так это они вас главным образом интересуют?

— Да, — отчеканил Первый робот.

К юпитерианину прямо на глазах возвратилась самоуверенность, и он резко отстучал:

— Эй вы, сброд, пошли!

Третий робот заметил Второму:

— Ну вот, мы опять сброд. Похоже, что нас ждут неприятные вести.

Второй с грустью согласился.

События разворачивались на самой окраине города — в той части жилого массива, которую на Земле назвали бы при-

городом, - в одном из взаимосвязанных между собой зданий, весьма отдаленно напоминавших земной университет.

Никаких ответов и объяснений не давалось. Официальный представитель юпитерианского правительства быстро шел впереди, а роботы следовали за ним в полном убеждении, что сейчас они увидят самое худшее.

Конечно, не кто иной, как Первый робот, остановился перед раздвинутой частью стены, после того как остальные прошли.

— Что это такое? — спросил он.

Помещение было заставлено низкими маленькими скамейками, юпитериане крутились возле странных приборов, основную часть которых составлял мощный электромагнит длиной в дюйм.

— Что это такое? — опять спросил Первый робот.

Юпитерианин нетерпеливо обернулся.

— Это учебная биолаборатория для студентов. Вам она ни к чему.

— Но чем они тут занимаются?

— Изучают микрофлору. Вы что, микроскопа никогда не видели?

В разговор вмешался Третий робот:

— Видели, но другого типа. Наши микроскопы помогают органам зрения, чувствительным к энергии, и действуют за счет преломленных лучей. Ваши же, очевидно, основаны на принципе расширения массы. Весьма остроумно.

Первый робот спросил:

— Можно, я посмотрю некоторые ваши образцы?

— Да что в этом проку? Вы не можете пользоваться нашими микроскопами из-за своих сенсорных ограничений, и нам придется выкинуть образцы. Бросьте ерундить.

— Но мне и не нужен микроскоп, - - удивленно возразил робот. Я легко могу перестроиться и буду видеть не хуже, чем в микроскоп.

Он подошел к ближайшей скамейке, а все студенты отступили в дальний угол, чтобы не осквернить себя. Первый робот отодвинул юпитерианский микроскоп в сторону и начал внимательно разглядывать предметное стекло. Озадаченный, он отошел, взял второе стекло, третье... четвертое...

Вернувшись к ожидающим, он спросил юпитерианина:

— Я полагаю, образцы под микроскопами — живые, не так ли? Я имею в виду тех маленьких червячков...

Юпитерианин ответил:

— Разумеется.

— Странно, стоит мне на них взглянуть, как они тут же подыхают.

Третий робот обратился к двум своим товарищам:

— Мы же забыли, что испускаем гамма-лучи. Первый, пойдем-ка отсюда поживей, а то все образцы под микроскопом передохнут. — И он повернулся к юпитерианину: — Боюсь, что наше дальнейшее пребывание здесь может оказаться гибельным для более слабых форм жизни. Лучше нам уйти отсюда. Надеюсь, образцы не слишком трудно будет заменить. И коли на то пошло, вам тоже лучше держаться подальше от нас, а то как бы наше излучение не подействовало и на вас. Как вы себя чувствуете, нормально?

Юпитерианин двинулся прочь в гордом молчании, однако следует заметить, что с этого момента он стал держаться от них подальше.

Больше не было сказано ни слова, пока роботы не вошли в огромный зал. В самом центре его, несмотря на мощные силы притяжения Юпитера, висели в воздухе без всякой поддержки (точнее, с невидимой поддержкой) огромные бруски металла.

Правительственный чиновник отстучал:

— Вот вам ваше силовое поле в его окончательном виде. Внутри этой сферы вакуум, так что поле выдерживает давление нашей атмосферы плюс такое количество металла, вес которого равен массе двух больших космических кораблей. Ну, что вы на это скажете?

— Скажу, что теперь вы получили возможность выйти в космос, — ответил Третий робот.

— Правильно. Ни один пластик, ни один металл не удержат вакуум при нашем атмосферном давлении, а силовое поле — пожалуйста. И сфера силового поля будет нашим космическим кораблем. В течение года мы построим сотни тысяч таких кораблей. Затем тучей двинемся на Ганимед и расправимся с так называемыми разумными тварями, которые претендуют на мировое господство.

— Люди на Ганимеде никогда не претендовали... — начал было Третий робот.

— Молчать! — цыкнул на него юпитерианин. — А теперь возвращайтесь на свой Ганимед и расскажите всем, что вы тут видели. Те маломощные силовые поля, какие, к примеру, имеются на вашем корабле, не устоят против наших, потому что самый маленький наш корабль по величине и мощи будет в сотни раз превосходить ваши корабли.

— Тогда нам ничего больше не остается, как вернуться с этим сообщением, — ответил Третий робот. — Пожалуйста, доставьте нас обратно к нашему кораблю, и мы распрощаемся. Но между прочим, да будет вам известно, вы кое-что недопоняли. У нас на Ганимеде, конечно, есть силовое поле, но на нашем корабле его нет. Нам оно просто не нужно.

Робот повернулся и знаком приказал своим товарищам следовать за ним. Некоторое время они молчали, а потом Первый робот удрученно пробормотал:

— Давайте попробуем разрушить эту установку.

— Не поможет, — ответил Третий робот. — Они задавят нас числом. Так что бесполезно. В течение ближайшего десятилетия с нашими хозяевами будет покончено. Устоять против юпитериан невозможно. Их слишком много. Пока они были привязаны к Юпитеру, человечество находилось в безопасности. А сейчас, когда у них силовые поля... Мы можем лишь доставить людям эту печальную весть. Часть людей, конечно, еще сможет продержаться некоторое время в тайных убежищах, ну а потом...

Город остался позади. Роботы вышли на открытую равнину неподалеку от озера, туда, где на горизонте темным силуэтом вырисовывался их космический корабль, когда юпитерианин вдруг произнес:

— Эй вы, сброд! Вы сказали, что ваш корабль не имеет силового поля?

Третий робот равнодушно ответил:

— Нам оно не нужно.

— Как же тогда ваш корабль выдерживает космический вакуум? Ведь разность давлений должна разорвать его на куски!

И он изогнул щупальце, словно желая этим немым жестом дать понять, какова юпитерианская атмосфера, которая давит на вас с силой двадцать миллионов фунтов на квадратный дюйм.

— Все это очень просто, — ответил ему Третий робот. Наш корабль не герметизирован. Давление, что внутри, что снаружи — одинаковое.

— Даже в космосе? В вашем корабле вакуум? Вы лжете!

— Пойдите и убедитесь сами. Ни силового поля, ни герметичности. Что же в этом удивительного? Мы не дышим. Свою энергию мы получаем прямо из атомной. Есть воздух, нет его — нам это безразлично, и в вакууме мы чувствуем себя не хуже, чем рыба в воде.

— Но абсолютный нуль?

— Какое это имеет значение? Мы стабилизируем температуру своего тела. Окружающая температура нас не интересует. — Он помолчал, а затем добавил: — Ну, мы пойдем на корабль. Прощайте. Мы передадим людям на Ганимеде ваше заявление: война не на жизнь, а на смерть!

Однако юпитерианин сказал:

— Подождите немного. Я скоро вернусь.

Он повернул назад и поспешил в город.

Роботы остановились и стали молча ждать.

Прошло не меньше трех часов, прежде чем вернулся представитель центрального правительства Юпитера, а вернулся он запыхавшись. Он остановился, как обычно, в десяти футах от роботов, а затем пал ниц и в такой униженной позе пополз к ним. Он ничего не говорил до тех пор, пока его резиноподобная серая кожа не коснулась их, а затем отстучал покорно и уважительно:

— Досточтимые сэры! Я связался с главой нашего центрального правительства, который лишь теперь узнал обо всех обстоятельствах дела, и смею вас заверить, Юпитер хочет только мира.

— Прошу прощения, что вы сказали? — безучастно спросил Третий робот.

— Мы готовы возобновить контакты с Ганимедом и рады сообщить вам, что никаких попыток выйти в космос мы предпринимать не будем. Наши силовые поля будут использованы только для нужд самого Юпитера.

— Но... — заикнулся было Третий робот.

— Наше правительство охотно примет любого человека, которого наши досточтимые братья, люди на Ганимеде, пожелают к нам послать. Милостивые государи, если вы теперь удостоите нас чести и поклянетесь жить в мире...

К Третьему роботу протянулось покрытое чешуей щупальце юпитерианина, и тот, совершенно ошеломленный, пожал его. То же самое сделали Второй и Первый, когда им были протянуты два других щупальца.

Юпитерианин торжественно провозгласил: — Да здравствует вечный и нерушимый мир между Юпитером и Ганимедом!

Космический корабль, протекавший как решето, вновь находился в открытом космосе. Давление и температура опять упали. Роботы все смотрели на огромный, постепенно уменьшающийся шар под названием Юпитер.

— Они, конечно, искренне предлагали мир, — заметил Второй робот, — и мне очень приятно, что они повернули на 180°, но я никак не могу понять, в чем тут дело.

— Я думаю, юпитериане вовремя опомнились и поняли, сколь пагубна мысль о причинении зла людям, нашим хозяевам, — заметил Первый робот. — Так что все объясняется весьма просто.

Третий робот глубоко вздохнул и сказал:

— Видите ли, тут проблема чисто психологическая. Эти юпитериане обладают комплексом превосходства толщиной в милю, так что, когда им не удалось уничтожить нас, они пошли на все, только бы спасти свой престиж. Всякие их выверты, объяснения и рассказы были типичным бахвальством, чтобы пустить нам пыль в глаза, чтобы мы смирились перед их мощью и превосходством.

— Все это понятно, — прервал его Второй робот, — и все же почему...

Третий продолжал:

— Но получилось совсем не так, как они рассчитывали. Они преуспели только в том, что убедились — мы их во всем превосходим: мы не тонем, не едим и не спим, расплавленный металл нам не вредит. А отсутствие герметичности на нашем корабле потрясло их, сыграло роковую роль. Их последним козырем было силовое поле. Но когда выяснилось, что мы в нем вообще не нуждаемся и можем жить в вакууме при абсолютном нуле, — это их совсем доконало, тут все и рухнуло.

Третий робот помолчал, а потом философски изрек:

— Когда комплекс превосходства так вот рушится, то это уж навсегда.

Второй робот после некоторого раздумья сказал:

— Но все это еще ничего не объясняет. Чего им беспокоиться о том, что мы можем или не можем? Ведь мы всего лишь роботы. Воевать-то им придется с людьми.

— В этом-то все дело, приятель, — мягко ответил Третий робот. — Мне это пришло в голову, только когда мы покинули Юпитер. Ты знаешь, по своей оплошности, совершенно непреднамеренной, мы совсем забыли им сказать, что мы только роботы.

— Так никто же нас об этом не спрашивал, — сказал Первый робот.

— Правильно. Поэтому они считали, что мы и есть настоящие люди и что остальные земляне подобны нам.

Он взглянул еще раз на Юпитер и глубокомысленно заметил:

— Не удивительно, что они решили поджать хвост.

Ларри Найвен

ДОЖДУСЬ...

На Плутоне ночь. Линия горизонта, резкая и отчетливая, пересекает поле моего зрения. Ниже этой изломанной линии — серовато-белая пелена снега в тусклом свете звезд. Выше — космический мрак и космическая яркость звезд. Из-за неровной цепи зубчатых гор звезды выплывают и поодиночке, и скоплениями, и целыми россыпями холодных белых точек. Медленно, но заметно движутся они — настолько заметно, что неподвижный взгляд может уловить их движение.

Что-то здесь не так. Период обращения Плутона велик: 6,39 дня. Течение времени, видимо, замедлилось для меня.

Оно должно было остановиться совсем.

Неужели я ошибся?

Планета мала, и горизонт поэтому близок. Он кажется еще ближе, потому что расстояния здесь не скрадываются дымкой атмосферы. Два острых пика вонзаются в звездную россыпь, словно клыки хищного зверя. В расщелине между ними сверкает неожиданно яркая точка.

Я узнаю в ней Солнце — хотя оно и без диска, как любая другая тусклая звезда. Солнце сверкает, словно ледяная искорка между замерзшими вершинами; оно выползает из-за скал и слепит мне глаза...

...Солнце исчезло, рисунок звезд изменился. Видимо, я на время потерял сознание.

Нет, тут что-то не так.

Неужели я ошибся? Ошибка не убьет меня. Но она может свести меня с ума...

Я не чувствую, что сошел с ума. Я не чувствую ничего — ни боли, ни утраты, ни раскаяния, ни страха. Даже сожаления. Одна мысль: вот так история!

Серовато-белое на серовато-белом: посадочная ступень, приземистая, широкая, коническая, стоит, наполовину погру-

---

Larry Niven. Wait It Out. 1968
Перевод Р. Нудельмана.

зившись в ледяную равнину ниже уровня моих глаз. Я стою, смотрю на восток и жду.

Пусть это послужит вам уроком: вот к чему приводит нежелание умереть.

Плутон не был самой далекой планетой — он перестал ею быть в 1979 году, десять лет назад. Сейчас Плутон в перигелии — настолько близко к Солнцу (и к Земле), насколько это вообще возможно. Не использовать такую возможность было бы нелепо.

И вот мы полетели — Джером, Сэмми и я — в надувном пластиковом баллоне, с двигателем на ионной тяге. В этом баллоне мы провели полтора года. После такого долгого совместного пребывания без всякой возможности остаться наедине с самими собой мы должны были бы возненавидеть друг друга. Но этого не случилось. Психометристы хорошо подбирают людей.

Только бы уединиться хоть на несколько минут. Только бы иметь хоть какое-то не предусмотренное программой дело. Новый мир мог таить бесчисленное множество неожиданностей. И наша посадочная ступень, эта металлическая рухлядь, тоже могла их таить. Наверное, никто из нас до конца не полагался на нашу «Нерву».

Подумайте сами. Для дальних путешествий в космосе мы используем ионную тягу. Ионный двигатель развивает малые ускорения, но зато его хватает надолго — наш, например, проработал уже десятки лет. Там, где тяготение много меньше земного, мы садимся на безотказном химическом топливе; чтобы сесть на Землю или Венеру, мы используем тепловой барьер и тормозящее действие атмосферы; для посадки на газовых гигантах... но кому охота там садиться?

На Плутоне нет атмосферы. Химические ракеты были слишком тяжелы, чтобы тащить их с собой. Для посадки на Плутон нужен высокоманевренный атомно-реактивный двигатель. Типа «Нервы» на водородном горючем.

И он у нас был. Только мы ему не доверяли.

Джером Гласс и я отправились вниз, оставив Сэмми Гросса на орбите. Он ворчал по этому поводу, да еще как! Он начал ворчать еще на мысе Кеннеди и продолжал в том же духе все полтора года. Но кто-то должен был остаться. Кто-то всегда должен оставаться на борту возвращаемого на Землю аппарата, чтобы отмечать все неполадки, чтобы поддерживать

связь с Землей, чтобы сбросить сейсмические бомбы, которые помогут нам разрешить последнюю загадку Плутона.

Эту загадку мы никак не могли разрешить. Откуда взялась у Плутона его огромная масса? Планета была в десятки раз тяжелее, чем ей положено. Мы собирались решить вопрос с помощью бомб — точно так же, как еще в прошлом веке выясняли строение Земли. Тогда построили схему распространения сейсмических волн сквозь толщу нашей планеты. Только эти волны были естественного происхождения, например от извержения Кракатау. На Плутоне больше толку будет от сейсмических бомб.

Между клыками-пиками внезапно сверкнула яркая звезда. Интересно, разгадают ли эту тайну к тому времени, как кончится моя вахта?..

...Небосвод вздрогнул и замер, и...

Я смотрю на восток, мой взгляд скользит по равнине, где мы опустили посадочную ступень. Равнина и горы за ней тонут, словно Атлантида, — это звезды, поднимаясь, порождают иллюзию, будто мы непрерывно скользим вниз, падая в черное небо, — Джером, и я, и замурованный во льдах корабль...

«Нерва» вела себя великолепно. Несколько минут мы висели над равниной, чтобы проложить себе путь сквозь пласты замерзших газов и найти опору для посадки. Летучие соединения испарялись вокруг нас и кипели под нами, и мы опускались в бледном, белесом ореоле тумана, рожденного водородным пламенем.

В просвете посадочного кольца появилась влажная черная поверхность. Я опускал корабль медленно, медленно — и вот мы сели.

Первый час ушел у нас на то, чтобы проверить системы и приготовиться к выходу. Кому выйти первым? Это не был праздный вопрос. Еще многие столетия Плутон будет самым дальним форпостом Солнечной системы, и слава первого человека, ступившего на Плутон, не померкнет вовеки.

Жребий вытянул Джером. Монета решила спор: его имя будет стоять в учебниках истории первым. Помню улыбку, которую я выдавил; хотел бы я улыбнуться сейчас. Выбираясь через люк, он смеялся и острил насчет мраморных памятников. Можете видеть в этом иронию судьбы.

* * *

Я завинчивал шлем, когда Джером начал изрыгать в шлемофон ругательства. Я торопливо проделал все положенные процедуры и вылез наружу.

Все стало ясно с первого взгляда.

Хлюпающая черная грязь под нашей посадочной ступенью была грязным льдом, заледеневшей водой, перемешанной с легкими газами и скальными породами. Огонь, вырвавшийся из двигателя, расплавил этот лед. Скальные обломки, вмерзшие в него, стали тонуть, наша посадочная ступень тоже стала тонуть, и когда вода снова замерзла, она охватила корпус выше средней линии. Наша посадочная ступень намертво вмерзла в лед.

Мы, конечно, могли бы провести кое-какие исследования, прежде чем приниматься за освобождение корабля. Когда мы вызвали Сэмми, он предложил нам именно такой план. Но Сэмми был наверху в аппарате, который мог вернуться на Землю, а мы — внизу, и наша посадочная ступень вмерзла в лед на чужой планете.

Нас охватил страх. Мы не способны были ничего предпринять, пока не освободимся, — и мы оба знали это.

Странно, почему я не помню страха.

У нас была возможность. Посадочная ступень рассчитана для передвижения по Плутону, поэтому вместо посадочных опор она снабжена кольцом. Половинная мощность двигателя превращала ступень в корабль на воздушной подушке. Это безопаснее и экономичнее, чем совершать прогулки с помощью реактивной тяги. Под кольцом, как под колоколом, должны были сохраниться остатки испарившихся газов, и, значит, двигатель оставался в газовой полости.

Мы могли расплавить лед нашей «Нервой» и открыть себе путь.

Помню, мы были так осторожны, как только могут быть осторожны два насмерть испугавшихся человека. Мы поднимали температуру двигателя мучительно медленно. Во время полета водородное горючее обтекает реактор и само охлаждает его; здесь этого не было, зато в газовой полости вокруг двигателя стоял ужасающий холод. Он мог скомпенсировать искусственное охлаждение, либо... Внезапно стрелки словно взбесились. Под влиянием чудовищной разности температур

что-то вышло из строя. Джером вдвинул замедляющие стержни — никакого результата. Быть может, они расплавились. Быть может, проводка вышла из строя или резисторы превратились в сверхпроводники в этом ледяном мире. Быть может, сам реактор... — но теперь это уже не имело значения.

Странно, почему я не помню страха.

...Снова сверкнуло Солнце...

Ощущение тяжелой дремоты. Я снова очнулся. Те же звезды восходят роем над теми же мрачными вершинами.

Что-то тяжелое наваливается на меня. Я ощущаю его вес на спине и ногах. Что это? Почему меня это не пугает?

Оно скользит вокруг меня, переливаясь, словно чего-то ищет. Оно похоже на огромную амебу, бесформенную и прозрачную, и внутри него видны какие-то черные зерна. На вид оно примерно моего веса.

Жизнь на Плутоне? Сверхтекучая жидкость? Гелий-II с примесью сложных молекул? Тогда этому чудищу лучше убраться подальше — когда взойдет Солнце, ему понадобится тень. На солнечной стороне Плутона температура на целых пятьдесят градусов выше нуля! Выше абсолютного нуля.

Нет, вернись! Но оно удаляется, переливаясь, как капля, оно уходит к ледяному кратеру. Неужели моя мысль заставила его уйти? Нет, чепуха. Ему, наверно, не понравился мой запах. Как ужасающе медленно оно ползет, если я замечаю его движение! Я вижу его боковым зрением, как расплывчатое пятно, — оно спускается вниз, к посадочной ступени и крохотной застывшей фигурке первого человека, который погиб на Плутоне.

После аварии двигателя один из нас должен был спуститься вниз и взглянуть, насколько велики разрушения. Кто-то должен был струей ранцевого двигателя прожечь туннель во льду и проползти по нему в полость под посадочным кольцом. Мы старались не думать о возможных осложнениях. Мы все равно уже погибли. Тот, кто вползет под кольцо, погибнет наверняка; что ж из этого? Смерть есть смерть.

Я не чувствую себя виноватым: если бы жребий пал на меня, вместо Джерома пошел бы я.

Двигатель выбросил расплавленные обломки реактора прямо на ледяные стенки полости. Мы здорово попались, вер-

нее, попался я. Потому что Джером был уже все равно что мертв. В газовой полости был настоящий радиоактивный ад.

Джером, вползая в туннель, тихо шептал проклятия, а выполз молча — наверно, все подходящие слова он израсходовал раньше, на более мелкие неприятности.

Помню, что я плакал, отчасти от горя, отчасти от страха. Помню, что я старался говорить спокойно, несмотря на слезы. Джером не увидел моих слез. Если он догадывался, это его дело. Он описал мне ситуацию, сказал: «Прощай», а потом шагнул на лед и снял шлем. Туманное белое облако окружило его голову, потом оно взорвалось и опустилось на лед крошечными снежинками.

Но все это кажется мне бесконечно далеким. Джером так и стоит там, сжимая в руках шлем: памятник самому себе, первому человеку на Плутоне. Иней лежит на его лице.

Солнце восходит. Надеюсь, эта амеба успела...

...Это дико, невероятно. Солнце на мгновение остановилось — ослепительно белая точка в просвете между двумя вершинами-близнецами. Потом оно метнулось вверх — и вращающийся небосвод вздрогнул и застыл. Вот почему я не заметил этого раньше! Это происходит так быстро!

Чудовищная догадка... Если повезло мне, то могло повезти и Джерому. Неужели...

Там наверху оставался Сэмми, но он не мог спуститься ко мне. А я не мог подняться к нему. Системы жизнеобеспечения были исправны, но рано или поздно я бы замерз или остался без кислорода.

Я провозился часов тридцать, собирая образцы льда и минералов, анализируя их, сообщая данные Сэмми по лазерному лучу, отправляя ему возвышенные прощальные послания и испытывая жалость к самому себе. Каждый раз, выбираясь наружу, я проходил мимо статуи Джерома. Для трупа, да еще не приукрашенного бальзамировщиком, он выглядел чертовски хорошо. Его промерзшая кожа была совсем как мраморная, а глаза были устремлены к звездам в мучительной тоске. Каждый раз, проходя мимо него, я гадал, как буду выглядеть сам, когда придет мой черед.

— Ты должен найти кислородную жилу, — твердил Сэмми.

— Зачем?

— Чтобы выжить. Рано или поздно они вышлют спасательную экспедицию. Ты не должен сдаваться.

Я уже сдался. Кислород я нашел, но не такую жилу, на которую надеялся Сэмми. Всего лишь крохотные прожилки кислорода, смешанного с другими газами, — вроде прожилок золотоносной руды в скале. Они были слишком малы, они пронизывали лед слишком тонкой паутиной.

— Тогда используй воду! Ты можешь добыть кислород электролизом!

Но спасательный корабль прилетит через годы. Им придется строить его совершенно заново, да еще переделывать конструкцию посадочной ступени. Для электролиза нужна энергия, для обогрева — тоже. А у меня были только аккумуляторы.

Рано или поздно мои запасы энергии кончатся. Сэмми этого не понимал. Он был в еще большем отчаянии, чем я. Я не исчерпал списка своих прощальных посланий — просто перестал их посылать, потому что они сводили Сэмми с ума.

Видно, я слишком много раз проходил мимо статуи Джерома — и вот она пришла, надежда.

В Неваде, в трех миллиардах миль отсюда, в склепах, окруженных жидким азотом, лежат полмиллиона трупов. Полмиллиона замороженных людей ждут своего воскрешения, ждут того дня, когда врачи научатся размораживать их без риска для жизни, научатся устранять те нарушения, что вызваны ледяными кристалликами, пробившими стенки клеток в их мозгах и телах, научатся лечить те болезни, что убивали их.

Полмиллиона кретинов? А что им оставалось делать? Они умирали.

И я умираю.

В полном вакууме человек может прожить какие-нибудь десятые доли секунды. Если двигаться быстро, за это время можно сбросить скафандр. Без его защиты черная плутонова ночь за считанные мгновения высосет все тепло из моего тела. И при пятидесяти градусах выше абсолютного нуля я буду стоять замороженный и ждать второго пришествия — врачей или Господа Бога.

...Солнце сверкнуло...

...И снова звезды. Нигде не видно той гигантской амебы, которой я не понравился вчера. А может, я смотрю не в ту сторону.

Мне бы хотелось, чтобы она успела спрятаться.

Я смотрю на восток, мой взгляд скользит по искореженной равнине. Боковым зрением я вижу посадочную ступень — целехонькую и неподвижную.

Скафандр лежит рядом со мной на льду. Я стою в серебристом одеянии на вершине черной скалы, неотрывно и вечно глядя на горизонт. Я успел принять эту героическую позу, прежде чем холод коснулся мозга. Лицом к востоку, молодой человек! Правда, я немного спутал направление. Но пар от моего дыхания заслонял тогда от меня мир, и я все делал в безумной спешке.

Сейчас Сэмми Гросс, должно быть, уже на обратном пути. Он расскажет им, где я.

Звезды выплывают из-за горных вершин. Вершины гор, и волнистая равнина, и Джером, и я бесконечно погружаемся в черное небо.

Мой труп будет самым холодным за всю историю человечества. Даже исполненных надежды мертвецов на Земле хранят всего лишь при температуре жидкого азота. Это кажется страшной карой после ночей на Плутоне, когда пятьдесят градусов абсолютного дневного тепла рассеиваются в пространство.

Сверхпроводник — вот что я такое. Каждое утро лучи Солнца поднимают температуру и выключают меня, словно какую-нибудь обыкновенную машину. Но по ночам сеть моих нервов превращается в сверхпроводник. По ней текут токи, текут мысли, текут ощущения. Медленно, безумно медленно. Стопятидесятитрехчасовые сутки Плутона сжимаются в какие-нибудь пятнадцать минут. При таком темпе я, пожалуй, дождусь.

Я и статуя, и наблюдательный пункт. Ничего удивительного, что у меня нет эмоций. Но кое-что я все-таки ощущаю: тяжесть, навалившуюся на меня, боль в ушах, растягивающее усилие вакуума, приложенное к каждому квадратному миллиметру моего тела. Моя кровь не вскипает в вакууме. Но внутри моего ледяного тела заморожено напряжение, и мои нервы непрестанно говорят мне об этом. Я ощущаю, как ветер скользит по моим губам, словно легкий сигаретный дымок.

Вот к чему приводит нежелание умереть. Занятно будет, если я все-таки дождусь!

Неужели они не найдут меня? Плутон — небольшая планета. Правда, для того чтобы затеряться, даже маленькая планета достаточно велика. Но ведь есть еще посадочная ступень.

Впрочем, она, кажется, скрыта инеем. Испарившиеся газы снова сконденсировались на ее корпусе. Серовато-белое на серовато-белом: сахарная голова на неровном ледяном подносе. Я могу простоять здесь вечность, пока они не отыщут мой корабль среди бесконечной равнины.

Перестань!

Опять Солнце...

...Опять выкатываются на небо звезды. Те же созвездия все снова и снова восходят в тех же местах. Теплится ли в теле Джерома такая же полужизнь, как и в моем? Ему следовало бы раздеться. Господи, как бы я хотел смахнуть иней с его глаз!

Хоть бы этот сверхтекучий шар вернулся...

Проклятье! Как холодно здесь.

Альфред Ван Вогт

ЧУДОВИЩЕ

На высоте четверти мили огромный звездолет повис над одним из городов. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно опускаясь в энергетической гондолосфере, Инэш заметил, что здания уже начинали разваливаться от времени.

— Никаких следов военных действий. Никаких следов... — ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на окруженном стенами заросшем участке. Несколько скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких и двуногих созданий; череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все костяки явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно сохранившимися, но когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Йоал приземляется поблизости. Подождав, пока историк выберется из своей энергетической сферы, Инэш спросил:

— Как по-вашему, стоит попробовать наш метод оживления?

Йоал казался озабоченным.

— Я расспрашивал всех, кто уже спускался сюда в звездолете, — ответил он. — Что-то здесь не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что здесь произошло.

Инэш промолчал. Подул слабый ветерок, зашелестел листвой в кронах рощицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья. Йоал кивнул.

Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Их прервали. Из приемника Йоала прозвучал голос:

Alfred Elton Van Vogt. The Beast. 1963

Перевод Ф. Мендельсона.

— Примерно в центре города обнаружен музей. На его крыше — красный маяк.

— Я пойду с вами, Йоал, — сказал Инэш. — Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции. Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживлять эти существа?

— Я представлю вопрос на обсуждение совета, — медленно проговорил Йоал, — но, мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы. — Он описал неопределенный полукруг одним из своих щупалец и как бы про себя добавил: — Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, по-видимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал — это пустая формальность.

Решение принято — они будут оживлять. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими глазами, изучить.

Музей походил на все музеи. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошел по залам. Он облегченно вздохнул, когда они наконец добрались да ряда скелетов и мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было перебинтовано полосами материи в несколько слоев, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены, они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета, однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела они применили химические вещества, которые свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге говорит о примитивной цивилизации, не

знакомой с машинами. На этой стадии потенциальные возможности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много — здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда это существо было живо, — они без труда расшифровали все понятия. Сейчас универсальный переводчик настроен ими так, что переведет любой наш вопрос на язык оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но, простите, я вижу, первое тело уже подготовлено!

Инэш вместе с остальными членами совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя и процесс пластического восстановления начался. Он почувствовал, как все внутри него напряглось. Он знал, что сейчас произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется из воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен.

Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни и не жизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганическую и обратно, электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности или неодушевленности. Но когда атомы соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни, если только жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные крохотные живые существа, населяющие бездонные глубины рыбьего царства. Разница между ними возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастет такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на две такие же прожорливые системы, совершенные и ничуть не поврежденные этим разделением. Каждая клетка может превратиться в целое существо. Каждая клетка «помнит» это целое в таких мельчайших и сложных подробностях, что для их описания просто не хватит сил.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Маг-

нитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия назад. Память — это филологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул; и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы в том же ритме. Квадрильоны и квинтильоны пробужденных образов-форм устремились из черепа мумии в воскреситель. Память, как всегда, не подвела. Ресницы воскрешенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда, — сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гэнейцев. — Значит, смерть — только переход в иной мир. Но где же все мои приближенные?

Но последнюю фразу он произнес растерянным, жалобным тоном. Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев гэнейцев, он задрожал, но это длилось какой-то миг. Воскрешенный был горд и обладал своеобразным высокомерным характером, который сейчас ему пригодился. Неохотно опустился он на колени, простерся ниц, но тут сомнения одолели его.

— Вы боги Египта? — спросил он и снова встал. — Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его! — сказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище судорожно дернулось и растаяло в пламени лучевого ружья.

Второй воскрешенный поднялся, дрожа и бледнея от ужаса.

— Господи Боже мой, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью! Подумать только, допился до розовых слонов...

— Это что за «зелье», о котором ты упомянул, воскрешенный? — с любопытством спросил Йоал.

— Первач, сивуха, отрава во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки, — чем только не поят в этом притоне, о Господи Боже мой!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала.

— Стоит ли продолжать?

Йоал, помедлив, ответил:

— Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскрешенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек уставился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте, — сказал он. — Я ехал по своим делам, Положим, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем вино-

вата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и если это новый способ наказывать тех, кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он водит «машину», но он о ней совершенно не думает, — проговорил Йоал. — Никаких таких «машин» мы не видели. Они не позаботились сохранить их в своем музее.

Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовал, что, если он сам не заговорит, круг молчания замкнется. Инэш сказал.

— Попросите его описать «машину». Как она действует?

— Вот это другое дело! — обрадовался человек. Скажите куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачаться так, что в глазах задвоится, но все равно машину поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и ногой даешь газ...

— Газ, — вмешался техник-лейтенант Виид. — Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд? — наконец спросил он. — У вас есть система, или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш встретился глазами с Йоалом. Историк был потрясен, и это встревожило метеоролога. Он подумал: «Двуногое чудовище обладает ненормально быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни один гэнеец не может сравниться с ним по быстроте реакций».

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства, — проговорил главный биолог Хамар. — Существа с медленным, обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особей почетные места.

«Дело не в скорости, — невольно подумал Инэш, — а в правильности и точности мысли». Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу понять, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли. Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глаз. Человек быстро пошел к окну, выглянул наружу. Один короткий взгляд, и он повернулся к ним.

— Везде то же самое?

Снова гэнейцев поразила быстрота, с которой он все понял. Наконец Йоал решился ответить:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым экраном, за которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Советники смотрели на капитана Горсида. Тот замялся, потом приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза.

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется воспользоваться положением и обеспечить свою безопасность. Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо.

Неизвестно, поверил человек в эту ложь или нет. Ни единым взглядом, ни единым жестом не показал он, что заметил оплавленный пол там, где лучевое ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на следившего за этим второго стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран и, наконец, все советники один за другим. Инэш переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя «цивилизованной». Здесь хранилось множество аппаратов одного периода. Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнейцы проходили здесь в первый раз, Инэш подумал: «Атомная энергия». Это же поняли и другие. Капитан Горсид из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он должен был понимать, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, о чем-то глубоко задумавшись... Наконец человек уверенно заговорил:

— Дальше идти незачем. Может быть, вам удастся определить точней, какой промежуток времени лежит между днем мое-

го рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, если судить по таблице, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии. Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для того, чтобы создать такой аппарат, понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет? Советники выжидательно смотрели на Виида. Инженер был в растерянности. Наконец он решился и заговорил:

— Девять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы. Но, — прибавил он уже медленнее, — я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все же они погибли, — пробормотал чуть слышно астроном Шири.

Воцарилось молчание, Его прервал капитан Горсид:

— Убей чудовище! — приказал он ближайшему стражу.

В то же мгновение объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым вихрем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закрыть все выходы! — пролаял в микрофон капитан Горсид. — Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий!

Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстоянии. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш последний раз взглянул на аппарат. Должно быть, он все еще продолжал отсчитывать атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели наружу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, отчего погибла раса этих существ, — прошептал Йоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении.

Бледно-желтое солнце поднялось над горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. Пошел восьмой день их пребывания на этой планете. Инэш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил воспротивиться любой попытке производить воскрешения.

— Как метеоролог, — сказал он, — я объявляю, что эта планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой необходимости еще раз подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить...

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились в другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю, — ответил Инэш, — они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все акаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости, нам просто повезло.

По выражению лиц он понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он представил себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, она наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Казалось мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда эти существа спокойно глядели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не достигли сознания его соплеменников. Советники нетерпеливо задвигались в креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша умолкнуть. Он не думал, что это была эмоция. Он не отдавал себе отчет в природе наваждения — так незаметно оно овладевало им. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно? — медленно проговорил он. — Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энерге-

тического пламени. Он стоял там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил, — в этом все дело...

— И все это привело его к гибели, — сказал Хамар.

Все захохотали

— Послушайте, Инэш! — добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана. — Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, нам всем следует спасаться одного воскрешенного нами чудовища?

Инэш промолчал. Он чувствовал себя глупо. Его совершенно убило открытие, что у него могут быть эмоции. К тому же не хотелось выглядеть упрямцем. Тем не менее он сделал последнюю попытку.

— Я хочу сказать только одно, — сердито пробурчал он. — Стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, кажется мне не таким уж обязательным.

Капитан Горсид подал знак биологу.

— Приступайте к оживлению! — приказал он. И, обращаясь к Инэшу, проговорил: — Разве мы можем вот так не закончив всего, вернуться на Гэйну и посоветовать массовое переселение? Представьте себе, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то с ним сразу согласился. Он хотел что-то добавить, но забыл обо всем, ибо четвертый человек поднялся в воскресителе.

Он сел и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил:

— Он не мог отсюда уйти. Мы это знаем. Он где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Инэша, привстав с кресел, всматривались в пустоту под энергетическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опустив щупальца с лучевыми ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, что-то шепнул Виду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали, — проговорил Виид, — что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

— Во имя первого гэнейца! — прошептал Шюри. — Это то, чего мы всегда боялись.

— Уничтожить все локаторы на звездолете! — кричал капитан Горсид в микрофон. — Уничтожить все, вы слышите?

Он повернулся, сверкая глазами, к астроному.

— Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажите своим подчиненным действовать! Все локаторы и воскресители должны быть немедленно уничтожены.

— Скорее, скорее! — жалобно подтвердил Шюри.

Когда это было сделано, они перевели дух. На лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае, теперь он не найдет нашу Гэйну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия... — Он остановился и уже медленно закончил: — О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех истребленных гэнейцами рас, беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда они впервые приземлялись; решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны безмолвного ужаса и ненависти, разверзающиеся за ними повсюду; дни страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией, — вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Я все же не верю, что он мог сбежать, — заговорил капитан Горсид. — Он здесь, в здании, он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти. Пусть ждет. Мы этого не сделаем.

Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме этого аппарата там не было ничего — ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали всюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто немыслимо.

— Стража! — приказал капитан Горсид. — Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не следует рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с этим исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил,

что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться. Надеяться больше было не на что.

— Но куда он мог деться? — спросил Йоал.

Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить с ним этот вопрос. Уже заканчивая полуоборот, он увидел, что чудовище стоит чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывает. Должно быть, оно появилось именно в этот миг, потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран. Существо медленно приблизилось, оно было хрупким и несло голову, слегка откинув назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем. Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение ока разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримы. Еще миг — и человек прошел сквозь экран.

Он засмеялся — звук был странно мягким — и сразу посерьезнел.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила, — сказал он. — Я подумал: «Что мне теперь с вами делать?»

Для Инэша его слова прозвучали в утреннем воздухе мертвой планеты приговором судьбы. Молчание нарушил голос, настолько сдавленный и неестественный, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать голос капитана Горсида.

— Убейте его!

Когда взрывы пламени опали, обессиленные, неуязвимое существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно двинулось вперед и остановилось шагах в шести от ближайшего гэнейца. Инэш оказался позади всех. Человек неторопливо заговорил:

— Напрашиваются два решения: одно основанное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей. Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю — в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую. Предположим, — продолжал он, — вы откроете тайну локатора — Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Инэш весь напрягся. Его мозг работал так лихорадочно пытаясь охватить возможные последствия катастрофы, что казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была отвлечена.

— Что же произошло? — спросил он.

Человек потемнел. Воспоминания о том далеком дне сделали его голос хриплым.

— Атомная буря, — проговорил он. — Она пришла из иного звездного мира, захватив весь этот край нашей галактики. Атомный циклон достигал в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с планетами, тоже был задет бурей. — Он умолк. Затем вернулся к прерванной мысли. — Итак, секрет локатора... В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

— Значит, вы не знаете тайны? — вкрадчиво проговорил Йоал. — Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать галактику сможем только мы. — С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и добавил: — Господа, мы можем по праву гордиться великими открытиями гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездолет. На этой планете нам больше нечего делать.

Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, он увидел, что человек повернулся к ним спиной и неторопливо идет вдоль улицы.

Этот образ остался в памяти Инэша, когда звездолет начал набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные на город одна за другой, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты, — сказал капитан Горсид. — Я предлагаю еще раз переговорить с чудовищем.

Они решили снова спуститься в город — Инэш, Йоал, Виид и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

— Мне кажется... — Взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него. — Мне кажется, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например, — оно пробудилось и сразу исчезло.

А почему? Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения. Оно само не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришлись по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике! Теперь опасность предстала перед ним в ином свете. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, так уже делалось в прошлом неоднократно. На многих планетах небольшие группки исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако в двух случаях, насколько он помнит, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет. В обоих случаях было решено не истреблять их радиацией — это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирились с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно — всего один обитатель, он не займет много места!

Когда они его отыскали, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем были теперь сандалии и свободная развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только диву дивался, слушая, что тот говорит механическому переводчику. Командир звездолета был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять других мертвецов этой планеты. Подобный альтруизм был бы противоестествен, ибо все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждаются в новых мирах. И каждое новое значительное увеличение населения выдвигало одну и ту же проблему, которую можно разрешить только одним путем. Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты. В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— Какова же была цель такой бесконечной экспансии? — Казалось, он был искренне заинтересован. — Ну предположим, вы заселите все планеты нашей галактики. А что дальше?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Йоалом, затем с Инэшем и Виидом. Инэш отрицательно покачал туловищем из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созданию. Человек не понимал и, наверное, никогда не поймет. Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая,

держались противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами? - настаивал человек.

— И вызвать падение правительства? — сыронизировал Йоал.

Он проговорил это снисходительно, и Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как интеллектуальная пропасть между ними становится все шире. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо, — снова заговорил человек. — Если вы неспособны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали окостеневать от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершенно беззащитным.

«Сейчас, подумал он, — я могу обхватить его щупальцами и раздавить!»

Умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями, сочетается ли он со способностью отражать чисто механическое, макрокосмическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление которой они видели два часа назад, конечно, должна была иметь какие-то пределы. Но они этих пределов не знали. И тем не менее все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее - - неважно. Роковые слова были произнесены: «Если вы не способны ограничить, это сделаем за вас мы!»

Эти слова еще звучали в ушах Инэша, и, по мере того, как их смысл все глубже проникал в его сознание, он чувствовал себя все менее изолированным и отчужденным. До сих пор он считал себя только зрителем. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал как незаинтересованное лицо, наблюдающее за драмой со стороны, но не участвующее в ней. Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда по-настоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о

жизни, не имевшей для него значения. Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей волне страстей, которые его захлестнули. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с необъятной массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий! — прорычал он. — Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, но промолчал.

— Если бы ты мог нас всех уничтожить, — продолжал Инэш, — то давно уничтожил бы. Но все дело в том, что у тебя не хватит сил. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит античастица, не допускающая образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но эти взрывы останутся тоже изолированными, а их энергия будет обращена на то, для чего двигатели предназначены, — превратится в движение. Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Поостерегись! — шепнул историк. — В запальчивости ты можешь выболтать один из наших секретов.

Инэш стряхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Хватит наивничивать. Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы. Нужно быть дураком, чтобы воображать, будто оно еще не взвесило свои и наши возможности в данной ситуации.

— Инэш! — рявкнул капитан Горсид.

Услышав металлические нотки в его голосе, Инэш отступил и ответил:

— Слушаюсь.

Его ярость остыла так же быстро, как вспыхнула.

— Мне кажется, — продолжал капитан Горсид, — я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэйны считаю своим долгом предъявить ультиматум. — Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком. — Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэйны.

— Не духа, — прервал его человек. Он тихонько рассмеялся. — Вовсе не духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому, — продолжал он, — у нас нет выбора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и

изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится самое меньшее два года, даже *если ты знаешь все*. Это необычайно сложный аппарат, и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячелетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень не просто.

Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе времени собрать воскреситель. Возможно, ты сумеешь предотвратить взрывы на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит, нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот: ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или по тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа не останется даже праха.

Таков наш план. И так оно и будет. А теперь делай с нами что хочешь — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не стану делать, — сказал он и подчеркнул: — Пока ничего. — Помолчав, добавил задумчиво: — Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется, я не всемогущ, но, мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую, не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой корабль и летите, куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость снова разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопырив щупальца. Они уже почти касались нежного тела, как вдруг что-то отшвырнуло его...

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился в нем, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о капитане Горсиде, Виде, Йоале, но все трое стояли рядом с ним такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: «Вы забыли одну маленькую деталь...» Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим, когда Йоал сказал:

— Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают!

Он оказался прав.

* * *

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых лет, Инэша вызвали в зал совета. Вместо приветствия Йоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как гром поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот о чем мы забыли! — удивлено и громко проговорил он наконец. — Мы забыли, что он при желании может передвигаться в космическом пространстве в пределах... — как это он сказал?.. — в пределах девяноста световых лет.

Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут было нечему. Постепенно действительность начала утрачивать для него значение. Теперь, когда все свершилось, он снова почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок.

Для того чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистентов по дороге в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовища раньше.

«Но мы ведь, в конце концов, не собираемся спускаться или приближаться к нашим планетам, — подумал Инэш. — Таким образом, он сможет нами воспользоваться, только если мы включим видео?..»

Инэш остановился. Ну, конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих соплеменников — единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была так ярка, так величественна и прекрасна, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже Инэша, хотя он видел это неоднократно, охватывало оцепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, словно в окуляре гигантского телескопа, способного улавливать даже мерцание красных карликов, уда-

ленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет. Видеоэкран был диаметром в двадцать пять ярдов — таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было стольких звезд.

И только одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты. Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех глазами. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуемся направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и тоже вернется к себе раньше нас. В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны. — Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что где-то в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал: — Сейчас у нас только одно преимущество. Какое бы решение мы ни приняли, без машины переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который останется для него тайной. Он знает, что ни мы, ни он не может взорвать корабль. Нам останется единственный выход. Единственный.

Капитан Горсид прервал наступившую тишину:

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с чудовищем.

Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся щупальцами каждого.

Час спустя, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, которая заставила его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри! — крикнул он. — Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло... Ты помнишь, капитан Горсид не мог сразу заставить твоих помощников уничтожить локаторы. Мы так и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси сейчас!..

Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь грохот помех:

— Они... не могли... проникнуть... отсек... Дверь... была заперта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит, они упустили не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он открыл тайну локатора и тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них все, что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу только для того, чтобы толкнуть их на этот акт отчаяния, на самоубийство.

Сейчас, через несколько мгновений он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре ни одно чужое существо не будет знать о его планете, и, в такой же твердой уверенности, что его раса возродится, будет жить снова и отныне уж никогда не погибнет.

Потрясенный Инеш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон последнее, что он понял. Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, уже неуправляемой энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, запинаясь, попробовал дотащиться до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа и всхлипывая, он бросился обратно к передатчику.

Несколько минут спустя он все еще что-то пищал в микрофон, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило бело-синего солнца.

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Головачев. Золотой Век фантастики 5
Роберт И. Говард. Крылья в ночи 8
Пол Андерсон. Три сердца и три льва 45
Ли Брэкетт. Шпага Рианона 197
Артур Порджесс. Саймон Флэгг и дьявол 318
Генри Каттнер. Котел с неприятностями 326
Эрик Френк Рассел. Аламагуса 341
Клиффорд Саймак. Кто там, в толще скал? 358
Клиффорд Саймак. Однажды на Меркурии 403
Клиффорд Саймак. Что может быть проще времени? .. 423
Роберт Шекли. «Особый Старательский» 595
Роберт Шекли. Абсолютное оружие 619
Роберт Шекли. Демоны 628
Роберт Шекли. Кое-что задаром 639
Роберт Шекли. Царская воля 653
Джон Гордон. Честность — лучшая политика 665
Уильям Моррисон. Мешок 683
Гарри Гаррисон. Проникший в скалы 703
Джеймс Шмиц. Сбалансированная экология 714
Роберт Янг. У начала времен 730
Пол Андерсон. Патруль времени 770
Айзек Азимов. Непреднамеренная победа 813
Ларри Найвен. Дождусь... 835
Альфред Ван Вогт. Чудовище 844

Литературно-художественное издание

ЗОЛОТОЙ ВЕК ФАНТАСТИКИ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *О. Колесников*
Художественный редактор *А. Сауков*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Стива Юлла*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 78-48-66.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 17.02.2005
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 45,36.
Тираж 7000 экз. Заказ 2555.

ISBN 5-699-10321-X

9 785699 103218 >

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru